Е. Р. Романовъ.

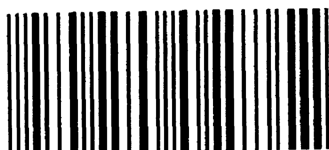
БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

Выпускъ шестой.

СКАЗКИ.

МОГИЛЕВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901

Дозволено цензурою. 6-го Ноября 1901 г.—г. Вильно.



Въ настоящій выпускъ вошли сказки, записанныя мною во время этнографическихъ поѣздокъ, совершенныхъ въ 1888—1891 годахъ на средства Императорскаго русскаго географическаго общества. Въ двухъ изъ этихъ поѣздокъ меня сопровождали П. П. Буднецкій—нынѣ умершій, и К. Т. Аникіевичъ,—бывшіе мои ученики, вышедшіе изъ народа и впослѣдствіи ставшіе учителями сельскихъ школъ. Мною лично записано 49 сказокъ настоящаго выпуска, считая и варіанты; названными спутниками моими записано 7 сказокъ. Затѣмъ, по моимъ укззаніямъ, записали 9 сказокъ сельскіе учителя и учительницы: г.г. Барановскій, Попретинскій, Тихановичъ, Васильевъ и г-жи Горбикъ и Бѣлинская. (См. указ. въ концѣ книги).

Записи сдѣланы въ слѣдующихъ уѣздахъ могилевской губерніи: въ гомельскомъ, гдѣ записано 9 сказокъ, въ быховскомъ—3, горецкомъ—2, климовичскомъ—6, могилевскомъ—1, мстиславскомъ—8, оршанскомъ—3, рогачевскомъ—3, сѣнненскомъ—8, чаусскомъ—5 и въ чериковскомъ—9. Въ витебской губерніи записи сдѣланы въ двухъ уѣздахъ: въ витебскомъ и городокскомъ. Здѣсь записано 7 сказокъ.

О томъ, какъ совершались мои этнографическія поѣздки и какъ производились записи произведеній народной словесности, я говорилъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ (предисл. къ III в., стр. VIII—XIII). Не смотря на дешевое зубоскальство, съ которымъ отнесся въ своей рецензіи Н. Ѳ. Сумцовъ къ этому моему сообщенію, я повторяю, что работы производились именно такимъ образомъ, какъ онѣ у меня описаны. Недостойныя выходки г. Сумцова вообще заслуживали бы того, чтобы на нихъ остановиться для характеристики этого профессора. Но это было такъ давно, прочесть его рецензію я могъ только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ присужденія „Сборнику“ Макарьевской преміи, изданіе настоящаго выпуска крайне замедлилось—и я оставляю всё на совѣсти г. Сумцова, въ томъ числѣ и мою біографію въ Словарѣ Брокгауза, скромно подписанную имъ буквами Н. С. Впрочемъ, „странности“ г. Сумцова уже достаточно отмѣчены въ ученой литературѣ (напр. Рус. Мысль, Живая Старина и др.).

Возвращаясь къ настоящему выпуску, я долженъ заявить, что записи я дѣлалъ попрежнему этимологически. Въ этомъ важномъ

вопросѣ я спрашивалъ мнѣніе академиковъ А. Ѳ. Бычкова и Л. Н. Майкова, и они предпочли оставить записи прежнія, какъ во избѣжаніе пестроты, такъ и потому, что лица, знающія бѣлорусскій языкъ, не затруднятся читать неударяемые *о* и *е* по-русски. Остальные же звуки я старался передать возможно точнѣе.

Вездѣ, гдѣ удареніе разнится отъ общепринятаго, я обозначалъ это акцентной буквой. Съ стр. 60, во избѣжаніе пестроты, мягкое *д* и *т* изображаются вм. *дз* и *ц* буквами д̆ и т̆.

Одна изъ сказокъ—№ 17 записана, въ видѣ образчика, фонетически.

Надъ настоящимъ выпускомъ тяготѣлъ какой то злой рокъ.

Начатъ онъ печатаніемъ **въ 1893 году**, въ Витебскѣ, въ одной изъ частныхъ типографій. По отпечатаніи девяти листовъ, въ 1894 году, собиратель, прослуживши 8 лѣтъ въ Витебскѣ, былъ переведенъ для пользы службы въ самую западную губернію виленскаго учебнаго округа. Печатаніе остановилось на 10 листѣ. Въ 1895 году собиратель былъ переведенъ уже въ самую восточную часть округа. Печатаніе вновь возобновилось. Но въ это время закрылась типографія, и печатаніе вновь остановилось. Позже оно было перенесено въ другую типографію, но она, за множествомъ работы, изготовляла среднимъ числомъ лишь 4 листа въ годъ.

Наконецъ, только въ прошломъ году явилась возможность пріобрѣсти нужный шрифтъ въ Могилевѣ и перевести сюда печатаніе книжки.

Habent sua fata libelli!

Много пришлось имѣть переписки и съ цензурнымъ вѣдомствомъ...

Собранные мною матеріалы еще не исчерпаны. Но я ничего не могу сказать пока о ихъ судьбѣ.

Времени у меня слишкомъ мало, чтобы заняться ихъ разработкой; печатать же сырые матеріалы не хотѣлось бы.

Въ виду того, что предыдущіе выпуски разошлись, можетъ быть, явится возможность пересмотрѣть ихъ вновь, взять оттуда вещи болѣе цѣнныя и издать вторично, съ присоединеніемъ матеріаловъ ненапечатанныхъ. Можетъ быть, представится возможность издать схемы сказокъ, записанныхъ мною, такъ какъ полные тексты напечатать всѣ невозможно.

Могу только сказать, что приму всѣ мѣры, чтобы записи мои не погибли для науки.

Е. Романовъ.

Оглавленіе.

1. Пилачъ—добрый молодзецъ.

У нѣўкоторомъ царствьи, у нѣкоторомъ государствьи живъ сабѣ царь. И ня быдо ў яго дзяцей. Ёнъ ставъ Бога просиць, кабъ яму народзився якій-нѐбудзь отродышъ. И народзився яму отродышъ, Иванъ Ивановичъ сынъ, руській царевичъ. Тоды, ёнъ росъ не по часáхъ, да по минутахъ. Якъ ёнъ заплачець, дыкъ на яго оцецъ и мацъ говòрицъ: «мовчи, мой сынъ возлюбленный,—я цябе жаню на Ялени пріўкрасной!» Дыкъ ёнъ и змóвкнець. Пòтомъ, усцигъ уже до сямнатцаци лѣцяй, и увидавъ на гòродзи полтретъ Ялены пріўкрасной. Пóтомъ прихòдзиць домовъ и говòрицъ на отца свойго, на мацъ: «вы говорили, жéниця мяне на Ялени пріўкрасной!» А ёнъ говóрицъ: ты яще дужа молодъ! Потомъ ёнъ расcярчавъ на отца и на мацярь и ўѣхавъ отъ ихъ во другій городъ, дзѣ находзилась Ялена пріўкрасная. Тамъ ёнъ обнучувавъ дзѣ и ставъ распрашавацъ объ Ялену. Такъ яму отвѣчали: «што табѣ Ялены ниякъ нельзя увидацъ: дзѣствицялно, што яна потъ сохраненіямъ у Пилача—добраго молойца. Силно на яго нападаюць усякія купечаство, кабъ отобрацъ яѐ. И выводзюць яго на площадзь и даюць силныя ўдары. Заўтрашній дзень будуць яго ўзнова на площадзь выводзйць и будуць сто ударовъ давацъ. То ёнъ будзець просиць, што хто залòжиць за мяне сто цалковыхъ, то я буду жаниць яго на Ялени пріўкрасной. Ну, да ты не кладзи дзенехъ первый разъ!» Ну, назаўтряго вывяли яго на площадзь и дали сто ударовъ,—не заклавъ нихто за яго дзенехъ. Тоды старуха яму сказала: «на заўтрашній дзень яго тожа будуць выводзиць, будуць яму назначацъ удары уже ўдвоя, якъ быдо. Ёнъ тожа будзець просиць, кабъ хто заложивъ за яго дзенехъ удвоя, ну ты не кладзи!» Ну, назаўтряго вывяли яго ўзнова, дали двѣсця ўдаровъ,—опяць жа за яго нихто не заложивъ за яго дзенехъ. На третьцій дзень опяць жа хозяйка яму говóрицъ, што будуць яго выводзиць на площадзь, то ёнъ будзець просиць, кабъ за яго заклали дзеньги, якія ёнъ будзець просиць. Такъ яна яму сказала: заложи дзеньги на третьцій дзень! Вывяли яго на площадзь, ёнъ заложивъ за яго дзеньги. Тоды Пилачъ добрый молодзецъ узявъ Ивана царевича исъ собою и повёвъ къ Ялёни пріўкрасной. Пришовши къ ёй и говóрицъ: вотъ, говóрицъ, Ялена пріўкрасная, якого я къ табѣ *кавалера*

привёвъ! Тоды ина сказала яму и говѣрицъ: на што мнѣ кавалеры? Ёнъ на яѐ сказавъ: коли я говорю, довжна слухацъ! И такъ нѣсколькі ўремя яны были ўтроихъ. Тоды ёнъ уже, скушно яму̂ стало тамъ,—ли жа пройцітца, ли жа прокацітца хочетца. Тоды ставъ просицъ Пилача добраго молойца Иванъ царевичъ. Пилачъ добрый молодзецъ заклавъ своихъ добрыхъ пару лошадзей и выѣхавъ зъ города вонъ. Пôтомъ, слышицъ, што за имъ силная погоня: наславъ оцецъ Ивана царевича войська, кабъ отобрацъ Ивана царевича отъ Пилача добраго молойца̂. И ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, знавъ, што за ими силная погоня будзецъ, ну имъ ёнъ не казавъ, кабъ яны не злякались. Тоды ёнъ говѣрицъ: «хорошій я, говорицъ, кучаръ, тольки нѣту у мяне кучарськой шляпы. Обождзица вы тутъ, а я пойду, возьму кучарськую шляпу!» И пошовъ на сустрѣчу къ той къ погони. Сустрѣкаецъ ету погонь, спрашіецъ у яго войсько: ци ня видзѣвъ ты, ня ѣхавъ тутъ Пилачъ добрый молодзецъ съ Яленой пріўкрасной и съ Иваномъ царевичамъ?—А ето, говорицъ, я самый! Тоды яны хоцѣли яго убицъ на мѣсьци. Такъ яны не могли съ орудзіи яго убицъ, а ёнъ дзервянной палкой ихъ поубивавъ усихъ, тольки оставивъ одногô солдата: пойдзи, каецъ, скажи свойму царю, кабъ ёнъ войська больше не церявъ! Ну ёнъ, етый солдатъ, пошовъ исказавъ ето цару. Царь наслâвъ войська ещѐ бôляй, ўдвоя якъ былô. Такъ ёнъ опяцъ жа вороцився къ имъ и поѣхали. И чуецъ ёнъ опяцъ за ими погони. Тоды ёнъ говôрицъ: да, хорошій я кучаръ, тольки нема̂ у мяне кучарськôго кушака! Узявъ и пошовъ къ етому войську. Опяцъ же спрашіецъ войсько у яго: ци ня видзѣвъ ты, тутъ ѣхавъ Пилачъ добрый молодзецъ съ Яленой пріўкрасной и съ Иваномъ царевичамъ?—А ето я, говорицъ, самый! Ну, яны яго хоцѣли съ орудзіи убицъ. Такъ ёнъ узявъ палку дзервянную и поубивавъ ихъ усихъ, тольки оставивъ двухъ чаловѣкъ живыхъ. И приказавъ имъ опяцъ жа: «кабъ царь вашъ войська больше не церявъ: яму̂ Ялены пріўкрасныя и Ивана царевича не отобрацъ отъ мяне!» Цяперя опяцъ жа ёнъ сѣвъ на своихъ лошадзей и поѣхали. И ў третьцій разъ почувъ, опяцъ жа послышавъ, што силная погоня за имъ. Такъ ёнъ опяцъ жа говѣрицъ: хорошій я кучаръ, тольки нема̂ ў мяне сапоговъ зъ длинными голянищами! Злѣзъ ёнъ опяцъ и сустрѣкаетца зъ естымъ войськомъ самымъ. Войсько у яго спрашіецъ: ци не видавъ ты, тутъ ѣхавъ Пилачъ добрый молодзецъ и Ялена пріўкрасная и Иванъ царевичъ? А ёнъ говôрицъ: ето я, говорицъ, самый! Яны яго хоцѣли ўбицъ, такъ ёнъ опяцъ узявъ древяную палку и поубивавъ ихъ усихъ,—оставивъ трёхъ чаловѣкъ. Пôтомъ вороцився назадъ къ своимъ лошадзямъ, ажъ уже на томъ мѣсьци лошадзей нѣту: яны силно спу̂дзились и занясьли ихъ—Ялену пріўкрасную и Ивана царевича, у домъ Кащи̂ безсмертныя. Тая Каща̂

безсмертная Ялену прiўкрасную узявъ къ сабѣ ў комнаты, а Йвана царевича посадзивъ у вособянную хату. Пóтомъ и не приказавъ яму давадь пищи ниякóй. И самъ зъ двора ўѣхавъ, Каща безсмертная. Удрухъ являетца Пилачъ добрый молодзецъ и спрашiець у Ялены прiўкрасной: а гдѣ жъ Иванъ царевичъ? Ина отвѣчала яму̀, што вотъ у отдзѣлной хацы, и приказавъ Каща безсмертный ёй, кабъ не давала ниякихъ харчей яму̀. Ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, сказавъ ёй: «ня слухай яго, а якъ—либо да провизiю яму укра́дня давай; а сама выпытавай у яго, у чомъ у яго смерць *зависиць*!» Пóтомъ самъ ушовъ зъ двора, Пилачъ. Являетца Каща безсмертная. И Ялена прiўкрасная расплакалась перядъ имъ: скажиця пожалуста, у чомъ ваша смерць зависиць? Ёнъ говóрицъ: на што табѣ?—А я, говорицъ, хочу дужа знаць! На яѐ ёнъ сказавъ: а, дура! у вѣнику моя смерць! И самъ опяць жа ушовъ зъ двора. Являетца Пилачъ добрый молодзецъ на дворъ и спрашiець у Ялены прiўкрасной: што ёнъ говоривъ?—Ёнъ говоривъ: у вѣнику яго смерць!—«Илжѐць ёнъ! Ну тольки возьми етый вѣникъ, убяри ў ленты ў хорошiя, стужки, и постанови у шкапъ!» Самъ опяць жа пошовъ. Являетца Каща безсмертная, поглядзиць у шкапъ, ажъ у шкапи стоиць вѣникъ убра́ный. Ёнъ тоды отвѣцивъ на Ялену прiўкрасную: э, дура! говóрицъ. Возьми, говóрицъ, брось у печь, спалиць! Отвѣчала Ялена прiўкрасная: у чомъ жа ваша смерць зависиць?—Моя смерць зависиць у козлѣ! А самъ опяць жа увыйшовъ зъ двора. Являетца Пилачъ добрый молодзецъ и говóрицъ: што ёнъ казавъ?—Ёнъ казавъ, што ў козлѣ яго смерць! И Пилачъ добрый молодзецъ сказавъ: убяри етаго козла у разныя йстужки, у цвяты, и рогъ яму̀ вы̀золоць! Тоды яна узяла яго вобрала такъ, якъ ёнъ сказавъ. И поставила ў шкапъ. Тоды являетца Каща безсмертная ў домъ и поглядзиць у шкапъ, ажъ у шкапи стоиць козёлъ ввобра́ный. Тоды ёнъ говóрицъ на Ялену прiўкрасную: дура! говóрицъ. Загнала козла ў шкапъ, кабъ сцёклы побивъ! Ёнъ сказавъ, кабъ выкинули яго вонъ и отдали собакамъ. Тоды яна опяць стала просиць: у чомъ смерць твоя зависиць? Каща безсмертная отвѣчаець: дамъ табѣ вѣры цяперь, што ты мою смерць прибярегала бъ. Тольки моя смерць не находзитца при мнѣ, а моя смерць далякó. До моѐй смерци три годà надо ицiць, и не на́йдзешъ ниякóй провизiи сабѣ. Моя смерць: на мори стоиць дубъ, у томъ дуби дупло, у дуплѣ сундукъ, у сундуку качка, у качки яйцо, а ў яйцы моя смерць!.. Пошовъ ёнъ зъ двора, являетца Пилачъ добрый молодзецъ. Цяпера спрашiець у яе: што ёнъ сказавъ табѣ?—Ёнъ сказавъ, што яго смерць далякó: на мори стоиць дубъ, у томъ дуби дупло, у дуплѣ сундукъ, у сундуку качка, у качки яйцо, а ў яйцы смерць!.. Такъ ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, пошовъ къ Ивану царевичу: дайка мнѣ дзенехъ ты-

сячъ дзесятокъ, мнѣ надо на три годы побѣдацъ! Иванъ царевичъ давъ яму́ дзенехъ. Пришовъ ёнъ у госьцинницу и заказавъ ли сябе обѣдъ— усякія животныя по дзесяцъ паръ. Такъ уси удзивлялися зъ яго, Пилача добраго молойца̀. Приготовили яму́ обѣдъ и приготовили дзесяцъ бочакъ вина. Ёнъ побѣдавъ и виномъ запивъ и отправився по Кащи безсмертныя смерцъ.

Ишовъ ёнъ два годы больше якъ съ половиной, и недалёко у́же было йцицъ. И захоцѣлося яму́ силно ѣсцъ. И сустрѣвъ ёнъ кошку, и самъ сабѣ говбрицъ: уловлю я ету коцёшка и зъѣмъ яго живого! Коцёнокъ яму отвѣчавъ: ня губи ты мяне, я табѣ у большой пригодзи стану! Ну, ёнъ раздумався и пошовъ опяцъ: ня у́бивъ того коцёнка. Сустрѣкаецъ вовка̀ и говорицъ: дай я етаго вовчонка изловлю и зъѣмъ, и можа, якъ дойду до мѣста! Вовчанбкъ отвѣчавъ яму́: ня губи мяне: ты мною силно не подъясй, а тольки зубъя поломаешъ,—а я табѣ у большой пригодзи стану! Ёнъ оставивъ яго, ни бивъ, ни ловивъ, и пошовъ. Опяцъ жа бяжицъ собака. Друхъ ёнъ собаку етаго хоцѣвъ зловицъ и яго хоцѣвъ зьѣсцъ. Собака яму отвѣчавъ: ня губи ты мяне, я табѣ у́ большой пригодзи стану! Удрухъ ёнъ оставивъ яго и самъ пошовъ. Прихбдзицъ къ мору и смотрицъ на мбря. На мори стоицъ востровъ, на востровu дубъ. И думаецъ ёнъ: якъ до яго добратца? И самъ сабѣ говбрицъ: говоривъ мнѣ вовкъ,—што у́ большой пригодзи стану! Кабъ ёнъ ко мнѣ сюды! Удрухъ являетца вовкъ. Пилачъ добрый молодзецъ садзився на яго и перѣжджавъ на востровъ къ дубу. И смотрицъ на дубъ: якъ жа на яго узобратца? И надумався: говорила мнѣ кошка, што у́ большой пригодзи стану! Являетца кошка, уздралась на етый дубъ, у дупло. Вывярнула оттуда сундукъ. Пбтомъ ёнъ сундукъ етый узявъ и сѣвъ на вовка опяцъ и выѣхавъ на бѐрехъ. Сѣвъ на бѐрези и разломавъ сундукъ. Выскочила съ сундука качка и спря̀чилась у трясьнйкъ (тростникъ). Ёнъ начавъ думацъ, што дзѣлацъ. «Говоривъ мнѣ собака, што у́ большой пригодзи стану!» Являетца собака и пошовъ по трясьнику́. Уловивъ тамъ качку и принёсъ къ яму́. Пилачъ узявъ качку; сѣдзя надъ берегомъ, разорвавъ яѐ—вывалилось яйцо у́ мбра. Тоды ёнъ ставъ думацъ, што дзѣлацъ. Узявъ, надумався. Узявъ, съ своѐ головы вырвавъ волбсься, сплёвъ небольшую вудочку, закинувъ вудку у́ мбря и споймавъ *рибку уродзи* золотой. Рибка яму́ отвѣчала: не бяри мяне, я табѣ у́ большой пригодзи могу стацъ! Тоды ёнъ говбрицъ: ну, пойдзи жъ, мнѣ вы̀нясь яѐчко, я у́бросивъ у мбря! Яна пошла, риба, на дно искацъ яечко. Спросила у́ другой рибы: ня видала яѐчка? Риба отвѣчаецъ: ня видала! Спрашіецъ у раковъ: ня видали яечка, раки? Раки отвѣчаюцъ, што старый ракъ споймавъ яечко. А дзѣжъ ёнъ?— У кабакѣ пъянствуецъ! Сыскали рака. Ракъ вынясъ яѐчко, отдавъ Пилачу.

Пилачъ ето яечко ўзявъ и понёсъ домовъ, къ Кащу безсмертному. Приходзиць къ Кащу безсмертному, Кащи нема дома. Ёнъ ето яечко на плиту. Являетца Каща безсмертная къ плицѣ, хочець яечко вотобрацъ. Ну Пилачъ добрый молодзецъ не допусьцивъ и зжохъ тоя яечко соўсимъ. Якъ яечко испалилось, Каща безсмертная пóмяръ.

Цяперя ёнъ остався исъ Яленою прiўкрасною, съ Иваномъ царевичамъ. Запрягали яны лошадзей и ўѣжджали у царство къ Ивану царевичу, къ отцу. Ѣдучи имъ по дорози, захоцѣлося спацъ Ялени и Ивану царевичу. И спрашуюць у Пилача: хочетца намъ крѣпко спацъ? Отвѣчавъ Пилачъ д. м.: ложицеся спацъ! Яны сичасъ жа уснули, а Пилачъ такъ лежавъ потъ каретой. Друхъ прилетаець на ету карету три голубы и стали брукувàць: «Ѣдзець Иванъ царевичъ къ отцу къ мацери ў госьци съ Яленой прiўкрасной. Оцецъ жа доволенъ етому, а мацъ-то не весьма довольна прiѣзду Ивана царевича и Ялены прiўкрасной, ну (но) исъ хитросьцю ихъ жалаець приняць къ сабѣ: жалаець ина ихъ отрáвиць. И приготуець ина имъ чай, нальéць у стаканы, то яны нехай ня пъюць, а нехай по полу разольюць, то увидзюць изъ естаго чаю примѣты: коли разольюць, такъ загоритца чай у тыхъ мѣстахъ, гдзѣ разольюць, отъ силныя сульмы. А хто слышиць, да скажець, дыкъ до колѣнъ кáменямъ станець!» Сказавши етакъ и поляцѣли. И тольки слыхавъ Пилачъ д. м. ето, што голубы говорили. Проснувся Иванъ ц. и Ялена пр. и поѣхали опяць. Нѣсколькі ўремя проѣхали, опяць жа имъ захоцѣлось спацъ. Удрухъ яны отвѣчаюць Пилачу д. м.—хóчемъ мы крѣпко спацъ! Остановився Пилачъ д. м. лошадзьми. Яны лягли у кареци спацъ, а Пилачъ д. м. потъ каретой. Яны жъ сичасъ уснули, а Пилачъ д. м. такъ ляжйць потъ каретой. Прилетаюць опяць жа три голубы на карету, и опяць жа стали говорйць: «Ѣдуць Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери ў госьци. И оцецъ весьма радъ ими, ну мацъ не такъ-то. Мацъ жалаець ихъ опяць жа такъ стрябйць, отрáвиць. Приготýець ина имъ жаркóя; яны нехай не ядуць, а нехай пó полу раскйдуюць. Дыкъ и полъ мѣстами повыгориць тыми, идзѣ жаркоя ляжиць. А хто слышиць да скажець, той по поясъ кáменямъ станець!..» И поляцѣли. И нихто етаго ня чувъ, окрóми Пилача, д. м. Ну, тоды проѣхали яны опяць жа нѣскольки уремя, захоцѣлось имъ опяць тожа спацъ. Яны отвѣчали Пилачу д. м.—хочетца намъ крѣпко спацъ! Пилачъ д. м. остановився лошадзьми. Яны опяць жа лягли у кареци спацъ, а Пилачъ д. м. потъ каретой. Друхъ прилетаюць три голубы на карету, стали разговариваць: «Ѣдуць Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери у госьци. Оцецъ весьма доволенъ ими, а мацъ не весьма довольна, и жалаець ихъ страбиць. Посьцéлиць имъ посьцель—одны будуць ножи да шабли; ну имъ замѣтно будзець, што подушки хорошiя. Нехай яны у тую посьцель

не ложатца спаць, а ляжуць на голомъ полу. А яна увидзиць, што яны спяць на голомъ полу, и будзець къ имъ лѣзць у вокошко, кабъ ихъ своими руками смерци придаць. Якъ будзець яна лѣзць у вокошко, нехай яны отрубюць ёй палцы ли примѣты. А хто чуець и скажець, и ўвесь ка́менямъ станець!..» И тольки чувъ Пилачъ д. м. Пріѣхали яны къ отцу, и оцецъ ими весьма доволенъ. По хитросьци и мацъ тожа. Потóмъ, принимали ихъ къ сабѣ. Наливала яна имъ чай; а яны етый чай не пили, а по полу разлили,—полъ загорѣвся. Пилачъ д. м., якъ ѣхали, сказавъ ня ѣсць, ня пиць и на посьцель не ложитца. Яна етымъ осталась недовольна, ну тольки ще ня выказувала хитросьци своёй, а обходзилась коло ихъ хорошо. Поднашивала имъ жаркоя, яны опяць жа ня ѣли, раскйдали по полу. Полъ мѣстами и выгорѣвъ. Тоды постлала яна имъ посьцель. Яны пошли спаць, да не ложилися на посьцель, а ляглй на полу. И ўдрухъ смотрйць—у вокошко лѣзець яго мацъ. Такъ ёнъ узявъ и отрубивъ ёй пальцы. Яна отвалилась назадъ и закричала: хоцѣвъ сынъ зарѣзаць мяне! Назаўтраго вутро собиралася большая *публика* и судзили яго, якъ наказанію здзѣлаць. Думали здзѣлаць наказанія яго на растрѣлъ. Ўдрухъ ёнъ отвѣчавъ Иванъ ц., што у мяне ёсь чаловѣкъ такій, што мнѣ исказавъ усё, якая мнѣ будзець приготовленія; за *ецимъ* самымъ я издзѣлавъ такъ! И спросили у яго сичасъ чаловѣка того. Иванъ ц. вызывавъ своѓо скрываецеля, Пилача д. м. У Пилача д. м. испрашивали: якъ ты могъ знаць ето, хто табѣ исказавъ?—Мнѣ сказали три голубы етыя пришшесьвіи! Публика у яго испросила: ну, раскажи, якъ ето было, якъ табѣ казали? Ёнъ ставъ говорйць: «Первый разъ приляцѣли три голубы и сказали: ѣдзець Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери у госьци; ну мацъ ихъ хочець отруцйць. Якъ дась имъ чаю, нехай ня пьюць, а по полу разольюць! Яны ня пили, узяли по полу разлили, и полъ загорѣвся. А хто чуець, да скажець, по колѣно ка́менямъ станець!..» Такъ и ставъ Пилачъ д. м. по колѣно ка́менямъ. «Тоды другій разъ приляцѣли голубы и кажуць, што поставиць имъ мацъ жаркоя, и яны нехай не ядуць, а по полу раскйдуюць!.. Яны ня ѣли, а раскйдали—полъ мѣстами и выгорѣвъ. А хто чуець, да скажець, по поясъ ка́менямъ станець!» И ставъ по поясъ ка́менямъ Пилачъ, добрый молодзецъ. Публика видзиць ето дзѣло и говóриць: нехай чаловѣкъ понапрасному не погибаець! Пилачъ д. м. отвѣчаець: «што слышивъ, то ўсё раскажу! Третьцій разъ приляцѣли голубы, сѣли на карету и говорили: ѣдзець Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери ў госьци, ну мацъ хочець ихъ стра́пиць: посьцéлиць имъ посьцелю—одны ножи да сабли. Яны нехай у той посьцели не ложатца, а нехай лягуць на полу и смотрюць; якъ будзець къ имъ мацъ лѣзць у вокно, то нехай пальцы отрубюць ли примѣты. А хто ето чуець, ды скажець, той увесь

ка́менямъ станецъ!» И ставъ увесь каменямъ. Оправдали Ивана ц., и жанився ёнъ на Ялени пр. Прожили яны годъ, народзився имъ нарождзе́нецъ. И видзицъ во снѣ Иванъ ц.: говбрицъ яму Пилачъ добрый молодзецъ: «э, говбрицъ, Иванъ ц.! народзився у васъ наслѣдникъ, и коли жалаецця вы мяне воскрясицъ, возьмиця, етому маленькому рябёнку разрѣжця ме́зиный палецъ, и скольки сыйдзе́цъ крыви̇̀, помажця етый камень на́ўхрисць,—такъ я могу устаць!» Проснувся Иванъ ц. и ўходзицъ къ Ялени пр. Смотрѝцъ, ажъ ина родзила рябёнка. Удрухъ ёнъ ставъ расказавацъ свой сонъ. И расказавъ Ялени пр. етый свой сонъ, такъ яна и сказала: што скольки ёнъ насъ сберегавъ, то надо яго тожа узбяречь! Узяли разрѣзали *гетому* рябёнку ме́зиный палецъ и спусьцили крыви̇̀ можецъ исъ одну каплю. Узяли понясьли икъ тому каменю и помазали той камень на́ўхрисць. Такъ той камень развалився, и Пилачъ д. м. вышавъ оттуда, и ставъ изъ ими проживацъ. И цяперь живе́цъ.

С. Радомля, чаусск. у. Отъ кр. Семена Ясонова, 25 л., негр. Произведеніе подверглось въ сильной степени позднѣйшей передѣлкѣ.

2. Булатъ—добрый молодецъ.

Иванъ Ивановичъ рускій царевичъ бывъ пребольшій охотникъ у крэгли гулять съ хлопцами. Отъ ёнъ разъ значить палками швыравъ у крэгли, а йде́ женщина, бабка. Тая палка отско́чила, да той бабцы по нозѣ. Яна озирнулась назадъ, хто ето швырнувъ,—ажно Йванъ Ивановичъ рускій царевичъ. Тогды йна говбра: «Иванъ Ивановичъ, не со мною табѣ гулять, а ёсть у цара Кирбита царевна Кирбитовна,—отъ съ той табѣ погулять!» Ёнъ сабѣ задумався: игдѣ жъ мнѣ разыскать яе? сабѣ такъ думая. Пришовъ домовъ, собрався ў дорогу и поѣхавъ. Отъ ёнъ ѣхавъ, ѣхавъ, скольки дней, сутокъ, и самъ не зная, куды ѣдя. «Што жъ, кажа: ѣхавъ я, ѣхавъ, скольки дней—сутокъ ѣхавъ, ничого не бачивъ!» Поѣхавъ дальше, и на третьтія сутки пріяжджая ў лѣсъ. Пріяжджая ето ёнъ у лѣсъ, ажно стоить хатка. Ёнъ подъяжджая къ хати и говора на лакея: «*поди*, лакей, значить, спроси, игдѣ царевна Кирбитовна живе́!» Пошовъ лакей спрашавать; ёнъ, ня 'жидая лакея, самъ соскочивъ спросить. Уходя ў тую хатку, тамъ бабка. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ! Куды ѣдешъ, Иванъ Ивановичъ? Ёнъ говора: ѣду я къ ца́ру Кирбиту! хочу дочь посватать!—«Што жъ ты, говора, ѣдешъ? заяжджай ко мнѣ на хватеру, я тябе наўчу, якъ достать яѐ! Ёсть, говора, у цара Кирбита Булатъ добрый молодецъ. Ёнъ яго хоча, Булатъ д. м., скасова̀ть, значить, цара Кирбита: хоча яго збить, зломать и по кольлю мясо потыркать. Дакъ царъ Кир-

битъ будя продавать Булата добраго молотца. Дакъ ты иди, кажа, на базаръ и якъ ты убачишъ, хто будя ў зялѣзьзи окованъ, дакъ того й купляй!» Ёнъ вышавъ на базаръ; ходивъ—ходивъ по народу—усё простонародія такоя: вотъ, хто якъ ба ў свитки, той у чекманю, той у сяртуку́, а зъ зялѣзьзямъ не на́йдя ниякъ. Тогды ёнъ уже хотѣвъ домовъ итить, ажъ тутъ на яго й натра́пивъ: водять яго, у зялѣзьзи уко́ваный весь. Вотъ то, значить, самый и Булатъ добрый молодецъ. Тяперъ ёнъ, царъ Кирбитъ, яго продае́ за то, што ёнъ хоча яго збить и зломать, по кольлю мясо потыркать. Тогды ёнъ пошовъ на базаръ и ўбачивъ, што царъ Кирбитъ водя Булата добраго молодца, ў зялѣзи окованъ увесь, и продае яго. Тогды ёнъ икъ цару Кирбиту потхо́дя и гово́ра: «Здрастуй, царъ Кирбитъ! Продае́шъ ты добраго молотца?»—Продаю!—«Што ты за яго просишъ?»—Сто рублей!.. Яму подало́ся, што ето дорого. Прихо́дя ёнъ зъ ярмалки ня купивши домовъ, икъ бабцы, на хватеру. Бабка й говора: што жъ ты, купивъ Булата д. м.?—Нѣ, бабушка, ня купивъ!—Почаму ты ня купивъ?—Да подалося мнѣ дорого!—Якъ ето ты? кажа. Што ёнъ просивъ, тоя ты довжо́нъ заплатить! Ну, повячерай да ложись спать, а Богъ батька!.. Назаўтраго рано наставила яму́ самоваръ, напоила яго, накормила. «Ступай жа ты, кажа, на базаръ и ўбачишъ цара Кирбита, и гляди жъ, штобъ ты беспремѣнно купивъ Булата д. м. Што ёнъ будя просить за яго, дакъ ты довжонъ давать! Ну ёнъ пошовъ, напавъ яго на базары и говора: «Здрастуй, царъ Кирбитъ!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ!—«Царъ Кирбитъ, продае́шъ ты Булата д. м.?» —Продаю!—«Што ты за яго хочешъ?—Двѣстя рублей! Иванъ Ивановичъ посумлѝвся, ня купивъ,—дорого, значить. Приходя домовъ на хватеру. бабка спрашуя: «Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Купивъ ты Булата д. м.?» Ёнъ каа: ня купивъ!—«А за чимъ ты ня купивъ?»—Дорого спрашуя, зато, бабка, я й ня купивъ!—«Ахъ ты, говора, такій ты, сякій, глупый! Што я табѣ говорила, дакъ ты довжонъ мяне слухать!» Дала яму́ повячерать, ёнъ и лёгъ спать. Вѣдомо, изъ ярмалку жъ поздно пріяжджають. Повутру́ яна яго ўзбудила, накормила яго и напоила. «Ступай жа ты, говора, на базаръ, Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Будя ёнъ знов яго водить, и што будя спрашавать, тоя довжо́нъ платить! А коли ты яго ня купишь, дакъ яго мечъ, а твоя голова доловъ съ плечъ! Ты заѣхавъ не ў своё ўже царство. Што спрашуя, якія деньги, довжо́нъ платить!» Ёнъ выходя на базаръ: «Здрастуй, царъ Кирбитъ!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, р. ц.!—«Продае́шъ Булата д. м.?»—Продаю!—«Што ты за яго просишъ?»—Триста рублей! Подымая вышай. Ёнъ узявъ триста рублей вынявъ и отдавъ за яго, за Булата д. м. Тогды ёнъ узявъ яго и повёвъ на хватеру. Якъ ёнъ бывъ, значитца, окова́нъ, дакъ ёнъ узявъ яго за

цѣпъ да якъ страхнувъ, дакъ усё ето объѣхало. Тогды ёнъ приходя на хватеру и приводя Булата д. м. Ёнъ иде упяродъ, а Булатъ д. м. ззаду. Тогды бабка спрашуя: ну, купивъ ты Булата д. м.?—Купивъ, бабка! Тогды Булатъ д. м. спрашуя: якъ ты, Иванъ Ивановичъ р. ц., хочешъ достать царевну Кирбитовну? Тогды р. ц. Иванъ Ивановичъ и говора: «Булатъ д. м.! я ня могу знать, якъ яé достать!»—Тяперъ, говора, радъ царъ Кирбитъ, што мяне продавъ! Ё у яго сямикрылная лошадь за двянатцатьми вартами. Коли ты сямикрылную лошадь достанешъ, дакъ и царевну Кирбитовну достанешъ!—«Якъ жа, говора, Булатъ д. м., мнѣ яé достать?»—Ты говори, говора: ишовъ царъ Кирбитъ у конюшню и менѣ вялѣвъ, дакъ тябѣ тогды пропустють! Ёнъ, значитца, и идé у конюшню. И говбра вартовщикамъ: здрастуйтя, рабятушки! А яны говбруть: здрастуй, Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Зачимъ ты сюды йдéшъ?—Да ишовъ, говора, царъ Кирбитъ, и мнѣ вялѣвъ! Тогды яны говоруть: нѣ, ёнъ ня йшовъ! А ёнъ говора: нѣ, ишовъ и менѣ вялѣвъ! Ну, другъ другу расказують которые вартовщикй: я бывъ у вотлучцы, а ты заснувъ; вѣрно царъ Кирбитъ ишовъ и яму вялѣвъ! Пропустили яго. Ну, яму первую булò трудно пройти, а тыя якъ по ганкахъ ишовъ. Приходя ёнъ къ послѣдняй вáрти: «Здрастуй, рабятушки!»—Здрастуй! Зачимъ ты сюды йдéшъ?—«А йшовъ царъ Кирбитъ и менѣ вялѣвъ!» А яны яго не пускать; его, значить, до лошади не допускають. А ёнъ говора: коли я пройшовъ первую, што ёнъ менѣ вялѣвъ, и другую пройшовъ, и усѣ, услѣдъ за имъ! Тогды яны й говоруть другъ другу: вѣрно царъ Кирбить пройшовъ, што ёнъ идé. Коли первыя яго пропустили, дакъ намъ уже треба пропустить яго! Ну, ёнъ, тяперака, усѣ вáрты пройшовъ и зайшовъ у конюшню. Зайшовъ у конюшню, поводъ отвязавъ, сѣвъ у стремя и поѣхавъ. Значитца, уворовавъ лошадь. Прiяжджая къ бабцы къ той. Бабка тая спрашуя: «доставъ лошадь?» Говора: доставъ!—«Ну, коли ты лошадь сямикрылную доставъ, дакъ и царевну достанешъ!»—Якъ жа мнѣ яè достать?—«А царъ Кирбитъ будя имшу, по нашаму—службу, править, што продавъ Булата добр. молойца. Дакъ ёнъ выйдя у костёлъ Богу молйтца, и ты йди у костёлъ. Тогды ты убачишъ царевну Кирбитовну, свою нявѣсту.!» Ну, имшà отправляетца, значитца, кончаетца служба. Усѣ повыходили, а Иванъ Ивановичъ р. ц. остаéтца у костéли. Тогды ина яго увидѣла и ина осталась. Тогды ёнъ и говора, Иванъ Ивановичъ: «здрастуй, царевна Кирбитовна! пбйдешъ ты за мяне замужъ?»—Дли милѣйшаго друга зъ десятыя итáжи по полотенцу испущусь!.. Приходя ёнъ домовъ, Булатъ д. м. яго и спрашуя: видавъ ты царевну Кирбитовну?—Видавъ, говора, Булатъ д. м.!—Што яна табѣ объяснила?—Дли милѣйшаго друга по полотенцу къ табѣ испущусь!—Ну, садись жа, говора,

подъяжджай къ ёй! Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Зравнявся зъ естымъ вокошкомъ; яна почула, што ёнъ зравнявся зъ яѐ вокошкомъ—штось дѣлала тамъ—то яна ўзяла, полотенца за щибе́лку защапила, и спустилась къ яму́ на стремя. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, тогды обнимая ихъ ночь. Булатъ добрый молодецъ котёлъ разбивъ, ихъ накормивъ и спать положивъ. Чуя ёнъ топъ конскій и посвистъ чаловѣчацкій. Чуя ёнъ ето дѣло, ёнъ свою бронь узявъ и на часахъ ставъ. Шле́ царъ Кирбитъ роту солдатовъ: «гдѣ нападе́тя Ивана Ивановича р. ц., штобъ яго збили, зломали, по колью мясо пото́ркали, а царевну до двора узяли!» Тогды Булатъ д. м. сустракая ихъ. «Здрастуй, братъ! ти ня видѣвъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевны Кирбитовны?»—А я, говора, Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Шатнувъ своёй бро́няй направо—налѣво, усихъ избивъ, оставивъ усяго пять чаловѣкъ, и гово́ра имъ: ступайтя, скажитя свойму цару Кирбиту, сукиному сыну, штобъ ёнъ бо́ляй не славъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! А самъ вярнувся назадъ, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, и на сямикрылнаго коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая тёмная ночь. Ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать положивъ. Свою бро́ню ўзявъ и на часахъ ставъ. Чуя топъ конскій и по́свистъ чаловѣчацкій, значить, идуть и свищуть. Шле́ царъ Кирбитъ два полкѝ солдатовъ. «Гдѣ нападе́тя Ивана Ивановича р. ц., штобъ яго збили, зломали, по колью мясо пото́ркали!» Ёнъ ихъ сустрака́я.—«Здрастуй, братецъ! ти не видавъ ты Ивана Ивановича рускаго царевича и царевны Кирбитовны?»—А я, говора Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Ёнъ своей бро́няй шатнувъ направо—налѣво, усимъ головы откосивъ, оставивъ скольки, и каа: идитя, скажитя свойму ца́ру Кирбиту, с. с., штобъ ёнъ не славъ, людей не теравъ,—усимъ ето будя! Самъ назадъ вярнувся, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая ночь. Стали и заночевали. Ёнъ котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать уложивъ. Самъ свою бро́ню ўзявъ и на часахъ ставъ. Чуя ёнъ топъ конскій и по́свистъ чаловѣчацкій. Шле́ царъ Кирбитъ три полкѝ солдатовъ, штобъ яго збить и зломать, Ивана Ивановича р. ц., и по колью мясо поторкать, а царевну до двора ўзять. Ну, ёнъ ихъ сустракая. Яны говоруть: здрастуй, братецъ! ти не видавъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевны Кирбитовны?—А я, говора, Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Своёй бро́няй шатнувъ направо—налѣво, усимъ головы откосивъ, оставивъ тольки на 'твѣтъ пять чаловѣкъ. «Идитя, говора, къ свойму ца́ру Кирбиту, с. с., скажитя, нехай ня шле́, людей не терая,—усимъ ето будя! Вярнувся назадъ, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня уссадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ

ѣхать, обнимая ихъ ночь. Иванъ Ивановичъ р. ц.—тутъ ночавать, а Булатъ д. м.—проѣдомъ дальше! Той, значитца, дальше ѣхать, а Иванъ Ивановичъ: тутъ ночевать! Булатъ д. м. рассердився, узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, и спать ихъ уложивъ. А самъ рассердився, пошовъ на дорогу зъ голыми руками, якъ стойть, не ўзявъ брони. Чўя топъ конскій, пóсвистъ чаловѣчацкій. Сустракая ихъ,—шесть полковъ шлé царъ Кирбитъ: гдѣ нападéтя, яго збитя, зломайтя, по кольлю мясо поторкайтя, а царевну до двора! Яны говорутъ: здрастуй, братецъ! Ти не видавъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевну Кирбитовну и Булата д. м.?—Здрастуйтя, здрастуйтя! Я самъ, говора, Булатъ д. м.! Вотъ яны стали яго воявàть мятлàми тамъ, протчими, а Булатъ д. м. якъ хвативъ дуба, у чатыре ухваты за вяршйну, да якъ покативъ но ихъ, дакъ усихъ чисто подушивъ, побивъ, ажъ юшка зь ихъ потяклà. Тольки оставивъ десять чаловѣкъ отвѣтъ цáру дать: ступайтя и скажитя свойму цáру Кирбиту, с. с., штобъ боляй не посылавъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! Вярнувся самъ назадъ, ихъ узбудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня усадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая ночь. Иванъ Ивановичъ говора тутъ ночевать, а Булатъ говора дальшай ѣхать. А Иванъ Ивановичъ: тутъ ночевать! Ёнъ узявъ, рассéрдився: ночевать, дакъ ночевать! Котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ и спать уложивъ. А самъ зъ голыми руками на дорогу пошовъ. Чуя топъ конскій, пóсвистъ чаловѣчацкій. Шлé царъ Кирбитъ девять полковъ солдатовъ, штобъ яго збить, зломать, мясо по кольлю поторкать, а царевну до двора. Ёнъ идé къ имъ безъ усякой брони, зъ голыми руками. «Здрастуй, братецъ! Ти не видавъ ты Ивана Ивановича, и царевну Кирбитовну, и Булата д. м.?» —Здрастуйтя! Я, говора, Булатъ д. м.! Яны стали яго воевать, а ёнъ выхвативъ дубъ у восямъ ухватовъ, да повярнувъ направо й палѣво—усихъ ихъ и откосивъ. Тольки оставивъ сляпыхъ да хромыхъ, которыя не приступились. Тольки тыя и остались. Ёнъ имъ говора: идитя и скажитя свойму цару Кирбиту, с. с., штобъ ёнъ боляй не славъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! А самъ назадъ вярнувся.

Приходя, ажъ сямикрылному лошадю голова прочь, Ивану Ивановичу, р. ц. голова прочь, а царевны Кирбитовны соўсимъ нема—украдена. Тогды Булатъ д. м. и говора: вотъ, Иванъ Ивановичъ р. ц., я казавъ дальшай ѣхать, а ты мяне не послухавъ! Што мнѣ зъ вами дѣлать: табѣ голова прочь, сямикрылному лошадю голова прочь, а царевны Кирбитовны соўсимъ нема! Узявъ ножъ, пузо коню разрѣзавъ, трыбухй вываливъ, самъ у рэбры сѣвъ. Лятитъ крумкачъ старый и молодый. Одинъ говóра: крумъ! а другій: сыръ! Молодый сѣвъ да клёвъ того коня! А Булатъ д. м. яго за ногў и схвативъ! Старый спрашуя: «Булатъ д. м., отпусти ты мойго

сына!»—А, ты, вдроня, говора, по свѣту летаешъ, побольшай за насъ знаешъ: ти ё вода гоющая и живущая? Говора: ё! Подвязуй мнѣ гоющую бутылочку потъ правое крыло, а живущую подъ лѣвое! Булатъ д. м. спрашуя: игдѣ йна ё?—А за дванатцатьми вáртами гоющая; тожа такъ и живущая! Ёнъ подвязавъ ямỳ бутылочки, той воронъ и полятѣвъ. Прилятая къ той крыницы, гдѣ гоющая вода, опустився низянько и лятить. А вартовщики за имъ гонютца, хочуть поймать яго. Ёнъ пролятѣвъ усѣ етыя варты и поднявся ўгору; нависъ на тую крыницу и ўзявъ гоющей воды. Тогды прилятая къ той крыницы, гдѣ живущая вода, и яѐ такъ жа набравъ. Тяперъ ёнъ полятѣвъ назадъ. Прилятѣвъ ёнъ туды, того вдрона сына Булатъ д. м. узявъ и разодравъ напол амъ яго. Тогды зляпивъ, помазавъ гоющай водой—загойлось; помазавъ живущай—оживився. «Ну, ступай, говора, зъ Богомъ!» Пустивъ яго. Тогды узявъ Ивана Ивановича р. ц. зляпивъ; помазавъ гоющай водой—загоилось; помазавъ живущай—оживився. И коня такъ усё 'дно. Тогды й говора Ивану Ивановичу р. ц.: я табѣ говоривъ дальшай ѣхать, а ты казавъ тутъ ночевать. Отъ, якъ ты мяне не послухавъ, то й сямикрылной лошади голова была прочь и табѣ прочь. А гдѣ твоя царевна? Ёнъ говора: ня могу знать! Ну, тогды ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, на сямикрылную лошадь посадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать,—стоить змяиный домъ, на дванатцать паль. Ёнъ такъ, якъ ѣхать, подъѣхавъ къ цáру Идолу и пошовъ къ ямỳ ў горницу. А царевна Кирбитовна убачила яго, дакъ ина рада яму. Тогды выхóдя царъ Идолъ, спрашуя яго: зачимъ ты сюды пришовъ? Ёнъ говора: якоя табѣ дѣло, што я пришовъ? Тогды узявъ, сошкробъ цара Идола, поднявъ яго за волосы ўгору—собравъ усѣ косы—и посадивъ яго на ладоню. Якъ ударивъ ладòняю по ёмъ,—здѣлавъ яго, якъ жидовскую мацу. И кинувъ яго за вокно. Якъ кинувъ яго за вокно, расплывся ёнъ якъ г..но. Тогды царевну за рукỳ и повёвъ. Привёвъ, на сямикрылную лошадь уссадивъ,—сѣли и поѣхали. Обнимая ночь. Ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ и спать положивъ. Свою броню ўзявъ, на часахъ ставъ. Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: «наготовала мачиха Ивану Ивановичу р. царевичу обѣдъ съ отрỳтою: якъ ёнъ изъѣсть, дакъ пронадѐ, а жонка яго будя у яѐ свиньней пасть! А хто ето чуя, да откажа, дакъ кáменямъ стáня!» Ну, ёнъ назадъ воротився, ихъ разбудивъ, котелъ разбивъ, накормивъ, напоивъ и на коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать,—обнимая ночь. «Иванъ Ивановичъ! говора Булатъ д. м.: тутъ трэба ночевать!» —Нѣ, кажа: не далёко до двора, поѣдомъ домовъ! А Булатъ говора: тутъ ночевать! А ёнъ не ўсхотѣвъ. Тогды царевна Кирбитовна говора Ивану Ивановичу р. ц.: «колибъ ёнъ хотѣвъ насъ загубить, дакъ ба ёнъ упрэдъ

насъ загубивъ. Ты яго не послухавъ упяродъ, дакъ и табѣ голова прочь и сямикрылному коню голова прочь; а я гдѣ была?» Ну й заночевали. Ёнъ котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать уложивъ, а самъ броню ўзявъ, на часахъ ставъ. Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: «наготовала мачиха Ивану Ивановичу шубу, золотая звѣзда и сяребраная, зъ гадами съ повзучими и зъ лятучими. Якъ ёнъ ету шубу надѣня, дакъ и пропадѐ; а жонка яго будя у яѐ свиньней пасть. А хто ето чуя да откажа, дакъ ка́менямъ станя!» Ёнъ вярнувся назадъ, ихъ узбудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, на коня уссадивъ; сѣли й поѣхали.

Тяперака Иванъ Ивановичъ р. ц. пріяжджая ко двору. Вынося мачиха шубу сыну: золотая звѣзда и сяребраная, штобъ яму почищай надѣтца и подыйти къ членамъ у сынотъ. Тогды Булатъ д. м. говора: дайка мнѣ помѣрать прэжда! Да за тую шубу, да ў лѣсъ. Тамъ вывалило осиньнику цѣлую десятину. Ёнъ уклавъ у восиньникъ шубу, тогды яго потпаливъ. Якъ стали лятѣть гады лятучія, повзучія! Ёнъ навязавъ мятёлъ, позбивавъ ихъ, позметавъ, усихъ попаливъ, и назадъ вярнувся. Нясуть Ивану Ивановичу р. ц. обѣдать яго мачихи слуги. Ёнъ говора: я свойму барину угождавъ усю дорогу, дайтя я поднясу и обѣдъ! Узявъ, понёсъ; упустивъ и разбивъ. Отратовавъ яго отъ двёхъ смяртей. Тяперака ночи дождались. Яму отводють комлату, Булату д. м., штобъ не спать умѣсти зъ молодыми. А ёнъ гово́ра: я тутъ заночую, коло своихъ молодыхъ! А Иванъ Ивановичъ р. ц. говора: иди, братъ,—табѣ тамъ спокойно будя!—Нѣ, я тутъ буду ночевать! Тогды царевна Кирбитовна говора Ивану Ивановичу р. ц.: «коли ёнъ тутъ хоча ночевать, то нехай ночуя! Што за клопотъ, што мужъ изъ жаной ночуя? Коли бъ ёнъ хотѣвъ насъ страбить, то бъ ёнъ и прэжда загубивъ!» Ёнъ, значить, заночевавъ. Ноччи мачиха присылая трохъ идоловъ, штобъ Ивану Ивановичу р. ц. голову̀ оторвать, а царевну Кирбитовну узять. Идуть яны у самую повночь вокошко выдрали, и лѣзуть у вокошко. А ёнъ сѣвъ подъ вокошкомъ. Ёнъ ухапивъ одного за голову̀, голову̀ открутивъ! Тыя говоруть: лѣзь, братъ, ты! Полѣзъ другій, ёнъ и тому голову̀ открутивъ. Полѣзъ третьтій, ёнъ и третьтяму голову̀ открутивъ. Пошовъ на дворъ, вокошко ўставивъ и ставпю причинивъ. Уходя ў горницу, запаливъ свячу,—смотра, ти ня ўзбрызнула на ихъ кровъ: штобъ моимъ молодымъ стыда ня було! А Иванъ Ивановичъ прошнувся. Зиръ: Булатъ д. м. хотѣвъ страбить насъ! Крикнувъ, гвалтнувъ: хотѣвъ мнѣ ме́чамъ голову̀ отсѣкти! Загадавъ по ўсяму царству крučча наковать и Булата д. м. усяго растерзать. Ну, звѣстно, у яго у часъ здѣлано ўсё, ето не ў на́щинца. Трэба яго уже вывести у чистое пбля и зачапить яго и растерзать во ўсѣ стороны.

Тогды ёнъ сказуя: «дай мнѣ, Иванъ Ивановичъ, р. ц., Богу помолітца и стбраю расказать! Вотъ, говора, якъ я за васъ страждався: Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: наготовала мачиха Ивану Ивановичу р. ц. обѣдъ съ отрутой, и шубу—золотая звѣзда и сяребраная. Якъ ёнъ той обѣдъ зъѣсть, ти шубу надѣня, дакъ пропадѐ, а жонка будя у мачихи свиньней пасть! А на третьтюю ночь пошлѐ на яго трохъ идоловъ, штобъ яму головў оторвали, а жонку ўзяли! А хто чуя да откажа, дакъ каменямъ станя!» Тогды царевна Кирбитовна говора: вотъ, слуга наша вѣрная! А ёнъ уже ка́менямъ ставъ.

Черазъ годъ народився у ихъ сынъ. Тогды Ивану Ивановичу приснилося: «Вотъ, сына страби, вынь серца, и помажъ мяне, дакъ я тогды стану живымъ, и отрочà твоё будя живо!» Ёнъ и сказуя царевни Кирбитовни, а ина говбра: ну, жаль Булата д. м., ну свойго чада-дитяти ще жальнѣй!—Пояждкай ты, царевна Кирбитовна, у костёлъ, и я сичасъ буду! Тяперъ яна отправилась на чатвёрцы у костёлъ, а ёнъ слугамъ приказавъ: сичасъ положить на столѣ рабёнка, и отрубить ямў головў, тогды груди ўзрѣзать и ўзять серца и помазать Булата д. м. тымъ серцамъ! А ёнъ стоявъ якъ вылитый. Ну, якъ ёнъ яго помазавъ тымъ серцамъ, дакъ ёнъ 'страхнувсь, и чаловѣкомъ ставъ, якъ бывъ. Тогды пошли яны у костёлъ. Царевна Кирбитовна убачила, што Булатъ д. м. идѐ—дакъ моѐ чады нема́—стрэбляна,—такъ ина ўпала на полъ, спужалась. Тогды ёнъ говора: «царевна Кирбитовна, не пужайся: твой сынъ якій бывъ, такій и ё—народжонъ опять. Вотъ нясуть твою чаду няньки у костёлъ!» Тольки йна яго убачила, стала, значитца, рада и весела: слава Богу за ўсё! А яго, рабёнка, значитца, сперва страбили и вынили съ подъ яго съ подъ грудей серца, а посли приложили головў и помазали гоющай водой, и загойлось, а тогды живущай—ёнъ и отживився. Ну, помолились Богу и поѣхали ки двору и по радости задали пиръ на ўвесь міръ. И я тамъ бывъ, и мёдъ—вино пивъ, и ў роти ня було и по бородѣ не тякло.

Д. Купреевка, вѣтковск. вол. гом. у. От кр. Кузьмы Андреева 70 л. негр. Разсказъ, вообще, велся сбивчиво, при непрерывныхъ сдерживаніяхъ и напоминаніяхъ записывавшаго. Языкъ отчасти подвергся вліянію великоруссовъ—старообрядцевъ м. Вѣтки.

3. Пётра и Магдалена.

Нѣкоторомъ царстви, нѣкоторомъ государстви, непрамѣнно ў томъ, у якомъ мы живёмъ, бывъ сабѣ такъ вяликій князь. Бывъ у яго сынъ, имяннёмъ Пётра. И булд за тры тыщи вёрстъ у другомъ городи, у Старопольской у зёмли, тожа король, и была ў яго дочь, пракрасная Магдале-

на. И ёнъ, етый король, бывъ лятами старъ. Ёнъ прызываа къ сабѣ свою дочаръ пракрасную Магдалену. Да. Имѣли разговоръ яны мижда субой. «Отъ, говора: дочаръ моя пракрасная Магдалена: кому ето наша *кур*олѐвсьтво достанетца? у насъ, говора, нема наслѣдства ниякаго, кромя васъ. Отъ, колибъ ты нашла такого чаловѣка, што бъ ёнъ уладавъ нашой зямлёй; бывъ бы ёнъ мужъ табѣ, ты яму жана; бывъ бы ёнъ нашаму куролевсьтву забярагатялъ!» —Да. «Отъ, говора, отецъ мой батюшка: поставимъ мы слупъ тры сажни квадратныя у чыстомъ поли, и положымъ на верси моё кольцо, и выпишымъ моѐ потрэты, и вывядомъ пропись унизу потрэта: куды и якъ ѣхать, у якоя значытца царство. И хто, значытца, у мяне улюбуятца, и приѣдя у наша царство, и ня тронучысь съ коня, достаня моё кольцо, ѣдячы у наша царство, той будя мой мужъ, а я яго жана. И будя ёнъ уладиталъ нашаму царству. И ето будя собранія ў тры годы, потому якъ ня ўсовяршэнныхъ лятахъ!» Отъ тяперака и разослали яны етыя потрэты по ўсихъ Яўропіяхъ. И получывъ етый князь, самый етый потрэтъ етый съ прописью, Пятровъ отецъ, и ня хотѣвъ показать сыну свойму, затымъ, што ёнъ одинъ у яго сынъ, штобъ ёнъ ня кинувъ отца свойго и мать, и ня ўѣхавъ у ето царство. И ходивъ разъ Пётра князицкій сынъ у городи по базару, и продаютца етыя картины самыя, потрэты етыя. Ёнъ узявъ и купивъ етую картину и ўлюбився у яе такъ, што ня могъ безъ яе прожыть. Потомъ, приходя ёнъ домовъ—у свой домъ. И спрашуя у свойго отца—матяры: получыли вы яко-нибудь повѣстя съ протчыхъ зямель. Отецъ яму отвястивъ: нѣ, говора, мой сынокъ: мы ня получали ниякихъ звѣстій. А Пётра отвястивъ яму: батюшка, говора: довжны получыть. Я ясно знаю, што вы получыли. Коли жъ вы, говора, мнѣ не покажытя и не благословитѐ, то ўсё равно вамъ не видать сына свойго. Потому што яна у мяне ёсть у кармани,—я не могу жыть безъ яѐ. Ёнъ вынявъ ету карту съ кармана и показавъ свойму отцу на лицо. Потомъ того отецъ говора: мой сынъ! ня ѣдь, каа, туды, потому ты у насъ ядинённый. Ты сабѣ руку отшыбѐшъ, ти ногу, ти зъ лошади упадешъ, а ўже яѐ не достаняшъ!—Да, говора, батюшка: коли ня благословитѐ мнѣ, то я усё равно самъ сабѣ смерть издѣлаю! Сына у васъ тыки ня будя! Отецъ тогды узявъ, яго *ба*гословивъ на етой куролѐвни пракрасной Магдалени, жанитца, и мать дала своё кольцо яму имяннòе, у роди багословенія. И здѣлали корабъ яму и дали яму слугу, которая яна у яго и прэжде была,—уроди подлишника яго (подъ лицо подходя). Ёнъ отправився у тую зямлю у самую, у тоя куролевсьтво, у которомъ объясняла Магдалена пракрасная куролевна ето дѣло здѣлать, собранія ето. Ето хорошо, што скоро кажатца, ну яно ня скоро дѣлалось. Провялось тому два годы съ половиной. На трэтьтій годъ собрались царськія

сыны и князицкія и куролевськія, и съ купцовъ, и съ протчыхъ господъ. И дѣло ето былд собранія, съ перваго и до чатвёртаго часу команда эта была: на коняхъ разъяжжались и доставали кольцо етоя на слупу̂. И много сами сябе портили—ломали руки и ноги, и соу̂симъ убивались до смерти. А посли чатвёртаго часа собирали етыхъ людей и клали у шпиталя̂ ня злячэніе. А у̂ Петра была нанявшы хватера, перваго номеру домъ. И ёнъ нѣскольки урэмя прожывшы тамъ, и самъ сабѣ думаа: пойду-тка и я посмотру собранія етаго, етыя команды! Ёнъ посли ходилъ день и другій и третьтій на ето чудо. Да. И на третьтій день убачывъ етый король, што етый чаловѣкъ зъ благородныхъ людей, да тольки бязъ лошади, пѣшный, и ня йде у дѣйстія. Ёнъ посылаа *малика* къ етому самому къ Петру. Иди, каа, спроси у етаго чаловѣка, откудова ёнъ, зъ якихъ урочыщъ и якая ихъ хвамылія! Маликъ пошовъ, и спросивъ: откудова ты, господинъ? и сказавъ маликъ. Ёнъ яму̂ отвястивъ: я родомъ зъ за бургоньскихъ [1]) горъ. Якъ жа ваша, господинъ, хвамылія? ёнъ спросивъ, маликъ. Ёнъ яму̂ отвястивъ: моя хвамылія Золотыхъ-ключовъ. Ёнъ къ яму приходя, етый маликъ, къ королю и каа: етый господинъ зъ забургоньскихъ горъ, а хвамылія, Золотыхъ-ключовъ, етаго господина имяньнямъ—прозываніямъ Пётра! Етый король вынявъ съ свбяго кармана планъ и ставъ шукать у плани. И шукавъ довго, и не нашовъ такого урочыщa —зъ за бургоньскихъ горъ, и хвамыліи такой—Золотыхъ-ключовъ. Ёнъ малика изновъ пославъ къ яму̂—иди, етаго господина привяди ко мнѣ. Етый маликъ прышовъ къ яму̂ и говора—господинъ пожалуйтя къ нашаму королю,—ёнъ трэбуя васъ. Етый господинъ Петра послухавъ етаго малика и пошовъ къ королю. Етый король ставъ говорыть яму рускимъ языкомъ. Ёнъ понимаа. Потомъ того полатыни ставъ говорить. Ёнъ понимаа. Потомъ того разными языками ставъ говорыть,—ёнъ усякими можа. Етый король тогды говора: вотъ, господинъ: ты учоный чаловѣкъ, а якъ жа ты, суды зайшовъ, да и у̂ дѣйстія ня йдешъ? А ёнъ отвястивъ: я, говора, не ради етаго дѣйстія прыбывъ, а я, говора, шовъ по мору, да тутъ уже почувъ ето дѣйстія, дакъ я вылязъ и нанявъ, каа, домъ сабѣ, посмотрити етаго чуда вашаго. А тяперъ и самъ ня могу знать, якъ мнѣ прыбыть у свою страну, много я остався отъ судна, отъ свойго. Да, дакъ отъ, братъ: васъ зовуть йимяньнямъ Пётра; дакъ ты можашъ у мяне послужыть, я могу дать табѣ оправданія и проходнаю. Я виджу, што ты чаловѣкъ учоный! Пётра поблагодарывъ етому королю: я могу послужыть вамъ! Отъ ёнъ яго поставивъ на конюшни, завѣдовать кучарами. Да. Тяперака дѣло вялдся, покуля кончылось тры годы, команда ета,—мѣсяцъ такъ, ти два.—И етый самый Пётра выяхавъ съ королемъ на той самый,

[1]) Бургонъ—бугоръ, холмъ, гора.

на тую самую команду, *мѣсто* кучара королевськаго. И много дивова́вся на ету команду. И самъ сабѣ усмихнувся и дворэцкому похвалився: я бъ, говора, доставъ ето кольцо у тры минуты. Да. И етый самый дворэцкій доложывъ королю—што вашъ кучаръ, который ѣздявъ изъ вами на ету команду, дакъ исъ протчыхъ смяявся господъ, и хвалився, што я могу достать кольцо у тры минуты, и ня буду трогатца зъ лошади. И король потрэбувавъ къ сабѣ Пётру и спросивъ у яго: ты, Пётра, можашъ достать кольцо?—«Ня знаю, ваша королевськое вяличаство. Протчые люди хитрэй мяне, и то за стольки урэмя ня могли достать. И ў томъ щэ, што у мяне лошади няма!» Етый король дозволивъ ямў выбрать коня якого хоча на конюшни, и ѣхать на ету команду. А самъ поѣхавъ изъ другимъ кучаромъ, король. Тепэръ, етый Пётра выбравъ лошадя на конюшни, засядлавъ, и поѣхавъ. И ѣхавъ во весь 'поръ, шыбко ѣхавъ. Король объяснивъ: господа, отсторонітясь, пуститя свѣжаго! Да. Етый Пётра якъ ѣхавъ, такъ не трогався зъ лошадя и кольцо доставъ. Магдалени пракра́сной курулевни у рукў давъ. По́томъ, посьли етого, команда коньчилася. И здѣлавсь разговоръ съ протчыхъ господъ: хто такій доставъ? И сказано господамъ: ихный кучаръ. Ето са́мое дѣло подали у сано́тъ. Сано́тъ осудивъ, што няльзя простому чаловѣку королевствомъ ўладѣть. Колибъ ёнъ дворанинъ, ти купецъ, ти съ протчыхъ господъ, дакъ ба такъ; а то ёнъ не сознався своёй хвамыліи. Етый король пожаловавъ яго у присуствіи сиклитаро́мъ. И ета пракрасная Магдалена улюбилася у яго, такъ якъ и ёнъ прежде у яѐ. Да й етый самый король, ня могъ дажа кушать безъ яго, трэбувавъ къ сабѣ на обѣдъ. Тяперака, опять жа етый самый король говора до́чцы своёй: ну, дочь моя милая, пракрасная Магдалена: коньчилося тяперака наша ето дѣло,—кому жъ тяперъ доста́нетца царство етое наша? Яна опять отцу сказала: государъ мой батюшка, то було дѣло у тры го́да, а тяперака здѣлаямъ дѣло у тры мѣсяцы! Потому што яна думала такъ, што окромя̀ Пётра нихто етого дѣла ня здѣлая, якъ бы яна ни ўздумала. «Узять, выписать газеты, разослать по ўсихъ Яўро́піяхъ, што́ба собра́лись отъ у такихъ то мѣсяцахъ, отъ у такихъ то чыслахъ, хто жалая получыть Старъ-польское царство и достать мяне у супружаство благовѣрное, и здѣлаямъ мы команду подъ но́мяръ, исъ перваго но́мяра большыхъ членовъ, а съ утаро́го—младшыхъ, которыя ужэ понижайшы у жыжни своёй, значытца, побяднѣйшыхъ, и поставимъ номяръ подъ номяръ, и съ перваго и до десятаго номяра, и будямъ становить девять чаловѣкъ кругомъ, а десятаго чаловѣка у кругу, ў сярадіни. И ўсѣ съ припасомъ, зъ голыми шашками. Хто выйдя изъ круга, изъ девяти чаловѣкъ, цэлый, няра́нятый, той будя мой мужъ и ўладіталъ етой зе́мли!» И ето дѣло здѣлалось скоро, и собранія ето И отецъ яго.

Пётровъ, дожыдавъ сына свойго тры годы, и яго й слыху нѣту. И получывъ етыя газеты, которыя засланы объ королевни объ етой. И посылая свойго, который на жытялстви у яго дворэ бывъ, братъ обяднѣвшый: ѣдь, говора, братяцъ мой, у той городъ у Старпольску зёмлю и спровѣдуй, ти жывъ то мой тамъ сынъ Пётра! Етый самый братъ етаго князя и Пятровъ дядька прыѣхавъ у етый городъ и ставъ у послѣднямъ номяры. Ну, и командували. Якъ скомандуя: разъ—два! такъ усякій и иде, ня гуляя, девять чаловѣкъ и десятый той. И отсякали одинъ одному рукў, ти вухо, што попало; и портили сами сябе, много народовъ. Етый самый Пётра служывъ у етаго царà сиклитаромъ. И пошовъ на ето диво смотрѝти, якъ яны командують и пóртять сами сябе. Дакъ ёнъ тожа стóячы усмихнувся. И ето король замѣтивъ и пракрасная Магдалена. Дождали яны вечара. Пр. Магдалена потрэбувала яго къ сабѣ у палаты, Пятрá, и сѣла на яго колѣно и обняла яго, и имѣла разговоръ прыятный: милый мой другъ, Пётра! будя табѣ заўтрашній день служба! Отецъ мой потрэбуя тябе на ето дѣйствія, которое мы здѣлали, и дасть ёнъ вамъ свой мечь. И вотъ вамъ бархатная лента обвяртѣть дяржáньня у етой мечи, штобъ ты рукъ не помўливъ! На заўтрашній день потрэбувавъ яго король: отъ, Пётра, господинъ сиклитаръ: ты учарá изъ людей смиявся, ну, возьми, попробуйка ты стать у который нибудь номяръ у дѣйствія. Пётра отказавъ, што у мяне, говора, нѣту мяча. Король вялѣвъ принéсти свою мечь. Пётра получывъ мечь отъ короля и ставъ у кружку, у третьтямъ номяры. И тамъ бывъ яго дядька, у томъ номяры (кумпаніи). И жалко ямў булó портить дядьку, разлить кровъ. И сказавъ: господа, вы вышлитя етого чаловѣка зъ естаго нóмяру! Господа отвястѝла: а ето ня чаловѣкъ? ня ўсё 'дно чаловѣкъ? Ёнъ говора: няхай стоить, колѝ ня хóчытя,—ли мяне усё одно! Обкружыли яго девять чаловѣкъ; ёнъ ставъ у сяродки. И здѣлали команду: разъ—два! и стали усякій-сабѣ работáть, якъ яны умѣли. Отъ ёнъ, у кружку стóячы, усихъ девять чаловѣкъ намѣтивъ: которому вухо, которому рукў, котораго такъ ранивъ тольки; а дядьку отсѣкъ на правой руцѣ большый пáляцъ. Тутъ и здѣлалась коньчина етой команьди. Ёнъ утыркнувъ у низъ мечь у землю и кажа: хоть мяне звядѝтя, хоть другій кругъ давайтя! Изъ естыя радосьти или съ пячали ня могъ ёнъ сойти зъ мѣста. Пракрасная курулевна Магдалена сказала свойму отцу: идитя звядитя яго зъ мѣста—ня можа ёнъ сойти! Тутъ протчыя господа крикнули: хто такій здѣлавъ ето дѣло, отличывся у етой штуки? Тутъ сказали, што королевській сиклитаръ. И сказали, што нѣ, говора, няльгà—ня сказано у зáкони, штобъ королевство досталóся сиклитару. Етый Пётра зъ естыя пячали здѣлався бóлянъ. Тяперъ потрэбували къ яму дохтора, и потомъ и другого. Ёнъ сказавъ:

господа, мнѣ дохторэй много ня трэба, а прыставтя мяне у номяръ первый домъ; тамъ ёсть у мяне слуга, товарышъ, и дайтя мнѣ одного дохтора. Былд дохтору прыказанія, штобъ каждый день тры разы ходивъ къ яму̑. А ёнъ дохтору самъ повялѣвъ: ходи ты ко мнѣ у тры дни разъ: я жалу̑дкомъ здоровъ, тольки съ тоски съ своѐ здѣлався нездоровъ! Пракрасная Магдалена ждàла довго отвѣстій отъ Пётра, и присылаа свою дѣвушку у етый домъ изъ грамотою и сказуя: милый мой другъ Пётра! коли ты хоть трбхи почу̑стуешъ здоровъя, отпиши мнѣ, якъ ты мáеcься. Отъ ёнъ узявъ отписавъ, и у̑ложывъ у письмо маткино кольцо своё имяннóя, и отдавъ дѣвцы. Ета пракрасная Магдалена получыла письмо отъ дѣвки и разсмотрùла, што у ёмъ было и кольцо, утройнѣ дорожы за яѐ. Тогды яна узнала, што Пётра не простого колѣна. Тогды яна опять написала письмо и посылаа дѣвкой икъ Пётру опять. И написала: милый мой другъ Пётра! коли ты хочышъ, штобъ я была твоя и у̑ладѣть королевськимъ царствомъ, иди, на базары купи пару лошадей и купи повозочку, и нарадись вотъ у такихъ то часахъ и выяжжай. Я буду стоять наражòная вотъ потъ такимъ то дрэвомъ, посадка такаа.—Мы могомъ уѣхать отсюль съ тобою! Ёнъ узрадовався етой грамоти, и сказавъ своёй слузѣ: пòйдомъ-ка мы, братъ, на гòродъ, купимъ сабѣ пару лошадей, да купимъ сабѣ кибиточку, и будомъ мы хоть своѐ гòра развбзить по городу̑; а то скушно намъ сидѣти тутъ! Отъ яны пошли, купили пару лошадей и купили сабѣ повозочку, и купили лошадямъ кормы—овса. «Ну, штожъ мы, братъ, тяперъ купили лошадей—Пётра отвящавъ слузѣ—а могорычà ня пùли! Пòйдомъ-ка мы выпъемъ вина, или сюды принясбмъ, на хватеру!» Етый Пётра выпиваа, да по малу, а слугу пригоняа, штобъ выпивъ большы. Слуга отвящаа: нѣ, говбра: ня трэба много пить, а трэба лошадей доглѐдить. Пéтръ отвястùвъ: няхай лошади привыкають у хому̑тахъ—а ты пи, ня бойся! Потулѝ яны пилѝ, покулѝ слуга упився. Тогды Пётра запрогъ лошадей и забравъ съ собою грбшай, а слузѣ остальныя кинувъ, и съ той посудой, у якой яны были—съ шкатулкой,—а самъ и поѐхавъ. Прыяжжàа на тбя мѣсто, дѣ яна обящала быть, стоять, стало быть. И ёнъ бача, яна дяржала много одѐжы съ собой. Ёнъ ёй отвястивъ: ня трэба табѣ много одѐжы, и злата, и срэбра—у мянѐ своё ёсть; а возьми одну пару одѐжы съ собой! Яны бросили которыя лишнія вещы, и поѐхали. И ѣхали яны троя сутокъ, ня выпрагáвшы кбняй, и сами ня спавшы. И ѣхали яны глухой дорогой, штобъ погоня ня здогнала ихъ. И прыѣхали яны, около мбра была нябольшаа залùвка такая, и мижда мора и мижда заливки бывъ вы̀сыпъ, островùна такая. И яны уѣхали у етую самую вострозину, што дальшы и ѣхать нéкуды. И на етой островини была травка хорошаа, и дрэвы были. Ёнъ и кажа: отъ, пракрас-

ная Магдалена! давайтяка мы тутъ лошадявъ попасомъ и сами отдыхнёмъ: тутъ насъ нихто ня знайдя! Яна была тожъ даликатнаго нѣжнаго званія.—Яны сѣли на травцы, и положыла голову яна на яго улоньня и заснула. Ёнъ сядѣвъ и боявся трогать яѐ, што няхай поспить. Потомъ того, ставъ разглядавать яѐ одѣжы, и грудь разгарнувъ, и смотрыть—кисетчыкъ шарстяный краснянькій. Ёнъ узявъ яго, съ шыи знявъ и посмотрѝвъ у яго, што ў имъ ёсть. Ажъ тамъ было два кольца—яго мамотяры и яѐ имяннòя. Тяперъ ёнъ узявъ, ето посмотрѝвъ, и ля боку положывъ. А воронъ лятѣвъ, думавъ, што кусокъ говядины и схвативъ етый кисетчыкъ, и поднявсь, и полятѣвъ. Етый Пётра тихонько поднявъ яѐ голову и подложывъ ёй подъ голову, штобъ не потравòжыть ёй сна, и пройшовъ за етымъ за вороноиъ. Думавъ ёнъ, ти не разглѣдя, да ти не брося назадъ доловъ. Ёнъ пролятѣвъ нѣскульки тамъ урэмя, разглѣдивъ, да на мòра и пуствивъ у воду. Пётра смотра, што кисетчыкъ плыве пòверху. Ёнъ пройшовъ бéрагомъ, найшовъ лоточку и два вясéлцы, на ланцужкахъ прикòваны. Ёнъ самъ сабѣ подумавъ: сяду я, параймў етый кисетчыкъ! Шкода ямў було етыхъ двухъ кольцовъ. Ёнъ якъ сѣвъ у лоточку, отъѣхавъ отъ берагу. И ставъ вѣтрыкъ подувать, и погнало яго на мора. И кисетчыка ёнъ ня доставъ и къ берагу ня прыгрòбся. И поднялася штўрма на моры и прыбила яго—плывъ разбойницкій корабъ. И убачывъ етый атàманъ, што мелькаетца штось у валахъ. Ёнъ сказавъ своимъ рабочымъ осначамъ: сядьтя, рабяты, у шлюпку и параймитя—штось малькàя у валахъ! Яны поѣхали и паранялѝ, прывязьли яго на корабъ. Етый атаманъ спрашуя: откудова ты, братъ—или господинъ? Ёнъ исказуя имъ: да вотъ изъ естаго берага, изъ естой стороны. Дакъ вотъ, я поѣхавъ отъ берага, а вѣтрыкъ подувъ, дакъ я ня могъ исправитца изъ вѣтромъ! А ёнъ ужэ кажа: ну, откудова ба ты ня бывъ, дакъ тяперака нашъ ужэ! Вотъ яны якъ пошли на етымъ корабли—зайшли у турэщину и продали яго варвару, который зямлю пахавъ на куплёныхъ людяхъ: засѝлять у плугъ чаловѣкъ трытцать и пашуть на ихъ. И ето булò урэмя ладное.

Тяперака, ета яго пракрасная Магдалена осталàсь. Прошнулась яна отъ сна отъ свойго, и довго ожыдала яго, покудова и солца не зайшло. И осмотрѝла усѣ своѐ вещы—цэлы, тольки нѣту одногò кисетика. Яна сама сабѣ и говорыла: няўжэ ёнъ порадовався етымъ двомъ кольцамъ, нянужъ мною—што кольцы ўзявъ, а мяне кинувъ? И бѣдная довго плакала. И ня могла яна ночавать на зямлѣ. Узлѣзла на дрэво и ўсю ночь проплакала, сѣдючы на дрэви. Дождалася бѣлаго дня и осмотрила—деньги ихъ усѣ цэлы и одѣжа цѣла. Яна узялà которыя лёхкія грошы исъ собой, и бросила кòняй и повозку и ўсѣ вещы. И сама говорила идучы̀ такъ:

Господи милосьливый! не няси мяне у тую сторону̀, дѣ я родилася, дѣ отецъ мой, а няси мяне туды, откудова Пётра! Яна довго ишла, вышла на дорогу на столбовую. И по етой дорозй ишла монашка изъ Ярусалима. Яна говора: здрастуй, матушка! Яна говора: здрастуй, сударыня!—Дѣ были, матушка?—Ходила у святый городъ, у Ярусалимъ, поклонитца святымъ можжамъ!—А большъ ничого, матушка, ня слыхали тамъ?—Нѣ, сударыня, ня слыхали!—Вотъ, матушка, што я буду у васъ просить: дайтя мнѣ чорное платьтя своё, а возьмитя вотъ моё цвѣтное; я щѐ вамъ и приплачу за ето!—Нѣ, сударыня, я съ тобой не замяня̀ю на етое платьтя; а ёсть у мяне у сумки другòя, дакъ я табѣ дамъ тоя! Ну отъ, яны и замяня̀ли, стало быть. Отдала яна платокъ и платьтя своё—а чорное надѣла на сябе. И распростилися, и пошли сами по сабѣ.

И ходила яна тры годы. И прышла за тры годы у етый городъ, идѣ Пётра родився и узросъ. Ходила по городахъ по протчыхъ и по сяла̀хъ, дарыла нищыхъ, молебствы нанимала—живъ, дакъ за здоровья, а померъ, дакъ за у̀покой—усё за Пётра. И прышла у крайняю хату у городи и говора: матушка, пуститя мяне параночавать! Яны сказали: ночуй сабѣ, матушка! Яны дали ёй вячэрать. За вячэрою и спрашуя у хозяйки: отъ, матушка: хто у васъ уладйталь у городи у етомъ? А ета сказала:—матушка! у насъ князь, да й старый ужэ!—А дятей у яго няма? пытаа монашка.—Няма, матушка, отвястила хозяйка. Бывъ одинъ сынъ, ймяньнямъ Пётра,—ну й жалѣли яны яго вельми,—дакъ ёнъ якъ поѣхавъ кудысьто, дакъ и слыху няма—ужэ шэсть годовъ! Да. «Отъ, матушка: якъ ба мнѣ княгиню убачыть?» сказала монашка на хозяйку. Хозяйка каа: а вотъ, матушка, зау̀трашній день свято у насъ; дакъ ты иди икъ собору,—яна будя у соборы. И яна примяча̀а чужыхъ людей, странныхъ. Дакъ яна васъ сама узовѐ къ сабѣ! Назау̀трагo устала монашка и пошла къ собору. И ета княгиня пошла у соборъ, и ишовъ за ёй маликъ, што знимая зъ яѐ одѐжу. Яна и сказала малику: по коньчаніи обѣдьни, позови тую монашку на 'бѣдъ! Отышла обѣдьня, маликъ етый подышовъ, позвавъ къ сабѣ ету монашку. Яны й пошли у етый домъ, князя етаго. Княгиня посадила яѐ обѣдать и за 'бѣдомъ и сказуя: дѣ, матушка была?—княгиня ета. *И*на̀ говóра: страдаю, говора, такъ, по свѣту, вотъ ужэ тры годы.—Штожъ ты такъ молодая страдаяшъ?—А такъ сабѣ, сударыня!—Да, вотъ, матушка: можа дѣ нибудь што слыхала?—Нѣ, сударыня, я ня слыхала ничóго! А у васъ жа, сударыня, ёсть якóя-нибудь наслѣдство, сынъ или дочка?—Нѣ, говора, матушка: бывъ одинъ сынокъ хорошый, да дѣсь-то проявилась пракрасная Магдалена—штобъ яна на свѣти не родилась, якъ яна мойго сыночка звяла̀!—Нѣ, сударыня: Магдалена ня виновата, и Пётра ня виноватъ! Можа идѣ и Магдалена страждая, и Пётра!—Ахъ, дитя̀тка моё

любдя! хорошэ ты мнѣ совѣтуяшъ! можа й правда! Ня пущу я тябе отъ сябе,—жыви ты ў мяне! Отъ яна осталася жыть тамъ. И нѣскульки урэмя прожыла.

Отъ тяперъ, стало быть, етый самый, который купивъ яго, Пётра, вàрваръ, тры годы па ёмъ пахавъ. И ѣхавъ турэцкій пашá—начальникъ. И ишовъ етый народъ за плугомъ, куплёный етый. И пашà смóтра—одинъ чаловѣкъ бытто за ўсихъ виднѣйшый. Ёнъ гукнувъ яго къ сабѣ: ходи ка, братъ, судà! Ёнъ пришовъ къ ямỳ. «Што ты, братъ,—якія ты вѣры-сповяданія?»—Я вѣры-сповяданія—православный!—«Ну, штожъ ты мнѣ даси, я тябе откуплю отъ етыя каторжныя работы?»—Што жъ я вамъ дамъ? Коли хóчытя царство нябéсное заслужыти, дакъ откупiтя! Отъ ёнъ: ну, ступай, каа, братъ зъ Богомъ! Поѣхавъ пашà къ етому къ самому къ купцу, къ вàрвару, и заложывъ за яго грошы, сколькн ёнъ спросивъ за яго. Тогды яго изняли изъ работы и послали къ пашỳ. Пашá етый сказуя: вотъ братъ: я виджу, што ты учоный чаловѣкъ. На которой ты служби жывъ прежде? А ёнъ говора: я бывъ сиклитаромъ прежде! Дакъ ёнъ яго на прежняю службу зновъ и постановивъ. Ну, прожывъ ёнъ тры годы ще на етомъ дѣли. Тяперака, пожаловавъ яго пашá ужэ министромъ. И пробывъ ёнъ и министромъ тры годы. Тяперака, знатца, прожывъ ёнъ усяго шэсть годовъ. Да тры годы пахано на ёмъ. Усяго, знатца, девять лѣтъ. А Магдалена тры годы страждовáла по монашкахъ, покудова дойшла до яго города. И прожыла у яго у дворцэ тры года. И яго дворэцъ бывъ близко ля мора. И найшла яна такоя мѣсто, што задумала построить больницу и храмъ, цэркву, стало быть. И просила янà стараго князя на помочъ: поможытя вы мнѣ! у мянè ё своè грошы, и вы пособитя: што построю я домъ и буду принимать странныхъ людей и буду дяржать я дохтора, и буду пользовать людей ля спасэнія душы своѐ! Етому вяликій князь старався пособить ёй. А Пётра, прожывшы шэсть годовъ у пашы, и ўсё тамъ думавъ объ ёй: идѣ яна? жива яна, ти нѣ? И задумавъ ёнъ домовъ отвѣдать. И сколькн яго ни просивъ турэцкій пашà: останься ты тутъ, будяшъ ты доволянъ мною! Ёнъ жа просивъ тожа пашỳ: отпуститя вы мяне на ўрэмя, отвѣдать родиталявъ своихъ на старости лѣтъ ихъ. Ёнъ яго отпустивъ. И такій то приказъ дáдянъ на прыстань, штобъ остановився корабъ на прыстани и ўзявъ вещы етого министра. И ў яго вящэй булó дватцать чатыры шкатулки золота, и залито масломъ. Отъ ёнъ и пошовъ на корабъ. И бывъ на моры вострювъ такій, къ которому прыставали корабли на ўрэмя, каждый. Етый корабъ прыстававъ тожа къ етому вострову. И вышавъ увесь народъ съ корабля на етый востровъ. И етый министяръ, закурывшы папиросу, и вышавъ и ёнъ. Тяперака, ёнъ якъ вышавъ, и была у яго дума про яѐ—дакъ ёнъ

якъ вышавъ, задумавшысь, дакъ и пошовъ, и пошовъ, дальшы да дальшы. Пóтомъ, ня ўдяржáвся корабъ на прыстани—ставъ большый вѣтяръ,—и довжóнъ бывъ отвалить отъ бéрагу. Попéрадъ збóрку здѣлали. Народъ собрався, параклйкали, ти ўвесь ти нѣ народъ,—и одногó чаловѣка нѣту важнаго. Яны били у колокóлъ—ня слышно. И ударыли съ орýдяй—ня слышно. Корабъ ня ўдяржàвся, пошовъ у ходъ. Етый самый министяръ одумався, што я ишовъ на корàбъ, ето трэба мнѣ итить на корабъ! Ёнъ прышовъ на ето мѣсто, дѣ стоявъ корабъ—корабля нямà! Ёнъ якъ лёгъ на томъ мѣсти, ляжàвъ девять сутокъ. На девятыя сутки прышовъ другій корабъ. И смотруть—ляжыть чаловѣкъ, извёвшись изъ голоду и отъ холоду, чуть жывъ. Яны разсмотрэли, што чаловѣкъ блугурóдный. Атàманъ корабля етаго исказавъ узять чаловѣка етаго на корабъ. «У городи ёсть у насъ бясплатная больница, дакъ коли жывъ будя, отдадимъ у больницу, а коли помрэ, дакъ кйномъ у вóду!» А етыя вещы, которыя пошли упяродъ, яго дватцать чатыры шкатулки золота залитыя масломъ, дакъ яны проходили мимо той больницы, и—отдать, говора, етое масло монашки,—няхàй Богу молитца, на свѣтло попаля. И узяли, изнясли яго етыя самыя вещы. Отъ яна потрэбувала попа и стала молебство править: коли ёнъ жывъ, дакъ за здоровъя, а коли помéръ, дакъ за ўпокой. Тожа и стала потраблять ето масло на свѣтло. Ажъ тамъ золото. Яна узяла и схоронила яго. Ета самая княгиня яѐ кажный день яѐ къ сабѣ трэбуя на вячэру и на бѣдъ. И якъ получыла яна етыя вещы, дакъ яна стала княгини говорыть: отъ, сударыня: послышымъ отъ твойго сына хоть письмо, хоть прыдя у побывку!

Ето яна узрàдовалась, етая самая княгиня. Пóтомъ того прышовъ корабъ, другій етый. И ўзяли знясли етого министра бóльнаго у ету больницу. Ета самая монашка просила дохтора—якъ нямо̀жно выпользовать етаго самаго министра. Потому яны другъ друга ня ўвознали—постарэли дужа. Тяперъ яна стала замячàть, што ёнъ якъ бытто ставъ у чуство прыхóдить. А ўсё-тыки ёнъ пячàлитца у томъ, што ня знаа, адѣ ёнъ ляжыть. Яна замѣтила и приказала своимъ служыталямъ: што изнясите у вособую кóмлату етого господина! Да. Отъ яна яго и спрашуя: объ чымъ, господинъ, ты такъ дужа жýрысься?—Ахъ, говора: мнѣ усё якъ усё, тольки одно зъ думъ ня йдѐ!—Ну, скажы жъ ты мнѣ, господинъ: объ чомъ ты такъ жýрысься?—А вотъ, говора, объ чомъ я журусь: колибъ давъ мнѣ хто грóшый, дакъ я бъ вярнувся бъ къ пашý; а оттуль я бъ попавъ ба къ свойму отцу. А то я тяперъ ня знаю, дѣ нахожуся и кудóй и якъ прыбыть домовъ, къ родиталямъ своимъ. А ящэ, говора, журба другаа: я дѣ нахожусь, то нахожусь, а ящэ у мяне ё *сярдѐшная*,—нямà вѣдома дѣ нахóдитца—жыва яна, ти нѣ? А яна отвящаа: а што, колибъ

я табѣ грошый дала,—ты бъ воротився назадъ?—Воротився бъ, говора. —Дакъ дать табѣ грошый?—Дайтя, говора, пожалуста, матушка. Яна пошла, узяла у свой хвартухъ двоя прыгорщэй золота и ўнясла яму: будя съ тябе, господинъ?—Будя, говора: благодару табѣ! Потомъ того яна говора: сягодьни ня 'тправитясь?—Нѣ, говора: параночую тутъ, покуль подойдя корабъ!—Ну, до свиданія! пойду я повячэраю, говора. Приходя у князицкій дворъ. И тяперъ ето дѣло было у чатьве́ръ потъ пятницу. Сѣли яны вячэрать. Княгиня говора: вотъ, матушка: казала ты, што про мойго сына чутка будя, ажъ во й чутки нямà нияќія! А яна сказала: сударыня, у нядѣлю хоть само́го побачымъ, хоть письмо получымъ, сына вашаго! Ета княгиня обняла яѐ и поцаловала: благодару табѣ, матушка, за твоѐ рэчы хорошыя! Повячэрала и сказала: отъ, сударыня: мнѣ трэба поспявàть; ляжыть чаловѣкъ хворый дужа, дакъ трэба доглѣдить!—Ну, дакъ и зъ Богомъ, яна говора. Вялѣла мальчыку запрэгть коня и отвезть яѐ туды, у больницу. Ета матушка ня ўспѣла прыѣхать, а отъ князя было прыказанія рыбалку, штобъ икъ пятницы приготовàвъ рыбы. Ёнъ поймавъ одну рыбину хунтовъ у десятъ, и тую принёсъ и подавъ на кухни у вокнò. Етыя дѣвки стали чыстыть етую рыбину—нашли кисетъ шырстяный у ей. И стали одна одной говорыть, дивовàтца. А княгиня ишла мимо, и пытая: што ето такòя? А вотъ, сударыня, кисетъ, говòруть, у рыби!—А покажытя-ка, дѣвки, и мнѣ! Яны узяли, ей показали. Яна развярнула ягò, ажъ тамъ два кольца—имяннòя яѐ и Магдале́нино—именнòя то́жа,—два кольцà. Отъ яна, узявшы етыя кольцы и говòра: жыво вы пошлитя за матушкой! Жыва я буду, ти нѣ? Мальчыкъ прыяжжаа у больницу: скорѣй, матушка садитясь со мной,—княгиня будя жыва ти нѣ,—захворэла. Прыяжжаа матушка.—Што тамъ такоя—яна пытая—вамъ издѣлалось?—А вотъ, матушка: вы усё мнѣ унушàли своими словами; а ихъ нѣту на свѣти! Отъ тольки два кольца ихъ нашли у рыбини! Яна кажа: ахъ, сударыня: можа яны ишли на корàбли, можа у рукахъ нясли—можа упустили! А я вамъ говорў йимянно, што у нядѣлю якоя—якоя звѣстя, а будя. А по́томъ, сударыня, мнѣ не́коли—трэба туды поспявàть! Ня вѣртя вы етому! Прыѣхала яна опять у больницу и пошла икъ ямў туды: што ты, говора: крэписься хоть трохи, господинъ?—Да, краплюсь, матушка; да ўсё мнѣ съ ума ня йдѐ, якъ ба тутъ здѣлать? Яна каа: дакъ по чомъ ты такъ журысься? хто у тябе ё окромя̀ отца?—Да вотъ, матушка: была у мяне хозяйка, дакъ я, якъ го̀ра *менѣ* було, дакъ мало про яѐ думавъ; а я кинувъ яе бесчасную на берагў одну! Яна отвястѝла: што, господинъ? коли бъ ты увидавъ яе, радъ ба ты бывъ, ай нѣ? А ёнъ отвястивъ:—колибъ я вѣдавъ, дѣ яна живѐ, дакъ колибъ были крылушки, дакъ я бъ полятѣвъ, дѣ яна живе,—ко-

либъ вѣдавъ!—Што вы мнѣ, господинъ, дасте́, дакъ я вамъ покажу яѐ? —А дѣ жъ ты возьме́шъ яе́?—А я пойду Бога попрошу, дыкъ ёнъ мнѣ покажа яе́! Ну, дакъ показать вамъ яе́?—Да покажы жъ, пожалуста, матушка! Ну, яна пошла у свою ко́млату, умылася, зачасала голову̀ проти зеркала, одѣла своё платьтя и прыходя къ яму̀. «Ето яна, ай нѣ?» отвястѝла яна яму̀.—Ето курулѐвна пракрасная Магдалена! Посадивъ сабѣ на колѣны и обнявъ. И разгова́рували яны цэлную ночь. Да. Потомъ ёнъ зард́й заснувъ. Яна сыскала жыда портного и змѣрала яму одѐжу такую, якъ у яе отца ёнъ носивъ. Опять жа у сыботу сказала княгини: получымъ якую нибу̀дь звѣсть. И ясно я вамъ говору, што сына вашаго побачымъ! У нядѣлю потрэбувала попа и стала обѣдьню править. И сказала людямъ, штобъ прыхо́дили: побачытя якую-нѐбудь новину̀! И княгини прыказала: прыяжжайтя у цэркву! Дождалася яна князя и княгини и провяла́ у цэркву ихъ, а сама вярнулась назадъ у свою комлату, и позвала Пётра съ собою. И одѣлися обоя, и узя*ли* подъ ру̀ки, и пошли у цэркву. И княгиня ета ня у̀вознала ни сына, ни монашки. А люди замяча́ють старыя: ить жа ето, братъ,—молодый князь!—Да нѣ! одинъ одному гово́руть.—Побачышъ, коли ето не князь! И пошло ето го̀монъ по цэркви: хто тамъ такій?—Князь!—О?—Яйбогу, князь! И княгиня почула старая. Тольки нялзя имъ було у цэркви здра́стуватца. По коньчѐніи обѣдьни выходють съ цэркви. Вышли съ цэркви. «Няу̀жо ето вы мой сынъ, Пётра?»—Тошно такъ, матушка.—«А ето ваша Магдалена?»—Тошно такъ, матушка.—«Отъ жа, коли бъ матушка щэ вышла, о́тъ ба разомъ и поѣхали домовъ!»—Якая матушка? яны говоруть.—Да у насъ тутъ монашка, ужэ шэсть годовъ жывѐ!—Да жа ето я у васъ жыла! говора. —Ето ты матушка?—Тошно такъ, матушка.—Ты жъ ета сама Магдалена пракрасная?! говора.—Ну, ходитя жъ, моѐ дѣтки, поѣдомъ домовъ! Прыѣхали яны домовъ. И трохи такъ тамъ попировали, побѣдали тамъ,—закусили, прамо сказавши. Тогды ихъ узяли и повяньчали. И потрэбували турэцкаго пашу на свадьбу. И турэцкій паша прыѣхавъ. И прывёзъ тожа дватцать чатыры шкатулки золота и подарывъ молодому князю.

Тогды яны осталися жыть. И нямного пожылѝ, и захотѣлося Магдалени довѣдатца къ отцу свойму. Прыѣхали яны туды, у Старъ-польское царство, а батька ужэ помѐръ. И спросили, дѣ ихъ слуги? Ажъ ихъ слуги засо́жаны у мяшокъ,—значытца, у слупъ у такій. Дакъ яны девять годовъ просѣдили тамъ. И давали имъ хлѣба по хунту̀ и воды у сутки. Отъ, Пётра пожанивъ своихъ слугъ умѣсто и подарывъ имъ Старо-польское царство. А самъ поѣхавъ домовъ, и осталисъ тамъ жыть. И тяперъ жыву̀ть.

Д. Романовичи, гом. вол. Отъ кр. Филип. Иванова, 51 г. „Служывъ колись у Кіевск. губ. дакъ прычывся грама̀дку, а писать ня могу.“

4. Лошадиная заповѣдь.

Нѣукоторомъ царстьви-гусударстьви бывъ сабѣ царь. И было ў яго три сыны: два разумныхъ, третьцій дуракъ. Отъ ёнъ говóрицъ: сыновъё моѐ любыя! довжны мнѣ доставицъ лошадзиную заповѣдзь! Такъ сичасъ бóльшій говóрицъ: ахъ, бацюшка! я, говорицъ, доставлю лошадзиную заповѣдзь. Собрався, сѣвъ и поѣхавъ. Пріѣжжаецъ у заповѣдныя луги, ажъ тамъ дзѣвки гуляюцъ. «Здрастуйця, дзѣвки!»—Здрастуй, царській сынъ! Куды ѣдзешъ?—«А ѣду, говорицъ, лошадзиныя заповѣдзи шукацъ,—пославъ мяне бацюшка!»—Куды вамъ, говорюцъ, ѣхацъ? Помимо насъ лошадзиныя заповѣдзи не найдзеця. Мы вамъ лошадзиную заповѣдзь доставимъ: чисьцѣй нашія ня будзецъ!.. Нарвали разныхъ красокъ и зьвили ямў вянóкъ. Тоды ёнъ узявъ тэй вянокъ, имъ гроши заплацивъ и повёзъ домовъ. Пріѣжжаецъ домовъ, сичасъ коню на вўхо повѣсивъ и подъѣжжаецъ потъ крылцо. Выходзицъ бацька на крылцо. «Бацюшка, говорицъ: хороша лошадзиная заповѣдзь?»—Хороша! говорицъ. Тоды узявъ етый вянокъ, унёсъ у комнату и повѣсивъ на сцянѣ.

Тоды сяредьній сынъ говорицъ: бацюшка, позвольця и мнѣ! Можа я чисьцѣйшай заповѣдзи достану!—Можнò, говòрицъ. Ёнъ сичасъ лошадзя узявъ и поѣхавъ. Пріѣжжаецъ у заповѣдныя луги, тамъ дзѣвки гуляюцъ. «Здрастуй!»—Здоровъ! Куды ѣдзешъ?—«А, бóльшій братъ лошадзиную заповѣдзь доставивъ, треба и мнѣ доставицъ: нехай и я буду знацъ, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ!» Отъ, яны отвѣчаюцъ: да, говорюцъ: коли бóльшій братъ помимо насъ не доставъ, дакъ мы и табѣ лошадзиную заповѣдзь доставимъ, чисьцѣй якъ тая булà, бóльшаго брата! Отъ, яны узяли, сичасъ красокъ понарвали, ямў вянокъ зьвилѝ—чисьцѣй, якъ тэй бывъ. Сичасъ подносюцъ яму. Ёнъ вянокъ бярéцъ, госьцинцу имъ даецъ, вянокъ узявъ и поѣхавъ домовъ. Пріѣжжаецъ домовъ, сичасъ коню на вўхо повѣсивъ и подъѣжжаецъ потъ крылцо. Выходзицъ бацька на крылцо. «Бацюшка, говорицъ: хороша лошадзиная заповѣдзь?»—Хороша! говорицъ. Тоды узявъ етый вянокъ, унёсъ у комнату и повѣсивъ на сцянѣ.

Цяперича прихòдзицъ уже третьцій сынъ, меньшій, дурачокъ, Иванъ Ивановичъ. Позвольця, говорицъ, бацюшка, и мнѣ доставицъ вамъ лошадзиную заповѣдзь. Коли вамъ доставали большія браты, и я, говорицъ, доставлю!—Мóжашъ, каецъ, сабѣ, и ты доставицъ.—Позвольця мнѣ, бацюшка, лошадзь сабѣ выбрацъ по 'бычцу свойму!—Можашъ! Ёнъ пошовъ на стайню: што по крыжў хлопнецъ коня, то й убивъ; што по крыжў хлóпнецъ коня, то й убивъ. Стайню перяйшовъ,—ня выбравъ, другую перяйшовъ—ня выбравъ. Тыя стайни выбивъ. Тутъ сичасъ кучарỳ донясьлѝ царю: ахъ, говорюцъ, царь нашъ милосьливый, на што вы позволили Ивану Дураку

выбирацьлошадзь сабѣ? Ёнъ ня выбравъ, и двѣ стайни лошадзейвыбивъ! Тоды повялѣвъ царь яго выгнаць вонъ. Пошовъ ёнъ по вулицы смутный. Сустрѣкаець яго на вулицы старуха: эй, Иванъ Ивановичъ—што вы, говбрицъ, нѣшто смутны?—А якбя табѣ, говорицъ, дзѣло?—Да й пошовъ. Тоды обдумався: ахъ, говорицъ, што йто ина у мяне спрашавала—треба у яé спытаць! Ворочаетца назадъ: погодзи, говорицъ, старуха: по якой ты часьци—почаму ты у мяне спрашаваешъ, зачимъ я смуценъ иду?—А вотъ, говорицъ—я увознала, што ты смуценъ!—Да, моé браты, говорицъ, достали лошадзиную заповѣдзь, треба и мнѣ доставиць: нехай и я буду знаць, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ!—Да, говорицъ, Иванъ Ивановичъ: вы сабѣ тутъ ня вы̀берицця лошадзи!—Ну й раскажи жъ мнѣ, старуха, якъ мнѣ лошадзь выбраць?—А вотъ, говорицъ: спросйця вы у своей матушки—ёсць, говорицъ, у вашай матушки лошадзь у склепи, за дванáтцатьми дверями, за дванатцатьми замкáми!—Якъ жа мнѣ, говорицъ, обрацйтца?—А йдзиця къ ёй у комлаты и скажиця: матушка моя родзицелка, позволь мнѣ тую лошадзь узяць, которая за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками? Такъ ина сичасъ, говорицъ, кинетца къ табѣ: мерзавецъ, почаму ты знаешъ, што у мяне лошадзь ёсць, за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками? А ты скажи,—што, вотъ маменька: я успомнивъ на тбя, што якъ ты мяне на свѣтъ родзйла и маленькаго на рукахъ носила, и у̌ заповѣдныхъ лугахъ шавкбвыя травы рвала, и яму̌ у вокошко борсàла, дакъ я на тоя успомнивъ!.. Ина табѣ сичасъ ключи отдасць! Вотъ ёнъ ёй поблагодаривъ, и ворочаетца назадъ. И пошовъ у комлаты. Приходзиць къ ёй и говорицъ: матушка моя родзицелка, позволь мнѣ тую лошадзь узяць, которая за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками! Такъ ина сичасъ кинулась къ яму: мерзавецъ, почаму ты знаешъ, што у мяне лошадзь ёсць за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками?—А ёнъ говорицъ: вотъ, маменька, я успомнивъ на тоя, што якъ ты мяне на свѣтъ родзила, и маленькаго на рукахъ носила, и у̌ заповѣдныхъ лугахъ шавкбвыя травы рвала, и яму у вокошко борсàла, дакъ я на тоя успомнивъ! Такъ ина на яго закричала, ключи яму выкинула. Тоды ёнъ узявъ ключи, пошовъ, шесьцеро дзверей отомкнувъ, а шесьцеро самъ конь разьбивъ оттýляцька.—Ахъ, говорицъ, Иванъ Ивановичъ! я прождався, говорицъ, цябе! сощѐгъ, ня ѣвши, тутъ! Што табѣ треба?—Ды, говорицъ, моé браты доставили лошадзиную заповѣдзь, дыкъ и намъ треба доставиць!—Ну, цяперь, говорицъ, я пойду на трбя судокъ у заповѣдныя луги пугуляць, *пугудуватца*, а то я сощéгъ тутъ! А тоды поѣдземъ! Тоды, троя судокъ ёнъ прогулявъ—прибигаець къ яму̌. Ну, говорицъ: цяперь, бярись за мяне цихéнько, садзись на мяне лягéнько, сичасъ поѣдзимъ! Ну, Иванъ Ивановичъ сѣвъ на яго. Ёнъ поднимаетца подъ небеса и полццѣвъ. Сичасъ

прилетаюць у заповѣдныя луги,—гуляюць дзѣвки.—Здрастуйця, дзѣвки!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, куды Богъ нясе́ць?—«Да, говорыць: браты доставили лошадзиную заповѣдзь, треба и мнѣ доставиць,—нехай и я буду знаць, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ! Отъ, яны отвѣчаюць: да, говорыць: коли бо̀льшія браты̀ помимо насъ не доставили, дакъ мы и табѣ лошадзиную заповѣдзь доставимъ, чисьцѣй, якъ тыя былѝ, бо̀льшаго брата! А ёнъ отвѣчаець: нѣ, я вашія заповѣдзи не жала́ю, я безъ васъ найду! И поѣхавъ. Ци много, ци мало отъѣхали, одно царство переляцѣли, ёнъ сичасъ гово́рыць: Иванъ Ивановичъ, огляньси, говорыць, упярёдъ, огляньси назадъ: ци нема якой погони за нами? Тэй Иванъ Ивановичъ глянувъ напярёдъ, глянувъ назадъ—нѣ, говорыць: погони нема́, а напярёдъ нѣйкое во̀гнища горыць, говорыць.—Да, говорыць: ето ня вогнища горыць, ето горыць богатырськая кровъ! Твоя матушка, говорыць, на мнѣ звоювала богатыря съ трёми головами, дакъ ето яго кровъ горыць! Дзяржи́ся, говорыць, якъ можно покрапчѣй, а то упадзёшъ, огонь схапиць, духомъ обсмылѝшъ! То̀я вогнища переляцѣли, тоды ёнъ говорыць: ну, Иванъ Ивановичъ, ложись оддыхаць, а я пойду у заповѣдныя лугѝ, пугуляю, пугодуюся. Я къ табѣ приду, узбуджу̀! Ёнъ лёгъ оддыха́ць, а ёнъ пошовъ у заповѣдныя луги пугудува̀тца. Тоды приходзиць къ яму: ну, говорыць, Иванъ Ивановичъ,—урeмя ўставаць—у дорози, говорыць, не залёжуютца,—треба на дзѣло посьпива́ць. Тоды ёнъ бярётца за яго цихе́нько и садзитца лягéнько, поднимаютца подъ небеса и поляцѣли. «Оглянися, говорыць, Иванъ Ивановичъ назадъ—напярёдъ, ци нема якой погони за нами?» Иванъ Ивановичъ оглянувся назадъ, напярёдъ—нѣ, говорыць, погони нема́ нияки̇я, а напéредзи горыць вогнища,—тоя було́ вяликая, а ето побольшая горыць!—Ето, говорыць, не защита горыць, ето горыць богатырськая кровъ! Твоя матушка на мнѣ звоювала богатыря цмока, съ шастьми головами. Смотри жъ, говорыць,—дзяржися крѣпко, кабъ не ўпавъ у вогонь у етый, а то, говорыць, сосмылѝшъ! Такъ сичасъ переляцѣли ето огнища. «Ну, говорыць, Иванъ Ивановичъ: ложись, оддыхай, а я пойду у заповѣдныя луги пугуляю, пугодуюся. А тоды къ табѣ приду, побуджу!» Иванъ Ивановичъ лёгъ оддыхаць, а ёнъ пошовъ у заповѣдныя луги, пугудуватца. Тоды приходзиць къ яму: ну, говорыць, Иванъ Ивановичъ—урeмя ўставаць—у дорози, говорыць, не залёжуютца, треба на дзѣло посьпиваць! Тоды ёнъ бярётца за яго цихéнько и садзитца лягѐнько, поднялися подъ небеса и поляцѣли. «Оглянися, говорыць, Иванъ Ивановичъ, назадъ—напярёдъ,—ци нема якія погони за нами?»—Иванъ Ивановичъ, оглядзѣвся назадъ, напярёдъ,—нѣ, говорыць, погони нема нияки̇я, а напéредзи горыць вогнища. Тыя вогнища былѝ вяликія, а ето напярядзѝ ще большая горыць!—Да, говорыць: ето не вогнища горыць, ето горыць богатырськая кровъ: твоя матушка

звоювала на мнѣ богатыря зъ дванатцатьми головами. Дакъ ето кровъ богатырськая горицъ. Глядзи жъ, каецъ, дзяржися крѣпко, кабъ не ўпавъ у огонь у етый, а то тутъ, говорицъ, совсимъ згоришъ! Тоды ёнъ, тольки бъ троху вылецѣцъ ба съ огня, и упавъ ёнъ—не переляцѣвъ и ўпавъ. Сичасъ лошадзь счўствувавъ, што яго нема—кўмельгомъ кинувся у вогонь, зубами схапивъ яго и вытащивъ.—Вотъ, я табѣ приказававъ—дзяржися покрѣпче, а ты мойго приказа ня слухавъ. Кабъ ящо маленько дали отъ краю упавъ, дакъ бы я ня выхапивъ,—згорѣвъ ба! Ну, ты цяперь, говорицъ, ложись оддыхай, а я пойду у заповѣдныя луги попицъ, пугуляцъ, пугудуватца! Тэй лёгъ оддыхацъ, а ёнъ поляцѣвъ у заповѣдныя луги гудуватца. Черезъ три часы узвороцився къ яму, узбудзивъ Ивана Ивановича: ну, говорицъ: бярись за мяне цихе́нько, садзись лягѐнько и поѣдзимъ! Ёнъ уссѣвъ на яго, поднимаютца подъ небеса и поѣжжаюцъ. Пріѣжжаюцъ, на якомъ то царствьи-гусударьстви стоицъ дубъ. И ли того дуба три дороги. Тоды говорицъ: «ты цяперь, Иванъ Ивановичъ, становися ли етаго дуба, а я цяперь пойду у заповѣдныя луги. И ты, говорицъ, стой нямымъ. И будуцъ ѣхацъ разьѣзчики, и забяруцъ яны цябе, тоды ты говорицъ, усё будзь нямымъ, хуцъ яны што́ табѣ будуцъ приставляцъ, ѧ̀къ допекацъ,—ты не говори—мычи, руками махай—ну ни слова не говори, мовчи. Тогда, якъ я треба табѣ буду, ты выйдзи, говорицъ, зъ дому, ды уздыхни цяжко и скажи: ахъ, кабъ моя лошадзь цяперь стала передо мной, якъ *листъ* передъ травой! Тоды я къ табѣ и явлюся!» Самъ и пошовъ. Ёнъ стоицъ ли дуба и думаецъ самъ сабѣ: «коли мнѣ съ конёмъ було́ худо, а цяперь одному ѧ̀къ то мнѣ будзецъ?» Ци много, ци мало ёнъ постоявъ, сичасъ ѣдуцъ три разьѣзчики съ усихъ трёхъ дорогъ, и разомъ къ тому дубу. Стали яны у яго спрашавацъ: што вы, говорюцъ, за́ людзи стоицё? Ёнъ мовчицъ—размахуецъ, мовчицъ. Тоды одзинъ говорицъ: да што вы у яго, говорицъ, спрашіеця? да ўбицъ яго съ карабѝна! А другій отвясьцѝвъ: «нѣ, каецъ: што намъ зь естаго за польза̀, што мы яго забъёмъ?» А тамъ уже одзе́жа не наськая. «Лѣпи мы яго повезёмъ къ царю, нехай царь посмотрѝцъ, што не нашъ человѣкъ, што одзе́жа не наськая, и безъ рячей,—нямый. Дыкъ намъ будзецъ чесь, што мы такого то человѣка приставили къ царю!» Узя̀ли у повозку и повязьли. Привàжуюцъ къ царю и говорюцъ: царь нашъ милосьливый!—попали мы на дорози такого то человѣка, што не наськая одзе́жа на имъ, и нямый! Царь спрашуя: откуль ты? Якій ты? А ёнъ ру́ками размахуецъ на ўси бокѝ, мычицъ.—Ну, царь говорицъ: ёнъ непа́митовый; дыкъ ёнъ идзе́цъ, самъ ня помницъ; ёнъ не знаецъ самъ, съ котораго ёнъ бо́ку. Што яго трацицъ? отправця яго на кухню, нехай тамъ! Вотъ яны завялѝ яго на кухню, ёнъ тамъ узявъ кухарю дро́вы носицъ, водў носицъ.

Тоды почавъ пумугáць яму̑ и ку̑шунья гутувáць. А у̑сё нямымъ. И тэй не допытáетца ничо̀го у яго—у̑сё на кйвъ. Цяперича царю донясьлй, што ёнъ пумугаець кушунья гутувáць яму. Цяперь царь, што самъ ѣсць, што выстае́тца, дыкъ ёнъ яму̑ шлéць, кабъ ёнъ самая тся ѣвъ, што царь ѣсць. Вотъ тэя двóрныя усéрдзилися, што набрóдъ, сь свѣту, ды тóя уживаецъ, што царь. Ето имъ стало процивно. Яны яму̑ узяли, пушного хлѣба расстарялися, поднясьлй, и пячóныя рѣдзьки. Отъ, ёнъ не у̑звъ етыя пищи ѣсць, узявъ, бросивъ тамъ. Пошовъ у садъ къ садовнику̑, и тамъ показуець, размáхуець—што яму ѣсць нечего, дрéнное яму̑ поднясьлй. Я, каець, тутъ табѣ буду пусубляць, каець, на-кивъ усё. Тэй принявъ, узявъ яго кормйць хорошо. Отъ, ёнъ яму̑ узявъ пумугáць, узявъ дорожки чйсьцицъ, узявъ прищéпки прищепляць, виноградъ, за виноградомъ ходзйць. Тоды ёнъ узявъ сабѣ частку саду—и самъ и сóдзиць и прищепляець—и завёвъ такого винограду, што и у̑ свѣци такого нема—яблоны, дуль и у̑сякаго разнаго винограду. Понасадзивъ тамъ, што й горóдника того перямóгъ. Тоды ето доклáли царю: што нямый, говорюць, позавóдзивъ у садзи--усякаго винограду, такого, што и у̑ свѣци нема! Тоды, у того царя ды былй три дочкй, а сына ни вóдного ня булó. Тоды бóльшая дочкá говóриць: бацюшка, говориць, и матушка, позвольця мнѣ узяць яго на ночь—мбець, я ци не допытаюсь рячей у яго! Потому, ето повинно ня прóстый человѣкъ,—етакія штуки дзѣлаець,—ёнъ приставляетца! Ну, бацька позволивъ: возьми сабѣ, говориць. Вотъ яго сичасъ пригу̑куюць у комнаты. Ина яго бярець у свою комлату, и стала яго жалѣць (обнимать). Ина ягó жалѣець, ёнъ яé жалѣець, цалуютца, а говорйць ничо̀го не говóриць --усё на кивъ. А йна у̑сё у̑ яго добиваетца рячей. Ну, добивалась, добивалась—мовчиць. Тоды, дождали свѣту, ина яго вывела на крылцо да у̑ коршéнь. Ёнъ пошовъ у будку у свою, опяць свою работу заниматца коло саду. Проходзиць дзень, наступаець ночь. Тоды сяредьнія сестра говориць: бацюшка, говориць, матушка: позвольця мнѣ къ сабѣ у ложницу узяць нямого, я зь имъ помяхчи буду, можець, я ци не допытаюсь рячей у яго! Потому ето повинно ня прóстый человѣкъ,—етакія штуки дзѣлаець,—ёнъ приставляетца! Ну, бацька позволивъ: возьми сабѣ, говориць. Вотъ яго сичасъ пригу̑куюць у комлату. Ина яго бярець у свою комлату, и стала яго жалѣць. Ина ягó жалѣець, ёнъ яѐ жалѣець, цалуютца, а говорйць ничо̀го не говóриць—усё на-кивъ. Покачалися ночь—нема ничого, не допыталась у ягò ничóго. Дождали свѣту, ина яго вывела на крылцо да у̑ кáрокъ! Проходзиць дзень, просиць узновъ меньшая дочкá: бацюшка, матушка, позвольця мнѣ яго къ сабѣ узяць: можа я допытаюся!—А й ты, каець, такъ допытаесься, якъ яны! Ну, сичасъ привáджуюць яго у комлаты. Повела ина яго у ложницу, поклалися. Ина яго

почала̀ жалѣць, обнимаць, цаловаць—уся̀ками стацѧ̀ми. Ёнъ мычиць, нема ничого. Дождали свѣту, ина яго на крылцо вывела, обнила и пуцулувала. Тоды ёнъ пошовъ у будку, и опяць занявся коло саду. Проходзиць дзень,—бо̀льшая сестра и говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ! —Можно, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила служби̇токъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яе́ потъ па̀хи, водзивъ, водзивъ яе́ по са̀ду, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ навизавъ. Тоды вывевъ съ саду вонъ за воро́ты, да ў корше́нь яе́! Ина закричала къ бацьку: ай! бацюшка, матушка! на што вы, гово́риць, етого дурного нямого дзѐржиця? Ёнъ жа, якъ вывевъ мяне съ саду, дыкъ якъ тронувъ у хребётъ, дыкъ я ле́дьви живая остала̀ся! А бацька гово́риць: якъ ты, говориць, стрѐла, такъ цябе и проводзивъ! Тоды сяредьнія сестра говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ!—Можно́, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила служби̇токъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яе́ потъ па̀хи, водзивъ, водзивъ яе́ по са̀ду, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ навизавъ. Тоды вывевъ съ саду вонъ за вороты,—бэнцъ яе́ у ка̀рокъ! Ина закричала: ахъ, бацюшка, матушка, зачимъ вы дзе́ржиця етого дурного? Ёнъ жа чуць мяне не забивъ! А бацька говориць: якъ ты стрѐла, такъ ёнъ проводзивъ! Цяпериця мѐньшая сестра говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ!—Можно, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила служби̇токъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яѐ потъ па́хи, водзивъ, водзивъ яе́ по усихъ спѐжкахъ, по ўсихъ дорожкахъ, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ навизавъ. Тоды вывевъ съ саду, обнявъ и пуцулувавъ яе́. Ина пошла у комлаты, а ёнъ назадъ у садъ. Цяперь, зачали ѣздзиць паничи,—корольки̇ тамъ, князи̇—и къ бо̀льшимъ и къ меньшай—што царю цижало̀ одному у царстьви: у яго сыновъ нема́, дакъ на мѣсьци зяця поставиць. И цяперь, тыя двѣ съ книзя̀ми, съ корольками по'бру̀чилися, а меньшая изь нямымъ съ тымъ,—злюбилася. Заручины погуляли, и зьвиньчалися. Тоды, ци мало, ци много яны пожили̇, наступаець непріяцель уже на ихъ. Тоды ёнъ говориць, царь—на бо̀льшаго: зяцёкъ мой любимый, можешъ ты, гово́риць, поступиць на моё мѣсто на присту́пъ ицциць! Сичасъ ёнъ у̇звявъ силную вармію и пошовъ на присту́пъ. Тоды Иванъ Ивановичъ знаець тоя урэмя, якъ яны начинаюць гуляць—сичасъ вы̇шавъ съ саду, уздухнувъ цяжко и говориць: ахъ, штобъ, говориць, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ *лѣсъ* передъ травой—то́ бъ то до̀бря *було*! Конь тэй ляцѝць, ажъ маць земля дрыжиць! Прибѣгъ и говориць: што, Иванъ Ивановичъ,. што,—я табѣ треба?

А ёнъ отвѣчаецъ: треба, говорицъ. Пошовъ бо́льшій зяцъ на воинство; хоцъ ба мы посмотрѣли, што тамъ дзѣетца!—О, каецъ, ето ня воинство, ето жарты, каецъ! Полизай у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. То́ бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѐ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. Ну, говорицъ: бярись за мяне цихе́нько, садзись на мяне ляге́нько—поѣдзимъ. Сичасъ поднимались подъ небеса, прилядѣли на то̀я мѣсто, адзѣ яны бъютца. Ёнъ начавъ—што самъ сячѐцъ, што конь ногами бъецъ, што самъ сячецъ, што конь ногами бъецъ. Добиваетца ёнъ до цмока съ трёми головами. Такъ сичасъ тыя три головы̀ яму зрубивъ! Такъ и забра́ли ихъ у поло́мъ усихъ. Потхо́дзицъ къ яму̀ тэй зяцъ и говорицъ: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьцицъ? нѣтъ табѣ дацъ, говорицъ, зямлѝ отписацъ, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говорицъ: на што, говорицъ, мнѣ ваша царство, на што мнѣ, говорицъ, ваша армія—дзѣ мнѣ зь ёй водзѝтца, кормицъ яе́ треба—я одзинъ ѣжжу, спомочи даю та́къ, за благодаренія. Ня треба мнѣ и гроши ваши—у мяне свое́ е́сць. А вотъ вы, говорицъ, дайця мнѣ полоску съ спины—я ў трубучку скручу и ў карманьчикъ положу. Я рукою щупну и объ васъ спомяну, што вамъ помочи дававъ. А вы по́йдзеця у баню, за плечи щупне́ця и на мяне уздумаеця, што я у васъ бывъ на помочи. Больши мнѣ ничого ня треба изъ васъ! Тоды ёнъ обращаетца къ яму задомъ, ёнъ узявъ, полоску и выдравъ у яго. Попрощалися и поѣхали ўрозь—тэй сабѣ, тэй сабѣ! Ёнъ пріѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не було́ збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць человѣкомъ—простымъ, нямы̀мъ. Конь пошовъ на заповѣдныя луги у свое́ мѣсто, а ёнъ пошовъ у свою будучку. И своимъ дзѣломъ занимаетца, коло саду смотрѣецъ. Тутъ тыя приходзюцъ зъ воинства. И—рады, што забрали, помогли, непріяцеля,—пицъ, гулянцъ по ра́дощахъ. Тыя сёстры бида на яе́, гвалтъ такій: ты, каецъ, привила сабѣ дурного, нямого,—што ёнъ никуды̀. А якъ наши мужи, дакъ по свѣту ѣзьдзюцъ, горююцъ! Почалѝ яѐ страмѝцъ, што бида. Ина заплакала и пошла къ яму̀. И показала яму, што смяютца коло яе́, страмяцъ. А ёнъ мычицъ, размахуецъ руками: нехай сабѣ! каецъ.

Много—мало поживши, наступаецъ шасьциголовый цмокъ, дратца изъ ими, съ царёмъ, опяцъ. Царь тэй отвѣчаецъ на сяредьняго зяця: ну, говорицъ, зяцёкъ, можешъ ты заступѝцъ на мое̂ мѣсто на приступи! Дакъ ёнъ силную армію узявъ и пошовъ. И тэй бо́льшій пошовъ—'ба̀я пошли. Тоды Иванъ Ивановичъ, знаецъ то́я урему, якъ яны починаюцъ гулянцъ—сичасъ вышавъ съ саду, уздухну̀въ цяжко и говорицъ: ахъ, штобъ, говорицъ, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой—то бъ то до́бря було́! Конь тэй ляцѝцъ, ажъ мацъ зе́мля

дрыжиць! Прибѣгъ и говѓрицъ: што Иванъ Ивановичъ—што, я табѣ треба? А ёнъ отвѣчаець: треба, говорицъ. Пошовъ сяредьній зяць на воинство; хоць ба мы посмотрѣли, што тамъ дзѣетца!—О, каець, ето ня воинство, ето жарты, каець! Полизай у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. Тó бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѐ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. Ну, говорицъ: бярись за мяне цихѐнько, садзись на мяне лягѐнько—поѣдзимъ! Сичасъ поднималисъ подъ небеса, приляцѣли на тóя мѣсто, адзѣ яны бьютца. Ёнъ начавъ—што самъ сячѐцъ, што конь ногами бьѐцъ, што самъ сячецъ, што конь ногами бъецъ. Добиваетца ёнъ до цмока съ шастьмй головами. И стали битца. Потуль билися. покуль шесьць головъ зрубивъ ямý. Тоды потхóдзиць сяредьній зяць и говорицъ: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьциць? нѣгъ табѣ даць, говорицъ, зямлй отписаць, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говорицъ: на што, говорицъ, мнѣ ваша царство, на што мнѣ, говорицъ, ваша варміа—дзѣ мнѣ зь ёй водзйтца, кормицъ яе трѐба—я одзинъ ѣжжу, спомочи даю тáкъ, за благодаренія. Ня треба мнѣ и гроши ваши—у меня своѐ ѐсць. А дай, говорицъ, мнѣ съ правыя руки мѐзинъ палецъ отрѣзаць—я яго у карманъ уложу, рукой щупнỳ и объ цябе спомянỳ. Ты пóйдзешъ у баню, за рукỳ щупнѐшъ—объ мяне успомнишъ! Ёнъ яму руку выставивъ; ёнъ сичасъ палецъ отрѣзавъ, у платочикъ уярдѣвъ да й у карманъ. Попрощалися и поѣхали ỳрозь—тэй сабѣ, тэй сабѣ! Ёнъ прiѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не булó збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ѐсць человѣкомъ—прóстымъ, нямымъ. Конь пошовъ на заповѣдныя луги у своѐ мѣсто, а ёнъ пошовъ у свою будучку. И своимъ дзѣломъ занимаетца, коло саду смотрѧецъ. Тутъ тыя приходзюць зъ воинства. И—рады, што забрали, помогли непріяцеля,—стали пиць, гуляць по рáдощахъ. Тыя сёстры бида на яѐ, гвалтъ такій: ты, каець, принила сабѣ дурного, нямого—што ёнъ никудѝ. А якъ наши мужи, дакъ по свѣту ѣзьдзюць, горюють! Почалй яѐ страмйць, што бида. Ина заплакала и пошла къ ямỳ. И показала яму, што сьмяютца коло яѐ, страмя̀ць. А ёнъ мычиць, размахуець руками: нехай сабѣ, каець.

Много—мало поживши, наступаець цмокъ двѣнатцацигол̀овый, дратца. Тоды тэй царь говорицъ: зяци моѐ любыя, послужили вы за бóльшихъ моихъ дочóкъ, сами за сябе, послужйця цяперь за мѐзинную мою дочь, за бещаспую—што ина принила сабѣ нямóго, дурнóго. Ина 'твящáла: да, говорицъ, бацюшка, матушка, я не жалáю! Коли мужъ мой дурный, дакъ я сама поступаю, сама пойду къ цмоку, па свою вочередзь! Ина собралася, узила сабѣ силныя варміи и пошла. Царь отвѣчаець: эхъ, зяци моѐ любыя! мало што ина зъ большія досады пошла! А вы, говорицъ, прэ-

ѣдзьця посмотриця, якъ што будзець,—мало што ина говорила! Зяци послухали, поѣхали. Ёнъ знаець, якъ яны начинаютца—сичасъ вышавъ съ саду, уздухнувъ цяжко и говорицъ: ахъ, штобъ, говорицъ, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой—то бъ то добря було! Конь тэй ляцицъ, ажъ мацъ земля дрыжицъ! Прибѣгъ и говорицъ: што, Иванъ Ивановичъ, што, я табѣ треба? А ёнъ отвѣчаець: треба, говорицъ. Пошла моя жана на воинство!—Да, говорицъ—ето ужо воинство: то были смѣшки, а тоды жарты, а ето ужо воинство, говорицъ. Полизай, говорицъ, у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. То бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѐ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. То была чистая збруя,—а ета ще побольшая. Ну, говорицъ: бярись за мяне цихенько, садзись па мяне лягѐнько —поѣдзимъ! Сичасъ поднимались подъ небеса, приляцѣли на тоя мѣсто, адзѣ яны бьютца. Начавъ ёнъ самъ сѣчь, конёмъ мясицъ—самъ сячѐцъ, конёмъ мѣсицъ, добився до двѣнатцациголоваго богатыря—зьмѣя. Ставъ исъ тымъ битца, ставъ исъ тымъ битца,—ёнъ яму шесьць головъ зьбивъ, а ёнъ яму руку поранивъ. Стали зновъ битца, стали битца—ёнъ яму яще шесць головъ зьбивъ, а рука у яго окровянилась. Помѣли змирѐніе, побрали у поломъ тую силу, польно ужо воюватца. Тоды ёнъ потходзиць къ царицы. Ина говорицъ: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьцицъ? нѣтъ табѣ дацъ, говорицъ, зямлѝ отписацъ, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говорицъ: сударыня, мнѣ ваша ничого ня треба. А я, говорицъ, милосьци вашія прошу,—шаликъ шъ шіи зняцъ, мнѣ руку завярцѣць. Тоды, говорицъ, вы помацаеця—на шіи шалика нема—вы объ мяне успомниця. Я поляджу на руку, и объ васъ успомню! Ина знила шаликъ и завизала яму руку. Попрощались, одзинъ одному подзяковали и поѣхали. Ёнъ пріѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не було збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць человѣкомъ—простымъ, нямымъ. Конь пошовъ у заповѣдныя луги, у своё мѣсто, а ёнъ пошовъ у садъ, у свою будучку, и лёгъ, заснувъ па двѣнатцаць судокъ, богатырськимъ сномъ. Тоды яны приходзюць ужо двбру, стали пиць, гуляць, узялй яѐ страмиць, што бида: за сябе ѣзьдзили, и за твойго за дурного, каець, ѣзьдзили горювацъ, труждатца! Ну, начинаюць раду радзиць, стали царя просиць: эхъ, польно, говорюць, бацюшка—яѐ сукрушаць, сушиць! Зработацъ висильницу и повѣсиць яго! Царь ето позволивъ: зработайця сабѣ ужо! Яны узяли работацъ, ина побѣгла у садъ: пойду хуць потолкую яму, што ёнъ мнѣ твѣцицъ—моѐцъ, ёнъ увойдзѐць отъ смерци отъ етыя! Тоды ина приходзиць у садъ, ажны ёнъ спиць навзничь. Посмотриць, ажъ яѐ шаликъ у яго на руцѣ. Ина не то узрадовалась, не то спужалася—давай плакацъ надъ имъ, стала будзиць яго.

А ёнъ спиць богатырськимъ сномъ,—ничого яму не зъдзѣлаець—не добудзитца. Тоды ина зъ радощи побѣгла у комнату; троху у комнаци повярнулася. А висильницу готуюць. Побѣгла узновъ будзиць яго. А ёнъ спиць богатырськимъ сномъ. Давай плакаць надъ имъ, стала будзиць яго, ничого яму не зъдзѣлаець—не добудзитца. Прибѣгла зновъ у комнату. Висильница готова ужо, и яны коло яе смяютца, што ина плачець по имъ: плюнь ты, табѣ людзей ня будзець! А йна ничого не кажець имъ. Побѣгла у третьцій разъ будзиць яго. Якъ стала будзиць,—будзила, будзила—не добудзилася. Стала плакаць. Капнули слёзы яе яму на грудзь. Тоды ёнъ прошнувсь, проговоривъ:—ахъ, каець, душенька—спекла ты мяне дужа!—Ахъ, спекла, говориць, душенька—на цябе ужо вунъ висильница готова!—«Ну, говориць, душенька, ня звѣстно, на кого: можець на мяне, можець сами на сябе! Идзи, говориць, у комнату и спроси: бацюшка и матушка, позвольця говориць, нямного, хоць перядъ смерцю увесьци у комлату! Тоды позволюць яны увыйци, ты скажи: бацюшка и матушка, позвольця яму, потвярдзиця яму рюмушку вина даць, поднясиця, нехай перядъ смерцю хуць рюмку вина выпъець—усё смялѣй ёнъ на висильницу пойдзець, не такъ ёнъ будзець страху бачиць—пятлю на шію нацыпляць. А тоды и другую!» Ну, ина пошла: бацюшка и матушка, позвольця, говориць, и яму у комнату увыйци хуць перядъ смерцю! Бацюшка позволивъ: идзи сабѣ, каець, увядзи! А тыя зяци, сёстры, Божа мой, гвалтъ на яе—не вядзи! Пошла ина: ну, пойдземъ, каець. Пришли у комлату. Бацюшка и матушка, потвярдзиця ужо яму, поднясиця яму рюмушку вина—нехай перядъ смерцю хуць рюмку вина выпъець—усё смялѣй ёнъ на висильницу пойдзець, не такъ ёнъ будзець страху бачиць—пятлю на шію нацыпляць!» Ну, царь повялѣвъ поднесьць. Поднясьли рюмку вина, отъ ина говориць: потвярдзиця ще одну яму поднесьци—мы ужо отъ етого не збядьнѣемъ, якъ ѣли хлѣбъ, такъ и будземъ ѣсьць! Царь другую рюмку позволивъ: поднясиця яму, говориць, и другую! Яму поднясьли. Выпивши другую рюмку,—ахъ. говориць: благодариць бацюшку за вино,—дужа вино пріятная! А тыя ужо дзивютца, што нямый да й заговоривъ. Тоды ёнъ: што, говориць, бацюшка мой названый: спросице-ка вы у большаго зяця: зачимъ ёнъ у баню, говориць, ня ходзиць? Хто у яго на помочи бывъ? И чимъ ёнъ плацивъ? говориць. Ето жъ я, говориць, у яго бывъ на помочи; я яму пособивъ, а ёнъ мнѣ заплацивъ—яго заплата у мяне ў кармани! Вынимаець тую полоску, прикладаюць къ яго спини,—икъ-разъ ина й пришлася!—Ну, цяперь спросиця у сярёдьняго зяця, зачимъ ёнъ при большой кунпаніи у пирщаткахъ вужанаець? И хто у яго на помочи бывъ, и чимъ ёнъ плацивъ? Агу! тому зяцю ужо колонуло у пяты!—Ето жъ я, говориць, у яго на помочи бывъ,

и ёнъ мнѣ заплацѝвъ съ правыя рукѝ мязёнымъ палцомъ! Сичасъ узявъ, съ кармана вынивъ; примѣрили—икъ-разъ и пришовся тэй палецъ! Отъ, ёнъ узявъ, обдѝхъ тыхъ зяцёвъ на висильницу повѣсивъ, а яму съ своё шіи корону знявъ да яму на шію повѣсивъ. И здавъ яму усё царство. Тоды, ёнъ вышавъ на крылцо и уздухнувъ цяжко, и говорицъ: штобъ моя дѝбрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой, то бъ мнѣ добря бъ було̀ цяперь! Конь бяжицъ, ажъ мацъ земля дрыжицъ. Прибѣгъ: што Иванъ Ивановичъ—я табѣ нужанъ? Да, говорицъ, нужно—поѣдзимъ къ свойму отцу й матушки, у своё царство! Запригаюцъ коня у поѣздъ, ёнъ поднявсь подъ небеса, и поляцѣли. Пріѣжжаюцъ къ свойму царському дворцу. Сичасъ спускаютца на зѐмлю и ѣдуцъ по зѐмли. И пріѣжжаюцъ потъ крылецъ. Вуходзицъ бацюшка на крылцо, ёнъ отвичаецъ: што, говорицъ, бацюшка,—хороша̀ лошадзиная заповѣдзь? Бацюшка отвѣчаецъ: хороша, сынокъ! Ды зьдзѣвъ съ своё шіи корону, ды яму надзѣвъ. А тымъ вянкѝ ихъ давъ ды ў прѝстыя солдаты оддавъ. Вотъ ёнъ два царства мѣецъ, и нихто яму ничого ня зьдзѣлаецъ. Здорѝво живѐцъ, и намъ богословивъ здорово жицъ тутъ. И я тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по усахъ цякло̀, а ў ротъ не пупа̀ло. И дали мнѣ синь каптанѐнко. Я бягу̀, а жидъ кричицъ: синь каптанъ, синь каптанъ! Я думавъ—скинь каптанъ! да ўзявъ, да кинувъ; ды прибѣгъ двору, ды бѣлый свой надзѣвъ.

Д. Плещино, малятич. в. Крест. Степ. Өедоровъ, 60 л.

5. Казакъ Михайла.

Отъ—это ужо давно было̀. Жилѝ сабѣ старикъ исъ старухой у городзи столицы. Бытто бъ, такъ сказацъ—или ў Кіеви или Москвѣ. Яны мѣли больше якъ по семъдзесятъ годовъ, и не было̀ у ихъ дзяцей. Ну, разъ старикъ поѣхавъ у лѣсъ, ставъ рубицъ дрѐво. Зрубивъ древо одно, пошовъ снѣгъ силный. Тоды, старикъ зрубивъ ето древо—а яго и завѣяло. И што ёнъ зру̀бицъ—яго завѣецъ, што ёнъ зрубицъ—яго завѣецъ, што ёнъ зрубицъ—яго завѣецъ,—силный снѣгъ бывъ. Ёнъ и обдумавъ, ставъ, перахрисьцѝвся: Господзи, говорицъ, якъ я, говорицъ, неща̀сянъ! Ня мѣю сабѣ прислуги ниякія и средствій ниякихъ. Поѣхавъ, говорицъ, дровъ нарубицъ, и то, говорицъ, пошла такая мяцель, што не даѐцъ мнѣ и работацъ! Троху социхла мяцель, ёнъ ихъ топоромъ выбивъ, дровы, положивъ на санки. Поѣхавъ. Ѣдзецъ—ли дороги стоицъ сухій пень. Ёнъ остановивъ лошадзь: зрублю, говорицъ, я етый пѐнюшекъ, усё больше, говорицъ. Што жъ я? Подыйшовъ къ пню и ударивъ обухо̀мъ по етымъ пню, кабъ троху снѣгъ обляцѣвъ. Удругъ, нѣйкаго младзенца плачъ послышався, якъ бытца, рабёначекъ плачецъ. Ёнъ перахрисьцився, говорицъ: Господзи! што

я, говорицъ, слышу? Ци мнѣ, каецъ, здаетца, ци якъ? Такъ жа яму уздумалося ударицъ по етому пню ще разъ—послышавъ настояща голосъ рабяччій. Во, ёнъ думавъ—стану пень етый рубицъ! И ставъ помаленьку рубицъ вокругъ. Обрубивъ вокругъ, обломивъ, нашовъ молодзенца у етымъ самымъ пни. Старикъ здзѣвъ съ сябе шубку и уварцѣвъ яго. Положивъ на санки, привёзъ на свою хваперу, къ сабѣ. Жана, бытто такъ ёй, бытто ина рада, што такъ ёнъ поѣхавъ,—каецъ: етакая мяцель была, а ты у лясу!.. Ёнъ ёй отвѣщаецъ: молись Богу, говорицъ. Я, говорицъ, што нашовъ! Я и самъ не могу, што етакъ, откудова ето што?—Што ты, каецъ, такдя нашовъ?—Во, каецъ, полядзитку! Уносицъ, у шубцы, етого рабёшка. Баба была бытто рада, и потомъ стала Богу молитца, и спрашуецъ у яго: Богъ, каецъ, намъ давъ. А што мы будземъ дзѣлацъ изъ имъ? Якъ, мы можамъ яго прознацъ?—Ты, баба, ложись на полу, говорицъ, и положи рабёнка ли сябе етого! А я, говорицъ, пойду, къ такому то купцу первой гвильдыи—Комаровому, хай отпусьцицъ своѐ мáцяры-рабёшка етого перабáбицъ! Пошовъ ёнъ къ купцу, говорицъ: здрастуй, купецъ!—Здрастуй, здрастуй, говорицъ, дзѣдушка Бобикъ! Што намъ, говорицъ, хорошаго скажешъ?—Отъ, купецъ господзинъ, скажу—пóймецы вы мнѣ (вѣры), ци не поймецы: моя жана сынка родзила. Я васъ прошу, кабъ вы позволили своѐ мáцяры етого мойго сынка, рабёшка, перабабицъ! Купецъ яму засьмiявся зь естаго старика: эхъ ты, говорицъ, дзѣдъ Бобикъ: довжно быцъ, говорицъ, якій обманъ хочешъ зь мянѐ издѣлацъ! Ня то дли мяне—и ли моѐ маменьки еще, говорицъ. Вы—я изнаю самъ—што вы бóльш*ай* семьдзесятъ лѣтъ отроду мѣеця—большай, исъ своёй бабой, и у васъ не былò дзяцей. А цяперъ вы говорицы, што у васъ ёсь, народзився сынъ! Согласенъ, дзѣдушка: вы бѣднаго зложенія, а я ёсь купецъ, говорицъ. Ежли жъ ето справядливо, дыкъ я табѣ сто цалковыхъ дамъ, а ежли жъ несправядливо, чимъ ты тоды, дзѣдушка, отвѣцишъ тоды перадо мной и перадъ моёй матушкой, за несправядливое слово?—Я отвѣчу, што имѣю, дайжа своёй гóловой, подъ старосьци лѣтъ, што я неложное слово вамъ говору! Купецъ приказавъ запрегцъ пару лошадзей у хвайтонъ и посадзицъ етого самаго дзѣдушку и свою мацъ у хвайтонъ, и поѣхацъ къ етому дзѣдушку. И давъ купецъ мацяры своёй сто рублей, што обѣщавъ, и сказавъ: когда жа ёсь рабёшакъ, дакъ отдай дзѣдушку сто рублей, а ежли жъ нѣту, дакъ вязи дзѣдушку ко мнѣ и сама ѣдзь! Ну, пріѣхали. Поглядзѣла ета *сáма* бабка,—ажъ ёсь нарóджаный сынъ у ихъ, младый юношъ. Ина и осталась. Жонка, отсылаецъ яго къ такому то протчаму купцу, за дочкой, перахрисьцiцъ стого рабёнка. Пошовъ дзѣдъ. Приходзицъ къ такому то купцу и говорицъ: здрастуй, купецъ господзинъ!—Здрастуй, здрастуй, говорицъ, дзѣдушка Бобикъ! што намъ хо-

рошаго скажашъ?—Ды моя, говорицъ, баба сынка родзила. Я пріѣхавъ къ вашай дочки Лисавеци, кабъ ина была хрбстная мацъ мойму сыну! Купецъ удзивився, ажъ засьміявся, обрацився къ свойму домашнему сямейству и собственной своей дочцы, Лисавеци, высказавъ своимъ словомъ: што собственно старикъ такой то пришовъ, говорицъ, штобъ ты, моя дочь Лисавета, была хростная мацъ! Вышло ўсё сямейство етого купца къ дзѣдушку, и дочь етого купца. Посмотрѣли на етого дзѣдушку. И оцецъ яе сказуецъ: нѣ, говорицъ, дзѣдушка, ты довжно быцъ уздумавъ зъ моѐ дочкй посьміятца! Чимъ ты тоды, дзѣдушка, отвѣчаешъ?—Я отвѣщаю, если жъ окажетца несправядливымъ моё слово перадъ вашай дочкой Лисаветой, то я отвѣчаю своей головой.—А я табѣ, говорицъ, даю Лисавеци сто рублей, и поѣжжай! И пару лошадзей вялѣвъ запрагцй у хвайтонъ и отправивъ дочь свою.—Ежали жъ ёсь человѣкъ рожаный, у етого дзѣда нарождзёнъ сынъ, дыкъ, Лисавета, отдай яму етыхъ сто рублей! А ежали жъ нѣту —обратно поѣжжай до мяне! Пріѣхали. Оглѣдзила Лисавета, што уже ёсь сынъ нарбжаный и старуха сядзйцъ за бабку—ну й осталася, Лисавета, етого купца дочь.—Ну, поѣжжай, говорицъ, дзядуля, къ такому то купцу, отпусьцйцъ сына, кабъ ёнъ бывъ хростнымъ отцомъ нашаго рабёнка! Старикъ пошовъ. Приходзицъ къ купцу. Купецъ вышавъ. Здрастуй!—Здрастуй, дзѣдушка Бобикъ! Объ чомъ, дзѣдушка, пришовъ?—Я пришовъ къ вамъ, попросицъ вашаго сынка Василя, што у мяне родзився сынъ! Купецъ удзивився и засьміявся, сказавъ етому дзѣдушку: ахъ, дзѣдушка,—якъ можно быцъ? ты хоцйшъ зъ мойго сына якую нибудзь насьмѣшку здзѣлацъ. Я собственно знаю, што вамъ зъ бабой больше семъдзесятъ лѣтъ лѣтъ и дзяцей у васъ не было! Пошовъ купецъ обвясьцивъ свойму сямейству, собственно сыну своиму Василю, што пришовъ такій то дзѣдушка перахрисьцыцъ попросицъ сына Василя хростнымъ отцомъ быцъ. Немало сямейство удзивилось. Вышавъ сынъ купцовъ Василь и самъ господзинъ купецъ етый.—Дзѣдушка, чимъ ты отвѣчаешъ?—Я отвѣщаю, што имѣю, дайжа своёй головой!—Отвѣчаецъ купецъ: я табѣ, сынъ мой, даю сто рублей и вялю запрэчь пару лошадзей, и пояжжай зь етымъ дзѣдушкомъ. Ежли жъ сынъ рбжанъ у дзѣдушки етого, дыкъ отдай сто рублей етому дзѣдушку, а ежли нѣту, обратнымъ пуцёмъ возврацись ко мнѣ и дзѣдушку вязи! Пріѣхавъ Василь, купечецкій сынъ, смотрицъ: ажъ ёсь старуха за бабку и купечецкая дочь Лисавета за куму. Василь остався. Бабка перабабила. И помолилися Богу; забрала дочь Лисавета етого жъ рабёшка къ сабѣ и сѣли, поѣхали зъ Василёмъ къ попу. Пріѣхали къ попу, спрашіецъ попъ: чій ето рабёнокъ? Яны отвѣчаюцъ яму: отъ бацюшка! рабёнокъ *етый* отъ такихъ то стариковъ!—Охъ нѣ, говорицъ: довжно быцъ рабёнокъ *гэтый* либо якій; а вы мнѣ, говорицъ, кáжеця—што

стариковъ тыхъ. Чимъ вы, Лисавета и Василь, отвѣцицця, ежли я етого рабёнка перахрищу и вась хрôстными пріемниками ўпишу? Тогды яны скazуюць: мы вамъ, бацюшка, кладзёмъ по сто рублей грошій, и мы будземъ видны, какія мы ёсь и чіè, и вы насъ найдзецё, коли што. А чимъ вы, бацюшка, отвѣ*титя*?—А й я, говориць, такжа положу сто рублей! Вынявъ бацюшка сто рублей и отдавъ.—Пожалуй и ты, Василій, своè сто рублей, бацюшка говориць, и ты, Лисавета, и царковному старосьци зà руки. Ежали жъ правядно, то отдаць еты дзеньги старику! Староста узявъ еты дзеньги, бацюшка узявъ книгу и смотриць, якъ имя̀ бъ найци етому младзенцу. Нашовъ, што яму̀ имя̀ Казакъ Михайла. Ёнъ молитву отчитавъ, и расписався Василь и Лисавета и поѣхали у хвацѐру дзѣдушки етого. Пріѣхали, згуляли хрезьбины. Етый рабёнокъ, Казакъ Михайла, не росьцѐць по годамъ, а росьцѐць по часамъ; на третьція, посьли свойго храстà, сутки, ставъ гласомъ молодзецкимъ говорйць. И спрашуець у свойго рôднаго отца: отдайця мяне у класы у вученья! Старикъ крѣпко радъ, здзѣлався вясёлъ, здоровъ, што сынъ яго такъ скоро росьцѐць. Старикъ спрашуець у яго: у якіе цябе класы отдаць? Ёнъ яму отвѣщаець молодзецкимъ голосомъ: отдайця мяне у класы губэрськія! Старикъ дужа бытто вочинь ставъ печаленъ, што ёнъ етакъ говôриць, и сказавъ: ахъ, сынъ мой Казакъ Михайла! я бъ, говориць, табѣ совѣтовавъ, кабъ ты пошовъ у приходскій класъ. Ёнъ сказавъ яму тодà: ахъ вы, говориць, папенька и маменька! Чаго мнѣ йциць у приходскій класъ, коли я на памяць больше могу знаць етого класу! Старикъ отвѣцивъ яму: ну, Богъ съ тобой, идзи сабѣ, когда примуць! Казакъ Михайла самъ своёй рукой сочинивъ сабѣ мэтрику: якого числа рождзёнъ, и якого числа хрйщанъ, и хто у яго ёсь бабка, и хто у яго ёсь хростной маткой, и хто у яго ёсь хростный оцецъ, и отъ кого ёнъ рождзёнъ, а не рождзёнъ—собственно у пни рожд*ж*онъ, и у якимъ приходзи. И ящо мойму папеньку и матушцы ёсь у такой то цэркви триста рублей ли старосьци ихней! И пошовъ и подавъ ету мэтрику губерському испэктору, самъ одзинъ, собственно своёй рукой. И спэкторъ удзивився и сказавъ: Господзи, говориць: иць я уже давно живу по етой довжносьци и много обучивъ, ну щô на мяне не булô, кабъ еткій, такоя то число народзившись, и ето мало строку, и ёнъ усё ставъ понимаць! И принявъ яго у губерськое училища,—принятъ. Поучився Казакъ Михайла два дня, то ёнъ ставъ, расказавъ усимъ учицелямъ: эхъ, говориць, господа! вы ногдà либо—какую ошибку мѣеця мнѣ собственно задаваныя уроки! Учицеля познали, сказали: и вѣрно, Казакъ Михайла, ты говôришъ намъ, што ты па нашихъ глазахъ высказавъ—што и больше насъ понимаешъ! Яны уже сами сказали. Третьцими сутками выписали яго изъ вучилища и выдали яму отъ сябе за ученьвя бумагу, што Казакъ Михайла

понимаець то, што хорошо и отлишно. Приходзиць Казакъ Михайла къ свойму бацюшку и матушщы и говбриць: отъ, я уже губэрськіе класы пройшовъ! Яны рады, старикъ съ старухой. «И вотъ тяперыча я намѣ̀ранъ пойцйць попроситца у классъ тэй, идзѣ именно вучутца государськіе сыны и князецкіе, и нйжшай не бываець, якъ генаралскіе сыны!» Тогда старику вродзи здзѣлалося скушно, а мацъ яго старуха слезно заплакала и говбриць яму: сей ты нашъ сынъ ёсь, а не похоронишъ ты насъ, я виджу, што ты не такъ вучисься! И ёнъ, Казакъ Михайла, отвѣцивъ молодзѣцкымъ голосомъ: што вы ето мнѣ сказали, штобъ я васъ оставивъ и не похоронивъ! Я васъ похороню, и при старосьци вамъ сынъ буду! Пераночевавъ, да й пошовъ. Приходзиць у классъ. Подавъ испэктору ету бумагу, зъ губэрськаго класу. Тогда понявъ испэкторъ, и прочитавъ, и ўдзивився: охъ, говориць,—ня слышно у насъ ще було ѐтакыхъ. И не знаю, а приняць надо! И пошовъ у классъ. Ставъ учитца. За одзинъ дзень, то наўчився процѝ государськыхъ сыновъ и процѝ князецкыхъ и генаралскыхъ, которые по пяць лѣтъ ученьня имѣюць. Учицелѝ приказали Казаку Михайли, кабъ ёнъ изъ ихъ спрашававъ уроки—зъ государськыхъ, князецкыхъ и генаралскыхъ дзяцей. Ёнъ и ставъ спрашавацъ. Отпусьцили ихъ на 'бѣдъ, то стали гнѣвны государськіе два сыны, и князецкіе, и такжа смотрà, и генаралскіе—уси на яго напали. Ёнъ тогда обдумавъ самъ сабѣ и засьміявся: эхъ вы, вучаники вы ёсь и вучицесь вы,—я слухаю приказанія и вамъ расказую! Царській сынъ одзинъ узявъ камушо́къ и бросивъ на яго. И попавъ; и другій такжа. И смотрà—князецкій узявъ тожа бросивъ, и попавъ такжа; и генаранскій бросивъ. И стали Казака Михайлу вочань обижацъ. Ёнъ имъ по ўдару просьцивъ. «Я вамъ, товариши, ето прощаю, а дальше я вамъ не позволю, кабъ вы на мяне бросали!» Бо́льшій жа сынъ царській засьміявся: эхъ ты, говориць, што ты можашъ? Мы табѣ здзѣлаемъ, што хочемъ! Начали шпуляць на яго быстрѣе. Ёнъ узявъ, Казакъ Михайла, исъ царськаго сына зъ бо́льшаго изнявъ шляпу, а другой рукой поднявъ трохъ-итажный домъ и подложивъ подъ етый домъ. Яны побѣжали отъ яго. Ёнъ пришовъ у свою хвацеру и побѣдавъ. Царській сынъ обжаловавсь свойму папашу, што якій то мѣщàнинъ мою шляпу знявъ однэю рукой, а другою поднявъ трохъ-итажный домъ и подложивъ подъ домъ. Государъ приказавъ аквитанту—свита государстьвенная—кабъ приказъ отдавъ и поѣхавъ изъ жандаромъ и забравъ такого-то старикова и старухина сына. Аквитантъ пріѣхавъ зъ жандаромъ забирацъ. Ёнъ яго не нашовъ у хвацеры. Тольки нашовъ старика и старуху. И говориць: эхъ вы, говориць: куды вы свойго сына дозволили йциць—што вы дозволили яму́ здзѣлаць? Баба и дзѣдъ заплакали перадъ свитомъ государськимъ, генараломъ: воля ваша! Изъ намы што

угодно, такъ жа и зь имъ! А мы што станемъ яму говорйць, ёнъ нашихъ слововъ ня слухаець. А идзе́ць туды, куды своимъ мнѣ́ніемъ надумаетца! —Ну, старики, вы будзеця правы! Я пожалѣ́ю вашихъ лятȯвъ, вашай старосьци, и ваши слова принявъ я съ униманіемъ, а съ сыномъ изъ вашимъ будзець поступлено законъ. И ужо ёнъ ня будзець ходзиць у классъ генаралскій! Ето часлȯ было приказано отъ испэктора, кабъ собратца къ пяци часомъ вечара, етымъ усимъ ученикамъ на заняція, и такжа Казаку Михайлу. Такъ и ёнъ у ты часы подладзивъ зь имъ ицйць. Яны на яго ипяць жа, такимъ жа способомъ напали. Ёнъ имъ говȯриць: эхъ вы, братцы, напрасно вы со мной эдакъ поступаеця! Ежали бы поступали со мной помяхче, я ба вамъ шляпу вашу отдавъ! Яны яго началй гȯрше. Ёнъ, Казакъ Михайла, поздражався, и говориць: ахъ, Господзи, говориць: довжно мнѣ́ будзець—ужо одзинъ судъ! Узявъ, ме́зинымъ пярстȯмъ и у̀даривъ сына етого бȯльшаго—такъ и у̀бивъ. И самъ пришовъ на заняцію и объясьнивъ испэктору, што я ня могъ перане́сьци того, што на мяне пошли моѐ товараши изъ большимъ нападзеніемъ, я давъ имъ малый бывъ признȧкъ--знявъ шапку и поддоживъ подъ домъ трохъ-итажный; и думавъ идучи на заняцію отдаць шляпу яму такжа. А якъ яны мяне воздражили, дыкъ я нѣ̀якъ хоцѣ́въ—малѣ́йша—не знавъ етого, што на мяне злучйтца—я тольки мезинымъ пярстомъ товхану̀въ царськаго сына бȯльшаго. Осмотрѣ́вся я, ажно яго й убивъ. И вамъ сознаю̀сь!—О, Казакъ Михайла, плохо ты здзѣлавъ!—Ну, што жъ дзѣлаць? Довжно быць судзьба моя такая! Куды мяне осудзюць, то я отвѣ́чу! И пошовъ. И васъ благодару, што я нау̀чився у васъ! Приходзиць у свою —къ свойму отцу, мацяры, и говориць: охъ, каець—дайця мнѣ́ побѣ́дать! *ужо* вы посьлѧ̀ етого, ранше не увидзиця, якъ можа быць пятнатцаць лѣтъ, ци дватцаць, ци соу̀симъ ниразу! Старуха и старикъ заплакали гласно. Ёнъ имъ говориць: эхъ, бацюшка и матушка, и напрасно вы плачеця—вы тольки поживецё у е́ткой хатки троя одныхъ судокъ, или жа не больше, якъ шесьцеро. А тогда вы будзеця умѣ́сьци изъ государомъ пиць и ѣ́сь, и слуги вамъ тожа такъ будуць, якъ бы й государу! Старикъ исъ старухой повесялѣ̀ли и стали молитца Богу, и говоруць: «слава табѣ́ Господзи—што намъ Богъ давъ етакъ!» Удругъ—и никуда ня йдзець Казакъ Михайла исъ хаты, ужо никуда ня йдзѐць. Удругъ ѣ́дуць огромна сила войськȧ, и у̀зяць Казака Михайлу, и повясьцй къ суду по приказанію государському, повясьци къ суду у санотъ. Ёнъ вышовъ, Казакъ Михайла, и отвѣ́цивъ: э, вы, господа кавалерія. Я увовсе не намѣ́ранъ самовольно жиць, а якъ мяне заяли, я довжанъ отъ сябе откопну̀тца! И идзиця вы, братцы, я й самъ иду! И пошовъ. Прихȯдзиць самъ у санотъ и говȯриць дзяжурному, караулному начальнику: што я издзѣлавъ ȯтъ такое и

такое приступленіе! Каравульный начальникъ не знавъ, и ставъ спрашавацъ у яго дальше: якъ жа табѣ, братъ, злучилося ето? Ёнъ ставъ рассказавацъ. «Дыкъ што, братъ, самъ пришовъ? говорицъ: цябе привядуць! говорицъ. Ты бъ походзивъ, погулявъ, табѣ йщо надокучицъ сядзѣць у цюрмѣ!» Сыйчасъ идзецъ самъ государъ, и ёнъ, Казакъ Михайла, усклонився. Государъ сказавъ: молотцомъ, Казакъ Михайла: мойго сына роднаго убивъ! Казакъ Михайла сказуецъ яму: ну й судзи мяне, коли я убивъ! Сѣли у засѣданіе судьдзи. Государъ приказавъ: у три часа дзѣло поконьчицъ *въ* приступленіи яго, кабъ яго довго... кабъ яго сычасъ. Такъ и здзѣлали. И у етого государа была отъ етого города у сями верстахъ башня такая, што тамъ находзютца разное бесія (bestia), што уже и больше и злѣя у свѣци нема. Осудзицъ яго туды и заперць у ту *баню* на троя судокъ. Присудзили яго везьци туды. Подали на яго зялѣзный вагонъ и кабъ кругомъ етого вагона ишли войська разная изъ голымы мечамы. И повязьли яго, посадзивши *въ* вагонъ. Привязьли яго у ету баню и пусьцили туда, и замкнули яго тамъ такимы замкамы, которыхъ и нѣтъ и ня будзецъ сильнѣй, замковъ тыхъ. Казакъ Михайла сѣвъ тамъ, остався. Тольки жъ войська отыйшлися, быць можецъ вярсту, или жа ня боли двюхъ, Казакъ Михайла вышовъ—дыкъ была баня—здзѣлався домъ пяцитажный. Казакъ Михайла ходзицъ по 'днэй тази, ходзицъ по другѣй, и гуляецъ у етымъ доми,—усё яму ёсь: разные напитки, разное кушаньня. Ёнъ на крылцо выходзицъ и совнюшко заходзицъ—идзецъ пара убогихъ. Ёнъ и спрашуецъ у ихъ и призываецъ къ сабѣ на ночь. «Эхъ, нищіе убогіе, прошу вашія милосьци къ сабѣ на ночь. Я ёсь одзинъ у доми, и мнѣ весялѣй будзецъ!» имъ говорицъ. Нищіе убогіе зайшли къ яму. Ёнъ имъ то кушаньня поставивъ, што и самъ кушаецъ, й уси тые напитки, што й самъ пъёцъ. Нищіе ядзяцъ, другъ другу говоруцъ между соби: што мы, скольки живёмъ и ходзимъ по свѣту, ну ще ня було намъ етакаго угощенія! И повячерали, помолились Богу и лягли спацъ. И пераночавали. И назаўтраго урани устали и убираютца ици. Выходзицъ къ имъ Казакъ Михайла, и спрашіецъ у ихъ: идзѣ вы бывали, и што вы слыхали? Ци не слыхали вы и ци не видали либо якой новины?—Ахъ, каецъ, паночекъ, яны на яго говорацъ: мы видацъ не видали, а слыхацъ, говоруцъ, то слыхали, што у нашимъ царстьви якій то народзився Казакъ Михайла, и убивъ царськаго сына, и яго осудзили у такую баню, што идзѣ находзютца усѣ бесія. У ту баню якъ упусьцюцъ и замкнуцъ, такъ яго и зьядяцъ тамъ! Яму стала цикава ета новина ихъ. «Да, каецъ, господа убогіе,—бытто и я слыхавъ, што ето ёсь. Ну, зъ Богомъ!» Ёнъ сутки отживъ. Ну, и ходзицъ по днэй итази, ходзицъ по другей, и гуляецъ у етымъ доми, —усё яму ёсь: разные напитки, разное кушаньня. Ёнъ на крылцо вы-

ходзиць и совнійко заходзиць. Идзець ще пара убогихъ, ёнъ ихъ и вядзець, остановляецъ: эхъ, нищіе убогіе, говориць: проци ночи идзецё вы у городъ—вы довжны знаць, што у городзи плохо на ночь упросйтца. Зайдзиця вы ко мнѣ и пераночуйця у мяне! Нищіе убогіе остановились и зайшли. Ёнъ имъ на вечаръ давъ кушаньня, такое жъ, якъ и самъ кушаець. Яны кушали, и мижды другъ друга говорàць: што мы и сколькы живемъ на свѣци, ну еткаго кушаньня, ня ѣли, *акъ* тутъ намъ дали! Повячерали, помолилися Богу, тогды лягли спаць, и пераночавали. Повутру устали, помолились Богу, и выбираютца. Уходзиць Казакъ Михайла къ имъ, и спрашіець: ахъ, господа нищіе, идзѣ вы бывали и што слыхали? Ци не слыхали, ци не видали новйны либо якой? Яны яму отвѣщаюць, етые убогіе: охъ, мы видаць не видали, а слыхаць слыхали. У нѣкоторымъ царствьи, и ў нѣкоторымъ государствьи, ня именно у томъ, у якомъ мы живемъ, ёсь лядо самородное; яно само орѐтца, и пашетца, и усѣваетца просой, и ў повночь лошадзь прибѣгаець, ту просу поѣдаець! Больше, говоруць, ничбго не знаемъ!—Охъ, благодару васъ, господа убогіе, што вы сказали мнѣ,—хорошія новосьци. Якъ бы мнѣ Господзь помогъ сабѣ лошадзь ету достаць? Убогіе поблагодарили и пошли. Казакъ Михайла и ходзиць по дому, красуетца, по однэй итази, по другѐй, и вобче по ўсёмъ доми. На крылцо выходзиць, совнійко заходзиць. Идуць ящо пара убогихъ. Ёнъ на ихъ кличець: ахъ, нищіе убогіе—проци ночи идзецё у городъ,—васъ тамъ ци пусьцюць на ночь, хто? А зайдзиця, ко мнѣ, и пераночуйця у мяне! Яны и зайшли. Ёнъ имъ поставивъ вячеру, тую, которую и самъ кушавъ. Яны ядзяць и другъ другу говоруць, што скольки мы ходзили по свѣту, то намъ етакаго кушаньня не злучалось кушаць. Поужинали, помолились Богу, и лягли спаць. Наза ўтраго ўрани уставали, помолились Богу, и убираютца ициць. Выходзиць къ имъ Михайла Казакъ, и яны благодарили яго за ношлегъ: благодаримъ васъ, паночекъ, за ношлегъ! скольки мы не жили, не ходзили, то намъ нигдзѣ етакаго угощенія не былò! Ёнъ у ихъ спрашіець: ахъ вы, нищіе убогіе, гдзѣ вы бывали и што вы видали? Ци не видали, ци не слыхали либо якой новйны?—Охъ, мы видаць не видали, а слыхаць слыхали: у нѣкоторымъ царствьи, ў нѣкоторымъ государствьи, ня именно ў томъ, гдзѣ мы живёмъ, ёсь царевня, пруска королевня—силная пракрасавица, такъ што ина до сябе никбго не допускаець—дорожйць сама своёй красотой. И такъ жа оцецъ яѐ соблюдаець подъ большой строгосьцю. Поставивъ ёй домъ особо свойго семейства̀, обнёсъ вокругъ большой силной рўдзіяй, такъ што нихто ня можець перайци, и такъ жа и зъ лошадьдзю пераѣхаць!—Отъ, благодару ще убогихъ! ваша мнѣ новйна очань находзитца испособна ли мяне, и жалавъ ба яѐ за супругу за сябе узяць!

—Ну, благодаримъ, панокъ!—Идзиця съ Богомъ! Ёнъ и погуляюець у дому у своёмъ. Государъ уздумавъ и пославъ своихъ рабочихъ трохъ чаловѣкъ: одному давъ мятлу, а другому лопату, а третьцяму мяшокъ грязный, и приказавъ тыя косьци вымясьци и высыпаць, куды жа мало народу хòдзиць. И яны пошли. И йдуць. Присмàтруюць бани етой. Отыйшли отъ города семъ вёрстъ, по приказанію, стали да й говорàць мижда сòби: куды жъ намъ, говоруць, ици? А другей говòрицъ: тутъ довжно быць! Третьцій то жа, што й яны: ня було тутъ етого дому, кажецъ. Казакъ Михайла послыхавъ, и выходзиць къ имъ и спрашіець у нихъ: што вамъ угодно, господа? хто васъ пославъ, зачимъ, што вы ня мòжеця дойциць? Яны силно почустовали мижда соби, што ето за господзинъ. Ёнъ у нихъ повторивъ: вы мнѣ скажиця, чаго вы шукаеця? Можа я знаю!—А нѣ, говоруць, вы не знаеця!—А можа знаю!—Тутъ была, говоруць, баня, у которой уси находзилися бесія; и осуджанъ бывъ якій то Казакъ Михайла за приступленіе, што убивъ царськаго сына. Дакъ насъ послали косьци вывезьць и змѣсьци туды, гдзѣ нихто ня ходзиць!—Идзиць вы и скажиць тому, хто васъ пославъ, што Казакъ Михайла живъ, а кабъ государъ приказавъ сковаць мнѣ отросточку, сто пудовъ, на корхъ подунуць серабромъ, и кабъ изъ зялёза зъ мяхкаго, собственно, якъ была баня выстроена! Яны пошли отъ яго, доложили свойму начальнику, тому, который пославъ. Начальникъ той удругъ написавъ протоколъ лишности государу, што Казакъ Михайла живъ и требуець отъ государа отросточку ли яго скуваць, сто пудовъ, и на корхъ подунуць серабромъ. Государъ самъ сумився, што я не того чаловѣка занявъ, и поступивъ зъ имъ такъ. Ну, однача, здзѣлавъ распораджèніе кузнецамъ, приказавъ свойму аквитанту написаць приказъ строгій и подаць городскому справнику. Такъ и здзѣлали. Городскій справникъ собравъ съ свойго города кузняцовъ молотцовъ и спрашіець: эхъ вы, братцы, говòрицъ: мòжеця вы у водны судки уремя скуваць отросточку, сто пудовъ, и на одзинъ корхъ серабромъ подунуць? Кузняцы отвѣцили: слушаемъ вашаго приказанія, сповнимъ! Скували отросточку срокомъ, за повсу*т*окъ, и приставили къ исправнику. Также исправникъ и цару. Царъ приказавъ завезьць къ яму, и пославъ свойго аквитанта зъ рабочими: завязиця и подайця, и попросиця яго собственно лишно у мой домъ къ сабѣ, ко мнѣ на чай! Аквитантъ и отправився зъ рабочими, и привòзиць. Казакъ Михайла выходзиць. Аквитантъ павъ перадъ имъ на колѣни и отвѣцивъ яму: здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла! И расказавъ словеснымъ приказомъ, што царъ васъ прòсиць обядзѣйцелно къ сабѣ на чай! Казакъ Михайла отвѣцивъ аквитанту: охъ вы, братцы: моець, я цара попрошу до сябе ў госьци! Ёнъ, Казакъ Михайла, узявъ отросточку у праву руку и вышовъ у чи-

стое поля, раськівавъ, и размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ, сядзиць другой и просматруецъ,—отросточка ляцйць яго. Ёнъ узявъ, потставивъ мезиный палецъ, отросточка на двѣнатцаць часьцей разьбилась! И ёнъ пришовъ къ аквитанту: идзи, ѣдзь къ государу! Или жа мнѣ ня вѣришъ, дыкъ идзи, зьбяри ты комки, што разьбилась! Што просивъ васъ, кабъ вы мнѣ сковали отросточку изъ мяхкаго зялѣза, а вы мнѣ зьляпили зъ гоньчарныя глины! Ѣдзь къ цару и скажи, кабъ скувавъ мнѣ отросточку у двѣсьця пудовъ, и на два корхй кабъ серабромъ подунуць, ды кабъ съ такого зялѣза, якъ у мяне у бани! Аквитантъ отвѣцивъ: слушаю, говориць, Казакъ Михайла! и поѣхавъ. Пріѣхавъ къ цару и доложивъ. Царъ давъ приказъ аквитанту, кабъ ковалёвъ тыхъ подъ арестъ, а приказаць другимъ, кабъ зъ мяхкаго зялѣза скували отросточку, двѣсьця пудовъ, и на два корхй кабъ серабромъ подунуць. Тогда поѣхавъ аквитантъ съ приказомъ, и давъ приказъ справнику: якіе у васъ найлуччіе ёсь кузняцы, штобъ на которыхъ вы лучче можеця надзѣитца, тымъ прикажйця! Справникъ отвѣцивъ: слушаю, ваша привосходзицельство! Собравъ кузняцовъ и приказавъ имъ: вотъ, говориць: даю вамъ приказъ, кабъ вы зъ мяхкаго зялѣза скували отросточку, двѣсьця пудовъ, и на два корхй серабромъ подунуць!—Слушаемъ, говоруць: мы постараемся ли васъ, говоруць. Ну, набрали зялѣза самаго такого, якого яны знали мякчѣйшаго, и началй работаць. До повсудокъ скували и еты отросточку и приставили къ справнику; а справникъ къ аквитанту. Доложивъ квитантъ государу. Царъ сказуець аквитанту: ѣдзь, братъ, ты ужо одзинъ будзешь посланецъ! Етый узявъ рабочихъ, узявъ отросточку и повёзъ. Подъѣжжая къ Казака Михайлы дому. Остановивъ рабочихъ ля дому, а самъ пошовъ на крылцо, павъ на колѣнкахъ. Казакъ Михайла убачивъ. И спрашіець у яго: Казакъ Михайла! што угодно, говориць, дзѣлайця,—привёзъ! говориць.—Сколькижъ вѣсиць?—Двѣсьця пудовъ.—Съ хорошаго жъ зялѣза, ци зъ глины зьляпили, съ которыя гоньчары миски лѣпюць?—Просиць васъ государъ къ сабѣ на чай! Ёнъ говориць: эхъ, господзинъ аквитантъ, можець я попрошу государа къ сабѣ на чай! Узявъ, надзѣвъ тросточку на правую рукў и вышовъ у чистое поля, раськівавъ, размахавъ, пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ и два. И просмотрйвъ—отросточка справляетца! Ёнъ наставивъ мезиный палецъ правой руки—отросточка на двѣнатцаць часьцей разьбилась. Тогды ёнъ и пошовъ. Приходзиць къ аквитанту: ахъ, якъ жа мнѣ, говориць, пойциць къ цару на чай? Пойдзицесь и скажицесь моимъ словомъ, што я дотудова не буду,—хай государъ скуець триста пудовъ тросточку, и на три корхи *срабромъ* подунўць. И съ самаго помякшаго зялѣза! Помниця, якъ мяне у баню запирали! Тогды я приду къ цару на чай! И аквитантъ поѣхавъ. Доложивъ государў, што

отросточка побита, и Казакъ Михайла просивъ, кабъ яму сковали отросточку, триста пудовъ, и на три корхи серабромъ подунуць! Царь удругъ приказавъ аквитанту подаць справнику приказъ, тыхъ кузняцовъ подъ арестъ, а ўзяць другихъ. Узявъ справникъ тыхъ кузняцовъ подъ арестъ. Узявъ другихъ: ахъ, братцы, говорицъ: што вы дзѣлаеця? Тые здзѣлали мошенство, а вы постарайцесь якъ лучче! вы жъ майсцера, бо̀льшай мяне знаеця у етымъ дзѣли. Постарайцесь, братцы—получиця награду!—Постараемся, ваша високородзіе, дли васъ, вашъ приказъ сповнимъ получче! Скоро пошли и стали кувацъ. Якъ кувацъ, дыкъ кувацъ, якъ кувацъ, дыкъ кувацъ, и кували цѣлныя судки. И скували отросточку у судки и приставили къ исправнику. Также исправникъ и цару. Государъ посдавъ аквитанта: ну ѣдзь, брацецъ, говорицъ—служи. И проси обядзицелно, штобъ—што не случитца—кабъ не 'ставилъ моѐ прозьбы, прибывъ ко мнѣ! Аквитантъ узявъ и отправився зъ рабочими, и приводзицъ. Казакъ Михайла выходзицъ. Здрастуй, говорицъ, аквитантъ!—Здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла! Што угодно дзѣлайця со мной!—Нѣтъ, говорицъ, ты, говорицъ, по̀сланецъ царськiй! Ну што жъ, говорицъ, скували?—Скували.—Дзѣ жъ ина?—А вотъ! Вялѣвъ подвязьцѝ. И подвязьли. Казакъ Михайла узявъ у правую руку отросточку и вышовъ у чистое по̀ля, раськивавъ и размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ, самъ сядзиць два, самъ сядзиць три—и просматриваецъ. У чатьвёртомъ часу отросточка справляетца. Казакъ Михайла заставивъ колѣно правое—ета отросточка тольки угнулась. Ёнъ узявъ, цисканувъ, выпрамивъ яе, узявъ у праву руку, раськивавъ, размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ, сядзиць два, сядзиць три, сядзиць четыре—и ў пятомъ часу просматриваецъ,—у пятомъ часу отросточка исправилась и упала на землю: тупымъ концомъ—здзѣлалася сажалка у семъдзесятъ сажанѐй растоянiя и повтора аршина глыбини,—а войстрымъ, на семъдзесятъ сажаней коло̀дзяжъ здзѣлалась—и йна не побилась. Ёнъ узявъ яе у праву рукў, и потходзиць къ аквитанту и говорицъ: слуга царськая, благодару, говорицъ, васъ, што вы скували отросточку! И поѣдзьця икъ цару и скажиця, што я буду ици у дзевяци часовъ вутра, тогды къ цару на чай я зайду. А ўпяродъ пойду къ своиму бацюшку и матушцы, отвѣдаю, ци живы яны, ци здоровы, ци по̀мерли. А оттуда пойду къ цару! Аквитантъ поѣхавъ, прiѣхавъ къ государу: Казакъ Михайла казавъ мнѣ, што къ вамъ будзецъ у дзевяцъ часовъ вутра, а прежде ёнъ заѣдзецъ отвѣдацъ своихъ бацько̀въ, *такъ какъ* Казакъ Михайла ня бывъ шесь судокъ! Царъ приказавъ аквитанту свойму выдаць приказы по ўсимъ дзивизiяхъ, визiённымъ командзерамъ, кабъ кажнаго полка̀, сколькі имѣетца, уся музыка збрана, и кабъ усѣ солдаты надзѣли паратну одзѐжу, и поставиць у кож-

нымъ перавулку, дзѣ можно чаловѣку пройцицъ, кабъ и тамъ було, исключая тольки того провулка, гдзѣ невозможно. Музыка, ина по ближнихъ вулицахъ, и начальники водли яѐ! Такъ государъ приказавъ аквитанту. Аквитантъ усимъ начальникамъ приказавъ, тые полковымъ полковникамъ, ротнымъ, такъ пошло дальше. Такъ за одны судки усё войськà приготовлено, строгимъ государськимъ аппираторськимъ приказомъ. Такжа и выстроили, исповнили. Идзецъ Казакъ Махайла, уходзицъ у городъ, замѣцили яго, дали приказъ, подавши по полкамъ усимъ—музыка зайграла съ походнымъ маршомъ. Войска пѣсьни, начальство потходзицъ, Казаку Михайлу чесь отдаецъ: здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла!—Спасибо, братцы, ёнъ сказуецъ, што вы мяне проздравляеця! Аквитантъ царській обрачаетца: господзинъ Казакъ Михайла, милосьци просицъ царь цябе!—Эхъ ты, брацецъ, слуга царськая! Ицъ я табѣ сказавъ, слова свойго мѣняцъ ня буду—мнѣ треба своихъ папеньку и маменьку отвѣдацъ! Ицъ ты жъ посылавъ рабочихъ моѐ косьци измéсьци!—Тогда смотрйцъ—не находзицъ ёнъ мѣсносьци, идзѣ народу нѣту. Што жъ ето государъ, съ кимъ ёнъ шуцйцъ? Што ёнъ хоцѣвъ найцицъ на зямлѣ, такихъ на зямлѣ мѣстовъ, идзѣ бъ людзи не ходзили. Вязьдзѣ по зямлй людзи ходзюць, якъ я вижу! Ну и идзи!—Ёнъ и пошовъ. А Казакъ Михайла пошовъ къ своимъ, папеньку и маменьку отвѣдацъ. Приходзицъ Казакъ Михайла къ свойму бацюшку и матушки, яны живы, и слабы, и некому имъ прислужицъ ли ихней старосьци. Ёнъ говорицъ: здрастуй! и цалуецъ имъ у рукў, бацюшку и матушцы. И яны рады, и бытто якъ поздоровѣли. Приняли яго и сказали такъ, што мы уже не надзѣялись, кабъ мы цябе видали живого и здороваго.—Эхъ, папенька и маменька: смяшнò мнѣ дли васъ, што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у сво*имъ* мнѣніи. Я жа вамъ сказавъ, што буду! Я жъ вамъ сказавъ, што вы, при старосьци, будзеця находзитца у царськомъ семéйстьви, и прислуга вамъ такжа будзецъ! И приставивъ свою отросточку къ етой избушцы. Тогда и самъ увыйшовъ, и сѣвъ обѣдацъ. И ўвидали яны, што ёнъ кушанья кушаецъ такое, што у яго ня можецъ быцъ яно, ня видно было яго. И просицъ ихъ къ сабѣ кушацъ. Яны сказали: благодаримъ, сынъ нашъ рòдный, откудова табѣ Богъ послав ето кушанья? Сѣвъ старикъ исъ старухой, покушали. Тода помолились Богу и благодарàцъ сына свойго рòднаго за хорош*ее* кушанье. Ёнъ имъ отвѣцивъ: благодарица бòльшай Бога, якъ мяне. А йдзи, бацюшка, и ўняси мою отросточку, кабъ яѐ хто нибудзь не ўташчивъ! Старикъ пошовъ; вышовъ, посмотрѣвъ на отросточку, показалось яму крѣпко страшно. Ворощився старикъ: што такое ли моѐ избушки стоицъ? Казакъ Михайла засьміявсь и сказавъ, и говорицъ: эхъ, одно я вамъ говоривъ, што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у своимъ мнѣніи! Ето моя отросточка, съ кото-

рой я довжонъ по свѣту пущешестовацъ, и дойцицъ сабѣ законную жану! Попрощавсь и пошовъ. И старикъ той сказавъ: Богъ табѣ поможи, што ты задумавъ. А мы такъ жа остаёмся, якъ были!

Не ожидаецъ царъ Казака Михайлу, а посылаецъ свойго аквитанта, попросицъ собственно Казака Михайлу, кабъ пріѣхавъ къ яму исъ своимъ папенькомъ изъ маменькой: и буду я видзѣцъ етыхъ стариковъ! Аквитантъ поѣхавъ. Подъѣжжаецъ, на колѣнкахъ павъ, подъѣжжая къ избушцы. Казакъ Михайла увидавъ, выходзицъ и говорицъ: посланéцъ царській! я жъ сказавъ, што я приду, то приду. Я жъ слова свойго не мѣняю! Аквитантъ говòрицъ: а мянѐ жъ посылаюцъ, говорицъ, я довжонъ поѣхацъ!—Ну, бяри мойго папеньку и маменьку, садзи исъ собой и ѣдзьця разомъ къ цару, а я не дальше, якъ чаразъ часъ уремя буду йци! Аквитантъ забравъ и поѣхавъ, старика и старушку—и поѣхавъ. Привёзъ стариковъ у царській домъ и доложивъ цару, што привёзъ по приказу Казака Михайлы.—Благодару цябе, аквитантъ, заслужишъ лучче чаго! Што ёнъ цябе уподобавъ. Можа я чаразъ твоё обращеніе избавлюсь со ўсёй своёй чѐранью. Коли Казакъ Михайла приказавъ папеньку и маменьку приказавъ привѐзьци, довжнò, ёнъ ихъ у мяне оставицъ пожицъ! Поздоровкався государъ: дзѣдушка и бабушка, не знаю васъ якъ дороживцъ, и не знаю, якъ устрѣцицъ! Узявъ государъ дзѣдушку за руку, а царица бабушку, поцаловали у руки, и повялѝ у свой домъ, и приглашали разныхъ кушаньевъ. Дзѣдъ и бабка говоруцъ то: ваша царськое вяличество! мы не знаемъ сами средствъ, якъ бы упросицъ сына за ваша пріяство. О! Што мы станемъ говорицъ, то ёнъ отвѣщаецъ: што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у своимъ мнѣніи! Яны сѣли тогды, старики, ѣсь. Черазъ повчаса являетца Казакъ Михайла у домъ царській,—нихто не видавъ съ усяго етого войська̀, што было̀ приготовлено. И говорицъ: хлѣбъ да соль! простымъ языкомъ. Государъ отвѣщаецъ: милосьци просимъ икъ намъ обѣдацъ! Я не знаю, што вы такіе за людзи!—А я Казакъ Михайла, я ёсь сынъ етыхъ стариковъ, которые зъ вами обѣдаюцъ! Царъ спугався, упавъ на мостъ и ўдругъ полежавъ пяцъ минутъ. Узявъ Казакъ Михайла цара подъ рукỳ и поднявъ, и говорицъ: вы чаго у своимъ доми боицёсь? Ёнъ, царъ, проговоривъ слово одно: што я не знавъ и не видзѣвъ, якъ вы увышли ко мнѣ, и якъ ето нихто не могъ васъ видзѣцъ. Воля ваша, Казакъ Михайла!—Што, я вамъ, високое анпяраторство, прощаю, што вы мяне запирали у баню такую, гдзѣ усѣ бесія находзютца! Я избавився молитвой своёй, тэй, которую я изнавъ! И вамъ усяго отъ мяне—кормицъ моихъ бацюшку и матушку тымъ кушаньемъ, якъ и сами, и также одзёжой одной, и такжа кушаньемъ и прислугой! А я, младыжъ-юношъ, хочу пойцицъ у свѣтъ Божій! Государъ отвѣцивъ яму: благодару, Казакъ Михайла, што вы дали

мнѣ небольшое наказанія!—За етымъ до свиданія, ваша анпяраторськое вяличество! Я й пошовъ. Государъ спрашіецъ у яго: што табѣ треба на дорогу? можецъ у цябе дзенегъ нѣту?—Ахъ, ваша анпяраторськое вяличество, якъ жа вы гово̀риця? Штобъ у мяне не было! До свиданія. Я у̂же пошовъ! И пошовъ.

Ну, якъ ици дыкъ ици, скоро казка кажетца, ня скоро дзѣло дзѣетца, --потходзиць къ тому жа ляду, самородному. Проса успѣла; смо̀тра на яѐ, словомъ якъ на лѣсъ. Казакъ Михайла узявъ, махнувъ своёй отросточкой вокругъ сябе—нажавъ чатыре снопы, и звязавъ, и самъ сѣвъ, поставивъ ихъ стойма̀ на̀у̂храстъ. И самъ подъ еты снопы сѣвъ, и сядзѝць. У̂другъ у повночь лошадзь бягиць, ажъ земля-мацъ сто*гня*. Лошадзь прибѣгши къ ляду самородному, и начила̀ просу ѣсь. Доѣлась до етыхъ сноповъ—пѳрснула своими ноздрами и сказала человѣчимъ голосомъ: эй, хто тутъ ёсь? Нико̀го у̂ свѣци не боюсь, сключая Казака Михайлы! Казакъ Михайла младый юношъ, ёнъ еще не довжо̀нъ зайциць сюда! Казакъ Михайла мовчиць сѣдзя. Лошадзь опяць жа повтораець эты самы словы, и разинувъ ротъ на еты снопы. Тольки проглыцѝць—Казакъ Михайла хвацивъ яѐ за грыву яѐ! Смотрѝць—ажъ яна исъ сядломъ, и уздой зануздѐна. Усхвацився на яѐ Казакъ Михайла, лошадзь сторопѣла и хвацилась подъ небеса. Казакъ Михайла оправився и сѣвъ вѐрхомъ на яѐ, у сядло, настояща, якъ надо быць, молодзецкимъ мнѣніемъ. И у̂зявъ отросточку у правую руку, и ударивъ лошадзь одзинъ разъ. Лошадзь почустовавъ, што ударъ больный ёй, и говорицъ молодзецкимъ голосомъ, што ёсь вѣрно на мнѣ Казакъ Михайла, а ина̀ча нихто! И зморилась сильно лошадзь подъ небомъ, и пала на землю, и у̂ землю увязла до самыя спины,—тольки спинка вѝдна. Тогда Казакъ Михайла излѣзъ, отвѣщаець лошадзи своёй, што, отъ, лошадзь, говорицъ: я цябе изъ зямли вызволю, тольки у такимъ то царстьви, у такимъ то государстьви ёсь царевня, пруская королевня, пракрасивая,—такъ што пригожѣй яѐ нѣту у свѣци. Можамъ мы съ тобой туда доѣхаць? И такжа лошадзь я табѣ яшо приговарую, што ина у доми у вособномъ. Тэй домъ кругомъ силной ору̂дзіяй обнясёнъ, такъ што мало котораа пцица можецъ чаразъ яѐ пераляцѣць. Ци можамъ, лошадзь? Ина яму отвѣщаець: скажи жъ ты мнѣ, якій ты ёсь младзенецъ? Я почустовавъ, што довжно быць Казакъ Михайла! Ёнъ засьміявся, якъ яна ето сказала: вѣрно, говорицъ, ёнъ!—о̀тъ цяперъ я табѣ скажу, што я могу *ча*разъ ету орудзію пераляцѣць, и царевна цябе будзець хватаць за руки, и будзець цябе просиць у свой домъ, ты яѐ ня слухай, а тащи къ сабѣ на сядло. И тогда мяне уда̀р*а*шъ ударомъ лёхкимъ, но не такимъ, якъ цяперъ! Тогда Казакъ Михайла говорицъ лошадзи: ну, я почустовавъ, што ты мяне понесла больно високо, ужъ просьци мнѣ, лошадзь моя, за етый ударъ, ужо генакъ ня буду! Узявъ за́ грыву и вытащивъ ету лошадзь изъ зѐмли, и

Другъ волна пракрацилась, Китъ-рыба попярöкъ мора задзéржилась, и такъ, ниякимъ средствіемъ ня можець исправитца. Казакъ Михайла говориць голосомъ: охъ, Господзи, отрублю етой рыби голову̀, покраплюсь я за ўсю дорогу! Тольки узявъ отросточку, хоциць отрубиць голову̀—Китъ-рыба отвѣщаець: эхъ, Казакъ Михайла: ня би мяне, ня порци, я табѣ сыпри злой годзини знадоблюсь. Ты жъ видзишъ, што я табѣ ужо часъ нужна, перайци на тэй бокъ!—Ёнъ узявъ и перайшовъ по ёй. Тогды и говориць: ахъ, трэба яе звороцѝць у мора! Узявъ за хвостъ и звороцивъ яе у мора. Самъ и пошовъ. Приходзя къ той Баби-Юзѣ зялѣзной нозѣ и каець: добрый дзень!—Здоровъ, молодзецъ! Куды Богъ нясець? Ёнъ ёй говориць: бабушка, я иду—хочу што идзѣ зарöбиць!—А што жъ ты жалаешъ, каець: ци дзенегъ, ци хлѣба, ци одзежы, ци чаго!—Ахъ, бабушка, говориць: тогда я вамъ могу сказаць, якъ заслужу у васъ, а вы мнѣ искажйця, икая у васъ служба, моець, дли мяне и цижалà будзець! —Охъ, нѣ, молодзецъ—ня будзець цижала: у мяне ўсяго трохъ кобылицъ пасьциць троя судокъ!—Хорошо, бабушка, отвѣщаець ёй. Моець, и исповню ето!—Ну, й оставайся! Отъ табѣ ужинаць, и ночуй, и заутра ураньни уставай, я табѣ сягодьни укажу, дзѣ моè кобылицы стояць! Ина и ўказала. Ну, й кладзись спаць, добрый молодзецъ! Ёнъ лёгъ спаць. Пераспавъ. Устаѐць съ утра и идзець у сарай; отчинивъ сарай—кобылицы, да! голодныя. Ёнъ гнаць. Бабушка послыхала,—охъ, молодзецъ добрый! Што жъ ты гонишъ и ня ѣвши, и съ собой ничöго не бярéшъ, нà табѣ хоця одзинъ пирожокъ! Ёнъ узявъ пирогъ, погнавъ. Выгнавъ у зялёные луги, у шавкöвыя травы, на крынишныя воды, и самъ разославъ свою свиту и лёгъ. Полѐжавъ троху, ды пирогъ зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и ўснувъ. Якъ уснувъ, такъ два часа проспавъ. Прошнувся, посмотрѣвъ вокругъ—нема кобылицы. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходöй, молодзецкой ступöй—во всѣ чатыре стороны, отыйшовся вёрстъ по питьдзесятъ—нема кобылицъ. Ёнъ и ставъ, да й плачець. Бяжиць вовкъ тэй: эхъ, Казакъ Михайла,—чаго плачешъ, чаго рыдаешъ?—Якъ жа мнѣ не плакаць или ня рыдаць, што я остаюсь при нещасномъ злўчаи, што у мяне нѣту моихъ кобылицъ, которыхъ я ўзвявъ на своè руки пасьвиць! Вовкъ яму говориць: ага, каець, во—я знаю, говориць, дзѣ твоè кобылицы—табѣ ихъ не найциць! Стой жа тутъ на етымъ мѣсьци,—яны были кобылицами, а цяперъ вовчицами,—стой жа тутъ на етымъ мѣсьци, и синій камень хапàй, и на ихъ кидàй—якъ мы ихъ будземъ гнаць! Ёнъ и стойць. Тойчасъ гонюць ихъ—ирвуць за заднія ноги, звяръё, вовкѝ. Ёнъ синій камень хапаець и на ихъ бросаець, и говориць: якъ были вовчицами, такъ пераставцесь кобылицами! Яны якъ были вовчицами, такъ и пераставились кобылицами. Ёнъ и сѣвъ на ихъ вéрхомъ и поѣхавъ. И давай ихъ своѐй отросточкой угощаць. Яны

ажъ стогнуць. Подъѣжжаець къ дому къ ихнему, и выходзиць ета сама Баба Юга зялѣзная нога и спра*шавае*ць, не были ли кобылицы у шкодзи, либо гдзѣ, што ты опоздавъ зь имы на хвацеру ицинь—уже скоро сонца зайдзець, а я табѣ приказавала, кабъ не позьнився. Ну, добрый молодзець, прощаю табѣ на первый разъ, а заўтра постарайся пораньше! Ёнъ загнавъ кобылицъ, Баба Юга дала яму вячерацъ, посцель послала. Ложись, добрый молодзецъ, отдыхай—ты заморився! Ёнъ и лёгъ, повячеравъ, помолився Богу и лёгъ спаць. И спиць. А я табѣ говору, добрый молодзецъ, —я пойду у баню помыюсь, а ты будзь у дворѣ. И я табѣ говору, спи ня вочань крэпко, кабъ нихто ничагб не ўтащивъ!—Идзи, бабка, ёнъ каець на яѐ. Отъ ина и пошла. Етыя бабы собачка, чорной шерсьци, росту небольшого, потходзиць и говориць: охъ, здрастуй, добрый молодзецъ, Казакъ Михайла! Отъ, ёнъ и удзивився тогды: Господзи, почаму ёнъ моець знаць, што я Казакъ Михайла?—Я табѣ скажу, што Баба-Юга дзѣлаець сичасъ! Ина цяперъ у бани своихъ дочекъ усихъ наказаваець. Хоцишъ увѣрацъ мою правду, то идзи, посмотри! Ёнъ и пошовъ. Пошовъ. Потхбдзиць къ бани. Отомкнувъ вокошко и смотриць незамѣтно, кабъ ина ня ўвидала. Ина бъець и приказуець сярэдьней сястрѣ: што бтъ, шельма, большая измянила своё слово, а ты, бесціа, не мѣняй. Кабъ вы сьнинулась зайчицами, и зьбѣгли у цёмный лѣсъ, подальше, якъ прошетшій дзень. Ёнъ жа васъ тамъ ня дбвжанъ найциць! Срэдьняя отвѣщаець: слушаю, маменька, сповню! Ёнъ упяродъ пошовъ и лёгъ, и спиць, бытто нигдзѣ ня бывъ. Удругъ давъ Богъ дзень. Ёнъ жа своимъ опяць порадкомъ бярѐць,—уставъ, Богу помолився, и бярець оброцй, и идзець у сарай, брытáець кобылицъ, садзитца и поѣжжаець. Баба-Юга послыхала: охъ, молодзецъ добрый, што жъ ты гонишъ ня ѣвши,—ты ѣсьци захочешъ!—А, бабуша, я моець сягодьни не захочу ѣсьци, я хорошо повячеравъ!—Нѣ, возьми, нà табѣ пирожокъ, зьѣжъ, захочешъ. Ёнъ не хоцѣвъ узяць—али ўзявъ. И вывевъ у зялёные луги, у шавковыя травы, на крынишныя воды. Кобылицы ходзюць. Посмотрйць на етый пирогъ, такъ яму ѣсць хочетца. Ёнъ узявъ, зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и ўснувъ. Якъ уснувъ, такъ тры часы проспавъ. Прошнувся, посмотрѣвъ вокругъ—нема кобылицъ. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходбй, молодзецкой ступбй—во всѣ чатыре стороны отыйшовся вёрстъ по питьдзесятъ—нема кобылицъ. Ёнъ ставъ, да й плачець. Другъ бяжиць къ яму заицъ: чаго, добрый молодзецъ, плачешъ, чаго рыдаешъ?— —Якъ жа мнѣ не плакаць, или ня рыдаць, што я остаюсь при нещасномъ злўчаи, што у мяне нѣту моихъ кобылицъ, которыхъ я узявъ на своѐ руки пасьвиць! Заицъ яму говориць: ага, каець, во—я знаю, говориць, дзѣ твоѐ кобылицы—табѣ ихъ не найциць. Стой жа тутъ на етымъ мѣсьци: яны были кобылицами, а цяперъ зайчицы,—стой жа тутъ на етымъ

мѣсьци, и синій камень хапай, и на ихъ кидай, якъ мы ихъ будземъ гнаць. Яны дальше удвойнѣ, чимси учора были! Ёнъ ставь и стоиць на етымъ мѣсьци. Другъ гонюць ихъ зайцы—ирвуць за заднія ноги. Ёнъ синій камень хапаець, и на ихъ бросаець, и говориць: якъ были зайчицами, такъ параставцесь кобылицами! Яны якъ были зайчицами, такъ и параставились кобылицами. Ёнъ и сѣвъ на ихъ вѐрхомъ и поѣхавъ, и давай ихъ свой отросточкой угощаць,—яны ажъ стогнуць. И пріѣжжаець, тольки—тольки сонійка зайшло. И выходзиць Баба-Юга и говориць: охъ, добрый молодзецъ, плохо стараесься объ служби своей, позно приводзишь!—Ну, ничавò, бабка,—погода была, кобылички нямного зыкались (зыкъ), дыкъ яны ня вочань хорошо пасьвились днёмъ, дыкъ я пасьвивъ попозьнѣй! —Ну, я табѣ не позволяю, а сягодьній разъ я табѣ прощу, ды глядзи заўтра не спозьнись, а то пропала твоя служба—я табѣ ничòго не заплачу! Ну, ложись спаць, никỳды не ходзи, я пойду у баню помыюсь! Баба Юга узила тры возы зялѣзнаго прутьця, и начила, повизла, у баню съ собой. И начила биць; поломала уси еты тры возы прутьця надъ срэдьней дочкой и прикáзыець мéньшай: вотъ, прохвостая, табѣ приказую посьлѣдьній разъ: сьнинутца рыбйцами и у цéмное мóра на дно. Пойдзіць на своё мѣсто! Ну, яны пошли, стали у сараи. Давъ Богъ дзень —Казакъ Михайла уставъ, Богу помолився, и бярець оброцй, и идзѐць у сарай, брытáець кобылицъ, садзитца и поѣжжаець. Бабка послыхала: охъ, молодзецъ, што жъ ты гонишъ ня ѣвши? Ты знаешъ, што надо ѣсь. Я вò спала, нездорова, а й то ѣсь хочу. Нà во пирожокъ, зьѣжъ—захочешъ! Ёнъ не хоцѣвъ узяць—али ўзявъ. И вывевъ у зялёные луги, у шавкòвыя травы, на крынишныя воды. Ёнъ узявъ етый пирожокъ, вёрстъ на пятьдзесятъ отъ сябе отбросивъ, и думаець: ня буду видзѣць, ня будзець ѣсь хоцѣтца. Самъ разославъ свою свиту и лёгъ. Хочетца ѣсь яму худжай якъ тогда. Пошовъ молодзецкой ходой, молодзецкой ступой. Поднявъ етый пирожокъ и зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ на дорози и уснувъ, не доходзя̀ до своей сермяжки. И проспавъ тры часа. Прошнувся, нема кобылицъ. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходой, молодзецкой ступой—во всѣ чатыре стороны отыйшовся вёрстъ по пятьдзесятъ—нема кобылицъ. Пришовъ къ цёмному мору и плачець. Другъ Китъ-рыба являетца. Чаго, говориць, Казакъ Михайла плачешъ, чаго рыдаешъ?—Якъ мнѣ не плакаць, якъ не рыдаць: посьлѣдьній дзень дослужиць—и кобылицъ нема, и совнюшка захòдзиць! Китъ рыба яму отвѣщаець: отъ, цяперъ я табѣ знадоблюсь, яны были кобылицами, цяперъ стали рыбицами, и у цёмномъ моры на днѣ. На етымъ мѣсьци стой, синій камень хапай и на ихъ кидай, якъ мы ихъ будземъ гнаць! Ёнъ и стоиць. Тойчасъ гонюць ихъ. Ёнъ синій камень хапаець, и на ихъ бросаець, и гово-

рицъ: якъ были рыбицами, такъ пераставцесь кобылицами! Яны якъ были рыбйцами, такъ пераставились кобылицами. Ёнъ ихъ побрытавъ, сѣвъ на меньшую дочку и давай ихъ угощать отросточкой своей, и тымъ боли меньшую. Тогда, пріѣхавъ къ воротамъ—совнюшко ужо зайшло порадошно. Охъ, голубецъ, каецъ, позно!—Ну, бабка, посьлѣдьній вечаръ—попасовавъ хорошо!—Ну каецъ, Богъ съ тобой, идзи вячерай, и ложись спаць, а я пойду у баню мытца, а ты будзь у дворѣ. И спи ня вочанъ крэпко, кабъ нихто ничо́го не ўтащивъ! Я коли не помыюсь, дакъ ночй не пераночую сягодьнишней! Ёнъ пошовъ, и лёгъ спаць. А бабка узила тры возы зялѣзнаго прутьця и повизла у баню съ собой. Собачка жъ гэтый къ яму потхо́дзя къ посьцели, и говорицъ: эхъ, Казакъ Михайла, ты спишъ, а ня спи, идзи посмотри, што бабка приказаваецъ своимъ дочкамъ! Ёнъ уставъ и пошовъ ў баню. Подышовъ подъ вокошко и смотрицъ. Баба Юга била, била дочекъ, тогда на бо́льшую: идзи, говорицъ, сукина дочка, сюды: кархай трохъ жарабцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка! Яна карханула. Тогда на срэдьнію тожа: идзи, говорицъ, сукина дочка, сюды—кархай трохъ жарабцовъ: голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золоцая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка! Яна карханула. Тогда позвала бабка меньшую: а ты кархай двухъ жарабцовъ, а посьля коросьливаго жарабца, горбатаго, неўдало́го! Ина й кархануда двухъ жарабцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка, а третьцяго: коросьливаго, горбатаго, неўдало́го. Тогдъ баба узила, усихъ зь етыхъ восьми жарабцовъ силу выбрала и ў етого у коросьливаго уложила. Казакъ Михайла полядзѣвъ, и побѣгъ напе́радъ, и лёгъ. Ина повела и постановила жарабцовъ восемъ, и кобылицъ, а дзевятаго у цѣсный кутокъ. Казакъ Михайла пераночававъ—уставъ ураньни, умывся, Богу помолився, и ожидаецъ, покуль Баба Юга устанецъ. Устаёцъ бабушка: ну, говорицъ, добрый молодзецъ: што хочешъ за труды? Ты ня вѣрно служивъ, да ужо я табѣ прощаю. Што хоче́шъ: ци гроши, ци што?—Эхъ, бабка, за гроши ще убъёцъ хто небудзь.—А чаго жъ ты жалаешъ?—Я, бабка, хочу отъ васъ узяць жаребчика!—Ну, жаребчиковъ—у мяне, говорицъ, восемъ жарабцовъ ничого, каецъ, а дзевятый—дыкъ дрэнный. Дыкъ миждa восьми выбирай сабѣ котораго хочешъ!—Хорошо! Бабушка отчинила конюшню, стояцъ жарабцы: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка, а дзевятый неўдалый-коросьливый, горбатый и сляпый. Ина й говорицъ: ну, вотъ, етыхъ бяри, зъ восьми, а тэй няўдалый! Ёнъ ёй отвѣщаецъ: охъ, бабушка, говорицъ: вамъ нехай хорошіе! Вы ня вочань доволны оставались службой, дакъ Богъ зъ вамы—я возьму худшаго!—А нѣ, каецъ: бяри уже зь етыхъ, я прощаю табѣ!—А хай сабѣ, будзецъ мнѣ

Еще больше поля, еще больше воська положано. Уже лошадзь яго идзець по брухо у крыви. Ёнъ узъѣхавъ посярòдъ пòля того и спрашаваець: эхъ, господа кавалерія, руськаго цара воины! Хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? отгукницеся, отзывницеся, и скажиця, хто ето восько положивъ? Ну, недобитый обозвався: ето восько положивъ Трỳхонъ-молодзецъ!—А съ кимъ ёнъ бъётца-дзяретца?—Зъ Бабой-Ягипицой!—А за што яны бъютца-дзярутца?—Хочець Бабу-Ягипицу зьбиць и дочку за сябе замужъ узяць!—Болванъ ёнъ! за штò много такъ силы кладзѣць! А ỳ которымъ часу яны билиси?—У одзинатцатымъ вутра! Ёнъ и поѣхавъ: ужо лошадзь свою гониць получче. Подъѣжжаець къ хвацери Трỳхона-молотца, пасéтца яго лошадзь подъ яго окошкомъ, и Трỳхонъ-молодзецъ самъ обѣдаець. Ёнъ злѣзъ съ своè лошадзи и обдумався: эхъ, почаму я знаю, хто изъ насъ сильнѣй? дай-ка угадаю! Пусьцивъ свойго коня на коня Трỳхона-молотца,—такъ лошадзь Казака Михайлы якъ дунула ноздрами, такъ тая отбѣжалась вярсты на три отъ того мѣста, а Казака Михайлы лошадзь узила ѣсь пищь тую. Казакъ Михайла ужъ повеселѣвъ; идзѐць прамо у домъ Трỳхона-молотца. Отросточка тожъ стоиць у нярседьней комнаци. Казакъ Михайла узявъ яѐ у лѣвую рукỳ, а свою у правую, и бъéць одна объ одну. И праговáруець: чія тросточка побъéтца, той и самъ плошѣй! Трỳхона молотца отросточка бъетца, якъ горщокъ, отъ Казака Михайлы отросточки. Трỳхонъ молодзецъ, обѣдая, и услыхавъ. Посмотрѣвъ у вокошко—и лошадзь яго отогнáта, и чужая пищь ѣсь яго. И ёнъ и закричавъ: хто ёсь у моёмъ доми? Никого у свѣци не боюся, опричи Казака Михайлы! Тольки я слышавъ такъ, што яго нѣту и живого на свѣци. Обрачáетца бѣжацъ—ёнъ стоиць. Спрашіець: эхъ, ни чувòмъ чувацъ, а видомъ видацъ! Ци самъ добрый молодзецъ заѣхавъ, ци воронъ косьци занёсъ? Скажи мнѣ своимъ словомъ праведнымъ: хто ты ёсь такой? И прошу цябе ко мнѣ обѣдацъ умѣсьци со мной! Казакъ Михайла отвѣщаець яму: ты, Трỳхонъ молодзецъ, дòвжанъ узнацъ самъ! Узялися за руки и пошли обѣдацъ. Я, кажетца, бытто, якъ Казакъ Михайла, али я раскажу табѣ злучай, што бытто цябе убито! А ёнъ яму отвѣщаець: правда, говориць: я бывъ убитъ! Ну, узялися за руки и пошли съ Трỳхономъ, узялись обѣдацъ, богатырськія напитки пицъ, и богатырськія между сòби разговаривацъ слова. И Казакъ Михайла сказавъ на свою лошадзь: эхъ, лошадзь моя, хай жа и та ѣсь; мы жъ помиримся другъ зъ другомъ—насъ мало такихъ ёсь! И обѣдаюцъ, и лошадзи умѣсьци стали ѣсь пищь богатырськую. Казакъ Михайла говориць: знаешъ што, што я табѣ скажу? мы посьлѣ обѣда выѣдземъ съ тобой на чисто пòля и попробуемъ съ тобой сами мѝжда сòби дацъ по ỳдару! Тогда, который зъ насъ сильнѣй остáнетца? И поѣхали тэй на своёй лошадзи,

тэй на своёй. Выѣхали на поля и спрашуюць: ну, который изъ насъ постоиць перадомъ, а тэй будзець отъѣжжаць? Казакъ Михайла отвѣщаець: што я перадомъ постою! Ну ты, скольки ёсь силы лошадзиныя, такимъ лётомъ отъѣжжай, и ты не жалѣя мяне ударъ, кабъ намъ узнаць правду безъ усякой ошибки! Тэй отъѣхавъ, разогнався, скольки ёсь силы лошадзяныя, ляцйць,—якъ ударицъ Казака Михайлу! и самъ поѣхавъ опяць. Казакъ Михайла якъ стоявъ, такъ и стойць. Ёнъ спрашіець у лошадзи своёй, Казакъ Михайла: хто коло насъ бывъ? Лошадзь яму отвѣщаець: ето довжно быць щамéль приляцѣвъ, погудзѣвъ и назадъ поляцѣвъ! Тогды ёнъ засьміявся самъ сабѣ и повеселѣвъ, и говориць лошадзи своёй: што довжно быць тое прáведно, што сильнѣя насъ никогó нѣту во ýсимъ свѣци божжамъ! Такъ и узрадовався. Ѣдзець Трухонъ молодзецъ во весь лошадзиный духъ и наяжжая одзѐржуець лошадзь свою, и одзѐрживъ. И говориць Казакъ Михаилъ: вы узнаць могли на скольки вы вёрстъ отъѣжжали отъ мяне? Трухонъ молодзецъ говориць: я отъѣжжавъ на тритцаць вёрстъ.—А ударивъ ты мяне усими силами, не жалѣя? Трухонъ молодзецъ говориць такъ: нѣ, говориць, не жалѣя ударивъ!—Ну, цяперъ ты стой на етымъ мѣсьци, я поѣду! Казакъ Михайла ня ѣхавъ на тритцать верстъ, а не больше дзесяци, и ѣхавъ совяршенно походнымъ шагомъ лошадзинымъ. И вынивъ платокъ съ кармана, подъѣжжая къ Трухону молотцу у близкомъ разстояніи. И махнувъ платкомъ—такъ Трухонъ молодзецъ едвали не упавъ зъ лошадзи, и сказавъ: эхъ, Казакъ Михайла, воля ваша, дзѣлай што хочешъ! насъ двое было, ну я проци цябе младъ, и ý третьцію часъ не дойшовъ до цябе. Попрошу цябе поѣхаць, зь егой Бабой Ягипицой, зялѣзной ногой, подратца за мяне! Хорошо, Трухонъ молодзецъ! Я цябе послухаю, поѣду, зъ Бабой Ягипицой подзяруся. Можець быць окажетца ина посильнѣй мяне! И поѣхавъ. Пріѣхавъ у чистое поля зъ Бабой Ягипицой. Тая выѣхала тожа. Сышлись; ёнъ яѐ увидавъ у глáзы и говóриць: эхъ, бабка, якъ мы будземъ дратца съ тобою? на травѣ намъ будзець няловко. Дуни-ка, бабка, во ýси четыре стороны, кабъ бывъ голый токъ! Баба дунула уво ýсѣ четыре стороны—здзѣлався чистый токъ: кусты позносила,—усё! Эхъ, Трухонъ молодзецъ (не знаючи): такъ намъ будзець на току ня ýдобно! Дуни-ка, кабъ пяскомъ на ýси еты поля! Ёнъ дунувъ; здзѣлався пясокъ. И началй дратца. Ина яго бъёць своёй кочаргой, а ёнъ яѐ бьець своёй отросточкой. Убивъ Бабу-Ягипицу по поясъ у зéмлю, а ина яго стала просиць: эй, Трухонъ молодзецъ, цари, короли бъютца, отдыхъ мѣюць, а ты не даешъ отдыхаць! Ёнъ ёй отвѣцивъ: нѣ, баба, я не жалаю отдыхаць и табѣ не дамъ! Остаѐтца—бабу убиваець у землю по шію. И ýбивъ, головý зьбивъ ёй, тулово вырвавъ и спаливъ на мелкій попелъ, и раздувъ попелъ, и поѣхавъ къ Трухону молотцу. Отъ, Трухонъ молодзецъ: твою Бабу Ягипицу я ýбивъ непрія-

целку!—Ну, што жъ, Казакъ Михайла, ну што жъ, каецъ, якъ дочку будземъ: останетца мнѣ, ци сабѣ возьмешъ? Казакъ Михайла отвѣцивъ такъ: ты жъ видзишь, што моя у мяне ёсь жана, и мнѣ ня нужно больше, зъ мяне довольно одной; а ты забирай сабѣ яѐ,—ци ўсихъ трохъ! Труховъ молодзецъ засьміявся и сказавъ: вотъ дакъ другъ, Казакъ Михайла, дороже стоицъ рóднаго брата! Родный братъ ня можецъ раздзялиць, якъ Казакъ Михайла! И до свиданьня! Благодару табѣ!—Живи здоровъ! и пользуйся етыми красавицами. А я свою забираю и жанюсь зъ ёй и живу! Попрощались,—тэй у своё мѣсто, тэй у своё, и живуць—поживаюць, добра наживаюць.

Д. Бабиничи, пугляевск. в. Кр. Макаръ Алексѣевъ, 47 л., негр.

6. Медвѣжьи сыны.

Одна купечацкая жана съ корзинкой пошла шукать грыбовъ. Потомъ, откуда узявся мядьвѣдь, большый, ухапивъ яѐ и понёсъ у лѣсъ. Прынёсъ у свою лóгву, гдѣ ёнъ, значить, ляжыть,—у логвò своё. Осмотрѣвся мядьвѣдь, що женщына мéртва,—значить,—спугалася. Смóтра мядьвѣдь на яѐ, що дѣлать зъ ёй? Ёнъ яѐ покачавъ—луппўла жана купечацкая, стала лядѐти. Мядьвѣдь ставъ ласкать яѐ, давъ ёй прыдовóльствіе, щобъ значить яна не пугалася. Ставъ яѐ кормить, и потомъ жыть изъ ёй ставъ, такъ, якъ ижъ жаной. И прожывъ ёнъ нѣсколькн урeмя зъ ёй, и прыжывъ, и яна стала бярэменна. И родила двухъ сыновъ. И назвала бóльшаго Костя, а другого Ваня. И такъ жыли *они* умѣсти много лѣтъ, —лѣтъ пятьнатцать тамъ и большы. Купчиха ета помéрла, осталися дѣти сами, и прожывали зъ мядьвѣдямъ, съ отцомъ своимъ. Пóтомъ мядьвѣдь почўствувавъ свою смерть и дужа заро́въ. И стали збиратца много мядьвѣдявъ. Назбиралось ихъ много; ёнъ усихъ ихъ расправивъ, тольки оставивъ двохъ сабѣ мядьвѐдявъ. И прыказавъ имъ соблюдать, одному—Костю, а другому—Ваню, одному одногò, а другому другóго. Пóтомъ, звярнувъ дуба мядьвѣдь и доставъ богатырскіе доспѣхи, и давъ имъ по кольцу и по шабли тамъ, и по диньджáлу, и сказавъ: вотъ, моѐ сыны! якъ вы пóйдетя у разныя мяста̀ и города̀, то вы возьмѝтя, два диньджала етыхъ уторкнитя ў зямлю. А якъ будетя далéко, и подумая братъ на брата, похóчетца яму̀ знать, якъ ёнъ жывѐ на свѣти, ти жывъ, ти мяртвъ, такъ нехай прыдя на ето мѣсто и посмотра диньджалъ. И коли етый диньджалъ будя свѣтлый,—якъ утóркнутъ, такъ сичасъ свѣтлый,—дакъ значитца мой братъ жывъ и здоровъ. А коли будя чорный и крывавый, то навѣрно хоть убитъ надѣятца (неопр. накл.), ти ў тямницы будя сидѣть! Параска̀завъ етый мядьвѣдь усё своимъ сынамъ, и потомъ помéръ

и мядьвѣдь. Дѣти яго, сыновья, поховали яго якъ отца, и довго плакали по ёмъ, по матяры, по отцу, и скорбѣли значитца, що осталися сиротами у пустыни. Такъ яны подумали между собой, братъ зъ братомъ. И говора большій, Костя: братъ Иванъ, пойдемъ мы ў свѣтъ, побачимъ людей и разныхъ *овѣщей*! Намъ будя весялѣя жыть на свѣти! Такъ, що подумали, то и случилось. Узяли своѐ ўсѣ отцовскіе доспѣхи своѐ, и пошли у ходъ. И медьвѣдя̀, котораго подаровано имъ, каждый свойго смотра, служа имъ вѣрно. И ўзяли сабѣ и согнули по дубу, прытыркнули етымъ диньджаломъ вяршины у землю, прытыркнули, щобъ было имъ мѣсто прымѣтное. Потомъ помолились Богу, пошли ў путь. Ишли, ишли яны дорогою, мѣсяцъ или годъ, ти боляй, и нашли яны дорогою—случилось имъ двѣ дороги. Костя братъ и говора Ивану: иди ты, братъ, одной дорогой, а я другой. Коли жъ ты попѣрадъ уздумаешъ на мяне, то посмотрышъ диньджала—здоровъ я буду, или ўбитъ. Тогды братъ брата значитца будемъ шукать, идэ ёнъ *д*ивсь! Попрощалися тамъ, и разышлись. Ишовъ, ишовъ Костя по 'дной дорози, и находя на городъ на одинъ. И видя большый городъ, и во ўсёмъ городи усё тёмно, и ўсё смутные люди, нема вясёлаго ничого. Ёнъ спрашуя: ти нема дэ помящэнія параночавать? Вотъ яму говорать: господинъ! Утэтый купецъ пускаа странныхъ людей,—идитя, попросітясь! Прыходя Костя икъ купцу: господинъ, Костя говора, купецъ: пуститя параночавать! Ёнъ говора: ночуйтя! Потомъ стали разговоры вести промежду собой. Костя спрашуя: господинъ хозяинъ, що у васъ такое смутное и невясёлое во ўсёмъ городи?—Ахъ, говора, братецъ: у нашамъ царстьви неблагополушно: ёсть змѣй, который пожыраа людей; и яму давали, етому змѣю, кажный день по чаловѣку. И прышлася чарга до самого уже цара: хоть самъ царъ иди, хоть дочку вяди. Такъ дочаръ пожалѣла отца и сказала: отецъ мой, батюшка государъ! Пущай я погибну одна! Дакъ отъ, братъ, у нашамъ царстьви якое нещасьтя! Поетому смутны и невѣсялы! Такъ Костя и говора: да, ето худо, говора. Чаю попили, поужынали, или повячѣрали, и давайка, говора, братъ, спать ложытца: утро мудрѣй вѣчара! Лягли оддыхать. Костю то узрупилось, и думая: що за штука? надо позараньшы уставать! Ёнъ распросивъ мѣсность ету, змѣеву, зная дорогу туды. Уставъ, умывся, помолився Богу и говора: «Мишка, пойдёмъ-ка!» Костя попрощався съ хозяиномъ и пошовъ. И прышовъ на ето мѣсто, дэ была изд*и*лана для етыхъ людей куща такая, построяна. Вонъ прышовъ туды, и вошовъ у ету кущу, и сѣвъ ожыдать, що будя. Ажъ отъ ѐдя съ коляской шастерыкомъ, вязѐ генаралъ царскаю дочь. И збросивъ яѐ коло кущы съ коляски, а самъ скорѣй говора на кучара: «поняй скорѣй! поѣжжай дальшы, а то змѣй скоро выйдя!» Сховалися за кусты и смо-

трать, що будя ись царской дочкой. Царевна ухбдя у свою кущу у приготованую, смбтра—молодый чаловѣкъ изъ мядьвѣдямъ, и вельми красивый. Яна говбра: милый, говора: убирайся отсюдова,—пехай, говора, я одна погибну! зачимъ табѣ пропадать? А ёнъ говора: нѣ, говора, царевна: обожджы, говора, не робѣй!—Нѣ, говора, голубчикъ: тутъ якъ выйдя змѣй, дыкъ насъ усихъ поѣсть, а луччай я одна пропаду! А Костя говора: не робѣй! що Богъ дасть, то й будя! Такъ поговорыли промежду собой,—выхбдя змѣй изъ воды. Оптрусився и говора: экъ, спасибо цару: за одного да трохъ прыславъ! А Костя говора: нѣ, проклятый змѣй: можа и однымъ подависькя! А змѣй говора: якъ такъ? я во ўсимъ свѣти никого не боюсь, тольки ёсть ни ёсть у якомъ то царствьи, нѣўкоторомъ государствьи Костя да Йванъ. Дакъ Кости я боюсь. Ну тольки не боюсь: яго сюды воронъ костей не занясѐ! А Костя отвѣчаа: а я, говора, и здѣсь! А змѣй говора: ой, здѣсь?—А здѣсь, говора. Змѣй говора: ахъ, Костя—мядьвѣдчій сынъ! давай ись тобой умѣсти помирымся, и мы ня будомъ во ўсёмъ бѣломъ свѣти никогб не боятца! А Костя говора: нѣ, пѐсьсее мясо! добрый молодецъ не ходя по свѣту, щобъ мирытца, а жалаа побитца! Змѣй говора: ну, давай! И стали яны дратца. Костя ямў тры головы сымаа, а ёнъ яго у зѐмлю ўбиваа. А Костя: эхъ, говора, Мишка: пособи! А Мишка потскакуа, сичасъ змѣя схвативъ, а Костя ямў усѣ голдвы зрубивъ. Етый змѣй бывъ на шасти головàхъ. Ёнъ тогды яго порубивъ у мелкія части, и въ огнѣ спаливъ яго. И змѣй ранивъ Костю у правую ногў. Царевна схватила свой платокъ имянный и завязала ямў ногу. И стала яго просить у своѐ царскія палаты: и естли ты, господинъ богатырь, не погнѣваесься на мяне, возьми замужъ за сябе! Такъ што мой батюшка зàкликъ закликавъ: хто змѣя убъѐ, за того свою дочь оддамъ, и повцарствія! А Костя говора: естли вы жалаетя, я жалаю васъ. Тольки я инáча не могу, ближай якъ чаразъ годъ съ тобой жанитца. А царевна заплакала: ахъ, говора, збавитяль ты мой: вѣрно, говора, не жалаетя мяне за сябе! А Костя говора на яѐ: царская дочь! я со ўсимъ жаланіемъ жалаю васъ,—тольки нѣту уремя мнѣ! И давъ ёй рукў свою: имѣйтя пбвнаю надежду! И царевна дала своѐ кольцо имянноа, и попрощалася съ Костяй. И Костя говбра: будьтя у повной надежди, тольки ожыдайтя чаразъ годъ у етый самый день! Тогды обратімся къ вянцў! Костя и ўшовъ зъ естымъ. «Мишка, пойдёмъ!» Костя пошовъ, и Мишка зъ имъ. Сичасъ возращаетца бывшы той генаралъ, который прывозивъ яѐ и говора: вотъ, говора, царевна: естли ты за мяне пойдешъ, дакъ будешъ жыва, а то ўбъю тябе! Усё равнб, ты погибнешъ! То прысягни мнѣ, *щобъ* я бывъ увѣранъ! А то сичасъ убъю. И парадъ царомъ скажы, що я тябе збавивъ, и змѣя ўбивъ! Царевна подумала: що жъ

мнѣ погибать? прысягла яму: и скажу батюшку цару, що ты мяне збавивъ! Ёнъ сичасъ яе ўзявъ у коляску и поѣхавъ у царскій дворъ. Прывѣзъ ету царевну. Усѣ стали рады, *що* царевна осталася ў жывыхъ. Государъ спрашуа у дочары: дочь ты моя милая, хто тябе збавивъ отъ такой погибели? А вотъ, говора: который мяне прывозивъ генаралъ, той мяне и збавивъ! Генаралъ потскакуа: я, говора, государъ, змѣя ўбивъ и дочь збавивъ! Ну, такъ якъ цару нельзя слова свойго змянить, надо за того дочь свою оддать, хто змѣя ўбивъ, и повцарства. Царевна бача, *що* надо за генарала ити, яна думаа: що тутъ дѣлать? Надумалась сабѣ: стать больной и провóдить урсмя сабѣ, дожыдатца Кости свойго. Тутъ дохторà злѣчивали яѐ. Ей воўся ня треба былò лекарства, такъ якъ ина была здорова. Генаралъ опять своё бярéтца: къ вянцу. *И*на зновъ захворэла. И проводила цѣльный годъ етого генарала. *Я*на воўся ня была больна, тольки яго дурыла. Подышлò ето урсмя, у которое треба подойти Костю. Говора отцу: я здорова ўже, папаша! Сичасъ назначили заручины: пить, пить и гулять, и весялитца. Костя етый обращаетца у етый городъ и заходя къ самому етому купцу. Поздрастовались и говора: що, у васъ благополушно?—Благополушно, отвѣчаа купецъ: у нашаго цара сягодьни пьють заручины! А ёнъ говора: якія?—А, говора: коли были у прошлый годъ у мяне у доми и спрашували, чаго усё у насъ смутно и плачъ,—дакъ якъ царскаю дочкỳ *повъёзъ* генаралъ на зьяденія змѣю, етый самый генаралъ убивъ змѣя, и збавивъ царевну. Дакъ за того генарала и дочкỳ царъ оддавъ. Заўтрашній день будуть вѣньчатца!—Да, хорошо, говора, господинъ купецъ! Костя. Дасть Богъ и мы будомъ на свадьби! А купецъ говора: а дѣ намъ, говора, туды прыдетца быть? А ёнъ говора: якъ? нѣ, быть! я такъ щытаю, що мы будомъ на самомъ пéради! А купецъ говóра: урáдъ-ли! А Костя: нѣ, будьтя увѣрны! Такъ! Мишка, поди сюда! Мишка—эээ! Костя сичасъ вынимаа бумажку, написавъ писямцо. Мишка, говора: нáкось, няси царевни, у рукỳ подай! Тольки, говора, никóму ў руки ня давай! Мишка сичасъ узявъ у своѐ лапы и побѣжавъ скоро. Прыбѣгъ къ царскому двору, часовые не допущають. Мишку нéкуды доступитца. Ёнъ кидавсь, кидавсь и ўрэзався прамо чаразъ стѣны. Якъ ставъ чаразъ стѣнку лѣзть, попавъ на еты шнуры, що звонỳ были, которыя по кóмлатахъ дають знать. И ўсё ето зазвенѣло. Тамъ спрашувають: що ето такое? Часовые подають знать, що якійся мядьвѣдь дярéтца. Царевна ўслыхала про мядьвѣдя, яна сичасъ ускрычала: ня бытя яго, не чапайтя: нехай куды хоча, туды йдѐ. Царевна сичасъ побѣгла сама наўпротѝ, а мядьвѣдь къ ёй бяжыть. Мишка поклонився ёй низко и даéть ёй письмо. Яна прочитала сичасъ ето письмо, *що* Костя издѣсь, у нашымъ городи. Царевна ускрычала: папаша, папаша! вялитя мнѣ дать лошадей! Госу-

дарь думая: що такое? Сичасъ вялѣвъ, и лошади былй сичасъ готовы; запрéжаны были сичасъ у золотую коляску. Царевна садитца у коляску, а мядьвѣдь упярóдъ. Яна вялить кучару: куды мядьвѣдь побягить, туды и ѣдь! Мишка къ дому къ етому прыбѣжавъ и ўскóчивъ у дворъ. Выскочила царевна съ коляски и бяжыть у етый домъ. А мядьвѣдь явився къ Костю. И Костя угадавъ, що царевна къ яму бягить, и ёнъ па ўстрѣчу. Обнялись и поцаловались. Такъ былй рады, що друхъ друха найшовъ. И царевна говора: слава Богу, слава Богу, що вы, Костенька, жывы! садитясь, говора, ѣдомъ къ папашу мойму у нашы царскія палаты! Костя обратився къ купцу: пóйдемъ жа, братъ, говора: я говорывъ, *що* будомъ напéради!—Да, говора, братъ: слава Богу! Садитца у коляску царевна и Костя, и купца забрали у коляску, съ собой умѣсти. Прыѣжжають. Стрѣвъ ихъ самъ государь зъ вяликой радостю. И дочь говóра: вотъ, батюшка-государъ, мой збавйтяль явився! Государъ говора: ахъ, дочь моя: зачимъ ты сказала, що генаралъ тябе етый избавивъ? Царевна говора: нельзя былó и мнѣ вывертѣтца: я яму дала прысягу! Ёнъ сказавъ: естли ты мнѣ не прысягнешъ, то я тябе усё равнó убъю! Я по няволи прысяглà! И ёнъ показуа прымѣту, Костя: óтъ, говора: якъ я ўбивъ змѣя—змѣй мнѣ ранивъ правую нóгу. Царевна своимъ платкомъ имяннымъ завязала мнѣ ногу! Посмотрѣли господа етый платокъ—дѣствительно имяный царевны платокъ. Тожа показуа кольцо царевны имяннóа. Государъ прызнавъ: дѣствительно моѐ дочары кольцо,—и ўся господà, бывшая тамъ. Прысудили етого генарала къ смерти, за яго службу за змѣннаю. Осудили яго на смерть и прывязали яго къ жарабцу и пусьтили яго у чистое пóля. (Колись было лягчѣйшее наказанія!)

На заўтрашній день Костя обвѣньчався и съ царской дочаръю, свадьбу згуляли, и стали жыть да пожывать. И такъ яны хорошо жыли, *що* одинъ безъ одного не продыхали. И большы яны не пожыли зъ ёй, якъ одинъ годъ. И ў водйнъ погодьливый день понравилося имъ на балхони пить чай. Костя смóтра и говора: ахъ, душанька: што ето, говора, близко такій тёмный лѣсъ? Царевна говора: ахъ, говора, Костенька: ето такій тёмный лѣсъ: колись-то дѣдушка мой поѣхавъ туды и не воротився. И скольки войська былó, не воротилось, и ўсё тамъ остаéтца! Костя подумавъ сабѣ: що за штука тамъ такая жывé? надо бъ узнать! Ахъ, говора Костя, душанька: якъ мнѣ скушно! А ёй не говóра, што хóча ето мѣсто разузнать; тольки самъ сабѣ. И вотъ, говора: поѣду я поохочусь, погулять, душанька! Яна смѣтила и говора: Костенька, вы не правдитя: вы хочетя-тыки етого мѣста разузнать! А ёнъ говора: нѣ, душанька; поѣду, поохочусь! скушно мнѣ! Подáли яму лошадь; сѣвъ на лошадь и ўзявъ сабѣ охотьниковъ чаловѣкъ десятокъ, али дванатцать, и собакъ шворокъ

десятокъ, и отправився. А мядьвѣдь услѣдъ, ни ступня за своимъ хозяиномъ! Якъ ёнъ прыѣхавъ къ етому къ лѣсу тёмному, и откуль што возьмися: туча, громъ, молоньня! И полився дожджъ ливнёмъ, и здѣлалась темнота силная; ничого не видно и не слышно: одинъ одного дажа не бача, а якъ тольки молоньня блисня, тогды ўбачуть другъ друга. И побило етыхъ усихъ охотьниковъ, яго служытялей, и собакъ усіхъ, остався тольки Костя да мядьвѣдь.—Костя говора: Мишка, куды мы тяперъ пойдомъ? дѣ намъ дѣтца? Вотъ яны пошли по етомъ лясу. Шли ды й шли, шли ды й шли. Громъ ущукъ, дожджъ параставъ, и ўсё стало тихо. Потомъ бача Костя—ставъ лѣсъ радѣть (рѣд). И выходя на поляну. Поляна ета была вёрстъ на семъ, и кругомъ лѣсъ. По етой поляни стоять усё болваны, разные, разные: дѣ якій лошадь, дакъ такій болванъ; дѣ якій чаловѣкъ, дакъ такій болванъ; усё значитца обратилось. И слыша Костя крыкъ. Крычить баба, стоючи на печи у вогнѣ: подогрѣйтя мяне! подогрѣйтя мяне! Костя смотра: *що* за бѣсъ такій? у вогнѣ стоить и крычить: подогрѣйтя мяне! А дровъ-то было много коло етыя печки. Ёнъ говора: постой-жа, туды твою, погоди! я тябе подогрѣю, проклятая баба! Ишъ, ёй ещё холодно! Вотъ я тябе подогрѣю! Вотъ, тольки-тольки нагнувся брать дровы, баба ета жалѣзнымъ прутомъ сѣканула Костю,—и ёнъ ставъ болваномъ по поясъ у зямлѣ. И мядьвѣдя ўдарыла, и мядьвѣдь болваномъ ставъ.

Иванъ у якихся сторонахъ ходивъ, и ўздумавъ на брата на Костю свойго: пойдутка я посмотру на гиньджалъ, якъ то мой братъ находитца: ти жывъ ёнъ, ти мертвъ? Пошовъ на то мѣсто, идѣ гиньджалы (*g*) тырчать. Прыходя Иванъ Мядьвѣдчій сынъ, вытягнувъ Костявъ гиньджалъ—ёнъ тёмный, крывавый увесь! Покивавъ головой и говора: дѣсь мой братъ попався, видно, у добрыя лапы: надо мнѣ ити яго шукать! И пошовъ по яго дорози. Ишовъ, ишовъ, и прышовъ какуратъ у самый етый городъ, и попадая какуратъ икъ етому купцу зайтить у етый домъ. Купецъ етый, якъ убачивъ, и прызнавъ яго Костяй: какуратъ, якъ Костя. И мядьвѣдь такій. Здрастуй, говора, Костя! И Ваня самъ сабѣ подумавъ: а, говора: я попавъ на дорогу! И говора купцу етому: здрастуй, здрастуй, братъ!—Ахъ, говора, Костя: идѣ вы досюля были? по васъ давно царевна плача! А етому уже пошло повтора года. Ёнъ сабѣ змекнувъ: вотъ жа ето йдѣ Костя бывъ! Попрощався съ купцомъ, и не ставъ много говорыть, и отправився у царскій дворъ. Царевна якъ увидала у вокошко, такъ бяжыть наупроти и крычить: Костя мой, Костя мой! Ёнъ мовчить,—думая, якъ бы разузнать, идѣ ёнъ дѣвся.—Ахъ, говора царевна, Костенька мой: идѣ вы досихъ были? Ёнъ говора: да ў дальнихъ сторонахъ были! Прожывъ ёнъ день и другій, и вышли яны на

балхонъ. Ёнъ говора: ахъ, душанька: што ето у васъ за тёмный лѣсъ такій? А царевна говбра: да разви вы, говора, забылися? вы жъ тогды якъ пошли да поѣхали на 'хоту, ѐтъ-кадà вы явились!—Да, да, говора: ето я запомнивъ! Вотъ тяперъ, разошлися, и побѣжавъ ёнъ у лѣсъ, куды̀ яна указавала. Якъ тольки убѣгъ у етый тёмный лѣсъ, усё ето самое злучилось, што и Костю. Ёнъ бився, бився, и выбився на ету поляну. И смотра—што ето такое? уся ета долина уставлена етыми болванàми: разные и цары, и енаралы, полковники тамъ, солдаты, собаки, львы, мядьвѣди и рáзное такбе. Ёнъ идéть по етой поляни и чуя етый крыкъ: баба крычить. Опять то жа крычить: подогрѣйтя мяне! Ёнъ идéть икъ печцы. И ўвознавъ свойго брата Костю и мядьвѣдя. Дакъ вонъ, говбра: да, я виджу, хто ты такая, я тябе, говора, подогрѣю! За што ты, говора, мойго брата посадила у зéмлю? А баба ета говбра: на што ёнъ мойго сына убивъ—змѣя?—Нука, Мишка, смотры съ того боку! вотъ мы будомъ яѐ подогрѣвать! Мишка эээ! сичасъ услу́жуа и захòдя, якъ бы яе ето ззáди схапить. Куды ни поворбтитца, яна кйдаетца съ прутòмъ къ имъ. Мишка, смотри получчай, да не зѣвай! А ў Ваньки было кольцо такое, що злые духѝ боялися яго. Ёнъ ето кольцò зъ руки показавъ етой баби. Яна прутъ упусьтйла. А Мишка яе ззади зà плечи ухвативъ. А Йванька за прутъ ухвативъ. Мишка, тащы-ка яе сюда! Мишка бабу стащывъ съ печки,—и нѣту ни огня, ни дровъ нияківхъ. Ваня спрашуа: що ето такое ты надѣлала, баба? Яна говора: вотъ що, говора, Иванька, Мядьвѣдчій сынъ: ето усё были люди жывые!—Якъ жа ты ето дѣлала? Яна говора: утъ—этый прутъ, который у тябе, жалѣзный, етый дѣлавъ людей значить болванáми. Пусти, говбра, Иванъ, мяне, Мядьвѣдчій сынъ: я табѣ усё раскажу! Ну, ёнъ думая сабѣ: я то тябе пущу,—ты тольки мнѣ расказавай. Вотъ етый, говора, прутъ: утъ-этымъ концомъ удырь кого бы ня былò, дакъ ёнъ здѣлаетца болванòмъ на вѣкъ!—А хорошо, говора: ти можно отжывить?—А етый конецъ прýта удырь опять обратно, дыкъ якъ жывъ, такъ и будя!—Ну хорошо! А много яны уже здѣся стоять болванáми?—А ёсть говора нѣкотòрымъ пю чатыреста лѣтъ уже! Ёнъ думая сабѣ: дай-ка я здѣлаю пробу! И ўдарывъ брата по головѣ прýтомъ. Братъ схватився, оптрусивсь и говора: ахъ, якъ крѣпко я заснувъ!—Да, говора, братъ: хброшо ба ты спавъ! ты бъ, говора, вѣкъ здѣсь спавъ, кабы не я! Костя ўпавъ яму̀ на шыю и ставъ яго цаловать: благодару, братъ, тябе за твою дружбу! Ну я тябе не забуду! Ударывъ прутомъ и Мишку,—уставъ мядьвѣдь сичасъ.—Ну, хорошо, говора Ванька баби: искажы ты мнѣ усю правду: якую ты льготу даёшь людямъ и звѣрамъ? А яна говора: а вотъ якую я даю льготу: тры разы̀ гоняю икъ водѣ,—жажду имъ утолить!—Вотъ, говора, якая ты иу-

читалька здѣсь забралась! говор[?] Иванъ, Мядьвѣдчій сы[?]. Возьмика, Мишка, яе хорошенько ирвани! Мишка якъ рванувъ, бабу ету разорвавъ. А Иванька зрубивъ ёй голову и на мелкія части яе порубивъ, и огнёмъ спаливъ, и попялъ раздувъ етый. И ставъ бить прутомъ усихъ —царовъ, князёвъ, усё начальство, солдатъ, звяровъ. И усё, што было на етой поляни, усё обратилося живое. (Значить, ето была такая баба, що яна дѣлаа громъ, молоньню, хмары, дождкъ, и нагоняла на ихъ ету темноту, и нагоняла ихъ на ету поляну).

Вотъ, отправився Костя зъ братомъ къ своёй жанѣ. Усѣ етыя войська закрычали ура, пѣсяльники запѣли, и музыка зайграла. Потходя къ городу къ етому; убачивъ царъ у подзорнаю трубу, и спугався: не нарошно откуль такая войська йдѐ? И говора: вотъ, говора, дочь моя: такое нещастя на насъ Богъ даѐ,—што намъ тяперака дѣлать? Кости *твого* нема, и рать нявидима на насъ наступаа. Вѣрно мы погибномъ! Государъ етый *бэрэ* хлѣбъ-соль и иде на сустрѣчу. А того ня знаа, що слава Богу, що иде щастя, иде зять Костя. Якъ стрѣтились, такъ зрадовались большою радостю. Пошли у царскія палаты, стали пить и гулять и весялитца. И ето увесь народъ етый ня могъ жыть, не большы якъ тры ти чатыры дни,—сичасъ увесь помъёръ.

Сказка имѣетъ слѣдующее странное окончаніе:

Ну, тяперъ Костя прыдзлйвъ свойго брата у полкъ. И бывъ чиновнымъ капитаномъ. И забывъ Костя на брата свойго на Ваню. Иванъ прожывъ пятьнатцать лѣтъ, нийкого чину яму не прыбувляетца,—усё капитанъ и капитанъ. Эхъ, говора: якъ жыть на свити не хорошо! вѣрно братъ забывся на мяне! И думая сабѣ: што такое за штука злучилась? я жъ яго збавивъ отъ смерти, а ёнъ мяне забывъ! Да що я здѣлаю: я не хочу служыть большы! Дяньщикъ, поди-ка сюды!—Чаго, барынъ? На-ка табѣ дватцать пять рублей и купи-ка лошадь съ повозкой! Дяньщикъ побѣжавъ, купивъ лошадь и повозку. Являетца къ барыну къ свойму: готова ужъ, барынъ, лошадь съ повозкой!—Ну, хорошо, дяньщикъ,—ступай стаканъ водки выпи! Дяньщикъ выпивъ стаканъ: благодару, барынъ!—А вотъ, заби*ра-ка* вещы, да уѣдомъ отсюль! Вотъ *ямщикъ* забравъ вещы, уклавъ у повозку, сѣли и поѣхали. Ѣхали яны нядѣлю, мѣсяцъ, и боляй, ѣхали повгода и годъ. Капитану етому не злучилось ничого хорошаго на дорози, и вышовъ у яго увесь капиталъ: нема грошай ни у барына, ни у ямщика,—не за що имъ ни выпить, ни закусить. Видить капитанъ, стоить большый домъ трохъ-итажный. И на воротахъ на цѣпяхъ стоять два ильвы. Дяньщикъ, уѣжжай-ка у етый дворъ!—Ды што вы, барынъ: я боюсь,—етые львы насъ разорвуть!—Ня бойсь, дуракъ: ступай прямо, пошвыдчай разгоняй лошадь тольки! Дянь-

щикъ погнавъ лошадь швыдко. Львы етые схватили лошадь и разорвали. А капитанъ соскочивъ и дяньщикъ, и остались жывы. Ну-ка, дяньщикъ! —Чаго, барынъ?—Отчиняйка дверы, пойдомъ разыскавать,—можа чаго найдомъ попить, поѣсть! Вотъ и пошли по лѣсьвици; на самый вышній итажъ сошли. И ўвышли,—большая залъ; у етой зали стоить большый столъ, и ўсимъ нагрўжанъ: хлѣбъ ляжыть, водка, ковбасы, говядина, вины, и ўсё, що треба. И посрадини стола кружытца кружокъ, и на етомъ кружкѣ ляжыть большая трубка и табáка. Ну вотъ, дяньщикъ: хорошо мы найшли!—Да, барынъ, хорошо, да неколи намъ, барынъ, тутъ рассмáтравать, давай-ка ѣсть,—кожа болить! Вотъ яны сѣли за столъ; сѣли, выпили, по 'дной, по другой, по трѐтьтяй по малóй. Подъѣли, закусили хорошо. Дяньщикъ!—Чаго, барынъ?—Наклади-ка трубку съ табакомъ, запали, мнѣ подай!—Да дѣ жъ, барынъ, трубка да табакъ?—Вотъ, дуракъ, —разви не бачишъ? вотъ ляжыть!—Да яно кружытца!—Возьми и наклади ету трубку да й подай мнѣ! Дяньщикъ *бэрэ* трубку и накладаа табáки и подаѐ барыну. Барынъ бэрэ трубку, дяньщикъ запáлюа. Барынъ разъ-два спыхнувъ, являетца съ потолка по поясъ отсѣчано чаловѣка: голова ѐ ў яго и руки, и кровъ течэ. И спускаетца съ потолка унизъ и ў горў, унизъ и ў горў, ажъ брызжы скачуть крывáвыя! Дяньщикъ спужався не напрасно, и сховався у тёмный кутокъ тамъ, ти ў ящикъ куды. Иванъ Мядьвѣдчій сынъ смотрѣвъ, смотрѣвъ: што за бѣсъ такій? схвативъ свою шаблю и ўдырывъ по етымъ трупў. И нейзвѣсно, што йдѣ дѣлось,—бытто бы и не былó ничóго. Дяньщикъ, дѣ ты дѣвся?—А вотъ здѣсь, барынъ!—Чаго туды сховався?—Барынъ, спугався до смéрти!— Вотъ, дуракъ! ня бойсь, ступай выпи водки стаканъ!—Хорошо, барынъ, благодару васъ! Дяньщикъ выпивъ стаканъ водки и закусивъ опять по прежняму. Капитанъ говора: дяньщикъ, накладай-ка трубку ещѐ!—Боюсь, барынъ, коли бъ еще якóго чорта не былó!—Ня бойсь, дуракъ! Дяньщикъ *бярэ* трубку, накладáа опять и подаѐ барыну. Барынъ закўруа трубку—и изновъ являетца—отъ пояса ноги, и съ потолка и до потолка, такъ скача, и ноги етыя пускаютца у пляски, ажъ брызки скачуть. Дяньщикъ изновъ спугався и изновъ сховався. Капитанъ схвативъ вою шаблю, якъ махнувъ—тольки брызки полятѣли: якъ и не былó ничóго. Дяньщикъ, дѣ ты дѣвся?—Сховався, барынъ!—Вотъ, дуракъ! поди сюда, ступай стаканъ водки пи!—Благодару, барынъ!—Да тольки смотры, не пужайся упярóдъ! Тольки управились выпить да закусить, ѣдя коляска шастерыкóмъ, и ўѣ*жджа*я у етый дворъ, и просто подъѣжджая потъ крыльцó. Ускáкуа съ коляски полковникъ як*и*сь и ўскáкуа туды, икъ капитану. Здрастуй, господинъ капитанъ!—Да, здрастуй, господинъ полковникъ!—Што вы давно тутъ живетé?—Да никакъ, недáвно!—Вы

можа быть здѣсь скучали?—Да чортъ возьми, зачимъ жа солдатъ будя скучать? Полковникъ говора: господинъ капитанъ, давай-ка выпъемъ!—Давай!—Выпили, закусили и покурыли. Полковникъ говора: господинъ капитанъ!—Што хóчетя?—Давай-ка у карты пойграямъ!—Да, да, да! давай-ка, говора, давай! Полковникъ говора: якъ жа бýдомъ гулять—у довгъ, ти на деньги? А той отвячаа: какой-чортъ у довгъ, давай на деньги! Полковникъ ставъ гулять зъ Иваномъ, пройгравъ яму тысячи двѣ й боляй, а Иванъ яму ничóго не пройгравъ. Полковникъ пройгравъ капитану десять тысячъ, и нема денягъ, уже большы денягъ ня йимѣя полковникъ. Полковникъ говора: господинъ капитанъ! давай ударымъ на коляску и на лошадей!—А давай, говора: будуть у мяне и деньги и лошади! Ставъ полковникъ гулять, пройгравъ кучара и лошадей. Ахъ, говора: хорошо ты гуляешъ, капитанъ! обыгравъ ты мяне! Ну, дѣлать нечаго! Незвѣсно дѣ дѣвся полковникъ. Остався одинъ капитанъ да дяньщикъ. Дяньщикъ!—Чаго, барынъ?—Поѣдомъ! садимось у коляску да ѣдомъ, *витъ* коляска наша и лошади наши! Вотъ и закутили,—такъ *що* стовпомъ пылъ поднявся. И скорое ўремя яны проѣхали, злучився изновъ имъ другій домъ, такій жа, тольки побóльшы. И на етыхъ воротахъ уже чатыры львы. Якъ хватили етыхъ лошадей, и усё размяли, тольки остався одинъ капитанъ, а дяньщикъ и нейзвѣсно идѣ дѣвся. Капитанъ идéть у етый домъ. И оббѣгавъ увесь етый домъ, усюды пусто, и нема ничóго. У самомъ низкомъ мѣсти дома етого бывъ большóй котёлъ. И висить угорѣ пузыръ, и гудéть у ёмъ, и крычить: а! вотъ-куды попався, Иванъ Мядьвѣдчій сынъ! я тябе, говора, доставъ у своѐ руки! Возьми ты у етый котёлъ ули шезьдесятъ вéдяръ воды, да ўсыпъ шесть крупинъ, да й звари мнѣ кашу! Ёнъ говора: чортъ возьми, якая тутъ будя каша, съ шасти крупинъ, съ шазьдесяти вéдяръ воды! Скипятивъ етый котёлъ, кружатца етыя крупины по етой водѣ, а етый съ пузыра змѣй подладився, да яго прýтомъ! И ёнъ здѣлався изновъ болванóмъ, такъ, якъ и Костя.

Вотъ етый Костя узлумавъ на свойго брата и пошовъ изъ гиньджаломъ своимъ. Ёнъ и пошовъ. Прышовъ на мѣсто, вынявъ свой гиньджалъ, дыкъ ёнъ свѣтлый, такій жа, якъ и бывъ, а братьній вынявъ—тёмный и ўвесь у крывѣ. Да, говора: братъ дѣсь попався хорошо! И обратився назадъ домой, поѣхавъ у полкъ разыскавать брата свого. И спрашуя ў полку: дѣ дѣвся мой братъ, Иванъ капитанъ?—Нейзвѣсно, говора, государъ: не знаемъ! Ёнъ журывся, що не мѣя вышшаго чину, ни прибавки жалованьня, ничóго, и не знаемъ, дѣ дѣвся! Костя подумавъ и жжалився; ахъ, идѣ бъ мнѣ разыскать и узять трупъ яго! И ўѣхавъ у розыски. И пашовъ етый самый домъ. И якъ видя, що разорванныя лошади лежать и львы скуголють, просто бѣда, Костя говóра: я виджу, що та-

кое!—Сычасъ у яго бывшая кольцо, котораго *дя*волы боялись, духи злые, ёнъ показавъ. И ўсё ето погибло. Тогды ёнъ пошовъ по етомъ дому. Ходивъ, ходивъ, ничого не нашовъ. Приходя у етый нижный подвалъ етый, и ў етомъ самомъ пузырѣ гудѣть силно. Ооо!... говора: и ты, Костя, сюды попався! убивъ ты мого брата и матку мою ўбивъ, говора: вотъ я *та*перъ тябе страблю! Бяры-ка, носи шезьдесятъ вѐдяръ у котёлъ, и шесть крупинъ, и вары мнѣ кашу! Ёнъ тогды: да, я изварy табѣ кашу скоро! Двигъ кольцо скорѣй изъ руки! И пузыръ етый упавъ на низъ сичасъ. И схапивъ ёнъ свою шаблю и ссѣкъ яго на мелкія части, етого бывшаго змѣя. Тогды прўтомъ удыривъ и свого брата и *мядьвѣдя.* Усхапились *обѣ*, стали жывы. Иванъ говора: ахъ, братъ Костя: якъ крѣпко я ўснувъ!—Да, говòра, братъ: ўснувъ ты, братъ, на вѣкъ, коли бъ не я тябе ослобонивъ! И ўѣхали у своё царство. И братъ яго уже ожанивъ. И стали яны жыть да пожывать, да по старому деняжки пажывать. Згуляли свадьбу, и я тамъ бывъ, мѐдъ-вино пивъ, по бородѣ тяклò, у ротъ не попадало капельки.

Д. Рудня, прибытковской в. гом. у. Константинъ Григорьевъ, 45 л. малограмотный. Бывалъ съ извозомъ въ Витебскѣ.

7. Иванъ Васильевичъ Стрѣлокъ.

Иванъ Васильевичъ дужа бывъ хорошій стрѣлокъ. И дошло до пана. Ёнъ потребовавъ его къ сабѣ, спрашіиť:[1]) хорошъ, говòриť, стрѣлокъ?—Хорошъ! говориť. Тогды ёнъ яго отправивъ на ѐгарскую, къ охвотникамъ. И на заўтрашній ḋень говòриť: отправляйťися на хвоту,—якъ ёнъ будиť охвоťитца? Отправились яны на хвоту. Увыйшотши у лѣсъ, разыйшлися ўси ўрозь и пусьťили сыбакъ. Ну, тода зьвиринá стала къ яму лятѣť: ёнъ на днымъ мѣсьťи стòючи набивъ усякія зьвирины бисъ конца! А тые охвотники ходили цѣлый ḋень и въ вочи никòго ня видили. Собрáлиси яны усѣ ўкучу и идуť домой, и найшли на етыго охвотника. Ну, яны тода смотряť, што у яго стольки зьвирины разныя, а ў ихъ ничагò, яны мижъ собою говоряť: ťи ни поḋѣлитца ёнъ зъ нами, а то намъ стыдно иťи домой. А можиť быť мы другій разъ забъёмъ, а ёнъ нѣ! Ну, яны сейчасъ гыворяť яму. Ну, ёнъ говòриť имъ: возьмиťя, пыḋялиťя мижъ собою по скольки приḋетца, да пойдёмъ домой. Приходюť домой. Сейчасъ доложили пану, што пришли охвотники съ охвоты. Выходиť къ имъ панъ; пыздорòвкувся и спрашіиť у ихъ: *какъ* новый охвотникъ занимаитца? Яны отвичаюť яму: хорошъ охвотникъ, говòрюť! Ёнъ отпусьťивъ ḋенихъ на вотку, а заўтра,

[1]) Мягкое д изображаемъ буквою Ḋ, мягкое т буквою Ť.

говоритъ, опять отправляйтися! Яны пошли, выпили, повужиныли, дали яму хватѐру ў вы вдовы. И ў яѐ бывъ тольки одинъ мальчишка. Назаўтраго, уставши опять отправились на хвоту. Ну, ёнъ цѣлый день ходивъ и ў глаза никого ня видивъ, етый новый охвотникъ. Етые забили каждый, а ёнъ никого не забивъ. А яму што назначена была зьвирина покуль будить жить, дыкъ ёнъ яе побивъ за динъ день. Собралиси яны итить домой. Ну, яны сами мижъ собою пыдялилиси. Приходють домой, опять доложили пану. Панъ выходить къ имъ и спрашiить ихъ: ну што, говорить: хорошъ повый охвотникъ? Яны отвичають: хорошъ! Ну, тоды ёнъ отпусьтивъ имъ денихъ на вотку: выпитя, говорить, повужиныйтя, отдыхайтя, а назаўтраго опять отправляйтися! Яны выпили, повужиныли и лягли спать. Назаўтра пувутрў опять отправилиси на хвоту. Ну, и день проходивъ ёнъ и никого не забивъ. И надумувся самъ собою: што ето такое? Никогда етого не было! Заўтра ўстану рано и ўтоплюся ў моря! И не дожидаючи охвотниковъ, отправився на хвартеру. Пришовъ ето ёнъ на хвартеру, пириночивавъ. Назаўтраго утромъ, уставши, отправився къ морю. Пришотши къ морю, сѣвъ на бѐрегу, и думаить ёнъ разьдиватца. Глянить у горў, видить, лятить три вутки. Тода ёнъ бяреть ружжо и думыить: ахъ, Господи! штоба убивъ пару вутокъ, дыкъ ба самъ не топився! Тольки узявъ ружжо, хотѣвъ прикласьтиси и ўдарить, яны опусьтилиси на берехъ и зьдѣлылиси дѣвицыми. Разьдѣлиси и пошли у мо̀ря купатца. Ёнъ тоды тихимъ вобразомъ поткрався, и узявъ одной дѣвицы, самой меньшай сястры, платьтя, и самъ скрывся. Етыя вылизьли на берехъ, одѣлиси и вылятѣли, а етой нѣтъ платьтя, и ина осталáся тутъ. Ина хо̀дить по берегў, и спрашiить: хто платьтя моё узявъ? окажись, ня бось, говорить: старый чиловѣкъ—то отецъ мой, мѐни зы мяне—будишъ братъ мой, уро̀вни со мной—будишъ мушъ мой! Ну, ёнъ сейчасъ вышивъ съ платьтимъ и оддавъ ёй. Ну, ина одѣлася и гово̀рить яму: вотъ, ты тяперь будишъ мушъ мой! И приходи заўтра у девить часовъ утра на ето мѣсто: ежели ты прежди зы мяне, ожидай мяне, а ежели я прежди, то я буду ожидать тябе! Сама попрощалася, полятѣла! Узявши и ёнъ пошовъ на хвартеру. Назаўтра утро̀мъ собираетца итти опять на тое мѣсто. А яго хозяйка была волшебница. Ина ето дѣло узнала, што зь имъ бывъ случай *такой*. Ина отправляить мальчишку свойго зь имъ, штобъ ёнъ не допусьтивъ яго до ёй. Ёнъ, идучи доро̀гую, говорить етому мальчишки: воротись, убъю! А ёнъ говорить: *бей*, дыкъ бей! а я отъ тябе ни 'станўся. Приходють па той берехъ, ёнъ сейчасъ, етый солдатъ, сѣвъ, ружжо поклавъ. Мальчишка етый коло̀ яго давай булува̀тца. Узявъ яго за го̀лову. Якъ тольки узявъ ёнъ яго за голову, дыкъ етый солдатъ заснувъ

у яго на колѣнихъ. Сейчасъ ина подъижжаитъ на кораблѝ на мори, закинула икорѧ и вышла на берехъ съ корабля. Видитъ, што ёнъ спитъ, на колѣнихъ у мальчишки, будитъ ёй яго нилизя, дыкъ надумылыся— написала записку: ежели, заўтра, идучи дорôгую, ты не убъёшъ етого мальчишку, то ты мяне не увидишъ, а я тябе! Тоды подходитъ къ имъ ина и спрашiитъ у мальчишки: хто ето сьпитъ у тябе на колѣнихъ? Мальчикъ отвичаитъ: не тревожтя яго, ето солдатъ, ёнъ ужо уморився! Тода ина ету записьчку за галстукъ ззаду заторкнула, и говоритъ: пусь сьпитъ изъ Богомъ! Сама отправилась, сѣла у корабъ и отправляетца по мôри. Тода ёнъ, нямного поспавши, прошнувся, и спрашiитъ у мальчика: што, говоритъ, здѣсь никôго не былô? Мальчикъ яму отвичаитъ: нѣтъ! никôго не было. Ну, яны отправились домой. Тода, пришотпи домой, ставъ ёнъ разьдиватца: расьтягнувъ галстукъ, ета записка упала на землю зъ-за галстука. Ёнъ сейчасъ яѐ подхвативъ, прочитавъ, видитъ, што ина въ етой записки пишитъ: ежели ты заўтра не ўбъешъ яго дорôгую, придишъ изъ имъ, дыкъ ты мяне не ўвидишъ, а я тябе. Ну, на заўтраго утромъ собираетца ёнъ опять итти; и мальчишка изъ имъ собираетца итти. Ёнъ яму отвичаитъ: ня йди, говоритъ, убъю! А ёнъ говоритъ: бей, дыкъ бей! коли убъёшъ, тода не пойду! Ну, ёнъ, узявши, пошовъ, и мальчишка етый пошовъ изъ имъ. Ёнъ, нямного отыйшовши, говоритъ: ня йди, воротись, а то убъю! А ёнъ отвичаитъ: бей хуць сейчасъ; потуда буду итти, покуль убъёшъ! Ну, ёнъ тоды зложився зъ ружжа и убивъ яго. Приходитъ на берехъ, ина ўжо ходитъ по берегу. Здоровкаитца изъ имъ и говоритъ: вотъ ба надáсь ящо ето зъдѣлывъ. Ну, тода ина отвичаитъ яму: сядимъ у корабъ, поѐдимъ у моё царство! А ёнъ отвичаитъ ей: я не могу отправитца у ваша царство, я присигавъ Богу и великому государу служитъ вѣрно. Отслуживши, получивши оставку, вô тоды я могу! Й а тяперича, говоритъ, пôйдемъ у моё царство! И идѣ жъ мы етый корабъ подѣнимъ? А ина отвичаитъ: ето корабъ нашъ! Сейчасъ вынила платокъ съ кырманà, махнула платкомъ, корáбъ етый нивись идѣ дѣвся—не стало корабля на мори. И оддала ямў етый платокъ у карманъ. Нá, говоритъ: спрячь у карманъ! Тоды и пошли у етый городъ. Пришотши у городъ, ступай, говоритъ, найми хвартеру, номиръ самый первый, и што будутъ просить за номиръ, ўдвоя давай, деньгами не стѣсьняйся, хватитъ зъ насъ! Ну, тоды ёнъ панявъ номиръ. Прожили яны на етой хвартери нядѣлю, ну, тода ина говоритъ яму: ступай явися пану! ты скольки ўремя не являвся, винуватъ будешъ! И проси пана, кабъ ёнъ позволивъ табѣ жанитца! Ну, ёнъ отправився къ пану. Сейчасъ докладаютъ пану, што пришовъ къ яму охвотникъ молодой. И выходитъ къ яму панъ, пыздоровкувався и спрашiитъ у яго: што, гово-

рить, нужно табѣ? Ёнъ говоритъ: паночикъ, хотѣвъ васъ беспокоить: просйтца, кабъ вы позволили жанитца!—Хорошо, говоритъ: я етымъ доволенъ, што моѐ слуги будутъ жанитца тутъ! Тоды ёнъ говоритъ: паночикъ, хто мнѣ дась къ священьнику записку, кабъ повиньчавъ мяне? Панъ сѣвъ, самъ записку написавъ къ священьнику, што пиривиньчатъ такого-то егара! Приходитъ ёнъ на хвартеру къ своёй дѣвушки. Ина спрашіитъ яго: што панъ отвѣтивъ хорошаго? А ёнъ говоритъ: ничаво! слава Богу! Ина спрашіитъ: што, позволивъ жанитца? А ёнъ отвичаитъ: позволивъ! самъ записку къ священьнику написавъ!—Ну, ступай, говоритъ, къ священьнику, няси ету записку, на якой день ёнъ скажитъ пріѣжжатъ подъ вянецъ, и што будитъ просить за вянецъ? Коли будитъ просить пять, давай десить, а коли десить, давай дватцатъ. Ну, ёнъ пошовъ къ священьнику. Сейчасъ приходитъ къ священьнику и подноситъ яму записку. Священьникъ полядѣвъ ету записку, говоритъ: хутъ сейчасъ пріѣжжайтя, пиривиньчаю!—А што возьмитя, батюшка, за труды? А ёнъ отвичаитъ: ня нужно мнѣ ничого! Ёнъ говоритъ: я деньги буду платить ни паньскія, а своѐ! За труды, батюшка, надо! Я самъ служащій чиловѣкъ! Ну, ёнъ яму давъ денихъ, а самъ отправився на хватеру. Приходитъ домой, ина спрашіитъ яго: што батюшка говоривъ? А ёнъ говоритъ: а ни за батюшкомъ! Батюшка говоривъ, хутъ сейчасъ пріѣжжайтя! Ну, дыкъ нечиго медьлитъ, надо людей звать и будимъ сыбиратца и поѣдимъ подъ вянецъ! Ну, яны позвали людей. Собралиси и поѣхыли подъ вянецъ. Пиривиньчалися и згуляли свадьбу. Тоды ина гыворйтъ хызяину своиму: ступай къ пану и проси пана позволенія, кабъ позволивъ на плацу построить намъ сабѣ домъ! Ёнъ отправився. Пришовъ. Докладаютъ пану, што пришовъ егаръ, што недавно жанився! Выходитъ панъ къ яму и спрашіитъ яго: што табѣ нужно? Ёнъ отвичаитъ: паночикъ, я пришовъ просить васъ, кабъ позволили выстроить домъ на плацу! Ёнъ говоритъ: на што строитца? вотъ ёсь домы паньскіе каменные, живи! А ёнъ отвичаитъ: нѣтъ, паночекъ, я хочу самъ построить сабѣ домъ на плацу!—Ну, *какъ* хочишъ! Ёнъ отправився домой. Приходитъ на хватеру, спрашіитъ хозяйка: што панъ отвѣтивъ? А ничого, говоритъ—позволивъ построитца. Ну, яны собралиси и пошли на плацъ, тольки узяли съ собою топоръ, лопату, вярёвки. Пришли на плацъ, обобрали сабѣ мѣсто и разьмѣрили, идѣ строить комнаты, анбары, пуни, конюшни. Ну, тоды, узяли вярёвкую разьмѣрили, и позабили колички по разьмѣру. И тода ина говоритъ: ну, душечка, оддохнёмъ нямного! И ёнъ лёхъ, и скоро ёнъ успувъ. И ти много спавъ, ти мало, то устаѐтъ ёнъ, видитъ усё ето настроино. Ина сейчасъ бяретъ яго за руку, вядетъ у комнаты и говоритъ: вотъ, душенька, наша работа, што мы

мѣрили! Ну, пожили яны тамъ зь нядѣлю. Ина тода говоритъ: ну, душенька, нужно явитца къ пану, кабъ ёнъ ня сердився, што довго не являвся! Ёнъ отвичаитъ: а вотъ, душенька, только напьюся чаю, пойду! Ина говоритъ: што, душенька, пойдитя пѣшшу: ти ў насъ лошадей нема, ти што? Вотъ ина сейчасъ выходитъ на крыльцо и кричитъ: кучиръ! запригай чатьвёрку лошадей, и почище убирать! Ёнъ отвичаитъ: слушаю, государыня! Ну, яны напилиси чаю, ина говоритъ: вотъ, душенька, садитися и пыѣжжайтя! Ёнъ сѣвъ, и отправився къ помѣщику. Подъѣжжаитъ подъ паньскій дворъ, тутъ уси увидали дворовые, и думали, што ѣдитъ съ чужэй зямли якій нéбудь посланецъ, или принцъ, или князь, потому што у нашимъ царстьви такой упрыжи нѣтъ. Всѣ вышли чесь отдывать. Ёнъ, подъѣхавши къ крыльцу, выскочивъ къ имъ. Тутъ глидятъ уси и удивилиси, што ето ѣхавъ такъ егаръ. Тоды сейчасъ докладываютъ помѣщику, што оявився егаръ. Выходитъ панъ къ яму, смотритъ на яго лошадь, на яго ўпришъ, и зоветъ яго съ собою у комнаты, и говоритъ яму: скоро ты, братъ, другъ выстріився! А ёнъ отвѣчаитъ яму: ето ни я выстроивъ, а жана моя! А при етымъ панъ бывъ удовецъ. Дыкъ ёнъ проситъ яго: милосьти прошу прибыть заўтра жъ жаною! Ну, ёнъ сѣвъ на своихъ лошадей и отправився домой. Пріѣжжаютъ домой. Ина сейчасъ выскакыитъ у спрашіитъ яго: што панъ отвѣтивъ хорошее? Ёнъ говоритъ: ничого ня 'твѣтивъ, только просивъ прибыть жъ жаной къ яму заўтра. Ина говоритъ: дыкъ што шъ тамъ такое? дыкъ и поѣдимъ! Назаўтраго утра уставши, чаю напилиси, ина вышла на крыльцо и гукаитъ: кучиръ! возьми, запряги шисьтярикъ лошадей, почище увобрать! Ёнъ говоритъ: слушаю! сейчасъ готовы будутъ! Запрёхъ ёнъ лошадей, и яны вышли, сѣли и поѣхыли. Пріѣхыли къ пану. Якъ ёнъ, панъ, бывъ удовцомъ, а ина дужа красивая, то ёнъ захотѣвъ яе узять. Ну, яны тамъ пыгосьтили, пыгосьтили, ну ёнъ яе хуть ба и хотѣвъ узять, ды безъ вины шъ ня можно,—хуть сабѣ ёнъ и панъ, а той и егаръ. Ну, ёнъ отправивъ ихъ у дворъ. Тода сѣвъ самъ и задумывся, якую бъ вину найтить на яго, истребить яго, а жану узять за сябе. Въ то время выскакыитъ *думчій* и говоритъ: панокъ! я знаю объ чомъ вы задумылися! Ёнъ отвичаитъ яму: объ чомъ?—А, говоритъ: я знаю объ чомъ—объ егарской жанѣ! А вотъ я знаю яму службу, дыкъ ёнъ службы етой ни найдитъ и ни придитъ, а хутя и придитъ—дыкъ ваша мечь—яго голова съ плечъ! Вотъ пусьть принясетъ вамъ ворона, кабъ было зылотое пяро и сяребриное! Дыкъ стких птицъ нѣту, дыкъ ёнъ—хуть ёнъ и придитъ, дыкъ ни принясетъ! Сейчасъ помѣщикъ требуитъ егара. Ёнъ являитца къ помѣщику. Объ чомъ, паночекъ, требуитя? Ёнъ отвичаитъ яму:

вотъ табѣ ёсь служба! Ёнъ спрашіитъ: якая служба? Ёнъ говоритъ: ступай, приняси мнѣ ворона, штобъ было зылотое пяро и сяребриное пяро! А кыли ни принясешъ, дыкъ моя мечь, а твоя голова съ плечъ! Ёнъ изъ етымъ отправився домой. Идучи до дому, силно заплакавъ. Ина сейчасъ выскакыитъ на крыльцо и спрашіитъ яго: объ чомъ, душечка, плачитя? Ёнъ отвичаитъ ей: какъ жа мнѣ ни плакатъ? У кого жонки хороши бываютъ, то тому постоянно такъ бываитъ, што головы съ плечъ зьлитаютъ! Ина яго уводитъ у комнаты и спрашіитъ: скажи, што ето за такое? А вотъ, говоритъ: сказавъ панъ: достань ворона, штобъ зылотое пяро и сяребриное, а коли, говоритъ, ни достанишъ, то мой мечь, а твоя, говоритъ, голова съ плечъ! Ина говоритъ: да, садися обѣдатъ, ложися оддыхатъ; у насъ садъ вяликъ, у саду разныхъ птицъ много, можа бытъ и найдёмъ. Ёнъ побѣдавъ и лёхъ спатъ. Спавъ ёнъ ти много, ти мало, тольки проснувся—видитъ, воронъ етый ходитъ по комнати. Ина отвичаитъ яму: вотъ, душенька, и ёсь! Устаньтя, напійтися чаю и отняситя пану ворона! Ёнъ уставъ, помывся, чаю напився и понёсъ етого ворона помѣщику. Приноситъ помѣщику, яму доложили, што принёсъ егаръ ворона. Ну, ёнъ сейчасъ выходитъ и говритъ: пускай ворона, а самъ отправляйся домой! Ёнъ опятъ сѣвъ и думыитъ, якъ штобъ яму зьдѣлытъ такое? Опятъ выходитъ думчій и говоритъ: объ чомъ вы задумылиси? Я, говоритъ, знаю объ чомъ. Вы, говоритъ, объ егарской жанѣ задумылиси! Вотъ я, говоритъ, знаю яму службу! Ёнъ спрашіитъ: какую?—А вотъ, говоритъ, пусьтъ привядётъ вамъ козу—шарсьтинка зылотая и кабъ шарсьтинка сяребриная, зылотой рохъ и сяребриный рохъ! Ни доставитъ ёнъ вамъ, дыкъ ваша мечь, а яго голова съ плечъ, а вамъ жана останитца! Ёнъ сейчасъ требуитъ етого егара. Ёнъ являитца къ яму и спрашіитъ яго: объ чомъ, говоритъ, требуитя?—Вотъ, говоритъ: у тябе ёсь служба! Доставъ мнѣ козу, кабъ была зылотая шарсьтинька и сяребриная, и зылотой рохъ и сяребриный рохъ! А ни доставишъ—мой мечь, твоя голова съ плечъ! Ну, ёнъ отправляитца оттуда. Приходитъ домой. Жана спрашіитъ яго: што, говоритъ: объ чомъ панъ требувавъ?—Вотъ, говоритъ, объ чомъ: штобъ доставивъ козу—шарсьтинка зылотая и шарсьтинка сяребриная, зылотой рохъ и сяребриный рохъ, а коли, говоритъ, ни доставишъ—моя мечь, табѣ голова съ плечъ! Ина говоритъ: ето ничого! ящо подумыимъ! обѣдай, ложися спатъ! Ёнъ побѣдавъ, лёхъ спатъ. Прочнувся, поглядитъ—коза ужо ходитъ по комнытахъ. Вотъ ина говоритъ: устаньтя, умыйтися, чаю напитися, зывядитя козу яму! Ёнъ уставъ, умывся, чаю напився и повёвъ. Приводитъ къ пану. Сейчасъ докладуютъ пану, што егаръ привёвъ козу! Ну, панъ сейчасъ выходитъ. Смотритъ на ету козу и говоритъ яму: отправляйся домой! Ёнъ отпра-

вився. Ёнъ опять задумывся: што тутъ дѣлыть? ни якимъ родомъ яму, ничого ни подѣлыишъ! Тода выходить третьтій думчій. Вотъ ёнъ говорить: объ чомъ, говорить, задумылиси? Я знаю, объ чомъ вы задумылиси! Вы задумылиси объ егарской жанѣ! Вотъ, говорить: послать яго туда, ды нима вѣдома куда, пусьть принясёть то, ды нима вѣдома што! Вотъ етого, говорить, нійдѣ у сьвѣти нима. Дыкъ якъ пойдить, этого ни найдить, и такъ придить, дыкъ ваша мечь, яго голова съ плечъ! Ну, ёнъ требуить яго. Ёнъ сейчасъ являитца и спрашіить: объ чомъ требуитя? Ёнъ отвичаить яму: вотъ, говорить: ёсь у тябе служба. Ёнъ спрашіить: якая? А ёнъ говорить: вотъ, ступай туда, ды нима вѣдома куда, приняси то, ды нима вѣдома што! Ну, ёнъ отправився домой. Приходить домой. Жана и спрашіить яго: объ чомъ ето панъ требуить? А вотъ, говорить: говоривъ панъ, што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нима вѣдома што!—Ну, садись, говорить, обѣдай, ды ложися спать. А вутро бываить мудренѣй вечера. Ну, назаутраго устали яны утромъ, посьнѣдали. Жана говорить яму: ступай къ папу, пусь дась билетъ, бизь бялета ити нильзя. И говорить: пусь такъ билетъ пишить, якъ я скажу: нехай напишить годъ за повгода, мѣсицъ за повмѣсица, часъ за повчаса, минута за повминуты, сикунъ за повсикуна,— выпишить такой билетъ, тода и отправисься! Ну, являитца ёнъ къ помѣщику; докладываютъ помѣщику, што егаръ пришовъ! Ёнъ выходить къ яму и спрашіить: што табѣ нужно? Ёнъ отвичаить: нужно мнѣ билетъ!— Ну, говорить, сейчасъ будить готовъ! А ёнъ говорить: нѣтъ, говорить, ни такой билетъ, якой выдаётца, а такой, якой я скажу! Ну, ёнъ отвичаить: ну, говори, какой табѣ нужно?—А вотъ, говорить, пишитя билетъ: годъ за повгода, мѣсицъ за повмѣсица, часъ за повчаса, минута за повминуты, сикунъ за повсикуна! Ну, отправляйся домой, а когда выпишимъ, тогда мы потребуимъ. Ну, ёнъ отправився домой. Яны никакъ не могли сыставить яму билета етого. Ето дѣло пройшло три годы. Ну, нашовся такой писарь, што выписавъ билетъ яму. Ну, сейчасъ требуить яго помѣщикъ. Ёнъ являитца и спрашіить: объ чомъ требуитя? А вотъ, говорить, табѣ билетъ. Ёнъ получивъ билетъ, и отправився домой. Приходить домой, жана и спрашіить: што, говорить, выписали билетъ?— Выписали!—Ну, садися, говорить, обѣдай, ды ложися спать, вутро бываить мудренѣй вечара. Ёнъ побѣдавъ и лёхъ спать. Назаутраго утра уставши, чаю напивши, посьнѣдали, и отправляить ина яго у путь шукать егыхъ вящей. Увизала яму у дорогу харчей, и дала рушникъ, и пускаитъ клубочикъ: куды етый клубочикъ будить катитца, туды и ты ступай; идѣ етый клубочикъ подъ ворота подкотитца, тамъ и ночуй. Уставши, ни чіимъ рушникомъ ни утирайся, тольки моимъ!

Ну, ёнъ отправився у путь. Ишовъ ёнъ много, ти мало, ето низьвѣсно, выходить на полянку. Видить, стоить чугунный домъ. Ёнъ подойшовъ къ етому дому, сейчасъ етый клубочикъ подкадився подъ ворота́. Ёнъ стучить у ворота. Выскакыить дѣвица и спрашiить: хто тамъ? Ёнъ отвичаить: егаръ русскiй!—Што табѣ, говорить, нужно?—Отворитя ворота, пусьтитя на́ нычь!—Погоди, говорить, спрошу у барышни. Тода ина ускакыить и говорить: барышня, русскiй егаръ про́ситца на́ нычь! Ну, говорить: пусьти яго, накорми яго, напой, и спать положи, пусь оддыхаить, ёнъ съ похо́ду утомився! Ина яго упусьтила, накормила, напоила и спать положила! Назау́трaго устае́ть ёнъ повутру, умывся, вынимаить свой рушникъ и утираитца. Ета служанка увидила и побижала къ барышни: барышня, говорить, егаръ вашимъ рушникомъ утираитца. А ина говорить: нѣтъ, мой рушникъ зьдѣсь! Тода сейчасъ выходить барышня у кухню и спрашiить яго: а йдѣ ты у́звявъ етый рушникъ? А ёнъ отвичаить ей: ета мнѣ жана дала. Ина сейчасъ бросаетца къ яму и здоро́вкуетца: ето, говорить, рушникъ сестры моѐ малыя. Сейчасъ яго у комнату, стали пить, гулять—такъ ёнъ уремя у яе провёвъ пошти мѣсяцъ. Тода ина уздумала, спрашiить: куда шъ ты идёшъ, куда шъ тябе Богъ нясе́ть?—А вотъ, говорить, пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нима вѣдома куда, приняси то, ды нязьвѣсно што.—Ну, што шъ ты гуляишъ? табѣ шъ давно надо было отправлятца! Сейчасъ выправляить яго, даеть ина яму клубочикъ--куда етый клубокъ будить катитца, туда и ты ступай! Нiйдѣ ни ночуй, помимо идѣ клубочикъ подко́титца подъ ворота, тамъ и ночуй! Ну, выходить ёнъ узнова на полянку, видить, стоить домъ мѣдный, огромный, а етый ящо большiй. Подкотився клубочикъ подъ етыя ворота. Ёнъ стучитца у ворота. Выскакыить дѣвица и спрашiить у яго: хто тамъ? Ёнъ отвичаить: егаръ русскiй, на́ нычь! Ина говорить: сейчасъ спрошу у барышни! Сейчасъ ускакыить и говорить: барышня, русскiй егаръ про́ситца на нычь!—Ну говорить, пусьти яго! Напои, накорми и спать положи! Ина сейчасъ открываить ворота и упусьтила яго. Напоила, накормила яго, и спать положила. Назау́трaго утромъ устаеть, сейчасъ одѣвся, умывся, вынимаить свой рушникъ, утираитца. Дѣвица увидила етого рушника, побѣгла сейчасъ къ барышни. Барышня, говорить: егаръ вашимъ рушникомъ утираитца.—Нѣтъ, говорить: мой рушникъ зьдѣсь. Ина сейчасъ уходить на кухню и спрашiить у яго; а йдѣ вы етый рушникъ узяли?—Ето, говорить, мнѣ жана дала! А ина говорить: ето моя сестра! Ну,

яны поздорôвкылиси, ина яго сейчасъ узила, повила съ собою у комнату, тамъ напилиси чаю, посьнѣдали. Ина яго спрашiитъ: куда шъ ты идешъ? куда тябе Богъ нясетъ? Ёнъ отвичаитъ: што пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нявѣдымо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што. Ина яму отвичаитъ: што шъ вы гуляитя? да вамъ давно нужно отправлятца! Ина сейчасъ отправляитъ яго, даетъ яму клубочикъ, и говôритъ яму: куды ёнъ будитъ катитца, туды и ты ступай. Нiйдѣ ни ночŷй, помимо, куда клубочикъ подкотитца подъ ворота! Ёнъ и пошовъ. Ишовъ ёнъ много ти мало, нязьвѣсно, скоро дѣло кажатца, ну тольки ня скоро дѣлыитца. Вышовъ ёнъ на поляну—видитъ домъ сяребриный огромнѣйшiй. Подходитъ къ яму, сейчасъ клубочикъ подкатився подъ ворота. Ёнъ стучитъ у ворота. Сейчасъ выскакыитъ дѣвица и спрашiитъ: хто тамъ? Ёнъ говоритъ: егаръ русскiй, пусьтитя нá нычь!—Погоди, говоритъ, спрошу у барыни. Сейчасъ ускакыитъ ина: барыня, русскiй егаръ проситца нà нычь! Ина говоритъ: пусьти! напой яго, накорми, посьтелю посьтяли, пусь оддыхаитъ! Ина яго пусьтила, напоила, накормила и спать положила. Назаŷтраго утромъ, уставъ ёнъ, одѣвся, умывся, вынивъ рушникъ свой, утираитца. Дѣвица увидала ето, сейчасъ побижала къ барыни: барыня, говоритъ, егаръ вашимъ рушникомъ утираитца! Ина говоритъ: нѣтъ, рушникъ мой зьдѣсь. Сейчасъ, барыня уходитъ на кухню. Спрашiитъ у яго: идѣ ты етый рушникъ узявъ? Ёнъ отвичаитъ: ето мнѣ жана дала!—Да, ето дочкiй моѐ малыя рушникъ! Ну, тоды ина гукаитъ: дѣвка, говоритъ: вяди яго у комнату, пусьтъ чаю напъѐтца, и дай яму посьнѣдытъ. Ина яго увила у комнату, чаемъ напоила, накормила, и тоды ужо теща яго спрашiитъ у яго: куды идешъ? куды тябе Богъ нясетъ? Ёнъ отвичаитъ: пославъ помѣщикъ: што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нязьвѣсно што. Тода ина отвичаитъ яму: оддохни шъ ты нямного, а я пойду узнаю, ёсь ли ето идѣ, или нѣтъ! Сейчасъ ина вышла за вороты, сейчасъ якъ сьвиснула, крикнула, позьлятѣли усѣ птицы, идѣ которыя ни былй, усѣ позьлятѣли. Здорôвкуютца: здравiя жалаимъ, барыня! Объ чомъ требуитя насъ? Ина отвичаитъ: вотъ, говоритъ, ходитъ русскiй егаръ, пославъ яго помѣщикъ, што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нязьвѣсно што. Вы летаитя, говоритъ, по лисахъ, по мохахъ, по болотахъ, ти ни знаитя, ти ня вѣдыитя етого дѣла? Яны отвичаютъ: нѣтъ, и ни знаимъ, и ня вѣдыимъ! Ина опять якъ сьвиснула, якъ крикнула, сейчасъ бѣгать зьвярьѐ, усякiя гады, и зьмѣи, и люгашки. Яны здоровкуютца изь ѐю:

здравія жалаимъ, барыня! Объ чомъ насъ требуитя?—А вотъ, говоритъ, ходитъ русскій егаръ, пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нявѣдомо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што. Ти ня вѣдыитя, можа бытъ: вы шъ ходитя по лѣсахъ, по мохахъ, по болотахъ, усюдахъ! А яны отвичаютъ: нѣтъ, ни знаимъ и ня вѣдыимъ! Одна лягушка отвичаитъ: знаитъ, говоритъ, ни знаитъ: ёсь лягушка старушка, кода ета знаитъ, дыкъ знаитъ, а боли нихто ни знаитъ. А барыня говоритъ: а зачимъ жа ина ни пришла? А ета отвичаитъ: яе дома нѣту!—А гдѣ шъ ина?—Къ морскому раку на вясельля ушла!—Сейчасъ жа ступай за ею, штобъ сію минуту тутъ была! Ну, сейчасъ ина являитца. Объ чомъ, барыня, требуитя?—Вотъ, говоритъ: ходитъ русскій егаръ, пославъ яго помѣщикъ, што иди ты туда, ды нявѣдомо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што,—ти ня вѣдыишъ ты? А ина говоритъ: а, знаю! Гукнити-ка егара того! Сейчасъ позвали егара. Ёнъ выходитъ къ ёй. Ина яму говоритъ; садись на мяне полехчи, и дяржись покрѣпчи. Ёнъ сѣвъ. Ина якъ заскакала, дыкъ ниякая птица ни справитца изъ ею лятѣтъ, ни то бѣчь. Занисла яго такъ далеча, што ёнъ самъ ни знаитъ куда! Тода ина якъ скакнула, ёнъ зъ яе ўпавъ, и на кўпину сѣвъ. А лягушки нѣтъ, остався одинъ. И сядѣвъ ёнъ до етого, што и заночувавъ. И просѣдивъ ёнъ тамъ три дня. Ни знаитъ ёнъ, куды выйти, тольки видно одно небо. На чатьвёртый день, у повдни, чуитъ—зьвинитъ колокóлъ. Ёнъ думавъ, што вотъ тутъ яго хто убъетъ. Подъѣжжаитъ ёнъ къ яму ближи, и говоритъ: Нито, выстрой кабачокъ, попитъ да поѣсьти етому господину. Нито сейчасъ плѣснувъ у руки, сейчасъ выстріився кабачокъ. Тода етый господинъ садитца, пъетъ и закусыитъ; а етый егаръ сядитъ на печки за трубою, и прячитца, боитца, кабъ етый господинъ ни 'тколотивъ яго, чаго ёнъ на печку забрався. Етый господинъ напився, наѣвся и говоритъ: Нито! убирай ето! И самъ усьсѣвъ на лошадей и поѣхавъ. Етый Нито увобравъ усё, и егаръ опятъ сядитъ на кўпини. Тода захотѣлось етому егару ѣсьтъ. Нечиго яму ѣсьтъ, и тода спрашіитъ: Нито! А ёнъ отвичаитъ: чаго изволитя!—Нѣтъ ли чаго поѣсь? хотъ хлѣба кусокъ? Ёнъ отвѣчаитъ: егаръ, ды глупый! какое ўремя сидитя, и ня можитя спроситъ поѣсьти чаго. Сейча́съ ёнъ выстріивъ кабачокъ. Зьлѣзь, говоритъ, съ печки! И подноситъ вотки, вина, разныя закуски. Ёнъ наливаитъ стаканъ и здоровкыитца изъ имъ, зь Нито; будь здоровъ, Нито! А ёнъ отвичаитъ: кушайтя на здоровъя! Ёнъ выпивъ стаканъ, наливаитъ и подноситъ етому Нито. Ёнъ яго посадивъ съ собою у рядъ и стали

изь имъ пить и ѣсьти умѣсьти. Тода ёнъ говорить: вотъ, я етому господину, што пріѣжжавъ, служу яму дивяноста три года, и никогда ёнъ мнѣ стаканьчика ни поднёсъ! А етый егаръ говорить яму: пойдимъ умѣсьти, будимъ пить и гулять!—Ну, пойдимъ, Нито отвичаить яму. Ну, попили яны, поѣли и отправились. Вышли яны ужо зь лѣсу, на большую дорогу. Выстріили кабачокъ, и стали пить и закусувать. Ѣхали купцы, и знають, што на етымъ мѣсьти не было кабачка, а тяперь ёсь кабакъ. Да дай зайдёмъ, посмотримъ, хто зьдѣсь живётъ? Уходють у кабакъ, видють одного, а чують—разговаривають удвухъ. Тода яны спрашують: сь кимъ вы, господинъ, ето разговариваитя,—одинъ сидитя, а удвухъ разговариваитя? А ёнъ отвичаить: ето ёсь у мяне Нито. Кода хочитя посмотрѣть—сейчасъ ня будить етого кабачка. Имъ стало ето любопытно, яны стали яго просить: пожалуста, покажитя! Ёнъ сейчась якъ плёснувъ руками—нѣтъ ничого, стоять на чистомъ поли. Да. Ну, говорить: Нито, выстрой узнова, попотчуимъ етыхъ госьтей! Ёнъ сейчась выстріивъ, якъ бывъ кабачокъ, такъ и ёсь. Стали купцы просить етого егара, кабъ ёнъ продавъ етого Нито имъ: мы ѣзьдимъ по дорогамъ, намъ дужа ето надо,—не надо сабѣ пищи брать. А мы табѣ дадимъ вещь такую, што ты можишъ быть помѣщикомъ. Тоды етый Нито товкаить яго и говорить: миняйся, тольки вёрстъ у пяти или боли отыйшотши, помяни мяне; скажи: а йдѣ мой Нито? То я буду съ тобою. А есьли ты ни помянишь, то я буду изь ими! А ў ихъ была такая мѣдная трубочка и молоточикъ. И якъ первый разъ стукнишъ—одинъ солдатъ выскочить во усёй походный муницы, а другій разъ—два, и такъ усё ўдвоя пойдить. Ну, яны поминялиси, распрощалиси и пошли: тыя своёй дорогой, а ёнъ своёй. Отыйшотши ёнъ вёрстъ пять или больши, тоды сейчасъ уздумавъ: ахъ, говорить: а йдёшъ мой Нито? Ёнъ отвичаить: я зьдѣсь! Ну, сейчасъ являитца яму тая лягушка, што яго возила—говорить: што ты такъ медьлинно идешъ? Заўтра помѣщикъ на твоёй жанѣ будить жанитца! Тода ёнъ отвичаить: ну пущай женитца! А ина отвичаить: нѣтъ, садись на мяне полехчи, и дяржись покрѣпчи. Ёнъ сейчасъ усьсѣвъ, ина потащила яго. У водинъ часъ доставила у яго домъ. Ну, тяперь, говорить, ступай няси пану Нито! Сейчасъ являитца ёнъ къ пану. А жана яго усё ўремя тамъ. Сейчасъ доложили помѣщику, што пришовъ егаръ. Ёнъ сейчасъ выходить къ яму и спрашіить: ну што, приставивъ ни то, ни сё? А ёнъ отвичаить: приставивъ! Позвольтя, говорить, кабъ Нито построивъ кабачокъ, пусьть, говорить, тутъ попьють, погуляють! Ёнъ говорить: но-

жишъ, можишъ! пускай выстроить! Ёнъ сейчасъ, вышивши на крыльцо, говорить: Нито! выстройка зьдѣсь кабачокъ, пусьть тутъ попъють, погуляють! Ёнъ сейчасъ выстріивъ кабачокъ. Ну, начали пить, гулять,— шумъ такій, драка, крикъ! Нязьвѣсно откуль набралыся стольки якого народу. Тода панъ слухувъ ето, слухувъ, ды говорить: убирай ты ето своё Нито къ чорту! И бяри жану свою и отправляйся, штобъ я тябе боли ня видивъ! Ну, ёнъ забрався и пошовъ у свой домъ. Назаўтра, напившиси чаю, посьнѣдали, и ёнъ лёхъ оддыхать. И ўздумувъ на ету вещь, што дали яму купцы. Дай, говорить, узнаю: правда ето, што яны говорили, или нѣтъ! Тода ёнъ лежучи, стукнувъ етымъ молоточкомъ у трубочку, у конецъ,—такъ выскочивъ солдать во ўсёй походной амуницы. Тода ёнъ дальши стукыить—усё ўдвоя бо́льшіить. И настукувъ, што войско заняло́ увесь плацъ, нейди ужо и помясьтитца. Ёнъ уставъ, вышивъ, посмотрѣвъ, тоды пишить записку помѣщику: заўтра выходитя на плацъ, открываетца война! Ёнъ солдатомъ отославъ ету записку. Тода панъ ету записку прочитавъ, и сейчасъ требуить дворецкаго, оддаеть яму приказъ: заўтра у девить часовъ вутра пусьть разобъе́ть егарскій домъ. Ёнъ думавъ, што ёнъ тольки домъ разобъеть, и ўсё. Выѣжжаить дворный на плацъ. Смотрить у позорную трубу, видить, на плацу стоять войська, какъ тёмная туча—ни видать за войськомъ ничого, и пушки навѣдины. Етый, ничого ня думавши, обратився опять къ пану, отвичаить яму: вѣтъ, паночекъ, звольтя посмотрѣть у позорную трубу— тамъ войсько выстроино якъ тёмная туча, пушки наведины. Панъ, довго ня думувши, вышовъ на балхонъ, смотрить у позорную трубу, видить— тутъ во́йська нисьчислё́нная сила. Сейчасъ оддавъ приказъ бить тривогу.— Ударили тривогу, собра́лися усѣ, ну й открыли огонь. Ёнъ якъ ударивъ съ пушакъ, дакъ усё яго побивъ на макъ. Самъ остався паномъ на томъ мѣсьти.

С. Надъйковичи, клим. у. Моисей Елисеевъ, 55 л., негр., былъ въ солдатахъ. Потомокъ аракчеевскаго поселенца. Въ вар. мѣсто пана заним. царь.

8. Солдатъ Иванька, мышь, жукъ и ракъ.

У нѣкоторомъ царстьви, у нѣкоторомъ государстьви, за номеромъ нятымъ, у городи богатымъ, государстьвянная дочь хотѣла, кабъ яе хто небудь рассмяшивъ: ня можа нихто рассмяшить яе нийкымы жйжнями. Да, стойтя: я ошибку поймявъ! Треба було уперади расказать солдата.

Служивъ солдатъ Иванька дватцать пять лѣтъ, выслуживъ сабѣ синій бялетъ. И ишовъ сабѣ по дорози, и було у яго три копѣйки

грбшай усяго. И ёнъ бывъ дужа пъяница большій, и куращій,—куривъ много, силно табаку скурувавъ. И хлѣбосольливый дужа чаловѣкъ ёнъ бывъ. Такъ, хто ни спрося, дакъ ёнъ съ усякимъ подѣлитца, послѣдьнимъ подѣлитца. Хто ни спрося—дакъ ёнъ дасть. Да. Лятитъ яму на устрѣчу жучакъ: эхъ, говора, солдатъ; отслуживъ ты двятцатъ пять лѣтъ, и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябе, говора, и гроши ё; дай ты мнѣ Христа ради копѣачку! Ёнъ узявъ, отдавъ копѣачку, и идѐть: отъ, говора: пойду за 'дну копѣачку выпъю, а за другую табаки возьму, покуру; а одну копѣачку отдавъ, кажа, убогому жучку! Бяжить къ яму на устрѣчь мышка: ахъ, говора, солдатъ: отслуживъ ты двятцать пять лѣтъ, и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябе и гроши ё. Дай ты мнѣ копѣачку, Христа ради! Ёнъ узявъ, подялився; ще копѣачку давъ, мышцы ѐтой. Да. Тогды ёнъ иде и говора: ну, за ету копѣачку зайду у коршму, да тамъ табаки возьму на пипку, покуру, говора, зъ большого гора! А копѣачку отдавъ убогой мышцы! Ну, тогды, сичасъ рачикъ повзѐ: эхъ, говора, солдатъ: отслуживъ ты двятцать пять лѣтъ и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябѐ и гроши ѐ. Дай ты мнѣ копѣачку, Христа ради! Тэй и думая: мнѣ, говора, гора; а етому рачику, мабыть, ще горай, коли ёнъ у мяне просья ради Христа копѣачку! Узявъ и тую копѣачку отдавъ. И пошовъ. И сходятца яны зновъ напяродъ на устрѣчь яму, и жучакъ и мышка и рачикъ: «ну, коли жъ, говора, гора табѣ якое стрѣнетца, дакъ ты насъ тогды стребуй: ахъ, говора: колибъ ко мнѣ рачикъ и мышка и жучокъ, дакъ я бъ ниякого гора не знавъ! Дакъ мы тойчасъ къ табѣ оявимся!»

Пошовъ ёнъ по пути-дорози и приходя у етый городъ. У етымъ городи, занимаетца государськая дочь сабѣ мужа выбирать. Хто, говора, мяне утѣша, рассмяшить на третьтимъ ватажѝ, за того я, говора, замужъ выйду! Ну, собралися князи, короли, усякаго звания, зъ етыя зямли, съ протчихъ государствявъ, штобъ значитца утѣшить яѐ. Ну, комедіи тамъ, разныя штуки притворали, штобъ яѐ утѣшить,—на коняхъ скакали, разное тамъ дѣлали,—надъ которой яна штукой рассмяѐтца. Ну и солдатъ то жъ: пойцутка я, говорить, зъ гора: ти ни утѣшу? Можа ина зъ мяне рассмяѐтца, ти ня выйдя ина за мяне? Да. Ну, сычасъ ёнъ пришовъ, бача, разное—разное тамъ дѣлають,—усякія штуки, усякими манерами притвораютца. Ну, ёнъ доступився тамъ до лѣсьницы, хотѣвъ мо якое штуковатое слово тамъ сказать, абы што—надумався самъ у сабѣ,—яго оттудова якъ пхнули,—ёнъ якъ полятѣвъ, обмаравъ ету шинялишку усю, одѐжишку усю, якъ ёсть, и доловъ звалився. Тода говора: «ахъ, колибъ, говора, къ мойму гору тяперака жучокъ, рачикъ и мышка,—дакъ ба я ниякого гора ня мѣвъ ба!» Сычасъ оявляютца: мышка, жу

чöкъ, рачикъ. «Ну, што вамъ, говоруть, солдатъ, за нўжда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора: я, говора, умарався увесь чисто якъ ёсть; шинялишку мою змарали, мяне съ третьтяго атажа убили, говора, и ўвесь я нездоровъ здѣлався!—«Ну, здѣвай, говоруть, шинялишку свою!» Ёнъ здѣвъ шинялишку. Сычасъ, жучокъ и рачикъ поволокли на рѣчку. А государськая дочка на ето смóтра,—што зъ етого за штука будя? Тогды сычасъ помыли ету шинялйшку,—ну, дѣ жъ имъ вѣшать яе сушить? Тогды, сычасъ ракъ ставъ на шiйцы на своей, а клющни угóру задравъ. Тогды яны на рачка на етого повѣсили. А ёнъ, значитца, ня могъ здержитца—якъ полятить!.. Шинель ета зновъ умаралась. Зновъ яѐ понясьли мыть. Помыли. Ну, рачикъ говóра: стойтетка, я, говора, украплюсь хорошо ўжо! Тогды сычасъ повѣсили на рачику шинель ету. Тогды жўчакъ летая, крыльлями дмѐ, вѣтеръ нагоняя, штобъ скорѣй высушить шинель ету; а мышка сабѣ бѣгая вы̀кругъ, да дѣ мокро, дакъ выкрўчуя, выжимая, штобъ скорѣй сохла значитца. Ну, яна, ета царевна, и ўтѣшилась зъ естыхъ словъ, и засьмiялась. И сычасъ, подала отцу свойму бумагу своимы часовымы, которые часовые стояли тамъ перадъ ёй. «И вотъ, говора, папенька: ня ўтѣшивъ мяне нихто ни съ князёвъ, говора, ни съ королёвъ, ни съ протчихъ зямель, а ўтѣшивъ мяне простый радовы̀й солдатъ. За того, говора, выходжў замужъ!» Ну, сычасъ собрали баль, заручины дѣлать; усѣ большiе начальники, увесь санотъ собрався.—Государськая дочь здѣлала ямў тамъ дѣ нибудь кéльню, покуль свадьба, до свадьбы до своѐ, и приставляла ямў туды харчей, и табакъ куритялный, махорку. Теразъ кольки ўремя почали свадьбу гулять,—пожанились яна зь имъ. Ну, згуляли свадьбу, прося яна яго у своѐ комлаты, къ отцу, у дворэцъ у государстьвянный, побясѣдовать. Ну, ёнъ ня можа итить туды—вѣдомо, бясѣдовать ня можа съ колѣнами государстьвянными: я, говора, не пойду туды! Што мнѣ твой отецъ?—я твойго отца знать не хочу! Построй мнѣ, говóра, залишную комлату у саду! Дястьвйтялно, была калавурка у саду, дакъ ёнъ зайшовъ туды, и живѐ тамъ,—дайжа къ жанѣ не лйпитца,—ня хоча увóвси зь ей жить, и говорйть зь ей ня хоча. Да. Доставляють яму туды харчь, и яна сама туды прихóджуя, у садъ у етый, говорйть зь имъ. Тоды, прожили повгода, сказать, ли годъ, занимаетца у етомъ царстьви воинство. Той жа король занимаетца, который разныя штуки преставлявъ, хотѣвъ яе за сябе узять. Да. Приходжуя яна къ яму: душачка, говорить: узнимаетца на пасъ король такiй и такiй! Хотя бъ ты зъ намы распрощався,—выяжжàамъ у дорогу у вяликую! Вѣдомо, царськое колѣно, дакъ выяжжàють усѣ. Да. Ёнъ отказуа: «иди ты, каа, отвяжись! не знаю я нiкого прощенiя! Я Богъ-вѣдая коли куривъ, во, три дни, якъ смерти къ

сабѣ 'жидаю. Ступай прэчь!» Яна заплакала и пошла. Бача, што ёнъ соусимъ дурацкія слóвы говбра.

Сычасъ ето яна пошла, принясла́ яму таба́ки хунтовъ пять. Ёнъ ня мѣраючи набивъ трубку, моо, зъ га́рняцъ, закуривъ, дакъ напусьтивъ дыму пóвянъ садъ. И живе сабѣ—безъ ниякихъ. Ну, выяхали яны на воинство, на воинство выяхали—ёнъ одинъ ето остався у саду. Тогды сычасъ вышовъ съ калавурки съ своѐ и *обящаетца*: «эхъ, говора, колибъ къ мойму гóру, говора, мышка, жу́чакъ и рачикъ,—дакъ ба я ни якого гóра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму, нязвѣстно откуль. «Што вамъ, говоруть, за ну́жда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора, выяхавъ отецъ нашъ туды зъ жаною, на воинство, говóра. Дакъ якъ ба, говора, мнѣ туды достатца? говора. Такъ сычасъ обящаютца мышка, жучокъ и рачикъ: свисьни ты говора, богатырсь̂кимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ! Прибяжить къ табѣ конь—золотая шарсьтинка и сяребраная шарсьтинка, ты возьми, у правое вухо у́лѣзь, у лѣвое вылязь, и ѣдь! Такъ сычасъ ёнъ свиснувъ. Прибягая къ яму конь, золотая шарсьтинка, серябраная шарсьтинка. Што, говора, вамъ за нужда, а мнѣ за служба?—А вотъ такое и такое дѣло: поѣхавъ отецъ нашъ зъ жаною на воинство, хотѣвъ ба я туды достатца!—«Ну, лѣзь у правое вухо, у лѣвое вылѣзай!» Ёнъ у правое вухо улѣзъ, у лѣвое вылязъ—здѣлався такій чистя̀къ, што ни у̌ казкахъ сказать, ни у̌ загадкахъ згадать! Обящаетца яму̀ лошадь: ну што, говора, солдатъ,—куды мы поѣдомъ?—А вотъ, говора,—у нашаго отца воинство йдѐ, дакъ поѣдомъ на воинство!—Ну, садись, говора, на мяне—поѣдомъ, говора, у̌ три минуты, говора, тамъ будомъ!. Узявъ ёнъ мечь—кладянецъ, сѣвъ и поѣхавъ зь етой лошадьдю. Якъ уѣхавъ у корольское вóсько, якъ махнувся на право—на лѣво, кругóмъ,—дакъ ихное вóсько ляжить на десять вёрстъ зразу! Тоды сычасъ отбивъ усю воську, наѣхавъ на етого на самаго короля узявъ, яму лѣвую ру́ку по плячó отрубивъ. Тогда сычасъ пріяжжая етый солдатъ налишно къ цару. Ну, царъ яго ня у̌вознавъ, и пытаа яго: Ну зъ якихъ ты, говора, колѣнъ: съ простыхъ, или зъ духовныхъ, ти зъ начальниковъ зь якихъ большихъ, или зъ государстьвянныхъ колѣнъ? Ёнъ яму тожа не сказавъ совяршѐнно, зь якихъ ёнъ находитца, увóвся ёнъ яму не сказавъ. Ёнъ распрашуя: чимъ васъ, говора, наградить: грошамы, говора, ти заслугу якую дать, ти щѐ чимъ! Ёнъ обящаетца: ня треба мнѣ ничóго, тольки дайтя мнѣ, говора, хусточку свою имянную,—платокъ, значитца, носовый.

Ну, царъ могъ дать яму хусточку ету имянную зъ бу́кавой. Ёнъ сычасъ сѣвъ на свою лошадь и зазвинѣвъ, по пути—дорози, отъ ихъ. Сычасъ пріѣхавъ икъ етому саду, улѣзъ коню у лѣвое вухо, у правое

вылязъ—якъ бывъ солдатъ лохмакъ, такъ и ёсть. Пусьтивъ етого лошадя на зялёные луга, на шавкóвыя трóвы, на мядовыя воды, самъ зайшовъ у свою кельню, и живé тамъ,—бытто ёнъ вовся тамъ ня бывъ.

Тогды сычасъ пріяжжають зъ воинства—государськая дочь ета и отецъ яе, и ўсѣ начальство. И приходя государськая дочь къ яму у садъ, у кельню, ну й обящаетца: эхъ, говора, душачка! ня бывъ ты тамъ, идѣ мы былй! Што мы страху, говора, повидали, што чаго! Да спасибо, говора, Господь нанёсъ чаловѣка такого, дакъ усю, говора, корольскую воську отбивъ! А по нашай сили, говора, пожалуй у нашай зéмли побылй бъ,—забрáли бъ кольки нашія зямлй, говора. Ну ёнъ обящаетца: я, говора, не такъ доволянъ вашимъ воинствомъ, якъ я, говора, нядовóлянъ самъ собой,—што я три дни, говора, живу ня пивши ня ѣвши, и табáки ня куривши! Тогды яна пошла, приставила яму харчей, табаки. Ёнъ, ня пивши, ня ѣвши, узявъ, у трубку повгарца табаки набивъ и давай курить,—панусьтивъ дыму на ўвесь садъ, одинъ. Сычасъ, ня довго думаючи, запимаетца зновъ воинство,—идеть три зямлй ну нашу зéмлю. Тэй король загойвъ рукў, да йзновъ идс, и ще потпросивъ съ протчихъ зямель силы. Прихóджуа государськая дочь изновъ къ яму: эхъ, говора, душачка: хоть ба ты пришовъ распрощався зъ намы, полядѣвъ, якъ солдаты идуть, другъ зъ другомъ прощаютца, полядѣвъ, скольки орудій идé. Ёнъ обящаетца тожа самое: я, говора, не знаю нийкого прощенія. Я, говора, якъ у служби бывъ, дакъ я службу сповнявъ, знавъ уси етыя прикословія, а тяперъ мнѣ ето ня треба,—я зъ лѣтъ вышовъ, и не могу воеватца, не могу вамъ помочи дать нийкія! Тогды сычасъ царъ выбрався съ своимъ воськомъ на воинство. Ёнъ опять остався у саду одинъ.

Изновъ жа вышовъ у садъ: «эхъ, говора, колибъ къ мойму гóру, говора, мышка, жўчакъ и рачикъ,—дакъ ба я нийкого гóра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму: «што вамъ, говоруть, за нўжда, а намъ за служба?»—А вотъ такое и такое дѣло: поѣхавъ отецъ зъ жаной на воинство, говора. Дакъ якъ ба мнѣ ето доставитца туды?—Свищи, говора, богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ—прибяжить къ табѣ конь золотогривчикъ—другой шерсьти. И ѣдь! Сычасъ свиснувъ ёнъ богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ—прибѣгъ къ яму конь золотогривчикъ: ну што, говора, солдатъ, вамъ за нўжда, а мнѣ за служба?—А вотъ, такъ и такъ—поѣхавъ царъ на воинство—якъ ба мнѣ туды доставитца?—Ну лѣзь, говора, у правое вухо, а у лѣвое вылязь! Ёнъ у правое вухо улѣзъ, а ў лѣвое вылязъ—то бывъ чистякъ, а то ще ставъ чйщай!—Узявъ мечь—кладянéцъ и отправився по пути-дорози на воинство. Да. Якъ уѣхавъ у три зямли:

у королъское воська, да 'къ шахнувся направо, налѣво, кругомъ,—дакъ ляжйть ихъ воська на пятнатцать вёрстъ ззаду. Тоды сычасъ отвоевавъ ето воська—можа съ повмѣсяца воевавъ—тогды наскочивъ на етого короля и отрубивъ яму правую руку. Отрубивъ яму правую руку,—сычасъ етого короля потхватили на носилки, а ёнъ и поѣхавъ къ свойму цару: ето ўже къ сьтю. Пріѣхавъ, поздрастувався. Сычасъ царъ яго ставъ опять спрашавать: раскажйтя вы мнѣ,—зь якихъ вы колѣнъ, и чимъ мнѣ васъ наградить: ти васъ дяньгамы, ти храстомъ якимъ, ти чиномъ? А ёнъ обящаетца: ня треба мнѣ ваша ничого, а дайтя мнѣ, говора, кольцо ваша золотое, имяннде, говора. Давъ ёнъ яму кольцо, ёнъ распрощався зь имы, сѣвъ на свойго коня, сычасъ и поѣхавъ обратно, назадъ. Сычасъ, якъ пріѣхавъ къ етому саду, у лѣвое вухо ўлѣзъ, у правое вылязъ—якъ бывъ солдатъ лохмакъ, такъ и ставъ. Пусьтивъ етого лошадя на зялёные луга, на шавковыя тровы, на мядовыя воды. А самъ пошовъ у свою кельню и живе. Пріяжжаа етый царъ зъ воинства уже назадъ у свой дворэцъ. Государськая дочь сычасъ у садъ—яна думая объ имъ усё—изновъ приходя къ мужу. «Эхъ, говора, душачка: мы, говора, на воинстьви былй, страху наглѣдились. Хоть ба ты побывавъ, побачивъ—сколькп силы було, сколькп чаго! Да слава Богу налятѣвъ чаловѣкъ, отвоевавъ усё воинство!» Да! Ёнъ обящаетца: што жъ я, говора: я тутъ зъ голоду пропадаю—ня пивши, ня ѣвши третьтій день—дакъ мнѣ и дѣла няма до воинства! Сычасъ доставила яна яму харчей, доставила табаки, заплакала слёзно и пошла отъ яго,—заплакала, што отъ яго нияніія рѣчи няма къ ёй хорошія. А покинуть не можѐть.

На етого цара зновъ обратно занимаетца девять зямель зразу! Да. Сычасъ яна приходжуа изновъ: ахъ, говора, душачка: тяперъ колибъ до насъ не дойшли: девять зямель идё на нашаго отца! Убираемся, говора, уси итить на воинство! Приди жъ, говора, распрощайся, говора, *съ* радовымы солдатамы съ своимы, и зъ началствомъ! Што ты, говора, ня хочашъ и на дворэцъ на нашъ узыйтить! Такъ сычасъ ёнъ говора: ня хочу я распрощатца! я тяперъ со службы сышовъ, не знаю я ниякого воинства! Иди сабѣ куды хочашъ! Ну, яна заплакала и пошла. Ну, а покинуть ня хоча яго,—щё думая жисьти дожидать зь имъ. Ну, поѣхали яны зновъ па воинство съ своимъ восъкомъ. Ёнъ изновъ остався одинъ. Тогды сычасъ вышовъ у садъ и говора: «эхъ, говора, колибъ къ мойму гору, говора, мышка, жучокъ и рачикъ,—дакъ ба я ниякого гора не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму, нязвѣстно откуль. «Што вамъ, говоруть, за нужда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора: поѣхавъ отецъ мой воинство воевать, да на яго идѐть девять зямель,—дакъ якъ ба и мнѣ доставитца туды? Мышка, жучокъ и рачикъ говоруть:

свисьни богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ! Прибяжить къ табѣ конь—золотогривчикъ—другой шерсьти. И ѣдь! Сычасъ свиснувъ ёнъ богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ,—прибѣгъ къ ямў конь золотогривчикъ. Ну, што, говора, солдатъ, вамъ за нўжда, а мнѣ за служба?—А вотъ, такъ и такъ: поѣхавъ царъ на воинство,—якъ ба мнѣ туды доставитца?—Ну, лѣзь, говора, у правое вухо, а ў лѣвое вылязь! Ёнъ у правое вухо улѣзъ, а ў лѣвое вылязъ—то бывъ чистякъ, а то ще ставъ чйщай!—Ну, садись на мяне, говора, верхи, поѣдомъ воинство воевать! Сычасъ ёнъ узявъ свою мечь кладянецъ, сѣвъ ёнъ на яго и поѣхали. Якъ уѣхали ето у сярэдину воська корольскаго,—ёнъ якъ махнувся—махнувся, налѣво-право—кругомъ! дакъ не такъ самъ рубя, якъ конь копыта́мы бъѐ! Остала́сь корольская воська, зразу вёрстъ на дватцать ляжи̂ть. Отвоювавъ ето воинство усё корольское, отбивъ, девять зямель усихъ—можа у мѣсяцъ, якъ наѣхавъ на етого короля—дакъ ёнъ яму головў зрубивъ. Зрубивъ голову, тогды сычасъ пріяжжаа къ етому цару, свойму сьтю. Ну, и обратно обящаетца царъ: раскажитя вы мнѣ, зъ якихъ вы колѣнъ и чимъ васъ награждать—грошамы, медалямы, ти половина царства вамъ отписать? А ёнъ говора: ня треба мнѣ вашаго ничо́го,—ни гроши, ни медали, ни половина царства, ничого мнѣ ня треба—отрѣжтя мнѣ половин*а* шапки вашія зъ дорогоцѣнными камнями! Сычасъ царъ довжо́нъ бывъ суповнить ето: перарѣзавъ шапку,—часъ сабѣ кинувъ, часъ яму отдавъ. Да. Сычасъ ёнъ сѣвъ на свою лошадь, пріѣхавъ къ саду, етого лошадя на золотой муздѐчки привязавъ коло своѐ калавурки,—самъ лёгъ отдыхать—на трое сутокъ зразу. Лёгъ на трое сутокъ спать, пріяжжая ето той царъ зъ воинства, зъ зямель съ тыхъ, зъ девяти. Сычасъ ета царськая дочь—рўпитца ёй—бяжить у садъ. Прихо́дя къ калавурки икъ той,—стоить лошадь золотогривчикъ, нико́го не пропуская. А её самую пропусьтивъ. Ина сама сабѣ ниўдивилася, што ето за штука такая? Откуль етый лошадь узявся, и привязавый стоить? Такъ сычасъ яна пришла къ етой калавурки—двери запёрты. Яна сычасъ дивитца у щелочку,—ёнъ спить,—и ў яго кольцо золотое на пальцы, шапка зъ боку ляжи̂ть—половина, и хусточка имяннàя съ кишени видать. И самъ чистякъ такій, што ни ў казкахъ сказать, ни ў загадкахъ згадать. Тогды яна приходжуа къ отцу къ свойму налишня зновъ: вотъ, говора, папенька: мы не знали, хто намъ воинство воевавъ! Воевавъ, говора, мужъ мой: такое и такое дѣло: хусточка, говора, имянная у яго, кольцо золотое у яго и шапка у яго,—усё, говора, у яго! Мы, говора, яго не ўвознали! Ну царъ собравъ баль, заказавъ обѣдьни, пославъ по усёй Росѐи по своёй, пославъ письмы, газеты, што вотъ такій то и такій нашовся у мяне зъ радовыхъ солдатовъ, дакъ ёнъ имѣя большую силу—отвоевавъ мнѣ одинъ

три разы большое воинство! Ну, тяперъ яны тамъ зъ жаной живуть, мёдъ-вино пьють, и я тамъ бывъ у ихъ.

Д. Новая Бычь, бычан. вол. Кр. Кузьма Силинъ, 24 л. неграмотный. Ходивъ по людяхъ, бывъ ли Пропойську. Языкъ уже смѣшанный, пограничный между двумя говорами, южнымъ и восточнымъ.

9. Солдатъ, жукъ, мышь и ракъ.

Служивъ солдатъ дватцать пять годовъ, и получивъ награды дватцать пять рублей. Идеть ёнъ домовъ, повзёть жукъ по дорози. Драстуй, говорить, солдатъ!—Драстуй, говорить, жукъ!—Служивъ ты дватцать пять годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцать пять рублей, спрашуеть у яго. А ёнъ отвѣчаеть: получивъ!—Ну, говорить: дай и мнѣ одинъ рубъ, и я табѣ коли небудь пригоджуся. Солдатъ думаеть: хуть при етымъ мнѣ рублѣ, хуть бязь етого—бросивъ яму рубъ. Жукъ тэй сошкрёбъ рубъ, и поволокъ. Проходить нямножко солдатъ, вярсты двѣ, стрѣчаетца зь имъ мышъ. Драстуй, солдатъ!—Драстуй, мышка!—Служивъ ты дватцать пять годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцать пять рублей, спрашуеть у яго. А ёнъ отвѣчаеть: получивъ! Давъ жуку рубъ?—Давъ.—Ну, дай, говорить, и мнѣ рубъ. Я табѣ тожъ пригоджусь. Тоды ёнъ думувъ, думувъ: э, што, говорить: кода бъ не давать, дыкъ бы ни дного, а такъ—усё дно ўже. Узявъ бросивъ и мышини. Ина рубъ узила и потащила. Проходить ящо вярсты двѣ—усходить на мосьтикъ, на рѣчачку. Изъ воды выскакуеть ракъ и говорить: драстуй, солдатъ!—Драстуй, говорить, ракъ!—Служивъ ты дватцать пять годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцать пять рублей, спрашуеть у яго. А ёнъ отвѣчаеть: Получивъ!—Давъ жуку рубъ?—Давъ!—А мышини давъ?—Давъ.—Дай и мнѣ, говорить, рубъ, я табѣ ще боли пригоджусь!—О, говорить, васъ много такихъ найдетца! А после обдумався: а ўжо ўсё дно, говорить: ти зъ рублёмъ, ти безъ рубля! Узявъ икинувъ. Ракъ ухапивъ етый рубъ и потащивъ съ собой. Треба яму пяряходить городъ столишный, того жа царства. И тамъ живъ царь. И ў тогожда царя была одна отъ роду дочка. И отъ рода ина ни сь кимъ не сміялася. Царь пабликовавъ: хто мою дочку рассмяеть, того приниму у зяти къ сабѣ, къ ей, у наслѣдствія возьму! Солдатъ етый етого ничого не знавъ. Ёнъ думаеть сабѣ: у пути выпить стаканьчикъ водки тутъ, ды й дальше, штобъ ничого ниякого ня здѣлать! Ну ды й думаеть сабѣ: ды й я жъ уже съ службы увольненъ, никого не боюся, хоть и пьянъ напьюсь! Зайшовъ у кабакъ, выпивъ стаканъ—два водки, покушавъ нямного сабѣ; такъ и дальше йще выпивъ стаканъ, посидѣвши.—А што жъ яму журитца? То ўремя про-

скочивъ урéменный дожжъ. Проскочивъ, надѣлавъ на вулицы воды и грязи, и опять стала погода. Солдату итить некуды былó, дыкъ ёнъ тое ўремя водку пивъ побольше. Напився водки здóрово, што й итить ня мýсить, тольки ина яго не разобрала щè. И ёнъ думаеть итить. Расплатився, и пошовъ съ кабака,—у походъ, по городу. Проходя мимо дому государственнаго, обморóчила яго силно хмель. Ёнъ оббрызкався и сунувся ў грязь. Откуда узявся етый самый яго ракъ, и жукъ, и мышъ, на помочь; отгарнýли отъ яго грязь и водý, здѣлали мѣсто сухое. А ёнъ заснувъ. Узяли, яго расшпилили и разули. Тода, ракъ расставивъ своè клюшни, а яны ўзяли и развѣсили усю ету одéжу на яго, и сýшуть. Ета царевна увидила у вокошко, и силно ўзрадовалась и зареготала, надъ етымъ чудомъ ужо. Побѣгла у другую комнату и кричить: батюшка! я, говорить, такого чуда ще отъ родá ня вúдила,—ходитя, посмотритя! Царь узрадовався, што ина засміялась, пошовъ посмотрѣвъ. И вялѣвъ убрать етого солдата къ сабѣ. Вялѣвъ яго убрать, умыть и одѣть получчы. Солдатъ прошнувся и ўробѣвъ; скучаеть ужо, што здѣлавъ такое. Слуги етые говорють: ня бось, не скучай, тябе царь требуеть къ сабѣ! Приводють яго къ царю, царь яго спрашіеть: не робѣй, говорить, солдатъ! ты мою дóчку рассмяшивъ! Я, говорить, пабликовàвъ: хто мою дочку рассмяеть, приму того у зяти. Ну й тябе ожаню зъ моéй дóчкой! Занявся гулять свадьбу, ожанивъ яго на своéй дóчки.

Ожанёмши, когда ины ложилися спать ужо, дыкъ ёнъ ничого ящо не занимаетца съ походу, ляжить и спить. Ина пройзносить жалобу свойму отцу дни черезъ три: што ёнъ, говорить, спокоенъ силно....... Ёнъ отвѣчаеть ей: на три дни я, говорить, ямý дамъ ильготы. А якъ прóйдеть три дни, тоды я брошу яго у звяринецъ, коли ёнъ такій! Проходить три дни, ина обратно жалуетца. Ёнъ приказавъ, царь, отвясти яго у звяринецъ. Слуги отвялй яго.—Солдатъ етый умѣвъ играть у дудку. Здѣлавъ сабѣ дудку, сѣвъ подъ липою и ставъ играть. Потходить къ яму звѣрь левъ, и сѣвъ дли яго, и не допускаеть къ яму ниякйхъ звярей. У тое ўремя сватався ету царевну нѣйкій король. То царь обратно згулявъ свадьбу зъ етымъ королемъ, и пошли яны спать. То ёнъ первую ночь ничого ня дѣлаеть. Откудова узявся етый ракъ, и мышъ, и жукъ. Сичасъ ракъ яго начинаеть клюшнями разворàчувать, а жýка посалáеть нутри. Жукъ оттуда понабрáсовавъ то того, то сяго, а мышъ по'бдѣлала ихъ боихъ, и короля и дочку. Тода ошнулися яны, тода йна и говóрить: што жъ ты, говорить, ето надѣлавъ, такъ съ первой нóчи ошибся! Тоды ёнъ говорить: нѣ, на мяне ще етого не былó ниразу!—Ну, говорить: я табѣ ету ночь ще замовчу, не буду докладáть отцу! Ёнъ того дня ничого ня ѣвъ, тольки вечарóмъ одного борщý трóху сербанýвъ....... И позно

не спавъ. Якъ тольки заснувъ—яны обратно сотворили яму. Тоды яны ужо ошнулися—опять тое жъ. Ну, ина ўжо докла́лася отцу. Отецъ имъ назначивъ ящо ночь одну переспать. То ёнъ уже тыя третьтія сутки ничого ня ѣвъ, до са́маго вечара, и не спавъ двѣ части ночи. Тольки заснувъ подъ самую зарю. Жукъ обратно и ўбрався.—Дай мятлу, говорить: ёнъ ничо́го ня ѣвъ! Яны мятлу пода́ли; ёнъ по нямногу тамъ повымевъ. Тоды яны съ зарёю ошнулися—а етые ўже разошлись уси. То ина идеть и говорить: луччы бъ я жила съ тымъ съ солдатомъ съ чистенькимъ, чимся зъ естымъ зъ грязнымъ! Царь повялѣвъ етого отвясти у звяринецъ, а того обратно у дворецъ, коли живъ. Узялй яго слуги и повялй. Уводють у звяринецъ, то солдатъ у дудочку пойграваеть, и левъ яго охраняеть. Ну, якъ только убросили етого короля, такъ звярьё яго и растаскали, короля. А етого обратно узялй ў домъ, солдата. Такъ ина узрадовалася, обнила яго, и пуцулувала, и сказала: другъ мой, будемъ съ тобой жить до конца вѣка.

Д. Селецкое. Ѳедотъ Лукьяновъ, 30 л. малограмотный.

Въ *Городокскомъ у. Вит. губ.* сказка варьируется такъ:

Шелъ солдатъ со службы. Было у него три алтына. За одинъ онъ предполагалъ купить земли, за другой выстроить хату, на третій ожениться. Вдругъ подбѣгаетъ мышина: служивенькій, дай мнѣ алтынъ, я табѣ къ худому ўремю пригоджусь! Солдатъ разсердился и, желая убить мышь, бросилъ въ нее алтыномъ. Но мышка подхватила алтынъ и убѣжала. Тогда летитъ жукъ: отдавъ ты мышины (смѣш. родит. съ дат. и предл.) одинъ алтынъ, отдай мнѣ другéй! Солдатъ бросилъ въ жука алтыномъ, чтобъ его убить, но жукъ схватилъ алтынъ и улетѣлъ. Подошелъ солдатъ къ озеру. Выползаетъ ракъ: ну, солдатъ! давъ ты одинъ алтынъ мышины, другей жуку,—давай мнѣ третій! Хотѣлъ солдатъ и рака убить, бросилъ въ него алтыномъ, а тотъ схватилъ его клюшнями да потуль того й бывъ. Остался солдатъ безъ денегъ. Приходитъ онъ въ городъ, въ казенный домъ, гдѣ пи и ѣшъ, кольки хошъ, а тольки пьянъ не напивайся; а хто напъётца,—на мёртвый полокъ, къ звѣрямъ на зьѣденія. Солдатъ напился пьянымъ, свалился въ грязь; тогда пошелъ къ рѣкѣ платье мыть. Раздѣлся, да такъ съ—пьяна и заснулъ голый на берегу рѣки. Прибѣгаютъ мышь, жукъ и ракъ; вымыли платье, развѣсили на деревьяхъ сушить и поднимаютъ кверху, кабъ скорѣй высохло. Увидѣла это царевна и разсмѣялась. Пріѣхали за солдатомъ въ каретѣ, разбудили, одѣли и повезли во дворецъ. А въ это время пріѣхалъ и чужой король въ сваты. И было рѣшено отдать царевну за того, кто всѣхъ гостей разсмѣшитъ. Король посылаетъ своихъ слугъ: купите мнѣ соболиные са-

пожки, золотую шляпу, драгоцѣнный сертукъ и серебряную саблю! А солдатъ прибавляетъ: а мнѣ купите тамъ рогожи на сорокъ копѣекъ, на шинелъ, на штаны и на шапку! Ну, всѣ и разсмѣялись: якое, говорють, у солдата богатство, такую ёнъ сабѣ и одѐжу справляеть! Ну, и оженился солдатъ на царевнѣ.

10. Семъ сѣдьневъ.

Живъ сабѣ старикъ исъ старухой, и было у ихъ семъ сыновъ, и усё сѣдьни. Сами яны не могли знать старики, якіе яны ремесляки. Сами яны обое пóмярли и ихъ покинули. Остались яны сиротàми, и усякіе удивлялись, што якъ яны будуть кормитца,—што усё сѣдьни якъ одинъ. Зносили имъ óбчество хлѣбъ тожа, кормить. По тыхъ поръ кормили óбчествомъ, покудова надокучило. Яни сказали мижда сóби, мужуки: што намъ за прибыль кормить ихъ? Сами себе уголодимъ и ихъ ня выросьтимъ. И до тыхъ поръ яны, етые сѣдьни, дожили, што уже нихто къ имъ и не ходить. Сѣдьни етые мижда сóби и говóрють: «вотъ, братцы: отъ насъ по'тчужалися усѣ люди, и Господь насъ осиротивъ отцомъ и матерю. Якъ мы будемъ тяперь кормитца?» А яны якіе сѣдьни?—усё богатыри якъ одинъ. А якъ Богъ дасть ночь, дакъ яны тоды и пойдуть сабѣ пропитанія искать. Пойдуть къ помѣщику, бываеть, ноччю, имбаръ подымуть, хлѣба сабѣ набяруть; а дровы якъ нужно,—у лѣсъ ноччю пойдуть, да й сажень на сабѣ приволокуть. Такъ яны посли отца и матери семъ лѣтъ и страдали. Потомъ дяревни донясьли до помѣщика што, баринъ, возьмитя етыхъ сиротъ у хвóльварокъ! Стали говорить, што Богъ ихъ знаеть, якъ яны питаютца, и не видимъ хóдя ихъ, и чимъ яны кóрмютца. Богъ ихъ знаеть, ти ядуть яны што, ти не ядуть—живы. Помѣщикъ ихъ сожалѣвъ тожа. Узявъ ихъ къ сабѣ. Семъ лѣтъ ихъ у сябе продерживъ. А знать не знавъ, якіе яны. Потомъ помѣщикъ отписавъ царю: што возьмитя у мяне людей такихъ и такихъ: моя ня сила! Царь ихъ тожа привялѣвъ доставить къ сабѣ. Царь ихъ семъ лѣтъ безъ усякаго спросу одѣвавъ и кормивъ. На восьмомъ году царь у ихъ спрашуваеть: «скажитя вы, што зá люди такіе находитесь? Я васъ семъ лѣтъ одѣвавъ и кормивъ, и приглидáвъ васъ!» Одинъ говорить: я вотъ, государь, якій ремѐсникъ: ежелибъ васъ забиждáть найшла якая сила непріятельская, дакъ я каляный лукъ якъ натягну, ударю, поломлю усю силу однымъ разомъ! Государь ставъ доволенъ имъ. Спросивъ у другóго: ты якій ремéслиникъ? Другій отвѣтивъ царю: ежели вамъ наймáть корабли строить да платить большія деньги, дакъ я отъ трёхъ разъ сякиру ударю, и корабъ стáнеть! Государь етому взрáдувався: ето хорошо мнѣ два чело-

вѣки. У третьтяго спросивъ: ты чимъ занимаесься? Третьтій отвѣтивъ: я, говоритъ, вотъ виноградъ посаджу сягодьни, на третьтимъ дни виноградъ етый можно будетъ щипатъ, якій вгодно, самый дорожѣйшій! Государь удовольствувався и етымъ третьтимъ. У четьвёртаго спросивъ тожа: чимъ ты можешъ заниматца? Четьвёртый отвѣтивъ царю: за тысячу вёрстъ про васъ будутъ зюкатъ, и тô послышу! Государь и етымъ доволенъ ставъ. Принявъ яго тожа ў *резонтъ*. У пятаго тожа спросивъ: ну, ты чимъ можешъ занимáтца? Пятый отвѣтивъ: каба не було дѣ што висóко, хотъ далёко, дакъ я вамъ достану! Государь: и ето мнѣ нужно! Ну, шастóго спросивъ: а ты чимъ занимаесься? Шастый ямў отвѣтивъ: я занимаюся первами ворóвсками дѣлами. Покудова съ цáремъ позюкавъ, —пощупайтя сапоги, ваша анпираторское вяличество, ззади! Покудова съ цáремъ позюкавъ, у царя подмётки отпоровъ. Царь и не почувъ. Царь етымъ ставъ не доволенъ, хотѣвъ прогнатъ. Потомъ на седьмого: ты жъ якимъ занимаесься ремесломъ? Седьмый отвѣтивъ: замѣтитя ваша императорское вяличество што у тысячу вёрстъ, всё увиджу, и скажу, што дѣ дѣетца! Государь сказавъ: я тымъ злôдіемъ не довôленъ! Потомъ яны сказали государю: кода вы не хôчетя держатъ злодія етого, то мы ўсѣ отправляемся! Потомъ государь уздумавъ, што яму злôдій пильнѣй усихъ надо, и оставивъ усихъ.

Тяперь, у царя была дочка хорошая. Другой царь хотѣвъ, каба узять за сына за свойго лаской. Царь ни 'ддавъ за яго. Ёнъ сичасъ подославъ силу свою, армію, и забравъ яè разбоемъ. Тяперь еты семъ сѣдьней сказали, што мы вамъ доставимъ яé! Цáрь узрадовався такъ, што знатъ не могъ, што зъ радосьти дѣлатъ. Царь спросивъ: што, мôжетя ити ўсѣ?—Усѣ!—Ци не надо скольки вамъ силы датъ на ўспоможенія?—Ня нужно! мы сами достанемъ усемярёмъ! Яны пошли семеро. Царь дававъ имъ дзенихъ, яны не ўзяли; тольки дли прокормленія себе ўзяли. И отправилися въ тоè царство, у которое забрали царскую дочку пкандаломъ. Приходютъ къ морю. Сичасъ етый, который дѣлаетъ корабли, вынивъ топоръ съ подъ пôиса, три раза ўдаривъ топоромъ, и ударивъ обухомъ по водѣ три раза. И отъ трёхъ разъ здѣлався корабъ—ни ў думки здуматъ, ни ў казки сказатъ. Сѣли яны и поѣхали. Перебѣжджаютъ черезъ мóря. Ёнъ сичасъ топоръ вынивъ, ударивъ по кораблю—идѣ ёнъ и дѣвся знова. Подхôдютъ подъ тое царство, у которомъ дочка забрана етого царя, отъ котораго йшли,—ажъ ина ўже прибрáна къ вянцу, жанитъ. И дужа уже далёко. Дакъ ина плакала крѣпко, што не хотѣла йти за яго. Сичасъ яны приходютъ къ бабки къ одной. Бабка хату тôпитъ спяшительно. Яны ўлѣзли къ старушцы ў хату и спросили ў яè: «куды, бабка, спяшйшъ такъ? Хату топишъ такъ круто?» Старуха имъ

отвѣтила: «думаю ў городъ ити! У нашаго царя сядьни свадьба, дакъ я думаю посмотрѣть, якъ царёвъ вѣньчаютъ!» А злодѣй сичасъ и говорить: бабушка-матушка! будь такѐю доброю: продай намъ кочергу свою зялѣзную! Ина говòритъ: голубчики моѐ! на што вамъ моя кочерга? Чи вы безъ моѐй лучче не на́йдетя? Яны отвѣтили: кода мы хочемъ у тябе, бабушка, купить? Потòмъ того яны сказали: штó хочешъ, бабушка, тó мы табѣ заплòтимъ! Вотъ яна сказала: семъ рублей мнѣ стоитъ ета кочерга. Яны сичасъ ёй семъ рублей оддали, кочергу ету купили ў яѐ. Узяли ету кочергу и пошли ў городъ. А етый сичасъ зачавъ садить садъ, который знаетъ садъ садить. И сказавъ: бабушка! вотъ якъ будетъ ити якая за нами сила, якъ мы будемъ ити, и спросютъ: ти давно сила шла сюды, то скажи, бабушка, што семъ человѣкъ ишли якихъ то, вотъ якъ етый садъ насòджанъ, тода и яны йшли, и купили ў мяне кочергу! Потомъ яны зъ естой кочергой пошли ў церкву, ў суборъ. Посмотрятъ, ажъ царевна на вянцы̀ плачетъ—дакъ усё рòвно, якъ рѣка льѐтца. Злòдій етый сичасъ узявъ, кочергу поставивъ, царевну за рукў, да и съ субору вонъ. Отдавъ ёй письмо отъ батьки, што написано. Ина прочитала и ўзрадувалася. Тода яны пошли, и зайшли къ етой бабки, а кочергу тамъ бросили у церкви вѣньчатца,—нехай вѣньчаетца. Зайшли къ баби и поблагодарили за кочергу, а сами и пошли. Вёрстъ у сто отыйшовши, сичасъ за ими погоня идѣтъ. Государь добився по книгахъ толку, што бытъ сѣдьни ўкрали. Объ ихъ уже слыхъ бывъ. Собравъ силу нещислённую и пославъ догнатъ и побитъ ихъ усихъ, сѣдьней: а царевну отобратъ назадъ, своимъ порядкомъ привѐсьти. Етый царь сичасъ пославъ силу. Ина, сила, сичасъ зайшла къ баби и спросила: ти давно тутъ, бабушка, ишла сила?—Тутъ ишло семъ сѣдьней, говорили,—купили ў мяне кочергу!--У якомъ уреми?—А вотъ, якъ садъ сòджанъ! Яны тожа поспяшили за ими, догонятъ ихъ,—што давно етый садъ сòджанъ. Етый, который калянымъ лукомъ бивъ, и говоритъ: чутко вушко, приляжъ къ зямлѣ: ти ня стогнетъ дорога, ти ня гонитца за нами якая погоня? Етый сичасъ прилёгъ къ зямлѣ: «гонитца, братъ, погоня вяликая за нами!» Ёнъ сичасъ отвѣтивъ: быстро воко, посмотри, ти далѐча? Етый сичасъ озирнувся назадъ, да й говоритъ: вёрстъ у дватцатъ пять отъ насъ! Ёнъ сичасъ узявъ, каляный свой лукъ натягнувъ. Тоды якъ потягнувъ,—чисто ўсихъ побивъ у тэй варміи. Остався тольки одинъ сляпый, другій хромый. Яны мижда сòбя, сѣдьни, совѣтъ совѣтували: якъ ихъ доставитъ у городъ. Ну й здумали тóе: посадитъ сляпòго на хромòго—будетъ валитца ўсё: вочи ёсь, а ноги нѣту! Яны посадили хромого на сляпого: хромый будетъ дорогу ўказуватъ сляпому! Сичасъ написали письмо и оддали хромому, штобъ царю занёсъ и отдавъ. Довго-

рукій сичасъ узявъ письмо, у карманъ уклавъ, и ўссадивъ хромого на сляпого, и приказавъ яму, штобъ указувавъ сляпому дорогу. Сляпый и повёзъ хромого на погáршкахъ. Тольки сляпый куды зблўдитца зъ дороги, дакъ ёнъ яго въ вухо: вотъ сюды! Ёнъ, сляпый, дотащивъ хромого съ трудами до царя. Хромый оддавъ записку государю. Государь прочитавъ ету записку, и собравъ у два раза больше воська и пославъ тожа ў догонь, и привялѣвъ, штоба забрять ихъ. «А не заберетё, дакъ я васъ подъ áрестъ возьму!» Яны зайшли тожа къ етой баби и спросили: давно тутъ, бабушка, ишли люди якіе? Баба имъ отвѣтила: а ишли, якъ етый садъ соджавъ! Яны говорять, што вочень далёко ушкряблі. «Будемъ, братцы, прибавлять шагу!» И мижда сбоя совѣтуютца, што забярёмъ и доставимъ живыхъ прямо къ царю. Етый, который калянымъ лукомъ бивъ, сказавъ: чутко вушко, приляжъ къ зямлѣ: ти ня стогнеть дорога, ци ня гонитца за нами якая погоня? Етый сичасъ прилёгъ и говорить: стогнеть дорога, гонитца за нами большая погоня, больше *въ* два разы!— Быстро воко, посмотри, ти далёча? Етый говóрить: пятьдесятъ вёрстъ, не больше. Ёнъ сичасъ узявъ калянный свой лукъ надтащивъ, надтягнувъ, якъ ударивъ,—дакъ и знова поломило усю силу: оставивъ тольки хромого да сляпого. Письмо сичасъ написали, узнова, у карманъ хромому уклали, довгорукій той. Хромого на сляпого уссадили, и зновъ сляпый потащивъ назадъ. Сляпый хромого притащивъ; хромый письмо царю оддавъ. Царь письмо прочитавъ. Посмотрѣвъ царь, што ничого не подѣлаешъ по письму зъ ими—поломилось усё,—а ў яго была птица жаръ, такая птица, што ёнъ самъ ѣздивъ на ёй самъ,—богатырька птица. Ёнъ приказавъ жаръ-птицы: штобъ доставила мнѣ непремѣнно нявѣсту и ихъ штобъ побила,—а то ў царство не прилетай! Яны жъ прищли къ морю. Етый сичасъ съ подъ поиса вынивъ топоръ, по водѣ три разá ўдаривъ обухóмъ, и здѣлавъ корабъ, такій якъ и упярёдъ. Тода сичасъ, переѣхадши мóря, опять три раза обухóмъ по кораблю ўдаривъ—и нема-знать дѣ дѣвся корабъ. Перейшодши мóря, захотѣли оддыхнуть. Яны ўзяли, лягли спать. Царевна, етого самаго, который калянымъ лукомъ бивъ, улюбила яго, и ўзяла яго голову на колѣни къ сабѣ—што ёнъ храбёръ и силенъ. Потомъ того проспали яны одинатцать дней не просыпая. На двѣнатцатомъ дни являетца ета жаръ-птица къ ёй. Ина сичасъ давай ихъ будить, царевна, и ниякимъ родомъ не ўзбудила ихъ. Ина тоды давай плакать. Жаръ-птица спусьтилась и ўзяла царевну. И не слыхали яны, когда яна ў ихъ украла. Посадила яѐ на крыло на лѣвое, а правымъ замахала, и ўтекла отъ ихъ. Царевна заплакала, и тому богатырю, который калянымъ лукомъ бивъ, капнула на щакў слеза. И такъ ина слезой своёй, усё ровно, якъ варомъ на щаку узлила: ёнъ сичасъ прошнувся зъ вóтропу

и сказавъ: уставайтя, братцы моѐ: нѣту нашія царевны! Скольки трудилися, вялй и тяперь утратили! нѣту нашія царевны! Якъ намъ тяперь къ царю показатца? Чутко вушко, приляжъ ка ты къ зямлѣ,—идѣ ета погоня, што украла царевну у насъ: ти ўвышу, ти ўнизу? Етый сичасъ прилёгъ и говорйтъ: што ўвышу, братцы любезные, шумитъ дужа погоня и выетъ царевна дужа!—Быстро вочко, посмотри: ти дужа високо? Той посмотрѣвъ да й говорйтъ: подъ самами вóболоками!—Быстро вочко, посмотри: на которымъ крылѣ царевна? Ёнъ яму̀ отвѣчаетъ: на лѣвомъ! Ёнъ якъ навёвъ калянный лукъ подъ лѣвое крыло, якъ ударивъ подъ крыло,—лятйтъ царевна якъ шубень! А довгорукій подхвативъ яѐ, не давъ ёй много отпасьтъ отъ крыла,—сичасъ подхвативъ яѐ на ладони. Жаръ-птица оборотилась къ свойму царю бесъ крыла уже. Царь посмотрѣвъ, што не возможно ничого зъ ими подѣлать, и оставивъ зъ ими супрочйвнитца.

А царевна етого ўлюбила, который калянымъ лукомъ бивъ, до такія степéнносьти, што не могла отъ яго растрятца дажа. Привялй яны яѐ тожа къ царю свойму, къ свойму отцу. Государь ня могъ знать, што зъ радосьти дѣлать зъ ими! Изъ дочкой цулувався, и спрашувавъ: што, якъ, дѣтка, откуль вызвулилася, и якъ вы гóря перенясьлй? Ина расказувала, што дужа вяликое гóря приняли. Царь спросивъ: чимъ мы будемъ награждать ихъ за ето? Ина сказала, што ничавó, папенька, не жалаю, тольки примитя етого, который калянымъ лукомъ бъéтъ, ко мнѣ! Царь думавъ, што и ёнъ такъ хочетъ у пристани къ ёй, якъ и ина къ яму̀. Ну ёнъ не жалавъ у пристани йти. И чаго ни дѣлала ина, и ўговаривала яго, и батька просивъ, и ина батьку,—до тыхъ степенносьтей ўговаривали, покуль ёнъ бросивъ у ихъ жить. И братьевъ своихъ оставивъ, а самъ увыйшовъ. Государь сказавъ: я знаю, почаму ёнъ не идётъ! Государь кажетъ: ёнъ думавъ, што ў мяне денихъ нѣту,—што я яму не показавъ. Повялѣвъ семъ ящиковъ насыпать серебра и завезть наперёдъ. Дакъ ёнъ пояглитца и вéрнетца назадъ. Ёнъ сичасъ идéтъ, ажъ ящики съ серебромъ зъ деньгами на военныхъ лошадяхъ привезены и поставлены наўпрэдъ яго, куда яму йтить нужно. Ёнъ ящикъ расколотивъ и деньги рассыпавъ и сказавъ: пущай люди бѣдные собираютъ! Яны сичасъ воротилися скорымъ пбспѣхомъ назадъ къ царю. Царь испросивъ: ну, што,—вярнувся?—Нѣтъ, ваша вяликое аппираторство! деньги рассыпавъ и сказавъ: пущай деньги люди бѣдные собираютъ! А дочка царя беспокоитъ тожа, штоба непремѣнно яго доставить. Государь сказавъ: насыптя золота семъ ящиковъ и завязитя наперёдъ: ёнъ увидить и вéрнетца! Такъ и здѣлали, завязли. Пришовъ ёнъ, рассмотрѣвъ, и сказавъ: на што мнѣ золото? Што я буду зъ ими дѣлать? Узявъ и расколотивъ ящики и сказавъ: пущай усѣ люди собираютъ! Яны сичасъ

воротилися къ царю и сказали: што не узявъ денихъ, рассыпавъ! Царь ответивъ: кода погребувавъ моей лаской, то насыптя дветнатцать бочонковъ пяску: пущай засыплеть свое глаза, кода моя чесь яго не бяреть! Яны сичасъ узяли, пясокъ етый напрэдъ завязли, поставили, и сами смотрють, што онъ будеть делать. Ёнъ сичасъ посмотрѣвъ, што ето бочонки исъ пяскомъ. Ёнъ сичасъ узявъ лошадей, верёвки по'твизавъ и бочонки у верёвки уложивъ и сказавъ: можеть быть, при злой години знадобитца! Самъ на плячо ихъ узявъ и понёсъ. Эти сичасъ зворятилися звощики къ царю свойму. Царь и спросивъ: што ёнъ делавъ съ пяскомъ? Яны сказали яму, што ёнъ бочки увизавъ у верёвки и понёсъ некуды за собой. Царь и говорить: погребувавъ моей ласкую и засыплеть свое глазы! Ёнъ сичасъ идёть доргую, ажъ горить роща березовая, силно горить, и на тэй рощи, видить, метаетца нѣхто у вогнѣ, а не можеть самъ знать—хто. Только кричить: ратуй, хто Богу вѣряеть! и я при злой години знадоблюсь! Ёнъ сичасъ бочонки разбивъ и у водинъ грудъ пясокъ ссыпавъ. Ажъ ето, што на рощи метався, дакъ куды метанетца, дакъ огонь за имъ полымямъ. Ёнъ сичасъ узявъ, и давай на 'гонь бросать пясокъ етый. Затушивъ ёнъ етый огонь, ету рощу, и снявъ етого съ огня, што горѣвъ въ огни. Ёнъ яму говорить: вотъ, благодарю табѣ, братъ любезный, што мяне пурутувавъ отъ смерти! Ёнъ спросивъ у яго: хто жъ ты такой находисься? Ёнъ яму ответивъ, што—я находжусь чортъ!—Почаму ты попався здѣсь, у вогонь горѣть?—А потому, што мужикъ пъяный запаливъ рощу да й сказавъ: чортъ её возьми, исъ чортомъ зъ естымъ! Ну, ёнъ спросивъ: а ты хто?—Я, когда знаешъ, Ивана Ивановича—семъ сѣдьневъ, дакъ я большій братъ!—Знаю, говорить. Вотъ, другъ любезный,—куды ты идёшъ?—А йду во весь свѣтъ бѣлый!—Вотъ, пойдемъ разомъ, удвоихъ, не будемъ разлучатца одинъ отъ одного, разминатца!—Ну, штожъ, пойдемъ! Идуть яны тожа само, ажъ стоить горя високая, високая. На той горѣ, ажъ тамъ мядьвѣдь, и вовкъ, и лисица, и заицъ, и голубецъ, и мурашка. А всѣ за одну гору дярутца. Вовкъ хочеть сабѣ кабъ горя осталась, а мядьвѣдь сабѣ, а лисица сабѣ, а заицъ сабѣ. Мурашка якъ ущемитца мядьвѣдю....., а голубецъ тожа яго кусать, мурашку вынимаеть, дакъ мядьвѣдь моркочить. Лисица тожа дяретца, и вовкъ,—и кажный хочеть, кабъ горя осталася которому—нибудь одному. Яны сичасъ пришодши къ горѣ и крикнули: миръ вашай кумпаніи! Яны сичасъ сказали: «здрастуй, Иванъ Ивановичъ, силный могущій—богатырь!»—За што вы дярётесь? Мядьвѣдь ответивъ: Иванъ Ивановичъ! рассуди ты намъ вѣрный судъ, дай намъ памить: кому горя ета довжна остатца? Ёнъ сказавъ: слухайтя мяне, я васъ разберу! Мядьвѣдь сказавъ:

будемъ слухать вашаго приказавія! Ёнъ сичасъ узявъ, на мядьвѣдя сказавъ: навучи мяне помядьвѣжъи зворачиватца, тоды скажу, дѣ табѣ жить! Ёнъ сичасъ научивъ яго посвоему зворачиватца. Тоды ёнъ и говорить: ну, ты вяликій дуплё, да й дурень большій! што ты будешъ на етой горѣ дѣлать? Пошовъ ба ты ў лѣсъ: сѣютъ мужуки овёсъ близко коло лѣсу; напёрся бъ ты якъ мѣхъ овса етого, и сядѣвъ ба ты подъ кўрчамъ. Не захотѣвъ ба ты, бываеть, овса, ёсь у лѣси пчолы. Выломавъ ба ты пчолъ! Покушавъ ба ты разныхъ сладосьтёвъ! Ёнъ яму поблагодаривъ, у ноги поклонився и пошовъ. Тода ёнъ у вовка спрашуеть: што ты тутъ будешъ дѣлать? Вовкъ яму отвѣтивъ: дятей ба тутъ повёвъ! Яму ёнъ отказавъ: тябе тутъ охотьники забъють и съ собаками тябе прогонють!—Куды жъ мнѣ дѣтца?—Навучи мяне посвойму зворачиватца! Ёнъ сичасъ научивъ яго посвойму зворачиватца, поновчи. Ёнъ говорить: пошовъ ба ты ў лѣсъ, да идѣ мохи зъ водою ёсь, тамъ ба ты живъ! тябе нихто бъ не нашовъ! Вонъ, мужуки пасуть коло лѣсу статокъ, ты бы ўкравъ ба овцу, поросёнка, козянёнка бъ; ты бъ бывъ доволенъ етымъ. А тутъ ты што зъяси? тябе забъють! Вовкъ сичасъ яму поблагодаривъ и пошовъ. Сичасъ лисица жалобу заносить: Иванъ Ивановичъ, богатырьскій сынъ, разбяри моё дѣло: я хочу, кабъ мнѣ горя осталась! Ёнъ отвѣчаеть ёй: што ты ў етой горѣ будешъ дѣлать?—Дятей повяду, ямочки покопаю, и сама буду тутъ жить! Ёнъ ёй отвѣтивъ: што тябе найдуть охотьники, и собаки за хвостъ изъ ямки вытащуть!—Дѣ жъ мнѣ дѣтца? Ёнъ сказавъ: научи мяне полисиччу зворачиватца! Яна яго научила полисиччу зворачиватца. Ёнъ говорить: пошла бъ ты идѣ коло равовъ коло крутыхъ, у лѣси, тамъ ба ты выкопала сабѣ печарю—тамъ ба тябе ня дужа хто нашовъ: ни собака, ни охотьникъ! Яна й пошла. Тоды заицъ просить разобрать яго дѣло. А што ты жалаешъ?—Я жалаю, кабъ мнѣ горя осталася!—А што ты ў ёй будешъ дѣлать?—Гнездо здѣлаю, зайчинятокъ повяду,—травку будуть збирать по горѣ по етой! А ёнъ яму отвѣтивъ: якъ вы што—мѣсяца водитесь, дакъ табѣ й горы не хватить!—Дѣ жъ мнѣ дѣтца?—Научи мяне посвойму зворачиватца, я табѣ скажу, идѣ жить! Ёнъ узявъ и научивъ посвойму зворачиватца. Ёнъ и давай совѣтувать, идѣ жить: ты бы идѣ коло лясовъ; тамъ зимою жито бъ откопавъ да зъѣвъ ба; тожа бъ само лѣтомъ овса наѣвся, капусту—у городъ уперся. А тутъ што ты на горѣ будешъ дѣлать? Заицъ поблагодаривъ и пошовъ. Остаетца голубецъ да мурашка. Ну вотъ, сичасъ и говорить на голубца: ну, ты што будешъ дѣлать на етой горѣ? Ёнъ сичасъ и говорить: я совъю гнездечко тутъ, и мнѣ тутъ усё чисто видать; хто идѣ што засѣеть, дакъ я буду усё видать и летать девбать! Ёнъ яму отвѣчаеть: тябе жъ ястребъ за-

дярѣть на кургани, потому, ты видѣнъ будешъ; и дятей твоихъ задяреть. Голубецъ яму отвѣчаеть: дакъ идѣ мнѣ дѣтца?—Научи мяне поголубяччу зворачиватца, я табѣ дамъ толкъ, идѣ подѣтца! Ёнъ яго паучивъ поголубяччу зворачиватца. Тода ёнъ яму сказавъ: полятѣвъ ба ты къ господину къ якому на крылцо, и сѣвъ ба ты на крылечко, и загуркавъ ба ты жалосно,—тябе господинъ узявъ ба, у комнату унёсъ ба; дали бъ табѣ пашанички, сыты рассолодили бъ, напоили тябе. Вотъ ба ты живъ сто разъ луччи у комнати! А ёнъ говорить: а правду ты говоришъ, Иванъ Ивановичъ, богатырьскій сынъ! Ёнъ поблагодаривъ яму, у ноги поклонився и полятѣвъ. Ну, говорить, мурашка: навучи-ка мене посвойму зворачиватца: табѣ остаетца уся горя! Мурашка яго навучила посвойму зворачиватца. И осталась на горѣ. Потому што мѣста хватить зъ мурашкой. Сами яны пошли съ тымъ съ чортомъ къ царю. Чортъ поволокъ: ходимъ вотъ къ такому то къ такому царю у слуги! Ёнъ и пошовъ. Приходють яны къ царю. Царь спросивъ: объ чомъ? Отъ яны сказали: у слуги наниматца! Посмотрѣвъ царь, што яны вумные хлопцы собрались,—царь жа не знавъ, што ето одинъ чортъ и другій богатырь, и за товариша яны ходють, за брата,—вотъ яны нанялися у царя. Царь ихъ улюбивъ. Служать яны вочень хорошо й прекрасно. И замѣчають яны, што царь вочень скушный часто бываеть. Яны спрашують: ваша вяликое анператорство! объ чомъ вы смутны? Государь сказавъ: дочка у мяне отобрана силою, воинствомъ! Яны сказали: што будеть, ваша вяликое анператорство,—мы доставимъ вамъ вашу дочь! Царь узрадувався етакъ, што поцулувавъ богатыря, и обнявъ, и сказавъ: ежели бъ ты, достанешъ мою дочку, то што жалаешъ, то будеть отпущено! Тяперь ёнъ сказавъ: достану, ваша вяликое анператорство! Государь сказавъ: ступай зъ Богомъ! Ёнъ сичасъ отправився й пошовъ. Вотъ сичасъ узявъ помядьвѣжъи йти. Ишовъ, ишовъ по мядьвѣ*дчу*—затомився; ёнъ зброеився поволчи. Ёнъ тода поволчи ишовъ, ишовъ—затомився. Ёнъ тода сичасъ узявъ позаяччи бѣчь.—~~Бѣгъ~~, бѣгъ,—прибѣгъ ёнъ къ морю. Сичасъ черезъ моря скинувся голубцомъ и полятѣвъ. Перелятѣвъ черезъ моря голубцомъ, и полисиччи пошовъ. Изнова полисиччи затомився. Подбѣгаеть подъ городъ, голубцомъ скинувся и улятѣвъ у городъ. Подлетаеть къ етому къ дому царьскому, и зброеився мурашкой. И успловзъ по стянѣ на бавхонъ, на четвёртый тажъ. Царевна платьтя сабѣ къ вянцу вышивала и плакала граздо. Потомъ ёнъ скинувся молодцомъ—ни у думки уздумать, ни у сказки сказать—и подаёть письмо царевни. Ина ето письмо узяла читать,—за слязми ня можеть прозрить,—што отъ отца поклонъ и за ёй человѣкъ присланъ. Ина й сказала: якъ тябе Господь святый привузнёсъ сюда? Подарила яму кольцо золотое, и подарила яму ключи тожа отъ комода отъ свойго, и подарила яму платокъ хорошій,—

тожа отъ комода отъ свойго. Ёнъ скинувся мурашкую, дакъ ина ўзяла ў яго вусикъ отрѣзала, да ў бумажачку. Потомъ того знова скинувся голубцомъ; ина крылышка трошку отрѣзала да ў бумажачку. Потомъ того знова скинувся полисиччу—усё показававъ ёй придмѣты, якъ уйти оттудова. Ина сичасъ узяла, отрѣзала шерсти, тожа у бумажачку. Тода ёнъ скинувся знова позаяччи. Ина тожа шерсти знова отрѣзала, да ў бумажку. Ёнъ збросився пововчу,—тожа шерсти отрѣзала, да ўсё у бумажачку. Тожа помядьвѣдчи—тожа шерсти отрѣзала да ў бумажачку. Тода ина й говорить: другъ любезный! якъ ты мяне отсюль возьмешъ? Ёнъ сичасъ узявъ, зворятивъ ее мурашкой, и самъ зворятився. А тамъ приказанія строгое, штоба нихто не подходивъ къ бавхону, изъ людей нихто. Строго вочень государь смотрѣвъ, штоба яѐ нихто не ўвурувавъ зъ бавфона. Тода ёнъ збросивъ ее мурашкой и самъ збросився, и вывевъ ее по стянѣ изъ бавфона. Зъ города яны выповзли, и нихто не замѣтивъ. Тяперь зъ города яны выповзли и скинулись голубцами обы и полятѣли. До тыхъ поръ лятѣли, покуль затомилися. Тода збросились полисиччи и побѣгли. Тоды яны зновъ къ морю прибѣгли, збросились знова голубцами и полятѣли черезъ моря. Перелятѣвши черезъ моря, скинулись зайцами. Тоды яны замяторились позайчи, скинулись пововчи, тоды помядьвѣдчи. Помядьвѣдчи яны пришли къ самому царству, къ границы, къ царству къ ихному. Черезъ рѣчку збросились людьми; и перяйшли. И здѣлали яны вотдыхъ сабѣ на поли. Государьскіе слуги ходили по охоти тамъ, искали дичи, и замѣтили, што ето тая самая царевна, которую у ихнаго царя отобрято. Тяперь ёнъ тожа лёгъ спать, да й заснувъ крѣпко, а ина на колѣнихъ яго голову держить. Слуги приходють, якъ ба нѐ было, своей государини ўклонилися. И мѣли у яѐ распросъ: якъ доставъ яѐ етый человѣкъ? Ина имъ и расказала. И яны мѣли гнѣвъ на яго большій, што ёнъ служивъ у царя, дакъ царь любивъ яго вочень. Дакъ яны узяли, да ўбили яго по *сярцомъ*. И приказали государини, што если будеть говорить, што мы яго ўбили, то мы тебе вобъёмъ тогда. А ты скажи, што мы тебе достали, што я яго не видала ў глаза, а мене *эти* достали! Тяперь яны яе повяли сичасъ домой къ отцу. Тоды давай отецъ её распрашувать, по радосьти цулувать её, милувать: хто тебе доставъ? идѣ той человѣкъ, который тебе доставъ? Ина сказала, што вотъ эти мене достали. А яны Ивана Ивановича, семъ сѣдьнявъ, порубили и тѣло яго ў рѣчку поўбросили, одежу на 'гни попалили, и перстень, той дарёвникъ царевнинъ, убросили, а платокъ спалили на 'гни.

Уводругъ лѣшій выйшовъ на вулицу, и слышить, што товариша яго на свѣти нѣту. И ёнъ не кажа никому ничого, и бросився сичасъ жа къ той рѣчцы, и бросився у воду, и сыскавъ усё ето тѣло яго и

вынесъ яго на берегъ, и суснувáвъ тѣло ето одно къ одному. И доставъ мѐртвыя воды и живыя. Тоды мертвой водой уздунувъ, спорснувъ, ёнъ оснувався; живэй водою ўспырснувъ—ёнъ отживився и говорыць: ахъ, братъ-товаришъ, якъ я крѣпко ўснувъ! Товаришъ яму сказавъ тожа: ты посѣченъ бывъ увесь на шматьтя и въ воду убросинъ! Тяперь ёнъ говорить: а дѣ твоя одежа?—А я, братъ, не знаю! Ёнъ яму отвѣчаеть: твоя одѐжа попáлена на 'гни! Ёнъ отвѣчаеть: у мяне были колцо золотое, подорено, и ключи золотэя, и платочекъ,—дакъ не знаю, идѣ яно ўсё подѣлось? Чортъ яму отвѣтивъ, што ў рѣки ето усё. Сичасъ ёнъ у рѣку дунувъ,—нырнувъ искать уже ключовъ и колца. Ажъ ключи ракъ узявъ у клюшню да ў пячурю заволокъ. Яны думали, што клюшникъ; уже старшимъ клюшникомъ раки поставили яго. Ёнъ сичасъ ключи отобравъ у рака, разжаловавъ яго,—знова якъ бывъ ракомъ, такъ и ставъ ракъ. А персьтень у вукуня на крылышку,—зачапивъ, да й волочить. Вукуни думали, што начальникъ якій,—тожа поклонялись яму уси. Ёнъ тожа доставъ тэя ключи и колцо,—и вукуня разжаловавъ—и доставивъ тожа ето ўсё товаришу. Ёнъ сказавъ: куда, братъ, тяперь пойдёмъ? Чортъ отвѣтивъ: пойдёмъ къ царю назадъ служить! У яго свадьба, у царя, тожа: одинъ убивецъ у прістань идётъ къ царю,—потому яны выхвалилиси, што яны достали яé. Тоды ёнъ говорить: здѣлаемъ жа мы скрипучку-лубянку и дудочку-тросьтянку! Ну, здѣлали и пришли къ царю тожа на свадьбу. Уклонилися царю. Царь и спросивъ: што вы за люди такіе? Яны сказали, што мы музуканты. Мы слыхали, што вамъ нужны музуканты! Царь исказавъ: а ти можетя вы хорошо йграть? Яны сказали: што, вотъ, извольтя послушать! Якъ зайгравъ чортъ у скрипку свою, лубянку, царь почувъ, дакъ у яго не было и съ отъ-роду такихъ музукантовъ у полкахъ. Царь ставъ спрашувать: што вамъ за ето дать, што вы мнѣ свадьбу сыграетя? Яны яму сказали: ничаво не жаласмъ, тольки зъ нявѣстой поскакать по разу! Потомъ того зачилáсь у ихъ свадьба. Зачали яны на первомъ вечери играть, дакъ якъ пошли тунцувать, дакъ до тыхъ поръ тунцували, што ня сила ўже тунцувать. Дакъ повалившись на землю ногами трясли,—што вочень красиво. Тогда первый вечеръ пошовъ чортъ скакать ужо изъ нявѣстую. Што никто не могъ уздивитца коло тыхъ скáковъ! Назаўтраго чортъ зайгравъ тожа яще красивѣй танецъ. Приходитца другому музуканту съ царевной скакать. Ёнъ згрёбъ тое колцо доѓреное и надѣвъ на руку, и надѣвъ на цѣвку ключи дореные царевнины. И ўзявъ царевну за руку. Якъ пошовъ тунцувать, дакъ нихто не ўздивився коло танцовъ! Царевна, недовго думачи, увознала, што ето той тожа молодецъ, што яé дустувавъ. Ина прикорягила тожа танецъ и обвищала отцу: што отецъ мой любезный: што ня той ли ето

человѣкъ самый танцуетъ, который мяне дуступавъ? Государь, недовго думачи, распрясивъ ето дѣло, якъ ёнъ ее дуступавъ. И признавъ, што самый той, што её дуступавъ. А стыхъ, которые обманували, вялѣвъ къ жерябку къ хвосту привизать и растаскать по полю. Тожа яны ожанили ее зъ естымъ съ самымъ, который ее доставъ. Ёнъ тоды пославъ за братами. И до тыхъ поръ тольки чортъ тамъ бывъ, покудова яго ожанивъ. Ёнъ яму поблагодаривъ, а той тому.

М. Романово, горецк. у. Отъ кр. Трофима Балакира, 46 л. негр. Запис. въ моемъ присутствіи г. Будпецкій.

11. Семъ Сямéновъ.

Одинъ купецъ помиравъ, а дѣткамъ своимъ приказавъ и жанѣ, штобъ моимъ добромъ не распораджáлись, а занимались хлѣбопашаствомъ. Потомъ, самъ помѐръ, жану оставивъ. И жану кинувъ бярэменною. Жана родила семъ хлопчиковъ дóразу. Урэмя трохи вялóся, хлопчѝшки подросьли, поѣхали у водну сохỳ пахать. Царъ проѣжджавъ, и виджа ета притча, што на'дномъ коню усямёхъ пашуть. Посылая жандара: идитка спроси, хто у ихъ старшій? Прихóдя и пытая: Божа поможи вамъ! хто мижъ васъ старшій? Дакъ яны ўси скричали—въ одинъ голосъ: я старшій, я старшій! той кричить, той кричить. Ну, тогды приходя жандаръ: ваша царськое вяличество: уси отвѣтъ дали: уси старшіе, кáжанъ старшій!—Идитка, говора, спроси: хто ў ихъ, якъ ихъ котораго звать? Приходя жандаръ: рабяты, якъ васъ звать? Отъ яны ўси и крикнули: я Сямéнъ, я Сямeнъ, я Сямѐнъ!—уси Сямéны, семъ Сямeновъ! Жандаръ приходя: ваша царськое вяличество: уси Сямены, семъ Сямeновъ!—Ну, иди, говора: забрать ихъ съ собою, повязомъ у царській дворецъ! Узяли и повязьлѝ.

Нямного урэмя провялѝ, ну, тяперака царськое дѣло распытàтца: чимъ жа вы будетя займатца? Первый уже говора: а отъ, царськое вяличество: стукъ да ляпъ, дакъ здѣлаю корабъ!—А, ето цару трэба! Ну, ты, другій Сямeнъ: чимъ будешъ займатца?—Бóльшій Сямeнъ, говора, здѣлая корабъ, а я, говора, одинъ куды ўгодно погоню яго!—И éто цару трэба! А ты, трэтьтій Сямeнъ: чимъ будешъ заниматца?—Кузнецъ буду: што трэба, я цару ковать буду!—Ето хорошо! А чатьвéртый Сямeнъ, чимъ ты будешъ заниматца? А мой братъ коваль скуé мнѣ ружжо, дакъ я што заглянy, тó убью!—Дóбро! Ну, а ты, братъ Сямeнъ пятый,—ты чимъ будешъ заниматца?—А мой братъ будя птицы бить, а я буду носити, укучи зъ имъ!—А ты, братъ шостый Сямeнъ, чимъ будешъ заниматца?—А мой братъ, говора, скуе стовпъ подъ воблаки, дакъ я буду на стовпѣ сядѣть и глядѣть, и буду узнавать, идѣ што дѣетца по

прочимъ царствамъ, и буду говорить, штобъ знакъ давать!—Ето добро! Ну, а ты, братъ Сяменъ сядьмый, чимъ будешъ заниматца?—А я, говора, царськое вяличество, первый злóдяй буду! Такъ царъ ставъ думать: што дѣлать етому первому злóдяю? Приставили яго къ суду. Судъ означая, штобъ завѣсить яго. Государыня пожалѣла, говора: нялызя! што будя напярёдъ, побачимъ, а такъ нялызя зря человѣка губить! Ну, и оставили усихъ. Кажанъ своимъ дѣломъ ставъ займатца. Нядовго думавши, той подъ воблаками сядить и означая, што у девятымъ царстви прекрасная Настася по саду ходя и такъ зяя, якъ сонушко. Нашаму цару згодилася бъ,—ёнъ у насъ холостый! Тяперъ царъ призывая вора етого, сядьмого Сямéна и говóра: можашъ ты Настасю изъ девятаго царства утащить суды?—Могу, говора, царськое вяличество: ето мое дѣло! Тольки мнѣ трэба двохъ братовъ узять: того, што стукъ да ляпъ сдѣлая корабъ, и того, што куды ўгодно погоня! Тяперака, нядовго думаючи, отправляютца яны у путь, три браты, три Сямѐны. Такъ ёнъ поймавъ, злóдяй, котика морского. Котикъ вымуштруванъ такъ, што ёнъ повялить, тое яму й дѣлая: припявая, скача, казки разныя кажа—такую красоту дѣлая, што Божа, Божа! Такъ приключилися яны у девятое царство, уси утроихъ, а чатьвёртый котъ. Той по бéрагу хóдя узморъя да стукъ да ляпъ—такъ корабъ, стукъ да ляпъ—такъ корабъ,—надѣлавъ уже, усю пристань занявъ кораблямы. Ухторый Сяменъ сортўя: одинъ туды гоня, а другій оттулѝ гоня. Яна, стóячи ў саду, дивитца: што ето такое, што одинъ человѣкъ такую уласть имѣя, етакія судны гонять. Котикъ приставляя фигуры, по палубахъ хóдючи, пѣсни припявая, и танцуя—и танцуя зло. Улюбовàлась яна, смотручи исъ сада, на етого котика, и говора: што ёсть за господинъ етому котику? я хóчу купить котика етого! Обозвався который находився воромъ: сударыня, не за грóши, а такъ даруемъ вамъ звѣрка етого, тольки позвольтя намъ торговать у вашамъ царстви тыми товарами, што у насъ у кораблехъ ёсть! Яна захотѣла унярёдъ сама поглядѣть тыхъ товаровъ и пришла на корабъ. На корабъ уступила—ёнъ на свойго брата крикнувъ: поддай сонныхъ кàплявъ и сняши гнать корабъ, якъ ня можно отъ берагу шибчѣй! А тамъ положивъ яѐ спать на свое колѣны. Пріяжджаютъ къ вóру (двору), той на стóвпи дае́ знакъ царю: приближаютца, говора, такъ и такъ, мое́ братцы изъ дорогимъ товаромъ! Такъ приближилися къ вору, узяли яе, изняли,—яна спитъ! Потомъ прошнулася. Царъ нашъ якъ убачивъ, узрадовався етымы вещамы. Потомъ пожанилися государъ зъ естой дявицай. И ў государа няродная мать була, мачиха. И превяликая волшебница. Такъ ёнъ распорадився у своимъ доми, царъ: злóдія выписавъ губурнаторомъ у губэрню,—здѣлавъ яму за ето, што ёнъ здѣлавъ доброе дѣло.

Потомъ царевна уже прося цара, штобъ ѣхать у госьти у тое царство, откуда яна, у девятое царство прекрасной Настаси. Царъ яé послухавъ—узявъ Вана съ собой лакея, яны удвоихъ и поѣхали съ собой на корабли. Тамъ погосьтились у свойго тьстя, и два хлопчики тамъ родились у ихъ. И захотѣлось имъ уже оттуля̀, назадъ вярнутца у своё царство. Поворотили назадъ. Царъ и говора: Иванъ лакей, иди вечаркомъ чайку попй за'дно зъ нами! Ёнъ напився. Ну, Иванъ лакей, ложись зъ нами спать!—Нѣ, царськое вяличество,—я лягу на палуби и послухаю новинъ у свѣти, али чудовйнъ! И пошовъ. Прилетая къ яму я̀нгелъ изъ нябесъ. Сѣвъ яму на ў́лбньня да говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое урэмя! Пріѣдя ко дво̀ру—проклятая мачиха вынеся три стаканы вина; якъ выпъють—усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа—по колѣно ка̀мянямъ станя! А ёнъ, знатца, казавъ-ба спить, а самъ усё чуя. На другую ночь обночилися. Царъ изновъ зове: Иванъ лакей, попи чайку зъ нами! Ёнъ напивсь. Ложись спать зъ нами!—Нѣ, пойду на палубу, послухаю чудовйнъ! И пошовъ. Зновъ прилетая янгелъ, сѣвъ на ўлоньня и говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое ўрэмя: якъ пріѣдя, проклятая мачиха поднясé три куски жаркóго. Якъ зьядя̀ть по ковалку, усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа,—по поясъ камянямъ станя! На третьтяю ночь обночилися. Иванька чай пъé, а яму рŷпя. Ночуй зъ нами, Ванъ!—Нѣ, пойду на палубу, послухаю чудовинъ! Пошовъ, лёгъ зновъ; лёгъ, казавъ-ба спитъ, а самъ усё чуя. Прилетая янгелъ, сѣвъ на ўлоньня, и гово̀ра: преподобно царъ ожанився, да не надовго! Пріѣдя домовъ, проклятая мачиха вывядя жарабка̀. А то не жарабóкъ, а сатана. Якъ чмыхнè, такъ и поѣсть ихъ духомъ! А хто чуя, да скажа—отъ, по глотку камянямъ станя! На чатьвéртаю ночь тожа приключилося зновъ. Прилятѣвъ янгелъ и говора: да, преподобно царъ ожанився, да не на довгое ўремя. Якъ пріѣдя, проклятая мачиха отвяде имъ комнатку спать. Якъ лягуть, вылѣзя на дванатцать головъ сатана и пожрэ ихъ усихъ. А хто чуя, да скажа, той увесь камянямъ станя! Вутрикъ начинаетца, приключаютца яны икъ двору, пріяжджають. Такъ сустрака́я проклятая мачиха, вынося три чарки вина. Иванъ лакей потскакуя, блюдо ўзявъ зь яе рукъ. Потомъ нога за ногŷ закрутивъ, повалився,—блюдо разбилось и три стаканы побились. Тогды проклятая мачиха усярдйлась: мой сынъ, не лакея дяржйшъ, а дурня якогось! Выносяя сичасъ три кова̀лки жаркого,—нядовго урэмя продовживши. Иванъ лакей сичасъ потскочивъ и блюдо ўзявъ. И тожа споткнувся зло, и блюдо разбилось, и помаралось усё объ зямлю, и пропало усё. Проклятая мачиха угнявйлась и говора: мой сынъ! дѣ ты нанявъ дурня такого, што ёнъ одну шкоду издѣлавъ, адылй и другую?—Ну, моя маменька возлюбленная,—трэба простить: ёнъ у мяне человѣкъ дорогій! Потомъ: ходитя,

моѐ дѣти милыя, я вамъ жарабкà покажу: якая штука ёнъ ёсть! А Иванъ лакей сичасъ спяшйвъ три кýльки золотыхъ положить у ружжо у своѐ охвотницкое. Сатана якъ показалась, ротъ разявила, а ёнъ якъ пекану̀въ яго троямы кýльками зрàду, такъ и конецъ ямý, сатанѣ. Тяперъ мачиха угнявйлась: дорогого коня забивъ ёнъ!—Ну, штожъ дѣлать: трэба простить: ёнъ у мяне дорогій человѣкъ! Потомъ: дѣти моѐ возлюбленныя, отвяду я вамъ комнату! видно у насъ тутъ штось неблагородное! Потомъ у повночь—а Иванъ лакей спяшигь, штобъ свою дорогоцѣнную мечь подвойстрить икъ повночи. Тольки во повночь проклятая мачиха расчинила выходъ сатанѣ на дванатцать головъ. Ёнъ говора: Иванъ лакей, што жъ ты ня спишъ?—Потому, говора, проклятая сатана: я хòчу ббратца съ тобой ѐтую ночь, да вотъ штобъ господа не чули! Прикрывъ ихъ скатеркой бѣлой лицо и завѣсивъ простинàмы, штобъ етого дѣла ня ýслыхали яны. Потомъ знявся—схватився битца съ сатаною, Иванъ лакей. Иванъ лакей подладився—шесть головъ зрубивъ сатанѣ, зразу шесть головъ проклятому. Потомъ ёнъ ставъ просить, проклятый: Иванъ лакей, отпусьти мяне!—Нѣ, проклятый, не пущу! Мнѣ щѐ смерть черазътябе примать трэба! Подлàдився, лыгнувъ,—уси зрубивъ! Тольки кровъ на простинý линула. Дакъ ёнъ узявъ вядрó воды и давай замывать. Свѣтло запаливъ. Ажны прочинаетца царъ, устаѐ, и царица, и бачуть, што мечь коло яго. «Отъ, Иванъ: усѣ поступки тэбѣ простили, а отъ етого не простимъ! Ты хотѣвъ уже насъ зарѣзать! Да!»—Нѣ, говора, царськое вяличество! Мнѣ тольки умирать трэба, а вамъ разсказать. А проклятой мачиси, говора, возьмйтя яе, проколйтя грыбъ у роти, и продѣньтя золотое кольцо, потому, штобъ яна ня ýбѣгла, якъ я буду разсказавать! Ну вотъ, говора: причастйтя мяне, вы̀сповѣдуйтя!... И почавъ: «первую ночь, якъ вы спали, прилятѣвъ ко мнѣ янгелъ изъ нябесъ, сѣвъ на ýлоньня и говора: хорошо царъ ожанився, да не на довгое урэмя! Пріѣдя ко двору, проклятая мачиха поднясѐ три стаканы вина: якъ выпьють—усимъ конецъ будя. А хто чуя да скажа, той по колѣно кáмянямъ станя!».. Такъ камянь шархъ по колѣно! «На другую ночь зновъ прилетая янгелъ и говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое ýрэмя. Якъ пріѣдя домовъ, выйдя къ яму проклятая мачиха, поднясе три ковалки жаркого. Якъ зьядять, такъ и конецъ усимъ. А хто чуя да скажа, той по поясъ кáмянямъ станя!».. Камянь шархъ! по поясъ и окамянѣвъ ёнъ!— «На третьтяю ночь прилетая зновъ янгелъ и говора: да, хорошо царъ ожанився, да не надовго. Пріѣдя домовъ, вы̀ведя проклятая мачиха жарабка. А то не жарабокъ, а нячистая сила сатана. Якъ чмыхнѐ—усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа, той по глотку кáмянямъ станя!»... Такъ по глотку камянь и ставъ! Яны ýже и заплакали, да ýже ничòго

нальзя подѣлать. «На чатьвёртаю ночь зновъ прилятѣвъ янгелъ, сѣвъ ко мнѣ на ўлоньня и говора: хорошо царъ ожанився, да не на довгое ўрэмя. Пріѣдя домовъ, проклятая мачиха отвядѐ имъ комнату спать. Якъ заснуть, вылѣзя сатана на дванатцать головъ и ўсихъ ихъ пожрэ! А хто чуя, да скажа, той увесь камянямъ станя!..» Такъ шархъ—увесь камянь и ставъ! Што зь естого съ камяня плакали яны цѣлнаю ночь, и самы, и царственники уси! Што етакій чаловѣкъ да загибъ. И обрекали обѣды, кормить и надѣлять, штобъ Богу молились, штобъ яго Господь здѣлавъ такъ, якъ и бывъ. Потомъ Господь приходя къ имъ, издѣлався чаловѣкомъ, и говора такъ: вотъ, государевичъ: ёнъ тябе отретовавъ отъ смерти,—дакъ коли ты порѣжешъ своихъ вобоихъ сыновъ да кровъ спустишъ, да камянь потрёшъ кровъю, дакъ ёнъ будя чаловѣкъ опять!—Богъ мой, говора: што жъ мнѣ дѣлать порѣзаному тѣлу, куды мнѣ яго определить? Господь отвѣтъ дававъ: возьми у гробницы, и обаполъ камяня гробницы поставъ. А самъ ляжъ спать, зъ вечара,—потому вутро лучче вечара!.. Ёнъ такъ и здѣлавъ: порѣзавъ вобоихъ сыновъ, кровъ спустивъ и камянь помазавъ. А тѣлы у гробницы поклавъ коло камяня. Назаўтраго повутру царъ прочинаетца—Ванъ яго сыновъ обаполъ за рўки дяржи́ть, и самъ живы́й. Тогды думая: што съ проклятой мачихой дѣлать, которая съ проколоной губой стоить, и продѣто золотое кольцо? Приставивъ яе къ суду. Судъ признававъ: узять осиновую дровину, и ўбить у груди яе, и дѣ мѣсто несподобное, положить яѐ. А самы стали жить и раевать. И тяперъ живуть. И я ў ихъ бувъ.

Д. Демьянки, выл. вол. гом. у. Кр. Степанъ Григорьевъ, 45 л. негр. Живутъ и великоруссы старообрядцы. См. № 1 и 2.

12. Шкляныя горы.

Жили сабѣ такъ мужъ зъ жаною. То бывъ ёнъ работникъ, а яна яще луччая работница. То жа жъ яна работница сильная. Яна тутъ покуль мужу отнясла обѣдъ, можа галядка была—отнясла, статокъ треба прогнать, да й копу треба нажать—а ў яе рябёночакъ бывъ маляныкій у люльцы, можа ёнъ уже научився повзать. Такъ яна узяла серпъ и сама пошла жать, на работу. Отъ яна жать дакъ жать, жать дакъ жать, жать дакъ жать, жать дакъ жать, дятёнокъ не плача, а матка не зная етого, не догадаетца. Дотуль яна жала, покуль у дворъ пора йти,—дятёнка и не глядѣла. Вѣдомо жъ, дома статокъ треба доглѣдить. У копу склала, хвать тогды за люльку—дятёнка нема у люльцы. Тяперъ яна тамъ шукать, шукать, гукать, гукать—нема дятёнка. Што ни шукала, што ни гукала—нема дятёнка! Тоды яна узяла пустую люльку и по-

шла у дворъ плачучи. А дятёнокъ тэй выповзъ зъ люльки и поповзъ, и поповзъ,—поповзъ у лѣсъ. Напавъ яго лясный хозяинъ и ўзявъ яго съ собою, и ростить яго. И поклавъ яму имя Иванъ Знайдёнъ. Ти много, ти мало пройшло, узростивъ ёнъ яго ўже, и говорить яму: ну, иди тяперь къ свойму батьку, къ своей матцы! Ёнъ пошовъ. Пошовъ. Ишовъ, ишовъ,—бьютца три вьюги. Ёнъ тяперъ: што вы, за што вы бьятёсь?—А вотъ за што, говорють: нашли мы, говорють, три вещи: перьвая ковёръ—самолётъ, другій вирьмякъ ненавидецъ, третьтій—кошалокъ денегъ. Дакъ вотъ мы не подѣлимъ. Дакъ за ето мы бъёмся!—О, кажить, за ето вы бъетеся? Отъ тамъ гора високая, високая. Дакъ вы йдитя на тую гору, да станьтя побилячъ, да й бяжитя зъ горы. Которая котораю уже выпередя, дакъ тая усё й возьмя! Яны жъ пошли на тую гору, а ёнъ за тыя вещи, узявъ да й пошовъ,—уси забравъ! Не пошовъ жа ёнъ къ батьку да къ матцы, да пошовъ къ тому лѣсному хозяину, што яго растивъ. Тяперъ тэй хозяинъ: што ты, каа, вярнувся?—А што жъ я вярнувся: нашовъ три вещи!—Што за вещи?—А отъ, говоря: первый ковёръ-самолётъ, другій вирьмякъ-ненавидецъ, третьтій кошалокъ денегъ!—Ну, хорошо! Отъ жа я табѣ тяперь укажу нявѣсту! Ну, разсказавъ яму примѣты. «Будешъ ты ити,—будя лятѣть три голубки. И сядуть яны коло моря, пойдуть мытпа-бялитца коло моря,—дѣвки такія, што разлюбоватца. Дакъ яны помыютца-побѣлютца, а ты якъ ладься дакъ ладься, якъ яны пойдуть мытца—бялитца, да одные платьтя уволочи, одѣяньня. Уволочёшъ ты платьтя, тогды возьми яе за правую руку и вяди, и вяди, и вяди. И женисься ты зъ ей, и якая табѣ жисть будя красивая! Тольки ня пи ты горѣлки отъ яе. А коли выпъешъ горѣлки отъ яе, дакъ яна тябе киня! Ну, ёнъ наўчивъ яго етакъ. Ёнъ и пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити по тыхъ примѣтахъ, якъ ёнъ яму указавъ, и пришовъ къ морю. Нашовъ битыя примѣты, залицовавъ. Пришовъ къ морю и сѣвъ на той примѣти. И бача, лятить три голубки. Якъ лятѣли, дакъ и ўпали коло моря, стали разбиратца, стали дѣвкамы; лятѣли голубкамы, а якъ разобрались, стали дѣвкамы, такимы злишнымы! Вотъ ёнъ тогды якъ повзъ, дакъ повзъ, поповзомъ, да й заволокъ одные одѣяньня къ сабѣ. Помылись яны, побялились, дакъ тыя надѣлись и полятѣли, а йна хватилась—немашъ яе одѣяньня. Тяперь яна шукать одѣяньня. Яна й шукать, яна й гукать, яна й плакать—нема одѣяньня, да й годи! Тяперь стала говорить: хто тутъ ёсть, хто зъ мяне насмѣявся? Ежали старый, будя батюшка мой родный; ежали сярёдьній, будя дядюшка мой родный; ежали холостый—дакъ будя мой мужъ вѣрный! Ну, ёнъ отвястивъ. Яна пришла къ яму, бача, што молодецъ видный. Ну, хорошо, говоря: будешъ мой мужъ, а я твоя жана,—отдай моё одѣяньня! Отдавъ

жа ёнъ одѣяньня, яна надѣлася, ёнъ за правую рукў, и повёвъ. Якъ весть дакъ весть, и привóдя яé къ батьку и къ матцы.

Ну, тяперъ ёнъ живе зь ёй нядѣлю, или двѣ, или три. Тяперъ батька говóра: што, мой сынокъ, жанить пора тябе!—А ўжо жъ, кажа, батюшка, пора!—Вотъ, поѣду у сваты—икъ тому къ тому къ богачу, высватаю жану табѣ! А ёнъ говóря: нѣ, батюшка, мяне зь естой жани, што я привёвъ! А батька говорить: ахъ, мой сынокъ! ты пò сьвѣту ходивъ, да якую..... злюбивъ да й привёвъ. Етакая съ тобой жить ня будя! Батька жъ сусимъ зь ёй жанить не хоча, а ёнъ нуждáя батьку, што зь естой жани, да й годи,—што я привёвъ. Ну, и жанивъ. Зь естой жанивъ, што привёвъ. Скольки жъ ёнъ живъ зь ёю,—докуль водки отъ яе ня пивъ, хорошо було. А йна стала змущать яго: икáя, кажа, наша любовъ, што ты отъ мяне ничóго не вóзьмешъ,—дакъ икая ето любовъ? Стала змущать яго. Ну, и змусьтила яго. Выпивъ ёнъ отъ яе, кольки тамъ выпивъ, да выпивъ зь яè рукъ. Тяперь ёнъ и заснувъ. А яна тяперь надѣла свою 'дѐжу, кинула яго и полятѣла. Тольки сказала: ти ўбачимся, ти не ўбачимся—у Шкляныхъ горахъ! Ето ёнъ уво снѣ, значитца, бачивъ. Ёнъ увоснувъ, дакъ скрозь сонъ бытто чувъ. Во ёнъ тяперь прошнувся, цапъ-цапъ—немà жаны. Ёнъ приходя къ батьку: немà, каа, моè жаны,—кинула мяне!—А, мой сынъ! ти я табѣ не казавъ? Етакая волочащая у хозяйствѣ жить ня будя!—Я пойду яе, батюшка, шукать!—Нѣ, мой сынъ, ня йди ты яе шукать, а табѣ возьму хорошую, вотъ зъ богача съ хорошаго...—Нѣ, батюшка, пойду яè шукать!... Ну, пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити, и зайшовъ къ тому къ лясному хозяину, хто яго ростивъ. Тяперь тэй и говоря: а што, говоря, Иванъ Знайдёнъ: ти я не казавъ табѣ, ня пи горѣлки отъ жаны? А ты не послухавъ, вотъ яна тябе кинула. А штó бъ за житьтё табѣ былò хорошая!.. Што йна табѣ казала, икъ отходила?—А тольки сказала, што ти ўбачимся, ти не ўбачимся—ў Шкляныхъ горахъ!—Вотъ ба жъ мѣвъ я табѣ указать, дакъ я самъ ня вѣдаю, дѣ Шкляныя горы! Вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ,—лятить къ яму птаство, што ёсть ихъ на сьвѣти, уси злятѣли. Тяперь ёнъ спрашуетца: а што, говоря, птаство: вы пó сьвѣту летаетя—ти ня видѣли, ти не бачили, а дѣ Шкляныя горы находютца? Тожа яны отвѣщають: мы увесь сьвѣтъ злётуямъ, тожа Шкляныхъ горъ нигдѣ не видали!—«Вотъ ба жъ мѣвъ я табѣ указать, дакъ вотъ не могу знать, идѣ Шкляныя горы находютца!» Тяперь ёнъ кажа: ну, вотъ жа: нà табѣ клубочакъ! Кинь етый клубочакъ: куды ёнъ будя катитца, туды й иди. Прикòтитца етый клубочакъ къ нашаму къ сяредьняму брату. Ти укажа, ти не укажа нашъ сяредьній братъ табѣ Шкляныя горы! Ёнъ узявъ

клубочакъ, кинувъ передъ собой. Клубочакъ покатився, и ёнъ услѣдъ пошовъ. Ити дакъ ити—прикатився етый клубочакъ къ сярсдьняму брату. Такъ братъ етый и закричавъ на яго тожъ: а што, ти нашъ братъ не казавъ табѣ не пить водки отъ жаны отъ своѐ? А ты не послухавъ! Што яна табѣ казала, якъ отходила?—А тольки сказала: што ти ўбачимся, ти не ўбачимся—у Шкляныхъ горахъ! Тожа жъ ёнъ говоря: мѣвъ ба я табѣ указать, дакъ не могу знать, идѣ яны находютца! Тяперь ёнъ вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ—икъ идуть икъ яму звярьё, што ёсть на сьвѣти, дакъ уси идуть къ яму,—тольки одныхъ вовковъ нема̀. Тяперь ёнъ спрашуя: што, вы, звярьё, по́ сьвѣту хо́дитя, ти не бачили, ти ня видѣли, а дѣ Шкляныя горы находютца? Яны говоря̀ть: мы увесь сьвѣтъ сыхо́димъ, Шкляныхъ горъ нидѣ не видали!—Отъ жа жъ: мѣвъ я табѣ указать, тольки не могу знать, идѣ яны, Шкляныя горы! На̀ табѣ клубочакъ, кинь ты передъ собою. Куды етый клубочакъ будя катитца, туды ты и йди! Прико̀титца етый клубочакъ къ бо́льшаму къ нашаму брату: ти укажа, ти не ўкажа табѣ нашъ большiй братъ!.. Ну, ёнъ узявъ етый клубочакъ, кинувъ передъ собой. Ёнъ покатився, а ёнъ идёть услѣдъ. Прикатився етый клубочакъ къ большаму брату, и ёнъ услѣдъ за клубочкомъ пришовъ туды. Такъ ёнъ и закричавъ на яго: а што, Иванъ Знайдёнъ: ти нашъ братъ табѣ не приказававъ, што ня пи̇ водки отъ жаны! А ты не послухавъ, вотъ яна и кинула тябе! Тяперь ёнъ вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ. Якъ идуть къ яму̀ вовки,—скольки ё на сьвѣти, уси йдуть. Тяперь ёнъ спрашуя: што, вы, вовки, по сьвяту̀ ходитя, —ти не бачили, ти ня видѣли, идѣ Шкляныя горы находютца? Тэй кажа: не бачивъ! тэй кажа: ня видѣвъ! Такъ ёнъ крикнувъ на ихъ: якъ ба вамъ не знать? няможно вамъ не знать! вы по ўсяму сьвѣту бѣгаетя, якъ ба вамъ ня зьвѣдать усяго сьвѣту? Ти ўси вы, вовки, тутъ? Глядь, глядь,—одного вовка нема́, хромого. Ёнъ вышовъ на крылцо, якъ свисьнеть—листъ опнавъ зъ лѣсу! Вовка того нема. Ёнъ у другiй разъ вышовъ. Якъ свисьня, дакъ го́льля спа́ло! (Ето Юрiй бывъ). Колдыпа̀я и тэй. Ёнъ крикнеть на яго: идѣ ты ходишъ? Мы за тобой давно харчуемся, што тябе нема?—А я, говоря, далёко ходивъ!—Дѣ жъ ты далёко ходивъ?—А я бывъ, говора, у Шкляныхъ горахъ!—Ну, хорошо, говора. Ежали ты бывъ у Шкляныхъ горахъ,—штобъ ты доставивъ Ивана Знайдёна у Шкляныя горы!—Ну, хорошо! Тэй помѣвся яго доставить. Садись на мяне! Ёнъ усьсѣвъ на яго. Дакъ ёнъ хромый—колыпъ! колыпъ! колыпъ!—Ахъ, вовкъ, говора:—што ты хромый? Якъ на табѣ ѣхать? будемъ лучче пѣшки итить!—Што то вярхомъ, а што пѣшки!—Нѣ, гово-

ря: у мяне ёсть вѐрстать такая,—ёсть ковёръ самолётъ; якъ сядешъ, удругъ достава!—Ну, хорошо и ето, говоря. Вырви жъ ты у мяне промижъ вӯши шерсьти. Коли я табѣ потрéбянъ буду, ты тяпéлца высячи, моѐ шерсьти припячи,—я къ табѣ и буду! Отъ ёнъ яму указавъ, на якіе городы, на якое што лятѣть.—И прилятѣвъ къ Шклянымъ горамъ. Дрався, дрався, дрався, дрався на гȍры, пиякъ ня ӯзлѣзя на горы. Высякъ тяпéлцо, расклавъ, и припёкъ вовчиныя шерсьти—ти не ӯкажа вовкъ, якъ узлѣзьти? Бяжить и вовкъ къ яму: объ чимъ ты, Иванъ Знайдёнъ, мяне жалаешъ?—А ȏтъ: пе могу на горы узлѣзьть!—А отъ, у тябе ёсть грошп своѐ; иди на базаръ, купи зялѣза, и иди къ ковалю, и покуй зялѣзные кокти на рӯки й на нȏги. Узȏйдешъ жа ты на горӯ, стрѣня тябе калавуръ. Будуть тябе спрашавать--што ты за чаловѣкъ? А ты скажи, што я кухарь, могу хорошо господамъ кушаньня зготувáть. Отъ яны тябе примуть. Тамъ твоя жана за главную клюшницу. Вотъ ты тамъ и убáчисься! Ну, тяперъ жа ёнъ пошовъ на базаръ, да купивъ зялѣза, да понёсъ къ ковалю, покувавъ кокти на руки и на ноги, и пошовъ на горӯ. И узыйшовъ. Стрѣвъ яго калавуръ. И спрашують у яго: што ты за чаловѣкъ?—А я, говоря, кухарь: могу хорошо господамъ кушаньня готовить!—О, намъ етакіе люди треба! Ну, тяперъ жа яны сказали яму: иди ты къ клюшницы, яна загадая, што готовать, якимы способамы. Ёнъ пришовъ икъ клюшницы. И ӯгадавъ ёнъ яѐ, а йна яго,—общапилися и поцалувались. Отъ, я, каа, казала табѣ, што убачимся—не ӯбачимся у Шкляныхъ горахъ,--ȏтъ, такъ и пришлося! Тяперъ жа ёнъ живе тамъ и день, и два, и три, и нядѣлю, и нязвѣстно, кольки яны тамъ жилй—тяперъ яна говора: мужъ мой любый, мужъ мой вѣрный! Твой батька вѣдая, што ёнъ тябе жанивъ со мною, а мой то ня вѣдая, што я съ тобой жанилась. Отъ, нȁ табѣ грошай, иди на базаръ и купи шесьтярикъ кȏняй, што самыхъ налуччихъ; поиздъ, што самый палуччій, кучарёвъ, што самыхъ назлишнѣйшихъ! Ну, за гроши усё ёсть. Пошовъ на базаръ и ӯсё ето купивъ: и коняй покуплявъ, и поиздъ, и кучарёвъ, ти одного тамъ, ти двохъ. Ну, ѣдя ёнъ на етомъ поязди исъ кучарямы, и самъ ѣдя. Тяперъ ёнъ пріѣхавъ, такъ яна и говора: мужъ мой любый, мужъ мой вѣрный! оставайся ты тутъ у Шкляныхъ горахъ, и ходи ты и по садȏхъ и по 'ибарахъ, идѣ табѣ любо, и пи и ѣжъ, што захочешъ; а вотъ тольки ёсть будочка, дренньмъ лычкомъ завязана, дакъ у тую будочку не гляди! А я поѣду къ свойму батьку на етомъ поязди и зъ естымы кучарямы; дакъ ёнъ якъ убача, што кони хорошіе, поиздъ хорошій, кучари злишные,—дакъ ёнъ и подумая, што ето сватъ пріѣхавъ на етыхъ лошадяхъ.

Отъ жа яна и поѣхала, а ёнъ оставсь. Ёнъ идѣ ходивъ, и по са-

дохъ и по ‘нбарахъ, усюдахъ. И тольки яму зрупило: што ето значитца, што у тую будочку нельзя поглядѣть? Такъ и ўзрупило яму. Отчинивъ и поглядѣвъ. Висить тамъ бязсмертный Кащъ подвѣшанъ, и конь яго подвѣшанъ. Такъ ёнъ и говора: эй, Иванъ Знайдёнъ! покорми ты мяне! я тябе три разы отъ смерти отрятўю!—Чимъ жа тябе кормить?—А принясп мнѣ булку хлѣба! Ёнъ булку хлѣба пошовъ, принёсъ. Ёнъ самъ ѣсть и коня кбрмя, самъ ѣсть и коня кормя. Булку хлѣба зьѣвъ, другія прбся. Ёнъ пошовъ, другую принёсъ. Ёнъ самъ ѣсть и коню даéть, самъ ѣсть и коню даéть. Изьѣвъ дьвѣ булки, третьтія прося. Ёнъ пошовъ и третьтію принёсъ. Кащъ самъ ѣсть и коня кормя, самъ ѣсть и коня кормя. Подъѣвъ. Тяперъ, говора, покормивъ, и папой. Прияяси мнѣ вядро воды! Ёнъ принёсъ. Ёнъ самъ пъé и коня пбя, самъ пъè и коня пбя. Вядро выпивъ, другого прося. Ёнъ пошовъ, другое принёсъ. Кащъ самъ пъе и коня поя, самъ пъе и коня поя. Выпивъ два вядры, третьтяго прося. Ёнъ принёсъ. Ёнъ самъ пъе и коня поя, самъ пъè и коня поя. Напився. Тяперъ, самъ оторвався, и конь оторвався. Ёнъ засѣдлавъ лошадя, и усьсѣвъ на лошадя: вотъ жа, говòря, Иванъ Знайдёнъ: за твою хлѣбъ-соль жана моя, а не твоя! Сѣвъ и поѣхавъ. Вó й поѣхавъ. И стрѣвъ ёнъ жану, узявъ съ собою и повёзъ у другія Шкляныя горы. Заставсь ёнъ одинъ у тыхъ горахъ. Ходивъ ёнъ, ходивъ, тошновавъ, тошновавъ: што тутъ дѣлать? пойду яè шукать! Изновъ жа: шукать яе? ня звѣстно, дѣ жъ тыя горы Шкляныя? Ёнъ уздумавъ опять на вовка, тяпелцо расклавъ, вовчиныя шерсьти припёкъ—колдыпая вовкъ къ яму. Объ чимъ ты мяне, Иванъ Знайдёнъ, жалаешъ?—А вотъ, говоря: бывъ нашовъ жану, да и зновъ потерявъ!—Вотъ жа ты, говоря, не послухавъ яè—не гляди у тую будочку! Якая бъ табѣ жисть была красивая! А ты вó не послухавъ, поглядѣвъ, дакъ и потерявъ! Ёнъ яму зновъ указавъ тожа—на якіе городы, на якое што итить яму, на тыя па Шкляныя горы изновъ. И поставивъ силный калавуръ тэй Кащъ бязсмертный на тэй уже на своёй на Стеклянной горѣ.

Тяперь ёнъ сѣвъ на ковёръ самолётъ и полятѣвъ. Прилетая подъ тэй калавуръ. Тяперь съ ковёра сьсѣвъ, и увярнувся у вирьмякъ ненавидецъ. Ёнъ якъ надѣвъ, дакъ яго и ня видя нихто. Ёнъ прошовъ етый калавуръ. Ну, увыйшовъ туды, у городъ, ставъ пататца, идѣ бязсмертный Кащъ? И тутъ сказали яму, што ёнъ бывъ, али поѣхавъ кудысь-то, нязвѣстно. Тяперъ ёнъ зайшовъ къ жанѣ и забравъ яè. И самъ сѣвъ на ковёръ самолётъ и повёзъ яе. Пріѣжжая къ калавуру, сичасъ у вирьмякъ ненавидецъ увярпувся, самъ, и жану увярьтѣвъ, и пройшли калавуръ етый. Тяперъ усьсѣвъ опять на ковёръ самолётъ, самъ усьсѣвъ,

и жану посадивъ, и полятѣли. Сустракаютца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Конь яго зарзавъ. Ёнъ отвѣцая, Кащъ: чаго ты, песьсее мясо, зарзавъ: ти ты на мяне злуешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тябе,—на жинку на твою!—А што вамъ моя жинка здѣлала?—Ничого, говбря, не здѣлала; тольки укравъ твою жану Иванъ Знайдёнъ!—Такъ ты етого спужався! Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди посѣямъ пшаницы, съ тыя пшаницы наваримъ пива, пива напъёмся, яго догонимъ и жану отбяромъ! Тяперъ жа яны поѣхали у двору, высякли лядо, на тымъ ляди посѣяли пшаницы, съ тыя пшаницы наварили пива, пива напились и поѣхали. Яго догнали и жану отобрали. Вотъ жа, говоря: за твою хлѣбъ-соль дарую табѣ! Я бъ тябе ўбивъ, да за твою хлѣбъ-соль дарую. Помни, што разъ отъ смерти отретувавъ! Заставсь ёнъ одинъ зновъ. Думавъ, думавъ, што тутъ дѣлать? Пойду изновъ за жаной! Ну, тяперъ ёнъ уже дорогу вѣдая: сѣвъ на ковёръ-самолётъ и полятѣвъ. А ёнъ поставивъ калавуръ тожа, тогды сильный, а тяперъ ще силнѣй. Ну. А што яму етый калавуръ, коли ёнъ у вирьмякъ ненавидецъ увярнувся, дакъ яго нихто и ня видя. И пройшовъ мимо. Ну, припіовъ и распатався: идѣ тутъ бязсмертный Кащъ пребывая?—Ёнъ бывъ, говоря, да полятѣвъ у другое царство!—Ну, ёнъ къ жанѣ. Ёнъ забравъ яе, уссадивъ на ковёръ, самъ сѣвъ, и полятѣли. И ѣдуть. Опять стрѣкаютца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Конь яго зарзавъ. Ёнъ отвѣцая, Кащъ: чаго ты, песьсее мясо, зарзавъ: ти ты на мяне злуешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тябе,—на жинку на твою!—А што вамъ моя жинка здѣлала?—Ничого, говбря, не здѣлала; тольки укравъ твою жану Иванъ Знайдёнъ!—О! такъ ты етого спужався! Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди посѣямъ пшаницы, съ тыя пшаницы наваримъ пива, пива напъёмся, яго догонимъ и жану отбяромъ! Поѣхали у двору, высякли лядо, насѣяли пшаницы, наварили пива, напились и поѣхали. Догнали ихъ; ёнъ жану отобравъ. Ну, помни жъ: я тябе два разы отъ смерти отретувавъ. Я бъ тябе теперъ убивъ, да за твою хлѣбъ—соль дарую! Ну ўже коли за третьтимъ разомъ пріѣдешъ—убъю! Тяперъ ёнъ застався одинъ. Што тутъ дѣлать? Думавъ, думавъ—по смерть итить! А, пойду зновъ за жаной! Усьсѣвъ на ковёръ самолётъ и полятѣвъ. Той калавуръ еще силнѣй поставивъ. На што яму калавуръ, коли ў яго ёсть вѣрстать—увярнувся у вирьмякъ, дакъ яго нихто и ня видя. Пройшовъ мимо калавура. Увыйшовъ у городъ и патая: идѣ тутъ Кащъ бязсмертный проживая?—А ёнъ бывъ, говора, да полятѣвъ у другій городъ! Ёнъ тяперъ зайшовъ къ жанѣ и говоря: распатайся ты у Каща, идѣ ёнъ выслуживъ етакого лошадя!—Добро, я распатаю. Тольки выйди ты зь естого города на ўремя, а то ёнъ тябе знистожа! Ёнъ вышовъ.

А ёнъ пріѣхавъ; яна подлѣзла къ яму лестями: ну што, говоря: идѣ ты сабѣ эткого лошадя выслуживъ?—О, гдѣ выслуживъ? Ты думаешь, выслужа твой Иванъ Знайдёнъ? Нѣ, ня выслужа! Есть па тридевятой замлѣ, па тридесятомъ царстьви ёсть Баба-Юга. Дакъ ёсть у яѐ сто кобылицъ. Хто тольки спасё тыхъ кобылицъ три дьни, дае жарабца самаго перваго на выбо̀ръ. Да нѣ ўжо: ужо усё колья—дворъ занёсянъ частоколомъ—дакъ усё колья завѣшано уже головами: што не спасуть три дни, голову долой. Тольки одинъ колъ остався. Дакъ ежали пойдя стый Иванъ Знайдёнъ коня заслужувать, дакъ на томъ колу̀ яго голову̀ завѣсють! Отъ, тяперъ жа ёнъ побывъ трохи, опять жа поѣхавъ куды тамъ. Ёнъ изновъ увыйшовъ у стый городъ, Иванъ Знайденъ, распатався: ти бывъ тутъ Кащъ?—Бывъ!—А тяперъ дома?—Нѣ, поѣхавъ куды тамъ! Ну ёнъ тяперъ къ жанѣ. Ну што, гово̀ря, ти паталася?—Паталася!—Ну, што̀ сказавъ?—А сказавъ, говоря, што за тридевять зямель, у тридесятомъ царстьви, ёсть Баба-Юга. Дакъ ёсть у яѐ сто кобылицъ. Хто тольки спасё тыхъ кобылицъ три дьни, дае жарабца самаго перваго на выбо̀ръ. Да нѣ ўжо: ужо уси колья—дворъ занёсянъ частоколомъ—дакъ уси колья завѣшаны ужо головами: што не спасуть три дьни, ну голову̀ долой. Тольки одинъ колъ остався. Дакъ ежали пойдя твой Иванъ Знайдёнъ коня заслужувать, дакъ на томъ колу яго голову̀ завѣсють! Нў, енъ думавъ, думавъ: што тутъ дѣлать? Разьви по смерть итить? Ну, да ўже што Богъ дасть, то й будя, а пойду жарабца доставать! Тяперъ жа ёнъ уже знистожи̇въ и ковёръ тэй и ненавидецъ, и пошовъ пяшкомъ, коня выслу̀жувать.

Ну, тяперъ нема яму̀ ни двора, нема яму̀ ни села, нема яму ничо̀го—су̀дки ишовъ ня ѣвши, нечимъ яму̀ и покормитца. Ишовъ, ишовъ ёнъ, и приходя къ морю. Ляжи̇ть ракъ па бе̇резн. Узявъ ёнъ колъ: пойду, стого рака забъю, и то подъѣмъ! Прихо̀дя ёнъ къ яму, ракъ говоря: эй, Иванъ Знайдёнъ, ня бй ты мяне! отколупи изъ мяне шалупа̀шку и возьми у карманъ. Коли я табѣ треба буду, дакъ ты тяпло раскладн, да шалупашку припячи, дакъ я къ табѣ й буду,—я табѣ знадоблюсь! А возьми мяне, да ко̀ломъ стымъ, да спихни у воду̀! Значитца, ёнъ засохъ, ня можа звярнутца. Отъ ёнъ яго спихнувъ у воду̀, ёнъ поплывъ. Застався ёнъ опять ня ѣвши. Увышовъ у пущу—чикають дятлы у дереви. Ёнъ сопрянувся: полѣзу етыхъ дятловъ побяру, и то подъѣмъ! Подлѣзая туды—лятитъ дятелъ старый: эй, Иванъ Знайдёнъ, не бяри ты моихъ дѣтокъ! Вырви ты у мяне пярцо̀ и ўложъ у карманъ! Коли я табѣ буду треба, ты высячъ тяпелцо, раскладн, и моё пёрцо припячи. Дакъ я къ табѣ буду—я табѣ знадоблюся! Такъ ёнъ изновъ и полѣзъ доловъ ня ѣвши. «Богъ вѣдая! Куды я йду, никого ня вѣдаю, и што мнѣ Богъ

дасть? Можа и знадобитца хто!» Пошовъ ёнъ зновъ ня ѣвши. Ншовъ, ншовъ—повзѐ мурашка терезъ дорогу. «Возьму я колъ, да забью ету мурашку, и то буду ѣсть!» Узявъ ёнъ колъ, и идс близко уже коло мурашки. Мурашка говоря: ня би ты мяне, Иванъ Знайдёнъ! вырви ты у мяне нярцо и ўложъ у карманъ! Коли я табѣ буду треба, ты высячъ тяпелцо, раскладн, и мое нярцо припячи. Я табѣ два разы знадоблюся! Мусивъ ёнъ такъ здѣлать. Кинувъ колъ, пошовъ такъ. Приходя ёнъ уже къ той баби къ Юзѣ, куды йшовъ. Здрастуй, бабка!—А здрастуй, Иванъ Знайдёнъ! Што ходишъ?—А иду жарабца выслужувать!—О, хорошо. Я етакихъ людей дожидаю давно! Вотъ ты у мяне три дьни коли спасёшъ сто кобылицъ, даю жарабца на выборъ! Сичасъ яму вячерн наготовила, яго покормила, посьтелю заслала, ёнъ лёгъ спать. Назаўтраго яна устала, хату затопила, обѣдъ наготувала, ладокъ напекла, у кошель наклала и будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у поля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, усхапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое поля. Пасёть жа ёнъ ихъ до полудня. Пасёть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму полудновать. Ёнъ кошалокъ отчинивъ и зьѣвъ етыя ладочки. Якъ зьѣвъ, такъ и заснувъ.—А яны сонныя ладки. А яны й похувалися, кобылицы. Тяперь ина приходя Баба-Юга къ яму и будя яго: Иванъ Знайдёнъ, а дѣ ты моихъ кобыличъ подѣвавъ? А? Вотъ и конюхъ! Вотъ и напасьтивавъ! Думавъ ёнъ, думавъ: што тутъ? Ходили хорошо, и нема. Думавъ ёнъ, думавъ—што, звѣстно: говорили и тэй и тэй, што я табѣ знадоблюсь, да нязвѣстно. И ўздумавъ ёнъ на того вовка. Ну, якъ тяпелца расклавъ и припёкъ вовчиныя шерсьти, колтыпая вовкъ къ яму тэй. Объ чимъ ты мяне, Иванъ Знайдёнъ, жалаешъ?—Объ чимъ, говоря, жалаю? Вотъ, кобылицъ, говоря, пасьтививъ, да не знаю, дѣ яны дѣлись!—О, говоря: ето жъ у тябе ўже у кармани! Тяперь яны похувалися у моря; дакъ ихъ ужо ракъ выгоня! А другій день будешъ пасьтивить, дакъ яны похуваютца у дяревья; дакъ табѣ дятелъ выгоня. А третьтій день похуваютца у зёмлю—дакъ тогды мурашка выгоня! Ну, й прощай за стымъ!.. Вотъ докуль вовкъ яму служивъ, тяперь уже ня будя! Ну, тяперь ёнъ вынявъ ету шалупашку и припёкъ, ракову. Повзѐ етый ракъ къ яму. А што, Иванъ Знайдёнъ: штб бъ ты тяперь дѣлавъ, колибъ мяне забивъ? Я казавъ, што табѣ знадоблюсь! Отъ яно такъ и ёсть! Отъ жа ты иди, стань тамъ и тамъ; а я пойду у моря, собяру усю свою силу,—я ихъ повыгоню. А ты стой да щитай! Якъ до послѣдьнія дощитаесься, ина выскоча, дакъ ты хватайся садитца на яѐ, и тури у дворъ! Ёнъ такъ и здѣлавъ. Пригоняя ихъ у дворъ. Яна стоить у воротахъ, Юга тая, и бытто рада: вотъ конюхъ, вотъ конюхъ! молодечъ! Тяперь ина на ихъ злу-

еть. То жъ яе дочки ўсё! Узяла зялѣзный прутъ и пошла ихъ наказувать. А, говоря: шукины дочки, вы зь имъ любитеся, знюхались,—отъ яго не похувались! И набила ихъ.

Ну, тяперь, вячеря яму наготувана, ёнъ повячерявъ и лёгъ спать. Яна до сьвѣта устала, хату затопила, ладокъ напекла, наклала у кошель, и будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у поля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, усхапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое поля. Пасётъ жа ёнъ ихъ до полудня. Пасеть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму полудновать. Ёнъ кошалокъ отчинивъ и зьѣвъ етыя ладочки. Якъ тольки ладокъ тыхъ зьѣвъ, такъ и заснувъ. Приходя яна зновъ къ яму, будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ! Ёнъ прошнувся. А дѣ моихъ кобыличъ подѣвавъ? Вотъ конюхъ! Издайсь на етакого конюха! А ёнъ уже осьмялѣвъ; дыкъ ёнъ на яе сыкнувъ: што ты, говоря, Баба-Юга! што ты мяне, у день не пасешъ! Нехай ходють; идѣ хочуть. А коли увечари не пригоню, тогды я виноватъ буду!—Ну, хорошо, найду я тябе и ўвечари! Тяперь ёнъ высякъ тяпелцо, расклавъ, припёкъ дятлово пярцо. Лятить дятелъ къ яму: а што, Иванъ Знайдёнъ: што бъ ты дѣлавъ тяперь, колибъ моихъ дятей поѣвъ? Ты бъ тяперь самъ убивсь! А вотъ я табѣ тяперь знадоблюсь! Ну, иди жъ ты стань вотъ тамъ и тамъ, я собяру свою силу,—я ихъ повыгоню! Ёнъ и ставъ тамъ—идѣ, по яго казкахъ. Ёнъ собравъ свою силу. Якъ зачали ихъ клювать, зачали дювбать,—падали яны, падали—негди имъ уже дѣтца! Стали выскакувать. Яны по дупляхъ похувались. А ёнъ щитая. Дощитавсь до послѣднія, усхвативсь на яе и потуривъ у двору. Ето ўже два дьни спасьтивъ. Пригоняя жъ ёнъ у двору, яна стоить у воротахъ: отъ, молодечъ конюхъ! Два дьни спасьтививъ! Ще день спасьтишъ—получишъ жарабца!.. А на ихъ злуя, што не похувались отъ яго. Узяла зялёзный прутъ и давай ихъ бить. Тогды наготувала яму вячерять; ёнъ повячерявъ и лёгъ спать. Яна до сьвѣта устала, хату затопила, ладокъ напекла, у кошель наклала, и будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у поля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, усхапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое поля. Пасётъ жа ёнъ ихъ до полудня. Пасеть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму полудновать. Ёнъ кошалокъ отчинивъ и зьѣвъ етыя ладочки. Якъ тольки зьѣвъ, такъ и заснувъ. Якъ ёнъ тольки заснувъ, яна и приходя къ яму зновъ. И будя яго: «Иванъ Знайдёнъ!» Ёнъ якъ усхопитца! «А дѣ ты моихъ кобыличъ подѣвавъ? Я на тябе здалася, а дѣ ты ихъ подѣвавъ?» А ёнъ на яе тожа отвѣтивъ: што ты мяне, у день не пасешъ! Нехай ходють, идѣ ходють, абы къ вечару я пригнавъ ихъ! Коли увечари не пригоню, тогды я виноватъ буду!—Ну добря, я тябе увечари спасу! Яна ўсё не

надѣетца, што ёнъ на́йдя ихъ. *И*на уже вѣдая, дѣ яны. Тяперь ёнъ узявъ, тяпелцо высякъ, расклавъ, припёкъ мурашкино пярцо́. Повзе мурашка къ яму. А што, Иванъ Знайдёнъ, што бъ ты тяперь дѣлавъ, коли бъ мяне зьѣвъ! Ты бъ тяперь самъ пропавъ. Я жъ казала, што я табѣ знадоблюсь. Ну, йди жъ ты стань у(во)тамъ и тамъ, я собяру свою силу и ихъ повыгоню. А ты стой и щитай! Ёнъ пошовъ и ставъ. Мурашка собрала свою силу и выгнала ихъ съ подъ зямли. Ёнъ дощитався до послѣдьнія, усхапивсь на яе и потуривъ у двору. Ну, пригоняя у двору—тамъ яна у вочи яму бытто такъ рада: оть, Иванъ Знайдёнъ, молодечъ! три дьня спасьтививъ! заўтри жарабча получа! А сама злуя на ихъ. Узяла зялѣзный прутъ и давай бить ихъ. Тяперь, яму вячеря нагатува́на; ёнъ повячерявъ и спать лёгъ. Давъ Богъ день, ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився. Тяперь яна прося яго уже зъ ласки: Иванъ Знайдёнъ, служивъ ты мнѣ хорошо три дьни, спасьтивъ моихъ кобылячъ, —прислужи ты мнѣ уже: разсѣй ты мнѣ лубучку маку! Такъ ёнъ и поумивъ: што тутъ? Уже жъ больше служивъ! што тутъ пораскидать, забавка? Узялъ ету лубучку маку и засѣявъ. Тяперь яна говоря: да, разсѣять ба я сама разсѣяла, а якъ ба яго подобрать, штобъ опять повна была? Ёнъ тутъ усердився: што такое?—вялѣла разсѣять, а тутъ собирать треба!—Нѣ, мнѣ того не ждать, покуль ёнъ узрастѐ; а мнѣ чичасъ збирай! А не збяре́шъ—не получишъ жарабца! Тяперь ёнъ думавъ, думавъ: што тутъ? служивъ кольки, и во̀ табѣ—не получишъ жарабца! И ўздумавъ ёнъ на мурашку, што яна тыки казала, што два разы знадоблюсь табѣ! Ёнъ тяперь тяпелцо высякъ, расклавъ, и припёкъ мурашкино пярцо̀. Мурашка къ яму. А што, Иванъ Знайдёнъ, што бъ ты тяперь дѣлавъ, колибъ мяне зьѣвъ! Ты бъ тяперь самъ пропавъ. Ну, поставъ жа ты ету лубучку посярёдъ полянки, я собяру усю свою силу, яны сичасъ зволокуть! Ёнъ поставивъ ету лубучку,—такъ яны якъ поповзли, дакъ якъ мурашки,—такъ яму у минуту и ўстягнули,—повна лубучка Принося ёнъ ету лубучку къ ёй: на̀ табѣ, Баба ты Юга! Ну, день пройшовъ, ночувать треба. Ёнъ заночувавъ. И была ў яѐ служе́бка. Дакъ тая служебка зная усё—усё,—што яна отобрала силу у усихъ жарабцовъ, да 'дному 'тдала. Дакъ ёнъ уже моцно сйланъ, што ня можа силы зносить. Дакъ ёнъ ляжить подъ ясьлямы, тэй конь. Здѣлала яго самымъ пущимъ, силнаго того. «Дакъ не бяри ты самаго луччаго, а возьми ты самаго пущаго, што подъ ясьлямы, а тыхъ луччихъ не бяри!» Ёнъ назаўтраго, давъ Богъ день, уставъ, умывся, Богу помолився. Уходя яна: «Ну, Иванъ Знайдёнъ,—пора жарабца выбирать!» Ну, пошли выбирать! Ну, якъ яму уже сказано, дакъ якъ пшовъ, дакъ прямо къ тому къ пу̀длому, цапо̀чкой яго шлыгапу̀въ. Такъ ёнъ цапу̀-цапу̀

ускарабкався, ўставъ. Ёнъ яго за гриву, узявъ и волочѐ. А тамъ такіе хорошіе, такіе тамъ бодры, што такъ и пляшуть. А ёнъ того волочѐ, пудлаго того. Та́къ ёй ня хочетца! Ахъ, говоря, Иванъ Знайдёнъ: ты ў мяне бывъ хорошій конюхъ, хорошо мнѣ спасьтивъ, и ўсё, да бяре́шъ самаго пудлаго! Ты возьми о́тъ етого, што тамъ пляша который!—Э, говоря, бабка: я самъ пло́хій человѣкъ, пло́хаго коня возьму! Узять мнѣ хорошаго, дакъ ёнъ мяне разобъѐ, зва́ля и побяжить куды! А сказано, на выбо́ръ! Ёнъ волочѐ того. Ёй хоть и ня хочетца, да ўже на выбо́ръ сказано, дакъ ёй нельзя судитца. Ну, вывявъ яго на Юрьеву росу̀. Лошадь говоря: попасі́ мяне зарю на ячмени, а зарю на пшаницы, а зарю на 'всѣ! Тогды, посьли того, конь лёгъ, покачався, уставъ, стрепянувся. Стала па ёмъ золотая шарсьтинка, сяребряная. Ну, садись па мяне! Ёнъ усьсѣвъ и поѣхавъ. Пріѣжжая къ тому городу, къ Шклянóму. Уѣхавъ у етый городъ и распытуя: ти дома бязсмертный Кащъ?—Нѣ, говоря: ёнъ бывъ, да выѣхавъ куды тамъ! Ёнъ тяперь узявъ жану, самъ сяді́ть на лошади, яе́ посадивъ на лошадь и поѣхавъ оттуль. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, сустрѣкаетца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Сустрѣкаетца зъ бязсмертнымъ Кащамъ, конь яго зарзавъ. Ёнъ пытая: чаг ты, песьсее мясо, зарзавъ? ти ты на мяне ржешъ, ти на жонку на мою? —Нѣ, не па тябе, а на жонку на твою!—А што табѣ моя жонка здѣлала?—Ничого, каа, яна мнѣ ня здѣлала, только укравъ твою жинку Иванъ Знайдёнъ!—О! дакъ ты етого спужався? Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди насѣямъ пшаницы, съ тыѐ пшаницы наваримъ пива, того пива напъёмся, и то яго догонимъ и жану отбяро́мъ. Лошадь говоря: нѣ, говоря, хозяинъ: мы тяперь уже жаны не'тбярёмъ!—«Якъ то не 'тбярёмъ»? Ёнъ и схапився!—А такъ, говоря: ёнъ уже выслуживъ нашаго меньшаго брата. Да ў яго уся сила отъ нашихъ бра́тцовъ. Дакъ мы уже тяперь у яго не 'тбярёмъ жаны!.. Не́коли жъ яму̀ уже ѣхать у двору да сѣчь лядо, да сѣять пшаницу, да варить пиво,—да вярнувся, да ўже усьлѣдъ за имъ. Тэй жа идеть шагомъ, пяредьній, а етый лятить—потъ кривавой пѣной,—што не догоня. Лошадь зъ лошадьдю говоря, зъ братомъ: што ты, говоря, догоняешъ мяне? Ти ты хочешь битца со мною, ти ты хочешъ зъ Иваномъ Знайдёномъ (ѣхать)?—Нѣ, братецъ: якъ жа мнѣ съ тобой битца,—я съ тобой ня ровяпъ!—А коли хочешъ зъ Иваномъ Знайдёномъ, дакъ ты свойго хозяина узьними подъ небеса, да й пусьти съ сябе,—нехай ёнъ ударитца объ сыру зе́млю, объ бѣлый камянь, нехай ёнъ разсыплетца дробнѣй маку!—Ахъ, мнѣ шкода, кажа, свойго хозяина: ёнъ хорошо мяне кормя! —Ничаго́, будя тябе Иванъ Знайдёнъ кормить! Отъ ёнъ яго узнёсъ подъ небеса и пусьтивъ яго съ сябе. Ёнъ якъ лятѣвъ—ударився объ сырую

землю, объ бѣлый камянь—разсыпався дробнѣй чорнаго маку! А Иванъ Знайдёнъ поѣхавъ уже зъ жаною. Тольки нязвѣстно, куды ёнъ поѣхавъ: ти ў Шкляныя горы, ти къ батьку—икъ матцы.

Отъ, я бывъ съ плытами за Кіявомъ и патався; дакъ не допатався. Хотѣвъ къ яму у госьти зайтить.

С. Новая Ельня. Отъ кр. Григорія Тихонова, 77 л. неграмотн.

13. Царскій унукъ—Лыцаръ Давидоновичъ.

Вотъ, паночекъ, бывъ сабѣ такъ одинъ царъ. Богъ яго вѣдаеть, ти ёнъ бывъ царикомъ, ти тыки царомъ. Ну, дыкъ ёнъ тяперъ мѣвъ сабѣ одного сына, одинъ однымъ сынъ у яго тольки. Ёнъ яго ожанивъ тогды и дождавъ унука. Потымъ ёнъ помёръ, батька. Застався съ унукомъ дѣдъ; и дѣдъ старый уже. Ну, тяперъ гэтый унучакъ трохи ўже подросъ, годовъ можа съ семъ, а можа зъ восемъ. Узявъ ёнъ яго, отдаеть у школу. Отдавъ у школу. Тяперъ ёнъ учитца-учитца, гэтый унукъ, дойшовъ до того, научився, што ўже дарэхтора вучить. Дарэхтору гэто обыйшло, што ёнъ яго вучить, ставъ ёнъ зводить дѣду гэтому на малца: вашъ, каеть, унукъ икъ жидовкамъ на ночь ходить! Ну, тяперъ, гэтый дѣдъ уздумавъ: «што, каеть, яму зробить? Покуль што, напримѣръ каець, вучи яго, научай; а тамъ я разслухаюсь, потачки яму не дамъ!» А гэтого не кажеть дарэхторъ гэтый, што ёнъ яго вучить. Ну, што жъ говорить? Тяперъ гэтый дарэхторъ якъ напусьтивъ на яго купецкихъ сыновъ,—купецкія дѣти тожъ тамъ были, зь имъ училися ў гэтымъ училищи. Дыкъ ёнъ, гэтый малецъ, якъ обступють яны яго, дыкъ ёнъ скомшить комокъ зямли, абы снѣгу зимой,—которому дась—на мѣсьти й духъ вонъ! Ёнъ тяперъ къ гэтому цару, къ старику, уси къ яму, и купечаство гэто: «што ты, говоруть, дяржишъ яго, гэтакого? Дѣ-дѣ, говоруть, да дѣнь яго!» Гэтый царъ думавъ, думавъ: што зь имъ изробить? Бывъ то за морамъ нейди бязсмэртный царъ. Гэтый дѣдъ надумався узять яго послать къ бязсмэртному цару: нехай яго страбить тамъ бязсмэртный царъ! Написавъ письмо и запечатувавъ. А ўзявъ яго и выправляеть. Ёнъ тогды узявъ письмо, вышовъ на дворъ да обдумався: «Дядулька, каеть, сь чимъ ты мяне выправляешъ? Мнѣ, говорить, трэба якей кіёчакъ; кабъ якей кіёчакъ дѣ скувавъ, ляску!» У яго жъ тожа кувалёвъ ня нѣтъ! Узявъ отвярнувъ сто пудовъ зялѣза и скувавъ яму буловку. Ёнъ гэту буловку, малецъ гэтый, узявъ. Поспробувавъ гэту буловку: «да што мнѣ, говорить, гэта буловка? мнѣ гэта буловка мала, говорить, соўсимъ!» Тогды тэй дѣдъ ящо прикинувъ сто пудовъ зялѣза къ гэтой буловцы. Скували буловку у двѣсьтя пудовъ. Тогды

гэтый малецъ ухапивъ гэту булŏвку, якъ кинувъ угŏру! Пошовъ у горницу, выпивъ стаганъ (g) чаю, шклянку. Тяперъ обдумався, што яна сычасъ будеть назадъ лятѣть, вышовъ, надстановивъ колѣно. Яна якъ ударила 'бъ колѣно—пополамъ нераломилась. «Ну, говорить, дядулька, —полядитя, што жъ я буду дѣлать?» Ковалки принёсъ яму, положивъ. Тогды гэтый дѣдъ на гэтыхъ кувалёвъ почавъ сварится: што вы, говŏрить, дѣлаетя? Прикинувъ ящо пятьдесятъ пудовъ жялѣза. Тогды ёнъ узявъ, попробувавъ,—кинувъ угŏру. Повярнувся ў горницы, сычасъ жа й выходить,—зварнулася булŏвка назадъ. Ёнъ надставивъ колѣно—тольки согнулася; нераломитца не пераломилась. Ну, каець, дядулька,—дякуй! Узявъ письмо, попрощався зъ дѣдомъ и пошовъ.

Якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити,—приходить ёнъ къ мŏру. А бязсмэртный царъ за мŏрамъ. Пŏтымъ того, думавъ-думавъ, думавъ-думавъ: што тутъ дѣлать? Узявъ пераксьсився, размахнувся, якъ ударивъ —мŏра назадъ и напéрадъ, туды-сюды вода расхинáетца. Ёнъ дали, ёнъ дали. Якъ бить дыкъ бить, якъ бить дыкъ бить—вышовъ на берагъ. Сѣвъ отдыхать на берази, пераксьсився: слава табѣ, Господи, што мяне Богъ перанёсъ! Приходить къ бязсмэртному цару, и попавъ яго у доми, и подаеть писямцо налишно цару бязсмэртному. Гэтый царъ распечатувавъ письмо и смотрить на гэто: смотрить у письмо, и полядить на яго. И стало яго жалко, напримѣръ, што прислано, напримѣръ, кабъ яго страбить,и нема—вѣдома за што. Тяперъ ёнъ, гэтый бязсмэртный царъ, узявъ, отписуеть письмо назадъ, яго дѣду. А ў гэтаго бязсмэртнаго цара капулюшкŏвъ висить на сьтѣнахъ, по пятсотъ пудовъ, спижŏвыхъ,—много ихъ висить тамъ, кругомъ обѣшано. Ёнъ узявъ съ сьтяны капулюшŏкъ ды: вотъ, говŏрить, мой голубецъ! заняси дѣду свойму госьтинчика, говорить. Думавъ, што ёнъ подъ имъ и заснёть тамъ. Узявъ гэтый капулюшокъ, ды яму на голову й надѣвъ. А ёнъ страханувся, добрый молодецъ, у руку яму пуцулувавъ: прощайтя! говŏрить. Бязсмэртный царъ тольки страшитца: ну, молодецъ мальчикъ! Ёнъ вышовъ, вышовъ вонъ, значитца, подякувавъ, узявъ свою булŏвку и капулюшŏкъ: пятсотъ пудовъ капулюшокъ и двѣсьтя пятьдесятъ буловка. Пераксьсився и пошовъ. Приходить къ мору и—Господи богослови!—полѣзъ узновъ у мŏра. Дѣ ударить—тамъ и сухо, дѣ ударить—тамъ и сухо,—и перайшовъ воду, нерабивъ воду. Приходить къ свойму дѣду. Пришовъ къ дѣду, письмо выняв. Оробѣвъ дѣдъ, што ёнъ вярнувся. Што зъ имъ рŏбить? Положивъ гэто письмо дѣду на столѣ—выпявъ,—ставъ дѣдъ расчитувать гэто письмо, што яму прислав бязсмэртный царъ. А ёнъ хŏдить по покои: забывся на тэй капулюшŏкъ, што яму прислав бязсмэртный царъ—дѣду госьтинчика. Тогды уздумавъ на гэтый капулюшокъ: ахъ, говорить, дядулька! Табѣ бязсмэрт-

ный царъ прислав̑ъ госьтинчикъ! Узявъ гэтый капэлюшъ однэй рукой, да дѣду на голову—такъ того й раздавив̑ъ, расьтиснув̑ъ,—чисто расплывся дѣдъ тамъ, потъ капулюшкомъ. А—о! гэтый малецъ тяперъ обробѣвъ. Ухапивъ булόвку и пошовъ у сьвѣтъ—дѣда замучивъ.

Якъ ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, сустрѣкаеть ёнъ у якимъ то дворѣ,—ажны нясеть чаловѣкъ у коробцы съ току пять чятьвяртей гороху бѣлаго. Тяперъ ёнъ подумавъ, спознавъ, што й ёнъ троху товаришъ яму, якъ ба ня было. «Э, говорить, Гороховикъ,—кидай горохъ, пойдемъ у сьвѣтъ! Гэтый Гороховикъ сычасъ свой кошель обярнувъ, горохъ гэтый высыпавъ на зéмлю, пераксьсився: богослови Господи, у сьвѣтъ пойдемъ! И пошли ободва. Якъ ити дыкъ ити, приходють яны тожъ дѣ, къ якому пруду. Ажъ у гэтымъ пруди дванацать камянёвъ, мелетца на дванацать камянёвъ. А тяперъ чаловѣкъ на вусόхъ дяржить прудъ гэтый увесь. Обышовъ ёнъ вокругъ гэтого чаловѣка: эхъ, братъ, говόрить, Вусачъ! кидай ты уси гэты пруды, пойдемъ у сьвѣтъ, говорить. Ну, тэй кинувъ. Якъ кинувъ прудъ гэтый, дыкъ ёнъ—пошло усе урозь. Ну, тяперъ пошли утрохъ. Тяперъ яны, якъ ити дыкъ ити, приходють то яны у якей городъ. Прошли яны увесь городъ, не нашли никόго. А тамъ бязсмэртный царъ отъѣвъ увесь народъ. Сходють яны у конецъ города, ажны стоить лазенка; и тόпитца гэта лазенка. Ну што, братцы, говорить: будемъ пилнувать, хто гэто, говόрить, у гэтой лазьни будеть мытца, говорить. Узяли яны пилнувать, ажны прилетаеть три ластувки. Ськинулиси паненками, разьдѣлиси и пошли паратца у лазьню у гэту. Тяперъ ёнъ говόрить: нука, Гороховикъ, говόрить: иди попробуй, подопри дьвери,—што туть окажатца? Гэтый Гороховикъ подлёгъ подъ двери крэпкокрэпко. А ихъ три сястры паралося. Тяперъ большая сястра отвѣщаеть: ахъ, говόрить,—мéньшiя сятрицы! соскочьтя съ полка, отчинитя дьвери: ни то гнилый пень, ни то здоровый подлёгъ подъ дьвери, говорить. Тяперъ, гэтый Гороховикъ подлёгъ подъ дьвери, а ина, мèньшая сястра, соскόчила съ полка, якъ ударила колѣномъ у дьвери,—дыкъ гэтый Гороховикъ за пятнацать вёрстъ отлятѣвъ зь дьвярми! А яны тожъ не показуютца имъ, гэтыхъ двоя. Яны тогды узяли, надѣлиси, ськинулиси лáстувками и полятѣли. А Гороховикъ пропавъ. Тожъ назаутра приходить Гороховикъ, принёсъ дьвери, установивъ, и пошовъ самъ къ товаришамъ своимъ. Нашовъ своихъ товаришовъ. А лазьня узновъ и затопилася. Вытопилася лазьня, прилетаеть узновъ три ластувки и узяли паратца. Тяперъ уже кажеть тэй уже бόльшiй ихъ: ну, кабъ, касць, братъ Вусачъ, кабъ ты тяперъ попробувáвъ дьвери потперть! Вусачъ и подлёгъ. Тяперъ яна уже говорить, большая сястра: сястрица, говорить, сярэдьняя,—попробуй отчинить дьвери: ни то гнилый пень, ни то здоро-

вый потпёръ дьвери! Сычасъ: гэтый Вусачъ подлёгъ подъ дьвери, а сярэдьняя сястра якъ соскочила, якъ ударила колѣномъ, дыкъ гэтый Вусачъ за пять вёрстъ зь дьвярми отлятѣвъ! Тяперъ самы одѣлиси и полятѣли узновъ. Гэтый Вусачъ пришовъ и дьвери принёсъ за собой. Установивъ дьвери, и самъ пошовъ, товаришовъ своихъ пашовъ. Назаўтраго полядять—узновъ топитца лазьня! Тяперъ тэй говорить, Лыцаръ Давидоновичъ: ну, тяперъ, говорить, братцы, и мнѣ треба пилнуватца! Прилетаеть тожъ узновъ три ластувки, ськинулиси дѣвками, разьдѣлиси и пошли ўзновъ паратца. Ну, каець: трэба мнѣ тяперъ ити,—я-тку пойду подопру дьвери! Пошовъ, подлёгъ подъ дьвери. Тяперъ большая сястра говорить: ну, вотъ тяперъ, каець, сястрицы, дужо, говорить, пень здоровый потпёръ дьвери! Якъ мы, говорить, выдеремся отсюль? Ну, говорить, попробўю-тку я отчинять! Большая сястра якъ соскочила, ударила ў дьвери—дыкъ дьвери не подалиси, а верхъ сорвався, зьлятѣвъ доловъ. Такъ яны ихъ и половили тамъ. И тяперъ, якъ половили яны ихъ, дыкъ яны и говоруть: мы по дружби своей друговъ шукали,—намъ ня було ровницы! Дѣвки тыя кажуть. А тяперъ,—хотѣвъ большую сястру узять нячистый смокъ. Яны большую силу мѣли, не подалиси яму. Тяперъ яны сычасъ побралиси: меньшая сястра Гороховику, а сярэдьняя сястра Вусачу засталась, а гэтому, Лыцару Давидоновичу, большая сястра. Ну, говорить,—якъ мы дѣйстували, заступали гэтому городу, такъ вы тяперъ дѣйстуйтя, заступайтя за насъ, мўжи наши!

Сычасъ, назаўтраго вызываеть нячистый смокъ на пальбу. Нагнавъ народу—Божа сохрани што! Тяперъ меньшая тая сястра кажеть: ты жъ, говорить, Гороховикъ, набяри сабѣ коробку каменьня, и ты, говорить, усихъ побъёшъ чисто каменьнямъ, а яго, каеть, не чапай, ба, каеть, пропадёшъ! Ёнъ, гэтый Гороховикъ, пошовъ, назьбиравъ каменьня коробку свою. Ажъ стоить народу, такія сьтяги поставлявъ народу! Ёнъ, якъ шибнеть камянь, такъ и здѣлаеть вулицу! Якъ шибнеть, такъ и здѣлаеть вулицу! А гэтого ня трогаеть. Дойшли одинъ до 'дного, гэтый Гороховикъ и смокъ, одинъ одному склонилиси, и разышлиси ўрозь. Ну, назаўтраго больше того собравъ народу, выгнавъ ящо. И вызываеть ящо на пальбу яго. Тяперъ сярэдьняя сястра говорить: ну-ка, Вусачъ, говорить,—табѣ сяньни урэмя ити, говорить. Табѣ, каеть, ничого ня трэба,—ты, каеть, вусами ўсихъ побъёшъ, говорить. А яго не чапай! Тяперъ, ёнъ якъ вышовъ, якъ крутьнеть вусами—усихъ чисто попосѣкъ вусами. Остався ёнъ тольки одинъ. Сышлиси яны ўкучу, одинъ одному склонилиси, и разошлиси такъ, по чесьти. На третьтій день нагнавъ народу дыкъ у три часьти того, што тогды нагонявъ. Тяперъ, сястра тая большая: ну, говорить, Лицаръ Давидоновичъ,—табѣ сяньни ити на пальбу!

Ты, каеть, усихъ побъёшь, усихъ побъёшъ, а яго ня тронь, не чапай, бо ты сьмѣлъ, отважанъ—пропадёшъ! Ну, ёнъ тяперъ якъ пошовъ на пальбу, Лицаръ Давидоповичъ,—размахнёть булову, якъ пусьтить,—такъ вулицу и выложить. Потскочить, ухопить—такъ и узнова! Побивъ усихъ; остався ёнъ тольки одипъ, гэтый нячистый смокъ. Тогды ёнъ, гэтый Лицаръ Давидоновичъ, подумавъ, подумавъ, адыли: ахъ, ити яго—ня уступлю! Якъ разьвёвъ буловку, размахнувъ-размахнувъ, покрутивъ, якъ пусьтить—и попавъ яму по сярэдини. Ёнъ тольки увогнувся, и пошовъ. Тогды ёнъ: ахъ, итить твою, каеть. Што жъ ты за такёй? Зновъ якъ раскрутивъ буловку, якъ вытнець яго по сярэдини! Зновъ увогнувся, и пошовъ. Ёнъ трэтьтій разъ схапивъ гэту буловку: ахъ, мать твою такую! Якъ вытпеть—ёнъ повалився. Тогды якъ ускочивъ да къ яму! Якъ ударивъ щавкомъ по лбу—ёнъ и заснувъ на тымъ мѣсьти, гэтый *Ликсандра Видоновичъ*. Такъ ёнъ сычасъ узявъ яго жану, гэтый нячистый смокъ, и понёсъ за мбра съ собою. А гэты товариши у гэтымъ городи засталиси исъ своими жапами жить.

Ну, тяперъ, ёнъ якъ лежать дыкъ лежать, якъ лежать дыкъ лежать, гэтый Ликсандра Давидоповичъ—цѣлый годъ лежавъ; и буловка ли яго ляжить. Тяперъ, дѣ-то бабка якая была—двѣсьтя годовъ було ёй, гэтой бабцы,—и налучила на яго, што ёнъ ляжить. Ахъ, говбрить, —запапрасно гэтый чаловѣчакъ загибаеть, цѣлый годъ ляжить тутъ! Яна тамъ што коло яго поворожила—ёнъ и уставъ. «Ахъ, говорить, бабка моя пралюбезная,—якъ я смашно заснувъ!»—А, каеть, ты заснувъ бывъ на вѣкъ, каеть.—«А йдѣ жъ, говорить, моя жана?»—Ды узявъ, говорить, нячистый смокъ твою жану, понёсъ за мбра, говорить. —«Ахъ, говбрить, бабка моя пралюбезная! ти могу я оттуль достать яё коли, ти нѣ?»—Ня вѣдаю, каеть, голубокъ, якъ яё достать! Возьми ты, говорить, купи пара хортовъ, и пара, каеть, селязьнёвъ, и каеть, иди за мбра,—ты яё тамъ найдешъ, говбрить. Ёнъ узявъ свою булбвку, купивъ гэто ўсё, справивъ, и пошовъ за́ мора. Приходить къ мору, якъ ударить по мбру: дѣ ўдарить, тамъ сухо! дѣ ударить, тамъ сухо! дѣ ўдарить, тамъ сухо! Перайшовъ на тэй бокъ мора. Перайшовъ на тэй бокъ мора, попытався у пастуха, говорить: дѣ тутъ, говорить, нячистый смокъ живёть? говорить. Пастухъ ямў нараивъ, показавъ яму дворэцъ, дѣ ёнъ живёть. «А ти ёсь ёнъ дома?» говорить.—Ёнъ, чуть-дянёкъ, дыкъ и лятить на сьвѣтъ, говорить. Тяперъ, гэтый Ликсандра Давидоновичъ захинувся дѣ и пераночувавъ. Назаўтраго, совъюшко ўзыйшло, обътрало, такъ ёнъ и пошовъ у гэтый дворэцъ просто. Ажно яго и не попавъ, у дому нема ўже, полятѣвъ на сьвѣтъ. Приходить ёнъ къ ёй: «а бачь, каеть,—ти ты мяне й тутъ нашовъ?»—А нашовъ, каеть.—«А штожъ

будеть, што ты мяне пашовъ: ты мяне ня возьмешъ отгэтуль!» Ина яго тогды тамъ покормила, и радить и радить. Давай яны радить,—допытайся ты, говорить, идѣ яго душа? Якъ ёнъ бязсмэртный смокъ,—идѣ яго душа? Ина ўзяла яго, запёрла у скрыню,—такая скрыня большая стоить. Ина яго ўзяла, усадила у скрыню и запёрла. Потымъ ёнъ прилетаеть домовъ ужо ўвечару,—полетавъ по воздуху, по сьвѣту. Прилятѣвъ, походивъ: ахъ, каеть, якъ тутъ русьсее мясо пахнеть! А йна говорить: летаешъ по сьвѣти, набрався, говорить, воздуху, дакъ яно табѣ, говорить, и пахнеть!—А можа, каеть: стало быть и гэто! Тяперъ, увечара, сѣли яны за столъ, яна у яго допрашіеть, говорить: живёмъ мы съ тобой годъ, а правды не кажашъ ты мнѣ! Ёнъ сьмяётца зъ гэтого. Ина говорить: дѣ-тыки твоя душа знаходитца? Ёнъ тогды зь яе сьмяетца,—показавъ ёй у гэту щотку, што покои мятуть: во дѣ моя душа,—у гэтой щотцы! Дождали дня, пераночувавъ ёнъ, такъ ёнъ опять на сьвѣтъ и полятѣвъ зновъ. А йна ўзяла гэту щотку, увобрала яѐ у такѐя тьвяты, што золото, просто, и положила на ложку на яго. Прилетаеть ёнъ узновъ увечара и сычасъ отвѣщаеть: ахъ, говорить,—русьсее мясо пахнеть! Ина отвѣщаеть: ахъ, Божа мой! усё русьсее мясо! Летаешъ по сьвѣту, дыкъ ты набрався,—табѣ и пахнеть яно! Тогды ёнъ ужо на ложакъ на свой, отдыхать ужо. Напавъ гэту щотку, отвѣщаеть: душка, што гэто? говорить. А йна яму отвѣщаеть: гэто жъ, каеть, душа твоя! Ёнъ тогды ўхапивъ гэту щотку, якъ кинеть объ землю, ды й захохотавъ: ахъ ты, каеть, дура-баба! Дѣ можно быть, кабъ у щотцы душа моя? Ина тогды й заплакала: «отъ жа, каеть: усё жъ ты мнѣ правды не кажашъ! Не могу я ў тябе правды дойти?» А ў яго бѣлый козёлъ бывъ, большущій—большущій козёлъ, и гэто ёнъ усё зь имъ при покои буваеть. Тяперъ ёнъ показыеть на гэтого козла: отъ, говорить, у гэтого козла душа моя! А ты, говорить, дура-баба,—кабъ у щотцы моя душа была!.. Тяперъ, назаўтраго, пераночувавъ и полятѣвъ тожа на сьвѣтъ. Яна назаўтраго узяла гэтого козла, просто увобрала яго у золото; и привязала гэтого козла ля столу. Прилетаеть ёнъ: што гэто? каеть.—А што, каеть, гэто? гэто жъ душа твоя, каеть. Ёнъ тогды ухапивъ гэтого козла, якъ кинеть, дыкъ ёнъ и разсыпався. Тогды ёнъ понявъ гэто, што ина дужа крэпко жалѣеть яго. Лягли яны спать, давай ина доходить у яго правды, дѣ душа. «Вотъ жа, каеть,—коли ты хочешъ знать, дѣ моя душа—и ёнъ гэто чуеть, Ликсандра Давидоновичъ: ёсь на моры, говорить, бѣлый камянь, ляжить сяродъ мора на высьпи; а ў томъ, каеть, камяни вутка, а ў тэй вутцы, говорить, яйцо, а ў тымъ, каеть, яйцы свѣчачка. Кажеть: кабъ тэй камянь хто разьбивъ, ды тую вутку заставъ, говорить, яйцо тое разьбивъ,—свѣчка погасьнеть, тогды мнѣ духъ

вонъ! Ну, тяперъ, назаўтраго, ёнъ уставъ и полятѣвъ зновъ на сьвѣтъ. А ёнъ вылѣзъ съ скрыни. «Ти чувъ ты што?»—Чувъ, каеть: усё чувъ! Дала яму обѣдать. Ёнъ побѣдавъ, и хортовъ своихъ покормивъ, и пошовъ къ мору. Видить ёнъ, ляжить камянь на моры бѣлый. Тяперъ ёнъ якъ дась по мору—вода тая разлегаетца туды-сюды. Ёнъ дали, ёнъ дали, птаство гэто плывёть за имъ, хорты за имъ,—добивсь ёнъ до бѣлаго камяня до гэтого. Узлѣзъ на бѣлый камянь: ну, говорить,—слава табѣ, Господи, што добився! Якъ ударить у гэтый камянь булдовкой своей—разы три якъ ударивъ—разскочився камянь гэтый! Тогды гэта вутка вырвалася оттуль и полятѣла, у лётъ. Ёнъ якъ напусьтивъ гэто селязьнёвъ, гэты селязьни якъ налягли на гэту вутку, почали яе крутить, крутить подь сябе яе, на воду сьпихнули, подбили яе. Хорты гэтые потскочили, потплыли, узяли вутку гэту, подали яму у руки. Ёнъ тогды вутку разодравъ, а яйцо гэто заставъ. Яйцо запазуху уложивъ, а вутку хортомъ отдавъ своимъ. А свѣчки не гасивъ. Тяперъ, приходить ёнъ узповъ у гэный у дворэцъ, дѣ яго жана, ажны нячистый смокъ захворѣвъ уже: тошнуеть, ходить. И бывъ у яго такей бизунъ. Узявъ ёнъ гэтый бизунъ, зъ воловы скуры сплётянъ—три скуры ўкучу,—узявъ бизунъ, а гониіть пастухъ воловъ у поля, выгоняеть съ оборы зъ яго. Ёнъ сычасъ гэто, съ тошноты, якъ ударить вола пугой,—перасячёть, перасячёть. А ёнъ у вороты ў яго, Ликсандра Давиповичъ гэтый: «здрастуй, говорить, смокъ бязсмэртный!» А ёнъ бизунъ тогды поднявъ, тольки хотѣвъ яго перасѣчь, а ёнъ выхапивъ зъ запазухи гэто яйцо, якъ ударить яму ў груди! Яйцо гэно разсыпалося, такъ яму й духъ вонъ, на гэнымъ мѣсьти! Тогды яны яго ўзяли зъ жаной, посѣкли на дробные ковалки, тяпло расклали и яго спалили на 'гни на тымъ. А самы у яго дворѣ жить засталися. И тяперъ живуть—уподобавъ жись тамъ, да й жаны не можеть неравезьть тераз мора...

Д. Петраши, сьнн. у. Отъ кр. Еф. Григорьева.

14. Васька Попялышка.

Отъ, у нѣкоторомъ царстви, нѣкоторомъ государстви, можать у томъ, у которомъ мы живёмъ, живъ сабѣ старикъ со старухой, тридцать три годы И не было у ихъ дятей. Потомъ народився у ихъ сынъ. Рось ёнъ не годами—годинами, не годинами—минутами. До выросту сями лѣтъ ставъ ужу просйтца у своиго отца ў навученіе, въ школу. Отецъ яго не могъ запрестить, и давъ яму волю, дозволивъ яму у школу ходить. Пробывъ ёнъ у школи три годы. Стало яму десить лѣтъ.

Просить ёнъ свойго отца зьѣздить у городъ къ кувалямъ, здѣлать балдаву, по сили моей, зъ дротику, што ёнъ нашовъ у попяли. Рывся подъ ямочкой и нашовъ дротикъ. Ну, потомъ, отецъ поѣхавъ къ кувалямъ. Прежда былй люди вумныи, узнали, што ёнъ человѣкъ не простой, здѣлали яму болдаву двинадцать пудовъ, съ самой хорошай стали, ну не ўзяли яму работать зь яго желѣза. Потомъ, приходить отецъ домой. Ёнъ сидѣвъ у вокна, ожидавъ отца, коли ёнъ яму гостинецъ етый привязёть. Якъ узьѣжжаеть отецъ на домъ, ёнъ узлѣзаеть на лавочку, и пошовъ кругомъ столу. Отрѣзавъ себѣ скибочку хлѣба и посыпавъ солью, и ўкусивъ три раза, и вышовъ на дворъ. Узявъ ету балдаву и поваживъ яё. И пусьтивъ яе за пудъ болоки. Ина якъ полетѣла за болоками, много ўремя пролетѣла,—ёнъ уходивъ у избу и прохаджувався. Потомъ уходить на дворъ, и свиснувъ молодецкимъ посвистомъ, богатырьскимъ голосомъ—злетаеть ета балдава. И ёнъ надставивъ своё колѣно правое—и ета балдава разсыпалась надъ колѣномъ на мелкія часьти. Ёнъ тоды поклонъ даеть батюшки: што отецъ мой милый, пожалуста, прошу васъ, кабъ необходимо *зъ* мойго желѣза здѣлали балдаву! Такъ отецъ опять жа поѣхавъ къ кувалёмъ, и просивъ ихъ: што ўгодно зь мяне ўзять, а здѣлать балдаву зь естаго зялѣза, мойго сына! Капъ ящо куваль не стративъ, и ўторнувъ у щелку етый дротикъ. И потомъ обдумався смотрѣть; нацѣливаетца ето зелѣзо брать у клещи и класть на гонь. То ето зелѣзо ещо прибавилось на пять пудовъ. И дли того, што двинадцать молодцовъ у двинадцать молотовъ двинадцать судокъ били. А ето зелѣзо усё прирастало, большѣло. Потомъ яны оконьчили работу. И насильно двинадцать человѣкъ усклали на возъ. Привозить отецъ яго домой. Вышовъ ёнъ на стрѣчу своиму отцу, и узрадовався своёй работи. Потому жъ ёнъ опять, не смотря ничего, узлѣзъ на лавку, отрѣзавъ партычку хлѣба, посыпавъ солью и ўкусивъ яе три раза. И вышовъ на *домъ* и проходився. Узявъ ету балдаву за конецъ и поваживъ яё, и пусьтивъ яе пудъ небеса. Потомъ уходить у избу, приклопяетца отцу и матушцы своёй: благодаримъ васъ за матушкино порождэніе, за батюшкино благословеніе,—што я не могу зъ вами жить. А благословитя мяне, я пойду сабѣ ровносьти шукать! Отецъ благословивъ яго, означаеть яго: когда, сынъ мой милый, тябе повиджу у глаза? Отвѣчаеть ёнъ яму: батюшка мой любезный, батюшка мой родимый! ёжали я попаду сабѣ ровносьти у скоросьти, то ты не увидишъ мяне никогда! По етуму, по батюшкинуму благословенію, отецъ—мати плакали сильно, што жалко свойго рябёнка, што ёнъ такъ отвѣтивъ имъ. Потомъ ёнъ усбвясьтивъ ихъ словасами: што, батюшка, тябе Богъ не оставить и безъ мяне!

Тожъ бяре́тъ свою балдаву̑ и идетъ. Заходитъ у Кирсонъ городъ, *) заходитъ къ кувалю. И здѣлавъ сабѣ дротяну̑ю плетъ. И отправився путёмъ у ходъ по своей дорози. Идучи путёмъ, подходитъ у силныя горы. Ажну̑ тамъ Горынъ богатырь бяретъ на вилы горы и разна̑шуетъ, и ровняетъ поля, долины, и потѣху сабѣ маетъ отъ етого. Подходитъ къ яму етый Васька Попялышка и чаломъ яму бье́тъ. Здрастуй, говоритъ, Горынъ богатыръ!—Здоровъ!—Хотѣвъ я твоей сили подивитца!—Што, говоритъ, моей сили дивитца?—ёсь нѣйди Васька Попялышка—у того ȳся сила! Ёнъ яму открываетъ: я самый!—Ну, пойдемъ, говоритъ, мы за туварищувъ, удвоимъ!—Ёнъ яго принимаетъ, и идутъ удвоимъ. Уходютъ яны у пущу, на тёмный лѣсъ. Замѣчаетъ Васька Попялышка,—што Дубинъ богатырь дубъ вывора̑чуетъ,—возьме́тъ за макушку дуба и съ корнемъ выворачуетъ, и разма́хуетъ. И его за потѣху сабѣ мѣетъ. Поровнялись яны два богатыри икъ третьтему. Етый жа Васька Попялышка опятъ жа чаломъ бьетъ: здрастуй, говоритъ, Дубинъ-богатырь!—Здоровъ!—Хотѣвъ я твоей сили подивитца!—Што, говоритъ, моей сили дивитца—ёсь нѣйди Васька Попялышка,—у того ȳся сила! Ёнъ яму открывъ: я самый!—Ну, пойдемъ жа мы за дружбу разомъ! Собралось ихъ три богатыря: Васька Попялышка и Горынъ-богатырь и Дубинъ богатырь, и пошли дальше. Заходютъ у такія крутыя горы и большіе рвы, ажъ тамъ Каминъ-богатырь беретъ по тысичи пудовъ камень у обѣдви ру̑ки и разма̑хуетъ: камень объ камень пустстить—и яны разбиваютца. И ёнъ потѣху сабѣ отъетуль маетъ. Потомъ яны утроёмъ уже яму чаломъ бьютъ. Здрастуй, говоритъ, Каминъ-богатырь!—Здоровъ!—Хотѣли мы твоей сили подивитца!—Э, што моей сили дивитца? ёсь нѣйди Васька Попялышка—у того ȳся сила!—А ето жъ я! А со мной и Горынъ и Дубинъ!—Да примитя и мяне до кунпаніи!—Ну, пойдемъ за дружбу ȳси разомъ! И пошли яны по етый пущи.

Находютъ хатку. Противъ етыя хатки стоитъ баня. Потомъ яны подходютъ къ етый 'збушцы, вотъ етый Васька Попялышка говоритъ: вотъ, братцы: ета йзбушка будетъ проживаніе наша! Потомъ оставтъ ёнъ Горына-богатыря избушку топитъ,—а мы, говоритъ, пойдемъ по охоти пройтись! Оставсь етый у йзбушцы и затопивъ яе. Протопивъ ету избушку, и вокошко разчинивъ и жджетъ своихъ туварищевъ. Потомъ видитъ, ока̑зыетца четыре голу̑бки и садятца при етый лазьни и скида́ютца дявицыми. И зата̑плюютъ лазьню, и протопивши лазьню, начинаютъ паритца. Якъ забачивъ ёнъ ихъ красоту, и поумивъ, кабъ ихъ запертъ у лазьни. Подыйшовъ подъ двѐря и подпёръ двери плячомъ, кабъ ихъ заде́ржитъ покуль туварищи прийдутъ. Ну, яны пупарились, и идетъ старшая мизь

*) Сказочникъ въ Херсонѣ не былъ.

етыхъ сястёръ. Поспробувала отчинять и говорить: вотъ, говорить, моё сястрицы: нѣйкiй узгброкъ натопъ, нельзя дварей отчинить! Такъ щавкомъ щавканула, двери отлятѣли, и богатырь етый отскочивъ. И ина яму поклонъ бьеть: здрастуй, говорить, Горынъ-богатырь? Якъ, почаму, по няволи, али по охвоти ты тутъ ходишъ. Ёнъ отвѣчаеть ёй: не такъ по няволи, якъ по своёй охвоти! Ина яго щавкомъ убила и подъ вугблъ подклала. Потомъ сами скинулись голубками и полятѣли.

Ну, приходють яны съ охвоты. Тые жъ пошли у 'збу, а Васька Попялышка у лазьню. Поднимаеть вугблъ и ванимаеть Горына-богатыря, и дунувъ у водно вухо яму, и ў другое,—и отжививъ яго. Потому, посядѣли яны, и што пристарялись ужу на обѣдъ, то вялѣвъ Дубину-богатырю печку протопить и згутувать на обѣдъ. Потомъ того, пошли тожа утроихъ на охвоту. Етый Дубинъ-богатырь остався печку топить, тожа. Сухого дуба поломавъ, у печку наклавъ, протопивъ, што было, згутувавъ. По ўправки дѣломъ, сѣвъ сабѣ у креселцо, вокошко отчинивъ и смотрить, ожидаеть своихъ туваришувъ. Потомъ, видить ёнъ ето самое дѣло, статьтю: прилетають четыре голубки, скинулись дявицыми, натопили ету лазьню. Протопёмши, и давай паритца. Тожа етый усмотрiвся у дявiцъ, и поумивъ сабѣ,—што пойду я сабѣ ихъ закутаю, покуль туварищи прiдуть. Ну, узявъ, подпёръ тожа плячомъ дзярi. И пшла другая сестра и товханулась плячомъ у двери, и говорить: ахъ, моё сястрицы: нѣйкая гнилая колода подкатилась подъ двери: нельзя дварей отчинить! Ина жъ тожа щавканула щавкомъ,—двери отлятѣли, богатырь отмахнувся. Ина яму чаломъ бьеть: стой, говорить, Дубинъ-богатырь: почаму ты ходишъ,—по няволи, али по охвоти?—Нѣтъ, не по няволи, якъ по своёй 'хоти! Ина щавкомъ ударила, и убила, и подъ другiй вугблъ поклала. Сами скинулись голубками и полятѣли на мѣсто на своё. Идучи богатыри съ охоты, и ўси три,—два жъ пошли у 'збу, а Васька Попялышка пошовъ у лазьню; подпимаеть вугблъ, и ванимаеть Дубина-богатыря. И дунувъ яму у водно вухо и ў другое,—и отжививъ яго. Уводить у йзбу; покушали, што имъ Богъ показавъ, и остававляють Камина-богатыря; сами тожъ пошли на охоту, на пущу. И опять за ими етый жа самый Каминъ-богатырь, протопивъ збушку, обѣдъ згутувавъ, и тожъ вокошко отчинивъ и жджеть туваришувъ. И тожъ прилетаеть четыре голубки. Затопили баню, и вытопивши стали паритца. Ёнъ усмотрiвся у ихъ и поумивъ сабѣ: пойду я закутаю ихъ, сабѣ на забавку. Пошовъ и подпёръ двери плячомъ. Потомъ пшла ужу третьтiя; товханулася у двёря: ахъ, говорить, сястрицы: нѣйкiй камень подкатився подъ двери: нямогжно дварей отчинить. Щавкомъ якъ щавканула, ёнъ и отлятѣвъ. Ина яму чаломъ бьеть: здрастуй, говорить, Каминъ-бога-

тырь: якъ, почаму ты ходишъ: ти поняволи, ти по хоти?—Нѣ, каеть: больше по охоти, чимся по няволи! Ина щавкомъ щавкапула, убила яго, вуголъ поднила и яго подклала. Сами скинулись голубками и полятѣли на своё мѣсто. Скоро кажетца, довго дѣетца. Еты идуть съ охвоты. Два идуть у избу, а Васька Попялышка пошовъ у лазьню, поднявъ вуголъ, вынивъ Каминъ-богатыря, дунувъ яму у водно вухо, и у другое. Отжививъ яго и повёвъ въ избу. Потомъ попищевалися, што имъ Богъ славъ. Вотъ, говорить, ребяты: отправляйтеся вы на 'хвоту, а вочередь мнѣ печку ету топить! Тые пошли, а ёнъ топивъ—не топивъ, узявъ прадиковину ету смотрѣть. Тожа яны прилятѣли, поскидалися дявицыми и затопили ету лазьню. Ну, Васька Попялышка не согласянъ къ имъ ити. А тожа яны ожидали яго. Ёнъ пригутувавъ булдаву, и дротяную плеть положивъ ли сябе, и ожидаеть ихъ къ сабѣ у госьти. Ну, то самая малая яѐ сестра узываеть своихъ сястёръ: пойдемъ-ка къ Ваську Попялышку повоюватца! Ёнъ зъ большимъ удовольствомъ запрашіеть ихъ. Уходють яны у избу, ничаво не смотря. Ёнъ згрёбъ ихъ усихъ четырёхъ у лѣву руку, и узявъ свою дротяную плеть, и начавъ ихъ по свойму катать. И говорить: присигайтя: будетя наши жоны, али нѣтъ? то перестану катать! Потомъ яны отпрашуютца: Васька Попялышка! мы бъ со всею радосьтю, ну нашъ отецъ не такой! Ёнъ васъ усихъ завоюеть и насъ назадъ отбярёть! И зновъ намъ житьтя ня будеть! Хотя жъ ты и дужа силёнъ и тувариши твоѐ,—ну усё жъ ты отрождёный и смерётный, а нашъ отецъ отъ поганаго смока, и не смерётный! И ты яго не звоюешъ! Ёнъ, на ето не смотря, подальше ихъ подёргувать узявъ. И дотуля бивъ, покамѣсь яны дали клятьбу объ сабѣ,—по кому зямли зьѣли—што мы согласны жить изъ вами! Потомъ тувариши яго приходють. И узяли яны на радощу пиръ пировать, и пить, и гулять. Потому вышла изъ за стола старшая сестра простудитца, и завидила силное воинство, прамогучую силу, што идеть къ етой избѣ. Ускочила ина у избу, и говорить: моѐ сястрицы, и брахненьки! вотъ покамѣсь мы жили! Васъ отецъ забьёть и насъ забярёть! Ну, тая сила ишла, ажъ мать земля стогнала. Потомъ Васька Попялышка отвящивъ: што ребяты: питя и гуляйтя, и дѣло сотворяйтя, што я буду пувелять! Ну, якъ узяли,—подышла ета сила, стала хату разьбивать. То ета хата тольки трясѐтца, а ничаво ей не бярёть. Часъ и другей Васька Попялышка мувчавъ. Потомъ васалаеть Горына-богатыря: выходи на ету силу, ломить! Горынъ-богатырь якъ вышовъ, узявъ на вилы гору, дыкъ такъ усю силу и закрывъ! И гуляють яны ипять жа, ничаво не смотря. Потомъ вышла другая сестра на крыльцо простудитца. И глянула туда, што нобольшая сила ящо идеть, якъ ишла. Вотъ, ускакуеть ина у избу и говорить: вотъ, говорить, сястрицы и брах-

пеньки: не тô была сила! Вотъ идеть сила: не видать ни зямли, ни воды, ни лѣсу—прамогучая сила! Отъ тяперь жись паша песподѣжна! Отвѣщаеть имъ Василь Попялышка: што я вамъ сказую, ребяты: питя и гуляйтя, и моё дѣло сотворяйтя, што я буду вялѣть! Подыйшла ета сила,—дыкъ стали ету хатку воювать—што тольки колышитца! А ничого ёй не ўредять. Потомъ Василь Попялышка васалаеть: Каминъ богатырь, выходи, говорить, ету силу поломить! Каминъ богатырь якъ выскочивъ, узявъ камни и поўбивавъ ету силу, й усю поразмахавъ. Потомъ опять яны пили, гуляли. Пошла третьтія па крылцо простудитца. И ўскакуеть скорымъ пóсьпѣхомъ, што ина увидила: вотъ, говорить, моé сястрицы и брахненьки: тó былá сила, ня сила. а тяперь собравъ нашъ отецъ силу до бѣлыя головы (до бабськаго полку), и самъ услѣдъ съ пужкую ѣдеть! Василь Попялышка отвѣщаеть тожъ: не робѣйтя, ребяты: питя и гуляйтя, и дѣло сотворяйтя, што я пувялю! Такъ ета сила и ўзяла ету хатку своими порядкыми воювать. Той Василь Попялышка васалаеть Дубина-богатыря: а выйди-ка, Дубинъ богатырь, ету силу поломить! Дубинъ-богатырь вышовъ, и ўзявъ два дубы за макушки, и ўзявъ кругóмъ сябе водить—убивъ ету силу ўсю! Потомъ опять пили-гуляли, ничавô не смотря. Вышла меньшая сестра на крылцо простудитца. И глянула туды, ажъ ѣдеть самъ поганый цмокъ и съ пужкую. Убѣгаеть ина скорымъ пóсьпѣхомъ у ‘збу: моè сястрицы и брахненьки! идеть самъ отецъ сюды! Тэй Василь Попялышка идéть воюватца самъ съ поганымъ цмокомъ. Ставъ на столъ и ўзявъ свой изъ за шіи платокъ, и пивный стаканъ, и ўтóрнувъ у столь ножъ, и повѣсивъ платокъ. И приказыеть:—вотъ, братцы моé: питя-гуляйтя, и етого стаканà соберегайтя! якъ етый стаканъ крывѝ нáйдеть и черезъ пóйдеть, то на помогу ко мнѣ выбѣгайтя! Такъ яны пилѝ и гуляли, й ўси повоснýли. И якъ яны были богатыри, дыкъ яны по двинадцать сутокъ спали, а двинадцать просыпались. Василь Попялышка воювавсь-воювавсь съ поганымъ цмокомъ, рассѣкавъ яго на мелкія часьти, ну ёнъ крошка къ крошцы зляпливався и опять жа повзéть къ ямý. То й до того у етой збушцы, што й по колѣни крóви найшло. Тожа яму помочи нѣтъ. До того дѣло, што Василь Попялышка уморився. И посильничивъ яго поганый цмокъ,—убивъ. Увышовъ у вызбу, по‘трубивъ усимъ богатырямъ голóвы, соннымъ, и замкнувъ своихъ дочóкъ, у запоръ узявъ, на ланцуги, и повёвъ.

Такъ удругъ,—скоро ето кажетца, да ня скоро дѣетца—’другъ откудова узилась кобыла, золотая шарсьтина и сяребриная, и пала передъ Васькой Попялышкой и стала ирзàть, копытáми бить, а ноздрями попелъ собирать—который зъ яго сыпався. Ну й отживила яго. Ёнъ уходить у избушку и бяреть своихъ туварищувъ гóловы и притáркаваеть къ тý-

луву. И по три разá дунувъ, и отжививъ ихъ. И распрощенія прóситъ у ихъ: братцы! пили-гуляли, мойго дѣла вы не сповнили, хотитя сабѣ идитя сабѣ укучи, али ўрозь—а я 'динъ пойду, поганаго цмока добивать! Ины отвѣщають яму: братъ Васька Попялышка: коли ты яго тутъ не помогъ, а ў яго царстви ты яму ничóго не здѣлаешъ! Ну ёнъ на ето не сомлѣвавшиси, сѣвъ на кобылицу и поѣхывъ. Пытався, пропйтувавъ яго городовъ и яго царства, и пошовъ. Подышовъ къ яго пылатамъ, и увыйшовъ у садъ вóвся. Сѣвъ подъ виноградомъ и размысьливавъ сабѣ мысьли: якимъ образомъ,—хоть далёко, али ёсь на яго смерть, што яго можно съ свѣту збавить? Вышла на крылцо тая царевна, што обицала за имъ замужамъ быть, и почила обижатца на свугó отца: якій то, говорить, нашъ батька не любимый, не родимый, што ёнъ насъ разоривъ! Мы бъ не хотѣли яго царства, ни государства, зъ богатырями бъ жили, ниякого горя не мѣли! Заслышавъ Васька Попялышка етый гласъ и давай ее кли*чишь* къ сабѣ: отъ, говорить, любимая моя: я васъ буду одного дѣла просить! Кабъ ты разодѣла ету одежу и надѣла почищую; и подступить къ свойму отцу зъ горючими слезами, и спросить у яго, идѣ яго смерть подѣлась? Ну, три раза, говорить, будеть шутить, а за чатьвёртымъ правду скажеть! Такъ ина тутъ здѣлыла. Ськинула ету одéжу, надѣла другую, подыйшла къ свойму отцу, и укленьчила перядъ имъ, заплакала горючими слязми: батюшка мой милый, батюшка мой любезный,—скажи ты мнѣ, пожалуста,—якъ я старшая твоя дочь: идѣ твоя смерть, откуль, говорить, намъ *се* дожидать?—Отвѣщаеть ёнъ ёй: дочь моя милая! ёсь у табунѣ корова обгáджаная; у той коровы, у хвостѣ, смерть моя! Ина пувялѣла яе обмыть и 'бчесать, и подвела къ яму̀. А ёнъ усмѣявся: эхъ, говорить, дочерь моя любимая: у бабы волосъ дóвегъ, вумъ коротокъ! Якéй я, говорить, буду писатца несмярётникъ, коли ета корова сичасъ падеть, дыкъ и мнѣ конецъ? Потомъ ина усьпяшила скорымъ сьпѣхомъ и отвясьтила Василю Попялышку тыя словы. У прикази ёнъ имъ: што почище одéжу надѣньтя, и еще поласковѣйше поступитя и спытайтя про смерть! Тожъ ина зновъ надѣла дорогую одежу, подходила изновъ къ свойму отцу и говорила: отедъ мой родимый, отецъ мой любимый! польно вамъ шутить! Скажитя мнѣ—якъ я вашая старшая дочь,—откуль мнѣ вашей смерти ждать? Не вѣритца мнѣ, кабъ ее не былó,—идѣ нéбудь ды ина ёсть! Тожа ёнъ почавъ опять жа шутить: вотъ, говорить, дочь моя милая, дочь моя любезная: ёсь у стади криворогая коза; дыкъ у яè ў роги забита моя смерть! Ина вялѣла отыскать криворогой козы ў табунѣ, вымыла, вычисьтила яе, и подводила къ яму̀. Тожа ёнъ усмѣхнувся: я табѣ сказавъ, што у бабы волосъ довегъ, вумъ коротокъ. Якёй я буду несмярётникъ: ты бачишъ,

што ета коза ле́два ходить! Ина падеть, дыкъ и мнѣ конецъ? Ничого ина не отвѣщала, посьпѣшила ина къ Василю Попялышку у виноградъ. И учивъ ёнъ ее достать 'дежу ящо луччую и подступить къ яму и просить горючими слезами со трудами. То ина достала дежу ящо луччую и ўвубралась, и укленьчила, подступивши къ отцу, заплакала, сощапивши руки: батюшка мой милый, батюшка мой родимый! Скажи ты мнѣ—якъ я старшая дочь твоя—йдѣ твоя смерть? Откуль мнѣ ее дожидать? Ёнъ тогды обсмѣявъ ее: ёсь свинья оборва̂ная у стади: у яе подъ хвостомъ! Тожъ ина уже чатьвёртый разъ пошла къ Василю Попялышку. Ёнъ каеть: достань ты 'дежу якъ на неби звёзды и ўбярись, и подступи поближѐй, и поклонися пониже,—то я сподиваюсь, што ёнъ скажеть правду! Ина справила одежу такую, по ўказу яго, Василя Попялышки, и пошла къ свойму отцу. Подыйшла поближѐйше, поклонилась яму пониже, и стала слёзно плакать: батюшка мой любезный! раскажитя мнѣ, айдѣ ваша смерть!—То ёнъ думавъ, дума̂въ и ўздыхнувъ: вотъ, говорить, дочь моя любезная: хотитца табѣ моёй смерти доведатца: ёсь у такихъ то и такихъ то городахъ крутая гора. У той горѣ ступа, а ў ступи заицъ, у зайцу вутка, у вутки яйцо, у яйцў смерть моя! Такъ ина усьпяшила икъ Василю Попялышку и узвясьтила. Василь Попялышка, ничо̂го ня 'жидавши, издѣлавъ сабѣ ковырьку и нача̂въ горў копать. Поганый цмокъ узявъ хворать. Потомъ ёнъ докопався ступы. Дальше копать,—заицъ выпорхнувъ и побѣжавъ; ёнъ дальше копать—вылетѣла вутка. Потомъ ёнъ дальше копать,—нахо̂дить яйцо, на самомъ днѣ, у шпунтѣ, у ступи. Васька Попялышка узявъ ето яйцо, перевярнувъ ступу, и ўзявъ ето яйцо, поклавъ на дно на ступу и ўдаривъ ковырькой. Ето яйцо на скольки часьтей разлятѣлось. И на стольки часьтей етого царя, поганаго цмока, разорвало. Васька Попялышка пришовъ у тое царство, жанився на тэй царевни, и остався тамъ жить.

С. Старое Село, мстислав. у. Отъ кр. Захара Иванова, 43 л. негр.

15. Иванъ Подвѣй.

Была сабѣ кунпанія у которомъ то царстьви,—нязвѣстно у которомъ,—у цара. Ну, была, значитца, кунпанія,—развёвъ сабѣ царъ, обѣдъ справивъ. Ну, одинъ обирнетца и толкуеть: прошу вашай милосьти, не прогнѣвайтесь, говорить: я вашу хлѣбъ-соль кушаю, вы не подумайтя, кабъ я вамъ жалавъ, говорить, а тольки ёсь у васъ одна дочь, и будеть ина у цежа̂ри, будеть ина мѣть у васъ сына незаконно! Царъ такъ тэй сторонѣвъ: почомъ жа ты такъ увознавъ, што моя дочь такъ будеть? Одна̂ йна ў мяне дочь, и такъ будеть не ў закони?—А вотъ такъ, го-

ворить, я увознавъ по вашихъ, значитца, дѣлахъ—прошу вашія милосьти, штобы не прогнѣвались! Тогды тэй царъ обдумався: ахъ, говорить,—не сказавъ имъ ничого, разсерчавъ, не обясьтивъ тимъ ничого, бытцомъ оскорбили яго: мою хлѣбъ-соль ѣли и оскорбили мяне,—откуль гэто можеть быть? Изъ слугъ не посьмѣеть, а госьти тожъ само подступки не мяють! Тогды обдумався, самъ собою *думаю*: чимси я буду оскорблятца, лучче я слупъ замурую безъ вокон и безъ дьвярей, и такъ, што нихто подступки ня здѣлаеть, не подыйдеть подъ яе! Отмуровавъ сабѣ слупъ, и сичасъ и запёръ яѐ зь нянькой, съ прислугой, значитца. Обдумалася ина: Господи, говорить, Господи! за якую, говорить, мяне покуту засадили сюды, чимъ гэто я заслужила? Господи, говорить, Господи, хоть ба мнѣ увидить свѣтъ, якъ стольки я сяджу за нѣйкія покуты? Обдумалась: ахъ, здаетца,—хоть ба што нѐбудь найти, да мнѣ стѣнъ расшаволить, свѣту увидать! Тогды узила, нашла коло сябе иглу и давай расколуповать коло сябе дюрку у стяву. Колупала, колупала, и проколупала дюрочку малѐнькую. И узрадовалася: О, Господи! хоть жа я нямножко, а увидала свѣту сабѣ! Отъ того свѣту,—вѣтеръ тамъ повѣивъ, —и ина сталася, што не у такимъ уже дѣли. Церазъ скольки урѣмя, нянька яѐ узнаеть, што якъ-то ина становитца дужа груба. Удивляетца гэто прислуга гэта: ахъ, говорить, Машка! што гэто, говорить, вы стали такъ грубы?—Ахъ, говорить, бабочка моя, сама не могу увознать, съ чаго гэто мнѣ стало! Донесла царю: нѣшто, говорить, наша Машка нѣшто—я сама не знаю—такъ груба стала! Тогды ёнъ самъ сабѣ думаеть: ти не у вобмашцы я гэто яѐ приставивъ? Можа гэто не бабушка? Што самъ сабѣ не можеть разобрать вумомъ: што якъ гэто можеть быть. Треба яе узять да посвидѣтелевать! Зазвавъ тамъ котораго знающаго и посвидѣтеливъ. Посвидѣтеливъ, тогды самъ себѣ: можа гэто ти не у кунпаніи, тогды якъ обѣдавъ, можа ёнъ доглѣдивъ гэту штуку, што ёнъ мяне такъ оскорбивъ? Самъ сабѣ обдумався и спрашіеть: скольки то можеть ходить женьскій полъ у гэтымъ дѣли? Зра, на человѣка нечего обдумливать, што гэто можа оттуль, што я бясѣду справивъ! Обдумавшися, самъ сабѣ думаеть: не могу я разобрать, треба людей распросить! Ну, яму разсказали: отъ стольки и стольки будеть ходить. Ну, якъ сосчитали яму люди,—дакъ ёй мѣсица повтора стало гэто посьли бясѣды. Ну, ёнъ обдумався: такъ тему уже и быть, видать!

Церазъ скольки гэто урѣмя, народився гэтый яго... унукъ уже называть треба. Тогды ёнъ самъ сабѣ думаеть: якъ народився, узять яго соскорбить яго! У нѣкоторыхъ ставъ пытатца, у вумныхъ людей: што, якъ ба мнѣ што зробить изъ гэстымъ? Тогды гэты сусѣди, вумные люди, говорyть: гэто не надо! ужо што здѣлалося, пущай тое и будеть!

Потому за гэто уже вы будетя виноваты! Тогды ўзяли яго перахрисьтили. А якъ имя дать по отечеству, дакъ и сами не знали. Ну, дадимъ имя яму Иванюшка! А ина разсказала, якъ гэто усё дѣилось,—што ёнъ съ подвѣю ставъ. И наклали званьня: Подвѣй Иванюшка. Ну, не расьтѣть ёнъ такъ якъ по годахъ, али усё ровно якъ по часахъ. Отдали яго у навуки, дѣдъ обдумався. Такъ што тикаво яму показываетца, такъ што хто по скольки ўчитца, а ёнъ у часъ тое можеть понятца. Тикавъ вельми. Выйдеть на прогулку гулять, дакъ такія штуки выказываеть, што къ которому пальцамъ прикранѣтца, дакъ усё ровно убиваеть яго. Возьметь, такія шутки здѣлаеть: зьниметь у кого зъ головы курашку, уголъ подниметь, да яё подъ уголъ подложить. Яны, тые вучаники, обдумались: якъ ёнъ можеть такія штуки приставлять одинъ? Отъ, мы возьмемъ, да яго усёй кунпаніей накажемъ! А батькамъ боялиси жалитца. А тогды обдумалиси: нѣ, ня будемъ ничого яму дѣлать! Увознали, што ў яго сила такая ёсь. Ну, а ёнъ зазываеть ихъ: што жъ, вы, говорить,—ходитя гулять!—Ну тябе къ лиху, съ твоёю гульнёй!—Што гэто за гульня, што коли прикранѣсься, дакъ чуть живъ отъ тябе, ти курашку зьнимешъ да подъ уголъ! Такъ, што ёнъ расшутився; нутка за ими уздогонъ. А яны: ты намъ гэто не товаришъ! говоруть. Ды ўскрикнули. Якъ ускрикнули, такъ отцы гэтые нѣкоторые позамѣчали. Што гэто вы, говоруть: дакъ и вы бъ яму якую штуку здѣлали?—Коли ёнъ, говоруть: у яго такія дурныя жарты! къ кому прикранетца, дакъ усё ровно убиваеть; курашку зьниметь да подъ уголъ!—А чаму жъ вы упяродъ, говоруть, гэтого не объясняли!—Мы, говоруть, боялиси усякую вещь у вуши ўносить! Отцы тогды доносють государу, яго дѣдушку. Гэтый дѣдушка вѣры имъ не давъ. Гэто ня можеть быть. Такъ полядить на яго, дужа яму ўтѣшно на яго: што ёнъ и навуками дойшовъ, и такъ молодецъ. Ну, а яны говоруть: ёнъ, не надо, штобъ ёнъ тутака бывъ; хай сабѣ особя. Думавъ, думавъ, царъ, али ўзявъ самъ сабѣ, думаеть: не буду я яго никуды—хай сабѣ коло мяне будеть! Хоть ёнъ и якій у навукахъ, али ўсё жъ не ў закони! И не пославъ яго у школу.

Ну, церазъ сколько урemя, выдався ёнъ якъ уже соўсимъ узрослый человѣкъ. Тогды ёнъ говорить: дѣдушка, говорить: што жъ вы мяне никуды не отдаетё у навуки? Гэто жъ, говорить, ти мнѣ статокъ гонять,—зь естыя школы?—Ахъ, мой унукъ! ти понявся жъ ты, говорить, гэтой навуки, ти здавъ ты акзаминтъ зь естыя школы?—А я, говорить, больше знаю, чимъ тамъ яны вучуть! Вотъ, полядитя! Сычасъ и здаеть яму акзаминтъ. Дѣдушка першъ узрадовався: отдамъ, думаеть. Али посьли обдумався: нѣ, говорить: хай будеть у мяне за прислугу! Ну, тогды самъ сабѣ думаеть: што жъ гэто,—на яго жалилиси, а ёнъ ниякихъ

замѣтокъ ня дѣлаеть тутъ! Ну жъ, нехай сабѣ: не буду яго примушать! Ну, значитца, лежали у яго тамъ капоры. А Иванька гэтый щé не видавъ гэтыхъ штукъ. Пришовъ къ гэтымъ капорамъ и дивитца: што гэто за штука, што я её щѐ ня видивъ? Али думаеть: мусить ина не дужа тяжка, гэта штука? А ина будеть пудовъ двѣсьтя. Боитца ёнъ свойго дѣдушки, кабъ не замѣтивъ; али дужа хочетца погулять зь ёй, зь естой штукой. Тогды ёнъ узявъ, разглѣдивъ, разглѣдивъ, ды самъ сабѣ думаеть: вить ёнъ ня ўвидить; ёнъ ненача щé отдыхаеть. А якъ устанеть, дакъ сапоги надѣнеть, я учую, якъ ёнъ будеть ходить. А дѣдушка, надѣвши калёши, ходить по хати, ды глядить на яго, што зь гэстого будеть. А ёнъ стоить ли яе, ды ўсё яé покáтыеть потрошки. Тогды узявъ гэту штуку, поставивъ дубóмъ яе. Поставивъ дубомъ, и каеть: о, казали, тяжка, а ина три хўнты ти будеть ти нѣ? Гэтый дѣдушка говорить: Иванька, што ты гэто дѣлаешъ? гэто жъ ина дужа тяжка? А ёнъ якъ спужався,—якъ кинувъ,—дакъ ина у четьверть у зямлю̀ увыйшла. А самъ отскочивъ отъ гэтого мѣста. Тогды обдумався гэтый дѣдушка: якъ бы яго сорвать якъ нѐбудь, ссилить, кабъ у яго такія силы не быль̀. Тогды ёнъ думавъ, думавъ, не могъ додуматца, якъ ба яму што нéбудь здѣлать. И засмутився. А Иванька говорить: дѣдушка! коли вы, говорить, сярдиты на мяне, пусьтитя мяне у бѣлый, говорить, свѣтъ! чимси вы будетя сэрпа имѣть на мнѣ!—А вотъ, говорить, унукъ: загадаю я табѣ загадку! коли ты можешъ по моёй загадды усё суповнить, ну тогды я могу тябе на свѣтъ любопитный пусьтить!—Ну, што жъ вы такое мнѣ обвѣсьтитё?—Ну, а вотъ такое дѣло я табѣ обвящу̀: якъ у тябе такая сила, дакъ вотъ, штобъ ты мнѣ на три годы̀ дровъ мнѣ разстарався, и воды̀. Тогды я тябе пущу! Ну, Иванька говорить: коли я гэто дѣло здѣлаю, кабъ и вы мнѣ тое здѣлали, што я у васъ попрошу! Вы мнѣ здѣлайтя такую, говорить, ляску зь зялѣза,—не нямножачка, на триста пудовъ! Отъ, дѣдъ говорить: ну, здѣлаю я табѣ такую ляску, говорить. Тогды ёнъ узявъ: ну, коли здѣлаетя, говорить, дакъ подѣлайтя мнѣ такіе чапы воду̀ носить: я жъ гэтыми судами ня буду носить, говорить. Тогды ёнъ узявъ,—пошли у прòваръ, побрали тые чапы и почапили яму. Такъ што, пришодчи ёнъ къ водѣ, думаеть самъ сабѣ: гэто жъ я своими вёдрами тутъ воды не зачаплю̀, гэто жъ мéлка тутъ вода! Пришовъ къ мóру и говорить: отъ дѣ вода, дакъ вода! и зачарэпнуть можно! И тольки жъ, говорить, и ня мелко тутъ! Зачерпнувъ у моры воды и нясéть. А дѣдъ смотрить, што ёнъ такъ лёхко нясеть. Приносить воду̀: а што, дѣдушка: ти построили такую дѣжку, куды воду̀ лить,—коли захотѣли, кабъ я вамъ на три годы воды принёсъ? Ну, дѣдушка обобравъ тамъ якую дежку: хай, каеть, наливаеть,

а мы будемъ отбирать потроху! Усё жъ тыки скоро ня пущу яго! У здоръ, значитца, пошовъ изь имъ. Тогды гэтый Иванька говорить: отъ, дѣдушка: вы загрозили мнѣ; тяперь жа бярите воду! Я наношу воды на три годы, али куды вы яе лить будетя? Я три судны принясу—вамъ на три годы!—Ну, лй, говорить, у гэту дежку! Ёнъ думавъ, не подниметь ёнъ гэтого чапа вылить. А ёнъ узявъ, выливъ одно вядро—чуть ня пôвна яго дежка—отъ одного ведра,—што ёнъ намѣтивъ на три годы. А другое выливъ, дакъ и чéразъ побѣгла. Ахъ, говорить, дѣтухна: досить воды, говорить: ня треба!—Нѣ, говорить, я ще тольки разъ принёсъ, а вы уже сподѣетёсь, што досить на три годы. А я щé два разы принясу! хоть палацъ вашъ залію, а привясу ще двое судовъ! Пошовъ, принёсъ. И заливаеть палацы! Разгулявся дужа! Дѣдушка тэй чуть рукъ яму не цалуеть. Тогды узявъ, приносить вёдры гэты: куды жъ вамъ, говорить, поставить? Обдумався: эть жа жъ и ёнъ мнѣ выгоду здѣлавъ, якую я просивъ! Ну, поставивъ ля дежки и отвѣщаеть: треба бъ було вамъ третьтія принéсьти, али нехай ужо, ладно, якъ вы прóситя! Тогды говорить: отъ, ти моё жъ дѣло спóвнитца, што я у васъ просивъ? Коли моё дѣло ня сповнитца, дакъ я ўсю водý принясу, дакъ васъ усё ровно, якъ на човни, васъ у мóра знясў, говорить. Буду ўже вашаго слова слухать, што вы скажетя; а якъ разгуляюся, тогды ўже не по малому пôйдеть, говорить.—Спóвнитца, спóвнитца, говорить, Ванюша!—А што жъ вамъ, дѣдушка,—што вы сказали, што дровы вамъ треба, говорить. А ў мяне жъ, говорить, сякеры нѣтути такой, говорить, кабъ вамъ дровъ наваляты! Даеть ямý такую то сякеру. Ёнъ глядѣвъ, глядѣвъ: ну, говорить: ти ня сякера жъ? говорить. Большъ я, говорить, рукой возьму, чимсь гэтой сякерой! Якъ пусьтивъ ёнъ гэту сякеру—зганѝвъ яе—такъ ина ўсё ровно якъ муха полятѣла. А можа, говорить, вы моихъ дровъ не хочетя? Гэто жъ я гэтой сякерой не могу насѣчь! —Нѣ, говорить, мнѣ дровы надо, говорить: я, говорить, дровъ не дарую, дармà, говорить, што ты мою сякеру закинувъ: рубай чимъ хочешъ, мнѣ дровы кабъ были!—Охъ, говорить, дѣдушка: не захочетя вы моихъ дровъ, говорить. Узявъ—ну, коли жъ вы мнѣ не спусьтили—пошовъ у пущу у драмущу—громадная пуща—ну, говорить, туть по моёй силёшцы и дровъ нема! гэткихъ дровъ я за три годы не наношу! Сколькі то урэмя ёнъ ходѝвъ, подходить къ дубу—ёнъ яму вы̀дарився ня дужа вяликъ, ну, али большъ за другихъ—у чатыре охвата дубъ бывъ. Ёнъ яго съ кòранемъ вы̀вярнувъ, узявъ на плечи, и нясéть икъ дѣду, дровы гэты. Пытаетца: дѣдушка, повузкія вы, говорить, ворôты выстроили:—моé дровы не проходють празъ ваши вороты! А дѣдушка думаеть: няўжо жъ тыки ёнъслупы̀ поразворáчуеть? Слупы жъ у мяне крэпкіе, каменные! А, ка-

етъ: якихъ ты сабѣ набравъ дровъ, такихъ и няси!—Ахъ, говоритъ, дѣдушка: я жъ вамъ по ласцы, говоритъ, а вы усё на здоръ! Ну, лядитя! говоритъ. Узявъ дубъ на плечи; якъ пошовъ, такъ гольлёмъ слупы по динъ бокъ и по другей бокъ и заваливъ! Тогды дѣдъ говоритъ: ну, я такихъ твоихъ дровъ не жалаю, говоритъ. А ёнъ отвѣщаетъ: нѣ, говоритъ, тольки жъ щé одинъ охáпочекъ, а ще жъ два надо прине́сьти по вашаму укази! А я жъ сякеры не ма́ю, дровъ попорáдчитъ, дакъ треба ще два охапки прине́сьти! Якъ положивъ свойго дуба, къ мѣсту положивъ,—дыкъ занявъ, што можа сто са́жнявъ дровъ стояло, а ёнъ однымъ дубомъ занявъ! Якъ принёсъ ёнъ гэтыхъ ящо два дуба гэткихъ, дакъ занявъ увесь дворъ, што ни пройти ни проѣхатъ! Отвѣщаетъ дѣдъ: якéй жа ты, говоритъ, буянъ! Отвѣщаетъ ёнъ: отъ, дѣдушка: колибъ я своé штуки показавъ, тогды бъ я бывъ буянъ: а тяперъ я не буянъ, я тольки гуляюся!—А зачимъ жа ты мнѣ увесь дворъ загруздивъ?—А вамъ, говоритъ, хотѣлося, кабъ я загрудивъ! Вы думали, што я за пятъ годовъ вамъ гэто не справлю, ну я, говоритъ, за динъ день усё справивъ! Уздумавъ Иванъ, што троихъ судей воды ще не принёсъ. Обдумався гэто, што ляски моé немá щè. Тогды ёнъ узявъ,—дѣдушка, говоритъ: ти нестроили жъ вы, говоритъ, мнѣ ляску?—На што табѣ ляска,—можашъ ты и такъ пройти свѣтъ!—Ну, а за штожъ я вамъ служивъ, што вы мнѣ ляски гэтакъ не построитя? Можа вы за гэто разгнѣвались, што я вамъ дѣла не суповнивъ, судей воды не принёсъ? дакъ я вамъ суповню! А мнѣ ляска кабъ была! Дѣдъ гэтый обдумався: што ще отъ гэтыя воды хата не высохла, а ще якъ принясётъ, дакъ разрыетъ. Треба яму ляску здѣлатъ! Ну тольки на лихо яму такая ляска, у триста пудовъ! Здѣлаю яму лясочку у сто пудовъ! Узявъ сто пудовъ зялёза, заказавъ ковалямъ, стали коватъ яму ляску. Отъ, говоритъ: табѣ, Иванъ, ляска работаетца, ти утѣшитеся вы гэтому дѣлу?—А коли вы по моéй прозьби ляску здѣлаетя, дакъ подякую; я коли нѣ, дакъ подъ такую штуку подсаджу васъ, клинокъ подобъю, и будетя вы сидѣтъ тамъ по вѣкъ жисьти своè! А я пойду тàкъ у свѣтъ! Гэто ли мяне не ляска, а такъ якъ розка!—Иванька! вы жъ тольки подяржитя яé,—я жъ такую дѣлаю, якъ ты казавъ!—Нѣ, дѣдушка, вы мяне не обмàнетя: у мяне примѣтки ёсь, говóритъ; я важитъ пя буду! говоритъ. Ну, здѣлали ковалй ляску, призываютъ яго къ гэтой лясцы,—што, значитца, ня могутъ повярнутъ яе. Пришовъ ёнъ къ гэтой лясцы, узявъ яè, якъ пусьтивъ угóру, дакъ ина зазвинѣла, якъ пчела—угóру пошла. Пошовъ ёнъ у хату, воды напився, вышовъ на дворъ, а ина щé тольки згоры звярнулася. Ёнъ палецъ наставивъ, ина на палецъ ударилася и разбилась... Отъ, дѣдушка, говоритъ: икая вашая ляска!

Прибавтя, говорить, вагѝ, стольки, якъ я говоривъ! Ну, ковали тые ўже й не рады, што почàли гэту работу: тó нельзя былó повярнуть, а тутъ ще прибавлять надо! Ну дѣдушка каеть: прибавтя яму̀ ещѐ сто пудовъ: мусить жа зь яго хватить! Призываеть яго туды: икуратно, говорить, ли тябе составили, кольки ты казавъ!—А вотъ, посмотримъ, говорить. Пусьтивъ яѐ угору̀, сѣвъ—посядѣвъ,—наставивъ цѣвку, руку̀, ина тожъ само увогнулася у дугу. Ляска то, ляска, говорить, ещѐ не сусимъ! ещѐ много треба! стольки то я просивъ, стольки то нема! Приставили яны яму ще третьтію сотню. Ёнъ узявъ, на руцѣ поваживъ, кинувъ угору—колѣно наставивъ—яна чуть-чуть выгнулась. Поправтя, говорить, мнѣ!—Нѣ, мы ня можамъ повярнуть! Ну, ёнъ имъ повярнувъ, яны поправили. Пришовъ ёнъ къ дѣду, подя̀кувавъ за гэту ляску: побогословитя мнѣ дорогу, на свѣтъ ити!—Якъ жа мнѣ, говорить, тябе побогословить?— хай бы ты у мяне бывъ!—Ахъ, дѣдушка, говорить: ня 'динъ то, говорить, богатыръ живъ тамъ, дѣ силу свою показавъ; али ровный до ровнаго зьбираетца! Ня то, говорить, богатыръ, што много хлѣба и грóшій маеть, а то, говорить, богатыръ, што ёнъ здоровъ,—отъ тò, говорить, богачъ! Тяперъ узявъ ёнъ (дѣдъ) обдумався, дакъ ня будетя?—Нѣ!—Ну, хай Господь вамъ побословить! Ну, радъ ёнъ, што яго на свѣтъ пусьтили. Пошовъ тогды къ матцы: дякуй вамъ, маменька, што вы мяне созродили! Маменька за яго узялась: хто жъ мяне будеть пропитывать?—У зàконъ я не зашла, тябе рóдила... Ахъ, говорить, матушка: тутъ моя ня жись зъ вами! Дѣдушка! каеть: хай моя матушка у васъ застаѐтца! Ну, матушка яго побословила. Ёнъ и пошовъ.

Якъ пошовъ, вышовъ: слава табѣ Господи, што мяне на свѣтъ пусьтили! Якѐй, каеть, хорошій свѣтъ, якъ маковъ цвѣтъ! Идеть ёнъ дорогою и думаеть: иду то я, иду, да дѣ жъ ба мнѣ найти товаришовъ? што жъ я одинъ? Уходить ёнъ у нѣйкое у царств*я*, ажн*и* тамъ богатыръ собираеть каменьня. Ну такѐй камень, якъ будыня, кòтить перадъ собою у логъ. Узрàдовався гэтый Иванька: тиху! и гэто ничòго сабѣ, што ёнъ такіе камушки бярѐть и знóсить. Прихóдить ёнъ къ яму: здрастви, говорить, Гаврилушка!—Здрастви, говорить, Иванька!—Почомъ ты, говорить, увознавъ, што я Иванъ?—А почомъ ты, говорить, увознавъ, што я Гаврила?—Богатыръ богатыра, говорить, далёко знаеть, по духу̀. Тогды узяли: ахъ, говорить, вамъ дóбро, васъ на свѣтъ пусьтили; отъ, мяне, говорить, отъ, треба гэты камешки носить; а не пускають!—Ну, коли тябе, говорить, не пускають,—иди со мной у товариши! Крапчѣй насъ никого у свѣти нема, што яны намъ здѣлають? Коли вóзьмутца за насъ, дакъ мы, говорить, однэй ляской на пять вёрстъ змахнёмъ; дакъ, отъ, наша будеть тогды воинство! Тогды узяли, пошли. Ну, пòйдемъ, говорить, сабѣ!

Я тольки, говоритъ, васъ слухаю, а то, говоритъ, мяне не пускали!—А, говоритъ, пойдемъ! зь ими вѣкъ не распрощаесься,—якъ зъ блохами! Узяли, пошли. Нямножко то яны пройшли, увыходютъ у другое царствя. Ажни гэто тожъ самое: стоитъ богатыръ; якъ уляжетъ плячомъ у гору, такъ и туритъ яе, дѣ лощина,—зямлю ровнуетъ. Идетъ Иванъ и говоритъ: одначъ и табѣ хорошая праца! Узявся зь имъ за руку и поздрастувався. Ставъ разсовѣтуватца: скольки ты па свѣти горъ спихнувъ? Ёнъ говоритъ: охъ, уже, говоритъ, тритцать годовъ я на свѣти проживъ, дакъ пе одна гора доловкáхъ уже стала! Радъ ба отказатца, да няволя моя! —Почаму? Почаму такъ гэто?—То служба моя такая! Отъ, ёнъ говоритъ: эхъ, говоритъ: а ня можно жъ яе бросить, гэту службу?—Боюся, говоритъ, бросить яе!—Покрѣпче насъ никого нема, говоритъ. Кого мы будемъ боятца? Пойдемъ мы, говоритъ, у свѣтъ—свѣтъ тяперъ волный, тяперешнимъ урéмямъ!—Да, у свѣти, говоритъ, мы слыхали, нѣтъ богатыра получчаго, якъ вы Иванъ! Мы бъ, каетъ, усякія штуки подѣлали, чимси яны на насъ такія покуты понакладовали!—Атъ, плюватъ, говоритъ Иванъ: свѣтъ якъ маковъ цвѣтъ! пóйдемъ погуляемъ! А мы на гэту службу—забытъ думатъ! И ўзяли, пошли ў свѣтъ! Отъ, говоритъ, тольки три насъ богатыри нашлися! Кабъ намъ и чатьвёртый такей богатыръ пашовся! Тогды гэтый, Горовэй, говоритъ: Я, говоритъ, хотѣвъ ба што заслужитъ!—А зъ насъ заслуги хватитъ, говоритъ. Итъ, говоритъ, ня 'дну жъ ты гору спихнувъ тутъ! Вотъ и заслуга, говоритъ. Тогды пройшли яны, ажны такей жа зновъ богатыръ находитца. Узявъ, лѣсъ то громадный, а ёнъ за мáкушки ихъ, да знашуетъ у кучу. Здрастви, говоритъ, Лѣсовэй! Што ты, говоритъ, лѣсъ у кучу знашуешъ? Здѣлався, бытцамъ цыгáнъ?—Отъ дыму, говоритъ, закурився, отъ огня, говоритъ, загорѣвъ! —Доситъ табѣ гэто, макушки, говоритъ, зноситъ; умыйся ты, говоритъ, ды ходи зъ нами! А то мы, говоритъ, утроихъ уси бѣлы, а одинъ будетъ нибытцамъ цыгáнъ межи насъ! Отвѣщаетъ ёнъ яму: што не могу, говоритъ, бросить гэтой службы!—Почаму такъ?—А служба, говоритъ, не говоритъ! Лёгши спатъ—сонъ не бяретъ, коли службы своѐ не суповнивши! Отвѣщаетъ яму Иванъ: никóли мы своé службы не суповнимъ! Али вóзьмемъ, говоритъ, свою волю и пóйдемъ, говоритъ, у свѣтъ. Гэтый Лѣсовэй обдумався: што нѣту уже больше покрапчѣйшихъ опричи насъ! При такомъ нашамъ богатстви, хто намъ што здѣлаетъ? Иванъ спрашіетъ у яго: ну, ти обдумався, говоритъ, Лѣсовой?—Да, говоритъ: обдумався!—Ти вы мяне увознали, Ивана?—Да, говоритъ, увознали! Я слышавъ, говоритъ, што всѣ утѣти покрапчѣй васъ, Ивана! Ну, уговоривъ яго, такъ ёнъ и пошовъ. Тольки умыйся, говоритъ.—Чимъ жа, якъ ба бъ мнѣ тутъ умытца,—я дужо крѣпко загорѣвъ тутъ!—Во, говоритъ: наша вода усё

очисьтить. Смотрить ёнъ, мыетца—а ўсё чоранъ. Вынявъ Иванъ съ кишени ковалокъ мыла,—натка, говорить, зь етымъ помыйся! Ставъ ёнъ мытца. Мывся, мывся,—ну, говорить: хоть чоранъ, а усё жъ похожъ на люди, говорить. Ну, слава Богу, говорить: больше зъ насъ богатыровъ не надо! Кабъ намъ идѣ несходимую сыйти, найти сабѣ поселеніе! А йны отвѣщаютъ: якъ жа, говорутъ: а бываютъ, насъ ня могутъ спороть съ такого поселенія?—Ить повыше нашихъ богатырськихъ силъ нѣту покрѣпче, говорить,—дакъ мы не боимся, говорить, никого! Тогды яны пройшли то пущай такой громадной,—можа яны сутокъ двое ишли. Уходють, ажни яны тамъ находютъ то нѣйкій хульварочекъ. Хто сабѣ, говорутъ, ни будетъ у гэтымъ хульварочку, хто сабѣ ни ўладенецъ, надъ имъ али больше ня будетъ, якъ мы! Стали яны любопистоватца по тымъ хульварку. Увыйшли яны у збу, ажни,—по гэтой збѣ ходютъ, никого нѣтути. Гэты отвѣщаютъ яму: тутъ нихто ня живетъ, мусить!—А намъ, говорить, што за дѣло! хай сабѣ хто и живетъ, а коли ёнъ нашъ будетъ! Тогды яны обдумалиси, пошли у вобору. И коровъ—дакъ нема, а воловъ, дакъ одны тольки волы. И нязвѣстно, хто ихъ пасётъ, хто ихъ поитъ и кормитъ. Тогды яны узяли, уходють у вынбаръ. Ёнъ запёртъ. Приходить Иванъ, бярётца за клямку, такъ ино усё чисто отчиняетца перадъ имъ. Уходють у вынбаръ, ажъ тамъ и хлѣбъ, и круны—усяго хватаетъ, што имъ по надобносьти. Ну, покамѣсь мы, говорить, своё наживёмъ, дакъ гэтого намъ хватать будетъ усяго! Самъ ёнъ остаётца бытто ужé повнымъ ходяиномъ, а йны яго прислуги. Отъ, говорить, братцы: мы богатыри уси ровны, ну тольки кому—нибудь надо бóльшаму быть. Я и самъ у свѣтъ пошовъ и васъ пусьтивъ. Колибъ не пусьтивъ, дакъ ба ваша нескончяное гóра было! Братцы, говорить: тяперъ жа што тольки я вамъ ни скажу, довжны вы мяне послухать! Усяго зъ насъ хватаетъ, и треба жъ къ гэтому старатца, кабъ и было! Оставляютъ яны,—камяннóй, говорить, Гаврила! оставайся ты, говорить, дома за повара, а мы пойдемъ къ гэтому старатца: треба жъ, говорить, растерабить, распахать, засѣить! Гэто ўже переночевавши. Тогды яны узяли, пошли. А што жь мнѣ, говорить, на 'бѣдъ пристроить вамъ?—Сходи у хлѣвъ, возьми ляску мою, да по ўху завали, говорить, волў,—такъ тогды, говорить, возьми яго, принеси у кухню, оббяли яго, да у котёлъ, говорить. Пошли. Тогды ёнъ пошовъ тойчасъ у вобору, вола гэтого пó лбу, на плечи, у кухню принёсъ, оббяливъ да ў котёлъ. Такъ што ёнъ уже справився, сядить ли вокошка поджидаетъ ихъ. Ажнѝ лятитъ чатыре пташки. Сѣли яны ли лазьни, смотрить ёнъ—што йто зь ихъ покажетца? Тогды видить—яны сѣли бытцомъ то птушки,—обярнулися чаловѣчацкой статёю. Тогды ёнъ сабѣ думаетъ: ну, вотъ—ихъ чатыре, и насъ чатыре: мы подружимся зь ими! Смотрить, што

жъ гэто яны будуть дѣлать? Ажны яны одна бяреть дрова, другая воду, третьтія печку затопляеть у лазьни. Тогды яму здалося: ну, постой жа: якъ яны вытопють гэто лазьню, тогды я возьму, подопру ихъ хорошенько у лазьни, покуль подойдеть наша сила. Тогды мы ихъ забяромъ! Тогды узявъ, гэто, значитца, прахтиковався,—якъ яны стали мытца, заперлись, ёнъ гэто узявъ да знаружи и заперъ ихъ,—пля-чомъ улёгъ. Тогды яны якъ умылися, тогды у двери. Э, каеть, сяструшки! гэто жъ насъ нѣхто потпёръ! Чуеть ёнъ голосъ. Тяперъ: э, говорить: не управитца ёнъ нераличить, сколькя на неби звѣздовъ, якъ будеть лятѣть! Якъ стукнула у двера—дакъ ёнъ ня могъ образумитца,—сколькя вёрстъ лятѣвъ. Тогды узявъ, обдумався, уставъ: ахъ, Господи, говорить: кабъ я гэто лихо знавъ, дакъ я бъ лучче ихъ не чапавъ, говорить. Узявъ, побѣхъ у ізбу, полядить, ажни ничого нема, што ёнъ варивъ. Перша обдумався: можа волы личаные! Али нехай личаные тамъ яны, ти не личаные,—побѣхъ у вобору, вола стого на плечи, опять наново кухню заложивъ. И устороnився гэтому, штобъ яго товарищи не наказали: што ёнъ дѣлавъ? спавъ? Тогды ёнъ узявъ, ды говорить: гэто усякому будеть: нехай усякій довѣдаетца! Ня буду казать, каеть, хоть и накажуть! Прибиваеть дванаццать часовъ, приходить Иванъ уже съ своими съ товаришами. Эхъ, говорить, Камяньникъ ты! Нѣшто ты, говорить, такъ проспавъ до дванаццати часовъ! ня могъ кушанья наварить!—разсерчавъ на яго. Тогды ёнъ говорить: виноватъ говорить, перадъ вами, больше гэтакъ ня буду! Иванъ говорить: хоть бы ты сабѣ й бывъ, дакъ другій разъ тябе не покину! Разъ дѣла не суповнивъ! Тогды ёнъ и радъ: ну, болозѣ гэтакъ! Тогды ёнъ узявъ, Иванъ, говорить: можа табѣ спричина якая была, спреча якая—митрэнга (*g*), спречався хто,—дакъ ты мнѣ объясьни, говорить.—Нѣ, говорить: ничого ня было! Ну, говорить назаўтраго—оставайся, говорить, ты Горовый! Тольки, говорить, посьпишай,—а то, говорить, треба и отдыхнуть, и обжидай, покуль обѣдъ вашъ! Гэто, говорить, няловко! Гэтый Горовый самъ сабѣ думаеть: погоди, я пораньше справлюсь! Уставъ раненько, пошовъ у вобору, волу гэтому богатырськой ляской у лобъ, за хвостъ, ды й на плячо. Принёсъ на кухню ды ў котёлъ! Такъ што ёнъ справився и говорить: э, што гэто Камяньникъ дѣлавъ? Я вотъ и справився, а ще чатыре часы до повдня. А што ёнъ дѣлавъ? Сѣвъ ли вокна и сядить, справившись. Ажнй—видить ёнъ—а бачь: лятить чатыре птушки. Тогды ёнъ узявъ и гэто сабѣ думаеть: што гэто зь ихъ будеть? Видить ёнъ гэто—сѣли яны ли лазьни. О, сабѣ думаеть: мы тутъ ходили и ня видили, што тутъ лазьня ёсь! Тогды яны узяли, обярнулися чаловѣ-

чацкой статёй. Што такія гэто за птушки, што яны чаловѣчацкой статёй обярнулиси? Выдрилося яму, што первѣйшія уже паненки. Самъ сабѣ думаеть: отъ, гэтыя паненки: ихъ чатыре и насъ чатыре; али видать, што тольки зъ большимъ примусомъ ихъ узять можно, а такъ, видать, яны за насъ не пойдуть. Узять ихъ по ласцы зъ ими, дакъ яны, значить,—сурозно поступють, скажуть—утó мужикъ, холопъ! По сэрцу подойду ихъ! Найдуть товариши, побяромъ ихъ! Гэто ўже байки, мы ихъ ня пусьтимъ! Тогды яны стали мытца, а ёнъ узявъ и потпёръ ихъ. Ды думаеть: потпёрши палкой—чуть ня буду, што ины говорить будуть: улягу плячомъ, дакъ плячо не палка, ня злóмитца. Хуть почую, што казать будуть! Яны учўли. Ахъ, сяс̆трицы! нѣхто узявъ, насъ, говорить, потпёръ! Ну, говорить, коли такъ, ёнъ потпёръ,—намало яго тўрнемъ,—вярсты на двѣ хай отлятить отъ насъ! Ёнъ гэто слыхаеть и самъ сабѣ думаеть: гора покрѣпче васъ была, да й то я на логъ ихъ спихавъ. А васъ уже кабъ я пусьтивъ! Гэто байки на свѣти—говорить. Тогды яны якъ ударили яго,—якъ полятѣвъ ёнъ—на двѣ вярсты. Тогды ёнъ, уставши уже, обдумався: няўжо жъ тыки я на двѣ вярсты лятѣвъ? Кабъ мнѣ гэто змѣрать, дакъ неколи,—товариши придуть, скажуть, дѣ ты бывъ? Не такъ я крѣпко ударився, якъ я отлумився, зъ гэстого побою! Прибѣгъ у во дворъ—ажъ яго ничого нема, што ёнъ варивъ! Ну вотъ: поправся я тяперъ! говорить. А жалившись мнѣ свойму ходяину, дакъ вѣры ня имéть,—скажеть: гультай! я думавъ, што ты зробишъ хорошо, ажны ты ще попуще! Неколи мнѣ довго думать, треба опять за дѣло братца! Ну сказать имъ свою причину—стыдно. Треба лѣпи мовчать. Лѣпи своё дѣло справлю! Пошовъ, вола ўбивъ знова, кухню заложивъ—скоро, уже круто коло яго завивався, кабъ хвалы сабѣ попáсьти скольки нябўдь. Тольки заслонивъ, сѣвъ ли вокна ды сядить. Приходить ходяинъ у дванацать часовъ, смотрить—однача жъ, говорить: мой Горовэй троху, говорить, пораньше справився, али тольки, говорить, гультàивъ троху! Сѣли сабѣ, пообѣдали. Стали отдыхать сабѣ. Говорить Иванъ: ну, хоть сабѣ отдыхнёмъ, говорить, не пойдемъ на работу, лѣпи заўтра пораньше устанемъ! Знайтя жъ, братцы, што заўтра Лѣсовэй остáнетца,—штобъ упяродъ,—дакъ за обѣдомъ заколупаесься. Назаўтраго ўраньни устали, —остаѐтца Лѣсовэй. Спрашіеть у яго: што, ходяинъ, варить?—Ить наша кухня тожъ неперамѣнная; икъ мы сами наживёмъ тутоцьки, тогды будемъ перамѣнивать! А тяперъ тожъ самое будеть: у вобори воловъ хватаеть, у вынбары крупъ тожъ хватить,—вотъ наша и ўсё! И пошли ў лѣсъ. Тутъ Лѣсовэй пошовъ у вобору, вола ўбивъ, на плечи, и принёсъ яго. Сычасъ оббяливъ, у котёлъ яго. Однача, говорить, усё одна да 'дна ядá, говорить. Кабъ ня гэты волы, дыкъ бы й ѣсьти нéчаго было! Тогды узявъ:

однача, говоритъ,—што яны подѣлаваютъ! Отъ жа, говоритъ: до повдня часовъ пять, а я ўже усё подѣлавъ! Помлѣетъ усё у печи, нечаго ѣсь будетъ! Кабъ я гэту штуку знавъ, дакъ бы съ перваго дня ставъ,—гэтакъ хорошо! Тогды ёнъ сядитъ гэто, высматруетъ, ажны лятитъ чатыре птушки. Якъ сѣли—чатыре паненки. Однача жъ, говоритъ, штуки. Ще я и сне видавъ гэтыя лазьни—а тутъ лазьвя! Ажни видитъ—одна бяретъ дровы, одна воду, а третьтія печку палитъ,—празъ двери видно. Ого, каѣтъ: гэто жъ тутъ и помытца можно! Сабѣ думаетъ: погоди! Вытопили лазьню яны, стали мытца. Ну, думаетъ: идѣ яны за насъ за мужуковъ пойдутъ?—Треба зь ими сурозно,—узять потпёрти! Тогды узявъ и потпёръ ёнъ ихъ. Ня гэтакія штуки,—лѣсъ рвавъ съ коравями, у грудъ знашувавъ, а кабъ ихъ чатырохъ не придержитъ? Придержу ихъ! Потпёръ, самъ сабѣ думаетъ: я то потпёръ, а можа и яны якія богатырки, можа якъ дадутъ, дакъ я и косьтей не собяру укучу! Тогды яны помылиси, стукаютъ у двери. Ахъ, говоритъ, сястрицы: потпёрты мы!—Ну што жъ робитъ: потпёрты—потпёрты! попадёмся и мы у ихъ руки!—Найдетца такій мацыматъ, што й насъ возьметъ! Ну, а отъ гэтого ще вырвемся! Тогды якъ дали гэтому,—не на много ёнъ лятѣвъ—на вярсту! Ахъ, каетъ: ти я бѣхъ, ти я лятѣвъ, дакъ и самъ ня вѣдаю! говоритъ обдумавшиси. Ахъ, говоритъ: што жъ я засидѣвся: кабъ жа и тамъ што небудь не прострочитъ! Наскакуетъ ёнъ туды, тольки видитъ, што нѣхто бывъ, да пошовъ; а штобъ замѣтка, дакъ нема. Посмотритъ, ёнъ,—ажни ничого нема, што ёнъ варивъ! Тогды ёнъ говоритъ: ахъ, говоритъ: однача жъ, говоритъ, товариши! Одинъ одному правды не кажамъ! Хай ба яны мяне перасьтераглй,—хай ба я правду знавъ! Узявъ, пошовъ, вола убивъ, на кухню, огонь заложивъ и опять страпатъ. Скоро уже, пошти што пораншс усихъ уже. Сабѣ думаетъ: заўтра ўже останетца пѣвня нашъ ходяинъ! Дакъ ёнъ гэтыя штуки будетъ знатъ; а мы уже не скажамъ. Заўтра одинъ коло 'дного посьмяёмся! Приходитъ гэтый Иванъ и смотритъ: однача жъ, говоритъ: молодецъ Лѣсовэй! справився! отъ, гэто, говоритъ, молодецъ, за ўремя! говоритъ. Побѣдали, отдыхнули, ды совѣтуютца: отъ, братцы, говоритъ: заўтра уже вы пойдетё утроихъ, а я останусь, троху отдыхну! Зваритъ—нема ничого, а ў лясў кореньня гэтого дурного поплянтуй, дакъ троху у плечахъ чутъ! говоритъ. Гэтые жъ рано устали, у лѣсъ пошли. А ёнъ самъ сабѣ думаетъ: а я трошку ще поляжу,—еще рано кухню раскладатъ! Уставъ и пошовъ самъ у вобору, расчинивъ вороты и говоритъ: однача жъ, говоритъ: за три дни порадошно мы воловъ зьѣли! Приходитъ къ волу, щавчкомъ ямў у лобъ стукнувъ—отъ щавчка гэтый волъ завалився. Узявъ за храбётную кось и нясётъ. Оббялйвъ, обдѣлавъ, уложивъ у котёлъ,

кухню заложивъ, ставъ варитъ. Однача, говоритъ: муситъ я надто рано заложивъ, говоритъ. Дакъ гэто няловко будетъ. Больше йны гуляли, якъ дѣло суповняли! Сѣвъ, и смотритъ. Ну ихъ къ лиху, и зъ работой зъ ихной—стольки яны мнѣ и тамъ наработаютъ! Бяздѣльное дѣло—ѣсь зварить—и то яны мнѣ ку ўремю не суповняли! А ў лясў ўже и сусѣмъ ничого ня зробютъ! Сядѣвъ, сядѣвъ, нибытцамъ удрамавъ трошки. Чўетъ ёнъ, ажни бытцамъ то якъ вѣтеръ зашумѣвъ. Туды-сюды ёнъ посмотритъ, полядѣвъ къ лазьни, ажни видитъ ёнъ—чатыре паненки стоитъ. Лядѣвъ ёнъ, и самъ сабѣ думаетъ: а бачь, гэдкія, каетъ, барышни! ти яны ѣхали, ти яны пѣхотой ишли? Надо жъ тыки, каетъ: задремавъ, што не ўвидавъ! Ну, говоритъ, погоди! я ихъ, говоритъ, придержу! Однача, муситъ то й мое, каетъ, зь ими загулялись, а мнѣ й не похвастовали! Загуляютца зь ими, а мнѣ й не похвастовались! Отъ жа, думаетъ: ихъ чатыре, насъ чатыре. Яны жъ можа, который зь ихъ прогуливавъ, а я гулятъ зь ими не буду,—а побяру, говоритъ, коли удастца! Паненки пошли у лазьню, значитца, а ёнъ пришовъ и ставъ ли двярэй. Тогды узявъ и потнёръ ихъ. А яны тожъ у скоросьти: ти не остався, говоритъ, тутъ ихъ ходяинъ,—тыхъ, што зъ нами шутки закидавали? Ёнъ гэто и чуетъ. Ишъ, говоритъ, подляцы! затымъ яны и опаздували! Ну, попробували яны отчинять,—нѣ, говоритъ, сястрицы: ня ў тыя руки мы попались. Нема у свѣти богатѣйшаго, якъ Иванъ Подвѣй! Коли тольки ёнъ гэто, дакъ нѣ ўже, ня вырвесься! Ну, на щасьтя, говоритъ, попробуемъ! Якъ вытнула у яго, дакъ усё ровно якъ у глину увязла--и не шевяльнувся. Говоритъ одна однэй: хоть намъ усимъ гэто будетъ, а тольки треба попробуватъ гэто намъ усякой! Стукали-стукали, стукали-стукали,—якъ у глину! Тогды тойчасъ узявъ ёнъ ихъ усихъ чатырохъ. Ну, говоритъ: зьмирно, говоритъ, паненушки! васъ чатыре, насъ чатыре: отъ, насъ, говоритъ, будетъ дружъя! Отъ, самъ сабѣ облюбопистававъ меньшую. Приходютъ товарищи, дивютца: однача жъ, говоритъ: якъ жа вамъ гэто попалося?—Ахъ, вы, говоритъ, хохлы! чаму жъ вы мнѣ раньше не объясьнили? Такъ гэтый Иванъ распорадився: отъ, говоритъ: кому злучая была першая—тому тая, а другому другая; обярйтя сами кажанъ сабѣ! Пожанились яны и стали житъ. Ну, говоритъ, намъ нельзя жанитца: нашъ отецъ, говоритъ, не то: васъ поѣсь,—поѣсь васъ, говоритъ. А Иванъ говоритъ: нехай, говоритъ: будемъ глядѣтъ! Ну, пожили яны сутки. На другея сутки пріѣжжаетъ икъ имъ Кащъ, ихный отецъ ужо. Кричитъ гэтый отецъ громкимъ голосомъ: отчинитя! Ну тольки покрапчѣйшихъ тутъ нема жйталявъ, опрочь Ивана Подвѣя! той тольки вотъ одинъ! Гэты сыкнулися къ яму,—якъ дмухнувъ—дакъ якъ комъ! Выходитъ къ яму Иванъ. Ти ня воронъ твоихъ косьтей занёсъ? говоритъ.—Добрый молодецъ, говоритъ,

самъ увесь свѣтъ обходитъ!—Ну што, говоритъ: ти будемъ по ласцы, ти по сэрцу разбиратца?—А што жъ, говоритъ: ты жъ уже сэрца показавъ! —Якъ?—А такъ! Ты жъ якъ дмухнувъ, дакъ моѐ товариши якъ комары полятѣли!—Ну, дакъ будемъ, говоритъ, дратца. Вотъ табѣ шасьти-головный смокъ!—Будемъ! Якъ узявъ Иванъ свою ляску, якъ махануъ,—такъ смоку головы три доловъ! Тойчасъ якъ махнувъ,—такъ ещѐ три доловъ!—Однача, Иванъ, лѣпи по ласцы будемъ разбиратца!—зъ малой силой я пришовъ къ табѣ! Пріѣжжаетъ ёнъ съ дванапцатиголовнымъ смокомъ. Иванъ, будемъ мы, говоритъ, по ласцы разбиратца, али по сэрцу?—Нѣ, говоритъ Иванъ: ще николи по ласцы не разбирався! Заколупютъ и яго—и ёнъ жа колупаетца. Якъ ставъ ёнъ свой ляской размахиватъ—не помножко ёнъ зьнимавъ голо́вы—усяго по три головы̀. Зьнявъ уси двананцатъ головъ. Якъ зьнявъ гэты двананцатъ головъ, обдумався гэтый Иванъ, сабѣ думаетъ: не дась ёнъ мнѣ житъ! ёнъ мнѣ будетъ зло дѣлатъ! Треба узятъ да яго убитъ соўсимъ! Думаетъ ёнъ: коли жъ ба и ёнъ мяне ня ўбивъ—у сэрца увыйшовши. Ёсь у мяне пляшка живущія воды и пляшка гоющія, возьму я ихъ ли запаса у кишень сабѣ! Тогды узявъ, пляшки побравъ и нутка у догонъ пусьтитца за имъ. Нагоняетъ ёнъ яго, самъ сабѣ думаетъ: якъ свисну ззаду! Якъ дамъ у голову, такъ ёнъ уснетъ зразу! Якъ давъ яму по головѣ, тогды ёнъ говоритъ: ахъ, говоритъ: нѣшто у мяне дрыжакъ! Замахнувся другéй разъ, дакъ ёнъ: ось якое лихо! ро́зочка по носу ударила! Отвярнувся назадъ: охъ, говоритъ, Иванъ! ня сто̀ило былò со мной чапа́тца! Отвярнувся, щавкомъ у лобъ, —Иванюшка уснувъ! А Кащъ пошовъ назадъ и ўзявъ свою дочкў меньшую.

Тяперъ, паситъ гэтого Каща бабушка скотъ. Натрапилиси коровы на Иваньку, подняли ровъ. Приходитъ гэта баба къ яму. А ёнъ да хвастовався: што бывъ крапчѣй усихъ Иванъ Подвѣй, а я ўбивъ. И дочку меньшую отнявъ! Дыкъ баба чутъ чула, што ўбивъ, да не знаетъ, адѣ. Ну, подыйшла ина къ яму и догадалася, што муситъ гэто Иванъ. Тогды ина узила ды сама сабѣ думаетъ: ти ёсь при имъ што? Ну, ина поглядѣла,—у однымъ кишени пляшку найшла, и ў другимъ пляшку. Погоди жъ, говоритъ: што гэто у яго за зелья? Узила, палецъ сабѣ разрѣзала, да съ одныѐ пляшки помочила—яно якъ бытто почалò згàиватца, выдавало такъ, што гóитца. Ина зъ другой—дакъ не бы̀ былò тамъ ничóго. Погоди жъ! Ина ўзила, зубы разнила̀ яму, да съ одныѐ пляшачки воды улила. Учула йна, што ёнъ бытцамъ-то поды̀хаватъ ставъ трошки. Узила другую пляшачку, тожъ само улила яму—ёнъ ставъ прочуха́тца. Ахъ, говоритъ: якъ жа я, говоритъ, смашно уснувъ! Осмотрѣвся: о, я думавъ, што мою ляску хто ўзявъ, ажно моя ляска при мнѣ ляжитъ, говоритъ. Тогды бабушка отвѣщаетъ яму: витъ ты на вѣкъ

жизни тутъ уснувъ, штобъ я на тябе не натрапилася! Отъ, видишъ, говоритъ: и жану жъ твою узяли, говоритъ.—Узяли?—Узяли!—Ну, школа, каетъ, ды ня вѣдаю, якъ гэто повярнутъ, говоритъ. Тогды ёнъ: бабушка! бабушка! порадьтя мнѣ, якъ ба мнѣ гэту штуку поправитъ? А ина яму: отъ жа, говоритъ, Иванъ: возьмись у яго за пастуха бытъ! И будь якъ можно ласковѣй, и паси скотъ якъ найлѣпи! Ласко паси! Бо у яго ёсь козёлъ бѣлый, роги золотэя; дакъ ёнъ яму усегды отвѣщаетъ, якъ хто пасетъ. Коли хто ти ударитъ скотину, ти што, дакъ ёнъ и объясьняетъ Кащу! Ну, а ёнъ говорку яго знавъ. А я тамъ поткачусь къ твоёй жанѣ: хай допытаетца, дѣ душа яго ёсь, што яго никъ ня убъешъ, *покамъ* яго душу найдешъ! Дочка будетъ потпытыватъ у яго! Тогды ёнъ узявъ, зрадився зь имъ, и ставъ гонятъ на пасту. А якимъ жа гэто толкомъ? Ина, дочка тая, начала плакатъ, тужитъ, што страхъ якъ!—Объ чимъ ты, говоритъ, тужишъ?—Объ такимъ и такимъ дѣлу: по вашай, говоритъ, души! Дѣ ваша душа?—А ина уже зь имъ перавѣдалася. Ина уже знаетъ, што ёнъ на пасту гоняетъ у яе отца. Ну, а Кащъ думаетъ: я жъ яго убивъ, ёнъ тяперъ ня 'тживѣтъ уже. Тогды онъ обвясьтивъ: што моя душа, говоритъ, у гольни, што которымъ хату мятутъ! Ина узила, стужакъ накупляла, голень гэтый увобрала; няньчитъ яго и толкуетъ зъ гольнёмъ зъ естымъ. Почувъ ёнъ. А сь кимъ ты гэто тамъ гукаешъ? Отвѣщаетъ: изъ вашай, говоритъ, душою! Уходитъ ёнъ къ ёй, и смотритъ: а дѣ моя душа?—А вотъ жа, вы казали—у гольни! дакъ я голень прибрала и гукаю! Вырвавъ ёнъ голень, гэтый голень на землю якъ кинувъ, гэтый голень и разсыпався. Вотъ, говоритъ, якая душа! Тогды ина опятъ стала плакатъ. Объ чимъ, дочь моя, такъ ты опятъ сосмутилася и плачешъ?—Я узрадовалася, што вашу душу нашла, прибрала яѐ и стала гукатъ,—а вы яѐ у мяне вырвали и кинули. Дакъ я объ гэтымъ смутна стала!—Почаму вы хочетя мою душу увознатъ? Вонъ, говоритъ: бѣлая свиньня ходитъ; дакъ у бѣлой свиньни моя душа, говоритъ. Ина узила гэтую свиньню, стужакъ насобирала, такъ што на холсту разныя штучки подѣлала—мѣтками разными,—узила тую свиньню прибрала, и гукаетъ изь ей,—говоритъ, радуетца, сьмяетца, толкуетъ изь ей. Такъ што ёнъ узновъ учувъ. А сь кимъ ты, говоритъ, дочь моя, гукаешъ?—А зъ душой изъ вашай! Ёнъ уходитъ. Икая тутъ душа?—А вы жъ казали, што у бѣлой свиньни душа ваша; дакъ я мусила вашу свиньню прибратъ! Такъ ёнъ схапивъ гэту свиньню, якъ кинетъ, такъ гэто усё поразсыпалось, куды которое. Тогды ина стала плакатъ, стала плакатъ, дужа сильно! Тогды ёнъ отвѣчаетъ: дочь моя милая: коли ты хочешъ мою душу узнатъ,—яѐ говорить, ня то што, дакъ и воронъ, и тэй ня можетъ достатъ. Моя, говоритъ, душа у мори,—разсказую табѣ ясьтенно, ясьтенно. И а штобъ яѐ узятъ, дакъ за при-

слугами ня во́зьметя—прислугъ много у мяне. Перва на́ перва, говорить, слуга—ёсь воронъ; другая прислуга сбколъ; затымъ ёсь у мори ка́мушакъ, а ў тымъ камушку ёсь вутка, а ў вутцы яйцо; дакъ моя душа ў яйцы. Коли хочешъ, вотъ достань яѐ сабѣ тамъ! Тогды ина прихо́дить—якъ то тамъ откралася отъ отца отъ свойго—приходить и говорить: Иванюша, Иванюша! дале́ко его душа, не достанешъ! говорить.—Хай сабѣ хото у третьтимъ царствьи, дакъ достану! говорить. Тогды пригнавъ гэть Иванъ съ паствы, узявъ свою ляску молодецкую у руку̀ и пошовъ. Тольки прихо́дить къ мору, якъ дась по мо́ру—сичасъ вода гэто разлега́етца и ёнъ идеть по сухопутьтю. Справляетца гэтый грукъ (*у*), хочеть крикнуть. Про́сить ёнъ у яго, говорить: не кричи, милый! ты тяперъ у няволи, говорить, а я пущу тябе на волю! Ёнъ говорить, отвѣщаеть: што я боюся тыхъ прислугъ, дакъ я пропаду! А ёнъ отвѣсьтивъ: ня бойся, говорить. Такъ гэтый грукъ утишився. Потходить ёнъ къ соколу. Тэй, гэтый соколъ, тольки хочеть ускрикнуть, свиснуть хорошенько,—такъ ёнъ гэтого сокола упросивъ,—ёнъ утишився. Ворона упросивъ, говорить, и тябе прошу! Тяперъ вы посядитя, покуль я возьму; а тогды я васъ, говорить, на волю пущу! Соколъ яму отвѣсьтивъ: тутъ будеть, говорить, коршунъ; такъ што проси яго, говорить; а то вутка увы̀йдеть отъ тябе! Добрався ёнъ до коршуна, и упросивъ гэтого коршуна. Якъ давъ ляской своёй по мору—добиваетца до того, што голый камушакъ ли яго. Якъ ударивъ ляской по камушку—такъ камушакъ гэтый разьлятѣвся! Тойчасъ вутка съ камушка; коршунъ за яе, да яму давъ! Ёнъ узявъ гэту вутку, разьдёръ яе пополамъ. И яйцо гэто за пазуху заклавъ. Ну, говорить, братцы: прощайтя, говорить, и на свѣтъ любопитный лятитя!—Прощай, говорить, Иванька: дякуй табѣ! Тольки жъ, говорить: ни по чомъ ня би яго: ни по̀ голови, ни по чомъ,—прамо у груди цаляйтя яму,—абы бъ тольки тое яйцо разьбилось! Полятѣли, а ёнъ пошовъ туды во дворъ на свою должнось опять. Приходить домовъ,—тольки ще на зо̀лочекъ займа̀тца стало. Погнавъ ёнъ на пасту и ставъ буянить: ставъ гэтыхъ коровъ пушкой своёй стебать.—Гэтый козёлъ каеть: до́бро, до́бро! каеть. Скажу я гэто свойму ходяину! По ласцы у насъ довго живуть; по злобѐ, говорить, и минутъ не бываютъ! Тогды ёнъ уже притихшився перадъ повднёмъ и говорить на козла на того: будеть и табѣ такая частка! Подгоняеть подъ дворъ, да якъ сѣканеть гэтому козлу,—дакъ ажъ рогъ зьлятѣвъ! Кащъ гэто увидавъ: ахъ, говорить: якъ табѣ не совѣстно такъ бить скотину! Коли уже найлюбѣйшаму мойму—и то рогъ зьбивъ! Ёнъ тогды, ня слухаеть, да яще яму рогъ зьбивъ, перадъ глазами ў яго. Канъ я знавъ тябе *гэткого*, то бъ я тябе не державъ бы *еткого*! Ёнъ говорить: а не знаешь жа того, што й на самого погибель придеть! А ёнъ отвѣ-

щаетъ: а што жъ, говоритъ, будетъ мнѣ? Тогды ёнъ потходитъ подъ яго ближе,—узявъ гэто яйцо у праву руку. Тогды выдырилося гэтому Ивану, бытцамъ то стоитъ тристѣнная пуня—такой величиной! Ёнъ обдумався, гэтый Иванъ: хуть ёнъ дужа вяликъ—ти убъю ти ня убъю, а тымъ часомъ вытну яму! Якъ вытнувъ яму у грудь гэтымъ яйцомъ, такъ ёнъ обясьтивъ: ахъ, говоритъ, Иванъ, Иванъ! не знавъ жа я, што ты отживъ гэто ужо! Отъ коли я свою голову положивъ! И пропавъ. А Иванюша на гэтымъ царстьви и остався, и по сей день живетъ.

С. Мошканы, сѣннен. у. Отъ сѣннен. мѣщ. Якима Петрова, 29 л. неграм.

16. Боговѣтровичъ.

Было сто зъ начала, у царсьтви такій заказъ: коли выйдетъ дѣвцы двадцатъ годовъ, и ина ня выйдетъ замужъ, дыкъ тоды замурувать яе у стовбъ. Такъ значитца вышло: прыжила царськыя дочь двадцать годовъ и замужъ ня вышла. Замурували яё у стовбъ. И подаютъ пищь ей туды. То вышывъ годъ етыму, пищи ей требуютъ ужо на дьвѣ души. Теразъ нѣскольки уремя отвѣчаетъ у стовбѣ: скажитя царю, штобъ ёнъ самъ пришовъ сюды! Той царь задумывся: хто тамъ мохъ бытъ другой? Нихто туды ня можетъ дойти, ни улѣзьти! То ёнъ пошовъ къ стовбу и думыетъ: якъ жа мнѣ звать кого другого? Потомъ надумувся; приходя къ стовбу и узываетъ: здрастьви, сильный могучій быгатырь Быговѣтровичъ! Ёнъ яму съ стувба отвѣчаетъ: почаму ты мяне знаешъ, дѣдушка, што ты по имени вызываешъ?—Потому я знаю, што дочка мыя довжна родитъ ни 'тъ кого либо, якъ тольки по божжиму пывялѣнію, отъ вѣтру! А ёнъ яму отвѣчаетъ: да, такъ, такъ!—Ну, говоритъ: прошу я васъ, пойдемъ у палату мою, внучекъ мой! И выведи матъ свою оттуль!—Дѣдушка, блыгословитя мяне хуть расъ шевяльнутца въ стовбѣ вашемъ? ёнъ ужо отвѣчаетъ. Ну, дѣдъ яго блыгословивъ: Бохъ тябе, говоритъ, блыгословитъ! Тода ёнъ шевяльнувся,—разьлятѣвся стовбъ на нѣскыльки часьтей! Пошли у царськія палаты. Ну, живутъ тама. Много ли уремя прыживаютъ, етый унукъ купивъ сабѣ гармоникъ и играетъ, ходючи по горыду. Такъ красиво играетъ, што усѣ слухаютъ яго и идутъ за имъ. Ёнъ и самъ красивый дужа. Много народу пугубленія за ето, што тувпятца за имъ. То санотъ зъ гусударёмъ рыспорядився, якъ ба яго збавитъ съ сьвѣту, штобъ яго не было соусимъ. Царь отвѣчаетъ: якъ жа яго збавитъ, коли ёнъ такую силу маетъ, ня зьвѣсно якую? А санотъ царю сказыетъ: а вотъ, ёсь такое угомонища—пыдъ тремя дубами, за горыдомъ, идѣ быгатыри прыживаютъ. Пошлитя вы яго туды за дутымъ, на дрвы вамъ нехай принясётъ—яго тамъ убъютъ!

То яго дѣдушка и послав туды: сходи, говорить, унучекъ мой милый, прияси дровъ на кухонные наши придѣлы! То ёнъ пошовъ. Тамъ дѣсьвительно было три бугатыря. Ёнъ ставъ дуба брать, а яны дратца зь имъ. Ёнъ одного дуба якъ вырвувъ, якъ сьтебанувъ, дыкъ двухъ зразу убивъ. А третьтій подаривъ яму шапку: на́, говорить, дѣдушку свойму няси! Будемъ мы братьти родные съ тобою; боли ужо дратца ня будемъ! Бяри сабѣ и дубы етые! Ёнъ узявъ, у вязку три дуба завизавъ и понёсъ. Якъ ишовъ вулицую, пырызорйвъ триатажные домы, усѣ постройки, етыми дубами. Принёсъ у царській дворецъ, ударивъ етые дубы,—яны рассыпылись якъ у печку класьть. Тода говорить: дѣдушка, я принёсъ дровъ! Смотрйтя, якея дровы у пасъ ёсьть! Етый посмотрѣвъ, говорить: да, ёсь тяперь дровъ! будеть на много! И горыдъ жа ты разрывъ! А ёнъ говорить: а вотъ я вамъ и шапку госьтиньчика принёсъ! А нука, помѣритя, дѣдушка, шапку! Дайтя, я вамъ надѣну! Якъ тольки надѣвъ, дыкъ такъ ёнъ и пыкатився! Быгатырськыя шапка дужа тяжолыя, дыкъ ина зыдавила яго. То ёнъ говорить: што вы, дѣдушка, сьмѣху ня любитя: узяли ды упали? Тоды ёнъ говорить: матушка! матушка! дѣдушка ужо ня живъ! Беспремѣнно яго шапка задавила! Ну вотъ, матушка! кыли дѣдушка ня живъ, дыкъ и мнѣ надо отсюда убратца! Ды пойду у сьвѣтъ, блыгословитя мяне! Ти не найду ровнаго сабѣ товариша? Вылivъ сабѣ тростку ву пудовъ коло пувтораста, пыпрощався зъ матушкой и отправився у путь.

Пошовъ. Идеть полемъ, другого человѣка видить на поли: бярёть силные камни и кйдыеть ихъ у гбру,—гуляеть изь ими. Тоды Быговѣтровичъ подыйшовъ къ яму и говорить: здрастьви, Рашѐтникывъ! А етый говорить: здрасьтви, силный могучій быгатырь Быговѣтровъ! Ёнъ спрашіеть у Рашетникова: пычаму ты мяне знаешъ, што по имени называешъ? А ёнъ говорить: я тябе знавъ, кода ты у маменьки у чарéви бывъ! Ну, пойду изъ вами, будьтя вы мнѣ старшій, говорить Рашетникывъ! А ходи, говорить Быговѣтровичъ, пойдёмъ! Ну, пошли яны удвоихъ. Увыйшли у пущу. Тамъ опять ходить человѣкъ пы лясу. Видють яны: вырветь дубъ, ды догоры кореньями ставить. Яны коло яго идуть. Быговѣтровичъ говорить: здрастьви, Дубовйкъ! А ёнъ отвѣчаеть: здрасьтви, силный могучій быгатырь Быговѣтровичъ! Быговѣтровичъ спрашіеть у яго: пычаму ты мяне знаешъ, што по имени называешъ? А ёнъ говорить: я тябе у тую пору знавъ, кода у маменьки у чарéви лежавъ! Дубовикъ говорить: пойду и я зъ вами?—А милысьти просимъ! пойдёмъ зъ нами! Много яны пройшли, находють домъ. Ну у доми нѣту никогб. Тольки ёсь, пошли у пуню, тамъ ёсь двападцать быковъ. Называютца яны рбдные братьти, тольки Быговѣтровичъ етый бблыпій братъ. А нука, гово-

рить, Рашетникывъ! оставься, зготовъ намъ тутъ бычка, и вытыпъ баню; а мы пришовши съ охоты покушыемъ и у бани помыемся! Ну, яны пошли на хоту, а етый за быка; узявъ яго за хвостъ, кожу долой, быка у котёлъ; быка зготовивъ, баню начинаетъ топить. Прилятѣло три ластувки, зьдѣлылись дѣвками, зытопили сами баню. Ёнъ бачитъ: насъ три и ихъ три; ето будутъ наши подруги! Вытыпивши баню, стыя дѣвки стали мытца. Ёнъ узявъ, подпёръ ихъ плячомъ. А яны говорютъ: э, Рашетникывъ, пусьти насъ! намъ, говорютъ, жарко!—То то ёсь, говоритъ Рашетникывъ, што намъ васъ жалко!—Нѣтъ, говоритъ дѣвка: я якъ рызьбягусь пы бани, ды якъ ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери, ты зы вярсту зылятишъ!—Ну, говоритъ Рашетникывъ, би ня би, быгатырськыя серца этыго ня терпитъ! и не пущу! Ина якъ рызогналась и якъ ударила у дьвери—дыкъ ёнъ зы вярсту зылятѣвъ! Оттуда, опомнившись, пришовъ домой, давай быка тягнутъ съ котла, пылядитъ—старичокъ идётъ зъ за печи, самъ съ кокытъ, а борода яго зъ локытъ, у рукахъ пуга, и вядетъ быка другого на тое мѣсто, што ёнъ узявъ. Рашетникывъ за быка, а старикъ за Рашетникыва. Пусьти, говоритъ Рашетникывъ. А старикъ говоритъ: пусьти мнѣ быка! а то я пушкую якъ сьтебану, ты зы вярсту пылятишъ! Якъ сьтябнувъ старикъ,—Рашетникывъ за версту пылятѣвъ! Приходитъ оттуда,—нема ничого: ни быка, ни бани, и братовъ ящо съ охоты нема.—Лёхъ, ляжитъ, яго голова болитъ. Пришли браты етые удвухъ, Дубовикъ и силный могучій быгатырь Быговѣтровъ, и спрашуютъ яго: што ты ето, Рашетникывъ, ляжишъ? Говоритъ: угорѣвъ! Яны сійчасъ быка другого узяли и зготовили. Подъѣли и лягли спатъ. На заутрашній день,—останься ужо ты, Дубовикъ! сказавъ силный могучій быгатырь Быговѣтровъ: зыготовъ быка и вытыпъ баню! А сами, Рашетникъ и Быговѣтровъ, пошли на 'хоту. Дубовикъ остався топить баню и зготовить быка. Ёнъ пошовъ, узявъ быка за хвостъ, кожу долой, а яго у котёлъ. Потымъ пошовъ баню топитъ. Тольки ёнъ начавъ топитъ баню, прилятѣли три ластувки: зьдѣлылись дѣвками и стали сами топитъ баню. Вытыпили, начинаютъ мытца. Ёнъ сійчасъ подпёръ имъ баню и думыетъ: васъ три и насъ три! Постой жа, ето будутъ наши подруги! Дѣвка одна говоритъ: пусьти насъ, а то намъ жарко! А ёнъ отвѣчаетъ: то то ёсь, што намъ васъ жалко!—Ну, говоритъ я якъ рызьбягусь пы бани, ды ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери, дыкъ ты за дьвѣ вярсты зылятишъ! Дубовикъ говоритъ: би ня би, а богатырськыя серца етыго ня терпитъ! Ина якъ рызогналыся, да ударила у дьвери, дыкъ ёнъ за дьвѣ вярсты зылятѣвъ! Тоды, тамъ полежавши, приходитъ домой, сичасъ за быка, съ котла тягнутъ. Глядитъ—зъ за печки идетъ старикашка, самъ съ кокытъ, а борода зъ локытъ, у рукахъ длинныя

пуга. Ёнъ идётъ и говорить: ты, Дубовикъ, ня тропь быка! А Дубовикъ тягнетъ: мнѣ, говоритъ, надо на 'бѣдъ. Старикъ етый якъ шлёпнетъ яго пугую, дыкъ ёнъ за дьвѣ вярсты пылятѣвъ. Пришовши оттуда, лёхъ, боленъ. Дѣвокъ нема, быка и бани нéма. Приходютъ браты, а ёнъ ляжитъ. Спрашiетъ Вѣтровъ: чаго ты ляжишь? А ёнъ говоритъ: угорѣвъ! Ну, яны сами быка зготовили, побѣдыли и спатъ лягли. На третьтiй день Быговѣтровъ кажетъ: идитя вы на хоту, а я останусь! Авось я ти ня вытуплю баню, и зготовлю быка! Ну, яны пошли на хоту, а ёнъ остався топитъ баню и готовитъ быка. Ну, пошовъ ёнъ у пуню, узявъ быка, кожу зьдѣвъ, а мясо у котёлъ. Потомъ баню топитъ пошовъ. Прилятѣло три ластувки и зьдѣлылись дѣвками. Тая воды, тая дровъ, и сiйчасъ зготовили баню, и давай мытца. Ёнъ подпёръ баню плячомъ, и тростка у яго пувторгста пудовъ. Бóльшая говоритъ: сильный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ! пусьти насъ, а то намъ жарко! А ёнъ говоритъ: вотъ то то и есь, што намъ васъ жалко! Потымъ говоритъ: васъ три и насъ три, дыкъ вы будетя нашими женáми! Ина отвѣчаетъ: о нѣ, сильный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ! никогда етыго ня будетъ! Я якъ рызьбягусь пы бани, ды ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери—ты за три вярсты зылятишъ! А Быговѣтровъ говоритъ: би ня би, а быгатырськыя серца етыго ня терпитъ. Я не пущу васъ! Ина якъ разьбѣглась ды ударитъ у дьвери,—тростка уѣхала у землю была. Ёнъ плячомъ подпёръ подъ дьвери, и тростку подьдёрнувъ подъ дьвери. Отвѣчаетъ ина: по вѣкъ друзья наши будетя, пусьтитя! Ёнъ пусьтивъ ихъ. Пошли яны у домъ и осталиси тутъ и житъ. Потомъ ёнъ за быка, старикъ зъ за печи, вядетъ быка, нясетъ ношку сѣна, и пушка длинныя у рукахъ—самъ съ кокытъ, борода яго зъ локытъ. Быка поставивъ у пуню. Силный могучiй быгатырь Быговѣтровъ тащитъ быка съ котла вонъ. Ёнъ, етый старикашка, говоритъ: пусьти мнѣ быка! А ёнъ, силный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ, говоритъ: не пущу! Тоды ёнъ говоритъ: пусьти мнѣ быка, силный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ, а то якъ дамъ табѣ пушкую, дыкъ пылятишъ за три вярсты!—Ну, би, ня би, откáзываетъ силный могучiй быгатырь Быговѣтровичъ, а тольки быгатырськыя серца етыго ня терпитъ! Тоды старикашка хотѣвъ яго сьтябнутъ, а ёнъ зы бороду! Дуба рысколóвъ, бороду клиным у дубъ забивъ. Сяди, говоритъ, тутъ! Пришли братьтя. Да, вотъ, говоритъ, вы 'тчаго угáрували,—посмотритя! Ну, яны тоды сiйчасъ быка того зьѣли, у баню сходили, а посьли поживши, пожанилиси. Быговѣтровичъ узявъ большую сястру, а Рашетнику оддавъ малую, а Дубовику сяредьнiю. Яны и тяперь ящо умѣсьти живутъ.

Д. Артюхи, бѣлынковичской вол. Кр. Корнѣй Якимовъ, 45 л. негр.

17. Гвидонъ Самихлёновичъ

У нѣўкатарамъ ча́рстьви, у нѣўкатарамъ гасударствьи, ти ня ў томъ, у каторамъ мы жывёмъ, жыў дѣдушка зъ бабушкай. Нямношка у ихъ было́ дятей: дванацать сыноў, дванацать дачарей. Ёнъ дванацать сыноў жаниў, девить дачаре́й за́мушъ аддаў. Аста́лась три до́чари дѣвушки, аста̀лась Ари́на, Ага́та Салихвата Примудрая и Наста́ся Прикра́ся Димiёнаўна. Просють яны у айца благаславе́нства: «благаслави́, тятинька, и надяли̇!.»—«А чимъ жа васъ благаславить?» Арина атвичаить: мине, тятинька, надяли иголкай ды ниткай!» Агата Салихвата атвичаить: «мине, тятинька, благаслави̇ и надяли̇ аднымъ зяре́шкамъ жыта!» Настася Прикрася атвичаить: «Тятинька наймилѣйшый, тятинька найлюбѣйшый! мине благаслави̇ и надяли̇, кабъ я ў три гады̇ питнанцать сыноў радила, питнанцать силныхъ, магучихъ багатырёў: у лбахъ со́нца, у патылицы мѣсицъ, ноги у сирябрѣ, руки ў золати, тилиса́ у дро́бныхъ звёздачкахъ; кабъ яны уси были̇ па васимна́нцать аршынъ у вышыну, па дванацать аршынъ у плячо́хъ шырины!» Ёнъ благаславиў усихъ трёхъ и надялиў.

Пашли яны у чѝста по́ля, у зялёну дубро́ву,—кала си́няга мо́ря. Было́ ўрѐмя у Пятро́ўку. Захатѣлась ба имъ пакупатца, па си́няму морю палюбоватца. Тады яны самацвѣтная платьтя скидыва́ли и абаратѝлись сызымъ ву̇ткамъ, (твор. множ.) паплыли̇ па мо́рю, стали купа́тца. Быў та у нѣўкатарамъ та чарстьви, у нѣўкатарамъ та гасударствьи, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ. И пашо́ў ёнъ у чистая по́ля, кала синяго моря, заглёнаў,—у трехъ миста́хъ самацвѣтная платьтя ляжить. Ёнъ узяў ета самацвѣтная платьтя и ў ваду̇ памачиў, и на тыхъ мистахъ апять палажы̇ў, дѣ яно́ лежала. Нипадалѐчу стаить дубъ, а ў тымъ дубу дуплё; ёнъ ўзяў и ў тымъ дупли̇ стаў, и схаваўся, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ. Тады красныи дѣву̇шки выплыва́ли сызымъ ву̇ткамъ сь си́няга мо́ря и бра́лися за самацвѣтная платьтя: яно́ мо́кра. Ну, дяйстьвитильна, у ета ўре́мя самацвѣтная платьтя нядо́ўга высушыть. Тады вы̇сушыли яны̇ самацвѣтная платьтя, надѣлися и стали выкликать: «атзави́ся, аткликни́ся, хто ета дѣла зьдѣлаў надъ нами? Кали старшый насъ, то будь айтецъ намъ, кали маложы насъ,—будь братъ нашъ; а кали роўный зъ намъ, то будь мушъ нашъ!» Ну, ёнъ выхадя̇ зъ дуба зъ дупля, атвичаить: «царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, ни старѣйшый, ни маладѣйшый, а ўраўни̇ зъ ва́мъ!» Яны атвичають: «то ёсь мушъ нашъ!» Ёнъ ихъ спрашываить: «дяви̇цы приукра́сныи! чимъ вы которая мо́жытя занятца—яки́мъ римястьвомъ?» Арина атвичаить: «я магу иголкай ды ниткай усю̇ твою вармiю адѣть!»—На скольки уре́мя барѐсься?—«А

я, кажыть, бярусь да жызьни, канца вѣку свайгò!» — «Станавись на праваю фаланку! Ну, ты жа, Агата Салихвата, чимъ можашъ занятца, якимъ римяствомъ?» — «А я, кажыть, магу аднымъ зярёшкамъ жыта усю тваю вармію пракармить!» — «На скольки уремини?» — «Да жызьни, канца вѣка майго!» — «Ну, станавись на праваю фаланку! Да, мнѣ єдакіи люди дорага варты. А ты жа, Настася-Прикрася Димиёнаўна, чимъ можашъ занятца, якимъ римяствомъ?» Ина яму атвичаить: «царю наймилѣйшый, царю найясьнѣйшый, Гвидонъ Самихлёнавичъ! мая занятія плашэй усихъ: я магу у три гады питнанцать сыноў радзить — слаўныхъ, магучихъ, припышныхъ багатырёў: ува лбу сонца, у патылицы мѣсицъ, рýки у золати, ноги у сирябрѣ, тѣла усё у дрòбныхъ звёздачкахъ, па васимнанцать аршынъ у вышыну, па питнанцать аршынъ у плечахъ шырины!» — «А, ета для мине дарòжы усягò састаить!» кажыть царь Гвидонъ Самихлёновичъ. И законный бракъ Божый ёнъ зъ Настасій-Пирикрасій припяў.

Ну, у царя ня дòўга, ни пива ни варiть, ни вина курить, — свадьбу сыграў. Пажыў, можать нямнòга урумя зъ ей, а етыхъ дѣвицъ, Арину и Агату Салихвату, къ сабѣ у палаты узяў. Адна стала вáрмію адивать — вайськý, а другая стала — кармить.

И пражыў ёнъ жъ жаной сваей нямнога урумя: ина затижарила пятьми сынамъ; прахадила ина тридцать восимъ нидѣль тижолая. Тольки-бы дьвѣ нидѣли ухадить ды й радить, — наступаить нивѣрный царь, зьмѣй Шкарлупінъ, на адныхъ плечахъ двананцать галоў, — двананцать палкòў мѣить войська и двананцать багатырёў харабрыхъ. И ў царя Гвидона Самихлёнавича тожа двананцать палкоў и двананцать багатырёў харабрыхъ, магучихъ, припышныхъ. Етатъ нявѣрный зьмѣй вялить, кабъ прибыў на войну, на моря, у карабляхъ, и забратца на цэлыхъ шэсь мѣсицаў. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ и забраўся на моря на шэсь мѣсицаў са сваей вайськой. И праваюваў тòльки ўсягò дьвѣ нидѣли, супруга, яго жанà, и радiла пяти сынòў. На тую жа бяду щанила и сука пяти псоў. Ну, большая систра Арина атъ ие пяти сыноў атнилà, и ў бочку пасадила и на сйня моря успусьтила зъ бòчкай, а къ сястрѣ Настаси-Пирикраси пять псоў присадила. А сама письмò написала къ царю Гвидону Самихлёнавичу: «царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! мая систра, твая супруга, вазлюблиная жанà, ни радiла пять сыноў, а радила пять псоў: якую прикажашъ ты придать злýю смерть?» — «Паслышъ, Арина!» кажыть царь Гвидонъ Самихлёнавичъ: «ни вазможашъ ты придать маей супруги вазлюблинай скорай злой смерти да майгò приходу. Ну, а калѝ инà ни радiла пять сыноў, а радiла пять псоў, тады я вазьму, на двананцать каней ие па хвасты навяжу и раздяру!» Прашло урумя ящо дьвѣ нидѣли; ёнъ на мòри усяго прабыў цэлый мѣсицъ и пабядиў випріятиля, —

вайськў разрушыў, багатырёў пабяднў. Дастаўся адинъ нивѣрный царь Шкарлупинъ зъ двананцати галавамъ. Царь Шкарлупинъ приклашиўся къ яго боздрымъ нагамъ, царю Гвидону Самихлёнавичу: царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! прашу тваёй миласьси: ни пабяди ты маи буйны галавы, ни разрушы ты маю багатырськаю силу, на пралій гарячію кроў маю, ни прабій маё рятивая серца сваимъ даўгамѣрнымъ капьёмъ! Вазьми ты мине у сваё чарства, буду я застаятиль за тибе!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаитъ Шкарлупину: ни даю я табѣ миласьси! падымаю сваю вострую мечь-самасѣчь и съимаю табѣ двананцать галбў съ плечь; багатырськаю силу тваю разрушу, гарячію кроў тваю пралію, рятивая серца даўгамѣрнымъ капьёмъ сей—минуты прабью!... Сычасъ падымавъ вострую мечь-самасѣчь, заразъ яму буйны галбвы съ плечъ зьмяиныхъ зняў, гарячію кроў пралиў, рятивая серца яму прабивъ сваимъ даўгамѣрнымъ капьёмъ.

Тады идетъ съ падъ нипріятиля у свой домъ. Супруга ягоная вазлюблиная, ужо аздаравѣла чиризъ дьвѣ нидѣли. Стричаитъ яго у варотахъ,—мужа свайгб, съ хлѣбамъ и съ сольлю, и зъ добрымъ здароўямъ, зъ золатамъ, сь сéрибрамъ, сь чистымъ зѐмчугамъ, и зъ низкимъ паклонамъ и съ серцамъ пакорнымъ,—якъ ни нада и луччи бытъ. И ёнъ ей кажытъ: «няго шъ ты, супруга мая вазлюблиная, ни са мной жила, што ты ни радила пяти сыноў, а радила пяти псоў?»—«Мушъ мой наймилѣйшый, мушъ мой найлюбѣйшый! ни радила я псоў, а радила я сыноў, и ни знаю, што пада мной падѣлалася? Я была нидьвижыма—ни рукой, ни нагой ни магла варбхнутъ!» Ёнъ па ета дѣла ни пагнѣваўся. Ну, пажыў зъ ей нидѣлю али дьвѣ, а ў томъ—кольки Богъ благаславиў. Ина у другій разъ забиреминила пятьми сынамъ. Прахадила ина тридцатъ девитъ нидѣль тижолая, тбльки бы пáда ей уходитъ адну нидѣлю и радитъ,—наступаитъ нивѣрный царь, зьмѣй Шкарлыхающій, па адныхъ пличахъ васимнанцатъ галбу, и ў яго двадцатъ восимъ палкбў вайськà и двадцатъ восимъ багатырёў харабрыхъ, магучихъ и припышныхъ. У нявѣрнага царя Шкарлыхающига—дужа сила вялѝкая! И штобъ быў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ на вайну на три гбды, на мбря, у караблях, и забираўся бъ съ хлѣбамъ и съ сольлю, и са ўсимъ благапалучіямъ сваимъ. Ну, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ прбситъ низкимъ паклонамъ, серцамъ пакорнымъ Шкарлыхающига: «будь такій добрый, Шкарлыхающій! ублагатвари ублагатвареніямъ, и зробъ такбя удабренія! будь ты такій добрый, што дай ты мнѣ спакою нидѣльки на дьвѣ—на три. Я дужа нидарбў: тольки што попъ выйшаў, тáйнась прійзнасиў!» Ну, ёнъ яму ни ўвирянитъ, Шкарлыхающій; кричитъ гулкимъ багатырськимъ галасбмъ, съ сваихъ съ усихъ языкоў са васимнанцати, и свищитъ бальшимъ маладéцкимъ пбсвистамъ, съ усихъ сваихъ са вустбвъ: кабъ быў царь Гвидонъ

Самихлёнавичъ на вайну! Ня будишъ ты на вайну, горадъ спалю, тибе у палонъ забяру, и съ тваёй супругай, са вазлюблинай, сы Настасяй Пирикрасяй Диміёнаўнай, съ тыми дитятями, каторыи у чреви! Нѣтъ табѣ спакою ня то што на дьвѣ—три нидѣли, дыкъ на два дьни! Тольки чатыри часы на выбарку даю! Етатъ царь Гвидонъ Самихлёнавичъ обрамяниў стыхъ чатыри часы,—ни убраўся у карабли. Нявѣрный царь Шкарлыхающій узяў горадъ запалиў. Нѣкали царю Гвидону Самихлёнавичу дажыдать, пакулика жана родить. Ёнъ тады, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, пашоў, горадъ утупыў. И забраўся тады съ хлѣбамъ и съ сольлю, на три годы, у карабли на вайну. Жана яго—супруга прахадила тольки шэсь дьней и радила пять сыноў. На тоя жъ павѣтрія барзіца ащанила пять барзоў. Большая систра Арина атъ яё апять сыноў атнила, у бочку усадила, на синя моря успусьтила, а пять барзянёнкаў къ ёй падсадила. Письмо царю написала, па парусамъ паслала: «Царю наймилѣйшый, царю найяснѣйшый! мая систра, твая супруга, вазлюблиная жана, Настася Пирикрася Диміёнаўна ни радила пяти сыноў, а радила пяти барзоў. Якую прикажашъ придать ей злую скорую смерть?»—«Паслышъ, Арина! табѣ сказана упярёдь етага уремини: ни вазможашъ ты придать скорай и злой смерти маёй супруги да майго приходу. Ну, а кали ина ни радила пяти сыноў, а радила пяти барзоў, то вазьму, шалковую пятьлю на шыю узлажў, у девить сажонъ атъ сырой зямли матири на воздуси падымў и на шалковай пятьли удаўлю!»

Ну, яму Гаспоть памогъ у скорамъ уремини ниприятиля пабядить, двадцать восимъ палкоў разрушыть, двадцать восимъ багатырёў пабядить, тольки дастаўся адинъ Шкарлыхающій са васимнанцать галавамъ. И ёнъ са васимнанцати галавамъ приклапиўся ка яго баздрымъ нагамъ, царю Гвидону Самихлёнавичу: «прашу тваёй миласьси, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! дай спакою мнѣ! буду я застаятиль за тибе! Вазьми ты мине у сваё чарства, ни пабяди ты мои буйны галовы, ни разрушы ты маю багатырськаю силу, ни пралій гарячію кроў маю, ни прабій маё рятивая серца даўгамѣрнымъ сваимъ капьёмъ!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаитъ Шкарлыхающиму: «я тибе упярёдъ прасиў дать мнѣ спакою па нѣскальки уремя! Тольки мнѣ даў на выбарку чатыри часы! Я ни справиўся у ета сусимъ каротекая уремя, и то ты могъ горадъ мой запалить! Табѣ я ни даю спакою ни на адну минуту; падымаю сваю мечь востраю —самасѣчь и съимаю табѣ васимнанцать галоў съ плечъ! Якъ траву касой сакашу, такъ табѣ буйны галовы съ плечъ сымў, гарячію кроў тваю пралію, багатырськая рятивая серца даўгамѣрнымъ капьёмъ сей минуты прабью!» Тады сійчасъ падымаў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ востраю мечь—самасѣчь, якъ цапнуў—яму заразъ усй буйны галовы съ

плечъ зняў, гарячію кроў пралиў, ряѓивая серца прабиў. Патуль и дѣла яго Шкарлыхающцига ни стала!

Тады пашоў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ у свой домъ сь синяга моря. Апяѓь жанѣ прайшло дьвѣ нидѣли, якъ ина радйла, и сустричаиѓь яго апяѓь тымъ жа чирядомъ у варотахъ, съ хлѣбамъ, съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, зъ золатамъ и сь сирябромъ, и сь чистымъ зѣмчугамъ, и зъ низкимъ паклонамъ и сь серцамъ пакорнымъ. Ёнъ ёй тожъ здароў даеѓь, супруги сваёй, и пытаиѓь: «Няго шъ ты, супруга, жана мая, ни са мной жыла?»—«Мушъ мой наймильшый, мужъ найлюбезнѣйшый! знаѓь ни знаю, вѣдаѓь ни вѣдаю, што нада мной падѣлалася?—Я радила сыноў, а ня барзоў!»—«Ну, за етамъ разамъ пращаю да треѓига разу!» На ета жъ дѣла ёнъ ни пагнѣваўся на иѐ, стаў жыѓь, якъ Богъ благаславиѓь.

Тады ина забиреминила третій разъ пятьми сынамъ. Прахадила тридцаѓь девиѓь нидѣль и три дьни, а чатыри бъ дьни нада прахадиѓь и радиѓь,— наступаиѓь нявѣрный царь Хвёдаръ Тыринъ Бирдибіянавичъ. У яго двадцаѓь восимъ галоў на магучихъ пличахъ и дьвѣ галавы па пиўнымъ катлў, па бальшымъ па пиўнымъ, якъ у пивуварняхъ пива варюѓь. И ёнъ кричиѓь крѣпкимъ багатырськимъ галасомъ, падыйшоўшы па синю морю падъ етатъ аградъ, падъ царя Гвидона падъ Самихлёнавича. Якъ крикнуў и свиснуў, увесь лѣсъ паваў, и зъ дуба листъ пасыпаўся, и зимля скалаѓилася,—ашъ у царя Гвидона Самахлёнавича палаты задрыжали и шкло зъ вакошакъ павылиѓила атъ Хвёдарава Тырина Бирдибіянавича галаса, атъ маладецкага бальшога пасвиста. И у яго жъ войська семдесяѓь палкоў и семдесяѓь багатырёў, храбрыхъ, магучихъ и припышныхъ. Ну ў царя шъ Гвидона Самихлёнавича дванаццаѓь палкоў и дванацаѓь багатырёў. Кричиѓь: «кабъ быў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ на вайну на моря, ў карабляхъ, на шэсь гадоў,—забраўся бъ съ хлѣбамъ, съ сольлю, съ усимъ благапалучіямъ сваимъ,—аттулиѓька атпуску ня будиѓь табѣ!» Ёнъ стаў прасиѓь, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, низкимъ паклонамъ, серцамъ пакорнымъ, Хвёдара Тырина Бирдибіянавича: «Стань н' айцоўськимъ мѣсьси, благатварй благатварéніямъ, здѣлай такоя адабренія, будь такій добрый—дай спакою на пуўтары, али на дьвѣ нидѣли, я ни магу ѓибе иѓи ваюваѓь, силу тваю разрушаѓь: ляжў я при смѐрти, ничимъ нидьвижымъ, ни рукой, ни пагой ни магу варахнуѓь! А письмо пишаѓь табѣ свищельникъ; ёнъ у домъ ка мнѣ зайшоў и тайнась Божыю прийзнасиў. Кабъ даў ты, прашу, мнѣ спакою на нидѣлю али на пуўтары!» Хвёдоръ Тыринъ Бирдибіянавичъ кажыѓь: «нѣтъ табѣ спакою! даю два часы на выбарку! Калй ты ня выбирисься па карабляхъ у два часы,—горадъ выпалю, ѓи-

бе у палонъ забяру съ тваёй супругай вазлюблинай, съ Настасяй Ниприкрасяй Димiёнаўнай, и съ тыми дитящами, што ў чреви!» Тады ёнъ стыхъ два часы обримяниў—Хвёдоръ Тыринъ Бирдибiянавичъ, узяў ды й горадъ запалиў, палавину горада сiйчасъ спалиў. Некали царю Гвидону Самихлёнавичу жаны дажыдать, пакуль ина родить, забраўся съ хлѣбамъ, съ сольлю, горадъ утушыўшы, у карабли, ваювать нипрiятиля,—на шэсь гадоў.

Ну, супруга прахадила усяго троя съ палавинай сутакъ, и радила пять сыноў; а на тую жъ пропась катянила кошка чатырёхъ катинёнкаў. Сnстра большая Арина атнила чатырёхъ сыноў, адинъ тольки дастаўся, а чатырёхъ катинёнкаў къ ёй присадила. Чатырёхъ сыноў у бочку пасадила, бочку засмалила и на синiя моря успусьсила—сама письмо написала, и къ царю па парусамъ паслала: царю наймильшый, царю найяснѣйшый,—царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! твая супруга, вазлюблиная жана, ни радила пять сыноў, я радила чатырёхъ катоў и аднаго сына. У етага сына, дяствитилна, ястьвинная праўда,—ва лбу сонца, у патылицы мѣсицъ, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тилиса ўси у дробныхъ звёздахъ. Якую ты прикажашъ придать ёй скораю злую смерть?»—«Паслышъ, Арина! табѣ разъ казана, и два, и третiй разъ кажу: ни вазможашъ ты придать скорай и злой смерти иё, маёй жаны, да майго узварота! Я самъ при смерти стаю,—на вадяныхъ пути, при храбрамъ магучимъ багатыри, при Хвёдари Тырини Бирдибiянавичу! Вотъ, Арина! прикажытя свищельникамъ у домъ мой—билакаминныи палаты, прити, кщенья дать, а имя я й самъ яму нарикаю, свайму любезнаму сыну: Иванъ Гвидонавичъ!» Свищельники у домъ яго прийсхадили, малитву супруги яго прачитали, святоя кщенья маладенцу дали. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ карабли Хвёдара Тырина Бирдибiянавича пазатапиў, у четьвира сутакъ пабядиў усю яго вайську, тольки астаўся адинъ разъядинъ, якъ перстъ, Хвёдаръ Тыринъ Бирдибiянавичъ. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ бирёть сваю мечь-самасѣчь и капьё, наступаить на Бирдибiянавича. Хвёдаръ Тыринъ Бирдибiянавичъ прикланяитца двадцати васьми галавамъ ка баздрымъ ка нагамъ царя Гвидона Самихлёнавича, и просить яго низкимъ паклонамъ и серцамъ пакорнымъ—якъ ни пада на сьвѣти и луччи быть: «дай спакою! будь ты большый братъ, а я меньшый, и буду я заступатиль за тибе—якъ самъ за сибе!» Ну царь Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаить: «Нѣтъ табѣ спакою ни на адинъ часъ!» И бирёть востраю мечь-самасѣчь и капьё, и махнуў ёнъ, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, вострай меччу-самасѣччу па яго па буйныхъ галовахъ, и ёнъ ядина якъ траву касой сакасиў, такъ вострай меччу-самасѣччу двадцать восимъ галоў съ плечъ збиў.

Прайшло тады дванацать часоў, якъ супруга яго радила, а ёнъ у

домъ у свой пришоў. И лляжыть ина ничимъ нидьвижыма—ни рукой, ни нагой ня можать варахнуть, и съ сынамъ сваимъ Иванамъ Гвидонавичамъ. И ёнъ рассирчаў за стыдъ за третимъ разамъ, што ни радила пять сыноў, а радила аднаго сына, и тольки, дяйствитилна паказала, што прикраснага сына радила: ува лбѣ сонца, у патылицы мѣсицъ, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тѣла усё у дробныхъ звёздачкахъ. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ вилѣў даставить бочку бальшую сваимъ слугамъ вѣрнымъ. Дастали бочку и палажили у ие Настасю Пирикрасю и съ сынамъ иё, пастнавили усякай ѣжы и усякихъ выпивакъ и напиткаў; и палажыў туды царь Гвидонъ Самихлёнавичъ золата и сирибра, и закубрили, зилѣзнымъ абручамъ ие аббили. И казаў карабельщикамъ на моря аттянуть за тысичу вёрстъ и пусьтить на синія моря. Карабельщики такъ и здѣлали, якъ имъ было приказана.

Ивану Гвидонавичу спаўнилась двадцать чатыри часы-сутки, и ёнъ у такимъ у возрасьти становитца, якъ двадцать пять гадоў добрый маладецъ. И разгаґариваить съ матирью гласнымъ ричамъ: «што, кажыть, маминька?»—А што, кажыть, дитятка?—Вотъ што, маминька: кали бъ Гасподь издаў, кабъ наша бочачка на биряжокъ ўскатилася, на сухапутьтя! Ня ўспѣў ёнъ ета дѣла исказать, бочка на берази стаить. И ёнъ чуить, што валной ни качаить бочку, апать жа къ матири кажыть: «што, кажыть, маминька!»--А што, кажыть, дитятка?—«Кали бъ Гасподь издаў, кабъ наша бочачка разлитѣлася и зилѣзныи абручи кабъ папокалися!» Ня успѣў жа ёнъ ета дѣла исказать,—ета бочачка у груду лляжыть. И мать яго здарова стала, станавилась на сваихъ нагахъ.

Паглидять: яны дли аграду царськаго—дли царя Гвидона Самихлёнавичага, дли саду, стаять. Яны выходють у етатъ ува градъ,—на пажарная памѣсьтя, на гарушку. Яму палюбилась ета пажарная памѣсьтя: видють и айцоўськіи бѣлы-каминны палаты и садъ-винаградъ. Ёнъ и кажыть: «а што, маминька!»—«А што, кажыть, дитятка?»—«Кали бъ Гасподь издаў намъ, кабъ выстраились бѣлы—каминныи палаты, дванаццати итажовыи, зъ разнымъ выпискамъ, зъ усякимъ винаградамъ, зъ усякимъ разпасьтямъ и усякимъ птушкамъ!» Выстраиўся яму садъ-винаградъ и дварецъ—билакаминныи палаты дванаццати итажовыи, и ўсё тоя, што ёнъ матири казаў. Ёнъ Госпада Бога усхваляить, Ісуса Христа ўспаминаить, и Дѣву Марѣю, и зъ матирью сваёй у еты бѣлы-каминныи палаты уступаить и жить зачинаить.

Паглядить Иванъ Гвидонавичъ у вакошачка,—дажджокъ буйный идеть. Ёнъ матири сваёй кажыть: «што, кажыть, маминька»?—«А што, кажыть, дитятка?»—Ды кабъ Гасподь издаў бы намъ, кабъ вылажыўся бъ мостъ на дванаццать вёрстъ: залатая масьничинка, сиребряная масьничинка,

залатый гваздокъ, сиребряный гваздокъ!» Ня успѣў жа ёнъ ета дѣла исказать—сійчасъ тутатька такій мостъ и ёсь. На стамъ масту идуть утрёхъ карабельщики,—другъ на друшку аглидаютца и рассьмихаютца. «Вотъ, кажуть: якъ нашъ царь Гвидонъ Самихлёнавичъ зачаў хварсы хварсить, золатамъ и сирябромъ масты мосьтить, а черь душыть тряпьёмъ (бум. деньги) ды чирёньямъ (мѣдн. монета)!» Яны надъ еты палаты падходють, приглядаютца,—дьвери у палаты атчиняють, и ў палаты царя Ивана Гвидонавича уступають. «Здароў, кажуть, паринь!»—«Здароў, братцы карабельщики!»—Што, паринь, ти тутъ царь жывёть?»—«Нѣть, братцы карабельщики: туть ни царь жывёть, а наслѣдьникъ царській!»—«Ну, пайдёмъ, рибяты, къ царю! кажуть карабельщики. А Иванъ Гвидонавичъ кажыть: «сядьтя, братцы карабельщики, пасядітя, са мной зъ малодымъ пахлапачитя, салодкаго пива испійтя, съ усякихъ напиткаў искуситя, золата и срибра атъ мине примитя, са мной гаворки развядитя!..» Ёнъ зъ ими урємя праваждаў, пасидѣў и зъ ими гаворки добрыи мѣў: «буду я вашый миласьси типерь прасить, братцы карабельщики! Пойдитя вы къ царю, будить у васъ царь дапытыватца: што вы, братцы карабельщики: па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадяныимъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили?—Братцы карабельщики! прашу я васъ, атвичайтя царю маимъ слависамъ, якъ я вамъ кажу!»

Карабельщики пашли къ царю Гвидону Самихлёнавичу. У бѣлы-каминныи палаты уступають, царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ и съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, креслы падстнавляить и ихъ сажаить; промижъ ихъ и самъ садитца и разгувариваить. И Арина—большая систра тута. Иванъ Гвидонавичъ абярнуўся сызымъ галубкомъ, падлетиў надъ вакошка къ айцу свайму и слухаить. Стаў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ у карабельщикаў пытать: «што, братцы карабельщики, я у васъ буду дапытывать: вы па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадяныимъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили?» Яны атказывають: «ниякаго дива мы у протчихъ старанахъ ни видили, апричь таго, якъ у вашымъ ва градѣ!»—«Што шъ за дива такоя у нашымъ ува градѣ?» пытаить царь Гвидонъ Самихлёнавичъ.—«Якъ жа ня дива! чирисъ три часы уремиии ни было ничога диўнога, а типбритька выбудувалися била-каминныи палаты, дванаццати—итажовыи, зъ усякимъ выпискамъ, зъ усякимъ разнымъ разнасьтямъ, зъ усякимъ птушкамъ, и садъ-винаградъ уявиўся, и дварецъ, и дужа-дужа палаты пригожіи. Ну у тыхъ у палатахъ дужа паринь приукрасный; уси палаты асьвичаить краснымъ сонцамъ, яснымъ мѣсицамъ, и золатамъ и сирябромъ и чистымъ земчугамъ. Кала етыхъ жа палатъ вылажыўся

мостъ па двананцать вёрстъ—залатая масьничина, сиребряная масьнічина, залатый гвоздъ, сиребряный гвоздъ!» Тады сійчасъ и кажыть Арина: «што, братцы карабельщики: ничöга тутака дивнага нѣтути, што палаты пригожы, и паринь приукраснѣ, и садъ-ванаградъ, и мостъ на двананцать вёрстъ! Вотъ, кажыть, цäрю наймильшый, цäрю найяснѣйшый, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, ёсь диво,—дыкъ изъ диваў дива: нѣўкатарамъ-та чарстьви, нѣўкатарамъ гасударстьви, можа и ў томъ, у каторамъ мы живёмъ, стаить дубъ —Старадубъ у двананцать абхватаў. На тымъ дубу двананцать сукоў, па кäжынамъ суку па двананцать карабоў, у кажнымъ карабў па двананцать братоў, у кажынага брата па двананцать сыноў, у кажынага сына па двананцать званоў, на кажыный жа звонъ па двананцать усякихъ птушакъ. Малайцы пяють, салоўи играють, дробны птушки щабечуть, званы звöнють—ни атслухатца!» Царській сынъ Иванъ Гвидонавичъ чуить етатъ разгаворъ, што тётка-Арина пра дубъ дива гаварила. Ёнъ прилитаить къ матири, мать у яго и пытаить: «што, дитятка: ти казали карабельщики, якъ ты имъ атказуваў?»—«Якъ жа, маминька: карабельщики атказували маимъ слависамъ: а тётинька Арина, каторая насъ исъ сьвѣту звадила, пра дубъ дива гаварила. Вотъ кали бъ Гасподь издаў намъ такоя дива падъ вышнія вакöшачка съ усякимъ примѣтамъ!..» Ни паспѣў жа ёнъ ета исказать, узъявиўся такій жа дубокъ падъ вышнія вакöшачка: малайцы пяють, салоўи играють, дробны птушки щабечуть, званы звöнють—на атслухатца.

Идуть карабельщики учатырёхъ, другъ на друшку аглидаютца и рассмихаютца; падъ палäты падходють, разглидають, дьвери атчиняють, у палаты уступають и здароў дають: «здрастуй, паринь!..» «Здрастуйтя, братцы карабельщики!»—«Ну што, паринь: ти тутъ царь жыветь?»—«Нѣ, братцы карабельщики: тутъ ни царь жыветь, а наслѣдьникъ царській жыветь!—«Дыкъ пöйдимъ, рибяты, къ царю!»—«Сядьтя, братцы карабельщики, пасядитя, са мной са маладымъ пахлапачитя, хлѣба и соли искуситя, съ усякихъ напиткаў испійтя, зöлата и сирибрä атъ мине примитя!» Ёнъ ихъ напаиў и накармиў, золатамъ и сирябромъ надялиў. «Типерь, братцы карабельщики, буду я васъ прасить: пöйдитя жъ вы къ царю, будить у васъ царь распытувать: што вы па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили? Вы жъ атвичайтя маимъ слависамъ!» Яны къ царю приходють, у била-каминныи палаты уступають. Царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ—съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, стульлё падстнавляить и ихъ сажаить, промижды ихъ самъ садитца и распытуваить: «што вы, братцы карабельщики: па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ нутямъ, па зялёнымъ лугамъ, па

чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили?» А Иванъ Гвидонавичъ абярнуўся сызымъ галубкомъ, падлятеў падъ вакошка, падъ карнизъ, у домъ къ айцу свайму, и слухаитъ. Карабельщики атказываютъ: «мы па бѣлу сьвѣту нидѣ такога дива ня видили, якъ у вашымъ ува градѣ!» —«А што шъ тамъ за дива?» —«Якъ жа ня дива: што чирисъ троя сутакъ назадъ ни было ничога, а типерь выбудувались била-каминныи палаты, двананцати итажовыи, съ усякимъ выпискамъ, съ усякимъ разнасьтямъ, и садъ-винаградъ, и мостъ на дванандцатъ вёрстъ; и стаитъ дубъ-Старадубъ у дванандцатъ абхватаў; на дубу тымъ дванандцатъ сукоў, на кажынамъ суку па дванандцатъ карабоў, у кажынамъ карабу па дванандцатъ братоў, у кажынаго брата па дванандцатъ сыноў, у кажынага сына па дванандцатъ званоў, на кажыный звонъ па дванандцатъ усякихъ птушакъ: малойцы пяютъ, салдуи играютъ, дробны птушки-щабечутъ, званы звонютъ—ни атслухатца!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ са стула уставаў, Госпада Бога усхваляў, Ісуса Христа успаминаў и Дѣву Марею: «благадарю, кажытъ, Господа Бога Ісуса Христа и Дѣву Марею, што ўсё дива у мой ува градъ зъ бѣлага сьвѣту папришло!» Тады кажытъ Арина: «няго шъ, вы, братцы карабельщики, па бѣлу сьвѣту хадиўшы, харошага трахтиру, али кабака, ня видили, и рандаря приўкраснаго парня маладого ня видили? Тутъ ничога диўнаго нѣтути! А няго шъ вы, на бѣлу сьвѣту хадиўшы, и маста ня видили, али дубья такога ня видили у дванандцатъ абхватаў? Тутъ ничога диўнаго нѣтути. А вотъ, кажытъ Арина: царю наймилыхый, царю найяснѣйшый: ёсь дива, дыкъ изъ диваў дива: нѣўкатарымъ-та чарстьви, нѣўкатарамъ-та гасударстьви, тольки ня ў томъ, у катарымъ мы жывёмъ, на тридивятымъ чарстьви, на тридисятай зямлицы, за синимъ марямъ, за щирымъ барамъ, у зялёныхъ лугахъ гуляютъ чатырнанцатъ малойцаў, ни пьютъ, ни ядутъ и ничимъ сыты бываютъ, прихлажаютца, ва сибе ничога на сьвѣти ни спадиваютца,—и голасъ у голасъ, и воласъ у воласъ, лицо ў лицо—адным словамъ, якъ адинъ. И ў ихъ чатырнанцатъ каней гуляитъ, залатая шарсьтинка, сиребряная шарсьтинка, залатый капытъ, сиребряный капытъ, зъ наздёръ жаръ сыплитца, со рта полынь шубаитъ, у лѣвая вуха улизатъ—умуватца, у правая улизатъ—нарижатца, у самацвѣтная платьтя, у драгацэнная!»

Прилитеў къ матири Иванъ Гвидонавичъ, матъ у яго и пытаитъ: «ну што, дитятка: ти казали карабельщики тваимъ слависамъ?» —«Якъ жа шъ, маминька: карабельщики казали маимъ слависамъ, али тётинька Арина пра чатырнанцатъ малайцоў гаварила. Вотъ маминька: кабъ Господь издаў, кабъ тыхъ чатырнанцатъ малайцоў ка мнѣ къ питнанцатаму—пажыў бы я ўремичка! Вотъ маминька: ти ни родныи ета братцы маи?» Ня ўспеў жа ёнъ ета дѣла исказатъ,—такій конь падъ вышнимъ вакошкамъ—падъ балхонамъ

и стаи̃ть! Ёнъ тады пирякстиўся и зъ матирью распрастиўся, на добрага каня садиўся и паѣхау на тридивятая чарства, на тридисятаю зямлицу, за синіи маря, за щирыи бары—у зялёныи прінжжаи̃ть луги къ братцамъ сваимъ. Конь шпарка бѣгъ, ня могъ самъ сибе уздиржать, могъ на калѣни припадать. Иванъ Гвидонавичъ могъ зъ добрага каня ссидать и могъ ёнъ пиридъ чатырнавцати братами на калѣнкахъ стать: «здароў, братцы маи родныи, Гвидонавичи!»—«Здароў, здароў, Иванъ Гвидонавичъ, братицъ наймильшый, братицъ найлюбѣйшый! якъ тибе Гасподь сюды занёсъ: али добрый конь завёзъ, али ты самъ маладецъ сюды зайшоў?»—«Братцы 'маи найлюбезныи! мине Гасподь нёсъ и добрый конь вёзъ, и я добрый маладецъ самъ ишоў. Прашу я васъ, братцы милыи, на сваю старану узваратитца, къ айцу и къ матири сваёй. Я ни въ айцоўськихъ палатахъ праживаю;—па Гасподьняму благаславенью, и па Гасподьняму страéнью,—мнѣ Гасподь издаў, и ў мине выбудувалися двананцатиитажовыи палаты,—съ усякимъ выпискамъ, съ усякимъ винаградамъ, съ усякимъ птицамъ; и дварецъ, и садъ-виноградъ; и выложиўся мостъ на двананцать вёрстъ; кала моста каминныи палаты, и дубъ стаи̃ть съ усякими примѣтами и съ усякими харошими разнасьтями!»—«Братицъ нашъ наймилѣйшый! атвичаютъ яму уси браты: ниякъ намъ ня можна на рòдную старану̀ сваю свѣтлыхъ вочъ сваихъ аказать!»—«Пачаму жа такъ?»—«А вотъ, у насъ вусты чорныи, што мы груди матири ня прòбували! Даёмъ мы табѣ каня пирямѣннаго: ѣдь ты къ матири,—кабъ мать здѣлала изъ груди тварашку, хуть бы съ куриная яйцо!» Ёнъ сѣў на добрага каня и паѣхаў у домъ свой, къ матири сваёй. Мать заплакала слёзна: што шъ ты, сынъ мой любезный, адинъ пріѣхаў, а тыхъ протчихъ сыноў ни привёзъ? Иванъ Гвидонавичъ атвичаи̃ть: «ня можна, маминька, имъ сваихъ свѣтлыхъ вачей паказать на рòдную старòнку: ихныи вусты чорныи, аттаго што грудей матири ня пробували. Прасили тибе, кабъ ты здѣлала изъ грудей сваихъ тварашку, хуть съ куриная яйцо!» Тады ина давай сама сибе парушать и даи̃ть. И малако капи̃ть. И здѣлала камòкъ тварашку—бизъ четьвирти два хунта—утроя сутакъ. У хустачку увязуваи̃ть, падаётъ ямў и приказуваи̃ть: «гляди шъ, сынокъ: раздяли, кабъ усимъ была пòраўни!» Ёнъ сѣў на добрага каня и паѣхаў. У пять часоў могъ туды далитѣть,—къ братамъ сваимъ. Браты падбѣгли, добрага каня удиржали, и яго съ каня зняли. Ёнъ твáражокъ раздялиў на чатырнанцать далéй—якъ па куринаму яйцу кажнаму брату. Изьѣли яны етага тварашку, стали вусты ихныи бѣлы и чисты,—якъ и ў яго. Тады садились уси пятнанцать малайцоў, родныхъ братоў, на добрыхъ капёў, и паѣхали па радитильскаю старану, къ сваёй матири и айцу. Пріѣхали

яны ува градъ къ билакаминнымъ братьнимъ палатамъ и пастнавйли каней кругомъ етыхъ палатъ. Сами яны са добрыхъ каней злизали, у билакаминны палаты уступали и матири здароў давали. Мать атъ радасьси спужалася: ни жыва, ни мёртва стала, и зъ ногъ упала. Яны не на рукахъ падьняли, и скалыхнули, и вады у вочи плиснўли. Што шъ ты, маминька, такъ спужалася и ўрабѣла? Ни пужайся и ни рабѣй: мы ни вӧры, ни разбойнички,—а вазлюбли*нн*ыи тваи сыночки—сильныи, магучіи, припышныи багатырёчки!—«Няго шъ вы, дѣтки, ўси маи?»—«Дяйствительна, маминька, уси тваи!.. Тады яны уси стали пить и гулять и ў карты играть, прихлажатца, на сябе ничога на сьвѣти ни спадиватца, тольки на Бога упувать.

У скорамъ уремипи Иванъ Гвидонавичъ у вакошачка глядить и видить, што кони ихныи многа урону дѣлають добрымъ людямъ: иртомъ зяўнеть, агнёмъ пякеть, капытомъ тапанеть, да смерти бьеть, хвастомъ батнеть—за сто сажань чилавѣка драбнѣй маку ссикеть! Иванъ Гвидонавичъ кажыть сваёй матири: «вотъ, маминька! кабъ Гасподь издаў намъ канюшанку каминнаю, вӧкала залатую, крыша драгацэннага камня, на нашыхъ на багатырських на добрыхъ каней на питнанцать, и засыпалась ба имъ па сто читьвиртей аўсица у день на кажынага каня, и залажылась ба имъ па сто питьдесятъ пудоў синца, и заливалась-ба имъ вадицы па дьвѣстя ведиръ на кажынага!» Ня ўспѣў жа ёнъ ета дѣла исказать, якъ канюшня и станить. И кони пашли па мистамъ, па станкамъ, аўса засыпалася, сѣна залажылася и вады залилася.

Идуть карабельщики у шасьти. У еты палаты заходють, дьвери атчиняють, ў палаты уступають. Якъ узглянули еты карабельщики на питнанцать малайцоў, родныхъ братоў, сильныхъ магучихъ припышныхъ багатырёў,—такъ у ихъ ноги и адирвинѣли, языки акасьтинѣли, ня могуть абаратитца ува рту; вочи аставбинѣли, ни магли узглёнуть,—и прихинулись яны къ стинѣ плячамъ. Иванъ Гвидонавичъ зъ застолья выхадиў и зъ ими разгаворъ мѣў: «што вы, братцы карабельщики, такъ вочинна пужаитись и рабѣитя? Ни пужайтись и ни рабѣйтя! тутъ ни вары, ни разбойники—а сильныи-магучіи багатырёчки—царськіи сыночки. Прашу я васъ: пойдитя вы къ царю Гвидону Самихлёнавичу, абъявитя яму, што съ усяго бѣлага сьвѣту у яго градъ дива пришло!»

Пашли яны къ царю Гвидону Самихлёнавичу у билакаминныи палаты. Царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ и съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, стульлё стнаўляить и ихъ сажаить, промижъ ихъ самъ садитца и разгаворъ мѣить. А Иванъ Гвидонавичъ сваимъ чирядомъ абярнуўся сызымъ галубкомъ и падъ вакошкамъ слухаить. «Што вы, братцы карабельщики: вы па бѣлу сьвѣту хадили, якога дива ти ня видили?» Карабель-

щики атказываюҭь: «мы па бѣлу сьвѣту нидѣ такога дива ня видили, якъ у вашымъ ува градѣ!» Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаиҭь: «у третій разъ чую, што у мой ува градъ усё дива пришло! Што шъ такоя за дива?»—«Якъ жа шъ ня дива, атказываюҭь карабельщики: што чиризъ дванацаҭь сутакъ ни было ничога, а ҭиперь вы̀будувались палаты, садъ-винаградъ, вылажыўся мостъ на дванацаҭь вёрстъ, зъявиўся дубъ-Старадубъ съ усякимъ разнымъ примѣтамъ, и выстраилася канюшня каминная, вокала залатая, крыша драгацэннаго камня, и ў тэй канюшни питнанцаҭь канéй, у тыхъ жа каняхъ залатая шарсьҭинка, сиребриная шарсьҭинка, залатый капытъ, сиребриный капытъ, зъ наздёръ жаръ сыплитца сó рта пóлынь шубáиҭь, у правая вуха улизаҭь—нарижáтца, у лѣвая улизаҭь—умуватца! Ну палаты жъ харашы, харашы, а ў тыхъ палатахъ парни—дужа приукрасны, питнанцаҭь малайцоў, родныхъ братоў, сильныхъ магучихъ припышныхъ багатырёў. У ихъ ува лбахъ сонца, у патылицахъ мѣсицъ, руки у золаҭи, ноги у сирябрѣ, ҭилиса уси у дробныхъ звёздачкахъ; яны пьюҭь и гуляюҭь, ни на вошта на сьвѣҭи ни ўпуваюҭь!»

Тады бириҭь царь Гвидонъ Самихлёнавичъ трёхъ инаралаў и трёхъ аквитандаў,—ни стау ни якай гавóрки мѣҭь зъ Аринай,—и пашоў етага дива паглидѣҭь—самъ сёмый. Па масту идуҭь—усьмихаютца, надъ дубъ надходюҭь—прислухáютца, надъ канюшню подходюҭь—приглидáютца, къ била-каминнымъ палатамъ надхóдюҭь—любапыствуютца. Тады дьвери атчиняюҭь и ў палаты уступаюҭь. Узглянуў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ на етыхъ на своихъ на родныхъ сыноў—разудалыхъ малайцоў,—ёнъ спужаўся, зъ ногъ звалиўся, нижыў стаў. Иванъ Гвидонавичъ кажыҭь: «вазьмиҭя, братцы, айца, на рукахъ ускалыхниҭя, вады у вочи усплихниҭя! Што шъ ты, ҭяҭинька, такъ пужаисься и рабѣишъ? Мы ни воры, ни разбойнички, а вазлюблиныи тваи сыночки,—сильныи магучіи багатырёчки!»—Скажыҭя шъ вы мнѣ ястьвиннаю праўду: дѣ Иванъ Гвидонавичъ и маҭь ваша?—«Вотъ, кажуҭь, ҭяҭинька: Иванъ Гвидонавичъ на лаўцы сидиҭь,—ёнъ у насъ большымъ—и маҭь кала яго!» Протчіи браты кажуҭь: «што шъ ты, Иванъ Гвидонавичъ, ни надайдёшъ къ айцу свайму?» А ёнъ атказываиҭь: «ни дастоинъ я къ айцу надхадиҭь и буйный сваёй галавы схинуҭь; а дастоинъ аҭецъ мнѣ дванацаҭь паклонаў атдаҭь!—«Пачаму шъ такъ кабъ аҭецъ нашъ буйнай галавой хинуўся—паклоны даваў?»—«А вотъ, кажыҭь, пачаму: што я айца свайго у бочку ни садиў и на синя мóря ни пущаў, а мине аҭецъ зъ маҭирью у бочку насадиў и на синія мóря успусьҭиў. Вотъ пачаму даўжонъ ёнъ мнѣ дванацаҭь паклоновъ издаҭь, а маҭири девиҭь паклонаў!»

Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ къ Ивану Гвидонавичу надступаў и

дванацать паклонаў издаў. А жанѣ сваёй тольки три наклоны издаў— Пастаси Пирикраси Диміёнаўни: шэсь паклонаў ина яму аслабанйла.

Тады Гвидонъ Самихлёнавичъ Ивану Гвидонавичу кажыть: «вазьми ты, сынъ мой вазлюблиный, сваю тётку Арину, каторая васъ сь сьвѣту звадйла, навяжы иѐ на дванацать на коньськихъ хвастоў и раздяри не: першы ета смерть даставалась вашый матири!»—«Нѣ, тятинька: вяли свайм вѣрнымъ слугамъ даставить Арину сюды; а я съ камяннэй канюшни прикажу имъ, канямъ сваимъ, кабъ стаяли тиха, змирна и спакойна!»

Даставили Арину сюды. Вилѣў Иванъ Гвидонавичъ выступить сваимъ добрымъ канямъ исъ канюшни, приказаў стаять тиха, змирна; вилѣў слугамъ павизать на хвасты тётиньку Арину. И навизали ие на дванацать хвастоў. Тады вилѣў Иванъ Гвидонавичъ народу атдалитца атъ етыхъ каней, тады казау, штобъ еты кони стрипянули хвастамъ. Разлитѣлися костачки Арииины драбнѣй дробнага маку! И дѣла ни стала, и кони пашли на станкамъ, на сваимъ мистамъ.

Тады царь Гвидонъ Самихлёнавичъ ни пашоў у сваи старыи билакаминныя палаты жыть, а стаў у Ивана Гвидонавича жыть, нажывать. И атдаў сваю карўну царськаю Ивану Гвидонавичу и надялиў яго. Иванъ Гвидонавичъ стаў жыть ды нажывать, ды ўсимъ чарствамъ павиливать.

Д. Волотовки, козьян в. городок. у. вит. губ.

Запис., по моимъ указаніямъ, фонетически, въ видѣ опыта, учит. народн. учил. І. Барановскимъ отъ мѣстн. крестьян. старика неграм.

17. Дубъ Дорохвей.

Живъ дѣдъ ды й баба. Было у ихъ три дочки. Баба, узрастивши дочокъ, узила ды й померла; а дѣдъ жанився на другей, молодэй княгини. Якъ мачиха ня родная мамка, дыкъ ина не ўзлюбила своихъ падчерыкъ и кажеть дѣду: «вязи своихъ дочокъ либо ў лѣсъ, либо ў воду, либо ў чистое поля, а ня то я сама себе звяду со свѣту!» Жалко дѣду дочокъ, жонки жъ ящо горши жальчѣй. И послухайся ёнъ ее—не ўзявъ свойго розума; и кажеть ёнъ дочкамъ: «ну, дочушки: возьмитя вы корзинки, а я топоръ; и пойдемъ мы у болото!» Якъ пришли яны у болото, ёнъ имъ говорить: «вы, дочери мои любимыи, бяритя ягодки на етый боровинки, а я пойду на тую боровинку лучинычку сѣчь!» Вотъ ёнъ отышовъ отъ ихъ такъ, штобъ имъ ня было видно; тоды узявъ сосновую досочку, ды привизавъ къ бѣлой бярезинки; а самъ скорѣй ны коня, ды й поѣхавъ домой, штобъ серца горши ня было по роднымъ дочушкамъ, ды штобъ яны яго не засьпѣли. Досочка жъ тая лясь ды

лясь! по бярёзинки; а яны кажуть: «во, нашъ татулька усё лучинычку сякёть!»—Ды бяруть, бяруть ягодки. Брали яны, брали, покулитька спосьтигла ихъ тёмныя ночка. Тоды большая сестра кажеть: «пойдемъ, сястрицки, къ татки: знать ёнъ про насъ забывся!» Пришли яны къ тому мѣсту, дѣ ляскыла досочка, ашъ тамъ никого нѣтути! Заплакыли, залилися яны горючимъ слезамъ. А большая сестра говорить: «ну, пришла наша смярётка! Не ўзлюбила насъ лихая мачиха: заставила ина нашаго татку со свѣту насъ зжить. А ёнъ самъ не захотѣвъ на вумъ насъ пыставлять. ды привёзъ у етытъ лѣсъ!» Сярэдьнія жъ кажеть: «Пойдемъ лѣпши подъ зялёную сосенку, зьядимъ хлѣбца, што ў насъ у мяшочку, тоды пойдемъ далѣй,—авось куды либо придемъ». Нашли яны большую сосенку, сѣли подъ ей и сидять. Якъ стало имъ дужа бѣдно на родимаго татку, што ёнъ послухався злэй мачихи и звёзъ ихъ, родныхъ дочокъ своихъ, на згибель у тёмный боръ; якъ заплакыли, якъ залились яны буйнымъ, горючимъ слезамъ! Плакыли яны, плакыли, покулитька отъ ихъ буйныхъ чистыхъ слёзъ пошли рѣки па ўсѣ чатыре стороны.

И дыйшла одна рѣка ды царськыго-государськыго дома. Устаёть у тое вутро царь ранёнько, умываетца бѣлёнько, молитца Богу щирёнько. и выходить на балхвонъ. И видить ёнъ ряку, што учора и слухомъ было не слыхать, и видомъ не видать. Царь ни здивуєтца на ету ряку. И захотѣвъ ёнъ узнать, откулитька ина тякёть. Созываеть ёнъ своихъ вѣрныхъ слугъ и приказываеть имъ: «слуги мои вѣрныи, слуги мои добрыи! Идитя вы по беряшкў етый ряки ды самаго того мѣста, откулитька ина тякёть,—и хто тамъ ёсь—ти пень, ти колода,—ти человѣкъ, ти пташка, ти звѣрь, ти букашка,—вядитя сюды ко мнѣ!» Ишли тыи слуги ти много, ти мало, ти довго, ти коротко; а дойшли до сосёнки. И увидили подъ ёй трёхъ красныхъ дѣвицъ, трёхъ родныхъ сястрицъ. «Ну, кажуть, дѣвицы-красавицы: мы возьмемъ васъ у царській домъ! Такъ намъ царь приказавъ!» Дѣвицы имъ спокорилися. Пришовши къ царю, низёнько поклонилися. Царь ихъ пытаеть: «якого вы роду, якого вы племени?» Яны тоды говорють яму: «простаго мы роду и племени! Не ўзлюбила насъ лихая мачиха, и заставила ина нашаго роднаго татку звясьти насъ у тёмный боръ. А мы тамытька дужа прибядьнилися, расплакылися, растужилися, и пошли отъ нашихъ буйныхъ слёзъ рѣки на ўсѣ чатыре стороны!» Пылядѣвъ на ихъ царь, а тыи дѣвицы такіи пригожіи, што ни ў сказки сказать, ни пяромъ ныписать. Царь и кажеть: «вы дѣвицы, а я холостъ: икая изъ васъ проворнѣй, тую и замушъ возьму!» Большая на ето яму отвѣчаеть: «а коли даси мнѣ, царь-государь, одно пшанишное зярёшко, дыкъ я усё твоё царство прокормлю!» Сярэдьнія жъ

говорить: «я однэй ниткой усё царство шавкдвой одёжей надѣну!» Послѣ за ўсихъ пытаетъ царь у малэй: «а ты шъ чимъ проворна и разумна?» Ина яму отвѣчаетъ: «царь нашъ наясьнѣйшій, отецъ нашъ наймилѣйшій! Я й ня вумна, и ня дурна: а коли вдзьмешъ мене замушъ, дыкъ я дванадцать сыновъ спороджу—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, походка у походку, говорка у говорку, лицомъ якъ одинъ, по колѣно ў золоти, по поясъ у серябрѣ, во лбу ясёнъ мѣсицъ, у потылицы дробны звёздычки, по вискамъ красно солнышко!» Царь ставъ думать—гадать, ды совѣтъ съ князямъ держать. И поряшивъ ёнъ жанитца на малэй. А тыхъ пыдяливъ зямлёй и ўсякимъ быгатствомъ.

Жили яны ни много, ни мало, а знать три года. Царица стала беремена. У ету жъ пору-ўремячко спонадобилось царю ити войной у чужіи далёкіи земли. Поѣхавъ ёнъ, а царица тутытька родила дванадцать сыновъ: голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, походка у походку, говорка у говорку, лицомъ якъ одинъ; по колѣно у золоти, по поясъ у серябрѣ; во лбу ясёнъ мѣсицъ, у потылицы дробны звёздочки, по вискамъ красно солнышко. Большіи сёстры уздумыли тоды ихъ зъ маткой стратить. Пыдкупили яны на ето бабку—пупорѣзницу. Ды слуги царськіи не допусьтили тую бабку; а царицу съ сынамъ берягли, якъ свой глазъ во лбу. И послали яны къ царю гонца съ письмомъ, што Богъ давъ вдыкую радысь. Ишовъ етытъ гонецъ цѣлый день, покуль не спосьтигла яго тёмныя ночка. Тоды ставъ ёнъ ношлегу сабѣ искать, и попавъ къ бдльшый сястры. Ина узнала, хто ёнъ такей, и стала казать: «ночуй у насъ, милый гось! Ды ти ня вытопить табѣ лазьню; ты бъ зъ дороги пупарився! Старикъ согласився. Пыложивъ письмо за божницу, а самъ пошовъ у лазьню. Вотъ, якъ пошовъ ёнъ у лазьню, ина узила, прочитала тое письмо и написала къ сярёдьній: «сястрицка рдднал! спыродила наша милая сестра, якъ говорила! А мы напишимъ царю, што родився у яго ни жукъ, ни жаба, ни повзучія лягуха; ни йдеть, ни повзёть, ни скворетца, ни піеть! Тоды ёнъ вялить её стратить и жёнитца на якей-либо изъ насъ!» Пришовъ гонецъ зъ бани, повечеривъ и лёхъ спать. Переночевавъ, а назаўтра уставъ ранёнько, умывся билёнько, помолився Богу щирёнько, и пошовъ опять у путь—дороженьку. Ишовъ ёнъ до самой тёмной ноченьки; а якъ спосьтигла яго ночь, ёнъ и заночевавъ у малый сястры. Ета такъ, якъ и бдльшая, распытала яго про ўсё и зытопила лазьню. Ёнъ пошовъ у лазьню; ина шъ тымъ—часомъ прочитала письмо сястры, сожгла тое, што писали къ царю; а замѣсто яго выписала, якъ казала ёй большыя сестра. И ящо прибавила: «такую скверь твоя жонка родила, што ни ў басьни збаить, ни ў сказки сказать, ни людёмъ показать!» За-

клеила ина ето письмо и пыложила за божницу. Пришовши зъ бани гонецъ, повечеривъ и лёхъ спать. Гереночевавъ, а назаутра, уставши раненько, умывшись бѣленько, помолившись Богу щиренько, опять отправився у дальній путь. Шовъ ёнъ, шовъ, дошовъ до царя и подавъ яму письмо. Царъ прочитавъ и зжихнувся: «Божа мой, Божа! якъ говорилося, а якъ спородилося!» Думавъ ёнъ, гадавъ ёнъ, и написавъ: «хто тамъ уродиуся—ти жукъ, ти жаба, ти скверь икая—оставить до мойго прихода, до мойго пріѣзда!» Пошовъ гонецъ зъ етымъ приказомъ узадъ, и приходить ёнъ на ночь къ сяредьній сястры. Ина, якъ и першій разъ, велѣла вытопить яму баню. Ёнъ пошовъ туды, пыложивъ царській приказъ у божница. А йна узила, прочитала, ды сыжгла, а на тое мѣсто ныписала, штобъ ихъ, добрыхъ молодцовъ, сичасъ сказьнили. Пришовъ гонецъ зъ бани, повечеривъ и лёхъ спать. На другей день опять пошовъ далѣй. Шовъ ёнъ до поздній ноченьки и заночевавъ у большый сястры. И у ей стопили яму баню. Пошовъ ёнъ у баню, дыкъ ина прочитала тое письмо ды й прибавила: штобъ одинадцать сыновъ зашили у кожынный мѣхъ, а царицу зъ малымъ сыномъ засадили у смоляную бочку, и спусьтили усихъ на синё мöря.

Пришовъ гонецъ зъ етымъ приказомъ у царській городъ. А городъ такъ и сіяеть отъ ихъ, добрыхъ молодцовъ! И князи, и бояры на ихъ ни узлюбуютца, и царському приказу ни здивуютца! Ды дѣлать нечего: воля царськая—воля Божжія: сполнять её надо! Узяли яны одинадцать сыновъ зашили у кожынный мѣхъ, а малаго зъ маткой усадили у бочку, засмолили, и спусьтили усихъ на синё мöря.

Ды змиловався надъ имъ Бохъ и послау повѣтерья: тотъ мѣхъ ня тонеть, а плывёть. И приплывъ ёнъ у тридевятую зямлю, у тридесятое чарство. У етымъ чарстви бывъ дубъ—Дорохвей на дванадцать короклёй, па самомъ беряшку синяго моря. И ёсь у того дуба большое дупло. Вотъ старшій братъ кажеть: «братцы мои милыи, братцы родимыи! даёть намъ Бохъ гулянья-отдыханья: разорвёмъ мы мѣхъ и выйдемъ на волюшку!» Яны пъ яму отвѣчають: «не разорвать намъ, братитка, етого мѣха!»—«А, кажить: насъ мать спородила—на щастья блыгословила,—блыгословимъ жа и мы одинъ другого!» Блыгословили яны друхъ друшку расъ, другей ды й третій. И якъ понатужились—понасилились яны за третьтимъ разомъ, дыкъ разлетѣвся тотъ мѣхъ на дробныи кусочки! Вышли яны, добрыи молодцы, на крутэй беряжокъ, увидили дубъ—Дорохвей на дванадцать короклей, и залѣзли у яго дупло.

Царица шъ зъ малымъ сыномъ плавала по мöрю три дня и три ночи. На чатьвёртый день сынъ кажеть: «ну, родимая мамка: чую я, што мы къ вострову прибилися: якъ бы намъ зъ бочки выбратца?»—«Нѣ,

дитятухна, говорить царица: дѣ намъ разбить едыкую бочку?» — «И, мать моя рóдная! ты мене спородила—на щастья блыгословила,—блыгослови шъ и теперь!—«Бохъ блыгословить, и я блысловляю!» —«Блыгословила шъ разъ — блыгослови и другѣй! »Ина и другѣй блыгословила.—«Блыгословила другѣй — блыгослови и третьтій!»—И третьтій блыгословила. За третьтимъ разомъ ёнъ понатужився, якъ ударить кулакóмъ по бочки, дыкъ ина и разлетѣлась на ўси стороны. Тоды вышли яны на вострóвъ Будай, и построивъ ёнъ тутъ городъ Китай. Якъ зажилися яны тутъ, ёнъ и пытаеть у матки: «дѣ бъ намъ, мамухна, сыскать одинадцать родныхъ брáтцавъ?» Царица шъ яму отвѣчаеть: «ня сыскать намъ ихъ, дитятухна: згибли яны на синимъ мори!» Ёнъ жа каеть: «вѣдаю, мамка: ёсь у тридевятэй зямлй, у тридесятымъ чарствьи дубъ Дорохвей на дванадцать короклей; и ёсь тамъ большое дупло. Яны и сидять у етымъ дуплѣ, ды ня могуть выйти, зато што ли дуба ёсь такая птица, што людей спожираеть. И хочеть ина ихъ сожрать, ды ня ўлѣзеть у дупло; а оттулитька яны не выходють! Спяки ты, родная мамка, съ свойго молока дванадцать просвиръ, и блыгослови мене у дальній путь-дороженьку: пойду я искать родныхъ брáтцавъ!» Ина такъ и здѣлала.

Пошовъ ёнъ молодецъ-удалецъ у тридевятую зямлю, у тридесятое чарство; увидивъ ёнъ тамъ дубъ-Дорохвей на дванадцать короклей: вяликъ дубъ, а птица ящо больши! «А, кажеть ина яму: здорово, добрый мóлодецъ! Не такихъ я видала, и тó спожирала; а тебе ничóго ня стóить зъѣсь!» Ёнъ отвѣчаеть ёй: «ты, птица-корипица, погоди спохвалятца: дай-ка мы съ тобой поборáхваемся!» Схвативъ ёнъ ее, якъ ударить объ крѣпкій дубъ,—такъ зъ дуба дванадцать суковъ долой! Ёнъ другѣй разъ ударивъ объ сыру зямлю,—и тутъ ина споконьчалася! Тоды ёнъ говóрить: «хто ёсь у дуплѣ, выходи сюды! Коли старый человѣкъ —будь мнѣ батюшка; коли рóвня мнѣ—братетка!» Вышло одинадцать добрыхъ молодцовъ. И стали яны просить у яго чаго-либо поѣсь. Вынувъ ёнъ тыхъ дванадцать просвиръ, и давъ ймъ по однэй, а одну сабѣ узявъ. Якъ стали яны ѣсь просвиры, дыкъ сичасъ распознали, што яны спечены зъ маткинаго молока. И догадалися яны, што ето ихъ братетка рóдный. И пошли яны уси зъ имъ, у яго городъ Китай.

И ѣхали черезъ етытъ городъ купцы-корáбельщики у чарство ихъ батьки. Малый братъ приляпився къ ихъ кораблю мухэй и пріѣхавъ къ царю. Царь ставъ пытать у купцовъ: дѣ яны бывали, што видали? Яны яму кажуть: «были мы у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарствьи. У етымъ чарствьи ёсь востровъ Будай, а на имъ городъ Китай. Ёнъ весь такъ и сіяеть, зато што тамъ ходить дванадцать добрыхъ молодцовъ— голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, похводка у похводку, говорка у го-

ворку, лицомъ якъ одинъ; по колѣно у золоти, по поясъ у серябрѣ, во лбу ясёнъ мѣсяцъ, у потылицы дробны звёздочки, по вискамъ красно солнышко!» Царь сичасъ догадався и кажеть: «ето, вѣрно, мои дѣти!» А большая сестра говорить: «ту, царь: што ето за диво? не твои ето дѣти. Вотъ то—то будуть твои дѣти, хто достанеть у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарствви кота Валдая. Ёсь тамъ дубъ Дорохвей на двнадцать короклей: дыкъ на етымъ дубу живеть котъ. Унизъ ёнъ идеть. —басьни баить; уверхъ идеть—сказки кажеть!» Царевичъ усё слышить. Якъ поѣхыли купцы узадъ, ёнъ вярнувся зъ имъ у свой городъ, и кажеть братамъ и царицы: «загадала намъ тётка загадку,—ня вѣдыю, якъ её и разгадать! Блыгослови ты насъ на ето, матушка!» Ина ихъ блыгословила, и яны, добрыи молодцы, вышли у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса: крикнули, гаркнули быгатырськимъ голосомъ,—и за ночь у ихъ усё стало! Купцы жъ опять проѣхали черезъ ихъ городъ у чарство ихъ батьки. Малый царевичъ обярнувся мухэй, приляпився къ ихъ кораблю и поѣхавъ зъ имъ. Царь опять пытаеть ихъ: дѣ яны бывали, и што видали? Яны говорють: што на востровў Будай, у городи Китай, ёсь дубъ Дорохвей на дванадцать короклей; по етому дубу ходить котъ Валдай: ёнъ унизъ идёть—басьни баить; уверхъ идеть—сказки кажеть. Царь на ето чудо ни здивуетца и говорить: што вѣрно ето яго дѣти достали яго! А большая сестра опять кажеть: ето, царь, чудо ня чудо! вотъ тò чудо, што у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарствви ёсь яблонька серебряная, яблонька золотая; яблочко серебряное, яблочко золотое, вѣточка серебряная, вѣточка золотая. Хто достанеть ето чудо, то и будуть твои дѣти!». Царевичъ опять усё слышавъ. Вярнувся съ купцáмъ у свой городъ, расказавъ про усё матки и братамъ. Царица имъ кажеть: «нѣ, дитятухны! не достать намъ етыго дива, и не вярнуть вамъ свойго батюшки!» Яны шъ попросили ее, штобъ ина ихъ блыгословила. Вышли опять у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса, крикнули, гаркнули быгатырськимъ голосомъ,—и за ночь выросла имъ яблонька серебряная, яблонька золотая—вѣточка серебряная, вѣточка золотая—яблочко серебряное, яблочко золотое.

Опять жа купцы корáбельщики проѣхыли черезъ ихъ городъ къ царю на поклонъ. Зъ имъ обярнувшись мухэй, прiѣхывъ и малый царевичъ. Ставъ царь опять пытать ихъ, якое яны видили чудо. Яны расказали, што на востровў Будáю, у городи Китаи видили одну яблоньку серебряную, одну золотую, вѣточку серебряную, вѣточку золотую, яблочко серебряное, яблочко золотое. Царь етому диву ни здивитца и кажеть: «ето, вѣрно, мои дѣтки дыстали!» Большая жъ сестра опять говорить: ну, дѣ, царь, тотъ отживеть, хто утопився! Вотъ тó твои дѣти, хто до-

станеть у тридевятэй зямли, у тридесятомъ царствьи мостъ, што одна мосьничинка серебряная, одна золотая; а якъ ѣдешъ по имъ, дыкъ упярёдъ ёсь, а сзади нѣтути! Царевичъ вярнувся съ корабельщикамъ домой и разсказавъ братамъ и матери, якую имъ тётка загадала загадку. Царица имъ кажеть: «нѣ, дитятухны: не разгадать вамъ етый загадки,—не вярнуть вамъ свойго батюшки!» Малый сынъ отвѣчаеть: «вялико щастье, мамухна, вяликъ и Бохъ: усё долю дась! Блыгослови ты насъ, якъ блыгословляла упярёдъ!» Ина блыгословила. Яны опять пошли у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса; крикнули, гаркнули богатырськимъ голосомъ, и за ночь явився мостъ. Вотъ, якъ разсказали купцы-корабельщики про ето чудо царю, ёнъ и кажеть: «ето уже мои дѣтки достали яго! Поѣду я къ имъ!» Большая сестра ничого не нашла сказать. Ёнъ и поѣхавъ. Ина шъ за имъ услѣдъ. Якъ подъѣхыли къ тому мосту,—яму мостъ ёсь, а ей нѣтъ! яму мостъ ёсь, а ей нѣтъ! И пріѣхавъ царь на востровъ Будай, у городъ Китай. А ёнъ увесь такъ и сіяеть отъ яго сыновъ. Увидѣвъ тамъ царь царицу и сичасъ узнавъ ее. Ина шъ показала яму дванадцать сыновъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, похводка у похводку, говорка у говорку, лицомъ якъ одинъ; по колѣно у золоти, по поисъ у серябрѣ; во лбу—ясёнъ мѣсицъ, у потылицы—дробны звёздочки, по вискамъ—красно-солнышко. На радысьти яны задали пиръ на увесь міръ. А большихъ сясьтёръ царь велѣвъ привизать къ коньськимъ хвостамъ и пусьтивъ у чистое поля.

Вировлянская вол. городок. у. у. витеб. губ.

17. Иванъ Ивановичъ—царевичъ.

Въ нѣкоторомъ царствьи, въ иньшамъ государствьи живъ саби одинъ царъ. И захотѣвъ ёнъ саби жанитца, и поѣхавъ у протчія чужія земли нявѣсту вибирать сабѣ. Поѣхавъ ёнъ у водно царство, ѣздивъ, ѣздивъ, подъ обичай жаву не нашовъ. Вярнувся ёнъ домовъ. Поживъ кольки-небудь дома тамъ, да й поѣхавъ у другое царство. Тожа и тамъ ня 'бискавъ подъ свою натуру. Вярнувся домовъ, и поживъ мало-много дома. Поѣхавъ ёнъ у трэтьтія царство, и ѣздивъ, ѣздивъ—тожа не нашовъ. Воротився домовъ и заѣхавъ у дяревню на ночь. Випросився у мужика на ночь у хорошаго, и ставъ тамъ питать сабѣ нявѣсты за себэ. Тутъ жа сыйчасъ, позно у вечару, повъёвъ кучаръ лошадей поить, и спусьтивъ вядро. Сыйчасъ жа тутъ глянувся—тёмно у хатахъ. А въ одной свѣтитца. Ёнъ пошовъ вядерца просить туды. Подыходя подъ вокошка, ажъ тамъ сядить три дѣвушки—сёстры, и разговаруять мижа собой. Вотъ, говора: царевичъ етый ѣздя да сватаетца, ну тольки крашшай мижда

трохъ насъ не найдя! Большая сказуя: коли бъ мяне ўзявъ, то я бъ яго ўсю вармію однымъ хлѣбомъ скормила! Серадолшая кажа: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яго усю вармію одной глою опшила! А меньшая кажа: коли бъ мяне ўзявъ, то бъ я бъ яму родила двапанцать сыновъ, да усѐ соколовъ: во лбѣ мѣсячко, у потылицы звяздà, по локоть руки у срэбры! Вотъ тяперъ жа сычасъ той кучаръ,—не ставъ уже вядрà просить,—вярнувсь на хватеру, и выгукнувъ царевича, и ставъ яму говорить: отъ, говора, царськое вяличаство: якъ водивъ я лошадей, и спусьтивъ вядро. И глянувся я—у усихъ хатахъ тéмно, а въ одной свѣтитца. Пошовъ я вядра просить, ажъ тамъ три дѣвушки сидять и шіяти. И вихваляятца мижда собой: нехай етый царевичъ хочь усю зѐмлю объѣздя, а крашшай насъ не найдя! Большая говора: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яго усю вармію однымъ хлѣбомъ скормила! Серадолшая каа: коли бъ мяне узявъ, я бъ яго усю вармію одной глою опшила! Самая меньшая кажа: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яму родила двананцать сыновъ, да ўсё соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздà, по локоть руки ў срэбры! Уходя царевичъ зъ надворъя и питаа у того мужика, што ночуя: што, каа: é у васъ такія и такія дѣвки?—Е!—Ну, пóйдомъ у сваты! Отъ, иде царъ и думаа: якую мнѣ узять? Отъ, думавъ, думавъ самъ сабѣ и надумався: хочь ба я большаю и ўзявъ—у мяне хлѣбъ ё; серадолшаю я бъ узявъ—у мяне и одѐжа è. А возьму мéньшаю! Узявъ за сябе меньшаю, и поѣхавъ у своѐ царство. И живъ тамъ, ти мало, ти много дóма. И заберэменила яго хозяйка. Тутъ тода жа издѣлалась трывога, и трэба ямў съ свойго царства отправлятца на повгода. И прощаетца ёнъ исъ своéй жаной и приказуя ёй дужа: што, говора, моя милая: коли Господь Богъ дасть табѣ, по прóстому—родѝны, штó бъ ты ни родила, дакъ ко мнѣ прислала! Тутъ жа отправився ёнъ за своими потрэбками, а йна мѣсяцы у два родила, посьли яго, двананцать сыновъ, да да усè соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры. Пиша яна пакетъ и отправляя съ свойго царства вѐрника, и строго яму приказуя, шобъ пакета не попускавъ никомў ў руки. Дочулися яе сѐстры, што яна обродилась, и ўзяли, по большой дорози по'ткўплювали сабѣ шинкѝ. Такъ жа, ихавъ той вѐрникъ съ пакетомъ. И случилося къ большай сястрэ нà ночь. И спрашуя таа сястра: куды тябе Богъ пясé? А ёнъ говóра: поѣду къ цару! Яна спрашуя: по якомъ случàю?—Обродилась царевна: двананцать сыновъ родила, да усё соколовъ, уво лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры! Отъ, тяперъ яна кажа: а, тò моя рóдная! Ахъ, ради такого госьтя трэба лазьню стопити, а то ты етомився, заморився! Яго повялѝ у лазьню, а яна сичасъ жа пакетъ виняла и сама написала: родила табѣ, мой милый, двананцать штукъ-

кошёчни лапи, мишинныя хвосты, собаччія роты. Узяла и запечатовала, и уложила. Приходя той зъ лазьни, бярэ пакетъ, и отправляетца по дорози саби. Случаетца другая ночь, заяжжаа ёнъ на ночь. Тутъ жа и питаять у яго: куды ты ѣдешъ?—Ѣду, каа, къ цару!—По якомъ случаю? —Родила наша царевна! Испрашуя хозяйка тая: што жъ яна родила? —Дванацать сыновъ, да усё соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры! Отъ ета отвящаа: ахъ, говора: ето наша роднаа сёструшка! А ето ёнъ къ сярэдьняй заяжжая. Такъ жа и таа: ахъ, говора: другъ нашъ! треба табѣ лазьню витопить! Повялй яго у лазьню, а яна пакетъ разломила, ящѐ похудчай потправила. Приходя той изъ лазьни, и отправляетца по дорози. А того не бача, шо.... Да и почомъ жа яму бачить, мо, шось накручано! Пріяжжаа икъ цару на границу, отдае цару пакетъ. Разламуя царъ пакетъ и узявъ читать. И ставъ силно плакать. Ахъ, говора, Божа милосьливый! Няужли я парадъ Богомъ сограшивъ, що мнѣ такій случай злучивсь? И узявъ ёнъ пакетъ писать: шо, моя милая, до мого приходу якій табѣ Богъ случай давъ, щобъ ёнъ цѣлъ бувъ! И запечатавъ пакетъ. И уручивъ свойму довѣрному. И поихавъ той назадъ довѣрникъ. Такъ жа заяжжаа икъ етой къ сястрѣ къ пярэдьняй, идѣ ёнъ ночававъ позадъ. Яна яго пригосьтила и лазьню затопила. Яго жъ повяли у лазьню, а яна узяла, пакетъ разломила и прописала: щобъ, моя милая, ня бачивъ я тябе у вочи до мого пріѣзду! Сичасъ жа того привялй зъ лазьни, ёнъ сичасъ узявъ пакетъ и поѣхавъ по своей дорози. Такъ жа заяжжаа изновъ на тую хватеру, на другую. Тожа й тая пригосьтила. И повяла у баню. А сама пакетъ разломила и потправила щс похужай. Пріяжжаа ёнъ икъ царевни и отдае царевни пакетъ. Царевна пакетъ читая и силно плача: ахъ, говора, мой милый! що жъ ты зъ менэ зругнувся? Я жъ табѣ чимъ вихвалялась, тое й здѣлала! Тольки жъ думать нечаго, а царськое слово свято, що написано, тое надо и дѣлать. Сичасъ жа гукнула бондаровъ и ковалёвъ: сичасъ жа мнѣ изробить бочку, а ви, ковали, набитя зялѣзныя обручи! Бочку для ёй зробили. Яна узяла, одинанцать мальчиковъ у бочку упусьтила, и закубрила, и пусьтила на мора: плывитя! когда я ня грэшная душа, дакъ ви живи будетя! А сама дванапцатаго узяла и пошла у сьвѣтъ исъ свого царства. Ходила, ходила яна по усихъ царствахъ, и найшла сабѣ номастыръ. Доклалася къ гуменьшому: примитя мяне за чалядку! Гуменьшій принявъ яе за чалядку. А хлопчика стала просить, щобъ у школу. Той жа хлопчикъ вучитца скорымъ поспѣхомъ. И такъ выучивсь ёнъ за годъ, шо протчія по десять лѣтъ учатца.

И скоро казка кажетца, да ня скоро дѣло дѣлаетца. И виросъ той мальчишка уже й настояща. И стала яму упротивно: бача ёнъ, що яго

матка за чалядку служа. Ёнъ говóра: матушка, годи табѣ служити, а пойдомъ ми да здѣлаемъ на большой дорози ли мора сабѣ домъ! Отъ, яны и пошли, знатца, оттуляка. Пришли къ мору и вистроили сабѣ тамъ домъ, и стали займáтца разными торговлями. Ишли большой дорогой звощики повзъ домъ, и ожарабилась у ихъ кобыла. Дакъ яны подарили яму̀ лошóнка. Отъ, сыйчасъ ставъ ёнъ сабѣ людей прíу̀чать и разными торговлями торговать. Прíяжжали къ яму корабéльщики,—ишли мóрамъ. Такъ жа ёнъ ихъ и у̀госьтивъ. И побулѝ у яго корабельщики, и отправляютца яны, къ свойму, знатца, цару, корабельщики етыя. Ёнъ ихъ проводжая и заходя икъ свойму коню. И отвящая яму лошадь: ахъ, говора: хозяинъ мой любíй! узлѣзь ты, говора, на менэ и упади зъ менэ, и издѣлаесься ты голубцомъ. И полятишъ ты на той бокъ мóра, и сядешъ ты корабельщику на правое плячо, и у̀нясѐ ёнъ тябе у царськія кóмлаты. И вислухаешъ ты тамъ, що будя царъ съ царéвняй гомонить! А царъ то той вярнувся изъ воинства, идѣ ёнъ бувъ, и бóльшаю сабѣ сястру узявъ, своѐ жаны ужо.

Отъ, тяперъ, приходя корабельщикъ у комлату къ цару и расписуетца царъ зь имъ,—що, якъ вѣдомо, яны по мору ходять, дакъ имъ трэба расписатца. Тяперъ кажа корабельщикъ: ахъ, говора, цару наяспѣйшíй: отъ, на той бокъ мора шо здѣлалось: вистроилась удова, домъ сабѣ, и у̀ 'дови мальчикъ, що крáшшай у свѣти яго нѣтъ: уво лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздà, по локоть руки у срэбры! Дрогну̀лося царськое сéрца, и сыйчасъ жа корабельщика отправивъ изъ дому свойго. Ахъ, говора, моя милàа! нумъ, поѣдомъ, посмотрѝмъ на той бокъ, що тамъ за хлопчикъ—етаго дива?—Ахъ, говора, мой милый! Яна ужо отказуя яму: разьви ето диво—ето ня диво, а ѐ диво: здѣсь—ня здѣсь, на три девяти зямель, у ѝньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, на моры, на лукоморъи, на войстрови, стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлѝцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по двананцать дявицъ, да шíять одѐжу дорогуу, да кидáять доловъ. И гнíѐ таа одéжа ни къ якой пóлзи! Вилятáа той голубецъ изъ царськаго дому, прилятаа у свой домъ, садитца на свою лошадь, и падаа доловъ, и дѣлаетца чаловѣкомъ. И спрашуя у яго лошадь: ахъ, говора, хозяинъ мой любíй! що жъ тамъ царъ съ царевняй говоривъ?—А що жъ ёнъ говоривъ: ето, говора, ня диво, а утъ тò диво, що здѣсь—ня здѣсь, на три-девяти зямель, у ѝньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, на моры, на лукоморъи, на войстрови, стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлѝцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по двананцать дявицъ, да шíять одѐжу дорогуу, да кидáять доловъ, и гнíѐ таа одéжа ни къ якой пóлзи! Конь мой любез-

ный, конь мой милый: ти не могдмъ ми ѐтаго дива достать?—Проси у матки басловéньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ попросивъ у матки басловеньства. Дала яму матка басловеньство, и сѣвъ ёнъ на свою добраю лошадь, и поѣхавъ у путь. Пріяжжаа на мѣсто икъ тому дубу. Здрастуй табѣ, дубя!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ—царевичъ! дубъ уже яму отвячȁа. Ахъ, говорить, дубя: у якомъ ты ня ў преподобномъ мѣсьти стоишъ! Коли бъ ты пошовъ у мою сторонў, тамъ ба ету одéжу носили бъ, и за тябе бъ Бога просили! А той дубъ отвячаа яму: а що жъ, будяшъ ты мою одéжу знашавать? Ёнъ каа: буду!—Ну, я съ тобой пойду! Ёнъ жа сѣвъ на свою на лошадь, а дубъ услѣдъ за имъ такъ идé. Ёнъ пріѣхавъ домовъ и привёвъ дуба съ собой. И поставивъ сабѣ ли дому. И такъ жа ето дивно стало тамъ, што усяму міру. Идуть жа етаго дива глядѣти. Ишли корабельщики, мóрамъ, привярнули корабъ икъ яго двору, ня такъ любо отдыхать, якъ етаго дива посмотрйть. Отправляетца корабельщикъ ку яго двору. Провождаа хлопчикъ етый самый корабельщика, и заходя къ своей лошади. И отказуя яму лошадь: —вотъ, говора, хозяинъ любій! здѣлайсь ты голубцомъ и ляти на той бокъ мора! И почуешъ ты, що будя царъ съ царевняй гомонѣть. Ёнъ узлѣзъ на лошадь и ўпавъ зъ яго, и здѣлався голубцомъ и полятѣвъ на той бокъ мора. Прилятаа ёнъ туды, садитца корабельщику па плячо, и уходять яны у горницы. Расписуетца царъ съ корабельщикомъ, изъ накладной, и вихваляетца корабельщикъ: ахъ, говора, цȁру паяснѣйшій! по той бокъ то мора диво здѣлалось: стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлйцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по дванаицать дявицъ, да шіять одéжу дорогуу! Царъ етый вислухавъ, и корабельщика отсылаа назадъ, и кажа царевни: нумъ, моя милая, поѣдомъ етаго дива посмотрймъ! А яна говора: ето, мой милый, ня диво: а то диво, що здѣсь-ня здѣсь, па три-девяти зямель, и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, стоить щогла, а на щогли зязю́ля. Що кўкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—исъ конёмъ, и съ сядломъ, и на войну готовъ. Да ѣсть тамъ нечаго, и народъ етый помираа голодной смертю! Отъ, тяперъ жа, вилятая той голубецъ изъ яго комлатъ, и прилятаа у свой домъ. Ня йшовъ жа жъ у домъ, да пошовъ къ лошади. И питая у яго лошадь: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! що тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ? Отвящая яму хозяинъ: говоривъ, що то ня диво, а утъ тȍ диво, що здѣсь-ня здѣсь, на три-девяти зямель, и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, стоить щогла, а на щогли зязю́ля. Що кўкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—исъ конёмъ, и съ сядломъ, и на войну готовъ. Да ѣсть тамъ нечаго, и народъ етый помираа голодной смертю! Конь мой любій, конь мой

милый! ти ня можпо мнѣ етаго дива достать? Конь яму отказавъ: проси у матки басловеньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ узявъ басловеньство, и поѣхали у путь. Пріяжжая ёнъ икъ щогли, и злазя изъ лошади съ своѐ, и говора: здрастуй, щогла! Яна яму отвѣчая: здраствуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эка, говора, щогла: у якомъ ты ня ў преподобномъ мѣсьти стоишъ! Ежали бъ ты пошла у мою сторону̀, тамъ ба ня помиравъ етой голодной смертю народъ! Ти ня пойдешъ ты со мной? Япа говора: пойду! Ёнъ на свого на коня сѣвъ, а яна за имъ услѣдъ. Приходя ёнъ икъ свойму двору, и становя щоглу ли дуба. Такъ жа солдатъ якъ упаде, у одѐжи надяѐтца, и на работу йдѐ. То диво було̀, а то сѐ диво, мо, нихто пе бачивъ! И збираетца богато народу дива етаго глядѣти. Сыйчасъ жа пошовъ корабельщикъ мо̀рамъ и приваливъ корабъ свой къ берагу дива етаго смотрить. И посмотривъ етаго дива и отправляетца у корабъ у свой. Хлопчикъ жа, провѐвши яго, и пошовъ икъ коню къ свойму. Отвящаа яму лошадь: хозяинъ мой любiй! узлѣзь ты на мяне и упади зъ мяне; и здѣлайся голубцомъ, и лятѝ на той бокъ мора, и почуешъ ты, що будя царъ съ царевняй гомонить! И дѣлаетца ёнъ голубцомъ и полятѣвъ на той бокъ мора. Садитца корабельщику на плячо, и уносявъ ёнъ яго у домъ. И расписуетца царъ съ корабельщикомъ у пакладной, и говора корабельщикъ: вотъ, говора, царськое сіятелство: якъ по той бокъ мора, дакъ то було́ диво, а тяперъ ще бо́льшая: стоить щогла, а на щогли зязюля. Що ку́кня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—съ конёмъ и съ сядломъ, и на войну готовъ. Якъ упаде, у одежу надяѐтца и на работу йдѐ! Отправляя ёнъ корабельщика и говора: ахъ моя милаа! нумъ ми поѣдомъ етаго дива смотрѝть?—Э, мой милый! ето говора, диво? Ето ня диво! То утъ то́ диво, що здѣсь—ня-здѣсь, за тридевяти зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, дикій кабанъ лычамъ орэ, ногами скоро́дя, съ хвоста сѣвъ пускаа, ў три дни хлѣбъ поспѣваа. Да некому яго зьядать, дакъ ёнъ тамъ такъ и загибаа! Такъ жэ, голубецъ отправився домовъ, и ня захо̀дячи ў свой домъ, отправляетца къ коню къ свойму, и здѣлаетца чаловѣкомъ. И спрашуя у яго лошадь: ахъ, хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! що тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ?—А ёнъ говора: що жъ тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ: ето, говора, ня диво, а утъ-то̀ диво, що здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяти зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, дикій кабанъ лычамъ орэ, ногами скородя, съ хвоста сѣвъ пускаа, и ў три дни хлѣбъ поспѣваа! Конь мой любій, конь мой милый, ти не могомъ ми етаго дива достать? Конь жа яму отвѣщаа: проси у матки басловеньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ узявъ басловеньство; сѣвъ на свого добраго лошадь и поѣхавъ. Пріяжжаять икъ кабану. Здрастуй табѣ, кабанъ!—Здра-

стуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эхъ, говора: у якомъ ты мѣсьти непреподобномъ стоишъ, хлѣбъ сѣешъ! Отъ, якъ ба ты пошовъ у мою сторону̇, тамъ ба ми етое жито зжинали, и етый хлѣбъ зьядали, и за тябе бъ Бога просили! Ты ня пойдешъ ты со мною?—Пойду, каа. Ёнъ сѣвъ на свою на добраю лошадь, а ёнъ услѣдъ за имъ. Приводя ёнъ яго икъ свойму двору и становя на стяпу̇. Такъ жа, якъ зязюля кукня, солдатъ изъ яе пу̇кня, у одежи надяе̇тца и на работу иде, жито жать.

Скоро казка кажетца, да ня скоро дѣло дѣлаетца. У яго у̇же здѣлалось такоа царство, шо уже большъ за того цара. То диво глядѣли, а то ще болшъ люди стали глядѣть. Ишовъ корабельщикъ мо̇рамъ и привярнувъ корабъ етаго дива глядѣть. И проводя хлопчикъ корабельщика и заходя икъ свойму коню. И спрашуя яго конь: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! Издѣлайсь ты голубцомъ и ляти на той бокъ мора. И послухай ты, шо царъ съ царевняй будя гомонѣть! Ёнъ скинувся голубцомъ и полятѣвъ. Садитца корабельщику на плячо, и уносяй ёнъ яго у̇ домъ. И расписуетца царъ съ корабельщикомъ у накладной, и говора корабельщикъ: вотъ, говора, царськое сіятелство: якъ по той бокъ мора, дакъ то̇ було̇ диво, а тяперъ ще бо̇льшая: стоить на стяпу̇ дикій кабанъ, лычамъ орэ, ногами скородя, съ хвоста сѣвъ пускаа, у три дни хлѣбъ поспѣваа. Солдатъ съ дуба пукня, у одежи надяетца и на работу иде—жито жать. Царъ корабельщика назадъ отправивъ, и ставъ исъ царевняй гомонѣть: ахъ, моя милаа! нумъ поѣдомъ етаго дива посмотри̇мъ! А яна яму отвѣтова̀ла: ето диво ня диво, а ёсть диво: на три-девяти зямель и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, ёстяка тамъ рака̀—киселёви берага, приди—покушай, и сумки ня рушай! Якъ поядáешъ, яна изновъ заростѐ. Отправляетца той голубецъ исъ царськаго дому и прилятаа къ свойму дому. Ня йшовши у домъ, да пошовъ икъ свойму коню. Отъ, конь у яго и спрашуя: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій, що царъ съ царевняй гомонѣвъ? Ёнъ яму отказавая: а што гомонѣвъ? Казавъ, шо ето ня диво, а утъ то̇ диво, што здѣсь—ня-здѣсь, на три-девять зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, ёсть рака̀—киселёви берага: приди —покушай, и сумки ня рушай! Якъ поядаешъ, яна изновъ заросте! Конь мой любій, конь мой милый, ти не могомъ ми етое диво достать? Конь говора: возьми у матки бласловеньство и поѣдомъ у путь, и достаномъ! Ёнъ узявъ у матки бласловеньство, сѣвъ и поѣхавъ. Пріяжжаа икъ рацѐ къ етой. Здрастуй, говора, рака̀—киселёви берага!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эхъ, говора, рака! у якомъ ты не у̇ сподобномъ мѣсьти стоишъ! Ти ня по̇йдешъ ты со мной у мою сторону? Тамъ ба тябе зьядали, тамъ ба тябе сьпивали, й усягды бъ ты свѣжая була, и за тябе

бъ Бога молили! Яна говора: пойду! Ёнъ сѣвъ на свою добраю лошадь, а яна ўслѣдъ за имъ. И привёвъ ёнъ икъ свойму дому, и поставивъ ли берагу. Такъ жа, дубъ одежу шъѐ, зязюля кукня, солдатъ пукня, одежу надяѐ, кабанъ хлѣбъ засявая, солдатъ хлѣба поѣсть, иде къ рацѣ: пришовъ, поядавъ, и пошовъ жито жать, у цагѐльню, у разныя работы тамъ. Тѐ жъ диво глядѣли, а то и лучче стали глядѣть,—пошти исъ усяго свѣту стали пріяжжать смотрѝти. Такъ жа ишовъ корабельщикъ и причалѝвъ корабъ, етаго самаго дива смотрити. Посмотривъ етаго дива, провёвъ яго хлопчикъ етый. И провёвши яго, пошовъ икъ коню̀ икъ свойму. И конь яму говбра: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! Издѣлайся голубцомъ и ляти на той бокъ мора, послухай, што царъ съ царевняй будя гомонѣть! Ёнъ на коня узлѣзъ, съ коня ўпавъ—и здѣлався голубцомъ. И полятѣвъ на той бокъ мора, сѣвъ корабельщику на правое плячо, и унёсъ яго корабельщикъ у царськія покои. Распѝсуетца царъ у накладной, и говора яму корабельщикъ: вотъ, говора, царськое сіятелство, якое диво по той бокъ мора! То булѐ диво, а тяперъ ще побōляло: тячѐ ракà—киселёви берага, приди—покушай, и сумки ня рушай! И якъ поядаешъ, яна зновъ заростѐ. Такъ шо дубъ одежу шія, зязюля кукня, солдатъ пукня, кабанъ хлѣбъ засяваа; солдатъ одежу надяваа, хлѣба подъѣсть, иде къ ракѣ, пришовъ, поядавъ и на работу пошовъ. Царъ отправивъ корабельщика и говора на царевну: нумъ, моя милая, поѣдомъ посмотримъ! Яна яму отказуа: ето диво ня диво, а то диво, що здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяти зямель, и въ иньчамъ царствьи, у большомъ государствьи, стоить кельня ли мора, и у той кельни одинáнцать братовъ спасáятца. И не знаять яны, шо яны браты, одныѐ матки и одного батьки. Дакъ о̀тъ, говора, диво!—Отправляетца той голубецъ икъ свойму двору. Ня йшовши у домъ, да пошовъ къ коню. Конь яго питаа: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій, що царъ съ царевняй гомонѣвъ?—А що гомонѣвъ? Казавъ, що ето ня диво, а то диво, на три-девяти зямель и въ иньчамъ царствьи, у большомъ государствьи, стоить кельня ли мора, и ў той кельни одинàнцать братовъ спасáятца. И не знаять яны, шо яны браты, одныѐ матки и одного батьки. Дакъ ти не могомъ ми етаго дива достать? Ёнъ жа сказуя, конь, яму: иди къ матары и проси, шобъ яна исъ своѐ груди уцыркнула молока и спяклá прōскуру! Такъ жа, иде ёнъ отъ свого коня, хлопчикъ той, до матяры до своѐ. Отъ, говора, матушка: уцыркни ты съ своѐ груди молока и спячи мнѣ прōскуру! Яна жъ узяла, уцыркнула молока исъ свое груди, послухала яго, и спякла прōскуру. Ёнъ жа узявъ тую проскуру, и помолившись Богу, и сѣвъ на свою на добраю лошадь и поѣхавъ у путь. Пріяжжая икъ той жа кельни. И отвящаа яму конь: ступай ты ў кельню и возьми тую прōскуру, що на

столѣ будя лягать, а ету положъ! А самъ схоронись! Такъ жа ёнъ увійшовъ у кельню и ўзявъ тую проскуру, а свою поклавъ. А самъ сховавсь. Ажъ приходя, припливая бочка зъ мора, (вѣдомо, такъ уже спасаютца,) и вистанавлюетца у яе кругъ, и уходять одинанцать братіявъ у кельню. Посадились за столъ, и разломивъ большій братъ проскуру на 'динанцать часьтей. И ўзяли яны по частоццы, и зьѣли туу проскуру. И глянули другъ на друга, и силно заплакали. Ахъ, говора: ето жъ ми братія одно! Ну, да однача, да хтось мижда насъ шутку ету да пошутивъ, *що* ми досюль не знали, *що* ми браты! Отъ тепэръ и закричали: хто тутъ ѐ, знаходитца тутъ? Отзовись! Ёнъ жа й обозвався. Яны узялись, дружка дружку поцаловали, и ўзнали, що ихъ двананцать братовъ роднихъ. И пошли яны сабѣ домовъ, уже у хлопчика у етаго ў господу. Яны жъ сѣли у свою бочку, а ёнъ сѣвъ на свою добраю лошадь. Пріяжжаа ёнъ домовъ и говора своей матусцы: эхъ, говора, матушка! найшовъ я своихъ 'динанцать братіявъ! Тутъ жа сичасъ и бочка къ яму, къ яго дому пришла. Сичасъ вйстановивсь кругъ, и виходять яны съ круга. И вишла мать проти ихъ и позвала ихъ у домъ. И стали яны тамъ пить и гулять. Такъ жа, то зьбиралось диво глядѣть, а то стали уже зьбиратца нязьмѣтная сила, глядѣть уже на етыхъ на хлопчиковъ. Такъ жа ишовъ корабельщикъ и приваливъ етаго дива смотрйти. Посмотрйвши етаго дива, и отправився у свой корабъ. Проводя яго хлопчикъ. И ня йшовши у домъ у свой, да заходя икъ лошади. Отвящая яму лошадь: ляти ты, говора, къ цару, здѣлайся, говора, голубцомъ и ляти къ цару: що будя царъ съ царэвняй гомонѣть! Ёнъ узлѣзъ на коня, упавъ зъ яго и здѣлався голубцомъ, и полятѣвъ. Прилятáа ёнъ къ цару и садитца корабельщику на плячо, и уноси яго ёнъ у домъ. Расписуетца царъ на накладной. Тяперъ корабельщикъ яму отвящаа: ахъ, говора, царськое вяличаство! отъ, говора, по той бокъ мора: то було диво, а то й поболяло. То бывъ одинъ хлопчикъ, а тепэръ стало двананцать:— во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздá, по локоть руки у срэбры! Такъ жа и дрогнýлось у цара серца! И хýтко отправивъ корабельщика того, и на свою царэвню: нумъ, моя милая, етаго дива поѣдомъ посмотрйть!—Эхъ, мой милый, говора: якъ жа намъ, царськое дѣло, доѣхати? Ми поѣдомъ лоткой, хвиля ўсхватитца, ми потопимсь! А коли бъ отъ нашаго крылца да до яго дворца вистроивсь мостъ, золотая мосьничка да сярэбраная, и стовпи стояли, и хвонари горѣли, и жарки—птицы пѣли, отъ, тогды ми поѣдомъ! Той жа голубецъ вилятѣвъ съ того дому и прилятѣвъ домовъ. Ня йшовши у домъ, а пошовъ икъ коню икъ свойму. И спрашуя у яго конь: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій! що царъ исъ царэвняй гомонѣвъ?—А що гомонѣвъ? Царъ казавъ: нумъ поѣдомъ, моя милая, етаго дива

посмотримъ! А царэвня кажа: якъ жа намъ ѣхати? Наша царськое дѣло. У чо̀венъ сядемъ, а хвиля поднѝметца—ми потопимсь. Отъ, колибъ отъ нашаго крылца да до яго дворца вистроивсь мостъ—мосьничка золотая, мосьничка сярэбраная. и стовпи стояли, и хвонари горѣли, и жарки-птицы пѣли, отъ тогды ми поѣдомъ! Конь мой милый, конь мой любій, ти не могомъ ми етаго дѣла издѣлать? Ёнъ отказавъ: иди ты къ своей икъ братіи, и скажи имъ, щобъ яны старыя книги до свѣту читали и щиро-вѣрно Богу молились. А ты жъ бяри топоръ, да ступай на дворъ, и такжа кблики тяшѝ и ў зе́млю бѝ, и та́къ жа старайся, щобъ кровъ съ тябе лилась; а ты вѣрно работай! И чимъ большъ, тымъ лучче! Яны такъ, знатца, и здѣлали: тыя книги читали, а ёнъ узявъ ету работу работать. Стало на́ зару заниматца, ставъ на моры мостъ подниматца. Сонца узойшлб, и мостъ готовъ ставъ: золотая мосьничка и сярэбраная. И хвонари загорѣлись, и жарки—птицы запѣли. Сичасъ жа царъ уставъ и увидивъ, шо ето дѣло издѣлалось. Тогды жъ ёнъ: нумъ, моя милая,—поѣдомъ етаго дива посмотримъ! Сыйчасъ жа лошади запрагли, и поѣхали,—уже усе́ перäказала, некуды больше казать! И стрѣтила яго хозяйка, етаго матка хлопчика, исъ хлѣбомъ, съ сольлю. И тамъ стали яны пить и гулять. И посьли бясѣды ставъ царъ отправлятца домовъ. Такъ жа яна говора: нѣ, говора, царськое вяличаство! у насъ такъ не отправляютца! На̀тя-тка вамъ у ету книгу прочитайтя. А яна, значитца, у ету книгу писала усе́ ето дѣло, якъ и зъ двора пошла. Тогда жа царъ прочитавъ ету книгу, и зруба̀въ своёй жанѣ другой головў. И стали жить. Вотъ тамъ я бувъ, и ме́дъ—вино пивъ, и ў роти ня булб и по бородѣ не тяклб. Отъ и казцы моей конецъ.

Д. Николаевскъ, краснобуд. в. гом. у. Отъ кр. Аникея Кавунова 50 л. негр. *О* неударяемое слышно довольно отчетливо.

18. Иванъ Ивановичъ царевичъ, божжій королевичъ.

Зачинаетца каска отъ сивца и бурца, и отъ вѣшныго канурца... Хто будить каску сыслыха́ть, тому будить большая награда.

Якъ живъ сабѣ царь на якомъ то царстьви и на якомъ то гусударстьви. И бывъ у яго сынъ Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжій королевичъ. Тоды царь яго не пускавъ никуды лѣтъ до восемнатцати, кабъ не заглида̀вся ни зачимъ, не балыва́вся. Ну, тоды ёнъ давай просйтца: батюшка роднбй, пусьтитя сьвѣту повидать! Тоды яму отецъ давъ роту сылдатовъ, давъ коня, збрую, мечъ, ружьжб. Ну, тоды, ёнъ ѣзьдивъ, ѣзьдивъ, пулювавъ, пулювавъ, по лѣсахъ, по пущихъ. Ну, посьли того выѣжжаитъ ёнъ на полянку, остана́вліитца ны полянцы. Ажны на той

полянцы Баба-Ига, косьтиная нога, рископала лядо и засѣила ильномъ. (Стало быть ина была ни пристáя.) Ну, тоды, послала у лёнъ трёхъ дочóкъ: дьвюхъ рóдныхъ, третьтю патчирку, лёнъ полоть. Ну, тоды, яны завидѣли яго, лёнъ полючи, а ёнъ ихъ. Ну, яны яго завидѣли, што ёнъ такій пригожій молодецъ, тоды большыя дочирь яе кажить: эхъ, якій добрый молодецъ, хорошъ-пригожъ! кабъ ёнъ мяне узявъ зы сябе, я бъ яму вышила такій ковёръ, што ёнъ во ўсимъ царствьи, во ўсёй имперіи не найдить! Й а сяредьнія дочь говорила: ето твоя не скаска, а прискаска! Вотъ моя зáгатка: кабъ Бохъ пріизьвёвъ яму мяне узять, дыкъ я-бъ однэй пукулѝной (лянина, одно каливо) одѣла роту сылдатовъ, сама одѣлыся, и яго одѣла бъ! А ёнъ усё ето слухувъ и чувъ, понимався. Ну, а третьтя, ужо патчирка, обищала, говóрить: ето ваши ни скаски, ни зáгатки! Вотъ моя скаска и зáгатка: ежели бъ Бохъ пріизьвёвъ мяне яму̀ узять зы сябе замужъ, дыкъ я ба яму въ одну ночь зыбярéмила, спородила бъ двинатцать сыновъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, у во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по колѣни ноги ў золыти, а руки пы запясьтья у сéребри! А ёнъ ето ўсё чувъ. Тоды ёнъ выслухувъ, узявъ свою армію, и поѣхывъ домой. Пріѣжжаить домой, отецъ спрашіить: што, сынокъ мой любезный: идѣ бывавъ, што идѣ видавъ, што идѣ чувавъ, якое диво? Ёнъ говóрить: вотъ, батюшка! нійдѣ я не бывавъ, ничого не чувавъ, а тольки видѣвъ на пущи, на лѣси, Баба-Ига, косьтиная нога, рископала лядо, насѣила лёну, и прислала дочóкъ лёнъ полоть. Якъ замѣтили мяне,—што молодецъ очень удáлый, очень пригожъ, хорошъ, дыкъ бóльшыя дочирь казала: што кабъ мяне узявъ зы сябе замужъ Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжій королевичъ, дыкъ я бъ яму̀ ковёръ вышила, штобъ ёнъ такого во ўсёмъ своёмъ царстьви, во ўсёмъ гусударстьви не нашовъ, якій ба зрабóтала! Ну, тоды, говорить, сяредьнія кажить: эй, сестра! я бъ яму̀ бóльшую зáгатку загадала: я бъ однэй пукулиною роту сылдатовъ одѣла, сама одѣлыся и яго одѣла! Ну, а третьтія, патчирка, кажить: ето ваши ни скаски, ни зáгатки! А моя то скаска и загатка: я бъ яму̀, говорить, въ одну ночь забяремила и породила двѣнатцать сыновъ соколовъ, волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтія руки ў сéребри, по колѣни ноги ў золыти, во лбѣ зьвёзды, ў потылицы мѣсикъ! Ну, тоды отецъ говорить: лучче, сынокъ, ету узять, которыя порóдить двѣнатцать сыновъ якъ соколовъ: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтья руки у сéребри, по колѣни ноги ў золыти, во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ. У нашимъ царстьви быгатырёвъ мало, дыкъ боли будить! То ужъ будуть не простэя, а быгатыри! Ну, тоды, известно, ёнъ, царевичъ, кажить: што ина у дрениу одежу увыбравши, не пригожа. А батька кажить: ничого, сынокъ, бяри! Кыли ты царéвичъ,

дыкъ и ина будить царицыю! Вясьтимо, у мачихи; ина затымъ яе етакъ дренно одѣёть, што кабъ нихто не зыглидався! Ну, тоды ёнъ поѣхывъ къ баби тэй у сваты. Дыкъ ина одбила яго, што ина дура, ничого ня ўмѣить дѣлыть! А ёнъ повидѣвся изъ ёй, дыкъ ина яго вўчить: гляди жъ, ина пыставить мяне за третьтимъ дисяткымъ, одѣнить мяне у луччую одежу. Дыкъ ты мяне такъ не вызнаишъ. А муха завьётца отъ тябе терссъ мою гыловў, дыкъ ты мяне и бяри! Ина будить тябе одбивать, ну ты ня слухай, и бяри ўсё-тки мяне! Ну, Баба-Ига два разы выводила пы дисятку, ну ёнъ ни вўдныя ня выбравъ: нема тутъ, каить, тыя, што мнѣ треба! Тоды ина вывела третьтій дисятыкъ. Такъ муха отъ яго вуха завилася тересъ яе гыловў. Ёнъ узявъ яе, вывевъ зу рукў шъ шару, кажить: во ета моя, боли ниякія не хочў! Ну, тоды, ина, якъ нярбдныя дычка̀, дыкъ ёнъ узявъ, яе на свой коштъ, жанитца зь ей. Пыславъ бумагу къ интриполиту, штобъ жанитца зь ёй. Интриполитъ зьвиньчавъ ихъ. Ну, тоды, якъ згулявъ ёнъ свадьбу, присылаить якій то царь, хочить вуювàтца изъ имъ. Ёнъ якъ пулучивъ бумагу отъ того царя, што ужо хочить вуюватца изъ имъ,—бярёть свою армію и ѣдить вуюватца изъ имъ на границу. А жена яго зы два дня зыбярёмила. Дыкъ ёнъ кажить батьку: батюшка родимый! якъ родить моя жена ти живое, ти мертвое, ти худое, ти доброе, дыкъ пришлитя мнѣ курьера вистовбго на границу, кабъ я знавъ, што Бохъ дась!

Тоды ина пошла у стайню родить. Ну, дыкъ ина роджала, а мачиха зьмія сорбкую ськйнулыся, и одинадцыть пытрябила, а дьвѣнадцытыго ина сабѣ у подолыкъ узила, у свою палату зынесла. Ёнъ тамъ, етый сынъ, ставъ плакыць, кугакыць. Яны почули и пылядѣли. Ажны у яе рябёныкъ, сынъ такій, якъ ина казала, тольки одинъ. Ну, тоды сычасъ батька пишить бумагу сыну на границу: што породила твоя жена сына, якого обищала—волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтіи руки у серебри, по колѣни ноги у золыти, у во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, ды тольки одного, а не дьвѣнадцыть! Ну, тоды ина, вѣдьма ета, знала, што будуть ити бумаги на границу къ яму, дыкъ ина на дьвѣнадцыти былыпакбвъ пыставила дьвѣнадцыть кабаковъ: хто будить ѣхыть, дыкъ ина бумагу причитаить. Тоды ѣдить гиныралъ съ письмомъ на границу къ сыну. Тоды ёнъ ѣдить, а ина вышла и говорить: здраствуй, здраствуй, нашаго свата человѣкъ и посланецъ! заѣдь къ намъ на нычь, мы дли васъ зьдѣлыимъ угощеніе! Вытыпимъ баню, прикажимъ прислузи выпарить васъ; коню дадимъ сѣна, овса! Ёнъ послухувъ, заѣхувъ. Такъ яны вытыпили баню. Ёнъ сходивъ, выпаривея и пришовъ. Яны яго ныкормили, ныпоили, и спать положили. И коню дали сѣна, овса. Ну, якъ ёнъ заснувъ, яны узяли тую бумагу, што батька посылавъ, ды у печь

укинули; а другую сами написали: што вотъ, говоритъ, сынокъ мой любезный! породила твоя жена нѣтъ-што: не то поросёныкъ, не то щанёныкъ,—соусимъ не человѣчьчія постатъ, подобіе Идѣ яго прикажитя подѣть? Той гиныралъ уставъ, бумагу у кырманъ, и пошовъ, думавъ, што тая самая. А яны тую у грубцы спалили. Пріѣжжаитъ гиныралъ къ сыну, шапку снимаитъ здалёку, подъѣжжаитъ ближе—уклоняитца: здраствуй, Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжій королевичъ! А ёнъ отвищаитъ: здраствуй гиныралъ вистовой! што, зъ бумагами ко мнѣ?—Зъ бумагами! Ёнъ тоды узявъ ету бумагу и читаитъ: што породила твоя жена ни поросёнка, ни щанёнка, нѣтъ-кого, соусимъ не человѣчьчаго подобія. Што прикажитя изъ имъ дѣлыть? Ёнъ якъ прічитавъ, за вуши узявся, заплакывъ. Тоды ёнъ пишитъ къ батьку: отецъ родной! што шъ дѣлыть? хто ня ёсь, охрисьтитя ды мойго пріѣзда! Такъ ёнъ, етый гиныралъ, якъ письмо пулучивъ, опять выправився у свою стырону. Яны опять вышли къ яму и кажутъ: заѣдь, къ намъ па нычь, васпанъ, нашаго свата человѣкъ! Ёнъ зайшовъ къ имъ. Яны яго ныпоили, ныкормили и спать положили. Ну, якъ ёнъ лёхъ, дыкъ яны узяли у яго ето письмо и причитали. И узяли, ето письмо спалили, а сами ныписали: што, отецъ мой родной! кыли моя жена родила ня тое, што обѣщала мнѣ у дѣвкахъ, родила нѣтъ-кого, дыкъ идѣ хочитя дѣньтя яе зъ дятёнкымъ, ды мойго пріѣзда, кабъ моѐ и глазы не видали! Кыли ина не такъ родила, якъ обѣщала! Тоды ёнъ, гиныралъ вистовой, ны заутриго рано усьсѣвъ на лошыдь и поѣхывъ. Ну, якъ пріѣжжаитъ ёнъ домой, отецъ спрашіитъ: ну што, гиныралъ вистовой! ти усе блыгополушно на границы у сына?—Слава Богу, усё хорошо! И подавъ яму письмо. Ну, тоды, ёнъ, батька, узявъ ето письмо, разломивъ яго, и якъ причитавъ, дыкъ заплакывъ. Тоды собравъ санотъ: идѣ подѣть яѐ зъ рябёнкымъ? Што сынъ прислав, што покуль я пріѣду, кабъ яе не было: идѣ хочитя подѣньтя зъ рябёнкымъ! Тоды одинъ сынаторъ обыбрався, кажитъ: надо шклянную бочку зработать, жалѣзные обручи нагнать, смолою обсмолить, и па моря-лукоморья пусьтить. Нехай плыветъ, куды Бохъ позволитъ! Ну, тоды сійчасъ шкляры зработали шклянную бочку, усадили яѐ туды зъ рябёнкымъ, кывали окували бочку, зысмолили смолою, и пусьтили на моря.

Сынъ зьварнувся зъ границы. Ѣзьдивъ ёнъ, ѣзьдивъ кыло моря,—нійдѣ не нашовъ,—сплыла. Ёнъ заплакывъ горько. Ну, тоды поѣхывъ къ Баби-Язѣ, къ тэй самэй, и узявъ родную дочку яе. А етый, што поплывъ зъ маткой, плывъ-плывъ скольки тамъ, и росъ не нядѣлими, не днями, а росъ чесами. А матка усё плачитъ. И наплакыла повну бочку сьлёзъ, што ёнъ и ина тонутъ у сьлезахъ. Тоды ёнъ приговоривъ: матушка моя родимая! блыгослови ты мяне, штобъ шкляная бочка и жа-

лѣзные обручи рассыпылиси нарозно! Ну, кажить: Бохъ тябе блыгослови, сынокъ! Ну, дыкъ ёнъ якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, шклянáя бочка, жалѣзные обручи! рассыптися нарозно! Докуль моя матушка будить печалитца, я буду топитца у маткиныхъ сьлезахъ? Такъ ина покъ-покъ, обручи рассыпылиси, бочка на маково зернó посыпылася! Ёнъ тоды узявъ матку за руку и повёвъ. Узьвёвъ на такую високую гору, што ни здумать, ни згадать, ни ў каскыхъ сказать. Называетца ета гора Буда-гора. Тоды тамъ сьнявъ планъ. Тоды ёнъ узявъ матку зу руку и обвёвъ вокругъ горы. Ну, тода говорить: матушка! блыгословитя мяне, я буду на етый горѣ Будай-городъ заводить! Матка яму кажить: дитятко моё миленькыя, дитятко моё дороже́нькыя! сь чимъ ты будишъ городъ заводить: у насъ тутъ нема ничого, тольки одна душа? А ёнъ кажить: матушка моя дороже́нькыя! мнѣ тольки дорега твоя блыгослове́нства, а то ўсё Бохъ дась! Якъ вышывъ ёнъ за два чесы до сьвѣту, сыйшовъ зъ горы ўнизъ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, говорить: дай Божа, штоба бочка золыта, бочка се́ребра прикатилыся ко мнѣ! Ну, прикатилыся бочка золыта и бочка се́ребра. Ну, тоды ёнъ говорить матцы: матушка моя любезныя! деньги у насъ ёсь; тяперь блыгослови ты мяне, кабъ къ нашый Будай-горѣ лѣсъ приплывъ! Тоды матирь отвѣщаить: Бохъ тябе, дитятка, блыгословить! Тоды идуть барки изъ лѣсымъ, изъ брусьсимъ, зъ латыми, зъ дошкыми, су ўсякимъ усячиной, отъ того ўжо царя, одъ батьки. Батька ужо пробу сьнимаить. Ёнъ вѣдыить, што яго сынъ живъ, што идѣ-идѣ окосьнётца—окажитца. Ну, тоды ёнъ вышывъ на горў и видить, што идуть барки по мóрю изъ лѣсымъ су ўсякимъ. Ну, ёнъ якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говорить: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моёй крутой горѣ, я буду товаръ покупать, поцѣнно давать, вашыму царю госьтинца пысылать! Яны причалили барки, товаръ пызвалйли ли крутой етый горы. Ёнъ заплативъ имъ у дьвѣ цаны. Ну й якого тамъ подарку пыславъ царю ихнаму, откуль етые купцы.

Тоды яны поѣхыли домой, а ёнъ кажить: матушка моя родимая, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ будить отецъ съ мачихой говорить, якъ прiѣдуть купцы! Матка кажить: сынокъ мой зьлюбленный, Бохъ тябе блыгословить! Ну, ёнъ тоды зьдѣлывся гулубцомъ и полятѣвъ усьлѣдъ зы купцами. Ну, прiѣжжають етые купцы къ свойму царю. Ёнъ ихъ спрашиить: ну, ребяты, идѣ бывали, што видали? Яны кажуть: ваша вяличество! прiявилыся крутая гора, што ни здумать, ни згадать, ни ў скаскахъ сказать—якой висычины, якой ширичины! И къ той горѣ якей то купецъ уси барки причиляить (чал), товары, лѣсъ откупляить,—

кажить: буду Будай-городъ ставить!. Ёнъ намъ у дьвѣ цаны заплативъ и вамъ госьтинца приславъ! Царь кажить: вѣрно ето мой сынъ! нужно побольше пыслать, кабъ скорѣй городъ ставивъ! Ёнъ ужо пославъ, што яму й такой и такой лѣсъ нуженъ. А сынъ пылятѣвъ гулубцомъ къ матцы. Тутъ опять ставъ молодцомъ и кажить: матушка моя родименькая, блыгослови ты мяне: думаю я Будай-городъ стыновить! Матка кажить: Бохъ тябе блыгословить! Ну, ёнъ тоды вышывъ на гору и крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, идѣ ёсь плотьники, топорники, столяры, кували! усѣ сыбирайтися къ моёй крутой горѣ! я буду поцѣнно платить, Будай городъ стыновить! Ну, якъ крикнувъ ёнъ, дыкъ сыбралиси къ яму пильщики, плотьники, муляры, кували, уси, уси. Ёнъ обвёвъ планъ и ставъ городъ строить. И за пувтора мѣсица ёнъ изь ими состроили городъ, лавки, церквы зычинали. Ну, тоды опять ѣдуть етые купцы съ товарыми. Ёнъ кажить: матушка, блыгослови мяне! у мяне лѣсу не хватаить! Матка блыгословила. Тоды ёнъ вышывъ ды якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моёй крутой горѣ: мнѣ нужно Будай-городъ строить! Яны лѣсъ яму звалили. Ёнъ имъ у дьвѣ цаны заплативъ, ныкормивъ, ныпоивъ, и домой отпусьтивъ. И ящо царю госьтинецъ пыславъ. Тоды, яны поѣхыли, тоды ёнъ кажить: матушка, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ батюшка будить говорить зъ мачихый! Матка кажить: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословить! Ёнъ ськинувся узнова гулубцомъ и пылятѣвъ зы купцами. Покуль тэя купцы приѣхыли дыкъ ёнъ слухыить. Приѣжжають купцы. Царь спрашиить: што, ребяты: по якихъ городахъ, по якихъ сторонахъ ѣзьдили? што чували, што видали? Яны кажуть: ваша осiятельство! дали Будай города нидѣ не бывали! Той купецъ ня 'тпускаить дальше! Ну, дыкъ ёнъ говорить мачиси: вѣрно ето мой сынъ приявився! А мачиха отвѣщаить: ето ня диво-дивушка, што Будай городъ вистроинъ крѣпко и пригожа, а вотъ ёсь у моёй матушки, на тридевятымъ царсьти, на тридесятэй земли, ёсь, говорить, городъ, больше Будая, кругомъ сьтѣна ў три аршина глубычины и ширичины: и ёсь у моёй матушки ны стайни пара концовъ-жеребцовъ! якъ пойдуть гулять, дыкъ искры васкрозь сьтяну ў три аршина приламують! А ёнъ зъ гулубцами сядить ды ўсё слухыить. Тоды прилятѣвъ къ матусцы и ставъ молодцомъ. Матка спрашиить: што, мой сынокъ узьлюбленный: што тамъ батька зъ мачихый казали? А ёнъ кажить: а вотъ, якъ приѣхыли купцы ды стали хвалитца, што мы дали не были нийдѣ, тольки у Будай у городи, у крѣпысьти, дыкъ мачиха отвѣщала: што ето ня диво, што Будай городъ вяликыя крѣпысьть! у моѐ, говорить, матушки ёсь городъ, у три аршина сьтѣна глубычины и ширичины; и ёсь у яé ны стайни пара концовъ-жеребцовъ; якъ

пойдутъ пó городу гулять, дыкъ искры концовъ наскрóзь сьтяну прибиваютъ! Тоды ёнъ кажитъ: блыгослови мяне, матушка, штоба за ночь тая сьтѣна отъ Бабы-Яги перейшла ко мнѣ, стала кругóмъ мойго города, и штоба пара концовъ-жеребдовъ у мяне на стайни стояли и по городу такъ гуляли! Матка кажитъ: Бохъ тябе блыгословитъ, дитятко!

Ну, тоды ёнъ за два чесы до сьвѣту вышывъ на крутую гору̀, ды якъ крикнитъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, іоворитъ: идѣ то у тридевятымъ царсьти, на тридесятый зéмли, у Бабы-Яги ёсь каменныя сьтѣна у три аршина ў ширичину и глубычину! Прибудь ко мнѣ, стань кругомъ мойго города! И штоба пара тыхъ концовъ-жеребцовъ прибыло! Ну якъ тольки крикнувъ такъ, усё тое, што у Бабы-Яги, родилыся. Тоды ёнъ пыславъ къ царю письмо, кабъ ёнъ приславъ яму ужо краснаго товару и рыбы. Царь приславъ. Тоды ёнъ етыхъ купцовъ пучустувáвъ и госьтинецъ царю пыславъ. Купцы тэя поѣхыли. Тоды ёнъ кажитъ: матушка моя родимая, блыгослови ты мяне провѣдытъ, што тамъ батюшка зъ мачихой будитъ говоритъ? Матка блыгословила. Тоды ёнъ ськинувся гулубцомъ и пылятѣвъ за купцами. Пріѣжжаютъ яны домовъ, ёнъ сѣвъ зъ гулубами ды сядитъ. А батька спрашіитъ у купцовъ: ну што, ребяты: идѣ бывали, што видали? пы якихъ городахъ, пы якихъ сторонахъ ѣзьдили? Яны *кажюць:* дали Будай-города не пускаитъ той купецъ! И вотъ вамъ госьтиньчика приславъ. И што вы тутъ сказавали жъ жаиой, тое тамъ усё пріявилыся: и тая сьтѣна у три аршина ширичины-глубычины, и тыхъ пара концовъ-жеребцовъ: якъ пойдутъ пó городу гулять, дыкъ задьними ногами сьтяну прилáмуютъ! Еткая чистота! Етый царь кажитъ: надо мнѣ туды зъѣздитъ пылядѣтъ: вѣрно, ето мой сынъ! А мачиха кажитъ, жена яго: ето ня диво, ды дивушка! У моёй матушки, ву тридевятымъ царсьти,—у тридевятэй зéмли, стоитъ подъ городомъ дубъ, ни здумытъ, ни згадатъ! На тымъ дуби дьв*и*надцытъ кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ дв*а*надцытъ котовъ: якъ угóру йдутъ—басьни баютъ: якъ унизъ идутъ—на гусьли йграютъ. Вотъ то-то чистота у моёй матушки! Ну, тоды ёнъ пылятѣвъ къ своей матцы. Матка спрашіитъ: а што, мой сынокъ: што тамъ батька зь мачихый говорили? А ёнъ кажитъ: якъ пріѣхыли купцы, ды стали хвалѝтца, што дали города Будáя не былѝ, и што вы говорили, то усё тамъ стало: и сьтѣна и жеребцы—такая чистота! дыкъ мачиха кажитъ: ето ня диво, а дивушка! Есь. у моёй матушки, ву тридевятымъ царсьти, на тридесятый зéмли, дубъ; на тымъ дуби дванадцытъ *с*окотовъ, на тыхъ *с*окотахъ дванадцытъ котовъ: якъ угору йдутъ—басьни баютъ, якъ унизъ идутъ—на гусьли играютъ. Тоды ёнъ кажитъ: блыгослови мяне, матушка, штоба у мяне бывъ такей дубъ! Матка кажитъ: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословитъ!

Вышывъ ёнъ тоды за два чесы до сьвѣту на крутую гору̂, ды якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, идѣ то на тридевятомъ царствьи, на тридесятый зѐмли, у Баби-Яги ёсь дубъ на двaнадцытѣ кокотовъ, на тыхъ кокотахъ двaнадцытѣ котовъ,—прибудь ко мнѣ! каитъ. Ну, тольки ёнъ крикнувъ, усё тое и ёсь.

Идутъ узнова товары. Ёнъ вышывъ на гору̂, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говоритъ: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моей горѣ! я товаръ купляю, поцѣнно плачу, васъ напою, накормлю и царю гостиньчика пошлю! Тоды яны товаръ ныввалили, деньги пулучили. Ёнъ ихъ ныкормивъ, ныпоивъ и госьтинца царю пыславъ. Тоды ёнъ кажитъ: матушка, блыгослови мяне, штоба мнѣ провѣдытъ, што тамъ будитъ говоритъ отецъ изъ мачихый! Матка кажитъ: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословитъ! Тоды ёнъ ськинувся гулубцомъ и полятѣвъ. Прилятѣвъ на дворъ и сѣвъ зъ гулубцами. Пріѣжжаютъ купцы. Царь спрашіитъ: што, ребяты! идѣ пріѣжжали, што чували, што видали? Яны кажутъ: ваше сіятельство! дали того города той купецъ, ти хто, Бохъ яго знаитъ, не пускаитъ! Ёнъ у насъ товары откупивъ, поцѣнно заплативъ, ныкормивъ насъ, ныпоивъ, и вотъ госьтинца вамъ приславъ. И што вы жъ жаной казали, той дубъ подъ городомъ стоитъ, на двaнадцытъ кокотовъ, на тыхъ кокотахъ двaнадцытъ котовъ: угбру йдутъ—въ гусьли йграютъ! Вотъ то-то красота! Царь кажитъ: вѣрно ето тамъ мой сынъ! надо зъѣздитъ поглядѣтъ! Ну ина стала отгуваривать яго: ето ня диво, а дивушка! каитъ. У моёй матушки на тридевятымъ царсьти, у тридесятый земли ёсь чушка-вопе́рь. Ёнъ по городу идетъ, лычемъ оретъ, а погами скородитъ, а вушами сѣитъ и вѣитъ. Якъ прбйдитъ по городу—хлѣбушка не́йди дѣтъ! Полятѣвъ ёнъ къ матцы. «Ну, што батька зъ мачихый говорили?»—Батька хотѣвъ ѣхытъ, а мачиха каитъ: ето ня диво, а дивушка! Якъ у моёй матушки ёсь чу̂шка—вопе́рь. Ёнъ по̂ городу идетъ, лычемъ орѣтъ, ногами скоро̂дитъ, вушами сѣитъ и вѣитъ. Якъ про̂йдитъ по̂ городу—хлѣбушка не́йди дѣтъ! А у насъ, матушка, хлѣба умалѣньня, дыкъ блыгослови мяне, кабъ до насъ прибывъ такѐй вопе́рь!—Бохъ тябе блыгословитъ, сынокъ! кажитъ. Ёнъ тоды, за два чесы до сьвѣту вышывъ на гору, якъ крикнитъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй! идѣ то у̂ тридевятымъ царсьти, у тридесятый земли, у Бабы-Яги ёсь чушка-воперь. Ёнъ лычемъ оретъ, ногами скородитъ, вушами сѣитъ и вѣитъ; якъ про̂йдитъ по городу—хлѣбушка нейди дѣтъ! У мяне нѣту хлѣба; прибудь ко мнѣ ты, у городъ Будай! Той вопе́рь идетъ, лычемъ оретъ, ногами скоро̂дитъ, вушми сѣитъ и вѣитъ; якъ пройшовъ по городу, дыкъ хлѣба нейди дѣтъ: по хлѣбу ѣзьдютъ, якъ по мосту̂! Ну, тоды купцы етые ѣдутъ но мо̂рю. Ёнъ ужо вышывъ, кричитъ молодецкимъ го-

лосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ мойму къ Будай-городу! я товаръ купляю, поцѣнно плачу! Вотъ яны товаръ звалили. Ёнъ ихъ ныкормивъ, ныпоивъ, и госьтинца царю пыславъ. Самъ просится у матушки, кажитъ: блыгослови мяне, матушка: я хочу провѣдать, што тамъ батька зъ мачихой будутъ говорить. Матка говоритъ: Бохъ тябе блыгословитъ, сынокъ! Ну, тоды ёнъ гулубцомъ ськинувся и полятѣвъ. Прилятѣвъ на дворъ и слухыитъ. Прiѣжжаютъ купцы. Царь спрашiитъ: што, ребяты: идѣ бывали, што видали? Яны кажутъ: дали города Будая нiйдѣ не былй! Той купецъ товаръ у насъ откупивъ, поцѣнно заплативъ, насъ ныпоивъ-ныкормивъ, и вамъ госьтиньчикъ прыславъ. И той чушка-воперь, што вы говорили жъ жаной, тамъ у яго! Икая чистота! Царь кажитъ: вѣрно ето мой сынъ тамъ! Надо зьѣзьдитъ къ яму! Ну жана яго стала отгуваривать: ето, говоритъ, ня диво, а дивушка! Ёсь у матушки мое у каменныхъ палатыхъ одинадцытъ молодцовъ, по дванадцытъ пудовъ булдува. Якъ пойдутъ по городу молотитъ, дыкъ моя матушка смашно сьпитъ, у каменныхъ палатыхъ! Ну, ёнъ осѣвся, не поѣхывъ къ сыну. Тоды ёнъ прилетаитъ ко двору и ставъ молодцомъ. Матка спрашiитъ: што, сынокъ мой? што тамъ батька зъ мачихый говорили? Ёнъ кажитъ: а што? якъ прiѣхыли купцы, стали расказывать, што яны дали нiйдѣ не былй, тольки у гориди Будаи: той купецъ у насъ товаръ откупивъ, поцѣнно плативъ, насъ ныкормивъ—ныпоивъ, и вамъ госьтинца прыславъ,—батька кажитъ: вѣрно ето мой сынъ! надо зьѣзьдитъ къ яму! А мачиха стала отгуваривать яго, говоритъ: ето ня диво, а дивушка! А ёсь у моей матушки у тридевятымъ царсьти на тридесятый земли каменныя палаты; тамъ одинадцытъ молойцовъ, по дванадцытъ пудовъ булдува; якъ пойдутъ по городу молотитъ, дыкъ моя матушка крѣпко у каменныхъ палатыхъ сьпитъ! И заплакывъ: што мое браты такъ дужа страдаютъ! Тоды говоритъ: матушка, возьми сьпячи дванадцытъ проскурикъ, и съ свое грудй молока прицыркни! А я пойду къ кывалю, булдаву кувать! И зыказавъ сабѣ ны дорогу булдаву дванадцытъ пудовъ вѣсымъ. Тоды ёнъ скувавъ булдаву, вышывъ за городъ и кинувъ яе угору, за воблыки. Ина тамъ летала—летала, тоды лятитъ унизъ. Ёнъ узявъ, выс'нывивъ (выстановивъ) правую ладонь. Дыкъ ина якъ ударилыся, дыкъ и рассыпалыся! Ну, тоды ёнъ пошовъ назадъ къ кувалямъ. Яны передѣлыли яму: половина желѣза а половина стали. Ну, тоды ёнъ вышывъ за городъ, якъ кинувъ яе угору за воблыки, йна тамъ летала—летала, потомъ лятитъ унизъ. Ёнъ узявъ, шапку зьдѣвъ и выс'нывивъ лобъ. Ина якъ ударитъ яму у лобъ, дыкъ тольки увогнулася. Тоды ёнъ говоритъ: ну, ребяты: хороша будитъ! Пришовъ у дворъ, узявъ дванадцытъ проскурикъ, попрощався зъ маткый,,

и пошовъ къ Баби-Изѣ, у тридевятое царство, у тридесятую зёмлю.

Ну, тоды, якъ ити, дыкъ ити, скоро кажитца, ды ня скоро дѣлыитца. Пришовъ къ Баби-Изѣ. А ина сьпитъ, яны оддыхаютъ,—тольки булдовы на горѣ тырчатъ. Ёнъ узявъ, проскурки на булдовы усклавъ, а самъ за камень схувався. Ну, тоды яны одинъ другого товхъ-товхъ! Будимъ, братцы, уставать молотить! Вядомо, яны у яе у тьвику. Зьѣли проскурки. Вѣтеръ якъ дунувъ, дыкъ яны почули маткину кровъ. Эй, братъ, кажютъ: братъ у госьти пришовъ! Тоды ёнъ вышывъ, кажитъ: укажитя мнѣ яе! А яны кажютъ: братъ, утекай! А ёнъ кажитъ: такую яе, етакую! тольки укажитя мнѣ яе, ды поможитя тоды мнѣ! Я пойду яе своею булдавою бить! Яны тоды яму указали яе, а сами пошли молотить. Приходитъ ёнъ туды къ ей, ажны ина сьпитъ: изъ нозьдёръ дымъ шибаитъ, изъ рота полынь, а зъ вушей искры сыплютца. Ну, тоды ёнъ пришовъ, разъ треснувъ по лбу—ня чуитъ! другій разъ—почула. И схватилися. Ина його огнёмъ палитъ, дымомъ душитъ. Ёнъ тоды крикнувъ на братовъ. Браты подскочили и забили яе. Ёнъ тоды узявъ возовъ пять соломы, палаты яе запаливъ, братовъ узявъ за руки и повёвъ у свою сторону, у свое царство.

Приводитъ ёнъ ихъ домовъ къ матцы. Яны поклонилися матцы, поздоровкылиси и живутъ у Будай-городи зъ братымъ. Якъ пойдутъ по городу гулять—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, во лбу зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по запясьтія у серебри, по колѣни у золыти—дыкъ увесь городъ зьяитъ! Ну, тоды царь етый посылаитъ своихъ купцовъ съ товарыми. Купцы ѣдутъ по морю; ёнъ вышывъ на гору, кричитъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, купцы, купцы! грябцы грябцы! грябитя къ мойму городу: я товаръ поцѣнно купляю, и васъ нытою-ныкормлю, и царю гостинца пошлю! Яны пріѣжжаютъ; товаръ звалили; тоды ёнъ ихъ ныпоивъ-ныкормивъ, царю гостинецъ давъ и домой отпустивъ. Тоды кажитъ матцы: матушка моя родимыя! я, кажитъ,—братовъ отыйскавъ, тяперь якъ—ба отца у свой Будай городъ звыротить? Ти ёсь тамъ у мачихи якея загадки, ти нема? Матка кажитъ: Бохъ тябе блыгословитъ, сынокъ! Тоды ёнъ ськинувся гулубцомъ и полятѣвъ къ батьку. Купцы якъ пріѣхыли, царь спрашіитъ: ну што, купцы—грябцы! идѣ бывали, по якихъ городахъ, по якихъ сторонахъ ѣзьдили? што чували, што видали? Тоды яны кажутъ: ваша сіятельство! дали того города той купецъ, ти Бохъ яго знаитъ, не пускаитъ! И што вы жъ жаной тутъ говорили, то тое тамъ пріявилыся: тамъ дванадцытъ братовъ стало! Мачиха якъ почула, што яны сыйскалиси, и што яе матки ужо на сьвѣти нема, дыкъ ина схватила ношъ и заколблыся. Тоды тэй царь кажитъ: слава табѣ Господи, што Бохъ опроставъ мою голову отъ окаянныя силы! Поѣду я къ

своей жанѣ, къ своимъ дятёмъ! Тоды ёнъ полятѣвъ домой. Прилятѣвъ домой, зьдѣлывся молодцомъ. Матка кажить: што жъ ты чувъ? А ёнъ кажить: а вотъ што я чувъ: якъ пріѣхыли купцы, ды стали раскáзывать, што мы видали ў Будай-городи двянадцыть братовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по запясьтья—руки у серебри, по колѣни ноги ў золыти, якъ пойдуть по городу гулять, дыкъ увесь городъ зьяить,—дыкъ якъ почула ето мачиха, увызнала, што яе матку забили ужо, дыкъ ина нóжамъ сябе заколола. А батька кажить, говóрить: слава табѣ, Господи, што Бохъ опроставъ мою головў отъ окаянныя силы! Тяперь, кажить, пойду къ своёй жанѣ и къ своимъ дятёмъ! Слава Богу, отецъ у госьти завтра къ намъ будить! Матушка, блыгослови мяне, штобъ за два чесы до сьвѣту провéсьти двянадцыть вёрстъ дорогу, выбить красными сукномъ, и терезъ мóря мостъ, золотая мосьница и сяребриная мосьница, золотый стовпъ и сяребриный стовпъ. Матка сказала: Бохъ тябе блыгословить, сынокъ! За два чесы до сьвѣту вышывъ ёнъ па гору. Якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говорить: я дожидаюсь отца у госьти! штоба Бохъ давъ, штоба до сьвѣту терезъ мóря мостъ вы̀мысьтився и штоба была дорога на двянадцыть вёрстъ, и ету дорогу красными сукномъ увыслали! Якъ ёнъ тольки сказавъ, такъ сійчасъ откуль явилися масьтяры̀, усё ето зрабóтыли. Чуть-день ѣдить царь къ жанѣ у госьти. Пріѣхывъ, поздрáстувався жъ жаной, зъ дятьми. И ставъ жить у Будай-городи. И тяперь тамъ живуть.

С. Староселье, мстисл. у. Отъ кр. Лаврена Артемова, 58 л., негр. зап. въ моемъ присутствіи г. Аникіевичъ.

19. Иванъ Ивановичъ купецкій сынъ.

Бывъ у якомъ то царстьви—государстьви купецъ. У того купца бывъ сы̀нъ. Доживъ ёнъ до совяршеныхъ лѣтъ, и дозволяетца ёнъ у батьки жанитца. Ну, ѣдь сабѣ, выбирать по‘быччу дѣвицу! Тоды ёнъ поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, узъѣжжаеть на пóля: жнеть дѣвка жито. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што ты, дѣвка, за зьдѣлўха?—Вотъ, я зьдѣлуха не большая: етую жменьку жита нажну, зьмялю и двянадцать бóхановъ хлѣба сьпяку зь яé!—Ну, коли, говорить, лѣпшія не найду, я за сябе тябе замужъ возьму! Тоды ёнъ попрощався зь éю и поѣхавъ подальше. Бярéть дѣвка лёнъ. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што ты, дѣвка, за зьдѣлуха?—А, я зьдѣлуха не большая: ету жменьку лёну посьтялю и сомну, двянадцать постàвовъ кросёнъ вытку зь яé!—Ну, коли,

говорить, не дась Богъ, не случитца мнѣ лѣпшія найти, я тябе за сябе замужъ возьму! Уѣжжаетъ ёнъ у городъ. Поставивъ коня на кватёри, самъ пошовъ по базару, коло перепечáекъ. Уси красивыя дѣвки, ну одна красивѣй усихъ! Понорáвилась яму. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што вы, говоритъ, за зьдѣлуха?—А я зьдѣлуха не большая: пойду, говоритъ, за кого замужъ, дакъ я роджу дванадцатъ сыновъ, по колѣно у золоти, по запярсьти у сéребри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяютъ, якъ у водногó! А вы, говоритъ, што спрашіетя, по якихъ дѣлахъ?—А я, говоритъ, сабѣ дѣвицу по 'быччу сво му выбираю, буду 'бручáтца зъ ёй!—Коли, каетъ, ня грéбуетя, дыкъ я, говоритъ, пойду за васъ! Тоды указала дворъ. И пошовъ ёнъ къ отцу сватáтца. Вотъ ёнъ ставъ сватать, отецъ говоритъ: коли дѣвица идéтъ, дакъ щасьтя яé не могу задержать,—некай идетъ! Просватавъ ёнъ яé. Ёнъ побоявся, штобъ якого перябóю ня буль, не воротився къ батьку, узявъ да й жанився тамъ. Пріѣжжаетъ домой ижъ жаною ўжо. Батька тэй усéрдився, што не пріѣжжавъ домой благословлятца, ды й 'бручився тамъ, и матка. Тогда ёнъ батьку и матку ставъ просить, ставъ просить. Батька тыки просьтивъ яму, а матка—тая сярдита, не прощаетъ яму. Отъ, ёнъ, скольки ўремя прожили, нявѣста забрéменѣла. Тоды свякрова стала бранитца на ходяина: чаму сына не посылаешъ за купечаствомъ, чаго сидитё у хати? Собрали старцóвъ да й не думаетя! скоро ѣсьть нéчаго будетъ! Тяперича ёнъ, батька, говоритъ на яго: ну, мой сынокъ! бяри денегъ, говоритъ, и ѣдь у такій и такій городъ на пристань, и купляй на пристани товаръ! Тоды ёнъ говоритъ: батюшка мой, говоритъ, кормитель мой! коли дась Бохъ, моя жана рóдитъ,—ти худое ти доброе—безъ мяне, говóритъ, хрѐзьбинъ не гуляйтя,—я самъ буду хрезьбины гулять! Отъ ёнъ поѣхавъ. Тольки ёнъ поѣхавъ, ина почала родить. Тольки одного ина родила, а свякрова ухватила да за плотъ! Вотъ, ина роджаетъ, а ина за плотъ кидаетъ. Одинадцатъ сыновъ ина за плотъ закинула. Тольки што дванадцатаго родила, а старушка пѣйкая на порогъ. Тоды ина (свякрова) на яе усярдилася, чаго ина пайшла на етый зной, а тая попросила, породиха: бабулька, говоритъ: ня йдитя, побудьтя часину тутъ! перебабтя, говоритъ, яго! Мужа у дворѣ нѣту, мнѣ самой ходить нельзя!—Этъ, каетъ: якъ мнѣ яго бабитъ, мужички приступитъ къ купцовой жанѣ!—Ничого, каетъ, перебабтя! Ина узила, яго перебабила. Тоды яго у ночóвочки положила, ножичекъ подъ гóловы яму положила, што пупокинку рѣзала. Тоды пошла къ купцу: купецъ нашъ милосьливый! давъ Богъ табѣ унýка, што ни чутъ, ни видатъ было яго! И родила, говоритъ, што по колѣни у золоти, по запярсьти у сéребри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у

макусцы дробныя звёзды сіяють. Купецъ тэй увыйшовъ у комнату, дакъ ажно комната сіяеть отъ яго! Ну, ёнъ сичасъ узявъ, письмо написавъ къ свойму сыну: сынъ мой, говорить, узлюблённый! родила, говорить, твоя жана ребёночка, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють: освятивъ мою комнату усю! Тэй человѣкъ пошовъ съ письмомъ. Проходить день, обнимаеть яго тёмная ночь. Стоить ли дороги хатка. Ёнъ у тую хату зайшовъ,—тамъ дѣвка шіеть— вышиваеть. Здраствуй, говорить, дѣвушка!—Здраствуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ночь?—Зачимъ, говорить, ня пусьтимъ? у мяне люди ночують кажную ночь: при дорози живёмъ, дакъ заходють! Ночуйтя сабѣ зъ Богомъ! говорить. Вотъ ёнъ заночевавъ. Ина ў яго распросила: куды идешъ, по якому дѣлу? Вотъ, говорить: я нанятъ! Нанявъ мяне купецъ—родився у яго сына ребёночекъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Дыкъ ёнъ мяне нанявъ занесьть сыну писямцо, кабъ ѣхавъ домой кьстины гулять! Тоды ёнъ легъ спать, а ина писямцо тое вынила, написала письмо: што родила твоя жонка ребёнка—свиный лычъ, куриныя ноги, мядьвѣдчія руки, совиный узглядъ—соўсимъ не человѣччій корпусъ! Да тое письмо яму за шапку за маргелку заклала, а тое подрала. Дакъ ёнъ назаўтраго уставъ, помывся, Богу помолився, за ношлегъ подякувавъ и пошовъ. Проходить день обнимаеть яго тёмная ночь. Ёнъ приходить—стоить ли дороги хатка. Ёнъ у тую хатку зайшовъ,—тамъ дѣвка шіеть—вышиваеть. Здраствуй, говорить, дѣвушка!—Здраствуй, здраствуй человѣча!—Ти ня пусьтитя на ночь?—Зачимъ, говорить, ня пусьтимъ? у мяне люди ночують кажную ночь: при дорози живёмъ, дакъ заходють! Ночуйтя сабѣ съ Богомъ! говорить. Вотъ ёнъ заночевавъ. Ина ў яго распросила: куды идешъ, по якому дѣлу? Вотъ, говора: я нанятъ! Нанявъ мяне купецъ—родився у яго сына ребёнокъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Дыкъ ёнъ мяне нанявъ занесьть сыну писямцо, кабъ ѣхавъ домой, кьстины гулять! Тоды ёнъ лёгъ спать. Ина узила тое писямцо, ящо чисьтѣй накурбувала, на дятёнка на того, што ўжо й смотрѣть на яго нельзя. Ёнъ назаўтраго уставъ, помывся, Богу помолився, за ношлегъ подякувавъ и пошовъ. Вотъ, приходить у тэй городишко, допытався яго кватери, сичасъ отдаеть ето писямцо. Ёнъ узявъ тое писямцо,—стыдно яму читать яго—скольки особъ тутъ було—дыкъ ёнъ вышовъ на крыльцо. Прочитавъ ето письмо, тоды написавъ: батюшка мой, говорить, и матушка! якого Богъ ни давъ, не гуляйтя хрезьбинъ безъ мяне! я самъ пріѣду хрезьбины гулять! Давъ яму грошій на дорогу:

нѣшто, говоритъ, не такъ написано, якъ ина казала—роджу дятёнка!—Нѣ, каетъ: ина родила дятёнка по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макуспы дробныя звёзды. Тоды ёнъ дознався, што ето швагрыни яе при дорози жили и подьдѣлали—которая жала, которая лёнъ брала. Давъ иму грошій на дорогу. Ёнъ якъ ити дакъ ити—пройшовъ день. Обнимаетъ яго тёмная ночь. Зайшовъ ёнъ у тую хатку, адѣ вучувавъ другую ночь. Здраствуй, дѣвица!—Здравствуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ношлегъ?—А, нашто вы проситесь? Одну ночь переночевали, дакъ идитя ужо якъ у свой домъ,—ночуйтя, каетъ, зъ Богомъ! Ёнъ заночевавъ. Лёгъ спать, ина сичасъ узила карточку и перечитала: што, батюшка и матушка! не гуляйтя хрезьбинъ безъ мяне! Ина жъ тую сичасъ узила подрала, и написала: батюшка, говоритъ, и матушка! сичасъ яе стратьтя! до мойго пріѣзду кабъ яе не було. А коли не стратитя, дакъ я, говоритъ, васъ самихъ потрачу! Написала ету карточку, ды за шапку яму заклала. Ёнъ назаўтра уставъ, помывся, Богу помолився, подякувавъ за ношлегъ, и пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити—обнимаетъ яго тёмная ночь. Зайшовъ ёнъ у тую хатку, дѣ першую ночь вучувавъ. Здраствуй, дѣвица!—Здравстуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ношлегъ?—А нашто вы проситесь? Одну ночь переночевали, дакъ идитя ужо якъ у свой домъ,—ночуйтя, каетъ, зъ Богомъ! Ёнъ заночевавъ. Лёгъ спать, ина сичасъ узила карточку и перечитала. Опять жа ина поправила: ежали яе не стратитя, дакъ я, говоритъ, пріѣду, домъ спалю, и попелъ вѣтеръ разнясетъ! Ёнъ приходитъ домой, сичасъ отдаетъ карточку тому купцу. Тэй купецъ прочитавъ: ухъ, говоритъ: якъ ето можетъ быть! кабъ етакаго ребёшачка тратитъ! жаль мнѣ яе, жаль етакаго ребёнка, красиваго! Сичасъ свякровъ убѣгаетъ—да, говоритъ: ти табѣ нявѣстка дорожѣй исъ сыномъ, ти мы? Ужежъ мы дорожѣй, говоритъ, и домъ! Да стратитъ, каетъ, ихъ! Ну, ёнъ подумавъ: якъ яе стратитъ?—такъ яе тратитъ нельга! Була у яго большая кухва; ёнъ тую кухву засмаливъ, зялѣзными обручами забивъ яе, тоды узяли яе у ету кухву садитъ. Ребёшачекъ етый проговоривъ: матушка моя родителка, не забудься тэй ножичекъ узять, што баба пуповинку отрѣзала мнѣ! Узила ина тэй ножикъ, ихъ у тую кухву усадили, дно уставили, и засмалили,—штобъ вода не найшла туды. Тоды пусьтили ихъ по морю. Купецъ самъ пошовъ по берегу, и смотритъ, покуль изъ глазъ исплывъ,—што жалко яму етаго ребёнка—што красивъ дужа! Давъ Богъ унука, и того пусьтивъ по морю! Тоды ина выходитъ, свякрова, на берегъ и говоритъ: чаго ты ходишъ по берегу, иди, каетъ, у дворъ! Што табѣ—нявѣстки съ сынкомъ дорого, а насъ зъ дворомъ ня дорого? Иди, каетъ, домовъ! каетъ. Тоды ёнъ вярнувся, пошовъ у комнаты.

Нямножко згодя, прiѣжжаетъ сынъ. Батюшка, говоритъ: а дѣ жъ моя жана?—А дѣ жъ твоя жана? Што ты написавъ—здѣлано! говоритъ. Тоды ёнъ догадався, што ето зьдѣлали тыя дѣвки, швагрыни яе, которая жала, которая лёнъ брала. Ну, говоритъ: Богъ зь ею! Поплыла—тяперь не вярнуть! У здоръ етаго не принявъ, просьтивъ имъ, што показали карточку у руки. Узявъ, жанився съ тою, зъ другою, што жито жала.

Ти много, ти мало яны проплыли, и ўчувъ етый мальчишка, што кухва прiютилася,—ня йдеть по водѣ ужо. Матушка моя родителка, позвольтя мнѣ кухву ету распихнуть! Ина говоритъ: ай, мой сыночекъ! идѣжъ тябѣ распихнуть? Ина жъ залѣзными обручами зьбита!—Позвольтя, каетъ, матушка,—распихну!—Ну, Богъ тябе богослови, каетъ: распихни сабѣ! Ёнъ мёзинымъ пальцомъ стукнувъ у дно—тое дно выскочило! Ёнъ самъ на берегъ вышовъ и матку на берегъ вывевъ, на выспу. Матушка, моя, говоритъ, родителка! позвольтя мнѣ, говоритъ, будучку состроить етымъ ножикомъ: будетъ, каетъ, отъ жаркаго сонца, отъ силнаго дождж у! А ина говоритъ: идѣ табѣ построить будку такимъ ножичкомъ? ёнъ жа, каетъ, маленькiй и тупый!—Да матушка, богословитя!—Да Богъ тябе богословитъ: городи сабѣ якую будку! Ина легла спать,—такъ легла къ совнику, и заспула; а ёнъ пошовъ по крутому берягу и крикнувъ молодецкимъ голосомъ, а свиснувъ богатырськимъ посвистомъ: тутъ къ яму уси масьтера—и злотьники и плотьники и сребреники, исъ пилами исъ топорами,—уся масьтера къ яму явилася.—Купецъ нашъ милосьливый, што за работу прикажетя?—А вотъ, говоритъ, вамъ работа: штобъ на етомъ крутомъ бёрези зработали Будай—городъ; штобъ кругомъ етаго Будай—городу молошныя рѣки тяклй, кашные берягй прилегали;—штобъ бѣгали Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клйчили: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! напьетёсь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Такъ якъ хапили тое масьтера—дакъ яны ня то што у три чеса, прямо—у три минуты зработали Будай-городъ. И кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй приляглй, и Вашачки бѣгали у бѣлыхъ рубашачкахъ и клйчили: сюда, молойцы, кушать—мошонка ня рушить! напьетёсь, наѣсьтесь, и мошонки не порушитя! Зработали усё якъ слѣдуетъ быть. Аошнулася тая матка—што заспула подъ кусьтикомъ, аошнулася, дакъ прямо зяетъ кругомъ, што куды ни глянетъ кругомъ сябе, дыкъ сябе у сьтянѣ видитъ! Тоды яны ти много, ти мало такъ прожилй, сичасъ последъ тэй уже батька яго товаръ на низъ. Потхо́дютъ тые суде́ношники—который можа ходивъ лѣтъ тритцать—не было ничо́го на той выспи, што можа куста лозоваго не было́—а то построенъ Будай-городъ, и кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилягли, и бѣгаютъ Вашачки у бѣлыхъ руи башачкахъ и клйчуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! Напь-

ётесь, наѣсьтёсь и мошонки не порушитя! Потходють тые судновые работьники къ Будай-городу, такъ вуходить купецъ на крылцо, потходить къ имъ на крутъ берегъ. Тэя работьники уторопились (оторопѣли)—што вышовъ то етакій купецъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ говорить: не торопитесь, говорить, проходжіе работьники, привалюйтя къ крутому берягу! Яны привалили къ крутому берягу, ёнъ товаръ тэй ихъ принявъ, заплативъ деньги, скольки стоивъ. Што имъ треба було, якій товаръ—ёнъ имъ опять наваливъ туды, назадъ икъ имъ.

Ёнъ знаетъ тое ўремя, коли яны дайдуть, сичасъ сьнинувся голубчикомъ, полятѣвъ, сѣвъ у батьки на крылцѣ. Вуходить купецъ на крылцо, смотрить,—што яго судно идеть назадъ? Ёнъ етымъ уторопився. Потходить къ работьникамъ къ тымъ: работьники мое, говорить, милые! што вамъ ето побядилося, што вы скоро назадъ воротились?—Нѣ, говорють, купецъ нашъ милосьливый! намъ ничого не побядилось, а вотъ: скольки, говорють, лѣтъ мы прохаджували, ничого не видали на жовтой выспи; а тяперь, говорють, на жовтой выспи, на крутой горѣ, построився Будай-городъ, и кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и кличуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! напьетёсь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Тоды вуходить, говорють, купецъ на кругъ берегъ—по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ отъ насъ товаръ прииявъ и намъ наваливъ, якій намъ треба! Объ тымъ мы такъ скоро и вярнулися! Тоды ёнъ сьтиснувъ плячми и говорить: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ ёсь! Ина тоды выбѣгла—жонка яго: ай, говорить: мало на свѣти якого народу ёсь!—То бъ то, говорить, бывъ твой сынъ!—Онъ, ёсьть, на якомъ то царстьви-государстьви ёсть дикій вѣперь, што лычамъ орѣть, хвостомъ скородить, и услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и досьпѣваеть, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать! Ну, ёнъ узявъ товаръ принимать, а тэй голубчикъ и полятѣвъ къ матцы. Тоды говорить: мамка моя родимая! Пришли, говорить, судны къ батюшкиному двору, говорить, батюшка вышовъ и спрашіеть: работьники мое, говорить, милые! што вамъ ето побядилося, што вы скоро назадъ воротились?—Нѣ, говорють, купецъ нашъ милосьливый! намъ ничого не побядилося, а вотъ: скольки, говорють, лѣтъ мы прохаджували, ничого не видали на жовтой выспи; а тяперь, говорють, на жовтой выспи, на крутой горѣ, построився Будай—городъ, и кругомъ етаго города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и кличуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня

рушить! напьетёсь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Тоды выходить купецъ на крутъ берегъ—по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ отъ насъ товаръ принявъ и намъ наваливъ, якій намъ треба! Объ тымъ мы такъ скоро и вярнулися! Тоды ёнъ сьтиснувъ плячми и говорить: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ ёсь! Ина тоды, выбѣгла—жонка яго: ай, говорить: мало на свѣти якого народу ёсь! Тб бъ то, говорить, бывъ твой сынъ! Онъ, ёсьть на якомъ то царстьви-государствьви, ёсьть дикій вѣперь, што лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ, и услѣдъ жито сѣетца, и уходить, и васыпаетъ, цвѣтетъ и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно скушать!... Ахъ сыночекъ, говорить: адѣ ты ето доставишъ? Намъ, каеть, не достать!—Богослови, каеть, матушка! што Богъ дась!—Да Богъ тябе, каеть, благослови! Сичасъ ёнъ пошовъ на крутъ берегъ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырськимъ посвистомъ: тутъ къ яму богатыри явилися. Купецъ нашъ милосьливый, што за работу прикажетя?—А вотъ, говорить: на якомъ то царстьви-государсьтьви ёсьть дикій вѣперь, што лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ и услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаетъ, и цвѣтеть и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно скушать! Штобъ мнѣ етый вѣперь у три часы доставленъ бывъ!—Яны ня тольки у три часы, у три минуты доставили яго! Ёсьть уже и вѣперь на выспи.

Тяперь, ти много ти мало прожили—тэй купецъ, значитца, собравъ товару и зновъ на низъ посылаетъ. Потходють яны подъ тэй подъ Будай городъ, выходить купецъ, по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Прошу, ребяты, говорить, дива посмотрѣть! Яны пошли дива смотрѣть. Приходють къ вяпрю, тэй вяпе́рь устаетъ, лычамъ оретъ, хвостомъ скородить, услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаетъ, и цвѣтеть и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать. И перядъ ими ето ўсё. Да. Тоды ёнъ давъ имъ хлѣба того скушать, и давъ имъ краюшку на дорогу. Отправились яны назадъ. Знаетъ ёнъ етў пору, якъ яны дайдуть, сьинувся голубчикомъ, полятѣвъ туды, сѣвъ у батьки на крылцѣ, ожидаетъ ихъ. Яны тоды приходють. Выходить купецъ на крылцо. Што, говорить, ребятушки моѐ: ти ня чули якихъ нáвинъ на дорози?—Якъ, говорють, ня чуть—чули! У Будай-городи ужо ёсь дикій вѣперь. Ёнъ лычамъ оретъ, хвостомъ скородить, услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаетъ, и цвѣтеть и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушать. Штб у насъ говорытца, тамъ усё дѣетца. Купецъ давъ намъ того хлѣбушка, мы скушали и вамъ привязьли—просимъ посмотрѣть! Ёнъ узявъ хлѣбъ и посмотрѣвъ: вѣрно, говорить, ето мой сы-

ночекъ работаетъ тамъ! Ина сичасъ выбѣгаетъ, тётенька яго: э, мало, говоритъ, на свѣти якихъ туманьщиковъ ёсьтъ! Тѽ бъ твой бывъ сынъ—ёсьтъ на третьтемъ то царстьви-государстьви баня: дакъ старый помыетца—молодъ станетъ, а молодый помыетца—старъ станетъ. Тѽ бъ твой бывъ сынъ! Купецъ узявъ сичасъ товаръ принимать, а ёнъ полятѣвъ сичасъ къ матцы домой. Матушка моя, родителка! говоритъ. Вышовъ, говоритъ, батюшка и спрашіетъ: ти нема́ на́винъ у свѣти? Яны говорютъ: ёсьтъ новины! У Будай городи ужо ёсьтъ дикій ве́перь, лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ, услѣдъ жито сѣетца, и усходитъ, и васыпаетъ, и цвѣтетъ и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно кушать. Што у насъ говоритца, тамъ усё дѣетца. Купецъ давъ намъ того хлѣбушка, мы скушали и вамъ привязьли—просимъ посмотрѣть! Ёнъ узявъ хлѣбъ и посмотрѣвъ: вѣрно, говоритъ, ето мой сыночекъ работаетъ тамъ! Ина сичасъ выбѣгаетъ, тётенька: э, мало, говоритъ, на свѣти якихъ туманьщиковъ ёсьтъ! То бъ твой бывъ сынъ—ёсьтъ на третьтемъ то царстьви-государстьви баня: дакъ старый помыетца—молодъ станетъ, а молодый помыетца—старъ станетъ! Тѽ бъ твой бывъ сынъ!.. Мой сыночекъ! намъ етаго не достать! Мало-што ета тётенька твоя вамышляетъ тамъ! —Богослови, матушка! можа Богъ дась!—Да Богъ тябе, каетъ, богослови! Ёнъ сичасъ вышовъ на крутъ берегъ, якъ крикнетъ молодецкимъ голосомъ, свиснетъ богатырськимъ посвистомъ, являютца къ яму богатыри: што за работу прикажетя?—А вотъ, говоритъ: у третьтемъ царстьви государстьви ёсь баня: старый помыетца—молодый станетъ, а молодый помыетца, старъ станетъ. Якъ ба яѐ у три часы сюды приставить? Яны ня тольки у три часы, у три минуты зработали тую баню.

Тутъ купецъ тэй зновъ надумався, товару собравъ, опять ихъ послав на низъ. Яны потходютъ подъ Будай-городъ, уходитъ купецъ на крутъ берегъ: привáлюйтя, ребяты, къ крутому берягу, ходи́тя дива глядѣть! Приходютъ я́ны къ бани. Вы, каетъ, по водѣ хо́дитя, да ня мыетесь! ходи́тя зъ дороги помыйтеся у бани у моѐй: тѣло помяхчѣетъ и вамъ поляхчѣетъ! Отъ яны пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не позна́ютъ: што который бывъ старэй, тэй ставъ молоденекъ: а который молодэй—тэй ставъ старъ! Ёнъ ихъ накормивъ-напоивъ и назадъ отправляетъ. Тоды пошли яны назадъ, а ёнъ ськинувся голубчикомъ и полятѣвъ, сѣвъ у батьки на крылцѣ и дожидаетъ ихъ. Приходютъ яны, уходитъ купецъ на крылцо, и не ўвознáетъ своихъ работьниковъ:—видитъ, што судно яго, а работьниковъ не можетъ увознать. Ти вы ето, ребятушки?—Мы, каетъ, мы!—Нѣшто жъ вы такъ?—А вотъ якъ: потходимъ мы подъ Будай-городъ, уходитъ купецъ на крутъ берегъ: привалюйтя, ребяты, къ крутому берягу, ходитя дива глядѣть! Приходимъ мы къ бани. Вы, каетъ'

по водѣ ходитя, да ня мыетесь, ходитя зъ дороги помыйтеся у баин у моей: тѣло помяхчѣеть и вам поляхчѣеть! Отъ мы пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познáемъ: што который бывъ старэй, тэй ставъ молóденекъ; а который молодэй—тэй ставъ старъ! Вѣрно, каеть, ето мой сыночекъ усё тамъ работаеть! Сичасъ ина выбѣгаеть: о, мало, говорить, ёсьть на свѣти озéльщиковъ! То бъ твоё сыны были, коли бъ ихъ було дванатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, и по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Живуть яны на третьтемъ царстьви-государстьви, тамъ стоить дубъ, у томъ дуби дуплё, подъ тымъ дубомъ зялѣзный токъ, и тамъ яны проживають—одинáтцать брáтовъ. Штоба яны были уси ўмѣсьти у Будай-городи дванатцать братовъ, то бъ твой бывъ сынъ!.. Тоды купецъ ставъ товаръ принимать, а ёнъ выслухавъ и полятѣвъ къ матцы. Матушка моя родителка! Приплыли работьники къ батьку, дыкъ ёнъ ихъ не познавъ: ти вы ето, ребятушки?—Мы, мы, кажуть.—Нѣшто жъ вы такъ?—А такъ и такъ: потходимъ подъ Будай-городъ, выходить купецъ на крутъ берегъ и зовёть: ходитя дива посмотрѣть! Пошли мы туда, а ёнъ каеть: вы по водѣ ходитя, да ня мыетесь, ходитя зъ дороги помыйтеся у бани у моей: тѣло помяхчѣеть и вамъ поляхчѣеть. Отъ мы пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познали: што который бывъ старэй, тэй ставъ молóденекъ, а который молодэй—тэй ставъ старъ! Тоды батька говорить: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ! А ина выбѣгла: вотъ то бъ твой сынъ бывъ, колибъ ихъ було дванатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, и по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Живуть яны на третьтемъ царстьви-государстьви, тамъ стоить дубъ, у томъ дуби дуплё, подъ тымъ дубомъ зялѣзный токъ, и тамъ яны проживають—одинатцать братовъ. Штобъ яны были уси ўмѣсьти у Будай-городи дванатцать братовъ, то бъ твой бывъ сынъ! Ина говорить: а дѣ жъ ты, каеть, мой сыночекъ, ихъ нáйдешъ? ихъ можа вороньнё косьти поразносило, сороки тѣло порасклювáли,—идѣ жъ яны будуть живы! Мало-што ина вамышляеть!—Матушка моя, родителька, богослови мнѣ съ своё груди стаканьчикъ молочка выдоить!—Мой сыночекъ, говорить:—адѣ молоко у мяне найдешъ?—Богословитя, матушка: усё Богъ дась!—Да Богъ тябе богословить! Ёнъ узявъ, стаканъ потставивъ подъ грудь, за грудь узявся,—цѣлый стаканъ молока набѣгъ! Ёнъ сичасъ узявъ, пшённыя муки на молоцѣ на етомъ замясивъ и дванатцать галўшачакъ скатавъ съ того тѣсьтичка. Сичасъ ёнъ ськинувся голубчикомъ, узявъ полятѣвъ на третьтее

царство-государство, и сѣвъ на томъ дуби, куды ихъ Господь воздухомъ занёсъ. Сичасъ у дупелушко одну галушачку укинувъ. Одинъ братъ потъ хапивъ, зьѣвъ! Ахъ, братцы, говорить: матушкино молоко пахнеть! Тоды ёнъ имъ кинувъ ще одинатцать. Яны уси похапали, тожъ говорють: матушкино молоко пахнеть!—тые ўси браты. Остаётца одна галушачка дьвѣнатцатая. Яны говорють: вѣрно нашъ братъ тутъ ёсьть, остается одна галуча. Тоды ёнъ къ имъ на токъ пырьхъ. Стало ихъ тамъ дьвѣнатцать молойцовъ. Заплакали яны, одинъ на дного глѣдючи, обнялись, поцулувалися, порадувались, што уси до кучки собралися! Тоды ськинулися голубчиками и полятѣли у тэй Будай-городъ, идѣ матка яго. Такъ уходють у комнаты, матка тая спужалася, па ноги ўпала. Яны яё потхапили: матушка наша родителка! хуть ты насъ молокомъ не кормила, ну ты дли насъ труждалася, насъ родила—поетымъ ты матушка наша родимая!

Тяпер, скольки уремя прожилй, тэй купецъ рўпитца, нагружаеть товаръ, опять на низъ отправляеть. Потходють яны подъ Будай городъ. Сичасъ выходють стые дванатцать молойцовъ на крутый берегъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Привалюйтя, говорють, ребяты, къ крутому берягў, мы ваши товары купимъ! Яны привалили, вышли къ имъ. Тоды яны товары ихъ побрали, свойго нагрузили, напоили ихъ, накормили, и посылають ихъ назадъ къ купцу. Яны знають тую пору, якъ яны пріѣдуть, сичасъ ськинулись' голубчиками и полятѣли и сѣли у батьки на крылцѣ. Приходють работьники, ёнъ кажеть: Ну што, ребятушки: ти ня чули нáвинъ якихъ?—Да зачимъ, говорють, ня чули—што у пасъ говóритца, то тамъ дѣетца, у Будай городи! Якъ вышло на крутый берегъ дьвѣнатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги у золоти, по запярьсти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють, накормили насъ, напоили и назадъ отослали. Ёнъ каеть: вѣрно ето мое сыночки! Тоды ина выбѣгла: о, мало на свѣти комедіяньщиковъ! Кабъ яны зработали отъ свойго крылца да до нашаго крылца мостъ—золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная, золотэй гвоздъ да сяребреный: кромя того мóста кабъ були окопы покапаны; по стыхъ окопахъ кабъ були сахóрныя яблонки посожаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать! Отъ то бъ твое сыны былй! Тэй купецъ узявъ товаръ принимать, а яны полятѣли къ матцы. Матушка наша,

родителка! Пріѣхали работьники къ батьку, ёнъ у ихъ пытаетъ: ти ня чули, ребяты, навинъ якихъ? Яны говорютъ: да зачимъ ня чули—што у насъ говоритца, то тамъ дѣетца, у Будай городи! Якъ вышло на крутый берегъ дьвѣнатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги ў золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяютъ. Ёнъ каетъ: вѣрно ето мое сыночки! Тоды ина выбѣгла: о, мало на свѣти комедіяньщиковъ! Кабъ яны зработали отъ свойго крылца да до нашаго крылца мостъ—золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная; золотэй гвоздъ, и сяребреный; кромя того моста кабъ були окопы покапаны; по етыхъ окопахъ кабъ були сахорныя яблонки посоджаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли, и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать!—Ай, мое дѣтки! идѣ жъ вамъ ето здѣлать! Мало-што ина вамышляетъ!—Нѣ, матушка, богослови!—Да Богъ васъ богословитъ, дѣтки! Отъ яны выходютъ сичасъ на кругъ берегъ. Якъ крикнули молодецкимъ голосомъ, свиснули богатырськимъ посьвистомъ—являютца къ имъ богатыри: што за работу прикажетя! Да отъ: штобъ за ету ночь зработали мостъ, золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная, золотэй гвоздъ да сяребреный; кромя того моста кабъ були окопы покапаны; по етыхъ окопахъ кабъ були сахорныя яблонки посоджаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ ў три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать! Яны якъ узяли, такъ ня то за ночь, а за три часы зработали етый мостъ отъ свойго крылца да до батькинаго крылца. Тоды яны знаютъ тое уремя, якъ ихъ батька устаётъ, ськинулись голубчиками и полятѣли къ яму, сѣли на даху, на крылцы, и ожидаютъ, покамѣсь батька выйдетъ на крылцо. Вышовъ батька на крылцо, смотритъ—ажъ мостъ у самое у яго крылцо! Вѣрно, говоритъ, ето мое сыночки зработали мостъ! Выбѣгла тётенька и говоритъ: мало ёсьть на свѣти озелыщ ковъ. Тобъ были твое сыны, колибъ яны сичасъ стали перядъ тобою: дванатцать молойцовъ, и голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги ў золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяютъ. Такъ яны тутъ уси дванатцать молойцовъ перядъ имъ на крылцы! Ни то ёнъ спужався, ни то обрадовався,—упавъ на ноги. Яны яго потхапили подъ руки: батюшка нашъ, говоритъ, родимый! не пужайсь, говоритъ: мы ваши дѣти, вы нашъ отецъ роднэй! Обнялися, пуцуловалися. Тоды узяли коня съ стайни вывяли, тётеньку тую привязали къ хвосту и пусьтили у бѣлый свѣтъ коня

того! Конь тэй поразносивъ косьти яе по пόлю. Идѣ вό косьти валяютца по полю, ето усё яé! А отца тоды узяли съ собою и пувязьли у Будай-городъ. Тяперь тамъ остались купчувать съ першою жаною. Живуть, купчують. И я тамъ бывъ, чаёкъ, во якъ у васъ, пивъ, и ў Мáлятычи попавъ.

М. Малятичи.

21. Удалый молодецъ.

Нѣўкоторомъ царстьви, нѣўкоторомъ государстьви живъ сабѣ царь такій, И ў яго бывъ сынъ. И ў яго булà служебка такая. И ина змалку плόха былá. А тоды подросла, стала пригожа. Ёнъ и ўлюбився у яе и ставъ сватать. Ну ина говорить: я сабѣ пойду за тябе, и будеть у насъ три сына: одинъ будеть, говорить, уво лбѣ мѣсикъ, у потылицы зорка, а вторый уво лбѣ будеть сонца, а ў потылицы звёзды, а третьтій ўдалый молодецъ! Ну, яны ожанилися. Черязъ годъ родила ина сына перваго—уво лбѣ мѣсикъ. Ну ёнъ того не видавъ, а позвавъ бабу, такую лиходѣйку. Ина хотѣла яе зьвесть, а за яго свою дочкў отдать. Дыкъ ина и дѣлыла яму зло. Узилà того дитёнка ды й у садъ занесла—бувъ тамъ садъ, што нихто не ходивъ тамъ, не ѣздивъ, и були тамъ усякія разносьти. А на яго мѣсто поклала такого, простόго. Тоды ёнъ оглѣдився, нема мѣсика. Отъ жа, жана: ты казала—родишъ мѣсикъ, ажны, говорить, простэй,—неправильно! Ну, алитку, облёгся: посмотримъ, што будеть дальше, нехай ще рόдить.

Ну, потомъ, черязъ годъ родила ина зновъ сына, уво лбѣ сонца, у потылицы звёзды. Тоды изновъ ёнъ позвавъ тую бабу, а ина занисла и того у садъ, а на мѣсто яго простого положила. Пόтомъ ёнъ оглѣдився и говорить: вотъ, говорить, жана: потомъ говорила такъ, а потомъ етыкъ! Ну, алитку понороививъ—нехай третьтяго рόдить.

Пόтымъ того, черязъ годъ, третьтяго родила—у того ужу ничόго ня було—тэй удáлый молодецъ бывъ. Тоды ёнъ рассердився, усадивъ у бочку ихъ, сына и жану, и пусьтивъ на мόря. Такъ яны усплыли на большую глубину, такъ ёнъ говорить: матерь, говорить: надо мнѣ распростáтца! Ина говорить: нельзя! туть большая глубина, я тоды скажу табѣ, коли табѣ распростатца! Усплылй на стёръ, (збой, суходоль)—ну, говорить, сыночекъ, тутъ якъ хочешъ распростайся! Ёнъ распростався, бочка и разорвалась! Усё чисто разломавъ, на дробныя часьти разьдѣлавъ. Тоды ставъ ёнъ говорить: што, говорить, маменька! якъ бы нáмъ огонёкъ, говорить, раскласьть? Тоды ина говорить: а я, говорить, тамъ служила, дыкъ бывъ тамъ опіяка такéй, дыкъ гнивцό уронивъ. А я, мёвши хату, говорить, и найшла. Дыкъ яно у мяне у кишéни! Возьми, можа и высячешъ! Ну, ёнъ сѣканувъ тое гнивцо, выскакуеть дванатцать молой-

цовъ.—Што, говорить, табѣ, удалый молодецъ, нужно?—А вотъ, говорить, мнѣ нужно: кабъ была мнѣ комлата—золотое бярно и сяребное, и кабъ було попить, поѣсь усяго, и кабъ мосты були къ берегамъ, мосьница золотая, мосьница сяребная! Ну, говорить, здѣлаемъ! Ну, сичасъ выстроили, бярно золотое, бярно сяребное, нагутували питенья-ѣденья, и мостъ провяли къ берегамъ—мосьница золотая, мосьница сяребная. Потомъ, плывуть по морю корабейщики. Што ето ѐсь, што николи етого дома не видали пійдѣ? Поѣдемъ туды, ти не дадуть по'бѣдать. Пріѣжжають туды и спрашують: што, дядюшка: ти нема у васъ чаго подъѣсь?—Чаму? у мяне, говорить, што ўгодно ѣжтя, питя! Яны сѣли за столъ, побѣдали. Ну, каеть: заплатить жа надо!—Нѣ, мнѣ платы вашія не надо, тольки подвязитя мяне подъ царській домъ!—Яны говорють: вд, дыкъ што тамъ подвезьть,—ти ты тяжекъ? Узявъ, поѣхавъ зь ими. Подъѣхали туды. Привярнитя, говорить, корабъ къ берегу: мнѣ надо по суходоли пройтить! Яны подвярнули. Ёнъ злѣзъ, надѣвъ свою шапку—нявидимку и подышовъ подъ палатки, и слухаеть, што будуть говорить. Потомъ того приходють корабейщики къ царю, царь спрашіеть: што, корабейщики, ти не нашли чаго-нибудь на мори—али дна, али бруча?—Нѣ, говорють: ничбго не нашли, тольки видили сярёдъ моря построенъ домъ, золотое бярно и сяребное, и два мосты, золотая мосьница, сяребная мосьница. Заѣхали, попили, поѣли. Коли бы ты яго увидивъ, дыкъ бы и самъ подивився бы, што за домъ такей! Ёнъ говорить: да, надо съѣздить посмотрѣть! А баба тая тутъ. А, кажеть: ёсь чаго полядѣть, ти правда, ти нѣ!—А вотъ ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и ў томъ саду стоить сосна, и на той соснѣ котъ краснобай: згоры идеть—пѣсьни пяѐть, угору идеть—басьни баить! Дыкъ коли бъ етого посмотрѣвъ! Етый удалый молодецъ сичасъ пошовъ по суходоли у домъ. Матушка! дай гнивца, высѣчь огоньку! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ, выскакуеть двапатцать молойцовъ—што, говорить, удалый молодецъ, вамъ нужно?—А вотъ, говорить, ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и ў томъ саду стоить сосна, и на той соснѣ котъ краснобай: згоры идѐть—пѣсьни пяѐть, угору идеть—басьни баить! дыкъ мнѣ надо яго приставить сюда, къ мойму дому!—Ну, приставимъ! И приставили.

Тоды, ѣдуть корабельщики. Опять попили, поѣли, и заплатить, говорить, надо хоть разъ! Нѣ, говорить, не надо мнѣ ваша плата, подвязитя мяне къ дому къ царському!—Во, чаму не подвезьть, ти тяжко, ти што! Сѣли и поѣхали. Ну, привярни, говорить, корабъ къ берегу, я пойду суходоломъ. Надѣвъ свою шапку—нявидимку и слухаеть. Царь спрашіеть: ну што, корабейщики: ти ня слышали, говорить, ти нъ видили на мори али дна, али шпунда?—Нѣ, говорить, не нашли! А вотъ видили коло того

дому садъ, яблона золотая, яблона сяребная. И у томъ саду стоитъ сосна, и на той соснѣ котъ-краспобай: угору йдетъ—басьни баитъ, згоры йдетъ—пѣсьни пяетъ! Дыкъ коли бы ты увидивъ, дыкъ бы и самъ подивився!—Надо бъ было посмотрѣть! говоритъ. А баба тая говоритъ: э, ёсь чаго смотрѣть! Кабъ ты посмотрѣвъ у садъ, тамъ, говоритъ, свинья—золотая шарсьтинка, сяребная—рыетъ, и съ—пудъ яе пшаница сыплетца: дванатцать молойцовъ не успѣваютъ огребать!

Ёнъ сичасъ домовъ. Матушка, дай гнивца огоньку высѣчь! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ,—выскакуютъ дванатцать молойцовъ: што, удалый молодецъ, вамъ нужно? Ды вотъ у саду свинья, золотая шарсьтинка и сяребная; ина рыетъ, и съ—пудъ яе пшаница сыплетца: дванадцать молойцовъ не успѣваютъ огребать! Доставтя мнѣ яе сюды къ дому! Яны узяли, доставили.

Потымъ того, ѣдутъ опять корабельщики. Попили, поѣли, хочутъ платить. Нѣ, каетъ: мнѣ вашія платы не надо, а подвязитя мяне подъ царській дворецъ! Подвязьли яны яго подъ царській дворецъ. Ёнъ суходоломъ пошовъ, шапку нявидимку надѣвъ, пришовъ къ дому, ставъ подъ палаткой и слухаетъ ужу. Приходютъ корабельщики: ну што, ребяты: ти не видали чаго на мори, ти дна, ти клёпки?—Нѣ, каетъ: ничого не видали, а вотъ видали ли того дому садъ, у тымъ сади свинья—золотая шарсьтинка и сяребная. Ина рыетъ, а съ—пудъ яе пшаница сыплетца. Дванатцать молойцовъ не успѣваютъ огребать! Вотъ ба вамъ того поглядѣть. Да нужно, говоритъ сабѣ, посмотрѣть.—А тая баба говоритъ: а ужу якъ сабѣ хочешъ! Унъ ёсь садъ, золотая яблона и сяребная. У тымъ сади два молойцы: у одного во лбѣ мѣсичко, у потылицы зорки, а у другого во лбѣ сонца, а у потылицы звёзды! Ну, царь ставъ собиратца, а удалый молодецъ сичасъ домовъ. Мамъ, дайтя гнивца! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ—выскакуетъ дванатцать молойцовъ: Удалый молодецъ, што надо?—А вотъ, говоритъ: ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и у тымъ саду моихъ два браты, надо ихъ, говоритъ, доставить сюда!—Доставимъ! И приставили.

Ну, царь тэй пріѣжжаетъ къ етуму дому и нииздивитца, якій домъ! Потомъ того уходитъ ёнъ у домъ, ажъ ина сядитъ за столомъ, и сыны сидятъ за столомъ. Дыкъ ёнъ и заплакывъ. И ина заплакыла. А удалый молодецъ говоритъ: што, папенька, ти узнавъ своихъ сыновъ, моихъ братовъ? Ето бабушка ихъ стрябила, а я ихъ сюды приставивъ! Ну, говоритъ: поѣдемъ назадъ, у мой домъ! Яны поѣхыли. Ну што, говоритъ, етой баби здѣлать. А што, говоритъ, здѣлать? вывяди самаго луччаго коня и привяжи яе къ хвосту и пусь конь нагулятца, а ина нехай навучаетца! (Изъ пѣсни).

Ну, такъ и здѣлали. И перяѣхавъ тоды царь туды къ имъ жить. И я тамъ бывъ у ихъ.

Д. Колбы, любав. вол. мстислав. у. Отъ кр. Платона Никитина, негр.

22. Три сестры.

Жыло у хызяина три паненки. Расъ пошли яны у рощу на прогуляньня. А куролѐвичъ, лакей и кучаръ ходили тамъ по 'хоти. И почули, што паненки утрохъ говорутъ. Бо̀льшыя гово̀ритъ: «штобъ я зыйшла зы лакея, я пъ уво дну ночъ лядо вы̀сѣкла, у грудъ сыбра́ла, спалила, скыпылила, зыпыхала, пшаны̀ засѣила и ижжала; змылотила, змолола, пирохъ спекла. Уставъ бы друхъ, я пъ яму пирохъ згытувала; уставъ бы ёнъ и зьѣвъ!» А сяредьнія гово̀ритъ: «нѣ, сястрица! я на ето ня 'бѣщаюся! А я, штопъ зыйшла за кучара, я пъ у одну ночъ лядо высѣкла, у грудъ сыбрала, ускыпылила, зыпыха́ла, сѣмя (ленъ) засѣила, выбрала, намочила, высышила, змяла и спра́ла, сыткала, выбялила и рубаху пошила. Уставъ ба друхъ и рубаху надѣвъ!» А третьтія сестра, самыя малыя, гово̀ритъ: «а штопъ я зыйшла за куролевича, я пъ родила трохъ сыновъ: по локыть у золыти, пы колѣно у сѐрыбры, во лбѣ пы звязьдѣ, у потылицы по мѣсицу!»

Скоро гово̀ритца, а няскоро дѣетца. Зыйшла большыя зы лакея, и спра̀вдила: уво дну ночь лядо вы̀сѣкла, зыпыхала пшаны̀, 'ижжала, змылотила, змолола, пирохъ спекла,—уставъ лакей и зьѣвъ! А сяредьнія зыйшла за кучара, и справдила: у водну ночъ лядо высѣкла, льну зыпыхала, выбрала, намочила, высышила, змяла, спра́ла, выткала, вы-бялила, рубаху пошила. Уставъ друхъ и надѣвъ! Ма́лыя зыйшла за куролевича и забѐременѣла. И надо яму̀, куролевичу, на прѝступъ итить. Пызвавъ ёнъ бабыкъ и пысадивъ ли жаны, а самъ поѣхывъ. Жалко сестра̀мъ, што ма́лыя зыйшла за куролевича, и у̀поили яны бабыкъ. Бапки спилиси, заснули. А ина родила. Сёстры узяли, рябёнка ейныго отыбрали и за воблыки закиныли, а яму отписали, куролевичу ужо: што, вотъ: твыя жонка родила ни звѣра, ни пса, а простую палку! Тогды куролевичъ имъ отписавъ: нехай жывутъ ды мойго прiѣзду!.. Скольки ёнъ ужо тамъ пробывъ, тольки прiѣжжаетъ домой. И говóритъ жонки: што-шъ ты мнѣ не справдила? Твоѐ сёстры справдили, а ты нѣ? Ина яму̀ отвѣчаетъ: ты самъ винуватъ! Што шъ ты мнѣ оставивъ нявѣрныхъ бабыкъ!—Ну, што шъ дѣлыть? говоритъ куролевичъ: нехай до другого разу!

Скоро кажетца, а няскоро дѣетца. Опять куролевна забеременѣла. Потребували яго опять на приступъ. Ёнъ сыбравъ бабыкъ, ужо не пъяницъ, и поѣхывъ. Тогды сёстры узя̀ли, намѣшали у страву разныхъ крѣпкихъ спѝритовъ, и налили̇̀ спиритовъ у пярыны и у̀ подушки. Бапки паѣлиси, якъ лягли̇̀, такъ и заснули. Якъ тольки куролевна родила, сёстры опятъ рябенка отыбрали и за воблыко закиныли. А куролевичу опятъ на приступъ отписали: што твыя жонка родила ни звѣра, ни пса,

а простую палку! Куролевичъ пріѣжжаеть съ приступу, и давай опять жонку лаить, што ина не справдила. Ина яму кажеть: ты самъ винуватъ! зачимъ узновъ сыбравъ такихъ бабыкъ, што ихъ опять споили!..

Такъ было и у третьтій расъ. Опять куролевна заципжарѣла. И думаеть: ну, тяперь ужо што Бохъ дась, такъ и будеть! Куролевичъ опять поѣхывъ на приступъ, а ёй бабыкъ опять сыбравъ. Куролевна шъ на бабыкъ не надѣетца, а приготовила сабѣ чысакъ (т=ч). Якъ тольки пришло ёй уремя родить, сёстры споили опять бабыкъ. Куролевна родила. вотъ яны опять къ ей, опять хочуть отыбрать ейныго рябёнка. Ну, куролевна ухватила чысакъ и отбилась отъ ихъ. Тоды яны отписали куролевичу: што твыя жонка родила ни звѣря, ни пса, а простую палку! Ну, тоды ужо куролевичъ рассѐрдився и отписавъ: што хочетя, то зь ёю дѣлайтя, капъ яѐ не было ды мойго пріѣзда! Опять мыя жонка не справдила!... Ну, пысадили куролевну у бочку зъ рабёнкымъ и пусьтили на воду.

Скольки яны тамъ плылй, ти много, ти мало—рабёныкъ тэй рось-тѣть не по днямъ, а пы чысамъ. Плывшы морымъ, узыйшли яны нѣйкъ на вострывъ. Чуеть сынъ куролевны, што одну сторону бочки сонца пригрѣло, и ина скрипѣть стала. Ёнъ тоды просится: мати, позволь мнѣ бочку распѐрть! Ина отвѣчаеть: ты сабѣ, сынокъ, распирай, али глядй, капъ мы не утонули! Сынъ тогды у одно дно упёръ ныгами, а у другое гыловой, и распёръ тую бочку. Вышли яны на островъ, сынъ и говорить: мати, выцыркни изъ грудей мылыка и спячи три пирышка! Куролевна выцыркнула мылыка изъ грудей и спекла три пирышка. Узявъ сынъ три пирошкй и пошовъ. Ишовъ ёнъ, ишовъ, и видить хату. Увыйшовъ ёнъ туды, видить,—у хати чысто прибрано; пысяроть стоить столъ, бѣлый скатертю закрытъ. Ёнъ узявъ, пыложывъ пирошки на столъ, а самъ схувався и сядить. Чуеть ёнъ, што приходють яго браты. Сѣли за столъ и стали ѣсь пирошки. Зьѣли пы пирошку и стали гыворить одинъ одному: мы отродяся ня кушыли маткиныго мылыка, а вотъ пришлося! А другей говорить: гето шъ, братъ, табѣ одинъ пирохъ, а гето мнѣ одинъ; а третьтій няйзвѣсно кому? А ёнъ тутъ и выходить исъпыдъ стыла: а вотъ и я ёсь, вашъ третьтій братъ!

Ну, тогды яны уси умѣсьти отправилиси зы маткый, узяли её съ собой, и стали жыть уси умѣсьти ужо. А куролевичъ якъ пріѣхывъ съ приступу, такъ и жанився на старшый куролевниный сястры. И жывуть своимъ дѣлымъ. И отпрывлявъ куролевичъ кураблй за мора съ тыварыми. Тыи курабли часто прыходили кылы того выстрыва, идѣ жыла першыя жонка яго. Пріѣжжають курабли нызатъ и доносють куролевичу, што яны диво видали: тамъ, дѣ пѐршы бывъ вострывъ, тамъ тепѐрь горытъ красивый, и ходють по горыду три пынички: звѣзда уво лбу, мѣсицъ у

потылицы, по локыть у золыти, пы колѣно у серябрѣ! Хочытца тутъ куролевичу пыглядѣть на гето диво, и говорить ёнъ жонки: бабынька мыя! поѣдемъ мы, пыглядимъ, што тамъ такое за диво! А жонка ня хочыть: можа, твоё люди илгуть! Кыли правда, што тамъ пыпичы жывуть такіе, дыкъ нехай яны—кыли вумны ды разумны—пыставють дупъ, двѣнадцыть суковъ, двѣнадцыть звоновъ,—нехай звонють, нехай рыззвáнивыють! Тоды мы поѣдемъ на слухъ!

Пройшло ти много, ти мало, чуеть король, што звонють звоны на вострыви! И опять зоветь жонку: поѣдемъ, гетыго дива пыглядимъ! А йна говорить: што тамъ за диво, што звоны звонють? Нехай яны—кыли вумны ды разумны—нехай приставють,—ёсь тамъ такей выпéръ-зубèръ, на горў идеть, лычамъ орéть, зъ горы идéть, лычамъ мѣшаеть, съ хвыста сѣмены пускаеть, ныгами скородить! Якъ приставють, тоды поѣдемъ!.. Ну, поѣхыли зновъ курабли куролевскіе съ тыварымъ. Пришли нызатъ и доносють куролевичу, што видѣли на вострыви и дупъ зъ двѣнадцытю суками, съ двѣнадцытю звынáми—яны звонють,—рыззваниваютъ, и выпрá-зубрá, што на горў идеть—лычамъ ореть, зъ горы идеть—лычамъ мѣшаеть, съ хвыста сѣмены пускаеть, ныгами скородить!.. Куролевичъ опять зоветь жонку: бабынька, поѣдемъ! усё шъ тамъ ёсь, што ты гыворила! Ина отказыеть: што ты,—хочешъ, капъ мы утопилиси? Кыли яны вумны ды разумны, нехай мостъ построють отъ того гырыдца ды нашыго двырца! Тоды поѣдемъ!

Ти много, ти мало пройшло—построили и мостъ отъ того гырыдца ды до ихныго двырца. Куролевичъ опять зоветь жонку: поѣдемъ, бабынька! А йна говорить: што ты? Узьнимется вѣтеръ, собьеть мостъ водой, мы утопимся. Кыли яны вумны ды разумны, нехай пыставють стѣны кымяныя, хвынари зылотые, свѣчи высковыя,—тоды мы поѣдемъ!.. Пройшло тамъ сколькi уремя,—пыставили и стѣны кымяныя, хвынари зылотые, свѣчи высковыя. Нечыго ужо бабы зыгадывать... Спырадилиси и поѣхыли.

Пріѣхыли у гóрыть,—вуходить три пыничы—уво лбѣ пы звязьдѣ, у потылицы по мѣсицы, по локыть у золыти, пы колѣно у сéрыбры, и говоруть: здрастуй, папенька! Пыздрастувалиси одинъ съ однымъ. Потходить ихъ матка къ куролевичу: а што шъ, друхъ любезный, забывъ пы мяне! Куролевичъ тоды ставъ жыть съ першый жонкый, на вострыви.

А другую жонку велѣвъ привизать одну ногў къ коньскыму хвосту, а другую къ другому, и пусьтивъ коній у дворъ. Прибѣгли кони у дворъ и привязьли тольки пы нозѣ.

Д. Обухово, сел.-ют. вол. витеб. у. Отъ кр-на Семена Ѳедорова запис. г. Попретинскій.

23. Марья-Марьяна, Кипськая Королевна.

Такъ у нѣкоторымъ то царстьви жывъ помѣщыкъ. Було ў яго тры дочары и одинъ сынъ. Ёнъ, помиравшы, сыну свойму прыказуя: «сынъ мой! Якія бъ сваты ни прылучылись, за перваго отдавай!» Помёръ батька той. Яны вышли у садъ на прогуляньня уси ўчатвярыхъ. Удругъ дощъ пошовъ. Яны подъ сохраненія у домъ кинулись. Тольки ускочыли у комлаты, тутъ нязвѣстно хто откуль гувора: «Иванъ Ивановичъ! большую сястру отправляй, сураджай!» Ну, якъ у пановъ усё справно, дакъ яны одёжу склали. Думали, вясельля будя, ажно яно якъ ухватило, такъ няма вѣдома, дѣ й дѣлось што. Опять жа вышли на прогуляньня ў садъ уси, утроихъ уже. Удругъ зашумѣвъ дощъ. Яны ускочыли у комлаты опять жа. Опять прыскакуютъ: «Иванъ Ивановичъ! отдавай сярэдьнюю сёструшку замужъ!» Ну, одежу склали. Опять схапили, нязвѣстно куды повязли,—стольки яны й бачыли. Пошли яны уже съ трэтьтяй прохадживатца, съ послѣдьняй, у садъ тожа. Опять хмара нашла, дощъ пошовъ. Яны у комлаты ускакуять, опять прискочыли нязвѣстно хто и што: «Иванъ Ивановичъ! отдавай сёструшку послѣдьняю замужъ!» Во й тую схапили и повязьли нязвѣстно куды, што. Остався ёнъ одинъ. Стало яму скушно тожъ одному. Ёнъ осядлавъ лошадь свою, узявъ сабѣ мечъ и поѣхавъ Богъ вѣдая куды и што. Ѣхавъ, ѣхавъ,— стоить домъ такій, што 'цанить нявозможно, и коло крылца дубъ стоить на шэсть кокотовъ. Ёнъ подъѣхавъ, зъ лошади злѣзъ и пошовъ у той домъ; лошадь прывязавъ. Ухóдя у той домъ, ажъ яго меньшая сёструшка тамъ, у томъ доми. Яна сильно узрадовалась: «ахъ, здрастуй, здрастуй, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать—довялóся намъ у глазы одинъ одного повидать! Да што будомъ дѣлать, гувора? Мой мужъ, Воронъ, каа, и силный богатырь, дакъ я боюся, каа, если бъ ёнъ тябе не страбивъ! Гдѣ мнѣ тябе прыхоронить?» Ёнъ отвящаа: сёструшка моя, табѣ виднѣй: гдѣ хочашъ, тамъ мяне й сховай! Яна сундукъ отомкнула, да яго у сундукъ. Прылятая той Воронъ. Ускакуя у комлату: «душанька, каа,—русть-кость пахня нѣштось!»—Ахъ, гувора, душанька: ты по свѣту лятавъ, можа русьти-косьти панюхались! Ёнъ отвящая: моо, такъ! гувора. Спросивъ у яé поѣсть. Тогды яна давай спрашавать у яго: «ахъ, душанька, гувора: а што, коли бъ прылучывся мой братъ, а твой шурьякъ,—няўжли, гувора, ты бъ яго страбивъ?» Отвящая ёнъ, гувóра: ахъ, дура ты: я жъ ба васьмá радъ бывъ ба етому! Отвящаа яна: ёнъ тутока, гувора.—Ой, тутока? Покажъ яго суды! Яна яго выпусьтила. Ёнъ тогды, по той радосьти, якъ узяли пить да гулять—троя сутокъ. Тогды ёнъ отправля-

етца оттуль, ёнъ яго ня пускаа. Настdивъ на то, што ня давъ рады угомонить яго. «Отправляесься жъ ты, гувора, дакъ дай мнѣ прымѣту!» Дакъ ёнъ шыйный платочакъ давъ яму прымѣту. Распрощались яны,—ёнъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, прыяжжая—опять жа домъ стоить,—крашшы того, а коло крылца дубъ стоить, тожа на девять кокотовъ. Уходя ёнъ у той домъ, ажъ сярэдьняя сестра яго тамъ, у томъ доми. «Здрастуй, здрастуй, гувора, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать—довялося намъ у вочы видѣтца! Да што будомъ дѣлать: мой мужъ Соколъ, каа, и силный богатыръ,—если бъ ёвъ тябе не страбивъ? Куды бъ мнѣ тябе прыховать?» —Табѣ виднѣй, сёструшка, ёнъ уже отвящаа: куды хочашъ, туды и сховай! Яна узяла, сундукъ отомкнула, да яго туды. Прилятаа Соколъ. Ускочывъ у комлату: «душанька, каа: штось русть-кость пахня!» А яна гувора: ты, душанька, по свѣту лятавъ, можа русьти-косьти напюхався! Ёнъ гувора: а моо, душанька, такъ! Дала яна яму ѣсть. Тогды и почала спрашавать: «што, душанька, колибъ мой братъ, а твой шуръякъ, прылучывся къ намъ: няўже бъ ты яго страбивъ?»—Ахъ, дура, гувора, ты: да то жъ наша кровъ! Я бъ васьма радъ бывъ ба!—«Ёнъ жа тутока,» гувора.—Покажъ, игдѣ? Яна выпусьтила яго. Яны тогды якъ сѣли пить, гулять, хурошыя мысьли мать—шэсьтяро сутокъ! Отправляетца опять ёнъ,—той пя пуская. Ничдго ня дали рады угомонить яго. Той гувора: дай жа ты мнѣ прымѣту, оставъ отъ сябе! Ёнъ оставивъ поясъ дли прымѣты свой. Самъ поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ,—опять домъ,—прыяжжая къ дому, крашчы того- Коло крылца дубъ стоить на дванатцать кокотовъ. Ёнъ ускакуя у комлаты, ажъ бdльшая сёструшка яго тамъ, у томъ доми. Тая силно стала здрастоватца зь имъ: «здрастуй, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать,—довялося намъ у вочы побачытца! Тольки вотъ што, гувора, братка ты мой: мужъ мой Оролъ, силный богатыръ,—коли бъ ёнъ тябе не страбивъ. Игдѣ бъ мнѣ тябе прыховать?—А, сястрица, табѣ виднѣй: игдѣ хочашъ, тамъ и прыховай! Яна узяла, сундукъ отчынила и яго туды усадила. Прилятаа Оролъ: «штось, душанька, у насъ русть-кость пахня?»—А ты жъ, каа, по свѣту лятаяшъ, русьти-косьти и нанюхався!—«И то, каа, правда!» Ну, побажавъ ѣсьти. Яна яго накормила и стала гуворыть: «а што, душанька, коли бъ къ намъ прылучывся мой братъ, а твой шуръякъ: няўже бъ ты яго страбивъ?»—Во, дура ты: тожъ кровъ наша! Я ба васьма радъ бывъ ба!—«А ёнъ жа тутока?» —Гдѣ тутока? Яна отчынила сундукъ и яго выпусьтила. Якъ сѣли яны, по той радосьти, пить, гулять, хурошыя мысьли мать,—на девять-мо сутокъ. Тогды, ёнъ отправляетца—ёнъ ня пускаа. Ну ня ўгомонили яго.

Ёнъ отправляетца, тогды тожа той прымѣты зь яго потрэбувавъ. Ёнъ тому застяжку кинавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ—налучывъ силу большую: сила большая отбита ляжыть,—трупу. Ёнъ спрашуя: ти нема тутъ, гувора, жывого кого? Хто ето силу такую отбивъ,—сила такаа побита? Отвящаа у трупи у томъ хтось-то: «ето, гувора, Маръя-Маръяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костѐямъ [1]) воявала, дакъ ето змѣя Костея стольки сила отбила!» Ёнъ и дальшъ поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ—опять сила отбитая ляжыть, ще большы того. Ёнъ спрашуя: ти ё тутъ хто жывый? Хто ето силу такую отбивъ? Отвящаа яму у трупѣ у томъ хтось: «ето, гувора, Маръя-Маръяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костеямъ воявала, дакъ ето змѣя Костея столькі сила отбила!» Ёнъ поѣхавъ дальшъ. Проѣхавъ дальшъ, тамъ ще большая часть силы отбитыя ляжыть. Ёнъ спрашуя: ти ё тутъ хто жывый? Хто етакую силу отбивъ? Отвящаа ямў: «ето Маръя—Маръяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костеямъ воявала; ето змѣя Костея столькі сила отбила!» Тогды ёнъ подъяжжаа къ дворцу ўго (ужо), къ Марьиному къ тому. Ускакуя у дворецъ, прислугъ нѣту, а яна лягла на вотдыхъ, Марьяна. Ёнъ налучывъ на Марью Марьяну на сонную,—яна уморилася, лягла́ на вотдыхъ и мечъ поткла́ла подъ—го́ловы,—свой мечъ! Ёнъ махнувъ, хотѣвъ головў изнять своимъ ме́чамъ, посьли обдумався. Обдумався, посьли узявъ ли яе́ лёгъ, свой мечъ потклавъ подъ-головы. Прошнулася яна̀ съ свойго сына́, бача—ли яе́ ляжыть тожъ господинъ. Яна съ тые́ досады хапила свою мечъ, хотѣла головў яму знять. Посьли обдумалась: «да, гувора: няўжли бъ ёнъ ня могъ головў зъ мяне знять: ёнъ упяродъ за мяне прыдъявився! Подожду, што за господинъ!» Отъ яна обождала, покуль ёнъ прошнувся отъ спа и стала спрашавать у яго имя—оте́частво. Стала спрашавать,—ёнъ расказавъ. Яна каа: «будяшъ ты мой мужъ, а я твоя жана, а ня токмо—што змѣй Костей мяне сватавъ,—да я ня жалаю за яго йтить!» Ну, столькі яны тамъ пили, гуляли, скольки урэмя провяло́ся. Тогды яна̀ дала ямў дозволенія, ключы отдала ямў: «што можашъ усюды командовать, якъ я!» Указала яму усюды ходў, и ў саду, гувора. «Тольки у саду, гувора,—тамъ ѐ проклятое мѣсто. Дакъ у тое мѣсто, гувора, ня ходи!» Ёнъ усюдыхъ ходивъ, а посьли обдумався: што я, гувора, за ходяинъ, што тамъ за проклятое такое мѣсто, што мнѣ нязьга побачыть? Заходя ёнъ на тоя мѣсто,—тамъ змѣй Костей. Ёнъ окованъ сколькими-тамъ цапа́ми къ слупу. Ёнъ якъ прыходя туды, такъ ёнъ и ускрыкнувъ: «эхъ, гувора, Иванъ Ивановичъ, отомкни мяне, гувора. Ты сабѣ нашовъ царство, а я табѣ придбаю ще

[1]) Хто спору отбирая, дакъ ёнъ тому пося и хлѣбъ и грошмы. Дакъ коли съ хлѣбомъ лятить, дакъ тольки шумить, а якъ зъ грошмы, дакъ блискучый—блискучый!..

тры такихъ царствы, коли ты мяне ослобонишъ!» Ёнъ яго отомкнувъ, послухавъ прозьбы яго, отомкнувъ. Якъ отомкнувъ, дакъ ёнъ якъ потхапився, полятѣвъ, дакъ сяйчасъ Маръю Марьяну и схапивъ туу. Схапивъ и понёсъ яе́, улятѣвъ зь ёй у своё царство.

Стало яму досадно. Ёнъ на коня сѣвъ, узявъ мечъ и поѣхавъ опять разыскавать. Ѣхавъ, ѣхавъ, и кольки ёнъ проѣхавъ,—такъ логовинка уроди рѣчачки, и на логовинки тамъ хатка стоить, такъ драхлая. А по той бокъ логовинки хорошый дворъ. И тамъ силный крыкъ у тымъ дворэ. Ёнъ лошадь прывязавъ ли хатки, и уходя у хатку туу спрэжда. Ажъ тамъ старуха ляжыть. Сама ляжыть па полу, с.... на за̀пячку, а ноги на печцы. Тогды ёнъ спрашуя: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй, гу̀вора, говубокъ мой!—Што тамъ, гувора, за крыкъ у дворэ томъ. чаразъ рѣчачку, чаразъ ложокъ? Яна отвящаа: ето, гувора. мой сынъ, змѣй Костей Маръю Марьяну сватая, ну яна ня хоча у̀сё йти за яго! Ну, да, гувора, по̀йдя! А ёнъ уже спрашуя: якъ ба мнѣ, бабушка, увознать, посмотрѣть на яе́,—мнѣ трэба, дѣло е́, гувора. Отвящаа яна яму: «та̀къ, мой говубокъ, тябе туды ня пустять, а поночуй ты, гувора, тутока: зау̀тра ураньни яна прыдя воды брать, дакъ ты зь ёй поговоры! А сынокъ мой будя ще спать!» Ёнъ ето давай бярэгти. Прыбярогъ. Тольки яна прышла воды брать—ёнъ къ ёй. Сяйчасъ ухапивъ яе́ на лошадь на свою—были тако̀вы да й няма. Ѣхали, ѣхали; а ёнъ проспався уже, змѣй той. Оглѣдився, што няма Марьи Марьяны,—ёнъ кѝнався къ своёй лошади, спрашуя: лошадь, гувора, моя! Иванъ Ивановичъ звёзъ Маръю Марьяну,—ня̀уже мы, гувора, яе́ ня догонимъ? Лошадь гувора: прэжде, ка̀а, ячменя пасѣямъ, да наварымъ зъ яго пива, да пива напъёмся, шэсть разовъ скакнёмъ и Ивана Ивановича догонимъ! Ну, тогды, яны ето здѣлали; якъ скакнули, сяйчасъ яго и догнали,—Ивана Ивановича зъ Марьяй Марьяной. Ёнъ якъ прискочывъ, большъ ня поу̀радивъ ничо̀го яму, тольки Маръю Марьяну схапивъ отъ яго. И сказавъ яму: гляди жъ, Иванъ Ивановичъ,—отъ табѣ першый гостѝняцъ! Ну й поѣхавъ зъ Марьяй Марьяной. А Иванъ Ивановичъ опять застався одинъ. Ну, скольки ёнъ ни подосадовавсь, опять вярнувся, назадъ поѣхавъ. Прыяжжаа опять икъ той хатцы. Тамъ крыкъ тожа у тымъ дворэ; а баба таа такъ и ляжы̀ть, якъ и тогды. Спросивъ ёнъ у яе: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй! А ти ня той ты, што укравъ бывъ яе?—Да нѣ, гувора: я объ етымъ знать ня знаю. Да вотъ якъ ба мнѣ, бабушка, побачыть Маръю Марьяну?—А яна, каа, зау̀тра ураньни прыдя воды брать, дакъ ты тамъ убачышъ яе́! Ну, ёнъ ето уже и пилнуя. Назау̀траго, тольки яна прышла за водой, а ёнъ за яѐ, сѣли на коня и поѣхали. Проспався той змѣй, оглѣдився, што яе няма,—

иде къ коню: што, гувора, конь мой? Звёзъ опять Марью Марьяну. Няуже мы яѐ ня догонимъ? Конь гувора: насѣямъ прэжде ячменя̂, да наварымъ пива зъ яго, да напъёмся,—девять разовъ скакнёмъ и догонимъ яѐ! Ну, такъ и здѣлали. Якъ скаканули, такъ сяйчасъ и догнали. Схапивъ ёнъ Марью Марьяну и кажа: гляди жъ, Иванъ Ивановичъ, ето. табѣ другій гостиняцъ! И поѣхавъ. Остався Иванъ Ивановичъ одинъ. Ну, остався одинъ, стало яму пячално. Ёнъ опять вярнувсь. Прыяжжаа ёнъ туды, къ той хатцы, тамъ у дворэ опять крыкъ. Ёнъ уходя у хатку, баба таа ляжыть, якъ ляжала. Ёнъ гувора: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй, мой голубецъ!—Што йто, бабушка, за крыкъ тамъ, у тымъ дворэ?—А ето, гувора, мой сынокъ, змѣй Костей. сватаятца за Марью Марьяну, а яна за яго ити ня хоча. Да ничого, пойдя!—А якъ ба, бабка, мнѣ зъ ёй побачытца, у мяне дѣло ѐ икъ ёй?—А ти ня той ето ты, што кравъ яе?—А нѣ, бабка: я объ етымъ ничого ня знаю! У мяне такъ дѣло къ ёй.—Ня знаю, голубецъ, гдѣ табѣ побачыть яѐ: хиба заутра прыдя воды братьураньни! Отъ ёнъ и пилнуя. Прышла яна на рѣчку. такъ ёнъ къ ёй. Сѣли на коня и поѣхали. Проспався той змѣй, оглѣдився—нима Марьи Марьяны. Ёнъ икъ коню: а што, конь мой, гувора: ти догонимъ мы Ивана Ивановича,—звёзъ ёнъ опять Марью Марьяну?—А чаму, каа, ня догонимъ: насѣямъ ячменя̂, наварымъ пива зъ яго, напъёмся, да дванатцать разовъ скочымъ, дакъ и догонимъ, гувора. Ну, яны такъ и здѣлали. Якъ скочыли дванатцать разовъ, ёнъ яго и догнавъ. Тогды: вотъ табѣ, Иванъ Ивановичъ, тры гостинцы! Шархъ—голову̂ яму̂ знявъ!

Якъ изнявъ голову̂, тогды по тыхъ знакахъ по яго, по прымѣтахъ потякла кровъ, што ёнъ прымѣты оставлявъ. Тогды тыя шуръяки яго кинулися яго шукать. Зъѣхалися умѣсто уси и гуворати Ворону: ты на носъ, гуво̂рать, чуто̂къ, дакъ нюхай! Соколу̂ сказали: ты лятать быстрэй лятаяшъ, дакъ лятай да шукай! А Оролъ сказавъ: а я, гувора, на глазы быстрэй, дакъ буду прыглядâтца ловчэй!

Ну, тымъ часомъ, ня звѣстно который скорэй знашовъ яго,—а тымъ часомъ сойшлися умѣсто уси, якъ знайшли. Отъ тогды яны, якъ найшли яго, и кинулися воды шукать, жывущыя и зростущыя. Отъ яны прыдставили воды тыя. Зростущаю змазали яго, ёнъ и зросся, живущай помазали—ёнъ отжывився. „Эхъ, гувора, братьтя моѐ,—якъ жа я силно заснувъ!"—Да, гувора: на вѣкъ ба заснувъ ты! Отправляйсь, каа, ты зъ нами, на жытьтё къ намъ! Ну ёнъ ня пожала̂въ. „Нѣ̂, братцы, гувора: пойду опять!" А лошадь яго нязвѣстно дѣ дѣлася,—ёнъ пѣшкомъ пошовъ.

Ишовъ, ишовъ опять кольки урэмя, прышовъ опять къ той хатцы. У туу хатку уходя, опять таа баба ляжыть, на мѣсти тыки. А у̂ тымъ дворэ опять крыкъ вяликій—пиръ большый, свâдьбу гуляють. Ёнъ спра-

шуя: бабушка, гувора, што йто тамъ за крыкъ, у тымъ двора, гувора. Яна отвящаа яму: ето, гувора, мой сынокъ, змѣй Костей, Марью Марьяну выкватавъ, дакъ свадьбу гуляють! Ёнъ спрашуя: якъ ба мнѣ яѐ убачыть, гувора. Яна яму̀ опять отвѣтила также: назау̀тра выйдя ураньни воды брать! Яна якъ вышла назау̀тра воды брать, убачыла яго, силно узрадовалась. А красьти няма на чомъ, коня няма, пѣшкомъ ня во̀зьмешь. Ёнъ давай просить ѐе: пожалуста, гувора, спроси ты у яго, игдѣ ёнъ лошадь доставъ такую лятущаю? Яна отвящаа яму̀: „поховайся ты, каа, сутки, а заутра такимъ урэмямъ я зновъ выйду воду̀ брать!“ Яна у яго и спрашуя: гдѣ вы, душанька, узяли такую лошадь, силно лятущаю? Ёнъ знаа, што Иванъ Ивановичъ убитъ ужэ, самъ ёнъ убивъ, ёнъ смѣло и расказавъ дѣ: „лошадь, гувора, такую трудно достать: у такомъ то царстьви достата ета лошадь (нязвѣстно, у якомъ,—у такомъ то царстьви). А ще, гувора, остався лошадь у той старухи: ёнъ, гувора, куро̀сьливый, нихто на яго не погалитца, ну ёнъ много луччай за мойго лошадя. Ну тольки, гувора, трудно достать яго: тамъ, гувора, голо̀въ—и у̀ тысячу не убяро̀шъ яго—поната̀ркавано!“ Выпытала яна у яго, ёнъ ёй расказавъ, у якомъ царстьви ето дѣствуетца. Выходя яна ураньни воды брать, ёнъ икъ ёй являятца сяйчасъ жа. Яна яму сяйчасъ гуво̀ра: нявозможно, душанька, достать такого лошадя, дужа трудно! Ёнъ отвящаа: што Богъ дасть, гувора, душанька,—пойду! Попрощався и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, сколькя урэмя пройшовъ, и силно прохарчывся: поѣсьть було̀ нѣчаго рашытялно. Увйдявъ ёнъ на дѐрави гняздѐшко. Ёнъ полѣзъ: дай жа, гувора, достану,—хоть духовину провяду̀ свою, поляджу̀. Узлазя ёнъ на тоя дераво, ажъ тамъ дятляня̀ты. Тольки ёнъ хотѣвъ ѣсть ихъ, отвящаа дятялъ: эхъ, гувора, Иванъ Ивановичъ,—ня трать, гувора, моихъ дѣтушакъ, буду я табѣ у вяликой прыгоди! Ёнъ пошовъ дальшъ. Шовъ, шовъ,—коло дороги повзая медвянёнокъ. Ёнъ подумавъ: ето тожа ядомаа штука, вотъ етымъ, гувора, я бъ и покрапився! Схапивъ того медвянёнка. Удругъ являятца мядвѣдица: Иванъ Ивановичъ, ня тронь мойго дятёнка! Буду я вамъ, гувора, у вяликой прыгоди! Ну, послухавъ ёнъ яе; силно ѣсьти хоча, послухавъ, пошовъ. Ишовъ, ишовъ, коло дороги вульликъ висить низко. Ёнъ самъ сабѣ обдумався: эхъ, узлѣзу, гувора, хоть смагу прогоню, мѐду достану! Узла̀жуя туды, тольки хотѣвъ отчынить вулёкъ,—отвяща̀а у вульли та̀мока: Иванъ Ивановичъ, гувора,—ня 'бижда̀йтя мяне, буду я вамъ у вяликой прыгоди! Послухавъ ёнъ, пошовъ. Якъ ити ужэ да ити, духо̀дя до самаго до туго двора, идѣ таа баба ужэ. Возяро̀ дужа шырокое, а по той бокъ возяра̀ таа баба. Ёнъ къ возяру прыходя—бача, ракъ сядйть,—та̀къ изъ на̀большаю куро̀бку. Ёнъ и схапивъ туго̀ рака: отъ жа, гувора, покраплю̀сь хоть ракомъ! Якъ схапивъ ёнъ туго̀

рака, дакъ ракъ и гувора: Иванъ Ивановичъ, ня ѣжъ мяне,—буду я табѣ у вяликой прыгоди! Ёнъ пустивъ яго, пошовъ опять повзъ возяро. Бача—стоить щука, большая щука. Ёнъ схапивъ тую щуку, яна отвящаа яму: Иванъ Ивановичъ, ня ѣжъ мяне, буду я табѣ у вяликой прыгоди! Послухавъ, пустивъ яѐ. Тогды яна ужэ яму отвѣтила: Иванъ Ивановичъ, садися жъ на мяне, я тябе ужэ паравязу̀ на той бокъ! Якъ паравязла̀ яна на той бокъ яго, бача ёнъ,—по колью головъ, дакъ страсть, чаловѣчацкихъ, стырчыть! Ёнъ думаа: хоть такъ—пропавъ, хоть такъ! Пойду! Пошовъ у тую, у домъ. Прыходя къ старухи къ той, поздраствовався изъ ёй. Яна спрашуя: што мнѣ скажашъ, гувора? Ёнъ ставъ ёй гуворыть: бабушка, гувора,—ти ня можно достать у васъ лошадя, гувора, хурошаго? Яна отвѣтила яму: а вотъ, гувора, голубокъ,—можно. Тры дни попасуй моихъ лошадей; коли спасешъ, гувора,—на выбо̀ръ сабѣ бяры; а не спасешъ, гувора,—голова̀ останетца на колу, такъ, якъ етыя, гувора. Подмѣвся ёнъ: спасу, гувора, бабушка! Яна яму дала вячэры хорошыя ужэ, подкрапила путно̀ яго. Ёнъ параночававъ тамъ. Выправляя яна яго назаутраго пясьти двапатцать лошадей, ня кони—кобылицы. Харчэй дала яму̀ тожа достатошно на дѐнь. Сказала яму: ты за ими тольки иди услѣдъ, яны сами знаютъ, дѣ трава хурошаа! Ну, яны прышли на траву хурошую и прылягли яѐ пилно ѣсьти. Ёнъ думаа: во, што тутъ ихъ пасьти? Яны якъ побитыя—на 'днымъ мѣсьти! Ёнъ до повдня якъ-ня-якъ змогався, а у по̀вдень захотѣлося яму ѣсьть. Ёнъ сѣвъ, подъѣвъ. А лошади ходятъ, якъ побитыя. Ёнъ самъ сабѣ думаа: „ахъ, дурни, гувора, ня упасьли ко̀няй! Якъ жа можно?" Подъѣвъ, лёгъ и заснувъ. Трохи засну, гувора,—яны будутъ ходить! Прошынаетца ёнъ—лошади нѣту ня 'дной! Ёнъ тогды силно заплакавъ: вотъ тутъ, гувора, и моя голова останѐтца! Смотра ёнъ у лѣсъ, ажъ гонютъ дятлы лошадей етыхъ, довбутъ за во̀чы, за морду. Якъ прыгнали къ яму̀, дятлы тыя и разлятѣлись. Ёнъ по етому радъ ставъ: ну, кажа, тяперъ спать ня буду! Ёнъ до вечара попасовавъ ихъ и прыгнавъ домовъ. Ну, якъ выскочыла тая баба, оглѣдила, што прыгнавъ, яна выскочыла у стайню туды, да якъ узяла ихъ бить: „вы шэльмы, гувора, хочытя мойго сына паравѐсьти!" А то ня кобылы, а дочки яе, а куросьливый—то сынъ. „Глядитя жъ, гувора, коли заутра не утячѐтя, дакъ и ня прыходьтя у дворъ!" Вячэрать дала яму зновъ достатошно. Ёнъ повячэравъ, заночававъ. Назаутраго дала поснѣдать яму, харчэй на день дала тожа яму и прыказала яму̀: ступай, гувора, услѣдъ за ими, гдѣ будутъ ходить, тамъ и няхай ходять! Яны ота̀борылися ходить. И ходили подъ повдёнъ, ажно покуля ёнъ ѣсьти захотѣвъ,—ходятъ на мѣсьти. Якъ подъѣвъ ёнъ, и опять заснувъ. Прошнувся, няма лошади ня 'дныѐ коло яго опять жа! Ёнъ заплакавъ силно опять жа. Смотра ёнъ у лѣсъ, ажъ

пруть мядвѣди етыхъ лошадей яго зъ лѣсу, такъ пруть, ажъ страсть. Якъ прыгнали къ яму, сяйчасъ назадъ мядвѣди тыя, а яны стали ходить бли яго опять жа. Попасѐвъ ёнъ до вечара, прыгнавъ ихъ опять жа благополушно. Яна ихъ у стайню загнала, опять узяла бить. Отвящаа: захотѣли вы, шэльмы, мойго сынка паравесьть! Коли вы ўжэ заўтра не утячѐтя отъ яго, дакъ штобъ я васъ и ня вѝдяла самѝхъ! Дала тогды яму вячэрать. Ёнъ повячэравъ и лёгъ спать. Ну, назаўтраго отправився опять пѐсьти. Прыказуя яму: ступай за ими ўслѣдъ, яны сами знають, игдѣ мѣсто. Яны ишли и отѐборылись ходить на травѣ на хурошай. Тожа ёнъ до повдня пасъ ихъ. Захотѣвъ ѣсьть. Яна яму, вѣдомо, сонныя давала пищы: якъ тольки подъѣсьть, дакъ такъ и зѐсьня заразъ. Прошнувсь ёнъ, опять лошади ни водной няма. Заплакавъ ёнъ: „отъ тяперъ, гувора, я пропавъ!" Бо слышавъ, якъ яна гуворыла имъ ето. Отъ ёнъ смотра, ажъ гонють пчолы етыхъ самыхъ лошадей. Яны жъ мысьлють яѐ прыказа, што усё ровно имъ пропасьти трэба, дакъ яны мимо яго да прамо у ракў у тую самаю! И бросились у ракў, щучками поскидѐвшись. Етый жа самый ракъ, котораго ёнъ хотѣвъ зъѣсьти, ёнъ и крыкнавъ: „раки, гувора: якаясь новая рыба явилася къ намъ, дакъ трэба почастовѐть яѐ хурошо. Почастуйтя-тка!" Кинулись яны, раки, къ имъ ужэ, якъ зачѐли ихъ рэзать, то имъ тамъ негди було дѣтца. Выскочыли яны изъ воды и вынясьли раковъ на сабѣ, усякая куробки по двѣ! Ёнъ, не зѣвавши, за ими услѣдъ! Тогды яны отаборылись знову коло яго. Раки тыя ужэ опсыпались. Прыгоняя увечарў ёнъ домовъ ихъ опять. Ну, яна у стайню ихъ загнала, опять узяла бить ихъ,—больки тыя лячыть ихъ: „отъ тяперъ, шэльмы, гувора, убрали мойго сыночка, паравялѝ мнѣ!" А къ яму явилась тогды, вячэрать дала: ну, повячэрай, гувора, мой голубъ! Благодару табѣ, што спасъ моихъ лошадей! Заўтрашнiй день, гувора, являйся, выбирай сабѣ лошадя на выборъ! Ёнъ являетца назаўтраго, такъ яна у радъ поставила ихъ усихъ дванатцать, а той куросьливый отдѣльно стоить жарабёнокъ. Яна гувора: выбирай между дванатцати, якую хочашъ лошадь бяры! Ёнъ гувора: бабушка, гувора: якъ я могу за тры дни такую, каа, лошадь узять? Довѐлянъ я буду утъ—этымъ корѐсьливяньким за мою услугу! Яна гувора: што ето, гувора, тольки на страмъ табѣ узять? Такъ яна кольки ни жалѣла, ёнъ отвѣтивъ, што я, гувора, улюбився у етаго, етаго жалаю узять! Яна отдала яго: „забирай, гувора, яго! Я свойму слову, гувора—свято моё слово, ня нарушымо!" Ёнъ замуздавъ яго; тогды ёнъ яму сказавъ: ну, гувора, любезный мой ходяинъ, спасибо, што вызволивъ мяне отсюлѐ! Поѣдомъ тяперъ къ бѐльшаму братцу мойму! Тогды икъ сколотнувся, куроста таа объѣхала уся на имъ. Ну, здѣлався ёнъ лошадьдю такой, што страшно смотрэть на яго. Ёнъ сѣвъ на яго и поѣхавъ.

Прыѣхали туды нкъ змѣю къ Костею тому,—къ Марьи къ Марьяни. Потъ сохраненія поставивъ яго, а самъ ставъ бярэгти яѐ. Марья Марьяна опять жа прыходя воды брати. Отъ яна якъ прышла воды брати, дакъ ёнъ сяйчасъ за яѐ. Усхватилися на туу лошадь, и былй таковы, да й няма,—и задули! Змѣй обноровивъ: што няма хозяйки? Ёнъ догадався, што украдяна,—кинався ёнъ къ лошади къ своей. Што, лошадь моя, гувора: Марья Марьяна ужэ увѐзяна моя, ти могомъ мы догнать? Отвящаа лошадь таа: трудно, гувора, догнать! Тольки тымъ, моо, догонимъ, што яны удвохъ будуть ѣхать на имъ! Сяйчасъ усхватився ёнъ и шархнули у погонъ за ими,—змѣй той на своей лошади. И стали ихъ нагонять. Тогды етый большый братъ поумивъ, лошадь етый-змѣявъ: якъ жа я, гувора, буду нявѣрной крыви служыть повѣки,—дакъ луччай, гувора, хрыстіяньской крывй послужу! Тогды отвящаа: ходяинъ, гувора: трэба узнятца намъ повышай, тогды быстрэй будомъ лятѣть! И поднявся такъ високо, подъ нябяса ношти. Тогды якъ вихнувся, самъ до горы ногами паравярнувся,—а змѣй той якъ оборвався зь яго, якъ ударився объ зямлю, дакъ и здѣлався на маслёнку. А ёнъ тогды догнавъ ихъ. И остановились, и поѣхали: Марья-Марьяна на тую лошадь сѣла, а Иванъ Ивановичъ на свою-тыки. И остановились яны у Марьи-Марьяны имущастьви жыть, и тяперъ жывуть И я у ихъ тамъ бывъ, мѐдъ—вино пивъ, госьтився у ихъ. И отъ тольки учора отправився отъ ихъ.

Д. Ивановка, телешев. вол. гом. у. Отъ кр. Калины Петрова, 45 л. неграмотнаго. Сказка заучена имъ на родинѣ.

24. Прекрасная дѣвица Алена.

Жывъ сабѣ царъ. Имѣвъ ёнъ сабѣ пятеро дятей. Первый сынъ родився, нязвѣстно дѣ дѣвся, а четьвяро жывшыхъ оставшыся,—три сястры, братъ одинъ. Потому помѐрла царица и услѣдъ царъ. Да. И гусударъ приказавъ свойму сыну, етому младшаму и сказавъ яму: што смотри, мой сынъ, я помру,—смотри, мой сынъ, за своими сястрами, и якъ будуть сватаца, дакъ гляди ня выбирай, за перваго отдавай,—хтобъ ни пришовъ, да! ёнъ говора. Ну, помѐръ царъ, остались дѣти одны. Дойшовъ ёнъ своихъ лѣтъ, справивъ ёнъ сабѣ ружайцо. И ёнъ захвотився на ʻхвоту пройти. Пройшовъ нямного отъ дому, вярсты въ двѣ, сустракая старичка. Ёнъ здрастуетца зь имъ, съ старичкомъ: „здрастуй, говора, старичокъ!"—Здрастуй, говора, молоденяцъ—царській сынъ! Ёнъ спрашавая, старичокъ: „куды ты йдѐшъ, царській сынъ?"—А йду на ʻхвоту! А ты куды идѐшъ, старичокъ?—„А иду къ табѣ у сваты къ большай сястрѣ

Воротимося назадъ, горэлку пить!“—Да, отецъ мнѣ приказававъ, штобъ я ня 'тказававъ. Пойдомъ, каа, назадъ! Ну, яны воротились назадъ домовъ, ажъ нямa большай сястры,—нямa дѣ дѣлась. Яны туды-суды, гукать яѐ, шукать по двору тамъ, по саду, ну нидѣ ня знайшли,—нямa вѣдома, дѣ дѣлась. Остались яны утроихъ жыть. Прожылй яны годъ. Ёнъ опять пошовъ на 'хвоту. И опять нямного пройшовъ, опять сустракая старика. Потому ёнъ спрашавая, старичокъ: „куды йдешъ, молоденяцъ—царськiй сынъ?“—На 'хвоту, а ты куды, дѣдушка?—„Я иду у сваты къ твоёй сярэдьняй сястрѣ. Воротимося назадъ домовъ, горэлку пить!“—Воротимось! Однакъ мнѣ батька приказавъ ня 'тказавать. У мяне ще засталось двѣ! Ну, приходжують яны у домъ,—нѣту той сярэдьняй сястры. „Дѣ яна?“—А ня вѣдаю! Ну, шукали яе, гукали—и ня знайшли. Остались яны удвохъ жыть. Ну, й опять яны прожыли годъ послѣ того. И злучилось яму опять итить на 'хвоту. Нямного ёнъ пройшовъ, опять вярсты двѣ, и опять сустракаетца съ старикомъ. „Здрастуй, говора, дѣдушка!“—Здрастуй, здрастуй, молоденяцъ—царськiй сынъ! Куды йдешъ?—„На охвоту! А ты куды, дѣдушка?“—Я иду у сваты къ твоёй меньшай сястрѣ!—„Ахъ, дѣдушка-голубчыкъ,—у мяне жъ тольки одна осталась. Ну, а тольки по батьковому вялѣнью, дакъ я ня могу отказать! Воротились яны у домъ—нямa никого. Ёнъ шукавъ, гукавъ яѐ у доми, по саду—нямa! Ёнъ плакавъ, плакавъ, и остався одинъ ужэ. Да, ёнъ тожа такъ сабѣ обдумався: пошли моѐ сёстры такъ замужъ, пойду и я такъ у сваты: кого ни сустрэну, возьму,—ти жыдовку, ти цыганку, кого сустрэну. Вотъ ёнъ собрався и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, бача ёнъ—иде жэнщина зъ молоденцомъ малымъ щѐ, щѐ тольки три нядѣли, якъ народився на етый свѣтъ. Ёнъ приближаетца къ ёй ближы. „Здрастуй табѣ, бабка!“—Здрастуй, молоденяцъ—царськiй сынъ!—„Што жь ты, говора: удова̀, ти замужняя?“ Яна яму̀ отвящаа: я удова!—„Ну, коли ты удова, дакъ ты будяшъ моя жана!“ А молоденяцъ на рукахъ говора: нѣ, говора, молоденяцъ—царськiй сынъ,—ня будя моя матушка твоя жана. Твоя жана за трижды-девять зямель, на десятымъ царствии, у бѣлой Бѣляйни, у бѣломъ шатры, прiукрасная дявица Алѐна. То̀ твоя жана, а моя матушка ня будя твоя жана! А ёнъ отказуя: якъ жа менѣ туды доступитца? А ёнъ отвящая: иди ногами, гляди вочами, такъ и дойдёшъ! Вярнувсь ёнъ у свой домъ, собрався ужэ получчы, набравъ грошай съ собою и пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ, двоя сутокъ. На трэтьтiя сутки убачывъ ёнъ домъ хорошый, прiукрасный. И захотѣлось яму зайти у етый домъ. Заходжуя ёнъ у домъ, ажъ тамъ напятъ положо̀къ посяродъ двора. Ёнъ приходя къ етому положку и смо̀тра,—што ето такое дѣлаетца? Ажъ тамъ спить чаловѣкъ. Ёнъ знявъ съ плечъ шаблю

да хотѣвъ яго зарубить. А тогды поглядѣвъ на яго, а у яго видъ такій, якъ у яго: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо у лицо; чаботы якъ одно, и ружжы якъ одно, и шабли якъ одна, и шапки усё одно якъ одна. Ёнъ тогды яго обжалѣвъ и подумавъ, што и ёнъ такій горэтьникъ, якъ и я. И ня зарубивъ яго. Лёгъ коля яго и заснувъ. Ёнъ заснувъ, а теразъ повчаса той прошнувся. Прошынаетца той, и хотѣвъ яго зарубить. А послѣ обдумався: да, штожъ? и ёнъ на мяне найшовъ на соннаго и могъ мяне зарубить, а не зарубивъ, не чапавъ. И я яго ня буду чапать. Няхай ёнъ прошнѐтца, тогды мы побачымъ, што ёнъ за чаловѣкъ. И ёнъ такій горэтьникъ, якъ я! И пошовъ у домъ. Прошнувся царській сынъ, ажъ выходя и той изъ дому. Ну, ёнъ яго спрашуя: „ахъ, братъ ты мой голубчыкъ, якъ тябе Богъ суды занёсъ?"—А вотъ по такому и такому злучаю!—„Ну, добро; ходи жъ, мы съ тобой попъёмъ, погуляемъ!" Сѣли яны пить, гулять, двоя сутокъ гуляли. И признали одинъ одцаго. На трэтьтія сутки большый братъ говора: ну, говора, братъ, ѣдь ты сабѣ зъ Богомъ, а мнѣ трэба воявать, на войну ѣхать! А ёнъ яму отвястивъ: ахъ братъ, отдыхни трохи,—давай, я за тябе поѣду! А ёнъ говора: коли ласку, братъ, мѣешъ, ѣдь сабѣ! Да. Ёнъ тогды яму сказавъ: гляди жъ братъ, усихъ будяшъ бить, усихъ воявать, а тольки одинъ будя у бѣломъ платьти, того говора, ня трогай! Да. Вотъ ёнъ и поѣхавъ. Уѣхавъ у воську и почавъ косить: по правый бокъ якъ мякина, а по лѣвый—якъ солома. Добрався *до того*; хотѣвъ бить, а послѣ обдумався: ахъ, братъ мнѣ говоривъ, штобъ я яго ня трогавъ! Узявъ повярнувъ, поѣхавъ икъ брату. Пріяжжаа ёнъ къ брату, сѣли яны пить, гулять. Спрашуя той: а што, братъ, отвоявався?—Отвоявався!—„А того жъ не чапавъ?"—Нѣ, братъ, не чапавъ!—„Ну, й, говора, молотчына!" Двоя сутокъ пили, гуляли, добрыя мысьли мали, на трэтьтія большый братъ говора: иди, братъ! Мнѣ опять трэба ити на войну! Да. Ёнъ опять яму говора: ахъ, братъ, отдышъ ты,—давай я ще разъ зъѣжжу за тябе! А ёнъ говора: коли охвоту маешъ, ѣдь сабѣ! Вотъ ёнъ и поѣхавъ. И ёнъ яму приказавъ: гляди жъ, братъ, усихъ би, усихъ воюй, тольки одинъ будя у зялёнымъ платьти, то того не чапай! Вотъ ёнъ и поѣхавъ. Пріяжжая ёнъ у воську и почавъ косить: по правый бокъ якъ солома лятить, а по лѣвый—якъ мякина. И до тыхъ поръ косивъ, покуль добрався до етаго мальчика у зялёнымъ платьти. Ёнъ добравсь до яго и обдумався: ахъ, братъ мнѣ сказавъ, штобъ я не чапавъ яго! Узявъ оставивъ и воротився назадъ къ брату. Яны опять сѣли пить, гулять. И той спрашуя: „ну што, братъ, отвоявався?"—Отвоявався!—„А, того не чапавъ?"—Нѣ, не чапавъ!—„Ну й молотчына, што не чапавъ!" Ну, яны сѣли пить, гулять; двоя сутокъ пили, гуляли, добрыя мысьли мали, а на трэтьтія сутки большый братъ говора:

иди ты, братъ, сабѣ ужэ зъ Богомъ, а мнѣ трэба у воську!—Ахъ, братъ, —дай я зьѣжжу за тябе у трэтьтій разъ; усё равнò, у мяне часъ ѐ— а ты отдыхай!—Ну, ѣдь сабѣ, братъ, коли охвоту маешъ, тольки усихъ би, усихъ вою̀й, а одинъ будя у краснымъ платьти, того не чапай! Дакъ ёнъ и поѣхавъ. Уѣхавъ у воську и почавъ косить, направо якъ солома, налѣво якъ мякина лятить. Усихъ побивъ, покосивъ, добравсь до того, й того зарубивъ.—дужа, бачъ, рассерчавъ. Ёнъ воротитца пазадъ, сѣли пить, гулять. „Ну што жъ, братъ, отвоявавсь?"—Отвоявавсь!—„А того жъ не чапавъ?"—Нѣ, братъ, зарубивъ!—„Ахъ, братъ, говора: што ты яго зарубивъ? хто жъ намъ за яго отвѣтя?"—Што жъ, хто отвѣтя: я зарубивъ, я й отвѣчу!—„Ну, говора, Богъ съ тобой!" Сѣли ето яны пить, гулять, двоя сутокъ попили, погуляли, добрыя мысьли помали, а на трэтьтія говора: иди ты, братъ, а мнѣ изновъ надо у воську! Ну, той поѣхавъ, а ёнъ сабѣ пошовъ, своёй дорогой, куды Богъ давъ. Ну, ёнъ и пошовъ.

Ишовъ ёнъ сутокъ двоя, а на трэтьтія сутки обночывся. И уставъ пораньшы, и убачывъ ёнъ хорошый, прекрасный домъ. Заходжуя ёнъ у етый домъ.—у етымъ доми сядѝть главный пташкинъ царъ, што надъ усими пташками. Ёнъ уходжуя у етый домъ и говора: здрастуй, пташкинъ царъ!—Здрастуй, здрастуй, молоденяцъ, царській сынъ! Куды Богъ нясе? Ёнъ *яго* отвящая: ахъ, говора, вы такія проходжалыя люди, усюды бывали, усё видали,—ти ня видѣли, дѣ жывѐ за трижды—девять зямель у тридесятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣлымъ шатры, сядѝть дѣвушка, пракрасная Алена? Ну ёнъ говора: ахъ, братъ ты мой: я першый разъ отъ тябе слышу. Ужэ я проходжавъ и прояжжавъ, ну етаго ня слыхавъ! А пòтомъ, обгодѝ, братъ, трошки! Выходжуя на крыльцо, да крикнувъ и свиснувъ—собираетца къ яму усё птаство. Яны уси собираютца къ яму: охъ, царъ нашъ, зачимъ ты насъ требуешъ?—Ахъ, птаство, вы усюды летаетя, можа вы гдѣ видали, ти слыхали, гдѣ жыве за трижды —девять зямель у тридесятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣлымъ шатры сядить пракрасная дѣвушка Алена? Ну яны говòрать: мы ужэ пролётали далѐко, увесь бѣлый свѣтъ, а тольки отъ васъ перво чуямъ. Ня вѝдяли нигдѣ, говòрать. Да. И ёнъ отвящая яму: иди, братъ, сабѣ зъ Богомъ, коли нàйдяшъ! Яны попрощались, ёнъ и пошовъ сабѣ своёй дорогой. Ишовъ сутки, ишовъ другія, на трэтьтія бача—стоить домъ, пракрасный, хорошый. Ёнъ заходѝть у етый домъ, ажны у етымъ доми сядѝть звѣрный царъ. Ёнъ и спрашуя: объ чомъ, братяцъ, пришовъ?—Да тàкъ зайшовъ. Тольки вы ня прогнѣвайтесь, объ чымъ я васъ буду спрашавать?—А ну, братъ, отвящай! Ёнъ говора: вы тыки такія люди, што усюды хòдитя, бѣгаетя, ти ня чули вы, ти не бачыли гдѣ, на трижды— девятой зямлѣ, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣломъ шатры

сядіть пріукрасная дѣвушка Алёна? Ёнъ и говора: ну, братъ, говора, я отъ тябе першый разъ ето слышу; я ужэ пробѣгавъ увесь свѣтъ, а тольки нигдѣ ня чувъ, ня бачывъ. А протчымъ, обгоди трошки! Выходжуя ёнъ на крыльцо, свисня да крикня,—збѣгаетца усё звяръё къ яму: собаки, вовкі, медвядзі, и лёвы, и лисы, и усё. Яны говòрать яму: объ чомъ насъ, царъ, трэбуяшъ?—Ахъ вы звѣри бѣгомыя, ти ня чули, ти ня бачыли, што на трижды—девять зямель, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, ѐ пріукрасная дѣвица Алёна?—Нѣ, говòрать: першый разъ отъ васъ чуемъ. Ужэ мы усюды бѣгаемъ, а ня бачыли и ня чули нигдѣ! А пòтомъ, говòрать, ѐ у насъ старая мядвѣдица, семъ лѣтъ на 'дномъ боку ляжыть, тая можа ти ня знаа, туу спросить! Ёнъ и крикнавъ и свиснавъ! Подымаетца яна на ноги, бягить къ яму, ажъ косьти бражчàть. Яна яму отвящаа: ахъ царъ, на што ты мяне трэбуешъ, потрывожывъ мою старость?—Ну, старушка, низвини, слухай, што я тябе буду спрашавать!—Нутя, спрашуйтя у мяне!—Ты тыки старая жэнщына, у молодòсьти много пробѣгàла, много бачыла,—ти ня знаешъ ты, гдѣ на трижды—девять зямель, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣломъ шатры, ѐ пріукрасная дѣвица Алёна? А яна отвящаа: я, говора, зъ молодосьти пробѣгàла часто тудой, я говора, знаю, гдѣ яна жыве! Да. Ёнъ ёй отвящаа: вяди, говора, старушка, у (во) етаго чаловѣка туды! Тольки табѣ у прикази: штобъ усё було благополушно! А яна отказуя: ня бойтесь, будя усё сохранно! Да. Пошли яны ободвы. И не доходючы такъ вѐрстъ пяти ти шасьти, яна говора: а што, говора, Иванька,—видишъ ты тяперъ яго?—Нѣ, говора, ня виджу, щэ хорошо не замѣчу! Яны пошли по ближности. Пройшли ящэ вярсты три, яна опять показуя: ну што, Иванька, бачышъ тяперъ?—Тяперъ, говора, бачу!—Ну, коли бачышъ, дакъ иди сабѣ! А сама воротилася назадъ яна. Вотъ ёнъ и пошовъ.

Уходжуя къ ёй, у ёй балаганъ.—Здрастуй, говора, дѣвушка, пракрасная Алена!—Здрастуй, здрастуй, мальчышачка—царськiй сынъ! Я знаю, зачымъ ты пришовъ: хочашъ мяне за жану узять. Хорошъ-прыгожъ мальчышачка, ну тольки ето ня прійдетца: зачымъ ты мойго брата зарубивъ? Ёнъ ёй отвящаа: ахъ, говора: виноватъ, да не проклятъ! Я зарубивъ, я й отвѣчу! Яна яму отвящаа: стой жа, говора, тяперъ! Тольки што менѣ тябе жалко, а то бъ ты отвѣтивъ ба и пропавъ. Нà жъ табѣ пару прòстыхъ ножовъ, и стрэняшъ ты бабку старэнькую, малѐнькую, изъ зялѣзной тростиночкой. И ты, говора, будяшъ изъ ёй стракàтца, и ты скажашъ: здрастуй, бабка, моя голубка! Тяперъ яна яму̀ сказала: якъ ты скажашъ: здрастуй! яна табѣ скажа: здрастуй, здрастуй, скурвый сынъ на што ты мойго сына зарубивъ? А ты ёй скажи: ахъ, бабка моя голубка, прости мнѣ! Яна скажа: прощу, тольки поклонися у ноги! Дакъ

гляди, говора,—будяшь ты кланятца ёй, дакъ, говора, низко не кланяйся, а то яна тябе тростинкой якъ пюкня, дакъ и убъè. А ты ня дужа согинайся, да хвати яè етыми ножами подъ пахи, дакъ яна и скипить!.. Ну, ёнъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, сустракаетца баба изъ зялѣзной тростиночкой. „Здрастуй, каа, бабка, моя голубка!“—А здорово, здорово, скурвый сынъ! Ето ты мойго сына зарубивъ?—„Ахъ, бабка, моя голубка, прости мнѣ!“—Ну, говора, поклонисься у ноги, дакъ прощу! Ёнъ тольки нибытцомъ ставъ кланятца, да й хвативъ яè ножами етыми. Яна тамъ и скипѣла на ножахъ. Ёнъ яè бросивъ и воротився назадъ. Приходя ёнъ узновъ къ етой. „Ну што, говора, запоровъ?“—Запоровъ!—„Ну вотъ, говора, тяперака будомъ съ тобой жанитца!“ Ну, яны, дождавшися скрасэньня, и пожанилися. И пожыли яны два дни. Яна яму даè ключы: иди, говора, мой милый, полюбуйся по моимъ жытялству, по саду, по винограду. Тольки усюдахъ ходи, усюдахъ любуйся, тольки тамъ будя стоять хатка, лычкомъ завязана, г—мъ замазана, дакъ у тую не гляди. А то усюдахъ сабѣ любуйся ходи!“ Ну, ёнъ и пошовъ,—любовався у етомъ саду. Дойшовъ до етой хатки, и узяла яго тикавость: „якъ ето можа быть? Я уже тяперъ ходяинъ и кабъ я не глядѣвъ у ету хатку!“ Ну узявъ, ето г—о обтёръ, лычко развязавъ и глядить. Ажъ тамъ змѣй кипить у котлѣ. Ёнъ тогды говора: „здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, царевичъ!“—Здрастуй, здрастуй, змѣй! Зачимъ ты суды попавъ?—„Ахъ, братъ ты мой, ратуй ты мяне отсюль: дарую табѣ три смерти!“ Ну, ёнъ подумавъ, подумавъ: во, три смерти даруя,—ето я довго буду жыть! Отратую я яго! „Якъ жа мнѣ тябе отсюль ратовать?“ А ёнъ говора: подай мнѣ, братъ, вядро горэлки и торбу сухаровъ,—трэба мнѣ покрапитца! Ёнъ яму подавъ вядро горэлки и торбу сухаровъ. Ёнъ выпивъ, закусивъ, тогды говора: ходи, братъ, ко мнѣ суды, подай мнѣ руку! Ёнъ подходя къ яму, подавъ яму руку,—ажъ ёнъ такъ и выскочывъ, и полятѣвъ! Покуль ёнъ зачынивъ ето двери, г—мъ замазавъ, лычкомъ завязавъ, приходя у домъ,—ажно ужэ няма жонки: змѣй ухвативъ и понёсъ у своè царство. А ёнъ да спрэжда хотѣвъ яè узять, дакъ яè матка была силнѣй за яго, дакъ яна и усадила яго у ето пекло. Ёнъ поплакавъ, поплакавъ, собрався и пошовъ зновъ у свѣтъ бѣлый, шукать яè. Вотъ и пошовъ.

Ишовъ ёнъ сутки, ишовъ другія, а на трэтьтія сутки убачывъ ёнъ зялёный домъ зъ зялѣзной крышой, прекрасный, хорошый! Ёнъ заходя у етый домъ, ажъ тамъ яго сястра большая сядить. Ушовъ ёнъ, яны одинъ на 'днаго зирнули—и заплакали ободвы: ахъ, братъ! Дававъ табѣ Богъ щасьтя, да ня умѣвъ ты яго шановать, што не соблювъ ты, што яна табѣ приказала! Ёнъ говора: ну што жъ, сястра: гора, да нечаго дѣлать! Трэба йтить шукать яè!—Да, говора: знайдешъ, да ня возьмешъ: ёнъ,

говора, убъѐ тябе, заколотя!—Ну, што, говора, сястра, дѣлать: убъѐ дакъ я ѐй ня буду рунитца тогды, а яна мнѣ!.. Яна яго садить, напримѣръ, угощенія дѣлать: напоила, накормила. Ёнъ ето собираетца итить: прощай, сястра! А яна говора: „ахъ, братка мой любый, хоть ба ты щэ трошки у мяне погостювавъ, да я боюся, што мой мужыкъ тябе убъѐ! Мой мужыкъ—Громъ!"—А я, сястра, пойду ужэ!—„Нѣ, братъ, стой: я тябе схова̀ю!" Узяла и сховала яго подъ койку. Удругъ подъ повднѝ стучыть, грымить, и уходя у домъ. Походивъ по комлати, походивъ, и говора: ахъ, жана моя любая,—русь кось пахня!—Ахъ, мой мужъ любый, мужъ мой дорогій: ты по свѣту лятавъ, руси коси набравея, яна табѣ и тутъ пахня!—Ну, ничого, говора,—давай обѣдать! Удругъ сѣли яны обѣдать, отъ яна якъ узяла одну ложачку, сычасъ у яѐ сляза̀ и покатилась. Ёнъ у яѐ спрашуя: ахъ, жана моя любаа, жана моя дорогаа, почаму вы плачытя? А яна говора: якъ жа мнѣ ня плакать,—кольки насъ було у вотца, дакъ ня тольки ня убачымся, а дажа ня учуемъ, гдѣ который прожываа! Ёнъ и говора: ахъ, дурни вы, говора. Разви вы у худое мѣсто попали? Што вамъ тутъ худо? А яна говора: што, коли бъ мой братъ тяперъ прибывъ, якъ ба мы яго приняли?—Вотъ дура баба: хиба у насъ хлѣба-соли няма? Мы бъ попили, поѣли, добрыя мысьли помѣли бъ! А яна говора: ёнъ, говора, тутъ,—я яго сховала! А ёнъ тогды говора: эй, шуръякъ, вылазь, гдѣ ты, говора, сховався? Отъ, якъ крикнувъ ёнъ: шуръякъ, вылазь! ёнъ и вылязъ съ подъ пола. Отъ ёнъ поздраступався, посадивъ за столъ, сѣли пить, гулять на троя сутокъ: пили, гуляли, добрыя мысьли мали. На чатьвёртыя сутки ёнъ говора: „ну, шуръякъ, иди сабѣ зъ Богомъ, куды табѣ трэба, а мнѣ трэба йти у бѣлый свѣтъ!" Ну, потому ёнъ пошовъ. Иде сутки, иде другія, на трэтьтія убачывъ домъ приотлишный—хорошый (цвѣтъ опущенъ). Заходжуя ёнъ у етый домъ, ажъ тамъ сядить яго сярэдьняя сястра. И ету знайшовъ. Ну, яны, зирнули яны одинъ на одинъ и заплакали. „Ахъ, братка ты мой родный! дававъ табѣ Богъ щасьтя—долю, да ня умѣвъ ты шановатца, ня умѣвъ слухать яѐ! Пропавъ ты тяперъ"!—Ну, штожъ, говора, будешъ дѣлать: пропавъ, дакъ пропавъ! Пойду шукать яѐ!—„Да, говора, знайдешъ, да ня возьмѐшъ, ёнъ тябе убъѐ!"—Ну, штожъ дѣлать: убъѐ ня убъѐ, а хоть рупитца одинъ одному ня будомъ! Ну, яна трошки яго попоила, покормила. „Ахъ, мой братъ! погостювавъ ба ты у мяне, дакъ боюся, што мой мужыкъ, Морозъ, заморозя тябе!"—Ну, што жъ, сястра: я пойду!—„Ну нѣ, говора: я тябе схова̀ю!" И сховала яна яго подъ койку. Вотъ, сонюшко устаѐ, обвутрыло, морозъ раставъ и иде у хату. Походивъ, походивъ по хати: „а што, жана,—русь-кось пахня!" А яна яму̀ отвящаа: ходили по бѣлому свѣту, руси-коси набра̀лися, и тутъ пахня!—Ну, ничого, ето усѐ пустое,—давайтя

обѣдать! Ну, яны сѣли обѣдать. Яна якъ узяла першую ложачку, зачарэпнула, и скушно заплакала. „Жана моя любаа, жана моя дорогаа, чаа ты скушно плачашъ?“ — Якъ жа мнѣ, каа, другъ мой милый, ня плакать: кольки насъ було у батьки и нязвѣстно, хто гдѣ знаходитца. Ти довядѣтца побачытца, ти нѣ? — Во, говора, дурни вы, хиба вы у худое мѣсто попали! — А што бъ вы, говора, здѣлали, кабъ мой братъ тяперака прибывъ? — Ахъ, ты жана дурань: хиба у насъ хлѣба-соли нямa, — мы бъ попили, поѣли, да добрыя бъ мысьли помѣли! А яна говора: ёнъ жа, говора, тутъ! Я яго сховала! Ёнъ тогды говора: „эй, шуръякъ, говора: гдѣ ты? Вылазь!“ Ёнъ сычасъ и вылажуя. Якъ вылязъ, сычасъ поздоровкалися, повиталися и сѣли пить, гулять на троя сутокъ. Пили, гуляли, добрыя мысьли мали, а на чатьвёртыя сутки ёнъ собираетца у дорогу. „Ну, говора, швагра, иди сабѣ зъ Богомъ, куды табѣ трэба, а мнѣ трэба у бѣлый свѣтъ итить!“ Яны якъ попрощалися, пошли. Ёнъ съ сястрой попрощався, пошовъ. Ишовъ сутки, ишовъ другія, на трэтьтія бача — стоить домъ хорошый — отлишный. Заходжуя ёнъ у етый домъ, ажно яго самаа младшаа сястра у етымъ доми. Якъ увыйшовъ ёнъ у домъ, зирнули яны одинъ на одинъ и заплакали. „Ахъ, братка ты мой родный, дававъ табѣ Богъ щасьтя-долю, да ня умѣвъ ты шановать!“ — Ну, штожъ, говора, сястра: пойду тяперъ шукать яё! — Да найти ты найдешъ яе, да узять ня возьмешъ! Ну, говора, братъ ты мой, сядь ты у мяне погостюй! Сѣвъ ёнъ, попивъ, поѣвъ и хоча ити. „Ахъ, братка мой любый, хотѣла бъ я, кабъ ты погостювавъ, да боюся, кабъ мой мужыкъ Дожджъ тябе не засѣкъ!“ — Ну, дакъ што, говора, дакъ я пойду! — „Нѣ, постойка, я тябе схованю!“ Ну й сховала яго подъ койку. Такъ, подъ повдня хмары разыйшлись, погода установляятца, — иде Дожджъ. Походивъ, походивъ по хати: „а што, говора, жана, — русь кось пахня!“ — Ахъ, мужъ мой любый, мужъ мой дорогій, ты по свѣту лятавъ, руси коси набрався, яна табѣ и тутъ пахня! — Ну, ничого, говора, давай обѣдать! Сѣли яны обѣдать, яна одну ложку зачарэпнула и заплакала. Ёнъ ёй говора: жана моя любаа, жана моя дорогаа, чаго ты плачашъ? — Якъ жа мнѣ ня плакать: кольки насъ було у вотца, а тяперъ мы и ня учуемъ, игдѣ который прабываа, ня тольки побачытца! — Ахъ, якая ты дурань! Такъ васъ Богъ любя! Разви вы у худое мѣсто попали? А яна говора: што, коли бъ мой братъ тяперъ прибывъ, якъ ба мы приняли яго? — Ахъ, дурань баба: хиба бъ мы хлѣба-соли ня знашли бъ? Попили бъ, поѣли, добрыя бъ мысьли помѣли бъ! А яна говора: а ёнъ жа тутъ! Отъ ёнъ говора: вылязай, швагра, гдѣ ты сховався! Ёнъ вылязъ. Удругъ яны познакомились, повитались, сѣли пить, гулять. Пили, гуляли, добрыя мысьли мали, троя сутокъ. На чатьвёртыя яны прощаютца. Младшая сястра приготовила яму на дорогу. „Ну, говора,

иди сабѣ, шурьякъ, зъ Богомъ, куды идешъ, а мнѣ трэба у бѣлый свѣтъ ити!“ Попрощався ёнъ, пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ троя сутокъ, на чатьвёртыя бача—стоить домъ прабольшый, огромный, каменный! И ёнъ самъ сабѣ думаа: зайду-тка я у етый домъ, подивлюсь, што тутока дѣлаетца! Заходя ёнъ у етый домъ, ажъ яго тамъ жана сядить. Ёнъ якъ увыйшовъ у комлату, яна говора: ахъ, мужъ мой любый, дававъ намъ Богъ щасьтя-долю, да ня умѣвъ ты шановать, ня ўмѣвъ мяне слухать! А тянерака ты мяне отсюля не возьмёшъ, ёнъ тябе убъе! Ёнъ яѐ обнявъ и говора: ахъ, жана моя любаа, довжно пропавъ! А пойдомъ на щасьтя! А яна яму отвящаа: нѣ, говора, мой мужъ: ёнъ насъ догоня, дакъ тябѐ убъѐ!—Ну што жъ,—убъе, дакъ убъе,—хоть одинъ объ одным ъ рушитца ня бўдомъ!.. И пошли яны оттулй. Пошли яны съ того дому,—удругъ у повдни прилятаа змѣй у домъ. И ў яго бывъ хлопчыкъ служытель. Прилятаа и спрашуа: хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, говора.—А дѣ жъ яна?—Ушли!—Ну што жъ, говора, догонимъ?—Да, говора, догонимъ. Прежде выкопаемъ лядо, да посѣямъ жыто, да убяромъ, да помолотимъ, да спякомъ хлѣбъ, да зъядимъ,—и то ў повдороги догонимъ! Ну, яны завинўлися лядо копать. Выкопали лядо, посѣяли жыто: жыто тоя поспѣло; яны яго увобрали, помолотили, намололи муки и напякли хлѣба. Зъѣли той хлѣбъ и поѣхали догонять. У повдороги й догнавъ. Якъ догнавъ, такъ спусьтився: ахъ ты, приволокся суды! Ну, двѣ смерти табѣ даруятца, а ще одна остаетца. Трэба було тябѐ тогды убить и тяперъ во; а щэ разъ придёшъ, дакъ щэ тую подарую. А ў трэтьтій разъ придёшъ—убъю! А самъ узявъ жонку и полятѣвъ назадъ. Ёнъ остався одинъ. Постоявъ, постоявъ, поплакавъ, поплакавъ, да вярнувся и ёнъ туды назадъ къ ёй. Приходя ёнъ назадъ къ ёй и говора: ахъ, жана моя любаа, пойдомъ щэ на щасьтя!—Нѣ, говора, мужъ мой любый, мужъ мой дорогій, ёнъ насъ догоня и тябе убъѐ!—„А можа ня убъѐ!“ Упросивъ яе,—узяли опять пошли зъ ёй. Ну, ёнъ опять прилятаа домовъ, змѣй: а што, ходяйка дома?“—Нѣ, няма!—А гдѣ жъ яна?—Ушли!—А мы ихъ догонимъ?—А прежде выкопаемъ лядо, да посѣямъ пшаницу, да помолотимъ, намѐлямъ, да хлѣба напякомъ, да зъядимъ,—и то ў повдороги догонимъ! Ну, завинулися яны лядо копать, пшаницу сѣять. Выкопали лядо, посѣяли: увобрали тую пшаницу, помолотили, намололи муки, напякли хлѣба, зъѣли и поѣхали догонять, и ў повдороги догнали. Ёнъ яму и говора: а што говора,—ты не каесься? Ну, першый и послѣдній разъ ты тутъ! Якъ придешъ щэ,—беспрымѣнно убъю! Ну, узявъ жану и полятѣвъ, ёнъ и остався одинъ. Постоявъ тамъ, поплакавъ: што тутъ дѣлать? Пойду опять икъ ёй! Приходя ёнъ опять къ ёй: ходёмъ, говора: усё одно мнѣ пропадать! Ублагавъ яе: опять пошли. Ёнъ прилятаа у повдни на другій день и пытаа у хлопчыка: а

што, хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, няма, ушли!—А ти догонимъ мы ихъ?—А выкопаемъ упяродъ лядо, понасѣямъ проса, да убяромъ, да натовкомъ, да кашы наваримъ, да поядимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, давай завинатца коля ляда. Насѣяли проса, натовкли, кашы наварили, подъѣли, поѣхали догонять,—у повдороги догнали. „Ну, говора, послѣдній разъ ты ходивъ!“ Якъ спусьтився, сычасъ яго убивъ, на мелкія часьти порубивъ и по полю раскідавъ.

Ну, ето уремя ходили яго швагры по бѣлому свѣту и усё ето бачыли. Вярнулись домовъ и расказують жонкамъ: отъ жа, каа, няма вашаго брата,—убивъ змѣй! Яны узяли, дома подѣлались ластовками: одна узяла жывыя воды, другая мяртвыя, прилятають туды, собрали кусочки и складують, якъ ёнъ бывъ. Сычасъ склали, гоющыя воды дали—ёнъ зросся, жывущыя дали—ёнъ отжывився: охъ, каа, якъ я довго спавъ! Ну, яны стали яму говорить: ахъ братъ, ты ня спавъ, а тябе змѣй порубивъ на мелкія часьти. Ето що хорошо, што ёнъ такъ здѣлавъ; а коли бъ ёнъ убивъ, да на гнѣ спаливъ, то бъ мы ничого ня здѣлали! Ну, ёнъ говора: ну, ужэ ти спаля, ти нѣ, а пойду узновъ на щасьтя, што Богъ дасть! А яны яго просють: братка, ня йди,—ёнъ спаля!—Ну, ужэ ти спаля, ти нѣ, а пойду! Ёнъ зь ими попрощався и пошовъ-тыки назадъ икъ ёй. Ну, приходжуя ёнъ узновъ икъ ёй, яна плача. „Ходѐмъ, жана!“ А яна яго пròся: нѣ, тяперь я ужэ съ тобой ня пойду,—я тябе луччы тутъ сховаю, покуль што! Ну, яна яго сховала. Удругъ ёнъ прилятуя у повдни. Прилятѣвъ и сѣли обѣдать. Побѣдали и лягли спать. Лягли отдыхать, яна говора: ахъ, мой мужъ милый, мой мужъ дорогій! Няхай той мужъ мой жывъ бывъ, дакъ ты мнѣ правды ня казавъ, а тяперь того мужа няма: искажы ты мнѣ, по якому злучàю у тябе такая силная крѣпость, што нихто табѣ ня дасть рады? А ёнъ ёй отвящаа: „моё здоровья и сила усё у моры! Тамъ, говора, у моры ляжыть волъ, а у волу заяцъ, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо, а у яйцы усё здоровъя моё и сила сядить тамъ! Коли бъ хто тоя яйцо доставъ, да имъ мяне ударывъ у лобъ али у груди,—тутъ ба мнѣ и конецъ!“ Ну, ёнъ якъ отдыхнувшы полятѣвъ, а яна яго тогды узбудила и говора: ну, мужъ мой любый, мужъ мой дорогій! Собирайся, говора, туды й туды! Коли найдешъ, говора, етаго дѣла—остàнесься щасьливъ! Напяклà яму, наварыла и выправила. Собрався и пошовъ. Иде сабѣ дорòгой, ажъ бъютца два коршукѝ, и такъ силно бъютца, што ня возможно ихъ разборонить. Ёнъ ихъ испрашуя: ахъ вы ястрабы, ястрабы! За што вы такъ болно бъятѐсь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ: мы дужа крѣпко ѣсьти хòчамъ; дакъ мы который котораго забъёмъ, того и зьядимъ! Ёнъ отвящаа имъ: стойтя жъ вы, ястрабы, ня битеся, ходѝтя ко мнѣ! Яны приходжàють къ яму, ёнъ сычасъ развязавъ торбочку,

вынимаа съ торбы два куски мяса и дае имъ. Яны наѣлисѣ и благодарать яго: „ну, говора, благодаримъ покорно, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, што накормивъ ты насъ: будомъ мы за твоё угощеньня табѣ у большой пригоды за ето!“ Вотъ яны попрощались: пошовъ ёнъ знов. Иде ёнъ по дорози, бача—бъютца два собаки, и такъ сильно бъютца, што ня можно ихъ разборонить. Ёнъ подходжуя къ имъ поближы: ахъ, вы псы, вы псы! за што вы такъ болно бъятесь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ,—мы дужа крѣпко ѣсьти хочамъ; дакъ мы который котораго задавимъ, того й зъядимъ! Ёнъ отвяцаа имъ: стойтя жъ вы, псы, ня битеся, ходитя ко мнѣ! Яны приходжують къ яму; ёнъ торбу развязавъ, по ковалку хлѣба имъ давъ, по ковалку говядины. Яны наѣлись. „Ну, говора, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, благодаримъ покорно, што ты насъ накормивъ: будомъ мы табѣ у большой пригоди за ето!“ Ну, пошовъ ёнъ дали. Подходжуя къ мору, бача—бъютца двѣ выдры, и такъ сильно бъютца, што ня можно ихъ разборонить. Подходжуя ёнъ икъ имъ ближы: ахъ вы выдры, выдры, за што вы такъ бъятесь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, дужа крѣпко мы ѣсьти хочамъ: дакъ мы котораа котору *ую* задавимъ, тую и зъядимъ! Ёнъ говора: стойтя жъ вы, выдры, ня битеся! Ходитя ко мнѣ! Яны приходжують къ яму, ёнъ торбу развязавъ, вынимаа два ковалки мяса и дае имъ. Яны наѣлися и благодарать: спасибо табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, што ты насъ накормивъ! Будомъ мы табѣ у большой пригоди! Распрощались, ёнъ и пошовъ. Отъ, ёнъ подходжуя къ мору. Покуль дошовъ, дакъ ужэ вода по ротъ понимаа. Иде ёнъ и плача, и говора: Господи, што жъ мнѣ тяперака дѣлать? Иде, иде, ажно стоить востровокъ. Зирнувъ ёнъ на правую сторону, ажно сядить старичокъ-дядокъ на етымъ востровочку. Подходжуя ёнъ ближэй, и говора: „здрастуй, дѣдка, мой голубчыкъ!“—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, царевичъ! Якъ тябе Богъ суды принёсъ: ти самъ ты пришовъ, ти табѣ хто показавъ?—„Нѣ, самъ, говора, дѣдка, пришовъ!“—А почаму жъ ты суды пришовъ?—„Ахъ, дѣдка, мой голубчыкъ: ти ня бачывъ ты, ти ня чувъ, игдѣ тутъ у моры ё волъ, а ў волу заяцъ, а ў зайцы вутка, а у вутцы яйцо, а ў яйцы змѣява сила. Дакъ якъ ба мнѣ яго достать?“—Ня знаю, нябожа, першый разъ отъ тябе чую! Ёнъ ставъ, заплакавъ коля яго, засмутився. Ёнъ яму говора,—дядокъ етый: коли бъ ты давъ мнѣ што-небудь поѣсть, то бъ я табѣ помогъ,—а то я три дни ня ѣвъ! Ёнъ говора: ахъ дѣдка, мой голубчыкъ: во, говора, ѣжъ колькi хочашъ! Знимаа яму торбочку и дае. Ну, ёнъ поставивъ яму ету торбочку,—дѣдъ той ѣвъ и ня ѣвъ. „Ну, говора, завязуй, нябожа, свою торбочку!“ Ёнъ узявъ завязавъ. „Ну-ка, нябожа, возьми утъ-эту довбню и иди по моихъ вусахъ, куды я дмухну, и якъ дойдешь до конца вусовъ,

тольки скажи: вухъ-ти! Дакъ ёнъ къ табѣ выскоча. Тольки ты яго довбнёи у лобъ би!" Отъ ёнъ и пошовъ. И забывся, якъ ето трэба сказать. Дошшовъ до конца тукаа, люкаа, а нiякъ не припомня, якъ трэба сказать. Ёнъ ходивъ, ходивъ, уморився уже до смерти. Иде назадъ: „вухъ-ти! якъ я уморився", кажа. А ёнъ и выскакуя. Отъ ёнъ яго ў лобъ. Ёнъ и завалився. „Ну, слава табѣ, Господи!" Узявъ ёнъ ножыкъ, разрэзавъ пузо, тольки хотѣвъ узять зайца, а заяцъ якъ вырветца, якъ маханè отъ яго!.. Утёкъ. Ёнъ уставъ и плача: „вотъ табѣ й нà! тольки найшовъ, и няма! Ето бягущаа звярѝна; побѣгла—и нямо-хто яѐ поймаа!" Иде и плача. Тольки пройшовъ шаговъ десять, 'зирнувся назадъ,—ажъ тащуть етыя собаки зайца и говòрать: „нà табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, за твоѐ угощенiя, за твоѐ труды!" Да. Ёнъ имъ подяковавъ, узявъ зайца, разрэзавъ пузо, тольки хотѣвъ узять вутку, а вутка—ковзь! полятѣла ўгору! Да. Ёнъ уже руки опусьтивъ и плача: „Богъ знаа: ето була бягучаа звярина, дакъ поймали, а ето ужэ лятучаа: ету нихто ня поймаа!" Иде и плача. Пройшовъ ёнъ ня большы, шаговъ зъ десять, ажъ чуя—шумить угорэ. Ёнъ глянувъ—ажъ нясуть коршукѝ вутку тую! И говòрать: „нà табѣ, Иванъ Ивановичъ, за твоѐ угощенiя, за твоѐ труды!" Ёнъ ету вутку узявъ, пузо разрэзавъ; ставъ яйцо брать, а янò якся ковзанулось, яйцо ето,—пошло на дно мора! Бросивъ ёнъ ужэ ўсё, отчурався усяго, и пошовъ ужэ съ того мѣста соусимъ. „Вѣрно, мнѣ ужэ пропàсьть тутъ!" Тольки ёнъ пошовъ съ того мѣста, вышавъ на берагъ зъ большòю журбою, ажъ ступаа отзàду. Озирнувся назадъ—ажъ нясуть выдры яйцо. „Нà табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, за твоѐ угощенiя, твоѐ труды!" Отъ ёнъ яйцо у пазуху уложывъ и пошовъ туды. И приходя ёнъ тогды къ жанѣ. „А што, милый другъ, доставъ?"—Доставъ!—„Ну, тяперъ слава Богу, коли доставъ!" Ну, ёнъ яе прося: ходемъ, говора.—„Ну, тяперъ ужэ ходемъ на щасьтя!" Собрàлись и пошли. Прилятаа у повдня змѣй и пытаа у хлопчыка: а што, хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, ушли!—А догонимъ мы ихъ?—Догонимъ, да ня вòзьмомъ! Ну, яны полятѣли, догнали. „Ахъ ты, говора, нячыстая сила! ты опять жывъ! Щасьтя твоѐ, што я тогды тябе порвавъ на ковалки, а ня спаливъ въ огнѝ! Ну, да я тяперъ тябе спалю!" Тольки ёнъ ставъ подхàджувать, а ёнъ выхвативъ яйцо зъ-запазухи, да бэхъ у лобъ яму! Ёнъ и завалився. Ёнъ тогды на мелкiя часьти порубивъ яго, да на 'гонь, и спаливъ. И съ своёй жаной пошли у свой домъ и стали тамъ жыть. И тяперъ жывуть.

И я ў ихъ тамъ бывъ, мèдъ-горэлку пивъ, и ў роти ня було, и по бородѣ не тяклò. Була у мяне смолянàа кобылка, рэпяное сядло, съ пастарнаку коньчукъ. Свиньня откуль узялася—за коньчукъ! И тяперъ у яѐ хвостомъ тырчыть. Прилятѣвъ дятялъ: чыкъ-былкъ, давай мой башлыкъ! Да

й укравъ сядло,—и тяперъ у яго голова красна. Совнійко угрэло, и кобылка растала. И няма нигдѣ ничого...

С. Старая Рудня, рогач. у. **Отъ кр. Василія Аникеева, 29 л., негр. Внѣ предѣловъ Могилевской губ. не былъ. Изрѣдка слышатся мягкіе д, т.**

25. Марья Кирбитовна.

Жывъ сабѣ въ однэй дяревни старикъ съ старухою. И мѣли яны сабѣ троя дятей: одинъ сынъ, дьвѣ дочири. Сынъ старшый, дочири младшыя. Старикъ исъ старухою умирали и сыну приказъ оддавали: „сынокъ нашъ узлюблённый! самъ потуль ни жанися, покуль сясьтёръ замужъ оддаси!“.. Ёнъ самъ ни жанився. Удругъ къ старшай сястрѣ яго пріинжджали сваты. Сватали, сядѣли, пили, гуляли и зъ радосьси висялились. Потому, самъ жанихъ отъинжджая и прощаньня зъ милой оддае: „выйди, говоря, моя милая, на крылечко,—попрощаимся съ тобою!“ Вышла ина на крылечко, ёнъ потхвативъ яè потъ пашки, и сѣли у коляску. Тольки вѣтиръ зашумѣвъ, и нѣтъ никогò. Остався братъ изъ мѐньшай сястрой. Ня видивъ ни винца, ни свадьбы.

Жывутъ годъ и другій, нѣтъ ни отвѣту ни 'ткуда, ни привѣту. И скучали по своёй сястрѣ.

Пріинжджаютъ другія сваты икъ меньшай сястрѣ. То жа само, сватали, пили, гуляли, висялились. То жа само етый жанихъ говòря: „выйди, моя милая,—попрощаимся съ тобою!“ Ина вышла. Ёнъ ухвативъ яè подъ-пашки, и тольки загримѣвъ громъ. Остався одинъ братъ ни причомъ, ходивъ, скучавъ, што нѣтъ жытъ ни причомъ, бросивъ свой домъ и пошовъ у бѣлый свѣтъ. Ишовъ день, исъ усходу сонца и до заходу, ни видивъ никогò—ни чиловѣка проходяща, ни птицы пролитащи. Обнимая яго тёмная 'ночь сярёдъ тёмнаго лѣса. Приходя ёнъ къ большому дому, ставъ ли воротъ и думая ночиватъ. Выходя дѣвушка и спрашуя: почаму, молодецъ, стоишъ, и што ничого ни говоришъ?—Я стою и говорю: ти ни можно у васъ поночиватъ?—А пожджи, другъ, пойду спрошу у хозяйки—позволя, али нѣтъ. Тётинька, говоритъ: нѣйкій чиловѣкъ прòситца ночиватъ у насъ!—Пущай иде поночуя! Иго хозяйка принимала и посьтелю яму давала, на койцы яго спатъ клала. Назаутря повутру яго спрашавала: куды, другъ, идешъ, и чаго ищишъ?—Иду искатъ сабѣ своихъ сясьтёръ! Былò у мяне дьвѣ сястры, сваты сватали, ну и вянцòвъ я ни видавъ и свадьбы ни гулявъ. И самъ ни знаю, агдѣ мнѣ ихъ искатъ. Хутъ ба у глазы повидать!—„Другъ! табѣ сясьтёръ ни найтить, а должно табѣ у мяне хозяиномъ быть! Ты ко мнѣ увыйшовъ, ды 'тъ мяне ня увòйдешъ:

будимъ мы съ тобою жыть и другъ друга почитать!" Такъ яны осталися жыть. Жыли мѣсицъ, и другій. Тоды ина говоря: „вотъ жа, говоря: друхъ! оставайся дома хозяиномъ! хозяйствомъ управляй и ни гуляй, тольки ня йди туда, адѣ лычкомъ завязано, г...... замазано, и лозинкой заторнуто!" Ёнъ ходивъ, осматривавъ. Пришовъ къ завязанымъ дьвирямъ. Самъ сабѣ думая: што ето? Штобъ бывшы я за хозяинъ, штоба ни посмотрѣть, што тута ёсь? Ёнъ узявъ, лозинку поломавъ и лычко порвавъ, и дьвери отворявъ. Смотрить ету хижу—сильный огонь горить и въ огнѣ поганый Кощей на цапахъ висить. Ёнъ спрашуя: хто такій? Отвичая: поганый Кощей! —Чаго ты тутъ висишъ? и хто тябе повѣсивъ?—За приступки за моё повѣсила мяне жана твоя Марья Кирбитовна. Ну прошу тябе—испусьти мяне! Ну я табѣ згоджуся на усѣ уримина.—А якъ тябе отпусьтить?—Иди приняси три видра горѣлки и три булки хлѣба, и три полѣны дровъ ольховыхъ и три полѣны дровъ осиновыхъ! Ёнъ принёсъ яму три видра горѣлки, три булки хлѣба, три полѣны дровъ ольховыхъ, и три полѣны дровъ осиновыхъ. Ёнъ тоды выпивавъ одно вядро горѣлки и закусававъ одну булку хлѣба, бравъ еты полѣны и бивъ по цапахъ. Выпивавъ другоя вядро горѣлки, закусававъ другимъ хлѣбомъ и бивъ палками по цапахъ. И одбивъ уси цапы, только одинъ остався—што зъ низу у горло. Третьтія вядро выпивавъ и булкою закусававъ. И усѣ цапы оторвавъ отъ сябе и самъ съ огня выскакававъ. Вотъ жа, говоря: ни видать табѣ жаны Марьи Кирбитовны во вѣкъ! поганый Кощей говоря. Поднявся, полятѣвъ, тольки вѣтиръ зашумѣвъ. Остався ёнъ одинъ дома, заскучавъ, што сясьтёръ ни видавъ, и жану потирявъ. „Да пойду жаны шукать!" И отправився.

Ишовъ день исъ усходу и до заходу сонца. Ня видивъ никого. Приходя къ ночи къ дому и выскакуя зъ дому жана яго Марья Кирбитовна. Ахъ, говоря: якъ я табѣ приказавала: идѣ ни ходи, идѣ ни смотри,—тольки туда ня йди, идѣ было лычкомъ завязано, лозинкой заторкнуто, г...... замазано. А ты ни послухавъ мяне и спусьтивъ поганаго Кощея зъ ланцуговъ. Ну тяперь вѣрно намъ съ тобою ня жыть,—што тяперь силъ тыхъ у мяне нѣту звоювать яго!—Ну, слава Богу, што я увидивъ тябе, то уѣдимъ до дому свойго! Садилися на лошадь и поѣхали посьпяшнѣй. Пріижджая поганый Кощей зь зьвяриной охоты и спрашуя у кухварки своё: айдѣ Марья Кирбитовна? Куховарка отвичая, што узявъ мужъ. Ёнъ тоды кинувся, поганый Кощей, на свою стайню и спрашуя своё лошади триногія: што, говоря, лошадь триногая: нагонимъ Марью Кирбитовну?—Ни сьпиша нагонимъ. Иди, садися вячеряй и ложыся спать, а заутря уставай и будимъ нагонять! Ёнъ назаутря устававъ и садився на свою лошадь триногую и поскакавъ. И Марью Кирбитовну догонявъ и говоря: вотъ, другъ: назадъ ни воротися, ды съ своёй жаной наусигда распросьтися! Ну когда

воротисься, то чиризъ жану голову положышъ! Ёнъ Марью Кирбитовну хватавъ и на лошаḍи поскакавъ, и поѣхавъ назадъ домой.

Ёнъ тоды, ни хоḍя жаны искать, пошовъ сясьтёръ искать. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ нѣскольки уримина и прихоḍя къ мѣдному дому. Ставъ ли калитки и бъётъ кулакомъ у калитку: ни можно поночивать у васъ? Смо̀тря у вокошко систра яго и высылая дѣвушку: иди, говоря, отвори яму! Дѣвушка отворяла и у комнуту пущала. Систра яму поклонъ давала: ахъ, говоря, братицъ: рада я, што увиḍила у глаза тябе, ну ни знаю, агḍѣ поḍѣть тябе: мой мужъ Совнушка. Совнушка зайḍя и ёнъ ко мнѣ приḍя! Ина яго накормила, напоила и подъ мостъ посаḍила. Потомъ Совнушко зайшло, и ёнъ домовъ пришовъ и спрашуя: ахъ, моя милая! што у тябе русь кось па̀хня? Жана отвичая: ахъ, милый другъ! по Руси хоḍивъ, Руси набрався! Разьḍивайся и саḍися вужынать! Разьдѣвся и садився за столъ. Подносила служанка имъ кушанья. Кушали и разговаривали: ахъ, говоря, милый другъ: ноньчи я оддыхала и брата во сьнѣ видала!—Да, твой братъ ожанився на Марьи Кирбитовни и спусьтивъ поганаго Кощея зъ ланцуговъ. Ну ёнъ до жаны бывъ доступився, узявъ да назадъ воротився, а поганый Кощей отобравъ назадъ яе!—Ну, братъ мой тутъ! ина отвицая мужу. Ёнъ спрашуя: агḍѣ жъ ёнъ?—А вотъ ёнъ подъ мосто̀мъ! Ёнъ ударивъ сапогомъ и мостъ проломивъ: ну, говоря, вылизай, другъ, съ подъ моста. Ёнъ со страху вылазивъ съ подъ моста. Саḍилися умѣсьти, пили, гуляли, и висялилися, и оддыхать ложылися. Назаутря ранинько Совнушка устаѐ и на свою службу иḍе. И швагря яго тожа отправляитца у путь у дорогу. Совнушко гось̄тиницъ яму даѐ—прислугу отъ сибе, яснаго сокола. И ёнъ отправився у путь, у дорогу. Тожа ишовъ ḍень до ночи, тода прихоḍя къ сяребриному дому. Систра яго увидала у вокошко лицо̀ здалй, и яго стричала, и у домъ свой принимала. И поила, и кормила, и гово̀ря яму: айḍѣ тябе поḍѣть? Ёнъ спрашуя: зачимъ, систра, такъ?—А мой мужъ Громъ! ёнъ приḍя, тябѐ и мяне за тябе убъѐ!—Ну, иḍѣ хотишъ, тамъ мяне поḍѣнь! Ина поднимала мосьницу и саḍила яго подъ мостъ. Позно вечира Громъ домой прихо̀ḍя: здрастьви, милая! Зачимъ у тябе русь-кось пахня?—Ахъ, милый другъ: по Руси хоḍивъ, Руси набрався! Разьḍивайся, вужынать саḍися! Ёнъ разьḍивався и саḍилиси вужынать. Служанка кушанья подносила, яны кушали и разговаривали: ахъ, ноничи я оддыхала и брата у во сьнѣ видала!—Да, твой братъ ожанився на Марьи Кирбитовни, да ня умѣвъ жыть, и спусьтивъ поганаго Кощея исъ цапей. Ну, тяперь яму ижъ жаною ня жыть, за то што ина яго вошы ища, а поганый Кощей Марьи Кирбитовны груḍи сьсѐ! Ина яму говоря: мой братъ тутъ! Ёнъ спрашуя: айḍѣ жъ ёнъ?—Подъ мостомъ! Громъ бивъ сапогомъ мостъ и ломавъ: вылизь съ подъ моста! Ёнъ вылизавъ. Саḍилися умѣсьти, пили, ѣли и гуляли и од-

дыхали. Назаутря рано уставали. Громъ отправлявся на свою службу, а шуринъ по своёй дорози. Громъ изь имъ прощався и на прислугу собачку дававъ. Ёнъ и пошовъ.

Опять приходя къ своёй жанѣ Марьи Кирбитовны, и сѣдлали лошадей, сѣли и поѣхали у путь, у свой домъ. То яны спяшыли, лошадей подгоняли. Пріинжджая поганый Кощей изъ зьвяриной охоты и спрашуя у каховарки своѐ: айдѣ Марья Кирбитовна? Куховарка отвичая: узявъ мужъ яе! Осидлали лошадей твоихъ и поѣхали на вирховыхъ лошадяхъ! Ёнъ кинувся на стайню свою икъ триногому коню свойму: нагонимъ мы Марью Кирбитовну?—Иди, вячеряй, ды нямедлинно! Ёнъ повячерявъ и садився на триногую лошадь и ихъ нагонявъ. И Марью Кирбитовну одбиравъ. Ну вотъ, другъ: два разы прощаю за твою прислугу! ну, третьтій разъ ни прощу, а табѣ голову зрублю! Сѣвъ и поѣхавъ. Ну, а ёнъ назадъ воротився. Пріинжджая ёнъ опять назадъ къ Марьи Кирбитовни у Кощеявъ домъ. Садилися яны на лошадь и погоняли посьпяшнѣй. Пріижджая поганый Кощей зь зьвяриныя охоты и спрашуя у куховарки своѐ: айдѣ Марья Кирбитовна?—Опять узявъ мужъ яе! Ёнъ кинувся на конюшню свою икъ триногому коню свойму: нагонимъ Марью Кирбитовну?—Поскорѣй садися на мяне: уѣдуть у домъ свой! Ёнъ садився на триногаго коня и нагонявъ ихъ. Марью Кирбитовну одбиравъ, а мужу яѐ голову зьнимавъ.

Яго прислуга—соколъ полятѣвъ до Сонца, до хозяина свойго, а собака побѣгъ до Грома свойго. Прибигали,—соколъ прилитавъ къ Сонцу, а собака прибигавъ къ Грому, и говорили хозяинамъ своимъ, што поганый Кощей изрубивъ голову хозяину нашаму! Сонца зъ Громомъ зьбирались, икъ швагру свойму пришли. То яго тѣло воронами зьѣто, а ў черипи у головѣ ворона гнздо зьвила и яѣцъ нанисла, и дятей вывила. Приходили Сонца и Громъ, брали воронятъ у руки у своѐ. Вороны билися, и дятей своихъ у ихъ просили: пусьтитя нашыхъ дятей, а што вамъ надо, придоставимъ вамъ!—Доставтя намъ сноватилской воды и жывой!—А дайтя намъ у чомъ принѐсьти. Ну, брали бутэлочки—и подвязавали потъ крылушки. И полятѣли яны у тую сторону, айдѣ сноватилская вода и жывущая. Тамъ надъ колодизими каравулы крѣпкія. Яны миталися—кружылися и у колодизи бросалися, и ў бутэлочки воды набирали. Икъ Сонцу и къ Грому доставляли. И яны бутэлочки у ихъ отвязавали. И имъ яны ни довѣряли, штобъ яны имъ воды такой приставили. Яны воронёнка разьдирали и сноватилской водой пырскали. То воронёнокъ и сосновалось. Жывущай пырснули—воронёнокъ полятѣвъ. Яны свойго швагра по полю косьти собирали и ў кучку складали и сноватилской водой пырскали. То тѣло по косьтяхъ потягнулось. Жывущай водой спырскавали—ёнъ устававъ. Ахъ, говоря, братія:—якъ крэпко заснувъ!—Да, говоря, за-

снувъ—сномъ смярётнымъ! Ну, молися Богу, што ты бывъ у насъ и давали слугъ табѣ! Ну слуги наши и твое ʻвидомляли намъ, што табѣ голова зрублина. Мы къ табѣ приходили и тябе ʻтжывили. И за етымъ, братъ, прощай! Распросьтилися и пошли уси по сторонамъ, кому куды трэба.

Ёнъ пошовъ опять къ жанѣ своей, къ Марьи Кирбитовны. Приходя у домъ поганаго Кощея. Ну, поганаго Кощея дома нима. Ёнъ отправився у разныя стороны. Ёнъ говоря жанѣ своёй: ты мяне схувай, куды сама знаишъ, а ёнъ прiѣдя домовъ, поганый Кощей, и распроси у яго, агдѣ яго душа? Ты яму такъ отвищай: што мужа мойго убивъ, ну и я свою душу усаджу туды, айдѣ твоя! Ну яна яго схувала у вособянномъ мѣсьти. Потомъ прiиждждая поганый Кощей зъ разныхъ сторонъ. ʻНы сѣли вячерить и разговарюють. И ина у яго распрашуя: айдѣ твоя душа находитца? Ну и я свою туды усаджу, за то, што ты мойго мужа убивъ: я тяперь буду жыть исъ тобою!—Моя душа далякô: ёсьть на мори островъ, а на острови дубъ, а у дуби заицъ, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо—тамъ моя душа у яйцы!—А якъ её достать?—А трэба у бабы-яги коня достать! Такъ ёнъ поночивавъ, и назаутряго поганый Кощей отправлявся у разныя стороны. Ина мужа къ сабѣ призывала, и пили, гуляли, и вислились, и яму расказала, айдѣ поганаго Кощея душа. Нѣтъ, другъ: табѣ туды ни сойтить и душы яго ни узять. Ёнъ говоря: што Богъ дась! И отправився ёнъ у путь. И давала яму хлѣба нямножко, ёнъ и пошовъ.

Ишовъ день, ишовъ другiй—и хлѣбицъ етый изьѣвъ. На третьтiй день ѣсьть яму ничиго. Ишовъ, ись силъ выбився, ды й ѣсьть нечиго. Ёнъ лёгъ подъ кустомъ, и навалилася на яго мошкарà. И силы у яго нѣту одбиватца отъ ихъ. Ёнъ на тѣли горсьть мошакъ грябеть и ѣсьть. Нимножко усилився. Прилитая старшая мошка и говоря яму: пусьти прислугу мою, а то мнѣ трудно жыть будя одной, а нà табѣ, зьѣжъ пирожокъ!—А якъ мнѣ ихъ пусьтить?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ—то всѣ мошки полятѣли зь яго. Ну вотъ жа, другъ: я табѣ за ето сгоджуся и съ своёю прислугой, коли гукнешъ,—съ прислугою моей. Ёнъ пирожокъ зьѣвъ и пошовъ. И етый день изнова йшовъ. Назаутряго тожа ишовъ-ишовъ, ись силъ выбився. Приходя къ морю. Дай хоть раковъ уловить и сырыхъ ихъ ѣсьть. Ѣвъ, ѣвъ, и нисколько ни подьѣвъ. Выходя старый ракъ и говоря яму: пусьти прислугу мою! ну я табѣ згоджусь. Про нужду твою, я табѣ помогу исъ прислугою моею!—А якъ мнѣ ихъ пусьтить?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ, и раки усѣ поповзьли. Яму ракъ старшый дае просьвиру. Ёнъ просьвиру зьѣвъ и пошовъ. Приходя у лѣсъ. И выбився ись силъ. И ѣсь нечиго. Увидивъ ёнъ дуплё на дериви и полѣзъ. И нашовъ у дуплѣ вирябьиное гнѣздо зъ вирябьинятами и ставъ ихъ ѣсьть. Лятить старшый вирябей. Ахъ, Иванъ Ивановичъ, оддай мою прислугу,—я табѣ зго-

джусь!—Якъ жа мнѣ ихъ оддать?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ—вирябъиняты и полятѣли. Давъ вирябей яму булочку. Ёнъ зьѣвъ и пошовъ. Приходя къ баби-ягѣ. И заходя у хатку яе: здрастьви, баба-яга!—А здрастьви, здрастьви, Иванъ Ивановичъ! Слыхомъ тябе ни слыхала, да повялося глазомъ повидить. А зачимъ ходишъ ко мнѣ?—А пришовъ выслужыть лошадь у тябе!—Можышъ заробить лошадь сабѣ, только три дни испаси двинатцать кобылицъ моихъ! Занималась баба, печку топила, и вячерю яму варила. Вячерю зварила и на столъ яму подала. Ну, Иванъ Ивановичъ, садися вячерій, я погоню кобылицъ у баню парить. И кода шъ ты спасёшъ моихъ кобылицъ три дни—и будишъ брать сабѣ лошадь налюбя; а ни спасёшъ, то вотъ прочихъ богатырей головы на колушкахъ висять, и твою повѣшу! И погнала кобылицъ у баню. И набрала бяремо жалѣзныхъ прутовъ. Ёнъ бросивъ вячерить и пошовъ подъ баню слухать, што ина будя приказавать имъ. Ина прутами сячёть и приказуя: смотрітя жъ вы, скурвины дочки,—я яму сьпяку булку хлѣба чсо спомъ. Якъ ёнъ хлѣба зьѣсь, такъ и засьнѐ. Дыкъ вы тоды сховайтеся у лозу, у таку чимярѐчь, штобъ нихто ни пройшовъ, ни проповзъ. А хоть жа ёнъ и просьнётца, да штоба васъ ни нашовъ! Такъ ёнъ назаутря устававъ и кобылицъ у поля гнавъ. Ина яго выправляла и хлѣбъ яму давала. Ёнъ кобылицъ прогонявъ и пасьтививъ. Вотъ ёнъ хлѣба укусивъ и лёгъ и заснувъ. Кобылицы схувалися у такую лозу-чимяречу, што нихто ни пройшовъ и ни приповзъ. Ёнъ уставъ, прочнувся,—и совнушка закатуитца, и кобылицъ при ёмъ нѣтъ. Ёнъ заплакавъ слёзно: якъ мнѣ обрасьтітца да кобылицъ найтить? Э, говоря, коли бъ мошки ласковы були, да ко мнѣ прибули, да кобылицъ изъ лозы выгнали! Мошки шумять къ яму, якъ тёмна туча. Ну, Иванъ Ивановичъ, высморьгай дубецъ и становися у таковомъ то мѣсьти; якъ только покажытца кобылица изъ лозы, то би промижъ вушэй яѐ. Ина упаде на колѣньки, и садися вярьхомъ на яе, и поижджай домой икъ баби ягѣ! Ну, ёнъ такъ и зьдѣлавъ. И прінжджая позно вечира и пригоняя кобылицъ къ баби ягѣ. Што ты, сподарю, позно пасёшъ?—Ахъ, баба яга—на ступи поижджаишъ, а товкачомъ погоняишъ, помяломъ сьлѣдъ замитаишъ: изъ росой то лошадей и покормить! Ну, садися вячерій, а я погоню узновъ у баню! Ина погнала кобылицъ у баню, ну яму некода вячерить—ёнъ подъ баню слухать. Ина прутами сяче и щитно приказуя: смотритя, штобъ схоронились подальшы! Ну я у хлѣбъ сну прибавлю, да смотрітя ни посяньнишниму,—штобъ ёнъ васъ ни гнавъ, а одинъ пришовъ! Ёнъ выслухавъ, опять побѣгъ, садитца и вячерія, Богу молитца и ложытца спать. Назаутря устае, кобылицъ гоня у поля. Ина яго выправляя, и хлѣбъ яму даѐ. Ёнъ кобылицу погнавъ у поля, у поля пригоняя, и начавъ пасьтивить. Ёнъ пораньшы хлѣбъ ѣвъ. Хлѣбъ зьѣвъ, заснувъ. Кобылицы спрятались подальшы у лозу. Ёнъ прочинався—сонца на

закати. Ну кобылицъ при ёмъ нѣту. Эхъ, когда бъ мошки ласковы були, да ко мнѣ прибули, да кобылицы зъ лозы выгналь! Такъ яны къ яму летять, якъ тёмная туча. Ну, Иванъ Ивановичъ, высмарьгуй дубецъ побольшы того, што учира, и становись у томъ мѣсьти, айдѣ учира стоявъ. Якъ тольки выскоча кобылица йзъ лозы, то би дубцомъ по чиряпу яѐ. Ина упаде на колѣньки, садися вярьхомъ на яе и гони кобылицъ домой! Сами полятѣли выгонять ихъ. Стали кусать и грызьть, изъ лозы выгонять. Ина бягить, ёнъ бивъ яе по чиряпу дубцомъ. Ина упадала на колѣньки, ёнъ садився на яѐ вярьхомъ и пригонявъ кобылицъ. Што ты, сподарю, позно пасешъ такъ?— Эхъ, баба яга, косьтиная у тябе нога, ты на ступи поижджаишъ, товкачомъ погоняишъ, а помяломъ слѣдъ замитаишъ. Изъ росой лошадей и покормить! —Ну, садися, вячерiй—а я погоню кобылицъ у баню. Ёнъ кинувъ вячерить и пошовъ подъ баню слухать, што баба яга будя приказавать кобылицамъ. И чуя—бъе и приказуя: смотрітя жъ вы, штоба заутришнiй день ёнъ ни пригнавъ васъ, а штобъ пришовъ бизъ васъ ко мнѣ домовъ.—А йдѣжъ намъ подѣтца,—у лозѣ ня можымъ тярпѣть!—А вы схувайтися у моря на дно! Ёнъ ето выслухавъ хорошо и пошовъ у хатку, и ложытца спать. Назаутряго рано устаеть и кобылицъ гоня пасьтивить. Выправляя баба яга и хлѣбъ яму даеть. Ёнъ пригнавъ кобылицъ на лугъ, и пораньшы хлѣбъ ѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и заснувъ. Кобылицы схувалися у моря на дно. Ёнъ устаѐ, совнушка закатуитца, ну кобылицъ при ёмъ нимашъ. Э, говоря: коли бъ раки прибули, да ласковы були, штобъ кобылицъ изъ моря выгнали! То являитца старшый ракъ къ яму: ну, говоря, Иванъ Ивановичъ: высморьгай дубецъ побольшы тыхъ, што учира высмарьгувавъ, и становись у таковомъ то мѣсьти! Ёнъ высмарьгувавъ дубецъ и становився у таковомъ то мѣсьти. Якъ тольки кобылица показала голову изъ моря, такъ ёнъ бивъ дубцомъ промизь вушэй яѐ. Ёнъ садився на яѐ вярьхомъ и погнавъ до бабы яги. Ѣдя, и кобылица ета яму говоря: вотъ, говоря: насъ двинатцать сясьтёръ родныхъ, и на насъ шэрсть золотая и сяребриная,— ну силъ у насъ нѣтъ никакихъ. А ёсьть у насъ братъ—у конюшни ляжыть у гнои, и на ёмъ шкура сосьлизла,—ну насъ баба яга бъѐ и силу вынимая, а яму укладая! Ну добивайся у яѐ, штобъ ина оддала яго табѣ! Да, пригоняя ёнъ кобылицъ икъ баби ягѣ. Ну, сподарю, хоть позно пригонявъ да спасьтививъ! Ну, заутря я табѣ—садись, вячерiй и ложысь оддыхай—ну заутря я табѣ работу дамъ! Ёнъ сѣвъ повячеривъ и лёгъ спать. Назаутря устававъ, и даѐ ина яму гарницъ маку, и иди, говоря, посѣй утъ на етомъ городчыку яго! Ёнъ узявъ и посѣивъ. Ну возьми, говоря, у мяне соху, и яго узори, етый городчыкъ! Ёнъ узявъ узоравъ. Ну, тяперь возьми заскородь. Ёнъ узявъ заскородивъ. Ну, тяперь выбирь етый макъ! А ня выбиришъ—отъ, богатырськiя головы висять по колушкахъ, ну й

твоя повiсьня!—Эхъ, говоря: когда бъ уси вирябъи ласковы були и ко мнѣ прибули, и выбрали макъ изь зямли! Вирябъи шумять, якъ тёмная туча. Занялися выбирать макъ изь зямли, ну й выбрали. Ну тольки ни хватая однаго зярна. Яны разодрали стараго вирябъя и нашли зярно подъ изыкомъ. И поднося Иванъ Ивановичъ баби ягѣ етой: вотъ, изволь, баба яга, твой макъ!—Ну, я хороша, ну ты луччы мяне! Ну, ходи, выбирай лошадь сабѣ! Ёнъ уходя у конюшню: ну, бяри любую сабѣ!—Я етыхъ, кажа—ни хочу: ето лошади дорогiя! Я засну, а хто й увядё отъ мяне. Оддай ты мнѣ етаго, што гнiё у гной у тябе!—Да куды ёнъ способянъ, гнилый, табѣ? Да на ёмъ шкура согнила!—Ну, нихай сабѣ—я ужо буду кой-якъ лячить яго!—Ну, я хороша, ну ты луччы мяне! Ну, бяри сабѣ! Ёнъ узявъ коня етаго и повёвъ.

Приводя къ морю, поставивъ яго и обмывъ усю гниль отъ яго. Тогда конь говоря на яго: ну, Иванъ Ивановичъ! становися пиридо мной! Ёнъ ставъ пирядъ нимъ. Ёнъ сарпнувъ на яго и уложывъ силу у яго: ну, тяпер садися на мяне! И поѣдимъ туды, куды табѣ трэба!—Ёсьть на мори островъ, и я хочу, штобъ ты узнёсъ мяне на яго! Ёнъ и узнёсъ на островъ. Ёнъ дуба колотнувъ, дубъ разьбився. Заицъ усхватився и побѣгъ. Собака яго догнала, разорвала. Вутка усхватилася, полятѣла. Соколъ догнавъ вутку, разорвавъ. Иванъ Ивановичъ яйцо схвативъ, у карманъ уложывъ. И садився на свою лошадь, и поѣхавъ у поганаго Кощея домъ. Прiнжджая у *панаго* Кощея домъ, то *панаго* Кощея дома нѣту. Ёнъ, ни сьпиша, нижъ жаной своёй говоря:—ну, тяперь што Богъ дасьть! И съ панымъ Кощеямъ побöряимся! Набирали съ собою разнахъ напитковъ и садилися воба на 'дну лошадь. И сѣли—поѣхали. Прiнжджая поганый Кощей изь зьвяриной охоты и спрашуя у куховарки своё: а йдѣ Марья Кирбитовна?—Узявъ мужъ яѐ.—Няужли ёнъ отжывився? Ну, тяперь ужо ня тжывитца, якъ нагоню! И пошовъ на конюшню свою, икъ триногому коню къ свойму. Ну, што, говоря: нагонимъ мы Марью Кирбитовну изъ мужамъ яѐ?—Ну, нагонимъ—то нагонимъ, да ня возьмямъ!—Нѣ, тольки дай нагнать, а узять мы возьмямъ!—Нѣ, ня возьмишъ!—Ёнъ садився на яго, на свою лошадь и поѣхавъ. И нагоняя скорымъ посьпихомъ. Тольки лошадь ета отвящаа, которая подъ Иваномъ Ивановичамъ: ни находь, братицъ,—хвостомъ голову зрублю! То лошадь ета на колѣньки упала. Ёнъ бивъ розками, кнутами, ну лошадь усхватилася, и опять нагоняя. Изновъ лошадь ета отвящаа: ни находь, братицъ,—хвостомъ голову зрублю! Лошадь ета изновъ на колѣньки упала. Яму нѣчимъ яе погонять,—хрисьтяни пахали, и тыя лошадь яму кольлямъ погоняли. Лошадь опять усхватавалась, изновъ нагоняя. Лошадь изновъ отвящаа: ни находь, братицъ, —хвостомъ голову зрублю! Лошадь опять на колѣньки упала. Иванъ Ива-

новичъ злазя съ своей лошади и вынимая яйцо съ кармана и кладе на зямлю и треть сапогомъ своимъ. Якъ расьтёръ сапогомъ, поднялось огонь большый. Такъ разорвало Кощея на кольки часьтей.

Ну, потомъ, узявъ ету триногую лошадь, посадивъ на яè жану свою и поѣхавъ у свой домъ. И начали жыть. И жывуть, и мёдъ-вино пьють. И я тамъ бывъ, и мёдъ-вино пивъ. Тольки у роти ня було и по губахъ ни тякло; цапнувся за вухо, ажно и у роти сухо.

Д. Киселевка, самотеевичск. вол. Ѳома Григ.р. Мельниковъ, 33 л неграм.

26. Иванъ Ивановичъ рымськiй царевичъ.

Жывъ сабѣ одинъ царъ. Имѣвъ ёнъ у сябе одного сына и три дочкi. Тяперъ ёнъ—дай жа ёнъ померъ у старосьти. Мало ёнъ прожывъ; не знавъ ёнъ, што такъ скоро дась Богъ смерть,—не давъ ёнъ ниякаго порадку свойму сыну. Заставсь ёнъ малолѣтянъ отъ яго, а дѣвки гэтыя порадошныя, на выданьни ужо. И жывъ ёнъ безъ батьки повтора года, изь дѣвками. Потымъ приходють къ яму три чаловѣки: „здрастуй, каеть, Иванъ Ивановичъ рымськiй царевичъ!“—Здрастуйтя, говорить, здрастуйтя! Ну, што жъ вы ко мнѣ, каеть, пришли?—„А мы пришли, кажуть, у сваты: оддай, каеть, большую сястру за насъ!“—Да за кого жъ за васъ оддать?—„За усихъ за насъ!“—Которы жъ вы, говорить, жанихи?—„Да уси мы, каеть, жанихи!“—А которыя сваты? каеть.—„Уси мы, каеть сваты!“ Ну, ёнъ думавъ-думавъ, оддавъ. Узяли яны сястру большую, повяли съ собой. На другiй день вечаромъ зновъ приходють утрохъ: „здрастуй, швагра!“—Здрастуйтя! Ну, чаго вы, говорить, пришли?—„Да пришли у сваты: оддай, каеть, сястру, за насъ, другую!“—За кого жъ, за васъ оддать?—„За усихъ за насъ: мы уси жанихи, каеть, и сваты!“ Ну, оддавъ ёнъ и сярэдьнiю. Узяли яны, повяли съ собой. На третьтiю ночь то жъ само приходють яны утрохъ: „здрастуй, швагра!“—Здоровъ, швагры!—„Оддай, каеть, сястру й третьтiю за насъ!“—За кого, за васъ, каеть, оддавать? Я ня вѣдаю, хто зъ васъ жанихи, хто сваты.„—Уси мы, говорить, жанихи и сваты!“ Тогды ёнъ думавъ-думавъ и оддавъ. Оддавши сясьтеръ усихъ трохъ, думавъ-думавъ ёнъ,—соскучавъ одинъ. Ходивъ-ходивъ: што тутъ дѣлать? Поѣду у бѣлый свѣтъ шукать сясьтёръ! Самъ ня вѣдыеть куды. Приходить ёнъ у стайню, хотѣвъ поѣхать куды,—уси кони поупадали на ноги, ня водинъ не подлицаеть яго везьти, ня можыть ня водинъ. Тяперъ ёнъ якъ пошовъ на городъ; ходить, тужыть, тошнуеть. Сустракаеть ёнъ на городи бабку. Идеть бабка—годовъ триста ёй було. „Здрастуй, бабка!“ говорить.—Здоровъ, здоровъ, Иванъ Ивановичъ рымсь-

кій царевичъ! Чаго ты тужашъ, объ чимъ тошнуешъ, Иванъ Ивановичъ? —„Ахъ, бабка моя, говоритъ, пралюбезная,—тужу и тошную: оддавъ своихъ сяcьтёръ, говоритъ, усихъ трохъ своихъ, и ня вѣдыю,—куды, што, якъ. Хотѣвъ ба, говоритъ, провѣдытъ, дѣ, пошукатъ ба ихъ на свѣти,—увышовъ у стайню,—ня 'динъ конь ня стоитъ у стайни: уси поупадали на ноги. Ня водинъ, говоритъ, конь не подлицаетъ мяне везьти!“ говоритъ. Яна тяперъ яму отвѣщаетъ гэта бабка: ахъ, каетъ, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ: иди ты, каетъ, на свой дворъ, и у тябе, говоритъ, на дворѣ стоитъ слупъ; а потъ тымъ слупомъ, говоритъ, склепъ, а у тымъ склепи, говоритъ, стоитъ лошадь—збруя латна, скопъё булатно,—конь богатырській. Стоитъ ёнъ ужо тритцатъ три годы. Ты яго, говоритъ, вызволь оттуль, ты на ёмъ можашъ проѣхатъ! Ёнъ тяперъ гэтой бабцы подякувавъ: дякуй табѣ, бабка пралюбезная, за твою раду! Приходитъ ёнъ домовъ, на дворѣ стоитъ слупъ. Ёнъ, добрый молодецъ, вынивъ тэй слупъ, видитъ—потъ слупомъ склепъ. Ёнъ склепъ отчинивъ, сказуетъ яму лошадь такъ: ахъ, каетъ, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Дякуй табѣ, што ты мой вызволивъ духъ: я тутъ довго простоивъ, говоритъ. А тяперъ, говоритъ, мы съ тобой свѣту повидаемъ! Ёнъ яго выхвативъ оттуль, вынивъ тую збрую,—просится ёнъ у яго до вѣтру погулятъ: я, говоритъ, сусимъ заплесневѣвъ, тутъ стоя! говоритъ. Такъ ёнъ яго и пусьтивъ на волный свѣтъ. Гэта лошадь летала-летала по свѣти, потымъ у три часы къ яму прибыла. Отвѣщаетъ яму: Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! возьми ты съ собой пара соколовъ—птушакъ такихъ—и пара хортовъ, говоритъ, и поѣдемъ у бѣлый свѣтъ, по свѣту любоватъ! Такъ ёнъ узявъ гэтыхъ пара соколовъ и пара хортовъ, и поѣхали у свѣтъ. И у яго, при лошади уся збруя виситъ. Ѣдутъ яны, ѣдутъ,—узьѣжжаютъ на такоя поля—гэтакая нязмѣрн'я поля! А на тымъ поли воська побита, што конь идетъ по щотки у крыви. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ воськи тыя и пытаетца: ахъ, говоритъ, ти ня ёсь хто тутъ, сяродъ гэтыя воськи, недобитый, ранятый, альбо бязрукій—ти ня могъ ба ёнъ мнѣ, говоритъ, отвѣтить, хто гэту воську вырѣзывъ, стольки людей положывъ гэтыкъ? Ажнъ устаётъ—съ цугунъ голова, а по лозцы вочи: „здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ!“—Здрастуй!—„Чаго блудишъ, говоритъ, чаго шукаешъ, чаго ты пытаешъ?“—Я, говоритъ, шукаю й пытаю—хочу узнатъ, хто гэто восько вырѣзывъ гэтыкъ? Ёнъ говоритъ: нечаго ни шукатъ, ни пытать,—объѣдь три разы вкругъ воськи, дыкъ ты яго слѣдъ увидишъ: бы ёнъ ти по крыви, ти по сухому, дыкъ усё по щотки конь идетъ. Дыкъ ты яго найдешъ! На штò, говоритъ, бывъ я силянъ, да головой наложывъ, и воську утративъ, а ничого не подѣлавъ! Самъ сычасъ, отвѣтивъ яму, такъ сычасъ изновъ тамъ и лёгъ, гэтый самый! А ёнъ

узьѣхавъ на гэтый слѣдъ и поѣхавъ гэтымъ слѣдомъ. Ѣдеть, ѣдеть,—узьѣжжаеть ще на большая поля. Ажны по тымъ полю ще повторы часьти войськи положано, якъ тое. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ войськи: ахъ, говорить, ти ня ёсь тутъ якѣй недобитый, абы бязвокій? ти не могъ ба ёнъ мнѣ отвѣтить, хто тыя воськи вырѣзывъ гэтыкъ? Ажны устаёть и говòрить яму—съ цэбаръ голова и якъ ба сказать—вочи по чомъ у яго былй—ну, хай—по лозцы вочи. Отвѣщаеть: здрастуй, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! чаго блудишъ, чаго шукаешъ, чаго ты пытаешъ?" А ёнъ отвѣщаеть: да ѣжжу, говòрить, пытаю й шукаю, хотѣвъ ба я знать, хто гэтыя воськи повыразàвъ гэтыкъ? Ёнъ яму отвѣщаеть: Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! нечаго ни шукать, ни пытать—объѣдь выкругъ воськи, —яго слѣдъ знашно: ти по сухѣй зямли, ти по крыви—усё конь по щотки идёть у зямли! Ёнъ подякувавъ и поѣхавъ. Нашовъ яго слѣдъ, и поѣхавъ яго слѣдомъ. Ѣдеть, ѣдеть, узьѣжжаеть яще на большая поля, ажъ на тымъ поли ужо у три часьти воськи положано боли, якъ гэто. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ воськи гэтыя и пытаеть, говòрить: ти ня ёсь тутъ якѣй недобитый, али якѣй-нибудь можа закрався такъ,—хтобъ мнѣ отвѣтивъ, хто гэту воську повыразàвъ гэтыкъ? Устаёть къ яму съ котёлъ голова, а по цабрỳ вочи: „здрастуй, говòрить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ!"—Здоровъ, говорить, здоровъ!—„Чаго ты ѣздишъ, чаго шукаешъ, чаго пытаешъ?"—Да ѣжжу, говòрить, шукаю и пытаю, хочу знать, хто гэту воську повыразавъ гэтыкъ?—„А коли хочешъ, дакъ попадёшъ яго, каеть. Я, каеть, бывъ чаловѣкъ, а зь имъ вò и воську потеравъ и головой наложывъ, а ничого зь имъ не подѣлавъ! Тройчи, каеть, объѣдь выкругъ воськи, яго слѣдъ знашно: ти по сухѣй зямли, ти по крыви, усё по колѣни конь идёть у зямли! Тоды ёнъ объѣхавъ коло воськи, попавъ гэтый слѣдъ и гэтымъ слѣдомъ и поѣхавъ. Ѣдеть, ѣдеть, и видить—богатырській дымъ идёть. Дыкъ ёнъ узьѣжжаеть туды, дѣ дымъ идёть, ажъ тамъ три ёлки укучи стоять, и мижъ елокъ богатырській слупокъ стоить, и горить тяпелца, богатырській дымъ идёть. Ну, каеть, гэто воявителъ той. Пріѣжжаеть ёнъ къ гэтымъ елкамъ, сьсѣвъ съ коня и пусьтивъ яго, а самъ зайшовъ къ гэтому тяпёлцу туды. Ажны гэтый богатырь спить, бяссмертно спить—утомився крэпко дужа. Ёнъ тяперъ узявъ, яго збрую и усё обобравъ, ничого коло яго не покинувъ. Тяперъ пошовъ да збрую зъ лошадя потчёплювавъ, и отышовъ далёко отъ лошадей и укопавъ у землю. Ну тяперъ, гэтакъ ёнъ зробивъ,—у яго пара соколовъ и пара хортовъ, и у яго пара соколовъ и пара хортовъ. Ёнъ тогды пусьтивъ своихъ соколовъ на яго. Соколы гэтыя билиси-билиси билиси-билиси, потымъ того, што спить, узяли змогать яго соколовъ. Якъ тольки змогать стали, такъ узяли, полятѣли гулять, лётать, и стали дру-

жыть крэпко. Тоды ёнъ узявъ успусьтивъ хортовъ на хортовъ. Хорты гэтыя якъ узялись грызьтиси,—грызьлиси, грызьлиси, грызьлиси, грызьлиси, —того хорты змогають яго хортовъ. Тяперъ, якъ тольки, значитца, змогли, сычасъ узяли по ласцы гулять и бѣгать, и одинъ съ однымъ жартувать. Тяперъ узявъ лошадей потвязувавъ и пусьтивъ одинъ на 'дногб. Гэты лошади якъ стали битца,—билиси, билиси, билиси, билиси—того конь змогъ яго коня. Якъ змогъ, сычасъ стали одинъ объ одного часатца, лизать—по ласцы стали жыть. Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ, али узявъ паракьстивея: Господи, каеть, богослови! поможы Божа! Пришовъ, разьвёвъ руку—якъ ударить у вухо яго! Спить, а нй ня чуеть! Ёнъ другій разъ разьвёвъ руку—якъ дась яму! —Спить, а нй ня чуеть! Третьтій разъ: ахъ, каеть, твою такую! Якъ пеканувъ—тэй усхватився. Якъ усхватився, сычасъ за *брую*—нема збруи. Яны наўгрудки якъ сцапилиси, почали водитца. Водилиси-водилиси, водилиси-водилиси, ёнъ добрый молодецъ, наухватки бывъ майстеръ,—потхвативъ яго подъ ногу звеливъ нѣякъ. Якъ зваливъ, сызброкъ выхвативъ съ кишени—рѣзать яго. Расхинувъ груди—ажно женщина! „Ахъ, твою такую! Женщина, а такъ воюетца!"—Стой, говорить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Я поровницы сабѣ шукала,—слава Богу нашла! Будемъ съ тобой сярдэшня жыть! Такъ ёнъ сычасъ гэто дѣло сустановйвъ. Сѣли яны, поздоровкалиси одна съ однымъ, и давай разгуварувать. Ина яго зовѣть у своё царство, а ёнъ яё у своё: поѣдемъ, каеть, ко мнѣ! Ну на томъ стало, што яна яго перапёрла: поѣхали у яё сторону.

Тяперъ, пріѣхали у яё царство, а у яё бывъ батька стàранькій-старанькій. Тяперъ, яна яму позволила: ходи, говорить, Иванъ Ивановичъ, усюдахъ ходи, тольки коло гэтыя хизобки не ходи! Показала яму такъ хизобку маленькую,—лычкомъ завязана, ступой закàчана. Тяперъ, яны ходють день и два, и три: показавала, дѣ ходить яму, дѣ не ходить. Ну пбтымъ пусьтила яго ужэ на волю, одного ходить. Ёнъ гэто сабѣ думаеть—такъ магнушши яго тягнеть: „што гэто, што ня можно мнѣ ли тыё хизобки йти?" Узявъ и пошовъ. Тольки идеть ли тыё хизобки, ажны отвѣщаеть у гэтой хизобцы: „ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! отчыни ты, говорить, гэту хизобку, спусьти ты, каеть, хуть духъ мнѣ! Я табѣ, каеть, вѣкъ продовжу! Смерть моя сястра, я табѣ вѣкъ прибавлю другей жыть!" Ёнъ тяперъ узявъ, скрався якъ-небудь, лычко гэто отвязавъ, ступу откативъ и отчынивъ хизобку. Коли полядить, ажъ на сьтянѣ гвоздàми прибитъ такей молодецъ—чыстый, пригожый,—нячыстая сила гэта. И конь на ланцугахъ привязанъ стоить. А яё батька дужа бывъ силный осилокъ,—богатырь бывъ. А гэтый нячыстая сила залицався къ тэй царэвни. Дыкъ батька гэтый узявъ да яго къ сьтѣни и прикувавъ

на шэсь гвоздовъ: одинъ гвоздъ у ноги, склавши ноги; тогды у сярэдину, проти сэрца гвоздъ, и у лобъ гвоздъ, и по рукахъ, по ладоняхъ, по гвозду. Тогды ёнъ гэто спужався, узявъ двери яму отчынивъ—духъ яму спусьтивъ, такъ сычасъ зачынивъ, лычкомъ завязавъ, ступой закативъ, и самъ—бывъ да й нема,—отгэтуль! И гэтакъ ставъ ёнъ смутянъ, што Божа мой! А ёнъ да яму отвѣтивъ: „и табѣ гэтакъ будеть, якъ и мнѣ! И я бывъ съ чаловѣка!...“ Ну, уходить яна; у яго пытаетца: чаго ты сосмутився, говорить, Иванъ Ивановичъ: ти ня бывъ ты коло хизобки?—Ды нѣ,—чаго мнѣ ити, куды мнѣ ня трэба? Такъ сосмутився! Ну, потымъ ёнъ знова ходить сабѣ, ходить - тягнеть яго магнушъ—кабъ опять провѣдать хизобки тыя. А яна узяла пилнувать ужо. Ёнъ ходивъ, ходивъ, знаеть тое, што яна пилнуеть яго—якъ то ёнъ скрався. Идеть коло гэтыя хизобки, ажны ёнъ спрашыеть: „ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! зайди, каеть, у хизобку, вырви у мяне хоть съ сэрца гвоздъ! Моя сястра смерть, каеть,—я табѣ трэтьтій вѣкъ прибавлю насупроти твойго!“ Ёнъ сычасъ лычко отвязавъ, ступку откативъ, увыйшовъ у гэту хизобку, зачапивъ нохтями за гвоздъ за гэтый,—вырвавъ гвоздъ съ сэрца зь яго. А самъ бывъ и нема. Зачынивъ хизобку зновъ. Тяперъ ходить ёнъ, такъ сосмуѓѣвъ, што гвалтъ. Ина у яго пытаеть, каеть: „Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! чаго ты смутянъ такъ: ти ня ходишъ ты тамъ, коло хизобки, коло гэтыя?“—Да нѣ, каеть: што мнѣ пришлося ходить!—„Я, каеть, думаю, што ты коло тыя хизобки ишовъ,—можа, зданьнё табѣ здавалось?“—Да нѣ, каеть. Не признаетца. Тогды ёнъ ходивъ, ходивъ, ходивъ, ходивъ по дворѣ тамъ,—узнова яго тягнеть, кабъ коло тыё хизобки йсьти. А яна узлѣзла на третьтій атажъ на вокошко, и пилнуеть гэто яго: куды гэто ёнъ, дѣ ёнъ ходить? Ажны сычасъ яна й ня упилновала яго: забѣгъ ёнъ у гэту хизобку. Просить ёнъ яго, кабъ сы лба вырвавъ гвоздъ. Ну, ёнъ вырвавъ; запёръ, закативъ хизобку. „Ну, каеть: будешъ ты чатыри вякй жыть: одинъ свой, а три моихъ ужо!“ Сычасъ и сосмутився ёнъ такъ, што ужэ ня можыть ходить сусимъ. Ну йна гэто и узнала, што мусить ёнъ провѣдавъ гэтыя хизобки. Тяперъ яна давай яго, пилнувать яго гэтыкъ, што куды тольки ёнъ повѐрнетца, ина сычасъ и видить яго,—на вочахъ пасеть. Ажны ёнъ гэтыкъ ходивъ-ходивъ, ходивъ-ходивъ—сычасъ за хизобку за гэту, отчинять. Яна якъ увидѣла, сычасъ празъ вокошко да къ яму. Прибѣгаеть туды, а ёнъ ужо зъ рукъ вырвавъ два гвозды яму. Якъ тольки яна гэто на порогъ туды, къ яму, а ёнъ гэто повырвавъ гвозды. Такъ ёнъ сычасъ зъ ногъ самъ гвоздъ вырвавъ; соскочывъ, да у лошадя ланцугй тропъ! Вывявъ вонъ лошадя, а йна на порози. „Ну, каеть, слава Богу,—чаго хотѣвъ, того й заставъ!“ Ухвативъ яё да на коня, и пошовъ подъ небяса! А

ёнъ и застався одинъ! Агу! Якъ застався ёнъ одинъ, спужався дужа: што я зробивъ гэто? Дыкъ ёнъ тогды полы поткасавъ, да за ёй у здогонъ. Ну дѣ жъ ты догонишъ: тэй на кони, да й пошовъ подъ небяса, а ёнъ и коня ня узявъ свойго,—отрокся усяго! Якъ дась пяшкомъ бѣхъ-бѣхъ, бѣхъ-бѣхъ, узбѣгаетъ ёнъ на поля, на чистая поля. Ажъ на гэтымъ поли стоятъ каменныя палацы, гэтакія, што тамъ оглѣдитца огъ ихъ. Убѣгаетъ ёнъ у гэты палацы, уво 'дны двери, у другѣя, и у третьтія—ажны сядитъ за столомъ яго меньшая сястра, книжку читаетъ и гэнакъ то силно плачетъ. Ускочывъ ёнъ у покой ды кажыгь: „здорова, сястра!"—А здоровъ, здоровъ, братецъ, говоритъ: съ умомъ, каетъ, жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ жъ твой, каетъ, мужъ?"—А, каетъ, побѣхъ за твоёй жаной, за своёй сястрой уздогоны!.. А то бывъ Вѣтяръ, сястры яго мужъ. Ёнъ тогды: прощай, каетъ, сястра! Знова, полы поткасавши, побѣхъ. Якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—узбѣгаетъ ёнъ—ящо поля большая и палацы мудрэйшія за гэтыхъ—позлачаныя вокны. Убѣгаетъ ёнъ у гэты палацы, ажны сядитъ яго сястра сярэдьняя за столомъ, и книжку читаетъ и силно плачетъ. „Здрастуй, каетъ, сястра!"—Здоровъ, здоровъ, братецъ! Зъ вумомъ жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ, каетъ, твой мужъ?"—Ды за твоёй жаной, за своёй сястрой, уздогоны побѣхъ!.. А гэто Вихоръ бывъ. „Ну, прощай, каетъ, сястра!. Попрощалиси, и пошовъ знова, полы поткасавши. Тяперь ёнъ узновъ, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—узбѣгаетъ ёнъ ящо на поля: гэтакая поля, што чистая, гороватая, прачистая! И гэтакія палацы—разглѣдитца просто. Прибѣгаетъ ёнъ къ гэтымъ палацамъ, уходитъ ёнъ уво 'дну комлату, у другую, у третьтію заходитъ—ажны сядитъ яго сястра большая за столомъ, книжку читаетъ, и гэнакъ то силно плачетъ, што бядовно! „Здорово, сястра!"—А здоровъ, здоровъ, братецъ! Зъ вумомъ жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ, каетъ, твой мужъ?"—Ды побѣхъ уздогоны за твоёй жаной, за своёй сястрой!.. Пташаццый царъ бывъ. „Ну, прощай, сястра!" Попрощалиси, и побѣхъ. Якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—прибѣгаетъ ёнъ къ мору. Бѣгаетъ коло мора: нѣкуды ужэ итить дальшы. Ажны стоятъ яго швагры, усѣ укучи, и разгуваруютъ одинъ съ однымъ. Приходитъ ёнъ къ имъ: „здрастуйтя, швагры!"—Здрастуй, здрастуй! А, каетъ: зъ вумомъ жану нажывъ, да бязумно зжывъ! Што намъ робить съ тобою? —„А што жъ, каетъ, швагры: што хочытя, то й робтя со мной! Будьёй оявитъ мнѣ гэто! А то ёнъ сказавъ, што и я бывъ чаловѣкомъ, и табѣ, каетъ, будетъ гэто! Я почомъ знавъ?" Тяперъ Вѣтяръ каетъ: я бъ, каетъ, яѐ выкрутивъ у яго зъ рукъ, ну ина тяжала дужа—не подтѣржу яѐ! Вихоръ тожъ само: я бъ, каетъ, тожъ выкрутивъ яѐ, завинтовавъ ба яго, закрутивъ, да тожъ ня удержу: ти такъ—пропала, ти такъ—про-

пала! А Пташаццый царъ: тожъ ба, говорить, и я наславъ ба, говорить, круччà, вороньня, вочи бъ выдрали яму̀, — ну што жъ, говорить, — тяжòла, ня можно поддѐржить яѐ: хуть такъ — пропала, хуть такъ пропала! Ёнъ тяперь каеть: „ахъ, швагрочки вы мое любыя, ти ня можытя вы мяне перабàвить на той бокъ мора? Нехай ба, каеть: дѣ яна пропадаеть, хайба и я пропадавъ тамъ! Мнѣ жъ, каеть: однакòво ужо!" Тяперь Пташаццый царъ: ну, каеть, погоди: ты тяжолъ, мы тябе не пераня̀сѐмъ, говорить. А ёсь, каеть, у мяне такая птица, што якъ сядить, дакъ семъ морговъ лѣсу бгаеть потъ собой тольки. Отъ — тая, говорить, тябе пераня̀сѐть! Сычасъ, якъ узявъ ляску, якъ крутнѐть, якъ мотнѐть, якъ крикнеть.... Божа вяликiй! якъ узяло гэто вороньнѐ собиратца, рузныя птицы! А яѐ немашатьки, тыѐ птушки! Ёнъ узновъ трòпнеть якъ, лòпнеть, крутнѐть палкой - ящо у̀ бòльшую рѣдь злятѣлося птаства — а яѐ нема. Третьтiй разъ якъ крикнеть, трòпнеть, лòпнеть ляской — прилятѣла! Ёнъ тогды хотѣвъ яѐ наказавать. Ина давай просiтца у яго: ахъ, говорить, вапа импяраторство! у васъ, каеть, ёсь дѣтки: вы жъ тык і за ими глядитя, тàкъ ня покидаетя, — и у мяне, говорить, дѣтки дробныя; треба жъ имъ приготовàть што. Я знаю, што вы мяне у̀ дорòгу отправляетя. А тяперь жа, каеть, — вы мяне сь чимъ выправляетя у̀ дорòгу? Хорошый ходяинъ выправляеть батрака, дакъ хлѣба даѐть и навàры тамъ даѐть якѐя нѐбудь, усѐ тàкъ не выправляеть! — А што жъ табѣ треба на дорогу? — Ды якѐя-нѐбудь, говорить, говядины бочонки сò два! Тутъ сычасъ ёнъ, птаства гэтаго набили, вороньня якого, того-сяго, наскубли, наклали ёй два бочонки, два поурòзы порадошныхъ. Ну, тяперъ, установили на крыльля, и усѣвъ гэтый Иванъ Ивановичъ рымьскiй царевичъ, и бочонки гэты дяржыть. И ина яму̀ отвѣщаеть: што, говорить, гляди жъ ты, говорить: я буду ити-ити, ити-ити, якъ тольки зиръ нà бокъ, дыкъ ты мнѣ штеръ мяса у дюбку; дыкъ я й даляй, говорить. Ну, яны и полятѣли. Дыкъ лятить-лятить, лятить-лятить, адылѝ зиръ назадъ! Ёнъ ёй торкъ у дюбку, — яна й даляй. Агу̀! ёнъ торкавъ-торкавъ, поддававъ усѐ. А тутъ тольки берагъ видать щѐ; якъ вокомъ скинуть, дакъ берагъ тольки. Агу̀, нечаго яму̀ давать. Глядѣла яна, глядѣла, усѐ: зиръ назадъ, — нема ничого; зиръ назадъ — нема ничого! Яна й нижы, яна й нижы. Тогды ёнъ узявъ, зъ ноги сапогъ знявъ, свою икру отрэзавъ, ды у̀ ротъ ёй! Повышала троху. Ити, ити, — опять зиръ назадъ — нема ничого, зиръ назадъ — нема ничого! Тогды ёнъ сапогъ другѐй изнявъ, другую икру отрэзавъ, торканувъ ёй у ротъ. Подняласся йна вышы. Да у̀жо на берагъ выходить соу̀симъ. Тогды ина отвѣщаеть яму̀: што, ну, йди здоровъ, а я у̀жэ, можа мяне такъ Богъ пераня̀сѐть тераз мòра! Ну, якъ пераня̀сла яна яго — сьсѣвъ ёнъ — яна говòрить: ну, каеть, — што ты мнѣ за мясо дававъ напосьлѣ? — Штò я табѣ дававъ? Мясо у̀сѐ да-

вавъ! - Нѣ, каеть, ты признай, бо будешъ не чаловѣкомъ! Ёнъ тогды каеть: йкры табѣ дававъ своё!..—Ну, каеть, зьдѣвай сапоги! Ёнъ зьдѣвавъ. Яна карханула, икры тыя выкархнула. Ёнъ приложывъ, яна дмухнула— яно й прижыло. Тожъ и другую такъ само: прикладавай! Ёнъ приклавъ. Яна дмухнула, и прижыло.—Тяперича, говорить, иди зъ Богомъ, а я полячу къ дятёмъ къ своимъ, - можа мяне такъ Богъ перанясеть! Попрощалися одинъ съ однымь и разышлися.

Тяперъ ёнъ якъ ити дыкъ ити, ити дыкъ ити—двоя сутокъ ня ѣвъ ужо, якъ вышавъ. Обнимаеть яго тёмная ночь. Сычасъ ёнъ заходить дѣ нибудь у лясокъ тамъ. Стоить тамъ у край осина, большая осина, прагромная. Ёнъ подъ гэтой осиной расклавъ тяплушко и лёгъ наузлокоткахъ. Облоктився и думаеть, якъ што Богъ дась. Ажны сычасъ у гэтой у восини итушачки такѣя, синички называютца, тивкають у гэтой осини. Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ, али думаеть: полѣзу! можа гэто мнѣ послав Господь на пропитаньня. Полѣзу, достану ихъ, обсмолю и зьѣмъ, хуть трошачку ня такъ буду ѣсь хотѣть! Подлѣзаеть ёнъ туды и ставъ ихъ брать оттуль. Яны отвѣщають яму: ахъ, говоруть, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! ты на насъ, каеть, не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося ѣсь насъ. Ды ня рушъ насъ: мы табѣ будемъ знадобны, каеть; а ты будешъ нашыми молитвами сытъ! Ёнъ тяперъ и кинувъ, не бравъ ихъ, лёгъ. Такъ яму ѣсьти не захотѣлося, и сытъ ёнъ доволно. Назаутраго устаеть рано, помывся, Богу помолився, маршъ, и пошовъ. Якъ ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, у кого спытаетца: скольки вёрсть до такого й такого?--А, каеть, вёрстъ пятсотъ, а можа, говорить, шэссотъ будеть до яго! Обнимаеть яго узнова тёмная ночь—скольки ёнъ тамъ за день убѣхъ, Бохъ яго знаеть,—заходить ёнъ у дубникъ - идѣ и раскладаеть тяпло. А ѣсь хочыть дужа. Расклавъ ёнъ подъ дубомъ тяпло, гэтый дубъ пригрэвся, ажны у гэтымъ дуби пчолы, гэтыя, полявыя. И зашумѣли яны тамъ у вульли. Ёнъ тогды слухавъ, слухавъ, а тогды: ахъ, Господи! можа мнѣ гэто на упитаньня Бохъ пославъ! Полѣзу! Возьму головешку якую и полѣзу! Можа тутъ мёдъ ёсь: достану, окраплюся за скольки днёвъ!.. Пчолы гэтыя отвѣщають яму: Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! ня рушъ ты, говорить, насъ! ты на насъ бывало не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося насъ ѣсь, говорить. Ты будешъ, говорить, нашыми молитвами сытъ: молись Богу, да ложысь спать! А мы табѣ будемъ знадобны! говорить. Такъ ёнъ сычасъ Богу помолився и спать лёгъ. Назаутраго рано устаеть, помывся, Богу помолився и маршъ, и пошовъ дорогой. Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—обнимаеть яго знова тёмная ночь. Идеть ёнъ по узбережжу, коло мора. Чыстое, ничого нема, тольки одинъ камышъ гэтый, трысьнѣкъ, значытца. Ёнъ тогды узявъ

тяпло выкресавъ, трысьнику гэтаго наломавъ и расклавъ на берази огнюшокъ. Ажны зъ мора ракъ морській повзеть на берагъ! гэткій большущій, сохрани Бохъ. Ёнъ тогды гэтаго грака ляской потчапивъ—ворухъ у вогонь. Хоть я гэтаго грака зьёмъ, говорить. Гэтый гракъ отвѣщаеть яму: „ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! говорить. Я, каеть, вышовъ зъ мора заморськаго чаловѣка глядѣть,—што тутъ за люди, говорить,—а ты мяне у вогонь вѣрнешъ! Ты на насъ упяродъ не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося ѣсьти насъ. Да ты моими, говорить, молитвами сытъ будешъ. А я табѣ, говорить, знадобенъ буду!“ Тяперъ ёнъ знявъ яго съ огня, ёнъ и поповзъ у мора. А ёнъ помолився, спать лёгъ. Назаутраго уставъ рано, Богу помолився, маршъ, и пошовъ. Приходить ёнъ туды, дѣ яго жана, у самое повдня. Ажны того нячистаго духа нема дома: поѣхавъ на полюваньня. Ина говорить тогды—ни то рада стала, ни то нѣ: а, бачь, каеть,—ты мяне й тутъ нашовъ!—А нашовъ жа, каеть.—А што жъ будеть, што ты мяне нашовъ: ты мяне отгэтуль ня возьмешъ!.. Дала яму ѣсь тамъ, покормила яго, и почали яны радитца: што, каеть, здѣлаемъ: собяромся, каеть, сумочки, говорить, возьмемъ и пойдемъ! Ну, набрали харчи съ собой и пошли дорогой. А ў гэтаго нячистаго духа, у яго було пятсотъ голубовъ, и ўсё бѣлыя, одинъ уво 'динъ. Тяперъ, бывъ у яго одинъ голубъ такей у пятёхъ сотахъ тыхъ, што абы якая причина, дыкъ ёнъ сычасъ полятить и раскажеть. Гэтый голубъ къ яму прилятѣвъ и кажеть: пришовъ, каеть, зъ за мора нѣйкій чаловѣкъ, узявъ твою жонку за руку и повёвъ, каеть. А ёнъ отвѣщаеть: а бачь, каеть: ти ёнъ и сюды пришовъ? якъ ёнъ перабывъ сюды? Сычасъ ёнъ припусьтивъ на лошади, догоняеть ихъ, узявъ яѐ за руку, а на яго кажеть: ну, каеть,—коли ты тутъ будешъ ходить, дыкъ ня то моихъ, каеть, чатыре вяки, а й свойго, каеть, не доживѐшъ вѣку! Яѐ ўзявъ съ собою ды й повёзъ, а ёнъ застався. Ёнъ сѣвъ, думавъ-думавъ, думавъ-думавъ: што тутъ здѣлать? Узявъ, назадъ узнова пошовъ, къ ёй. Пераночувавъ дѣ-нѣбудь, а назаутраго ёнъ раненько па полюваньня поѣхавъ знова, а ёнъ къ ёй. Ну, што жъ наругатца, весть? Радили, радили, дыкъ ёнъ и говорить: „попроси ты яго, якъ ба ёнъ мяне на тэй бокъ мора перабавивъ!“ Гэто, што ничого ня будеть,—ня возьметь ёнъ яѐ отгэтуль. Ну, дала яна яму поѣсь што-нёбудь и ўсадила яго дѣ-нёбудь ускрыто. Пріяжжаеть ёнъ увечара съ поля. „А што жъ, пытаетца: бывъ заморській чаловѣкъ тутъ?“ Ина отвѣщаеть: ды вотъ видишъ, говорить: ёнъ ли тябе доброту здѣлавъ, вызволивъ тябе, дыкъ бы и ты яго на тэй бокъ мора перабавивъ якъ-нёбудь!..—„Больши я яго ниякъ не перабавлю, говорить,—окромя, говорить, ёсь мой братъ—жыветь за пятсотъ верстъ отъ мяне; дыкъ, говорить, ёсь у мойго брата лошадь такая, и яны зъ моимъ конёмъ браты. Мой, говорить, конь пералятить увесь свѣтъ—пять разъ доткнѐтца до зямли, а яго пералятить

братьній конь, увесь свѣтъ—три разы доткнетца до зямли. Дыкъ коли ёнъ, говорить, украдеть того коня, дыкъ заѣдеть. Большы ниякъ ня можно!" А ёнъ гэто й чуеть. Назаўтраго, пераночували, маршъ гэтый Нячисьтикъ. поѣхавъ знова на полюваньня. Яна яго тогды, увязала яму у хусту харчи тамъ сколькинебудь, и расказуеть яму гэто. А ёнъ говорить: я самъ чувъ усё гэто, говорить. Попрощалиси, и пошовъ ёнъ.

Якъ ити, дыкъ ити, ити дыкъ ити—обнила яго тёмная ночь. Пераночувавъ ёнъ ночь гэту, дѣ-нибудь отдыхнувъ у камышы ў гэтымъ,—уставъ назаутраго, помолився Богу й пошовъ. Идеть ёнъ, ажно пасеть старичокъ коній, старый-старый дѣдъ. Заходить ёнъ къ гэтому дѣду: здрастуй, дѣдъ!—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Куды ты, каеть, идёшъ, дитя?—на яго.—Такъ и такъ, говорить, дядулька: иду я къ гэтому нячистому духу на службу! А ёнъ отвѣщаеть яму, дѣдъ гэтый: „нѣ, дитя, каеть: у яго, каеть, ёсь три кобылки, и ина, баба, яго жана, нанимаеть пастуха у поля ихъ гонять, кобылокъ гэтыхъ. Дыкъ, говорить, у яго парканъ, войстроколомъ обгороджанъ, зялѣзный тынъ кругомъ дворца, и на усякой востроколини по головѣ стырчить. А одна войстроколина пустая, говорить,—то пѣвно твоя тамъ будеть стырчать голова. Дакъ отъ, дитятка, говорить: у яѐ ёсь три кобылки; а то не кобылки, ды яѐ дочки,—дыкъ ихъ нихто не ўпасеть. Змовитца пасьти, якъ не упасеть, дыкъ ина голову отрубить и на войстроколину усторкнеть. Попробуй, каеть, иди!" Ну, тяперъ, сычасъ идеть ёнъ надъ вечиръ у гэтый дворъ. Ажны гэта баба сустрѣкаеть—жонка того: ѣдеть на зялѣзной ступи и зялѣзнымъ товкачомъ погоняеть. „Здрастуй, бабка!"—А здоровъ, здоровъ, заморській чаловѣкъ! Далёко жъ ты зайшовъ, говорить. чаго жъ ты, говорить, жалаешъ тутъ?—„А отъ, бабка: службы пытаюся: ти ня выслужывъ ба дѣ коня сабѣ,—пераѣхать на той бокъ мора!"—А вотъ, дитятко, у мянѐ ёсь три кобылки пасьтить. Коли, говорить, упасёшъ три дни, дыкъ дамъ табѣ кобылку; а не ўпасешъ, дыкъ голову на войстроколину посаджу твою!—„Ну, што жъ робить: трэба поспробувать гэтаго щасьтя! Упасу дакъ упасу, а ня ўпасу, дакъ што жъ робить," говорить. Приходить ёнъ у дворэцъ, выдаеть ина обѣдъ яму,—што тольки ёнъ пожалавъ, дыкъ ина усё даеть. „Ну, каеть: тяперъ оддыхни,—заўтра раненько погонишъ, говорить. Яны кобылки зьмирныя, говорить, дакъ ты ихъ и ўпасёшъ!"—Ахъ, ёнъ ѐй отвѣщаеть: што жъ, каеть, оддыхать, бабка: нема ў мяне ни путца, ни оброточки,—сь чимъ жа пасьтить?— „А вотъ, добро, каеть—ходяйськое дитя", каеть. Узяла яму пяньки, на лѣвый палецъ тритцать берковцовъ исъ инбару выкинула. А ёнъ, добрый молодецъ, згробъ на плечи и понёсъ. „Ага, каеть, дитятка: и ты не плохѐй малецъ!" Зьвивъ сабѣ пугу, повивъ вобрыти, путы—тамъ повивъ, изь-

вивъ пугу, такую што!.. Помочивъ у купу мази тройчи—и купа суха. Ну, назаутраго, пераночувавъ, и выправляеть ина яго у поля гнать. Дала яму харчи у торбу, усё тамъ, и выправляеть гнать у поля. А ёнъ приходить тольки къ воротамъ, отчинивъ вороты у стайни, а яны—прррь! якъ блохи—вѣдомо нячистыя дѣти! И полятѣли. „Э, каеть, бабка: вовки жъ ихъ упасуть гэткихъ!"—Ничого, каеть, дитятка: яны тамъ дѣ собярутца на ложокъ, на лукоморъя, и будуть ходить! Ну, й пошовъ ёнъ. Агу! ёнъ ходивъ-ходивъ, ходивъ-ходивъ до повдня—нема кобылъ, пропали! Тяперъ ёнъ идеть коло гэтой осины, дѣ синички тыя были,—ажны летять синички: „Иванъ Ивановичъ, чаго ты шукаешъ, чаго тужышъ, чаго ты бядуешъ?"—Ахъ, говорить, синички моё, говорить, любыя! Зьмовився кобылокъ пасьтить, да вотъ бѣда, говорить: день ходжу и нема ихъ нидѣ!—„Готуй вобрыти, говоруть: мы табѣ ихъ поприволакуемъ,—яны уси наши дупли позаймали,—намъ нейди жыть!" Сычасъ ёнъ оброть наставить, а яны якъ уплятутца у яё, тягнуть яё къ яму! Ёнъ яё увяжыть, укрутить у вяровки, дяржыть гэту, а яны другую волокуть. Поприволакували усихъ трохъ къ яму. Ёнъ ихъ поувязувавъ, поукручувавъ,—звязавъ ихъ гэнакъ, што ня можно ниякъ имъ разорватца. И гонить ихъ перадъ собой у гэтый дворэцъ. Пугой якъ смальнеть-смальнеть! дыкъ яны ажъ пищать! Ажно гэта бабка сустракаеть: а дитятухна! помаленьку жъ ты,—яны моладенькія!—А, каеть, бабка: во гэта, каеть, горшая! Ды якъ дась-дась, дыкъ ина ажъ пищить! Упёръ ихъ у стайню и замкнувъ. „Ну, дитятка, оть, одинъ, каеть, дянёкъ и упасьтивъ! Гэто ты щё першый пастухъ гэтакій!" А гэтый нячистый духъ ѣзьдивъ на полюваньня. Дыкъ конь якъ разгулявся и звалив яго. Дыкъ ёнъ яго убивъ троху. И тяперъ самъ хворэеть, а гэту лошадь узявъ укопавъ у зёмлю, догоры скопъёмъ,—храптомъ унизъ, значитца, а ноги угору. И наваливъ на яго каменьнямъ. Ёнъ гэту лошадь узявъ выкопавъ изъ зямли, каменьня отвярнувъ тое, и постановивъ яго у стайни; насыпавъ яму уса тамъ, и самъ приходить къ баби къ гэтой. Ажны гэтыя дочки плачуть у покои тамъ. А ёнъ слухаеть подъ двярмі. Ина ихъ вучить: ахъ, каеть, дѣточки, ховайтеся якъ-небудь по дупляхъ, по пячерахъ! Во ужэ день упасьтивъ, а щё два якъ упасьтить, дыкъ ужо котору-котору, а трэба отдать, говорить. Ёнъ тяперъ: бабка, каеть, трэба занесьти кобылкамъ нива!—А вотъ, каеть, добро, дитятка, добро! ходяйській сынъ! Возьми, каеть, ключи, да ули имъ тамъ у ясьли!.. Ёнъ жа не понёсъ имъ, ды коню гэтому. Назаутраго, давъ Бохъ день, сычасъ ёнъ устаеть до сонца, а бабка тая наготовала яму ужо ѣденьня, наскладала у торбочку. „Оть, говорить, дитятухна, получай, говорить, торбочку, и гони, говорить, зъ росою, на росу ихъ!" Такъ ёнъ сычасъ тогды потходить тольки къ дяромъ, а яны сычасъ прррь! полятѣли,

якъ блохи, на мòра. „Отъ, каеть, бабка,—и паси ихъ, якъ хочашъ!“—А, каеть, дитятка, тамъ найдешъ ихъ, яны будуть тамъ по лукоморъю ходить, говòрить. Агу̀, ёнъ ходивъ-ходивъ день—нигдѣ нема кобылокъ. Идеть ёнъ коло дуба коло того, идѣ пчолы, ажъ яны летять, пчолы. „Ахъ, каеть, заморській чаловѣкъ! чаго ты тужышъ, чаго шукаешъ?“—Отъ, каеть, зьмовився кобылъ пасьти, дыкъ цѣлый день не найду. Выскочили исъ хлѣва у ра̀ньни, дыкъ нема нидѣ!—„А, каеть: готуй, каеть, вобрыти, —мы табѣ ихъ поприволакуемъ! Яны у̀ насъ уси ду̀пли у дубахъ позаймали!“ Якъ уплятутца у̀ ихъ,—тянуть усихъ трохъ. Ёнъ ихъ поукручувавъ, поувязувавъ и гонить перадъ собой. Якъ дась-дась пугой, дыкъ яны ажъ пищать. Сустракаеть гэта баба яго: а дитятухна, помалѐньку ты ихъ, яны жъ молодѐнькія!“—Ахъ, каеть, бабка: во гэта, каеть, горшая! Ды якъ сма̀льнеть! Яны ажъ пищать. Пригнавъ и загнавъ у хлѣвъ, и запёръ усихъ трохъ. „Отъ, ужо два дни упасьтивъ, дитятко!“ Даеть яму вячерать; ёнъ повячеравъ, Богу помолився и лёгъ спать. Дождався ёнъ третьтяго дня. На третьтій день: ну, каеть, дѣтки! ховайтеся, каеть, у мòра, по норахъ, по пячерахъ, туды-сюды, бо коли сяньни упасьтить,—котору-котору трэба отдать яму̀! Такъ ёнъ сычасъ тольки къ воротамъ приходить зь етой бабой, ажъ яны вороты выбили, и пошли, полятѣли! Ходивъ ёнъ, ходивъ день, ходивъ-ходивъ—нидѣ нема! Идеть ёнъ коло мора, ажны повзѐть ракъ гэтый. „Ахъ, говорить, заморській чаловѣкъ,—чаго ты тужышъ, чаго ты шукаешъ?“—Ахъ, говорить, ракъ мой пралюбезный! Зьмовився кобылъ пасьтить, ды не могу знайти ихъ, похувалися нейди!—„А, каеть,—твоѐ кобылки мнѣ норы позанимали. Готуй, каеть, обрыти,—я ихъ табѣ попритягую!“ Гэтый гракъ якъ уплятѐтца—волочѐть! Ёнъ увяжыть, укрутить—забрытавъ усихъ трохъ,—посьтягувавъ яму̀! Ну, й гонить ихъ домовъ, ды дась-дась! Сустракаеть яго баба гэта за три вярсты щѐ: „а дитятухна, говорить, а помалѐнячку жъ ты! А ня би жъ ты ихъ! А дитятухна!“ А ёнъ смалить! „Во гэто, каеть, вовкъ яѐ рэжъ, горшы за у̀сихъ!“ Загнавъ тыки ихъ у хлѣвъ, упёръ ихъ. Коня подгодувавъ, а самъ подъ двери, слухаеть. Ажны̀ яны голосомъ голосють, дòчки: ни водна ня хочеть. Тогды старуха ужо тая: дитятухна, каеть: ѣзьдивъ на полюваньня ходяинъ мой, и конь разгулявся, упудився, и ёнъ яго, говорить, забивъ. Дыкъ ёнъ яго укопавъ у̀ зямлю. Знайди яго, ды садися и ѣдь!“ А у̀ яго ужо выкопаный! Такъ ёнъ сычасъ подякувавъ гэтой баби, на коня уссѣвъ. А гэтому нячистому духу дали вѣдома, што такій и такій узявъ коня и поѣхавъ. Дыкъ ёнъ якъ ударивъ у слупъ, у муръ,—слупъ завалився и яго забивъ.

Тяперъ ёнъ пріѣхавъ къ жанѣ, сычасъ, много ня мэдливши, ухапивъ жану и побѣхъ. А гэтый голубъ тропъ-тропъ и полятѣвъ. „Ахъ, говорить,

пріѣхавъ заморській чаловѣкъ, ухапивъ вашу жану на лошадь и повёзъ!" —Ну, говорить,—тяперъ яго! говорить. То жъ яны удвоихъ уссѣли, а ёнъ, Нячисьтикъ, якъ припусьтивъ на своёй лошади,—нагоняеть ихъ. Тяперъ гэта лошадь якъ заржэть посвойму: „ахъ, каеть, братъ мой родный! ёнъ мяне за три дни выкормивъ, выпоивъ, што я у того нячистаго духа вѣкъ прожывъ, ня видѣвъ гэтаго, што ёнъ мнѣ дававъ! Поднимися ты, говорить, подъ небеса, разгуляйся и перавярнися догоры скопъёмъ, и ськинь ты нячистаго духа сь сябе, и ударъ яго, говорить, скопъёмъ догонь у голову!" Гэта лошадь якъ разгулялася, якъ поднялася подъ небеса, дыкъ ёнъ яѐ державъ-державъ,—яна яго якъ збросила сь сябе, ды догнала яго, ды якъ ударить у голову копытами,—такъ ёнъ и упавъ на землю. Яны сычасъ поссѣдали съ коня, гэту нячисту силу порубили на ковалки, тяло расклали и спалили яго. Раздули тэй попялъ, а сами поѣхали къ батьку. И тяперъ жывуть тамъ у яѐ чарстьви.

Д. Исташи, высокогор. вол., сѣнн. у. **От кр. Евфима Григорьева, 70 л., неграм.**

Въ д. Чудькахъ, сѣнн. у., записанъ варіантъ, подъ названіемъ ***Козелъ безсмертный.*** Жили три брата и три сестры. Меньшой братъ былъ дурень. Разъ, вечеромъ, подходитъ кто то подъ окно; вечеръ добрый!—На здоровье! Хто тамъ такій?—А хто сабѣ не ёсь, али пришовъ у сваты къ большай сястрѣ вашай! Дурень, какъ сидѣлъ въ запечкѣ, такъ за старшую сестру да за порогъ. Тамъ её кто-то подхватилъ и увёзъ. И не знаютъ, не вѣдаютъ, кто. Такъ же случилось и со второй и съ третьей сестрами. Тогда братья стали бранить дурня: хто у насъ тяперъ будить ходяйство весьть? Жанись, коли потдававъ сясьтёръ нема вѣдома куды й за кого! Дурень женился. Чрезъ нѣсколько времени жену его украли, и дурень пошолъ её разыскивать. Приходитъ къ первой сестрѣ, она за Вѣтромъ. „Да, говоритъ: твою жену укравъ Козелъ безсмертный. Мой мужикъ видѣвъ, якъ ёнъ яѐ нёсъ. Вѣтеръ хотѣвъ отобрать яѐ ломавъ-ломавъ Козла, али ничого не зробивъ, што ёнъ безсмертный!" Приходитъ къ средней сестрѣ, та за Солнцемъ. „Да, говоритъ: мой мужикъ, пёкъ-пёкъ его, хотѣвъ отобрать твою жонку, али ничого яму ня можно зробить—у яго смерти немашъ!" Третья сестра оказалась за Громомъ. Громъ тоже „правъ-правъ Козла пяруномъ, али ничого не зробивъ: нема вѣдома, дѣ яго смерть!" И дала ему клубочекъ и ниточку, которые привели его къ женѣ. Козла не было дома, и жена спрятала мужа въ склепъ, а сама выпытала у Козла, что его смерть въ морѣ: есть тамъ камень, въ томъ камнѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ смерть. Пошолъ дурень назадъ

къ Грому. Тотъ посовѣтовалъ ему вылавливать рыбу изъ моря и бросать по берегу. Жалко стало рыбы парю-окуню и онъ доставилъ дурню камень со дна моря. Громъ разбилъ перуномъ камень, а дурень схватилъ утку, разорвалъ её и досталъ яйцо. Возвратившись къ женѣ, отдалъ ей яйцо и научилъ её: „якъ станешъ искать вошій у Козла, ударъ яго яйцомъ у лобъ!“ Та такъ и сдѣлала. Козёлъ умеръ, а они благополучно вернулись назадъ.

Въ *Чигиринкѣ, быхов. у.* записанъ такой варіантъ:

Живъ дѣдъ изъ бабой, и було ў ихъ три дочки й сынъ. Дѣдъ и баба помѐрли, застались дѣти одны. Прилятая къ имъ ўповдня письмо, кабъ було питѣньня-ядѣньня. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. И зморивъ ихъ сонъ; яны звязались поясо̀мъ и заснули. Прошнулись, ажъ бо̀льшаю дочку̀ укравъ зьмѣй. На другій день опять прилятая письмо, кабъ було питѣньня-ядѣньня. Яны наготовали и пошли ў садъ гулять. Ихъ узновъ изморивъ сонъ, яны звязалися поясомъ и заснули. Прошнулися, ажъ ужэ сяредьняю дочку̀ укравъ зьмѣй. На третьтій день узновъ прилятая уповдня письмо, кабъ було питѣньня-ядѣньня. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. Изморивъ ихъ узновъ сонъ; увязались яны поясо̀мъ и заснули. Прошнулися, ажъ мѐньшаю дочку̀ укравъ зьмѣй. Одинъ застався Иванька. Походивъ ёнъ, походивъ по саду, поплакавъ, да дѣлать нечаго. Бывъ у яго коникъ; сѣвъ ёнъ на коника и поѣхавъ у свѣтъ шукать своихъ сясьтёръ.

Ѣхавъ ёнъ, ѣхавъ, зъ раньня до вечара, обняла яго тёмная ночь. Подъяжжаа ѐнъ къ городу, ажъ зьмѣй обкрутився вы̀кругъ города̀ и хвостъ у зубы узявъ. И поджавъ Иванька коня такъ, што конь пералятѣвъ чаразъ зьмѣя и не зачапивъ зьмѣя. Ѣдя Иванька, ажъ стоить домъ. И бача ёнъ, што на третьтямъ атажу сядить яго сястра, шыя-вышывая и дужа плача. Заѣхавъ Ванюша ў домъ, поздраструвався съ сястрой и кажа: садись, сястра, на коня, поѣдемъ! Яна кажа: боюсь! ти ўтячомъ, ти нѣ, а тогды будя ще горэй!—Ня бойсь, кажа Ванюша: садись! Сѣла яна на коня и поѣхали домовъ. Ажъ догоняя ихъ зьмѣй. Отобравъ сястру у яго, а яму кажа: гляди, кабъ гэтаго боли ня було, бо ўбъю! Заставсь Иванька узновъ одинъ. Плакавъ, плакавъ и пошовъ назадъ, къ сястрѣ. Пришовъ и мовчить. Тогды дала яму сястра клубочакъ и кажа: куды гэтый клубочакъ будя катитца, туды й ты йди! Ёнъ узявъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, и зайшовъ къ сярэдьняй сястрѣ, и довго зъ ёй ня разговарувавъ. Дала яму̀ тая сястра повсьтинку и шарсьтинку. И покатився клубочакъ дали. Катився, катився,—прикатився къ третьтяй сястрѣ. Ёнъ и туды пришовъ

мовчики. Гэта сястра дала яму золотую трысьтинку. Покатився клубочакъ даляй, ажъ сядїть на камяни баба и дїлая панчоху. Ёнъ кажа: здрастуй, бабка!—А здоровъ, здоровъ! куды йдёшъ, дитятка? А ёнъ кажа: ды иду, бабка, у найму!—А, наймись у мяне кобылицъ пасьтить: три дни отпасьтишъ, возьмешъ коня сабѣ любого! Нанявся Иванька кобылицъ пасьтить. Якъ выгнавъ за вороты, дыкъ яны й полятѣли,—тольки ёнъ ихъ и бачивъ. Тогды ёнъ пошовъ за кусьтики, наклавъ тяпёлца, изьнявъ дудочку и играя. Давъ Богъ вечаръ, а кобылицъ нема. Тогды ёнъ узявъ повсьтинку и шарсьтинку, припёкъ къ тяплу—кобылицы й стали собиратца со мховъ, зъ болотовъ. Отрэзавъ ёнъ дубину, якъ ставъ бить кобылицъ. Бивъ, бивъ,—добираетца до меньшай. А меньшая кобылица кажа: ня би мяне, Иванъ Ивановичъ, буду я табѣ у вяликой пригоди! Ну, погнавъ ёнъ ихъ у дворъ. Пропасьтивъ тыхъ кобылицъ три дни. Тогды баба сказала яму привезьти возъ шупшыньнику. Ёнъ поѣхавъ у лѣсъ, привёзъ возъ шупшыньнику, а баба вытопила лазьню зялѣзнаю, погнала кобылицъ парить шупшиньникомъ. Парила, парила, добираетца до меньшыя. Меньша кобылица кажа: я имъ казала, кабъ яны утекали отъ Иваньки, а яны на имъ вѣшаютца! Ну, баба яё за гэто ня била. Ну, отпасьтивъ три дни, зовè баба яго у стайню, ужэ коня значитца, выбирать. Меньшаа дочка сычасъ яму кажа: ты ня бяри тыхъ коняй, которыя хорошыя, а бяри того коника, што потъ стяной ляжыть, корузлянькій! Привяла яго баба ў стайню, ажъ тамъ повно коняй. Таа баба кажа: выбирай сабѣ луччаго коня! А ёнъ узявъ да гэтаго корузлянькаго таща. Выволокъ яго за вороты, ёнъ сычасъ ставъ дужа добрый конь. Сѣвъ ёнъ на яго и поѣхавъ,—по пятьдесятъ вёрстъ за часъ ѣхавъ. Отъѣхали скольки-тамъ, той конь говора: Иванъ Ивановичъ, пусьти мяне назадъ,—я отобъю дванатцать жарабцовъ, отоссу дванатцать кобылицъ! Ёнъ яго пусьтивъ. И такъ жа само и на другій день и на третьтій. И здѣлався яго конь богатыромъ. Поѣхали яны тогды къ большай сястрѣ. Пріяжжаа туды, а зьмѣя дома няма. Ёнъ узявъ сястру и поѣхавъ. Прилятаа зьмѣй и кинувсь на стайню и пытаетца ў коня: „ти ёсь звѣзды на неби, ти ёсь ходяйка у дворэ?"—Звѣзды на неби, якъ были, такъ и ёсь, а ходяйки ў дворэ немашака!—„А ти могомъ догнать?"—Догнать то могомъ, али узять не могомъ! Зьмѣй сѣвъ на коня, и догнавъ Иваньку съ сястрой. Тогды конь Иваньковъ кажа зьмѣю: ня лѣзь, а то ногой кивну, хвостомъ потхвачу, на макъ рассяку! А зьмѣй ня слухая, ды къ яму. Конь той ногой якъ кивнувъ, хвостомъ якъ махнувъ, потхвативъ зьмѣя и рассѣкъ на макъ!

А Иванька тогды поперавозивъ сясьтёръ домовъ и жывуть тяперь умѣсьти.

27. Кобылинъ сынъ.

Було сабѣ у десятомъ царстьви, на десятомъ государстьви, жывъ сабѣ купецъ ижъ жаною. И ня було у ихъ дятей. И зажалавъ ёнъ дятей. Што усё маеть, усимъ свѣтомъ купцуеть, а нема дятей. Тогды нѣхто нараивъ яму, што ёсь такая рыба, што якъ уловить яе и зьѣсьть, дакъ будуть дѣти. Гэто яму нараяно. Ну, ёнъ призывая рыбака. „А што, рыбакъ, ти уловишъ ты такую и такую рыбу?" —Ня вѣдаю, кажа, ти уловлю, ти нѣ. Коли зловлю, тогды принясу! Ну, пошовъ ловить. И показалася яму тая рыбина, ёнъ и зловивъ. Принёсъ яму, тэй узявъ, заплативъ яму. Дыкъ ходяйка и служанка узяли яе чисьтить, вымыли ды воду тую подъ вуголъ вылили. А кобыла ходила по двору, тую воду и выпила. Якъ выпила такъ и затижарила. Тогды служэбка тая готовя рыбу и коштуя, вядомо, кухарское дѣло. Якъ покоштовала, дыкъ и затижарила. А тогды зготовавши, понясла до столу ходяйцы, якъ зьѣла ходяйка и ходяйка затижарила— уси утрохъ затижарили. Ну, дыкъ тогды, якъ вышавъ строкъ, дыкъ служэбка першая поспытала, першая и обродилася и сына родила. Купецъ тэй и радъ. И ходяйка утяжку. Ну, тогды зновъ жа сама ходяйка зновъ жа сына родила. А тогды посьли ходяйки зновъ жа кобыла сына родила —уси три по сыну родили. И яны годуютца не по годамъ, али по часамъ. Ну, мы гэто не знаемъ—пройшло тамъ кольки урemя, купецъ тэй утипаетца на ихъ и оддавъ ихъ у навуку—служэбкинаго сына и свойго, а того кобылинаго—подслужавать имъ у навуцы, подавать икъ столу, якъ тэй каа, вядомо. Скольки урэмя, дакъ тыя вучутца, а тэй кобыльлій сынъ дакъ большъ ихъ понимая—тыя добро знають навуку, а тэй ще лѣшы понявся. Якъ гляня у книжку ти ў письмо, дакъ и зная; нихто ня вуча, ня показуя, а ёнъ большъ ихъ вѣдая. Ну, поучилися скольки тамъ урэмя, скоро вышли зъ навуки, дакъ ёнъ и большъ ихъ вѣдая, тэй то ужэ значитца, кобыльлій сынъ. Ну, стали яны тогды зъ батькомъ жыть. Жыли, жыли, тогды Кобылинъ сынъ кажа: а што, татка, кабъ вы зьдѣлали намъ припасъ на прогуляньня сходить, по хвоти значитца походить, во усё ровно, якъ зъ ружжомъ. Ну, дакъ ёнъ на тоя кажа: якій жа, говорить, припасъ? А ёнъ отказуя: а якій жа, татулька, припасъ? Искуй служэбкиному сыну булдаву зь зялѣза у три пуды, а свойму у чатыре, а мнѣ у пять пудовъ! Ну, ти у купца зялѣза нема, ти што. Ну, батька отвѣчивъ и ставъ кувать булдовы, такъ, зь зялѣза. Тогды подѣлали тыя булдовы, три, тогды Кобылинъ сынъ узявъ тую наймитчаго, служэбкинаго сына булдаву, вышавъ на вулицу, покрутивъ, покрутивъ, раскрывъ ладоню и пусьтивъ яе подъ нябёсься. Тая булдава якъ полятѣла, ёнъ выставилъ ладоню, яна якъ удырилась, дыкъ и рассыпалась. А тогды узновъ

также само другого брата узновъ жа выспробувавъ булдаву, ти крѣпка яна. Вынясъ, размахнувъ, размахнувъ и пусьтивъ подъ небеса. Яна икъ лятѣла, ёнъ выставивъ колѣно, яна и рассыпалась—того ужэ, батькиныя жонки сына. Ну, а тогды ужэ свою ставъ выспробувать. Вышавъ у поля, якъ кинувъ—и подставивъ лобъ. Ина якъ лятѣла прямо на лобъ—якъ удырилась—дыкъ и рассыпалась. Ну, тогды ёнъ узновъ: што, кажа, татка: поломали мы свой припасъ, и на прогулянку не пошли. Трэба прибавить, татка, зялѣза. Ставъ, бачъ, надокучать яму. Ну, якій жа вамъ, каа, сынокъ, припасъ трэба, сколько прибавлять?—А ёнъ каа: а служэбкиному сыну пять пудовъ, а купецкому сыну шэсьть, а мнѣ, тата, у восемъ пудовъ. Ну, тяперка, покувавъ ёнъ гэты булдовы, стали яны узнова выспробувать. Вышавъ ёнъ на поля, поважывъ, поважывъ тую служэбкинаго сына булдаву, ды якъ пусьтивъ—дыкъ нема вѣдома дѣ ина и дѣлась, тольки пылъ да дымъ по полю—полятѣла нема вѣдома куды и што. Ну, а тогды другого брата тожъ сабѣ поважывъ, поважывъ, якъ пусьтивъ—дыкъ и нема вѣдома куды и што ина дѣлась, тольки пылъ да дымъ. Ну, а тогды услѣдъ и свою пусьтивъ, услѣдъ за имы. Ну, а потомъ ёнъ хоть посьли пусьтивъ, а потомъ яна пойдя мо на край свѣта, припасъ тэй яго пераняс обадвыхъ братовъ булдовы. Тогды ёнъ отвящая—попусьтивъ припасы—тогды побыли тамъ кольки: што жъ, каа, татка: припасы намъ подѣлали, трэба жъ намъ исьти шукать припасовъ тыхъ своихъ. Тогды тэй татка ставъ ужэ и со[illegible]ть, ставъ ужэ и плакать, и матки, и того, и того, што якъ жа, якъ тэй казавъ, дождали трохъ сыновъ, и тыя у свѣтъ пойдуть, нема вѣдома куды, што дѣ найдуть, дѣ познаходють. Стали отраивать и того и того. Нѣ, кажа, татка, трэба исьти. И не послухали и пошли, попрощалися, повиталися и отправилися. Коли будуть, кажа, татка, браты мяне слухать, дыкъ мо ще й убачимся, и узвернемся, а якъ ня будуть слухать, дыкъ Богъ знае. И увубралиси уси и пошли. Ишли; ишли—ня такъ жа скоро дѣетца, якъ кажатца,—ишли сколько тамъ урэмя и найшли того служэбчинаго сына припасъ. Вотъ, каа, братцы, и ёсь одного брата припасъ. Ну, каа, одного брата нашли припасъ, пойдемъ жа, каа, другого брата шукать! И пошли. И усё такъ идуть и сами сабѣ разговарують, покуль знайдуть. Ну и тожъ сабѣ—сколько урэмя ишли, находють другого брата *тую* припасъ. Ну, во, каа, хвалить Бога, и другого брата знайшли. Тэй Кобылинъ сынъ: а мою, каа, Богъ вѣдая, коли до яе дойти и дѣ яѐ знайти. Ну, изновъ жа то жъ пошли дали. Ишли, ишли, и бачуть здалека на десятомъ чарстьви, у десятомъ государстьви, на поганаго цара доми стоить тая булдава. Вотъ, каа, братцы: якъ намъ яѐ достать оттуль? кабъ сами головы ня поклали тамъ! Тогды яны церазъ сколько тамъ урэмя добралися, пришли къ тому дому. Тогды тэй Кобылинъ сынъ узлѣзъ на тэй домъ и доставъ *тую* свой

принасъ. Тогды у тэй домъ, и гуляютъ тамъ, и пъютъ, и у карты гуляютъ. Яны завидно гэто пришли, во якъ ба и тяперъ. Тамъ порожній тогды бывъ, домъ тэй. Тогды яны, тоя, давъ Богъ ночь, тогды Кобылинъ сынъ посылая служэбкинаго сына на варту на шляхъ, вярстовъ за пять, шляхъ такій бывъ, во якъ ба тяперъ цыгунка.—Пославъ яго у лазьню—иди жъ, каа, братикъ, на варту, ды ня сьпи, кажа, а то якъ заснешъ, дыкъ мы тутъ головы зложымъ. Ну, тэй пошовъ. Пришовъ у лазьню, да на полокъ, вѣдомо одинъ—лёгъ и заснувъ. Ничого сабѣ и не зная и ня вѣдая. А тэй того другого брата, жаноччаго сына, ходяйкинаго, покинувъ, а самъ тэй жа справой къ лазьни, ды подъ мостъ. На гнянной рацэ, бывъ, вотъ якъ ба у Бялыничахъ, мостъ такій. Тольки ёнъ сѣвъ, ажъ и ѣдя поганый царъ, смокъ съ шасьма головамы. Сычасъ собаки забрахали, свисьтѣли засвистали. Чѣго брешытя, чѣго свищитя,—не къ чужому двору ѣдемъ, къ свойму. Ёсь на десятомъ чарьстви, на десятомъ государстьви Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьти не занясѐ, а болшъ мы никого не боёмся. А ёнъ съ подъ моста—сывъ. „Нято воронъ косьти заносия, а молодецъ самъ заходя. Дми, каа, поля! Якъ дунувъ тэй, да съ шасьти головъ на шэсь миль выдувъ. А ёнъ якъ дунувъ, дыкъ и позлативъ. А тяперъ: ну, што, каа, Кобылинъ сынъ, ти будемъ битца, ти миритца? Ну, а Кобылинъ сынъ каа: нѣ, поганый смокъ, будемъ битца. Тэй Кобылинъ сынъ якъ хапивъ мечъ, якъ трахнувъ, дыкъ три головы и сьтявъ. У другій якъ трахнувъ—шэсь головъ сьтявъ. А тэй яму ничого ня зробивъ, не посиливъ. Тогды узявъ шасьтярикъ коняй, у домъ у тэй пріѣхавъ, у стайню коняй тыхъ зачинивъ и повозку укативъ, по порадкамъ, такъ якъ и усюдахъ. Ну, а тогды самъ у комлату икъ тому брату. Давъ Богъ день, тогды тэй братъ и приходя зъ варты, зъ лазьни съ тэй. Тогды ёнъ пытаетца,—а што, кажа, братка, ти бачивъ што, ти было дѣ што табѣ? Ёнъ тогды каа: нѣ, братка: ничого ня бачивъ. Якъ пришовъ, дыкъ лёгъ на полку. Объ повночь нѣшто якъ загремѣло, якъ застучѣло, дакъ я съ полка звалився ды удырився, дыкъ во на лысини гузъ ускочивъ! Ну, тэй яму ничого не сказавъ, тольки усьмихнувся. Ну, тогды яны узнова день тэй гуляютъ, пъютъ, ѣдятъ, у карты гуляютъ, а давъ Богъ ночь, тогды у вечари кажа на другого ужэ брата,—ну, братику, иди, кажа, у такую и такую, каа, лазьню на варту, да тольки жъ, говора, гляди, братецъ, ня сьпи, а то якъ заснешъ, дыкъ мы тутъ и головы своѐ положымъ, нихто насъ и знатъ, каа, ня будя. Ну, тэй пошовъ. Пришовъ у лазьню, такъ жа само на полокъ сѣвъ, сядѣвъ, сядѣвъ и заснувъ. Ну, тэй Кобылинъ сынъ потъ повночь покинувъ того тамъ у доми томъ, а самъ пошовъ узнова подъ мостъ подъ тэй и сядитъ. Тольки пришовъ, сѣвъ, ажъ смокъ заразъ и ѣдя, семъ головъ. И собаки забрахали и свисьтяли засви-

стали. Чего брешытя, чего свищитя, не къ чужому двору ѣдемъ, а къ свойму. Ёсь на десятомъ чарстьви, на десятомъ государстьви. Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьти не занясѐ! А ёнъ съ подъ моста: нято воронъ косьти заносят, молодецъ и самъ заходя. Дми поля! Ёнъ поля якъ дунувъ, дыкъ на семь миль и выдувъ. А ёнъ тогды якъ дунувъ, дакъ и позлативъ. Ёнъ, бачъ, силнѣй ихъ бывъ. Што то нашъ духъ, а што няпріятельській,—мы усётки болшъ понимаемъ. Якъ тая приказка. Ну, што, кажа, Кобылинъ сынъ: ти будемъ битца, ти мирнтца? „Нѣ, кажа, нячистая сила, не того я заходивъ, кабъ миритца, будемъ битца!" И стали битца. Кольки—разъ, ти два, ти три махнувъ и сьтявъ тыя семъ головъ. Ну, и семяро коняй и повозку узявъ, и поѣхавъ у домъ у тэй ихъ. Коняй у стайню зачинивъ и повозку укатпвъ. Особянно усё зачиняя, отъ ночи того брата и того. Ажъ скоро и день Богъ давъ. Приходя тэй ужэ братъ зъ варты тэй. А што, кажа, братка: ти бачивъ што, ти было дѣ што табѣ? Ёнъ тогды каа: нѣ, братка, ничого ня бачивъ. Якъ пришовъ, дыкъ лёгъ на полку. Объ повночь нѣшто якъ застучѣло, якъ загремѣло, зъ горы, дыкъ я злякнувся и звалився съ полка, дыкъ потылицу разбивъ дужа. Гузъ исъ кулакъ набѣгъ.

Отъ яны и гуляють знова до вечара, пьють, жывютца. Яму ужэ и рупитца. Якъ пришовъ вечаръ, дыкъ треба яму тыхъ тутъ покинуть, а самому на варту ити. Тогды давъ Богъ вечаръ, ёнъ узявъ, повѣсивъ рушничокъ, во якъ ба гэта (занавѣсь) висить, тогды поставивъ подъ рушничкомъ стаканъ, што чай пьють. Глядитя жъ, братцы, ня засьнитя тутъ. Якъ будя зь естаго рушничка кровъ капать, бягиця якъ дужа ко мнѣ до помочы. Трудно, я покладу свою голову, дыкъ вамъ и класьти нечаго! И пошовъ подъ мостъ. Тольки пришовъ, сѣвъ, ажъ смокъ и ѣдя—девять головъ. И сычасъ собаки забрахали, а свисьтяли, засвистали. Чего брешытя, чего свищитя, не къ чужому двору ѣдемъ, а къ свойму. Ёсь на десятомъ чарстьви, на десятомъ государстьви Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьти не занясѐ, а болшъ никого мы не боемся. А ёнъ съ подъ моста—сывъ. „Ня то воронъ косьти заносят, а молодецъ самъ заходя. Дми, каа, поля! Якъ дунувъ тэй, да зъ девяти головъ на девять миль и выдувъ. А ёнъ якъ дунувъ, дыкъ и позлативъ. А тяперъ: ну, што, каа, Кобылинъ сынъ, ти будемъ битца, ти миритца? Ну, а Кобылинъ сынъ каа: нѣ, поганый смокъ, будемъ битца. И почали битца. Якъ зачавъ битца, якъ зачавъ, дыкъ восемъ головъ сьтявъ, а девятая голова—ужэ выбився зъ моцы—ня посиляя, девятая голова ужэ яго достаѐ, ужэ за лобъ, хоча яго змогчи. А тыя сядѣли гэто, забылися, да й заснули.

Ну, тая девятая голова съ тымъ водитца, а яны усхапилися—ажъ зъ рушничка кровъ тяче, ужэ й съ стакана церазъ пльлётца. Ай, братъ, пропали! Да туды борджѣй къ мосту. Стой братъ, ня улякайся! А тая го-

лова ужэ сусимъ за лобъ яго схапила. Якъ хапили, такъ и сьтяли тую голову, и ня про што йна была. Ну, якъ сьтяли, тоды ёнъ ужэ отвящая: ну, братцы, троху мы головъ не поставляли! Вы, каа, заснули тамъ. Ну, а тяперъ, каа, дась Богъ жывы будемъ, попяраводили, каа, усихъ, мдо къ батьку вернемся! Узявъ ёнъ коняй тыхъ девятеро, повозку и поѣхали. И поставивъ у стайни, особянно. И давъ Богъ день. Ну, яны пробыли тамъ кольки урэмя. Богъ ихъ вѣдая, мы того ня знаемъ, отдыхнули, ну тогды ёнъ выводя шэсь тыхъ коняй и повозку: ну, кажа на служэбчинаго,—у гэто, каа, братка, твоѐ кони и повозка,—къ батьку, бачъ, ужэ собралися. А тогды вывявъ семяро коняй и повозку,—во гэто, братъ, твое кони и повозка,—на другого ужэ брата. А тогды трэтьтяю повозку свою—у гэто, братцы, моѐ кони. Тогды яны сѣли и поѣхали, къ батьку ужэ. И скольки тамъ урэмя, ти скольки вёрстъ, ти миль яны отъѣхали, тогды тэй Кобылинъ сынъ забывся у тымъ доми ды, гэто, пальчатокъ, на кручку на сьтянѣ висѣли: дакъ забывся пальчатокъ своихъ. „Ну, постойтя, братцы, я, кажа, забывся тамъ своихъ пальчатокъ--шкода покинуть. Злѣзъ съ повозки и пошовъ туды. Дыкъ ёнъ и мушачкой ськидався и пчолочкой, и птушачкой ськидався; прискочивъ и сѣвъ на доми на томъ, а тогды ськинувся мурашачкой, ды уповзъ у тэй домъ. Ажно тамотька три бабы сядить—двѣ жонки тыхъ, а третьтя матка, ды радютца.—А, попераводили, кажа, нашихъ мужуковъ и батьку, кабъ, кажа, ихъ перавесь, радютца, бачъ. Ёнъ тыя пальчатки чапая и усё гэто чуя. Ну, одна баба кажа: што я, кажа, здѣлаю? Яны, каа, ня спали, дыкъ ськинуся я посьтѣльлю. Яны якъ лягуть, дыкъ мы ихъ и перавядёмъ, поморимъ усихъ. А другая кажа: нѣ, кажа, я ще лучче здѣлаю. Здѣлаю, каа, ськинуся, кажа, крыницай, и золотый кубокъ и сярэбраный, и ля крынички яблона, золотый яблокъ и сярэбраный. Дыкъ яны якъ будуть ѣхать, поморутца, пить захочуть и батьку на госьтинецъ по яблочку выщикнуть. Якъ напъютца, да по яблочку выщикнуть, дыкъ яны тамъ и погинуть уси три. А, трэтьтяя ужэ, матка,—нѣ, кажа, дѣтки, вы ничого, каа, ня здѣлаетя. Я, кажа, якъ разину ротъ, дакъ одну зяпу поставлю на землю, а другую подъ небеса. Дыкъ яны якъ будуть ѣхать, ко мнѣ у ротъ уѣдуть, я ихъ и проглыну, ихъ и ня будя, кажа. Тогды ёнъ выслухавъ гэто, пальчатки тыя вычапавъ, якъ небудь, мушачкой—да борджѣй драла оттуль, догонять братовъ. Ськидавсь и мушачкой, и пчолачкой, и птушачкой, покуль догнавъ братовъ. Якъ догнавъ братовъ, узявъ, ничого имъ ня кажучи, лѣпшаго самаго коня выбравъ, сѣвъ верхомъ, и поѣхавъ, а браты у повозкахъ за имъ, кожанъ у своей повозцы, уси и ѣдуть, къ батьку. Дакъ ёнъ и поверхъ лѣсу ѣхавъ, и у повлѣса ѣхавъ и по зямли ѣхавъ, спробувавъ коня того, ли тэй причины усё. Ѣдуть яны дыкъ ѣдуть, кольки тамъ, не такъ скоро дѣетца,

якъ кажытца. Ажны стоить посьтели три. Спать тыя браты дакъ ай-яй! Сонъ ихъ усимъ клоня, ня можно вытримать. А посьтели тыя, дакъ ажъ ка̀пая, стройныя вельми. Ахъ, братъ, скольки мы ночей ня спали. кажа, страдали, ляжамъ мы, троху отдышамъ! А ёнъ кажа,—соскочивъ скорѣй: гэто, братцы, кажа, зрада! Да скорэй по одной посьтели, али по другой, али по третьтяй—усихъ ихъ поперасяка̀въ, дакъ яны поплыли кровъю. Во, братцы, во, бачитя, якая зрада. Сѣвъ на коня и поѣхали. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, и прiѣжжаютъ зновъ жа къ такому, тожа жъ сабѣ здалека бачутъ—стоить яблона, сучокъ золотый, сучокъ *срабра̀ный*, яблоки золотыя, яблоки срабра̀ныя, тожъ и крыничка - кубокъ золотый, кубокъ срабра̀ный. Дыкъ яны якъ напъютца, яблочкомъ закусють, дакъ и попрагаютца.

Ѣдуть яны, вотъ браты: „выщикнемъ мы по яблочку, а то къ батьку ѣдемъ, кажа, домовъ, а на госьтинецъ нема ничого!" Ня управивсь съ коня зьлѣзьти, а яны ужэ обадвы соскочили съ повозокъ да на выпярадки одинъ перадъ другимъ къ яблонцы къ тэй. Стойтя, кажа, братцы: гэто зрада! А яны ужэ по яблочку и схапили, а ёнъ ня управвися соскочить, яго конь перанёсъ. Ну, якъ схапили, тутъ имъ и аминъ, и квитъ имъ, и по яблочку у руцэ держать. Ну, ёнъ тогды соско̀чивъ, да по яблонцы трахъ—ина кровъю ськи̇пѣла, по крыницы трахъ—и ина кровъю ськи̇пѣла—усё нийдѣ дѣлось. А тогды узявъ одного брата у повозку и другого брата у повозку, мяртвыхъ, няжывыхъ, а самъ сѣвъ и поѣхавъ, и кони тыя за имъ идуть. Ну, двѣ причины пераѣхавъ, а третьтiя боитца, на силу надѣетца на свою и на ро̀зумъ, али што браты няжывыя, и коняй стольки, дыкъ ёнъ и опа̀суетца, обдумляѐтца, якъ што зробить, засумi̇вся. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, ажно подъяжжая—стоить тая баба, ротъ разину̀вши—одна зяпа на зямлѣ, а другая подъ небеса. Тогды ёнъ якъ разогнавъ коняй, поднявсь у повсвѣта, якъ размахнувсь, дакъ такъ верхняю зяпу и сьтявъ. И покатѝвъ повѐрху, и самъ и кони тыя за имъ повярху̀. Ну, дякуй, кажа, Богу, пяражывъ своё го̀ра! Богъ вѣдая, што далшъ будя! А ще до батьки далѐко добратца. Икъ ѣхать дыкъ ѣхать, троху отъѣхавъ; а ина тамъ справившися да за имъ у погони,—хоть ты, каа, зяпу мою одну сьтявъ, кажа, а по̀томъ я тябе, кажа, одной зяпой зьѣмъ, кажа. Ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя, ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя, ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя—тогды ёнъ ускочивъ—во такъ ба, якъ у Бялыничахъ, ти у̀ сялѣ ковали куютъ—ускочивъ у кузьню,—ай, братъ, кажа, коваль, грэй клещи! Ёнъ ускочивъ у кузьню, а ина прибѣгая. Якъ прибѣгла, такъ разъ лизнула сьтяну, другiй лизнула, а за третьтимъ про-

лизала сьтяну и яго достала. Тольки бъ яго достать,—ай, кажа, коваль, хапай яѐ за языкъ! Коваль узявъ клещи да яе за языкъ. Дяржы, кажа, языкъ, на коваля. А ёнъ узявъ булдаву, якъ зачавъ бить, бивъ-бивъ, бивъ-бивъ, бивъ-бивъ и не забивъ яѐ. Што бивъ—изъ моцы выбився, и поломавъ тэй увесь припасъ свой—и не забивъ. И коваль тэй тожъ самое—ободвы яны поўморилися и не забили. Пусьтили яе. Ну, тогды яна кажа: стой-ка, кажа,—я на тябе ўсьсяду и поѣду, и будемъ своѐ пѣсьни пѣть, коли я тябе перапяю, дыкъ усётки зьѣмъ. Гэтакъ зьмирговалися г-g—ни тэй, бачъ, не подляя, ни тэй—обая силныя. Ну ёнъ подався. Ина на яго усьсѣла, ёнъ ракомъ повзѐть, ина ѣдеть и пѣсьни пяеть. И кони тыя за имъ идуть. Ага, кажа, я тябе потомъ змору, кажа. Дыкъ ина, вѣдомо, баба-сорока, и тую почне, и тую—щабеча, во якъ и ў насъ бабы на хрэзьбинахъ ти на вясельли—пѣла, пѣла тамъ усякія пѣсьни да й змовкла. Нема, бачъ, у яе боляй пѣсень, уси перапѣла. Ёнъ тогды пытаетца: ти ўси? Яна кажа: уси!—Ну, коли жъ, кажа, уси, тяперъ дай-тка я буду пѣть, дай-тка я на тябе усьсяду! Ну тогды ёнъ на яѐ усьсѣвъ, и кони тыя за имъ. Гэто усё по дорози, што даляй, то къ батьку ближай. Тогды ёнъ зачавъ пѣсьни пѣть. Ёнъ ниякія пѣсьни ня пѣвъ, тольки ўсё шабуняя: да—гу дакъ да—гу—вядеть, да усё на ёй ѣдя. Ѣхали, ѣхали:—ти ўси?—Нѣ, кажа, и ў полъ яще ня ўбився. У яе свой ращотъ, кабъ яго якъ, а ў яго свой. Вѣдомо: тожъ урагъ, а то тыки чаловѣкъ, хращоный, якъ трэба быть. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, и пріѣхавъ, во такъ ба, якъ у Бялыничахъ, къ рацэ. Дыкъ ина ужэ осмягла: якъ къ рацэ, дакъ и стала пить. Якъ стала водў пить, якъ стала воду пить, якъ стала воду пить, дыкъ усю раку выпила, и ёнъ на ёй сядить, и повозки тыя стоять, и кони, и браты. Якъ выпила усю ракў, дакъ тогды подъ имъ лопъ—отъ воды отъ тыя—лопнула, и рака тая якъ была, такъ и побѣгла узновъ, а ина тамъ и опраглася. Тогды ёнъ у повозку на своихъ коняй, да й пріѣхавъ икъ батьку. Къ батьку пріѣхавъ, дакъ батька и ўлякнувся. Дакъ ёнъ за батьку—татулька, ня ўлякайся. И показуя заслугу и ўсё—гэто моихъ братовъ, а твоихъ сыновъ, заслуга, а гэто моя. И гэтыхъ своихъ сыновъ, татка, ховайтя, помершыхъ. Ну, ёнъ собравъ людей, худѣлавъ домы, и поховавъ. А тэй Кобылинъ сынъ и жыветь тамъ. И я тамъ ~~бывъ~~, мёдъ, вино пивъ, и ў роти ня було и по бородѣ не тякло.

М. Бѣлыничи, могил. у.

28. Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ.

Вотъ было у батьки три сына, два вумныхъ, а третьтій дуракъ. И была у вотца на стайни кобыла. Вумныи сыны поѣхыли ў лѣсъ, а дуринь

застався дома. Двѣ нявѣстки затопили печку, напякли блиновъ. Потомъ просють яго дурука етыго: ахъ, говорють: приняси намъ воды, мы табѣ блинъ пумаслимъ. Ёнъ узявъ вёдры и пошовъ. Пришовъ икъ колодижу, колодижъ бывъ ублизъ 'дъ ряки коло моста. И у мосту увязла щука. Итвичаить голосомъ—што чиловѣкъ говорить: вызвыль *мяне* зъ естуго мѣста,—што дли *тябе* будить нужно, усё судѣйствуитца. Потомъ того ёнъ вызвыливъ и пусьтивъ *яе* у воду. Такъ и 'твичаить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нуци-ка, вёдры, чирпайтись сами и идитя домой сами! Удрухъ етыя вёдры зачёрпались и пошли упярёдъ яго. Такъ нявѣстки увидали въ окно и указыить одна другой: во, говорить, мы усё дурнимъ яго узываимъ, а што у ёмъ дѣйствуитца. Своихъ мужовъ знуджiимъ, а ёнъ у насъ усё за дурня сядить! Прiѣхыли братья зъ лѣсу, позаутрикали и нуждають яго съ собой ѣхыть у лѣсъ. Ёнъ отвичаить—когда дасьте батькыву лошадь, то й поѣду, а ни дасьтё, и ни поѣду! Дозволили запречь. Выѣхывъ за гумны, ета лошадь почила яго тарзать, разнашавать. Ёнъ зайшовъ, кулакомъ ударивъ у лобъ—ета лошадь звалилася изъ ногъ. Ёнъ за хвостъ узявъ, триханувъ, съ кожы усю гувядину вытрисъ, а кожу узбросивъ ну гумно. Самъ узявъ, оглобли звизавъ, сѣвъ на сани и говорить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нути-ка, сани, ѣдьтя у лѣсъ сами. Етыя сани засмычѣли, заскрипѣли, за братьтими полятѣли. Чудятца браты—што ёнъ бязъ лошади прiѣхавъ. А гдѣ жъ ты, братъ, дѣвъ, батькыву лошадь? Отвѣтивъ ёнъ, што убивъ, и кожу узбросивъ на батькыво гумно—ня будить течь, говорить. Братiя нарубили дровъ и поѣхыли, а яго затяють: чаму ты ни сячешъ? Ну ни такъ имъ охота, што ёнъ нысячеть возъ дровъ, а большы того посмотрѣть, *якъ* ёнъ будить сѣчь—што съ отродà топора ни дирждавъ у рукахъ.

Ёнъ скызавъ: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нути-ка, дровы, сячитися сами и кладитися сами! Дрòвы етыи позахрапотали, воздухымъ пычали ломитца и на сани валитца. Нывалилыся на сани съ цѣлый сажань. Ну, браты тэя поѣхыли. Ёнъ узявъ, узлѣзъ на возъ на етый и сѣвъ, и говорить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію, нутика, сани, ѣдьтя домой сами. Пирижжаить чиризъ возиро. Тамъ рыболовы ловють рыбу и вытинули одну тольки рыбинку. Такъ ёнъ увидивъ ету рыбину и отвичаить: вотъ рыбина дорогая. Хто яе будить ѣсьть, той сына родить, и хто косьти обоссеть, тэй сына родить, а хто косьти поѣсьть, и тэй сына родить. Будуть три сыны и уси быгатыри.

Дысталась тая рыбка *царевны*. Зжарила яе и зьѣла. Косточки на блю-

дичко отложыла. Пришла яе дочь и давай обсосать косьти еты и барсать подъ столъ. И отвичаить: ахъ, маминька, говорить, икая ета укусная рыбина!—Косточки ,босcала и бросила подъ столъ. Сучёнка, бывши подъ столомъ, косьти еты и поѣла. Удругъ яны усѣ утрёхъ и забреминили. Скольки уремя пройшло, родили усѣ три по сыну—царица, и дочь яе, и сученка ета. Такъ растуть яны, еты сыновья чистыи рибяты. Вырысьли яны лѣтъ до симнатцыти. Потомъ и говорить: „батюшка нашъ, милосьтивѣйшій гусударь, справъ намъ три мячи пу питнатцыти пудовъ. Ёсь у такомъ то царствьи, у такомъ то гусударствьи змѣй—три гыловы, уторой шэсь головъ, третьтій двинатцыть. Кончаютъ народъ!“ „Милосьтивѣйшій гусударь ни оставивъ ихъ прозьбы. Зьдѣлывъ имъ три мячи пу питнатцыти пудовъ. Бывъ у яго сиряди двора каминь зъ большую хоромину. Такъ яны мижда сябе и говорють: ну, што, говорють, братія,—который мы и которому будимъ потчинятца—хто изъ насъ старшымъ будить? Сячитя каминь. Отъ кого каминь раскотитца надвоя, того будимъ слушыть. Суччій сынъ сиканувъ—каминь тольки намѣтивъ; царицынъ сынъ сиканувъ каминь—ду ў полу убивъ; дѣвиччій сынъ якъ сиканувъ—такъ ёнъ и покатився надвоя. Вотъ и говорить: смотритя, братія—мяне слушыйтя и пувинуйтися! Поѣдимъ на тридисятое царство, на тридисятыю зёмлю Подъижжають къ тому помѣсьтію вёрстъ за двинатцыть, состроили сабѣ комнату и остановилися у ёй хватировать. Потомъ и говорить—Искорка пàрубокъ Дѣвичій сынъ: слушыли мяне и слушыйтя. Вотъ, говорить,—Суччій сынъ, иди на мостъ на стражу. Мостъ большой. Будить ѣхыть, говорить, Юда съ тримя головами, штобъ ты яго стрябивъ! Етый братъ ня 'тказавъ. Пошовъ къ мосту и лёхъ, и заснувъ. Искорка пàрубокъ Дѣвичій сынъ приспавъ царицына сына, а самъ удрухъ стрялой полятѣвъ къ мосту. И ставъ на мосту, ни видить помошника своиго. Такъ пыдъ повночь чуить большэй грюкотъ—ѣдить Юда съ тримя головами. Такъ яго лошади узбѣгли на мостъ, остановились и зарзали. Бывшы зъ имъ собаки, голосомъ позавыли. Бывшы при ёмъ питухи, и тыи позапѣли. Ёнъ улякнувся, Юда, и говорить на лошадей: ахъ вы, говорить, песьсія мясо, говорить, объ чомъ рягочитя. И на собакъ,—а вы псы объ чомъ скигочитя? Такъ и на питуховъ,—а вы, истрибиная перья, объ чомъ голосъ открываитя? Намъ ровнягъ тутъ нѣту. Ёсь три брата на тридисятомъ царствьи, на тридиситой зямли, дакъ нято што яны сюды зайдуть, дакъ и воронъ косьти ни занясеть! Искорка пàрубокъ Дѣвичій сынъ отвичаить: ды няворонъ косьти заносить а самъ добрый молодицъ на ворòнымъ кони заижжаить! Юда отвищаить:—Ти ты йздѣсь?—А йздѣсь.—Ну, почанёмъ битца! Ну й почали. Искорка Пàрубокъ голову зьбивъ Юди. Юда отвищаить: Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, стой, говорить: цари-короли

бьютца, тожъ замиряютца—замиримся й мы, говорить, хуть на малыя урамя. Искорка отвищаить: можно, говорить!—Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, укажи ты свою силу, учомъ ты бъёшъ такъ силно? Икая твыя сила?—А мыя сила, говорить, якъ либядиныя пяро!—Вынивъ свою силу и дунувъ вѣтромъ угору. Пяро полятѣло. Ёнъ дыхнувъ—яно ныздъ ускочило у ротъ. Спрашуить Искорка Парубокъ:—а ты, Юда, укажи свою силу—чимъ ты такъ силёнъ—икая твыя сила? Етый отвищаить:—мыя сила зъ бобину ростомъ. Бросивъ на мостъ—яна й покатілась. Искорка Парубокъ схвативъ у ротъ и ету *зъвъ*. Ёнъ ни съ тярпѣніи бросився битца изъ имъ. Искорка Парубокъ побивъ яго и порубавъ и лошадей, и собакъ, и пѣвнивъ, и змёвъ зъ моста. Самъ скорамъ поспихымъ полятѣвъ у свою комлату и лёгъ спать, бытто ёнъ и ни бывъ тамъ. Суччій сынъ уставъ, дождавши вутра. Пысмотрѣвъ на мостъ: што такое—увесь мостъ у крыви и у перьи. Приходить у свою комнату. Искорка Парубокъ у яго й пытаить: што чувъ, што видивъ. Суччій сынъ отвищаить:—ни чувъ ничаво, и ни бачивъ. Тольки, уставши, видивъ кровъ, косьти и перья. Искорка Парубокъ и говорить: вотъ якей ты у мяне вѣрный! Ну ладно, говорить. Дыжидаить другея ночи и посылаить царицына сына: гляди жъ ты якъ можнѣй строго. Етый пошовъ. „Ну, я такъ, говорить, ни здѣлаю!“ Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ приспавъ Суччиго сына и опять туды на стражу. А етый Царицынъ сынъ подлѣзъ подъ мостъ и лёгъ на брусахъ и заснувъ. Искорка Парубокъ пришовъ узновъ, ставъ на мосту. Потомъ потъ повнычь потходить—чуить грюкотъ и колоколы звинять. Такъ сичасъ ѣдить Юда шэсь головъ. Тольки на мостъ узьижжаить, такъ сичасъ лошади еты и позарзали, собаки позаскиготали, пѣвни позапѣли. Ёнъ и говорить, Юда: што вы мяне устращаитя? Мнѣ ровняги нѣту. Есь ровняга на тридисятомъ царстви Искорка Парубокъ, дыкъ яго воронъ сюды и косьти ни занясеть, говорить. Искорка Парубокъ отвищаить: нѣтъ, Юда, говорить,—ня воронъ чиловѣчицкыю косьтѣ заносить, а самъ добрый молодецъ на ворономъ кони заижжаить. Юда говорить: а ти ты здѣсь?—Здѣсь!—Ну, што жъ ты сюды пришовъ—ти битца, ти кылы мяне пучудитца? Ай будимъ честно расходитца? Искорка твищаить: ни затымъ я йшовъ сюды три годы. Табѣ ни дамъ ходу и на три шаги!—Ну, пошнёмъ воюватца! Бились, бились, ёнъ яму три головы зьбивъ, а три осталось.—Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, стой, говорить: цари короли бъютца и тыя замириваютца; здѣлаимъ вотдыхъ хуть на три минуты!—Можно, отвѣчаить Искорка Парубокъ. Юда говорить: Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ, укажи ты мнѣ свою силу, што ты такъ быстро бъешъ?—Етый отвищаить:—мыя сила, говорить, ни большая,— якъ либядиныя пяро. Дунувъ—яно полятѣло. Духнувъ къ сабѣ—опять на мѣсьти сѣло.

Искорка Па̀рубокъ спрашуить: Юда, говорить—укажитя мнѣ свою силу!—Мыя сила, говорить, тожъ ни большая—якъ воловскій орѣхъ. Бросивъ на мостъ, ина покатилась. Искорка Па̀рубокъ схвати̑въ и ету зьѣвъ. Юда узлився—давай битца. Искорка Па̀рубокъ узявъ, посѣкъ, пурубавъ и яго, и лошадей и субакъ и пѣвнявъ, и змевъ зъ моста. А самъ пошовъ у свою комлату, узявъ и лёгъ и спить, бытто и ни бывъ ёнъ тамъ. Давъ Богъ день, приходить Царицынъ сынъ. Ёнъ у яго й пытаи̑ть:—што чувъ, што видивъ? Етый отвѣщаить:—а што, говори̑ть, ня чувъ ничого и ня видивъ —тольки уставъ, дакъ кровъ зъ моста, дайжа и мяне обкапыло пудъ мостомъ!—Охъ, браты, о̀тъ якъ вы вѣрно мнѣ слу̀житя! Третьті̑я ночи дожидають, треба ити самому. Искорка Па̀рубокъ говори̑ть—ну, бра̀ті̑я, говорить: натя вамъ колоду картовъ, и прошу я васъ ни спа̑ть усю ночь и натя вамъ порожній стуканъ. Когда етый стуканъ сухей кровъю ныбяжить, то якъ сила ваша подбигайтя ко мнѣ на мостъ. Вотъ яны конъ или два у карты згуляли, и на столъ головы поклали. Свѣчи гыря̑ть, и яны спя̑ть. Искорка Па̀рубокъ стои̑ть на мосту. Якъ потъ повнычь—чуи̑ть грюкотъ и колоколы звиня̑ть. Ѣди̑ть Юда двинатцы̑ть головъ и двинатцыть коній. Якъ узъѣхавъ на мостъ, такъ сичасъ лошади зарзали, собаки заскиготали, пѣвни запѣли, зязюли закукували. Ёнъ и говори̑ть:—што вы, песьсія мясо, рягочи̑тя? ны лошадей. А вы, псы люты, што вы скигочи̑тя? Мнѣ ту̑тъ ровняги нѣту—вы мяне не у̀лякайтя. Есть ровный на тридисятомъ царстви Искорка Па̀рубокъ, дыкъ яго воронъ сюды и кось̑ти ни занясеть, говори̑ть. Искорка Па̀рубокъ отвищаи̑ть: нѣтъ, Юда, говори̑ть, ня воронъ чиловѣчицкыю кось̑ть заноси̑ть, а самъ добрый молодецъ на вороно̑мъ кони заижжаи̑ть. Юда говори̑ть: а ти ты здѣсь?—Здѣсь!—Ну штожъ, говори̑ть:—ти воюватца, ти тольки другъ на друга пулюбуватца ты сюды за̑ѣхавъ? Искорка Па̀рубокъ говори̑ть: ни такъ любуватца, якъ воюватца.—Ну, говори̑ть, почанёмъ. Бились, бились —двѣ го̀ловы зьбивъ. Тутъ етый *стуканъ* кровъю сповни̑вся. А яны спять. Потомъ Юда говори̑ть: Искорка Па̀рубокъ Дѣвичій Сынъ: цари, короли бъютца и тыя замиряютца, здѣлаимъ вотдыхъ ху̑ть на три минуты!—Замирились. Такъ ёнъ и говори̑ть: Искорка Па̀рубокъ, укажи мнѣ свою силу, што ты такъ быстро бъешъ. Икая твыя сила?—Мыя сила, говори̑ть, ни больши, якъ либядиныя пяро.—Дунувъ, яно поля̑тѣло. Духнувъ къ сабѣ, опя̑ть на мѣсьти сѣло. А што, говори̑ть, я табѣ показавъ свою силу, покажи и ты мнѣ свою—икая у тябе сила? Етый говорить:—моя сила якъ хунтовое яблыко. Вынивъ яе и бросивѣ на мостъ. Искорка Па̀рубокъ потхва̑тивъ и ето зѣвъ. Юда разозлився, што ёнъ обидивъ яго. А Искорка Па̀рубокъ съ правыя ноги схвативъ сапогъ и запусьтивъ на ету комныту, и зьбивъ яе по вокны. Ўсхва̑тилися е̑тыи яго браты—по зямли сы стукана

пу колѣни наплула кровъ. Удругъ яны побѣгли къ яму—ёнъ шэсь головъ зьбивъ одинъ. Узяли етыго Юду порубили и посѣкли и змялй яго косьти ў ряку. Искорка Пàрубокъ и говорить:—ну, братцы, дайтя мнѣ оддыхи троя судыкъ! А братья 'тъ радысьти спишать домой. Ёнъ отвищаить: - нѣ, я силно зьбився. Оддыхнёмъ троя судыкъ, тоды будимъ ѣхыть. Первыя ночы дыжидають—такъ ёнъ братовъ приспавъ, ськинывся голубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, которая съ тримя гыловами. Сѣвъ на вокно и забрукувàвъ. Жана Юдина послышила и говорить: Юда мой, биззаконный мой. Ослязивъ тябе Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, осляжу и я яго.—думаить, ето душа Юдина прилятѣла. Будить ѣхыть къ свойму дому, пожалаить пить—я стану криницыю коло дороги и пущу разныя стуканы и напущу разныхъ ядовъ. Якъ глынеть, то трёхъ минутъ ня выбудить. Искорка узявъ у замичанія и полятѣвъ къ братіямъ—браты етыго ни знали. Назаутряго браты рупютца домой, ёнъ ихъ просить пыдождать. Дыжидаить другія ночы, ёнъ ськинывся голубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, которая мѣла шэсь головъ. Сѣвъ на вокно, загуркувавъ. Ина почула и говорить: Юда мой, милый мой! Оскорбивъ тябе Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, оскòрблю и я яго. Будить ѣхыть до свойго дому—я стану яблыный, и пущу воздухъ на сорокъ вёрстъ. Почуить ёнъ воздухъ и пожалаить яблыкъ. Я повѣшу разныя и насычу ядами. Тольки ёнъ яблыко возьмѣть, дыкъ яго на скольки часьтей рызорветь! Вотъ ёнъ узявъ у замичанія и пылятѣвъ къ братіямъ своимъ. Лёгъ, бытто и ни бывъ нійдѣ Назаутряго браты устають и рупютца домой. Опять ёнъ ихъ упрàшіить: оддыхнёмъ хуть одны сутки. Дыжыдаить ёнъ третьтія ночы. Такъ узявъ, братовъ приспавъ, ськинывся голубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, што двинатцыть головъ. Сѣвъ на вокнѣ и забуркувавъ. Почула Юдина жана и говорить: Юда мой, милый мой,—оскорбивъ *тя* Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, оскòрблю и я яго. Будить ёнъ ѣхыть къ свойму дому, а я лягу на яго дорози зьмяёю и займу обширносьти на дватцать пять вёрстъ, длиньнику на сорокъ пять,—ни быйдеть и ни 'бъѣдить. Якъ будить ѣхыть, такъ я на жало яго и схвачу! Ёнъ ето услышивъ, у памить узявъ, и пылятѣвъ къ братіямъ къ своимъ. Чуть на зарю, будить братіявъ своихъ:—ну, вотъ, рибяты—тяпер поѣдимъ! Выбрались ѣхыть, скольки проѣхыли—жилають мижда собой пить, Суччій сынъ и Царицынъ сынъ, и ёнъ жилаить. Ёнъ имъ и отказыить: а ти зьмятили, говорить, во, коло дороги, криницу,—вотъ я й видавъ яе, а вы нѣ. Проѣдимъ и напъёмся. Увидили еты братьтя криницу, на выгонки пубижали. Ёнъ имъ отвичаить:—стойтя, я упярёдъ буду пить. Пиритягнувъ нàхристь мѣчемъ —пириврàтилась вода уся кровъю. Ёнъ затяёть:—нутя, браты, питя воду ету! Яны ни ўзяли. Скольки проѣхыли, почули яблышный воздухъ—по-

жилали яблыка. Искорка отвичаить: няужли вы ни видали коло дороги яблыны? А я ѣхавъ и видивъ яе! Вотъ мы, говорить, доѣдимъ ды яе, здѣлыимъ оддышку и яблыкъ нытрисёмъ. Замѣтили браты ету яблынь, и замѣтили яго замичанію ли криницы. Были бросились, а потомъ назадъ—нутка ты упярёдъ, говорють, покушій яблыкъ! Ёнъ узявъ, сиканувъ нахристь *меччу*—потикла зь иё кровъ, и закричала громкамъ голосомъ—што яго браты пуулякнулись. Ёнъ отвищаить имъ: ето ще намъ ни загадка. А вотъ подъѣдимъ къ загадцы! Скольки тамъ проѣхыли, и видють нѣйкую большую гору, и сказують мижда собою: тоды ни было етый горы, ни туды мы ѣдимъ!—А вотъ жа уси тыи примѣты, уся тая дорога! Подъижжають ближи. Ина разинула пасть, вытигнула жало ны вярсту. Подъѣхыли къ ей, Искорка Парубокъ силно скочiвъ прямо ей у пасть. И давай яе зь изыка сѣчь мечимъ и ковалкыми выкидывать. И скызавъ на братовъ: якъ скрозь прорублю, якъ сила проижжайтя скрозь яе. И мою лошадь ни 'ставляйтя! Увидали браты скрозный ходъ, якъ сила скрозь пролятѣли и провяли скрозь яго лошадь, а яго и пристыновили. Ёнъ остався. А зьмѣя ета пириворотилась назадъ услѣдъ за имъ. Ёнъ стрялою лятить утикать, а ина за имъ. Во, коло дороги стоить ковальскій домъ; ёнъ и говорить: куваль, кувальскій сынъ—прикрый мяне отъ нагалной смерти! А яго домъ увесь чугунный! Дайжи й денника нѣтъ, и сонца ня свѣтить туды. Ёнъ яго упусьтивъ у вороты—вороты чугунныя, и захватили яе на вулицы. Ина узила, кругомъ дому обвилась у три рѣди и почила пролизывать крышу. Отъ трёхъ разъ прогрызла крышу и говорить: куваль, кувальскій сынъ! Подай мнѣ виноватыго! Куваль узявъ клещи, распёкъ, ды яе за качки пронявъ клищами наскрозь, и дяржить, и кричить: Искорка Парубокъ! иди, говорить, руби мечимъ съ хвоста и ды головы! Етый узявъ яе, почавъ рубить. Дырубивъ ды головы. Во яны узяли ды яе у котёлъ. Почали пириваривать и дѣлать яму кобылу. Здѣлали кобылу; ёнъ зы яе живъ три годы, у коваля. Ну, говорить, ѣдь жа ты на етый кобыли, ды нийдѣ, говорить, ни остыновляйся. Кыли идѣ остыновисься, то три годы прослужашъ опять. Вотъ, скольки то ёнъ проѣхывъ, уронивъ кнутъ,—тамъ коло дороги тожа самыя жывъ куваль. И узнавъ, што ни простая кобыла ета. Поднявъ яму пугу и узявъ за руку, зачурувавъ кобылу ету, што ина ня можить изъ мѣста систупить. Ну, Искорка Парубокъ, кыли три годы проживёшъ,—поѣдишъ на ей опять. Тольки ты ни ходи на Усiяньскыю гору, и ни гляди на свою сторону! Ёнъ зачавъ опять жить три годы. Вышавъ на Усiяньскыю гору, глянувъ на свою сторону. Бытто помѣвъ замичанія, што матка воду носить, а батька рубить дровы. Залився слизами. Узыйшовъ на дворъ, куваль затямивъ яго: што, говорить, сходивъ на Усiяньскыю гору, пылядѣвъ на

свою сторону? Ёнъ отказываитъ: нѣтъ, говоритъ, ни ходивъ—ето я йшовъ по камышывой лозѣ, камышыва лоза колонула ў глаза, и покатилыся зъ глазъ слиза. Вотъ етый Искорка Пàрубокъ проживъ три годы и тутъ. Потомъ ѣдитъ на етый кобыли, дыижжаитъ до третьтиго дому до царькыго. Тэй царь зыложивъ пути, и занявъ яго на совѣтъ: што, говоритъ, высватыишъ мнѣ тамъ и тамъ дѣвицу, говоритъ,—то ты поѣдишъ домой, а ня высватыишъ, то ты й пувякуишъ у мяне, говоритъ. (Сыбяри, говоритъ, сабѣ двинатцытъ мылойцовъ и 'тправляйся у путь. (Имя царя забыто). Ѣдитъ ёнъ ны дорози, пириѣжжаитъ ёнъ чиризъ ряку, тамъ сядитъ ны рякѣ Обпивало,—у ротъ вода бяжитъ, а зь яго нийдѣ ни видать—нижы яго рика суха—и кричитъ:—ай, питъ хочу! Ёнъ сказыитъ: здрастуй, Обпивало!—Здрастуй, Искорка Пàрубокъ. Пойди со мною у свѣтъ!—Ну, пойдимъ! Нямного пройшли, стоитъ коло дороги хлибопёшня, ублизь города, на двинатцытъ пячей хлѣбъ пякутъ, и одного Объидалу кор*мутъ*. А ёнъ кричитъ: ай, ѣсь хочу! Здрастуй, Объидала! говоритъ Искорка. —Здрастуй, Искорка Пàрубокъ!—Пойди, Объидала, со мной у свѣтъ!—Штожъ, пойдёмъ! Яще пройшовъ—горитъ городъ. Наскочивъ Гунька, якъ лятѣвъ, наскочивъ на 'гонь, лёгъ у огонь, у самый силный, и кòжаю накрывся и кричитъ:—ай, зьмёрзъ! Огонь путушивъ и кричитъ: ай, зьмёрзъ. Искорка Пàрубокъ говоритъ:—здрастуй, Гунька, пойдёмъ со мной у сваты. Гунька отказыитъ: пойдёмъ. Няиножко пройшли—стоитъ Довгошостъ коло дороги.—Здрастуй, Довгошостъ! —Здрастуй, Искорка Пàрубокъ. Куды Богъ нясетъ?—Идёмъ у сваты.—Возьмитя и мяне!—А ходи, пойдимъ,—намъ етакіи люди и надо. Скольки тамъ уремя пройшли, сядитъ Лысыя Муха коло дороги. Здрастуй, Лысыя Муха.—А здрастуй, Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ! Куды Богъ нясетъ?—А ў сваты! Возьмитя и мяне!—А ходитя, намъ етакіи надо. Ну, пошли яны. (Набравъ ёнъ сабѣ двинатцытъ мылойцовъ). Пришли яны къ етыму царю у сваты прикрасной дѣвицы. Такъ сватъ и говоритъ: моè сваты. Поставивъ двинатцытъ бочикъ вина и пыложивъ имъ двинатцытъ пудовъ хлѣба, и говоритъ: если ето за нычь, говоритъ, ни распорядитя—то й ни моè сваты! Пошли яны у сарай у етый, и начили питъ вино. Етыи выпили по треби по своей, Обпивало выпивъ уси бочки и ў кучу скативъ. И самъ на бòчки сѣвъ и кричитъ: питъ хочу! А Объидала увесь хлѣбъ поѣвъ—и кричитъ: ѣсь хочу! Видитъ ёнъ назаўтриго, што вино попито и хлѣбъ поѣдинъ,—надо оддатъ ето ужу дочь яму—потомъ говоритъ: ну, если, говоритъ, зятъ мой будишъ, вотъ я ящо табѣ закажу загадку на нычь! Если сотворишъ ето, то дочь будитъ за вами. Узявъ, напаливъ яму вугульля жару ў ями—если ночь ету пириночуитя у ями у етой, то дочь за вами будитъ! Сычасъ етый Гунька ложитца въ огонь, накрывся кожую, и по кожи йни пошли зимныи. Лягли яны ўси укрывшись и покрях-

тують, што дужа холодно. Назаўтриго уставъ етый царь и говорить: идитя, говорить, хуть косьти ихъ повыкидайтя оттуль. Пришли слуги смотрѣть, а яны крихтять: дайтя намъ хуть погрѣтца! Уходить ёнъ у комнату—бизъ отказу надо дочь отдать. Дочь ета отказываить: позвольтя намъ у саду прогулятца! Пошли у садъ, и давай ина у яго смотрѣть у головѣ. Накинула сонъ, ёнъ и заснувъ. А сама ськинулась голубкый и пылятѣла, кабъ и соўсимъ отлитѣть отъ яго. Такъ сичасъ Муха укусила яго за ж.... ёнъ усхватився—дѣвицы нѣту. Спросивъ у туваришувъ: а дѣ ина дѣлась, у которую сторону пылятѣла? Довгошостъ, видивъ ты? Зьмѣть хуть глазомъ! Довгошостъ схвативъ яго сабѣ на хвостъ, два разы пириворотився и яѐ попирядили. Узяли яѐ ни ʻтпущая къ отцу, и пувяли пу своей дорози. Прiижжаить къ етуму царю, а етый царь окруживъ свой домъ и пыкопавъ канавы и напаливъ огнёмъ большимъ. Потомъ и говорить: а што Искорка Пàрубокъ,—живъ ты зь етой дѣвицыю, покỳль довёвъ сюды?—Нѣ, каеть, ня живъ. Ну, коли ня живъ—положивъ сухую былину—дыкъ нырейдишъ чиризъ былину, а коли живъ, дыкъ и ни пярейдишъ! А дѣвица узила, ды й дротину уткнула у былину, и ёнъ ни замѣтивъ. Ёнъ и пиряйшовъ. Искорка Пàрубокъ сказуить: а ты, царь, ѣздивъ на моей лошади?—Нѣ, ня ѣздивъ.—Ну, коли ня ѣздивъ—пиряйди ты по етой былини. И нярейдишъ, коли ня ѣздивъ. Ёнъ узявъ и пошовъ—надѣитца, што ня ѣздивъ. Тольки уступивъ сиряди канавы, а дѣвица ету дротину сморыгъ къ сабѣ—былина нупуламъ, а ёнъ у канаву и ўпавъ. А Искорка Пàрубокъ зь етой дѣвицый и зьвинчались, и поѣхыли у свое царство. Ды якое було вясельля, вино рякою лилося, и мнѣ дайжа выпить пришлося. У роти то ни було, и по губахъ ни тякло.

Вохотская вол., мстисл. у. **Отъ кр. Никиты Алексѣева, 45 л., негр.**

29. Таратурка.

Якъ живъ царь Василь, и вѣкъ у яго дитей ни было̀. Занимався ёнъ охвотой-рыболовлiй, имѣвъ ёнъ двинатцать рыбаковъ. И вывизали яны неводъ шавковый; работыли три го̀ды. Поѣхыли яны на мо̀ря рыбу ловить. Проловили тро̀я сутыкъ, уловили три рыбинки, три во̀куни. Приносють къ царю Василю еты три рыбинки, три вокуни. Тады думшiи, райшiи и гадшiи (думчiе, райчiе, гадчiе—отъ раять и гадать—совѣтовать, думать) совѣтъ прызьнясьли: искушать еты три рыбинки, три вокуни царицы, и родить ина сына—сильнаго могучиго богатыря. Тады царица узила еты три рыбинки, три вокуни, дала изгутувать кухарки. Кухарка обмыла, шилуху и вантробы бросила ны зямлю̀, а сука, подбѣгши, поѣла шилуху и вантробы. И забирѐминила. Кухарка, обгутувавши, нейди изъ середины кусочикъ оторвала и сама тихынько поспытала, штобы царица

не увознала, и забирѐминила. Тады подали еты три рыбинки, три вокуни, царицы. И царица еты три рыбинки, три вокуни, искушала. И забирѐминила царица. Проносили яны уси три годы. Тады перво сўка родила: увесь чиловѣкъ, только вухо собаччіе. И доложили царю, што сўка родила мальчика. Вялѣвъ гусударь яго принять отъ сўки и пирихрясьтить. Нарикли яму̀ ймѐ Таратўрокъ — собаччій сынъ. Тады родила старуха кухарка, тожъ мальчика. И етуму ймё нарикли Иванъ-кухаркинъ сынъ. Тоды родила царица мальчика, и яму нарикли ймё Василій Васильивичъ—царській сынъ.

Тады яны сичасъ посядѣли двѣ нидѣли и стали ходить; и пубижали на волю играть. Таратурокъ-собаччій сынъ сильнѣй усихъ. Котораго ирванеть али скубанеть—яны плачуть, къ царю Василію идуть на жалобу. И уси три зовуть отцомъ: „обидивъ, говорють, насъ Таратурка-собаччій сынъ!“ Ну, гусударь имъ и говорить: „вы зъ имъ ни йграйтя, коли ёнъ васъ обижаить: ну тялеснаго наказанія яму̀ ни давайтя!“

Ну, сповнилось имъ по мѣсицу отъ рожденія, и совѣтъ яны друхъ со другомъ прозносють: „пойдёмъ къ отцу свойму̀, штобы ёнъ вялѣвъ кузницамъ скувать намъ цацки-палицы-булавицы, молодецкіи забавицы; штобы ёнъ намъ пукувавъ и золотомъ поблитувавъ!“ Яны пошли къ царю, совѣтъ прознесьти. У ихъ спрашиваить царь: „што жа вамъ надо, дѣти мои возлюблѐнныи?“ Таратурокъ-собаччій сынъ за ихъ смялѣй, бойчѣй,—царю отвичаить: „тятинька наймилѣйшій, тятинька налюбѣйшій! Намъ надо, говорить отцу Василію, палицы-булавицы, молодецкіи забавицы!“—„А по скольки вамъ нужно фуньтиковъ?“—Нѣ, тятинька: вы ни спрашувайтя фуньтики, а спрашувайтя пудики!—„Ну много ли жъ вамъ надо пудиковъ?“—А мнѣ, говорить, тятинька, надо двинатцать пудиковъ!—„Ну табѣ, Иванъ-кухаркинъ сынъ, сколькн нужно?“—Мнѣ восимъ, говорить, пудиковъ.—„Ну табѣ, Василій Васильивичъ, много ли нужно?“—А мнѣ, тятинька, шэсь пудиковъ нужно! Ну, у̂ царя, правду бають, ня пиво варить, ня вино курить, жалѣза ни пукупать и по кўзьницахъ ни хлопотать. Вялѣвъ гусударь пукувать ймъ палицы-булавицы и золотомъ поблитувать, и имъ на руки подать. Яны узяли еты палицы-булавицы и пубижали у̂ чистыя поля, у зялёную дуброву, пугулять. Тады Таратурокъ-собаччій сынъ размахнувъ-размахнувъ, и бросивъ ету палицу-булавицу уверьхъ, и ускинувъ зъ виду вонъ. Тады лятить ина зверьху, ёнъ узявъ, подставивъ лобъ и ударилась палица булавица объ ягоный лобъ, и рассыпалась по маковому зярну̀,—уси двинатцать пудиковъ. Тады, на яго глидя, бросивъ и кухаркинъ сынъ зъ виду вонъ свою палицу-булавицу. Етый подставивъ колѣно, и у̂ яго тожа разлятѣлась палица-булавица на много-много часьтей,—только крупнѣй. Тады бросивъ и Василій Васильивичъ: забросивъ свою палицу-булавицу

зъ виду вонъ. И подстановйвъ колѣно, и ина рассыпалась на много дóлій. Узялй яны еты куски и понясьли къ царю, зачимъ царь здѣлавъ малыи палицы-булавицы.—„Дѣти мои! много шъ вамъ надо прибавки?“ Таратурокъ-собаччій сынъ ʻпять жа отвичаить упрѐдъ своихъ братовъ: —„мнѣ, говóрить, надо дватцать чатыри пуда!“ Кухаркинъ сынъ говóрить: „мнѣ двинатцать пудовъ нужно!“—А мнѣ, говóрить Василій Васильивичъ-царській сынъ, надо десить пудиковъ, и будить зъ мине дóсить!—ʻПять жа пукували палицы-булавицы: Таратурки дватцать чатыри пуда, кухаркинуму сыну—двинатцать пудовъ, а Василію Васильивичу десить пудовъ; золотомъ поблитували, и имъ на руки подавали. Яны ʻпять жа узяли палицы-булавицы, и пубнжали у чистыя пóля, у зялёную дуброву пугулять. Тады Таратурокъ-собаччій сынъ ʻпять жа размахнувъ и забросивъ палицу зъ виду вонъ; лятить ина узадъ,—ёнъ подставивъ колѣно; палица-булавица тольки увогнулась, а ни разлитѣлась. Вось яны тады акъ пубнжали, и усё бросають палицы уверьхъ, и бягуть усё дальшы и дальши у чистыя пóля, у зялёную дуброву. И збѣгли яны на третьтія чаръство, на читьвёртое гусударьство. Убигають у зямлю Юды-антіюды биззаконной головѣ, у чарьство яго.

Убѣгли яны у городъ. Ёсь и питяньнё и ядиньнё, ну народу нѣтути. Яны день зъ вутра до вечира пили-гуляли, у карты играли, на сабѣ ничаво ни спо(дивались. Бывъ день, даѐть Бохъ ночь. Таратýрокъ-собаччій сынъ давай жѐрибья митать, кому быть большимъ братомъ, и къ калинувуму мóсту, къ огняной ряцэ на караулъ ити. Упавъ жерибъ самымъ молодшимъ братомъ быть кухаркинуму Ивану, и на первую ночь на караулъ ити къ калинувуму мосту кы ʻгняной ряцэ. На другую ночь Василію Васильивичу сяреднимъ братомъ быть и на караулъ ити кы ʻгняной ряки; на третьтію ночь Таратурки-собаччіиму сынý на караулъ ити и быть старшимъ братомъ.

Увечири Иванъ-кухаркинъ сынъ пойшовъ на караулъ къ калинувуму мосту, кы ʻгняной ряки; ставъ, нимношко коло мосту постоявъ, коло ʻгняной рякѣ. И хто-то тамка тропнувъ, али лопнувъ, пыдъ мостомъ. Ну, кухаркинъ сынъ етыго дѣла спугався и оттулька утёкъ и ў ясьли, у стадоли, у сѣно зарывся и проспавъ усю ночь. А ёнъ жа, Таратурокъ-собаччій сынъ, узявъ палицу-булавицу и пойшовъ къ калинувуму мосту, кы ʻгняной ряки, пубачить, ти ёсь гэто Иванъ-кухаркинъ сынъ на караули? Прийшовъ жа ёнъ къ мосту и ни найшовъ молодшыва брата Ивана-кухаркинына сына. И ставъ ёнъ коло мостý, коло ʻгняной рякѣ. Вось ёнъ Таратурокъ-собаччій сынъ слышыть—ѣдить Юда-антіюда-биззаконная голова, ву вторымъ часу у ночи,—на вóдныхъ пличахъ девить головъ. Счасъ кони яго зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали. Ёнъ на ихъ крик-

нувъ громкимъ голосомъ и свиснувъ молодецкимъ посвистомъ су сихъ девять вустовъ: вовчія мясо, чаво вы ржётя? песьтія мясо, чаво вы брешытя? орлиная перья, чаво вы свищитя? Противъ мяне у бѣлымъ свѣти нѣтути супротивника. Тольки ёсь у третьтимъ чарьствіи, у читьвёртымъ гусударьствіи Таратурокъ-собаччій сынъ; ну ёнъ млодъ, яму нѣтъ трёхъ годъ, ня то, што трёхъ годъ, и трёхъ мисяцòвъ нѣтъ, яво сюды воронъ косьси ни занясѐтъ!" Ну, Таратурокъ изъ подмосьтя выскочивъ и съ палицый-булавицый, молодецкой забавицый:—„ня вòронъ, говòритъ, косьси заноситъ, а самъ добрый молодецъ заходитъ".—А, ты, говòритъ, ёсь? —„Ёсь".—На обѣдъ, къ завтриму поспѣишъ.—Нѣ, говòритъ,—подàвисься. —„Вырѣзай, говòритъ, Таратурокъ-собаччій сынъ, токъ, выровняй горы и рвы, штобы было ровно на пидьдисятъ вёрстъ, а я буду пузулачивать!" Таратурокъ-собаччій сынъ якъ фукнувъ—на шысьдисятъ пять вёрстъ вырѣзавъ токъ.—„Ну, Юда-антіюда-биззаконная голова, позолачивай токъ на шысьдисятъ пять вёрстъ!" Юда-антіюда якъ фукнувъ,—вызолотивъ токъ на шысьдисятъ вёрстъ, а на пять вёрстъ силы у яго ни хватило, съ усихъ девять вустовъ. Тады говоритъ Таратурокъ: „ну, што намъ такъ спиратца? урема, говоритъ, намъ съ тобой ужу дратца!" Вотъ яны бисядырися, бися-дырися, и Таратурокъ-собаччій сынъ знявъ Юды-антіюды девить головъ своей пàлицый-булавицый; и збивъ коней, хортовъ и соколовъ, и въ огняную ряку посадивъ. Тады Юды-антіюды голòвы потрубивъ, отъ тулова посорвавъ, каминь узворотивъ и подъ каминь положивъ. Тады опять пойшовъ у комнату и лёхъ на своё мѣсто. Заря занимаитца, куфаркинъ сынъ обчинаитца, у стадоли, у ясьляхъ, у сѣни, и идѐтъ къ старшаму брату, якъ бы у роди съ каравула. Ну, Таратурокъ и спрашиваитъ у яго: „ну, што, говòритъ, Иванъ—младшій братъ, ти бывъ ты на каравули коло калиновава мòста, коло ʻгняной рякѣ?"—Бывъ, братицъ.—„Ти ни видавъ ты ково, ти ни слыхавъ чаво? Можа пяшòй пройшовъ, али на коні хто проѣхавъ?"—Нѣ, братъ: ни видòмъ ни видавъ, ни слыхòмъ ни слыхавъ, и птица и тая ни пролитѣла.—„Вотъ ето хорошо, ды ня дужа; а худо, ды ни сусимъ!"

Ну, яны етый жа самый день пили-гуляли, у карты грали, на сябе ничаво ни спод̀ивались. Бывъ день, даетъ жа ʻпять Бохъ ночь. Таратурокъ-собаччій сынъ посылаитъ сяредниго брата, Василія Васильивича царськаго сына, къ кулинувуму мосту, кы ʻгнянэй рящѣ на каравулъ. Пойшовъ Василій Васильивичъ къ калинувуму мосту, кы ʻгнянэй ряки и ставъ подъ мостомъ. И хто-то тамъ тропнувъ, али лопнувъ, ну, Василій Васильивичъ ахти спугався и утёкъ оттуль у стадоль: „што, говòритъ, мнѣ, царському сыну, пришлось стоять на каравули коло калинываго мосту, коло ʻгняной рякѣ?" Тады ёнъ пойшовъ у тоя стадоля и у тыи

ясьли и лёхъ у сѣни спать. Ну, Таратурокъ-собаччій сынъ 'пять жа захотѣвъ взнать, ти ёсь ето сяредьній братъ на каравули коло калинываго моста, коло гнянэй рякѣ. Узявъ палицу-булавицу ·и пойшовъ туды. И нѣтути сяредьнигo брата на каравули. Ну, ёнъ и ставъ подъ мостомъ. Простоявъ ёнъ до третьтиго часу у ночи, и слышить—ѣдить другой Юда-антіюда биззаконная голова, на 'дныхъ пличахъ двинатцать головъ. Сичасъ яго кони зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали. Ёнъ на ихъ крикнувъ громкимъ голосомъ, свиснувъ молодецкимъ посвистомъ су сихъ двинатцать вустовъ: вовча мясо, чаво ржетя, песьтя мясо, чаво вы брешытя, орлиная перья, чаво вы свищитя? Противъ мяне ў бѣлымъ свѣти нѣтути супротивника! Тольки ёсь у третьтимъ чарьстви, у читьвёртымъ гусударьстви Таратурокъ-собаччій сынъ; ну ёнъ млодъ, яму нѣтъ трёхъ годъ, ня тольки трёхъ годъ, трёхъ мисяцòвъ нѣтъ, яво воронъ косьси сюда ни занясеть, ня то, што ёнъ самъ зайдить. Ну Таратурокъ изъ подмосьтя выскочивъ, съ палицый-булавицый, и говòрить: „ня воронъ кòсьси заносить; а самъ добрый молодицъ заходить.“—„Ти ты, говòрить, ёсь?“—„Ёсь“.—„На обѣдъ къ завтриму поспѣишъ!“—„Нѣ, подàвисься“.—„Выризай, Таратурокъ собаччій-сынъ, токъ на семдисятъ пятъ вёрстъ, а я буду пузулачивать!“ Вотъ Таратурокъ якъ фукнувъ: вырижавъ токъ на сто двадцать пять вёрстъ!—„Ну, Юда-антіюда биззаконная голова,—вызылачивай токъ на сто дватцать пять вёрстъ. Юда-антіюда якъ фукнувъ,—вызылотивъ токъ на сто вёрстъ, а на дватцать пять вёрстъ силы у яго ни хватило. „Што, говòрить Таратурокъ, мы будимъ съ тобой спиратца,—урємя намъ дратца!“ Тады яны бися-дярися, бися-дярися, и збивъ Таратурокъ-собаччій сынъ Юды-антіюды уси двинатцать головъ, и ўзвярнувъ каминь, пыложивъ ихъ подъ каминь; тады побивъ ягоныхъ коній, хортòвъ и соколòвъ, и брòсивъ усихъ въ огняную ряку, а самъ пойшовъ домовъ и лёхъ спать на своёмъ мѣсьти. Заря занимаитца, сяредьній братъ обчинаетца, у стадоли, у яcьляхъ, на сѣни, и идётъ къ старшаму брату, какъ бы уроди съ каравулу. Таратурокъ у яго спрашиваеть: „ти бывъ ты, братъ, на каравули“?—Бывъ, баитъ ёнъ. „Ти ня видивъ ты ково? ти ня слышивъ чаво? можа пѣшій пройшовъ, али конный проѣхывъ?“—Нѣ, братъ, ни слыхомъ ни слыхàвъ, ни видòмъ ни видавъ.—Ну, ето хорошо, ды ня дужа, худо, ды ни сусимъ!

Яны етый жа самый день пили, гуляли, у карты играли, ны сябе ничаво ни сподивались. Бывъ дѣнь, даетъ Бохъ ночь. Приходитца ити на ету ночь самому Таратурки-собаччиму сыну. Тады ёнъ увечири ставляить на вокнѣ стаканъ водки и стаканъ воды, и свѣчку восковую ставитъ на столѣ, и свѣчку сальную тожа ставитъ на столѣ; а имъ кладетъ дванатцать колодъ картъ, и ихъ прòсить и приказываитъ: мотритя, братцы

пійтя-гуляйтя, прохлаждайтись, на сибе ничаво ни спыдивайтись, ну спать ни укладайтись, на ети вещи посматривайтя, што я на столѣ посновіпв! Вамъ я обьясню ястинной правдой: коли пойдѐть изъ горѣлки кровъ, тады мы тольки будемъ мѣть звиданьня зъ Юдой-антіюдой биззаконной головой; коли съ сальнэй свѣчки пойдеть кровъ, тады пойдёмъ зъ нимъ дратца; коли пойдѐть кровъ зъ воды, тады ёнъ станить мяне осиливать; коли пойдеть кровъ зъ восковой свѣчки, тады ёнъ мяне убъеть! И до тыхъ вы поръ ни бяжитя, покуль кровъ зъ воды ня увидитя; ну коли увидитя кровъ зъ воды, тады бягитя съ палицый-булавицый кы 'гнянэй ряки, къ калинувуму мосту, бяжитя на вотборону мяне, на сохраненьня души моей! И самъ пойшовъ. Пробывъ жа ёнъ уремя коло семъ часовъ коло калинываго мосту, коло 'гнянэй рякѣ, ожидавши Юду-антіюду биззаконную голову. А яго усё нѣтути. Яны тольки здѣся грали чатыри годины и уляглися спать крѣпкимъ богатырськимъ сномъ, бизъ жадный опаски. И слышить Таратурокъ-суччій сынъ, што ѣдить Юда-антіюда биззаконная голова, зимля стонить, лѣсъ вянить, зъ дуба листя валютца,—вужасъ шипко ѣдить,—на 'дныхъ плячахъ питнатцать головъ, самый набольшій братъ,—и двѣ головы пы большущиму пивному котлу. Кони зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали; ёнъ на ихъ крикнувъ: вовча мясо, чаво вы ржетя, песьтя мясо, чаво вы брешитя, орлиныя перья, чаво вы свищитя? На усимъ бѣлымъ свѣти противъ мяне нѣтути супротивника, тольки ёсь равенъ мнѣ у третьтимъ чарьствии, у чатьвёртымъ гусударьствии Таратурка-собаччій сынъ; но ёнъ млодъ, яму нѣтути трёхъ годъ, дажа и трёхъ мисяцовъ; яво воронъ косьсей сюды ни занясётъ!—Тататурокъ-суччій сынъ изъ подмосьтя выбихъ и баить: „ня воронъ косьси заноситъ, а добрый молодецъ самъ заходить. Здорово, Юда-антіюда, биззаконная голова! я учира съ твоимъ братьтямъ витався, а сяни съ тобою повитаюсь!"—„Ти ты тутка ёсь?" Ёсь,—баитъ Таратурка.—„На обѣдъ мнѣ поспѣишъ!"—Нѣ, подависься.—Выризай, говоритъ Юда-антіюда, токъ на двѣсьтя пидьдисятъ вёрстъ. Таратурокъ-собаччій сынъ якъ фукнувъ, выризавъ токъ на двѣсьтя дватцать пять вёрстъ.—„Ага, говоритъ: малъ, Таратурокъ, токъ."—Будитъ зъ насъ, ня дѣти у насъ, а дѣти будутъ, самы добудутъ. Тады Юда-антіюда пузулотивъ токъ на двѣсьтя семдисятъ пять вёрстъ,—на пидьдисятъ больши Таратурки. Вось, яны тады узялися битца: бися-дярися, бися-дярися,—Таратурокъ отрубивъ яму пять головъ съ плечъ, а Юда-антіюда убивъ Таратурку у зямлю по колѣно.—„Ну што, говоритъ Таратурокъ: Юда-антіюда! цари-короли дярутца и оддышку маютъ,—будимъ и мы оддыхать.—Ну, кольки ни оддыхай, а на обѣдъ поспѣишъ!—Ну, поспѣю, а будимъ оддыхать. Тады ёнъ вылизъ зъ зямли, узявъ, зъ лѣвой ноги сапохъ зьдѣвъ и якъ фукнитъ у етый домъ, гдѣ яго

браты Иванъ и Василій: увесь домъ звыротивъ ды потолка, на потолокъ сапохъ узлятѣвъ,—браты ни сочнулись.—Ну, говорить Юда-антіюда: досыть намъ оддыхать, будимъ дратца! хыть съ онной головой останусь, а усё зъѣмъ! Тады яни 'пять жа узялись битца: бися-дярися, бися-дярися, ящо збивъ Таратурокъ Юди-антіюди три головы, а ёнъ убивъ Таратурку у зямлю по самый поясъ.—„Цари короли дярутца и оддышку мѣють; будимъ оддыхать!“—просить Таратурокъ—собаччій сынъ.—„Кольки ни оддыхай, а на обѣдъ поспѣишъ“.—Поспѣю, а будимъ оддыхать! Вы лизъ тоды Таратурокъ изъ зямли, зьдѣвъ опослѣньній сапохъ и бросивъ у братовъ: знявъ по самыи вокны хату, и сапохъ улятѣвъ у вокно и пупавъ у затылокъ Ивану кухаркинуму сыну; ну столика ни захвативъ. Тады яны ускочили и смотрють на етыть столикъ, якъ примѣты пока *жють*: ти живъ старшій братъ, ай нѣ? Пысмотрять—съ усихъ чатырёхъ вящей кровъ идёть, и на столъ канула, ну со столика ни канула. „Ну, одначи, бають, во што, братъ: живъ ня живъ большій братъ, а пубяжимъ якъ можно пыскорѣй къ калинувуму мосту, кы 'гнянэй рякѣ! Потомъ оглянулись, и яго жа обувъ тутъ, и говорють: „вѣрно ня живъ нашъ братъ, коли яго сапоги тутка!“ Ну схватили яны свои палицы-булавицы, молодецкіи забавицы, и пусьтились бѣхть кы 'гнянэй рякѣ. „Ну, Юда-антіюда биззаконная голова, говорить Таратурокъ: урямя намъ дратца!“ —Ды й пора! кольки ни оддыхай, а усё я тибе зъѣмъ! Ну Таратурокъ видить ето дѣло, што яго братьтя бижать, и отвичаитъ яму смѣло: „а нѣ! обжарёсься!“—Што ты, говорить Юда-антіюда, смѣлъ ставъ?—„А то, што я тибе ни боюся, што я тибе зразу убъю, на похватъ мало!“ —Съ чаво ты силу узявъ?—„А мнѣ, говорить; Бохъ давъ!“ И съ одново змаху яму двѣ головы знявъ. Тады и братьтя яго подбѣгли, и давай яго ззаду валять. А Таратурокъ-суччій сынъ упавъ, якъ мёртвый, што дужа измаився. Братьтя яго съ охвоты начали яго рубить палицамъ—булавицамъ и зняли яму чатыри головы съ плечъ; остаетца у яго таперь онна голова, самая нàбольшыя—корнивáя. И Юда-антіюда биззаконная голова опусьтивъ руки и припасъ свой бросивъ объ зямлю и крикнувъ громкимъ голосомъ, просивъ прощеньня у отца-матири и милыхъ своихъ сяcьтёръ: „тятинька и маминька, и сястрицы! прощайтя мяне: убивъ мяне Таратурокъ суччій сынъ, сильный могучій богатырь!“ И яму зукъ дала у етымъ матъ яго, съ таво града, агдѣ жили Таратурокъ и братьтя яго троя сутыкъ.

Тады добили Юду-антіюду биззаконную голову, изняли опослѣньнію голову. Тады Таратурокъ-суччій сынъ и говорить братьтямъ: во почаму я подався Юди-антіюди: во на твоей ночи, Иванъ, я зьнявъ мяньшому Юди-антіюди девить головъ, девить хортовъ, девить соколовъ и девить коней збивъ! А на твоей, Василій Васильивичъ, я убивъ и фторова Юду-

антіюду, и знявъ яму двинатцать головъ, убивъ яго двинатцать хортовъ, двинатцать соколовъ и двинатцать коней! Вò почаму у мяне на пять головъ силы ни хватило! И тады сичасъ узвыротивъ каминь и пыказавъ имъ обиду, тыи головы, што знявъ зъ Юдій-антіюдій.

Посли жъ таво пошли яны опять у тотъ горотъ, агдѣ Таратуркины сапоги лижать. Яны лягли спать, Иванъ и Василій, а яму, Таратурки, некыли спать, треба дѣло узнать: гдѣ ето дужа рыкнуло голосомъ у тымъ у городи, якъ прощався Юда-антіюда. Ёнъ пошовъ хлипоньствуя коло воконъ, коло комнатъ. Приходить къ оннэй комнати у скрытымъ мѣсьти, коло зилиновa саду, и слышить чиловѣчьимъ голосомъ разговоръ. Ёнъ подойшовъ ближи таво къ двярёмъ: совѣтъ прозносють дѣвицы у рёхъ онна съ оннэй, якъ бы звесть съ свѣту етыхъ трёхъ богатырей. Онна говорить: „я, сястрицы, ихъ звяду су свѣту!“—А якъ жа ты звядешь ихъ, коли яны сильныи могучіи богатыри?—„Нѣ, сястрицы, звяду; яны ня будуть ни знать, ни вѣдыть! Яны пойдуть у такую то зямлю, у такей то горотъ; я ето знаю, такъ я накину на ихъ вяликій жаръ и сонъ, будуть яны бѣхть и валитца, сонъ ихъ будить клонить, а жаръ палить; а я, говорить, обярнусь у стадоль на горочки, тисовою крываткой, пуховой пяриной, шубой вызылачиваный, и будить тамъ оздухъ лёхкій, запахъ хорошій. Тады яны прибягуть туды, а я упредъ залячу: яны лягуть спать, на мнѣ, на тисовый крывати, на пуховый пярини; якъ уснуть, я ихъ задушу. Вотъ якъ я ихъ звяду!“ А другая говорить: нѣ, сястрица, ты ни звядешь ихъ су свѣту, а во я звяду!—А чимъ ты ихъ звядешь?—Вотъ якъ звяду: накину тожа палъ и займу рѣки и озёры; и будуть яны бѣхть и валитца, ну воды нигдѣ ни найдуть. А я оборочусь сама ключкомъ, криничной водичкой, обрубикъ будить сяребриный, ковшичикъ золотэй. Яны по ковшичку выпьють, тады я ихъ разорву! Во якъ я ихъ звяду! Ну третьтія говорить сястрица: вотъ я ихъ звяду!—Ну, а ты якъ?—А вотъ якъ: накину нà йхъ оздухъ лёхкій, запахъ хорошій, оздухъ яблышный-виноградный, а еты древы я поунистожу, сама оборочуся яблыной, разными яблычками самоцвѣтными драгоцѣнными. Якъ яны подойдуть и пы яблычку зъядуть, то я у ихъ сэрца повырву! Ну мать ихъ говорить: нѣ, дѣтушки, вы ихъ ни звядетя, вотъ я ихъ звяду.—А ты, матушка, якъ ихъ звядёшъ?—А вотъ якъ: оборочуся свиньнёй, одинъ лычъ будить рыть у неби, а другей у зямлѣ; якъ ихъ нагоню, то ихъ усихъ и прожру—зъѣмъ! Прослухавши усё, Таратурокъ-суччій сынъ, пойшовъ къ братьтямъ: позно, говорить, тутъ спать; живо времьмя у походъ ступать! Тады и пубижали яны зъ етаво города вонъ.

Бяжи яны, бяжи, бягуть и валютца, сонца жàрить, сонъ клòнить, прибигають къ етый стадоли. Ну браты яго гетаво дѣла ни знають.

—„Братиць, говорють: позволь здѣся ляхти заснуть, очинно здѣся прилесно: оздухъ лёхкій, запахъ хорошій, тясовая крывать съ пуховый пяриный! - „Нѣ, говорить, вы малыи браты, а я большій! я перши засну!“ Тады сычасъ подымавъ палицу-булавицу, молодецкую забавицу, якъ тиснувъ палицый по узголовью, по тясовый крывати, по пуховый пярини, такъ у кучу и ссадивъ зразу, патрушки еты у мисьтяхъ зложивъ. Уторэй разъ якъ цапнувъ палицый-булавицый, тольки лужина крови потикла, и ничаво ни стало. Во, говорить, братцы: ето ня сонъ, а зрада наша! И ни зыхотѣлося имъ спать никольки. Опять пубижали. Бигуть и валютца, уста у ихъ смагой заросли, пить смерть хочитца, нѣтуги на свѣти воды нигдѣ, ни ряки, ни возира, ни разнэй узндрины. Прибигають къ руччю съ сяребринымъ обрубцамъ, зъ золотымъ ковшичкомъ.—Што, говорють, старшій нашъ братъ: смерть наша, позволь напитца по ковшичку воды! —„Нѣ, братцы, я большій братъ, я перши выпъю ковшичикъ, али два. Тады якъ цапнувъ палицый-булавицый по етыму обрубцу, ёнъ яго зломивъ. Тоды ковшичикъ выложивъ и другей разъ якъ цапнувъ,—ничаво здѣся ни стало: ни криницы, ни обруба, ни ковшика, тольки рѣзыная кровь потикла руччёмъ. А имъ ни стало ни жару, ни палу, и пить ни захотѣлось. Тады опять пубижали яны. Бягуть, оздухъ мѣють лёхкій, запахъ хорошій, ѣсь жилають, ды нечива; тады прибигають къ яблыни: вочинь красивая яблыня, яблыки самоцвѣтныи, драгоцѣнныи, ни то, што рукамъ ихъ ирвать, можно вустамъ узять. Браты опять просють Таратурку: „позволь, братиць, зъѣсь намъ пы яблыку“. А ёнъ имъ отвичаить: „вы молодшии браты, а я старшэй: перво я зъѣмъ, можа два, а можа и три“. Тады ёнъ подскочивъ къ яблыни и цапнувъ яё палицый-булавицый пыдъ макушку: сучча ето обломивъ! За другей разъ съ пня звалилъ. Тады узявъ, умисьтяхъ зложивъ и третьтій разъ якъ цапнувъ палицый-булавицый—потудова й дѣла ни стало, тольки лужина крови потикла. А яны ни хотѣли разныхъ хруктовъ, а сами пубижали утикать. Прибигають яны къ воловнику, и ёнъ мѣить тысичу воловъ и пять сотинъ быковъ. „Ну, здорово, воловникъ!“—Ну, здорово, Таратурокъ-суччій сынъ!—„Братъ воловникъ, ни бай, што мы тутытька ишли: ти знаишъ ты свинью? ина гонитца за намъ!“—Во, братъ Таратурокъ-суччій сынъ: якъ мнѣ иё ни знать, коли я иё на дни по пити разовъ видаю.—Тольки я иё ни боюсь: у мине волы хороши, а мижъ тово волы-полы и быки-кнарасы,—на рогахъ подымуть иё, и ничаво ина мнѣ ни здѣлаить! „Пыжалуста ни бай, што мы тутытька ишли!“—Питнатцать рублёвъ, тоды ни скажу! Ёнъ давъ яму дватцать рублёвъ.—Скажу, што шовъ старикъ у питнатцатомъ году съ торбычкой и съ кійкомъ; ходить табѣ, баба, съ торбый и съ кійкомъ! Яны опять пубижали. Прибигають къ конюху; ёнъ

мѣить двѣ тысичи конёвъ и повторы тысичи жиряцовъ-сивцовъ-бурцовъ, вѣщихъ каравульцывъ. „Здорово, конюхъ!“—Здорово, Таратурокъ-суччій сынъ, куды идёшъ, куды путь дяржішъ?—„Эхъ, братъ, конюхъ: иду и самъ ня вѣдыю куды, дяржу путь дли таво, и самъ ни вѣдыю дли каво“.—Ды што ты мнѣ врёшъ: ты утикаишъ отъ вѣдьми-свиньни!—„А ти знакома ина табѣ?“—А якъ жа ина мнѣ ни знакома? Ды я иѐ ни боюся, у мине кони хороши, а мижъ тово жиряцы сивцы-бурцы, подымуть ие на копытахъ, ды на зубахъ.—„Братъ, конюхъ, ни сказывай, што мы тутыгьки ишли!“—Пидьдисять рублёвъ, тады ни скажу! Ёнъ давъ яму сто рублёвъ.—Скажу, баить конюхъ, што у двадцать пятомъ году пройшовъ старикъ. Тады яны сутки убигають. Таратурокъ къ зямлѣ прилигаить, ти слышить вухомъ чиловѣчискимъ: ти бяжить свиньня! Чиловѣчискимъ вухомъ ня слышить. Тады прилёхъ собаччимъ вухомъ, и слышить: бяжить свиньня вужасно шпарко, ажъ зимля стонить! Тады яны давай шпарчѣй таво утикать. Прибигають къ кузняцу Соломону, и въ яго двинаицать учильниковъ-кузняцовъ, и усё сильныхъ богатырёвъ. И въ ставо кузница усё жалѣзный тынъ, мидяныи ворòты, а пыдворотни зъ рыббій косьси. Тоды сичасъ и говорить Таратурокъ суччій сынъ: „кузнецъ Соломонъ! отопри вороты!“—А што, говорить, ти пупався, братъ Таратурокъ, къ вѣдьми-свиньни? Ёнъ яму отпёръ вороты. „Ну што, братъ, избавъ ты насъ отъ вѣдьмы-свиньни, штобы йна насъ ня зъѣла“.—Могу, говорить кузнецъ Соломонъ: тольки дай тыщу рублёвъ.—„Во табѣ, братъ, двѣ тыщи, тольки избавъ!“ Тады сичасъ бяжить свиньня: одинъ лычъ рыить у зямли, а другей лычъ у неби. Прибигаить къ воловнику и стала удали: „воловникъ, воловникъ, ти видивъ ты трёхъ богатырёвъ?“—Нѣ, говорить, вѣдьма-свиньня, ня видивъ! я бы и тибе ня увидивъ, коли бъ ты на глазы ни нывярнулась. А пройшовъ старикъ у питнатцатомъ году зъ торбой и съ кійкомъ; и ходить табѣ тожа съ торбой и съ кійкомъ на вѣки. Йна бросилась къ яму, а яё якъ пыдняли волы-полы и быки кнарасы на рогахъ своихъ, тады йна оттуль ходу! И прибѣгла къ конюху; а ёнъ пасѐть конёвъ на рѐстонькахъ. „Конюхъ, конюхъ! ти ня видивъ ты трёхъ богатырёвъ? Который яны дорогый ишли?“—Я бы и тибе ня видивъ, коли бъ ты на глазы ни пупала! А здѣся пройшли у двадцать пятомъ году три старики! Ина и оттуль лызу. И прибигаить къ кузняцу Соломону. „Кузнецъ Соломонъ, отпирай вороты!—А на што табѣ отпирать?—„На то, што ни сохраняй Таратурку суччаго сына: ёнъ моихъ трёхъ сыновъ и трёхъ дочокъ звёвъ, и я яго звяду“.—Нѣ, вѣдьма, ни звядёшъ.—„Нѣ, звяду“.—А чимъ табѣ отпирать вороты, ты луччи лижи вороты, а я табѣ Таратурку пыдамъ на лопати. Йна якъ солупнула, половина доски ссадила,—а ина у три аршины была; другей разъ якъ

олуннула, и дирку нибольшую прылизала; третьтій разъ якъ солуннула, и языкъ уложила. А кузнецъ Соломонъ вялѣвъ своимъ масьтирамъ распалить красно клящей, и узять которыи молотки половчѣй, и зхватить свинью. И зхватили яны иѐ клищамъ яснымъ-зы языкъ увосьмихъ, и давай задавать молоткамъ тижолымъ: бей, бей,— збили на кобылу! И Таратурокъ-суччій сынъ узявъ уздечку и ету кобылу забрытавъ, и спросивъ повѣсмо льну и самъ сѣвъ вярьхомъ и говорить: если ето добрая кобыла и у ей нѣтути ничаво свинова, то я повѣсмо льну запалю и кругомъ тыну обскачу̀, и ёнъ ни згорить! Третьтію часть двора ни объѣхавъ, а лёнъ спыжѣвъ. „Што, братцы товарышы, распякитя клящи̇ яснѣй, зададимъ ей половчѣй: ина у насъ таперь подъ рукамъ стала!“ Зхватили иѐ клищамъ и давай бить: збили ие на малинькую кобылку, якъ бы трёхъ лѣтъ. Тады Таратурокъ-суччій сынъ узявъ повѣсмо льну и зажохъ, и кругомъ двора объѣхавъ и половина ни згорѣла. „Ну, таперь будить ие бить!“ Тады узявъ, своихъ братовъ Ивана и Василія отправивъ у отцовскій домъ, „ну я, говорить поѣду дальши тово!“ Кузняцу Соломону выкинувъ ящо двѣ тыщи, и сѣвъ на ету кобылицу и поѣхывъ у тёммый лѣсъ, у щирый боръ дорогый.

Прыижжаитъ питнатцатъ вярстовъ, стоитъ сосна тритцатъ обхватывъ, возли дороги; на етый соснѣ сядитъ дѣдъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, калита двинанцатъ яловицъ влизаитъ; мѣитъ ёнъ при сабѣ пушкусвистушку-смылянушку, двинанцатъ сажонъ дылины, и уся гвоздямъ всажина вострыми. „Здрастуй!“ говоритъ Таратурокъ-суччій сынъ.—„А! ета ты, Таратурокъ-суччій сынъ! ты мнѣ много урону надѣлавъ: звёвъ мою усю хамилію: сыновъ, жану и дочокъ! И я тибе со свѣту звяду!“— „Ну ни прійдитца, штоба ты мяне со свѣту звёвъ, старый дуракъ“. Тады ёнъ етый пушкой-свистушкой-смылянушкой якъ смылянѣтъ съ сосны: ни пупавъ по Таратурки, а пупавъ по кобыли! Такъ кобылу и пирирубивъ пупуламъ, якъ траву! остався Таратурокъ бязъ лошади! Скочивъ ёнъ къ стуму дѣду на сосну, схвативъ яго за бороду и вдаривъ яго головой объ сосну! И давай ящо прибувлять своей палицый-булавицый. Голову яго побивъ, бороду яго усю изодравъ, пушку-свистушку-смылянушку отобравъ, калиту яго разодравъ, говядину птицамъ воронамъ и сорокамъ оддавъ,—а самъ и пойшовъ пяшѣй.

Уходитъ ёнъ къ вяликуму полю, коло барськаго двору, и видитъ выноситъ богатырь мѣхъ иржы, нямношко—тольки сто читьвяртей иржы; отсюль, съ поля бяретъ стохъ хлѣба и нясетъ домовъ, и вдаритъ объ зямлю, смолотитъ, и зярно высыплитца. „Бохъ помочь, Коробъ-Коробанывичъ!“—Благодаритъ, Таратурокъ-суччій сынъ. Што, братъ: скажи ты пѣвную правду: куды ты йдѐшъ, куды путь дяржишъ?

—„А я иду туды, самъ ни знаю куды, путь дяржу дли того, самъ ни знаю дли кого“.—Нѣ, братъ Таратурокъ! я знаю, што ты идёшъ къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ! Возьми мяне у товаришы!—„А, кому ни нады товаришы, а мнѣ пять-шесь! ступай зъ Богомъ“. И пошли Короб Коробанывичъ съ Таратуркомъ у дружби.

Проходють яны одни сутки, сѣить Сявбитъ жито: сто читьвяртей у сивалки держить на пличахъ, и жито на зямлю бросаить, и ў тёмныи облаки смотрить: хорошая луна узойдётъ—сѣить, плохая—стоить. „Народи Божа, Сявбитъ!“—Благодарить, Таратурокъ-суччій сынъ! куды идешъ, куды путь дяржишъ?—„А я иду туды, самъ ня вѣдаю куды, путь дяржу дли таво, самъ ни знаю дли каво“.—Нѣ, я знаю, ты идёшъ къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ! возьми мяне у товаришы.—„А, кому ни надо товаришы, а мнѣ пять-шесь, ступай зъ Богомъ!“ Поснавивъ Сявбитъ сивалку мяжой и идеть у товаришы. Пройшли яны ня много уремьмя, видють, качаить Горовикъ горы. зъ онной стороны дороги на другую, а зъ тэй на ету. „Бохъ помочь, Горовикъ!“—Спасибо, Таратурокъ-суччій сынъ. Братъ Таратурокъ, ти ни возьмёшъ мяне къ сабѣ у товаришы?—„А што, братъ: коли хочишъ, пойдёмъ!“ И Горовикъ бросивъ горы качать, и пойшли яны у читьвярохъ. Пройшовши нямного, ляжить Обжора, сярёдъ дороги. А ета дорога идеть чирисъ возира. Ёнъ нагнётца и онну половину выпьить; а потомъ выльить у другую, а потомъ тутытьки напьётца и у тую выльить. „Здорово, Обжора! пусьси дорогу!“—А возьми мяне у товаришы! Узяли яны и Обжору. Иди-иди яны, ти мало, ти много, а тольки увошли яны у тёмный лѣсъ. Бяжить Моросъ на стрѣчу йимъ, объинивши, обдѣлавшись, стрась смотрѣть. Здорово, Таратурокъ-суччій сынъ! —„Здорово, сильный Моросъ!“—Што, братъ: возьми и мяне къ сабѣ у товаришы: и я къ худой години табѣ пригоджусь!—Узяли и яго. Тады сичасъ идуть ины ў шасьтихъ и ўвошли у чисто поля, у злёную дуброву. И стоить бѣлъ шатёръ, и ў етымъ шатры ляжить Слонъ Ивановичъ, Отрублинная голова, и дяржить пыдъ собой мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное. И тады ублизь подходить Таратурокъ-суччій сынъ къ Слону Ивановичу, и котитца буйная голова Слона Ивановича къ Таратурку и просить низкимъ поклономъ и сэрцамъ покорнымъ: „Таратурокъ-суччій сынъ, сильный могучій богатырь! буть ты такей добрый, приживи ты мнѣ буйную голову, Слону Ивановичу, буду я за тибе стоять, якъ самъ зы сябе!“—Ну, якъ жа мнѣ приживить табѣ буйную голову? у мине припасу такова нѣтути!—„Возьми ты моё тулово богатырськое, повороти, и ёсь подо мною мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное, и ёсь у мяне добрая лошадь богатырьская, дарую яе табѣ, и мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное до жизни твоей, только приживи мнѣ буйную голову. И

ў мяне отрублина голова ни въ учайности, и семъ лѣтъ, а отрубивъ яё Выріёнъ Антіенывичъ, за ничаиннось свою, моимъ припасомъ, меччю-самосѣччю, и за мою жану, за законъ, за бракъ. Ну я жану свою оскорбить ни могу: ина къ яму ня прѐлисна, и йна узята по няволи, ни съ вахоты. Поѣдишъ ты на моимъ добрымъ кони, и зъ моимъ припасомъ, только якъ ты подъѣдишъ подо градъ Варіёнывъ—и у яго вяликая крѣпось—якъ возможно, коня ни жалѣй, а у крѣпось на кони узъижжай. И ў яго ёсь двинанцатъ псовъ съ жалѣзнымъ дюпкамъ—сильныи богатыри; якъ можно забей трёхъ, али читырёхъ меччю-самосѣччю! А на пѐридъ бросютца къ табѣ самыи злыи и сильныи. Тады ты у градъ уижжай и якъ траву усихъ побьешъ; тады ты на крыльцо, на двинанцатый иташъ уижжай на кони, у бѣлы каменны палаты, къ Выріёну-Антіенывичу. И коня на крыльцы оснавляй, вострымъ копьёмъ двери митай, а самъ напѐридъ ни ступай, и мёчъ самосѣчъ нагото̀ви дяржи. А Варіёнъ Антіёнывичъ бросится къ табѣ со своимъ мячомъ-самосѣчымъ, со своихъ бѣлыхъ каминныхъ палатъ; тогды ты вострый меччю мяжду яго рукъ бросай, и яго мечъ пирярубишъ, и тогды ты знимишъ яму двинанцатъ головъ змяиныхъ. И ёсь у яго палатахъ колодицъ, и ў тымъ колодцы на днѣ двѣ бутыли: въ оннэй бутыли живая вода, а ў другей мѐртвая. И табѣ укажитъ жана мыя Сыміихлида Михайловна. Тады йна поѣдитъ съ тобой ко мнѣ, Слону Иванычу, и приживитъ мнѣ буйную голову!

Тады Таратурокъ суччій сынъ поѣхавъ къ Варіёну Антіенычу только одинъ, на добрымъ кони Слона Ивановича; узявъ мечъ-самосѣчъ и копьё довгомѣрное. Подъѣхавши къ крѣпосьси, якъ птица узлятѣвъ на крѣпось; и бросились къ яму еты псы, и ёнъ зразу дивяти псамъ головы знявъ и у городъ узъѣхавъ; вскочивъ на коній на двинанцатый иташъ, добра коня поснавивъ на крыльцы и дрòгнувъ копьёмъ у еты двери. Зразу разлятѣлись еты двери на нѣскольки дòлій, и бяжитъ жа самъ Варіёнъ Антіенывичъ ужасна зъ вяликимъ со зломъ: „Хто ето такѐй тутытька ёсь большы мяне? хто могъ мою дверь разбить и крѣпось ни отпирать?“—А я, говорить,—Таратурокъ суччій сынъ; табѣ ни жалаю со буйной головы шапки узнять! Тады выснавивъ иму напярёдъ копье довгомѣрное, а потомъ якъ ударить своимъ мячомъ-самосѣчымъ, и разрубивъ мечъ Варіенывъ. Тады вочинно оробѣвъ Варіёнъ Антіёнывичъ, прикланяитца яму своимъ головàмъ: „ни зруби мои голòвы, ни проливай крови богатырьскія, будь ты мнѣ старшимъ братомъ, а я буду молодшимъ, и пувиливай ты усимъ моимъ 'мѣньнимъ.“—„Нѣ, ни жалаю я етава, отвичаитъ Таратурокъ: а жалаю знять твои голòвы и придатъ тябе злой смерти!“ И зрубивъ яму Таратурокъ уси яго двинанцатъ головъ и

пробивъ довгомѣрнымъ копьемъ яго рятивое сэрца и проливъ горячую кровъ. Сiйчасъ ето дѣло вузнала Симiихлида Михайловна, што ёнъ прiѣхавши отъ Слона Ивановича; тащйть еты двѣ бутыли воды, и яму подаётъ и сама зъ нимъ на доброва коня садитца, и уижжаютъ зъ етыхъ мястовъ. Привёзъ Таратурокъ Слону Ивановичу живой и мертвой воды и жану ягоную, и приложили яны яго голову къ яго тулову, и полилй живой водой и лилй изъ бутыли въ уста, и у четьвиртъ годины Бохъ збавивъ, и ёнъ живъ ставъ. „Ну, братъ Таратурокъ: спасибо табѣ, што ты прижививъ мнѣ мою буйную голову." Тады жану у шатры оснавивъ, а самъ пойшовъ съ Таратуркомъ.

Идутъ яны усямёхъ, а Таратурокъ ѣдитъ на лошади. И прiижжаютъ яны къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ. И у яе двинанцатъ дочокъ, вочинно красивыхъ, вужасна прiукрасныхъ. И кругомъ жалѣзный тынъ, и урытъ коло крыльца мидяный стовпъ: и вбито у ёмъ семъ колецъ: царьскiй сынъ коня привяжитъ за золотое кольцо; королевськiй—за сяребриное кольцо; купечискiй—за мидяное; а прочихъ вящей нижы тово. Таратурокъ межа-таво привизавъ свойго коня за уси семъ колецъ, на вонись ни смотря. И самъ пойшовъ у бѣлы каминны палаты. У палатахъ сидятъ дванандцатъ дочокъ прiукрасныхъ. „Здорово, дѣвицы красавицы!"—Здорово,—Таратурокъ суччiй сынъ!—„Дѣ жа ваша матка?"—„Матка разузнала ваши дилà и поѣхала за мòря, сичасъ прiѣдитъ, привязетъ сто воловъ къ свадьби!" Скоро пришли и яго шесь товаришовъ: Коробъ Коробанывичъ, Сявбитъ, Горовикъ, Обжора Моросъ и Слонъ Иванывичъ. „Ну, здорово, дѣвицы красавицы!"—„Здорово, друзья любезныи; якъ васъ Бохъ собравъ усихъ умисьтяхъ?" Яны говòрють: „насъ собравъ Таратурокъ суччiй сынъ!" Сей минуты прiижжаитъ баба-ига, жалѣзная нога, на ступи ѣдитъ, тувкачомъ погоняитъ, граблямъ слѣдъ загрибаитъ, а помяломъ замитаитъ. Якъ узъѣхала на свой дворъ и ввидила коня, и што ёнъ привязанъ къ усимъ кольцàмъ: „ня можно, говоритъ, взнàтъ, хто такей за молодецъ прiѣхавъ! Ну тольки хто ни ёсь, а буйну голову зниму и усторну на тынину!" Тады сичасъ улизаитъ ина у домъ свой: „што за богатыри тутытька такiи?" Яны отвичаютъ: „здорова, баба-ига, жалѣзная нога!"—„Ну, я думала, хто такiи молодцы, ажна ето тутъ сильныи богатыри! Вò што, дочунька: протопи-ка ты байню дли милова друшка!" А у яе байня уся жалѣзная. Вытопила дочка байню, дужа жарко. Баба-ига и зоветъ ихъ у байню. А Таратурокъ пославъ Мороза; ёнъ якъ тропнувъ-лопнувъ: охолодивъ байню, напусьтивъ усю инiю. „Садися, зятёкъ, поѣдимъ у байню." Сѣли Таратурокъ зъ бабой-ягой на ступу и поѣхали. Ёнъ узявъ съ собой палицу-булавицу и пушку-свистушку-смолянушку. Прiѣхали яны у байню, а тамка хòлодно. Вось ёнъ якъ зачавъ битъ бабу-ягу палицай-булавицай и пушкой-сви-

ступкой: „што ты, говорить, надо мной насмѣшку робишъ.“ Тады загадала другую дочку топить байню, штобы три сажени сожгла, штобы духу было. Якъ вытопилась байня, Таратурокъ опять пославъ Моросъ. Ёнъ якъ тропнувъ-лопнувъ—напусьтивъ повну снѣгу.—Поѣхали опять у байню Таратурокъ и баба-ига. А тамка опять холодно. Вотъ ёнъ якъ начавъ ие бить сильнѣй таво: „што я хлопицъ табѣ, ти што?“ И дужа збивъ бабу. Вось ина тады и говорить: ну, зятёкъ, таперь я сама буду топить: двинанцать саженъ дубовыхъ дровъ спалю, а усё ублаготворю.“ Натопила ина байню и подступу нѣтути. Таратурокъ пославъ Моросъ. Ну ёнъ ничаво не мохъ подѣлать,—дужа жарко. Тады пославъ Обжору; ёнъ якъ начавъ лить водой, обхладивъ байню, а Моросъ ильдомъ задѣлавъ. „Ну, поѣдимъ, зятёкъ, у байню.“ Сѣли яны на ступу и поѣхали. А тамки одинъ лёдъ. Тады ёнъ ие ящо больши набивъ. Ну, ина змирилась и давай доставлять разныхъ питиньня и идиньня. „Коли, говорить, ублаготворишъ, то ня буду бить, а нѣ, то голову зниму!“—„Ублаготворю,“ говорить. Напикла ина и наварила усяво; а Таратурокъ пославъ Обжору. Ёнъ якъ начавъ уплитать, за онну щаку вола, за другую два, и пыглотавъ усё. Ина другой расъ напикла ще больши; а ёнъ тожа усё поѣвъ. Тады баба-ига ето дѣло вузнала, и у третьтій разъ ихъ, окроми Обжоры, ублаготворила. Яны тамъ пили и ѣли и гуляли. Напослѣдокъ Таратурокъ убивъ бабу-ягу и знявъ ёй голову и всторнувъ на тынину, а самъ жанився на ейный дочкѣ.

Товаришы яго пойшли у свои мясты, а ёнъ пріижжаить жъ жаной къ отцу. Царьскій сынъ Василій царьствомъ править, а Иванъ-кухаркинъ за дворника, а батьки у живыхъ нѣтути. Ёнъ жалаить, штобы братьтя яму покорялись; ну царьскій сынъ Василій въ етымъ дѣли ни въ согласіи. И просить ёнъ другихъ царей помочи противъ Таратурки. Ну, Таратурокъ въ етымъ дѣли ни робѣить, на свою силу богатырьскую надёжу мѣить и на свой запасъ богатырьскій; отсѣкъ Василію Васильивичу голову и ставъ яго царьствомъ пувиливать. А Йвана-кухаркина сына узявъ къ сабѣ у палаты. И живъ зъ имъ у согласіи.

Козьянская вол. городок. у. Запис. г. Василевъ отъ мѣстнаго нищаго, посѣщавшаго и губерніи великорусскія. Языкъ вслѣдствіе этого смѣшанный.

30. Тридцать три сына съ половиной.

Якъ живъ такъ сабѣ старикъ исъ старухой. Дыкъ у ихъ було *тритцать три сыны съ половиной.* Отпусьтили имъ сѣножати тритцать три десятины съ половиной. Покосили яны, наклали тритцать три ськирты съ половиной. Тоды унадилася у ськирётки кобылица изъ за моря, тритцать три жерябцы съ половиной. Тоды батюшка ето покуль оглѣдивъ,

дыкъ ськирётки двѣ ай три яны и зъѣли. Приходить енъ, говорить:— ахъ, сынки моѐ любые, говорить: шкода у насъ ёсь,—нѣхто ськирётки начивъ ѣсьти наши! Ну, тыя, которыя поѣдены двѣ, которыя цѣлы—стали ходить на калавуръ туды, къ ськирёткамъ. Который дѣ то пойдеть, коло ськирётки ляжить, тольки тое и останетца, што подъ бокомъ, а ськирётки и нѣту. Тоды ходили, ходили—уси переходили, осталася тольки половиночка ськирётки. Тоды Половинка-Исьтинка на батюшку говорить: „што ты батюшка, вѣдаешъ?“—„А што, сынокъ?“—„Ѣдь ты у городъ и купи зялѣза пудовъ десятокъ, и скуй мнѣ три прутики, да по три пудики! Пойду я ськирёточки сьтяречь,“ говорить. А батюшка отказуеть: „э, Исьтинка добрый молодецъ: э, скольки сьтерягли, не усьтерягли, а половиночки уже нечаго и сьтяречь!“—„А спробую, батюшка.“ Вотъ, батюшка поѣхывъ и купивъ зялѣза пудовъ десятокъ и скувавъ яму три прутики да по три пудики. Тоды привозить. „Што, татка,—ти здѣлавъ?“—„Здѣлавъ!“ „Ну вотъ, попробую я сьтяречь!“ Тоды узявъ прутики подъ пашку и пошовъ къ ськирётцы. Пришовъ, на ськирёточку лёгъ и отъ, тольки люди увоспалися, кобылица изъ за моря и лятить, тритцать три жерябцы съ половиной, и обступили ськирёточку тую яго кругомъ. Ёнъ тады думавъ, думавъ—якимъ бы способомъ ускочить на ие, на кобылицу на тую? Иськинувся мушкой и усьсѣвъ на яѐ. Кобылица усчула, што ёнъ усьсѣвъ на ие,—пошла угору. Ина лятить, а ёнъ прутикомъ мижъ вушъ мижъ вушъ, и сьсѣкъ одинъ прутикъ. Ина й промовила яму: „ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, за што ты мяне болно сячёшъ?“—„А на што мяне високо нясешъ?“ Ина тоды пошла спускатца на зямлю. Ёнъ другѐй прутикъ узявъ, усё мижъ вушъ, мижъ вушъ!—Сьсѣкъ и другей. Ина ще промовила: „эхъ, Исьтинка, добрый молодецъ, што ты жалаешъ изъ мяне?“ говорить.—„А вязи мяне на батьковъ дворъ“ говорить. Покуль узьѣхавъ на батькинъ дворъ—третьтій прутикъ исьсѣкъ. Тоды батюшка у вокно посмотрить: „ахъ, сынки моѐ любыѐ! посмотритетка, што Исьтинка лошадей нагнавъ! Не пегинули ськирётки наши!“ Тоды вышли на подворья и давай разьдилять: кобылицу батьку старому; ну, жерябцовъ тожа зновъ—большаго большому, такъ рядомъ и разьдялили усихъ. А Исьтинку половиночка досталась. Ёнъ Половиночка, и коня яму половиночка.

Ну, доклали до царя: ёсь у царстьви такій старикъ, тритцать три сыны съ половиной. Царь обдумався—што одного батюшки, одныѐ матушки, можеть, ёсь который удобный,—осилокъ якій, ти што. Вотъ и спросить ихъ до сябе, тольки кинуть отцу-матери Половиночку, похоронить отца-матерю, а тритцать три кабъ къ яму, до царя, прибыли. Тяперь тыя поѣхали тритцать три, а Половиночка осталась. И подумавъ: што жъ? тыя тритцать три браты поѣхали; што нибудь имъ будеть, награда якая,

а мнѣ за труда нѣту ничого! заплакавъ и пошовъ у конюшню. А лошадь спрашуеть: „што ты, Исьтинка, добрый молодецъ, силно плачешь? Мнѣ тяжко, я не могу у конюшни стоять!“ А ёнъ отказуеть: „якъ жа мнѣ не плакать: тритцать три браты поѣхали до царя, имъ икая, икая награда будеть, а мнѣ за труда нема ничого!“ Ёнъ отказуеть: „не плачь, добрый молодецъ, садись на мяне лягѐнько, дяржися кряпѐнько, яны у томъ, у томъ гомонищи ночують, яны 'гня не развядуть, мы тамъ будемъ!“ Ну, ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, дѐржитца кряпенько. Поднялись угору, дыкъ и видють, дѣ яны на зѐмли, якъ мухи повзають. Тоды подъѣхали подъ ихъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: вотъ жа, кастъ: приволокся нашъ Исьтинка! А большій братъ говорить: ахъ, братцы родные: гукнитя яго къ тяплу: которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши; мòа, ѣсь хочеть, хоть ба ёнъ ѣсь спытавъ! А яны говорють: коли захочеть, дыкъ и самъ придеть! говорють. И не позвали. Тоды переночевали, знова опять назаўтраго устали, умылись, Богу помолились, убираютца ѣхать. Тоды большій братъ каеть: ахъ, братцы, разбудитя Исьтинку добраго молодца! мы поѣдемъ, жерябёнокъ тогды зьбяжить куды, ногды зьвѣрь спортить. А яны отказують: „атъ, столько бяды, каеть, коли зьбяжить, коли зьвѐрь спортить! Высьпитца, выдухнетца, дакъ вѐрнетца назадъ!“ И поѣхали. А ёнъ якъ спать дыкъ спать, якъ спать дыкъ спать, троя судокъ сьпить. Тоды уставъ, прошнѐтца—нима ни братовъ, ни лошадя! Ёнъ и зновъ якъ заплачеть силнѐнько,—конь бяжить, земля дрыжить. Ёнъ яго спрашуеть: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, чаго ты плачешъ, говорить, силненько,—ажъ мнѣ тошно, я по зямлѣ не могу ходить!—Ёнъ отказуеть: што, лошадь моя добрая—якъ мнѣ не плакать силно? Што жъ,—отъ батюшки я отбився и къ братòмъ не прибився! Ёнъ говорить: Исьтинка, добрый молодецъ, ты не плачь! Яны у томъ и томъ гомонищи ночують, яны 'гня не развядуть—мы тамъ будемъ! Сядь на мяне лягѐнько, дяржись кряпѐнько! Ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, узявся кряпѐнько, поднялись угору, дыкъ и видють, идѣ яны по зямлѣ якъ мухи повзають. Тоды подъѣхали ближы къ имъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи и тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: вотъ жа, каеть: приволокся нашъ Исьтинка! А большій братъ говорить: ахъ, братцы родные: гукнитя яго къ тяплу: которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши, мòа, ѣсь

хочеть, хоть ба ёнъ ѣсь спытавъ! А яны говоруть: коли захочеть, дыкъ и самъ придеть! говоруть. И не позвали. Тоды яны переночевали, знова опять назаутраго устали, умылись, Богу помолились, убираютца ѣхать. Тоды большій братъ каеть: ахъ, братцы, разбудитя Исьтинку добраго молодца! мы поѣдемъ, жерябёнокъ ногды забяжить куды, ногды и зьвѣрь спортить. А яны отказують: „атъ, стольки бяды, каеть, коли, зьбяжить, коли зьвѣрь спортить! Высьпитца, выдухнетца, дакъ вѐрнетца назадъ!" А ёнъ, якъ спать дыкъ спать, якъ спать дыкъ спать, троя судокъ знова сьпить. Тоды уставъ, прошнётца—нема ни братовъ, ни лошадя! Ёнъ и изновъ якъ заплачеть силнѐнько,—конь бяжить, земля дрыжить. Ёнъ яго спрашуеть: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, чаго ты плачешъ, говорить, силненько,—ажъ мнѣ тошно, я по зямлѣ не могу ходить!—Ёнъ отказуеть: што, лошадь моя добрая—якъ мнъ не плакать силно? Што жъ, отъ батюшки я отбився и къ братомъ не прибився! Ёнъ говорить: добрый молодецъ, ты не плачь! Яны ѣхали троя судокъ, мы ихъ у три часы догонимъ! Яны у томъ и томъ угомонищи ночують, яны 'гня не развядуть—мы тамъ будемъ! Сядь на мяне лягѐнько, дяржись кряпѐнько! Ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, узявся кряпѐнько, поднялись угору, дыкъ и видють, идѣ яны по зямлѣ, якъ мухи, повзають. Тоды подъѣхали ближы къ имъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи и тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: приволокся нашъ Исьтинка, добрый молодецъ! Большій братъ: о?—Яйбогу!—Ахъ, братцы родные! которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши! Узбудитя яго! Исьтинка добрый молодецъ вѣрно ня стѐнетца!—Которыя судки, говорить, волочѐтца. Тоды узяли, разбудили яго тамъ. Поѣхали, уси до царя. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать—скоро каетца, ня скоро дѣетца—пріѣхали къ царю. Царь выходить: Здрастуй, здрастуй, господа! Поздрастувалиси, давай ихъ началниками насѐджувать—того тымъ, того тымъ—тритцать три браты, усё началство. Тоды говорить: што жъ, господа, а куды Исьтинку добраго молодца припоручимъ? говорить. Тоды яны сказують: а куды припоручить яго?—лошадей досматривать! Ну и припоручили яго коло лошадей досматривать.

Тоды обдумався царь: одного отца, однѐ матушки, моеть, который удобный? Што, господа началство, ти ня можетя вы пройти который до Бога, распросить у Бога, *ча* (чего) сонца примяркнуло на троя судокъ? Тэй каеть: я не могу, тэй каеть: я не могу! Тритцать три браты,—ни водинъ ня можеть. Тоды нарѐдзилиси: скажамъ, што нашъ Исьтинка можѐть. Спросивъ царь Исьтинку: што ты, Исьтинка, добрый молодецъ, говорить: што,—можашъ ты дойти до Бога, распросить, ча сонца примярк

нуло на троя судокъ? Ёнъ говорить: што жъ, тритцать три браты большихъ ёсь, а мяне мёзинаго посылають! говорить. Тоды сконпановали уси браты: да, говорють: яму страшки не давши, по чесьти ня пойдеть! Ёнъ заплакавъ силненько, пошовъ у конюшни. То лошадь спрашуеть: „ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! ча ты плачешъ силно? Мнѣ тошно, я не могу стоять у конюшни?“ А ёнъ отказуеть: якъ жа мнъ не плакать? тритцать три браты большихъ ёсь, ды ня могуть ити до Бога, распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ, а мяне мёзинаго посылають!—„Ну, што жъ? кода посылають, дакъ нужно слухать, говорить. Иди!“ Отъ, ёнъ и пошовъ.

Якъ ити, дыкъ ити—скоро каетца, ня скоро дѣетца—и стоить обаполъ шляху два дубы. На тыхъ дубохъ бьютца два вороны. Ды якъ силно бьютца, што крыви по заборсьни на корѐньни. Яны у яго й спрашують: ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далеко?—А славъ царь до Бога распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ! —Спомянись тамъ объ насъ, объ грѣшныхъ: докудова мы битца будемъ? —Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити—приходить ёнъ къ морю. А черезъ моря стоить рыбина. Дакъ ёй подковами да 'бодьдями рёбры поломали. Тая знова говорить: охъ, Исьтинка, говорить, добрый молодецъ, куда Богъ нясеть далёко?—Пославъ царь до Бога распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ!—Спомянись объ мяне, объ грѣшномъ, докуль я покуту ету буду держать?—Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити, а сядить обаполъ шляху на 'дномъ боку мущина, на другомъ женьщина и качають камень,—тэй оть сябе пихнёть да—охъ, жарко! тэй оть сябе пихнёть да—охъ, жарко! Тыя зновъ говоруть: эхъ, Исьтинка, добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далёко?—Пославъ царь до Бога распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ!—Спомянись объ насъ, объ грѣшныхъ,—докуль мы будемъ камень етый качать? говорють.—Хорошо, говорить, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити—ажъ дяржить человѣкъ тынъ зялѣзный и кричить: ай, тяжко! ай, тяжко! Етый человѣкъ пытаетца: ай, Исьтинка, добрый молодецъ, куда тябе Богъ нясеть?—А иду къ Богу. Пославъ царь распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ!—Спомянись тамъ обо мнѣ грѣшномъ, докуль мнѣ етый тынъ держать?—Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—стоить баба: переливаеть воду съ колодяжа у колодяжъ. Тая узновъ спрашуеть: эхъ, Исьтинка добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далеко?—А пославъ царь до Бога распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ!—Спомянись объ мяне объ грѣшной, докуль я ету воду буду мѣрить? говорить. Хорошо, спомянусь! Отъ тоды, якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ

ити, приходить къ Господу Богу. Господь Богъ яго спрашуеть: што вамъ Исьтинка, надо, объ чомъ вы спрашіетя?—А што жъ, Господи! прислявъ царь распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ?—А ча примяркнуло?—дѣвка сына спородила, ды у воду утопила; того сонца у гонорь уступило, зачимъ дѣвка сына загубила,—и на три дни примяркнуло! Ну, тоды ёнъ и пошовъ. Ёнъ яму записочку давъ. А тоды спомянувся: эхъ, говорить: скольки мнѣ на дорози було злучаю, а я и призабувъ. И вярнувся назадъ распросить.

Вярнувся ёнъ къ Господу Богу.—Ча ты воротився назадъ? А ёнъ сказавъ: а, Господи Божа! призабывъ, якія мнѣ злучаи были!—А якія табѣ злучаи были?—Першій злучай: стоить обаполъ шляху два дубы. На тыхъ дубохъ бъютца два вороны, ды якъ бъютца! Крыви по заборсьни! Просили спытатца, докуль имъ такъ битца.—А еты вороны коли будуть дѣлать, якъ надумалиси, дыкъ будуть битца, покуль сьвѣту пярямѣна, а коли такъ будуть дѣлать, якъ Господь показавъ по вангилю, дакъ перестануть битца!—А йще, Господи, якій злучай бывъ ище: стоить рыбина черезъ моря,—по ёй ходють и подковами, ободьдями ребры поломали. Дакъ и тая просила, штобъ и объ яѐ спомянувся: докуля покуту я буду держать ету?—А коли выкархнеть назадъ корабъ тэй зъ народомъ, што проглотила на волю, дакъ пойдить по воли, а ня выкархнеть, дыкъ будеть держать, покуль и сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи перайшовши вярсту, абы й двѣ отыйшовши. А то йна тябе утопить! говорить.—А йще, Господи, якій бывъ злучай: на 'дномъ боку шляху мущина сядить, а на другомъ женьщина, да й качають камень,—тэй оть сябе, тэй оть сябе, и кричать: ай, жарко! Дакъ и тыя говорили: спомянись объ насъ, объ грѣшныхъ,—докуль мы будемъ камень етый качать?—А ето кумы; ѣхали къ хрясту, да й грѣхъ сотворяли; отъ имъ качать, покуль сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то яны тябе покотють!—Ну ще жъ, Господи: дяржить человѣкъ тынъ зялѣзный да й кричить: ой тяжко, ой тяжко! Дыкъ и тэй говоривъ: спомянися объ мяне, докуль я буду етый тынъ держать?—А ёнъ ня думавъ на етый сьвѣтъ, а якъ на тымъ бувъ, дакъ казавъ: якъ помру, дыкъ хоть тынъ мной подопри! Дыкъ яму держать, покуль сьвѣту перямѣна! Ды не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то ёнъ тябе подопреть! каеть.—А ще Господи, якій злучай бывъ: переливаеть женьщина воду изъ колодежа у колодежъ, и того не дольлеть, и того не дольлеть. Дыкъ и тая просила: спомянись объ мяне, грѣшной, докуль я буду ету воду мѣрить? А ета баба чужія молоки мѣрила, отбирала у коровъ, дыкъ ина будеть мѣрить, покуль сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то ина и тябе у колодежъ усодить!.. Ну й пошовъ.

Приходить къ тэй баби. „А што, Исьтинка, добрый молодецъ: ти поминався объ мяне объ грѣшной?“—А, поминався! Погоди, покуль мину, тоды раскажу! Тоды минувъ яе: переливать табѣ ету воду, покуль и сьвѣту перямѣна! говорить.—Ну, догадався, што упярядѣ не сказався!—Полоскався бъ и ты тутъ! говорить. Тоды приходить къ тому, што тынъ дяржить. А што, Исьтинка добрый молодецъ,—ти опоминався объ мяне грѣшномъ?—Поминався: погоди, покуль мину, тоды раскажу! Якъ минувъ: держать табѣ етый тынъ, покуль и сьвѣту перамѣна!—Ну, догадався; што упярядѣ не сказавъ!—пособивъ ба и ты бъ держать мнѣ тынъ! Тоды приходить къ тымъ, што камень качають. А што, Исьтинка, добрый молодецъ,—ти опоминався объ насъ грѣшныхъ?—Поминався; погодитя, покуль мину, тоды раскажу! Тоды минувъ ихъ: качать вамъ етый камень, покуль и сьвѣту перямѣна будеть!—Ну, догадався, што упярядѣ не сказався!—покатився бъ и ты, якъ камень етый! Тоды приходить къ тэй рыбини. А што, Исьтинка, добрый молодецъ,—ти опоминався объ мяне грѣшной?—Поминався, погоди, перяйду, тоды раскажу. Тоды отыйшовся ёнъ можа у вярсту ти боли, говорить: коли выкархнешъ ты корабъ зъ народомъ, што проглынула, на волю, дыкъ и сама пойдешъ по воли, а ня выкархнешъ, дыкъ будешъ лежать, покуль и сьвѣту перямѣна! Ну, ина якъ карханула,—дыкъ на вярсту, ти боли, воду выбросила зь берега, покуль выкархнула,—корабъ тэй и пошовъ. И яна пошла по воли. Тоды приходить къ тымъ къ дубомъ. Тыя спрашують у яго, тыя вороны: ти опоминався объ насъ грѣшныхъ?—Поминався, погодитя, покуль мину, тоды раскажу! Якъ минувъ: коли будетя дѣлать по божаму по закону, якъ Богъ наповѣдявъ вамъ, дыкъ перестанетя битца. А коли будетя дѣлать, якъ надумалиси, дыкъ будетя битца, покуль и сьвѣту перямѣна!—Нѣ, ня будемъ, каеть, своимы думамы, а по божаму по закону, говорить. Во, дубы расьхинулиси, и яны перестали битца.

Тоды пришовъ, подавъ до царя записку тую. Полядѣвъ царь, похваливъ. Тоды уздумавъ царь, што у якомъ то царстьви, у якомъ то государстьви, Богъ знаеть, идѣ, ёсь царевна пригожая, ды нихто ня высватаеть яе. Тоды спросивъ у етаго началства: што, господа: можетя вы зьѣздить у такоя и такоя царство, мнѣ царевну высватать? Яны—тэй каеть: не могу! тэй каеть: не могу! Тритцать три братьтя и ни водинъ ня можеть. Сконпановали знова на Исьтинку, што Исьтинка нашъ говоривъ: што, могу, каеть. Тогды спрашуеть царь у Исьтинки: што, Исьтинка: можешъ ты у такоя и такоя царство зьѣздить, мнѣ царевну высватать? Ёнъ говорить: дѣ жъ я могу? Тритцать три браты большихъ ёсь, ды ня могуть, а я мѣзиный, ды у всякое дѣло довждонъ уступать! Да! тукнули уси браты: ёнъ по чесьти ня пойдеть! Яму страшки не давши,—ёнъ

по чесьти ня пойдеть! говорють. Ну, ёнъ, значитца, заплакавъ силно и пошовъ у конюшни. Лошадь яго говорить: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ: ча ты силно плачешъ, ажно мнѣ тошно стоять у конюшни?—Эть, лошадь моя добрая: тритцать три браты большихъ и ни у якоя дѣло не уступають, усё мяне посылають!—У такоя и такоя царство у сваты ѣхать, кабъ царевну высватать!—Што жъ дѣлать, посылають, говорить, дакъ иди!—живъ будешъ!

Ну, ёнъ пошовъ. Якъ ити дыкъ ити—скоро то каетца да няскоро дѣетца—сустрѣкаеть человѣка. Здрастуй!—Здрастуй! Куды Богъ нясеть далеко, Исьтинка, добрый молодецъ?—Пославъ царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго!—Говорить: возьми и мяне съ собою!—А што ты за человѣкъ? говорить.—Да я такей человѣкъ, говорить: вы придитя къ крѣпосьти къ такой, што ни узыйти ни узьѣхать, тольки птицы перелятѣть!—цыгунныя сьтѣны, цыгунныя ворота—дыкъ ты скажешъ: хто мнѣ вороты отопрѣть? А я скажу—я! Якъ плячми тернусь, дыкъ разломаю, раскрышу усю крѣпось ихъ!—Ну, ходемъ! Пошли. Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити, сустрѣкаетца яще человѣкъ. Здрастуй, Исьтинка добрый молодецъ!—Здрастуй!—Куды Богъ нясеть далеко, Исьтинка, добрый молодецъ?—Пославъ царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго! Говорить: возьми й мяне съ собой! А што ты за человѣкъ? говорить.—А я такей человѣкъ, што крѣпось якъ вы зломаетя, а ёнъ услышить,—якь пусьтить хортовъ—по цѣломъ мядьвѣдю,—дыкъ яны васъ и разорвуть. А ты скажешъ: хто хортовъ униметь? А я скажу: я! По два, по три за хвосты укучу позьвяжу и на парканъ повѣшу!—Дыкъ ходемъ! Ну й пошли. Ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, ще сустрѣкають человѣка. Здрастуй, Исьтинка, добрый молодецъ!—Здрастуй!—Куды Богъ нясеть далеко?—Пославъ царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго! Возьми и мяне, съ собой! А што ты за человѣкъ? говорить. А я такій человѣкъ: якъ вы хортовъ повяжитя, ёнъ на скольки пячей хлѣбъ будеть печь; тоды загадаеть вамъ загадку: скольки у мяне хлѣбушка ёсь, кабъ увесь поѣденъ бувъ, а коли окорочакъ дѣ найду, топоръ да мечъ—голова доловъ съ плечъ и на ножи серца вытащу. Дыкъ ты скажешъ: хто хлѣбушка поѣсь? А я скажу: я! Дакъ я по двѣ по три булки, по двѣ по три булки—и ще ѣсь буду просить—увесь поѣмъ. И скольки напитковъ выкатить кухвовъ, дакъ ты скажешъ: хто напитки попъеть? Я скажу: я! Дакъ я уси напитки попъю, и пить буду просить!—Ну, каеть, ходемъ! мнѣ етакія люди надо, говорить.

Ну тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити,—приходють яны къ той крѣпосьти, ни узыйти ни узъѣхать, цыгунныя сьтѣны, цыгунныя во-

роты. Якъ їернувся етый плячмі, дакъ разломавъ, раскрышивъ усю крѣпось ихъ. Тоды тэй царь якъ почувъ, што разломали крѣпось, пусьтивъ на ихъ хортовъ по цѣломъ мядьвѣдю,—летять на ихъ! Тоды енъ каеть: хто мнѣ хортовъ униметь? Тэй каеть: я! Ёнъ по два, по три за хвосты ўкучу позвязавъ и на парканъ повѣсивъ! Ну тоды, пришли. Здраствуй!— Здрастуйте, сватовья! Щѐ у мяне етакихъ сватовъ не булò, якъ вы пришли! говорить. За чесь принявъ ихъ.

Тоды пили, пили, гуляли, гуляли, и приказавъ на сколькипячей хлѣбъ печь, ды кабъ и знашували ето укучу яго. Ну, давъ Богъ вечеръ, ёнъ ихъ отправляеть: „ну, сватовья, говорить: смотритя! сколькихлѣба ёсь, кабъ увесь бывъ поѣденъ за ночь; а ежали нѣ, найду окорочку, топоръ да мечь—головы доловъ съ плечъ, на ножи серца вытащу!" Ну тоды, отправивъ ихъ особянно, такъ, у боковочку—станемъ говорить. Пошли яны, давай у карты гулять; гуляли, гуляли, тоды ёнъ посылаеть слугу: иди поляди, штò яны дѣлають? Можа яны плачуть, забиваютца, што не голодны, а хлѣбушка стольки? дѣ яны яго подяють? Тэй пошовъ. Што? говорить.—А што?—у карты гуляють, пѣсьни сьпивають!—Пусьть перядъ смертю, говорить, красуютца! Тоды яны гуляли, гуляли у карты, вѣдомо, люди ужо поўсыпалиси, ёнъ говорить: а хто мнѣ етый хлѣбъ поѣсь? А тэй говорить: я! Якъ ставъ: по двѣ, по три булки, по двѣ, по три булки,— попоѣвъ тэй хлѣбъ увесь, пошовъ подъ царській домъ, уклавъ голову у вокно и кричить: ай, ѣсть хочу! ай, ѣсть хочу! ай, ѣсть хочу! Усю ночь; не даеть царю спать! Давъ Богъ день. „Ну однача, говорить, сватовья: сколькиу мяне сватовъ ня булò, ще такихъ обжоровъ ня видавъ!— скольки поѣли, и ще ѣсь просють!

Вотъ тоды день гуляли, гуляли, пили, пили,—усяго було, тольки птушаччаго молока ня було—тогды выкативъ кўхвовъ, ды говорить: ну, господа сватовъя! кабъ попили за ночь уси напитки еты, кабъ нидѣ капли не нашовъ! А ежли найду, топоръ да мечъ—головы доловъ съ плечъ, на ножи серца вытащу! Ну й отправивъ ихъ у боковочку. Пошли яны, давай у карты гулять. Гуляли, гуляли, тоды ёнъ посылаеть слугу: иди, поляди, штò яны дѣлають? Можа яны плачуть, забиваютца, што напилиси, а напитковъ стольки?—дѣ яны ихъ подяють? Тэй пошовъ. Што? говорить. А што?—у карты гуляють, пѣсьни сьпивають!—Пусьть перядъ смертю, говорить! красуютца! Тоды яны гуляли, гуляли у карты, вѣдомо, люди ужо поўсыпалиси, ёнъ говорить: А хто мнѣ еты напитки попъеть?—Я! И пошовъ. Якъ цмухнѐть у кухву, дыкъ и нема, дыкъ и сухо у кухви, якъ цмухнеть у кухву, дыкъ и нема, дыкъ и сухо у кўхви. Попивъ усё. И пошовъ подъ царській домъ, уклавъ головў у вокно и кричить: ай, пить хочу! ай, пить хочу! ай, пить хочу! Не давъ царю спать усю ночь. Богъ день давъ. „Ну,

однача, говоритъ, сватовъя: скольки у мяне сватовъ ня було, ще такихъ пъяницъ ня видавъ! скольки попили, и пить просютъ!—Ну, вѣрно наша дочь да то ваша будетъ!“ Попили заручины и отправивъ ихъ.

Прiѣжжаетъ. Тэй царь сичасъ кабъ жанитца, къ вянцу ѣхать. А ина говоритъ: „нѣтъ, вы справилиси, а я не справилась—обноровитя. Ну, Исьтинка добрый молодецъ! слушали вы царя, послушайтя и мяне! Уже не туда, а ў повдороги. Видили вы идѣ хатка стоитъ? У тэй хатцы моя бабушка живетъ, и ў яе подъ печчу гусельки. Дыкъ кабъ ты мнѣ приставивъ ихъ! Тоды будемъ и вясельля гулять!“ Ну, ёнъ пошовъ.

Якъ ити, дыкъ ити, приходитъ къ тэй хатцы. Ажъ Баба Зьмiя тая похаджуетъ по двору. „Што, бабушка,—можня переночуватъ у васъ?“—Чаму, можня! говоритъ. Отъ ёнъ занучувавъ. Ина некуды отвярнулася, ёнъ полядѣвъ, идѣ тыя гусьли, крючкомъ зачапивъ, нагутувавъ, якъ ихъ вытащитъ ужо оттўля. Тоды ина легла; якъ засьнетъ, ёнъ тихинько—цморьгъ ихъ! Дыкъ яны зазьвинятъ. „Эй, Исьтинка добрый молодецъ! не швидкуй! ня рушъ!“—Што, бабушка,—почаму я знаю, што у васъ идѣ дѣетца: ти у васъ мыши пищатъ, ти што?—То-то жъ, говоритъ, ляди жъ! Тоды знова поляжитъ, поляжитъ, тольки яна разосьпитца,—ёнъ цморьгъ! Дыкъ яны якъ зазьвинятъ. „Эй, Исьтинка добрый молодецъ! не швидкуй! ня рушъ!“ Што, бабушка.—почаму я знаю, што у васъ идѣ дѣетца: ти у васъ мыши пищатъ, ти што?—То-то жъ, говоритъ, ляди! Тоды давъ ей ужо разоспатца ловко, а самъ узявъ порасьчинявъ и дьвери и вороты и ўсё—кабъ утечь ужо—тоды якъ выхапивъ ихъ съ подпечи, дыкъ яны дыръ, дыръ! дыръ, дыръ! Дыкъ ина за имъ! Гналася, гналася, чуть не порвалася, бѣгучи. „Ну, Исьтинка добрый молодецъ! посьлѣдьнiй ба разъ ты ходивъ! говоритъ. А царь тэй ужо видитъ, што ина не подаетца яму, ня хочетъ жанитца зь имъ, дакъ ёнъ приказавъ у воротихъ яму выкопатъ и жару напалитъ. Тоды приходитъ Исьтинка—яны канаву выкопали, жару наготовали, и бляхой затянули, накрыли. „Ну, Исьтинка: по сьвѣту ты походивъ, усякихъ воздуховъ ты набрався; зволь перяйтитъ черезъ ету бляху! говоритъ. Таа царевна отвѣщаетъ: нѣ, говоритъ: ето ня Исьтинку наготовлено, а ето, хто со мной одружитца хочетъ!—Вотъ, коли перейдетя черезъ ету бляху, дакъ мой другъ будешъ, а нѣ—нѣ! Тоды царь тэй—и жанитца хочетца, и смерти получитъ не хочетца—и пошовъ. Тольки ступивъ на бляху, а ина цморьгъ! Ёнъ туды и шамъ! А ина бляхой и накрыла. А зь Исьтинкой ожанилася. Исьтинка усимы братамы командуетъ и тяперь.

И я тамъ бывъ, мёдъ, вино пивъ, да то ў роти ня було, по бородѣ потякло. Дали пирогъ, я за порогъ; дали крайчикъ, я подъ вороты, якъ

зайчикъ; дали щуку, я ўсю дорогу щупавъ. Щупавъ—щупавъ, ничого не найшовъ, такъ прійшовъ.

Д. Чернавцы, радомльской вол. чаусск. у. Отъ кр-на Гаврила Минина, 60 л., неграмотнаго.

√31. Малъ Малышокъ.

Живъ дѣдъ изъ бабой. И ня було у ихъ дитей. Дѣду уво снѣ сосснилось, што иди ты у лѣсъ, назьбирай яецъ птушаччыхъ и вывядитя дятей сабѣ. Расказавъ ёнъ сонъ баби, и баба такъ яму сказала: „што жъ, иди, дѣдъ, у лѣсъ, назьбирай яецъ птушаччыхъ, посыпимъ у рэшато, я сяду, дятей вывяду. Яны будуть пищѣть—намъ будеть веселѣй,—мы будемъ думать, што наши дѣти!" Дѣдъ бабы послухавъ, пошовъ у лѣсъ, узлѣзъ на бярезину—одно яйцо въ гняздѣ. Ёнъ у другую—тамъ тожъ одно. Такъ ёнъ узлазивъ на тритцать бярозъ.—На статьняй бярози нашовъ два яйцы. Такъ ёнъ собравъ тритцать одно яйцо. И больши лазить не ставъ. Принёсъ яйцы домовъ, у рэшато усыпавъ, и сѣла баба на яйцы. Усё ровно, якъ курица. Нядѣли церазъ три вывялиси дѣти, не птушаччыя, а настоящыя дѣти—мальчички. Баба тогды говорить: „лядитку, дѣдъ, ня птушки, а усё сыны! тритцать одинъ!" Дѣдъ ставъ радъ, што яму Богъ сыновъ давъ. Собравъ дьвѣ пары кумовъ, горэлки съ повгарца, запрогъ коня, поѣхавъ къ попу. Ставъ просить, кабъ пріѣхавъ попъ дятей кьстить. Пріѣхавъ попъ кьстить. Ставъ кьстить ихъ—усихъ перакьстивъ, по разному имю давъ. Одинъ бывъ хужы усихъ, меньшый—тому имя не нашовъ. Сказавъ дѣду и баби: „якъ хочыця, такъ яго и зовитя, я имя не нашовъ!" Якъ ёнъ меньшы усихъ бывъ, прозвали яго *Малымъ Малышкомъ*.

Стали яны росьти не по годахъ, а по часахъ. Церазъ годъ стали большыя. Тогды яны сказали батьку: „тать, што мы будемъ гулять?—будемъ работать!—Можа пожни ёсь косить, пойдемъ косить! Ѣдь на мѣсто, косъ купи намъ!" Поѣхавъ батька на мѣсто, купивъ тритцать косъ, а одну не нашовъ – меньшаму сыну. Усё мѣсьтечко обшукавъ, не нашовъ косы. Привёзъ косы домовъ. Бяритя, сынки, косы, котору который хочыть! Сыны подышли, разобрали косы. Малъ Малышка пришовъ: а мнѣ батька, гдѣ коса?—Нема, мой сынокъ, не нашовъ. Я старый, а ты малый—будемъ дома!—Ну, нехай будеть такъ, якъ батька кажыть!

Была ў яго пожня. Пошли яны косить,—отъ свойго сяла вёрстъ за пять. Пришли на пожню, пожня была большая, яны размѣрали кажный сабѣ по ковалку, а два ковалки такихъ покинули—батьку и Малышку. Ну, йны косють. А Малый Малышокъ сказуеть батьку: пойду я, тать, по-

ляджу, якъ яны косють тамъ. Батька кажыть яму: гляди, сынокъ. кабъ не заблудивъ!—А можа й попаду! Пошовъ, ды заблудивъ. Увышовъ у лѣсъ. Ходивъ, ходивъ, ня можно выйти изъ лѣсу. Полядѣвъ на ўвесь лѣсъ тоды—одинъ дубъ вышы за ўсяго лѣсу. Ёнъ узлѣзъ на тэй дубъ, полядѣвъ кругомъ,—бачить, што у тритцатёхъ косють. Ёнъ тогды узявъ, етый дубъ за макушку рукою, похинувся у етый бокъ, дѣ косють, задомъ,—гэтый дубъ пераломився пополамъ. Узявъ суччa побламувавъ, на плечы, да й пошовъ прамо туды. Пришовъ къ имъ, кажыть;—«поможы, Божа, вамъ, братцы! Што вы два ковалки пожни покинули? нехай ба усё разомъ косили! Ти гэто можа чужая?» А яны кажуть: гэто покинули табѣ изъ батькомъ!—«Якъ жа мы будемъ косить: я малый, а ёнъ старый? —А хоть сабѣ наймитя!—«Ну ладно, кажыть! Шапку зьдѣвъ, пераксьтився —поможы Божа мнѣ! И давай косить! И косить, и грабеть, и ў стохъ кладеть, гэтой дубинкой! Упѐрадъ за ихъ скосивъ—одинъ два ковалки— и скосивъ и скативъ. Дубину гэту у землю ўбивъ, и коло дубины стохъ склавъ. Яны кажный своѐ ковалки покосили, особо, кажный по стогу. Тогды пришли домовъ съ пожни. Батька говорить: ну што, сынки, покосили пожню?—Покосили усю! А Малый Малышокъ кажыть батьку: покосили, а два ковалки покинули! Батька кажыть: на што?—Мнѣ ковалокъ и табѣ!—Я, каеть, ужэ старый, косить не могу!—Не тужы, батька, я скосивъ и у стохъ склавъ!—А вы—пытаетца у ихъ, у тыхъ сыновъ: вы у одинъ стохъ склали?—А мы, кажуть—пособя! Накосили тритцать одинъ стохъ! Тогды батька кажыть: трэба яго пилнувать, покуль перевязёмъ, а то покрадуть! Узяли у десятёхъ пошли пилнувать. Ночу цѣлу пилновали, а нѣхто стохъ укравъ. Пришли изъ варты, пытаетца батька: ти цэло сѣно?—Одинъ стохъ нѣхто укравъ. Сказавъ батька на ихъ: дураки! у десятёхъ ня упилнували! На другую ночь другій десятокъ пошовъ. Тожа такъ само перапилнували—и зновъ нѣхто стохъ укравъ. На третьтюю ночь третьтій десятокъ пошовъ—тожа такъ само не запилновали—и стохъ украдено. На чатьвёртую ночь трэба першаму десятку йти. Яны стали спорвать изъ Малышкомъ: и у яго жъ стохъ сѣна ёсь, нехай ёнъ идеть! —Ну, дакъ што жъ, кажыть: коли йти, дакъ и йти! Сходи, батька, къ ковалю, нехай коваль кульку зялѣзную скуеть, пудовъ у тритцать. Пошовъ батька къ ковалю, скувавъ кульку пудовъ у тритцать. Узявъ ёнъ кульку гэту, кинувъ угору, дакъ яна изъ вочъ утяклà. Видить ёнъ, што назадъ лятить—потставивъ лобъ. Ина по лбу якъ ударила, развалилася на чатыри ковалки. Тогды ёнъ кажыть: батюшка, искуй мнѣ другую кульку, пудовъ у тритцать пять, да кабъ мякчѣйшая трошку, а то дужа сухая! Коваль скувавъ другую. Узявъ ёнъ гэту, кинувъ угору—гэта зъ вочъ не ўлятѣла—звярнулася назадъ. Знова лобъ потставивъ,—якъ ударила,

тольки у кули ямочка стала небольшэнькая. «Ну, гэта будеть ладна!» Узявъ гэту кулю и пошовъ пилнувать сѣно.

Пришовъ къ свойму стогу, узлѣзъ наверхъ, сѣвъ. Сядѣвъ, сядѣвъ, чуеть—нѣшто стучыть, ажъ земля дрыжыть. Видить—бяжыть кобыла, а за ёй тритцать одивъ жарабокъ. Прибѣгла къ гэтуму стогу, дѣ ёнъ сядѣвъ, и давай яго кругòмъ ѣсьть. Ёнъ дотуль сядѣвъ, покуль стохъ зьѣли. Не большы якъ на одинъ сажанъ засталòсь. Тогды ёнъ схвативъ гэту кобылу. Не ўхапивъ за гриву, да за хребётъ, и сѣвъ задомъ напярòдъ. Отъ яна яго повязла!—по поляхъ да по лугахъ, по високихъ лѣсахъ! А ёнъ кулькой яѐ по с-ы. Ина дотуль возила, покуль уморилась. Тогды яму кажыть:—«Малъ Малышокъ, пусьти мяне у сьвѣтъ гулять,—а табѣ дамъ, што ты хочышъ?»—Я, кажыть, ничòго не хочу, а тольки отдай мнѣ гэтыхъ жарабковъ!—«Бяри сабѣ, тольки пусьти мяне!»—А ты жъ мяне обманишъ!—«Нѣ, кажыть,—ня 'бманю!—«Прибѣгла къ гэтымъ жарабкомъ, а яны ўжэ сѣно доѣдають. «Садися, говорить яму,—на самаго бòльшаго—а гэтыя уси услѣдъ пòйдуть!» Ёнъ подумавъ, подумавъ—хоть гэты и ўтякуть,дакъ одного будеть за сѣно досыть! Ёнъ узявъ да сѣвъ на яго. Поѣхавъ, ажно яны уси усьлѣдъ и пошли. Пріѣхавъ домовъ, кони на дворъ ня лѣзуть—дворъ бывъ маленькій. Кажыть: «ходитя, братцы, бяритя сабѣ по коню! Я ўловивъ, сѣно ядучы̀!» Вышли тыя браты, кажный сабѣ по 'дному узяли. А яму не осталось. Одинъ бывъ хужы усихъ хромый, ломый, дакъ ёнъ застався ззаду, пришовъ посьли,—разомъ не справився йти. Тогды ёнъ кажыть: вò й мой пришовъ. А яны стали сьміятца коло яго: «самъ кòній ловивъ, а сабѣ якого покінувъ!»—Ну, што изъ вамы дѣлать, изъ дуракамы? Луччыхъ кòній побрали, да ящѐ й сьмяютца коло мяне,—мнѣ й гэтый хорошъ будеть!

Ну, стали яны тогды кажный свойго жарабка гудувать. Посправляли хомуты, колёсы, стали усё работать, у лѣсъ ѣзьдить, зямлю пахать. Дворъ хорошый выстроили, большый—стали жыть на первый сортъ, што луччы ня трэба.

Жыли яны такъ, жыли, годы тры-чатыры. Скучыло имъ такъ жыть. Тоды яны сказали такъ: поѣдимъ мы у сьвѣтъ, якъ намъ злучытца—жанитца, а можа, у службу куды придяліитца! А Малъ Малышокъ говорить: вы ѣдьтя, а я не поѣду: батька изъ маткой старэя—хто ихъ прихоѣаеть безо насъ!—Ну, ты сабѣ оставайся! Тольки жъ ты насъ не догонишъ тогды!—Догоню, и дорогу найду! Узяли яны и поѣхали. Малъ Малышокъ застався дома.

Церазъ годъ батька померъ, пухувавъ ёнъ батьку, лѣпи якъ протчыя ховають. На другій годъ матка померла. Малъ Малышокъ матку щѐ лѣпшы пухувавъ. Останьня—гэто прикладины—отправивъ пу батьку, пу матцы,

тогды собравъ мужуковъ, спытався ў ихъ: «можа хто найдетца на моё хозяйство подъ арэнду, годовъ на нѣскульки? Пріѣду, дакъ возьму, а не пріѣду—дакъ соўсимъ ня трэба мнѣ ничого!» Дворъ гэтый бывъ лѣпи паньскаго. Мужуки ня 'динъ не ўзявся, за тоя, што вяликій дворъ бывъ. Ёнъ гукнувъ пана, отдавъ дворъ пану подъ росписку—арэнды нийкія, абы бъ тольки тэтакій бывъ дворъ, якъ тяперъ. А жарабка свойго годовавъ,—тоя пить и ѣсьти дававъ, што самъ ужывавъ. За тры годы вычывъ яго говорить съ собой, и за тры годы узгодовавъ яго лѣпи братьнихъ. Хлѣбъ продавъ, грошы узявъ, поѣхавъ братовъ догонять.

Браты ѣхали тры годы, а ёнъ догнавъ ихъ у тры мѣсяцы. „Здоровы, братцы?"—Здоровы, Малъ Малышокъ! Якъ жа нашы дома, батька йзъ маткой?—„Батька йзъ маткой въ вѣшнымъ доми, а вамъ на здоровья! Якъ жа вамъ злучалось? Што вы видили: худо ти добро?"—Худа ня видили, а добра було много. Тяперъ ты ѣдь поперäду!

Вотъ якъ поѣхавъ Малъ Малышокъ напѐрадъ, цѣлый день проѣхавъ, ня 'днэй дяревни ня було, тольки лѣсъ да поля. Заходить сонца. Пріѣжжають къ лѣсу, ажны стоить хатка на куриной нозцы и крутитца. „Стой, каеть, хатка, ня крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!" Ина стала. Выйшовъ ёнъ у хатку, ажны ляжыть Баба-Юга косьтяная нога, ляжыть на полу, ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату: „Здрастуй, Баба Юга, косьтяная нога!"—Добрыдень, здоровъ, Малъ Малышокъ! Куды ѣдешъ, куды путь держышъ?—„Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа куды у службу придялитца!"—А ти много васъ ёсь? баба спрашуеть.—Тритцать одинъ!—Ну, шкода! У мяне ёсь дватцать девять дочокъ, пожанилися бъ! Ѣдьтя дальшы, у моё сястры повинно быть!.. Пошовъ ёнъ съ хаты, сѣли и поѣхали. Ѣхали, ѣхали, проѣхали часовъ десять, пріѣхали еще къ хати, такжа само—стоить на куриной нозѣ и крутитца. „Стой, каеть, хата, ня крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!" Яна перавярнулася. Увышовъ Малъ Малышокъ у хату, видить—опять ляжыть Баба Юга косьтяная нога, ляжыть на полу, ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату: „Здрастуй, Баба Юга, косьтяная нога!"—Добрыдень, здоровъ, Малъ Малышокъ! куды путь держышъ?—„Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа куды у службу придялитца!"—А ти много васъ ёсь? баба спрашуеть!—Тритцать одинъ!—Ну, шкода!—у мяне тритцать дочокъ,—однэй не хватаеть; а то бъ пожанилися бъ! Ѣдьтя дальшы,—у моёй сястры ёсь! Поѣхали дальшы. Теразъ малое урэмя пріѣхали къ хати—стоить на куриной нозцы и крутитца. «Стой, каеть, хата, не крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!» Увышовъ Малъ Малышокъ у хату, видить, опять ляжыть Баба Юга косьтяная нога, ляжыть на полу,

ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату. «Здрастуй, Баба Юга косьтяная нога!» Добрый вечаръ, здоровъ, Малъ Малышокъ! Куды ѣдешъ, куды путь держышъ?—«Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа гдѣ у службу придялитца! Ну добро, што васъ Богъ принёсъ! у мяне тритцать одна дочка, будемъ свадьбу гулять! Заѣжжайтя на дворъ, распорадитя конёвъ. Я завялю дать овса и сѣна! Яны заѣхали на дворъ, распорадили конёвъ, овса-сѣна наготовлено *було*. Зайшли усѣ у хату; дала имъ выпить и закусить; зазвала своихъ дочокъ. Пришли яе дочки, гэтакія красавицы, што лѣпшыхъ шукать ня трэба. „Ну, каеть, зятьки мое: выбирайтя сабѣ, который котору хочыть!» Ну, яны узяли каждый по днэй. Тогды яна кажыть: «ну, кладитеся спать, а заутра будемъ свадьбу гулять!» Узяли, лягли спать. Малъ Малышокъ вышовъ къ свойму жарабку, ёнъ яму и кажыть: «Малъ Малышокъ! думаешъ жанитца, а приходитца съ сьвѣту збытца!»—За што такъ?—«Гэта вѣдьма порэжыть васъ! Якъ ляжытя спать, возьми, шапки имъ понадивай на головы, а братамъ платки позавязувай, и самъ сабѣ такъ зьдѣлай! Ина уноччы устанеть, у яе ёсь мечъ-самосѣчъ, пусьтить по тыхъ головахъ, которы у шапкахъ. А ты ня сьпи и гляди, дѣ ина будеть мечъ брать. Якъ мечъ пяройдеть по головахъ, тогды утякайтя!» Лягли яны спать, а Малъ Малышокъ не заснувъ. Якъ яны заснули, тогды ёнъ узявъ, шапки понадивавъ дѣвкамъ, а платки позавязувавъ малцамъ. Устала баба, носомъ понюхала, ладно послухала,—спять уси! Пошла на полати, узила мечъ-самосѣчъ, приказала яму: иди по тыхъ головахъ, потсякай, которыя у шапкахъ! Мечъ-самосѣчъ пошовъ потсякавъ головы. А баба каеть: у день прибяру! Баба заснула. Малъ Малышокъ узбудивъ братовъ, тихынько съ хаты вышли, и кажыть имъ: поѣдемъ! А яны кажуть: а жанитца жъ? А ёнъ кажыть имъ: молитя Бога, што не пошли на тэй сьвѣтъ за гэтыхъ дѣвокъ.

Поѣхали дальшы. Отъѣхали вёрстъ триста, прочнулася баба. Оглѣдила, што дочки посѣчаны, ну, кажыть—Малъ Малышокъ хитёръ! хитрый! Ды ня утёкъ, догоню!» Буль у яе тры козлы на стайни; узила козла, сѣла вѐрхомъ, стала зялѣзнымъ тувкачомъ погонять, Малъ Малышка догонять! Не дала отъѣхать трыста вёрстъ, догнала за тры часы. «Э, каеть, Малъ Малышокъ: ня утекъ отъ мяне. Давай изь имъ битца. Билися, билися, тры часы. Малъ Малышокъ забивъ яе козла.

Тогда яна пошла назадъ пяшкомъ, а Малъ Малышку сказала: «будешъ ты самъ у моихъ рукахъ!»—Ну, тогды тоя и будеть.

Проѣхали яны сьвѣтъ,—што назадъ ворочатпа? Придялилися у царство, на службу. Царъ у ихъ распытався: откуль яны, якѐя? Яны яму расказали, и вѣрно служыть стали. Малъ Малышокъ надъ братамы зьдѣ-

лався ляхвѐторомъ. Ёнъ ставъ надъ имы командувать. Имъ стало жалко, што меньшый большымы командуеть. Пошли къ цару, сказали, што за тры̆девять зямель, у тры̆девятомъ царствьи, ёсь баба, а у тэй бабы ёсь мечъ самосѣкъ,—ёнъ самъ рубить, самъ сячеть и головы умѣсто клӑдеть. Нашъ Малъ Малышокъ можэть достать яго! Царъ призвавъ Малъ Малышка, кажыть яму: «а ти правда гэто, што за тры̆девять зямель, у ̆десятомъ царствьи, ёсь баба, а у тэй бабы ёсь мечъ самосѣчъ, самъ рубить, самъ сячеть и головы у мѣсто клӑдеть? Кабъ ты мнѣ яго доставъ!» —Ёсь то ёнъ, ёсь, а достать ня можно!—«Ну, ня 'тказъ, а то отсяку голову сичасъ!»—Дайтя строку часы на тры подумать, якъ зь̆дѣлать! Пошовъ къ жарабку на конюшню, начавъ тужыть, што дрэнно стало жыть. У яго жарабокъ пытаетца: «чаго, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ тэй мечъ-самосѣчъ достать! «Ну, гэто, кажыть, ня служба, а служба-службочкой будеть! Молися Богу, ложысь спать!» Пошовъ ёнъ къ цару объясьнився, што привязэть мечъ. Помолився Богу, лёгъ спать. Назаутраго уставъ, помывся, Богу помолився, сѣвъ на жарабка, и къ баби покативъ. Пріѣхавъ саму повночь. Яму жарабокъ кажыть: ти вйдивъ жа ты, ̆дѣ мѐчъ?»—Вйдивъ!—«Иди, бяры тихынько, кабъ ина не почула,—ина тяперъ сьпить. Скорынько назадъ утекай!» Ёнъ пошовъ, узявъ мечъ-самосѣчъ на полатяхъ, тихынько вышовъ съ хаты. Сѣвъ и поѣхавъ. Устала баба, якъ стало видно. Спознала, што у яе нѣхто бывъ. Оглѣ̆дилася, ажъ меча нема. Яна узнала, што Малый Малышокъ. Вышла, сѣла на козла, тувкачъ у руки узила, сѣла на козла, тувкачомъ погоняеть, удругъ Малышку догоняеть. Кажыть яму: тяперъ зъ моихъ рукъ ня ушовъ! Стали битца. Бибися, билися, Малъ Малышокъ зьбивъ козла. Пошла баба назадъ, говоручы: што щѐ будешъ у моихъ рукахъ!—Ну, тогды тоя будеть! Привёзъ Малъ Малышокъ мечъ-самосѣчъ цару. Царъ яго за гэто нагоро̆дивъ вышшымъ чыномъ, ундаръ-охвицэромъ.

Братомъ большы стало завидно. Пошли узнова къ цару, говоруть: што отъ, тамъ и тамъ, у тэй самой бабы ёсь гусьли-самогулы: самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни пяють, якъ тольки ихъ потисьнешъ! Малъ Малышокъ можэть доставить!» Призаваеть царъ Малаго Малышка, пытаетца: «ти правда гэто, што ёсь у тэй самэй бабы гусьли-самогулы, што самы играють, самы скачуть, самы пѣсьни пяють?»—Ня вѣдую, ваша царськое вяличество!—«Ня 'тказъ, а кабъ разузнавъ, а то отсяку голову у часъ!..» —Буду шукать! Пришовъ къ жарабцу и ставъ тужыть, што узнова стало худо на сьвѣти жыть. «Объ чомъ ты такъ засмутився?» гэто жарабецъ пытаетца.—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ отъ тэй-самэй бабы достать гусьли самогулы: самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни пяють, якъ тольки ихъ потисьнешъ! Да не вѣдую, ти ёсь!—«Ёсь, говорить, до-

станемъ! жарабецъ отвящая яму: «Садися поскорэй, держысь покрапчэй —мы якъ сигнёмъ, сичасъ къ баби присьтигнёмъ.

Пріѣхали къ баби. Ёнъ и сказуетъ: «ступай у хату; якъ у хату увойдешъ на правой руцэ, на полатяхъ, лежатъ гусьли. Тольки тихынько бяры, кабъ яны не зайграли. Баба почуетъ, яна тябе убъетъ. Яна тяперъ вышла нѣкуды на малое ўрэмя!» Пошовъ ёнъ у хату, увышовъ направо на полатки, узявъ гусьли у своѐ лапки, вышовъ, сѣвъ и запѣвъ. Жарабецъ говоритъ: мовчы, баба убъѐтъ! Поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ти много— ти мало, покуль баба разузнала, што гусьлявъ нема. Узилá третьтиго козла, жалѣзный товкачъ,—нў погонятъ, Малышку догонятъ. Догнала, начила битца. Бились пуўтора сутокъ. Зьбивъ ёнъ яе козла. Тогды яна заплакала: огорчывъ мяне на вѣкъ! Поѣхавъ Малъ Малышокъ у дворъ привёзъ гусьли-самогулы. Узявъ царъ гусьли самогулы, ставъ ихъ жать, яны стали йгратъ—пѣсьни пѣтъ и плясатъ—што на ўсёмъ царстьви слыхатъ. За гэту службу нагородивъ царъ Малъ Малышка чыномъ хитьхвѣбалямъ.

Братòмъ опять стало пущэй отъ яго. Ставъ ихъ службой натягавать лѣпи,—гэто за гэто за самое, што яны яго выдавали. Отъ нѣякъ то у тòя урэмя злучылося, што сонца на днэмъ мѣсьти тры часы простояло. Пошли братьтя къ цару и сказали, што Малъ Малышокъ можэтъ узнатъ—отчаго. Призаваетъ царъ Малъ Малышка, задаетъ яму службу, кабъ разузнавъ, отчаго сонца на ʻднымъ мѣсьти тры часы простояло. Ёнъ сказуетъ: «нийкъ ня можно!»—Ну, ня ʻтказъ, отрублю голову ўразъ!—«Дайтя слободы часы на тры!»—Хуть и на сутки, можно!

Пришовъ ёнъ къ жарабку, ставъ тужытъ. Яму здалося, што ня придетца большы на сьвѣти жытъ. А жарабецъ у яго пытаетца: «объ чомъ, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ разузнавъ, отчаго сонца на днэмъ мѣсьти тры часы простояло! А жарабецъ яму говоритъ: «гэно ня служба, а служба службочка будетъ! Садись да поѣдемъ!» Сѣвъ ёнъ, поѣхали. Ѣхали, ѣхали сутокъ съ троя. Пріѣхали къ мору, ажно ляжыть празъ мòра чудо юда Рыба-Китъ, по ёй уси ходютъ-ѣзьдютъ. Поѣхали яны по гэтой рыбини, рыба у яго пытаетца:— «куды, Малъ Малышокъ, ѣдешъ?»—Къ сонцу, зачымъ простояло у такоя и такоя урэмя, на ʻдныть мѣсьти тры часы!—«Не забудься, спроси про мяне, што я на ʻднымъ боку три годы ляжу *не зьля* мнѣ перавярнутца: уси по мнѣ ходютъ и ѣзьдютъ. Я табѣ за гэто отслужу!»—Добро, спытаюся! Пераѣхали празъ рыбу, пріѣхали туды, сонца закачуетца куды [1])

---

[1]) **У разсказчика вообще пробивается стихотворческая жилка. Типъ баяна, слагателя пѣсенъ-припѣвокъ, складныхъ поговорокъ, присказокъ и т. п. Встрѣчается довольно часто. На свадьбахъ—столбовой бояринъ.**

Увыйшовъ ёнъ у гэту землянку, ажны тамъ мѣсицъ. Давъ яму здрастуй, Малъ Малышокъ. Мѣсицъ у яго пытаетца: „зачымъ ты, Малъ Малышокъ, сюды забрався?“—Къ сонцу, распросить, отчаго на ‘днымъ мѣсьти тры часы простояло! „Ну, Малъ Малышокъ: натку табѣ шубу, борджэй вывярни, да надивай, за печку полизай—заразъ совнійко прийдеть. Яно тябе спячеть. Ты тамъ слухай, а я буду говорить, покуль яно не такъ станеть жарко!“ Утъ ёнъ гэтакъ и зьдѣлавъ. Пришло сонца, загорэлась уся хата, Малъ Малышокъ спёкся бъ, кабъ шуба не косматa. Братъ сонцу кажыть: „къ табѣ чыловѣкъ прыѣхавъ, пытатца, чаго на ‘днэмъ мѣсьти простояло тры часы?—А дѣ жъ ёнъ? „За печкой!“—Вылизай сюда! Вылизъ, низко сонцу поклонився. Сонца у яго стало пропытувать: зь якого царства, хто? Ёнъ расказавъ. Яно яму сказало: „што ёсь на моры паненка Волынка; яна у золотомъ човни ѣдеть, сама вясломъ грабѐть, саноуправкой прадѐть. Гэтакія красивыя (род. пад) у сьвѣти нема. Я на яе углѣдився и тры часы простоявъ!“ Тогды ёнъ сказавъ про рыбу: «за што покутуеть тры годы на днэмъ боку, ти скоро отпокутуеть?»—«Пущай яна выкархнеть сорокъ кораблей, што проглынула на моры, тогды узнова пойдеть на мора гулять. И кабъ большы гэтаго ня дѣлала!“ Тольки не кажы рыбини, покуль пераѣдешъ, а то яна страханѐтца, тябе утопить!“ Малъ Малышка сонцу низко уклонився, у своё цартство воротився. Пріѣхавъ ёнъ къ рыби, рыба у яго спрашуеть, ти пытався ёнъ празъ яѐ?“—‘Къ пераѣду, тогды скажу!“ Пераѣхавъ, тогды ёй кажыть: ѳтъ, кажыть: выкархни сорокъ кораблей, исъ тымъ, проглынула исъ чимъ! Яна яму сказуеть, кабъ ёнъ якъ можно борджэй отъяжжавъ отъ мора: а то якъ страхануся, дакъ вода зальлѐ! Рыба своѐ грахи отпокутувала, пошла у мора. Малъ Малышокъ прыѣхавъ къ цару. Сказавъ цару, што вотъ сонца отъ того простояло тры часы, што ёсь на моры паненка Волынка; яна у золотомъ човни ѣдеть, сама вясломъ грабѐть, самоуправкой прадѐть. Гэтакія красивыя у сьвѣти нема. Яно на яе углѣдилося и простояло тры часы. Царъ яго за гэто нагородивъ службой яхвицэромъ.

Прожывъ трошки, царь ставъ думать празъ гэтую паненку Волынку, якъ ба яе достать. Уздумавъ Малышку приказать. Призаваеть Малышку, кабъ ёнъ доставъ яму паненку Волынку. Малъ-Малышокъ уздумавъ на рыбу—и кажыть: што подумаю, можа достану? Што рыба, бачъ, яму сказала тогды: што я табѣ отслужу! Пошовъ къ жарабку и ставъ плакать. Жарабокъ спрашыить: «чаго, Малъ-Малышокъ, засмутився?»—Якъ жа не смутитца, царъ щэ службу задавъ! «Якую?»—Кабъ доставъ тую паненку Волынку, што на моры у золотой човни плыветь, вясломъ воду грабеть, самоуправкой прадеть.—«Гэто ня служба, а служба службочка будеть! Ступай къ цару, набяры разныхъ хрухтовъ, и напитковъ и наѣдковъ,

тогды поѣдемъ!» Пошовъ ёнъ къ цару. Сказуеть: «Ваша царское вяличество: не вялитя казьнить, а позвольтя рэчь говорить! Дайтя мнѣ рублей на трыста разныхъ напитковъ—хрухтовъ!» Царъ гэто яму усё выдавъ, што ёнъ спрашувавъ. Забравъ ёнъ уси напитки, пошовъ къ жарабцу, кажыть: усё царъ давъ, што ты казавъ! Жарабокъ яму кажыть: бяры тяперъ балганъ, поѣдемъ къ мору!

Прыѣхали къ мору. Тяперъ пущай мяне на зялёные луга, а самъ будь у балгани за шинкара̀. Убачышъ, будеть ѣхать паненка Волынка тутъ, тогды поменьшы пи, а большы постукавай. Ина заглѣдитца на балганъ, подъѣдеть и будеть пытатца у тябе: коли тутытька ставъ жыть и чымъ занимаесься? Тогды ина будеть у тябе усихъ напитковъ просить, а ты старайся якъ можно, кабъ яѐ зловить! Ну, ёнъ шатёръ расьпявъ коло мора, расклавъ уси своѐ напитки, настоящый бухетъ [1]) устроивъ. Ну, сичасъ жа видить, нѣшто на моры поблискуваеть. Вотъ и ѣдеть прамо, гэтая самая паненка Волынка у золотомъ човни, сама вясломъ грабеть, *само*правкой распрадываеть, ды шатеръ разглядываеть. Подъѣжжаеть къ шатру и распрашуваеть: «што гэто такоя за новое устройство? Скольки я прыѣжжала, ниразу не видала?»—Я тутытька новый, посялився зъ разнамы хрухтамы. У мене ёсь выпить и закусить, усяго того, што кому хочытца. У мене ёсь усяго довольно, и дешавого и дорогого, и сладкаго и пріятныхъ!—«Дайтя мнѣ одинъ стаканьчикъ сладкаго!» Ёнъ ей наливъ стаканьчикъ, кабъ разбирало. Ина вяселцо подала, съ човна: постановъ на вяселцо! Ёнъ постановивъ на вясло. Ина выпила, грошы у стакани назадъ подала. Поѣхала дальшы. Задумався Малъ Малышокъ: што тутъ была и ниякъ узять ня можно! Проѣхала ина трохи, стало у яе у головѣ разбирать. Вярнулась назадъ, кабъ смашнѣйшаго поспытать: «позволь, господинъ шинкаръ! дайка покрэпчаго и солодѣйшаго!» Ёнъ говорить: «радъ старатца ли вашыя милосьси! я зъ гэтаго жыву!» Наливъ стаканьчикъ крапчэйшаго. Яна вяселцо подала съ човна: постановъ на вяселцо! Ёнъ постановивъ, ина къ сабѣ поднесла, выпила и заплатила. Поѣхала опять отъ яго. Проѣхала трохи, зашумѣло у головѣ луччы. Надумала щэ чарку выпить, трэтьтію. Прыѣхала назадъ, спрашуеть у яго: «ти ёсь у васъ крапчэйшыя?»—Ёсь крапчэйшыя! Тольки дорого!—«У мяне грошый хватить!» ина отвящаеть. Ёнъ наливъ стаканъ. Подала ина вяселцо попрежнему. Ёнъ ёй сказуеть:—«прошу васъ, вашыя милосьси,—не прогнѣватца: гэто дужа дорого, вы хмялны трохи,—я тожа, упадеть зъ вяселца, разобъетца разольлетца,—прошу милосьси зъ рукъ узять!» Яна потплыла ближы, протягнула руку, а ёнъ у воднэй рупэ стаканъ дяржыть, а другой рукой яе

[1]) М. Толочинъ при желѣзнодорожной станціи съ буфетомъ.

потхвативъ: будь, милая, тутъ! Свиснувъ на жарабка. Жарабокъ прибѣгъ. Забравъ усё своё къ сабѣ, яе на сябе, на жарабка сѣвъ, и поѣхавъ.

Привёзъ паненку Волынку къ цару. Царъ увидивъ яе, яё красоту, не ўсядѣвъ на своёмъ мѣсьти. Подарывъ яго чыномъ капитаномъ. Пожывъ царъ съ паненкою дня два, задумавъ зь ёй жанитца! Ина сказуеть: «ня ўрэмя мнѣ жанитца! Я у гэтой одежы ня буду жанитца. У мяне ёсь *сандукъ* зялѣзный, трыста пудовъ, у моры ляжыть. Достань сандукъ, я раззодѣнусь, тогды будемъ жанитца!» Ёнъ призвавъ Малъ Малышку: «ёсь у моры, каеть, сандукъ зялѣзный у трыста пудовъ, кабъ яго доставивъ!»—Ни якъ, говорить, ня можно!—«Ня 'тказуватца, а то 'трублю голову у разъ!»—Дайтя ня много подумать!—«Думай, скольки хочышъ!» Отправився ёнъ къ жарабку, ставъ тужыть,—плохо пришло жыть! Жарабокъ у яго пытаетца: «што, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ, кабъ зъ мора доставъ сандукъ жалѣзный у трыста пудовъ!—«Гэто ня служба, служба службишка будеть. Ступай къ цару, нехай дась мечъ-самосѣчъ!» Пошовъ ёнъ къ цару, узявъ мечъ-самосѣчъ. Поѣхали къ мору. Жарабокъ говорить: пущай по малой рыби, по головахъ, мечъ-самосѣчъ! Ёнъ пусьтивъ мечъ-самосѣчъ у мора, и каеть: самой меньшай рыби головы сьсикай и ў одно мѣсто зьбирай! Мечъ и начавъ своё работать. Приплыла къ яму Чудо-Юда: «Малъ Малышокъ, перастань мою силу портить: што табѣ трэба, тоя будеть!»—Ёсь у моры сындукъ трыста пудовъ, жалѣзный, паненки Волынки: мнѣ яго трэба достать! Яна послала рыбу. Оглѣдили гэтый сындукъ сказують: ёсь! Ина каеть Малышку: «отъижжай якъ можно на трыста вёрстъ, я брошу гэтый сындукъ табѣ на руки,—лови яго якъ можно! А коли ня ўловишъ—у землю ўпадеть, тогды сусимъ пропадеть—нихто не достанеть!» Узявъ ёнъ мечъ-самосѣчъ, отскочывъ на трыста вёрстъ, чуеть—грымить и стучыть—сындукъ къ яму лятить. Ёнъ сындукъ споймавъ, сичасъ у цара ставъ. Царъ за гэту службу чыномъ ротнымъ наградивъ.

Тогды царъ сказуеть паненцы Волынцы: будемъ жанитца! Ина сказуеть: чымъ сындукъ отпѐрти?—Ёсь ключы у моры золотэя, пятсотъ пудовъ,—ключы трэба достать! Призвавъ царъ Малъ Малышка, задаеть яму гэту службу. Малъ Малышокъ говорить, што достану,—бязъ спору. Узявъ опять мечъ-самосѣчъ, прыѣхавъ къ мору, пусьтивъ мечъ-самосѣчъ по сярэдьнiй рыбы по головахъ. Приплыла къ яму Чудо-Юда: «што табѣ трэба, Малъ Малышокъ?»—Ёсь у моры ключы отъ того сындука, золотэя, пятсотъ пудовъ. Трэба достать!—«Уними мечъ-самосѣчъ, достанемъ!» Послала рыбу шукать ключовъ. Шукали, шукали, не нашли. Такъ и съ отвѣтомъ пришли: нема ключовъ! Малъ Малышокъ знова мечъ-самосѣчъ пусьтивъ по большэй рыби. Юда-рыба говорить: уними мечъ-самосѣчъ,—разыщымъ ключы! Ина собрала усихъ, которыхъ у води ёсь, по зямлѝ

повзують, жабъ, араковъ—и послала шукать ключовъ. Шукали, шукали —не нашли. Узновъ такъ пришли. Давай ина щытать усихъ, которыя шукали,—уси ёсь, одного арака нема! Ажно повзёть и ракъ. «Нашовъ ключы! говорить: были глыбоко пяскомъ занёшаны!» Сказала рыба Малышку: отъижжай на пятсотъ вёрстъ: я брошу ключэй! Ёнъ отъѣхавъ на пятсотъ вёрстъ, чуеть—шумить и звинить—ключы къ яму летять. Ёнъ схвативъ гэты ключы, притащывъ цару, подавъ ключы. За гэтаю службу вышшымъ чыномъ нагородивъ,—полковникомъ.

Такъ царъ говорить паненцы Волынцы: будемъ жанитца! Ина сказуеть яму: я у твоёмъ суборы ня буду вяньчатца: мнѣ кабъ за 'дну ночъ бывъ выстроеный суборъ за ракой: кирпичина золотая, кирпичина сярэбряная. Мостъ тожъ: мосьничина золотая, мосьничина сярэбраная. Побаполъ кабъ былй насоджданы разные винограды. Якъ будемъ у суборъ ити, кабъ дёравы цвитѣли, а якъ съ субору, кабъ посьпѣли. Кругомъ субора кабъ бывъ вырытъ ровъ дванатцать сажнявъ глыбиной, дванатцать шириной. У суборы кабъ свѣчы горэли, пѣвшыя кабъ пѣли. Наупроти субора кабъ огонь горэвъ, у рови надъ огнёмъ кабъ котёлъ висѣвъ, у котлѣ смола кипѣла. Тогды буду вяньчатца! Призвавъ ёнъ Малъ Малышку, задавъ яму гэту службу.—Ниякъ ня можно гэтой службы сослужыть! Царъ кажыть: хошъ, мнѣ придетца топоръ и плаха, а ты гляди, кабъ была смярòтна рубаха!—Дайтя строку дни на два надуматца, разузнать дѣло. Пошовъ къ жарабцу, ставъ горко плакать. Ставъ у яго жарабокъ спрашувать: «што такъ крэпко заплакавъ, Малъ Малышокъ?»—Якъ жа мнѣ не плакать? придетца съ свѣтомъ расстратца! и съ тобой распрощатца!— «За што такъ?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—А кабъ за одну ночъ бывъ выстроеный суборъ за ракой: кирпичина золотая, кирпичина сярэбраная; мостъ тожъ: мосьничина золотая, мосьничина сярэбраная. Побаполъ кабъ былй насоджданы разные винограды. Якъ будемъ у суборъ ити, кабъ дёравы цвитѣли, а якъ съ субору, кабъ посьпѣли. Кругомъ субора кабъ бывъ вырытъ ровъ, дванатцать сажнявъ глыбиной, дванатцать шириной. У суборы кабъ свѣчы горэли, пѣвшыя кабъ пѣли. Наупроти субора кабъ огонь горэвъ, у рови надъ огнёмъ кабъ котёлъ висѣвъ, у котлѣ смола кипѣла.—«Отъ, ето служба, не службишка,—служба—я не помогу! Тольки табѣ наговору: иди къ паненцы Волынцы; якъ можно яè проси,—можа ина зьмилуетца надъ тобой!»

Пошовъ Малышокъ къ паненцы къ Волынцы! Ставъ яе упрошать, низкамы уклонамы умолять, кабъ гэту службу яму помогла. Ина яму сказала: «Малъ Малышокъ, ня думай: молись Богу, ложыся спать, черазъ ночь будеть готово! Тольки справъ хорошаю мятёлочку, по мосту подметай. И приди, цару объясьни, што готово!» Подякувавъ Малышка паненцы, по-

шовъ на своё мѣсто. Помолився Богу щырымъ сэрцамъ, лёгъ спать. Нискольки не спалося, усё думалося,—якій ужэ сонъ? Ставъ вутрушкомъ рано, вышовъ къ рэцци, усё исправно. Пошовъ къ цару. Ваша вяличество, службу сослужывъ, усе йсправивъ—можно у суборъ итить. Отъ, царъ яго княземъ наградивъ, чыномъ. Узявъ ёнъ мятёлочку, пошовъ къ мосту —дѣ подмятеть, дѣ почисьтить, дѣ вѣточку поправить на дерави.

Разодѣвся царъ съ паненкой Волынкой, пошли у суборъ. Деравы цвитять; у суборы свѣчы горать; пѣвшыя пяють; огонь горыть перадъ субо-ромъ, смола кипить у котлѣ... Пришли къ огню, къ большому котлу. Яна говорить: вамъ напяродъ итти, а я ўслѣдъ за вамы пойду!—гусакъ заўсягды попѐраду идеть, а за собой гўсину вядѣть! Царъ призвавъ Малаго Малышка, пославъ яго попѐради. Малъ Малышокъ, якъ пошовъ, такъ прамо и перайшовъ. За имъ пошовъ царъ—увалився у котёлъ, увесь ёнъ такъ и пожаръ,—увесь, большы ня будеть. За царомъ паненка Волынка якъ перайшла, Малъ Малышка за руку ўзяла, у суборъ увышла, обвиньчались. Оттулитька узнова перашли. Туды ишли деравы цвитѣли. Оттудова идуть,—разные винограды посьпѣли,—а яны ядуть.

Тогды Малъ Малышокъ зьдѣлавъ пиръ на ўвесь православный хрысьянскій миръ. И стали тамъ жыть—пожывать, добра нажывать.

И я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ, по бородѣ тякло, у ротъ не попало. Дали мнѣ оттуль смоляную кобылу ѣхать, рэпъяя сядло̀, горохувую пугу. Ѣду я оттуль, ажъ у мужука токъ горыть. Я пошовъ тушыть,—кобыла отъ огня растала, сядло свиньни зьѣли, пугу вороны расклювали. Тогды я ставъ тургувать кирпичомъ;—застався не причомъ.

М. Старый Толочинъ, орш. у. Отъ кр-на Максима Ѳедосовова, 42 л., малограмотнаго.

32. Трёмъ-сынъ Безыменный.

Нѣ ўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви, не именно у томъ, у которомъ мы живемъ, живъ сабѣ старикъ со старухой. И ў ихъ не было̀ дятей. Посьли, подъ старосьть давъ Богъ имъ, родила старуха сына. Пошли яны за бабою—баба ня йдѣть бабить, удивляетца етому, што баба вѣкъ не роджала, а подъ старосьть родила. Ну баба ета не пошла бабить. Пошли кумовъ звать,—и кумы̀ не пошли хрисьтить. Пошли къ попу,—попъ не ўзявъ хрисьтить. Остаетца етый младенецъ нехращоный. И узросъ ёнъ ужо мальчишка порядошный, ставъ на вулицу ходить. Стали яго мальчишки звать Безымённымъ. Приходить ёнъ домой и говорить своей матери и отцу: матушка, почаму ето мяне зовуть мальчишки Безымённымъ? Мать уздохнула: „мой ты сынокъ! я тябе родила, пошла бабу

звать,—баба не пошла; пошла кумовъ звать,—и кумы не пошли; къ попу понясьли,—и попъ не ставъ хрисьтить!"—Матушка, говорить: сшийтя вы мнѣ свитку и поясъ, купитя и шапочку и чаботы! Тоды яны справили яму, ёнъ одѣвся и прощаетца зь ими, и отправляетца отъ ихъ. Мать заплакала слезно и сказалз: мой сынокъ! подъ старосьть Богъ давъ намъ тябе на потѣху, а ты насъ покидаешъ?

Ну, пошовъ ёнъ путёмъ дорогой и зайшовъ у лѣсъ. Ишовъ лѣсомъ троя судокъ. И найшовъ у лѣси, стоить хатка. У етой хатцы спасалися три пустэльники. Ёнъ приходя къ имъ, уклонився имъ. И стали яны у яго опрашавать: откуда ты, молодый юношъ, и по якой няволи зайшовъ сюды? Ёнъ расказавъ имъ ету обвязнось свою, што ёнъ нехращоный на сьвѣти ёсьть,—што не пошла баба къ яму, кумы не пошли, и попъ не ставъ хрисьтить. Тогды яны яго узяли, охрисьтили, и дали яму имя Трёмъ-сынъ,—усимъ трёмъ пустэльникамъ, значитца.

Ну, стали яго питать и стали яго грамоти учить. Бывъ ёнъ у ихъ у навуцы лѣтъ не меньши десяти. И зьдѣлавйя ёнъ парнюга уже порядошный. Грамоти ёнъ доучився якъ слѣдуеть,—яны яго довучили. Тогды й проситца: отцы моѐ родимые, говорить: пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать!—Хорошо, Трёмъ-сынъ,—мы тябе пусьтимъ, коли не будешъ на чужое доброе завйсенъ. Тогды занясьли яму напярёдъ, куды ёнъ будеть ѣхать, три клунки серебра, и дали яму коня не сѣдланаго и не муздàнаго—занясьли серябро и посыпали. Ёнъ и поѣхавъ.

Доѣхавъ ёнъ до первыя клунки и сичасъ давай у карманы набирать етаго серебра. А яны глидять. Яны, усмотря ето, и говорють: нѣ, Трёмъ-сынъ, воротись ка назадъ, не пора табѣ отъ насъ отъѣжжать, ящѐ ты зàвисенъ на чужое добро! Тогды ёнъ опять служивъ у ихъ годъ. Годъ вышовши, опять проситца у вотцовъ: „отцы мое родимые, отцы мое милосэрные, пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать! Яны опять: хорошо, Трёмъ-сынъ,—мы тябе пусьтимъ, коли не будешъ на чужое добро завйсенъ! Тяперь занясьли опять три клунки золота и дали яму коня несѣдланаго и немузданаго. Ёнъ доѣхавъ до первыя клунки и сичасъ давай у карманы набирать етаго серебра. А яны глидять. А яны, смотрють усё. Тяперь яны опять: „воротись, Трёмъ-сынъ, назадъ: не пора ще табѣ отъ насъ отъѣжжать. Ёнъ воротився, опять годъ у ихъ служивъ. Отслужомши годъ, опять проситца такъ жа: отцы моѐ родимые, отцы мое милосэрные! Пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать! Тогды яны дали яму коня—засидлали и замуздали. И занясьли три ношки ружъявъ, и повѣсили на древи. Доѣжжая ёнъ до етыхъ ружъявъ, облюбовавъ сабѣ одно ружжо, и узявъ сабѣ тольки одно, и поѣхавъ зъ ружжомъ зь естымъ. Яны скричали на яго: „Трёмъ-сынъ! воротись назадъ, отъ, мы тябе тяперь пусь-

тимъ, благословимъ!“ Ёнъ вярнувсь. Благословили яго, ну и сказують яму: „будешъ ты ѣхать черезъ етый лѣсъ, троя судокъ будешъ ѣхать, и выѣдешъ ты изь естаго лѣсу подъ столишный городъ,—такъ ба, якъ потъ Питирбурхъ. И будеть тамъ большая гора и на горѣ на етой будеть Жаръ-птица. Ты разъ разгонься на коні, ня уловишъ яё. Тогды и другей разъ, и тожа ня уловишъ. А у третьтій разъ ты скокнёшъ, и ухватишъ Жаръ-птицу за хвостъ и вырвешъ три пера. И положъ ихъ ты сабѣ у карманъ. А коня пусьти у заповѣдные луги, у скрытные. А самъ иди у городъ, и появися къ царю. У царя коросьливыя лошади. Ёнъ уже искавъ, искавъ лекарей,—нихто ня можеть вывесьти етыя коросты. И ты возьмися етыхъ коней лячить. Ну и тольки, говорють,—зарёю вячернею и вутреньнею етыми перушками потри ихъ,—изьдѣлаютца кони такіе, што любо смотрѣть на ихъ!“ Ну тоды, ёнъ откланився имъ и поѣхавъ. А яны приказали: „икая табѣ будеть поторбча нещасная, ты выйди зъ города и скрикни свойго коня, и ёнъ къ табѣ прибудеть, и ёнъ табѣ будеть совѣтъ давать!“ И поѣхавъ ёнъ.

Ѣхавъ троя судокъ, выѣжжаеть ёнъ къ етой горѣ къ крутой. И летаеть Жаръ-птица. Ёнъ разъ разогнавсь,—не поймавъ. Другей разъ разогнався—не поймавъ. Третьтій разогнався—вырвавъ исъ хвоста три перушки. И пусьтивъ своиго коня у скрытные луга, а самъ пошовъ къ царю у во дворецъ. Докладуютца царю, што вотъ нашовся такой то масьтеръ, што ёнъ можать коросту вылячить зъ лошадей. Призываеть яго царь къ себѣ и опрашаваеть: можашъ ты, братецъ, вылячить?—Могу, ваша нпираторское вяличество! И отправляетца ёнъ на конюшню. Дожадая ёнъ вячернія зари, и узявъ ёнъ етыми пёрушками коній гладить. И сичасъ короста ета облѣзла и зьдѣлались кони, што любо глядѣть. И опять, дождавши вутреньнія, тожа такъ зьдѣлавъ. Докладывають царю кучары, которые при ёмъ служили упярёдъ: ваша нпираторское вяличество, вы тяперь вашихъ коней не увознаетя! Царь ня могъ утярпѣть, пошовъ смотрѣть. Поглядѣвъ на коній, и узрадовався. И призывая Трёмъ-сына къ сабѣ и спрашавая: Трёмъ-сынъ! чимъ мнѣ тябе за ето наградить и пожаловать? Ёнъ сказуя: ваша нпираторское вяличество! ничаво я не хочу вашаго жалованьня и награды, а буду служить при вашай конюшни! Царь тяперя призывая усихъ кучарёвъ своихъ, которые яму прежде служили и приказуя имъ, штобъ яны яму повиновались и слушали яго: а если ня будуть, то катай ихъ, якъ самъ знаешъ!

И етыя кучары обидѣлись за ето, што можа который служивъ годовъ по дватцать пять, а ёнъ сягодьни поступивъ,—ихъ яму подъ начальство итить. Ну, теперича и стали радитца мижда собою: якую бъ яму подвѐсьти штуку, штобъ яго исъ свѣту збавить? И пошли яны яго караулить,

чимъ ёнъ етыхъ коней лѣчитъ. И не спали яны усеѐ ночь. Дождалися яны зари; Трёмъ-сынъ сичасъ вынимая еты три пёрушки и ставъ коней гладить. И ўся конюшня загорѣлася якъ отъ огня—ясно зьдѣлалось. Тогды, якъ царь уставъ, такъ ины пошли къ яму. „Ваша царьское вячество, говорють: Трёмъ сынъ не своею, говоритъ, силою лѣчивъ коней! Якъ ёнъ вынивъ три пёрушки нѣйкихъ, дыкъ мы думали што ўся конюшня загоритца!“ Царь призвавъ тяперь Трёмъ-сына къ сабѣ и спрашуя у яго: „Трёмъ-сынъ, што—чимъ ты лячивъ коней?“—Ёсьть у мяне зъ Жаръ-птицы три перушки!—„Ну, и ступай! Чимъ лѣчивъ, тымъ и лячи!“ Тогды яны опять обдумалися - пойдемъ, скажемъ царю, што ёнъ пьяный пришовши, хвалився, што—я могу Жаръ-птицу достать, говоритъ;—тоё, съ которыя пёрушки вырвавъ. Призывая яго царь къ сабѣ и говоритъ яму: Трёмъ-сынъ, ты ўчера пьяный пришовъ и хвалився, што могу Жаръ-птицу достать? говоритъ. Тогды ёнъ говоритъ: не могу, ваша царьское величество! Якъ жа можно достать? говоритъ. На 'твѣтъ сказуя царь: „если ты не достанешъ мнѣ Жаръ-птицы,—моя мечь, твоя голова будетъ съ плечъ!“ Трёмъ сынъ тогды заплакавъ и пошовъ зъ города вонъ.

И скричавъ своёго добраго коня: „конь мой милый, конь мой любый! а дѣ бъ ты бывъ, штобъ ко мнѣ прибывъ!“ Бягить къ яму конь, и бягитъ и ржетъ. И припавъ на колѣнкахъ перадъ имъ. „И што, говоритъ, Трёмъ-сынъ—табѣ бѣда?“—Бѣда, говоритъ, конь добрый мой! Загадавъ мнѣ царь загадку,—не знаю, якъ яе й перетерпѣть! Конь ему сказавъ: „не робѣй, Трёмъ-сынъ! ето не бѣда, а бѣда ще ўся уперядѣ! Скажи царю, штобъ ёнъ зьдѣлавъ етакіе напитки, составивъ, штобъ одно одного сладжѣй было и пьянѣй. И нехай ёнъ табѣ дасьтъ винчалную скатерсьть, которая на столѣ была, якъ ёнъ винчався. И нехай скуетъ три пруты жалѣзныхъ: одинъ сабѣ прутъ возьми, другій кучеру, а третьтій хвалетору. И карету нехай запригутъ самую первѣйшую. И поѣжжай туды къ горѣ къ той. Тамъ стоитъ дубъ. И на дуби ина тамъ ночуетъ. И ты пріѣдь и расьтели ету скатерсьть подъ дубомъ, и поставъ етыя напитки усѣ, и поткрый ихъ! Тогды кучары нехай отъѣдутъ оттудова, и самъ ляжъ у скрытномъ мѣсьти и ляжи до ўремя. Ина якъ устанетъ, такъ и злятитъ на ету скатертъ и станетъ етыя напитки кушать. И зьдѣлаетца ина пьяна, и тутъ жа ина перевалитца, ляжитъ, лежатъ будетъ. Тогды ты приходи, и бяри яе у лѣвую руку и згарнувай скатертъ ету и забирай кубки и няси ў карету. И поѣжжай пошибчѣй—кучера по плечахъ сьтегай прутомъ, а кучеръ нехай лошадей стегаетъ; и хвалетора также. И будетъ ина скидаватца зміёю тамъ и усякой гадосьтю—жабой, яширкой, мышшу, ну ты яѐ не пускай, у рукахъ, говоритъ, дяржи ды й дяржи!“

Ну, ёнъ такъ и сказавъ царю. Царь етыя составы усѣ составивъ и придоставку яму давъ, якъ слѣдуетъ, повную. И поѣхавъ ёнъ подъ дуба подъ етаго. И разославъ скатерть ету, и поставивъ етыя кубки зъ наливками. И самъ отышовъ въ водаль лёгъ, и кучаровъ отогнавъ оттуль, штобъ ина не видала ихъ. Тогды ина дождавшись зари и злетаетъ ина зъ дуба, увидивши етую скатерть и наливки—кубки етыя стоятъ. И подлягѣла сичасъ къ кубкамъ къ етымъ, и стала кушать напитки етыя. И зьдѣлалась ина пьяна, и сичасъ жа на скатерсьть на ету брыкъ! и завалилась. Тогды подбѣгаетъ Трёмъ-сынъ, и бяретъ яѐ у лѣвую руку, и скрычавъ кучаровъ, штобъ подъѣжжавъ сюды поскорѣй! Тогды згарнувши скатерсьть и кубки етыя, и у карету кладетъ. И самъ зь ёю садитца, зъ Жаръ-птицай. И зачавъ сьтегать кучара прутомъ жалѣзнымъ, а кучаръ лошадей, а хвалеторъ тожа лошадей.

А зь яе хмель сичасъ вышовъ, ина стала скідаватца усякой гадосьтю. А ёнъ держитъ у рукахъ, не пускаетъ,—не 'бробѣвъ. Ина изновъ стала Жаръ птицай, якъ была на своёмъ мѣсьти. Привозютъ яны яе у царьскій домъ. Подаетъ ёнъ яе царю—и дайжа увесь дворецъ засьявъ. Тогды царь спрашуя у яго: «чимъ тябе жаловать за ето, Трёмъ сынъ?»—Ничого не хочу, ваша царьское вяличество—опять иду служить при своей должносьти, опять на конюшню! Ну, царь дужа доволенъ остався Трёмъ сыномъ. И говоритъ: «гляди жъ ты за кучарами хорошенько, катай ихъ моей рукою!»

Ну, ёнъ пошовъ по конюшни, идѣ непорядки найдетъ, положитъ кучера да штукъ пятьдесятъ—шестьдесятъ закотитъ: знайтя! вы мнѣ находитя дорогу, и я вамъ найду! Ну, тяперича, собрались еты кучары, и говорютъ: ёнъ насъ прогонитъ, прідетца ити прочь отъ яго.

На етый случай, зьдѣлалось, три дни и три ночи было затменія. И отгадовавъ царь, и находивъ такихъ людей, и по книгахъ шукавъ,—отчаго бъ ето три дни и три ночи затменія было? Кучары етыя опять собравшися—пойдемъ, говоритъ, заутра къ царю, и скажемъ, што ёнъ пришовъ пьяный и хвалився, што нихто не можетъ узнать, отчаго затменія было, три дни и три ночи,—ни царь, нихто, а я, говоритъ, могу узнать! Пошли яны къ царю: ваша царськое вяличество! учера пришовъ Трёмъ-сынъ, пьяный и говоритъ: што вотъ, нашъ царь не могъ узнать, отчаго три дни и три ночи затменія было, а я, говоритъ, могу узнать!.. Призываетъ яго царь: „Трёмъ-сынъ! што ты учера пьяный говоривъ?"—Ничого не говоривъ, ваша царськое вяличество.—А ты, говоритъ, говоривъ, што могу узнать, отчаго три дня и три ночи затменія было!—Якъ жа можно, говоритъ, ваша царськое вяличество, узнать божжаю луну?—Нѣ, Трёмъ сынъ! если ты не увознаешъ, то моя мечь, а твоя голова доловъ съ плечъ!

Пошовъ Трёмъ-сынъ, заплакавши опять изъ города вонь. Искричавъ своиго добраго коня: «Конь мой милый: адѣ бъ ты бывъ, коли бъ ко мнѣ прибывъ!» Конь бяжить, копытомъ зямлю бьѣтъ:—а што, говорить, Трёмъ сынъ?—табѣ бѣда?—Бѣда, говорить, конь мой милый!—«Не тужи, говорить, Трёмъ сынъ! ето не бѣда, бѣда ящо уперядѣ будеть! Скажи царю, нехай табѣ клубокъ ссучить у три нитки: нитка золотая, нитка серебряная и шавковая. И пусьти етый клубокъ, будеть ёнъ катитца уперяди, и ты усьлѣдъ иди! И ёнъ покотитца къ сонцавой матки. И тамъ ты увознаешъ, отчаго три дни и три ночи затменія было!»

Царь яму, ня довго думаючи, ссучивъ клубокъ етый. И вышовъ ёнъ за городъ, и пусьтивъ клубокъ етый. И покатився етый клубокъ, и ёнъ усьлѣдъ за нимъ идеть. Котитца етый клубокъ, стоять два колодезя изъ водою, обоя повны. И ли колодезей стоить старуха зъ вядромъ: и съ одного бяреть, у другей ильлеть, и у томъ не прибавляетца, и у томъ не убавляетца—и обое повны. Ёнъ приходя къ ёй: помогай Божа табѣ, старушка!—Спасибо! Куды тябе Господь нясеть, Трёмъ-сынь? «А йду, говорить, къ сонцавой мати спрашавать—чаго три дни и три ночи затменія было! —Помянись, говорить, Трёмъ-сынъ, и объ мою душу, говорить. Покуль ба мнѣ етыя колодези переливать?—Хорошо, говорить

Прикачуетца опять—бьютца воронъ изъ выдрами. Кровъ зь ихъ плувеѣтъ. Ёнъ потходя къ имъ, говоря: „помогай Богъ!“—Куды тябе Богъ нясеть, Трёмъ-сынъ?—А йду, говорить, къ сонцавой мати спрашувать, отчаго три дни и три ночи затменія было!—Помянися, говорють, и объ нашу душу--докуля намъ битца?—Позабивалися, говорють, до полусмерти, нема знать, за што!—Хорошо, говорить. Теперь покатився клубочикъ и прикачуетца,--стоить тынъ. И старикъ бѣгаеть коло яго—одну сторону подниметь—другая валитца; ёнъ тую подниметь—тая валитца! Бѣгая съ одного боку на другей и не поставить ниякимъ родомъ! Помогай Богъ, старичокъ!--Здоровъ, здоровъ, Трёмъ-сынъ! куды тябе Богъ нясеть, говорить. А йду говорить, къ сонцавой матки, отчаго три дни и три ночи затменія было!—Помянись, говорить, Трёмъ-сынъ, и объ мою душу: докуль ба мнѣ етый тынъ поднимать?—Хорошо, говорить, помянусь.

Покатився клубочикъ етый опять. Прикачуетца ёнъ у дяревню. И бѣгаеть мужикъ по дяревни, и саджаеть кулами у вокны—у одные торканеть у вокно, ды къ другей побяжить, у другей торканеть, къ третьтей побяжить. Бѣгаеть ды й усё. Тоды ёнъ говорить: Помогай Богъ табѣ!—Здорово, здорово, Трёмъ сынъ! куды тябе Господь нясеть?—А иду къ сонцавой матки, чаго затменія было? Помянись, говорить, тамъ объ мою душу, докуля бъ кулаки ето мнѣ саджать у вокны?—Хорошо, говорить, по-

мянусь. Покатився клубочикъ етый опять. Прикачуетца ёнъ къ морю. Терязъ моря ляжить китъ рыба, и по ей дайжа колявины выбиты, ѣдучи на колёсахъ. Помогай Богъ табѣ, китъ рыба!—Здорово, здорово, Трёмъ сынъ. Куды тябе Богъ нясеть?—А къ сонцавой матки, чаго затменія было? Помянись тамъ объ мою душу, покуля бъ мнѣ тутъ лежать? хуть ба Господь мнѣ позволивъ другимъ бокомъ поворотитца!—Хорошо, говорить, помянусь... Перекатився ёнъ терязъ моря, и покатився ёнъ у дубникъ— бывъ дубникъ силный тамъ—лѣсъ дубовый.

И прикачуетца—у лясу у томъ стоить хатка. И ина уся—стѣны побпалены, побсмалены. Укачуетца у хату клубочикъ, и ёнъ услѣдъ за имъ. Стрѣчаеть яго сонцава матка, старушка, и спрашуя яго: Трёмъ сынъ! ти по хоти ты, ти по няволи идешъ?—Мать, говорить, старушка: не такъ я по хоти, якъ по няволи!—хочу, говорить, свою душу спасьти отъ нахалныя отъ смерти! Расказавъ свою обиду: «повялѣвъ мнѣ царь увознать: отчаго три дня и три ночи затменія было? А не узнаю, дыкъ царській мечь, а моя будеть голова съ плечъ!» Тоды ина яго попоила и покормила, дала яму ѣсьть и напитца, якъ слѣдуеть. На ночь ина яго завярнула у дванатцать кожъ. И положила яго у скрыню у большую. И расказавъ ёнъ ёй уси етыя продухты: вотъ, матушка старушка! якъ ишовъ я сюды, и прикатився мой клубочикъ къ колодезямъ. И стоить тамъ старушка зъ вядромъ, и переливаеть воду изъ одного колодезя у другей, и обоя повны. А тогды прикатився клубочикъ—бьютца вороны зъ выдрами, ажъ кровъ плуветь. А тогды бѣгая старикъ коло тыну, и ни якъ яго не поставя; а другей бѣгая по дяревни и кулаки торкая у вокны. А тогды прикатився клубочикъ къ морю. И ляжить китъ-рыба терязъ моря, и по ёй дайжа колявины выбиты отъ ободьдявъ. И просили яны спомянуть ихъ души, поколь имъ еты муки тярпѣть?

Ну, ина ето выслухала, увярнула яго у дванатцать кожъ, и положила яго у скрыню. И послала сабѣ посьтель на скрыни, и говорить: слухай, тутъ я буду у сына опрашавать! Я сама яго сяньни дожадаю на ночь, —яго три дни дома не было. Тяперь, якъ совнушка заходить, стала хата лопать—тресь-тресь! тресь-тресь! Ускакуеть ёнъ у хату: здрастуй, матушка моя!—Здоровъ, мой сынокъ. А йдѣ тябе Господь носить?—Ахъ, матушка, не спрашавайтя мяне! А я у досади у большой! говорить. Дала яму вячерить. Ёнъ повячеривъ, и лягли спать на етый скрыни. Тогда мать ета нямножко полежала, 'другъ и здрыгнулася, испужалася бытто. Сонца опрашуя: чаго вы, матушка, ето спужалися такъ?—Мой сынокъ! видила я уво снѣ, што три дни и три ночи затменія было. Почаму ето такъ?—Матушка, говорить, вы не знаетя моѐ досады: ёсьть у мори Прекрасная Настасья. Я хотѣвъ моря выпалить и за сябе Прекрасную На-

стасью узять, у супружаство сабѣ. ʻКъ я моря троя сутокъ паливъ. И не выпаливъ, и Прекрасную Настасью не ўзявъ!..

Опять, полежавши, мать опять здрыгнулася. Опять ёнъ спрашуя: матушка, чаго вы ето пужаетеся?—Увидила уво снѣ, мой сынокъ: кажетца, терязъ моря ляжить Китъ-рыба; по ёй колявины выбиты. И ина ляжить и не шавельнѣтца.—А вотъ, матушка, говорить: ина много людей проглынула, поѣла, дайжа корабли поѣла. Колибъ ина̀ выхаркнула хуть третьтію часьть, ёй ба Богъ гряховъ отпусьтивъ ба!.. Опять матушка полежала опять здрыгнулася. Сонца спрашуя: матушка, чаго вы такъ сягоньни пужаетеся?—Мои сынокъ! видила я уво снѣ: старикъ бѣгая, говорить, по дяревни, саджаетъ руки у вокны.—Оттого, матушка, говорить сонца, што люди у яго прослилися на ночь, а ёнъ не пусьтить. Церезъ ето много люди рукъ и ногъ потмара̀жавали. Коли ёнъ покаетца, Богъ грями яму отпусьтя. Опять мать полежала, здрыганулася.—Чаго вы матушка?—Ахъ, мой сынокъ! видила я уво снѣ: кажетца, вороны зъ выдрами бьютца, ажъ кровъ плуветъ. За што имъ ето такъ?—Оттого, говорить, матушка, што ня слѣдуетъ двѣ пары кумовъ брать на ʻдного рябёнка,—а то яны за хресьника дярутца: тэй къ сабѣ тянетъ, а тэй къ сабѣ! Нехай яны покаютца, Богъ гряховъ имъ отпусьтить!

Опять матушка здрыганулася, полежавши. Ахъ, мой сынокъ! видила я, што старикъ тынъ держить, и ниякъ не удержить. Отчаго ето?—Оттого, говорить, матушка, што на етомъ сьвѣти ёнъ казавъ: абы якъ нибудь тутъ прожить, а на томъ сьвѣти хоть тынъ потпирать! А того не знаетъ, якъ яго потпирать. Нехай покаетца, Богъ яго гряховъ просьтить. Опять мать здрыганулася. Ахъ, мой сынокъ: видила я уво снѣ, што баба воду изъ колодезя у колодезь переливаетъ, и обоя повны. Отчаго ето?—А вотъ отчаго, говорить—матушка: люди хлебали водичку, а ина ѣла молочко. У чужихъ коровокъ отбирала. Каба ина покаилася, Богъ ба гряховъ отпусьтивъ ба!

Ну, поговоривши и заснули. Тогды, якъ совнушка усходить, и сичасъ распрощався зъ маткой и пошовъ: прощай, матушка! Тогда ина отпираетъ скрыню ету и вапущаетъ яго вонъ, съ кожъ выворачуваетъ. И опрашуя яго: ну, слыхавъ ты, Трёмъ-сынъ?—Слыхавъ, говорить. И пошовъ ёнъ, отправився. Распрощався, поблагодаривъ ёй за хлѣбъ-соль.

Приходить ёнъ къ китъ-рыби, китъ-рыба спрашуя: ну, што, Трёмъ-сынъ! ти спросивъ ты объ мяне? Тутъ ёнъ говорить: дай, китъ-рыба, перяйду, тогда скажу табѣ! Ну, перяйшовъ и говдря: покайся ты своимъ грѣхамъ, выхаркай хуть третьтію часьть людей и кораблёвъ, што ты проглытила, тогда тябе Господь просьтить грѣхамъ твоимъ! Пошовъ дальши. Приходить ёнъ, адѣ бѣгавъ старикъ подъ-оконьню. Старикъ опять обо-

рочастпа: Здоровъ, здоровъ, Трёмъ сынъ, говорить. Ти помянувся ты объ мою душу?—Помянувъ! говорить. И штобъ ты, говорить, людей пускавъ на ночь, ночавать, тогда тябе Господь простить твоимъ грѣхамъ! Опять пошовъ ёнъ до етыхъ до выдровъ и до вороновъ. А што, Трёмъ сынъ, ти помянувъ нашу душу?—Помянувъ, говорить: Покайтеся своимъ грѣхамъ, говорить, то Богъ просьтить грѣхамъ вашимъ, и прикажитя, кабъ по двѣ пары на дного рябёнка не брать кумовства! Приходить ёнъ икъ тыну къ етому. Старикъ опрашуя опять: Трёмъ сынъ! ти помянувся ты объ мою душу?—Помянувся, говорить. Ну й покайся своимъ грѣхамъ, тябе Господь просьтить. Пошовъ ёнъ до колодеся. Старуси етой говорить, што перестань ты ето дѣлать, молоки отбирать, и покайся своимъ грѣхамъ, тябе Богъ просьтить.

Пошовъ ёнъ до царя. Поивляетца къ царю. Царь изь имъ поздоровкався,—Ну што, Трёмъ сынъ: ти увознавъ ты, отчаго три дни и три ночи затменія было?—Увознавъ, говорить, ваша царськое вяличество: ёсьть у мори Прекрасная Настасья, и хотѣло Сонца моря выпалить и за сябе Прекрасную Настасью узять у супружаство!

И етымъ царь бывъ крѣпко доволенъ и опрашуя: Трёмъ сынъ! чимъ тябе жаловать?—Ничого, ваша царськое вяличество не хочу,—хочу при своей должносьти служить опять. Пошовъ ёнъ на конюшню и поглядѣвъ за порядками, и узявъ етыхъ кучарёвъ опять по свойму заливать имъ. Ну яны опять собралися, опять стали разговоръ мѣть: якъ намъ яму зьдѣлать подкопъ опять? Одинъ говоря: пойдемъ заутря къ царю, братцы, и скажемъ, што ёнъ можеть достать Прекрасную Царевну, которую Сонца не могло узять! Ну, пошли и сказали царю. Царь призавая яго къ сабѣ, Трёмъ сына и спрашуя: што ты учера, Трёмъ сынъ, говоривъ пьяный вечаромъ?—Ничого я не говоривъ, ваша царськое вяличество!—Нѣ, ты, говорить, говоривъ, што я могу достать Прекрасную Настасью, которую и сонца не нялò!—Ваша царськое вяличество! якъ жа можно: коли Божая луна, говорить, не нялà, а я якъ жа могу достать?—Нѣ, можашъ! А если не достанешъ, то моя мечь, а твоя голова будеть съ плечъ!

Пошовъ Трёмъ сынъ заплакавши отъ яго, изъ города вонъ. Пройшовши и скричавъ свойго добраго коня: конь мой милый, адѣ бъ ты бывъ, ко мнѣ прибывъ! Конь бяжить, копытомъ зямлю сячёть: «што, Трёмъ сынъ,—табѣ бѣда?»—Бѣда, говорить, конь мой милый!—«Ето не бѣда, говорить, Трёмъ сынъ, а бѣда ще уперадѣ будеть. Скажи царю свойму, кабъ ёнъ шовковый шатёръ сшивъ, и кабъ ёнъ товару краснаго наклавъ туды, тамъ шалей, платковъ, косьниковъ, стужакъ—разнаго. И нехай дасьть стуловъ нѣскульки штукъ, и карету запряжеть,—шесьтёрка лошадей кабъ была, и кабъ кучаръ бывъ и съ хвалеторомъ. И три прута жалѣзныхъ возьми.

И поѣдешъ ты къ морю и разопнешъ свой шатёръ, и разложишъ товары своѐ тамъ. И кучаровъ отошлешъ вȯдаль у скрытое мѣсто, кабъ ины стали. А самъ сядь у стуло и сиди. Ина у суботу будеть проѣжжать два разы по морю. Одинъ разъ ина проѣдеть—ничого не скажеть, а оттудова поворȯтитца, будеть ѣхать и опросить у тябе: господинъ купецъ, якими ты товарами торгуешъ? Ты ей на ‘твѣтъ скажи: извольтя, Прекрасная Настасья, пріѣхать къ берегу, тоды я зъ вами потолкуюся! Тогда ина пріѣдеть къ берегу, и бяри яе за лотку и сморьгай яе на берегъ. И бяри яе за косы и сячи жалѣзнымъ прутомъ до тыхъ поръ, покуль ина присягнеть, и комъ зямли зьѣсьть,—што я буду твоя, а ты мой! Саджай яе у карету тогда и поѣжжай у царській дворъ, домой яѐ вязи сабѣ!" Тяперь конь распрощався зь имъ: прощай, Трёмъ-сынъ, коли будеть табѣ бѣда, изновъ требовай мяне!

Пошовъ Трёмъ-сынъ къ царю и сказавъ яму ету придоставку приставить усяѐ: зьдѣлать и шатёръ и товаръ набрать, карету и лошадей шасьтёрку, двухъ кучаровъ, усё. И отправився ёнъ у дорогу. Пріѣжжая ёнъ къ морю, снимаеть свой шавковый шатёръ, раскладаеть своѐ разные товары.

Тоды ина ѣдеть у водинъ край, ничого не сказала; проѣхавши, поворотилася назадъ и ‘прашавая у яго: господинъ купецъ, якими товарами торгуешъ?—Извольтя, сударыня, сюды поближе, што я буду кричать тамъ, торгуватца зъ вами! Пріѣжжая ина къ берегу, ухвативъ ёнъ за лотку и вытащивъ яе на берегъ у лотцы. И ȳзявъ яе за косы и узявъ яе прутомъ жалѣзнымъ етымъ похаджавать. И ина отвѣчаеть: „Трёмъ-сынъ, за што ты мяне такъ бьёшъ?"—Я бью тябе за ето,—когда ты мнѣ присягнешъ што будешъ моя супруга, то я тябе не буду бить! Прекрасная Настасья на етомъ была согласна. Дала яму большую клятву, и брала яго за руку, и цалувала яго у вуста. И скричавъ ёнъ своихъ кучаровъ. Кучары пріѣжжають, тогды ёнъ бяреть свой шовковый шатёръ, и складаеть своѐ красные товары, и кладеть ёнъ у карету. И садитца зь ей у карету, и отправився ёнъ икъ царю. Пріѣжжаеть ёнъ уво дворецъ и съ Прекрасной Настасьей. Царь яго стрѣчаеть зъ большимъ довольствіемъ, и узирнувъ на яе красоту и благодаривъ Трёмъ-сына за приставку за яго. И опрашаваеть опять Трёмъ-сына: чимъ тябе наградить?—Не хочу ниякой награды, ваша царськое вяличество: пойду опять при своей должносьти служить!

Поживши царь зь ёй тамъ мало-много, улюбився ёнъ у Прекрасную Настасью. Сичасъ свою жену спотребивъ, вумерла ина, и на ней хочеть у супружество вступить. Царица ета померла и похоронивъ яѐ. Ёнъ зь ёй мѣеть суюзъ, у супружество яе узять. Ина яму на‘твѣтъ: „государь, говорить, милосьливый! коли ёнъ доставивъ мяне,—я, говорить ще дѣвица

несоўсимъ у красѣ—моѐ красы тутъ и половины нема со мной—дыкъ нехай достанеть и мою красоту!» Призавая Трёмъ-сына: «ну, Трёмъ-сынъ: коли ты мяне достававъ, достань жа и мою красоту!" говорить:—„Ступай къ морю и скажи Китъ-рыби, кабъ ина мою скрыню выкинула изъ моря. А ў той скрыни ёсьть вутка, а ў вутцы яйцо—тамъ моё и лицо!" говорить. Трёмъ-сынъ сичасъ отправляетца къ морю. Приходить ёнъ къ Китъ-рыби. „Китъ-рыба, говорить: выкинь скрыню Прекрасной Настасьи зъ моря!" Китъ-рыба отвѣтила яму: Трёмъ-сынъ, говорить, отыйди на семъ вёрстъ отъ моря, а то потонёшъ,—разливъ зьдѣлаю большій! Трёмъ-сынъ отышовъ на семъ вёрстъ отъ моря. Китъ-рыба повярнулася, сичасъ разливъ зьдѣлала на семъ вёрстъ отъ моря. Выкинула ина ету скрыню. Наскочили етыя самыя выдры и разодрали етыя завѣсы, скрыню етую отпёрли. Вутка вырвалася исъ скрыни и полятѣла. А гдѣ ня бывши вороны етыя сичасъ за вуткою. И разорвали ету вутку. Яйцо вывалилось, да й у моря опять. Ёнъ опять къ Китъ-рыби: „Китъ-рыба! яйцо увалилось у моря!" Китъ-рыба приказала раку разыскать яйцо ето. Ракъ етый разыскавъ яйцо и нясеть у своихъ клешняхъ нà берегъ, и подаеть Трёмъ-сыну у руки. Трёмъ-сынъ поблагодаривъ и пошовъ зь естымъ яйцомъ до Прекрасной Настасьи. Тяперь Прекрасная Настасья ето яйцо разьбила,—была красива, ящо покрасивѣла! Царь не налюбуетца на яѐ красоту. И просить яѐ у супружаство, кабъ повѣньчатца. „Нѣ, не пора яще ваша царськое вяличество: ще моѐ немашъ вясёлосьти. Призавая къ сабѣ Трёмъ-сына опять: „иди, Трёмъ-сынъ,—коли умѣвъ достать мяне и мою красоту; достань и мою вясёлосьть. Нà табѣ, говорить, платокъ. Ёсьть у такихъ то мѣстахъ вовкъ. То мой братецъ. И ў яго ёсьть моѐ гусьли самогранныя. И нà табѣ платокъ етый, и возьми съ собою (тыхъ), которые были табѣ злочинцы. Тоды ёнъ станеть дѣлать самогранныя гусьли, ты поставъ сьвятить одного. Ёнъ будеть сьвятить и якъ задремлеть, то ёнъ яго зьѣсьть тогды. Тогды ёнъ у тябе будеть просить: давай сьвятить кого! Ты другого поставъ. И тэй задремлеть—и того зьѣсьть. Ты й третьтяго заставишъ—и того зьѣсьть. Тогды ёнъ заставить тябе сьвятить. И прикажа табѣ: смотри, Трёмъ-сынъ, не дремли, а то я й тябе зьѣмъ! Тогда, коли табѣ задремлетца, дыкъ ты спросися у яго умытца; и скажи такъ, што я ишовъ путёмъ дорогою, позапорошивъ своѐ глаза: промыть мнѣ треба! Тяперь ты якъ помыесься, вынь платочекъ етый и стань утиратца имъ. Тогды ёнъ узнаеть, што йто мой платокъ,—ёнъ табѣ дасьть самогранныя гусьли готовыя!"

Трёмъ-сынъ отправився, узявъ съ собой своихъ злочинцавъ, трёхъ кучаровъ и отправився туды, адѣ ина показавала—находитца яѐ братъ. Приходить ёнъ туды, ёнъ заснувши бывъ. Прошанаетца ёнъ ото сна 'тъ

крѣпкаго и опрашавая: што ты, Трёмъ-сынъ, пришовъ?—Пришовъ я къ вамъ, зьдѣлайтя мнѣ самогранныя гусьли!—А ти ёсьть кому сьвятить, Трёмъ-сынъ?—Ёсьть, говорить. Сыйчасъ ёнъ одного кучара подаеть сьвятить. Тэй сьвятивъ, сьвятивъ—задремавъ. Ёнъ яго *зъѣвъ*. Просить ёнъ другого сьвѣтпа. Ёнъ и другого давъ. И другѣй задремавъ. Ёнъ зѣвъ и яго. Подаеть ёнъ и третьтяго. Ёнъ и того зѣвъ. Тяперь, говорить, Трёмъ-сынъ, становись самъ сьвятить. Ставъ Трёмъ-сынъ сьвятить. До тыхъ поръ сьвятивъ, докуль сильная дремота на яго напала. Тогды ёнъ говорить: «пожалуста, говорить, позвольтя мнѣ глазы промыть! Ишовъ я по дорози, запорошивъ своѐ глазы—пыли набилося!» Вовкъ яму позволивъ помытца. —Ёнъ помывся, тоды ванимая етый платокъ шовковый и ставъ утиратца. Ёнъ узглянувъ на етый платокъ: ахъ, Трёмъ-сынъ! Чаму жъ ты мнѣ не сказавъ? Ето сястрица послала за гусьлями—за самограннами. Я жъ ба давно табѣ готовыя давъ ба, а то ина будеть сярдитца! Ваносить яму самогранныя гусьли готовыя. Узявъ ёнъ гусьли и пошовъ отъ яго, распросьтився зь имъ. Идучи, ёнъ у самогранныя гусьли и зачавъ играть. Идеть старикъ зъ дубинкую. И почувъ ету умилную игру, и ставъ ёнъ плисать. И ёнъ пляшеть и дубинка пляшеть. Потходя, етый старикъ говорить: «ахъ, Трёмъ-сынъ! отдай ты мнѣ етыя гусьли самогласныя!»— А ты мнѣ што даси? Трёмъ-сынъ спрашуеть.—«Дамъ табѣ ету дубинку, говорить. Ина хоть икую силу побьеть! говорить, хоть тутъ дватцать корпусовъ пригонь, дыкъ ина табѣ ихъ и поколотить и помолотить!» Отдавъ Трёмъ-сынъ самогласныя гусьли—узявъ сабѣ дубинку.

Пройшли яны сколько тамъ уремя, Трёмъ-сынъ говорить: што мы ето съ тобой зьдѣлали?—на што мы отдали самогранныя гусьли. Намъ нѐпричемъ будеть и повесялитца съ тобой. Бяжитка ты, говорить, отбяри ихъ у яго! Дубинка етая побѣгла и начила етаго старца хлестать (пульгать): отдай, говорить, самогранныя гусьли, а то я тябе забью! Тэй старикъ отдавъ, бросивъ, и самъ драло. А дубинка потхватила етыя самогранныя гусьли, ды къ Трёмъ-сыну принесла.

Идуть яны опять, играють и пляшуть—веселятца. Идеть коробошникъ исъ коробкой. И услыхавъ умилную игру ету и ставъ ёнъ плисать. И плисавъ, што просто, ажъ на ёмъ рубашка мокра стала. И просить у яго самогранныхъ гусьлявъ етыхъ. «Трёмъ-сынъ, отдай мнѣ самогранныя гусьли етыя!» Трёмъ-сынъ спрашуя: а ты мнѣ што даси?—«Дамъ я табѣ отъ—вынимаеть съ коробки скрынучку такую, и отпёръ ету скрыночку, икъ пувалила оттуда воська, нясьмѣтная сила. Выступила большая сила! Етому Трёмъ-сынъ обрадувався. Сыйчасъ искричавъ—убирайся на своё мѣста,—яны й скрылись. Тогды отдавъ коробошникъ ету скрынучку, а ёнъ яму само*гласныя* гусьли. Тогды пошовъ Трёмъ-сынъ съ скрыночкой и съ

дубинкой. Пройшли яны много ли—богато, опять Трёмъ-сынъ говорить на дубинку: дубинка, говорить: вотъ у насъ воська своя, говорить, поиграть намъ неўвошто! Бяжи, говорить, дубинка, опять отбяри самогранныя гусьли. Дубинка етая сычасъ поскакала и нагнала коробщика етаго и начила яго хлыстать безъ милосьти: отдай наши самогранныя гусьли! Тэй, бросивши гусьли, самъ наўходака̀.

Идуть яны опять путёмъ дорогою, приходють—пасеть пастухъ скотину. Ёнъ и зайгравъ коло пастуха. Пастухъ давай скакать! И скакавъ просто до тыхъ поръ, покуда заморився. «Ахъ, Трёмъ-сынъ! дай ты мнѣ самогласныя гусьли!»—А ты мнѣ што даси?—«Дамъ табѣ ету пугу!» говорить. Пуга была длинная. «Скольки разовъ замахнешъ, стольки и табуновъ будеть скоту!» Трёмъ-сынъ узявъ отдавъ самогласныя гусьли етыя. А самъ узявъ пугу ету. И пошли путёмъ дорогой. Пройшли яны нямного уремя, и Трёмъ-сынъ говорить: дубинка, иди ты отбяри самогласныя гусьли! Дубинка ета сычасъ пубижала и начила пастуха етаго гонять кругомъ стада. Пастухъ етый вяртѣвсь, вяртѣвсь—бросивъ самогласныя гусьли. Приносить *енъ* етыя самогласныя гусьли.

Идуть яны дорогою, играють. Ѣдеть чаловѣкъ такъ силно богатый, на купца походжъ. И вуслыхавъ ету умилную игру, и ставъ скакать. Скакавъ, скакавъ и заморився. «Ахъ, Трёмъ-сынъ, отдай ты мнѣ етыя самогранныя гусьли!» А ты мнѣ што даси.—«Дамъ ōтъ табѣ скатерсьть!» Сычасъ разославъ яѐ, скатерсьть, на зямли, и откудова узялись кушаньня на скатерсьти, напитки усякіе разные. «Отъ ты, гдѣ захочешъ, расьтяли—будеть табѣ питяньнё-ѣдяньнё!» Отдаеть Трёмъ-сынъ самогласныя гусьли, бяреть съ собой скатерсьть. И пошли яны путёмъ дорогой. Пройшли нямного яны, опять: дубинка, иди отбяри самогранныя гусьли,—намъ нѐпричемъ пувесялитца! Нагнала дубинка етаго купца, и стала яго валять безпощадно. Бросивши етый купецъ самогранныя гусьли и самъ наўходака̀. Приносить ето *енъ* самогранныя гусьли. И пошли путёмъ дорогой.

Идуть яны коло господскаго дому, строють плотьники комнаты помѣщику. Ёнъ заигравъ у самогранныя гусьли у етыя,—уси плотьники бросили сякеры и зача̀ли скакать уси. И до тыхъ поръ скакали, што й позаморилися ўжо. Вуходить старый плотьникъ, который бывъ главный майстеръ: «ахъ, Трёмъ-сынъ, говорить: отдай намъ етыя самогласныя гусьли!»—А ты мнѣ што даси?—«Дамъ табѣ ету сякеру. Адѣ ты задумаешъ сабѣ хуть дворецъ царській, дыкъ ина за ночь табѣ зработаеть!» Отдавъ етый самогранныя гусьли, узявъ сякеру и пошовъ путёмъ дорогой. Пройшли—„дубинка, говорить, што мы йдёмъ, мы соўсимъ позаўныли! Иди отбяри самогранныя гусьли!» Дубинка сычасъ поскакала туды, къ плотьникамъ и зачила̀ етыхъ плотьниковъ валять по свойму: «отдайтя наши гусьли самоглас-

ны!» Плотьники етыя закричали на майстра: отдавай, говорють, ихъ—отдавай! А то ина насъ позабиваеть! Вуносить ёнъ самогласныя гусьли. И бяреть дубинка ета и пошла сабѣ къ Трёмъ-сыну. Ну, тяперь, Трёмъ-сынъ сказуя: ну тяперь мы во ўсёмъ повномъ собраніи. Пойдёмъ. И пошли яны тяперь до столишнаго города, адѣ и Настасья Прекрасная и царь.

И приходють яны туды. Такъ была рѣка тута, и царьскій дворъ на 'динъ бокъ рѣки, а ёнъ по другую сторону наўпротивъ вялѣвъ сякеры выстроить за ночь другей дворецъ луччи того. Сыйчасъ скатерсьть ету разославъ тутъ. Подѣлалось усё у яго—и напитки и кушаньня и усё у яго. Скрынку отпёръ—выступило воська. И поставивъ ёнъ чисовыхъ увязьдѣ, якъ и быть, по военному. И подѣлавъ ёнъ поваровъ и ўсякихъ слугъ—усё акуратъ ёсьть. И пугую замахнувъ нѣскульки разовъ, и стало скота у яго пропасьть на 'бори—и коровъ, и свиней, и быковъ, и 'вецъ и ўсяго.

Прошнувся царь, и смотрить у вокошко—и крѣпко ёнъ спужався: „што ето такое дѣлаетца у моёмъ царстьви. За одну ночь зьдѣлалося?" И пошовъ ёнъ будить Прекрасную Настасью: душенька моя, говорить—што йто у нашамъ царстьви дѣлаетца? говорить. Узглинула ина у вокошко и отвичаить яму—я знаю, хто ето воюеть—ето Трёмъ-сынъ воюеть. Царь сычасъ посалаеть сюды свойго слугу: нехай Трёмъ-сынъ придеть ко мнѣ! Трёмъ-сынъ пишеть яму бумагу—годя мнѣ къ вамъ ходить, а придитека вы ко мнѣ! Ёнъ уже не боитца. Царь вялѣвъ кучарамъ лошадей запречь и садився съ Прекрасной Настасьей и поѣхали туды во дворецъ. Стрѣвъ ёнъ ихъ исъ чесьтю, отдавъ имъ поштэнія. Тоды и пошли расхаджуватца по ўстройству. Обглѣдила ина яго порядковъ, остановилася у во дномъ мѣсьти и выхватила у царя мечь отъ боку и сычасъ Трёмъ-сына етаго голову долой зьнила съ плечъ, порубила яго на буйные куски. И вялѣла изъ хорошаго колодеся наносить воды чистыя у котёлъ. И положила етое мясо ина сама—и руки закасала ужо и вялѣла подложить огня. И ўськипятила ету воду. Сыйчасъ мясо ето вытигнула вонъ, и наносили воды холодныя чистыя опять. И ина сама узила, перямыла ето мясо и узила ина, частки зложила опять, якъ ино было, частка къ частки, и мёртвою водою спорснула—ёнъ соснувався якъ ёсьть человѣкъ. Живою спорснула опять—ускочивъ Трёмъ-сынъ якъ ото сна. И дужа красивъ ёнъ! Бывъ красивъ, а тутъ такія красоты прибуло, што Божа.

Царь глянеть, глянеть, на яго и на сябе у зеркало—нема такія красоты. Тоды й говорить—Прекрасная Настасья! зьдѣлай и мяне такимъ, якъ яго!—Хорошо говорить. Узила мечь яго, сычасъ голову долой съ плечъ яму зьнила й на мелкія часьти порубила и собакамъ потдавала. А на

ёмъ тогда зъ Божу помоччу повѣньчалася. И зьдѣлався ёнъ царёмъ, а йна царицай. И стали тымъ царствомъ уладѣть.

*М. Студенецъ черико*в. у. Отъ кр-на Ивана Павлова, 70 л., неграмотнато, бывшаго въ молодости въ военной службѣ. Говоръ пограничный, между южнобѣл. и восточнымъ въ могилевской губерніи.

33. Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ.

Якъ было два браты; у оннаво у большаво дятей ня было, а у малаво дѣти ёсь. И стали яны древни. Тады и говорить малый братъ: «што мы будимъ своимъ дитямъ корьмить опрочихъ людей? Одьдѣлимъ мы брата, пусь яны сами робють и корьмютца». Яны узяли, выстроили ящо домъ, дали яму дѣлю и ни пожилали умисьтяхъ жить. И етытъ Иванъ старикъ ставъ Бога просить, штоба Богъ давъ яму рябёнка. И Господь услыхавъ яво молитву, и давъ яму рябёнка. И родила старуха Иванова сына. А ёй было сто сорокъ годовъ. И ды тово доживъ етытъ старикъ Иванъ, што и ёсь тово и много, што и нѣтути ничаво. Тады ёнъ пойшовъ къ малому брату. А живъ ёнъ на 'динѣ:—«Братицъ, мой любый! дозволь жанѣ твоёй сходить у мой домъ!»—«И скажи жъ ты мнѣ, чаво йна пойдѣть у домъ твой?»—А во зачимъ: за мой вѣкъ Господь давъ мнѣ рябёнка, и штоба ина яго пирибабила!—«Ну, ящe ина къ табѣ ни йшла, штоба пирибабить твойво сына! Што ина у тябе ти отъѣсь, ти отопъеть, ти скольки вящей знясеть? Ни пойдѣть ина къ табѣ!» Ёнъ заплакавъ слезно, старикъ, и отъ брата ронныва пойшовъ домовъ.

Тады нямношко времьмя прождавши, опять пойшовъ къ брату: «такъ дозволь, братицъ, штоба сходила твоя работьница и пирибабила мойво сына».—Ну, нешто я дли тябѣ нанимавъ работьницу, штоба ина бабила твоихъ дятей? ёй надо работу робить! Тады ёнъ тошнѣй тово обидився и пойшовъ домовъ. И времьмя ужо подойшло къ ночи. Ёнъ узявъ, печку затопивъ и воды горшокъ у печку поснавйвъ, и начавъ ночовочки мыть и ножикъ точить. «Што, говорить, старуха, я думаю?»—«А што?»—«Я видивъ, што якъ братьнихъ дятей бабы бабили, такъ и я свойво буду бабить!—«А коли знаишъ, то и дѣлай?» Вось, слышить и видить у вокошичка: идуть старыи старики у трёхъ, на яво дворъ; подходють подъ вокошичка: господинъ хозяинъ! пусьси ты насъ стариковъ ночивать за Христа—ради Бога!—«Идитя вы, дѣдушки, я васъ принимаю зъ вяликимъ довольствіямъ; ночуйтя съ Господомъ Богомъ!» Яны сичасъ пришли у домъ, сѣли на лавки; старшій сѣвъ наперидъ, сяредьній посирядини, а малый нижи тово. Самъ хозяинъ ночовочки мыить. Тады самый старѣйшій старичокъ говорить: «дли чаво ты ето ночовочки—мыишъ?»—Ахъ,

дѣдушка! за мой вѣкъ Господь давъ мнѣ сына; я братнію жану просивъ и брата, штоба ина пирибабила, а также просивъ у яго молодчанку; ну братъ ни пусьтивъ. «А што, говорить, ты ничаво ни варишъ, тольки онну воду грѣишъ?»—Дѣдушка любезный, ня мѣю ничаво варить! троя сутыкъ тому, якъ крошка хлѣба у доми была!»—Жёрны ёсь у тябе?—«Ёсь.»—«Ну, иди мяли, и кашу вари».—«Единаго зирна ня мѣю, дѣдушка».—«Ну, чимъ жа вы проживали троя сутыкъ?»—«Возьмёмъ воды кипячоный, посолимъ, и напьемся,—и тымъ живёмъ».—«Ну, поди жъ ты, дитя, мяли, я табѣ вялю, а я твойго рябёнка пирибаблю!» Тоды пойшовъ старикъ Иванъ молоть, прохожій старикъ узявъ, сына яго пирибабивъ. А ёнъ зирнятъ ня мѣить, а мука идеть шпарко. И ёнъ зъ радысьси етый давай жёрны скорѣй водить. И намоловъ ёнъ у скоромъ уреми сь читьярикъ муки бѣлый, и хорошый. И приносить чашку муки у хату. Тады поснавивъ горшокъ на кашу, а прихожій старикъ говорить: «на што ты стольки муки принёсъ?»—На кашу, любезный,—вы можа ня ѣвши, а мы со старухай тожа!»—«Дай поменьши гарнушикъ!» Усыпавъ трёмъ пальцамъ мучицки [1]) и убросивъ три солінки. И Господь давъ споръ у горшку, и яны уси насытились пять душъ, и дажа половины ня зъѣли. «Ну што, дитя, ёсь у тябе дёшка?»—«А ёсь,—тольки сямейная, большая». Тады принясьли ету дешку и стали пироги учинять. «Будимъ», говорить старшій прихожій, «завтра твойво сына ко хрясту нясьти». Тады учинивъ ёнъ пироги: три разы трёмъ пальцамъ бросивъ; другова старика заставивъ мясить. А къ етыму старику Ивану, во якіи прихожіи старики пришли: Господь, Микола-Угодьникъ и Ягорій-Харабрый. Коли еты пироги пыдыйшли, то стали ня стольки у дешки, кольки на дешки. И три печки выпикли пироговъ съ оннэй дешки; у печь садють махонькіи, а съ печи чуть вытянуть. Тады етытъ старичокъ вышавъ на дворъ и убивъ воробья. И зьдѣлався етытъ воробей, якъ вяликій волъ. Яны гувядины нагутували многая множиства. Тады въ оннымъ вядрѣ помишавъ старикъ воду, и стала крѣпкая горѣлка; у другимъ помишавъ и стало пріятное вино. И тады начавъ разливать у бутыли еты напитки.

И посылаить явоный малый братъ дятей и внуковъ: заходитя вы, дѣтки и внуки, къ дѣду и обсмотрітя, ти живы яны ёсь». Яны пошли. Приходють у етый домъ, зьдѣся, у етымъ доми ходють чатыри старики: три чужихъ, а чатьвёртый ихный дѣдъ; одинъ напитки наливаить, другей говядину таскаить и въ чашку кладеть, третьтій съ печи пироги таскаить, чатьвёртый—относить и водой поливаить. Яны оборотились и идуть узадъ, у домъ свой. Ёнъ и говорить, етый старый старичёкъ имъ: «скажитя свойму

*) У разсказчика, какъ я уже замѣтилъ выше, говоръ смѣшанный. Граница цокающаго говора проходитъ сѣвернѣе.

отцу, и дѣдушки, што просимъ яго сюды». Яны приходють у свой домъ «Ну што, дѣти мои и внуки, ти видали вы што?»—«Якъ жа ня видали? —коли тамка ходють чатыри дяды старыхъ: нашъ дѣдъ и три дяды чужихъ, старѣй яго; одинъ напитки наливаитъ, другей говядину таскаитъ и въ чашку кладетъ, третьтій съ печи пироги таскаитъ, чатьвёртый—относить и водой поливаитъ; и вялѣвъ старый дѣдъ прихожій, штобы и ты прійшовъ къ имъ!»—Вѣрно вы испугались, вы ня можитя ето разобрать—ето ўраги!» Одѣвся и пойшовъ. Тады приходитъ у братный дворъ, и такъ усё находитъ, якъ байили рибяты. И посадили яго за столъ хлѣба-соли искуситъ и напитковъ испитъ. И ёнъ вужасно скоро ставъ пьянъ, и разговоръ ставъ мѣтъ со старымъ прихожимъ старикомъ: «во, дѣдушка любезный, я благодарю Бога: вѣкъ я богато живу, бывавъ я у разныхъ пирахъ, ну тольки такова кушанья ня кушавъ». Яму старикъ говоритъ: да, человѣча—рабъ Божій! хорошая мукà, и пикла яё чёсная рука,—за то яно и скусно!—«Ну, хто у васъ пойдетъ за кума, али куму?»—А што: Микола сходитъ за кума, а Ягорій за куму; а милосьси просимъ васъ усихъ на пирушку у вечяри! Ёнъ и пойшовъ домовъ вужасно хмѣльный.

Господь пославъ Миколу за кума, Ягорія за куму, ў скоромъ уреми яны воротились, приносютъ дятёнка у дворъ. Старикъ спрашиваитъ: «якъ яго называть?»—«А ватъ яго Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ».

И еты старики пробыли у Ивана старика троя сутыкъ; тады отправляютца яны куды имъ назначино. А у Ивана старика за троя сутыкъ наполнилось усяво, и злата и сёрибра многое множиство.—Усё ето зьдѣлавши, еты старцы пойшли отъ старика Ивана. Ну, нямного ўремьмя прошовши, Микола-Угодникъ проситъ Бога: «Господи! позабывъ, говоритъ, я вещь онну отдатъ кумѣ, штоба йна отдала хресьнику черисъ семъ годовъ, дозволь мнѣ воротитца и отдатъ ёй лѣсинку!» Тады ёнъ воротився и подаетъ кумѣ лѣсинку у вокошко: «нà тѣ, кума, лѣсинку: положи у сокрытое мѣсто, штоба йна пробыла семъ годовъ. Тады расплачитца хресьникъ слёзно, а до сями годовъ ни ядинэй слязы ня выронитъ». Самъ и пойшовъ.

Пройшло семъ годовъ, а имъ ни протянулось, а якъ бы семъ днёвъ. И заплакавъ Иванъ Ивановичъ слезно, и плачитъ троя сутыкъ, увесь день и ўсю ночь. Тады яны уздумали про тую лѣсинку, што имъ давъ кумъ. Йна сичасъ принисла ету лѣсинку. Ёнъ лѣвый рукой принимаетъ, а правэй хрестъ на сабѣ покладаитъ: «Благодарю Бога и отца хрёснаво и матушку хрёсную,—Миколу Угодника и Ягорія Хараброва: я отъ ихъ мѣю дарованье!». И пириставъ плакатъ. «Таперь, тятинька и маминька, прощайтя мяне; буду, дакъ буду у двинанцатъ годовъ,—принимайтя мяне, а ня буду, поминайтя мяне.—Я поставлю вамъ двинанцатъ каравульщиковъ,

застоятелій своихъ, яны будуть васъ убиригать. Тоды пойшовъ у чистое поля и крикнувъ громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ: и сичасъ на лѣси листъ пувявъ, а съ дуба листъ посыпався, и добрый конь на тридивятымъ царствьи воржавъ, и бяжить къ яму: «хозяинъ, мой любый, Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ! И будишъ ты млодъ царевичъ, и што табѣ нужно отъ мине?»—«Надо сѣсьть и ѣхать у тридивятое царьство, у тридисятое гусударьство, къ царю Диміёну. И жилаю я яго дочку узять у супружаства: Настасю-Пирикрасю Диміёновну. Якъ ты на ето скажишъ, ти можно? а?—«А, ничаво, говорить, по жаланью твойму можно». Ёнъ сѣвъ на коня свойво.—«Ну, якъ тибе несьть: ти ровно зъ тёмнымъ облакомъ, ти ровно съ дрямучимъ лясомъ?»—Няси, мяне, якъ бы у повлѣсу!—Третьтя царьство проижжають, у чатьвёртое узъижжають: стоить дубъ у двинанцать обхватовъ. Жилаю я, говорить Иванъ, етый дубокъ побить и поколотить и свою силу богатырьскую взнать?—«Можитя побить и поколотить!» Тады ёнъ соскочивъ зъ добра коня, и зхвативъ етый дубокъ, и выдирнувъ изъ зямли и положивъ на руку свою: «прутикъ, прутикъ, ды и той малъ!» Якъ поднявъ ды вдаривъ объ сыру зямлю, разлятѣвся етый дубъ по маковому зярну... «Благодарю Бога и Миколу Угодьника и Ягорья Хардбраво: мѣю силу зъ добраво молойца!» И поѣхавъ ёнъ дали, и ящё проѣхавъ третьтя царьство и чатьвёртое гусударьство: стоить дубокъ у двадцать пять обхватовъ; и етый дубъ ёнъ побивъ и поколотивъ, и рассыпався ёнъ по ножикову чиряну. Тады узъижжаить ёнъ на тридивятое царьство, у тридисятую зямлицу. И завёвъ ёнъ сабѣ хорта, сокола. И хочить ёнъ ити къ царю Диміёну, штобы узять сабѣ у жану яго дочку Настасю-Пирикрасю; а конь яму и совѣтуить: Иванъ-Ивановичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ цацаревичъ! у царя Диміёна ёсь двинанцать дочарей, и двинанцать подличницъ. И уси яны оннаво росту, и голосу и волосу, и красоты; ты якъ пріѣдишъ на дворъ, и найдёшъ чатыри кольцы; и ты мяне привяжи за уси чатыри кольцы, а самъ лягъ спать на крыльцы на троя сутыкъ: красоты зъ лица свойго ня пусьти, глазъ свѣтлыхъ ня 'ткрый; а то яны табѣ могуть пусьтить туманъ, и ня можишъ ты яё узнать. Коли выйдить царь Диміёнъ и будить тибе пробуждать, ну ты яму ни ядинаво слова ни отъивляй. Тады придуть дѣвицы-красавицы, а ты зъ ними разговора ня мѣй и глазъ ни кажи. Яны пойдуть у бѣлы-каминны палаты и сядуть уси двадцать чатыри дявицы, а ты тады устань, и по палатамъ похаживай и на дявицъ посматривай: ина сядить да дьвери шастая [1]); и ёй на лицо муха сядить; йна платочкомъ махнеть, и тады ты къ ёй подходи и

[1]) Тоже, черта заносная.

здрастуй ёй давай; йна тожа табѣ отъявитъ: «здрастуй, Иванъ Иванывичъ Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ!»

Пріѣхавъ ёнъ къ царю Диміёну, привизавъ коня за ўси чатыри кольцы, а самъ лёхъ спатъ на троя сутыкъ. Тады выходитъ царь Диміёнъ: «што такоя ёсь: удалецъ-молодецъ, ниякъ ня можно взнатъ, хто ето?— Коли бывъ ба ёнъ царьскій сынъ, то привизавъ ба къ золотому кольцу, королевскій—къ сяребриному, княжаскій—къ мидяному, а богатырьскій—къ мѣсянзовуму,—а то за ўси чатыри кольцы!» Ёнъ ничаво ня твичаитъ. Приходютъ къ яму дѣвицы-красавицы и говорютъ: «што ты, добры-молодицъ, ня можишъ своихъ глазъ показатъ и у наши палаты уступатъ? Ёнъ имъ отвичаитъ: идитя вы у каминны палаты, сядьтя по своимъ мистамъ, я приду и буду взнаватъ Настасю-Пирикрасю Диміёнывну!» Яны пошли и сѣли у рядъ, ўси двадцатъ чатыри дявицы. И ёнъ къ имъ у палаты уступаитъ и царю Диміёну здрастуй даетъ. «Я думавъ, што ето хто, ажно ето Иванъ Иванывичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ! Будишъ зятъ мой! Полно табѣ по палатамъ ходитъ,—здрастуй давай, по имени называй!»—«Стойтя, ни звинитя, дайтя рѣчи сговорити, по палатамъ походити; на вашихъ дочарей пріукрасныхъ посмотрѣтъ!» Ёнъ по палатамъ похаживаитъ и на дѣвицъ поглядываитъ. И сѣла муха на лицо явоный дѣвицы. Ёнъ тоды къ ёй подбѣхъ и здрастуй ёй давъ: «здрастуй, Настася-Пирикрася Диміёнывна!»—«Здрастуй, Иванъ Иванывичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ!»

Тады сичасъ законъ, бракъ Божій прозвяли, положили ихъ на ложницы.

Стали яны другъ со другомъ разговоръ мѣтъ; йна стала распытыватъ, ти силёнъ ёнъ? А ёнъ ёй разсказавъ усё, якъ ёнъ къ ёй ѣхавъ и дубы тыи побивъ. Тады ина говоритъ: нѣ, Иванъ Иванывичъ! ня ёсь ты силёнъ, а во ёсь на тридивятымъ царстьви, у тридисятой зямлицы Каръ-Карковичъ—Игнатій Даниловичъ, при поли боецъ, при войски молодецъ, отъ дожжу пальча, отъ вѣтру затулъ. И ты яму у подмётки ня гожъ!» И ни подалёчу гуляньня царьскаво стоявъ дубъ у питьдесятъ обхватовъ. И чутъ на зари выпрыгнувъ ёнъ у вокошко, и етый дубъ выдирнувъ изъ зямли, со зла свойво; якъ гряхнувъ объ зямлю, и разсыпався ёнъ по маковому зярну. И ўся матъ зимля задрыжала, палаты заколотились и стёклы вылитили зъ бѣлыхъ палатъ. Тады ёнъ въ окошко упрыгнувъ и лёхъ спатъ. Вутромъ супруга яго Настася-Пирикрася Диміёнывна идетъ къ яму зъ водой и утиральникумъ. Ёнъ помывся, обтёрся и Богу помолився. Тады йна спрашиваитъ: «што ето, Иванъ Иванывичъ, было вутромъ коло насъ: ти небо звалилась, ти зимля провалилась?»—Нѣ, ето ня небо звалилось, ни зимля провалилась, а молодецкая рука объявилась».—«Ну чимъ ина могла объяснитца?»—«Ти знаишъ дубъ у питьдесятъ обхватовъ: поди по-

смотри: ёнъ побитъ и поколочанъ».—Нѣ, Иванъ Иваныхвичъ: ты ня молодецъ, а ёсь у тридивятымъ царстьви, у тридисятымъ гусударстьви Каръ-Карковичъ, Игнатій Даниловичъ, ты яму у подмётки ня гожъ!» Разсярдився Иванъ Иванывичъ, бяретъ свойво коня, хорта и сокола, у тёсьтя дѣдовское копьё и мечъ, попросьтився и поѣхавъ. «Буду у тритцатымъ году, то буду, а ня буду, поминайтя мяне!»

И зъѣхавъ ёнъ туды у тридисятое гусударьство на третьтін сутки. И узъѣхавъ у градъ Каръ-Карковича. Народу нѣтуги никаво. Ёнъ узявъ, коня, хорта и сокола, и пусьтивъ у чистое поля. Приходитъ самъ у бѣлыкаминны палаты, у дворецъ Каръ-Карковича. У палатахъ тольки похаживаетъ старуха и молодая дѣвица—лѣтъ шасьти. «Здорово, бабушка старая, Каръ-Карковича—матушка ронная!»—Здорово, Иванъ Иванывичъ Трёхъсынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ! якъ тибе Господь занёсъ: ти конь привёзъ, ти самъ зайшёвъ?—«Господь занёсъ, конь привёзъ и самъ зайшёвъ: захотѣвъ твойво сына Каръ-Карковича повидать и силу взнать!» —Дитя моё милое, ни дожидай ты сына мойво!—«А дѣ ёнъ?»—На войнѣ, подъ Копыломъ, подъ смыкомъ, подъ нявѣрнэй силой. Вотъ уже тридцать семъ лѣтъ воюютъ, а самово ни видать!—«Дайтя мнѣ обѣдать!»—Ти много надо табѣ кушанья?—«Пувтора пуда хлѣба, горшокъ капусти и горшокъ каши, пудъ гувядины и два вядры водки, и ришато сяльдей!» По'бѣдавши лёхъ ёнъ отдыхать. И слышить: лискотьня, брызгоньня и гомонъ. Ажно идетъ Каръ-Карковичъ зъ войны отъ нипріятиля. Тады уходитъ у свой домъ и говоритъ: «што ето, маминька, тутъ руськой кровъю пахнитъ: ти бывъ тутъ руській чаловѣкъ?—«Ты самъ на войнѣ набрався запаху нипріятнаво, а тутъ нѣтъ никаво! Зходи лутчи у байню!» Ну, ёнъ ни послухавъ матки и побѣхъ по дому искать. Тады йна показала яго и говоритъ: «смотри, якъ можно тиши и спокойній обходись!»—А што, ёнъ дужа вѣрно сильный? И сказала яму, што ёнъ у яе поѣвъ. Тады, Каръ-Карковичъ побѣхъ и разбудивъ яго, и стали битца. Иванъ Иванывичъ якъ зхвативъ яго за руку, якъ сьтиснувъ, ажно кровъ зъ нохтей потикла.—Каръ-Карковичъ на колѣни упавъ и ставъ яго проситъ: «будь мнѣ старшимъ братомъ, а ня губи ты мяне!» И просьтивъ яго Иванъ Иванывичъ.

Тоды яны пили-гуляли, цѣлыхъ три дни, и присылаитъ Копылъ Цмокъ, Ниподписаный Лобъ, письмо и бросаитъ у вокошко къ имъ, штоба Каръ Карковичъ бывъ опять на войну. И ставъ тоды Каръ Карковичъ проситъ Ивана Иванывича: пособи, братъ, побитъ мнѣ непріятиля: вотъ уже тридцать семъ лѣтъ воюю, а яго самаго ня видивъ, а усихъ моихъ людей ёнъ побивъ!"—Мы самы воины! говоритъ Иванъ Иванывичъ: „поѣдимъ удвоёмъ!" —„Я боюсь, ни поѣду, говоритъ Каръ Карковичъ.—«Ну, бяри трубу и смо-

три!“ Тады призвавъ коня, хорта и̓ сокола, сѣвъ на коня, узявъ мечъ самосѣчъ и копье довгомѣрное и поѣхавъ. И начавъ воиват̄ь, а хортъ и соколъ по бокамъ стали. За 'динъ оборо̄тъ тыщу головъ зьнимаит̄ь. Прибивъ усихъ. И ўвидавъ ето Копылъ Цмокъ, што войска яго нѣтути, и ставъ ут̄икат̄ь. А Иванъ Иванывичъ яго догонят̄ь. Копылъ Цмокъ тады узворотивъ каминь, и самъ подъ каминь пошовъ, у но̄ры подъ зямлёй. Пріѣхавъ къ етыму камню Иванъ Ивановичъ, поставивъ коня, хорта и сокола, а самъ пыднявъ каминь и пойшовъ у пящеры. Тады—иди, иди,—сяди̂ть двинанцат̄ь дявіцъ и вышиваю̄ть ширинки: што иголкый набирѐть и ниткой дирганѐть—выскочит̄ь солдатъ, изъ ружжомъ, изъ копьёмъ, изъ тисакомъ! Здорово, Каръ Карковичъ!—Нѣ, я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ! Тады бросились яны на яго и хот̄ѣли игламъ яго пробит̄ь, а ёнъ имъ усимъ мячомъ го̄ловы зьнявъ, иглы поломавъ, ширинки подравъ, и солдатъ усихъ побивъ. Отворивъ другую дверь и увидивъ, што тамъ комната яще больши, и тутъ тожа двинанцат̄ь дявицъ сяди̂ть и ткӯть кросны: што чилнокомъ прокинит̄ь, на̄билками ударит̄ь—выскочит̄ь солдатъ зъ ружжомъ и зъ конёмъ.—«Здорово, Каръ Карковичъ!»—Я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ!—«Ага, туды народу ни напросився, самъ у руки пупався!“ и хот̄ѣли яго чилнокамъ прибит̄ь. Ну ёнъ мячомъ усимъ головы зьнявъ, кросны пулумавъ и подъ ноги бросивъ, и пошовъ самъ дальши того. Отворяит̄ь дварі̂ну: сядит̄ь старуха—Копыла̀ Цмыка̀ супруга. „Здорово, Каръ Карковичъ, Игнатій Данилывичъ!»—Я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ.—«Ну, ўсё ровно!» И оборот̄илась ина кошкой, нохт̄и по три аршина, и бросилась ина яму у глазы и хот̄ѣла разодрат̄ь. Иванъ Иванывичъ ударивъ иѐ мячомъ по головѣ и разрубивъ; кохт̄и отломивъ и ў карманъ сабѣ положивъ, а самъ пошовъ дальши. Отворивъ ящо дварину,—большая изба; и ляжи̂ть у ей самъ Копылъ Цмокъ, самъ на кут̄ѣ, вусы закручины за грядкой. «Здорово, Каръ Карковичъ!»—Я Иванъ Иванывичъ!—«Хто ни на ёсь, а самъ у руки пупався!» И начавъ вусы откручиват̄ь. А Ивавъ Иванывичъ якъ цапнувъ мячомъ у нутро яго,—ёнъ затрёсся и ня живъ ставъ. Тады ёнъ узявъ яго за вусы и вытинувъ зъ пящеръ. Привязавъ къ хвосту и привёзъ къ Каръ Карковичу, показат̄ь яму. Вышивъ Каръ Карковичъ и узглянувъ на Цмыка-Копыла̀,—такъ зъ ногъ упавъ и ня живъ ставъ,—дужа спугався: «ахъ, братъ,—гдѣ бравъ, тамъ и брось!» Вялѣвъ Иванъ Иванывичъ коню хвостомъ махнут̄ь и разлят̄ѣлись яго кось̄ти по зямлѣ. А сами стали пит̄ь и гулят̄ь.

На ночь лягли яны спат̄ь, и Иванъ Иванывичъ лёхъ на кровати Каръ Карковича. Удрухъ ноччю прилитаю̄ть три сороки; улят̄ѣли у вокно и стали дѣвицы: жана Ивана Иванывича и дьвѣ своячиницы, и говорють: игры самоі̂гры, гусьли самола̀ды, посьпивайтя! мечъ самосѣчъ, потанцуй! котъ са-

коплясъ, поскачи! Игры самоигры заиграли, мечъ самосѣчъ затанцовавъ, котъ самоплясъ заскакавъ. „А ты, Каръ Карковичъ, зъ нами пьешъ-гуляишъ, а тяперь ляжишъ спать!» Подбижала къ кровати и хвать одежу! И увидила свойго мужа. Защикотала и маршъ за ворòты. А Иванъ Ивановичъ захвативъ мечъ и отрубивъ жанѣ руку и ногу. Полятѣла йна бязъ руки и бязъ ноги, и отцу-матири объяснила, што прилитала Пòжаръ зьмия, и оторвала ёй ногу и руку. Вутромъ разсярдився Иванъ Иванычъ на Каръ Карковича и убивъ яго. Солдаты ты уси яму низкимъ поклономъ кланіютца и просють у ихъ жить, ну ёнъ давъ усимъ оставки а самъ поѣхавъ домой.

Дорогой совѣтуитца зъ конёмъ; конь яму я говорить: „убей мяне, нутро выбрось, а самъ улѣзь туда и сяди: и прилятить чорный воронъ, зъ дятьми, и када сядуть, то лови трёхъ, али чатырёхъ. Коли ёнъ станить тибе просить пусьтить яго дитей, то ты скажи, штобъ ёнъ принёсъ табѣ живой воды!" Ёнъ такъ и зьдѣлавъ. Поливъ водой коня, и ёнъ живъ ставъ, и поѣхавъ домой. Яго устричають хлѣбомъ-сольлю, а жаны нѣть. И вялѣвъ ёнъ вынисьти жану и спрашиваить: „ти табѣ Пожаръзьмія руку и ногу оторвала?—Да!—«Нѣ, жана: ты усихъ обманываишъ, я самъ табѣ ихъ отсѣкъ!» И вытягнувъ руку и ногу и прижививъ ёй. Побывъ ёнъ тутъ троя сутыкъ, жану привизавъ къ дванацать лошадинымъ хвостамъ и разорвавъ на куски. А самъ поѣхавъ къ отцу. Мать помёрши, только три дни ни засьпѣвъ. Изъ протчихъ узявъ сабѣ жану и ставъ жить.

Козьян. вол. городок. у. Запис. г. Василевъ отъ мѣстнаго нищаго.

4. Удовенушка добрый молодецъ.

Жывъ сабѣ добрый молодецъ Удовёнушка, сиротина—удовиный сынъ. И ёнъ ходивъ на боярській дворъ гулять. И ли яго много насміялися боярськія дѣти,—вѣдомо, значытца, сиротина: бытто коравый, бытто диравый! Разъ потомъ ожыдали празьника вяликаго—паски. Тогды на всеношной стояли тры государствянныя дочары. Вышли яны на звонницу на 'тдышку, на другей 'тажъ, а унизу спавъ ужэ той сиротина, Удовёнушка добрый молодецъ. Вотъ ёнъ прошнувся и бача, што стоять государствянныя дочары, отъ ёнъ пострамився ужэ ворочатца. Сычасъ усхватилася хвиля силная,—усхватило тыхъ царськихъ дочарэй и понясло. Удовёнушка добрый молодецъ вышовъ и просмотрэвъ своими глазами у тую сторону, куды ихъ понясло. И потомъ узышовъ опять на высокій тажъ и зновъ провёвъ своими глазами, у якую сторону понясло. Тогды, кончылася ужэ служба, собралися ужэ уси народы обѣдати, а государствянныхъ дочарэй нѣту. Жде царъ, што ето такоя? ужэ уси народы съ цэрквы попошли,

и цэрквы позапираны, а моихъ дочарэй нѣту! Ужэ государъ ожыдая обѣдать и спрашуя: гдѣ моѐ дочары,—дочарэй нѣту? Спрашуя и ў поповъ и у прочыхъ народовъ, и ў господъ. А тыа дають отвѣтъ государу ўси, што видяли, што у цэркви былй, а съ цэрквы иязвѣсно-дѣ дѣлись. Усимъ празьничакъ, весялȍ, ну государў—государў печаль—гора вяликое. И увесь городъ запечалився, и санаторы, и попы, и ўси народы запечалились. У печали государъ ужэ надумався: повно печалитца, буду сабѣ и радость уже шукати! Пославъ пабликацыи увяздѣ, штобъ объ государствянныхъ дочаровъ нихто не разговаровавъ: будя виновянъ и наказанъ крэпко. Тогды, мѣсяцы ужэ теразъ два, ти, моо, теразъ тры. Удовѐнушка добрый мȍлодецъ пошовъ на боярськіи дворъ гулять. Тамъ яго бъють, и зъ яго насмихаютца; а ёнъ такій бывъ парнишка, што кого возьмя за рукў—дакъ рука станя тонка,—такій, знатца, бывъ силный. Пȍтомъ яго бъють за ето, што ёнъ урэдъ дѣлая, а ёнъ заплакавъ да й сказавъ: коли вы мяне бъѐтя, ня прымаетя мяне гулять—иду къ государў да й скажу, што вы говорыли про государствянныхъ дочарэй! Тыя слѐзно начȁли плакать и попужалися: упали парадъ имъ наўкȍлянцы и просять: ня йди, кажуть, и ня говоры! Ня йдѐть жа ёнъ по той винѣ, штобъ государў доложыть, а йдѐть по той, штобъ государў услужыть. Прышовъ къ государу, государъ и спрашуя: „зачымъ ты, мальчикъ, прышовъ,—гулять ко мнѣ?»—Ваша импяраторськое височаство, не гулять я къ вамъ прышовъ, а служыть я къ вамъ прышовъ!—«Якой ты мнѣ службой назначывся служыть?» Отвѣщая яму: я, говора, могу вашыхъ дочарэй достать! Государъ потому крэпко узгнѣвався, такъ узгнѣвався, што ня можно стярпѣть яму: што ёнъ ужэ бывъ празабывъ, а тутъ опять успомнили! Вялить аквитанту: моихъ жа дочарэй нѣту, и тябе ня будя! вялить брать мечъ и рубить головў ямў. Пȍтомъ ёнъ уздыхнувъ и говора: „Господи! нехай жа того рубять, хто няправъ, а я жъ служу вамъ вѣрою и правдою! Вы напяродъ разыщытя, а тогды накажытя!“ Государъ и одумався—отлягло яго жаркое сэрца—што трэба упяродъ распросить, а ня губить. Пȍтомъ тогды говора: „ти вѣрно ты кажашъ, што можашъ моихъ дочарэй достать?“ Поклявся и побожився, што вѣрно могу! Отвѣтивъ яму государъ: ну, колижъ ты можашъ достать моихъ дочарэй, будя табѣ вяликая награда, и дочь моя будя за тобой! Спрашуя государъ: „што табѣ трэба, кольки вȁрмяи, ти грошай, говора: исказуй усё, што табѣ трэба!“—Ничȍго мнѣ ня трэба, ни вȁрмяи, ни грошай,—я самъ собой иду страждать. Дайтя мнѣ тольки на дорогу троху грошай и такую лошадь, которуу я самъ сабѣ отыщу! Государъ повялѣвъ: ищы сабѣ лошадь, гдѣ-бо ты хочашъ! Обыскавъ ёнъ сорокъ стадъ лошадей и ў сороковой стади нашовъ сабѣ лошадь. Таа лошадь, ростомъ яна вялика, ну худаа и коросьливаа

Узявъ ёнъ туу лошадь и давъ ёй волно у лузи погулять на троя сутокъ. А тая лошадь была богатырськая, да нихто яѐ не знавъ. Затымъ яна была ху̀да, што хозяина подъ яѐ нѣту. Потомъ вялѣвъ собрать ковалёвъ и сковать такій шнуръ на дватцать пять вёрстъ довжыной, и сковать палочку-попира̂шачку, на дватцать пять пудовъ. Тогды узявъ тую лошадь, тая лошадь стала золотая шарстина и сярэбраная, золотый копытъ и сярэбраный. Собравсь ёнъ, помоливсь Богу и отдавъ поклоны на уси чатыры стороны; опять у пятый разъ отдавъ поклонъ у тую сторону, куды ужэ ѣхати яму. И сказавъ усимъ народамъ: прощайтя! И сказавъ яму̀ увесь народъ: щасьливый путь у дорози! И отъяжжаа.

Поѣхавъ путёмъ-дорогой и сустракаа чаловѣка. „Здрастьви, братъ!“ —Здрастьви!—„Куды тябе Богъ нясе̂?“—А йду шукать помѣсьтя сабѣ, гдѣ бъ найти сабѣ у жытялство! И видя ёнъ, што ето ня про̀стый чаловѣкъ ѣдя, и спрашуя: «а вы, господинъ, куды ѣдетя?»—А ѣду по государствянной служби,—мяне государъ посылая за своими дочарми! Той ужэ чаловѣкъ яму говѐра: прыми и мяне за товарыша,—и я ужэ пойду табѣ послужу! Той говора: «прыму тябе! на̀, говора, мой шнуръ, растягни яго по дорози!» Выв̀ѣдуя, бачъ, якій помошникъ. Ёнъ тогды узявъ шнуръ за конецъ, якъ махнувъ - такъ увесь разостлавъ яго по дорози! И опять шморгнувъ - и собравъ у мѣсто! «Ну, подай мнѣ, говора, на лошадь!» Ёнъ зъ большой охотой подавъ яму̀. Ёнъ называя: хорошъ молодецъ! иди ко мнѣ у помошники! Сто̀ишъ ко мнѣ у помошники! Якъ жа тябе зовуть? —А мяне зовуть Юда! Удовёнушка добрый мо̀лодецъ дужа узрадовався, што нашовъ сабѣ помошника. Ѣдуть яны и прыяжжають къ рацэ, и къ грэбли большой-большой. Чаловѣкъ грэблю мостя. Завялѣвъ яму̀ помѣщыкѣ, штобъ ёнъ загрузивъ грэблю. Ёнъ грузя грэблю, ухватя дрэво, вырвя, и грузя грэблю! Тогды Удовёнушка говора: помогай Богъ табѣ!—Добраго, каа, здоровъя, добрыя люди!—Што дѣлаешъ, говора, чаловѣча добрый?— А вотъ, говора, грэблю мощу̀! Удовёнушка добрый молодецъ спрашуя: оставъ ты, говора, ето,—ходи ты со мною у помошники! Ну, й той спрашуя: «куды жъ васъ Богъ нясе?» говора.—То жъ, говора, ѣду я по государствянной служби: посылаа мяне государъ дочарэй своихъ шукать! Той зъ большой радостю къ имъ и прыляпився: радъ, говора, я къ вамъ быть у помошники!—Ну, возьми, говора, шнуръ мой, растягни яго по дорози! Ёнъ узявъ шнуръ за конецъ, якъ махнувъ,—такъ увесь и разостлавъ по дорози; а тогды шморгнувъ—и собравъ усё умѣсто. Ёнъ говора: хорошъ молодецъ! ходи ко мнѣ ў помошники! Якъ жа тябе зовуть?—А мяне зовуть Запры-водъ! И поѣхали яны ўжэ ўтроихъ. Два помошники ўжэ ў яго. То бывъ вясёлъ, а то щэ повесялѣвъ, у кольки частей ужо. Прояжжають яны, и стракають ящэ чаловѣка. И што ёнъ дѣлая? Возьмя гору̀, и скачуя гору̀

рӯ ӯнизъ, а посли уверхъ яѐ покотя. Той опять яму говòра: помогай Богъ!—Добраго здоровъя, добрыя люди! Сказують яму: што ты дѣлаешъ? —А вотъ, мнѣ повѐляно зѐмлю ровновàть! Удовѐнушка добрый мòлодецъ говора: оставъ ты ето, ходи ты со мной у помошники!—А куды жъ васъ, каа, Богъ нясѐ?—Да ѣду я по государствянной службi: государъ посылая мяне своихъ дочарэй шукать? Той говора: зъ большой радостю я готовъ къ вамъ за помошника быть!—Ну возьми, говора, мой шнуръ, растягни по дорози. Ёнъ узявъ шнуръ за конецъ, махнувъ—ёнъ увесь и разостлався по дорози. Тогды шморгнувъ—и собравъ увесь у мѣсто. „Ну, кажа, хорошъ молодецъ! Якъ жа тябе зовуть?» —А мяне зовуть Горунъ! Очистiталь горъ, знатца. Ну, поѣхали ӯжэ ӯчатырохъ.

Прыяжжають яны къ городу. И обыйшли яны городъ кружкà—и нигдѣ нямà воротъ: кружкà високiя валы. Ёнъ узявъ шнуръ, и паракинавъ конецъ у городъ. По томъ шнуру пошовъ самъ. А стянà висòка, боляй якъ сями вѐрстъ вышыной. Своимъ жа помошникамъ сказавъ: якъ торгну, дакъ вы тягнiтя, и опять ко мнѣ подавайтя! Ну, тогды, идѐ ёнъ по городу, и убачыла яго мѐньшая дочаръ государствянная. И бягомъ бяжыть къ ямӯ, зъ большой радости, и обнимая яго руками и палуя: зачымъ ты, якъ тябе Богъ сюды прыславъ? А ёнъ исказуя: прыславъ мяне вашъ отецъ сюды за вами! Завялà яна яго у домъ, и садила за столъ, и давала ямӯ ѣсть. Слѐзно плача и расказуя: што ня ӯзять вамъ насъ: нашы мужы жа змяй. У мойго мужа тры головы, а ӯ другiя сястры, у сярэдьнiя, шэсть головъ, а ӯ большыя—девять головъ. Отъ, говора,—подъѣжтя и отправляйтесь своимъ путѐмъ: вы мяне ня вòзьметя! А ёнъ говора: вòзьмямъ, говора. Тольки ёнъ укусивъ разовъ тры, алебо пять,—а ёнъ и налятàя домовъ ужэ. Сычасъ запаливъ жаркимъ огнѐмъ и разинавъ ротъ яго изъядàть. А ёнъ ня ӯторопѣвъ: сычасъ схвативъ свою палку-попирашку и начавъ зъ имъ битца. Тры разы ӯдарывъ, тры головы збивъ —и ӯбивъ! „Бяры, государыня, говора, што табѣ найлуччы!“ Тая ничого ня хоча, тольки бъ зъ душой выйти. Ну, набравъ ёнъ такихъ вящей, которыхъ у тымъ царстви нѣту, и яѐ повѐвъ. Провòджуя яѐ къ шнуру и говора: вотъ, иди по етому шнуру и сòйдешъ унизъ, и тамака ёсть моѐ помошникѝ, тры чаловѣки. Увязавъ тыя одѐжы, вящэй што, дыяменты, навязавъ нà цэпъ и тòргнувъ: тягнитя! Яны ето вытягнули и подали шнуръ яму назадъ. Узрадовались яны етому: благодарыть тябе, Господа Бога, што помогъ Богъ нашаму господину отратовать дочаръ государствяннаю, хоть одну! По радости Бога просять: поможы, Господи, нашаму господину, штобъ и тыхъ достать! Заслужамъ жа и мы сабѣ отъ яго государствяннаго якую чэсть! А ёнъ парапрàвивъ тую и пошовъ. Иде ёнъ по городу, увùдяла яго и другая, сярэдьняя дочаръ. Яна бяжыть къ ямӯ,

и рада, и плача, обнимая яго руками и цалуя: зачымъ тябе Богъ принёсъ, Удовёнушка?—Отецъ посылая мяне за вами! Яна отвящаа: ня ўзять, говора, вамъ насъ! нашы мужыки змяй! А ёнъ отвящая: я ўжэ одну узявъ, меньшаю! А тая отвѣтъ даѐ яму̀: хоть ты ўзявъ тую, а мяне ня вòзьмешъ: у тыя тры головы булò, а ў мойго шэсть! Узяла яго ў домъ, усадила за столъ, а дала яму ѣсть. Тольки жъ укусивъ можа разы два ли тры, такъ ёнъ и налятая. Якъ улятѣвъ у горницу, такъ запаливъ огнёмъ и силно заровъ на яго. Узявъ ёнъ свою палку-попирашку и начàвъ изъ имъ битца. Начавъ битца, начавъ битца,—якъ махнувъ девять разъ, такъ уси шэсть головъ и збивъ! И ўбивъ. «Ну, бяры, говора, што табѣ трэба!» Тая ничòго ня хоча, рада душой увойти. Тогды ёнъ набравъ опять вящэй и повёвъ яѐ къ шнуру. «Вотъ, иди по етому по шнуру,—тамака ёсть моѐ помошникѝ и сястра твоя!» Царэвна сыйшла. Опять ёнъ навязавъ вещы, торгнувъ, яны й потягнули. Такъ ёнъ двюхъ дочаровъ и вывявъ. Тогды закинули яму шнуръ опять у городъ, а сами по радости опять стали Бога просить: «поможы, Господи, нашаму господину, штобъ и трэтьтяю царэвну ўжэ достать!» Тогды ёнъ пошовъ, искать ужэ трэтьтія царэвны. Трэтьтяя царэвна ўжэ й послышала, што двёхъ сястяръ яѐ ужэ воротили. Ну, тогды яна ужэ стоить, по вулушцы ходя, и прысматруя, коли ёнъ ужэ будя итить за ёй. Тогды, приходжуя ёнъ, яна й убачыла яго, слёзно заплакала, и обняла яго руками и цалуя. Тогды ёнъ говора: ну, говора, царэвна,—убирайсь! А яна яму говора: ня ўзять табѣ мяне и во вѣкъ. Ёнъ говòра: я ўжэ твоихъ двёхъ сястёръ выявъ отсюля!—«Латьвѣй тыхъ вывòдить: у одныѐ мужа було тры головы, а у другія булò шэсть; а ў мойго жъ девять!» Тольки дала яна яму ѣсть—увяла у домъ, посадила за столъ, и дала ѣсть—укусивъ ёнъ можа разы два ти тры, такъ ёнъ и налятаа, такъ и заровъ на яго грозно! Ёнъ узявъ свою палку-попирашку и начавъ зъ имъ битца. И бився ёнъ зъ имъ ужэ много, нясчотно,—ужэ самъ истомився. Потудова жъ бився, покуль убивъ того. «Тяперъ бяры, говора, што табѣ найлуччы!» Тая рада тольки зъ душой выйти. Набравъ ёнъ которыхъ вящэй, прывёвъ яѐ къ шнуру и сказавъ ёй: иди по ёмъ,—тамъ моѐ помошникѝ и сястры твоѐ двѣ. Тогды, яѐ парадавшы, и пошовъ самъ ужэ по шнуру. Тогды узыйшовъ ёнъ на стяну̀ и ставъ самъ рассматравать, дѣ-бо што дѣетца. А яго ўжэ помошники узрадовались: «слава Богу, говора,—намъ ужэ ёсть по жанѣ!» Вò якъ ужэ яны! Тогды шморгъ тэй шнуръ, да додовъ. А яго и оставили на стянѣ: сами и поѣхали.

Заплакавъ жа ёнъ слёзно, што остався на такой горэ на високой. Якъ яму̀ сойти оттуль? Тогды мысля: куды мнѣ покатитца зъ етыя стяны: ти ў пòля, ти ў городъ? Тогды ёнъ покатився, подумавъ: пойду

опять у городъ! И ўпавъ у садъ, и ўбився крэпко, и отбивъ сабѣ ноги, ня можа ўжэ поворотитца. Идѐ пожаръ вяликій, а ў пожары крычыть змяя: Удовёнушка, добрый молодецъ! поратуй, говора, мяне и дятей моихъ,—я тябе зъ вяликаго гора вызволю! Ёнъ говора: якъ жа я могу тябе поратовать, што я самъ болянъ!—Вы-тыки люди, говора, можныя, крэпкія,—якъ-небудь вы можатя помогти мнѣ! Возьмитя, говора, дрэво сорвитя и киньтя на 'гонь, дакъ я самъ выйду и дятей вывяду! Ёнъ тогды хвативъ дрэво большое, сырое, вырвавъ и кинавъ на 'гонь. Тогды парайшла яна сама и дятей вывяла,—вышла съ огня. «Ну, што табѣ, говора, трэба?» А ёнъ говора: я вотъ болно крэпко разбивсь! Яна пошла, напилась росы, и прышла, змочыла яго усяго. Тогды говора: а што, якъ табѣ? ти лёхко табѣ? Ёнъ тогды повярнувсь и говора: «э, говора, мнѣ щэ етаго и ня чутно!» А яму̂ ўжэ поляхчѐло много. Яна пошла напилася ў другій разъ росы, прышла, опять намочыла яго ўсяго. Ёнъ тогды ставъ и хорошый, такій, якъ и бывъ, а щэ хоча крэпчы быть. Яна тогды пошла, напилася у трэтьтій разъ, прышла тожъ, опять намочыла яго. То̂ бывъ хорошъ, а то щэ няна̂ча покрапчэвъ. Тогды яна подя̂кала яму̂ и говора: ня 'па̂суйся ты, Удовёнушка, добрый молодецъ! Щэ сыновъ побивъ, а щэ батька ихъ ё: и коли будяшъ зъ имъ битца, допрашуй тыя лошади, на которой царськихъ дочокъ достававъ!

Тогды ёнъ пошовъ шукать ужэ батьки ихъ. Батька ето ихъ дочувся, што ужэ сыновъ побивъ, и гро̂зитца: «сыновъ побивъ, а мяне ўжэ, говора, ня убъѐ, а я яго ўбъю!» Коли ёнъ прыходжуя къ яму, ажъ ёнъ у лазьни парытца, и грозитца на яго. Ёнъ сычасъ, ско̂чивъ у лазьню и нача̂въ яго бить своёй палкой—попирашкой. Тэй жа не сподѣвався, знатца, етаго, што ёнъ ускоча, начанѐ яго бить. Такъ тры го̂ловы яму збивъ у лазьни. «Скажы мнѣ, говора,—идѣ тая лошадь, на которой ты царськихъ дочокъ достававъ?»—А вотъ, иди, говора, тамъ будя стоять стайня, уся мѣдная, тамъ будя и лошадь стоять,—золотая шарстина и сярэбраная!.. Ёнъ якъ прышовъ икъ стайни, лошадь учула духъ крыстяньскій и зарзала. И на тэй лошади и сядло мѣдное и ўздэчка. Сѣвъ ёнъ на яѐ и поѣхавъ. Поѣхавъ на той лошади и пытаетца: ти можашъ ты мяне зъ естаго города̀ вывязти?—Нѣ, говора, не могу; а ёстяка у мяне другій братъ, той можа вывязти! Ёнъ сычасъ лошадь тую поставивъ, опять пошовъ икъ змѣю па̀ратца ў лазьню. Опять начавъ яго бить. Тры головы̀ щэ збивъ,—осталось ужэ шэсть. Тогды опять допра̂шуя: искажы, говора: игдѣ таа лошадь, што ты царськихъ дочокъ достававъ? Такъ ёнъ сказавъ: иди, говора,—стоить тамъ стайня, уся сярэбраная, и вороты и ключы. Отъ тамъ стоить и лошадь, то жъ само--золотая шарстинка и сярэбраная! Ёнъ тогды прыходжуя къ воро̂тамъ, лошадь счула крыстяньскій духъ и за-

рзала. Тамъ, на тэй лошади, сядло ўсё сярэбраное и ўздэчка, и мечъ сярэбраная. Сѣвъ ёнъ на тую лошадь и поѣхавъ. И говора ёй: ти можашъ ты мяне зъ естаго города̀ вывязть? Лошадь тая узниметца-узниметца,—нямножко-нямножко ня ўскоча на стяну. «Не могу я, говора, тябе вывезть! Ёсть у насъ, говора, трэтьтій братъ; отъ, того допрашавай, идѣ ёнъ стоить». Пошовъ опять ёнъ къ тому змѣю, зновъ у лазьню паратца. И начавъ яго бить. Тры головы щэ збивъ: осталось тольки тры головы, а девять збивъ ужэ. Тогды спрашуя: искажы, гдѣ тая лошадь, што ты царськихъ дочокъ достававъ?—А вотъ будя, говора, стайня, уся золотая, и вороты и ключы,—а ў стайпи тамъ стойть лошадь, золотая шарстина и сярэбраная, золотый копытъ и сярэбраный, и золотое сядло, и золотая уздэчка, и золотая мечъ!... Отъ коли отказавъ крайня ужэ! Ёнъ прыходжуя икъ стайни, лошадь духъ счула крыстяньскій и зарзала тожъ такъ. Ёнъ сычасъ узявъ тую лошадь, сѣвъ на ёй и поѣхавъ. «Што, лошадь,—можашъ ты мяне зъ естаго города̀ вывязти?» Яна говора; могу, говора. Ёнъ поднявся, изъ города и выѣхавъ. Догнавъ своихъ и послужниковъ, и паралятѣвъ, и опять вярнувся у городъ у той. Тогды опять по той радости пошовъ у лазьню зновъ. Ну, и соўсимъ убивъ яго, кончывъ яго соўсимъ. Тогды пошовъ ходить по тыхъ домахъ по ихъ, идѣ яны прожывали; нашовъ ёнъ одныѐ вянокъ, и другія, и трэтьтія. Дужа тыя вянки слишны, дужа дорогія. Ёнъ тогды побравъ тыя вянки, сабѣ сховавъ у карманъ, тогды узявъ и поѣхавъ ужэ соўсимъ зъ города. Поблагодарывъ Бога и поѣхавъ.

Тогды ёнъ поѣхавъ и прыѣхавъ упяродъ за ихъ у городъ у свой ужэ, игдѣ яго царъ. А тыя щэ на дорози. Тогды лошадь пустивъ у пòля гулять, одѐжу свою усю сховавъ и военнаю збрую, а самъ надѣвъ такоя,—простоя, съ простонародія, диравая—сермяги. Зайшовъ ёнъ икъ ковалю и проситца у яго, кабъ прынявъ яго за работьника. Коваль и прынявъ яго. Ну, ёнъ жывѐ тамъ дуракомъ: ня ўмѣя ни говорыть, ни такъ што: скажа, дакъ яго слово не подъ дѣло. Ковалёва жонка послала яго свинней па̀сти. Ёнъ прыгнавъ свинней къ лѣсу, да хвосты позвязававъ имъ, да на дуба и поўстя̀гававъ: дурачокъ, вѣдомо, ня знаа ничого, што ёнъ,—а самъ узявъ, ды й пошовъ домовъ; да сѣвъ на лавцы, да на столъ узлокотився, да слюну пустивъ изъ рота, и сядить сабѣ. Ковалёва баба спрашуя: игдѣ жъ свинни? А ёнъ отказуя: поўзлизали, каа, на дуба да й пяють! Тогды ковалиха побѣгла за ковалёмъ: якій ты самъ дуракъ, и такого дурака ты сабѣ прынявъ! Онъ, свинни, говора, у лѣси подавилися! Ну, коваль, то сказано—мўжацкій полъ,—зразу ничого не задавъ, ни грозы, ничого. Ажъ бача свинней на дуби,—ёнъ и самъ засміявся.

Ну, бача, што дуракъ: што зъ дуракомъ ужэ будешъ дѣлать? Коваль свинней отчапивъ и домовъ прыгнавъ, а ковалиха вȍзя яго кочаргой, а ёнъ голȍся, якъ яго могȁ; ти я, говора, виноватъ: яны поўзлȁжавали жалудьдя ѣсть да й пяюти тамъ!..

Пȍтомъ прыѣхали ужэ и тыя помошникѝ яго, изъ дочками ўжэ, у домъ къ отцу, и хвалютца: што ȍтъ мы, говора, ихъ выратовали,—достали и отобрали! А той дурачокъ выйдя на вулицу, сопли пустя, слюнў пустя, обдѣлаетца.. Царъ радъ своимъ дочкȁмъ и пославъ по своёй зямлѣ вядомȍсти, што воротилися дочарȉ яго, и молитца Богу. «Коли жъ вы ихъ достали, и отдамъ ихъ за васъ! А дѣ жъ той, што, говора, упяродъ отъ мяне отправлявся?» Яны отказують: «а тэй, говора, тамъ щэ остався: ёнъ ня могъ самъ вылязть, ня токмо, што ихъ вывязть!» Цару тольки и ў клȍпоти ужэ объ тымъ, значытцȁ, объ дурни; ёнъ радъ, што дождався дочарэй, а до того ужэ стольки клопотȍвъ. Отдаѐ ёнъ ужэ ихъ у замужаство усихъ троихъ. Вѣдомо, ужэ разумныя люди, коли достали. Ускорости ужэ свадьби, одна узяла ўжэ хвартўхъ злота и понясла ужэ къ ковалю: «вотъ, издѣлай, говора, мнѣ, коваль, вянокъ такiй, якъ бывъ у мяне за першымъ мўжамъ!» Коваль назаўтраго пошовъ у шынкъ выпивать горэлки нащa, а яго работьникъ зайшовъ у кузьню, да й начавъ ковать: и мѣхомъ днѐ и по ковадлу бъѐ—бытто дѣлая ёнъ ужэ вянокъ. Ковалёва жонка стучыть у вороты, хоча бить яго, штобъ ёнъ не попортивъ ковалю, а ёнъ говора: я табѣ ня ʻтчыню, ты тутъ щэ злота укрȁдешъ! Ковалёва жонка побѣгла у шынкъ по коваля и ругая яго: твой. говора, работьникъ, ёнъ пȍсудъ попортивъ увесь! Коваль скорэй бяжыть, Бача ёнъ, што бяжыть кузнецъ, ёнъ вянокъ съ кармана, и къ тяплу, и грэя яго, и потчыщаа. Коваль говора: отчыни, говора, братъ! Ёнъ сычасъ отчынивъ и вянокъ показуя ковалю: полязти-тка, говора, дяденька, —ти такъ я издѣлавъ? Тэй коваль узявъ у руки вянокъ и говора: да, братъ,—такъ! А тэй коваль и самъ ня ўмѣя здѣлать такiя работы, да тольки такъ... И говора своёй ходяйцы: вотъ, говора, якiй ёнъ ёсть щэ дорогiй работьникъ! Тогды и сама тая ужэ дивитца. Тогды, царськая дочаръ прыходжуя за вянкомъ, коваль и отдавъ ёй. «Вотъ жа, говора, якiй вянокъ коваль здѣлавъ,—якуратъ якъ той, што за тымъ мужамъ бывъ!» А ето той. Тогды и другая узяла хвартўхъ золота—позавидовала на тэй вянокъ—и тая занясла къ ковалю. «Отъ, говора, коваль: издѣлай и менѣ такiй вянокъ, якъ моёй сястрэ!» Коваль помѣвся и той здѣлать. *Тэй* жа коваль опять пошовъ у шынкъ, выпивать нащa, а *той* яго дурачокъ злото тоя забравъ, заховавъ, а самъ зновъ мѣхомъ днѐ и по ковадлу бъѐ. Ковалёва баба опять у вороты стукая, да хоча бить яго, што ёнъ пȍсудъ портя, ёнъ плача ў кузьни да й говора: чаго ты тамъ? говора: ето,

говора, чужоя! Коваль иде съ шынку, а ёнъ щэ ў кузьни. Ёнъ узявъ другія вянокъ, да начавъ изновъ яго подчыщать. Коваль говора: отчыни! Ёнъ сычасъ отчынивъ и показуя: а што, ти такъ я здѣлавъ? А коваль ужэ радъ, што значытца, яго вызволивъ: да, говора,—такъ, братъ! Прыходя царэвна за вянкомъ, и ўзяла и отправилась домовъ, и хвалитца: вотъ, вянокъ, говора, хорошый! Якуратъ, якъ за першымъ мужамъ, говора, бывъ! А трэтьтяя догадалась и спрашуя: ти няма у ихъ кого чужого? Яны отказують: ёсть, говора, якійся дурачокъ! Трэтьтяя царэвна пошла къ ковалю, ничого ўжэ ня бравшы,—'вознавать. Увыйшла йна у домъ, а яны обѣдають. Тыя тогды ўси поўсхвàталися зъ-за стола, што царэвна прышла, а ёнъ сядить за столомъ, узлокотився надъ чашкой и сярбàя. Тыя говоруть: вотъ, говора, сударыня: не прогнѣвайся, што дуракъ у насъ такій! Яна говора: ничого! И быть ина на шутку зъ имъ говора: ето, говора, мой жанихъ будя! И начала шутить изъ имъ, и бытто цаловатца. А ёнъ плача: «чаго яна ко мнѣ вяжатца? я ѣсти хòчу: а яна мнѣ ѣсти ня даѐ! Отыйди отъ мяне, а то я табѣ капустой вочи зальлю! Скотина ты!» А коваль ижъ жаной просять яѐ, кабъ яна ня ўгнѣвалася, што ёнъ такъ говора на яѐ. Ёнъ тогды заплакавъ, бытто ўсердився, и побѣгъ за дверы, за порогъ, и ругаетца на яѐ. А яна за имъ услѣдъ. Ёнъ тамъ очыстився; тогды стали сабѣ на дворэ одны, заплакали—и яна и ёнъ. «Другъ мой, говора: якъ тябе Богъ воротивъ оттуль?» Ёнъ и расказавъ ёй.—«Коли ваша свадьба?»—А вотъ, у ето 'оскрасэньня!— «Ну, выяжжайтя жъ вы, говора, на свадьбу, и я, говора, выйду къ вамъ на ўстрэчу!» Тогды прышла царэвна домовъ и сказала своимъ сястрамъ: «вотъ, найшовся жъ той, што насъ вывявъ оттуль, который страждавъ за насъ!» Сёстры узрàдалися крэпко и спляснули руками. Тогды сказала имъ мовчать, до ўрэмя не казать никому,—покўляка наша свадьба будя! Тогды, поджыдаючы, ёнъ пошовъ у городськую лазьню, и обмывся и одѣвся у свою 'дёжу и ўзявъ свою золотую мечъ, и палку-попирашку на прымѣту.

Тольки жъ яны ѣдуть, прыяжжають икъ цэркви, а ёнъ на ўстрэчу къ имъ да—здрастуй! имъ. Тыя яго помошники началѝ ўтякать съ повозокъ, а ихъ тыя жоны да ихъ прыдѐржыли,—за ихъ! «Куды жъ ты, говора, мой миляныкій, отъ мяне ўтякаяшъ?» Такъ яны ня могли утекти,—усихъ ихъ побравъ за рўки. «Вѣрныя, говора, моѐ товарыши, да вы ня хочытя со мной поздорòвкатца: попышнѣли, говора. А имъ ужэ пыхота ня тая зашла! Воротився и самъ къ цару и дочары. «Здрастуй, царъ наяснѣйшый!» Познавъ и царъ яго, што ето Удовёнушка добрый молодецъ. «Здрастуй, здрастуй, Удовёнушка, добрый молодецъ!» Дочары къ отцу слèзно заплакали: утъ—это той, говòрать, который насъ поратовавъ отъ змя-

ёвъ; а ето, говорать, бродяги! Ёнъ за насъ страждавъ и свою кровь проливавъ, а яго выдали изъ дружбы, а зъ насъ изругались! Государъ сказуя: «Удовёнушка, добрый молодецъ! которуу дочару хочашъ самъ, бяры за сябе; а другихъ отдавай, хто по дружби табѣ!» Удовёнушка добрый молодецъ на мѐньшай жанився самъ, а другихъ по'тдававъ, кого мѣвъ за дружбу сабѣ. Царъ за яго дружбу давъ яму своё царство. И начавъ царствовать, и тяперъ ёнъ царствуя. А тыхъ выв̂яли у чистая пôля и дали имъ по дванатцать стрэловъ.

С. Кошелево, рогач. у. Отъ кр. Игната Емельянова, 60 лѣтъ, слѣпого съ дѣтства, нищаго.

35. Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ.

Нѣукоторомъ царстьви, нѣукоторомъ государстьви, живъ сабѣ одинъ купецъ богатый. И родився у яго одинъ сынъ на родахъ. И бывъ ёнъ щасьлйвъ и хорошъ, и пригожъ. И росъ ёнъ не по годахъ, а по часахъ, не по часахъ, а по минутахъ. У навуку подався и навуку скоро пройзойшовъ. И пôтомъ пошовъ на прогуляньня и узявъ съ собой палочку. Якъ шибнувъ тую палочку, яна якъ полятйтъ на тридевятое царство,— и попала Баби-Юзѣ у ногу. Тогды яна отвѣщаетъ: „ахъ, Иванъ Ивановичъ, не со мной табѣ жартоватъ: ёсь Бѣло-пôля, на Бѣломъ поли стоитъ ложа на тэй ложи ляжйтъ слишна панна; у головахъ стоитъ конь, изъ лубки жаръ ѣсь! Вô съ тэй табѣ жартоватъ!“ Пôтомъ ёнъ приходитъ домовъ и говôритъ: „отецъ мой родный! ты мяне сплодивъ и выгодувавъ,—пусьти мяне, съ кимъ я хочу жанитца! Объявилося мнѣ, што ёсь Бѣло-пôля, на Бѣломъ поли ляжитъ ложа, на тэй ложи ляжитъ слишна панна; у головахъ стоитъ конь, изъ лубки жаръ ѣсь!“ Пôтомъ отецъ яму отвѣщаетъ: „бяри грошай, кольки треба, и лошадь, и садись и поѣжжай!“ Отъ ёнъ узявъ грошай и лошадь, и поѣхавъ. Ѣхавъ ёнъ цэлый день и обнимаетъ яго тёмная ночь. Ну, увидивъ ёнъ маленьку хатку на куриной нозцы. Захôдитъ ёнъ у ету хатку, тамъ дядокъ маленькій—съ клубочакъ. „Здрастуй, дѣдушка!“—А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ! Куды жъ ѣдешъ, куды путь дѐржишъ?—«Ѣду, дѣдушка, на Бѣло-пôля, да не знаю, дѣ Бѣло-пôля. Ти не знаешъ ты, дѣдушка?» —Нѣ, каетъ, не знаю; асли, каетъ, знаютъ—слуги моѐ. Обночуй, каетъ: заутра посмотримъ! Ёнъ заночувавъ. Давъ Богъ день, уставъ гетый дѣдъ. Уставъ, якъ свиснувъ—и валитъ пташки, якъ ёсь на свѣти, и маленькія и вяликія. „Отъ вы, слуги моѐ, каетъ, усюда летаетя, и по лѣсу и по пôлю, уси пути-дорожки знаетя, а ти знаетя, дѣ Бѣло-пôля?“ —Нѣ, говоритъ, дѣдушка.—не знаемъ! Пôтомъ ёнъ говôритъ: «ахъ, Иванъ

Ивановичъ, купецкій сынъ! поѣжжай дальшы, не могу, каеть,—не знаю!» Отъ ёнъ уссѣвъ и поѣхавъ. Опять день ѣхавъ тожа. Обнимаеть яго ночь. Пріѣжжаеть ёнъ опять—стоить хатка на куриной нозцы. Тогды ёнъ зайшовъ, а ў той хатцы дядокъ маленькій, съ клубочакъ. «Здрастуй, дѣдушка!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! куды ѣдешъ, куды Богъ нясѣть? —«А ѣду, дѣдушка, на Бѣло-поля. Знаешъ, дѣдушка, идѣ Бѣло-поля?» —Нѣ, не знаю; асли знають—слуги моѐ! Обночуй жа, каеть, а заўтра поглядимъ! Давъ Богъ день. Гетый дѣдъ якъ свиснувъ—и валить звярьё! Якъ ёсь на свѣти звярьё, дакъ усѣ собрались, и маленькія и вяликія. «Ахъ, дѣдушка, говорють: нѣ, каеть, не знаемъ, дѣ Бѣло-поля ёсь!» Потомъ ёнъ говорить: ну, Иванъ Ивановичъ, поѣжжай дальшы,—не знають, не вѣдають! Потомъ ёнъ узнова и поѣхавъ. Опять цэлый день ѣхавъ, обнимаеть яго тёмная ночь. И видить ёнъ—стоить хатка на куриной нозцы. Усходить ёнъ у тую хатку, а ў тэй хатцы сядить дядокъ маленькій, съ клубочакъ. «Здрастуй, дѣдушка!»—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ! Куды ѣдешъ, куды путь дѣржишъ?—«Ахъ, ѣду, дѣдушка, на Бѣло-поля, да не знаю, дѣ яно, гето Бѣло-поля. Ти не знаешъ ты, дѣдушка?»—Нѣ, не знаю; асли знаеть—слуга моя. Ну, обночуй, каеть: заўтра знать будемъ усё! Ёнъ обночувавъ. Давъ Богъ день; отъ, назаўтраго дѣдушка вышавъ, якъ свиснувъ—дакъ нашла воболока; тёмна ночь—а то ще тямнѣй стало. Тогды ёнъ спрашіеть у яѐ: «слуга моя вѣрная, ти не знаешъ ты, идѣ Бѣло-поля?»—Якъ жа я, каеть, не знаю: я тяперъ чаразъ [1]) яго йшла!—«Ну, каеть, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, становись на крылышко ей, ина тябе занясѣть на Бѣло-поля. Тольки не сказывай, што видишъ Бѣло-поля. Ина тябе будеть спрашивать: што Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло-поля?—отвѣщай ей, што ня виджу!» Отъ ёнъ ставъ ёй на крылышко, ина яго и понесла. Несла-несла, несла-несла, принесла къ Бѣлому полю. «Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло поля?»—Нѣ, ня виджу! Ина ще пронесла троху. «Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло-поля?»—Нѣ, каеть, ня виджу! Пронесла ящѐ трошки и спрашіеть у третьтій разъ: «Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, ти видишъ Бѣло-поля?» Яму здаѐтца, што ёнъ минувъ, проходить Бѣло-поля, дакъ ёнъ говорить: виджу! Ина й спусьтила яго. И спусьтила у такія мхи, у болоты, што не самому пройти, ни коня провесьть. Ишовъ ёнъ, ишовъ, выбрався на Бѣло-поля. Увидала яго гета панна и говорить: «здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!»—Здрастуй, здрастуй, говорить, панна!—«Ахъ, говорить, я давно тябе поджидала, ледьви дождала!»—А я давно ѣду,

---

[1]) **Граница твердаго и мягкаго р.**

ледьви-ледьви доѣхавъ до тябе! Ну, потомъ яны попили, посовѣтували и пераночували. Давъ Богъ день, яна тогды сичасъ—посовѣтували тожа йзновъ,—тогды садитца на тую лошадь на свою, што зъ лубки жаръ ѣсь, и говорить: я жъ поѣду на прогуляньня, а ты усюдахъ ходи, тольки у водно мѣсто не ходи,—у тую комлату, што двери г-мъ замазаны, лычкомъ завязаны,—туды не ходи! Сама сѣла на коня и поѣхала. Конь тэй поверхъ лѣсу поднявся и пошовъ по вѣтри. А ёнъ остався ходить безъ яѐ, и не пошовъ туды. Потомъ ина прiѣжжаетъ увечару̀, ну попили, поѣли, посовѣтували, опять пераночували. Давъ Богъ день; ина садитца на гету лошадь: «ну, говорить, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, содяржи свой день опять: не ходи туды, идѣ табѣ не показано. А я поѣду на прогуляньня!» Отъ ёнъ день ходивъ, ходивъ, и стѐрпивъ. Отъ яна прiѣжжаетъ увечару̀. „Ну, хорошо, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, сутриваешъ своѐ сумлѣньня хорошо!“ Опять попили, погуляли, посовѣтували и заночували. Назаутраго давъ Богъ день, яна опять такъ жа само: ну, Иванъ Ивановичъ, я поѣду на прогуляньня, а ты судержай опять своѐ сумлѣньня! И поѣхала. Ёнъ ходивъ, ходивъ, и ўдругъ такъ съ повдня, подъ вѐчаръ, самъ на сябе думаетъ: „што жъ я, ўсюдахъ ходжу, усё вѣдаю, а тамъ я не могу знать, што тамъ дѣетца?“ Ёнъ приходить туды, посмотрѣвъ, ажъ тамъ поганый Кощей на ланцугу привязанъ! Потомъ ёнъ отвѣщаетъ, якъ засмотрѣвъ яго: „а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!“—Здрастуй, каетъ.—„Пожалуйтя, Иванъ Ивановичъ, спусьтить мяне зь естаго мѣста̀, а тябе да̀рую трема̀ смертями!“ Ёнъ сабѣ надумався, такъ постоявъ сабѣ—надумався: «охъ, мой Богъ! гето жъ я довго жить буду на свѣти: трема смертями да̀руетъ! Спущу!» Узявъ двери отвязавъ и яго спусьтивъ. Якъ яго спусьтивъ, ёнъ—якъ ина ѣхала съ прогуляньня—обнявся зь ёй, и сѣвъ и стали гулять. «А ты, говорить, Иванъ Ивановичъ к. с., ня суйся къ намъ, бо йна моя!“ Потомъ ина, панна гета, отыйшлася отъ яго (Кощея) и накормила яго, (Ив. Ив-ча) и дала яму мѣйсцо, дѣ ночувать. Потомъ пераночували, давъ Богъ день, ёнъ уснувъ, гетый поганый Кощей. Ёнъ тогды яе на свою лошадь и давай утекать. У поганаго Кощея бывъ соколъ и соболь. Отъ гетый соколъ засвиставъ, соболь завывъ, а конь зарзавъ. «Ты, вовча мясо, чаго ржешъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму жъ намъ, каетъ, не рзать и ня выть, и не свистать, коли нашія панны нема!—„Ну, ничого, каетъ: догонимъ, отбяромъ,—будетъ наша!“ Ёнъ усѣвъ на лошадь и догнавъ. „Ну, Иванъ Ивановичъ, первою смертю тябе даровавъ, больши, каетъ, ня суйся, бо я тябе убъю!“ Отъ ёнъ яѐ узявъ и поѣхавъ. А ёнъ назадъ вядетца съ конёмъ. Отъ яна замѣтила яго, изнова дала яму мѣйсцо, накормила яго, ёнъ обночувавъ. Давъ Богъ

день, ёнъ, Кощей поганый, опять уснувъ. Тогды ёнъ за яѐ, и увёзъ. Тогды соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. „Чаго ты, вовча мясо, иржёшъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?“—Якъ жа намъ не рзать, ня выть и не свистать, коли нашія панны нема!—«Ну, ничого: догонимъ, отбяромъ!» Удругъ садитца на гету лошадь, и догоняеть яго. Догнавъ и отобравъ. „Ну, помни жъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, што я табѣ двѣ смерти даровавъ! Боли ня суйся ко мнѣ, бо я тябе убъю!“ А потомъ, якъ схвативъ яе, такъ и полятѣвъ. Ёнъ за ёй тожа опять привёвся. Яна яго усмотрила, што ёнъ опять ёсь, тогды яна яго накормила, напоила, опять мѣйсцо дала—ночуй! Отъ ёнъ переночувавъ. Давъ Богъ день, Кощей поганый заснувъ. Тогды ёнъ яѐ узявъ и поѣхавъ. Отъ соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. „Ты, вовча мясо, чаго ржёшъ? Ты, песься мясо, чаго выешъ? Ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму жъ намъ не рзать, и ня выть и не свистать, коли нашія панны нема!—„Ну, ничого, догонимъ отбяромъ! Сѣвъ на гету лошадь и догоняеть яго. Догнавъ, сичасъ и отобравъ. «Ну, каеть, помни, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, што я тябе послѣдней смертю даровавъ,—большы ня суйся, бы уже забъю!“ Ухвативъ яѐ и поѣхавъ.

Ну, а Иванъ Ивановичъ купеческій сынъ забивъ свою лошадь, вѣдомо, приставъ, сусимъ—утекавъ. Тогды ёнъ чуть вядётца зь ей, ажны лятить воронъ исъ своими дятьми. «А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ!“—А, каеть, здрастуй!—«Будь ты, каеть, ласковъ, —покорми мою силу: много лятѣвъ, и щѐ далёко лятѣть. Я за твою доброту удружуся табѣ у потреби!» Ёнъ узявъ гетаго коня кинувъ. Крукъ гетый напитався, подъѣвъ и полятѣвъ. А ёнъ и пошовъ самъ туды опять. Ина яго убéрегла, што ёнъ ёсь, опять пришовъ, тогды яму дала—покормила яго, дала мѣйсцо. Пераночували. Давъ Богъ день. Кощей поганый уснувъ. Ёнъ узявъ яе и повёвъ. Потомъ соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. Ёнъ прошнувся. „Ты чаго, вовча мясо, иржёшъ? А ты чаго, песься мясо, выешъ? А ты чаго, совино перья, свищешъ?“ —Якъ жа намъ не рзать и ня выть, и не свистать, коли нашія панны нема!—«Ну, ничого, догонимъ, отбяромъ!» Сѣвъ на коня и догоняеть ихъ. Яе ухвативъ, а яго якъ ударивъ, дакъ ёнъ и рассыпався,—убивъ яго.

Потомъ гетый крукъ, идѣ бывши, лятить суды, „Ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ! Я жъ табѣ казавъ: ня суйся суды, получишъ смерть! Потомъ узявъ свою силу и думаеть: «што зь имъ робить? треба яго отживить! Ну, каеть, надо, каеть, живущія, каеть, и гоющія воды достать!» Отъ ёнъ узявъ, свойму дятёнку пляшачки подвязавъ подъ крыльля. Гетый узявъ и полятѣвъ. Тамъ бовтонувся, зачѐрпнувъ гоющія

воды и живущія, и полятѣвъ. Покуль ёнъ прилятѣвъ, дакъ яны яго зложили умѣсто, якъ бывъ ёнъ. Потомъ прилетаеть гетый кручанокъ, приносить воду живущую-гоющую. Узяли, полили гетой водой гоющай— згоився, живущай—отживився. Бывъ молодецъ, а то ще получчавъ. Потомъ ёнъ говорить: охъ, говорить, якъ я довго проспавъ! А крукъ яму отвѣщаеть: „ну, говорить, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ! Ина будеть рада, што убачить тябе, што ты пришовъ, а ты спроси у яѐ, отъ кого ёнъ такого коня маеть, што ня можно отъ яго, ня можно утечь!“ Гето уже поганаго Кощея. Ну, потомъ ёнъ приходить туды, ина: ахъ, слава Богу, говорить, што тябе Богъ воротивъ! Якъ тябе Богъ воротивъ? —Ну, я уже табѣ сказавать ня буду,—якъ воротивъ, да воротивъ! А вотъ, говорить,—скажи ты мнѣ, панна, отъ кого ёнъ етакаго коня маеть, што отъ яго ня можно никому утечь? Ина яму отвѣщаеть: «вотъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ: ёсь на тридевятомъ царствьи Баба-Юга; а у яѐ ёсь девять кобылъ. Дакъ хто три дни спасеть, такого коня будеть мѣть!» Отъ, ёнъ туды и пошовъ.

Тогды идеть ёнъ первымъ довгомъ чаразъ раку—идеть рѣчка силная дужа—ажны ли рѣчки плещетца рыбка. Потомъ яна отвѣщаеть: ахъ, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, укинь мяне у воду; я табѣ при злой годинн знадоблюсь! Ёнъ яѐ узявъ, укинувъ у воду, и пошовъ. Идеть ёнъ, ажны два вовки бъютца за одну костку. „Ахъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ,—подяли ты намъ гету костку!» Ёнъ узявъ гету костку и подяливъ имъ. Яны зьѣли костку и побѣгли. И ёнъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ,—идеть по лясу; лѣсъ такѐй буйнэй! Ажны два шаршнѝ бъютца за одно дуплѐ. „Ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—подяли насъ дуплями! Мы табѣ при злэй годинн знадобимся! Ёнъ тогды узявъ, одного покинувъ у гетомъ дуплѣ, а другого занёсъ у другоя. А самъ и пошовъ. Приходить туды, къ гетой Баби-Юзѣ, што на триждадевятомъ царствьи живеть. Тогды ина отвѣщаеть: а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, здрастуй, купецкій сынъ! Ну, што жъ ты ко мнѣ пришовъ, коній пасьвить? Вотъ спасешъ три дяньки, возьмешъ коника на выборъ! Отъ, ёнъ заночувавъ. Давъ Богъ день, ина тутъ што-нибудь яму ѣсьти приготовила; сама узяла зялѣзныхъ прутовъ пукъ и пошла ихъ наказувать. А у яе была нявѣстка. То жъ, яна—змѣя, а нявѣстка Богу вѣрила. То жъ нявѣстка отвѣщаеть: „ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ: коли хочетя достать што-нибудь, дакъ нѣколи дужа ѣсьти: послухай, дѣ ина имъ скажеть ховатца!“ Отъ ёнъ послухавъ. Яна говорить: ховайтеся по бохотахъ (виръ широкій) у раку, кабъ ёнъ васъ не нашовъ, кабъ къ вечару у дворъ не пришовъ! Потомъ ина убѣгаеть у хату, ёнъ обѣдаеть. „Ахъ, каеть,—што жъ ты, каеть, Иванъ Ивановичъ, ня скоро яси?“ Нявѣстка

отвѣщаеть: якъ жа яму скоро ѣсь, ёнъ давно зъ двора, ня ѣвши; у яго ў роцм попортилося отъ сухого хлѣба! Потомъ яна выправляеть яго ў поля, гнать кобылъ. Даѐть яму сыру сонливаго, хлѣба драмливаго. Пѝтомъ ёнъ якъ вышавъ, яна вороты отчинила, яны якъ вырвались—поверхъ лѣсу и полятѣли,—тольки ёнъ ихъ и видивъ! Пѝтомъ ёнъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, нямного пройшовъ, захотѣлось яму дужа ѣсь. Ёнъ узявъ, гетый сыръ зьѣвъ, хлѣбъ зьѣвъ,—лёгъ и заснувъ. Якъ спи, дакъ спи—до самаго вечара̀. Прошнувся, идѐть и плачеть. Идеть коло рѣчки, гета рыбка тропъ-тропъ! „Чаго, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, плачешъ?»—Ахъ, говорить,—кобылъ своихъ утративъ!—«Ня бойсь, каеть. не ўтративъ: стой, говорить, наперадѣ!» Отъ яна, гета рыбка, якъ шавольнулася, якъ стрепянулася, тольки спросила, дѣ яна приказала ховатца. Якъ собрала свою силу, якъ зачала̀ трепетатца, зачала трепетатца—и выгнала гетыхъ кобылъ изъ воды! Пѝтомъ ёнъ пригоняеть домовъ гетыхъ кобылъ. «Ну, говорить, хорошо, хорошо, Иванъ Ивановичъ, к. п.! Отъ, спасѐшъ три дяньки, вѝзьмешъ коника на выбѝръ!» Ну, ёнъ заночувавъ. Яна яму ѣсьти тутъ дала.. Пераночувавши, назаўтраго, давъ Богъ день, яна удругъ яму̀ ѣсьти дала, а сама узяла зялѣзныхъ прутовъ подъ паху пукъ и пошла наказувать ихъ. Нявѣстка отвѣщаеть: ахъ, Иванъ Ивановичъ, к. с.! коли хочешъ што достать, дакъ иди послухай, дѣ яна казала имъ ховатца! Ёнъ пошовъ послухавъ. Ина наказыеть: што ховайтеся по мхахъ, по болотахъ! Пошовъ ёнъ, гето послухавъ, сѣвъ—опять обѣдаеть. Ина приходить у хату: «ахъ, што жъ ты, каеть, Иванъ Ивановичъ, няскоро ясй! А нявѣстка отвѣщаеть: якъ жа яму̀ скоро ѣсьти, коли у яго у роти усѐ попортилось, отъ сухого хлѣба! Ну, тогды даеть ина яму сыру сонливаго, хлѣба драмливаго и выправляеть уже ў пѝля: ну, ступай жа пасьвить уже! Вороты отчинила, яны якъ вырвались, поверхъ лѣсу и полятѣли. Тольки ёнъ ихъ и видивъ! Потомъ ёнъ ишовъ, ишовъ, якъ захотѣвъ ѣсьти! Зьѣвъ гетый хлѣбъ, гетый сыръ—такъ лёгъ и заснувъ. Якъ спи дакъ спи—до самаго вечара̀. Прошнувся—нема кобылъ. Отъ ёнъ идѐть и плачеть. Ажны бяжить вовкъ: «чаго, Иванъ Ивановичъ, к. с., плачешъ?» —Ахъ, каеть,—кобылъ своихъ утративъ!—«Ну, ничого; стой наперадѣ, пилнуй,—пригонимъ!» Гетый вовкъ якъ заскуголивъ, завывъ, собравъ свою силу. Пошовъ по мхахъ, по болотахъ, кобылъ етыхъ и выгнавъ. Ёнъ пригоняеть ихъ у дворъ. «А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Отъ, хорошо: два дяньки спасьвивъ, третьтій якъ спасьвишъ, вѝзьмешъ коника на выбѝръ!» Ну, дала яму ѣсьти што нибудь; ёнъ подъѣвъ и заночувавъ. Давъ Богъ день; яна дала яму снѣдать. а сама зялѣзныхъ прутовъ пукъ подъ паху и пошла ихъ наказувать. Тожъ нявѣстка яму говорить: «ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, к. с.: коли хочешъ гето достать, дакъ иди

послухай, куды ина имъ скажеть ховатца!» Ёнъ пошовъ, ажны ина имъ кажеть: што ховайтеся по дупляхъ, по 'синьнику, по дупляхъ! Ну, добро. Сама уходить у хату, а ёнъ ѣсь. «Ахъ, каеть, якъ ты няскоро яси!» А нявѣстка отвѣщаеть: яму жъ, каеть, ня можно скоро ѣсьти: у яго у роти усё попортилось за дорогу отъ сухого хлѣба! Ну, тогды даѐть ина яму сыру сонливаго, хлѣба драмливаго и выправляеть пасьвить. Отчинила вороты, яны якъ вырвались—поверхъ лѣсу и полятѣли. Тольки ёнъ ихъ и видивъ. Ну, пошовъ ёнъ услѣдъ. Ишовъ, ишовъ, и захотѣвъ ѣсьти. Отъ ёнъ сыръ тэй зьѣвъ, хлѣбъ зьѣвъ,—якъ лёгъ, дакъ и заснувъ. Прошнувся, ажны уже сонца заходить. Отъ ёнъ идеть и плачеть. Гетый шарстёнь лятить и спрашіеть: „Иванъ Ивановичъ. к. с.: чаа ты плачешъ?»' А ёнъ говорить: чаму мнѣ не плакать, коли я своихъ кобылъ утративъ!—«А дѣ ина казала имъ ховатца?»—А по лѣси, по дупляхъ, по 'синьнику! Гетый шарстёнь свою силу якъ гукнувъ, загудѣвъ, ставъ щипать, вѣдомо уже, кусатца—и выгнавъ ихъ. «Ну, стой, каеть, Иванъ Ивановичъ, наперади,—пригонимъ!» Отъ ёнъ и пригнавъ ихъ у дворъ. Ина: «а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, к. с.! Отъ, хорошо! Три дяньки спасьвивъ,—возьмешъ коника на выборъ! Дала яму ѣсьти чаго нибудь, а сама пошла. Нявѣстка отвѣщаеть яму: «гляди жъ ты, каеть, Иванъ Ивановичъ, к. сынъ: ёсь у куточку у стайни маленькій жарабёночакъ, няпошлый, недолужлый уже. Дакъ яна съ усихъ хорошихъ коній силу отбярѐть, да на яго, одному яму. Гляди жъ, каеть,—ина тябе будеть отбивать: бяри, каеть, хорошаго, сядешь и поѣдешъ! А ты ня слухай, возьми маленькаго,—гето ли тябе будеть луччи хорошаго!» Ну ёнъ пошовъ у хлѣвъ, узявъ гетаго жарабёнка малаго и вядѣть. А йна убачила: «ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ! Якій ты чаловѣкъ худый, нябразованый,—узявъ такого коня! Ты жъ ба узявъ хорошаго, кабъ уссѣвъ и поѣхавъ!» А ёнъ отвѣщаеть: ну? у насъ бывъ якій уговоръ: на выборъ коня брать? Я й узявъ на выборъ по своей любови, кокоторый мнѣ улюбився, такого я и узявъ!»—«Ну, нечаго дѣлать!» Ёнъ яго й повёвъ.

Якъ весьти, дакъ весьти, якъ весьти, дакъ весьти—обнимаеть яго тёмная ночь. Ёнъ узявши, тяплышко высѣкъ, разложивъ, и сѣвъ,—заночувавъ. Тогды жарабёнокъ гетый отвѣщаеть яму: хозяинъ мой вѣрный, пусьти мяне покататца по мянтузной (вѣр. искаженное: зямчужной. Мянтузъ въ южномъ говорѣ—названіе рыбы налима) росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Конь узявъ, покатався, покатався, и побѣгъ назадъ. А ёнъ пераночувавъ; назаўтраго давъ Богъ день, сонца узыйшло, а яго нема. Ёнъ я сумився. Потомъ бяжить гетый конь, подъ имъ земля дрыжить, и по сяннэй копѣ зямлю копытамы ворочаеть: «хозяинъ мой вѣр-

ный, бяри, каеть, вяди мяне, я ще тябе не звязу—у мяне сила не ўся!» Яны вяли, вяли, день. Обнимаеть ихъ тёмная ночь, ёнъ тяплышко высѣкъ, разложивъ и заночувавъ. Жарабёнокь гетый отвѣщаеть: хозяинъ мой вѣрный, пусьти мяне покататца по мянтузной росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Узявъ тэй конь, покатався, покатався и побѣгъ назадъ. Назаўтраго давъ Богъ день, уже сонца обўтрало порадошно,— нема яго коня! Ёнъ сядить ли тяплышка и сумився. Ажъ бяжить яго конь, ажны земля дрыжить и по нáбольшамъ копяку зямлю копытамы ворочаеть. «Хозяинъ мой вѣрный, бяри мяне, вяди,—я ще тябе не звязу: сила моя не ўся!» Ёнъ яго узявъ и повёвся. Вяди, вяди—цэлый день. Обнимаеть ихъ тёмная ночь. Ёнъ тяплышко высѣкъ, разложивъ, и заночувавъ. Конь гетый отвѣщаеть: хозяинъ мой вѣрный, пусьти мяне покататца по мянтузной росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Тэй конь покатався, и побѣгъ назадъ. Назаўтраго, давъ Богъ день—нема яго коня; уже й сонца обўтрало—нема; агў—большóя раньня уже,—нема коня; уже й подъ повдня сонца—нема коня? Ажны ёнъ къ повдню бяжить, ажъ земля дрыжить, и по цэлому стогу зямлю копытамы ворочаеть. «Ну, каеть,—вó тяперъ, хозяинъ мой вѣрный, вырви ў мяне съ персьти триждыдевять шерсьти, и садись на мяне, поѣдемъ! Тогды ёнъ 'яго вырвавъ съ персьти трижды-девять шерсьти и сѣвъ на яго и поѣхавъ: „вó тяперъ, каеть, моя уся сила! Вотъ, хозяинъ мой вѣрный: якъ мы прiѣдемъ, будеть ина намъ рада. И спроси ты у яѐ, кабъ ина ўзяла тэй платокъ, што съ поганымъ Кощеемъ на вянцы̀ стояла!“ Отъ, якъ ёнъ прiѣхавъ, дужа яна была яму рада. Ёнъ ёй сказавъ, кабъ ина ўзяла тэй платокъ, што съ поганымъ Кощеемъ на вянцы стояла. Ну, тогды яѐ ўзявъ и повёзъ. Сичасъ конь зарзавъ, соколъ засвиставъ, соболь завывъ. Ёнъ прошнувся: ты чаго, вовча мясо, иржешъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму намъ не рзать, и ня выть, и не свистать, коли нашiя панны нема!—«Якъ можно быть? Я жъ яго убивъ, разбивъ на дробный макъ!»—Нѣ, каеть,—живъ!—«Ну, ничого, каеть—отбяромъ!»—Нѣ, каеть,—не 'тбяромъ! Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Гетый конь поднявся високо, што купецкiй сынъ ѣдеть изъ ёй уже, съ панной зъ сестой, а тэй—Кощея, ще вышай! Гетый конь, Ивана купецкаго сына, отвѣщаеть: «поднимись повыпы мяне и страханись,—объ сырую зямлю яго ўдаръ, нячистую силу, кабъ ёнъ разбивсь! А мы съ тобой будемъ умѣсьти жить!» Отъ ёнъ якъ поднявся вышай яго, страханувся, ударивъ поганаго Кощея объ сыру зямлю—разбивъ яго на крошки, дробнѣй маку!

Отъ яны усѣли одинъ на 'дного, а другѐй на другого, и поѣхали. А яму достався и соколъ и соболь, усё уже яго—што ўсё доставъ, на чомъ

налегавъ. И поѣхавъ къ батьку и стали жить-поживать, добра наживать.

И я тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по бородѣ тякло, у роти ня було. Дали мнѣ пирогъ—я за порогъ; дали мнѣ смыкъ—я подъ вороты шмыкъ.

С. Высокое, орш. у. Записано мною отъ кр. Якова Игнатьева, 76 лѣтъ, негр. Внѣ предѣловъ своей губерніи не былъ.

36. Удовины сыны.

Жывъ сабѣ царъ, и було у яго тры дочары. Выходють первой дочары годы замужъ отдавать; и пріяжжають къ ёй сваты. А яна гувора: «батюшка, гувора: што жъ вы мяне замужъ отдаятё—ниякихъ работъ я ня вѣдаю: купйтя менѣ шовку краснаго и дайтя мнѣ домъ чистый, спокойный, кабъ я училась усихъ работъ!» Тяперъ яѐ у етый домъ отправили. Змѣй, откуль бывшы, домъ разбивъ, и яѐ узявъ и понёсъ съ собой. Горували, горували яны, и остались такъ, безъ усяго. Тяперъ, и другой дочары—напоготови замужъ отдавать. Икъ той дочары сваты прыѣхали, и тая отцу кажа: «што жъ вы мяне отдаятё,—я ниякихъ дяловъ ня вѣдаю!» И такъ само: «купитя менѣ шовку чорнаго и отправтя мяне у вучебный домъ!» И отправили яе. Змѣй опять прилятѣвъ, узявъ дѣвку и понёсъ съ собою. Яны горували, горували, и ничого. Тяперака вышли годы трэтьтяй дочары замужъ отдавать. Прыяжжають сваты по туу дочку, а яна гувора отцу: «што жъ вы мяне отдаетя у люди, коли я ниякихъ работъ ня вѣдаю? Купитя менѣ бѣлаго шовку и отправтя мяне у вучебный домъ!» Ну, отправили яе у вучебный домъ, а змѣй, откуль бывшы, разбивъ домъ и яѐ узявъ съ собой. Тяперъ, яны горують, и мать и отецъ, што были тры дочары, и нямà нивôдныя. Яны давай горувать, давай прослухàть по ўсимъ бѣлымъ свѣту. И просивъ усихъ разныхъ народовъ, кабъ ихъ тольки знайтить, ти живыхъ ти мяртвыхъ. Собрались Удовиныя сыны къ обѣду и говоруть мижъ сябе такъ: меньшый гувора братъ: я, гувора, знаю, дѣ яны и могу ихъ воротить! А нищія, значитца, ходють и разслухàють етыхъ дяловъ. Сычасъ и доложили аппаратору налишно: «исказавъ Удовиный сынъ младшый: я знаю и могу ихъ воротить!» Такъ ихъ аппараторъ спрашуя у свой домъ, и допрашують ихъ: братьтя, гувора: скажытя, гдѣ моихъ дочакъ, ихъ можно достать? Ёни отвячàа: ваша царское вяличаство: кабъ лошади намъ хурошія були, и кабъ мèньшаму брату, Удовиному сыну, була булава у сямнанцать пудовъ, сярэдьняму брату кабъ у двананцать пудовъ, а бòльшаму девять пудовъ! Тогды, лошадей собрали, булавы ўзяли и выяжжають съ царскаго двора.

Ёнъ, Удовиный сынъ и гувора старшому брату: шыбай, гувора, свою булаву! скольки ўлятить, стольки намъ до ношлегу ѣхать! Ёнъ швырнувъ, яна й загрымѣла. Поѣхали яны услѣдъ за ёю и цэлый день, до самой ночы ѣхали. Ну, обночылися тутъ, заночавали коло яе. Тогды, назаўтраго, устають, помылися, Богу помолилися, опять жа сярэдьній братъ бярэ ету свою булаву и шыбнувъ путёмъ, куды ѣхать имъ. И узновъ цэлый день ѣхали за булавой. Прыѣхали къ булавѣ и заночавали. Ну, заночавали, назаўтраго устали, Богу помолилися,—опять жа ужэ меньшый братъ бярэ ету свою ўжэ оружыю—булаву и шибаа у свой путь, куды имъ ѣхать. Опять ѣхали цэлый день до етыя до оружыи, найшли булаву, и коло булавы ужэ ношлегъ имъ. Тогды, назаўтраго, устали, помылись, Богу помолились, опять поѣхали у свой путь. Прыяжжають яны у повдни ў городъ: стоить городъ за калиновымъ мостомъ. И такъ, городъ будя направо, а налѣво стоить тры домы: одинъ домъ красный, другій чорный, а трэтьтій бѣлый. Тяперъ и гувора меньшый братъ Удовинъ сынъ: братія, гувора: прыѣхали ў городъ—пить и гулять, и расплачаватца якъ слѣдуя быть! Добыли до вечара у городи, меньшый братъ гувора бо̂льшаму: братъ, гувора: иди, братъ, ночавать подъ етый мостъ потъ калиновый, и гляди строго, што будя! Ёнъ пошовъ сабѣ подъ мостъ ночавать, помолився Богу и лёгъ спать подъ мостомъ. Етому жъ брату меньшаму, Удовиному сыну, неколи ждать, а ўслѣдъ за имъ пошовъ повѣрать. Етый сабѣ спить своимъ порадкомъ, а етый на мосту стоить на калавуры. Такъ сычасъ у повночъ ѣдя змѣй чатырохъ-годовный. Подъяжжаа къ мосту, сычасъ собака забрахавъ, конь зарзавъ, соколъ за*ц*виливъ. «Стой, гувора, песьсяя мясо,—ня ржы, а ты, пёсъ, не брашы, а ты соколъ, ня *т*вили: што я ў свѣти никого не боюся, а боюсь одного Удовинаго сына. Дакъ яго сюды воронъ косьтй не занясё!» А ёнъ сказуа: ня воронъ ко̂сьти молотца заносяя, самъ молодецъ по своёй охоти ходя!—«Ты тутъ, говора, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, кажа.— «Ну штожъ, гувора: будомъ битца, ай мирытца»? —Про̂клятый, гувора: я не прыѣхавъ съ тобой мирытца, прыѣхавъ тябе соусимъ убить!—«Дуй токъ!» гувора.—Ты дуй, проклятый! Ёнъ дунувъ—сярэбраный токъ здѣлавъ; а Удовинъ сынъ дунувъ—золотый токъ здѣлавъ. Ну, тогды давай битца яны. Билися-билися, и Удовинъ сынъ яго збивъ, и головы етыа позбивавъ и поскидававъ у вогнянаю рэчку. Лукавый жа ѣздя по рэццы, побираа еты головы у лотку. А ёнъ пошовъ сабѣ на хватеру свою и лёгъ спочивать богатырськимъ сномъ. Прыходя братъ, пераночававшы, съ подъ моста опять жа на хватеру. Ёнъ спрашуа: братъ, ти видавь ты што, ти ня було приторо̂частва табѣ якого ноччы?—Ничо̂го, братъ, ня було: ночававъ спокойно!.. Ну, днемъ погуляли, попили, поѣли, у городи походили,—дожыдаютца другой ночы

ўжэ. Посылаа Удовинъ сынъ сярэдьняго брата на калиновый мостъ, на 'гнянпаю рэчку, и прыказуа яму̀: гляди, братъ, построжэй! И ёнъ яму̀ ня вѣра,—опять услѣдъ пошовъ. Той жа братъ прышовъ, подъ мостомъ и лёгъ спать. Ну яму̀ спать неколи—стоить на стурòжы на мосту. Во повночъ ѣдя тожа сямиголовный змѣй на лошадю,—коло яго хортъ и соколъ. Яны узъяжжають на мостъ—конь зарзавъ. хортъ забрахавъ, а соколъ запвиливъ. «Стой, гувора, песьсяя мясо, ня ржы, а ты хортъ, не брашы, а ты, соколъ, не цвили: што я не боюсь у свѣти никòго, тольки боюсь одного Удовинаго сына. Дакъ яго сюды воронъ косьтѝ не занясѐ!» Ёнъ жа кажа: ня воронъ кòсьти молотца занòся, молодецъ по 'хоти самъ заходя!—«А ти тутъ ты, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, гувора.—«Ну, будомъ битца, ай мирытца?»—Нѣ, проклятый, не за тымъ я прыѣхавъ, кабъ мирытца, а затымъ, кабъ тябе соўсимъ убить! Дми токъ!.. Ёнъ дунувъ—сярэбраный токъ здѣлавъ на пять вёрстъ, а Удовинъ сынъ дунувъ—позолотивъ. Тяперъ давай битца яны на мосту. Удовинъ сынъ яго збивъ, сколотивъ, и головы яму позбивавъ и ў вогня̀ннаю рэчку поўкидававъ. А лукавый опять по рэццы ѣздя да головы етыа збираа. И пошовъ Удовинъ сынъ опять на свою хватеру, а брата ня будивъ, тамъ и кинавъ подъ мостомъ яго. Прыходя братъ опять на ету хватеру, дѣ яны значытца хватяровали, ёнъ и спрашуа: што, братъ,—ти ня було прыторочаства табѣ якого?—Нѣ, братъ, ничòго ня було!.. Пили день, бясѣдовали, гуляли,—дожыдаютца трэтьтія ночы. Отправляетца Удовинъ сынъ самъ ужэ на стражу, а ихъ оставляа на хватеры и прыказуа имъ: «отъ, братцы, слухайтя муйго прыказа!» Становя имъ стыканъ воды сярадѝ стола. «Братцы, гуляйтя, ня спитя! Што коли стыканъ повянъ будя, тѐразъ потячэ вода, дакъ якъ можно бяжытя ко мнѣ, поспяшайтя на калиновый мостъ, на 'гнянную рэку!» Сказавъ имъ етакъ, а самъ и поѣхавъ. Во повнòчъ прыяжжаа на калиновый мостъ змѣй—двананцать головъ—на конѣ, и пёсъ при ёмъ и соколъ. Сычасъ конь зарзавъ, собака забрахавъ, соколъ запвиливъ. «Стой, песьсяя мясо, ня ржы, а ты, пёсъ, не брашы, а ты, соколъ, не цвили! Што я ў свѣти никòго не боюсь. Ё Удовинъ сынъ, и того не боюсь; да й яго, гувора, воронъ косьтѝ не занясе!» А ёнъ гувора: да ня воронъ молотца занося, самъ по 'хоти молодецъ заходя!—«А ти ты тутъ, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, гувòра. «Ну што жъ: ти будомъ битца, ти мирытца?»—Нѣ, гувора, някайнный: я прыѣхавъ убить тябе!—«Ну, дуй токъ!»—Нѣ, ты дуй, някайнный! Змѣй якъ дунувъ, на десять вёрстъ выдувъ сярэбраный токъ, а Удовинъ сынъ дунувъ—позолотивъ. Ну, и битца. Давай битца, давай битца, бились-бились, бились-бились, змѣй убиваа етаго Удовинòго сына. «Эхъ, лукавый, гувора: цары-короли

бьютца, отдыхъ даютъ,—пора и намъ, гувора, отдыхнуть!» Убивая, бачъ яго. Тогды, сымаа колцо съ правыя руки съ своѐ, и пусьтивъ у городъ, у етый домъ, прамо у хватеру свою, и збивъ домъ етый по вȯкны своимъ колцомъ. Прошынаютца браты яго, а ўжэ съ етаго стыкана не вода, а кровъ ужэ тѐразъ пошла—што ёнъ становивъ имъ. «Эхъ, братъ, гувора: нямȧ нашаго Удовиного сына, рȯднаго брата!» И ўхватили свою оружыю и побѣгли кольки-силъ на калиновый мостъ, на ʻгняннаю ракў. Прыбягаютъ удвоихъ, а Ўдовинъ сынъ трэтьтій, и ўзяли бить яго. Позбивали голȯвы ўси и ў вогняннаю ракў поскѝдали. А лукавый головы збираа, у човни ѣздючы, подъ мостомъ. Такъ тыя пошли ва свою хватеру уси, уси троя: вотъ тяперъ, гувора, пȯйдомъ, братцы, царськихъ дочакъ шукать! Прыходютъ къ чорному дому утроихъ. Ёнъ и гувора на бȯльшаго брата: вотъ, братъ, гувора,—тутъ твоя царськаа дочъ и жана твоя будя! Би, гувора, вуроты своёй збрўяй! Ударывъ тэй братъ яго вороты своёй збруяй, дакъ замки ня зворохнулись. Тогды Удовинъ сынъ правратився, меньшый, якъ ударывъ—дверы й замки посыпались уси. Прыходютъ на самый вышнiй атажъ—царэвна сядитъ у стули и ланцугȯмъ яѐ замкнуто кружкȧ. «Отъ, братъ, гувора: ето твоя будя жана», гувора. Замки еты попорвавъ на ёй уси, ланцуги, и бярэ яѐ за рукў и сходя зъ дому и проручаа бȯльшаму брату яѐ: ступай, каа, братъ, на свою хватеру, гдѣ мы знаходилися! А яны пошли у другiй домъ опять жа, у бѣлый. Ёнъ и гувора на сярэдьняго брата: разбивай, братъ, дверы, гувора: тутъ твоя нявѣста, царськая дочъ, гувора; за штȯ мы, гувора, трудимся! Ударывъ сярeдьнiй братъ у вороты и разбивъ уси замки. И пошли на верхнiй атажъ. Также прыходютъ къ ёй, яна зъ радосьти ня могла што й дѣлать, на ихъ глядя. Тожъ и ста ланцугамы такъ обвѐрнута и замкнута. Сычасъ ланцуги еты зняли, и даѐ сярэдьняму брату: вотъ, гувора, твоя, братъ, нявѣста, царськая дочъ! Отправляа и етыхъ,—узявъ за руки и повёвъ къ хватеры, къ сястрэ значытца. Звёвъ ихъ укучу обѣдвихъ. Яны ня могутъ одна одной радосьти приставить—рады крэпко, што злучылися умѣсто. А ёнъ пошовъ у красный домъ, самъ ужэ Удовинъ сынъ. Прыходя къ вурȯтамъ къ етымъ и ударывъ своёй булавой. Разбивъ етыа замки и дверы уси, и усходя на вышнiй атажъ. Сядитъ яна у стули, тожъ ланцугамы обкручана и запѐрта, и чорна ўжэ стала, акъ вугȧль. Ёнъ усё ето опчыстивъ доловъ, порвавъ—пошматовавъ ланцуги, и яѐ узявъ съ собой. И яны пошли на свою хватеру, туды къ сястрамъ тыки къ своимъ, умъсто. Собралися тры сястры ўмѣсьти ихъ—и зъ радосьти—съ печали ня могўтъ говорыть одна съ одною. Тяперъ яны тамъ пили и гуляли, и думать ужэ отправлятца ў путь. Такъ Удовинъ сынъ гувора: братiя, гувора: пойду довѣдаюсь у тэй домъ, агдѣ я ўзявъ

свою нявѣсту, царськую дочку! Уходя ў домъ у етый. Скольки ёнъ тамъ побывъ у дому ў томъ, сычасъ яго охватила ограда високая дужа, такъ високая, што й сонца ня видно. Ёнъ у етомъ доми бывъ—няльзя яму выйти никуды—нѣскольки сутокъ. Етыя братьтя тутъ и плакали и горавали и чаго ня дѣлали—няма брата меньшаго Удовиного сына. Яны ждали-ждали, и поѣхали, отправились у путь, у свою сторону. Прыяжжають на калиновый мостъ, на 'гнянаю раку, такъ сычасъ являетца ета сатана, который головы збиравъ етыхъ змяёвъ подъ мостомъ. Вылазя на верхъ, на мостъ, и спрашуа у ихъ—знаа, што яго няма ўжэ, загороджанъ у огради: «а што, гувора: якъ вы достали ихъ, дѣ затрудэнія ваша, што вы трудилися? Вотъ я ихъ, гувора, побивъ,—у мяне й головы ўси!» Становитца ёнъ ужэ намѣстьникомъ за Удовинаго сына: што вотъ я побивъ ихъ, доставъ меньшаю царэвну! И отправляютца у путь съ калиноваго моста, съ огнянныя раки, и ёнъ ужэ прылучывся къ имъ, етый сатана. И поѣхали у путь, домовъ, у свою зямлю. Прыяжжають къ отцу у своё царство, и тутъ ужэ радосьти! Етыхъ чудасовъ глядѣть збираютца уси князи и бояры, што вотъ царськія дочки вярнулись Богъ знаа откуля. И гуляють ужэ, веселятца. Такъ лукавый и думавъ ужэ прозвесть вясельля, кабъ у етымъ царстьви царовать ужэ за своѐ труды.

А Ўдовинъ сынъ сядѣвъ-сядѣвъ, и давай Богу молитца, давай Бога просить у огради. Господь ссылаа яму голуба у ограду. И садитца яму на праваа плячо и гувора яму: «возьми ты тры зялѣзныхъ пруты и иди у старую у конюшню по праву руку. Будя склепъ стоять у конюшни, у сараи; коло етаго склепа ляжыть етый змѣявъ батька, ужэ пропавшый, схованый. И бй ты яго зялѣзнымъ прутомъ мяртваго, зби уси тры пруты на ёмъ!» Тогды ёнъ расказавъ ето и полятѣвъ. А ёнъ узявъ, значытца, тры пруты, пошовъ у конюшню, найшовъ батьку змѣяваго, Сатаніила, и давай яго бить мяртваго. И потуль яго бивъ, покуль ёнъ поворушывся и отвясьтивъ: «за што ты моѐ старыя косьти ворушышъ?»—А вотъ за што, гувора: покажы мнѣ лошадь свою старую, што ты на ёй ѣздивъ, и сядло своё покажы мнѣ! Ёнъ яму и показавъ: «ступай, гувора, по правуу сторону, и будя склепъ, и ў скляпу за двананцать замковъ стоить лошадь!» Ну, ёнъ пошовъ. Тольки замки отбивъ еты, дакъ лошадь кинулась къ яму, акъ звѣръ. Ёнъ лошадь схвативъ ету. «Вотъ, гувора: акъ служыла старому хозяину, послужы и менѣ такъ!» Узявъ сядло и засядлавъ яе. «И садися, гувора, верхи крэпко на мяне!» Ёнъ, сѣвшы на лошадь, и ударывъ яѐ подъ боки. И полятѣла теразъ верхъ, теразъ ограду, усё-'дно якъ молоньня! И поѣхавъ своимъ путёмъ братовъ догонять, и нявѣсту свою.

И прыяжжаа у царській дворэцъ, дѣ браты яго и царськія дочки.

Яны тутъ. И сатана етый собрався, кабъ къ вянцу итить, а йна водя, и дожыдаетца Удовинаго сына. Сычасъ, ня довгая ўрэмя, Удовинъ сынъ и являетца у царській дворэцъ. И тутъ сычасъ услышавъ ёнъ, што тэй къ вянцу жалаа, етый самый сатана, съ царськой дочкой. Сычасъ являетца Удовинъ сынъ—зъ радосьти ня могла яна своѐ жысьти утярпѣть. А лукавый ужэ увознавъ, што ёнъ прыѣхавъ, засмутився. Тогды спрашуа яго царъ: што ты, гувора, такъ смутянъ? гувора.—За то, гувора, смутянъ, што вѣрно, мнѣ, гувора, етой жысьтю ня ўладѣть, гувора. Сычасъ Удовинъ сынъ прыскакавъ къ ёй на вышній балхонъ, и захвативъ яѐ на вышнямъ балхони. Сычасъ схватили яго, узяли и ўбили тамъ, етаго самаго лукаваго. Тогда Удовинаго сына признали труды яго, што ёнъ трудився. На царськой доццэ Удовинъ сынъ и жанився, и жыть остались у царстьви у етомъ.

С. Покатъ, гом. у. Отъ кр. Михаила Иванова, 65 л. негр. Языкъ отчасти подвергся вліянію живущихъ здѣсь старообрядцевъ—великоруссовъ.

36. Ивашка—медвѣжье ушко.

Живъ сабѣ такъ человѣкъ и была у яго хозяйка. И пошла ина у лѣсъ у грибцы. И заблудила. Налучився на яе той жа часъ мядвѣдь. Ёнъ яе узявъ, да и узнёсъ яе къ сабѣ, у лѣсъ и ставъ, значитца, зь ей жить. Пожила яна годы три и забременѣла отъ яго. Родйла яна сабѣ сына. Дали яны яму имя—прозванія Ивашка медвѣдьджая вушко. Побывъ ёнъ годы три, и росъ не по годахъ да по часахъ, не по часахъ, да по минутахъ. Да. Ёнъ и говорить: мать, я, говорить, ня буду съ тобой жить и зъ мядвѣдемъ, ну я ввыйду отъ тябе! Пошовъ сабѣ, идеть дорогой и стручая человѣка. Той говорить: здрастуй, говорить, Ивашка—медвѣдьджая вушко!—Добрая здоровья, говорить, Дубъ-Дубовикъ. А куды ты идешъ? пытая Дубъ-Дубовикъ у въ Ивашка, медвѣдьджаго вушка. Ну ёнъ говора: пойду у свѣтъ!—Ахъ, братъ, пойду и я съ тобой!—Ну, пойдемъ. Скольки яны уремя ишли—стоить опять человѣкъ. Яны говорють: здрастуй, говорють, Гора-Горовикъ!—Добрая здоровья, Ивашка медвѣдьджая вушко, и Дубъ-Дубовикъ!—Ну куды вы идѐтя?—Идёмъ у свѣтъ!—Пойду й я зъ вамы!—Ну, ходи, говорить етый Ивашка, медвѣдьджая вушко. Ну яны пошли утрохъ. Ишли, ишли, и нашли яны сабѣ домъ. Вотъ, говора, братцы, во гдѣ теперъ будемъ жить. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко и говорить на Гору-Горовика: ну, Гора-Горовикъ, ты оставайся, говора, обѣдъ варить, а мы пойдемъ на охвоту. Той сичасъ узявъ, вола зарѣзавъ, облупивъ, у котёлъ уклавъ, т̄япло расклавъ и давай варить. Тольки ета говядина закипѣла, сичасъ жа иде и стукаа у двери и каа—отчини, хто у моёмъ доми ёсть?—бязсмертный Кощей, ёнъ самъ съ кокоть, борода зъ

локоть. Ёнъ яму отчнинвъ. Уссади, говора, мяпе на лавку! Ёнъ узявъ и уссадивъ яго. Ну, дай мнѣ, говора, ѣсть! Ёнъ яму и давъ вола. Ёнъ етаго вола зьѣвъ, тогды узявъ полосу у яго выкроивъ съ плячей, самъ и улятѣвъ. Ну, тому неколи дожидатца, а треба другого рѣзать вола—обѣдъ треба готовать. Приходжуютъ яго товарищи, тольки што ёнъ закипѣвъ. Ну, говора, братъ: давай обѣдать! Ёнъ вынявъ совсимъ ще сыроя мясо. Яны стали ѣсть: ахъ, говора, якъ ты варивъ, совсимъ яно у тябе сырое!—Ахъ, братцы: покудова дровы нарубивъ, ну, братцы, запозьнився. Ну однача ёнъ того не сказавъ имъ, што яму такая штука здѣлана. Ивашка медвѣдьджая вушко говора: эхъ, братъ, ня стòя табѣ! А нутка ты, Дубъ-Дубовикъ, оставайся тутъ, ти ня лучьчи ты зготовишъ! Дубъ-Дубовикъ начавъ пошибчи ворочатца. Вола зарѣзавъ, сичасъ облупивъ, у котёлъ уклавъ яго, тяпло расклавъ и ставъ варить яго и думая—якъ ба поскорѣй. Сичасъ жа и лятить той самый змѣй, самъ съ кокоть, борода зъ локоть, Кощей бязсмертный и стучить у двери: хто у моёмъ доми ёсть, отчини! Ёнъ яму отчинивъ. Перасади мяне черазъ порогъ! Ёнъ перасадивъ. Ну, уссади мяне на лавку! Ёнъ уссадивъ. Дай мнѣ ѣсть! Ёнъ яму давъ ѣсти. Кощей вола зьѣвъ и опять полосу выкроивъ зь яго и полятѣвъ. Той думавъ—òтъ гòра! Начавъ ще пошибчи ворочатца, зарѣзавъ другого вола, ставъ готовать. Да, сичасъ яны и приходжуютъ. Давай, говора, братъ, обѣдать! Ёнъ вынимаа совсимъ сыроа. Ивашка медвѣдьджая вушко и говора: ахъ, братъ ты мой! Я жъ думавъ, што ты получчи зготуешъ, ажно ты ще худжи! Однакъ идитя вы сабѣ, братцы, на охвоту, а я останусь готовать; ти ня луччи я васъ зготую! Ивашка медвѣдьджая вушко вола зарѣзавъ, уклавъ у котёлъ и начавъ готовать. Развёвъ тяпло. Да. Тольки ёнъ зготовавъ, сичасъ и лятить, и говòра: хто у моёй хати ё, отчини мнѣ! Ёнъ говора: руки ня потсыхали, коли треба, дакъ отчинишъ! Ёнъ отчинивъ. А ну, говора: перасади мяне черазъ порогъ! Ёнъ отказуя яму—што ноги ня потсыхали, нералѣзешъ и самъ.—Уссади, говора, мяне на лавку! Ёнъ говора: ноги ня потсыхали, самъ узлѣзешъ!—Дай мнѣ говора, поѣсть! Коли наготовавъ, дакъ поѣжъ! Я наготовавъ да ни дли тябе. Ёнъ схватився да на яго. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко ухапивъ яго за бороду да потёгъ яго прамо у лѣсъ. Узявъ, расколовъ дуба, да засадивъ яго бороду у дуба, да й забивъ клиномъ. Вотъ ты, говора, тутъ посяди, покуль товарищи придуть! Приходють товарищи. Ну, давайтя, каа, братцы обѣдать! Вотъ я зваривъ не такъ, якъ вы. А ходитя братцы—побѣдавши, каа, поглядитя, што я усадивъ у дуба—бороду ущамивъ у дуба! Пришли яны у то мѣсто, посмотрать, ажно яго нѣту. Вырвався и полятѣвъ, борода у дуби осталась. Отъ яны и пошли. Пòйдемъ, каа, братцы, полядимъ, куды ёнъ пошовъ, вить кровъ, говора, ё! Отъ яны узяли

и пошли. Увыйшли у лѣсъ у вогромный. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко говора—ну, Дубъ-Дубовикъ, давай, каа, дорогу! Начавъ Дубъ-Дубовикъ ирвать дубы, дорогу пробирать. Да. Пробрали дорогу, пришли къ большой горѣ. А ну, Гора-Горовикъ, раскапуй гору! Гора-Горовикъ раскопавъ. Перашли яны гору, ляжить большiй камянь. И потъ той камянь нора. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко говора: вотъ, братцы, во ёнъ куды полѣзъ. Ну, давай воловъ рѣзать и пасъ сшивать. И ўпусьтитя мяне туды я пойду яго шукать. Ну вы, братцы, тутъ довжны быть круглый годъ, до етаго уремя, якъ мене упуститя туды. Ну, а тогды, братцы, якъ годъ выйдя, вы довжны прибыть сюды, и я пасъ етый сколотну и вы мяне вытиньтя! Тогды яны узяли, воловъ штукъ пятнадцать зарѣзали, здѣлали пасъ, начапили камянь и упустили туды. И ще не хватая. Давай, братцы, яще зарѣжамъ штуки три, да пасъ надвяжамъ! Ну вотъ, нашили и упусьтили яго туды. Достали глыбину. Ну, вотъ, тяперъ братцы, пущайтя мяне туды. Тольки глядитя жъ, братцы, тяперъ я васъ прошу, штобъ вы гдѣ былй, а у той часъ, якъ мене спущаетя, черазъ годъ довжны сюды прибыть!

Упусьтили яго туды, ёнъ и пошовъ. Находжуя, стоить домъ мѣдный. Приходя ёнъ у тэй домъ, сядить тамъ дѣвушка. Ахъ, говорить: здрастуй Ивашка, медвѣдьджая вушко! Слыхомъ було слыхать, а тяперъ и ў глазы видать. Зачимъ ты ходишъ сюды? Мы скольки уремя живомъ, мы руськаго человѣка не видали. Ну, однаково, ты свою голову занёсъ сюды,—мы живомъ зъ бязсмертнымъ Кощеемъ.—Ну, я того и ищу! Ну, однаково, говора: давай мы съ тобой жанитца! Ёнъ говора: нѣ, говора: я пойду бязсмертнаго Каща шукать! Эхъ, говора: ты якъ пойдешъ, тамъ ще красивѣй мяне ё, ты на мяне забудешъ!—Нѣ, говора: я й тябе возьму отсюль! Ну, ёнъ пераночававъ, назаутраго уставъ, помывся, Богу помолився и пошовъ. Приходжуа, ажъ стоить другiй домъ сярэбраный. Здрастуй, говора, дѣвка!—Здрастуй, здрастуй, Ивашка—медвѣдьджая вушко! слыхомъ було слыхать, а тяперъ и ў глазы видать. Зачимъ ты ходишъ сюды? Мы скольки уремя живомъ, мы руськаго человѣка не видали. Ну, однаково, ты свою голову занёсъ сюды, мы живёмъ зъ бязсмертнымъ Кощеемъ!—Ну, я того, говора, и йщу, я за имъ и иду, за бязсмертнымъ Кощеемъ.—Ахъ, Ивашка—медвѣдьджая вушко, давай, говора, съ тобою жанитца!—Нѣ, говора: пойду подальшъ, пойду бязсмертнаго Каща шукать! —Ахъ, говора: ты якъ пойдешъ, тамъ ще крашы мяне ёсть, ты и на мяне забудешъ?—Нѣ, говора: я не забуду, я й тябе возьму. Да й пошовъ, пераночававши. Стоить третiй домъ—домъ золотый. Ёнъ уходжуя у той домъ,—сядить красивая дѣвка, вышивая. А здрастуй, говора, Ивашка—медвѣдьджая вушко! ти по воли ти по няволи зайшовъ сюды, буйну голову,

говора, занёсъ? Здѣсь бязсмертный Кощей, дакъ ёнъ тябе зьѣсть! —Ну, я яго ищу!—Да ти ищешъ, ти не ищешъ, а ёнъ тутъ не такъ, якъ на томъ свѣти, на етомъ свѣти ёнъ силнѣй! Ну, на жъ ты, говора, поѣжъ, и здѣлаю я тябе булдвкой и уторну у подушку. Ну ёнъ говора: пожалуста и распроси, дѣ яго, каа, смерть. У скоромъ уремю прилетая бязсмертный Кощей и говора: фэ, русь кось пахня! Ну яна яму отказуя—ахъ, говора, душанька: ты по Русѣ летавъ, Руси набрався, такъ табѣ бытто отдае тутъ. Я тутъ кольки живу, а руськаго человѣка не бачила! Унясла яна яму горячихъ картечъ, ёнъ наглытався. Лёгъ сабѣ и ляжить. Ина говора: душанька, сколькн мы съ тобой живомъ! Ну, крый Богъ, насъ хто побидя—крый Богъ, твое смерти. Ёнъ зараготавъ —ха, ха, ха, дура, мое смерти нѣту. Моя смерть: у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а въ зайцу вутка, да, а въ вутцы яйцо, вотъ то моя смерть. Да. Уставъ и полятѣвъ етый бязсмертный Кощей. Яна тогды яго и выпусьтила, Ивашку медвѣдьжая вушка и говора: знаешъ, говора, другъ мой, дѣ яго смерть? Яго смерть: у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а въ зайцу вутка, а въ вутцы яйцо, штобъ яйцо ты тоя доставъ, да ударивъ яму у лобъ, отъ яму и смерть—дакъ идѣ ты достанешъ? Ёнъ узявъ сабѣ ружайцо и пошовъ. Сколькн ёнъ уремя ишовъ, што болить ажно яго шкура; што ёнъ ѣсть хоча. Бягить вовкъ; ахъ, думаа: возьму убъю, хотя вовка наѣмся. Тольки ёнъ зложився бить, а вовкъ и говора: ахъ, Ивашка—медвѣдьжая вушко, ня би мяне, я табѣ при злой година знадоблюсь! Такъ Ивашка медвѣдьджая вушко и пошовъ, ѣсть не захотѣвъ. Опять ишовъ, ишовъ, ажъ шкура яго болить. Думая: ну, хто сабѣ навретца, убъю да зьѣмъ. Бача, лятить коршикъ. Ёнъ склався и думая: убъю. Коршикъ яму говора: ахъ Ивашка, медвѣдьджая вушко, ня би мяне, я табѣ знадоблюсь при злой годины! Такъ ёнъ узявъ и пошовъ, и не захотѣвъ ѣсьти. Сколькн ёнъ уремя ишовъ, приходя къ мору; ажъ ляжить ракъ, такій огромный; и ёнъ думая: отсяку яго половину да зьѣмъ. Вотъ жа поправлюсь! Ракъ говора: ахъ, говора, Ивашка медвѣдьджая вушко! вить ты бачишъ, што я горую—половина на берагу, половина у водѣ. Вотъ ты возьми колъ, да спихни мяне у воду. Я табѣ у злой годины знадоблюсь: што табѣ треба, то табѣ отъ мяне будя. Ивашка, медвѣдьджая вушко узявъ колъ и скатявъ яго у воду. Ёнъ говора: ну, благодарить табѣ, Ивашка медвѣдьджая вушко, што табѣ треба, сказувай! —А вотъ што, говора, мнѣ треба,—я пришовъ сюды за смертю Каща бязсмертнаго. Есть у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а у зайцу вутка, а въ вутцы яйцо!—А вотъ, говора, я табѣ яе доставлю.

Такъ ёнъ поповзъ и тягня скрыню ету перадъ собою. Ёнъ узявъ ету скрыню, разбивъ крышку, тольки отчинивъ—заяцъ выскочивъ и побѣгъ.

Ахъ, Богъ мой: дѣ тэй вовкъ дѣвся, што казавъ—я табѣ при злой години знадоблюся—што, кабъ ёнъ мнѣ уловивъ етаго зайца. Такъ той жа часъ вовкъ и схвативъ яго. Ёнъ яго узявъ разодравъ. Вутка изь яго пыръ—и полятѣла. Ёнъ стоючи и говора: дѣ ето дѣвся тэй коршикъ, кабъ ёнъ мнѣ яе уловивъ. Тольки ёнъ сказавъ—откуль узявся коршикъ, уловивъ тую вутку. Ёнъ узявъ, разодравъ тую вутку, ўзявъ яйцо. Ну, яно гразная. Ахъ, понясу у мора, помыю. Узявъ, понёсъ. Ставъ мыть, яйцо ето покатилося прамо у мора. Ёнъ стоючи и каа: ахъ, Божа мой, Божа, што якъ ба тэй ракъ да мнѣ ето яйцо подавъ! Такъ и нясе той ракъ тоя яйцо яму. Ёнъ узявъ и пошовъ. Ну, слава табѣ Господи. Приходжуя прамо къ бязсмертному Кащу. Такъ якъ ишовъ, такъ прамо у домъ. Бязсмертный Кащъ, акъ тольки ёнъ увыйшовъ, ёнъ глядь на яго—а говора, ты тута, Ивашка, медвѣдьджая вушко!—А ёнъ говора: а ўже жъ тутъ! Такъ ёнъ усхватився, прамо къ яму и кинувся. Ёнъ яго ударивъ тымъ яйцомъ прамо у лобъ. Тогды бязсмертный Кащъ кажа: ахъ, вотъ моя смерть! Убивъ бязсмертнаго Каща. Тогда говорить: ну, красная дѣвка, я тябе возьму, а дому етаго жалко, якъ мы домъ заберомъ. А яна говора: эхъ, я домъ, говора, сичасъ забяру. Узяла яйцо, опкатнула кругомъ, такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко узявъ яго, у кишеню уклавъ и пошли. Приходжують къ другому дому. То золотый узяли, а ще приходжують къ сяребраному. Што жъ, говора, красная дѣвка, я тябе забяру, а якъ жа домъ забрать?—Эхъ, говора, не безпокойся: я домъ сичасъ забяру! Узяла яйцо, опкатнула кругомъ. Такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко уклавъ яго у кишень и пошли. Приходжують яны къ третьтему дому, къ мѣдному. Ивашка медвѣдьджая вушко и говора: ну вотъ, говора: я тябе забяру, а якъ жа ты домъ забярѐшъ, дома шкода!—Эхъ, говора, я домъ сичасъ забяру. Ина узяла яйцо, опкатнула кругомъ, такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко ўклавъ яго у кишень и пошли. Приходжуя на тоя мѣсто—якуратъ годъ. Узявъ ёнъ, привёвъ ихъ на тоя мѣсто и посадивъ ету, зъ мѣднаго дому, и торганувъ тэй пасъ. Яны узяли и потягнули. Вытягнули и начали одинъ съ однымъ битца. Тэй говорить: ето мнѣ, а тэй: ето мнѣ. И начали дратца. А дѣвка ета говора: стой, говора: не битеся, тамъ еще крашы мяне ёсть. Такъ яны узяли, опусьтили опять пасъ. Ёнъ узявъ, посадивъ съ сяребранаго дому тую дѣвушку. Яны потаскали. Вытягнули и почали опять дратца—тэй говора: мнѣ, а тэй: ето мнѣ. И начали дратца. А дѣвка ета говора: стой, говора: ня битеся, тамъ яще дѣвушка крашы мяне ёсть. Яны упусьтили пасъ; ёнъ посадивъ и третьтюю, што изъ золотого дому. Тогды вытащили—ну,

братъ, говора: ето намъ по одной, а третьтяя будя намъ за чалядку, служить будя намъ. Ну яго, братъ, упусьтимъ пасъ и утягнемъ уполъ и пасъ перарѣжамъ—нехай ёнъ убъётца. Да, упусьтили пасъ. Ёнъ тогды узявъ, пудовъ ли ста зачапивъ камянь, и торганувъ пасъ, и самъ отышовъ дужа далёко. Яны и потаскали яго. Тольки уполъ свѣта утягнули—узяли, пасъ перарубили—такъ гудеть тэй камянь назадъ. Ёнъ тогды говора: ахъ, Божа мой: вотъ ба ето мнѣ было! Узявъ, избѣднився (што горко стало), зажурився и пошовъ одинъ. Ахъ, Божа мой, во што то мнѣ було. Не знаю, якъ ба мнѣ на той свѣтъ достатца? Такъ, находжуя дужа хмара большая. Ёнъ и думаа—ахъ пойду я подъ дуба сховаюся, штоба я не замякъ. Приходжуя подъ дуба и ставъ. И чуя, кричать птицы, дужа крѣпко. Ёнъ тогды: ахъ, Божа мой, итъ пойдя хмара—засячè ихъ дожджъ! Узлѣзу я, ихъ прикрыю. Ёнъ узлѣзъ на дуба и распявся надъ гнѣздомъ, и прикрывъ етыхъ дятей, покудова хмара не пройшла. Тогды, распогодилось, ёнъ узявъ и злѣзъ, узявъ и схоронився. Ня довгимъ уремямъ лятить птица Полугрица и спрашая: ахъ, дѣтки моè—хто васъ прикрывъ отъ етыя хмары? Я уже думала, што вы живы ня будетя? Яны кажуть: якійся, говоруть, чаловѣкъ! Яна и кричить—ахъ, говора, чаловѣкъ, обясьтися: што ты за ето хочашъ? Ёнъ отказуя птицы-Полугрицы—што я ничого съ тябе не хочу, тольки штобъ ты мяне доставила на тэй свѣтъ! Во ина яму и говора: што иди, наби мнѣ двѣ бочки мяса, дакъ я тябе доставлю!—Тольки чимъ жа мнѣ, якимъ тябе мясомъ?—А вотъ би лягушакъ, би мышей, би гадовъ, якую звярину попадешъ, такую би—и складай у бочки. Тогды ко мнѣ придешъ и скажашъ. Ну я тябе понясу! Пошовъ Ивашка медвѣдьджая вушко и начавъ бить разныя разносьти: и вужовъ, и лягушакъ, и мышей, разная—разная, што тольки на свѣти ёсть, и складавъ у бочки. Набивъ и приходжуя—ну, я уже набивъ. Да. Опущаетца птица-Полугрица. «Ну, говора: подвязуй мнѣ подъ одно крыло бочку, и подъ другоя, а самъ садись посяродъ. И смотри: управо гляну—съ правой бочки подай, улѣво гляну—зъ лѣвыя бочки подай, и якъ гляну, такъ и кидай! Ну и понясла яна. Начала птица-Полугрица што даляй, то вышай угору подыматца. Якъ яна на боки позирая, такъ ёнъ говядину кидая. Такъ ёнъ кидавъ, не большы ба уже сажèнь на пяти яго узнесьть, уже говядины не стало. Птица-Полугрица разъ зирнула—нема, у другій бокъ зирнула—нѣту,—почала маленько унизъ опускатца. Да. Ивашка медвѣдьджая вушко уробѣвъ. Сичасъ узявъ, отрѣзавъ своè икры. Якъ яна зирнула, ёнъ ей и укинувъ—такъ яна зразу саженя на два угору усхватилася. Зирнула яна у другій бокъ, ёнъ отрѣзавъ другея икры и укинувъ ёй у ротъ. Ну. яна яго уже вынесла. «Ну, слава табѣ Господи!» Тогды птица-Полугрица говора: скажи ты мнѣ: што кольки

ты мнѣ говядины дававъ—ну смашнѣй етыя не было. Што ето за говядина? А ёнъ говора—што я отрѣзавъ свое икры.—А ну, покажи! Ёнъ узявъ, выставивъ. Яна харкнула, яно зразу приросло. Ёнъ другую выставивъ—яна зновъ харкнула, и другая болька загойлась, яно и приросло. Ну, тольки, иди пожалуста поскорѣй, уже твоѐ товариши скоро будуть жанитца. Ну яны бъ давно жанилися, ну тольки безъ тябе ничого ня будя! Ёнъ пошовъ; приходжуя у городъ. И здѣлався ёнъ мастеровымъ—сапожникомъ, шавцомъ значитца. Ну однакъ жа, ёнъ шить ня ўмѣя—тольки ёнъ ставъ у яврея хватировать. И тая дѣвушка, самая послѣдняя, што была у золотомъ доми, говора: коли ты мнѣ пошіешъ такія чаравики, якъ у мяне былй у томъ золотымъ доми, дакъ я тогды уже—такъ тому и быть—што я съ тобой буду уже жанитца. Такъ етый Дубъ-Дубовикъ вышавъ на вулицу и пытая: хто во такія то чаравики справя, во стольки то гроши дамъ. А ёнъ говора: ахъ, Иваничка—а ёнъ здѣлався Инаничка пъяничка—ахъ, говора, Иваничка пъяничка, даденъ заказъ, штобъ чаравики такія и такія были, якъ у етыя барыни—дужа богато грошай дасьть! А ёнъ яму говора: иди, бяри задатокъ, и говори, што я справлю. Ёнъ пошовъ, узявъ задатокъ, давъ етому Иваничку. И сказано такъ: штобъ къ такому то уремю были чаравики готовы. А Иваничка напився, объ ѐто ня думая. Етый яврей и говора: ахъ, говора: Иваничка, што ето будя?—А што?—А якъ жа? соглашався: коли ўмѣешъ шить, дакъ и шій! Мнѣ за ето говора, голову знимуть! Ванька пошовъ, домъ раскативъ, чаравики вынявъ и отдавъ—нà, нясй! И будуть у тябе спрашавать—хто табѣ ихъ шивъ? не шивъ, а хто табѣ работавъ ихъ?—ну ты скажи—што у мяне ѐ Иваничка пъяничка! Жидъ и понёсъ. Узяли етыя чаравики, и добравъ ёнъ свою остальную плату. Ина говора: во ето икуратъ якъ моѐ! Во тяперъ я табѣ ще скажу—коли ты справишъ мнѣ такоя платтья, якъ у мяне, такъ тому и быть, што будомъ жанитца съ тобой! Ёнъ, Дубъ-Дубовикъ, вышавъ на базаръ и говора: эй вы портныя—господа, ти ня можа хто зъ васъ здѣлать такоя и такоя платьтя? Иваничка пъяничка и говора: поднимайся, говора, дѣлать и бяри задатку побольшы. Да; ёнъ узявъ задатку и приходя: на табѣ грошай, ну тольки ти здѣлаемъ, Иваничка?—Здѣлаемъ, ня бойся! Уже етому яврею треба несьть, а тутъ платьтя не готово. Ахъ, Иваничка, што будемъ робить?—Я не знаю! Што умѣвъ, то й здѣлавъ, ты поднимався! Пошовъ Иваничка, раскативъ домъ и вынявъ платьтя. Нà, нясй, добирай остальныя гроши! Принесъ и отдавъ. Вотъ ето, говора, моѐ! яна ўже. Отъ тяперъ, говора, хорошо! Тольки кабъ у мяне такій вянокъ бывъ! Коли скуѐшъ, то уже пѣвня, што мы съ тобой будемъ вѣньчатца! Уже Иваничка перайшовъ у кузьницу. Вышавъ Дубъ-Дубовикъ на базаръ и клича: господа ковали! ти ня можытя здѣлать вянокъ отъ такій

то, якъ у моѐ нявѣсты бывъ! А почомъ хто зная—якій ёнъ бывъ. Уже Иваничка перайшовъ у кузьницу и говора: кузнецъ! ступай, поднимайся!—Охъ, Иваничка: якъ жа здѣлаемъ? Мы здѣлаемъ, якій хочешъ, а тольки, якъ же не бачивши? Лицо подъ лицо не подвядёшъ! Ёнъ говора: ня бойся, бяри грошай поболи! Ну хорошо, ёнъ пошовъ и поднявся. Я, говора, зработаю. А! зработаешъ?—Зработаю! Вотъ табѣ грошай стольки то! Да смотри, штоба здѣлавъ. Приходжуя у кузьницу—давай, Иваничка, работать! Я, братъ, етаго ня ўмѣю, што умѣвъ, то робивъ, а то я етаго не знаю!—Ты жъ коваль, дакъ довжонъ на ўсякія отличія работать! Напився Ваничка да спить. Што, Ваничка, прошинайся, а то гѐлова долой мнѣ! Да. Ваничка домокъ раскативъ, вяномъ вынявъ, оттащивъ: на, говора: отняси, да 'стальныя гроши забяри! Ёнъ понёсъ тэй вянокъ. И спрашуя у яго яна: хто у тябе работая?—Иванька пъяничка! Запрагая лошадей, ѣдя Ванички смотрѣть. Ето ўже ина, ина, чій вянокъ. И спрашуя у коваля: адѣ Иваничка пъяничка? Ванька ето услыхавъ, ёнъ узявъ, сичасъ легъ на столъ, ж... выставивъ. Пошла ина изновъ къ ковалю. И спрашуя: у коваля: скажи правду, ти именно ето ёнъ работавъ? Я, говора, вамъ не скажу—работавъ ёнъ, ти нѣ, тольки ёнъ мнѣ подаѐ! Яна обратно звярнулася, опять тамъ къ яму. Ёнъ опять тыки ляжить. Отъ яна на ето не посмотрѣла и прамо у лицо поглядѣла. «Вотъ, говора, другъ мой любезный; ить я тебе кольки лѣтъ ожидала!» Яны тоя считали, думали, што конецъ яму тамъ будя, якъ ёнъ туды полятѣвъ. Ну, а яна ето вѣдала, што ёнъ якъ-якъ да выкрутитца оттуль.

Ну, вотъ яны и повѣньчались. А Дубъ-Дубовикъ и Гора-Горовикъ повѣньчались съ тыми меньшими. И стали жить да поживать, кожная у своёмъ доми.

Д. Новая-Бычь, быхов. у. Отъ кр-на Павла Иванова, 45 л., неграм.

37. Вечорка, Повношникъ и Зарявой.

Живъ сабѣ такъ мужичокъ ижъ жаною. И прожили до старосьти, и у ихъ нѐ было дятей. Потомъ при старосьти лѣтъ баба ета забременила и родила у водну ночъ трёхъ сыновъ: большаго сына родила вячерняго, сяредьняго—повношнаго, и меньшаго—зарявого. И бабушка—пупорѣзьница наложила имъ усимъ имя три Иваны: Иванъ Вячорка, Иванъ Повношникъ, и Зарявой Иванъ. Етыя Иваны росьли тамъ не днями, а просто чисами, и ўвышли у сувяршэнныя лѣта, и ўслыхали, што ў царя хтось то укравъ три дочари зъ дворца, и нязвѣстно хто, и гдѣ, и коли. Царь разославъ тамъ по ўсихъ мѣстахъ посланцовъ; ну тольки не могли найтить. Ну, и

давъ послухъ—што якъ ихъ хто разьища, дыкъ отдасьтъ ихъ замужъ тымъ и половина царства отдасьтъ. Ну, еты Иваны давай проситца у свойго отца разыскуватъ царськихъ дочарэй. Батька позволивъ,—коли, говоритъ, жаланія имѣетя, дыкъ ѣдьтя! Тоды меньшій Иванька пошовъ къ кувалю и заказавъ сабѣ такую куцабу зьдѣлатъ, двананцатъ пудовъ. Зьдѣлавъ коваль куцабу, ёнъ поткинувъ яе у высоту, потставивъ колѣно, ина 'бъ колѣно ударилась и переломилась, ета самая куцаба. Потомъ ёнъ заказавъ зьдѣлатъ куцабу у дватцатъ пятъ пудовъ. Поткинувъ ёнъ тую, тая и не погнулась дайжа. Ну, каетъ, ето мнѣ будетъ помошница. Заказавъ тоды зьдѣлать цэпъ, нѣскольки сажанѐй. Приходя къ отцу, къ своимъ братамъ, къ етымъ двумъ Иванамъ, да, и просютъ у вотца благословенія ититъ разыскуватъ дочарэй етыхъ. Отецъ ихъ благословивъ, и яны отправились у путъ дорогою.

Ишли, ишли яны тамъ много-мало ўремя и уходютъ у лѣсъ. У лясу стоитъ хатка на куриной нозцы. Яны заходютъ у ету хатку, и меньшій етый Иванъ говоритъ на большаго: ты отставайся тутъ обѣдъ варитъ, а мы пойдемъ на охоту. Тэй занявся обѣдъ варитъ, и зваривъ, якъ слѣдуя быть и сѣвъ, отдыхая уже. И вылазя къ яму съ подъ печки самъ съ кокотъ, борода зъ локотъ, а вочи по яблоку. Узявъ ето, увесь обѣдъ яго поѣвъ, и яго прибивъ—бивъ, бивъ, чутъ живого отставивъ. Приходютъ тыя браты—обѣдатъ нечаго. Яны засварились на яго: што ты не наготувавъ до сихъ поръ обѣду? А ёнъ отвѣщаетъ: отстаньтесь вы, да наваритя. А етаго имъ не сказуя, што зь имъ було,—нехай и яны получутъ тоя, што зь имъ було. На другій день меньшій Иванъ говоритъ сяредьнему: ну, отставайся ты сягоньни обѣдъ варитъ! Яны пошли на охоту, а ёнъ отстався обѣдъ готовитъ. И зваривъ, якъ слѣдуя бытъ, и сѣвъ, отдыхая уже. И вылазя къ яму съ подъ печки самъ съ кокотъ, борода зъ локотъ, а вочи по яблоку. Узявъ ето, увесь обѣдъ яго поѣвъ, и яго прибивъ —бивъ, бивъ, чутъ живого отставивъ. Приходютъ тыя браты—обѣдатъ нечаго. Яны засварились на яго: што ты не наготувавъ до сихъ поръ обѣду? А ёнъ отвѣщаетъ: отстаньтесь вы, да наваритя. А етаго имъ не сказуя—што зь имъ було, нехай и яны получутъ тоя, што зь имъ було. На третьтій день говоря: ахъ, ступайтя вы, говоря, на хвоту, я накормлю васъ, говоря. Ихъ отправивъ на охвоту, самъ занявся обѣдъ готовитъ. Зготовивши обѣдъ, лёгъ сабѣ и полежуя на лавцы. Удругъ вылазя съ подъ печки, самъ съ кокотъ, борода зъ локотъ, а вочи по яблоку, и давай такимъ жа порядкомъ обѣдъ яго ѣсьтъ. Ёнъ тогды, много ня думавши, Иванъ етый и давай яго битъ. До тыхъ поръ бивъ, покамѣсь ёнъ ставъ яго проситъ: ня бил мяне, говоря, до смерти—буду я вамъ меньшій самый братъ, и буду наўсегда слухатъ васъ. Ну, собралися яны ўси укучу и побѣдали. Побѣдавши, отправляютца ины ў ходъ, и тэй зь ими.

Ишли, ишли, ишли, ишли—потходють, стоить дубъ огромаднѣйшій, и подъ тымъ дубомъ пошла нора, такъ, якъ колодязь, усё равно. Другъ ёнъ и говоря: ну, хто зъ насъ полѣзя у ету нору. Тэй боитца, другій боитца —ну, видно, говоря, лѣзьть мнѣ, меньшаму брату. Опусьтивъ ёнъ етый самый свой цэпъ, и говоря:—глядитя жъ, говоря—я опущусь на тэй свѣтъ, и якъ торгану за цэпъ, вы мяне тады тащитя. Отъ, ёнъ опусьтився и видить тамъ такій жа свѣтъ, якъ ба й тутъ. Ёнъ ставъ ходить тамъ, любопиствовать—и видить—стоить мѣдный дворецъ. Ёнъ потходя къ яму и нигдѣ ня можыть дверей найти. Замѣтивъ ёнъ у водномъ мѣсьти двери и оттворивъ еты двери и ставъ ходить по етыхъ комнатахъ. Другъ заходить у водну комнату и сядить тамъ измученная царевна. Узыйшовъ ёнъ туды, ина крѣпко обрадовалась, што увидала русскаго чаловѣка, и говорить: «ахъ, юноша, говоря: якъ тябе Господь сюды занёсъ? Жалко мнѣ, говоря, тябе, што ты тутъ пропадешъ! Скоро прилятить шасьтиглавый зьмѣй, ёнъ, говорить, тябе тутъ стрябить». А ёнъ отвѣщая: ну, тамъ якъ Господь дась! Отъ яны, первымъ довгомъ, сѣли, выпили и закусили якъ слѣдуя, потомъ ёнъ спрашуя у яе—по якой дорози ёнъ будеть ѣхать. Ина показала яму тую дорогу, ёнъ пошовъ и сѣвъ подъ мостомъ. Другъ ѣдя зьмѣй. Узьѣжжая на етый мостокъ и спотыкнулася яго лошадь. Ёнъ тогда говоря: што ты, говоря, ненасытная лошадь, спотыкаесься—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ говорить, противника ниякаго нѣту, тольки есьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдеть, и яго воронъ сюды косьти не занясѣть. А ёнъ яму отвѣщаеть: добрыхъ молотцавъ нихто ня водить, ни носить, яны сами заходють. И вылѣзъ съ подмосьтя. Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца! И схватились яны битца.

И ударивъ ёнъ яго купцабою и зьбивъ яму три головы. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ тольки обтрихнувся. Тоды рассярдився Иванъ. Ударивъ другій разъ, и зьбивъ яще двѣ головы. Потомъ зьмѣй прося яго—давай, Иванъ, отдыхнёмъ! Отъ ёнъ сычасъ потребувавъ у царевны воды—силныя и бязсилныя. Ну царевна яму подала воду бязсилнаю, а Ивану етуму подала силныя воды напитца. То зьмѣй етый худжы ослабъ, а у Ивана силы ще прибавилось. Тады ёнъ узявъ яго и напослѣдку убивъ, и туловища забросивъ у ровъ. Приходя у дворъ етый и забирая ету самую царевну, и съ собой забрала ина своё тамошняя платьтя, разная, и вышли зъ дворца. Остановилися, и Иванъ ставъ смотрѣть на етый дворецъ. Потомъ ина отвѣщаеть, царевна—няужли табѣ жалко етаго дворца?—Да, говоря, дужа пригожій дворецъ. И выняеть ина яму платокъ—махни, говорить, етымъ платкомъ три разы! Ёнъ махнувъ платочкомъ, и етый дворецъ

зьдѣлався яечкомъ. Ёнъ узявъ ето яечко, у карманъ уклавъ. Отправилися къ етой самой нори. Да. Потомъ посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ—яе потащили. Етыя, вытащивши, три етыхъ брата, которыя тамъ, и говорють: тэй говорить: ето мнѣ будя жана, тэй —мнѣ! Ахъ, говоря! коли бъ намъ усимъ троимъ доставъ по такой, то бъ было хорошо. Ну и большій яе узявъ сабѣ за жонку. И отсталися яны пять ожидать. А меньшій Иванъ отправився путёмъ дорогой ще дальшы. Ишовъ, ишовъ ёнъ, да, и видить—стоить сяребринный дворецъ. Ёнъ потходить къ дворцу и ставъ шукать дврей. Нашовъ двери, оттворивъ, заходя у водну комнату—нема никого, ёнъ у другую—нема никого, потомъ у третьтяю, сядить змученная царевна. Ёнъ говоря: здрастуй, говоря.—Здрастуй, здрастуй, говоря на ‘твѣтъ. Якъ тябе Господь сюды занёсъ. Нехай уже я, говоря, погибла тутъ, дакъ и ты молодый человѣкъ тутъ погибнешъ.—Ну, говорить, якъ Богъ дась.—Отъ скоро, говорить, прилятить мой девятиголовый зьмѣй. Ёнъ, говоря, тябе убъєть. Ну, тамъ, говоря, што Богъ дась, а дайка, говоря, поѣсь. Отъ яны сѣли за столъ, попили, поѣли, якъ слѣдуя, и потомъ ина говорить—скоро прилятить, говоря, зьмѣй. Куды жъ ёнъ, говорить, будеть лятѣть? спрашуя Иванъ. А вотъ тою, говоря, дорогою, показуя яму у вокно. Отъ ёнъ отправляетца на тую дорогу и садитца такимъ жа порядкомъ опять подъ мостомъ. Другъ ѣдзя зьмѣй и спотыкнулася яго лошадь. Ёнъ тогды говорить: што ты, говорить, ненасытная лошадь, спотыкаесься— али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ, говорить, противника ниякого нѣту, тольки ёсьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдеть, и яго воронъ сюды косьти не занясеть. А ёнъ яму отвѣщаеть: добрыхъ молотцовъ нихто ня водить, ни носить, яны сами заходють.—Ну, выходи, говоря, сюда! Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца. И схватились яны битца. Ударивъ яго куцабою и зьбивъ три головы у яго. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ тольки обтрихнувся. Тады рассярдився Иванъ. Ударивъ другій разъ и зьбивъ ящо три головы. Тоды зьмѣй прося отдыху на пять минутъ. Ну, отдыхай, говорить, нячистая сила! Зьмѣй потребувавъ у царевны воды, силныя и бязсилныя. Царевна подала яму воду бязсилнаю, а Ивану подала силныя воды. То у Ивана силы прибавилось, а зьмѣй ще худжы ослабъ. Ударивъ Иванъ и тыя головы уси зьбивъ. И закинувъ яго у ровъ у воду, подъ мостъ, подъ той. Тогды, приходить у дворецъ, у дворцы опять выпили и закусили съ царевной—ну, говорить, тяперь пойдемъ, а то мнѣ урема нема—ще много работы. Да; вышли зъ дворца; остановився. Ванъ и говорить: эка, якій дворецъ пригожій!—А жалаешъ ты, штобъ ёнъ бывъ табѣ?—Якъ ба не жалать? И выняеть яму платокъ, и махнувъ ёнъ три

разы платочкомъ и зьдѣлався етый домъ ячкомъ. Ёнъ ячко ето у карманъ и отправився къ етой норѣ. Посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ, яе потащили. Ну, говоруть: слава Богу, двомъ намъ по нявѣсьти ёсьть! Будемъ ожидать щё. А Иванъ отправився опять дальшы. Ишовъ, ишовъ, видить, стоить золотый дворъ. Ёнъ потходить къ яму и говорить: то была красота дворцы, а ето ящо красиви! Потомъ, ставъ приглидатца дярей; нашовъ двери, оттворивъ, усходить туды—сядить тамъ измученная царевна. Ёнъ говорить—здрастуй, говорить. Ина 'твѣщаеть—чуть тольки уже душа сядить у ёй—здрастуйтя! Якъ тябе, говорить, Богъ донёсъ сюды?—Да я пришовъ, говорить, нарошня васъ разускувать. Да, другъ, говорить: погибнешъ, говорить, и ты тутъ.—Ну, я не затымъ пришовъ, штобъ погибнуть, а затымъ пришовъ, штобъ васъ отсюда вывесьть. Отъ, яны сѣли, закусили хорошенько, якъ слѣдуя, и потомъ ина говоря: другъ, схувайсь, говоря, куды-небудь, а то сычасъ зьмѣй мой прилятить—двананцать головъ—дыкъ ёнъ зьѣсть, говоря, и тябе и мяне!—Ну, тамъ, говорить, якъ Богъ дась! Куды ёнъ будеть лятѣть? —Отъ по той, говорить, дорози, адѣ мостокъ—показала яму у вокно. Ёнъ отправився—сѣвъ подъ мостокъ. Другъ ѣдеть дванапцатьголовый зьмѣй. Узьѣжжая на етый мостокъ и спотыкнувся яго лошадь. Ёнъ говоря: што, ты, говоря, ненасытная лошадь, спотыкаесься—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ, говорить, противника ниякаго нѣту, тольки ёсьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдеть, и яго воронъ сюды косьти не занясѣть. А ёнъ яму отвѣщаеть: добрыхъ молотцо̂въ нихто ня водить, ни носить, яны сами заходють. И вылѣзъ съ подмосьтя. Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца; зато, што вы украли у такого то царя три дочки, дыкъ я пришовъ ихъ отсюлитька узять!—Ну, говорить: ты двохъ братовъ моихъ убивъ, ну мяне не забьешъ, я, говорить, усё ето 'тплачу̂! И стали битца. И ударивъ яго Иванъ Зарявый и зьбивъ яму три головы. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ тольки обтрихнувся. Тогды рассярдився Иванъ. Ударивъ Иванъ другій разъ—зьбивъ ящо три головы. Ударивъ яго зьмѣй—и убивъ яго по колѣно у землю. Потомъ зьмѣй говорить: ну што, ти дальшы будемъ битца, али будемъ, говорить, миритца?—Нѣ, говорить, я не затымъ пришовъ, кабъ миритца. Другъ зьмѣй потребувавъ воды силныя и бязсилныя. Царевна подала яму воду бязсилнаю, а Ивану подала силныя. Иванька поправився, порубивъ яго на мелкія куски и забросивъ у чистая по̂ля. Тады увошли у дворецъ, выпили и закусили якъ слѣдуеть, и отправились. Вышавъ Иванъ и остановився и спрашуя етыя царевны: эка, говорить, якія тутъ устройствы хорошія у етомъ дворцэ! Ина отвѣщая яму: ты можа жалаешъ, штобъ етый дворецъ бывъ у насъ съ тобой?—

Якъ ба не жалать, говорить. Вынула ина платокъ и дала яму,—ёнъ махнувъ платкомъ три разы, и дворецъ зьдѣлався яѣчкомъ. Ёнъ узявъ, ето яечко у карманъ уклавъ. Отправилися къ етой самой нори. Потомъ посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ—яе потащили. «Слава Богу, ужо намъ усимъ трёмъ ёсьть по нявѣсьти!» И узяли, и цэпъ яму туды кинули—нехай ёнъ тамъ и остаетца!

Иванъ етый заплакавъ силно, якъ цѣпъ етый упавъ: вотъ коли, говоря, я тутъ пропавъ! Поплакувши, пошовъ ёнъ путёмъ-дорогой. Приходить —стоить большій-большій дубъ. И находить силная гроза; ёнъ ставъ подъ етаго дуба. Другъ, на етомъ дуби закричали птицы у гнязьдѣ.—Ёнъ, много ня думавшы, узлѣзъ на дуба, зьнявъ сь сябе одёжу и накрывъ етыхъ дятей. Другъ прилетая Жаръ-птица и благодарить яго: спасибо табѣ, Иванъ Зарявой—зная якъ яго и звать—за то, што ты забярёгъ моихъ дятей, и не знаю, чимъ мнѣ за ето табѣ отплатить.—Ня треба мнѣ, говорить, твоё ничого, тольки вынесь ты мяне на тэй свѣтъ.—Ну, говорить, вынесу. Тольки наготовъ мнѣ мяса двѣ бочки и воды бочку, то тогда я тябе вынесу. И показала яму: иди, говорить, вотъ за ряку, тамъ ёсьть богатый такій старикъ, дакъ ты яго, говорить, попроси, буковъ на мясо,—ёнъ сляпый. Ёнъ пошовъ къ старику. Старикъ етый, говорить: я дамъ табѣ говорить, буковъ—тольки пропасьтиви мнѣ ихъ годъ! Ну, дѣлать нечаго, согласився ёнъ годъ пропасьтивить. И старикъ етый яму говорить:—усюды гоняй, усюды паси, ну на такій и такій лугъ не гони. Ето вѣдьминъ лугъ, и ина тябе згубить. Я бывъ погнавсь на тэй лугъ, дыкъ ина и мнѣ вочы выколола. И я вô уже тритцать годовъ сляпэй!—Я не боюсь говорить, етаго! Звивъ сабѣ пастуськую пугу и погнавъ прямо на тэй лугъ пасьтивить буковъ. Прилетаеть вѣдьма—на ступи и тувкачомъ погоняя, а мятлой слѣдъ заметая, и закричала на яго: ахъ, говорить, с. сынъ, хто табѣ дозволивъ буковъ пасьтить на моёмъ лугу?—Я, говорить, самъ сюды пригнавъ, ни у кого не спрося! Да подошовъ къ ёй ближы, и давай яе пугой етую бить, склавшы удвой. Бивъ, бивъ, потомъ ина стала у яго просить:—пусьти, говорить, мяне.—Нѣ, говорить, не опущу, отдай, говорить, того старика вочы, тогда, говорить, я тябе пущу!—Иди, говорить, у мою хату и подъ подушкую два лежать пузырьки зъ лекарствомъ, то ты пумажъ, говорить, однымъ и другимъ—то будеть старикъ етый бачыть. Вотъ ёнъ пошовъ у хату у яе изь ёю, узявъ еты два пузурька, и пришли къ старику. Однымъ пузурькомъ пумазавъ, зьдѣлалися глаза, тольки ёнъ ня бача; другимъ пумазавъ—ставъ бачыть. Тады ёнъ яе узявъ, убивъ. Тады старикъ етый яму благодаривъ за тоя, што ёнъ ставъ бачыть. Бяри буковъ, говоря, скольки угодно, хоть и усихъ, за ето. Отъ ёнъ нарѣзавъ двѣ бочки мяса и насоливъ. Да приходя къ

той къ Жаръ-птицы. Жаръ-птица говоритъ: ну, подвязуй мнѣ еты бочки потъ крыльля. Ёнъ подвизавъ. Ну, тяперь, говоритъ: третьтюю бочку воды. Наливъ ёнъ воды, подвизавъ третьтюю бочку къ хвосту,—ну, тяперъ, говоритъ—садися самъ на мянѐ. Сѣвъ ёнъ на яѐ, ина яму говоритъ—смотри жъ ты, говоритъ: якъ ротъ разину, то ты кидай мнѣ мясо у ротъ. Отъ ина яго якъ понесла! Нясетъ, а ёнъ говядину ей кидаетъ у ротъ. Другъ кидавъ, кидавъ, не хватая мяса. И видатъ уже сьвѣтъ етый, а тутъ нѣту у яѐ силы лятѣть. Ёнъ много ня думавши, отрѣзавъ ей своѐ икры зъ ноги. Укинувъ у ротъ. Пролятѣвъ ще троху и такимъ жа значитца манеромъ укинувъ ей и другія ногй икру. Да, и вынесла яго на етый сьвѣтъ! Идѣ ты, говоритъ, мнѣ смашныя такія говядины нашовъ потъ-посьлѣ? Ёнъ показавъ ёй—вотъ, говоритъ, я дѣ узявъ—зъ ногъ икры! Ина харкнула, и выхаркнула ето мясо. Нà, говоритъ, прикладай къ ногѣ! Ёнъ приклавъ, къ одной ногѣ и къ другой, здѣлалися яны ничимъ неўрядимы. Тады ёнъ яѐ поблагодаривъ за ето, и ина отправилась на тэй сьвѣтъ. А ёнъ тада отправився у тэй городъ, дѣ и царь проживавъ. Знявъ сабѣ хватеру у старенькой старушки. И потомъ посалаетъ ету старуху ититъ у городъ, услыхатъ, ти нема якихъ новосьтей. 'На приходя и расказуя яму, што ёсьтъ слухъ,—бывшія пропавши у царя три дочки разысканы. Дакъ будетъ мяньшой дочки посьлизаўтра, говоритъ, свадьба, исъ тымъ, хто яе доставъ. Ну, потомъ назаўтра, зновъ ёнъ посалаетъ яе. Ина пошла, стала тамъ разслухуватъ новосьтей и приходитъ къ яму и расказуетъ—вотъ, говоритъ: будя свадьба тогда, коли найдетца человѣкъ и сошъѐтъ ей такія бушмаки, якія йна носила у зьмѣявымъ доми. Тады ёнъ говоритъ: иди, бабка, къ царю и скажи: што я могу пошитъ такія бушмаки. Бабка пошла къ царю и говоритъ: я, говоритъ, могу такія бушмаки пошитъ!—Если тольки можашъ, то я награджу тябе, бабка, ўсимъ, што ты тольки пожалаешъ. Дали ёй грошай; ина приноситъ и говоритъ: ну тольки, говоритъ, смотри жъ: штобъ ты мяне къ смерти не подвёвъ. Ёнъ говоритъ: ня бось, бабка. Строку було дадзено на троя судокъ. Проходютъ судки—сапожникъ етый не занимаетца работой; и хторыя тожа такъ само не занимаетца. Баба ета давай плакатъ: мяне тяперь за ето, говоритъ, предадутъ злой смерти. Тады ёнъ отвѣщаетъ: ня бось, бабка: заўтри, на вутро будутъ готовы—уставай и няси! Отъ ёнъ вечеромъ вышавъ зъ города на поля, катанувъ ето золотоя яѐчко и здѣлався золотэй дворецъ. Ёнъ сычасъ увышовъ у етый дворецъ, нашовъ полусапожки. Узявъ ихъ, вышавъ зъ дворца, махнувъ платочкомъ и здѣлався ёнъ яечкомъ. Принёсъ еты сапожки ноччу, поставивъ на столъ. Старуха на вутро устала и обратно узила еты полусапожки и нясетъ еты полусапожки къ царю. Дѣвка тая убачила полусапожки и крѣпко ина обра-

довалась. И просить свойго отца, штобъ ёнъ дозволивъ потребовать яго сюды, хто шивъ полусапожки. Отецъ сычасъ пославшы карету и приставили яго у дворецъ. Увыйшовъ ёнъ у дворецъ, ина убачила яго и говорить: вотъ хто мяне доставъ, ну ня тэй, сь кимъ хотѣли свадьбу гулять. Ну тутъ, сычасъ, ставъ отецъ спрашувать—што зь ими дѣлать? Сычасъ. приказали етыхъ привязать къ коньскимъ хвостамъ и пусьтить по полю. Привязали къ хвостамъ, и разволокли по ўсяму полю. А зь естой царевную пувиньчались, и отдавъ яму царь пуловина царства, и стали яны жить ды й поживать.

С. Палужь, чериков. у. Отъ кр-на Марка Иванова, 35 л. малограмотнаго, бывшаго въ воен. службѣ.

38. Иванъ Вѣтровичъ.

Въ нѣкоторымъ царствьи, въ нѣкоторымъ гусударствьи, ну ни въ самомъ томъ, въ которомъ мы живёмъ, была у царя дычка. Тольки ёнъ яе никуды ни пускавъ: ни пройтитца, ни проѣхытца. Тольки было погодная времюшка, отворила окошко, вяйнуўвъ вѣтиръ у глазы, и зъ етыго ина забремила. Отецъ и мать етому ни спокойны, што ина ни законно зыбярѐмила. Ну, начали допрашивать яе. Ина говорить: отецъ мой любый, отецъ мой милый, вяйнуўвъ вѣтиръ у глаза, и зъ етыго я зыбяремила. Мѣла ина сына; яны сказали дать яму имя и хамилію Иванъ Вѣтровъ. Ну, тольки, трёхъ годовъ мальчикъ етый. Иванъ Вѣтровъ, мыитца, Богу молитца и дѣду здрастьви кажить: здрастьви, дѣдушка, живъ ты, здоровъ? А ёнъ отвищаить: живъ то живъ, ды нибольшòя здоровья! есьли бы дитятка моё мило было, ды зьѣзьдило у той и у той лѣсъ, насѣкло дровъ, ды притопило комнутку мнѣ. А ёнъ отвищаить: котору мнѣ лошадь запрйгать? А ёнъ говорить: зыпряги, дитятка, лошадь выдовоза. Ну, ёнъ запрёгъ выдовоза, приижжаить у лѣсъ, дровы сячеть, а мядьвѣдь коня дяреть. Ёнъ говорить: дяри, дяри, чортъ тябе бяри, ды самъ дровы пувязёшъ! Ну, ёнъ бяреть мядьвѣдя зы ковнеръ, запригаить у воглобли и привозить дровы. Дѣдушка, идѣ мнѣ етыя дровы звалить? А ёнъ говорить: звали кыла комнаты.—Куда мнѣ свою лошадь пусьтить? А ёнъ говорить: пусьти на конюшню! Етый мядьвѣдь якъ начавъ драть усихъ лошадей, справили значитца конюхи гвалтъ, дыкъ ёнъ пошовъ ды вывивъ мядьвѣдя у другую конюшню пустую. Назавтраго ёнъ мыетца, Богу молитца и дѣдушку здрастьви даеть. Здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ?—Живъ то живъ, ды ни совсимъ здоровъ! Есьли бы дитятка ласкове было ды зьѣзьдило у то и то болото, ды наломало курчевъя, ды притопило комнутку, можить ба я поздоровѣвъ. А дѣдъ зъ бабый яго ни любили, што ёнъ низаконнорождиный. Туды хто пойдить, ня выйдить, хто поѣдить, ня выидить,—дыкъ яны яго пысылали, кабъ ни вярнув-

ся. Ну, ёнъ запрёгъ мядьвѣдя и поѣхывъ у ето болото; отпрёгъ мядьвѣдя и стали ломать курчевъя: ёнъ сабѣ, мядьвѣдь сабѣ. Потомъ прибигаить чортъ и кажить: здрастьви, Иванъ Вѣтровъ, што ты житильство разоряишъ? А ёнъ говорить: совсимъ раскопаю, кыли ни пойдишъ моей маминьки нивидимо служить! Дыкъ ёнъ сыгласився нивидимо служить! Ну, привозить ёнъ ето курчевъя и спрашiить: дѣдушка, идѣ мнѣ курчевъя звалить? А ёнъ кажить: звали ля комныты! Яно яму ни надо было, али ёнъ тольки хотѣвъ, штоба значитца ёнъ ни вярнувся. Ёнъ курчевъя звадивъ, мядьвѣдя отпрёгъ и ў лѣсъ пусьтивъ. Назавтраго ёнъ умываитца, Богу молитца, и дѣдушку здрастьви даеть: здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? Живъ-то живъ, ды ни совсимъ здоровъ; есьли бъ дитятко моёласкове было: ёсь у тридисятымъ царстьви, у тридисятый зямли, ёсь Огняный царь, за пять вёрстъ огнёмъ пячеть, винуватъ намъ данныго и пошлинныго двинадцыть бочакъ золыта. Есьлибъ дитятка узыскало, вяликая у нашимъ царстьви польза бъ была! Ну, ёнъ пошовъ на базаръ, купивъ три пруты зялѣзныхъ по девить пудовъ, и пошовъ путёмъ дорогую, и ўзявъ чорта съ собою. Приходить въ приповѣдныя луги, въ шовкывыя травы, идѣ нихто ни проходить, ни прiижжаить, ни птицы ни прилитають. Якъ заглѣдивъ Огняный царь, што хто то въ етыхъ лугахъ распоряжаитца,—разбивъ шатёръ и лёхъ оддыхать,—ну, потомъ, Огняный царь пославъ трёхъ быгатырей кы Йвану Вѣтрову забрать яго. Етый чортъ якъ бразьяить прутъ опъ прутъ, дыкъ ёнъ ихъ зуглушивъ: мовчать, говорить: баринъ спить! Яны вярнулиси къ Огняныму царю. Ваша инпираторская вяличиство! баринъ спить, а слуга якъ сьвисьнить, якъ крикнить, мы ни могли слова отвясьтить! Ну потомъ етый Огняный царь рассердився на ихъ, шлеть сорокъ тысячъ войска и двинадцыть быгатырей. Етый чортъ глядѣвъ—глядѣвъ, што прамножиство народу идеть, будить Ивана, говорить: баринъ, уставайтя! прамножиство народу идеть! Ну, потомъ Иванъ етый якъ протёръ глаза, якъ узявъ прутъ, якъ пусьтить—отразу тысячу ломить; чортъ подаеть, а ёнъ ломить,—ёнъ у два часы съ половиный усё войско разьбивъ и двинадцыть быгатырёвъ. Тольки одного быгатыря покинувъ ли васьтей царю. Кыли ты мнѣ, кажить, ни даси даныго и пошлинныго, дыкъ я тябе и сожгу и ў плѣнъ зыбяру! Тяперь етый Огняный царь якъ рассердився ны яго, шлеть восимдисятъ тысячъ войска и двадцыть чатыри быгатыря. Ну Иванъ Вѣтровъ и ето у три часа побивъ войско. Потомъ Огняный царь шлеть пысланца, говорить: Иванъ Вѣтровъ, приди ко мнѣ попить, погулять, покуль я двинадцыть бочакъ золыта споряжу. Ну, ёнъ пошовъ туды, попивъ, погулявъ скольки ёнъ тамъ, сутки, а можа и двоя, ну потомъ спорядили золота. Ну, ёнъ привозить домой и кажить: дѣдушка, а идѣ мнѣ ето золото дѣть! А дѣдъ говорить: звалитя, говорить, у сарай!

Назавтраго ёнъ мыитца, Богу молитца, идеть, дѣдушку здрастьви даеть: здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? Ёнъ кажить: живъ то живъ, ды ни сусимъ здоровъ! Дѣдъ съ бабый за ночь надумылиси яму дать другую дорогу... Ёсь, говорить, у тридисятомъ царстьви, у тридисятой зямли, ёсь тулувища Мѣдныя, яго во сьвѣти нихто ни збасуить, есьлибъ ты яго збасувавъ, дыкъ мы у сьвѣти никого ни быялиси бы! Ну ёнъ тады пошовъ на базаръ, купивъ сыкола, либидя и приносить матцы у комнуты. Убивъ тьвячокъ (гвоздь) у притылку, и повѣсивъ платочикъ, и пыдставивъ стаканъ, говорить: маминька моя родная, якъ будить съ платочка кровъ ити въ стаканъ, то отворяйтя вокошко и выпущайтя сыкола и либидя. Самъ попрощався съ матирью и пошовъ у путь. Ишовъ ёнъ путёмъ-дорогую, сыстрикаить Дубувика, который дубы пиряносить. Здрастьви, говорить, Иванъ Вѣтровъ: куды идешъ, куды Богъ нясеть?—Иду, говорить, у тридисятая царство, у тридисятую зямлю Мѣдныго тулувища житильства отвѣдывать! Ёнъ говорить: возьми, братъ, мяне съ собою!—Пойдёмъ сабѣ у тыварищихъ. Якъ ити, дыкъ ити путёмъ дорогую, сустрикають Гыровика (который горы переносить.) Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ, куды идешъ? куды Богъ нясеть?—А иду, говорить, у тридисятая царство, у тридисятую зямлю, Мѣдныго тулувища житильства отвѣдывать. А возьми мяне съ собою! хуть я сьвѣту пывидаю!—Ну, говорить, ходи, пойдёмъ. Пошли яны утроёмъ. Приходють яны утроёмъ у тридисятая царство, у тридисятую зямлю у Мѣдныго тулувища горидъ. Ну, потомъ, походили по гориду, а потомъ кажуть: што ходить! надо сабѣ обобрать хватеру! Пришли у дворецъ Мѣдныго тулувища—нима никого, нима ничого, тольки прамножиство воловъ въ етомъ дворцы. Ну, оббирають сабѣ кухню. Застывляить Иванъ Вѣтровъ Дубувика рѣзыть вола и готовить обѣдъ. Тады ёнъ сiйчасъ узявъ вола за рōги, зарѣзывъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и смотрить на дворъ; ляжить сярёдъ двыра каминь; и ёнъ самъ сабѣ размышляить: хто яго сюды ти привёсъ, ти принёсъ, што ёнъ такiй примогучiй? Потомъ ёнъ, етый каминь, пыдымаитца, сичасъ и вылазить оттуль старикъ сядой. Ну, потомъ говорить: хто въ моёмъ доми роскошуитца, няси мяне на крыльцо! Ёнъ, той Дубовикъ, обробѣвъ, выскычивъ, принёсъ яго на крыльцо. Тады ёнъ кажить: хто въ моимъ доми роскошуитца, няси мяне у кухню. Ёнъ у кухню яго унёсъ. Сади, говорить, мяне за столъ! Ёнъ яго за столъ пысадивъ. Што ёсь у печи, тоя на столъ няси! Ёнъ яму пыловину тую вола вынисъ. Ёнъ отразу яго зьѣвъ. Потомъ яго узявъ, яго, етыго Дубувика, набивъ, а самъ увыйшовъ на своё мѣсто, подъ каминь. Приходють Иванъ Вѣтровъ и Гыровикъ. Дубовикъ кажить: якъ вы замарудили тамъ,—прамножиство собакъ налѣзло, кухня угарна, пыловина вола зьѣли. А Иванъ Вѣтровъ говорить: ни посьлѣднiй волъ, ящо ёсь! Потомъ яны сѣли, подъѣли (быгатыри разъ

у сутки ядуть) и оддыхать лягли. Назаўтраго устають, мыютца, Богу молютца.—«Ну, говорить: сягоньни ты, Дубовикъ, ходи на прихацку, а ты, Гыровикъ, обѣтъ готуй!» Ёнъ узявъ вола за роги, зарѣзывъ, облупивъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и глядить, што на дворѣ ляжить большій каминь. И думыить ёнъ самъ сабѣ: што ето, ти то етый каминь хто привёсъ, ти ёнъ самъ вырисъ? Ну, потомъ етый каминь подымаитца, и зь яго вылазить старикъ сядой: хто въ моимъ доми рыскошуитца: няси мяне на крыльцо? Ёнъ обробѣвъ, выскычивъ, принёсъ на крыльцо яго. Потомъ у кухню унёсъ. Сади, говорить, мяне за столъ и што ёсь у печи, то всё на столъ няси. Ёнъ сѣвъ, пыловину етыго вола зьѣвъ, и давай бить Гыровика етыго. Ёнъ зьдѣлывся нижнвымъ, ну дыкъ ёнъ и схувався на своё мѣсто. Ну,. потомъ, етый узявъ, остатьню пыловину вола у котёлъ, згутувавъ. Приходють Иванъ Вѣтровъ и Дубовикъ. Ёнъ кажить: якъ вы тамъ призабавилиси, прамножиства собакъ налѣзло, кухня угарна, пыловину вола зьѣли. Иванъ Вѣтровъ говорить: ни посьлѣдній, есь ящо! Потомъ сѣли, подъѣли, и спать лягли. Назавтраго говорить: ну, Дубовикъ и Гыровикъ: идитя прогуливатца, а я остаюся ѣсьти варить! Ну, потомъ ёнъ вола за роги, зарѣзавъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и глядить на дворъ: ляжить каминь большій. И думыить ёнъ самъ сабѣ: хто ето каминь сюды привёсъ, ти ёнъ самъ тутъ вырисъ? Такъ етый каминь сымаитца, опять жа вылазить оттуль старикъ сядой и кажить: хто въ моимъ доми рыскошуитца, той мяне няси на дворъ! А Иванъ Вѣтровъ говорить: якій чортъ тябе вынисъ оттуль, тэй нихай нясеть тябе на крыльцо! Ну, потомъ ёнъ самъ на крыльцо узыйшовъ. «Хто въ моимъ доми рыскошуитца, той няси мяне у кухню!»—Якій чортъ тябе принёсъ сюды, такій нехай нясеть и ў кухню! Потомъ ёнъ самъ увыйшовъ у кухню. Тады кажить: хто у моимъ доми рыскошуитца, сади мяне за столъ. А ёнъ яму отвищаить: якій чортъ тябе принёсъ у кухню, такій нихай и за столъ сѣдить. Ёнъ самъ сѣвъ за столъ. Ну, потомъ, яны давай дратца съ Иваномъ Вѣтровымъ. Тэй Иванъ пересиливъ иго. Узявъ зы бороду, привёвъ къ сьтѣни, у щелку клинымъ бороду загнавъ. А самъ спать лёгъ. Ёнъ, якъ кивать, дыкъ кивать, вынивъ бороду изъ щелки, и вышивъ, ни чипавъ ужо яго. А ёнъ спить. Приходить Дубовикъ и Гыровикъ, ёнъ кажить: што вы такъ замарудили? Вотъ у мяне и собакъ ни налѣзло, и кухня ни ўгарна, и гывядина и жаринмя и сырая цэла. Потомъ яны сѣли обѣдыть, побѣдыли. Потомъ яны хотѣли класьтися спать, ну Иванъ Вѣтровъ говорить: истритя ножи, нѐкыли! Ну, потомъ яны найстрили ножи, тоды Иванъ Вѣтровъ кажить: рѣжтя воловъ: въ одну скирту гывядину, а въ другую шкурки. Ну, яны усихъ воловъ порѣзыли, тады одинъ ны чатыри часьти кожи разризаить, а другій пасъ шшиваить. Ну, потомъ яны пасъ шшили. Ну, няситя

къ етыму камню, што на дворѣ ляжитъ. Трогый, говоритъ, Дубовикъ, етый камянь! Дубовикъ етый тронувъ, дыкъ ёнъ ни скылыхнувся! Ну-тка ты, Гыровикъ! Гыровикъ етый тронувъ—скылыхнувся. Эхъ, сильники! Потомъ самъ пыдыйшовъ, подборимъ ударивъ, дыкъ на пять вёрстъ откатився. Ну, потомъ, Иванъ Вѣтровъ пыдпиризався—ну, кажитъ: пускайтя мяне въ ету пичару, идѣ каминь лижавъ, а сами якъ день дыкъ ночь дожидайтя мяне. Ну, тутъ ёнъ якъ спусьтився пыдъ зямлю, стоитъ слупъ. На имъ написыно: на дну сторону хорошо будитъ, у другую ловчѣй, у третьтю ящо луччи, а ў чатьвёрту убитъ будишъ. Иванъ Вѣтровъ пошовъ туды, идѣ убитъ будитъ, къ Мѣдныму тулувищу у домъ. Тольки приходитъ, стоитъ домъ мѣдный. Равняитца съ крыльцомъ, выходитъ дѣвица красивыя. Здрастьви, говоритъ, Иванъ Вѣтровъ! якъ тябе Господь сюды занёсъ: у насъ нихто ни проходитъ, ни прииджжаитъ, ни птицы ни прилитаютъ!—А иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдывать!—А ёнъ посьли твоёй чесьти спитъ; ты идешъ яго убитъ, тольки ня ўбъешъ, кыли ко мнѣ ни зайдишъ. Ёнъ заходитъ къ ей. Ина говоритъ: ти ни хочитя ѣсьти, пить? Вотъ уво дной печи двинадцытъ вопрёвъ варины, у другей двинадцытъ пичей хлѣба спечино! Ёнъ садитца и ѣсь. Ина подходитъ и кажитъ: ти ни хочитя попитъ?—Да, говоритъ. Вотъ, нáтя вамъ мѣдныя ключи, идитя въ мѣдный анбаръ: на праву руку сила, на лѣвую бясьсилья; ну ня пiйтя налѣво, а направо! Ёнъ пошовъ налѣво силу попивъ, пиривярнувъ направо, и поблагодаривъ, и пошовъ путёмъ-дорогую. Якъ ити путёмъ, стоитъ домъ сяребриный. Выскàкыитъ дѣвка красивѣй тыѐ. Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ! якъ тябе Богъ занёсъ? у насъ нихто ни проходитъ, ни прииджжаитъ, и птицы ни прилитаютъ!—А иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдытъ.—Ёнъ посьли твоёй чесьти оддыхаитъ; да ты идешъ яго убитъ, ну ни вобъѐшъ, кыли ко мнѣ ни зайдишъ. Вотъ ёнъ заходитъ къ ей. Ина говоритъ: ти ня хочитя попитъ—поѣсь. Ёнъ говоритъ: да!—Вотъ во днэй печи двинадцытъ воловъ жариныхъ, у другей печки двинадцытъ хлѣбовъ печино. Ёнъ садитца и ѣсь. Ина приходитъ къ яму и кажитъ: ти ня хочитя попитъ? Ёнъ говоритъ: да, хочу. Ина подноситъ яму сяребриныя ключи и говоритъ: идитя у сяребриный анбаръ: направо сила, налѣво бясьсилья!—Ёнъ направо напився, налѣво силу пиривярнувъ, поблагодаривъ и пошовъ. Шовъ путёмъ дорогую, стоитъ золотый домъ. Тольки равняитца, выходитъ дѣвица пыкрасивѣй тыхъ. Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ! куды Богъ тябе нясетъ?—Иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдытъ!—Да, ты идешъ убитъ яго, ну тольки ты яго ни ўвобъёшъ, кыли ко мнѣ ни зайдишъ! Заходитъ къ ей. Ина говоритъ: ти ня хочитя попитъ-поѣсьтъ? Ёнъ говоритъ: да, хочу. Вотъ, говоритъ, во днэй печки двинадцытъ барановъ жариныхъ, у другей двинадцытъ хлѣбовъ спечино! Ёнъ сѣвъ, подъѣвъ. Ти ня хочитя напитца?—Да,

говоритъ, хочу!—Вотъ вамъ золотыя ключи, идитя въ золотый анбаръ! Тамъ направо—сила, налѣво—бясьсильля; ну ня питя налѣво, а питя направо. Ёнъ пошовъ, напився направо, пиривярнувъ силу налѣво, поблагодаривъ и пошовъ. Вотъ ёнъ приходитъ у домъ къ Мѣдныму тулувищу. Ажны ёнъ спитъ. Вотъ ёнъ яго узбудивъ, давай дутъ токъ. Мѣдныя тулувища выдувъ блишаный (бляха), а Иванъ Вѣтровъ золотэй. Давай дратца. Тольки Иванъ Вѣтровъ зьбиваитъ Мѣдныя тулувища по пахи у землю, Мѣдныя тулувища проситца у Ивана Вѣтрова, говоритъ: цари, короли дярутца съ силую, зъ войскымъ, а и то оддухъ мѣютъ, а мы съ тобою—и то воддуху ня мѣимъ. Ды попъёмъ, пыядимъ чаго нямного! Ну, потомъ, Мѣдныя тулувища самъ пъетъ съ лѣвыя руки, а Ивану Вѣтрову даетъ съ правыя. Тады Мѣдныя тулувища покряпчѣвъ, а Иванъ Вѣтровъ поплошѣвъ. Давай дратца опять. Мѣдныя тулувища зьбивъ Ивана Вѣтрова у землю пы пахи, посѣкъ меччу, и огнёмъ спаливъ косьти яго.

Ну матка яго забыла на ето, што ёнъ якъ ишовъ, казавъ: якъ будитъ зъ мойго платочка кровъ итти, пусьтитя сыкола и либядя. Полядѣла матка, заплакала. Пусьтила сыкола и либядя у тридисятая царство, у тридисятую зямлю. И прилитаютъ яны у Мѣдныго тулувища домъ: да, говорютъ: идѣ нашъ хозяинъ жись поклавъ! Ну потомъ полятѣли—ёсь такія живущія и гоющія воды, ну дыкъ соколъ лебидя у ленты увобравъ, а лебидь яму кубки привизавъ подъ крыльля. Потомъ лебидь спускаитца внизъ, сторожи пускаютца ловитъ яго, соколъ зьлитѣвъ и зачерпнувъ воды живущія и гоющія. Ну, прилитаютъ яны къ Ивану Вѣтрову, спырснули яго попилъ гоющію и живущію водою, и Иванъ Вѣтровъ оживився. Бывъ молодецъ, ды ящо почисьтѣвъ. Ну, такъ ёнъ и приходитъ къ Мѣдныму тулувищу, говоритъ: што ты, старый хрѣнъ, спишъ? —Ти ты тутъ?—Да, говоритъ: зачимъ хожу, тоя надо дыходитъ. Давай дратца опятъ. Дралиси, дралиси, тольки Иванъ Вѣтровъ зьбивъ Мѣдныя тулувища. Ёнъ кричитъ оддуху, а Иванъ Вѣтровъ кажитъ: я оддухнувъ. Потомъ Иванъ Вѣтровъ, яго пы пахи у землю зьбивъ, и посѣкъ, косьти пупаливъ, штоба косьтина ды косьтины, пылина ды пылины ни сходилиси, штоба вѣкъ яно ня трыгалыся. Идетъ Иванъ Вѣтровъ пызадъ, равняитца зъ зылотымъ домымъ. Выходитъ дѣвка и кажитъ: што жъ ты, Иванъ Вѣтровъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ?—Отчаго, говоритъ. Такъ ина оставляитъ домъ свой, имущиство и идетъ за имъ. Идутъ. Тады ёнъ оглянувся назадъ. Ина кажитъ: што ты, Иванъ, етыго дому жалѣишъ?—Да, говоритъ: у нашимъ царстьви и золото дорого. Такъ ина яму дала платочикъ. Махни, говоритъ, три раза! Ёнъ махнувъ три раза. Етый домъ увыбрався у яечко. Ёнъ ето яечко узявъ, у платочикъ увизавъ. Идетъ, домъ нясетъ и яе вядетъ. Проходитъ кыло сяребриныго дома. Выходитъ дѣвка и говоритъ: штожъ ты, Иванъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ?

—Отчаго, говоритъ, возьму! Ина пошла за имъ. Иванъ оглянувся назадъ. Ина говоритъ: што ты, Иванъ, дома етыго жалѣишъ? Да, говоритъ: у нашимъ царстьви и сирибро дорого. Ина яму дала платочикъ, говоритъ: махни платочкымъ три раза. Ёнъ махнувъ платочкымъ, домъ увыбрався у яечко. Ёнъ ето яечко узявъ, у платочикъ увизавъ и пошовъ. Идетъ ёнъ кыло третьтиго мѣдныго дома. Такъ выскакуитъ дѣвушка и говоритъ: што жъ ты, Иванъ Вѣтровъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ? Ну, дыкъ ёнъ и ету ўзявъ, якъ и тыхъ. Значитца, идетъ, три домы нясетъ и три дѣвицы видѣтъ. Ну, пришовъ у ету пячору, сколонувъ канатъ и зачапивъ старшую изъ мѣдныго дому. Дубовикъ и Гыровикъ вытигнули яе. Давай споритъ Дубовикъ изъ Гыровикомъ: той говоритъ: мнѣ жонка, а той: мнѣ. Ина кажитъ: братцы, ни дяритися: васъ три браты, а насъ три сястры! Иванъ Вѣтровъ выйдитъ и подѣлитъ. Ну, потомъ опускаютъ опять канатъ, ёнъ подпыисавъ другую, съ сяребриныго дому. Тады опускаютъ третьтій разъ. Ёнъ самъ, Иванъ Вѣтровъ, изь дѣвушкой зъ золотого дому подпыисався, яны и вытигнули. Тады большую сястру, зъ мѣдныго дому, оддавъ Дубувику, сь сяребриныго—Гыровику, а изъ золотого узявъ сабѣ. Потомъ подѣливъ царствы: дубувикова жонка ни такъ красива, етыму больши, а гыровикова красивѣй, етыму меньши описавъ царства. А своѐ труды ны бумази сьписавъ, сабѣ ничого ни ўзявъ. Якъ пришовъ ёнъ домой, распатёръ еты труды, дыкъ дѣдушка якъ глянувъ—зыдавився, бабушка сомлѣла, а ёнъ остався житъ жъ жонкой и зъ маткой.

Басьня ўся, казатъ нильзя. Я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ, у роти ни было и по бородѣ ни тякло; дали хлѣба крайчикъ, дыкъ я подъ вороты, якъ зайчикъ; якъ дали пы гыловѣ, дыкъ я дали утикатъ.

Д. Косьмыничи, старос. вол. мстисл. у. Отъ кр. Архипа Павлова 47 л., неграмотнаго, зап. г. Анкіевичъ.

39. Кашеваръ да добрый молодецъ.

Живъ сабѣ старичокъ зъ бабой удвоихъ, у яго дятей не было. Тяперь ёнъ говоритъ на бабу: «што, бабушка, будемъ дѣлатъ? Пойди, говоритъ, бабушка, на городъ, купи, говоритъ, бабушка, яечекъ дванадцатъ; и будемъ, говоритъ, сядѣтъ! А таки жъ, говоритъ, курка-писклятокъ выводитъ!» Ну, купили дванадцатъ яечекъ и сѣли на ихъ. Ну, тяперъ яны сяди-сяди, сяди-сяди,—и вывяли дванадцатъ сыновъ. Тяперъ, собрали кумовъ, повязли хрясьтитъ. Перяхрясьтили одинадцатъ, а дванадцатаго забыли. Вярнулись къ попу. «Батюшка, говоритъ: одного забылись пеpяксьтитъ!» Ёнъ узявъ хрисьтитъ да говоритъ: ну, ето будетъ Кашеваръ, да добрый молодецъ! Пріѣхали яны съ хреста, хрезьбины згуляли. Узялися тыя малцы расьтѣ, растутъ не по годамъ, растутъ по часамъ. Черазъ нѣскульки уремя уж-

парни хорошія. «Ну што, отецъ, говорютъ, будемъ робить? намъ, говорютъ, гулять нечаго, треба за хозяйство займатца!» Отецъ пошовъ, сичасъ пожню имъ занявъ. Отъ ёнъ имъ оправивъ косы, грабли, усё якъ слѣдуетъ. Убираютца яны уже на тэй лугъ косить. Собралися и поѣхали. Пріѣхали и начали косить. А тэй меньшій Кашеваръ да за кухаря имъ остався. Тогды, зваривъ тамъ што нибудь и требуетъ ихъ снѣдать. Ну, яны сѣли, поснѣдали, тогды жъ ёнъ говорить: «братцы, пора, говорить, отдыхнуть трошку; тяперь, говорить, нечаго зразу хапатца на работу!» Яны лягли отдыхать, уснули. Ёнъ узявъ косу, якъ шарнетъ, дакъ ёнъ удвоя скосивъ, якъ яны. Тогды приходить къ имъ: «пора, братцы, уставать, отдыхнули трохи!» Тяперь, яны пошли косить, пришли—кось нема. Покуль яны до ихъ дойшли, дыкъ много уремя пройшло. И опять стали косить. А ёнъ обѣдать готувавъ. Приходить, обѣдать гукаетъ. Приходють обѣдать, ёнъ у ихъ спрашіетъ: што, говорить, братцы: якъ у васъ тамъ на косьбѣ? Яны яму отвѣщаютъ: «ахъ, братъ! говорютъ: мы косили-косили, а Богъ якъ давъ, дакъ чуть косы найшли!» Ёнъ говорить: «ну, братцы, молитеся Богу и проситя Бога, што Богъ помогаетъ!» Яны косили нѣскульки уремя—можа день—два—три. Кажетъ: братцы! пора гресьти, а то, говорить, почарнѣетъ! Ну и начали гресьть, у копы валять. Тогды пришли отдыхать. Яны лягли отдыхать, а ёнъ якъ пошовъ, якъ махнувъ, дакъ удвоя боли за ихъ згрёбъ. «Тяперь, братцы, надо стожарья дѣлать!» Яны начали у стоги кидать, и пришли яны ночавать уже къ яму. Отъ яны повячеряли и уснули. Ёнъ пошовъ, якъ махнувъ, дакъ удвоя боли за ихъ скидавъ стоговъ. Тогды лугъ етый яны якъ коньчили, покосили и у стоги поскидали уже,—«тяперь, братцы, мы домовъ будемъ отправлятца!» Тяперъ, якъ пришли яны *дома*, ёнъ, Кашеваръ, добрый молодецъ отцу и говорить: отецъ, мы много накосили стоговъ, говорить: надо ихъ смотрѣть, кабы хто не укравъ стога! Пошовъ дни черезъ чатыри, ти черезъ пять смотрѣть Кашеваръ—одного стога нема! Приходить дома, и отвищаетъ отцу: «надо ходить вартовать». Батька сказавъ зряду ходить вартовать. Пошовъ пѣрядомъ большій. Пришовъ вартовать и лёгъ «вартовать» подъ стогомъ. Проснувся—а стога нема чуть свѣтъ! Пришовъ назаутраго отвѣщаетъ Кашевару и отцу: «што, говорить: я не могъ ничого зробить! якъ наскочили, мяне чуть ня убили,—такъ стогъ и сцоплянъ!» На другую ночь высылаютъ другого. Ну, другій пошовъ и тожъ лёгъ подъ стогомъ. Саму повночь усхапився вѣтяръ, такъ и покатило стогъ, и схапили. Тогды ёнъ приходить назадъ и отвищаетъ Кашевару и отцу: «што, говорить, не можемъ усмотрѣть гетакъ, што хочитя, дѣлайтя! Тогды Кашеваръ, добрый молодецъ, говорить: «за двѣ ночи да два стога упало! Ступайтя, говорить, возьмитя жалѣзо

и скуйтя мнѣ, говорить, булаву дванатцать пудовъ!» Отъ яны пошли и скували булаву двянадцать пудовъ. Тогды привозють къ яму у дворъ. Ёнъ вышавъ сычасъ на дворъ, посмотрѣвъ тыя булавы, якъ схапивъ яе, якъ спусьтить подъ небеса! Яна—выставивъ руку—якъ ударилася объ руку—якъ ударилася объ руку, дыкъ и разбилася! Тогда ёнъ на 'тца закричавъ:—«што, говорить, отецъ: коло мяне смяетесь?» говорить: «якъ можно, говорить, покрѣпшы работайтя булаву!» Яны узяли и опять отправилися у кузьню. Ну, и сковали яе уже покрѣпшы, тожъ у дванадцать пудовъ. Ну, привязли яны домовъ; тогды ёнъ вышавъ со дворца, схапивъ яе, якъ пусьтивъ подъ небеса! Тогды подставивъ колѣно. Яна ударилася объ колѣно, отскочила. Тогды, ёнъ яе узявъ, уклавъ у карманъ. Ну, перяксьтився Богу, и пошовъ на ночь. Тогды, пришовъ, на стогъ узлѣзъ, сѣвъ сабѣ на стогу, за колъ узявся, за стрѣлу. У саму повночь, бяжить кобылица изъ дванадцатимы жарабцамы. Якъ прискочила, якъ тирнулася коло стога, дакъ стогъ схапила и пошла. Ёнъ съ стога упавъ. Назаутраго, опять пошовъ. Опять на стогъ узлѣзъ и покрѣпшы уже нарехтувався. И въ саму повночь, бяжить опять кобылица изъ дванадцатимы жарабцамы. Тольки подъ стогъ подбѣгаетъ, подбѣгаетъ къ стогу, ёнъ съ стога соскочивъ, да на яе—узнялися яны вышы лѣсу стоячаго, вышы воболокъ лятучихъ—понясла яна яго, на тридесятая царство, на тридесятаю зямлю. Ёнъ якъ ставъ яе булавой тэй бить—ина яго носила, носила,—уже у яе мочи нѣту—заморивъ! «Кашеваръ да добрый молодецъ! што отъ мяне жалаетя?»—А што я отъ тябе жалаю: я жалаю, кабъ ты мяне на отечецкій дворъ, говорить, знесла! Утъ яна на отечецкій дворъ якъ принесла,—сичасъ къ яму выходить отецъ и братія:—мы, говорить, думали, што тябе на свѣти нѣту! А ёнъ, бачь, довго летавъ на ёй,—дней семъ можа. Ну, говорить, братцы: штобъ конюшни устроили, и кабъ дванадцать стойловъ кабъ было! А самъ ёнъ тогды и отправився. И ёнъ заказавъ, а самъ отправився. Отъ яны стали конюшню строить. Устроили и дванадцать стойловъ. А ёнъ узновъ узнявся вышы лѣсу стоячаго, вышы воболокъ лятучихъ, и летавъ нѣскульки урремя, довго, покамѣсь яе заморивъ такъ, што яна уже ня можетъ и дыхать. Тогда яна яго спрашіетъ: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ! што отъ мяне жалаетя?»—А што я отъ тябе жалаю—я жалаю, кабъ у мяне было дванадцать сыновъ твоихъ—жарабцовъ! Тогды яна якъ зарзала, ажъ земля затряслася. Яны прискочили къ ёй, къ кобылицы. «Ну, тяперь, говорить, поѣдемь домой!» Ну, 'зяли спускатца—спусьтились кы двору. Якъ узьѣхавъ ёнъ на дворъ, сычасъ братьтя и выскочило и отецъ вышавъ. Якъ вышавъ, ёнъ узявъ, разьдяливъ имъ усимъ по лошади, а старику отдавъ кобылку. Тыя жъ лѣпшихъ расха-

пали, а яму засталась худѣйшая, маленькая. Ну, тяперь, говорють, отецъ; надобя жанитца! Ну, у батьки спросилися, узяли лошадей и поѣхали. А яго плошенькая лошадь, ёнъ узявъ у поводѣ и вядеть сабѣ. Скольки уремя пройшло, ёнъ вёвся, вёвся, и лошадь у яго спрашiеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ, пусьти мяне, говорить, на лугъ, дай мнѣ три разы покачатца, и три травинки зьѣсь, и три росинки сьпить!» Тогды, якъ покачався ёнъ, дакъ ёнъ полѣпшавъ. «Тяперь, говорить, мяне сѣдлай: клади на мяне сядло чаркесьская, и войлокй—бухарочки, потпружи мяне дванадцатимы потпругамы! Тяперь садись на мяне лѣпко и дяржись крѣпко, и узнимемся вышы лѣсовъ стоячихъ, вышы воболокъ ходячихъ!»... Ёнъ тыхъ братовъ нагнавъ и перегнавъ. Сычасъ прилетають яны, стоить хатка на курьей нозцы. И ли тыё хатки дванадцать слуповъ убито и дванатцать кольцавъ убито у слупы. Тогды ёнъ сычасъ узявъ, къ кольцу привязавъ лошадь, къ слупу, сычасъ приходить къ хатцы: «хатка моя, повярнись задомъ, стань ко мнѣ перядомъ, я у тябе улѣзу, маленько посмотрю!» Яна покрутилась и стала къ яму перядомъ. Тогды ёнъ улѣзъ у тую хатку; на лавцы ляжить бабка. «Здрастуй, бабка!» А здрастуй, говорить, Кашеваръ добрый молодецъ! ни чувомъ чували, ни видомъ видали, а тяперь, говорить, чуемъ и видимъ!—Ну, вотъ што, говорить, сватьтюшка: ти нема у тябе дванадцать дочъ? Яна яму отвясьтила:—«у мяне, говорить, нѣту, а у сястры у моё ёсь!—дальшы, говорить, ити надобя!» Ёнъ сычасъ выходить, на свойго коня садитца, отъѣжжаеть. Браты наѣжжають: «ахъ, што ты, говорить, ѣдешь упярёдъ?» Ёнъ имъ отвясьтивъ: мнѣ и треба упярёдъ ѣхать! Нѣскульки уремя ёнъ ѣхавъ, тожъ прiѣжжаеть опять къ хатцы на курьей нозцы. Прiѣжжаеть къ хатцы, дванадцать слуповъ укапано, и дванадцать кольцовъ убито, у *всякiй* слупъ по кольцу. Ёнъ иссѣвъ съ свойго зъ добраго коня и приходить къ хатцы: «хатка моя, воротись задкомъ, ко мнѣ перядкомъ, я у тябе улѣзу, маленько посмотрю!» Дакъ ёнъ якъ сказавъ, дакъ хатка сычасъ перекрутилася къ яму перядкомъ. Улѣзъ ёнъ, а *яна* на лавцы ляжить, ноги задравши. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, Кашеваръ, добрый молодецъ! ни чувомъ чували, ни видомъ видали, а тяперь чуемъ и видимъ!—«Ну, вотъ што, бабушка-сватьтюшка: ёсь ли у тябе, говорить, дванадцать дочъ?» Ина яму отвѣтила:—нѣ, говорить: отъ, у сястры у моё, говорить, ёсь! Тогды ёнъ отворотився—прощай, говорить, бабушка! Вышавъ и сѣвъ на свойго добраго коня и опять пошовъ. Опять пошовъ у ходъ. Прiѣжжаеть къ хатцы, опять жа—стоить хатка на курьей нозцы, дванадцать слуповъ укапано, дванадцать кольцовъ убито. Тогды ёнъ ссѣвъ зъ добраго коня и приходить икъ хатцы: «хатка моя, воротись задкомъ, ко мнѣ перядкомъ! я у

тябе улѣзу, маленько посмотрю!» Ина перекрутилася. Тогды ёнъ улѣзъ у хатку, ляжить баба на лавки, ноги на грядкахъ, титьки подъ стôльлю. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, Кашеваръ, добрый молодецъ! Вô: ни чувôмъ чували, ни видомъ видали,—а тяперь и чуемъ и видимъ! Што ходишъ, што ѣзьдишъ?—«Што, ёсь у тябе дванадцать дочъ?» Яна отвищаеть,—говорить: ёсь!—«Ну, тяперь, говорить, будемъ свадьбу гулять!» Ну, сычасъ, яна ўстала зъ лавки, приняла яго,—посадила яго за столъ, и стали разговаривать, бясѣду вѐсьти. Сычасъ прiѣжжають братiя, лошадей къ слупамъ попривязàли, къ кольцàмъ, и овса имъ засыпали, и сами пошли у горницу. Поздрастувалися зъ бабушкой и началѝ пить—гулять. Тогды Кашеваръ да добрый молодецъ выхôдить у садъ. Сычасъ, подскàкуеть къ яму Настася-Привокрася, бабина дочка. И тогды яна яму сказуеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ! ôтъ, говорить: мать насъ якъ гукнѐть, дакъ мы скинемся голўбками усѣ, посыплеть пшаницы намъ, и мы будемъ клювать. И мать съ тобою выйдеть къ намъ и будеть у тябе спрашивать: узнай, говорить, котора твоя? Дакъ я, говорить, крылышкомъ трёпну, дакъ ты говори, што утъ—гета моя! А тогды скйнемся дѣвкамы, паннамы, волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо. Ина насъ увядѐть у горницу, и будеть спрашивать у тябе: узнай, котора твоя? Я платкомъ махну, дакъ тогды гляди и скажи: утъ-гета моя!» Ну, тогды ина, бабушка, пошла и гукнула ихъ у горницу и скинула голубкамы. Поманила ихъ и посыпала пшанички имъ. Тогды узила, Кашевару и говорить: «узнай, котора твоя?» Яна крылцамъ—трёпъ! Ёнъ говорить: утъ-гета моя! Тогды скинулись яны уже дѣвкамы, паннамы, и вводить ина ихъ у комлату и гукаеть: Кашеваръ да добрый молодецъ! ну, говорить, узнай,—котора твоя? Яна хусточкой махнула, ёнъ и узнавъ,—говорить: утъ-гета моя! Ну, тогды уже нечаго, надо уже къ вянцу ихъ отправлять. Поѣхали яны къ цэрькви и обручились. И дала яна яму хусточку подъ вянцомъ. Отъ, табѣ, говорить, ета хусточка: знадобитца при злэй годины! Ну, прiѣхали домой, стали пить-гулять, добрыя мысьли мать. Пили-гуляли, у конецъ вясельля, ето ўже треба ихъ,—уже складины дѣлать. И сычасъ у сарай, соломы нас(т)лали и туды ихъ усихъ у пуню положили спать. Ну, конь етый Кашеваровъ, узявъ и кричить:—«Кашеваръ, добрый молодецъ! сьпитя, отпочивайтя, на сябе угôды не знайтя! Уже, говорить, бабушка послала за кàтомъ, будеть, щупая по платьтю—головы оттинать!» Кашеваръ отвищаеть: што намъ дѣлать? Говорить: «а возьмитя, говорить, зь ихъ платьтя перемянитя: зь ихъ платьтя на сябе, а своё на ихъ!» Яны ўзяли, платьтя перемянили, передѣлись: своё на ихъ, а зь ихъ на сябе. А Настася Привукрася у садъ увыйшла и осталась тамъ. Тогды, прiѣжжаеть катъ. Яна упусьтила яго у хлѣвъ.

Ёнъ и пошовъ, щупая по платьтю, головы оттинать. Тогды конь говорить: „Кашеваръ, добрый молодецъ! будеть опять худо!“—Што намъ дѣлать? говорить.—„Уѣкать треба!“ Тогды узявъ лошадь, копытамы землю выбивъ подъ сьтяну: «лѣзьтя сюды подъ сьтяну!» Яны якъ улѣзли подъ сьтяну, говорить: „садитесь ва лошади живо!“ Якъ вылѣзли, такъ сѣли на лошади и наўхода, уѣжжать! Уѣхали. Ну, бабушка была уснула крѣпко. Ну, якъ учула, што яны уѣхали, загрукотѣли, яна сычасъ уздогонъ за имы; у ступу сѣла, тувкачомъ погоняеть, помяломъ слѣдъ заметаеть. А яны ѣхать, ѣхать, пріѣхали къ огнянэй рядэ. Ёнъ узявъ, хусточкой махнувъ—калиновый мостъ ставъ. Перяѣхали яны огнянаю ряку, опять ёнъ махнувъ, калиновый мостъ упавъ. Яна прискочила да говорить: «ахъ, Кашеваръ добрый молодецъ! узявъ одинадцать дочъ, говорить: а ти будешъ у госьти ко мнѣ ящо?» Ёнъ ёй отвѣтивъ, што буду! Ну й поѣхали. Ѣхали, ѣхали, и выѣжжають на лугъ. Охъ, говорить, братія! отдыхнёмъ, нехай лошади походють по лугу. Ну, пусьтили лошади по лугу, а самы отаборились, зьдѣлали балганьчикъ сабѣ, и отдыхать. Якъ начали лошади битца, дакъ забилися ўси,—одинъ одного позабили уси. А Кашевара, добраго молотца, конь, етый не чапався, и далёко ходивъ отъ ихъ. Тогды стали браты спорить—твой лошадь упярёдъ завёвся! твой лошадь упярёдъ завёвся! Ну, й браты забилися уси, тольки одинъ Кашеваръ застався, тэй не чапався одинъ. Тогды узявъ братовъ усихъ на бярема, и понёсъ къ рядэ,—ряка тамъ ишла—и ўбросивъ ихъ у ряку. Тогды узворотився, узявъ лошадей по два, по два, и тыхъ у рѣку ўнёсъ усихъ. Тогды Кашеваръ пришовъ къ свойму доброму коню, узлёгся на яго и заплакавъ. Ёнъ говорить: „што плачешъ? Ето, говорить, бѣда не бѣда, ще будеть бѣда,—топоръ да плаха, да смѐртна рубаха!“ Ну, тогды ёнъ яго осѣдлавъ, сѣвъ и поѣхавъ на имъ.

Ѣдеть сабѣ дорогой—ляжить пярò, такòя пяро, што ажъ увесь свѣтъ зьяеть. Ёнъ ссѣвъ зъ лошади и бяреть тоя пярò. Конь яму отвѣщаеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ, добрый молодецъ! ня рушъ етаго пера, ў етымъ пярѣ вяликая бяда!—будеть табѣ, говорить, топоръ да плаха, да смярётна рубаха!» Ёнъ яму отвѣщаеть: «ахъ, говорить, песьсяя мясо! што ты знаешь? говорить: ето, говорить, доброму молодцу привукраса!» Узявъ тоя пяро у кишень и поѣхавъ. Выѣжжаеть на лугъ, зъ лѣсу, сичасъ узявъ, теплушкò расклавъ и ставъ сабѣ коло того тяпла трубку курить. Узявъ тòя пяро и поворачуеть сабѣ, красуетца. Тольки такъ ето подъ лѣсомъ, недалёко, помѣщицкій домъ бывъ. Тогды помѣщикъ тамотьки смотрить: што ето за диковина тамъ, што ажъ увесь свѣтъ зьяеть? Якая диковина тамъ? Тогды ёнъ посылаеть писаря туды, къ яму, кабъ отдавъ тоя пяро,—што ёнъ тамъ красуетца зь имъ! Ну ёнъ яму, помѣ-

щикъ, и говорить: што хочешъ, говорить, бяри, тольки отдай мнѣ ето пяро! Коли хочешъ, половина имѣньня свойго табѣ отпишу, своѐ вотчины. Ёнъ говорить: «што мнѣ, говорить, яго гроши и имѣньня? говорить? Ето доброму молодцу привукраса!» Ну, могъ помѣщикъ туды самъ къ яму оборотитца. «Ну, дай, говорить, Кашеваръ, етая пярò,—я тябе съ своей дочарью ожаню!» Ёнъ тольки тяжко уздыхнувъ, и ўзявъ и отдавъ тоя пяро яму. Ну, тогды прiѣхали яны *дома*, тамъ ёнъ скольки побывъ у помѣщика у того,—«ну, што жъ, говорить: надо жанитца!» помѣщикъ на яго.—Да, говорить, надо!—«Ну, говорить, жанися!»—Што жъ, говорить, жанитца—у мяне, говорить, ёсь жана, я, говорить, ее приставлю суда! Ну, тогды узявъ свойго добраго коня, и поѣхавъ къ баби, къ вѣдьми. Сычасъ прiѣхавъ, и ў садъ. Тогды якъ улѣзъ у садъ, сичасъ яна идеть, Настася Привокрася. Ёнъ сичасъ схапивъ яѐ за руку дакъ сабѣ на коня, и тольки й бывъ. Коло вокна застучѣвъ зъ саду. Ахъ! говорить баба вѣдьма. Якъ учула, сычасъ у ступу, тувкачомъ погонять, помеломъ слѣдъ заметать, уздогонъ за имъ, слѣдомъ. Прискòчили къ огнянэй ряцэ. Ёнъ хусткой махнувъ—калиновый мостъ ставъ, черезъ ряку перяѣхавъ, зновъ махнувъ хусткой, калиновый мостъ упавъ. Яна у огняную рѣку по заборсни ускочила: «ахъ, Кашеваръ, добрый молодецъ! Узявъ одинадцать дочокъ?»—Узявъ!—«Узявъ Настасю Привокрасю?»—Узявъ!—«А ти будешъ яшо у госьти?»—Буду! говорить.

Ну, привёзъ ёнъ яе суды къ помѣщику, и начали пить-гулять, вяселитца. Ну етый помѣщикъ у яе и ўлюбився. Улюбився такъ, што сичасъ и жанитца требуеть. Ну яна говорить: «якъ жа мы жанитца будемъ, винчатца, вясельля гулять, коли ў мяне платьтя нема маткинаго винчалнаго, шòвковаго?» Панъ сычасъ на Кашевара добраго молодца: „Кашеваръ добрый молодецъ! говорить: кабъ былò такоя и такоя платьтя!“ Ёнъ пошовъ къ коню къ свойму, сычасъ усклавъ на яго голову и заплакавъ. „Што ты плачешъ?“—Посылаеть мяне панъ за платьтямъ винчалнымъ Настаси Привокраси!—„Што жъ, садися на мяне лѣпко, дяржися крѣпко, поѣдемъ!“ Ёнъ сѣвъ на яго лѣпко, держався крѣпко, и полятѣли къ тэй вѣдьми. Сычасъ прилетаеть ёнъ, сычасъ коло 'кошка зъ лошадя ссѣвъ и коло 'кошка ходить,—скинувся котомъ чорнымъ. Ну, а 'кошки расчѝниты. Ёнъ сычасъ на 'кошко. Баба ета вѣдьма узяла яго, голубить: ти не моихъ дочушакъ душа? говорить. Узяла и положила коло сябе спать. Яна заснула, ёнъ подъ подушку, сичасъ ключики узявъ. Бывъ котомъ, ставъ молойцомъ. Узявъ, отомкнувъ скрыню, платьтя тоя узявъ и сычасъ за вокно. И сѣвъ на добраго коня свойго на богатырськаго. И якъ тольки съ саду полятѣвъ, баба и ўчула. Сычасъ на ступу сѣла, тувкачомъ погоняеть, помеломъ слѣдъ заметаеть, у здогонъ за имъ. Тольки ёнъ перя-

ѣхавъ огняную ряку, ина туды. И по колѣни у огняную ряку ускочила. „А што, говорить: узявъ одинадцать дочокъ?“—Узявъ!—«Узявъ Настасю Привокрасю?“—Узявъ!—«Узявъ платьтя винчальная?»—Узявъ!»—А ти будешъ ящо у госьти?“—Буду!

Ну, тяперь, привёзъ платьтя и отдавъ ей. И стали пить, гулять, весялитца. Ну тогды панъ говорить: „будемъ жанитца!“—Якъ жа жанитца? говорить: нѣту жъ у мяне винчалнаго персьня! Тогды требуетъ яго панъ. «Ну, Кашеваръ добрый молодецъ! доставивъ ты платьтя, доставъ и персьтень винчальный!» Ну, вышавъ ёнъ къ доброму коню, узлёгся на яго и заплакавъ. Тэй конь яму̇ отвищаеть: «ахъ, Кашеваръ добрый молодецъ! гето не бѣда! Будеть бѣда, топоръ и плаха, и смярётная рубаха. А тяперь, садись на мяне лѣнко, дяржися крѣпко, поѣдемъ за персьнемъ!» Сычасъ поклавъ на яго сядло чаркеськая, войлоки бухарочки, потпруживъ двавадцатимы потпругамы, сѣвъ и поѣхавъ. И сычасъ прiѣжжаеть у садъ, спускаетца, сычасъ котикомъ и скидаетца. Тогды скинувся котикомъ, сычасъ на кошко. Баба змiя сычасъ узяла яго,—на ру̇ки бяреть, голубить яго: „гето ти не моѐ дочушки душа?» говорить. Сычасъ на руки бяреть, и на посьтелю съ собой кладеть яго. И у бабы у̇ роти за щекой золотэй персьтень—тэй. Ну, ёнъ прихитрився, коло яѐ лёгъ и такъ хвостомъ якъ ставъ шаволить коло зубовъ, коло рота—яна спросоньня якъ кашлянула, такъ персьтевь и выплюнула. Ёнъ бывъ котокъ, персьтень ухапивъ, да за вокно, и зьдѣлався молойцомъ. Сѣвъ на добраго коня, да драло. Ина прошнулась, да за имъ у здогонъ. По поясъ у 'гняну ряку̇ ускочила. «А говорить, Кашеваръ добрый молодецъ, одинадцать дочокъ узявъ?»—Узявъ!—«Настасю Прикрасю узявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная узявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«А ти будешъ ящо у госьти»?—Буду!

Ну, привязли и отдали персьтень тэй, и стали пить, гулять, весялитца. Пили, гуляли, весялилися. «Штожъ, говорять: жанитца надо!» ёнъ загадуеть. Ну яна отвѣщаеть: „штожъ жанитца?—нѣту моихъ свячей винчалныхъ, што мать моя винчалася!“ Ну, панъ стребувавъ Кашевара добраго молодца, и отвѣтивъ, кабъ свѣчи доставивъ винчалныя. Тогды ёнъ вышавъ къ коню и заплакавъ. „Што ты плачешь?“—Панъ сказавъ свѣчи винчалныя доставить!—„Ну, ето дѣло, не дѣло—садись, поѣдемъ!» Ёнъ засѣдлавъ яго и поѣхали. Опять у садъ и спусьтились. Тогды ёнъ у сади походивъ. Тамъ у сади цэрьква, яе кельня, тамъ пастушокъ за садомъ. Ёнъ къ яму, сычасъ одежу у яго перядѣвъ, и кошалёкъ узявъ, а яму свою отдавъ. Тогды конь яму̇ сказуеть: я скинуся барашкомъ! И у̇звъ, и скинувся барашкомъ: золотая шарсьтинка, сяребрана, золотэй копытикъ, сяребраный копытикъ, золотэй рожокъ, сяребраный рожокъ. И походжують

сабѣ тамъ коло цэрьквы. Якъ повѐрнетца, даъ бочокъ ажно зьяетъ. Тогды рабяты услыхали: ай, говорютъ: што ето за штука такая! И ўси вонъ изъ цэрьквы, уси до дного. Ну ðтъ, уси съ цэрьквы выскочили, баба тая выскочила, и ўси. А ёнъ сычасъ ускочивъ, свѣчи ухапивъ, да сычасъ у кошалёкъ. Сычасъ идетъ барыня. «Барыня, я твой пастушокъ!»—Пожалуста, говоритъ, поймай мнѣ яго! Ёнъ яго подманiитъ: барашка, барашка, барашка, барашка! Ды за имъ дальшы идетъ. Дальшы отступили,—бывъ барашка, ставъ лðшадемъ. Ёнъ тогды хопъ на яго да и нѣту. Баба вѣдьма на ступу, тувкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, ды ў здогонъ. По груди у вогнянаю ряку ускочила. «Што, Кашеваръ да добрый молодецъ: одинадцатъ дочокъ зьвёвъ?»—Зьвёвъ!—«Настасю Привокрасю ўзявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная узявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«Свѣчи винчалныя узявъ?»—Узявъ!—«А ще будешъ?»—Буду!

Ну, тяперъ привязли, отдавъ ёнъ свѣчи. Стали питъ, гулятъ, весялитца. «Ну, будемъ жанитца?»—Нема, говоритъ, моихъ гуслявъ саноплясныхъ, што моей матцы свадьбу играли! Ёнъ зоветъ Кашевара и отвѣщаетъ, кабъ доставивъ гусьли саноплясныя. Пошовъ ёнъ къ коню и заплакавъ. «Ну, каетъ, не плачь, поѣдемъ! Тольки гляди! лежатъ яны у скрыни; гляди жъ, говоритъ, якъ будешъ братъ, да сядишъ на лошадь, дакъ кабъ слѣдъ у слѣдъ ступавъ. А ня будешъ слѣдъ у слѣдъ ступатъ, дакъ яны, говоритъ, заиграютъ, яна тябе поймаетъ и стратитъ!» Ну, сѣвъ ёнъ на добраго коня и поѣхали. И 'пусьтилися туды, ў садъ. Скинувся котомъ, скинувся котикомъ, и прямо у 'кошко. Ну, яна ўвидала, сичасъ на руки узяла, голубитъ стала. На койцы и спатъ сь нимъ легла. Ина заснула богатырськимъ сномъ, а ёнъ не спавъ; сычасъ ключики съ подъ подушки узявъ, скрыню отомкнувъ и гусьли саноплясныя узявъ, и слѣдъ у слѣдъ ладивъ. Бывъ котомъ, здѣлався молойцомъ, сѣвъ на свойго добраго лошадя, застучѣвъ коло вокна. Ина прошнулася, сычасъ на ступу сѣла, тувкачомъ погоняетъ, да ў здогонъ. По пахи у огнянну ряку ускочила. „Ну, Кашеваръ добрый молодецъ, одинадцатъ дочокъ зьвёвъ?"—Зьвёвъ!—«Настасю Привокрасю ўзявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная узявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй ўзявъ?»—Узявъ!—„Свѣчи винчалныя узявъ?»—Узявъ!—«Гусьли саноплясныя узявъ?»—Узявъ!—«А ще будешъ?»—Буду!

Привёзъ ёнъ гусьли, отдавъ. Стали яны питъ, гулятъ, весялитца, у гусьли саноплясныя игратъ. Тутъ бида такая, што... Гульбища подняли! Пьютъ, гуляютъ, веселятца. Тоды панъ: ну, будемъ жанитца!—Якъ жа намъ жанитца, коли нѣту, говоритъ, тыхъ лошадей, што моя матъ къ вянцу ѣздила! Требуетъ панъ Кашевара добраго молодца. „Ну, говоритъ, Кашеваръ добрый молодецъ! не доставишъ коней, будетъ табѣ топоръ да

плаха, да смярётная рубаха!". Заплакавъ ёнъ, пошовъ къ коню. Конь яму отвѣщаетъ: «бяри ты три пуды пяньки, три пуды смолы и три кожи, и усмаляй мяне и укручай, кабъ мяне кобылица ня спортила, мать. „И бяри, говоритъ, съ собой булаву свою и би мяне, говоритъ, не жалѣй!" Ахъ, конь мой! говоритъ: якъ жа мнѣ тябе бить, што ты мяне такъ вызволяешъ?—«Ну, говоритъ: нужды нѣтъ, а би мяне, говоритъ, якъ сила твоя!» А яна значитца, кобыла, отъ батьки отъ яго знова къ вѣдьми досталася, и тыхъ усихъ позворотила, што у рѣку побросавъ. Ну, ёнъ узявъ три пуды пяньки, три пуды смолы, укрутивъ яго, обсмоливъ, поклавъ на яго сяделцо чаркесьская, войлоки—бухарочки, сѣвъ и поѣхавъ. Прискочили къ конюшни. Якъ почавъ ёнъ яго бить тамъ, якъ ставъ ёнъ вищѣть, ирзать!.. Ну, якъ учула кобылица, якъ стала двери ломать у конюшняхъ, да якъ выскочила, якъ шарпнула, дакъ рядъ смолы, рядъ пяньки и кожу вырвала, стащила. Тогды другей разъ якъ шарпнула—ще рядъ пяньки, рядъ смолы и кожу доловъ! Третьтій разъ тольки хотѣла,—а ёнъ хлопъ на *яе*, и ускочивъ Кашеваръ добрый молодецъ, и давай *ее* булавой бить. Яна й полятѣла. Двери поразломали уси, и жерябцы за ей. Баба вѣдьма учула, сѣла у ступу и у здогонъ. Якъ лятѣла, по шыю у вогняну рякў! «Ахъ, говоритъ, Кашеваръ добрый молодецъ: одинанцать дочокъ зьвёвъ?»—Зьвёвъ!—„Настасю Прикрасю узявъ?"—Узявъ!—«Платьтя винчальная узявъ?»—Узявъ!—«Перстень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«Свѣчи винчальныя узявъ?»—Узявъ!—«Гусьли саноплясныя узявъ?»—Узявъ!—«Лошадей моихъ винчальныхъ узявъ?»—Узявъ!—«А ти будешъ ящо?»—Нѣ, чортъ къ табѣ нехай будетъ! Й поѣхавъ на кобылицы.

Привёвъ кобылицу, панъ и выходитъ—и радъ, якъ ни съ чаго. Сичасъ и свадьба будетъ, усё подоставлявъ! думаетъ. Кобылу сичасъ на конюшню, а конь Кашевара добраго молойца стоитъ сярёдъ двора. Ну, говоритъ, Кашеваръ добрый молодецъ! ступай на кухню, зъ дороги, говоритъ, отдыхни!

Тольки ёнъ ступивъ на кухню, а кухаря сычасъ за яго—голову на колодку, отрубили, и порубили усяго на дробныя штуки, и у котёлъ, у молоцэ изварили, и узяли, собакамъ оддали. Ну, собаки й поѣли. Тогды конь стоитъ на днымъ мѣсьти; никуды ня йдетъ. А яны пьють, гуляють. Скольки яны тамъ пили, гуляли, и весялились, и стало ёй, Настаси Привокраси, скушно. Зирнула у вокно, убачила етаго коня, и выходитъ къ яму, къ коню, и спрашіетъ у яго: „што, говоритъ, конь мой! што ты говоритъ, сосмутився, стоишъ?» У яго слёзы посыпались, у лошадя, якъ бобъ, изъ глазъ. Ина говоритъ: «ахъ, Господи, говоритъ: скольки страждавъ, и тяперь ничого ня пъешъ, не яси!" Узила платокъ, и стала яму слёзы вытирать. Обтираетъ лошадю слёзы и яна слязмы дужа залилась. И лошадь у яе спра-

шіеть: коли ты яго жалѣешъ, вѣрно яму присягала, иди, говорить, приняси мнѣ уси косточки, собяри мнѣ и положи передо мною! Ина пошла собирать еты косточки, по углохъ, по сметьнищахъ, по полю—собрала уси, однаго палца мѣзиннаго нема. «Иди, говорить, шукай!» Ина пошла, найшла той палецъ, принесла и положила тамъ перядъ имъ, перядъ лошадью. Лошадь разъ дыхнувъ,—ёнъ соснувався, другѣй разъ дыхнувъ—зашаволився, третьтій разъ якъ дыхнувъ—дакъ ёнъ ускочивъ. «Охъ, говорить: заснувъ жа я богатырськимъ сномъ крѣпко!»—Нѣ, говорить: тябе страчено было! И ёнъ то бывъ пригожъ, а то ще попригожѣвъ—дужа красивъ ставъ: што ни ў казцы сказать, и ни въ умѣ показать. Тяперь яна узяла, обняла яго, поцаловалися, и повяла у комлаты. И стали пить, гулять, весялитца. Ну ёнъ, тэй панъ, якъ убачивъ, што ёнъ дужа красивъ ставъ, такъ сичасъ бросився на кухню и сичасъ на кухарей закричавъ: рубитя, говорить, мяне на мелкія штуки, сичасъ у котёлъ укиньтя! Ну, узяли, порубили, у молоцэ зварили, собакамъ оддали. Собаки и поѣли. И пропавъ умѣсто собаки. А Кашеваръ изъ ей у тымъ имѣньни и остався. И живеть. И я тамъ бывъ. Да што жъ, коли мнѣ ничого не попало!—Мёдъ-вино давали, правды.

Высоковская вол. орш. у. Отъ кр-на Якова Игнатова, 76 л. негр.

40. Настася Прикрася.

Нѣўкоторомъ царстьви, нѣўкоторомъ государстьви, жывъ сабѣ царь, и ў яго были два сыновья. Вотъ сыны етыя просють у вотца благословенія ѣхыть у сьвѣтъ, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка. Яны якъ поѣхыли у сьвѣтъ, дыкъ ѣзьдють семъ лѣтъ, ящо и тяперь ихъ нѣтъ. Вотъ на сёмая лѣто народився у яго ящо сынокъ. И ни расьтѣть ёнъ по годахъ, да расьтеть ёнъ по чысахъ, ни по чысахъ, да по минутахъ. И етый задумавъ сабѣ ѣхыть у сьвѣтъ, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка. Отъ ёнъ сѣдючы ли вокна задумався, а бабка идеть ды й спрашыить у яго: Иванъ, говорить: я знаю, говорить, твоѐ мысьли, объ чомъ ты думыишъ! Ёнъ усѐрдився на яѐ: якъ можыть хто знать моѐ мысьли, объ чомъ я думую! Отъ ёнъ ету бабку, выскочывъ, догнавъ, да по потылицы разы съ три задѣвъ. Ета бабка заплакувшы ды й пошла. Ёнъ назадъ вярнувся у комнату, сѣвъ и раздумувся: што за што я ету бабушку разобидивъ? Пойду, пирипрошу ету бабушку! Сычасъ забѣгъ и ставъ просить ету бабушку: што просьти мнѣ, бабушка, ето, што я тябе разобидивъ! Скажы мнѣ: объ чомъ ты моѐ мысьли знаишъ, што я думую?—А ты думаишъ жанитца!.. Тольки, у мяне ни спросёмшысь, ня жэнисься! —Ну якъ жа, бабушка, ты мнѣ совѣтъ прикладѐшъ?—Ёсь у

городи Слиснищи и пасеть пастухъ лошадей на смятьнищи. Ежыли табѣ батюшка тую лошадь покупаить, ты можашъ на ёй ѣхыть жанитца!.. Ёнъ сычасъ просить свойго батюшку: што я хочу у сьвѣтъ ѣхыть, шукать сабѣ подруги, отцу дорогого подарка! И поижжайтя, батюшка, у городъ Слиснища, и покупайтя мнѣ тую лошадь, што тамъ пасеть пастухъ на смятьнищи!—Батюшка сычасъ поѣхувъ у городъ Слисница. Ажно етый пастухъ пасеть лошадей на смятьнищи. Ёнъ спрашыить: што табѣ, пустушокъ, за ету лошадь? А ёнъ отвищаить: сто рублей! А ёнъ яму отвищаить: я за яѐ трёхъ копѣикъ ни дамъ, ни то сто рублей, за ету лошадь. И прiижжаить домой узадъ. Сынъ спрашыить: папинька, ти купили мнѣ лошадь? А ёнъ отвищаить: што ина дорогà, ина ня стоить тые цэны у треть доли! А ёнъ отвищаить: што, батюшка, какъ хотитя, —нятмѣнно купитя мнѣ ету лошадь. Батюшка ни хотѣвъ яго сердить, опять поѣхувъ. Узновъ спрашыить: што табѣ за ету лошадь?—«Двѣсьтя рублей!» Поглядѣвъ, поглядѣвъ, што ина ня стоить, ёнъ опять ня купивъ етыя лошади. Узновъ прiѣхувъ бязъ лошади. Ёнъ спрашыить: што папинька, покупили вы мнѣ лошадь, ти нѣ?—Нѣ, говорить, сынокъ: ина дòрога, ина ня стоить етый цаны̀ и треть дажы. Ёнъ яму у ноги поклонився: батюшка, говорить, мой родимый: штò скажыть, тò платитя, ни жалѣйтя денихъ, тольки купитя мнѣ ету лошадь. Ёнъ у третьтiй разъ поѣхывъ куплять. Ёнъ у третьтiй разъ прiѣхывъ и спрашыить: што табѣ за ету лошадь?—«Триста рублей!» Ёнъ узявъ, триста рублей выкинувъ, а лошадь узявъ. Отъ ёнъ приводить яму̀ ету лошадь, и ёнъ поклонився яму у ноги за ету лошадь, и прòсить благословенiя у батюшки: благословитя мяне, батюшка,—хочу я у сьвѣтъ ѣхыть, шукать сабѣ подруги, а вамъ дорогого подарка. Батюшка яго благословивъ, ёнъ и поѣхывъ на своей лошади. Выѣхывъ тольки зъ города, дыкъ лошадь силно устала. Отъ ёнъ, лошадь, отвищаить яму чаловѣчыцкимъ голосомъ: „эй, Иванъ, пусьти мяне позною росою походить, а ранною выкачатца!» Ёнъ яе пусьтивъ. Ина позною росой походила, ранною выкачалась. Ёнъ урàньни уставъ, свиснувъ, лятить яму лошадь яго,—вотъ лошадь лятить, ажъ зямелюшка у̀ся подъ ёй дрыжыть. Нука, Иванъ, говорить: садись на мяне, да дяржысь покрѣпчы за мяне. И якъ тябе несьть: вышы лѣсу стоячаго, ти вышы бòлокъ ходячыхъ? Ёнъ каить: няси мяне вышы лѣсу стоячаго! Якъ поднилà ина яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидавъ домъ. И кругомъ етаго дому, парканъ хорошый обгорòджанъ, и стовпъ поставлинъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть церизъ етый парканъ пирискòчыть и къ кольцу лошадь привизать, тэй можыть Прикрасную Настасю у̀зять! Отъ ёнъ якъ тисканувъ свою добрую лошадь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадь привизавъ и у комлаты ускочывъ, и ногой топнувъ:

здраствуй, бабка! Тамъ бабушка жыла. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищайть: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Отъ ёнъ ету лошадь у яе на конюшни кинувъ, а яе получывъ сабѣ. Сѣвъ на ету лошадь, ета лошадь отвищаить чаловѣчыцкимъ голосомъ: якъ тябе, Иванъ, нѐсьти: вышы лѣсу стоячаго, ти вышы болокъ ходячыхъ?—Няси вышы лѣса стоячаго! Якъ поднила ина яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидивъ другій домъ. Увидивъ другій домъ, и пусьтився понижы. И стоить стовпъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть церизъ етый парканъ пирискочыть и къ стовпу лошадь привизать, тэй можыть Прикрасную Настасю узять! Отъ ёнъ якъ тисканувъ свою добрую лошадь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадь привизавъ и у комлату ускочывъ, и ногой топнувъ: здраствуй, бабка! Тамъ тожа бабушка жыла. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищаить: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Отъ ёнъ и ету лошадь поставивъ на конюшни, а тую яе получывъ узновъ. Сѣвъ на ету лошадь, ета лошадь отвищаить, тожъ чаловѣчыцкимъ голосомъ: якъ тябе, Иванъ, несьти: ти вышы лѣсу стоячаго, ти вышы болакъ ходячыхъ?—Няси вышы лѣсу стоячаго! Якъ поднила яна яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидивъ третьтій домъ. Увидивъ третьтій домъ и спусьтився понижы. И стоить стовпъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть церизъ етый парканъ пирискочыть и къ кольцу лошадь привизать, тэй можыть Прикрасную Настасю узять! Отъ ёнъ якъ тисканувъ свою добрую лошадь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадь привизавъ и у комлаты ускочывъ, и ногой топнувъ—здраствуй, бабка! Тамъ тожа бабушка жила. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищаить: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Ёнъ свою лошадь оставивъ на конюшни, а яе узявъ. Якъ поднявся вышы лѣсу, такъ увидивъ, што стоить домъ золотэй. Отъ ёнъ подъижжаить подъ етый домъ, къ кольцу лошадь привизавъ, и снудитца у комнаты итить. Лошадь отвищаить чаловѣчыцкимъ голосомъ: „эй, Иванъ! ты, говорить, ни спросёмшысь у мяне, ни кидайся! А иди, говорить, управо бярися, якъ ня можно, управо: одинанцать комлатъ пярейдишъ, а у двинанцатой ина будить спать. Дакъ ключы забирай у ёй поскорѣй!»

Отъ ёнъ пошовъ, ходивъ, ходивъ—ни найшовъ яе нійдѣ. Опять при-

ходить къ лошади: нима, говорить, нійдѣ!—«А забирай управо, ўсё управо!» Ёнъ ходивъ, ходивъ, нашовъ. Бѣлъ сьнѣгъ, милъ сьвѣтъ, ну красивѣй яе у сьвѣти нѣтъ. Ина уснула богатырськимъ сномъ. Ёнъ забравъ подарки тамъ якія, и ключы забравъ. Ина крѣпко уснула богатырськимъ сномъ, и ёнъ грѣхъ зь ёй помѣвъ, ина и ни чула. Ёнъ приходить къ лошади. А лошадь и ўвознала. Лошадь отвищаить: «эй, Иванъ, говорить: глупо зьдѣлавъ, говорить: полизай у рякў обмавайся!» Ёнъ полѣзъ. Мывся, мывся, сѣвъ на яе,—«нѣтъ, тяжолъ, полизай обмавайся у другей разъ!» Ёнъ мывся, мывся, сѣвъ на яе—нѣтъ, тяжолъ!—Иди, ще мыйся. Ёнъ пошовъ, помывся. А ключами, што ў яе узявъ, яны каминныя конюшни позамкнули. Отъ ёнъ, каминныя конюшни позамкнувшы, и сѣвъ, на ету свою лошадь. Лошадь якъ тисканувъ, лошадь якъ прыгнула церизъ етый парканъ, такъ кольцо чирканувъ копытомъ. Якъ чирканула ета лошадь кольцо, ина очнулася и узнала—што бывъ гось̄ть у яе и грѣхъ помѣвъ. «Бывъ гось̄ть, да ни увыйдёшъ!» говорить. Ина сычасъ крикныла: быгатыри, подать лошадей! Отъ ёнъ покамись̄ть замки пулумàвъ, да каминныя конюшни пулумавъ, лошадей подостававъ, а ёнъ ужэ троху проскочывъ. Тольки чўстуить ета лошадь подъ имъ, што ина натискуить. Ета лошадь отвищаить: Иванъ, пишы на зялёномъ дуби: хто можыть етаго дуба ссѣчъ, и зрубить, и спалить, тэй можыть злочынца поймать! А ў бабы волосъ дòвигъ, а вумъ коротокъ, ина зàйметца коло яго! Ну, ина и видила, якь ёнъ шаволився коло етаго дуба. Ина подъѣхыла къ дубу, ажны на имъ тёска дàдина, и написано: хто можыть етаго дуба ссѣчъ и зрубать, и спалить, тэй можыть злочынца поймать! Отъ ина занилась етаго дуба сѣчъ, рубать и палить, а ёнъ прискочывъ къ етой старусцы, первой: дай, говорить, бабушка, дай мою лошадь, говорить, а нà твою! Ина яму отвищаить:—сядь ка, говорить, попи, поѣжъ! Ёнъ говорить: неколи, бабушка! Ёнъ сычасъ лошадь ету схвативъ, да й поѣхывъ, а ету кинувъ у яѐ. Ина сычасъ прискочыла къ етый баби: старая вѣдьма! говорить: сядишъ, хлѣбъ мой ясй, а ня можашъ злочынца поймать сѣдючы тутъ?—Нѣ, говорить, Прикрасная Настася: я гнàлася, лошадь свою пиригнала, и ни догнала! Ина на конюшню, посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоить. Ина говорить: браво, говорить, старуха! Опять узновъ и полятѣла услѣдъ за имъ, натискавать яго. Узновъ жа также лошадь отвищаить: Иванъ, пишы на зялёномъ дуби: хто можыть етаго дуба ссѣчъ, и зрубить и спалить, тэй можыть злочынца поймать! А ў бабы волосъ дòвигъ, а вумъ коротокъ, ина зàйметца коло яго! Ну, ина и видала, якъ ёнъ шаволився ли етаго дуба. Ина подъѣхыла къ дубу, ажны на имъ тёска дàдина и написано: хто можыть етаго дуба ссѣчъ, и зрубить, и спалить, тэй можыть злочынца поймать! Отъ ина занилась етаго дуба сѣчъ,

рубать и палить, а ёнъ прискочывъ къ етой старусцы, уторой: дай, говорить, бабушка, дай мою лошадь, говорить, а нà твою! Ина яму отвищаить: сядь ка, говорить, попи, поѣжъ! Ёнъ говорить: неколи, бабушка! Ёнъ сычасъ лошадь ету схвативъ да й поѣхывъ, а ету кинувъ у яѐ. Ина сычасъ прискòчыла къ етый баби: старая вѣдьма! говорить: сядишъ, хлѣбъ мои ясй, а ня можашъ злочынца поймать, сѣдючы тутъ?—Нѣ, говорить, Прикрасная Настася: я гналася, лошадь свою пиригнала и ни догнала! Ина на конюшню посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоить. Ина говорить: браво, говорить, старуха! Опять узновъ и полятѣла услѣдъ за имъ, натискавать яго. Узновъ жа лошадь отвищаить: Иванъ, пиши на зялёномъ дуби: хто можыть етаго дуба ссѣчъ, и зрубить, и спалить, тэй можыть злочынца поймать! Ёнъ написавъ и поѣхывъ. Прiижжаить къ третьтiй старуси. Тая дала яму попить, поѣсьть; а ина услѣдъ усё. Попивъ ёнъ, поѣвъ, узявъ свою лошадь и поѣхывъ: ты, говорить, тяперь и на своей лошади увойдѐшъ! Отъ, ёнъ сѣвъ на свою лошадь и помаленьку поѣхывъ ужо. Ина прискàкыить къ третьтiй старуси. Старая вѣдьма! говорить: сядишъ, хлѣбъ мой ясй, а ня можашъ злочынца поймать, сѣдючы тутъ?—Нѣ, говорить, Прикрасная Настася: я гналася, лошадь свою пиригнала, и ни догнала! Ина на конюшню посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоить. Ина говорить: браво, говорить, старуха! И опять за имъ у догонъ. Отъ ёнъ видить, што ина ни далёко наижжаить, отъ ёнъ шапку знявъ и отвищаить ей: прощай, Прикрасная Настася! якъ табѣ у поли вѣтра ни поймать, такъ табѣ мяне ни поймать! А самъ шарахъ подъ нибиса на своей лошади! А ина яму отвищаить тольки: што жджи жъ ты мяне чирязъ годъ съ рябёнкымъ! и вярнулася назадъ.

Отъ ёнъ, сколькя ёнъ ўремя проѣхывъ, стомився, и на низъ опусьтився. И ляжыть каминь огромный дужа, што хоромины ў три али ў чатыри каминь. Отъ ёнъ сичасъ на каминь головў поклавъ и лёгъ оддыхать. И заснувъ быгатырським сномъ; а конь ли яго стоить. А яго тыхъ два брата ѣзьдили, ѣзьдили и воротилися назадъ. И пупàли яго на камни на етумъ. Отъ яны давай искать, нашли у иго дорогей подарыкъ, и бялетъ нашли, узнали, што ето братъ ихъ рòдный. Удругъ одинъ говорить: ну што, братъ: мы яго загубимъ! Якъ намъ ѣхыть къ отцу,—што мы ѣзьдили семъ лѣтъ и ничого ни вязёмъ, ну ёнъ семъ лѣтъ, *а*къ родився и такiя подарки у яго есьть!—А другiй говорить: нѣ, говорить, жалко, говорить, свое крывѝ губить, а мы лучча етый каминь подымимъ, а подъ имъ продоньница на тэй сьвѣтъ! Нехай туды идеть! Жывъ будить, нихай зъ Богомъ жыветь, я забьетца, Богъ сабѣ тамъ изь имъ! Ну, яны каминь подьняли, и ўкинули яго у продоньницу. Подарки забрали, а лошадь не далася. Отъ ёнъ туды звалився и ня чустувавъ—тамотьки ще спавъ.

Прошнувсь ёнъ, сичасъ яму пить захотѣлось. И пошовъ ёнъ шукать:—разьви тутъ людей нима? идѣ нѐбудь да найду водицы попить, говорить. Якъ итить, дыкъ итить, якъ итить, дыкъ итить, якъ итить, дыкъ итить—хатку нашовъ. Ёнъ заходить у ету хатку, ажну тамъ старуха. Ёнъ уходить у хатку: здраствуй, бабушка! А яна отвищаить:—здраствуй, молодицъ.—Подай ты мнѣ, бабушка, водицы попить!—Нѣ, говорить, молодѐцъ: поѣсьть дамъ, а водицы нѣ!—Объ чимъ жа такъ, говорить, бабка?—А вотъ, парськыю дочъ зьмѣю объ двинанцати гылывахъ на вужанъ привязуть, ёнъ яе зьѣсьть, тады отомкнеть усѣ ключы, пусьтить усю воду. А тяперь позамкнувъ усюдахъ воду—ни даеть нійдѣ никому! А ёнъ у яе спрашыить: бабушка, говорить: а куды жъ яе привязуть, сту царевну? А вотъ къ морю, говорить къ тому и тому беригу, тоя и тоя мѣсто! говорить. Оть ёнъ сычасъ и отправився, етый Иванъ, къ тому мѣсту. И сѣвъ тамъ за кустомъ нѐйди. Сычасъ цыганъ привёзъ царевну; отпрёгшы лошадей, царевну у повозцы кинувъ, а самъ лошадей забравъ, да ў лѣсъ. Да й узлѣзъ на зялёнаго дуба—ужо глядѣть, якъ будить етый зьмѣй ету царевну ѣсьть. А етый Иванъ подходить къ ёй. Ина сичасъ убачыла, заплакала, ета царевна: што пущай жа я, говорить, по няволи сюды привёзина, а ты, добрый молодѐцъ, чаго сюды зайшовъ: ти по хоти ти по няволи?—Я самъ, говорить, ни знаю—ли я по хоти, ли по няволи!—потому ёнъ сонный бывъ. Ну, мяне, говорить, зьмѣй зьѣсьть, ёнъ и тябе зьѣсьть! А ёнъ отвищаить: моить, подавитца! говорить. Натка ты у мяне, говорить, у головахъ пойщи малосьть! Ина стала йскать, и отдала яму своё кольцо именнòя. А ёнъ говорить: ногды я у тябе на колѣнкахъ засну, а ёнъ прибудить, дыкъ ты мяне узбудить ня ўзбудишъ, а колни мяне палцомъ у воко! Вотъ ёнъ и заснувъ у яе на колѣнкахъ. Ина видить, што моря волнуитца, зъ моря узымаитца ужо нячыстая сила, дакъ ина заплакыла. Слиза у яе капнула яму на щаку. Ёнъ здрыгнувся, ажъ зимля сколыхнулыся подъ имъ: якъ ты мяне, говорить, обжигнула! Отъ ёнъ сычасъ оявляитца. «О, говорить: кели по дномъ присалавъ, а то разомъ двохъ! Будить чымъ повячэрять! «А Иванъ говорить: ето нязвѣстно, говорить: можа й одного ни зьяси, подависься! говорить. А ти ты Иванъ?—Я!—Ну, што жъ: ти пришовъ битца, ай миритца?—Нѣ, нячыстая сила: пришовъ я битца съ тобой! И стали воюватца: ёнъ яму шэсь головъ знявъ зъ разу, 'пять узновъ размахнулися—ёнъ ящо шэсь знявъ. Тады повырвавъ у яго ўси двананцать языковъ изъ головъ, и къ повозцы якъ ударить, дыкъ яны и прирастутца, уляпивъ усихъ двананцать у повозку. И пошлò воды усюдахъ достатошно. Тады сказыить: ну, прощай, сударыня, покамись мы съ тобой побачимся! Ёнъ отправился къ етый старуси, а цыганъ зьлѣзъ зь зялёнаго дуба и запрёгъ лошадей и

ўвозитъ царевну у лѣсъ. И ванимаитъ ножъ и говоритъ: присягни, што я тябе ритувавъ отъ зьмѣя и будишъ мнѣ жана; а ни присягнешъ, дакъ я тябе усё ровно загублю тутъ! У страха вочы вялики, ина комъ зямли зьѣла пирядъ имъ,—што смерть конёшня усякому страшна. Ну, и отправились яны ужо къ батьку. Царь якъ увидавъ, што ёнъ яѐ вязетъ, дыкъ ёнъ ни знавъ, куды етаго цыгана принимать, якъ яго благотворитъ. А я, говоритъ, ничого ни жалаю, я хочу зъ вашай дочарью одружытца, ли того, што я иѐ спасъ! Отъ, царь спрашыитъ: якъ жа ты яго, говоритъ, забивъ? А ёнъ отвищаитъ: узьлѣзъ на зялёнаго дуба, якъ пусьтивъ зъ дуба сякирдю, дакъ отразу дванацатъ головъ сьсѣкъ! Отъ ёнъ сычасъ, ня довго думаючы, ужо свадьбу гулятъ.

А Иванъ етый ужо дыгадався, што у ихъ свадьба, говоритъ: пойду-тка я къ вашаму царю на свадьбу! Отъ, идетъ ёнъ по вулицы, ажъ дѣти зьдѣлыли скрипучку ти зъ лучынки, ти сь чаго тамъ, и обронили. Вотъ, говоритъ: што къ свадьби треба, то я й нашовъ! Отъ ёнъ приходитъ къ царю, ажъ тамъ пулкувая музука ужэ рѣжытъ. Господа музуканты, говоритъ: ти ни позволитя мнѣ поигратъ? А царь говоритъ, видитъ, што ня зьдѣшный чаловѣкъ: мы бъ и рады, колибъ хто поигравъ! говоритъ. Отъ, сыйчасъ ёнъ якъ зайгравъ, дакъ скольки тамъ було музукантувъ, нихто проти тыя музыки ни поправитца, якъ ёнъ у тую скрипучку зайгравъ—сўпроти яго. Отвищаитъ царь яму: што ты жалаишъ изъ мяне свадьбу мнѣ саграть етыкъ?—А ёнъ отвищаитъ: ничаго ни жалаю, тольки ‘тъ вашый дочари стаканъ вина выпитъ! Ну, ёнъ сычасъ и посалаитъ дочь, кабъ ина вынисла стаканъ вина. А цыганъ ужо сядитъ изъ ей и ни пускаитъ—ой, говоритъ: ты тяперь много пругожыхъ найдишъ, да молодыхъ! Ина сычасъ высалаитъ дѣвкой стаканъ вина. Отъ ёнъ стаканъ вина выпивъ, а кольцо имяннбя зьдѣвъ, да ў стаканъ тихынько, кабъ дѣвка тая ня видила: няси, говоритъ, и пиридъ царевной поставъ стаканъ етый! Ина поставила пиридъ царевной стаканъ етый, а царевна якъ зирнула—яе кольцо имяннбя у стакани. Вотъ ина говоритъ: батюшка мой родимый: ня ёнъ мяне ритувавъ, етый цыганъ, а тэй, што играитъ у ету скрипучку. А етый ужо цыганъ отвищаитъ: да, ина тяперь хорошыхъ и пругожыхъ и много найдитъ. Вотъ Ивана гукнули. Ёнъ у цыгана спрашыитъ: а ёсь жа у тябе примѣта, когда ты ритувавъ?—А якъ жа, говоритъ: ёсь у мяне, говоритъ, дванацатъ языковъ у повозцы улѣплино! Да!—Ну, когда жъ ты ихъ ляпивъ, попробуй ты ихъ и вырватъ. Ёнъ ирвавъ, ирвавъ, ничого ня зьдѣлавъ! Ёнъ тогды крикнувъ: подайти-тка клящей! И клёщами ня вырвавъ,ниякъ ничого ня зьдѣлавъ. Отъ ёнъ, Иванъ етый, якъ хватитъ языкъ да яму у морду!—обвѣсивъ цыгана етаго якъ чысами, усяго чысто. Такъ сычасъ яго царь узявъ, къ коньскому хвосту при ви

завъ и пусьтивъ у чыстая пбля, цыгана. А на Ивана на етаго говорить: Иванъ, говорить, я хочу тябе съ своей дочкую одружыть! говорить. А ёнъ отвищаить: я, говорить, ужо одружбнъ, мнѣ нильзя! Вотъ ина на совѣтъ къ сабѣ яго гукнула. «Ну, ня хочышъ жа ты, Иванъ, со мной дружытца што жъ ты, говорить, жалаишъ?“—А я, говорить, што жалаю: штобъ вы мяне на тэй сьвѣтъ вынясьли. Вотъ ина яму отвищаить:—я табѣ совѣтъ, говорить, прикладу! Ёсьть у мойго батьки козёлъ трирогій, што на тэй сьвѣтъ литаить. И скуй двинанцать прутовъ жалѣзныхъ по двинанцать пудовъ, и штобъ мой батюшка ня вѣдывъ. И якъ сядишъ на етыго козла, дыкъ би яго мижъ вушэй. Одинанцать прутовъ собъёшъ, а двинанцатый прутъ якъ останитца, дакъ саджаний, штобъ скрозь рёбры проскочывъ! Дакъ ёнъ тябе на тэй сьвѣтъ вынисить. Отъ, царь спрашыить: ну, Иванъ, говорить: скажы мнѣ: што ты за свою службу жалаишъ, што ты ня хочышъ зъ моей дочарью одружытца?—А вотъ, ничого ни жалаю, тольки, говорить, жалаю, кабъ вы мяне на тэй сьвѣтъ вынясьли. Ну, говорить: ни ли кого бъ я такой службы ни сослужывъ, ну якъ ты ли мяне службывъ, то и я ли тябе сослужу. Отъ ёнъ скувавъ двананцать прутовъ жалѣзныхъ по двананцать пудовъ, сѣвъ на козла и поѣхывъ. И потуль бивъ мижъ вушъ. покуль зьбивъ одинанцать прутовъ, а двананцатымъ якъ саджанувъ, дакъ ёнъ якъ давъ рогами у тэй каминь, дыкъ каминь у гору поднявся. Яны выскочыли—ёнъ соскочывъ, а козёлъ опять назадъ загримѣвъ туды.

Лошадь яго ужо стощала, стоючы. Потому скоро ето кажытца, да ня скоро дѣитца,—можа ето и довгая урамя дѣилося. «Я ўжо, говорить, тябе ждала, ждала, ды ўжо и жданочки поѣла ждучы! Ну, говорить: пусьти-ка мяне позною росою походить, а раннюю выкачатца». Отъ ёнъ яе пусьтивъ. Ина позной росой походила, ранной выкачалась. Ёнъураньни уставъ, свиснувъ!—лятить яму лошадь яго, ажъ зямѣлюшка ўся подъ ей дрыжыть. «Ну, говорить: садись на мяне поляхчэй, да дяржысь покряпчэй! И якъ тябе несьть: вышы лѣсу стоячыго, ти вышы бблокъ ходячыхъ?»—Няси мяне вышы лѣсу стоячыго! Ёнъ поднявся вышы лѣсу стоячыго, и понёсъ, покамись ёнъ свой домъ увидивъ ойцовській. Опусьтився ёнъ на низъ, а лошадь свою пусьтивъ у заповѣдныя луги, хорошыя.

А йна ўжэ, Прикрасная Настася, выстроила дворъ у питьдисятъ вёрстъ отъ батькинаго двора, и зылотая мосьница да сяребриная, зылотэй слупъ ды сяребриный.

Ёнъ сичасъ приходить бизъ ничагб! Батька усердився, што тыя сыны дорогёя подарки привязьли, а ёнъ ѣзьдивъ, ѣзьдивъ, и ничого ни привёзъ,—и сычасъ яго у тямницу запёръ.

А ина ужо увознала, што ёнъ узворотився къ отцу. Сычасъ письмо

прет̄ь, кабъ Иванъ бывъ икъ ёй. Удругъ бо̀льшый братъ говорит̄ь: «ба-т̄юшка, ето за мной шлеть!» Од̄ѣвся хорошо и поѣхывъ. Тольки ёнъ ѣд̄ит̄ь къ ёй, а сынокъ яе выскочывъ и говорит̄ь: мама, говорит̄ь: бат̄юшка ѣд̄ит̄ь!—Нѣ, говорит̄ь, ни бат̄юшка, а д̄яд̄юшка ѣд̄ит̄ь! Вотъ ёнъ прилят̄ѣвъ: здраствуй, говорит̄ь, сударыня!—А здраствуй, говорит̄ь, шурьякъ! Ну, што жа ты пріѣхывъ ко мнѣ?—А я пріѣхывъ съ тобой одружытца!—Ну, говорит̄ь, быгатыри: одружыт̄я иго, кабъ тольки мякинькыго пысад̄ит̄ь ны коня!... Отъ, якъ дали, дакъ чут̄ь жыво̀го уссад̄или ны коня. Ды по коню, и прогнали.

Такъ удругъ ина письмо и прет̄ь: кабъ бывъ Иванъ икъ ёй. Сяредьній братъ говорит̄ь: ето ина за мной шлеть! Од̄ѣвся и поѣхывъ. Сынокъ яе выскочывъ, увид̄ивъ яго и говорит̄ь: бат̄юшка ѣд̄ит̄ь!—А ина отвишаит̄ь: нѣ, говорит̄ь,—ни бат̄юшка, д̄яд̄юшка ѣд̄ит̄ь!—Вотъ ёнъ прилят̄ѣвъ: здраствуй, сударыня!—Здраствуй, здраствуй, шурьякъ! Што жъ ты ко мнѣ пріѣхывъ?—А я пріѣхывъ, одружытца съ тобой!—Ну, быгатыри, говорит̄ь: одружыт̄я и етыго! Отъ яны якъ узда̀ли яму, дыкъ чут̄ь жывого ны коня уссад̄или. И прогнали.

Тады ина прет̄ь трет̄ьт̄ія письмо. Во̀ бат̄ька выпусьт̄ивъ ужо яго изъ т̄ямницы. Ёнъ вышавъ, свиснувъ быгатырськимъ голосомъ, молод̄ецкимъ посвистомъ,—конь бяжыт̄ь, ажъ зимля дрыжыт̄ь. Сѣвъ на свою добрую лошад̄ь, якъ поѣхывъ по етуму пу мосту, дыкъ етый мостъ,—якъ выро-нѣ пы поднебисью съ пыдъ копыто̀въ лят̄ит̄ь!.. Вотъ сынокъ увид̄ивъ: мама, чортъ ѣд̄ит̄ь!—Нѣ, сынокъ,—ето бат̄юшка ѣд̄ить!

Вотъ сынъ якъ побѣхъ, якъ лят̄ѣвъ, якъ хват̄ивъ—стримяно̀ пупуламъ разлума̀въ, и коня зьдѐржывъ. Бат̄ька схват̄ивъ яго къ сабѣ на ру̂ки, и прискочывъ къ ей, и плет̄ьт̄ю яе сиканувъ разъ: «здраствуй, сударыня! говорит̄ь: ня етыкъ д̄ѣлыють, што пусьт̄ила малыго рябёнка,—нямного ня ўбивъ!» Поздоровкылися, обнилися и пуцулувалися. И т̄яперь жывут̄ь у етымъ дворцы.

Старосельская вол. мстисл. у. Отъ мѣстнаго кр-на записано мною.

41. Иванъ и Настася.

Нѣўкоторомъ царстьви, нѣўкоторомъ государстьви, ну ни ў томъ, у которомъ мы жывёмъ, было у царя три сыны,—два разумныхъ, а третьт̄ій дурачокъ. Т̄яперь, была Настася царевна, чырязъ три царствы у чатьвёртомъ. И ў яе бывъ садъ, и ў томъ сади разныя яблоки. Т̄яперит̄ька царь пославъ свойго большаго сына, разумнѣйшаго, къ ѐй за яблоками. Т̄яперит̄ька ѣд̄ит̄ь ёнъ по дороги. И пріѣхавъ значытца къ камяню—ляжыт̄ь каминь, а отъ того каминя три дороги. И на камяни літа-

ры написаны: одной дорогой ѣхать—дакъ разбойники забьють, а другою дорогою поѣхать, зварьё зьѣсьть, а третьтїю дорогою поѣхавшы, коню будить што ѣсьть, а самому нѣчаго. Ну, ёнъ тяперь назадъ и варнувся дома. Тяперь другого сына послави. Тожа й тэй такъ. Къ тому камню прїѣхавъ—побывъ, побывъ, прочытавъ,—и тэй варнувся. Тяперь дуракъ давай попросився: пусьти мяне, татъ! Ёнъ яго унимать: куды ты, дуракъ, говорить, поѣдишъ? Коли разумнѣйшыя варнулись, а то ты поѣдишъ. Ну, ёнъ давай проситца, давай проситца,—батька и пусьтивъ—и лошадя давъ, и пусьтивъ. Тяперитька ёнъ прїѣхавъ къ тому камяню, къ писаному, пирачытавъ тую натпись и отважывся: поѣхавъ тэю дорогой, адѣ написано, што коню будить што ѣсьть, а самому нечаго.

Ѣдить ёнъ одны судки—пиряѣхавъ одно царство. Стоить хатка на куриной нозцы; а ў тэй хатцы Баба-Ига косьтиная нога. Отъ ёнъ попросився на ночъ, ина пусьтила; ʻблаготворила и коня пиримянила. Дала яму ступу—ёнъ на ступи ѣдить, кочарьгой погоняить, помяломъ слѣдъ замитаить, кабъ и слѣду ни знатно було. Сѣвъ ёнъ на ступу и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, изновъ судки проѣхавъ—стоить хатка на куриной нозцы. У тэй хатцы другая Баба-Ига. Пусьтила яго на ночъ, ублаготворила, тую узила ступу, а свою дала. Поѣхавъ ёнъ дальшы. Изновatька судки ѣхавъ. Усё до Настаси тэй добираитца. Стоить третьтїя хатка на куриной нозцы, и тамъ Баба-Ига. Пусьтила ина яго на ночлегъ, ублаготворила, и дала свойго коня. На чатьвёртыя судки прїижжаить ужэ у городъ, у тэй то, адѣ Настаси царевны садъ.

Прїижжаить у тоя царство къ Настаси, а тамъ лягли спать на двинанцать судокъ, у томъ царстьви. Ёнъ уѣхавъ—ни воротъ ни шукавъ, ничого, чырязъ крѣпосьть пирилятѣвъ. И ў горницу увыйшовъ, и ня чувъ нихто—спять уси. Тады увыйшовъ у водну горницу—спить дѣвка. Ти ето Настася царевна? Нѣ, ня ето! ето слуга яе,—самъ сабѣ говорить, самъ сабѣ отказуить. Ну, тяперитька, увыйшовъ у другую горницу, и тамъ дѣвка спить. Ти ня ето Настася царевна? Нѣ ня ето, ето яе слуга самая вѣрная—самъ сабѣ отказуить. Тяперь увышовъ у третьтїю горницу, адѣ то Настася спить. Ёнъ улюбувавъ у яе и грѣхъ помѣвъ зь ей. И ина ня чула, ни знала. Тяперитька ёнъ посьли етаго и съ конёмъ у садъ пошовъ. Пошовъ у садъ и нащыпавъ разнахъ, разнахъ, три вузельчыки, три платочки. Нащыпавшы, написавъ ёнъ таблицу у сади: што вотъ такей и такей Иванъ Ивановичъ—царевичъ у яе сади бывъ, яблокъ нащыпавъ, и зъ Настасій съ сонной грѣхъ мѣвъ. Приходить тяпер къ коню, а конь говорить—нѣ, много ты награшывъ, ни могу тябе везьть!—загибли мы ʻбоя тутъ,—и ты, и я.—Што жъ дѣлать, конь мой вѣрный? А што жъ дѣлать: иди ў лазьню, гряхи змывай! Потѣй крѣпко у духу.

Ну, тяперь пошовъ ёнъ у лазьню. Мывся, мывся, приходить къ коню, конь говорить: «нѣ, каить, троху змывъ, а найболи осталось. Иди ще змывай, да найболи потомъ штобъ выходило сь тябе!» У другей разъ пославъ яго. Приходить ёнъ другей разъ зъ бани икъ коню, тяперитька лошадь каить: „двѣ доли змывъ гряховъ, а третьтiю иди мыйся! Змышъ, говорить, дыкъ поѣдимъ, а то погибли!“ говорить. Пошовъ ёнъ и третьтiй разъ. Мывся, мывся, потѣвъ, потѣвъ—приходить зъ лазьни къ коню: «отъ жа, каить: тяперитька змывъ, да ня ўсё! Тяперь выѣдимъ съ саду, выѣдимъ и зъ городу, только однымъ волоскомъ, хвостомъ зачепимъ за крѣпосьть, дыкъ затрясетца городъ и прошнутца ўси!“ Сѣвъ ёнъ на лошадя, узявъ яблоки и поѣхавъ. Дакъ ёнъ волоскомъ хвостомъ зачапивъ крѣпосьть. Такъ ина уся й заколотилась—и городъ, и крѣпосьть, и садъ—усё. И попрошыпались уси: што тутъ такоя? Икая тривога? Бѣгали, бѣгали, и горницы расчиняты и ў сади воровство ёсь. Бѣгала ина, бѣгала,—покуль прочытала таблицу тую. Тады кинулась у догонъ за имъ. Бѣгла, бѣгла, ни догнала—только крикнула громкимъ голосомъ: Иванъ Ивановичъ—царевичъ! ожыдай мяне на двананцатый годъ у госьти.

Ну, ёнъ якъ поѣхавъ, минувъ тыя два дворки, што посьли занжжавъ, туды ѣдучы, а у третьтiй заѣхавъ, коня того оддавъ, а свойго узявъ и поѣхавъ. Тяперитька прiнжжаить у своё царство и захотѣлося яму спать.—Думаить: «никого я тутъ ни боюся, у своёмъ царстьви засну!» Ёнъ заснувъ и лошадь увыйшла. Тяперитька два браты тыя ѣзьдили по 'хоти. И напали тяперь яго соннаго. И напали, што и яблоки вязеть къ отцу къ свойму. Тяперитька радютца мизь-собку: «што намъ дѣлать изь имъ? што мы ничого ни привязьли, а ёнъ яблоки привёзъ!—будить намъ отъ отца, ёнъ усё царство яму отдась! Нума, каить, яго забъёмъ, а яблоки етыя сами подьнясёмъ, што мы сами достали ихъ!» А другей каить: «нѣ, бить нильзя, и намъ ни помогѐтца; а нума мы вочы выколимъ яму лучче!» Узяли, яму вочы выкололи, и яблоки тыя забрали, и яго кинули. Ёнъ прошнувся—нима ни лошадя, нима ни яблокъ, нима ничого, и ни бачыть ничого.

Тяперича сляпўючы якъ итить, дакъ итить—приходить къ ряцэ. Ну тяпер коло ряки попавъ човянъ, [1]) што по водѣ ѣзьдють. Подъ човянъ узявъ да й лёгъ—човянъ опрокинутъ: «хто, хто, прийдить къ етому човну, нападѣть мяне!» Тяперитька, ляжыть ёнъ и чуить,—троя (нячисьтиковъ) зъ воды вышло, на човянъ сѣли и говорють. А ёнъ чуить усё. Тяперь одинъ говорить: братцы, говорить: «што йто за роса сяньни: хуть якѐй сляпэй, только бъ ямки абы були—дакъ росою пумазать, и бачыть будить!» А другѐй говорить: «ето што? А вотъ я, говорить, у томъ то цар-

---

[1]) Ч твердое: чыстый, чэразъ, човянъ и т. д. Также и всѣ шипящiе.

стьви, знаю—воды нема увовся,—съ чужыхъ царствъ воду навозють. А тамъ ба, коли бъ яны знали ето, да звили вярёвки зъ лыкъ съ сырыхъ, ды тамъ у воротахъ стоить кустъ, дыкъ якъ ба яны двананцать паръ воловъ запряглй, да тэй кустъ съ кореньямъ вырвали, дакъ ба було воды разливноя моря!» А третьтій говорить: «ёсьть и у томъ у томъ царстьви царевна дужа низдорова, и третьтій годъ—осталися одни косьти тольки. А ей пользу можно лёхко дать: брала ина причасьть у Господьнимъ храми и заблюла ина крошачку. Ды у головы подъ подушку у тряпучку схувала ина. Тяперь ета щура выпорола яе, проѣла тряпучку, и крошачка ета упала подъ мостъ у щелучку. А курапа, нашовшы яе и зьѣла. Тяперь ина раздулася такаа большаа съ корову, мостъ подамаить, ды яе нихто ня видить. А у ей (царевны) тольки одинъ духъ да шкура. Вотъ тяперитька якую пользу ей дать: колибъ хто мостъ поднявъ, да курапу разрѣзавъ, да у шкуру у яе царевну заварнувъ, дывъ ба ина щэ луччы стала, якъ була!»... Тяперь уси разомъ съ човна бовть, бовть, бовть у воду, и пошли, и нима вѣдома и хто, и якій, и што. А ёнъ подъ човномъ сядить сляпэй.

Тяперь ёнъ съ подъ човна вылизъ, Иванъ Ивановичъ—царевичъ, да рукою по травѣ поводивъ, да вочы помазавъ. Ёнъ росой помазавъ вочы своѣ, и ставъ щэ ярчэй глядѣть, якъ упярёдъ, коли щэ вочы были у яго—отъ росы отъ тыѐ.

Тяперь пошовъ ёнъ у тоя царство, адѣ воды нима, лозоваго кусту смотрѣть. Ёнъ увыйшовъ у тоя царство и говорить: вы водою нуждаитись,—я вамъ дамъ воду! Затѣивъ съ суровыхъ лыкъ, съ сырыхъ, канаты вить и двананцать паръ воловъ кабъ было хорошыхъ. Яны ето приготовили. Ёнъ на лугъ повёвъ воловъ тыхъ, и запригаить воловъ у кустъ у тэй канатами, кабъ кустъ тэй вырвать. Тады позачапили етый кустъ, запрягли, якъ крикнули—вырвали тэй кустъ. Вырвали тэй кустъ—вода тая такъ и пошла съ подъ куста у гору,—и по усяму царству. Яны стали яго нагораджавать, давать грошы. Ёнъ ничого ни бяреть. И пошовъ у тоа царство, адѣ царевна низдорова силно.

И увыйшовшы у тоа царство, да йшовъ, и похвалився: «што царевна низдорова, я могу помочы дать!» Яго тады узяли на лошадей и къ ёй повязьли. Тяперитька доставили къ ёй, ина ничого,—лижать одны косьти. Ёнъ тады пувялѣвъ мостъ разобрать подъ ёю. Якъ мостъ разобрали и увидили,—ляжыть таа курапа, якъ курова, дужа большаа. Пувялѣвъ разрѣзать яе, дакъ духъ тэй вышавъ; а яѐ напрянули, голую, кожай тэй. За троя судокъ кожа тая нима вѣдома стала—ти у яе уросла, ти дѣ,—и ина щэ красивѣй стала, якъ бала. Тяперитька яму дають награды и хочуть, штобъ ёнъ за сябе яе узявъ и половина царства штобъ узявъ,

а ёнъ отвищаитъ: „ни надо мнѣ ето ничого, у мяне своя у госьти пріѣдитъ!» И вышавъ ужэ домовъ къ оццу.

И приходитъ ёнъ,—ни ўвознаютъ яго.—У работьники нанявся—у воцца. Куды яго тяперитька?—у віньницу у горѣлушную поставитъ! Поставили затиратъ заторъ—якъ тольки дѣ торканётъ—дыкъ и дирка у чапу [1]) и клёпка вонъ. Тяперь досъ яго туды—ёнъ силно крѣпокъ, нихай ёнъ у виньницу дровы нѐситъ. Затѣили яго дровы носитъ у виньницу. Ёнъ сажынь отразу подвяжытъ, унясетъ, да тады и сядитъ, гуляитъ ужэ. Прошло такъ двинанцатъ годовъ. Наижжаитъ ужо Настася царевна исъ сыномъ, и зъ вѐськую. И построились яны за рякѐю, остановились. И сынъ ужо кричытъ: «нихай ко мнѣ Иванъ Ивановичъ на ўстрѣчу выйдитъ, отецъ мой, а то я усё тутъ и поразорю и поразобъю, если яго ня 'тѐйщитя!» Ёнъ, царь тэй, сурядивъ на ўстрѣчу сына того, што вочы коловъ. Тяперь, ёнъ идетъ на ўстрѣчу, сынъ тэй кричытъ—«вѐ, идетъ мой дядюшка, который мойму оццу вочы коловъ!» Да ўзявъ яго за рукў, замахнувся и закинавъ нима вѣдома куды. Изноватька кричытъ: «отецъ мой наўстрѣчу нихай выйдитъ,—а то кладъ усякому дамъ!» Ёнъ, нечаго дѣлатъ—адѣ того братъ—изновъ другого сына сурядивъ такъ наўстрѣчу. Ёнъ идетъ, а тэй кричытъ: «во мой дядюшка идетъ, который мойму оццу вочы коловъ! Нѣ, каитъ,—подайтя мнѣ мойго батюшку, што у насъ яблоки у сади бравъ!» Тяперь ужо царь тэй спужався: адѣ яго братъ? Узявъ ужо уво ўсихъ пататца: што тутъ зьдѣлатъ? А ёнъ говоритъ: «я помочы дамъ!»—Што хочышъ бяри, говоритъ, тольки дай помочы! Ёнъ узявъ, у грязь побдѣлався, у виньницы у твань,—увыйшовъ у грошы, ды грошай повны карманы понасыпàвъ, кольки яму треба—царь ужо ни жалѣитъ. Тады ёнъ пувялѣвъ, кабъ хороший мостъ бывъ отсыпанъ,—и пошовъ, якъ бывъ у виньницы, такъ и пошовъ.

Идетъ да съ кишэня грѐшы бяретъ ды варміи тэй сыплитъ. Тыя бярутъ грошы, ды кланіютца, хапàютъ грошы тыя. «Вѐ, каетъ, идетъ батюшка мой—якѐй ёсь ды ёсь, ды отецъ мой!» Ёнъ пришовъ къ Настаси, пурукàвся и повёвъ къ оццу, и зъ варміяй повёвъ къ оццу. И стався на царстьви томъ, а батьку доловъ.

Д. Будино, братьковичск. вол. климов. у. Отъ кр-на Ѳедора Ѳедорова, 60 л., неграмотнаго.

42. Микита Игривичъ, купецкій сынъ.

Живъ сабѣ купецъ, а было ў яго два сыновья: большій Иванъ купецкій сынъ, меньшій Микита Игривичъ купецкій сынъ. Помёръ отецъ и пы-

[1]) Чопъ—чанъ, кубъ.

зычинивъ лавки до возрôсту ихъ. Скольки яны прыжили, и хочуть яны у вольный сьвѣтъ пойти, вольнаго сьвѣту пувидать. А яны были силно могучія быгытыри. И просили: «матушка наша родимая, блыгыслови насъ у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать и силы попробувуть!» Тады ина говорить: «дѣти моѐ возьлюблиныя! ись кимъ вы мяне покидаитя?»—Матушка наша родимая! ни блыгысловитя вы насъ, мы чиразъ вашу волю пôйдимъ!... Блыгысловила ина ихъ хлѣбомъ сольлю, и златымъ-сѐребромъ. «Дѣти мое возьлюблиныя! ни сь кимъ ни битца, ни дратца, тольки пиридъ усякимъ стать, шапку сьнять, и день добрый дать!» Отправилися яны у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать.

Шли то скольки, и одинъ съ однымъ говорить: «што то мы ёсь: ни ў царяхъ цари, ни ў князяхъ князи, ни ў чистымъ поли силно могучія быгатыри?» Идуть дальшъ, уходють у лѣсъ. Сядить старикъ и огонёкъ кладеть. Яны стали, шапки сьняли и день добрый дали.—„Дѣти моѐ возьлюблиныя, Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ! куды вы идитё! Посядитя ли мяне, и я вамъ посовѣтую. Прôйдитя вы нѣскульки поль, прийдитя вы къ лѣсу. И у бѐрези тамъ стоить дубъ. И ты Иванъ купецкій сынъ ухвати за макушку и вытыщи яго. Подъ дубымъ будить зялѣзная плита, подъ зялѣзную плитою будить склепъ, а ў склепи конь,—тô слуга твой!“ Микита Игривичъ заплакывъ, говôрить: „отецъ мой! а я што бизъ щасьтя остаюся?“—Потому, ёнъ говорить: ни въ одинъ день вы рôджыны, и ни въ воднымъ щасьти! Пройди пѣшимъ и будить твоё щасьтя. И ў такомъ то царствьи далёкымъ, будить тожа лѣсъ, а ля лѣсу дубъ. Вотъ тамъ тожа вытыщишъ дубъ, а подъ дубымъ плита, а подъ плитой склепъ, а ў склепи конь, и тожа, Микита Игривичъ, слуга твой!

Яны пошли отъ старика и приходили къ лѣсу. Ажъ стоить дубъ. Иванъ купецкій сынъ хвативъ за вирхавину и вытащивъ дубъ. Тожа зялѣзна плита. Узьнимавъ зялѣзну плиту, подъ плитой склепъ, а ў склепи конь. Оказався конь: Иванъ купецкій сынъ, я тябе нѣскульки годовъ жду, шэрсьть мыя иржой зыросла, пусьти мяне у чисто поля пыкачатца, силу пыказать, иржу оптѐрти. Пусьтивъ ёнъ яго у чисто поля пыкачатца и силы попробувуть. Тады кызавъ: садись на мяне, Иванъ купецкій сынъ! садись полягѐнько, дяржись покрапѐнько, я вѣрный слуга твой! Иванъ купецкій сынъ сѣвъ на лошыдь, а Микита Игривичъ пѣшимъ. Тоды, скольки прôйшли, пришли къ тому лѣсу, што старикъ кызавъ. Тамъ стоить дубъ. Хвативъ Микита Игривичъ дубъ и вытащивъ яго. Подъ дубымъ плита, пыдъ плитою склепъ, а ў склепи конь. Оказыитца: Микита Игривичъ! я тябе жду двѣсьтя лѣтъ и ни могу дожадать. Моя кожа нитокма што иржой зыросла, а то и мôхомъ! Пусьти мяне у чисто пôля на

три часы пыкататца, иржу оптёрти, и силу попробувуть! Пусьтивъ ёнъ яго у чисто поля на три часы пыкататца и силы попробувуть. Пыкачався ёнъ, и силы попробувувъ. Тады прибигавъ къ хызяину свойму Микиту Игривичу: садися полягёнько, и дяржися покрапёнько,—хочишъ, вокымъ мячи, а хуть мёчимъ сячи!

Ёхыли то скольки, и приижжали на горыдъ, во якъ ба на Витымськъ. Сказыить Микита Игривичъ: „Иванъ купецкій сынъ! што мы ёсь за храбрыя воины,—ружжа у насъ нима? Заёдимъ на городъ и купимъ сабѣ поружжу, по хорошыму ружжу.» Ёнъ отвичавъ: такъ то, братъ, што надо! Купили пу ружжу сабѣ, тожа и патронувъ. Зъ горыду выижжали у чистыя поля. Приижжали къ лѣсу, ажны бяжить левъ ись ливинятыми. Иванъ купецкій сынъ склався бить. Микита Игривичъ отказыить: «братъ Иванъ купецкій сынъ! ни сыдиржаишъ матушкиныго приказу! Матушка приказывала, што пиридъ усякимъ шапку сьнять и день добрый дать!» Ёнъ отказыить: э, Микита Игривичъ, братъ мой! я пиридъ поганымъ звѣримъ шапку сьниму и день добрый дамъ?... я яму дамъ! Видивъ левъ ниминучую свою бяду и ниугасимую свою сьмерть, ёнъ говорить: «ня би мяне, Иванъ купецкій сынъ, и Микита Игривичъ, купецкій сынъ! я луччи дамъ пы дятёнку на послугу!» Узяли яны у лева пы дятёнку на послугу и поёхыли дальшъ.

Тожа бяжить мядьвѣдь из мидьвидинятыми. Тожа Иванъ купецкій сынъ складаитца бить. Микита Игривичъ кажить: «ня слухыишъ матушкина приказу! Матушка приказывала никого ни бить, ни казьнить, а сказывала шапку сьнять и день добрый дать!» Отказыить Иванъ купецкій сынъ: вотъ я яму, поганыму зьвѣру здёну шапку? вотъ я яму дамъ! Посмотрѣвъ мядьвѣдь, што ниминучія яго бида, ниугасимыя сьмерть: «Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ! ня бitя мяне: я вамъ луччи дамъ пы дятёнку на послугу!» Узяли пы дятёнку на послугу и пусьтили ихъ живыхъ.

Ёдуть дальшъ, бяжить вовкъ изъ вувчинятыми. Складаитца Иванъ купецкій сынъ усётки бить. Микита Игривичъ каитв: «братъ Иванъ, купецкій сынъ; ни держисвся ты матушкиныго приказу! матушка приказывала пиридъ усякимъ шапку сьнять и день добрый дать!»— Э! кажить: погануму звѣру день добрый дамъ? Тожа и вовкъ видить ниминучую биду, ниугасимую сьмерть, отвищавъ: «Иванъ купецкій сынъ, и Микита Игривичъ купецкій сынъ; ня бiтя мяне, я вамъ дамъ пы дятёнку на послугу; и при злэй години присьтирагуть васъ!» Вотъ яны сабѣ узяли по три слуги и отправляютца у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать

Уижжали у тёмный лѣсъ, у пущу у драмущу, приижжають къ тромъ дорогымъ,—уросъ пошли. И стоить дубъ, а на дубѣ прибита таблица.

Прычитавъ Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ: «у лѣво поѣдь, убитъ будишъ; прамо поѣдь, сытъ будишъ; а ў право поѣдь, голодинъ будишъ!» Имъ, братомъ, надо разлучитца зьдѣсь. Иванъ кажитъ: я поѣду прамо, идѣ сытъ буду. Микита Игривичъ говоритъ: «а я поѣду у право, хуть голодинъ буду, ды живъ буду!» Вотъ рыспрощалиси и поѣхыли. Поѣхыли и 'бдумылиси, што ниякія примѣты ни дали на дуби на гэтымъ. Опять зьижжалиси яны. Иванъ вынимавъ зылотоя блюдичко и повѣсивъ на сукѣ, а Микита Игривичъ вынивъ съ кармана ножикъ и ўторкнувъ у дубъ. «Тольки, говоритъ, братъ Иванъ купецкій сынъ, станитъ табѣ скушно, дыкъ ѣдь къ дубу примѣты глядѣть; есьли мнѣ станитъ скушно, я ѣду примѣты глядѣть; есьли я убитъ буду, зъ мойго ножика кровъ будитв течь и кореньня умытъ!» Иванъ купецкій сынъ говоритъ: «а есьли я убитъ буду, будитъ зъ блюдичка кровъ течь, кореньня умытъ!» Рыспрощалиси и поѣхыли. Иванъ поѣхывъ у богатый край, тому попалыся хорошо житъ. Микита Игривичъ поѣхывъ, попався у горыдъ, тольки у крѣпко бѣдный. И тольки заижжавъ къ шанкару и говоритъ: „эйка, говоритъ, хозяинъ! покорми мяне и слухъ моихъ и кыня мойго!... Я имѣю усихъ грошій—одинъ грошъ и тымъ уплачў!" Тольки покормивъ цулуваньщикъ яго и слухъ яго и кыня яго. И выходивъ на горыдъ пулюбуватца Микита Игривичъ, ажъ весь градъ чорнымъ сукномъ усланъ. Ёнъ прыходивъ къ цулуваньщику и говоритъ: „цулуваньщикъ, скажика ты мнѣ, што у вашимъ гради, ли хто то родився такой съ царськый памиліи, ли такой нищасный помёръ?»—Ёнъ говоритъ: «нѣтъ, ни родився, ни помёръ, али ёсь, говоритъ, на Полымъ-рацэ у насъ поганый цмокъ; давали яму по чиловѣку на нычъ зьидатъ. Тяперъ, говоритъ, у нашаго цара три дочки; добрався ёнъ до большія дочки,—надо яму сягоньнюшнюю ночъ царськую дочку большую весьти, яму звѣсьти!»—Ахъ, Божа мой, Божа! можа зьѣсь, а можа удавитца! ёнъ ужо отвичаитв Микита Игривичъ. Пошовъ на горыдъ и купивъ пучокъ шпиликъ. Давъ Бохъ, пройшовъ день, за днёмъ ночъ. Поснавивъ ёнъ на столъ зылотоя блюдо, а ў блюди яру свячу, и приказувавъ цулуваньщику: «смотри, говоритъ: есьли моё слуги будутъ тихо лежатъ, ни пускай, а есьли будутв просытца, дыкъ якъ поможнѣй пускай; я када будитв сь свячи кровъ плытъ, столъ мытъ, пущай!»

Самъ пошовъ у гэту хатку, которая стоитъ на Полымъ-рацэ и куды чиловѣка упущаютъ. Запаливъ сьвячу, узявъ книгу у руки и Богу молитца сѣдючи. А цулуваньщикъ лёгъ и заснувъ. Сійчасъ царськую дочъ и вязутъ поганому цмоку зьѣсьти. И привязьли яе исъ усимъ провыдымъ, и ўпущали у тую хатку яе. Провыдъ пошовъ назадъ, а ина уходила у хатку. И складала руки пирадъ Микитою Игривичимъ: «и які вы ёсь? от-

кудува васъ Господь узнёсъ? Ти ты царъ, ти ты панъ, ти ты силный могучій быгатыръ?»—Я й ни царъ, я й ни панъ, я й ни силный могучій быгатыръ, а есьмъ Микита Игривичъ, купецкій сынъ! и хочу вашій сьмерти доглядитца!.. Тяперъ говорить: «охъ, якъ мяне брудь зьѣла! возьми, ищи мяне; есьли я усну силнымъ быгатырськимъ могучимъ сномъ, а ёнъ окажитца, тады волысы моѐ на мнѣ ирви; ня 'чхнуся одъ гэтыго, возьми, мяне шпилькыми коли,—усё-тки очхнуся!» Ина ищить яго, а ёнъ заснувъ силнымъ могучимъ быгатырськимъ сномъ. Тады ёнъ оказынтца на Полымъ-рацэ: «эка, говорить, ты царськыя дочъ! выходи,—мнѣ тябе надо зьѣсьть! Ина начила будить яго и волосы ирвать на имъ. Ни мохъ ёнъ очхнутца. Тады начила шпилькыми колоть. Якъ тольки шпилькыми уколола, ёнъ очхнувся. А цмокъ говорить: «нука, царськыя дочъ! што ты ни выходишъ? Я видь никого ни боюся во усимъ сьвѣти! Тольки ёсь на тридисятымъ гусударстьви Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—тольки тыхъ двухъ боюся; али хто ихъ сюды зынясѐть, ихъ сюды ворынъ косьти ни зынясѐть!» Микита выходить и поганыму цмоку говорить: «ворынъ косьти ни заносить, али добрый молодецъ самъ зьдѣсь ходить!» Ёнъ сказынть: «ти ты зьдѣсь, Микита Игривичъ?» —Зьдѣсь! говорить. Говорить поганый цмокъ: Микита Игривичъ, подми поля!—Нѣтъ, говорить: я у чужимъ царстьви нявольникъ,—ты подми. Вотъ ёнъ якъ дунувъ, поганый цмокъ, дыкъ на три вярсты градъ построивъ и крыши мѣдьдю покрывъ! Тады ёнъ говорить: давай битца! Ёнъ ны коня крикнувъ матымъ голысымъ: „сивицъ—бурицъ, батькувъ калавурицъ и вѣшный послуженицъ! послуживъ отцу, послужи и мнѣ молойцу!» Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябѐсьсю ивирни литаютъ. «Што, говорить, прикажишъ, хызяинъ мой, Микита Игривичъ?»—А што прикажу: приступаимъ на службу, ли на службучку? Отказынть конь: нѣтъ, гэта ня служба, а службычка; а служба упирадѣ! Садись полягѐнько, дяржись покрапѐнько, мячимъ ни сячи, а вокымъ мячи! Вотъ ёнъ сѣвъ полягѐнько, и дяржитца покрапѐнько, и начавъ зь имъ битца. Якъ би, дыкъ би—двѣ гыловы зьбивъ; а ёнъ яму ногу правую опсѣкъ, ранивъ яго. И осьвятивъ быгатырськую кровью увесь градъ. Просить поганый цмокъ привалъ у яго «э, говорить, Микита Игривичъ: цари-короли воюютца съ силый, и три часы оддышки маютъ, а мы одинъ на одинъ—намъ довольно минута часа.» Оддухнули и начали битца. Микита Игривичъ и тую гылову яму зьбивъ. А тада узявъ, тулово яго убросивъ у раку и говорить: ѣшъ, щука рыба, яго мясо, ёнъ много людей поѣвъ! Лижавъ тамъ каминь самотесъ; ёнъ бывъ рѐстымъ можа съ хату зъ гэту. Ёнъ узявъ, однэй ногой поднявъ, а рукой пыдкатнвъ уси голдвы. Ина усё гэто видала, царевна гэта, якъ ёнъ бився. Тады ёнъ уходивъ у хатку и говорить: ахъ, поганый цмокъ, якъ

ёнъ обрѣзывъ мяне! Тады ина сьнимала нашейникъ свой, платокъ шовковый, и увяртѣла ногу яму. Тады ина просить яго: «поѣдимъ, говорить, со мной къ отцу мойму, ёнъ табѣ опишить третьтію часъ царства свойго!» Тады ёнъ говорить: «на што мнѣ ваша царство? я у чужимъ царстьви нявольникъ!» Самъ пошовъ къ цулуваньщику.

Пувутру пораньши ссылаить царъ слугу свойго вѣрныго ны лышадяхъ: «поѣдь и сбяри хуть косьти яе! хуть мы пухуваимъ яе ли царськія памиліи!» Пріижжаить слуга, ажны ина выходить живая. Згробъ, ды у Полымъ раку волокѣть, штобъ утопить,—гэтый слуга. «За што ты мяне?» —А кыли ты ни скажишъ, што я тябе отъ поганыго цмока одборонивъ, дыкъ я тябе утоплю!—Ина говорить: «скажу, што ты»! А тулуво идѣ дѣвъ, скажишъ, и гылову?—«Скажу: тулуво убросивъ у Полымъ раку, а гылову пыдъ каминь пысадивъ!» Вотъ ёнъ сичасъ привозить. Отецъ радъ, доволинъ ставъ и пытаитца: «хто тябе одборонивъ отъ сьмерти?» Ина говорить: ёнъ! тулуво у раку убросивъ ды говорить: щука рыба, поѣшь яго,—ёнъ много людей поѣвъ, а голывы пыдъ каминь пыдтащивъ!» Вотъ ёнъ ны яго сказавъ: «бывъ ты у мяне слуга вѣрный, будь минисьтиръ,— я тябе съ своею дочиръю пожаню и пыловину царства опишу!»

Микита Игривичъ пубранився на цулуваньщика, што слугъ ни пусьтивъ и пыложився спать. Тады узнова устаѣть чуть тольки слонца заходить и идеть на горыдъ: узнова чорнымъ сукномъ горыдъ усланъ! Ёнъ опять ворочіитца къ цулуваньщику, говорить: «што йто, говорить: ти тоя ни собрато, ти другоя увыслато»?—Нѣ, кажить: тоя собрато, а другоя увыслато! Оказався сяредьній братъ яго ишъ шастьмя гылывами. И хочить сяредьнію дочку зьѣсьти,—надо вѣзьти! Микита Игривичъ спрашиваить у цулуваньщика: «слуги моѐ накормлины?»—Накормлины!— «А лошадь накормлина?»—Накормлина!—«Ну, дай мнѣ поѣсьть,—ни меньши, говорить, выпить—два гарцы горачиго сьпирту, а покушить ня много: шэсь хунтувъ хлѣба и два хунты соли! Пойду, говорить, сьмерти доглѣджуся!» Заславъ ны столѣ обрусъ и посnавивъ у зылотомъ подсвѣшнику яру сьвячу, и приказувавъ: «смотри, цулуваньщикъ: будить сьвича яра тёмно горѣть, и кровъ будить зь яе течь и будуть слуги моѐ просiтца, пущай якъ поможнѣй!» Тэй цулуваньщикъ бытца слухаить яго: забився ись сямъёю идѣ-то тамъ у каморку и лёхъ спать, кабъ ня чуть и голысу ихъ.

Такъ ёнъ сiйчасъ опять у тую хатку отправляитца. Пришовъ, поставивъ сьвячу, книгу у руки и читаить. Привозють сяредьнію дочку и упускають у гэту хатку. Провыдъ ныэадъ пошовъ. Ина уходила и паталыся: ти ты царъ, ти ты панъ, ти силный могучій быгатыръ? Отказывувъ Микита Игривичъ: «я ни царъ, я й ни панъ, я й ни силный могучій быгатыръ,—а я есьмъ

Микита Игривичъ, купецкій сынъ. И хочу вашій съмерти доглѣдитца. Тады ёнъ поклавъ голову ёй на колѣни, ды говорить: «мяне брудь зьѣла, ищи ли мяне!» И поклавъ пучокъ шпиликъ на столѣ. «И окажитца поганый цмокъ, будй якъ поможнѣй мяне: вылосы ирви на мнѣ; а ня чхнуся, шпильками колй мяне,—усё я очхнуся!» Ина стала искать, ёнъ заснувъ силнымъ могучимъ быгатырськимъ сномъ. Оказыитца поганый цмокъ: «эка царськыя дочъ, выходи, мнѣ тябе надо зьѣсьти!» Ина яго давай будить, зы вылосы ирвать,—ни чихаитца! Зачила шпилькыми колоть,—очхнувся. Цмокъ опять оказыитца: «што ты ни выходишъ? я никого ни боюся во ўсимъ сьвѣти! Ёсь, говорить, на тридисятымъ царстьви Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—тольки тыхъ двухъ боюся. Али хто жъ ихъ сюды,—ворынъ косьти ни заносить!» Микита Игривичъ къ яму выходить: «э, говорить: ворынъ косьти ни заносить, али добрый молодецъ самъ сюды заходить!»—«А ти ты тутъ?»—Тутъ! «Подми поля!» Микита Игривичъ отказыить: што я у чужимъ царстьви нявольникъ,—ты подми! Якъ дунувъ поганый цмокъ—на шэсь вёрстъ горыду выпаливъ. Микита Игривичъ якъ дунувъ, на шэсь вёрстъ горыду построивъ и крышу пысирабрывъ. «Ну, давай битца!»—Давай! Крикнувъ матымъ голысымъ: «косю мой милый, косю мой любый! стань пирадо мною, якъ лѣсъ пирадъ травою!» Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябесьсю ивирни литають. «Што, хызяинъ, говорить, прикажитя?»—А на што мы, говорить, приступаимъ: на службу, ли на службучку съ поганымъ цмокымъ?—«А што, говорить: служба ня служба: служба упирадѣ, гэто службучка! Садися полягенько, дяржися покрапенько, вокымъ ни мячй, ды мечимъ сячй!» Вотъ ёнъ сѣвъ ны коня и начавъ битца съ поганымъ цмокымъ. Якъ би, дыкъ би, ёнъ по щотки коня у землю убиваить, а ёнъ яму три гыловы сьнимаить. Проситца поганый цмокъ: «эй, говорить, Микита Игривичъ: цари-короли воюютца, оддышки шэсь часовъ мѣють, а ты мнѣ дай хуть три!»—Да, говорить: цари, короли съ большэй силый, а мы одинъ на динъ! пувчиса табѣ оддышки даю! Тады пувчиса давъ оддышки, тады давай битца! Якъ бися, дыкъ бися, покуль ёнъ три головы зьбивъ, поганый цмокъ яму правую руку обрѣзывъ, и кыня пы колѣни у землю убивъ.

Вотъ тады зьлизавъ съ кыня, и пусьтивъ кыня у чистая поля, а самъ начавъ трупъ яго убирать. И 'сьвитивъ Микита Игривичъ кровъю своей ни токма градъ, а то поля усюдыхъ видно было!.. Узявъ, тулуво у рѣку укинувъ и говорить: щука рыба, ѣшъ яго мясо, ёнъ много людей поѣвъ! Тады головы, каминь поднявъ, пыдкативъ шэсь головъ. Ина у вокошко глядѣла и ўсё гэто видала, царевна гета. Уходивъ ёнъ у хатку и говорить: вотъ, с. с.! съ кимъ бився, съ кимъ дрався, а нихто ни

ранивъ мяне,—а вотъ поганый цмокъ ранивъ! Царевна нашiйникъ сьнимала и правую рукỳ укручувала. Прощався Микита Игривичъ исъ царевный и отправлявся на ʻддышку. Ина яго просила: «Микита Игривичъ, поѣдимъ къ мойму отцу, ёнъ пыловину бо̀льшыю свойго царства вамъ опишитъ и намъ съ тобою законный бракъ дась!» Ёнъ говоритъ: «на што мнѣ ваши царствы,—я ỳ чужимъ царствьи нявольникъ!» Тады ёнъ просьтився зь ею и пошовъ. Приходивъ къ цулуваньщику и хотѣвъ бизъ усякаго суда гылову сьнять, оччаго слухъ ни пусьтивъ. Самъ положився спать. Царъ призвавъ свойго довѣриннаго: «ѣдь, кажитъ, и привязи и пухувай у царськый памилiи косьти яе!» Ёнъ прiижжаитъ,—ина живая выхо̀дитъ. Ёнъ схвативъ ды ỳ По̀лыма рѣку прететь. Ина кажитъ: «за што?» —А кыли ни скажишъ ты, што я тябе отъ сьмерти одборонивъ, дыкъ я тябе утоплю!—«Ну, скажу, што ты одборонивъ!»—Идѣ тулуво дѣвъ?— «Бросивъ у По̀лымъ ракỳ!»—А головы идѣ дѣвъ?—«Пыдъ каминь подклавъ!» Якъ привёзъ тольки, отецъ радъ, доволинъ усимъ. «Хто тябе отъ сьмерти збавивъ?»—Ды ёнъ; тольки ёнъ прiѣхувъ пы мяне, а ёнъ узьнявся зъ ракѝ, хотѣвъ зьѣсьти мяне; ёнъ нычàвъ битца зь имъ и забивъ, голо̀вы пыдъ каминь пыдкативъ, а тулуво у рѣку укинувъ! Ну, бывъ ты у мяне слуга мой вѣрный, бывъ ты минисьтиръ, будь ты грапъ свѣтлый! И я ны тябе бо̀льшыю часъ царства мойго опишу и зъ дочирью гэтую ожаню!

Вотъ тады Микита Игривичъ, опять солнца захо̀дитъ, ёнъ устаѐтъ и спрашiитъ у цулуваньщика: покормлины моѐ слуги?—Покормлины!—Ну, а конь у чистымъ поли; дай мнѣ поѣсьть! Дай, говоритъ, выпитъ три гарцы горачиго сьпирта и дай, говоритъ, поѣсьть девитъ хунтувъ хлѣба и три хунты соли! Вотъ ёнъ давъ яму. Выпивъ ёнъ три гарцы сьпирту горачиго, поѣвъ девитъ хунтувъ хлѣба и три хунты соли. Тады опять пошовъ на горыдъ. Опять сукномъ увыслàно. Ёнъ пришовъ спрашiитъ: «што, цулуваньщикъ, тоя ни выбрато, ли друго̀я увыслато?»—Говоритъ: «тоя увыбрато, ды другоя увыслато! Ёсь у цара самыя мѐньшыя дочь любимыя; надо тую вѐзьти цмоку зьѣсьти. Оказався зь дивитьмя гыловами!» Тады ёнъ го̀воритъ: «надо сьмерти доглѣдитъ усётки!» Прохо̀дитъ день; за днёмъ ночъ приходитъ; ёнъ опять приказыитъ цулуваньщику: разославъ платочикъ, а на платочку поставивъ зылотэй подсвѣшникъ и посновивъ я̀ру сьвѣчку и приказавъ: «смотри, говоритъ: якъ платочикъ чоринъ станитъ, сьвича погасьнитъ, подсвѣшникъ почарнѣитъ, слуги будутъ крѣпко просѝтца, —смотри, пущай слухъ моихъ бизъ отказу, а то мой мечъ, твоя гылова съ плечъ!» А самъ отправляитца. Пошовъ у хатку у гэту, запаливъ сьвячỳ, узявъ книшку и Богу молитца сѐдючи.

Опять приво̀зютъ царськыю дочъ съ усимъ царськимъ про̀выдомъ. Яе

пусьтили у хатку, а провыдъ пошовъ ныздадъ. Ина опять руки сыщапила, упала на колѣнки: «ти ты панъ, ти ты царъ, ти силный могучій быгатыръ? откуль тябе Бохъ нанёсъ?» Отказыитъ Микита Игривичъ: «я ни панъ, и ни царъ, и ни силный могучій быгатыръ! я есьмъ Микита Игривичъ купецкій сынъ. И хочу вашій сьмерти доглядить!» Ну ёнъ опять: «мяне брудь зьѣла, ищи мяне!» И поклавъ пучокъ шпиликъ на столѣ: «есьли, говорить, я усну крѣпкимъ могучимъ быгатырськимъ сномъ, ирви волысы на мнѣ; есьли ня 'чхнуся, колй шпилькыми мяне,—усётки я очхнуся!» Тады ёнъ заснувъ у яе на колѣнихъ. Сійчасъ поганый цмокъ: «эй, выходи, парськыя дочъ: мнѣ тябе нужно зьѣсьти!» Ина яго зы вылосы ирвать,—ни 'чихаитца; ина начила шпилькыми колоть. Ёнъ тады очхнувся. А цмокъ кричить: «што ты ни выходишъ? я на усимъ сьвѣти никого ни боюся, тольки ёсь, говорить, на тридисятомъ царстьви Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—тольки тыхъ двухъ боюся. Али ихъ ворынъ косьти ни зынясёть!» Ёнъ выходить, кажить: «нѣтъ, ворынъ косьти ни заносить, добрый молодецъ самъ тутъ ходить!» —Нука, дми поля! на Микиту Игривича поганый цмокъ.—«Штожъ я? якъ я могу дуть: я у чужимъ царстьви нявольникъ, ты дми!» Вотъ ёнъ якъ дунувъ—на девить вёрстъ горыду выпыливъ. А Микита Игривичъ якъ дунувъ, на девить вёрстъ горыду выстриивъ, и крышу пызылотивъ.—Ну, давай битца, говорить. Кричить Микита Игривичъ на кыня: косю мой милый, косю мой любый! стань пирадо мной, якъ лѣсъ пирадъ травою! Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябёсьси ивирни литаютъ, зъ нозьдёръ дымъ, зъ рота полымя: «што, хызяинъ мой, прикажишъ?»—Што: становимся, говорить, на службу, ли на службучку?—Нѣтъ, говорить: была службычка назадѣ, а тяперъ служба пирадъ нами! Садись полягѣнько, дяржись покрапѣнько, и вокымъ мячи, и мѣчимъ сячи, и шапку хорошо ны головѣ дяржи!—Давай битца!... Начали битца: якъ бися, дыкъ бися, покуль три гыловы зьбивъ, дыкъ ёнъ кыня по колѣни у землю убивъ. Стойка, говорить, песься мясо, ни торопися! А соколы на дубахъ затьвиглили, а на горахъ ильвы заскрыгытали. Якъ выскычивъ конь зь зямли, видить-ничого ня можно подѣлыть, схвативъ шапку зъ гыловы, якъ бросивъ на трахтыръ на тэй,—по бальки крышу сьнявъ. Тады видить—ня могуть вылизьть слуги яго—височо. Хвативъ сапохъ зъ ноги, и бросивъ на трахтыръ—по вокны трахтыръ сьнявъ. Тады слуги ужо вылизьли, бягуть къ яму. Тады яны оддыхнули, давай битца. Прибѣгли слуги. Нука: я бився, а тяперъ вы побитися! Якъ начали битца, дыкъ слуги якъ хватили, сійчасъ шэсь головъ сьняли, а ёнъ самъ ни чинався. Тады, ёнъ узявъ тулуво убросивъ у рѣку и приказавъ: щука рыба, ѣшъ яго мясо: ёнъ много людей згубивъ! А головы опять туды, пыдъ каминь, пыдкативъ. А ца-

ревна гэто видила. Приходить и прыщаитца зь ѐю. Ина говорить: што жъ вы прыщаитися со мною? поѣдимъ къ мойму отцу: ёнъ на насъ усё царство опишить и законный бракъ намъ съ тобою дась.—Нѣтъ, говорить: я ў чужимъ царстьви нявольникъ, ни нужно! Ина подарила яму шавко̀ву ленту и даяма̀нтывый персьтинь; ёнъ и пошовъ.

Приходить у трахтыръ, а цулуваньщикъ сьпить. Ёнъ опять сьтѣны по бальки узьнявъ и посновивъ, и крышу узьнявъ и посновивъ. А ёнъ ня чуить ничого гэтыго. Ёнъ разбранився на яго: тольки прыщаю за то, што ты кормишъ мяне и слухъ моихъ! Вотъ тады етый опять прінижжаить зы царевный. Ина выходить. Ёнъ згробъ ды у Полымъ-раку̀ турить опять жа.—За што ты? каеть.—А кыли ты ни скажашъ, што я тябе отъ сьмерти одборонивъ, дыкъ утоплю!—Ну, говорить, скажу отцу, што ты одборонивъ! Пріѣхыли домовъ. Пытаитца отецъ: «хто тябе отъ сьмерти одборонивъ?»—Ёнъ одборонивъ!—«Ну, бывъ ты у мяне слуга вѣрный, бывъ ты минисьтиръ, бывъ ты грапъ свѣтлый, будь тяперъ зять, и ўсё царство на тябе описую!» Тады, назаўтраго, ёнъ хочить законный бракъ дать изь меньшыю дочкую и ўсё царство описать. Вотъ ужо свадьбу згулять здумыли пу вутру. Микита Игривичъ посылаить лева на заручины, подвизавъ яму на шію даямантывый персьтинь: ступай у бѣлокаминныя хоромы, и зъ молодой поздраствуйся,—тябе пропусьтють! Левъ якъ бѣхъ у бѣлъ-каминныя хоромы, такъ увесь народъ якій тутъ бывъ: цари, короли, рысхинулися. Ёнъ прибигавъ къ сто̀лу, ина свой персьтинь у рукахъ подиржала и хрухтувъ у платочикъ навизала, и яму послала на госьтиницъ. И начила̀ крѣпко плакать за столомъ. Отецъ приходивъ къ ей и говоривъ: дочь моя! чаго ты плачишъ?—Отецъ, говорить: дарўйтя словомъ! вялитя запрѐхчи кони, поѣдимъ на горыдъ пыкатаимся, а тоды поѣдимъ у соборъ повиньчаимся! Вотъ, поѣхыли по большихъ улицыхъ. Ина ѣдить помаленьку и приглида̀итца, ти ни ўсмотрить идѣ Микиту Игривича. По большихъ ни нашла. Поѣхыли по малыхъ. Ажны левъ смотрить у вокно. Тады ина говорить: отецъ родимый, ни кажитя казьнить, даруйтя слово говорить! Вотъ того найдимъ, хто оборонявъ насъ. Якъ ускочила у хату, такъ ни глядѣла ни на слухъ яго, ни на кого, такъ къ яму, а ёнъ ляжить на корвати. Ня вѣртя мнѣ, а вѣртя персьню мойму: вотъ мой персьтинь на гулубэй леньти! Сяредьня говорить: ня вѣртя мнѣ, повѣртя нашійнику мойму: я правую руку увяртѣла! Большая говорить: ня вѣртя мнѣ, а вѣрьтя нашійнику мойму: я правую ногу увяртѣла нашійникымъ своимъ! Про̀сить отецъ: «и поѣдимъ у бѣлокаминныя хоромы, и табѣ усё своё царство опишу и законный бракъ дамъ изь меньшій дочкый!»—Тады ёнъ говорить: ваши лошыди мяне ни зьвязуть!—«Якъ можно быть, кабъ шэсьтира коній тябе ни зьвязьли?»—А ни зьвязуть!

—Нѣтъ, прошу васъ: зьвязуть!» Якъ сѣвъ, буда согнулыся, и лошыди ни вязуть. Тады ёнъ говорить: «пыижжайтя вы, а я на своихъ пріѣду!» Яны поѣхыли; ёнъ на одного на свойго усьсѣвъ вярхомъ и пріѣхывъ къ имъ у бѣлъ-каминныя хоромы. И слуги за имъ пришли. «Нука, говорить: пойдемъ примѣтъ полядимъ!» Вотъ пошли. Микита Игривичъ спрашiить у того ўжу повѣрныго: «якъ жа ты каминь пыднимавъ?»—Я, говорить, ногою пыднимавъ, а рукою пыдкачивывъ!—«Ну, говорить: ходитя, царськыя памилiя,—посмотритя, якъ ёнъ будить пыднимать каминь!» Яны пошли. Пришли къ камини. «Нука, пыдними!» Ёнъ и ныгами пробувавъ, нѣ,—ни ўстаеть; ёнъ и руками—нѣ! А ёнъ говорить: «дуракъ, тольки пыднять носикымъ каминь и головы видать!» Самъ пыднявъ носикомъ каминь. «Ну, говорить: выкыть рукой головы, пыкажи царськый памилiи!» Ёнъ тольки руку пыдклавъ пыдъ каминь, а ёнъ хвать—каминь опусьтивъ. «ну, говорить: выдирни руку!» Ну идѣшъ ёнъ выдирнить? Такъ ёнъ и сядить! Вотъ, говорить царъ: больши ничого ни стоить, тольки вынить руку и къ растрѣлу привѣсьти! Али къ растрѣлу привѣсьти—ето малая мука—а ўзять ды къ коньскому хвосту: пущай ёнъ стольки намучитца, скольки людей помучувъ!» Привизали къ коньскимъ хвостамъ и пусьтили у поля гулять: порвали на куски яго! А Микиту Игривичу царъ давъ законный бракъ зъ меньшыю дочкую.

Ну, тады, получивши законный бракъ, Микита Игривичъ, побравши своихъ слухъ, ильва и мядьвѣдя и вувка, поѣхывъ, зыхотѣвъ брата отвѣдыть Ивана купецкаго сына. Отправився къ столишныму горыду: якъ у насъ Москва, а ў Питири проживаить царъ. Ажны той горыдъ зьмiя лютая зыклила. Ёнъ у землю увыйшовъ. А тамъ лѣсъ ставъ, пуща драмуща. Прiнжжанть къ рацэ, ажъ рыболовники рыбу ловють. Якъ увидили яго слухъ, спужалиси ды ўтикать отъ яго! Ёнъ: «стойтя, братцы, ни ўтикайтя! нѣшто такоя я хочу зъ вами сыйгиси: хто тутъ мохъ заклясьти горыдъ?» Отвичають рыболовники: «оказався у насъ сьпирва одинъ цмокъ съ тримя гылывами, поѣвъ много людей, добрався до большiя дочки царськiя, али силно могучiй быгатырь Микита Игривичъ купецкiй сынъ обобрався, одборонивъ дочку отъ сьмерти ниминучiя, забивъ цмока. Тады оказався другiй цмокъ исъ шасьтю гылывами; хотѣвъ сяредьнiю царськыю дочку зьѣсьти. И тожа силно могучiй быгатыръ Микита Игривичъ купецкiй сынъ одборонивъ,—цмока поганыго забивъ. Оказався третьтiй поганый цмокъ зь дивити головами; добрався до меньшiя царськiя дочки, хотѣвъ яе зьѣсьти. Опять жа Микита Игривичъ купецкiй сынъ одборонивъ и гэту, цмока поганыго забивъ. Дыкъ вотъ матка гэтыхъ трохъ цмокывъ, лютыя зьмiя, прыклила яго горыдъ зы своихъ сыновъ: горыдъ у землю пошовъ, а лѣсъ вышывъ, пуща драмуща. По гэтымъ лясу

нихто ни разу ни прыижжаитъ и ни проходитъ, зьмія лютыя никого ни пропускаитъ!.. Распрашіитъ Микита Игривичъ купецкій сынъ: «господа рыболовники, мнѣ нужно гэтый дорогый поѣхыть!» Яны отвичають: ти ты панъ, ти ты царъ, ти силно могучій быгатыръ: ня ѣдь, ина тябе каминимъ зьдѣлыитъ, ни пропусьтитъ!—«Што будитъ, ня будитъ, а поѣду!» И поѣхывъ. Ѣдь-ѣдь, пріижжаитъ у лѣсъ, пущу драмущу. Обнимаитъ яго тёмная ночъ. Микита Игривичъ становитца тутъ нучуватъ. Сьсидаитъ съ своей лошыди и рыскладаитъ огонь. Слуги яго коло яго. Коня ёнъ привизавъ. Сядитъ ёнъ ли огоньку, ажны приходитъ бабычка изъ лубучкый. «Здрастьви, Микита Игривичъ, купецкій сынъ!»—Здрастьви, бабычка!—«Позвольтя мнѣ ли свойго огоньку пиринучуватъ: я по грибохъ ходила ды заблудила, обнила тёмная ночъ. Даетъ Бохъ ночъ, а за ноччу день, я тады пойду. Али я боюся блиско пыдходитъ вашихъ сыбакъ, дайтя мнѣ свою лясычку одборонитца, сыбакъ отыгнатъ. Ёнъ сабѣ думувъ про гэто, и хотѣвъ пысьміятца про яе: якъ можно бытъ? ина корга баба,—а моя ляска тридцатъ пудовъ! кабъ ина пыднила? Нихай подымитъ!—«Возьми сабѣ!» каитъ. Ина якъ хватила ляску, якъ махнула по усихъ, такъ уси каминимъ и стали. «Убивъ ты, Микита Игривичъ, моихъ сыновъ, и я жъ тябе жжила сь сьвѣту!»

Вотъ Ивану купецкыму сыну стало скушно. Думыитъ Иванъ купецкій сынъ: «убитъ ёнъ, ли голодинъ!»—на брата на свойго Микиту Игривича. «Поѣду къ дубу, поляджу, што тамъ ёсь такоя?» Усьсѣвъ на коня и поѣхывъ. Ѣхывъ сколько то, пріижжаитъ у пущу драмущу къ дубу, ажны зь яго ножика кровъ тячетъ и кореньня помыла. «Ахъ, братъ мой, Микита Игривичъ! получивъ ты нищасную сьмерть! Ну, поѣду, поляджу, идѣ помёръ!» И поѣхывъ дорогую. И видитъ—ляжитъ пятъ камянёвъ. И обнила яго тёмная ночъ. И сьсидаитъ ёнъ съ кыня и привязыитъ кыня къ дубу. И взявъ книгу, читаитъ; и дычитався ды того, што гэто ляжитъ братъ мой Микита Игривичъ, а гэто конь яго, а гэто слуги яго. Зьдѣлыла яму гэдыкъ Баба-Игипувка! Вотъ ёнъ тады дыжидаитца, ти ня придитъ къ яму хто. Тяперъ, приходитъ къ яму тая баба: «здрастьви, Иванъ купечицкій сынъ!»—Здрастьви, бабушка!—«Пусьти мяне, дитятка, къ свойму огоньку пиринучуватъ!—по грибохъ ходила, ды заблудила!»—Ночуй сабѣ!—«Дитятка, я боюся твоихъ слухъ! дай мнѣ своё ляски отогнатъ собакъ?»—А ёнъ узнавъ, што гэто тая лютая зьмія.—«Нѣ, я самъ!» Лясучку уво 'дну руку, а другёю за груди. И начавъ яе кылотитъ. Ну тольки ина крѣпка была.—«Ты, говоритъ, левъ, ня видишъ, што я дѣлую? А ты, мядьвѣдь?» Левъ отломивъ дубину, а мядьвѣдь клянину. А ёнъ дяржитъ за груди. «Ну, говоритъ: прибавтя ей!» Якъ нычали яё охаживытъ! якъ нычали охаживытъ! Били, били: «ты мойго брата и слухъ яго

зыклила и горыдъ яго?»—Нѣ, ни я! ни знаю!—«Прибавтя ей дубинкъ!» Нычали опять дуить. «Ну, а ты, вовкъ: што ляжишъ? ня видишъ, што дѣлують?» Вовкъ той посвойму вырывать ззаду мясо, икры тигать, и сиськи вырвывъ.—«Стой, говорить: Иванъ купецкій сынъ! пусьти душу ны покаянія, усю правду скажу: Микита Игривичъ жживъ моихъ трохъ сыновъ, я зыклила горыдъ яго, и каминимъ обярнула яго и кыня яго, и слухъ яго!»—Ты шъ зьдѣлыла, дыкъ ни пущу тябе, покуль ня дьдѣлышъ!—«Одьдѣлую, сынокъ!»—Ну, одьдѣлывый!—«Ёсь у мяне садъ большій, у сади двѣ криницы: одна криница вода живущая, а другая гоющая. Постой,—я сходжу у садъ, принясу воды, и одживлю.—«Я тябѣ одной ни повѣру, я пошлю слухъ своихъ исъ тобою! «И пославъ зь ею слухъ и приказавъ: смотритя, слуги, ина спротивитца зъ вами на дорози, ли утячеть!» Отказуить левъ: Иванъ, хызяинъ мой! ящо я гэтыго николи ня зьдѣлыю, кабъ ина утикла! Тады пошли. Ина на дорози спротивилыся зь ими. Левъ узявъ за груди однэй рукой, а другѣй дубинку, ды й давай охаживыть. Мядьвѣдь и вовкъ тожъ узялиси зы яе: били, били, прибили усейкъ. «Стой, левъ! пусьти душу ны покаянія!» Тады пошли у садъ. Зачерпнула ина живущія и гоющія воды, и пошли нызадъ. Побрызгыла гоющію водою, чирапки опсыпалиси; побрызгыла живущію—той часъ уси пять оджили. Схватився Микита Игривичъ къ брату свойму Ивану и пупулувавъ, и слёзьма заплакавъ: «ахъ, братъ, якъ я крѣпко уснувъ,—ни почувъ, якъ ты пріѣхывъ ко мнѣ!»—Охъ, братъ, Микита Игривичъ: худэй твой сонъ! Ты заснувъ бывъ навѣкъ! А зьмяю дяржить, ни пускаить. Зы тябе мы уже дали ей, а тольки за горыдъ свой покуль што прибавъ ей. Вотъ Микита Игривичъ со своими слугами якъ хвативъ яе: «ты мой горыдъ зыклила?»—Ни знаю! А Иванъ купечицкій сынъ: «братъ Микита Игривичъ, ни жалѣй яе, прибавъ!» Вотъ Микита Игривичъ опять якъ хвативъ со своими слугами, били. били, прибили.—«Стой, Микита Игривичъ, ня би: усё твоё спольню!» Вылымила чатыри лясйны, обклала якъ хату вянецъ рубють: лѣсъ пошовъ у землю, а горыдъ вышивъ. А зьмяю лютую добили. Ина скрось зямлю прывалилыся. «До табѣ, братъ Иванъ, труждатца! Поѣдимъ ко мнѣ!» Пріѣхыли къ яму, у горыдъ; а тамъ ужу и купцы купчують. Тады поѣхыли матушки искать. Искали—искали, ни знашли, вѣрно помёрла. Тады вярнулиси къ Микиту Игривичу у яго царство. Микита Игривичъ ставъ за царя. «А ты, братъ Иванъ, будь у мяне за главнаго минисьтира!» Ну, дыкъ ёнъ и ставъ за минисьтира. Яны и тяперъ тамъ живуть.

Ряснянския вол. сѣнн. у. Отъ мѣстнаго кр-на запис. г. Аникіевичъ.

43. Мѣдное Чудовище.

Нѣукоторомъ царствьи—государствьи живъ царь менистый. И бывъ у яго садокъ на три вярсты ширині, на три вярсты довжині. И ў тымъ садку яблонь: золотый листокъ, сяребриный листокъ. Якъ зародютца яблоки—золотоя яблоко, сяребриная яблоко. Такъ царь любуетца, утѣшаетца, што чищи не надо. Али одинажды соснилося царицы уво снѣ: што ваша царство вяличиство: ето вамъ утѣха ня ўтѣха, а *ежалибъ* вы етый садъ выкопали, вымякчили, узорали, да посѣяли пшаницы—вотъ ба зародилась: золотый колосъ, сяребриный колосъ, золотая зярно, сяребриная зярно. Вотъ ба вамъ утѣха была! Ну, царица, уставши, стала царю докладать, што такъ и такъ: уво снѣ видила, што ежалибъ вы етый садъ выкопали, вымякчили, узорали, да посѣяли пшаницы—вотъ ба зародилась: золотэй колосъ, сяребриный колосъ, золотоя зярно, сяребриная зярно. Ну, у цари солдатовъ ня нѣтъ: собравъ строявыхъ, рядовыхъ, отстановныхъ. Ну и вытеребили, вымякчили, вытроили. Люди сѣютъ пшаницу, вотъ и царь посѣявъ пшаницы; людьская тольки усхаджуеть, а царськая уже краску скидуеть. Коли стала высыпать—золотый колосъ, сяребриный колосъ. Коли стала наливать—золотоя зярно, сяребриная зярно. Такъ царь любуетца, утѣшаетца, што чищи не надо. Часовыя стоять кругомъ, берягуть. Али унадився воръ у пшаницу—што ночь пярѐйдеть, то ти поквултовата, ти повырѣзана, ти поквултовата, ти повырѣзана.—Отъ ето царю было ужо досадно. Ёнъ тогды давай загукувать охвотьничковъ солдатовъ: хто бъ ето, говора, убярёгъ, што бъ угодно наградивъ бы тогды! Ёнъ тогды ставъ солдатовъ загукувать: „ти ня можно, кабъ хто уловивъ яго, нагороджу чимъ тольки пожелаешъ?“ Вотъ одинъ отгукнувся, говорить: я уберягу!

Вотъ, былй игруши скачиваныя, якъ терябили, дуплиноватыя; отъ, ёнъ улѣзъ у дуплё и лёгъ тамъ. Тольки подъ повночь шу-усь! прилетаеть. Спусьтився. Давай ножичкомъ рѣзать, да ў пучки вязать, давай ножичкомъ рѣзать, да ў пучки вязать, нарѣзавъ стольки, скольки яму сила поднять. Тольки жъ ёнъ набравъ подъ крылья, ставъ узниматца—а ёнъ зъ дупля да за бороду: стой, дѣдушка, ня увыйшовъ! Ёнъ крикнувъ на часовыхъ—часовыя прискочили. А тутъ передъ царськимъ вокномъ, и царь ето почувъ, узрадовався, што шумъ етакій. Ёнъ тогды спрашуеть: хто ты тамъ ёсь? царь у яго. А ёнъ говорить: што я ёсь Мѣдный Чудовища. Ну, Мѣдный, ня Мѣдный Чудовища—заперли яго на дванадцать дврей, на дванадцать замковъ у склепъ. Вотъ ёнъ тамъ сядить. Назаўтряго рассылають по царяхъ, по короляхъ, по князяхъ, кабъ зьѣжжалися Мѣднаго Чудовища поглядѣть. Вотъ яны позьѣхалися—пьють, гуляють. А ў ца-

ря бывъ сынишка,—мальчишка, небольшій ще, малолѣтьній. Отъ ёнъ ходить, верябейковъ стрѣляетъ. И якъ давъ прахъ той стрѣлоццы завалитца у склепъ туды. Ёнъ ходивъ, ходивъ, шукавъ, шукавъ, али и плакать ставъ. Отъ ёнъ тады и спрашіетъ: „што ты, Иванъ Ивановичъ, наськыхъ царёвъ царевичъ, што ты плачешъ?“—Ахъ, дѣдушка,—я стрѣлочку потерявъ!—«Иванъ Ивановичъ, твоя стрѣлочка у мяне!»—Дядулячка, оддай ты мнѣ яе!—„А вотъ, Иванъ Ивановичъ: возьми отомкни дванадцать дврей и дванадцать замковъ и выведи мяне на вулицу, тады я стрѣлочку оддамъ!“—Якъ жа я тябе отомкну? Ключики у маменьки у кармани, и часовыя стоять?—„А вотъ, Иванъ Ивановичъ, ты иди къ мамцы да по колѣняхъ покатися—скажи: головка моя болить, дыкъ ина тябе станетъ гладить, голубить, скажетъ: дитятухно моё, бѣгаешъ, простудився! А ты тихынько ключики съ кармана вынь. А тогды у царськую палату зайди, царськую коруну на сябе надѣнь. Тады, по дворѣ иди, руками помахавай и ключми побрязкавай. Часовыя расступютца тады“! Ну, вотъ, ёнъ побѣгъ къ маменьцы и почавъ говорить: маменька, головка моя болить. Ина стала яго гладить, голубить. Ёнъ тогда цихынько ключики вышаволивъ съ кармана; у царськія палаты зайшовъ, царськую коруну на сябе надѣвъ. Тогды по дворѣ идетъ, руками помахаваетъ, ключми побрязкаваетъ. Чисовыя расступилися. Ёнъ тогды отомкнувъ одны двери, другія... дванадцатыя, и отомкнувъ замокъ одинъ, другій и дванадцатый, и вывевъ яго на вулицу. Отъ ёнъ яму стрѣлочку оддавъ, попрощався и пошовъ.— Тольки сказавъ: „ну, Иванъ Ивановичъ! при злой години спомяни мяне,—я табѣ знадоблюся!“

Отъ яны пили, пили, гуляли, гуляли, и послали, Мѣднаго Чудовищу кабъ привесьть. Тутъ кауть: яго нѣтъ.—„Какъ нѣтъ?“ —Вашъ жа сынъ яго выпусьтивъ!—„Какъ выпусьтивъ?“ Тутъ сичасъ часовымъ головы на колодку, потсикавъ. Такъ царю ето обидно,—усё ·дно, якъ обманъ якѐй. И хотѣвъ сыну голову отсѣчь. Тутъ цари, князи, короли стали царя отговарювать: «якъ ето можно, кабъ царськая колѣно нистожить? А ежли ёнъ здѣлавъ такій проступокъ, возьмитя яго, прогоньтя у бѣлый сьвѣтъ!» Отъ ёнъ яго узявъ, и зъ двора согнавъ.

Ёнъ вышавъ на вулицу, плачить, не знаетъ, бѣдненькій, куды йти. Идетъ солдатъ Иванька:—„Эхъ, говорить, Иванъ Ивановичъ! што ты плачешъ?“—«Эхъ, Иванька служивый! якъ мнѣ не плакать вотъ? прогоняютъ мене у бѣлый сьвѣтъ, а я не знаю, куды йти!»—«Эй, Иванъ Ивиновичъ! проси мяне тольки, Иваньку, за слуговина,—а сьвѣтъ вяликъ, у сьвѣти людей многс!» Отъ ёнъ вярнувся на дворъ, сѣвъ подъ вокномъ на колѣничкахъ—ящѐ госьти не разьѣжжалися—якъ ставъ плакать, якъ ставъ просить—отдавъ яму батька Иваньку за слуговина. Отъ ёнъ яму

оде̂жу наде̂въ хорошую царськую, обчапа̀въ яго лентами; ёнъ попрощався и пошовъ.

Отъ яны ишли, ишли, захоте̂лось имъ пить. „Эхъ, говорить, Иванъ, на слуговина: пить дужа хочетца!“—А вотъ, Иванъ Ивановичъ: я ў походи ходивъ,—тутъ ёсь колодяжъ вельми глубокъ дужа, только вода хороша и кўбочекъ тамъ плаваетъ. Вотъ мы ленту за ленту посчипаемъ, котораго спусьтимъ, той напьетца, другому подась! Такъ и ёсь—прохаджують—ажъ вода глубо̀ка и кубочекъ ёсь. «Ну-ка, Иванъ слуговинъ: дай-ка я тябе спущу,—самъ напьесься и мне̂ подаси!» А тэй говорить: эхъ, Иванъ Ивановичъ! ты мяне туды спусьтишъ, а оттуль ня вытягнешъ,—я тяжолъ. А якъ ты маленькій—я тябе туды ўпущу и оттуль вытягну! Ёнъ подумавъ, подумавъ—ето й правда. „А якъ я яго оттуль ня вытигну, куды я одинъ пойду тады?“ Вотъ тады лента за ленту, лента за ленту посчапа̀въ и упусьтивъ яго туды. Отъ ёнъ напився, царевичъ, почерпнувъ, ямў подавъ. Иванъ Ивановичъ напився,—тогды говорить: «Ну, Иванъ слуговинъ, тягни мяне!»—Не̂, не потягну!—„Отчаго жъ ты мяне! не потягнешъ?“—А такъ, штобъ я бывъ Иванъ Ивановичъ, наськыхъ царёвъ царевичъ, а ты штобъ бывъ у мяне слуговинъ, и кабъ оддавъ ты мне̂ свою оде̂жу, и кабъ ты мяне обчапа̀въ своими лентами! Отъ ёнъ думавъ, думавъ, плакать спробувавъ, али думаетъ: «чимъ тутъ пропадать, луччи жъ по сьве̂ти ходить, за слуговина хоть!.. Ну, Иванька! тягни мяне! Оддаю табе̂ свою оде̂жу, побчапа̀ю тябе лентами: будешъ ты Иванъ Ивановичъ, а я буду Иванъ слуговинъ!..» Отъ ёнъ яго вытягнувъ. Ёнъ оде̂жу зьде̂въ, на Иваньку наде̂въ царськую оде̂жу, лентами обчапа̀въ; а самъ наде̂въ яго шинялёкъ и шапочку хуражачку. И пошли. Отъ!

Яны ишли, ишли, ишли, ишли, и прослухали, што у не̂которомъ царстьви-государстьви хочетъ царь дочку оддать за зятя, на цари коруновать. Отъ яны съ царства до царства, съ царства до царства, допытываючи, пришли до царськаго дворца. Уходютъ у царській дворецъ, тутъ —звѣсно, человѣка по ‘де̂жи узнають—тутъ ямў укланяютца, коло яго витаютца, и давай у царськія палаты просить ихъ. «Ваша величиство! слуговина мойго заприте куды-небудь, у баню, и часовыхъ поставтя, а то ёнъ воръ, ще што нибудь украдетъ!» Отъ, яго (Ивана Ивановича) запе̂рли, а сами тамъ пьютъ, гуляютъ. Отъ ёнъ, царь етый, говорить: «ёсь у мяне три кобылицы-нябыльницы на стайни. Хто троя судо̀къ спасе̂тъ и зьвядетъ, за того дочкў оддамъ,—и кабъ позараньши домовъ привàджувавъ!» А яны не кобылицы, да зьмяне̂. Отъ ёнъ говорить: „э, у мяне слуговинъ усё ето зьде̂лаетъ!“ Вотъ и гукаетъ: „Ванька слуговинъ, поди сюда!“ Ёнъ прихаджуетъ: «здрастуйтя!»—Здрастуй! Вотъ на̀ табе̂ повхунтика хле̂ба, и ёсь на стайни три кобылицы нябыльницы,—кабъ ты ихъ зьвёвъ

у западныя луга, кабъ напасьвивъ и позараньши домовъ приваджувавъ!.. Отъ, яму дали хлѣба повхунта, ёнъ у стайню увыйшовъ, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два и третьтію три. Якъ сѣвъ, шовковыя поводы у руки ўзявъ,—якъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у западныя луга,—ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися,—кобылицы нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунта зьѣвъ и плакать уже спробувавъ,—маркотно. Али здумавъ: „э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!“ О, ёнъ и являетца! «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Пойдёмъ жа у мой домъ, сямьи моёй, жаны моё, сыновъ моихъ, дочарей моихъ повидаемъ!» Прихаджують, ажъ стоить мѣдяный домъ, на три 'тажи, такій што а-я-яй! Отъ яны уходють у першую комнату, ажъ сядить жана. «Жана моя намилѣйшая, уклонись Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!» Ина яму уклонилася. Уходить у другую комнату, сядить дванадцать дочарей. „Дочушки моё намилѣйшія, сыклонитесь Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!“ Яны яму сыклонилися. Приходють у третьтюю комнату—сидять дванадцать сыновъ.—Сыны моё намилѣйшія, сыклонитесь Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!» Яны сыклонилися. „Ну, говорить, сыночки мое! ушасьтёхъ идитя у западныя луга кобылицъ нябыльницъ искать, ўшасьцёхъ идитя баню топить, надо Ивана Ивановича попарить, молойцомъ наставить!» Отъ тыя пошли у западныя луга, кобылицъ нябыльницъ искать, а еты пошли баню топить. Отъ много—мало уремя спусьтёмши, етыя приходють—говорють: „батюшка, баня готова!“ Отъ ёнъ: хорошо! говорить. Узявъ мѣдяную одежу, мѣдяную шапку, и повёвъ яго у баню. Обмывъ яго, обхоливъ яго, зъ руки на руку перемѣняючи, и надѣвъ яму мѣдяную одежу, мѣдяную шапку. Приводжуеть домой, посадивъ яго на кресло и давъ яму стаканъ пива выпить, которая пьетца на Раштвѣньскій день. Ёнъ якъ выпивъ,—силёнъ ставъ. Якъ пойдить по мосту—и мостъ угинаетца. Вотъ и етыя прихаджують ушасьтёхъ: «батюшка, кобылицы нябыльницы ёсь!»—А дѣ жъ яны были?—„А дѣ жъ яны были: забралися у лозу, у мяречу у такую, што насилу половили!»—Ну, хорошо, што половили! привяжитя ихъ, пущай на неби звѣзды личуть—не подохнуть! Отъ яны ихъ привязали. А тутъ пили, пили, гуляли, гуляли.—„Ну, Иванъ Ивановичъ: уремя и отправлятца! И я знаю, што табѣ у бани тамъ маркотно—на табѣ старшія дочки салхвэтку, што ты потребуешъ, то табѣ й будетъ!“ Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ.

Якъ ѣхать, дыкъ ѣхать, якъ ѣхать, дыкъ ѣхать, ёнъ и на однэй, и на другёй, и на третьтей—пріѣжжаетъ кы дворну. А яны на крыльцы стоятъ. Царь тольки плячми тисьнеть, што одежа хорошая. А якъ

(Иванька) говорить: «во, говорить: я говоривъ,—воръ-мошеньникъ, вd якую одежу уворовавъ!»—Да, да! и я вижу, што уворовавъ! Ну, кобылицъ нябыльницъ зялѣзными прутами драли, драли, драли, драли, у стайню запѣрли и замкнули,—на што ловилися! А его зновъ у баню, и чисовыхъ поставили.

Тольки у царськомъ дворцы спать поляглися, ёнъ сичасъ за салхвэтку: «салхвэтка, салхвэтка, зьдѣлай мнѣ палацы луччи царськихъ палатъ, и кабъ и столы, кабъ и канапы, и стульля, и ўсё!» Такъ ето усё и зьдѣлалося. Тогды говорить: «салхвэтка, салхвэтка, дай мнѣ повгарца спирту!» Такъ сычасъ и ёсь. Ёнъ тогды крышку узявъ, наливъ, на дворъ вынисъ, по крысцы чисовымъ давъ, яны и позаснули,—оружжи у козлы, и спать полягли. Царевна глядѣла, глядѣла у вокно, што у бани бляскъ дужа большій: «ахъ, мамўшка-нянюшка! пойдемъ мы вўлушками-провўлушками провѣдаемъ, якъ тамъ Иванъ слуговинъ проживаеть?»—А пойдемъ сабѣ, панна царевна! Вотъ яны приходжують туды, а ёнъ на канапи ляжить, ни бытца што сьпить. Ина походила, походила, тутъ на столѣ напитки стоять, усё—ажъ выйти оттуль не хочетца. „Ахъ, мамушка-нянюшка! якъ ба яго разбудить?"—Не знаю, панночка-царевночка! вдзьмемъ двери отчинять, яны задрыжать—дакъ ёнъ ти не прошнётца? Тольки яны узялись за двери, яны задрыжали—ёнъ и прошнувся: «ахъ, иизвинитя, панна царевна, што я задремавъ! я у бани, дыкъ мнѣ досадно, маркотно. дакъ я... «Да, да, Иванька слуговинъ: и я виджу, табѣ тутъ досадно!» Ну, сѣли пить-гулять. Отъ ёнъ салхвэткой требувавъ казакдвъ на кулачики, и ўсякія комэдыи. Отъ, и ей салхвэтка уподобала. «Эхъ, Иванька слуговинъ,—продай ты мнѣ ету салхвэтку!»—Нѣтъ, панна царевна: продать яе я не могу. Подарить подарю, а продать не могу!— «Ды што ты мнѣ будешъ дарувать? я не нищая: я купить могу!»—Нѣ, панна царевна: я продать не продамъ! Отъ, яны пили-гуляли, и стало зарять ужо. Ина распрощалася, и пошла домой. Ёнъ тогда салхвэтку склавъ,—тогды якъ была баня и стала баня. Чисовыхъ паростувкавъ, ружжи имъ подававъ—яны зновъ сьтерягуть яго. Отъ, развидьнѣло. Изновъ зовуть яго у царськыя палацы. «Иванька слуговинъ! поди сюда!» Дали яму хлѣба повхуньтика. «Иди на стайню, бяри три кобылицы-нябыльницы, вяди на заповѣдныя луги пасьвить! И кабъ пораньши домовъ приваджувавъ!» Ёнъ увыйшовъ у стайню, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два, и третьтію три. Якъ сѣвъ, шавкдвыя поводы у руки ўзявъ,— якъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у заповѣдныя луга—ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися, кобылицы-нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхуньтика зьѣвъ, и плакать уже спробувавъ,—маркотно.

Али здумавъ: «э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!» Вотъ Мѣдная Чудовища являетца. «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! пойдемъ жа у домъ ко мнѣ, баню вытопимъ, попаримъ, молойцомъ т̑ябе наставимъ!» Приход̑ють, ажъ стоит̑ь сяребриный домъ на три тажи, такiй, што ажъ зяет̑ь. Отъ ёнъ тогды говорит̑ь: «ну, сыночки моѐ! идит̑я удевят̑ёхъ шукат̑ь кобылицъ-нябылницъ, а у̑трёхъ идит̑я баню топит̑ь!» Отъ, тыя пошли туда, тыя пошли туда. Много-мало у̑ремя спусьт̑ёмши, етыя утрёхъ приход̑ють: «бат̑юшка, баня готова!»—Ну, хорошо! Узявъ сяребриную од̑ежу, сяребриную шапку, повёвъ яго у баню: обмывъ яго, обхоливъ яго, зъ руки на руку̑ перемѣняючи, и над̑ѣвъ на яго сяребриную од̑ежу, сяребриную шапку. Отъ, посад̑ивъ яго на стулъ и давъ выпит̑ь стаканъ пива, которая пьетца на Воскресный д̑ень на Вяликiй. Ёнъ якъ выпивъ, посильнѣвъ ящѐ. Якъ пѐйдет̑ь по мосту̑—мостъ угинаетца, якъ сяд̑ит̑ь на кресло, кресло гнѐтца. От̑ъ мало-много уремя спусьт̑ёмши, етыя приходжуют̑ь. «А што, ёсь кобыльницы-нябылицы?»—Ёсь, бат̑юшка!—«А д̑ѣ жа яны былй?»—Да д̑ѣ жъ яны былй: забрàлися у сйня мòря подъ каминь, насилу половили!—«Ну, хорошо, што половили, привяжйт̑я ихъ, пущай на неби звѣзды личут̑ь, не подохнут̑ь!» Отъ яны пили, пили, гуляли, гуляли. «Ну, Иванъ Ивановичъ, уремя отправлятца! Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, на первой, на другой, и на третьт̑ей,—вѐзьт̑и яго ни хочут̑ь, т̑яжолъ,—дармà што зьмяйё. А яны на крылцы стоят̑ь, плячми т̑иснут̑ь, што етакая од̑ежа у яго, почищи тыѐ, однымъ словомъ сяребриная. «Во, не казавъ я вамъ, што воръ, мошеньникъ! Вò якую д̑ежу, ще почищи, уворовавъ!»—Да, да, говорит̑ь: и я вижу! А царѐвна, дыкъ ина и вочми проймает̑ь. Вотъ тогды кобылицъ-нябыльницъ зялѣзными прутьт̑ями драли, драли, драли, драли, у стайню заперли и замкнули. А яго зновъ у баню отправили и стражу поставили.

Тольки у царськомъ дворѣ спат̑ь поу̑ляглися, ёнъ говорит̑ь: «салхвэтка, салхвэтка, подай мнѣ палаты, луччи царськихъ палатъ! Подай мнѣ столы, креслы, канапы!» Ина сычасъ! Тогды говорит̑ь: «салфэтка, подай мнѣ повгарца спирту!» Ина подала. Ёнъ крышку узявъ, на дворъ вынисъ, по крысцы имъ (часовымъ) давъ. Яны ружжи у кòзлы и спат̑ь поляглй. Вò царевна глядѣла, глядѣла у вокно, што у бани бляскъ дужа большiй: «ахъ, маму̑шка-нянюшка, пойд̑емъ мы вулушками-правулушками провѣдаемъ, якъ тамъ Иванька слуговинъ проживает̑ь?»—А пойд̑емъ сабѣ, панна царевна! Отъ яны якъ ишли, такъ прямо туды. И ёнъ ня сьпит̑ь. «Зд̑растуй, здрастуй табѣ, Иванька слуговинъ!»—Здрастуй, панна царевночка! Ахъ, якъ мнѣ у бани маркотно! «Да, да, и я вижу, што табѣ маркотно тутъ!»—Ахъ, панна царевна! коли вы обвиньчаетесь, хот̑ь бы мяне зъ бани вызволили! «Слухай, Иванъ слуговинъ: не говори

ты мнѣ етаго! Я на того мерзавца смотрѣть не хочу, я бъ луччи съ тобой обвиньчалася?»—Э, панна царевна: што вамъ тоя говорить, чаму ня быть. Дѣ вамъ за простаго мужука выходить!.. Ну, тольки яны тамъ пили, пили, гуляли, гуляли, и вина требувавъ у салхв этки и казаковъ на кулачики—и усяго—усё ето ёсь. Уподобала ёй салхвэтк а, што не расстрятца! «Продай, да й продай, Иванька слуговинъ!»—Нѣ, панна царевна: продать я не могу! Подаровать подарую, а продать не могу!—«Да зь якимъ ето намярѣніемъ ты подаруешъ?»—А вотъ, панна царевночка,—кабъ зъ вами ночь ночувать!—«Ну, хорошо! Тольки кабъ зь ярыми сьвѣчами, зъ войстрыми мечами!»Ну, ёнъ отдавъ: хорошо! Сычасъ якъ отдавъ, якъ была баня, такъ и стала баня.

Стало видьнѣть, ёнъ чисовыхъ растуркавъ, ружжи у руки подававъ,—изновъ стярягуть. Давъ Богъ дянёкъ, гукають яго зновъ весьти кобылицъ нябылицъ у западныя луга пасьвить. И кабъ позараньши домовъ приводжувавъ!... Отъ, яму дали хлѣба повхунта, ёнъ у стайню увыйшовъ, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два и третьтію три. Якъ сѣвъ, шовковыя поводы у руки узявъ,—явъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у западныя луга,—ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися,—кобылицы нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунта зьѣвъ, и плакать уже спробувавъ,—маркотно. Али здумавъ: «э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!» Ёнъ и являетпа: «здрастуй, Иванъ Ивановичъ! пойдёмъ жа у мой домъ, побываемъ, баню вытопимъ, молойцомъ тябе наставимъ!» Приходють, ажъ стоить домъ золотэй на три тажи, што просто зьяеть, якъ сонца! «Ну, сыночки моѐ! идитя уси двинадцать у западныя луги кобылицъ нябыльницъ шукать; а вы, дочушки, идитя уси двинадцать баню топить!» Вотъ тыя пошли туда, тыя пошли туда. Много мало урёмя спусьтёмши, дочки приходжують: батюшка, баня готова!—Ну, хорошо. Отъ, узявъ золотую одежу, золотую шапку, повёвъ яго у баню, обмывъ яго, обхоливъ, зъ руки на руку перемѣняючи и надѣвъ золотую одежу. Просто, ёнъ якъ сонца ставъ. Привёвъ ёнъ яго домовъ, посадивъ на стулъ. «Што, Иванька: ти чуствуешъ ты силу у сябѣ?»—Да якъ, дѣдушка, ня чуствую: колибъ хто поставивъ слупъ, у зѐмлю конецъ и у небо конецъ, и убивъ колцо у слупъ, увесь бы свѣтъ оборотивъ! Подумавъ ёнъ, подумавъ: много силы яму давъ!» Давъ яму стаканъ вина, што на Юрьевській день пьетца, вясною; у яго силы отбыло. «Будеть сь тябе и етыя силы!» Много-мало урэмя спусьтёмши, сыны прихаджують. «А што, ёсь кобылицы-нябыльницы?»—Ёсь, говорють, батюшка!—«А дѣ жъ ины были?»—Да дѣ жъ ины были? забралися на небо за болоки, да насилу половили! «Ну, привяжитя ихъ: нехай на неби звѣзды личуть, не подохнуть!» Отъ

яны пили, пили, гуляли, гуляли. «Ну, Иванъ Ивановичъ: уремья отправлятца! Прощайся изъ моей жаной, исъ сынами и зъ дочерями, а съ тобой мы щѐ увидимся!» Отъ, ёнъ попрощався, сѣвъ и поѣхавъ. Ёнъ и на 'дной и на второй и на третьтей—не вязуть! Отъ ёнъ поводы на плечи ускдавъ,—ихъ и тягнеть. Царь, царица на крылцы стоять, плячими тиснуть, дивютца, што етакая золотая одежа, и кобылицы яго не вязуть, а ёнъ ихъ тягнеть, поводы на плечи усклавши. Отъ, якъ тольки кобылицы нябыльницы на дворъ, головы на колодку, и потсѣкали и за плотъ позакидали,—на што ловилися. А яго у баню и чисовыхъ поставили.

Вотъ у царськомъ дворѣ тольки спать поуляглися, отъ ёнъ говорить: «ахъ, ребяты чисовэя! пусьтитя мяне проходитца вулушками-перявулушками!»—А можно, можно, Иванъ слуговинъ! разьви ты насъ не угосьтивъ, ти што? Мы тобой довольны! Отъ ёнъ, якъ ишовъ, такъ прямо икъ царевни. Отъ яны пили-гуляли, съ салхвэтки требовали и напитковъ, комэдій разныхъ, и усё. И сьвѣчи ярыя горять, и войстрыя мячи стоять. Ну, али уремя уже и отдыхать. Якъ тольки класьтись, дыкъ ина сычасъ: «мамушка-нянюшка! потушитя сьвѣчи восковыя и положитя мячи войстрыя!» Вотъ тутъ ёнъ рассярдився, якъ шархнеть за двери, якъ тряхнеть дврьми,—дыкъ и вокны и двери, усё повысыпалось! «Ахъ, мамушка, нянюшка за што ёнъ на мяне рассярдився? ти я яму прикро што сказала?»—Не знаю, панна царевна: можа за ето, што вы обѣщали пяряспать сь сьвѣчами ярыми, зь мечами войстрыми, а тяперь вы вялѣли потушить сьвѣчи восковыя и положить мячи войстрыя. Дыкъ можа за ето.... Ну тольки у царськомъ дворцэ столяровъ-маляровъ ня нѣтъ. Ина за ночь усё ето наладила, кабъ батька не знавъ. А ёнъ самъ у баню и отдыхаеть.

Давъ Богъ дянёкъ, царь тэй каеть на етаго солдата: «вотъ, каеть, идеть непріятель на троя судокъ, и хто етаго непріятеля звоюеть за того свою дочку отдамъ и царство передамъ!» Вотъ ёнъ идеть, непріятель, ажъ зямелюшка колотитца! Вотъ солдатъ вышавъ, пошовъ воеватца. И ёнъ вышавъ зъ бани. Говорить: «ахъ, говорить: кабъ мнѣ Мѣдная Чудовища сюды! повоевався бъ я кругомъ етаго войська!» Ёнъ и являетца: «Здрастуй, говорить, Иванъ Ивановичъ!»—Здрастуй!—«Вотъ, привёвъ я табѣ коня воронпа—сяредьняго братца свойго, и мечъ кладенецъ и рямѐнную плеть, и мѣдяную одежу! Ѣдь, говорить: ты силнѣй за яго, и лошадь твоя силнѣй за яго,—ты яго звоюешъ!» Ёнъ якъ пошовъ, пошовъ, на дорози етаго догнавъ,—щѐ ёнъ идеть воеватца—плетей зъ десятокъ яму давъ,—ёнъ не знаеть, хто. Якъ пріѣхавъ туды—кому руку, кому ногу, зьѣхався съ старшимъ, якъ шарахнуть—такъ голова и покатилася... Вотъ назадъ пріѣхавъ икъ бани, одежу зьдѣвъ, къ сядлу привязавъ: „ступай, кося, гуляй, да силку собирай! Коли мнѣ надо будешъ

тогды ко мнѣ прибудешъ!» Самъ якъ лёгъ спать, на троя судокъ. Якъ тольки ночь, такъ царевна идеть къ яму, пилнуеть, якъ зоречка, домой идеть—и батька етаго не знаеть. Отъ, на чатьвёртыя судки непріятель посилнѣйшій идеть, ажъ зямелюшка трясѣтца. Отъ, етый пошовъ воеватца, а Иванъ Ивановичъ говорить: эхъ, кабъ мнѣ Мѣдная Чудовища сюда! Ёнъ и являетца: «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! вотъ жа привёвъ я табѣ коня воронца, большаго братца свойго, сяребриную одежу, мечъ кладенецъ и ряменную плеть. Ѣдь, говорить: ты силнѣй за яго и лошадь твоя силнѣйшая,—ты яго звоюешъ!» Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Нагнавъ етаго узновъ на дорози—ёнъ идеть воеватца, дыкъ ёнъ яму плетей зъ десятокъ ускинувъ! Тяперь туды пріѣхавъ, кому руку̀, кому ногу̀; якъ зьѣхався съ старшимъ, якъ шархнувъ—такъ голова и покатилася! А самъ тогды брядучей стопой къ бани пріѣхавъ, одежу зьдѣвъ, къ сядлу привязавъ: „ступай, кося, гуляй, силку собирай!" Якъ лёгъ спать, на шесьтеро судокъ. Якъ тольки ночь, царевна приходить, яго пилнуеть, ночуеть, а якъ зоречка—домой идѣть. И батька етаго не знаеть. Вотъ, на сядмыя судки посилнѣйшій идеть непріятель: уся зямелюшка трясѣтца и колышетца. Етый зновъ солдатъ вышавъ воеватца. Ёнъ жа вышавъ зъ бани: «ахъ, якъ я молодый, кабъ мнѣ конь вороный! Покрасувався бъ, покрасувався бъ коло етаго войська!» Вотъ Мѣдная Цудовища и являетца: „здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Вотъ, привёвъ табѣ коня воронца дѣдовскаго, што вѣкъ никуды не тревôженъ еще, и золотую шапку, и золотую одежу и мечъ кладенецъ, и ряменную плеть. Лошадь ета твоя силнѣй яго лошади, ну ёнъ силнѣй тябе. И я знаю, што у̀ тябе тыѐ салхвэтки нѣту, на̀ табѣ мѐньшія дочки̇ салхвэтку. И ежали ёнъ тябе упярёдъ ра̀нить, хапай якъ можно салхвэтку и кричи: салхвэтка, салхвэтка! подай мнѣ двинадцыть богатырёвъ! Такъ яны якъ явютца на тымъ мѣсьти и разорвуть яго. Тяперь попрощаемся, больши мы зъ вами ня у̀видимся!"

Отъ, ёнъ якъ сѣвъ и поѣхавъ воеватца. Догнавъ зновъ на дорози ётаго—идеть воеватца. Отъ ёнъ яму плетей десятокъ уськинувъ: пріѣхавъ туды, - кому руку̀, кому ногу̀ отломивъ, якъ зьѣхався съ старшимъ, старшій яго якъ шархнувъ—ись сѣдла вонъ выбивъ. Тогды ёнъ говорить: „салхвэтка, салхвэтка! подай мнѣ двинадцать богатырёвъ!" Якъ выскочили, якъ хапили, на тымъ мѣсьти разьбили на мелкія часьти! Отъ ёнъ тогды сѣвъ уже, брядучей стопой ѣдеть, и кровъ исъ плеча плывѐть. Царь-царица на крылцы стоять и кланіютца и просють милосьти, кабъ хоть на дворъ заѣхавъ, рану увяртѣть: „хто за наша царство свою горючую кровъ разливаеть?" Отъ, ёнъ на дворъ заѣхавъ. Царь у дочки хустку знявъ зъ головы, пополамъ разодравъ, одной половиной яму рану завязавъ, а другую половину доцэ отдавъ. Тяперь персьцень у дочки

узявъ ды яму отдавъ—на руку надѣвъ. Ёнъ тогды маршъ и поѣхавъ. Пріѣхавъ къ бани, одежу зьдѣвъ, къ сядлу привизавъ. „Иди, кося, гуляй, силку собирай, а якъ надо будешъ, ко мнѣ прибудешъ. А самъ якъ лёгъ спать на двинадцать судокъ. Тогды царевна пошла поглядѣть, ажъ и персьтень яе и салхвэтка. Тогды пришла и батьку доложила. „Такъ и такъ: мой персьтень у етаго Ивана слуговина и моя хустка—рана уверчана!“ Тяперь батька пошовъ, царь, повѣривъ. Позволивъ тогды ёй сядѣть тамъ пилнувать и день и ночь, покудова ёнъ и проспався.

Якъ жа ёнъ проспався, тогды царськую карету запрягли, къ бани подъѣхали, ды яго у карету узяли, ды й у царськія палацы привязьли, за столъ за тисовый посадили. Такжа и царевну пўплечь зь имъ посадили, а зъ-за стола у цэркву пошли и обвѣньчалися и свадьбу згуляли. А етаго мошеньника на пўля вывяли, да растрѣляли. Царь яму передавъ усё царство.

И я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ. Дали мнѣ пирогъ, я за порогъ, дали мнѣ хлѣба крайчикъ, дакъ я подъ вороты, якъ зайчикъ, маршъ и пошовъ.

Д. Попова Слобода, радомльск. вол. чаусск. у. Отъ кр. Нестера Сергѣева Высоцкаго, 75 л. неграмотн.

44. Гадюка въ огнѣ.

Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви жывъ старикъ у водной дярэвни со старухой. И мали яны сабѣ дятей одного сына тольки. Жили сабѣ ня плохо, порадошно. Стало ихъ сыну годовъ восямнадцать. Ёнъ ставъ у ихъ просить грўшай у ярмалокъ. «Дайтя мнѣ, тата, грўшай, я пойду у ярмалокъ!» Батька питая у сына: «кольки жъ табѣ трэба грошай?—Дай мнѣ пьять рублей. Батька давъ яму пьять рублей. Ёнъ и пошовъ у ярмалокъ. Иде дорогой, нясуть хлопцы кота малўго у лѣсъ. Ёнъ у ихъ и питая: «куды вы, хлопцы, кота несетѐ?»—Понясўмъ у лѣсъ, закўномъ, бо ёнъ шкодьливый! Ёнъ каа: ня закидайтя яго, продайтя мнѣ! Хлопчики ня знаять, що за яго просйть, и кажать: дай намъ пьять карбованцовъ! Ёнъ виинявъ пьять карбованцовъ, оддавъ имъ; кота ўзявъ на бярэмокъ и понёсъ домовъ. Принося домовъ и пусьтивъ кота у хату. Матка питая: „що жъ ты купивъ?“—А купивъ кота!—„Що жъ ты за яго давъ?“—Пьять карбованцовъ! Матка заругала была яго, а старикъ каа: да ничого, няхай сабѣ ўжэ, кажа. Дожадая парань другўго ярмолку, опьять прося пьять карбованцовъ. Матка ня хотѣла давать, а батька опьять давъ. Ёнъ пошовъ у ярмалокъ. Доходя подъ другую дярэвню, вядуть малыя рабяты у лѣсъ собаку вѣшать. Ёнъ у ихъ питаа: „куды вы

ведетѐ собаку етаго?"—Повядомъ повѣсимъ, бо ёнъ ня хорошый, ня слухая хозяина! Ёнъ каа: „не вядитя яго вѣшати, продайтя менѣ! Кольки вамъ за яго?"—Яны говдрать: пьять карбованцовъ. Ёнъ винявъ пьять карбованцовъ, собаку за вяровку, и повъёвъ домовъ. Привдя домовъ, матка знова питаа: „що ты купивъ, сынъ?"—А купивъ собаку!—„А кольки жъ ты за яго оддавъ?"—Пьять карбованцовъ! Матка заругала яго, а ёнъ матары отвѣтивъ: будя стярэгть двора. Дожыдая ёнъ трэтьтяй ярмалки, и опьять прося пьять карбованцовъ грошай. Матка дужа ня хотѣла давать.. Ну батька рашився ящѐ дать пьять карбованцовъ. Ёнъ узявъ грошы, пошовъ у ярмалокъ. Доходя дорогой подъ кусты—пасуть рабятишки скотъ санопасомъ, вясной. И бѣгаять съ палдччами, зъ голдвнями, у водно мѣсто у водинъ *кущъ* и кричати вельми. Захотѣлось яму пойтить туды полядѣть, чаго яны кричать. Приходя икъ имъ и питая: „Чаго вы, хлопцы, кричитѐ да бѣгаете съ палками тутъ?"—А дтъ, дядячка: у томъ кущѣ ляжыть гадюка вяликая, дакъ ня дадимъ рады ни якъ яѐ ўбить, хоча насъ укусить! Ёнъ: ходемтя, каа, полядимъ: я побачу, якая яна! Пошли уси, кольки ихъ булд, къ тому кусту,—ёнъ глядить на яѐ—гадюка большая. Ёнъ говора: ня битя яѐ,—продайтя менѣ яе! Яны уси одинъ на дного зглянули—который тамъ не зная ничого, говора, кричить: дай намъ пьять карбованцовъ! Ёнъ вынявъ пьять карбованцовъ и оддаѐ имъ. Якъ оддавъ грошы, такъ гадюка скочила прамо съ куста да яму ва руки. Скочила на руки, ёнъ и понѐсъ яѐ домовъ. Нясѐ домовъ, яна яму на рукахъ говора, отвящаа: «купивъ жа ты мяне, говора, парань, отъ смерти—приняси жъ, каа, домовъ—и возьми новый горщокъ и налджъ клочча и положъ мене, и поставъ на пѐчи у кутку!» Парань понѐсъ гадюку ету домовъ, принося домовъ—икъ яго щасьтю ня булд батька и матки у хати. Ёнъ поспяшывъ найтить ндвый горщокъ и намостить клочча, и поклавъ туды яе, и поставивъ у кутѣ на печь. Приходя батька и матка и питаа: що жъ ты купивъ у ярмалку? Парань ня зная, якъ отвѣтить: «я, говора, купивъ сабѣ, да не вамъ!»—А дѣ жъ ты ето дѣвъ, що купивъ?—«А днъ на пѐчи у кутку, у горщку поставивъ! Матка полизла на печку, глянула у горщикъ, оттуль чуть носомъ ня зарала, утякаячи. И кричала усимъ голосомъ громко: утякай, тякай, старикъ, хутчѣй—гадюка ў хати! Тогды и батька заругавъ сына. Сынъ увярая—що ня бойтеся, яна васъ кусать ня будя!

Приходя вясна, наступаа лѣто, подойшла косовица и также жатва. Сямья малая, трэба усимъ убиратца на день зъ дому. Остаѐтца у доми, тольки котъ да собака, да гадюка на пѐчи. Раньницай старики исъ сыномъ порабдтаять дружно, сонячко поднимятца, старикъ старуху посилаа, щобъ наготдвила обѣдъ да принясла имъ. Старуха приходя домовъ, хата

витоплена и наготовано обѣдать, якъ ненадо бить луччай. Старуха удивилась етому, и довго глядѣла и по хати и по двору: нямà никого—и хто наготовавъ обѣдать? Навязала горшки и понясла старику съ сыномъ, обѣдать. Сѣли, побѣдали, старуха старику давай расказувати про то, що злучилось. Старикъ побѣдавъ исъ сыномъ и каа: а ето намъ Богъ давъ! Да, потомъ на другій день, параночували, дѣдъ опьять посилаа бабу исъ поля обѣдать готовить. Приходя старуха,—також само наготовляно чищай того ще. · Старуха стала рада етому злучаю, ня стала разглядàть и понясла обѣдъ. Принося старику и расказала, що злучилось. Сѣли, побѣдали. Старику и стало дико: хто-жъ ето такій готовя у доми обѣдъ? Давай сыну говорить: «идитка ты домовъ, мой сынъ, да узлѣзь тѝхонько на хату, да открый трохи стольнѝцу, да й гляди, хто будя готовить обѣдъ заўтра! Сынъ батька послухавъ, пошовъ домовъ. Увишовъ тѝхонько у дворъ, що нихто не видавъ, на хати ночь пераспавъ. Назаўтраго рàньнямъ уставъ, поднявъ нябогàтько стольнѝцы и глядить у хату, хто будя готовить обѣдать. Чуть стало сонца усходить, гадюка съ пѐчи пàдаа, зъ горшка, доловъ и оброкидàетца у самую у пригожую дѣвицу, и тутъ кричѝти на собаку и на кота: «собака и котъ, ступайтя суды!» Собака и котъ приходять икъ ёй. Яна ими и распораджàетца. „Ну, ты, котъ, ступай по трѐски, а ты, собака, нà, кушынъ бяри на шыю, ступай по воду! А то насъ хозяинъ кормя, и грошы заплативъ за насъ, отъ сьмерти насъ отратовàвъ усихъ троихъ, дакъ трэба имъ готовить обѣдъ!» Котъ ставъ таскать трески, носить у хату, а собака принёсъ воды. Зняла съ собаки кушинъ воды, стала собирать обѣдать. Парань зьлѣзшы тихòнько съ хаты, отчинивъ дверы у хату тихòнько, и схвативъ яе за плечи. Яна ахнула и сказала: ахъ, якъ ты мяне спужавъ! Ну, спужавъ, говора, да ето усё ничого—вѣрно судьба твоя и моя: у якомъ ты положенью менѐ заставъ, такъ вѣрно мнѣ и быть! Садись, да оддыхай, да дай мнѣ обѣдъ зготòвить!» Парань сѣвъ оддыхать, а дѣвица стала обѣдъ готовить. Яна яму и говора: „ну, тяперака обѣдъ готовъ! Тольки давай ми, говора, съ тобою -- одно другому дадимъ клятву: покуль ми будомъ жыть, *ш*объ ты бувъ мой мужъ, а я твоя жана! Ругать и наказавать якъ хочашъ мене би и лай, тольки ня 'шыбайся, шобъ ты мене не назвавъ гадюкой! А тольки ты назовѐшъ мене гадюкой, то ты не мой, а я не твоя!“ Съ обоихъ сторонъ побожылись, *ш*объ вѣкъ не называть другъ дружку худымъ. Навязали обѣдъ и понясьлѝ отцу-матары удвоихъ. Принясьли, побѣдали ўси ўчетьвяромъ, старикъ исъ старухой рады стали, що сынъ доставъ такую дѣвицу сабѣ. Побѣдавшы, старики лягли оддыхнуть, а дѣвица исъ сыномъ стали жыто жать. До вечара большы дѣвица нажала, якъ старикъ нажавъ съ старухой и съ сыномъ за цѣлаю

нядѣлю. Старикъ исъ старухой поговорили: «давай жанить сына изъ етой дѣвушкой!» Ожаняли сына, стали жыть.

Пожывъ кольки тамъ, годъ—два; ражжывся порадошно, начавъ ѣздить у дорогу, изво̀жничить. На жану̂ оставляя увесь обработъ, довяра̀я на яе,—яна управляетца съ усимъ сама. И такіа яна штуки дѣлала: дѣ плохо̀я жыто—дакъ яна выбирала са̀мая тольки зярно, а за соломой не хотѣла заботитца.

Ну, одинъ разъ бувъ мужъ у дорози. Пройшло у̂сё жнива̀, пріѣхавъ по во̀сяни домовъ. Ня доѣхавшы домовъ, стрэвъ своихъ сусѣдяй. Яны яму̂ й подвялй жану. «Ѣдь, говора, домовъ: твоя жана табѣ привобрала: ще й жыто стоить не пожато!» Дояжжая до свойго поля—доѣхавъ до одной нивп—жжатая, до другія—жжатая, дояжжая до третьтяй—стоить солома ня жатая. Мужъ и рассѐрдився на жану. «Почаму жа жыта ня жжатая?» На дорози ѣхавшы, заѣхавъ у шынкъ, выпивъ добро горэлки, шобъ нагонять жану добро, домовъ пріѣхавшы. Пріѣхавъ домовъ, отчинивъ вороты, увёвъ у дворъ ко̀няй. Отецъ-мати вискочили, рады стали, и жонка такжа. Ёнъ зразу ставъ жану ругать.—Батька й мати и жана стали яго увѣра̀ть, шо ето солома тольки стоить, а жыто наша дома! Ёнъ не различая ничо̀го, усё-тыки продовжая ругать и ругать. Наконецъ того съ пьяныхъ глазъ забувсь свою прѝсягу и назвавъ яе гадюкой! Назвавъ! Якъ назвавъ гадюкой, такъ яна удырилася объ зѐмлю и здѣлалася гадюкой. Полѣзла на печку и лягла̀ у кутокъ. Ёнъ повячеравъ, лёгъ спать. Назау̂тра прочинаетца, на ето на у̂сё забувсь, и питая у батька: а дѣ жъ жана? Батька и матка плача и говора: ты яѐ назвавъ гадюкой, дакъ яна здѣлалася гадюкой и полѣзла на печь. Ёнъ узлѣзъ на печь и давай просить яѐ. Довго яна мовчала, ничо̀го яму не говорила. Потомъ ёнъ ставъ нау̂колѣньки перадъ ёй, и ставъ силно плакать и просѝть. Яна яму отвѣтила: «коли ты хочашъ буть щасьливимъ, дакъ ступай за мной!» Ёнъ и согласився. Яна злѣзла съ печки и поповзла вонъ изъ дому, а ёнъ пошовъ услѣдъ за ёй.

Довго яны йшли дорогою, полямы, лясамы, лугамы разнамы, потомъ увойшли у нязвѣстность: тамъ га̀довъ большыхъ и малыхъ силно богато. Яна сычить своимъ голосомъ, дорогу имъ дають и не займаять ихъ. Провёвшы етаго гада, яна яму й кажа: гляди жъ ты, якъ ми прѝдемъ икъ хати, дакъ у етой хати будя сидѣть старикъ. Ето старикъ мой отецъ. Ёнъ у мяне спро̀ся гадцкимъ голосомъ: хто ты такій. Я яму отвѣчу, що ето мой искупитялъ, ёнъ мяне откупивъ отъ сьмерти. И попрошу яго, шобъ ёнъ тябе наградивъ. А ты жа смотри: будя давать табѣ у награду золото и серабро, дакъ ты яго не бяри. А ёсть у яго на правой рукѣ на мѐзинцы пѐрсьтянь, дакъ проси яго. Дакъ изъ етымъ персьтнямъ будяшъ

ты щасьливъ! Вотъ и доходять—стоить у лясу̀ хата.—Приходять икъ дверамъ, яна подъ дворамы засычала,—старикъ скоро и отчинивъ двери. Убачивъ яѐ и зачавъ цаловать. И гадцкимъ голосомъ посычавъ изь ёй, спросивъ: хто такій съ тобой?.. Яна яму отказала: етый чаловѣкъ откупивъ мяне отъ сьмерти! Дакъ я яму побящала вяликаю награду. Дакъ прошу васъ, наградитя яго! Старикъ повёвъ парня у своѐ кладовйя и открывъ яму золото и серабро, и сказавъ: бяри сабѣ, скольки хочашъ! Ну ёнъ грошай не у̀звявъ. Ёнъ убачивъ у старика пѐрсьтянь на мѐзинцы, ставъ просйть: ня трэба мнѣ вашы грошы, ни золото ни серабро, а дайтя мнѣ зъ вашай рукй персьтянь! Старикъ усьмяхнувся и кажа: що жъ табѣ зь яго? дли тябе грошы луччи! А ёнъ каа: «у мяне грошы своѐ дома ѐ, а пѐрсьтянь вотъ будя въ знакъ памяти, васъ и дочари ва̀шыя!» Довго старикъ ня дававъ, усѐ стяснявся, наконецъ того стала и дочка̀ просить, щобъ оддавъ. Ёнъ послухавъ дочки, изнявъ и оддавъ персьтянь той. Паранъ персьтянь узявъ, надѣвъ на руку̀ и ставъ благодарить и отправлятца съ хаты. Старикъ исказавъ дочары: провядй жъ яго, вонъ изъ га̀довъ вывяди, и раскажи, якъ обращатца съ перстьнямъ! Пошли вонъ съ хаты, гадюка провяла̀ гадъ етый увесь, потомъ того остановились, яна и говора: перамѣняй персьтянь съ одныѐ руки на другую! Перамянивъ персьтянь съ одныѐ руки на другую,—выскакуя дванатцать чаловѣкъ прислуги. И спрашуять: што, хозяинъ, трэбуяшъ? Хозяинъ тогды говора: дайтя намъ попить и поѣсть! Сичасъ невидймо накрываетца столъ, напитковъ и закусковъ кольки душэ у̀годно! Попили-поѣли, просьтились и пошовъ паранъ домовъ.

Скоро казка сказуетца, ну ня скоро дѣло дѣлаетца. Урэмя пройшло до̀вгая, когда паранъ зъ дому отлучився, и ня скоро домовъ пришовъ. Когда прихо̀дя домовъ, насилу увознавъ свой домъ. Батька зъ маткой худо̀бу у̀сю прожыли, тольки остався одинъ собака да котъ. И хата на бо̀къ схилилася у̀жэ. Хозяинъ ушовъ у дворъ, поманивъ собаку. Собака явився къ яму, завищавъ отъ радосьти, и ставъ бросатца къ яму на груди. Ёнъ ушовъ у хату, старики увознали сына, заплакали отъ радосьти. Сынъ стариковъ унявъ и сказавъ имъ: ня журитеся! будя що пить, будя шо ѣсьть!—Старики унялись. Паранъ паракида̀я персьтянь изъ руки на руку̀,—выска̀куять слугй и питаять: що, хозяинъ, трэба? Хозяинъ каа: накрыйтя столъ, и шобъ було попить-поѣсьть що удоволь! Той накрывся столъ, напитковъ и закусковъ—кольки кому жала̀тялно. Ёнъ опьять—старики повячерали и уляглись спать—ёнъ опьять паракида̀я зъ руки на руку̀ и приказуя своимъ слугамъ: «щобъ мнѣ за но̀чь состро̀янъ бувъ домъ—луччай самаго перваго министра! И щобъ мы булй паранѐсяны, я и отецъ мой и матяръ, и собака и котъ щобъ находився при мнѣ!» Самъ лёгъ спать. На-

вутро починаетца старикъ исъ старухой—сами сабѣ ня вѣрать: на якомъ яны свѣти жывуть: на томъ, ти на етомъ? Потомъ сынъ уставъ, увѣривъ стариковъ, що ето усё здѣлавъ я—старикъ исъ старухой опьять обрадовались.

Довго—коротко пожыли, и начавъ сынъ отцу говорить, щобъ отецъ ишовъ свататца. Отецъ у сына питая: куды жъ? Сынъ отвящая: иди къ цару. Отецъ сыну отвящая: «Якъ жа мнѣ итить? Царъ своѐ дочари ня 'ддасть. Да пожалуй и мнѣ голову знимя!» Сынъ говора: «иди, ня бойся, ёнъ табѣ ня знимя головй! А якую задачу ни задасть, дакъ ты яму усё обящай!» Старикъ послухавъ сына и пошовъ. Написавъ прошэнія, парадàвъ цару. Царъ разглядàвъ, посмяявся и потрэбовавъ старика. Старикъ пришовъ, павъ наўколѣньки парадъ царòмъ и объявивъ свою прозьбу. Царъ вислухавъ старика и сказавъ: «ну, коли жъ твой сынъ хоча моѐ дочари, дакъ нехай ёнъ пріѣдя утъ такимъ то пòяздомъ: щобъ у яго булà золотая карета и шасьтярйкъ лошадей, и дванатцать полковъ за имъ воськà у прòводы йшло!» Старикъ побящавъ: ето ўсё будя! Возворотився домовъ, расказавъ, що злучилося, сыну и вельми спячалився. Сынъ батьку сказуя: ня журись, отецъ: ето ўсё будя! Дождавъ вечара, паракинувъ персьтянь зъ руки нà руку, вискочили слуги и питаять: що, хозяинъ, трэба? Ёнъ имъ и сказуя: шобъ була золотая карэта, шасьтярикъ лошадей, кучары̀, лакеи, хвалеторы и дванатцать полковъ воська, проводъ шобъ бувъ! Слуги отказали: усѐ будя готово! Назаўтраго днёмъ устають—усѐ собрано подъ домомъ. Сынъ со старикомъ, съ старухой сѣли, поѣхали. Пріѣхали къ цару—царъ увидавъ—усѐ ето, що злучилось, и бувъ ставъ противорэчить, ня 'ддавать свою дочь. Дакъ ёнъ цару угрозивъ: коли ты ня 'ддаси свою дочь, дакъ я твоё усё царство раскопаю! Царъ подумавъ, призвавъ дочь, пригласивъ дочь свою вийти замужъ за яго. Пожанили и начали жыть зъ молодой жаной.

Довго—мало пожылй—повàдився къ ёй змѣй ў ночный бытъ. И начàвъ ёнъ яѐ збивать: що ты зъ мужыкомъ жывёшъ? якòя ты удовольствія имѣешъ? Забяри ты яго персьтя̀нь тй̀хенько ночьчи зъ руки, и я тябе унясу! Ты у мяне будяшъ жыть у золотомъ доми, а ня ў такомъ! Тò жъ казка кажатца—що у бабы волосъ дòвягъ, да вумъ кòротокъ,—на усѐ ето злодѣйство ина согласилась. Якъ ночьчи мужъ уснўвъ, яна тихенько знялà персьтянь и парадалà змѣю. Змѣй яе потхвативъ—бывъ таковъ, да й нѣту! Занёсъ за синяя мòра, на тридесятая царство. Тамъ паракйнувъ персьтянь зъ руки на рукў—вискàкуять слуги, питаять: що, хозяинъ, трэба? Ёнъ имъ приказуя, шобъ царськаго зятя до дня перанѐсьть у старикову хатку, у батьковськаю, а домъ изнѐсьти, щобъ и мѣста ня былò. Усе ето за ночь и збылòсь. Прочинаетца царській зять у своей у

гнилой у хатцы—нямà ни жаны, нямà ни персьтьня. Тольки отецъ и мать, да котъ да собака. Поплакали, покручинились съ сямѐйствомъ, да що жъ тутъ дѣлать? Трэба итйть икъ тѐсьтю жалитца! Пошовъ къ цару, объяснивъ своё нещастя, царъ рассердився, засадивъ яго у турму. И назначивъ яму пищу: хунтъ воды, хунтъ хлѣба у сутки. Посядѣвъ ёнъ нядѣлю, посядѣвъ и другую. Старики плàчать: и ѣсьти станòвитца нечаго имъ. Вотъ собака да котъ собрàлися до мѣста, и началй между собой дѣлать совѣтъ: „ну, що тутъ, братъ, дѣлать? ажа хозяинъ нашъ пропавъ! Нѐкому насъ хлѣбомъ кормити! Давай-ка ми старатца, доставать хозяину персьтянь!“ А котъ каа: „дѣ жъ ми достàномъ? я жъ ня вѣдаю, дѣ жъ ёнъ!“ А собака говора: я знаю,—пòйдомъ! А котъ говора: дѣ жъ? каа. А собака говора: трэба, братъ, плысть чаразъ мòра! Котъ откàзуя: я плавать ня ўмѣю!—Собака: «я паравязў тябе!» Согласилися воба, кинули старика и старуху и отправились у путь.

Довгая урэмя бяжàли яны сухимъ путёмъ. Наконецъ того пришли къ мору. Собака на кота кажа: садись менѣ на спину! Котъ уплёвся собацы за спину,—собака пошовъ плысть у мòра. Довго собака бився по морськимъ волнамъ, наконецъ досьтигъ берага. Вышли на берагъ, оддыхнули, опьять пусьтилися сухимъ путёмъ. Довго-коротко бѣгли—достягàять у етый золотый домъ. Тогды собака коту и говора: „отъ тутъ, братъ, табѣ ужэ дѣло пристойть!“ Котъ и спрашуя у собаки: «що жъ тутъ отнòситца мнѣ дѣлать?»—А òтъ що: ты душы̀ мишэй, лазь по щелямъ, а я буду носить ихъ укупу! Котъ принявся за свою работу. Такъ узявъ ихъ скоро душыть, що собака ледва справлявся тягàть ихъ укупу. Довго яны ихъ тягàли, наконецъ того вилàзя мùшаччій царъ и питàя у ихъ эхъ, собака и котъ! що вамъ трэба? Дакъ скажы̀тя мнѣ да парастаньтя душыть мою *черъ*. Тогды собака отвѣчаа: «òнъ що намъ треба: вашъ хозяинъ унёсъ отъ нашаго хозяина жану и яго зъ руки персьтянь. Тò намъ жана ня нўжна, а добудьтя намъ пѐрсьтянь у яго?» Тогды царъ скликнувъ своихъ остальныхъ усихъ мишэй и питая, гдѣ находитца персьтянь. И спитавъ у ихъ, идѣ нахòдитца персьтянь, и хто охотникъ будя достать яго, оддать ямў? Двѣ половѝя миши визвались охотниками достать у яго персьтянь. Скàзуять цару: „ёнъ закладàетца ноччи у яго ў роти, бярэ у ротъ зъ руки Тò мы принимямъ другія мѣры! Мы—одна обмочимся у помѝи и ўсоскòчимъ ямў на ротъ; то ёнъ спросонокъ плюня и виплюня персьтянь, а ми тогда яго вамъ приставимъ!» Собака и котъ пирастали душыть мишэй—стали ожыдать ночи. Отъ, наступая ночь, змѣй улёгся жъ жаной спать. Тольки заснувъ крэпко, *приняли* мишы за свою мѣру: обмочились у помѝи и ўсоскочила яму прамо на ротъ, и захлопала своими лапкамы. Змѣй спросоньня виплюнувъ персьтянь. Одна берaглà,

а другая съ помийками возилась. Ухватила той персьтянь, и отдали свойму цару. А мишшый царъ парадавъ собацы. Собака узявъ персьтянь, нобдагодаривъ мишэй и пошовъ у путь.

Довго ли, коротко бѣгли, прибѣгли къ мѡру. Сѡбака коту и говора: «на табѣ, говора, персьтянь, возьми у ротъ и дяржи крэпко, бо я, говора, буду плысть, уморўсь задышусь, дакъ мѡа, разину ротъ, а кольцо упадѐ у мѡра!» Котъ узявъ персьтянь, сѣвъ на собаку, собака и поплывъ у мѡра. Довго-мало плывъ, начавъ уставать. Питая ў кота: «ты вйшай сидишъ, далѐко бачишъ: ти далѐко бѐрагъ?» Котъ отвѣтивъ: нѣ, ужэ не далѐко! А персьтянь изъ рѡта въ водў!... Котъ сабѣ и мовчить, помавкуя, покулѧ на берэгъ вийдя. И видя, стоить на берэзи дрэво,—ёнъ собаку и говора: дяржы вотъ на тѡя дрэво, суда блйжай! Собака повярнувъ на дрэво. Тольки ставъ на бѐрэгъ вылазить, а котъ хўтко съ спины скокъ! да на дрэво, на верхъ! Собака оглянувся—ня видно кота. Начавъ кричать: «а дѣ жъ ты дѣвся?» А котъ отвячая: „братъ, я вѡ ўжэ дѣ,—на дерави!»—Чаго жъ ты туды забрався?—«А я, говора, виноватъ: упусьтивъ персьтянь, коли ты у мяне спрашувавъ, ти далѐко берэгъ!» Собака яго полаявъ, и наконецъ того: ставъ увящать яго: злазь,—будомъ другія мѣры принимать! Котъ отвячая: боюсь, задушышъ! Собака яму побожывся: ня буду душыть! Котъ изъ вяликимъ страхомъ злѣзъ на землю. Отъ, собака и говора: «ну, давай приниматца за работу! Я буду по водѣ плавать и мырать, ловить и душыть раковъ, а ты, котъ, носи ўкўпу. Довго яны душыли раковъ—наносили большую кўпу. Ня ўстерпъ стало рачйному и рыбъяму цару,—вышавъ къ собаку и къ коту на берэгъ,—питая ў ихъ: «що вамъ трэба?» Собака отвящая: «ми плыли мѡрамъ, упусьтили зъ рота персьтянь, то твоѐ раки ухватили и ня 'дають намъ!» Царъ сичасъ созвавъ раковъ и рассмотривъ ихъ: «ти ўси ви вишли?» Раки сами себе повѣрили: нѣ, говорутъ: одного рака нѣту! На самой серѐдини мѡра сядйть ракъ съ одной клюшнёй. Царъ сичасъ пославъ гонцовъ; отыскали рака съ персьтьнямъ, витащили на берэгъ, и оддали собаку персьтянь. Тогды собака узявъ у ротъ и побижавъ сухимъ путёмъ прамо къ турмѣ, дѣ заключався ихъ хозяинъ.

Подбягая собака къ турмѣ, и ставъ лапамы на вокошко, залаявъ. Хозяинъ увознавъ свойго собаку, простягнувъ у вокно рукў. А собака изъ рота положывъ ямў у рукў персьтянь. Тогды хозяинъ, узявшы персьтянь, обрадовався. Паракйнувъ зъ руки на рукў, вискакуять слуги и питаять: що, хозяинъ, трэба?—Первая дѣло—попить, поѣсьть,—отъ голоду! Попивъ-поѣвъ, и потомъ вялѣвъ разбурыть усю турму и распусьтить усихъ до 'дного нявольника. Другій разъ приказавъ своимъ слугамъ, щобъ приставить жану умѣсьти зъ змѣямъ звязаныхъ. Да, якъ було сказано, такъ и здѣлано

Тогды царъ свою дочь сказнивъ, зъ змѣямъ умѣсьти, а зятю повялѣвъ жанитца на комъ ёнъ схочa. Тогды годи брать царськихъ дочарэй, а найшовъ по себѣ ровну. Ожанився и теперъ жывѐ и хлѣбъ-соль жуѐ. И я тамъ бувъ, мѐдъ-вино пивъ.

С. *Поповка, гомельск. у.* Отъ кр-на Семена Григор. Бабарыки, 37 л. негр. Говоръ смѣшанный; населеніе занимается отхожими промыслами.

45. Три купца.

Нѣукоторомъ царстьви, нѣукоторомъ государстьви, ну не именно у томъ, у которомъ мы живёмъ, живъ сабѣ у одномъ городи богатый купецъ. И бывъ у яго усяго одинъ сынъ. И етый сынъ возросъ ужо до такихъ лѣтявъ, што треба и Богу учитца молитца. А ёнъ николи и ў цэрькву ня ходить. Тогды батька ругаеть: што ты, говорить, у цэрькву ня ходишъ, Богу ня молисься? Ну, давъ Богъ годовый празничакъ Вознясенія. Купецъ яго уругавъ и выправивъ силкомъ къ обѣдьни. Ну, такъ ёнъ ишовъ по большой вулицы, и противъ сапожницкія вывѣски засмотрѣвся сабѣ. Потому соступивъ зь мѣста, сапоги—подошвы у яго оторвались. Ёнъ ня могъ ити у цэрькву, пошовъ къ сапожнику. И просивъ ёнъ сапожника починить сапоги яму. Ну сапожникъ бывъ руській, и сказавъ: не могу!—сядьни у насъ большій празьникъ! Потомъ говорить: надѣвай готовыя сапоги и ступай, а своѐ оставъ,—съ урѐмямъ поправлю! Надѣвъ ёнъ сапоги, и не пошовъ у цэрькву, назадъ вярнувся. Отецъ жа думавъ, што ёнъ бывъ у цэрькви да пришовъ. Такъ ёнъ и ня бывъ у цэрькви.

Потомъ ёнъ достигъ до совяршэнныхъ лѣтявъ, што жанить треба. И ёнъ замѣтивъ тоя уремя, што у сапожника дочь красивая. Ну, батька посылаеть икъ товаришу у сваты, ёнъ говорить отцу: «мнѣ никуды, говорить, не понорàвилось, якъ къ тому сапожнику у сваты йти!» Такъ батька сумився, не хотѣвъ у сапожника дочку брать,—якъ бывъ ёнъ купецъ мянитый. Сынъ отвѣтивъ, говорить: дакъ я й жанитца ня буду, отъ тябе увыйду! говорить. Ну отецъ говорить: судьба твоя, сынъ! Сичасъ приходить къ сапожнику у сваты, ну, сапожникъ отвѣчаеть: «вы, говорить, коло мяне сьмиитёсь! Купецъ: нѣ, говорить, не сьмяюсь! Ну, потомъ отвѣщаеть сапожникъ: я зъ радосьтю отдаю! говорить. Хорошо! Ня довго думаючи, за свадьбу, посьпяшнѣй зачали. Свадьбу 'тгулявши, годы три пожывъ купецъ, умёръ. Ну а ёнъ, сынъ купечацкій, жывъ жъ жаною честно, не видавъ ниякого глупства ижъ жаны; потому нажывъ имѣнія еще ўдвойня, якъ отецъ. Потомъ, самъ никогда и ў лавки ня бывъ,—прикащики приносили приходъ и расходъ. Дѣтявъ у яго ня було. Тяперь яму захотѣлося у лавку сходить, полюбопиствовать. Приходить ёнъ у

свою лавку, и рядомъ зь яго лавкой другого купца лавка. И тамъ стояли два купца товарищи. Ну, якъ ёнъ богатъ силно, протйвъ ихъ, яны къ яму не подходили. И мижда собой раговоръ мѣли: вотъ у такомъ то протчамъ царстьви товары наши дороги. Поѣдемъ, братъ,—нагрузимъ по барки и поѣдемъ! Имъ морямъ плысь треба було. Сычасъ етый купецъ богатый приходитъ къ имъ, поштэнія оддавъ, якъ слѣдуетъ. «Што вы, говоритъ, господа, разговаріитя мижда собою?» спрашіетъ етый купецъ, богатый. А вотъ, говоритъ: мы разговаріимъ: наши товары силно дорогй отъ у такомъ то царстьви! Дакъ мы по барки, говоритъ, нагружаемъ и туды отправляемся! А ёнъ отвѣщаетъ: «и я, господа, зъ вами поѣду! Три барки нагрузимъ и поѣдемъ умѣсьти! Никогда нигдѣ я ня бывъ, поѣду, говоритъ, самъ зъ вами!»—Ну, поѣдемъ, говоритъ, братъ, умѣсьти, коли ты уже нами не гребуешъ! Отъ, нагрузили яны по одной барки товару, а ёнъ три. И отправилися плысьти по морю. Отплыли, может, сотеньника два отъ берега, закинули якорь, стали мижда собой разговаривать уси ўтроихъ, и мижда собой споръ за жонъ стали имѣть. Потомъ бядьнѣйшій купецъ говоритъ на богача: „твоя жана, говоритв, не хороша,—могу я сычасъ змануть её!" Ну ёнъ, якъ мѣвъ у жаны совѣсь, видавъ, што ина икуратна, не занималась ни сь кимъ у глупство ни ў якдя, говоритъ: «ежали, говоритъ, у три дьнй жану мою зманишъ, то я отъ трёхъ барокъ товару прочь. А ежали не зманишъ, то ты одные своё прочь!»

Сычасъ купецъ отправляетца у лёхкой лотки на берегъ, етый, который змануть собираетца. И приходитъ къ купцу, къ дому, къ жанѣ яго. И ставъ разныя сьмѣшки заводить. Ну ина вялѣла дворнику прогнать купца сычасъ жа. То дворникъ обругавъ и прогнавъ. Такъ купецъ у вяликую досаду превознёсъ сябе, ходитъ, тоскуитъ по городу, потому што якій товаръ бывъ, и той прйдетца оддать купцу,—за жану, што не зманувъ. Ну, потомъ, старуха идетъ, которая была дли етыя купчихи. И говоритъ: зачимъ, господинъ купецъ, тоскуешъ силно? Ну, и расказавъ купецъ у подробносьти ей, почаму у досаду пройзыйшовъ. Ина яму сказуетъ: «ты глупой, говоритъ, сусимъ, дармо што купецъ! Вотъ, сядьнишній день ина будетъ у лазьни мытца, ты сядь идѣ, у якомъ мѣсьти, скрыйся, и замѣчай примѣтъ на голомъ тѣли яё; а я табѣ кольцо имяннdя подамъ. Тогда, говоритъ, и ўсё доказателство табѣ мужу, скажи—отдала мнѣ и кольцо имяннdя!» И разыйшлись: баба сабѣ, а ёнъ у баню, и схowався. Приходитъ жана купца у баню: якъ разьдѣлася, ёнъ увидивъ у яе на лѣвомъ плячѣ родимую бородавку. Купчиха вышла, и ёнъ вышавъ, што купчиха и не видала яго, якъ ёнъ вышавъ, и не знала, што ёнъ бывъ. Приходитъ къ старуси, узявъ кольцо отъ яе, и побѣгъ.

Садитца у лотку и прiѣжжаетъ къ купцамъ къ тымъ къ двумъ. И подаетъ кольцо купцу имяннōя: «вотъ, говоривъ, што твою жану не зманю—вотъ жа зманивъ! И ты, говоритъ, моетъ, сколькi лѣтъ проживъ, ни знаешъ, моетъ, примѣты яе на голомъ тѣли, ти ёсь ти нѣ, а я знаю —на лѣвомъ плячѣ бородавка родимая у яѐ ёсь!» Купецъ изъ досады говоритъ: «я свойму слову хозяинъ,—получай моихъ три барки товаровъ!» Самъ садитца у лёхкую лотку, на берегъ отправляетца. Приходитъ домой пѣша, сычасъ ударивъ у щōку жану! Никōли не ругався, а то ударивъ у щоку жану. Потомъ сказавъ: „душачка, низвинитя, што я васъ ударивъ! Поѣдемъ, говоритъ, на мōря кататца у лотки!» Ина за ето не ўсерчала, идетъ за имъ тожъ, потому ина ня слыхала за имъ ниякōго глупства. Сычасъ приходитъ на бōрегу мōря, сѣли у лотку вōба, поѣхали кататца по морю у лотцы. И ёнъ сабѣ мысьли мысьлитъ: збросить зъ лотки у мōря жану. Потомъ говоритъ: «нѣ, говоритъ: востровъ близко, завязу на востровъ, и брошу на вострови!» Подьяжжаетъ къ вострову,—сычасъ говоритъ: «и пōйдемъ, говоритъ, душачка, гулять по вострову!» Узьвёвъ на серядй вострова, бросивъ жану, самъ побѣжавъ отъ жаны. Жана спугалась, чаà мужъ убѣжавъ. Пала нà зямлю и вўмерла сы ʻспугу.

Приходитъ купецъ домой. И замѣчанiя былō съ товаришами, што жъ жаною ѣхавъ на мōря, а ʻттуль одинъ,—и стали начальству доказавать: «почаму, говорютъ, нашъ купецъ ѣхавъ на мōря жъ жаною, а оттуль одинъ, и жаны нѣту?» Начальство узялōся за купца: дѣ жану подѣвъ? Купецъ давай денежками засыпать,—потому ёнъ видивъ, што жана не живà. Потомў, потуль денежки дававъ, покуль мўщества не стало, года за два. Домъ продавъ, потомъ лавки—усё рѣшивъ, усё йимущество. Не хватило ничōго ўже, и попавъ у вострогъ.

А жанà вылежала три гōда на вострови мѐртвая. Потомъ Богъ давъ ей,—воскреслà. И одѐжа на ей уся погнила, стала голая. Тольки коло яе который бывъ, остався земчугъ, тольки тэй остався, и тэй неўвошто увинўть,—узила у пригōрщи. И смотритъ нà моря, плувѐтъ корабъ съ солдатами. Закричала ина, стоючи: господа, возьмитя, говоритъ, мяне! Услыхавъ начальникъ голосъ, вялѣвъ яѐ узять солдатамъ. И отдаѐтъ ина имъ етый земчугъ: дайтя мнѣ солдацкую одѐжу одѣтца, и пострижитя мнѣ волосы по мущиньски! И знала, у которомъ бокў городъ свой, просила перевязьтй. Сычасъ яе перевязьлй съ моря нà берегъ. И було позно урēмя —ночь обнилà яе. Ну ина—ночевать ей нейди, сыйшлà зъ дороги ў лѣсъ и лягла подъ сōсною подъ большою.

*Т*еразъ часъ урēмя прилетаетъ птица на соснў. Якъ сѣла на сосну, дакъ ажъ соснà сколонулась. *Т*еразъ повчаса прилетаетъ другая, тожа своимъ порядкомъ силная птица, на ету саму сосну. Яще теразъ

повчаса третьтія—на ету саму сосну тожъ. И стали разговариватъ человѣчецкимъ голосомъ птицы. И ето ня былй птицы—былй три злыхъ духи, три діавола, и не знали, што ина подъ сосной находитца. Стали промижда сябе разговариватъ человѣчецкимъ голосомъ. «Ты, говоритъ, братъ, идѣ бывъ?» одинъ на другого говоритъ.—«А я бывъ у воднымъ городи, шутку подшутивъ, ды й хорошую! Отъ, говоритъ: собрались, говоритъ, три купца ѣхатъ съ товаромъ у чужія земли. Потомъ, говоритъ, я призьвёвъ ихъ и зьдѣлавъ я мижда ихъ споръ на мори. И мѣли яны залогъ объ жонъ. Потому одинъ обозвавъ жану някуратною богатаго. Ну тэй сказавъ: я отъ трёхъ барокъ товару прочь, коли мою жану зманишъ, коли ина поблудная! А не зманишъ, ты отъ одныѐ барки товару прочь! Тяперь, говоритъ: на троя судокъ зьдѣлали условъ яны. Ну, сычасъ отправляется купецъ у городъ, и идетъ прямо къ купцу, жану змановатъ. Ну, ставъ коло ее сьміятца,—ина у рязонъ ничого не принила—вялѣла дворнику прогнатъ. Отъ, дворникъ яго прогнавъ. Пошовъ купецъ тоскуючи по городу, у силной досади. Которая была старуха дли яе и могла спроситъ у купца: чаго ты, каетъ, у силной досади? Купецъ раскававъ подробносьти. И назвала ина купца глупымъ. Ступай, говоритъ, сядьни баня будетъ топітца,—ступай у баню и скрыйся у якомъ скрытномъ мѣсьти. И смотри примѣтъ на голомъ тѣли яе. А я табѣ кольцо имяннόя пόдамъ. Купецъ пошовъ у баню и скрывся.—Увидавъ на лѣвомъ плячѣ бородавку родимую. Потомъ, вышатчи зъ бани, подала старуха кольцо яму̀ имяннόя. Ёнъ отъ радосьти побѣхъ къ морю, садитца у лотку, пріѣжжаетъ къ купцу, и подаетъ кольцо и говоритъ примѣ*тъ*, кото*рый* ёнъ видавъ,—на лѣвомъ плячѣ бородавку. Тяперь купецъ выступаетъ съ свойго судна и оддаетъ три барки товару: я, говоритъ, свойму слову хозяинъ! Сычасъ приплываетъ къ берягу̀, сѣвши ў лотку, приходитъ домой, и жану ударивъ у щόку. Потомъ обратно говоритъ: пόйдемъ, говоритъ, душачка, каталца на моря! Жана не ўсярчала за ето, пошла съ имъ,—потому ина не видала никогда *сь* яго худόго. Пришли къ морю, садятца у лотку обая и поплыли кататца. Потомъ, ёнъ думавъ: у мόря убросить яе! Ну, али вѣдавъ востровъ, поѣхавъ къ вострову. Пріѣжжаетъ къ вострову: пόйдемъ, говоритъ, гулятъ по вострову! на жану̀. Узьвёвъ на серядй вострова и бросивъ жану. Самъ побѣжавъ отъ яе. Жана сы спугу ву̀мярла,—ёнъ видавъ. Шовъ по городу бежъ жаны ужо, и товарищи увидали, што бежъ жаны шовъ,—а туды жъ жаною—доложили на-

чальству. Начальство узялось за купца. Купецъ деньгами засыпать. Дали-боли—за два годы имущество ряшивъ и домъ продавъ. Не хватило у купца денегъ—у вострогъ попався. И тяперь сядить!..»

Ну, жана тутъ и разузнала, объ чомъ ето случилось у ихъ,—што мужъ ня виновенъ, дьяволъ смусьтивъ.

— «А ты, говорить, идѣ бывъ?» на другого.—«Я, говорить, тожъ не глупую вещь изъдѣлавъ! Я въ одномъ царьствѣи уничтоживъ воду по усёмъ царьству,—который стошникъ дѣйствовавъ на усё царьство, то я яго загрузивъ каменьёмъ и деревьёмъ. Тяперь у тымъ царствьи воды нѣту. Приставляеть царь у своё царьство воду. И до то царю сильно досадно, и отъ привозныя воды народъ сильно мреть!»—А што жъ, говорить: можно ету воду, говорить, открыть? Ёнъ говорить: отчаго жъ ня можно? Ежали бъ знавъ хто мѣсто тоя! И расказавъ подробно, дѣ мѣсто тоя, одинъ другому. «Ну, а ты, говорить, идѣ бывъ?—на третьтяго отвѣщають—и што зъдѣлавъ?»—А я бывъ у водномъ царьствьи тожъ. И зъдѣлавъ тамъ тожъ хорошую штуку. Тамъ, говорить, черезъ мяне царевна высыхла на былину!—«А што жъ можно яе воспользовать, царевну?» діяволы говорють.—„Отчаго жъ ня можно? Треба тольки собрать крошки у церкви и слѣдущая отслужить и дать царевни“.

Діяволы улятѣли, потовковавши. Ну, ина лежала до дня подъ етымъ деревомъ и слыхала усё, што яны говорили. Давъ Богъ день, отправляетца ина у ето царьство, идѣ воды нема. Приходить у царьскій городъ и спрашіеть чаю. И сказуеть трахтирщикъ: у насъ, говорить, чай дорогъ! А йна отвящаеть: почаму? Потому, што воды нѣту у нашамъ царьствьи! Царь нашъ сильно у досади церазъ воду! Ина ’твѣщаеть на ’твѣтъ: пусьтяки, говорить: воду можно достать! Трахтирщикъ поднёсъ чаю ей, а самъ увѣдомивъ на царьскій дворецъ: якій то проходящій солдатишка хвалитца, што воду открыю,—не нашай зямли! Сычасъ посылаеть царь двухъ жандаровъ—попросить милосьти къ царю. Не пойдеть по чесьти, приставить безъ чесьти. Хорошо! Пришли жандары и обвѣщають: што ты, говорить, братъ, хвалився,—воду открыю?—Могу! говорить.—Васъ царь спрашіеть! Безотказно идеть. Приходить, отдала царю почтэнія, якъ слѣдуеть быть. Сычасъ царь принявъ къ сабѣ, ставъ угащавать, ставъ спрашавать: «што, братъ: можашъ воду открыть у моимъ царьствьи?»—Могу! Тольки мнѣ дайтя безъ усякаго начальства три полки солдатовъ. Ну хуть и убытокъ будеть у народи, то я ня ’твищаю! Царь говорить: «не

ж..лѣю трёхъ полковъ солдатовъ *ли бы вдда* была!"—Кабъ мяне слухали, што буду говорить,—кабъ слухали! Ну, царь давъ три полки солдатовъ, и назаўтраго повутру отправляетца ина съ солдатами куды знала.

Вотъ яны два дни ў проходи, на третьтій день остановилися оддышку имѣть. И ина пошла мѣсто узнавать, дѣ—діяволы тувкували—загрўджена вода. Съ повдня пошла и до ночи нема̀. И солдаты мижды собою товкують: нашовся якій то солдатишка, зьвёвъ насъ, и самъ утёкъ! А другія говорють: отправимся назадъ у городъ! Ну нѣкоторыя говорють: нельзя! Потомъ и ночь обнила—нѣту! Давъ Богъ день—нѣту! Подъ повдня—идеть. И нѣкотѝрыя увидали: вотъ, говорили—зьвёвъ!—идеть, говорють. Приходя къ солдатамъ, говорить: ну, рябяты! пойдемъ дали! Приходють къ мѣсту, идѣ разознала ина—заставляеть полкъ солдатовъ копать го̀ру. Ну, тыя заморились,—не такъ объ пищи, якъ объ водѣ—другій полкъ приставила камень отгружать. Ну, й той уморивсь бывъ,—третьтій приставила лѣсъ вытасковать. Ну, й ня ўсила была̀ и тому! Сказала: рябяты, прихинитесь усй, и сами сябе бережітя, кабъ вода не затопила! По̀томъ, у скоромъ уремени, растаскали лѣсъ—вода открылась. И народу мало потёрлось отъ воды,—не посьпѣли зь мѣста сыйти. Вода по ўсимъ царьству пошла, и лўччи якъ упрѐдъ была вода. Царь съ музыкою, съ хлѣбомъ-сольлю сустрѣкаеть за городомъ, тольки не знаеть, съ котораго боку будеть ити. Якъ пришовъ—жалуеть гинаралскимъ чиномъ. Ну ина отвѣщаеть: я, говорить, съ простыхъ лицъ, благодарю васъ за чины! А царь отвѣщаеть: „ёсь у мяне, говорить, дочь, то я за тябе яе отдамъ!"—Нѣтъ, говорить: вы находитя сабѣ съ царскаго лица! А мнѣ, коли ўгодно, подаритя у увѣшная потомство полкъ солдатовъ луччихъ! Царь съ радосьтю дарить. Надѣляеть деньгами, и отправляетца ина у его царьство, дѣ царевна нездоровая,—исъ своими солдатами, мѣючи гинаралскій чинъ.

Подходить у ето царьство, близъ города къ кабаку, и спрашіеть водки дли солдатовъ. Солдатовъ угосьтила водкой, не спрашуеть ни службы, ничаго̀—солдаты етому рады! Одинъ до другого говорють: я, хоть бы й пусьтили домовъ, то я не пойду отъ етаго начальника. Спрашіеть ина у кабатчика: «што у вашамъ го̀роди слышно?»—Хорошо, говорить, хто удалѐ отъ города живеть; а хто ўблизи, тому трудно прожить!—«Отчаго ето такъ?» ина уже на 'твѣтъ говорить. А 'нъ отвѣщаеть: оттого, говорить, што нашъ царь силно сярдитъ теразъ дочь!—«А што дочари, говорить, случилось?»—Нездорова, говорить, нѣшто, и нихто ня можеть воспользовать!—„Ето, говорить, пусьтяки! я бъ могъ ба рады дать!" Кабатчикъ побѣгъ къ царю, и доложивъ царю: якій то гинаралъ проходящій, сь чужихъ зямель, хвалитца, што вашай дочари можеть рады дать!

Царь сичасъ вялѣвъ просить милосьти його. Оявляитца ина къ царю, якъ слѣдуеть поштэнія отдавъ царю. Царь принимаеть къ сабѣ у комнату, съ собой умѣсьти кушать. И ставъ спрашивать: «вы, говорить, говорили, што моей дочари пользу превознясу?“—Могу! говорить. И прошу милосьти, говорить, принять къ сабѣ мой полкъ солдатовъ,—потому мнѣ нѣгди ихъ помясьтить—я проходящій! говорить. Сычасъ помященія для солдатовъ дали. Обѣщавъ царю, кабъ отъ такомъ то номастырю було служенія заўтри и кабъ была ваша дочь привезена туды, и дохторя кабъ были ваши тамъ!

Назаутраго, давъ Богъ день, оявились уси у номастырь. Отыйшло служенія, вялѣвъ сьнять пристолъ. Ну царь отказуеть: пристолъ нельзя разрушать! Потомъ вялѣвъ тыки сьнять. Сьняли—а тамъ ныря. Сама пошла мышь шукать у нори, ну й вялѣла калавурить, кабъ ня выпусьтить зъ номастыря мышь. Нашла ина мышь, выгныла зъ нори, и забили. Ну, тогды вялѣла дохторямъ потрошить. Ну дохторя отказывались, сказали: заставляить гинаралишка якій то мышей потрошить! Ну царь приказавъ потрошить. Стали яе потрошить, ина увидила у нутрѣ тайны, якъ чистая стякло. И узила сама ў руки, и уси зьдивились, почаму ина знала, што у мышини у нутрѣ тайны? Уси признали, што тайны ўнутрѣ. И почаму ёнъ, говорють, знавъ? Хорошо. Отдають тайны попу. Попъ слѣдащія молитвы отправивъ и даеть царевни болной. Царевна той жа часъ стала здорова, покрасивѣла, якъ и упредъ была. Царь возрадовавсь етому гинаралу: «и возьми, говорить, братъ дочь мою за сябе! Половина царства отписую, и по сьмерти усё!»—Нѣ, благодарю васъ, царь! Потому што я съ простыхъ лицъ дослужився гинарала вотъ за воду у такимъ то царьстьви. А вы сабѣ шукайтя царевича якого либо. А мнѣ подарйтя два полки солдатовъ у вѣшная потомство, якъ подарили у томъ царьстьви: за воду. Подвышіеть царь зъ радосьти чинами, одинаріями и даеть два полки солдатовъ.

Отправляетца ина у своё государство къ свойму городу. Подыйшотчи близко города, даеть бумагу губернатору, што ѣдить гинаралъ проходящій съ чужихъ зямель съ трамя полками солдатами, кабъ у такомъ то доми у такого то купца мѣсто очисьтить. Ежали жъ дома нѣту, хуть палатки на томъ мѣсьти построить, потому я ў етаго купца у предняя годы бывъ, и мнѣ знакомъ хорошо. Потому я хочу хуть на етымъ мѣсьти побыть съ своимъ народомъ! Губирнаторъ послухавъ, сповнивъ дѣло, построивъ палатки—дома нѣту,—и сустрѣтивъ своимъ порядкомъ проходящаго гинарала. Гинаралъ у палаткахъ устроивъ балъ дли начальства дли губерськагo. И мѣли яны разговоръ: дѣ той купецъ? Губирнаторъ отвѣщаеть: у вострози сядить. И скоро рѣщенія,—подъ наказъ пойдеть! Гинаралъ спрашіеть проходящій: за што?—А отъ, говорить, без-

звѣсно, дѣ жану дѣвъ.—Хорошо, говорить: а дѣжъ яго домъ тяперь дѣвся? гинаралъ говорить.—А вотъ, говорить: мелкомѣстная начальство понямножку деньги потягували, вотъ и домъ, говорить, разорёнъ териз есто! Сычасъ гинаралъ спрашіеть: прошу, говорить, губирнатора, кабъ мнѣ яго привѣсьти зъ вострога,—ёнъ мнѣ сильно знакомъ! Губирнаторсъкому по приказанію приводють яго у уковахъ. Вялѣвъ гинаралъ проходящій у вособую палатку увесьти, а госьтей оставивъ. «А што жъ, говорить, братъ: узнавъ мяне?»—Нѣ, говорить, не знаю!—«Да я у тябе, говорить, бывъ!»—У мяне многб былй, говорить. «Дѣ жъ ты своё имѣнія дѣвъ?» говорить. Мовчить купецъ зъ досады большой. Оставила ина яго у палатки, сама выходить къ начальству: «и скажитя, братія, хто скольки узявъ зь естаго мущества денегъ?» Ну, другъ друга стали выказавать. Распишитесь, господа! говорить. Сычасъ расписались уси, хто кольки узявъ. Оборощаетца къ купцу у палатку: «што жъ, говорить: узнавъ, господинъ купецъ, мяне?»—Нѣту! говорить. Вялѣла уковы сьнять. Сычасъ уковы сьняли зь яго. Зьдѣвай, говорить, рыштаньскую одѐжу. Зьняли зь яго одежу рыштаньскую. Стоить голбй купецъ. И спугався, думавъ, што наказавать яго будуть. Сычасъ зьдѣваеть сь сябе гинаральскую одёжу и даеть яму. Ну ёнъ боитца. Ина яму говорить: надѣвай, дуракъ! Ёнъ одѣвся у ету 'дёжу. Сама одѣлась у женьскую одежу. «Што жъ ты не узнавъ, говорить, мяне?»—Нѣтъ, говорить, не узнавъ! Сичасъ бяреть яго за руку и вядеть къ начальству. «Вотъ, говорить, господа! не дослядивши, дѣ чія жана, ня мѣетя правы домъ чужій разорять! Кабъ моё добрб попбвнито булб! Вотъ, я своему мужу гинаральскій чинъ выслужила и три полки солдатовъ отъ протчихъ царей!»

Ну вотъ, и усё кончаетца. Стали узновъ хорошо жить. И я тамъ бывъ, и усё ето видивъ.

Д. Корчеватка, рясниян. вол. чаусск. у. Отъ кр. Павла Сергѣева, 47 л. негр

46. Ракъ Царевичъ.

Живъ сабѣ такъ ходяинъ исъ ходяйкой. И яны много прожили, а дятей не мѣли. Ну, пошла старушка зимнымъ уремямъ по воду. Почарпнула воду вядеркомъ, а ракъ у вядро. Ина яго вонъ, а ёнъ: «не бросай мяне, я буду твой сынъ, будешъ щасьлива!» Ну, ина пришла домой. Дѣдъ говорить: «ли чаго ты принесла рака?» На 'твѣтъ старуха сказала: «ёнъ говоривъ: буду твой сынъ! возьми мяне,—будешъ щасьлива!» Старикъ давъ на твѣтъ: «идѣ ты видала, кабъ ракъ бывъ сынъ, и якоя щасьтя зъ рака?»

Ракъ отвѣщаетъ дѣду: «не ўлякайся, я тябе буду звать отцомъ! Примемъ трудъ тяжолый, потомъ будемъ мѣть щасьтя!»

Поночувавъ ракъ, обогрѣвся. И зоветь старика отцомъ, старушку матерью. «Што, говорить, отецъ и матерь, я вамъ скажу: идика, отецъ, къ царю у сваты!»—Якъ я пойду, я сусимъ неўборенъ, старъ! «Ничавȯ, отецъ, объ етымъ ня ўнывай, ето я буду въ отвѣти!» Узявъ старичокъ кіёчакъ и пошовъ къ царю. Прихȯдить къ царьскимъ палатамъ, стоять на калавури солдаты. „Куды, старикъ, идешъ?»—Ды вотъ, иду къ царю у сваты за свойго сына! Иго подъ калавуромъ доставили до царя. Царь спрашіеть ужо: «што, говорить, хотишъ, старичокъ?»—Ваша царьство вяличаство,—до вашій милосьти: хочу засватать вашу царськую дочь за свойго сына!—«Очень, старичокъ, етымъ благодаринъ! Што жъ я тебѣ отвѣчу? Когда ты хочешъ узять мою дочь, тыкъ ты будешъ мой сватъ, а сынъ твой мой зять. Выстрой тяперь отъ моѐго дома и до своѐго мостъ хорошій. И якѐй жа хорошій: кабъ была мосьница золотая и сяребриная, тожа столбъ золотэй и серебряный. Ну, ежли етаго ня ўпольнишъ за показанный строкъ, то тебѣ будеть топоръ и плаха и на смерть бѣлая рубаха!» Старикъ загорювавъ, пошовъ.

Прихȯдящи домовъ, набранивъ старуху: «ли чаго ты несла намъ бяду домой? Мнѣ обѣщана топоръ и плаха,—на смерть бѣлая рубаха, за такую вину, што я й не видавъ, а сказано мнѣ зьдѣлать!» Ето ракъ услыхавъ. «Разскажи жа мнѣ, отепъ, икая вина на тябе упадȧеть?»—А вотъ икая—идѣ ето я могу зьдѣлать? Велѣно зьдѣлать отъ нашиго дома и до царськаго мостъ хорошій—золотая мосьница и сяребриная, золотэй столбъ и сяребриный, и ў показаный строкъ,—а я йще не знаю,—длиненъ той строкъ ти малъ!.. На 'твѣтъ давъ ракъ: «отецъ и мати! ложитеся спать, вутро вечера мудрянѣй,—усё Богъ дасть!» Ну, уснули крѣпкимъ сномъ, нихто ничавȯ не слыхавъ. Вышавъ ракъ ночȯю на дворъ, ставъ подъ святымъ небомъ, снявъ раковину, засвятивъ, якъ молодэй мѣсицъ, и крикнувъ громкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки, собирайтеся до мяне усѣ: я вамъ закажу службу! Ну, яны явилися усѣ къ яму и конно и пѣша. „Отъ-што я вамъ братія, скажу: кабъ бывъ вымощенъ мостъ къ ранью, отъ моѐго двора и до царськаго хорошій—золотая мосьничка и сяребриная, кабъ былȯ, красиво царю прогулятпа!»—Постаряемся ли васъ, господинъ нашъ!

Повутру ошинаетца царь—освятила работа половину царьства! Потомъ царь пріўзадумавъ: „што я, сь кимъ ето занявся? Либо ёнъ со мной занимаетца? Ёнъ жа бывъ старъ человѣкъ и соўсимъ у ветхой одѐжи,—а якія ето заботы ёнъ издѣлавъ,—што круто и скоро! Ето къ часьти царськой вочень красиво!» Повутру ошнувся старикъ сы старухой: „якъ ето будеть царь у нашъ домъ прибывать? Нашъ домъ дрянь!“ Тяперь опять рячеть

ракъ: «ступай, отецъ, къ царю у сваты!» Старикъ узявъ кіе*ча*къ и пошовъ. Тяперь идеть безъ заботъ и сьмяётца,—по мосту хорошо ити. Приходить къ дому царському, у яго часовыя спрашують: «куды йдешъ, старикъ?» Сурьёзно спросили у яго. Ёнъ на 'твѣтъ давъ тожа сурьёзно: «я иду къ царю,—я царьскій сватъ!» Ну тамъ поляд́ѣть на яго—у рубищи у етакомъ, у дренномъ!—Уходящи у палатку, старикъ сказавъ: здрастьви, ваша царьство вяличаство! Царь на твѣтъ давъ: здрастьви, сватъ мой! милосьти прошу у палатку! Приказавъ слугамъ поставить стулъ рядомъ исъ своимъ стуломъ,—якъ вотъ мы съ тобой. «Ну, будемъ, сватъ, разговаривать: свадьбу надо дѣлать? Штоба приготовився хорошо! По етому мосту кабъ купы (п=ф) были зъ разными напитками ли кожнаго слупа,—хто якей жалаеть, той будеть пить; и кабъ ли кажнаго слупа стояла яблонка зъ злишными вѣтками—бытто золото и серябро, на ихъ, и яблочки золотыя и сяребриныя, и разныя хрухты: вина выпить, яблочкомъ закусить! Теперь отправляйся домой до свойго сына, и кабъ ето мнѣ было сочінито,—а то топоръ и плаха, на смерть бѣлая рубаха!» Опять старикъ загорювавъ, заскучавъ, пошовъ. Приходящи домовъ набранивъ старуху: «ли чаго ты приносила бяду домой?» Потэмъ ракъ услыхавъ ихныя разговоры: «эхъ, говорить, отецъ и матярь: объ чомъ говорить, скучаетя?»—Да якъ жа намъ не скучать? Дѣ жъ мы, говорить набярёмся?—«Отецъ и мати! ложитеся спати: вутро вечера мудрянѣй,—усё Богъ дась. Давъ Богъ ночь. Ну, успули яны крѣпкимъ сномъ. Ёнъ выходяща на дворъ, подъ свято небо, зბросивъ свою раковину на зямлю и засіявъ, якъ молодэй мѣсицъ. Воскликнувъ громкимъ молодецкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки! собирайтеся уси до мяне!» Ну яны и идуть и идуть—и конно и пѣша. «Што прикажетя, господинъ нашъ?»—А вотъ што я вамъ скажу: къ моей свадьби приготавлюйтесь! Выбирайтя по етомъ зъ мосту красоту, устраивайтя яблоны—золотая яблона и сяребриная ли кажиннаго слупа; на тыхъ яблонахъ кабъ было прикрашано бытто золотоя вѣтьтя и сяребриная, золотоя яблоко и сяребриная, золотыя купы и сяребриныя, зъ разными напитками, зылотэй стаканъ и сяребриный, золотоя блюдо и сяребриная,—за тымъ, кабъ можно было прохожымъ людёмъ и проѣжжымъ што выпить и закусить!..—«Рады старятца, господинъ нашъ! Мы ето испольнимъ!» Къ вутру усё ето явилось.

Царь выходивъ и далякд прохаджувавъ. Узявъ рукою за свою голову сяредьнимъ пярстомъ и подумавъ: «якъ ето дѣлаетца круто? Што нихто ня видивъ етой работы! И якъ по моёмъ приказу усё й сычйнито!.. Вутромъ ракъ и говорить опцу и матери: «што, говорить, отецъ-мати, нехай отецъ идёть у сваты къ царю ще оди́нъ разъ,—ёнъ больши уже не пойдеть!» Ёнъ узявъ кіёчакъ и пошовъ. И радъ, идеть, идеть, да й

вина покушаеть. Приходить ко дворцу, у яго часовыя спрашують: «куды идешъ, старикъ?»—Ды я, говорить, иду къ царю! Я, говорить, царськiй сватъ! Ну, яго подъ калавуромъ доставили у царськiя комнаты. Здрастьви, ваша царьство вяличаство! попрôстому, помужицки! Здрастьви, говорить, мой сватъ! Прошу милосьти ў палатку къ сябѣ! Приказавъ слугамъ поставить стулъ рядôмъ со своимъ стуломъ. Приказавъ свату: «што пущай твой сынъ суряджаеть поѣздъ и прибываеть сюды,—тутъ будемъ свадьбу играть! А самъ ёнъ мижда усихъ кабъ бывъ верьховой,—кабъ я мижда ўсяго поѣзду узнавъ, который мой зять!»

Ну тяперь, приходящи домовъ, и сказавъ сыну свойму: «прибирайся заўтри ѣхать къ царю—и кабъ ўси были у пояздахъ, а ты кабъ бывъ верьховой,—кабъ бывъ знатенъ у ўсемъ пôѣзду!»—Кладитеся спать, утро вечера мудрянѣй, треба дѣло спольнять! Ночой, яны положилиси спать, ничаво ни слыхали, а ёнъ выходяща на дворъ, воскликнувъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки, собирайтеся на мою свадьбу усѣ! Кабъ было ли мяне полкъ солдатовъ украшѐнныхъ и музыки полковэя, ваши наряды зыпряжнэя, и ли мяне верьховая лошадь увобраная!»—Рады старятца, господинъ нашъ! Усё ето спольнимъ! Собралися, украсили усё сяленiя. Старикъ со старухой—яны были съ такимъ умомъ—яны не рады и не спужалися: што тутъ такôя будеть? Отправлялиси у путь повутру. Прiѣжжаеть,—оддавали хорошiй хоръ и чесь ли царськаго дворца. Царь у вокошко признававъ своѐго зятя. Приказавъ своимъ слугамъ: «а йдитя того верьхового подъ руки зьнимитя!» Слуги пошли, благородно яго сьнимали, ну й уносили яго на рукахъ у царськую палату, садили яго на стулѣ съ старшую дочкую. Былô у ихъ гуляньня дванадцать дней,—открытая торжаствô по ўсимъ городу. Ну, обручались законнымъ бракомъ. И ўсихъ не стало, усяго пôѣзду, остався зять одинъ, якъ бывъ ракъ такъ и ёсь, усё ракъ. И остався тамъ жить.

Тяперь, былô у яго у етаго царя ящо двѣ дочки. Дыкъ яны выбрали сабѣ зятёвъ хорошихъ, увобраныхъ, разумныхъ. И тяперь статьти такѐя, што яны стали надъ ей надругатца: «што наши мужья хорошiя, а тытку бôльшая сестра—и за кого ты вышла!» А ина имъ говорить: «што ёнъ, говорить, при вйди народа, дакъ ёнъ ракъ, а якъ я ночую зь имъ у посьтели, дыкъ ёнъ не ракъ, отъ яго уся палатка зьяеть, якъ раковйну свою сьнйметь!» Тяперь яны подсовѣтовали: што мы, говорить, постараемся, дыкъ её сожгёмъ, раковйну!» Ну, яны уснули—а тыя раковину украли и сожгли у прачешной пецчы,—вядомо, тамъ огонь день и ночь горить. Ёнъ со сна услыхавъ смрэдъ. Ёнъ спросивъ: што такоя за ето смрэдъ? Ажъ ина дала яму на твѣтъ: у насъ у городи вопрёвъ не смалють днёмъ, а смалють ночôй, дыкъ отъ того смрэдъ! Ёнъ прыхватйвся

ажъ яго оденжи нѣту! «Ну што жа? говорить: жана моя, говорить, миилая, да ў раду поступила у глупую! Хто ды мяне тяперь захочеть дойти, дыкъ ёнъ стопчить трóя ботовъ зялѣзныхъ, собъеть три кіи зялѣзныхъ; за трудами своими изъѣсь у харчахъ три проскуры зялѣзныхъ!» Нў, тяперь, самъ вышавъ на дворъ днёмъ, и ўсѣ яго видали, што ёнъ вочань красивый молодецъ. «Эй, говорить: сивчикъ-бурчикъ, вѣшный калавурчикъ, стань передо мною, якъ листъ передъ травою—служивъ мойму оццу, послужи и мнѣ молойцу!» Конь бяжить, земля дрыжить! Прибывъ етый лошадь, павъ на колѣны передъ имъ. Ну, ёнъ бярѐтца за гриву и садитца на спину. И сказавъ ёнъ: „ўси прощай!“ И вознявся самъ на воздухахъ, коло воблакъ ходячихъ, и поѣхавъ. Ну, а жана осталась.

Пожила, пожила, и стало ей плохо бизь яго—стали уже обиждать ее. Ина стала скучать своему отцу, кабъ ёнъ етыя вещи ей справивъ: троя ботовъ зялѣзныхъ, три кіи зялѣзныхъ и три проскуры зялѣзныхъ. Отецъ и справивъ ей еты вещи, ина пупросила блугусловенія: блугуслови мяне, отецъ-мати уѣхать!—мнѣ плохо жить. Ины блугусловили, ина и пошла яго искать. Пошла у тую сторонў, куды видила—ёнъ поѣхавъ.

Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити, дужа довго страждала у своёмъ походи! боты прибила, кіёкъ одинъ уже изьбила, нарячѐнный хлѣбъ зялѣзный, который мужъ сказавъ, уже зьѣла,—стоить ей на пути домъ. Обнимаеть яе тёмная ночь. Стоить у воротахъ вяльможа женьскаго полу. А здрастьви табѣ, здрастьви, проходжая!—кажетца, што ето ты нашаго брата жана? Трудно табѣ добратца до яго! Ну, прошу милосьти къ себѣ понучувать!“ Ина низко голову склонила и пошла нучувать. Повутру рано ўставала, и благодарила на 'тходи. Ина ѐй, вяльможа, одовжила платочекъ: «на вотъ табѣ платочекъ, отъ большія сястры подарокъ!» Етый платочекъ вочань пригожъ, разными тьвитами, бытто золотый и серебромъ усаджаванъ, разнымъ украшэніямъ. Ина получила етый платокъ, лобзувала яго, якъ и свойго мужа. Потомъ поблагодарила и отправлялася ў путь.

Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—скоро то говорйтца, да трудовъ много принила—другія стоптала боты, зьбила другій кій, зьѣла и другій хлѣбъ, отъ мужа благословѐнный. Потомъ опять приходить, на яѐ пути стоить домъ, почищи ще й того. Иѐ присьтигаеть уже тёмная ночь; у воротахъ опять стоить жа вяльможа женьскаго полу, такого жъ виду и лица. «Здрастьви тебѣ! говорить. Якъ бытто ты нашаго брата жана, и наша нявѣстка? Трудно табѣ добратца до яго. А тольки уже большы пространдала, чимъ страждать! прошу милосьти понучувать у насъ, одды хнуть!» Пріютила у палаты, у домъ свой, покормила, пріютила на оддыхъ. Повутру ношлежница уставала, благодарила, усердный отвѣтъ да-

вала: благодарю васъ за ношлегъ, за ваша угощенія! вы мяней прощайтя! Ина: «вотъ, говоритъ, голубка, я тебѣ дамъ подарокъ!» Ина ей дарувала подарокъ—щѣтку, которой учасують голову. Ина вочань пригожа, украшѐнна красиво—тамъ одно золото, одно серябро, и разныя цвяты Ина, получивши еты вещи, и пошла.

Довго урѐмя страждала ина—надѣвала третьтія боты, брала третьтій кій у руку и начинала третвтію проскуру ѣсь. Довго урѐмя страждала у своимъ походи, мало оддыху мѣла,—якъ ето скоро сказуетца, ды ня скоро сочиняетца,—третьтія стоптала боты, третьтій оббила кій, зьѣла и третьтій хлѣбъ. Ей на пути бывъ опять домъ. Ина приходяща къ дому, сѐ обнимала тёмная ночь. Такъ у етомъ доми, у воротахъ, стояла вяльможа женьскаго полу. Увознала еѐ. «Здрастьви, говоритъ, правукрасная царевна! Давно страждаешъ, голубка! Заутри свой страдъ поконьчишъ! Прошу милосьти ко мнѣ понучувать, нявѣстка наша, нашаго брата жана!» Пріютила яе у палатку, накормила, пригласила яе на воддыхъ. Назаутряго ина уставала и сьпяшила у путь. Ина ѐй дала подарокъ. Дала ей куделичку и прясьличку и верятенца. «Отъ, сказала: узыйди у городъ и сядь на базари, расьтяли платочекъ, отъ большія што сястры подарочекъ, и поставъ на платочку щѣтку, и пряди сама куделю. И будетъ ити со слугами вяльможа, женьскаго полу. Ей вещи етыя дужа уподобають. Ина будетъ ихъ тургувать. Ну, ина будетъ тебѣ цѣны давать прежди сотни,—ты не соглашайся; потомъ будетъ давать тысячи—не соглашайсь; ты не хоти ничаво! А мѣй договоръ: зь яѐ паномъ за вещь ночь нучувать. Ина уси три вещи у тябе возьметъ. А ты ни на вошто большы не соглашайся!» Ина подякувала и пошла.

Приходитъ у городъ, пріютилась серяди базару—день бывъ погодьливый,—ина расположила своѐ вещи—платочекъ разослала, щѣтку поставила на платокъ, стала работой заниматца,—куделичку прядетъ! Потомъ, повуденныя ли часы, ти якія—ето ни показапо—ходила вяльможа по базару, со слугами. Приходяща къ ѐй, сказала: «здрастьви тебѣ! А што, голубка, продаси ты мнѣ своѐ вещи?»—А йна на ‘твѣтъ спросила: которую вы жалаетя?—«А мнѣ вотъ унорович ся платочекъ!—(Платок напярёдъ подарованъ) Што табѣ дать за яго?»—Ина на ‘твѣтъ отказала: я ничого ня хочу!—«А якъ жа ты,—дармо оддаси?»—Нѣ, я дармо не дамъ!—«Ну, што жъ ты хочешъ?»—А я хочу изъ вашимъ паномъ ночь нучувать!—«Ахъ, якая жъ ты бязсовѣсная!—Што табѣ за польза, съ паномъ ночь нучувать? Я жъ дамъ табѣ сотню денягъ за яго. Ето будетъ табѣ пользительно!» Ина на ‘твѣтъ дала, што: а я не хочу! Ина отъ яѐ отышла, походила, походила,—скушно стало: не могу растратца зь естыми вящами! «Ну, пойди, дура, когда не хочешъ денягъ, пойди по-

ночуй!» Забрала платочекъ и пошла. «Ну, и пойди за мной!» Потомъ пришли домой—ина яе у палатку пріютила—у такую палатку далекую, што ина и голосу мужниго не слыхала. Потомъ прибывавъ мужъ ись охвоты. Ина яго зьнимала изъ лошадей слугами, угощала разнами напитками, которыя пьянѣй усихъ. Ну, упоила яго и ў спальню положила, ёнъ бясь чўстьвія бывъ. И позволила ей спать ложитца съ паномъ. Ну ина легла, и стала сь имъ разгуваривать: «я ўсё твоё приказанія спольнила! Я троя ботовъ зялѣзныхъ стоптала, я три кія зялѣзныхъ зьбила, итри хлѣба зялѣзныхъ зьѣла! Стала говорить, якъ страждала. До тябе дойшла, и вотъ съ тобой ляжў, а ты мнѣ ничого не говоришъ!» Ина яго и будила, и колыхала, и щипала. Ну, а ёнъ сьпить и отвѣту ина никотораго не слыхала отъ яго. Ти чустовавъ ёнъ, ти нѣ, ето не знато дѣло. Вутро уставала, благодарила и выходила. Вяльможа надъ ей сьміялася, назвала дурой: «вотъ, якая ты дура! Што ты получила отъ пана? А я бы табѣ дала денихъ много! Отвѣтъ отказала вяльможи: «я денихъ не хочу!» Ну, и отправилася ў своё мѣсто.

Поставила щетку, уже й безъ платка, сама прядеть куделичку. Отправлявся панъ за хвотою, опять изновъ—«ти я у во снѣ видавъ, ти што надо мною было—якъ бытто бы я гласъ слыхавъ своей прежнія супруги. Я гласъ слыхавъ и болѣзни тѣлу своему принявъ. Посьпяшу-ка позараньшы съ охвоты домой!» А ина опять—изновъ выходила, вяльможа, на городъ, на гуляньня, й со слугами. Приходила опять кы етой сидѣлпцы. «Што, голубка, говорить: продай мнѣ ету вещь!»—на щѣтку.—Купи!—«Што вȯзьмешъ?»—А я ня хȯчу ничого—съ паномъ ночь нучувать! Ина ипять яе назвала дурой: «ну, икую ты, говорить, совѣсь получила, што ты съ паномъ нучувала?—Ничавȯ!—А я табѣ денихъ бы дала!» Ну, потѣмъ ляхкȯ согласилася, позволила—дала щѐ ночь перенучувать. Ну, опять такимъ жа путѣмъ, такъ жа само: пріѣхавъ ёнъ съ охвоты, дыкъ ина сьнимала яго съ поѝзды слугами, привѣчала зновъ на угощенія. А ёнъ угощенія жастоко не принимавъ, - мысьливъ сабѣ тȯ, што николи на мяне етаго не бывало, кабъ етакая угощенія я мѣвъ. Только ёнъ ставъ остерегатца, скоро ставъ бясь чустьвія пьянъ—самъ на сябе натянувъ такъ,—уснувъ за бясѣдой крѣпкимъ сномъ. Ну, ины узяли и положили у палатку на посьтелю. Тогды ина на яе сказала: «ступай съ паномъ нучувать!» Ну, ина легла. Подождала, покуль уси заснули, и во время человѣчецкаго сна стала яго разбуджать. Опять своѐ разговоры разговаривала, усѐ своѐ труды расказала: «я другую ночь съ тобою ночую, а отъ тябе ничого ня чую!» Ну ёнъ усё ето понимавъ, а отвѣту нияког̇о не давъ. Потомъ, ночь на проходи, стала вутра. А её разбуджають, высалають вонъ. Ина ўстала и поблагодарила. Ина, вяль-

можа тая, посьмиялась и назвала дурой: «двѣ ночи, говоритъ, ты нучувала, якую пользу ты получила?»

Ина поблагодарила, отправилась на своѐ мѣста, занимала своё мѣсто, пряла куделичку. Коло яе мужъ яе пройшовъ не ў знатномъ види. Ипятъ отправлявся на охвоту. Тяперь ина яго къ видну разглѣдила, тольки што не ўвознала. Прибываетъ ёнъ съ охвоты уже изъ разными думами. А йна, вяльможа, выходила ыпятъ на городъ сы слугами, на прогулянья,—скучала по третьтей вещи,—кабъ уже и гэту достатъ. Ну, дыкъ ету уже вещь—куделичку и пряськицу и верятенца уже ляхчѐй достала, круто: «Продаси мнѣ ету вещь третьтію?» Ина 'твѣтъ дала: продамъ!—«Ну, што жъ ты хочешъ.» — На твѣтъ даетъ: «я не хочу ничого: съ паномъ ночь нучуватъ!» Ина на слугъ: «бяритя еты вещи! Поди за мной!» Ну, и пріютила яе у тэй спальни, дѣ ина двѣ ночи нучувала. Ну, прибываетъ панъ исъ охвоты позараньшы. Ина яго сьнимала слугами исъ поязды, садила за столъ исъ собою и угощала напитками разнами. Ёнъ при сябе свою силу узявъ, и опятъ здѣлався хмялёнъ—натянувъ на сябе. Ну, тоды положили яго у посьтель. Якъ стала тишина у ночи, заставивъ яе мужъ перестлатъ посьтелю, якъ ѐй ундравитца. Ну дыкъ ина перестлала посьтелю и начила разговоръ. На твѣтъ ёнъ давъ ѐй, што вутромъ ты не пойдешъ. Вутромъ яе стали васалатъ. Первый разъ называли: голубушка, пойди изъ ношлегу! Ина не пошла. Во торыхъ разахъ называли ее бязсовѣсной. Ина не пошла. Третьтій разъ сказали: «говорятъ табѣ—ступай изъ ношлегу!» Потомъ ина не послушала. И выходютъ исъ спальни удвоихъ увобравшись. Ну, тогды ёнъ вялѣвъ вывесьти перваго жеребца со стайни и тую вяльможу растаскатъ по чистому полю, привязатъ ихъ конському хвосту. А сами стали житъ-поживатъ, и царюватъ. И я тамъ годы два ти три тому бывъ, тольки ничого не бачивъ. Спокойной ночи, пріятнаго сна, радоснаго вутра! Бывайтя здоровы!

М. Горки, чаусск. у. Отъ мѣстнаго кр-на записано мною.

47. Иванъ Бѣлоросейскій.

Нѣўкоторомъ то царстьви, нѣўкоторомъ то государстьвя, живъ такъ король. И прозванья яму дали Бѣлоросейскій. И самъ ёнъ Иванъ, и сынъ у яго тожъ Иванъ бывъ. Живутъ да пожаваютъ, ядутъ хлѣбъ да пояда-ютъ. И сынъ гэтый яго большій бывъ охвотьникъ дужа, ходивъ ўсё по хвоти. И много разовъ ходивъ, то ничого й ня видивъ. Одинъ разъ пошовъ, попавъ мужичка худачка, на поли оручи. Кобылка яго дрэнная, жарабочикъ у яѐ хорошій. Уподобалося гэто Ивану Ивановичу. Давай ёнъ у мужичка худачка спрашаватъ: продай мнѣ мужичок-худачокъ гэ-

таго жарабочка!—Ахъ, паничокъ, я самъ радъ, што дождавъ. Отказуеть яму паничокъ: што ты ще не дождавъ, ще тольки увидивъ. А продай, продай, каеть, я табѣ много грошай дамъ!—«А скольки ты мнѣ даси?»—Ды скольки я табѣ дамъ,—я табѣ дамъ сто рублей! А бывало жъ рубъ и то большія гроши, а сто рублей, гэто уже дужа много. Подумавъ, подумавъ, гэтый мужичокъ: а, отдамъ, каеть, нехай сабѣ!—Да ты, каеть, купишъ сабѣ за гэты гроши четыре кони, а захочешъ два, дакъ ты хозяйство сабѣ наживешъ. Ну, и отдавъ. Ёнъ забрытавъ яго и повёвъ. такъ што кобыла гэта не зарзала, жарабочекъ не запищёвъ. Потомъ привóдить домовъ, поставивъ на стайню. Потомъ, тую жъ самую ночь, сснилося яго батьку Ивану: што купивъ твой сынъ жарабка сабѣ на споминаньня, а батьковой головѣ на стенаньня! Тяперъ ёнъ уставъ, сядить и думаеть: «што зь гэстаго будеть? Возьму тка я сонникъ, погляджу, ти ня увиджу я што про гэто!» И такъ ёнъ сабѣ разобравъ, што гэто нехорошо тыки яму. Тоды ёнъ думаеть самъ сабѣ: ну, лѣпи жъ возьму я иго, да маленькаго страчу, утоплю, хуть не такъ мнѣ жалко будеть! Давъ Богъ день, отъ ёнъ у день позвавъ яго къ сабѣ: Иванъ, каеть: ходитка я табѣ нѣшто скажу! Ёнъ пришовъ: а што, тата, скажашъ? Пойдемъ-тка, каеть, съ тобой, покажу я табѣ границу на мори, боты ище малъ, а я старъ, часомъ скоро помру, ты ня будешъ вѣдать ничого! —«А пойдемъ, тата!» Яму не такъ гэта граница, якъ абы бѣгчи. Пошли. Идеть ёнъ сабѣ да й раздумався, гэтый батька, што плохія такія думки у яго на мозгахъ. Идеть сабѣ утупившись, никуды не глянеть. А гэтый Иванъ, яго сынъ, усё бѣгаеть—у водинъ бокъ забяжить, у другій забяжить. Потомъ забѣгъ,—стоить яблонка, и на ей ёсь яблочки; ёнъ узявъ шибнёвъ и ставъ шибать, и яблочки збивать. Яблонка гэта яму говорить: Иванька, Иванька, ахъ ты королевичъ! Не зьбивай ты моихъ яблочекъ. А отъ, ёсь на мнѣ сухоя сучча, возьми, наломай ты два пучки, навяжи—одинъ подвяжи подъ одну паху, а другій подъ другую—табѣ усётки къ ночи къ тёмной згодитца! Ёнъ здѣлавъ, наломавъ, навязавъ, и потъ пахи подвязавъ. И побѣхъ услѣдъ за батькомъ. Батька на яго усердився, зачимъ ёнъ абы куда забѣгаеть: зачимъ ты, каеть, забѣгаешъ, чаму ты ня йдешъ услѣдъ за мной?—«А я, каеть, забѣгавъ туды-сюды, яблочки, каеть, збивавъ!» А гэтаго не сказавъ!—Ну, ходи, каеть, борджѣй! Ну й приходють къ гэтому мору, да й къ синему. Ну вотъ, каеть, поляднтка, дѣ граница, вуунъ, вуунъ бѣлый камень!—«Дѣ, дѣ, каеть, я ня виджу!»—Да вунъ, каеть, подыйди поближи! А тамъ сусимъ ниякого й каменя ня було дажа, на бѣломъ мори. Ёнъ подыйшовъ, да й нагнувся и лядить у мора. Ёнъ яго узявъ да й пихнувъ, батька сына, а самъ, кабъ не бачить и не чуть, якъ ёнъ кричать будить, ни крику, да й ниякого голосу—можа

пожалѣю, думаеть сабѣ, дакъ кабъ ня вытегть,—и побѣгъ оттулятьки.

Ну, якъ ёнъ упавъ у мора, дакъ яго рыбина вяликая и ужрала. Потомъ,—ёнъ занимався папиросками, уже куривъ,—и была у яго сярничка, и ёсь у яго зь естыя яблонки суччa два пучки, отъ ёнъ и ставъ тяпло тамъ класьць. Разложивъ тяпло, ножъ вынявъ, ставъ яе рѣзать тамока, печь и ѣсьти. Проносила яна яго тамъ день, а можа два—не могла вытримать, што ей, значитца, дужа жарко. Ина узяла яго, карханула, да й вонъ на берагъ. Ну, а якая тамъ на ёмъ была одежа, дакъ и погнила, и остався ёнъ голый. И думаеть ёнъ тогды сабѣ, на берази: куды мнѣ ити, што робить, домовъ мнѣ ити, дакъ не ўтопивъ батька—дакъ засячеть, абы завѣсить—пойду, куды вочи глядять. Надумався: пойду на шляхъ, попростому на госьтинецъ. Хай тамъ тыки боли люди ходють и ѣздють и сидять ли дороги; и можа хто мяне возьметь. И пошовъ и сѣвъ. Полядѣвъ, полядѣвъ, ня чуть никого, да и не видать; хотѣвъ уже убратца оттуль ити, али думаеть сабѣ: нѣ, посяджу, ящо троху. Ажны почувъ, нѣхто стучить—ѣдить. Потомъ и увидивъ; ажъ, зъ большой карэтой. И такъ яму стало тогды стыдно (неувага). Нѣ, каеть, гэтыхъ пропущу, сыйду на бокъ, заховаюсь, бо гэто абы якій панъ, абы король,—самъ сабѣ думаеть. Узявъ ды сыйшовъ на бокъ, ды сѣвъ подъ кустъ, схованся. Бѣхъ изь ими маленькій собачка, якъ узбѣхъ на гэтый слѣдъ, прибѣхъ, да й брешеть на гэтаго Иваньку на королевича. Ажно й то ѣхавъ король, другій. Ну, собачка гэтый брешеть на яго. Гэтый король каеть: стой, на хурмана. Иди ты, каеть, поляди, гэто собака не такъ брешеть, тамъ нѣхто ёсь. Ёнъ злѣзъ, гэтый хурманъ, и пошовъ. Приходить туды, ажъ хлопчикъ голый сядить. Тоды ёнъ кажеть: «хлопчикъ нѣйкій голый сядить!»—Якій сабѣ, каеть, ёсь, вяди яго суды!» (по руську). Ёнъ яго узявъ, и привёвъ къ гэтому королю. Чимъ тябе, каеть, зовуть, хлопчикъ? король пытаетца у яго.—«А? каеть, што? мяне чимъ зовуть? мяне зовуть Иваномъ, и батьку тожа мойго Иваномъ!»—А ящо чимъ?—«Королевичемъ». А, ёнъ каеть кучару: гэто пѣвно мой сынъ, у мяне жъ икуратъ такій сынъ. Якъ ты, каеть, пришовъ сюды?—«Да я, каеть, и самъ не знаю,—солгавъ,—хто мяне сюды ти принёсъ, ти привёзъ!»—Ну, якій ёнъ сабѣ ёсь пя ёсв, повязу домовъ. Увяртѣвъ, у свою карэту усадивъ и поѣхали. Ѣхали празъ мясьтечко празъ якоя, ёнъ яму узявъ, да одежу и купивъ, якъ разъ на яго. Привозить домовъ, ажъ и свой сынъ ёсь дома. Якъ привёзъ, злучивъ, дакъ и не ўвознаеть, который сынъ родный, который находный. Ну, каеть, якій сабѣ ёсь, ня ёсь, годуйся, каеть, нехай одинъ сынъ будеть родный, а другій находный. И удалися яны волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо, и ўсё якъ одинъ. Ну, и живуть яны, годуютца, и никбли яны ни за што

не сварутца, вотъ, якъ дѣти, вядо̂мо. Нико̂ли. Такъ одинъ одного и зовуть: ты братецъ родный, а ты братъ находный. Ну, жили, уже яны и и поросьли, и старый уже ставъ гэтый король. Вядомо жъ, скоро казка кажетца, да не такъ яно скоро дѣетца, якъ кажетца. Гэтый король уже ставъ дужа старъ. «Ну, вотъ, дѣти, што я вамъ скажу: одинъ сынъ родный, а другій находный, и распишу я вамъ своё королевство пополамъ, и кабъ вы, по моёй смерти, жили, поживали, и часто мяне поминали. Ну, проживши нямного и помёръ, расписавши имъ своё королевство гэто. Ну, живуть яны, поживають, и часто батьку поминають. А усётки межда сябе хорошо живуть, нико̂ли не сварутца. Живуть и поживають и усё батьку поминаютъ. Ну, потомъ, прожили кольки и кажуть сами мижда сябе удвухъ, разговаруютъ: што ты, каеть, вѣдаешъ, братъ родный: я думаю, кабъ мы который жанилиси. «И я хотѣвъ, каеть, табѣ, братъ находный, давно гэто казать! Я-тки думаю: ты, братъ находный, жанися!»—А нѣ, братъ родный, ты усётки родный, а я находный: табѣ треба упера̂дъ жанитца, а я тольки буду за свата табѣ; я тыки вѣдаю дѣвку добрую!—«Ну, нехай сабѣ буду и я; а дѣ жъ ты вѣдаешъ и дѣвку?»—А вѣдаю, каеть, далёко: ёсь у нѣкоторомъ царстьви, у нѣкоторомъ го̂сударстьви, ти можа у томъ, у якомъ мы живёмъ, и ёсь нѣйкій король, и ёсь у яго одна дочка. Пойдемъ къ ёй у сваты, не такъ—поѣдемъ, а по̂йдемъ. Сходи ты, каеть, на мѣсто!—«Чаго жъ я пойду?»—Купи, каеть, тамъ шѣраго сукна, про̂стого мужицкаго!—Да на што табѣ, ти у насъ надѣть нечаго?—Нѣ, я хо̂чу гэтакаго! Послухавъ ёнъ, пошовъ, гэтый братъ родный. Купивъ гэтаго сукна, шѣраго, простого мужицкаго. Купивъ, приноситъ домовъ. Ну, позвали кравца, и пошивъ гэтый кравецъ сермяжку зъ естаго сукна, и шапку. Пошивъ, и ёнъ надѣвъ, гэтый братъ находный. Во тяперь, каеть, ти ладно? каеть на брата. Якоя ладно, дужа дрэнно, сусимъ нельзя выйти и на люди. Мы жъ тыки назва̂ныя королевичи, а гэтакъ надѣвшиси дрэнно у сермягу. Ёнъ каеть: нехай сабѣ! Ты жъ, братецъ, будешъ молоденецъ, дакъ ты надѣнься ладно, а я ужо вядомый сватъ! Ну вотъ надѣвъ гэтую сермягу, гэтую шапку, да й кажеть: ну, тяперъ жа ты мяне не зови ни Иваномъ, ни братомъ, а зови, што Ивашка—шѣра сермяжка. Тяперъ мяне усюдахъ будуть звать! Ну, выбралиси и пошли ў сваты. Потомъ, подыйшли подъ гэто королевство, куды яны уже йшли у сваты, и послали письмо напѐрадъ, подыйшовши ужо троху. Получивъ гэтый король письмо гэто отъ ихъ: што идёмъ къ табѣ у сваты Бѣлоросейськія королевичи. Потомъ яны идуть, идуть, приходютв у такую пущу, у драмущу, што ни уздумать и ни ўзгадать, и ни ў казцы сказать, ажъ у тэй пущи ляжить чело вѣкъ, надѣвшись дужа крѣпко—штаны суконныя, кожухъ тёплый, ар-

мякъ добрый, и шапка вушатая. Ляжить да усё кричить—а гэто дѣялося улѣтку—да й кричить: аай, стюдёно, аай, стюдёно. Ты сходи-тка, каеть братъ родный, поляди... А нѣ, ты не зови мяне братомъ, скажи: сходитка, сватъ, поляди!—Ну, сходи, сватъ, поляди, што тамъ такоя, мусить, ёнъ намъ знадобитца. Ну, братецъ находный пошовъ, полядѣвъ. Што ты гэто, каеть, ляжишъ, такъ надѣвшись, гэто жъ дужа жарко—у насъ сорочки на спинахъ, и то намъ тяжки.—Ну, а мнѣ, каеть, зимой тёпло, ня то тёпло соусимъ горачо.—Ходи-тка, каеть, изъ нами, можа мы тябе нагрѣемъ.—Ну, пойду! Уставъ и пошовъ разомъ изь ими. Ну й пройшли кольки тамъ уремя—не такъ то скоро дѣетца, якъ скоро кажетца,—приходють у такоя поля вяликая, што ни ўздумать, ни ўзгадать и ни ў казцы сказать. На тымъ поли тожъ повзаеть и усё собираеть разныхъ тамъ и жабъ и козявокъ, разное тамъ поскудство: тамъ и жуковъ, и мухъ тамъ, и кричить: ѣсьти! Бо яго уже мужики выгнали изъ дяревни, што ёнъ усё побъядàвъ и никòли не наѣвся. Тогды ёнъ каеть, Ивашка гэтый шѣра сермяжка: што я, каеть, усё тябе буду слухать,—сходи-тку ты поляди, што тамъ за человѣкъ такій? Пошовъ гэтый молоденецъ и полядѣвъ. Каеть:человѣкъ, собираеть усё да ѣсь, и кричить: ѣсьти. Чаго ты кричишъ,каеть: ты жъ бы пошовъ у дяревню, да й подъѣвъ хлѣба!—«А мнѣ, каетв, хлѣба много треба!»—Ну, дакъ ходи ты зъ нами, можа мы тябе накòрмимъ!—«О ёей, зачимъ, кажеть—пойду!» Ну, идуть учатырохъ уже разомъ. Пройшли кольки уремя знова, не такъ жа скоро дѣетца, якъ скоро кажетца—проходють опять у пущу у драмущу, што ни ўздумать, ни ўзгадать, и ни ўказцы сказать. И потомъ кричить тамъ—пить! и якразъ по бороду у водѣ стоить у возярў. И почули гэтыя жъ сваты, што ёнъ кричить: ай пить, ай пить! Кажеть гэтый уже Ивашка шѣра сермяжка: сходи-тка ты, каеть, поляди, хто гэто тамъ кричить и дѣ. Пошовъ гэтый молоденецъ туды и полядѣвъ, ажъ стоить человѣкъ у водѣ, и по самую бородў, ды й кричить: пить. Аяяй, каеть, чаго ты кричишъ гэто, у водѣ стоючи? Трошку присядь, ня боли, якъ на вяршокъ, дакъ и напъёсься.—Ага, каеть, дякую табѣ за твою добрую ласку, я жъ якъ напъюся, дакъ усю водў и выпъю, а тогды другій разъ што я буду пить?—Да нутка, ну, каеть, согнися трошку, да й воды напися! А што жъ ты мнѣ даси тогды, якъ я выпъю?—Нў вотъ!—Гляди жъ, кабъ правда гэта твоя была. Ёнъ пригнувся, якъ сморганувъ—такъ усю отразу и проглынувъ. Осталися тамъ раки и рыба, и жабы. Гэтый объядало туды тогды, да нутка терабить, терабить. Поѣвъ усё, почисьтивъ. Тогды ёнъ: ну, што ты, опивала, напився?—А дякуй табѣ за добрую ласку: напився, што я буду у другій разъ пить? Напився; не напився, тольки разозлився!—Ну, ходи разомъ, можа напоимъ мы тябе! А ты, объядала, наѣвся?—«Ахъ, кабъ я, каеть, наѣвся, то бъ я

и соусимъ рассѣвся!»—Ну, пойдемъ разомъ уси.—«Да ужо тяперъ кабъ вы и не хотѣли мяне узять, дакъ ба я пошовъ». Ну й пошли разомъ. Ишли яны нѣскульки уремя—не такъ жа скоро дѣетца, якъ скоро кажетца, и подходють къ гэтому королю. И признаваютца, што такія и такія идуть сваты къ табѣ у сваты. Ёнъ кажеть имъ: ходитя, ходитя, я довго жду гэтакихъ: я ли васъ уже, ли подорожныхъ людей, приготовивъ уже лазьню!—Охъ, дякуй табѣ: намъ гэто дужа добро подорожнымъ людёмъ, што мы къ вамъ идёмъ.—Ну, ходитя, ходитя борджѣй. Отъ яны подходють—ящо можа вёрстъ пять було отъ гэтой лазьни, а лазьня гэта цугунная, да такъ натоплена, што ажъ червона. Отъ имъ такъ горача дужа. А гэтый Морозъ радъ: о, тутъ нагрѣюся! Ну, гэтый Ивашка шѣра сермяжка каеть: ну, Морозъ, поскорѣй жа грѣйся, поскорѣй, а то намъ горача. Гэтый Морозъ, покинувши ихъ, да ще ближы побѣгъ къ гэтой лазьни, узявъ да штаны зьдѣвъ, да якъ пусьтивъ духъ, такъ у гэтой лазьни ажно вода замерзла. Такъ яны уси туды бягомъ, отъ и стали тамъ стукать гэтыми котлами. А тогды кажуть: вотъ, король: не собравъ у усимъ своимъ королевстьви дровъ, и лазьни не натопивъ хорошо!—Ну, однако сваты! гэто король уже каеть.—Ну сваты, не сваты, коли бъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли.—Ну, тяперъ вамъ можа хочетца выпить?—Оѣей: зачимъ!—Ну коли выпъетя, кольки ёсь у моимъ дворцу вина и горѣлки, усю коли выпъетя—дакъ отдамъ дочку за васъ замужъ!—Ну, што будеть? Опивала: ти бярэсься ты?—«Попъёмъ! (шепчутся) Вы тольки што смашнѣйшая—тоя питя, а мнѣ усё кидайтя». Ну й пошли яны у порадокъ. Вялѣвъ гэтый король кольки ёсь вина и горѣлки, вялѣвъ выставить на дворъ. Ну, яны выпили тамъ, Опивала усё попивъ, яны мало пили. Объядала жджёть, ти скоро дадуть ѣсьти. Попили усё, тоды и кажуть яму: ахъ, ты король, король! на пять человѣкъ ты й то жъ не собравъ напоить, намъ ящо мало.—Ну, однача сваты! гэтый король уже каеть.—Ну, сваты не сваты, колибъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли. Ну, тяперъ ѣсь ти хочетя?—Оохъ, зачимъ? Помывшиси, да напившиси, дакъ добро бъ подьѣли! Приказавъ гэтый король своимъ слугамъ—кольки ёсь у яго воловъ, коровъ усихъ порѣзать, котлы на дворѣ повѣсить и мясо гэго поварить, и сватовъ накормить. Ну, порѣзали, поварили. Сватовъ кормили, да не накормили. Объядала гэтый и пошовъ по своему: вы, каеть, выбирайтя сабѣ, што потлусьтѣй, а мнѣ, каеть, усё кидайтя и косьти, усё! Ну, и попили и поѣли усё гэто. Тогды кажуть: аай! король, король! не собравъ, чимъ и сватовъ накормить. Ѣли, ѣли и не подъѣли! Ну, король гэтый и кажеть: однача сваты. Ну, сваты не сваты, колибъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли.—Ну, тяперъ сабѣ можетя отправлятца, и тамъ на якоя число можетя пріѣхать, со-

ўсимъ на вясельля! Ну, яны зъ гэстымъ съ королемъ распрощалися и поцалувалися. Пошли назадъ своей дорогой. Приходютъ жа къ тому мѣсту, идѣ кричавъ пить Опивала, пошовъ узновъ у своё тоя возяркô—воды уже повно. Дякуй вамъ, што вы мяне хоть разъ напоили! Улѣзъ—якъ кричавъ, такъ и кричить—пить! Гэты остальнэя пошли дали своёй дорогой. Приходютъ жа узнова къ тому мѣсту, дѣ кричавъ тэй Обжора. И пошовъ: дякуй вамъ, што вы мяне хоть разъ накормили на моихъ вяку! Ну, и пошли остальнэя дальшы дорогой своей. Приходютъ зновакъ тому мѣсту, дѣ гэтый Морозъ казавъ, стидёно. Дякуй вамъ, каетъ, што мяне на моёмъ вяку хоть разъ вы нагрѣли! И пошовъ. Якъ кричавъ, такъ и кричитъ. А гэтыя жъ у двухъ браты пошли домовъ, братъ родный и знаходный. Пришли домовъ, много ня думавши, поѣхали на вясельля. Братъ гэтый родный кяжетъ: ахъ, братецъ знаходный! поѣдемъ мы на вясельля, дакъ скинь ты гэту свою сермяжку, а то будетъ намъ дужа стыдно. А ёнъ каетъ: а нехай сабѣ—якiй свату стыдъ! Потомъ, ня довго думаючи, стали яны собиратъ прочихъ королёвъ на вясельля, вясельля гулятъ начинатъ. Ну, и собралися ѣхатъ. Ну, якъ увидѣли, што ёнъ гэтакъ надѣвшись, Ивашка, шѣрая сермяжка: на што ёнъ намъ гэтакiй? будетъ намъ дужа стыдно, што мы ѣдемъ прибравшиси дужа пригожа. А тэй жа кажетъ: якъ жа намъ ѣхатъ безъ свата? мы яго сховаемъ мижда насъ, ёнъ никôму ня будетъ виденъ! Нѣ, каетъ, будемъ съ каретъ вылѣзатъ, будетъ усякому видатъ! Ну, потомъ узяли-тки яго. Ѣдутъ, ѣдутъ, да ўсё поговаруютъ: нѣ, нѣшто намъ нехорошо! Вôзьмемъ, да яго засячёмъ, гэто ёнъ насъ дужа стыдитъ!—Ай нѣ, каетъ: куды мы поѣдемъ безъ яго? Усётки ёнъ нашъ попутчикъ, ёнъ жа нашъ сватъ!—Нѣ! ну хоть такъ скинемъ!—Ну, кидайтя, тольки бы не губитя—усё тэй молодёнъ ихъ проситъ. А ёнъ сядитъ, бытто бы и ничого ня чуетъ. Ёнъ то ня дужа ихъ боитца. Потомъ ня ўтѐрпѣли, узяли, скинули съ своѐ кареты. Ёнъ бѣгчи услѣдъ, да—ахъ, Божа мой, Божа мой, за што я такъ горую? Дай мнѣ, Божа, каетъ, коня, кабъ полѣпи за ихъ. Такъ и давъ Бохъ яму. Ёнъ сѣвъ, за сватами и поѣхавъ. И такiй ёнъ, што ни ўздуматъ, ни згадатъ, ни ў казцы разсказатъ, што прамо вотъ позлачано ажны. И наперадъ заѣхавъ имъ. Якъ былô имъ стыдно, дакъ ящо боли стало: што гэтакiй сермяжка, да ѣдетъ на такомъ добромъ кони. Потомъ яны кажутъ: нѣ, мы тыки усё яго засячёмъ, гэтаго Ивашку шѣрая сѐрмяжка! Ай ну, братцы: ну, што вы кажетя—молоденецъ гэтакъ—досъ вы яго разъ скинули. Лѣпи мы узнова возьмемъ яго, а гэтаго коня посяродъ возьмемъ, ёнъ будетъ усихъ окрашатъ, якъ будетъ ѣхатъ. Ну, потомъ яны послухали гэтаго молоденца, яго къ сабѣ узялѝ, а гэтаго коня межда своихъ упраглѝ. И поѣхали дальшъ. И недалеко уже до гэтаго короля, посылаютъ яны попераду

письмо, кабъ король прислявъ подъ молодого коній, бо далекая перяѣздка. А то ихъ уже бытцамъ то пристали. Потомъ уѣхали у нѣйкая мястечко, и живъ тамъ коваль, и ўсё ковавъ и приковувавъ, и плескавъ и приплёскувавъ. Гэтый Ивашка кажеть: стойтя, каеть, тутъ! Тутъ мнѣ одна вещь треба. Ёнъ злѣзъ, идеть къ гэтому ковалю. «Помогай Бохъ!" говорить.—Дякуй, Ивашка шѣрая сермяжка!—«Послухай ты мяне, што я табѣ скажу!»—Нутка, што?—«Скуй ты мнѣ оброть, кабъ тыки покрайней мѣры пудовъ зъ дванадцать!»—Ого, на што табѣ гэтакая?—«Што табѣ до гэтаго—мнѣ треба: табѣ не знать, а мнѣ не сказать, на што гэто!» Э, гэтыя думають сабѣ, которыя ѣхали уже собраны—дружина: гэто жъ ёнъ нѣшто знаеть! А мы яго считали за такого человѣка за дреннаго Потомъ яны поѣхали даляй. Сковавъ коваль оброть, ёнъ ковалю за гэту оброть тоя давъ, што ёнъ сказавъ. Отъѣхали трохи отъ гэтаго короля—присылаеть король подъ молодого кобылу, што зъ дванадцати чартовъ сковавши, кабъ яна уже молодого разнясла и развязла, кабъ николи яго ни увидать и ни спознать. Оохъ! Яна бяжить и гогочеть. Гэтый молодэй хотѣвъ на яе сѣсть. Нѣ, братъ родной, стой, не садися, я-тку сяду, яе объѣду! Узявъ, сѣвъ на свойго коня и наўпроти яе поѣхавъ. Яна подбѣгла къ коню, якъ свиснула у ноздри—конь гэтый и повалився, а ёнъ на яе усхватився, гэтый Ивашка шѣрая сермяжка. Ну, и забрытавъ. Нутку ѣхать да й погонять. Отъ яна яго якъ подняла, дакъ ажъ подъ воболоки. Тутъ гэтый молодецъ думаеть: вотъ пропавъ. Ну, объѣхавъ, яе такъ зьбивъ, што соўсимъ, яна уже и повалилася. Ну и на своихъ коній и поѣхали. Пріѣзжають туды, къ гэтому королю. «Отъ, дякуй табѣ, нашъ сватъ, подославъ нѣйкую чаплю подъ молодого, и пристала соўсимъ. Мусить уже пущѣйшихъ и ня было!»—Оого, кажеть, сваты, однача.—Ну, сваты, не сваты, колибъ не сваты, дакъ къ табѣ бъ у сваты не йшли. Ну, будемъ начинать вясельля гулять. О й стали и вясельля гулять, и молодыхъ гэтыхъ звиньчали. Потомъ, зьвинчавши, по нашаму сказать, побѣдали. Ну, побѣдавши, яна уже говорить, гэта королевна: ахъ Иванька, Иванька, пойдемъ мы на й третьтію атажу, покачаемъ кулю! А ёнъ приказававъ, Ивашка шѣрая сермяжка: гляди, ты пилнуйся мяне, можа я забуду, дакъ ты пилнуйся, одинъ никуды не ходи. Потомъ жа яна выбираеть такій часъ, што гэтый сватъ нѣкуды отвярнувся, отыйшовъ. И подговорила яго, свойго мужа: пойдемъ, покачаемъ съ тобою кульку! Ну й пошли на третьтію тажу. Привяла яго къ такей кульцы, што якъ покатила ды й сказала: перанимай! Дакъ ина и ударилася у стяну и одѣржилася тамъ. Ну и добро, што ёнъ не ставъ перанимать, а то бъ яму тамъ усё. Тогды ина каеть: кати ко мнѣ! А ёнъ сядить надъ ѐй, и не скранувъ. Оглѣдився гэтый Ивашка шѣрая сермяжка, што нема брата родного, ёнъ и

туды, и туды, а потомъ побѣгъ на третьтюю тажу, и попавъ, и такъ сказавъ попростому: ахъ братова, братова, ёнъ ще страмитца, а вы ужо повяли яго кульку качать! Да у насъ ня гэдакъ качають!—А нутка, якъ?—А во якъ. Да якъ ударивъ ногой гэтую кульку, дакъ ина у дворцы кольки стѣнъ проломила и у городѣ провалила. Вотъ якъ у насъ качають! А ёнъ ще страмитца. Ёнъ ба ще лѣпи покативъ!—Ну, потомъ, згуляли вясельля, тутъ жа и 'тправилиси, забравши яе съ собою. Ну, и поѣхали, и пріѣхали у свой дворецъ. Потомъ ина думаеть: стой, якъ ба мнѣ тябе уловить! А ў яе тожъ була шабля пудовъ восемъ. Ну, ёнъ якъ лёгъ спать на своёй посьтели, вясельля згулявши, якъ горѣло тяпло, ёнъ туды клався, якъ и треба: а якъ потушили тяпло, ёнъ перавярнувся—гдѣ голова—тамъ ноги положивъ, а дѣ ноги, тамъ голову. Потомъ яна поткралася, якъ сѣканула—не по головѣ, да по ногахъ—и отсѣкла ноги. И сама скрылась, побѣгла. Ёнъ жа и не закричавъ, и не заякотавъ. А потомъ ёнъ уставъ, да й поповзъ зъ гэтаго дому тожъ на дорогу, на госьтинецъ. Отъ тамъ много ёнъ и мучився—тамъ уже кричавъ и якотавъ. Ажъ тожъ идеть одинъ бязрукій. И почувъ ёнъ, бязрукій: нѣхто кричить и якочить. И пытаетца: хто тутъ кричить да якочить ящо? И тожъ усё ноччу дѣялось. Той бязногій пытаеть: «а хто идеть?»—Да я бязрукій!—Ахъ, Божа мой, каеть: бѣдный бязрукій, ну я бязногій хужи. А ёнъ подыйшовъ: ага, правда, мучисься! Ну што, кажеть бязрукій на бязногаго: кабъ пошли мы умѣсьти?—«Я жъ ня могу. Ти здужаешъ жа ты мяне несьти?»—Поляджу! А ну, подыйшовъ къ яму: а нутка, бярися, бязногій, мнѣ за шію. Такъ ёнъ ощапився и стали гомонить, такъ хай сказать. Куды мы тяперъ, бѣдныя люди? уже бязрукій кажеть на бязногаго. А бязногій кажеть: дякуй Богу што ты трапився; тяперъ я вѣдаю, куды мы пойдемъ. Пойдемъ, дужа у большую пущу, у такую, што несходимую. А бязрукій тогды у бязногаго пытаетца: а што мы тамъ будемъ робить?—А будемъ людей разбивать, ды й гроши отбирать, проходжихъ и проѣжжихъ.—Ого! ты молодецъ!—А я жъ тыки усё думаю: якъ жа намъ хлѣба заробить? гэдакъ тольки. Гэтый бязрукій кажеть: и потомъ правда! Ну, й пошли яны. И начали: якій человѣкъ ѣдеть, яны, што ёсь, у яго отбяруть, абы панъ, абы жидъ, абы купецъ—хто ни попало имъ. Потомъ, якъ зажили грошій много, потомъ подходить уже восянь—стюдёно уже стало. Гэтый бязногій кажеть: што мы будемъ робить: ужо жъ зима?—Я жъ ня вѣдаю, што робить!—Кабъ мы сабѣ хату збудували!—А добро будеть! Ажъ ѣдеть коваль нѣкуды на кирмашъ. Вязеть топоровъ дужа много. Ну, вотъ яны много не брали, а штукъ по пять. Ну, вотъ тяперъ пойдемъ у лѣсъ. Подносить бязрукій бязногаго къ древу, бязногій древо звалить, отсячёть, бязрукій бязногаго понясеть, а бязногій

рукамн тожъ древо тягнетъ. Ну и насѣкли лѣсу и натигали у грудъ и принимаютца хату будуватъ. Хату збудували и печь зляпили: ну и жили дальшъ, поживали. И усё гроши отбирали. Тольки уже стали у жидовъ, у купцовъ, и у пановъ, у поповъ—у кого были гроши. А якій бѣдный идетъ человѣкъ, дакъ яны ще яму дадутъ. Потомъ имъ стало дрянно житъ: што потомютца, придутъ, треба хату топитъ, ѣсьти варитъ, много трудовъ дужа, безпокойства. А што ты вѣдаешъ, бязрукій.—А што, бязногій?—Што я табѣ скажу?—А нутка, кажи!—Я думаю, кабъ мы ходяйку сабѣ дѣ выстарались! Уже зима стала!—А дѣ жъ мы выстараемся!—Да вотъ, бяритка мяне, да няси!—Пойдемъ. А гэто дѣялося у коляды. „А куды мы пойдемъ?“—Ды пойдемъ у дяревню!—«А коли мы пойдемъ?»—Ноччи; тамъ будутъ игрища у корпшмѣ. Тамъ будутъ: дѣвокъ много будетъ, и яны будутъ гулятъ, а тогды выйдутъ на дворъ холодатъ, а мы подойдемъ да подъ вугломъ станемъ, да которую небудь ухапимъ. Ото намъ будетъ ходяйка; да ў гэтакій лѣсъ занясёмъ, яна ня будетъ вѣдатъ куды. Потомъ пошли къ гэтой корпшмѣ. Ажны и правда: играютъ, и скачутъ, и выбягли дѣвки на дворъ. Одна тамъ трошку дали отышла, яны схапили й понясьли. Такъ што нихто и ня чувъ и не бачивъ. Што ина спужалася, дакъ ничого и не говоритъ. Потомъ батька тужитъ—дочка пропала. А матка плачетъ, што й нема вѣдома, дѣ дѣлась сы йгрища—нихто ня чувъ и не бачивъ. И не знаютъ, якъ яе поминать—ти яе ховтуры отправлятъ. Такъ потужили да поплакали, на гэтомъ и осталося. А бязрукій и бязногій дѣвку понясьли. И принясьли у свою хату, и кажутъ ёй: нябось, нябось, будетъ табѣ добро у насъ. Будутъ якія жиды дорогой вёзьти муку, крупы, мы отбяромъ и сюда къ табѣ принясемъ, а ты напячешъ и наваришъ, сама подъяси и насъ накормишъ. Проживши троху, оглѣдилася ина, обдумалася. Першъ задумалася, засмутѣла, ажъ схудѣла, а потомъ забылася, да й поправилася, посытѣла. Ну и живетъ, и хорошо. Потомъ проживши, унадилася къ ей баба. И такъ привыкла, што уже сама сабѣ кажетъ баба, што уже нихто мяне не отучитъ отгэтуль. А якая баба?—Юга!—Да ще къ тому у яе зялѣзна нога, на зялѣзной ступи ѣздитъ, зялѣзными товкачами погоняетъ, и нукаетъ, и понукаваетъ, и ўсё къ гэтой дѣвцы. Пріѣжжаетъ ина къ ей ноччи, якъ пойдетъ бязрукій изъ бязногимъ гроши отбиратъ, а дѣвка одна останѐтца. Отъ ина тогды ѣдетъ. И пріѣдетъ къ гэтой хати и першій разъ скажетъ: дѣвка, моё дитятка, отчини мнѣ! Ина отчинила, и бабу упустила. Вотъ, поищи, моё дитятка у головѣ. Ина яе почала йскатъ, а яна дудку приправила къ серцу, да давай кровъ ссатъ. Ну, и нассалася. Потомъ на гэту ступу сѣла и поѣхала. Приходютъ гэтый бязрукій зъ бязногимъ, уже якъ давъ Богъ день. Ну, готова, ядаʔ—Готова, дядячки! Ну

подъѣли, лягли спать. Выспалиси, побѣдали, потомъ скоро вечаръ подышовъ, узнова пошли у свой обходъ. Гэта баба узнова ноччи прiѣжжаетъ, къ гэтой дѣвцы да й гукаетъ яе: отчини двери. Ина отчинила: ищи, скурва дочь, ў мяне у головѣ! Тогды уже, привыкла баба, смѣла. Ина и ищетъ, а яна кровъ ссетъ у яѐ. Потомъ за гэтыхъ два разы уже гэтый бязрукiй зъ бязногимъ узнали: што гэто дѣвка бѣлая, чуть ходить. И говоритъ бязрукому «што гэто, братъ, наша дѣвка гэта худая, што яна ажъ валяетца. Я думаю, ти ня ты, братъ, изъ ей!—И што ты, гэто братъ? Я гляжу да думаю: ти ня ты гэто зь ей!—Я нѣ!—Ну и я нѣ!—Будемъ тка у яе пытатца: чаго яна?—Ну, будемъ. Дѣвка, чаго гэто ты такая худая; ти табѣ хлѣба мало, ти чаго?—«Ай, дяденьки, ня вѣдаетя вы...» —А што?—Якъ вы пойдетя тольки, а ко мнѣ баба прiѣдетъ, нѣйкая Юга, да йще у яе зялѣзна нога, на зялѣзной ступи ѣдетъ, зялѣзными товкачами погоняетъ, и нукаетъ и понукаетъ, скажетъ: отчини мнѣ! Тогды придетъ, да кровъ мою тягнетъ, ссетъ!—Ага, постойтка, кажетъ, мы яе уловимъ. Ну мы сягодняшню ночь ня пойдемъ никуды, а гэту бабу уловимъ! Ну, пришла ночь, ина легла, гэта дѣвка, спать, а яны стали гэту бабу пилнувать. Ажъ такъ подъ повночь: ѣдетъ! Дѣвка отчинила. А яны яе хорошенько, узяли ды ў зялѣзную ступу усадили у гэтую, што ина ѣхала, да й давай товчи. Товкли, товкли, много дужа. Стойтя, бязрукiй зъ бязногимъ; ня битя мяне, ня товчитя мяне! Я вамъ што небудь скажу!—Што ты намъ скажешъ?—Хорошая! Тольки пусьтитя мяне: будутъ у васъ и руки и ноги!—А нутка, яны уже кажутъ—нутка, тогды пусьтимъ!—Ходитя за мной. Яны идутъ, яе держать. Приводитъ ина ихъ къ колодежу. Отъ, мочитя тутъ—руки и ноги будутъ. Гэтый жа бязрукiй хотѣвъ скорѣй туды руки уткнуть своѐ, цыбы, а тэй каетъ: нѣ, братъ, стой! Узявъ, оторвавъ сукъ изъ древа изъ листомъ и помочивъ: сычасъ жа иссохъ, совсимъ! Стой, братъ, би бабу боли! Давайтка горши пяредняго бить, якъ упорадъ ще били. Били, били, потомъ ина просится у ихъ: стойтя, бязрукiй и бязногiй—будутъ у васъ руки и ноги!—Ну, добро! Ходитя за мной. Пройшли троху, ажно ще колодежъ. Вотъ тутъ, каетъ, мочитя! Гэтый жа узнова бязрукiй хотѣвъ узновъ скорѣй, а бязногiй каетъ: нѣ, братъ, стой, треба и тутъ попядѣть. Узявъ, гнилый пень отломивъ, да ў гэту воду помочивъ. Сычасъ отростки пошли. Пусьтивъ сучча, отростки—и зялѣный! Ну вотъ, мочи тяперъ! Помочили! Руки и ноги у ихъ стали. Би бабу боли! Тяперъ намъ лѣпи, уже зъ руками и зъ ногами! Давайтка бить; били, били, били, были, и покинули чуть што живую. Тогды который бывъ бязрукiй, да на бязногаго: што мы, братъ, будемъ зь ей дѣлать, ти покинемъ?—Э, братъ, покинувши, ина отживетъ тутъ! А ў тымъ лѣси тамока нѣколи дѣлали дубъ люди,

дакъ пни такея широкія, дужа большея, дубовыя. Отъ што мы, братъ зробимъ изъ ей!—А што?—Во̀зьмемъ, пень гэтый ращепимъ, клиньня натешимъ, а ў бабы гэтыя волосы довгія. Коло клиньня обкрутимъ, да ў щелку у гету й загонимъ!—А, братъ, гэто до̀бро! Узяли и здѣлали гэтакъ, засадили гэту бабу туды. Потомъ пошли. И рады яны, што у ихъ ёсь руки и ноги. Приходють домовъ у свою хату. Дѣвка каеть: а што, дяденьки, дѣ баба?—Ну, баба, каеть, нико̀ли ня выйдеть, мы яе у добрая мѣсто посадили!—А дай жа Божа!—Пень дубовый, каеть, расьняпили да яе коло клиньня волосы обкрутили, да яе туды й засадили. Дѣвка кажеть: «а ти жива йна?»—Ды, каеть, трошку, чуть, чуть живая!—Ахъ дяденьки, ина отживеть!—Ня можно быть! Ина тамъ ссохнеть и здохнеть!—Отъ, сходитя тольки, поглядитя, што нема яе!—А што ты думаешъ, пойдемтка, братъ, а можа и правда! Да й пошли. Приходють туды, къ гэтому мѣсту —ажъ нема ни бабы, ни пня! Ажъ ина якъ отдыхнула, дакъ пень вырвала изъ волосами и потягнула! Ну што, пойдемъ, братъ, шукать, бо будеть и намъ трудно. Яны іэто слѣдомъ, ажъ приходють: такій домъ вяликій, каменный, мурованый! Уходють туды, ажны дѣвка, такая пригожая, печку топить и блины пячеть. Яны кажуть: здорово табѣ, дѣвка?—Здорово, добрыя молотцы! чаго вы ходитя?—Одного дѣла шу̀каемъ—Ага! я вѣдаю! гэто вы мою матку забили! О, ина до̀бро чухаеть зъ вашихъ рукъ! Ну, постойтя; коли возьмитя мяне замужъ который, дакъ покажу, дѣ яна. А ня во̀зьметя, дакъ ина отдыхнеть, разорить васъ, прамо поѣсь!—Во̀зьмемъ! Покажи, адѣ ина?—Да онъ, у тымъ и тымъ, каеть, пограби! Ну, вотъ яны зъ напалу, якъ ско̀чили на яе, дакъ прамо и разорвали, не дали ёй поправитца. Ну, да й грудъ тамъ осиновый бывъ такій, вядо̀мо у лѣси. Яны запалили, яе на грудъ ускинули; яна й згорѣла. То уже ня 'тживеть во вѣкъ, николи. Ну вотъ, и приходють къ ёй назадъ. А што, што здѣлали зъ моей маткой?—Да нема ўжо!—Ну вотъ, я тяперъ зь вамъ пойду!—А нѣ, чагожъ табѣ ити, ты тутъ обож джи!—Нѣ, пойду!—Яны кауть сами мижда сябе: ну, нехай! Ну, ходи! Ну̀ й приходють къ своей уже хати. Тогды: ну што, братъ, ты вѣдаешъ: табѣ треба жанитца—бязрукій на бязногаго. Нѣ, братъ, у мяне много дяловъ! табѣ, дакъ яно прихо̀дно! Мнѣ, братъ, ящо треба довѣдатца, якъ мой братъ живеть ро̀дный! Такъ, много не говоривши, гэтый кажеть: ну и нехай сабѣ!—Ну, братъ, а треба жъ намъ свою дѣвку, каеть, отнѐсьти къ яе батьку!—Ну, отнясёмъ! Тамъ што было у ихъ уже грошай у́ного, наживши, яны узяли гэтой дѣвцы—ня то што тамъ лѝчили абы што,— такъ гарцы два, абы три отсыпали ёй. Ну, кауть, дѣвка, иди сабѣ къ батьку!—А, дяденьки, я жъ ня вѣдаю дороги, я жъ ба давно утякла̀ отъ васъ! А! Ну, яны отнясьли̇̀ яѐ къ батьку, и яе батьку подяковали. Ну, и

пошли. Пришли домовъ, занялися вясельля гулять. Згулявши вясельля, тэй кажеть, што бывъ бязрукій: ну, братъ, будемъ жа дялитца!—А будемъ сабѣ!—Будимъ гроши дялить! А братъ: на што яны мнѣ? Ты ихъ и не няси, я кольки небудь возьму сабѣ на дорогу! Нехай у тябе будуть. Я, Богъ вѣдаеть коли ще, буду займатца житьтёмъ. Ну и разойшлись. Подяковали одинъ одному и разыйшлиси. Тэй застався тамъ, бязрукій, а бязногій пошовъ. Приходить къ свойму королевству, дѣ годовався, къ брату родному. Ажъ яго братъ свиней пасьтить! Што, братъ, ужѐ свиней пасьтишъ?—А здоровъ, здоровъ, братъ знаходный. Здоровъ, братъ родный—доживсся!—А дякуй табѣ, братъ знаходный, ты мяне дужа наставивъ на житьтё!—Уже бытто сварiтца. Ну дакъ, а што жъ я, каеть, што жъ я вѣдавъ гэто? Дайка мнѣ, каеть, пугу!—Нѣ подожджи, братъ. Мы ще хочемъ съ тобой поговорить, братъ находный!—Ну, што?—Дѣ ты бывъ догэтуль?—Идѣ бывъ, ходивъ ноги зароблять!—А дѣ твоѐ ноги? У тябе жъ твоѐ ноги и были и ёсь?—А, ёсь, гэто жъ я заробивъ сабѣ ноги. Твоя жъ жонка мнѣ отсѣкла ноги. Хотѣла голову отсѣчь, да дякуй Богу, што ноги. Ну потомъ, во тяперъ дайтка, дай пугу!—Усё пугу дай!—Нѣ, братъ, подожджи, я табѣ разскажу ще дно!—Ну што?—Дужа мнѣ художить!—Да я вѣдаю, што худо! Ня усё ты вѣдаешъ: вотъ ящо ёсь у гэта свиньня во бѣлая, дакъ я постоянно ёй цалую. Якъ пригонишъ домовъ, яна сичасъ: а с. с., пришовъ! Бѣлка, разставъ ноги, цалуй, с. с. Я й цалую ёй подъ хвостъ!—«Ну, тяперъ, дайтка, дай, каеть, пугу!» усё пугу доходить! Ну на! А якъ жа, каеть, куды жъ я пойду?—Да йдитка къ ковалю, здѣлайтка тамъ прутики сотри такого мяккаго зялѣза и со три сухого, крушнаго! Ёнъ пошовъ и здѣлавъ, гэтыхъ шесь прутковъ у коваля, и приходить къ яму. Иди жъ ты, каеть, узлѣзь на лазьню, да й сяди тамъ, покуль што, жджи тамъ, покуль што будеть! Дай ка мнѣ свою одѐжу!—Ну, й перамянили яны одежу, тэй того надѣвъ, а тэй того. Ну, потомъ, и отправився на гэту лазьню, пошовъ, гэтый пастухъ. А ёнъ сичасъ, колъ на плечи, да й нутка гэтыхъ свиней бить да гнать домовъ. И узгоняеть на дворъ, а ина гэто и почула, што свиньни пищать, скогочуть—вышла на ганокъ да й глядить. Ажъ ёнъ гонить и бъѐть. А каеть с. с., ти ты уже гэтакъ! А, скурвый сынъ, постой, догэтуль ты й живъ!—А вовкъ тябе ѣжъ съ свиньнями! Докуль я буду пасьтить?—Вотъ я тябе, каеть, засяку!—Чортъ тябе забяри: разъ умирать! каеть. Потомъ принимаетца къ яму. А ёнъ каеть: а уже подожджи, не сячи мяне, а лѣпи скажи вытопить лазьню, дакъ вымыюсь,—нечаго рукъ нихто ня будеть шкаредить надо мной, мыть,—такъ прамо у ямку и зарыешъ!—А, каеть, правда: дѣвка, иди топи лазьню, хай гэтый скурвый сынъ хай отмыетца. Ну, потомъ, вытопила лазьню. Ну, ёнъ

пошовъ мытца. И тамъ довго сабѣ сядиӣь. Ина ждала, ждала,—нема! Эхъ, разсердилася дужа. Ухапила свою шаблю и побѣгла со злосьти. Якъ бѣгла, тольки ина у двери, а ёнъ яе за косы, ды объ зѐмлю, ды нутка! Ахъ, Господи, подайтка мнѣ, говориӣь, пруточки со три, хорошенькихъ сухонькихъ. А яе мужикъ оттуль зъ лазьни—кидѐль, оттуль зверху. Якъ ставъ ёнъ яе биӣь, а яна кричаӣь, да ще къ тому якотаӣь: аяяй, зязюлечки, а кукулечки, а голубчикъ мой! Ня буду! николи ня буду, буду почитаӣь за короля и узываӣь королёмъ!—Нѣ! поломавъ гэтыя прутки. Подайтка ящо мякчѣйшихъ Божа мой! Ёнъ тогды пялёхъ, ящо три прутки яму. Отъ ёнъ тыми ящо больши! Якъ ставъ биӣь—бъеӣь, да й приказуеӣь: ô табѣ пастухъ, ô табѣ свинопасъ! во табѣ: Бѣлка, разставъ ноги—цалуй, скурвый сынъ, Бѣлцы подъ хвостъ! Я табѣ усё зважавъ, кольки годъ ӣярпѣвъ, усё спробовавъ, што съ ӣябе будеӣь!—Миленькій, родненькій! николи гэтаго ня будеӣь боли!—Нѣ, неправду ты кажашъ. Ина яму ноги цалуеӣь, пальцы нàкрыжъ складаеӣь и перадъ имъ присягаеӣь! Ну й пусьӣивъ! Отъ ина идеӣь: ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Якъ пришла домовъ: ахъ, запрагайӣя коній, ѣдьӣя по короля, борджѣй тольки. А ёнъ каеӣь: ну, братъ, лѣзь борджѣй зъ лазьни! И узнова перамяніли одежи, усякій свою надѣвъ. Полѣзъ тогды тэй братъ находный на лазьню, а гэтый уже сядиӣь такъ. Ажъ сычасъ за имъ пріѣжжаюӣь. Ахъ, братъ: я жъ боюсь ящо остатца безъ ӣябе!—Ну, ничòго, будеть хорошо! Ты, братъ, будь тутъ, живи!—Нѣ, братъ, ня можно, мнѣ треба йӣи къ свойму баӣьку довѣдатца, якъ ёнъ: ӣи живъ ёнъ, ӣи нѣ? Ну оставайся здоровъ! И пріѣхали, яго ўзяли. Ну, а ты, братъ, иди здоровъ, находный! Вотъ ёнъ остався, хорошо яму стало жиӣь: стали яго почитаӣь и королёмъ зваӣь уси, ня то што ина одна (повбогатыра бывъ). А тэй и пошовъ сабѣ, и бытца што коноваломъ. Приходиӣь у якую дяревню и кажеӣь: нема у васъ жарабковъ класьӣи, лехчать?—Нѣ, у насъ нема. Пошовъ дали. Приходиӣь у своё королевство и ўсё пытаетца—у якую дяревню придеӣь: ӣи ня ёсь у васъ жарабцовъ класьӣи?—Нема, добрый коновалъ! У нашаго короля ёсь, ужо годовъ тридцаӣь стоиӣь на стайни жарабокъ, ды нихто яго не положиӣь и не полехчаеӣь.—Ну, што такъ?—Такъ, што ёнъ неплатный, жарабокъ гэтый, али завѣтный—хто злегчаеӣь, дакъ королю голову зниметь, а коли нѣ, дакъ королёва мечь—а коновалова голова съ плечь, да на тычину и усторнуӣь!—Ого, ну вотъ ящо якія дурни! Што-то за коновалы, што жарабка не злегчаӣь! Мужуки кажуӣь: а нѣ! ня гэтакія приходили, а то найшовся нѣйкій курганъ! Ёнъ низкій бывъ. Ну, нехай сабѣ курганъ! а я тыки усё яго покладу и злехчаю! Мужуки гэтыя кажуӣь: ахъ, нутка, иди: уже тамъ девяӣь тычинъ изъ головами, тольки уже твоѐ нема!—Да й пойду!—Э, нѣйкій, каеӣь, курганъ нашов-

ся, хвалитца во тутъ! Отъ, и пошовъ. Приходи̅ть у свой дворецъ. Ажны ся̅ди̅ть яго ба̅тька на ганку сивэй, сивэй, да ўже дужа старый. Здорово табѣ, король! —Здорово, добрый коновалъ! Казали мнѣ мужуки, што у т̅ябе ёсь жарабокъ у стайни не злехча̀ный?—Ёсь! А ты злехчаешъ?—Злехчаю! —Ну, гля̅дитка! Тольки вотъ одна тычина заста̀лася—муси̅ть тутъ твоя голова бу̅де̅ть!—А ўжо поля̅дймъ?—Злехчаешъ ты мойго жарабка, дакъ мнѣ голову знимешъ, а не злехчаешъ—дакъ моя мечь, а твоя голова съ плечь, и вотъ на тычину утъ на гэту!—А ёнъ кае̅ть: ну, вотъ, поля̅димъ! Якъ засвиставъ—а стайня муруваная, и д̅ьвери зял̅ѣзныя. А жарабокъ якъ зарзавъ—а стайня тогды пополамъ и развалилася! А жарабокъ съ цѣпа сорвався, и къ яму тогды прискочивъ, да й загоготавъ ящо больши! Т̅иху, т̅иху, мой жарабокъ, т̅иху! Отъ тогды ба̅тька и спужався. Отъ якій попався. Ёнъ яго своёй ладоньню по за̀дку ударивъ, ёнъ ставъ и ноги расклавъ, ёнъ яму и... ёнъ яго и злехчавъ, стоючи, не клавши. Ну й подно̀си̅ть къ гэтому королю, ды къ ба̅тьку свойму: т̅и знаешъ ты мяне, король, хто я ёсь?—Не знаю и ня вѣ̅даю!—Сынъ жа я твой!—Ага, сынокъ, правда твоя, да не моя. Усётки жъ вотъ сонъ справ̅дивъ. Ну, вотъ, воля твоя, што хочешъ, то робъ со мной. Ёнъ узявъ на предметъ, да й палецъ сабѣ отсѣкъ. Вотъ, слухай, ба̅тька, што гэто нико̀ли ни̅дѣ не було, а бу̅де̅ть дакъ ня вѣ̅даю—т̅и бу̅де̅ть, т̅и нѣ, што кабъ сынъ ба̅тьку голову̀ отсѣкъ. Вотъ ёнъ узрадовався, ба̅тька, и радъ, што сына доставъ. Бывши утопивъ, а то и живый ставъ. Вотъ зъ радось̅ти ба̅тька справивъ пиръ на ўвесь миръ, и ўси лю̅ди пировали, пили, гуляли. И я ящо тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по бородѣ тякло̀, а ў ротъ ни попало.

М. Обчуга, сѣнненск. у. Отъ кр. Филонова, 28 л. малограмотнаго записано мною.

49. Микита дуракъ.

Нѣўкоторомъ царстви, нѣўкоторомъ государстви жывъ сабѣ такъ одинъ чаловѣкъ законный. И мѣвъ саби трохъ сыновъ. Два такъ и сякъ, а третьтій Микита дуракъ. Ёнъ поклавъ ихъ спати, и накладавъ на ихъ сонъ. И будя старшаго прэжди, и будя и гуво̀ра: «що таби, каа, снилося?»—А вотъ, гувора, що мнѣ снилося: що поставили ми кузьни, дакъ я кую-кую, да ниякъ заво̀зу ня ʻтправлю, усѐ много работы ѐ!—„Ты, мой сынъ, ковалёмъ будяшъ!“ А другого ўзбудивъ, гувора: «що табѣ снилося?»—А пошли ми, гувора, у то̀а мѣсто, отъ у то̀а и то̀а урочыща, и выкопали лядо, да насѣяли проса. Дакъ просо наша уродило тако̀а, що Божа, Божа!—«Ты будяшъ, мой сынъ, па̀харомъ!» А Микиту ўзбу-

дивъ: «що таби снилося?» каа. Микита сказуа: минѝ нȯги мѝли, а ты туу вȯду пивъ! А ёнъ гувора: «дуракъ дурацкаа гувора!» И такъ подъ началу покували сакѐры и копаницы и почалѝ лядо копать,—прэжда усяго. А Микита увышовъ у клѣть и надѣвъ одѐжу мужицкуу, празьнишнуу, и прышовъ икъ имъ, и хȯдя съ посошкомъ, дѣ яны рабȯтаять. И бра̀ты гувȯрать: „поляди, гуворать, отецъ, що ёнъ дѣлаа, у щȯ ёнъ надѣвся, дуракъ?“ Отецъ гувора: «нехай, моѐ сыны! не чапайтя; ето яму такъ хочатца, нехай пухȯдя!» Вотъ жа ёнъ тамъ ходя, а тудȯю была 'дорога большаа, шляхъ. И ѣхали по той дорози купцы. И спрашуять у ихъ: «хто ето ходя? на барщини вы работаетя ето? прыгоньшый ходя у васъ ето?»—Нѣ! ето, гувора, у мяне сынъ та*кый* гуляка! Яны спрашуять: «якъ жа ёнъ гуляа?»—А вотъ такъ гувора: мало вума у яго!—«Дакъ продай ты намъ яго, можа ёнъ намъ сподобѝтца!»—Якъ жа я, гувора, своѐ дитя продамъ? А ёнъ гувора: продавай, татъ; я ў тэбе жыть не буду!»—Я не знаю, гувора, що за тэбе просить!—„А отъ, гувора, дайтэ аршынъ,—у васъ ѐ аршынъ!» Купцы аршынъ дали. Ёнъ одмѣравъ зямли аршынъ шырыны и глубины кругомъ. Выкопали яму. «И насыптя грошый отцу мойму!» И выбравъ самаго луччаго коня у купцовъ: «на̀, отецъ, гувора, ету лошадь, пашы лядо сабѣ!» И купцы повязлѝ яго.

И привязли саби купцы тыя у домъ. И за то ёнъ купивъ, шо ня булȯ у яго дитей, сына ниядынаго. И пошла яму̀ польза такаа няйзмѣтная съ ку̀плянымъ яго сыномъ. И то былѝ лавки, а то подѣлавъ и магазыны ўжэ. И гувора ёнъ: «шо, сынъ Микита? ты гуляй, вибирай, —жанить тэбе я могу ужэ!» А ёнъ гувора: шо, батюшка,—я не могу жанитца, хȯчу дялѝтца. Ёнъ гувора: «сынъ мой, бязъ щȯту грошыки бяры, пѝ и гуляй, а дялитца не дялиеь!» А ёнъ гувора: ня хочу̀ пить и гуляти, а дялитца буду! Вотъ узявъ, отдяливъ яго, давъ яму лавочку худуу,—на йзругу. Микита провъёвъ годъ, и другій, дакъ загнили ўси товары у вотца; а Микита рашшырывся, у яго тургȯвля пошла. А етый купецъ подъ курулѐвською вȯбластю бывъ причынenъ. И вонъ давай выдумувать, протчымъ купцȯмъ говорыти: «давай ми напишамъ икъ королю свѣдѣнія, що купецъ Микита пивъ и гулявъ зъ нами, и ѐтаа говорывъ, що здэсь-ня-здэсь, на десятомъ царстви и ў нѣкотȯромъ государстви ѐ куроль; и ў яго ѐ дочь пракрасная Марыя Павловна. И ежали бъ мяне куроль мало мальскаа що попросивъ, я бъ за яго висватавъ яѐ. Дакъ ёнъ якъ поѣдя, дакъ бязъ голови прыѣдя оттуль. А тȯ намъ ня быть купца̀ми, а быть старцами, ежали яго ни згубимъ ми!» И написали и подали королю етаа. Куроль трэбуя яго: «що ты, гувора: купецъ Микита?— я жъ усихъ васъ жала̀ю и жалѐю! якъ жа ты, що знаешъ, чаму ты инѣ не гувȯрышъ? Ты съ такими-то пивъ и гулявъ, и отъ такія рэчы

говорывъ!» А ёнъ гувора: я етаго ня знаю! Вонъ гувора: «ня знаашъ ты, дыкъ вонъ у менэ е мечъ: а табѣ голова съ плечъ!» Микита сказуа: ну, курулевськаа вяличаство! найди ще одинадцать 'Микитовъ, такихъ, якъ и я, якъ одинъ голосъ, якъ одинъ волосъ, и ўся порода такова̀! Куроль якъ ставъ шукать, дакъ тольки трохъ найшовъ у своёмъ курулѐвстви.—«И такихъ лошадей! якъ у менэ батьковскій!» Ёнъ ставъ куплять, дакъ куплявъ по чужыхъ цары̀хъ, да курулёхъ, ящэ до дванадцати Микитовъ, якъ одинъ волосъ, якъ одинъ голосъ. И лошадей такихъ давъ усимъ, якъ у яго батьковскій. И посѣли на конѣй, и гувора: «ну, купецъ Микита: отправляйся у сваты!» А ёнъ гувора: нѣ, пусьти менэ на тры годы̀ ў навуку!» Пусьтивъ на тры годы̀ ў навуку, дакъ ёнъ ихъ наўчывъ разнаго масьтярства: и кулёсы дилать, и карэты, и бѣлую посуду дилать и ўсѐ, що на свѣти—разнаго наўчывъ. Выхо̀дя тры годы, дакъ и трэбуя куроль. Пріїхали яны къ королю уси дванадцать, на лошадяхъ, и стали потъ крылцомъ. И гувора куроль: «ня ўво гнѣвъ вамъ, господа Микиты! а дѣ старшый Микита?»—ровныя лі̀цы, ничо̀го не ўгадаа. Вонъ признаѐ: «я ѐ большый!» Ёнъ зовѐ къ сабѣ съ чесьтю попировать. И пили—гуляли тры дни. И потомъ стали убиратца у дорогу, у сваты. И ёнъ гувора: «давай мини, запрагай лошадей дватцать пьять исъ телегами, и накладай усякаго мини,—матеріялъ щобъ бувъ!» И отправляятца, у путь. И ѣдуть яны, дакъ на путѣ злучылося яму, що два вовки на дорози и не раздѣлять голову коньскую. И гуво̀рать: „купецъ Микита! раздяли ты намъ сю голову̀! будомъ таби у вяликой прыго̀ди!» Ёнъ пувялѐвъ *рассячтъ* голову̀. Микиты рассѣкли голову̀: одинъ поволокъ на той бокъ дороги, а другій на той. И вовкѝ полягли̇̀ ѣсть голову̀. И ўйхали у лисъ, дакъ дужа большый пожаръ идэ. Мурашка крычыть: «купецъ Микита, порету́й муѐ семейство̀! Поѣдяшъ ты къ королю у сваты, у вяликой помочы буду табѣ!» Микита сказуя: «Микиты! за мѐтлы и за вѐдры обретовать еѐ!» Обретовали муравъёвъ и поѣхали. Ѣдуть дальшъ—зновъ пожаръ подымаетца. А прэжда пожару бяжы̇ть мышъ и гуво̀ра: «купецъ Микита! выратуй ты менэ, бо якъ поѣдяшъ къ королю у сваты, я таби буду у вяликой прыгоди!» Купэцъ Микита и перэнёсъ еѐ чэразъ пожаръ. И ѣдуть да̀ляй, дакъ двѝ пчалы на 'дномъ тьвяту̇ бъютца. И гуворать: „купэцъ Микита! раздяли ты намъ сэй тьвѣтъ! будомъ таби у вяликой прыгоди! Купэцъ Микита злѝзъ, и самъ разрызавъ тьвѣтъ пополамъ. И пчолы набрали мѐду и полятѣли безо спору. И прыйхавъ у курулевськуу у вобытность.

И не доижжаючы дворца, поставивъ шатры сабѣ. Куроль вышовъ поутру ў раньни, и ба̀ча шатры. И посылааа 'тъ сябе провѐдчыка: „иди, поляди, що ето ѐ такоа? ти якій чаловѣкъ злонравный, а й такъ якій?

Занявъ, бясъ спросу шатры поставивъ!“ Й гувора провѣдчыкъ прышовшы: „хто такій ѐ вы? що вы бясъ спросу шатры поставили: ти вы хѐчытя драку завесть, а й що такоа?» А Микита гувора: нѣ, гувора: мы прыихали у сваты! Ёнъ гувора, провѣдчыкъ: ээ! не такія прыижжали, да бязъ головъ поѣхали, а вамъ и ѣхать нѐчаго! Провѣдчыкъ прыѣхавъ икъ королю и отвящаа: курулевсько вяличаство! ето прыѣхали ў сваты! Ну, куроль гувора: вотъ и хорошэ! Яны узяли и прышли къ королю: узявъ съ субою чатырохъ Микитовъ, самъ пъятый. И прышли, королю чесьть отдали, якъ луччы быть ня можно. И куроль много дивився: николи ня бачывъ такого злучаю, щобъ прышло пъять чаловѣкъ, якъ одинъ волосъ, якъ одинъ голосъ, и ростомъ усѐ якъ ядынственно. И спрашуа куроль: „хто жъ жанихъ тутъ?“ Микита гувора: я е жанихъ! Ёнъ за сябе сватавъ. Ёнъ пувялѣвъ уззвать дочаръ свою: видала, гувора, ты коли? ну тольки я старшы тябе, гувора, а ня видавъ! Можно ѐто быть: пъять чаловѣкъ у водинъ вобразъ—различыи нема? Я думаю, що ня тыа сваты прыйихали, щобъ ня 'дать, а тыа, щобъ отдать! А яна гувора: пора, пора, батюшка, я ў тябе выгулялась. И стали пить да гулять,—дакъ тры дни и тры ночы—магарычы пилй. И ёнъ гувора, Микита: «що жъ, батюшка,—коли будомъ вянчатца?» Ёнъ гувора: «загадаю табѣ загадку,—отгадаяшъ—тогды!»—Ну, якую загадку?—Е у мяне скирта пшаницы, дванадцать сажнявъ довжыны и шырыны, кругомъ, щобъ ты яе за ночъ змолотивъ и зьвѣявъ, и въ закромъ иссыпавъ, скирты ня разворачуючы и сноповъ ня развязуючы!» Микита гувора: «якъ жа ето можно дѣлать такъ?»--«Ня здѣлаяшъ такъ—бязъ головъ вамъ ѣхати!» И йде ёнъ, Микита, журытца, у шатры у своѐ—утякать трэба. А мурашка стрыла яго и гувора яму: «купецъ Микита! иди у куруля спроси—дирки забить у закроми,—чымъ забить, ти хлопка, ти що, а то й тымъ будяшъ виноватъ, ёнъ вину и тымъ найдя, шо рассыпавъ! И йди, ложысь спать—будя змолочано!» А мурашка была старшаа надъ муравъями, не надъ однымъ своимъ, а надъ усими была старшаа. Якъ згукнула муравъе, дакъ ня 'сталося по дномъ нѐсть, а ўдвёхъ по дномъ зѐрню нясьлй, а по 'днёмъ ня стало кожной. А мышыныя недоѣдки—тратинки и икъ тратинкамъ клали, а половинки икъ половинкамъ. Назаўтра ураньни прыходя Микита исъ своими Микитами зновъ. Ну, куроль спрашуа: змолотивъ?—Змолотивъ! Пошли, поглядѣли у закромы. И бача куроль, що, отъ, гувора: ѐто цэлнаа пшаница, а ето половинки, а ето тратинки! Куроль себи и дивитца: нѣ, гувора: ето якаась хитрость ужэ прыѣхала! И ставъ скирту разворачавать и снопы развъязавать до самія зямли. И не найшовъ ни одного зерня ни въ ядыномъ снопу. И прышли домовъ да стали пить да гулять, зновъ на тры дни. Й гуво-

ра доцcы: „вотъ дочка! ня тыа сваты прыѣхали, шобъ ня 'тдать, а тыа, щобъ отдать. А дочка гувора: пора, пора, батюшка! я у тябе загулась ужэ! Ёнъ кажа, купецъ Микита: „ну, батюшка, вянчатца ўжэ!» Нѣ, гувора: такъ нялъга̀: пошый чаравички ёй такія, якъ батьковськыя, щобъ такія мѣрой, и красою такія и вагбй—щобъ на шали прыкинуть,—и не смотрывшы! Микита гувора: якъ жа можно ето?—„Ня здѣлаяшъ етаго, бязъ голови̇ ѣхати!“ Микита и пошовъ у свое шатры зажурывшыся, и думая ўбяжать. А мишъ стракая яго и гувора: я ужэ прынясла̀ табѣ ихъ, иди жа, загадуй Микитамъ, няхай дѣлаять! А Микиты навучаны̀ былй ўсяго рэмейства̀, яны могли усѐ дѣлать. И на такомъ блюдцы и поднесть щобъ королю. И блюдо такбащобъ були̇. Микита повялѣвъ—дакъ за ночь и здѣлали ўсѐ—и чаравикы и блюдо, и мѣрою, и красою, и вагдю—особо чаравикы зважыли, и блюдо особо, и ўмѣсьтяхъ. И здѣлали и выважыли. Мышъ однясла, на мѣсьти поставила. Мыкита назаўтра ураньни узявъ чаравики и пушовъ къ королю зь Микитами. И прынёсъ, поставивъ. Куроль пувялѣвъ унести своѐ, и ўзяли мѣрать мѣрою,—мѣрою ровны, и красотою ровны, и на шали поставили—вагдю ровны: и собо развярнули, сами важыли—ровно, и блюдо и чаравики—усѐ ядынственно. Ёнъ и гувора, корбль: отъ дочка̀, ня тыа сваты прыѣхали, щобъ ня 'тдать, а тыа, щобъ отдать. А яна гувора: пора, пора, батюшка! я у тебэ загулялась тутъ! И яны пилй тры дни зновъ и тры ночы, да, гуляли. И ёнъ гувора: „ну, говора, батюшка: пора вянчатца!“ Ага! А ёнъ гувора: нѣ, зять: ещэ табѣ за̀гадку загадаю: издѣлай цэркву восковуу за ночъ, шобъ и звоны и попы, и здѣлай тутъ, на правомъ крылцэ, шобъ ударыли звоны, и я прошнувся и пошовъ на завутрань, якъ ударать у звоны! Микита гувора: «ти ёсть жа, гувора, ето дѣйствія дэ, що ты зага̀дуешъ, ето жъ нѣту нидэ!» Куроль гувора: ня здѣлаешъ етаго, бязъ головъ поѣдетя! Ёнъ иде отъ короля, обратився, у журбѣ у большой. Пчолы стрэли яго и гувбрать: «иди, Микита, ля крылца̀ ложыся спать, якъ уда̀рать узвоны̀, дакъ щобъ ты прэжда бувъ у цэркви, чимсь куроль»! Микита пушовъ, лѐгъ тамъ исъ своими Микитами. И пчолы здилали цэркву восковуу—и звоны и попы. И ударили ў звоны. Микита уставъ и молитца Богу, и радуетца ужэ. И куроль прочнувся и не потпара̀зувавшысь, тольки халатъ надѣвъ на сябе, и дивитца сабѣ: «що ето такоа? Избуваатца! Я жъ думавъ сабѣ, що нэ бу̀дэ етаго ничого у свѣти, що я загадувавъ!» И отойшла завўтрань, началась обѣдьня. И ў обѣдьни повянчались. И давай пить и гулять тры дни и тры ночы. И тяперъ гувора: «батюшка, пора ўбиратца, домовъ ѣхати!» Куроль гувора: моя дбчка ня можа на такой карэти ѣхати, а здилай карэту такуу щобъ вищала, и пищала, и крычала. А ёнъ, Мыкита, гувора: того

я ня боюсь! у мяне майсьтяра̀ своѐ, издѣлаю!» И здѣлавъ карэту и подъѣхавъ. Карэта тошно такова. Куроль гувора: що, такъ тошно, карэта такаа, да моа дочка̀ ня можа на такихъ лошадяхъ ѣхать. А ёсть у нявидомыхъ лугохъ кобылица, подъ ёй дванадцать жарабцовъ, и на ихъ масть золотая да сярэбраная, дакъ моя дочка̀ на такихъ лошадяхъ можа ѣхать! Ёнъ узявъ и гувора: „хто жъ ето здѣлаа?“ гувора Мыкита.—А ня здѣлаешъ, зновъ бязъ головы поѣдешъ, дарма̀ що звинчавшысь! У менэ стурожа крэпкаа! И ёнъ вишовъ, Микита, и ў журбѣ ў большой, журытца. А стракаять яго на дорози вовкі ды и гуворать: «купецъ Микита! бяры гнўзду и йди вотъ на туу дорогу. Тамъ на той дорози стоить вярба̀. Дакъ ты узлѣзь, на яе садися—мы навѐрнамъ яѐ къ табѣ! И вовки навярнули туды кобылицу зъ жарабцами. Кобылица прышла и стала часатца объ вярбў, и Микита бросився на яѐ зразу, на храбѐтъ. И стала яна яго носити, щобъ якъ нибўдь искинути съ сябе. Микита ставъ яѐ бить мижъ вушэй гнуздою! И потудова бивъ, покудова яна отихла. Вонъ загнуздавъ яѐ и сѣвъ и поѣхавъ. И жарабцы услѣдъ идуть. Ёнъ запрогъ у туу карэту и подъѣхавъ икъ королю. Куроль гувора: «що ето за чудо такоа? Я думавъ, що нѣту у свѣти такого!» Вотъ, гувора, дочка̀: вѣрно, гувора, отдать трэба:» А дочка гувора: пора, пора, батюшка: я давно у тебэ вигулялась! И ўзяли ўбиратца, ўкладатца, ў дорогу ужэ.

И ѣдуть по дорози, дыкъ ёнъ и гувора, Микита: я не за сябе тябе висватавъ и звинчавсь! ето за короля за свойго! А яна гувора: съ кимъ звинчалась, съ тымъ и жыть буду! И ѣдуть по путю, и ʻтсылаа ёнъ прэжда сябе бумагу къ королю: «вотъ, я ѣду ўжэ, висватавъ курулевну, Марыю Павловну!» А той купецъ, що купивъ яго, дакъ почувъ, шо ѣдя ёнъ, дакъ ёнъ написавъ королю: «курулевсько вяличаство! купецъ Микита якъ ѣхавъ сватать за тябе курулевну, дакъ ёнъ мѣвся: я зъ ёй буду жыть, а короля паравядў!» Кўроль дожыдаятца яго и выкопавъ яму на пурози у горницахъ, на ўходи, и насыпавъ жару. И сычасъ Микита якъ прыихавъ икъ горницамъ, да увидивъ куроль и такія лошади и такуу курулевну изъ золотыми кудра̀ми, и ня могъ тярпѣть, у вокно глядя, и побѣгъ на стрэчу и вваливсь у яму. Купецъ Микита жджэ (жде) дожыдаа, що куроль ня йдэ? На ўстрэчу нужно вийти, а ёнъ ня йдэ? И Микита увийшовъ, и зирнувъ у яму, ажъ куроль у ями ляжыть выпроставшысь, и ня жывий. Микита спрашуя: що ето за случа̀й такій. Яны сказують: ето ёнъ на тябе копавъ яму и приготова̀въ огня, жару; и вотъ, говорать, зъ радости хотѣвъ тебэ стракати, да самъ увалився, и ўтопився и пропавъ!—«Зарыйтя яго!» повялѣвъ купецъ Микита. Узяли, закопа̀ли.

И Микита жывѐ спокойно, и ставъ курулёмъ. И допросивсь, хто на мяне наводи̂въ ето зло? Созвавъ купцовъ. Купцы отвячаять: ето твой, що купивъ тебэ, намъ оклятова̀въ, що ня быть намъ купцами, а быть старцами, а трэба яго съ свѣту паравесть!» Ёнъ узявъ, яго повѣсивъ. И жывѐ спокойно тяперъ ужэ сабѣ.

Яна, жана, спрашуя: «якого ты рода?» Вонъ гувора: «я рода мужыцкаго!»—Ну, давай, гувора, поѣдомъ полядимъ свуйго курулевства, да й заѣдомъ къ отцу къ твойму, посмотримъ, ти жывъ ёнъ? Ежали жывъ, дакъ къ сабѣ во̀зьмамъ, а помѐръ—поминать будомъ!... И объѣхали яны своѐ курулевство и прыѣхали у то̀а сялѐнія, гдѣ отецъ яго. И давъ ёнъ знать, «щобъ мини була̀ у такого старыка хватера на ночъ!» Показавъ на свойго отца. Отецъ жывъ, братовъ ня було̀, одинъ исъ старухою. Началники гуво̀рать: «вотъ къ таби куроль на ночъ жалаа по якойся давной дружби»! А старыкъ соўсимъ бувъ драхлый ужэ. И ўзявъ и заѣхавъ ёнъ икъ яму. И старыкъ хоча утякать отъ яго: «няхай самъ ночуа!» А ёнъ каа: якъ жа можно ночавать бязъ хозяина? ето ня можно, йти исъ свойго дому! И заночували. И стали ужынать давать имъ, и посадили старыка мижда сябе и старуху. Куроль ижъ жаною по краихъ сѣли, а ихъ посадили посярэдини сябе, и накормили хорошэ. Хата ня большаа. И послали постель королю, и заняли̂ усю хату, ня можно пройти. И помыли яму ноги, и тазъ изъ водой поставили на прыпячку. Ноччы старыкъ захотѣвъ пить вельми, и ў бабы спрашуятца: ой, бабъ: я пить хо̀чу! А баба гувора: «тярпи, дѣдъ пранцоватый! Сказано отъ старыхъ людей: на хотѣньня ёсть тярпѣньня! тярпи̂! Ты бачышъ, король о̀зли сябе які̂й ножъ поклавъ войстрый! Якъ сѣканѐ, дакъ голова твоя злятйть, якъ ступишъ на ихъ постель ногами!» А ёнъ гувора: я напъюсь исъ тыѐ миски ясныя, що яму но̀ги мыли! Яго но̀ги чыстыя! И ўзявъ пить. И ўзявсь руками, да шкрабнувъ. Дакъ тазъ той и зазвинѣвъ. А ёнъ и почувъ. И гувора: свѣтла! Сичасъ засвятили. «И що тако̀а ето?» А старыкъ сядить ракомъ надъ тазомъ. «Панокъ, голубчыкъ! Пить хотѣвъ, дакъ напився водицы!»—Да ето жъ вода, мнѣ ноги мыли ёю,—яна нячыста!— „Нѣ, гувора: твоѐ ноги чыстыя, ета ничого!» Тогды куроль уставъ. «Вотъ, гувора: батюшка!—ты мой батюшка,—якъ ты заклада̀въ намъ, троимъ братіямъ, ложывшысь спать, и бо̀льшаго брата пробудивъ, и бо̀льшый братъ сказавъ, що я кую, кую, да ниякъ заво̀зу ни отправлю, бытца ковалёмъ ужэ ставъ! Ну ты будяшъ, мой сынъ, ковалёмъ. А другого брата узбудивъ: що табѣ снилось? Другій сказуя отецъ мой: ў томъ и ў томъ урочыщы выкопали лядо мы, да й насѣяли проса; дакъ просо уродило хоро̀шаа. Дакъ ты сказавъ, що ты будяшъ пахаръ. А менэ ўзбудивъ и говоривъ: що табѣ, Микита сынъ, снилося? А я таби говору:

що мини нôги мыли, и ты воду пивъ, туу, що ноги мыли. Дакъ вотъ ты яе сягêночы напився!» Дакъ ёнъ гувора: «няўжэжъ ты мой сынъ?»— «Твой, батюшка!» И стали ўбиратца яны, гôди ночавать. И издѣли худуу одêжу зъ яго и надѣли свою хорошуу одежу, и на старика и на старуху. И ўзяли и повязли съ собой. И жывуть тамъ, и весялятца, курулевствомъ управляять. И я тамъ бувъ, и мêдъ-вино пивъ, и ў роти ўия булô и по бородѣ не тяклô.

С. Марковичи, гом. у. Отъ кр-на Филиппа Иванова Лапеки, негр. Говоръ смѣшанный, подъ вліяніемъ живущихъ вблизи старообрядцевъ.

50. Премудрый Соломонъ.

(Легенда).

Нѣкоторомъ царствиі, нѣкоторомъ государствиі, стало быть ня ў тôмъ, што мы живёмъ, были сабѣ двѣ бабы удовы. У одныè былй колёсы, а у другія была кобыла. И яны дружбу дужа одна съ однэй вялй. И одна однэй давали то колёсы, то коня ѣздить по дрôвы. Отъ разъ тая поѣхала у дровы, якей былй колёсы. Пріѣхала у лѣсъ, на шаговъ двадцать отышлà, стала ужо дровы рубить. Нарубивши дровъ, приходить къ кобыли. Тая кобыла жарабилася—ляжить жарабёнокъ подъ колёсамы. И сама сабѣ рассуждаеть: ти гэто кобыла ожарабилася, ти гэто колёсы жарабили жарабя̀? Узила жарабя̀ съ подъ колёсъ и потсадила подъ кобылу. То, акъ жарабя пососало матку, такъ ина дровъ наклала на туу кобылу, и вязѐть домовъ, и жарабятка тôя идеть пôплечъ зъ маткой. Пріѣхала домовъ, дровы тыя скинула доловъ, а жарабятка сховала. А товарисцы кобылу повялà. Отдала ёй кобылу, таа кобыла дужа ржеть по жарабяти. Тады ина пошла у хлѣвъ, таа баба, чія кобыла. Оглѣдила, што кобыла была жарôбная, а тяперъ—дѣ ина дѣла, баба таа, жарабя̀ моё? Тогда ина пошла къ ей: «дѣ ты дѣла жарабя̀ моё? Кобыла была жарэбная, а тяперъ нема жарабяти!» А ина говорить: «гэто колёсы моè ожарабились!»—А зачимъ ты думаешъ, што колёсы ожарабились?—„А затымъ, што я подъ колёсами нашла! Гэто моё жарабя!» Тады яны зъдѣлали шумъ большій, бабы тыя, стали битца, узàлобки водитца одна съ однэй. Тады собрався народъ, и тыхъ бабъ разьвялй. И не могли яны нихто ихъ разобрать. «Ступайтя къ цару на рассудокъ!» Пришли къ цару, азъ цара нема дома,—уѣхавши заграницу. Царица каеть: «я васъ разбяру! Притягнитя ко мнѣ колёсы и жарабя, и кобылу,—я васъ разбяру!» И сказала узьвѐсьти на високую горў, усё гэто, и кобылу, и колёсы и жарабя. И тады сказала пусьтить колёсы, доловъ зъ горы зь високія. Тыя колёсы якъ заля̀пали, бигучй зъ горы, а жарабя булô ще

сляпдя—яно троя судокъ ня видитъ, якъ ожарабйтца,—тдя жарабя побѣгло за колёсами. Тады царица говоритъ, што колёсы ожарабили жарабя! Тая баба бярѐтъ жарабя, чѝѐ колёсы. А тая дужа плачетъ, чія кобыла. А царица да была ўтяжкў. И оказуетца у яѐ у серадйни: «якъ ты гэто судишъ, матушка? ты судишъ, каетъ, по блудному, бо ты сама блудная!» Тады ина раздумалася, царица: «коли ты гэтакій вумница, у серадйни, у чѐрави, мяне блудной потрэскаешъ, позываешъ,—а тады, ты мяне будешъ и ладно потрэскавать». А тады, теразъ три дни, якъ тэй судъ бывъ, бабській, объ жарабя, ина родила. Узяла и занясла кухару на кухню. Занясла и приказала: «и вотъ сичасъ, сей минутой, кабъ ты яго зарэзавъ!»—Ваша анпяраторство вяликая! я тяперъ занятъ—можетя отправитца? Дакъ ина отъ яго пошла, съ кухни, а рабяшачка тамъ покинула. Ну, якъ ина отъ яго пошла ужэ, тэй рабёшачакъ каетъ: «пожалуста, каетъ, кухаръ—прикрый мяне! Ёнъ яго накрывъ! Тады бдумалася царица у своимъ палацы: «пріѣдетъ мужъ мой ззаграниины и скажетъ: дѣ ты дѣла рабёшка? што ты была у цежари, ўтяжку!» Побѣгла ина зновъ на кухню: ти ты зарэзавъ рабёшка, ти нѣ?» Нѣ!—«Ну, пожалуста жъ, кухаръ, бяжы ты у городъ,—ти не 'бродився хто небудь, распытайся. Мы яго замѣнимъ!» А тэй поваръ знавъ, што ковалиха—коваль бывъ, кузнецъ—што жонка была ўтяжку. Пошовъ ёнъ туды къ ей, ажъ ковалиха родила сына, Тогды ёнъ говоритъ: а дѣ твой мужикъ? Кузьня была за городомъ. Ина яму отвѣщаетъ, ковалиха, отказуетъ: «што ты скажашъ?»—А што жъ я табѣ скажу? Што табѣ давъ Богъ, каа̀ (кого) ты родйла?—«Родила сына!»—Отдай ты яго царицы, на замѣну, а я табѣ царськаго дамъ сына! Ина обдумалася, думаетъ: «што тутъ здробитъ?» А ёнъ ей, кухаръ, отвѣщаетъ: а вотъ жа, каетъ: твой сынъ будетъ царовать, будетъ царомъ, а царській будетъ, каетъ, ковалёмъ! Тая обдумалася ковалиха: «гэто ддбро будетъ! Бяжы жъ ты, принясй мнѣ царськаго сына!» Ёнъ приходитъ у царській палацъ, кухаръ и говоритъ царицы: «нашовъ я такую бабу, што родила сына!»—У гэто намъ и дужа будетъ ддбро! царица отказуетъ. Тады: „бяри жъ ты гэтаго сына и няси ковалиси, а яѐ рабёшка приняси ко мнѣ!" Кухаръ узявъ, яе сына занёсъ къ ковалиси, а ковалихинаго узявъ, царицы понёсъ. Царица кажетъ: «вотъ гэто намъ и ддбро: пріѣдетъ нашъ мужъ домовъ, царъ, и узрадуетца, што намъ Господь давъ сына мнѣ!" А ковалиха узяла сына того, што поваръ ёй принёсъ и пошла къ ковалю къ свойму, и яго наўлоньни узяла, сына того. Подходитъ потъ кузьню, а стояла тамъ пўня ля кўзьни. Ина яго у пуни положила и соломой накрыла. А сама пошла у кузьню. Тэй коваль и спужався: што ты пришла такъ? А ў яго на работи людей много було. Ина яго гукнўла съ кузьни и кажетъ яму:

давъ Богъ мнѣ сына, иди домовъ! Ёнъ людей тыхъ, сказавъ: выйдитя, братцы, съ кузьни вонъ! Уси повыходили тыя люди, а ёнъ кузьню замкнувъ и пошовъ домовъ. Идеть разомъ зь ей, жъ жонкой, коваль. „Зайди жъ ты, каеть, у пуню, возьми сына—я тамъ поклала, побоялася дома кинуть яго, дакъ я съ собой яго узяла и поклала у пуни!“ Пытаетца ёнъ у жонки, коваль: гэто жъ яго нема, каеть, рабёшка? Ина яму отказуеть: я яго соломой накрыла! Ёнъ узявъ вилки древяныя, што скоту трасуть кормъ, и ставъ яго шукать. „Отецъ кузьнецъ! ёнъ отзываетца, хлопчишка тэй: осьтярожно вилками поры—ня выколь мнѣ вочи, бо я ляжу тутъ!“ Пошовъ тогды коваль у тоя мѣсто, дѣ ёнъ обозвався, открывъ солому и узявъ гэтаго сына на улоньни и занёсъ домовъ. Тогды пошовъ ды позвавъ людей: «пожалуста, ходитя ко мнѣ! Мнѣ Богъ давъ сына,—и прошу васъ на родины!» А тогды пошовъ у каршму, узявъ гарнецъ горэлки. Прынёсъ домовъ и попросивъ бабку пупорэзьницу: „перабабь мнѣ, пожалуста, сына, попрошу я тябе!“ Тая бабка яго перабабила. Ну, тогды ёнъ ихъ посадивъ за столъ, усихъ, и давъ имъ горэлки, и што Богъ давъ тамъ закусить.—Закусили.—Яны яму подяковали уси и разышлись, пошли по домахъ уси. Тогды ужо говорыть жонцы, коваль тэй, породиси: „а што, баба, коли ксьтить будемъ?“—А што жъ: у святый день праксьтимъ! Табѣ нѣколи у рабочій, дакъ у святый, у нядѣлю! Тогды коваль пошовъ у городъ. Поговорывъ ёнъ съ своёй бабой: сыщемъ мы кумовъ на свой домъ и позовёмъ мы попа, и перахрысьтимъ мы у хати у своёй! Дождавъ ёнъ нядѣли, пошовъ куму прывёвъ, а тогды и кума прывёвъ. Тогды сычасъ запрогъ коня свойго и поѣхавъ, попа прывёзъ. И стали храсьтить того рабёшка. Попъ каеть: имя дать Иванъ! А ёнъ отвѣщаеть, тэй хлопчикъ батьку тихимъ голосомъ, кабъ нихто ня чувъ: дай мнѣ, батька, ймя—Соломонъ! Говорить тогды коваль попу: зьдѣлайтя отдолженьня! дайтя яму йня Соломонъ,—жана моя родила яго у соломи! Ну, перакстили яго, дали имя Соломонъ. Тогды почестовавъ ёнъ ихъ—попа и кумовъ, и подяковали яны яму, и потправлялися яны по мѣстахъ по своихъ, кумы, а попу коня запрогъ.

Тэй мальчишка ставъ рось-ть—не годамъ, али часамъ, не часамъ, али минутамъ, и выросъ большый. Отвѣщаеть кузнецъ, батька яго, яму: „сынъ мой, любимый! трэба пастуха нанять, скотъ пасьтить, а ты молодъ ящо!“ —Ня трэба, батька, намъ пастушокъ,—я буду гонять самъ на пасту! И были старшы яго тамъ малцы на пасьти, другихъ хозяиновъ. Яны яго гоняють усё малаго—упяродъ, скотъ отворачавать, коровъ. Обидно яму, што яны яго дужа гоняють часто! Тогды ёнъ каеть: насодимъ мы старшаго надъ пастушкамы! Больпы яго тамъ были нѣкоторыя. Тэй каеть: я буду! А тэй каеть: я буду! И у болоти тамъ *лягушки* были

кричать—крахають. Тэй Соломонъ каеть: нѣ! тэй будеть старшымъ, хто униметь гэтыхъ *люгашакъ*! Постали тогды пастушки кружка болота: „ну, будемъ, каеть, казать, кабъ тишы,—сьтихли кабъ люгашки!“ Такъ уси перaказали, у порадокъ уси малцы, што тишы! А тыя люгашки ня чують гэтаго, усё крахають. Прыходить до Соломона чарада, што яму трэба сказать: тишы! Якъ сказавъ Соломонъ, што тишы! такъ яны и сьтихли уси! Тогды сказавъ: «отъ жа: я буду надъ вами старшый, бы яны мяне послухали!» Дакъ ёнъ и ставъ надъ ими старшымъ. И узявъ, по разрадахъ коровъ разьдяливъ—одному давъ сивыхъ, другому давъ чорныхъ, а третьтяму бѣлыхъ давъ, чатьвёртому давъ красныхъ, а пятому рабыхъ, бѣлы плямы, а сабѣ узявъ рабыхъ, чорны плямы. И котора пойдеть напяродъ корова, тэй тогды бяжы отворачавать. И распасьтивъ дужа ёнъ скотъ, ставъ дужа сытый, зь етой зь яды, што ёнъ ставъ дужа хорошо ихъ пасьтить, и поить и пасьтить. Распасьтивъ коровъ, тогды каеть: „ну, малцы! што будемъ робить!“ А яны яму отвищають: ты жъ надъ нами старшый,—што намъ прыкажашъ робить? „Надрать бяросты зъ бярэзины!“ Яны яго слухують. И пошли у лѣсъ, надрали бяросты. И начавъ ёнъ ихъ грамоти учить. Яму Господь такъ сказавъ, што ты на што глянешъ, дакъ ты усё и будешъ знать; ёнъ такъ и грамоти выучився. И ставъ ёнъ тыхъ пастушковъ грамоти учить, яны гразьзю писали на бяросьти. И понаучававъ ихъ грамоти. И нихто ня могъ разобрать, што яны писали, тольки ёнъ да малцы тыя, што ёнъ понаучававъ. Прыгнавъ домовъ скотъ, отчинивъ хлѣвъ, сказавъ: «батька,—отвѣщаеть ковалю: отъ, я научився грамоти и малцовъ понаучававъ!» Батька говорить: а хто жъ табѣ показавъ?—А я своимъ вумомъ выдумавъ,—што я дужа на свѣти вумница! Зьдѣлай мнѣ, батюшка, тяперъ стральбу! Показавъ яму хорму, якую дѣлать стральбу! Батька зьдѣлавъ яму тую стральбу. И узявъ ёнъ сабѣ на пасту съ собой тую стральбу, погнавъ коровъ. И сказавъ наносить дровъ. И якоя дераво—што орэхи растуть. Яны наносили дровъ, большую граду. Тогды запаливъ ёнъ ихъ, тыя дровы; згорэли тыя дровы—остався тольки попялъ. Ёнъ съ того попялу надѣлавъ пороху и ставъ стралять на поли. Удивляетца царъ: хто гэто такъ лопаеть, што у моимъ царстьви нема гэткія штуки? Сказали цару: гэто ёсь у коваля—ёсь сынъ Соломонъ, и ёнъ гэтыя штуки работаеть! Спрашуеть яго—яго къ сабѣ царъ позвавъ: «дѣ ты гэто научився, чимъ гэто ты покаешъ?» А ёнъ цару отказуеть: я своимъ вумомъ могу на сьвѣти, што здумаю, то зробить! Цару стало гэто, што ёнъ зъ нѣйкаго колѣна, зъ нѣйкаго поводу—што ёнъ гэто не коваль. Прыходить гэтый царській сынъ зъ вучилища, тэй, што пры имъ жыветь, и бярэть ножъ. и зьдѣлавъ дрывяный молотокъ, и зьдѣ-

лавъ обцугі дрывяныя. Царъ тогды поглядѣвъ на гэтыя штуки, и завялѣвъ запрэхчи коня и уссадивъ съ собой гэтаго сына и поѣхавъ на поля. И каеть: сынъ! што бъ на гэтымъ поли було? зьдѣлать можно? А ёнъ яму говорыть: поравшы, будеть пшаница! Вотъ ужэ цару замѣтно, што не яго сынъ! Уѣхали у пущу: што бъ у гэтой пущи було? пытаетца царъ у сына.—Вырубить гэтый лѣсъ и накласьти дровъ грады большэя, и попалить ихъ,—за гэто угальля ковалёмъ будеть бязъ клопоту. А помижъ гэтыхъ пнёвъ, што пни высѣчаны, тыя дровы, и узорать ихъ, тую землю, и насѣить ячменю, дакъ то хлѣба будеть много! Тогды царъ вярнувся домовъ. Отвѣщаеть жанѣ царъ, жонцы своей: «ня мой гэто сынъ! А мой сынъ, каеть, у коваля Соломонъ!» А жонка яму каеть: «почимъ жа жъ ты вѣдаешъ, што гэто Соломонъ сынъ твой?»—А потымъ я вѣдаю, што ёнъ можыть воевськимъ дѣломъ займатца, войной! А гэтый сынъ займаетца ковальскимъ! Тогды яна на мужука каеть, на цара: „почимъ жа ты вѣдаешъ, што ёнъ займаетца ковальскимъ дѣломъ?"—А прыдеть зъ вучилища, дакъ ёнъ дѣлаеть дрывяныя молотки и обцуги. Дакъ я по гэтымъ узнаю яго. И запрагавъ я коня и ѣзьдивъ зь имъ на поля и говорывъ яму, што на гэтымъ поли дѣлать будемъ? А ёнъ мнѣ говорыть: што вотъ можно на гэтымъ поли засѣить жыта, ти пашаницы,—хлѣба будеть досить усимъ войську. А у пущу поѣхавъ—попалить пущу, дакъ будеть ковалёмъ угальля доволи. Отъ я по гэтымъ узнаю, што гэто ковалёвъ сынъ. Кабъ мой сынъ, ёнъ бы на поли сказавъ, што вотъ можно на поли состроить лакари солдацкія, ученьня солдацкая! А царыца сказала цару: коли жъ твой Соломонъ сынъ,—хай заутра коваль къ табѣ прыѣдеть, и не на кони, не пяхотой, и не надѣвшыси, и не голый, и не подъѣвшы, и кабъ голоденъ нябывъ. Зазвавъ царъ коваля къ сабѣ: „кабъ ты ко мнѣ заутра явився, ранянько, и не на кони, и не пяхотой, и не надѣвшыси кабъ бывъ, и не голый, и кабъ не сытый бывъ, и не голодный. А ня зьдѣлаешъ гэто, дакъ я табѣ голову сьсяку!» Прышовъ домовъ да и плачеть коваль. Ажъ прыгоняеть сынъ сь паствы. «Што ты, батька, плачашъ?»—Загадавъ царъ загадку! «Што за загадка?»—Кабъ заутра рано къ яму явився я, и не на кони и не пѣшкомъ, и кабъ и не голый и не надѣвшысь, и не подъѣвшы и не сытый!.. Соломонъ отвѣщаеть матцы своей: учини ты зъ муки заутра кисялю, кабъ батька посьнѣдавъ бязъ хлѣба! Пераночававшы, наварыла яна кисялю, ковалиха. „Ну, садися, батька,—ѣжъ кисель!» И хлѣба яму не давъ Соломонъ сынъ. Наѣвся ёнъ того кисялю. «Зьдѣвайся, батька, кабъ ты бывъ голымъ! Батька зьдѣвъ одежу усю доловъ, а ёнъ теразъ ночь прыготовивъ батьку одежу. А якая одежа—гэто сѣть, што рыбу ловють, и батьку укрутивъ у тыя сѣти. И

прывёвъ яму̂ козла, Соломонъ ковалю, и сказавъ: «по̂мижъ ногъ козла ущамі̂ и ѣдь къ цару̂. Якъ прыѣдешъ, кабъ половина была на ганку козла, а половина у хати, то на порози и стой!» Такъ коваль и поѣхавъ.

Сичасъ являетца ёнъ къ цару, коваль. Царъ гэто увидивъ, што ёнъ ѣдеть, спрашуеть: «хто табѣ гэтакъ подьдѣлавъ?»—А гэто мой сынъ Соломонъ!—«А што ты ѣвъ?» царъ пытаетца у коваля.—«Ѣвъ кисель бязъ хлѣба!—«Можашъ сабѣ, коваль, домовъ ити!» И отвѣщаеть царыцы царъ: якъ ты сабѣ хотѣла, а по̂томъ, гэто мой сынъ, Соломонъ. Такъ яна, царыца, и змо̂вкла. Ничого яму не сказала. Тогды того сына, што дѣлавъ молотокъ и обцуги дрыва̂ныя, царъ узявъ, ды й вы̂вявъ вонъ за руку̂ съ свойго дому, съ хаты, и отвёвъ къ ковалю. „На̂ табѣ, коваль, твойго сына! гэто твой сынъ!" Коваль яго повёвъ, того сына, къ сабѣ. И вялѣвъ запрэхчи коней у саму лѣпшу карэту, у поиздъ, ѣхать за Соломономъ къ ковалю. Спрашуеть у ковалихи царъ прыѣхавшы: дѣ сынъ Соломонъ? Ковалиха каеть: узявъ хлѣба у торбочку и пошовъ!—Ня вѣдаешъ, куды пошовъ?—Ня вѣдаю! Тогды царъ разославъ по у̂симъ городу своихъ вѣрныхъ слугъ, разыскать Соломона.—Яны яго нидѣ не нашли. Прыходють къ цару слуги: нема нидѣ Соломона! Тогды царъ нарадивъ людей большы и пославъ по усихъ дорогахъ, кабъ яго найти дѣ. Здогоняеть яго минисьтеръ царській. Ёнъ видить гэто, што яны во̂зьмуть яго къ батьку, ёнъ доставъ тогды хлѣбъ свой съ торбы, *сѣвъ*, и ставъ хлѣбъ ѣсьти, и вошы бъеть на тэй скорынцы хлѣба на самой. Што ты мальчишка гэто работаешъ?—А я старое выгоняю, а новое накладаю!—А гэто што робишъ?—А гэто няпрытелявъ убиваю! Тыя министры узяли, отраклися яго, поѣхали назадъ, што ёнъ соу̂симъ имъ показався дурный малецъ. Попрыѣжжали уси—уси зъ дорогъ, являютца къ цару. «Ну, нѣтъ Соломона мойго сына?»—Ваша анпяраторство вялико! нѣтъ нигдѣ! А тольки бачили на дорози дурного мальца! Царъ пытаетца: што жъ ёнъ работавъ тэй малецъ? А ёнъ на подворъя, каеть, ходивъ и хлѣбъ ѣвъ заразо̂мъ, и достававъ вошы, на скорынцы бивъ. Гэто, каеть, дурный малецъ!—тыя, што шукали яго. А царъ говорить: А што ёнъ казавъ?—А казавъ, што старое выгоняю, а новое накладаю, и непрытелевъ убиваю! Царъ каеть: «гэто дѣсьвительно Соломонъ! трэба було̂ брать!" Поѣхали, не нашли ужэ у тымъ мѣсьти яго.

Такъ батька царъ оставивъ гонятца за имъ. Прышовъ наказъ съ протчихъ царыковъ,—што дѣсьвительно сынъ твой Соломонъ тутъ у насъ, показуеть разныя штуки! Ставъ показавать, якъ на сьвѣти воеватца, подѣлавъ грама̂ты, стрэльбы и ставъ порохи показавать якъ работать, зъ якого дрэва. А то̂ до яго дру̂ччамъ бились, рукопашшу, дрэвомъ. И начавъ шклы работать, вокны шклить; а да̂вно не було̂ шкловъ—ко̂-

жай вокны запинали свѣтлой. И начавъ работать люйстры, што самъ сябе чаловѣкъ увидаеть. А давно люйстровъ нѐ было, и чаловѣкъ сябе ня видивъ, опричъ якъ у водѣ. И разныя навуки приставлявъ—якъ што дѣлать на съвѣти. Тогды тэй царъ пославъ чаловѣка къ гэтому къ батьку: „отъ, вашъ сынъ Соломонъ разныя штуки приставляеть, показуеть, якъ на сьвѣти жыть!“ Запрагаить батька коней, поѣхавъ у тоя царство за сыномъ. А ёнъ знавъ, што батька за имъ прыѣдеть. Дакъ ёнъ увыйшовъ у другоя царство отъ батьки. Прыѣжжаеть батька, а яго нема. Пытаетца у того цара: «бывъ тутъ мой сынъ Соломонъ?»—Бывъ!—«А дѣ жъ ёнъ дѣвся?»—Ня знаю, увыйшовъ, каеть, отъ насъ! И ёнъ по ўсимъ свѣту показавъ навуки, къ батьку не являвшыся. Покуль уси навуки попоказывавъ по протчихъ царыкахъ. И ня звѣсно, скольки ёнъ зямель обыйшовъ. Якъ сьвѣтъ вяликъ, такъ ёнъ на ўсимъ сьвѣти показавъ навуки, сьвѣтъ просьвятивъ. А тогды обдумався домовъ,—явитца къ батьку назадъ. И нанявъ сабѣ звощика исъ конёмъ, и наработавъ люйстровъ, и прыѣжжаеть домовъ у свой городъ, дѣ батька. Разставивъ тыя люйстры на городи продавать. Ходила царыцына дѣвушка по городу и увидила тыя люйстры, покупала одно, невяличкое, можа яно тамъ сь четьверть кругомъ. И прыносить яна у царській дворецъ тоя люйстро. И показуеть царыцы: отъ, якую вещъ я покупала на городи,—што у нашамъ царстьви нема! Царыца пытаетца: „а ёсь у яго ящо большы?“—Ёсь! И такія ёсь вяликія, што зь яго дьверы можно составить, зь дьверы вяличинёй! Царыца сказуеть на дѣвку: пойдемъ съ тобою мы къ яму! И пошли яны обѣдьвѣ по городу, и нашли яго, звощика того. И спрашуеть у яго: «продажныя у тябе гэтыя вещи, люйстры?»—А ля гэтакихъ лицъ не могу продать!—„Ли чаго жъ ты ня можашъ мнѣ продать?“ царыца пытаетца.—А ля гэтакихъ лицъ хто со мной ночь перасьпить, тому и дарма даю! Царыца обдумалася, написала яму писямцо и дала: што я могу съ тобою сочинить—пераспать. А тольки яна не знаеть, што гэто сынъ. Тогды яна написала бумагу, ёнъ бумагу гэту у кишэнь. Отдавъ ей люстру саму большую. А тогды прыносить домовъ царыца тоя люйстро и пошла къ мужуку, къ цару. „Полядитка якую я у своимъ городи вещь покупала!“ Царъ прыходить, смотрыть—самъ сябе увидавъ. Ничого не казавшы царъ жанѣ, якъ увидивъ тоя люстро, пошовъ къ кучару и сказавъ саму лѣпшу карэту запрагать, лошадей шасьтярыкъ. Сѣвъ ёнъ и поѣхавъ у карэти на городъ. И нашовъ ёнъ сына свойго Соломона и узрадовався такъ, што якъ свойму воку—радъ, што сына увидавъ. «Сынъ мой дорогѣй! покуда ты будешъ мяне мучить, по сьвѣту тягать за собой,—што я за тобой ѣжжу, шукаю тябе? По сьвѣту навуки показуешъ, а дома нѣ!“—Отъ, батька—на штожъ мнѣ: я тяперъ дома буду

жыть, я й навуки буду разныя показавать! А звощику подарывъ тыя уси вещи люйстры. А самъ сѣвъ зъ батькомъ у карэту и поѣхавъ до свойго батьки у хату. «Сынъ мой любимый, рόдный! Чаго ты мяне отрόкся?» —А за тымъ отрокся, што мяне хотѣла матка зарэзать!—«А за што ина хотѣла тябе зарэзать?» —За тымъ, што я матку назвавъ блудной!—«Сынъ мой любимый! ня трэба говорыть гэтакъ на матку!» — «Коли яна у правду гэтымъ занимаетца, матушка наша! — «А почаму ты, сынъ мой любимый, гэто знаешъ?» —А вотъ табѣ, батюшка, посмотрытя: вотъ яе расьписка у мяне у кишэни! Осмотрэвъ царъ по тэй расьписцы, што дясьвительно сынъ правду говорыть. Прыѣжжаеть у дворъ,— матка и спознала, што тэй, што продававъ у городи люйстры. Матцы й страмно стало, стыдно, што сама своей рукой расьписку дала, што съ сыномъ буду грэхъ сочинять.

Ёнъ тогды распорядився, Соломонъ, уси тыя навуки дѣлать дома, - якъ по протчихъ царыкàхъ: и ружжы и граматы и шклы—усё. Тогды сказавъ: батька, буду я жанитца! Батька яму позволивъ. Поѣхавъ ёнъ, высватався у протчимъ царстьви. И дужа яна была прыгожая, тая царэвна. И бывъ у тыё царевны тожъ само полюбовникъ, такъ само царъ, опрочъ Соломона. И того цара полюбовника яе называли царъ Давидонъ. Прыѣхавъ ёнъ у сваты, прамудрый Соломонъ,—дѣюшкинъ батька пытаетца у яе: «за кого ты пойдешъ луччи,—ти за Соломона, ти за Давидона? —Нѣтъ на сьвѣти крàшай цара Давидона, а нѣтъ на сьвѣти мудрэй Соломона!“ Тогды ина отвѣщаеть батьку, што пойдеть за Соломона, затымъ, што ёнъ дужа мудрый. Тэй царъ Давидонъ тогды поѣхавъ отъ царыцы отъ тыя. А царъ Соломонъ ожанився зь ей. И по протчихъ по усихъ пославъ царыкàхъ, што ёнъ по сьвѣту ходивъ: «што вотъ, прыѣжжайтя на свадьбу къ цару Соломону, што я вотъ у васъ бывъ. разныя навуки показавъ, дакъ прошу вашыя милосьти къ сабѣ на вясельля!» Такъ уси царыкѝ могли тронутца и прыѣхать къ яму на вясельля.

И сѣли уси за столъ у порадокъ царыки съ протчаго царства. И разговаруютъ сами собой: што нема на сьвѣти милѣй, якъ жанà! А другія царыки говоруть: што матка мила. А никотόрыя говоруть: „батька милѣйшый на сьвѣти! И вѣрно нихто такъ не скажыть, якъ батька али матка!» А никоторыя говоруть: жана вѣрно скажыть. И сами помижъ сябе спорку зьдѣлали. А ёнъ, прамудрый Соломонъ гэто усё слухаеть, што яны разговаруютъ. Тогды ёнъ говорыть: „я вамъ скажу заўтра урани, хто ёсь на сьвѣти вярнѣй: ти жана, ти матка, ти батька—хто на сьвѣти вярнѣй ёсь. Якъ поўстаетё, тогды скажу!“ Пошли яны уси спать, царыки, а прамудрый Соломонъ жъ жаной ня лёгъ спать. Вышавъ ёнъ

вонъ, на ганокъ на свой, ажъ являетца яму голубъ. „Прамудрый Соломонъ! не кладися жъ жаной спать, бо не попадешъ у царство нябѣсная, будишъ грэшный чаловѣкъ! Такъ ёнъ зь ёй и не клався. Цѣлу ночъ такъ проходивъ, по своимъ покои ходючи. А заўтра раненько ўставъ, помывся й Богу помолився, и пошовъ у стайню. И ўзявъ потъ полў сабѣ пугу, сховавъ, кабъ жонка ня видила. Тогды на жонку: „пойдемъ чай пить къ царыкомъ!

А бывъ у яго, у Соломона, собачка маленькій, и тэй собачка побѣгъ зъ имъ разомъ. Отвѣщаетъ имъ Соломонъ: «я вамъ обѣщався сказать, хто на сьвѣти вѣрный ёсь!» То протчія царыкй кажуть: «слухаемъ васъ, бо вы вумныя на сьвѣти ёсь!» Доставъ Соломонъ съ потъ полы пугу, сховавшы ина была у яго. И сказавъ на собачку: служыть мнѣ! Тэй собачка дубкомъ ставъ перадъ имъ и стоить. Тогды пугой дернувъ. Тэй собачка запищэвъ и кинувся усимъ подъ ноги, ховатца отъ яго. Ёнъ тогды крыкнувъ узнова на яго: служыть мнѣ! Такъ тэй собачка узновъ дубкомъ и ставъ перадъ имъ, и слўжыть, ще й руки лижыть, што—просьти. Тогды прымѣръ зьдѣлавъ: узявъ, три разы такъ пугой стёбнувъ жонку помалёньку,—тольки прымѣръ зробивъ—што жонцы покажытца? Жонка выскочила вонъ и закрычала: запрагайтя коняй! Запрагли коняй, ина и ўтякла отъ яго, поѣхалы. Тогды ёнъ царыкомъ говорыть протчымъ: «вотъ, вы ўчора разговарывали, што на сьвѣти вярнѣй нема, якъ жонка: отъ, я собачку бивъ, ёнъ мнѣ й служыть опять; а жонцы тольки прымѣръ давъ—и ина отъ мяне ўтекла, кинула! А никому ня вѣртя, господа цары! нѣтъ на сьвѣти вярнѣй якъ собака—гэто вѣрно слово я кажу!»

Тогды прамудрый Соломонъ прожывъ зъ батькомъ цэлый годъ бязъ жонки. «Батька, дайтя мнѣ полкъ солдатовъ, пойду за жаной за своёй, пѣхотой».—Сынъ мой любимый,—а дѣ жъ твоя жонка? батька пытаетца. —«А я такъ по своимъ вуму знаю, што ина у цара Давидона,—ўтякла къ тому къ свойму кавалеру, къ давному». Даетъ яму батька полкъ солдатовъ, и отправляетца ёнъ у походъ. Ишовъ ёнъ повтора года зъ имы и потходить подъ царській дворэцъ, дѣ царъ Давидонъ жъ жонкой жыветь. И зайшовъ у пущу, и сказавъ на солдатовъ: ложытеся тутъ спать, а я одинъ пойду къ жанѣ! Прыходить ёнъ, а жана сядить на ганку. Якъ увидала яго, такъ и заплакала: «што нѣтъ на сьвѣти мудрэй, якъ Соломонъ, и ты мяне гэтакъ обстрамивъ перадъ царами!» Пытаетца Соломонъ у жонки: «а дѣжъ твой царъ Давидонъ?» А йна яму отвѣщаетъ: «у саноти, пошовъ на совѣтъ!»—Ахъ, жана моя, сховай ты мяне, кабъ царъ Давидонъ не знявъ мнѣ голову доловъ шабляй! Ина съ скрынки узяла одежу вонъ, а яго у скрыню усадила. И сама сѣла на

тэй скрыни. Ажъ приходить царъ Давидонъ съ санотомъ. Отвѣшаеть яна яму, Давидону: «ти ёсь на сьвѣти прыгожэй, якъ царъ Давидонъ, ти ёсь на сьвѣти мудрэй, якъ Соломонъ?» А ёнъ отвѣщаеть, царъ Давидонъ: што ёсь на сьвѣти прыгожэй мяне люди, а тольки нѣту на сьвѣти мудрэй Соломона! А ина сьмяётца зъ естаго, жонка: «што ёнъ за мудрый, што у мяне подъ ж. сядить!» Царъ тогды кажыть: «што ты кажашъ: гэто няўправду!» Ина подымаеть скрыню, отчиняеть—ажъ сядить у скрыни царъ Соломонъ. «Чаго ты, Соломонъ, гэто попався у скрыню?" царъ Давидонъ яго спрашуеть.—Мусить, судьба моя такая, што мяне у скрыню жонка сховала!—«Ну, лѣзь вонъ исъ скрыни!» Ёнъ вылѣзъ вонъ И бярэть шаблю царъ Давидонъ и хочеть яму голову зрубить, Соломону; отчаго ты нападеньнямъ прышовъ къ моей жанѣ! А ёнъ отвѣтивъ, царъ Соломонъ яму, цару Давидону: якій ты, царъ Давидонъ, будешъ, што ты одинъ на 'динъ голову зрубишъ мнѣ? Ты зьбяры народъ, восько своё, и чорный народъ—простыхъ, ня воиновъ, усихъ кабъ зазвавъ, усё *сво* царство, и зьдѣлай шыбялнипу, и ты повѣсь прамудраго Соломона на шыбялницы. И табѣ тогды будеть лахва, што ты повѣсивъ такъ прамудраго Соломона. И зьдѣлай три пятьлй: шавковую за шыю, пяньковую за сярэдину, а зъ лыкъ зьвита за ноги—кабъ гэтыя были пѐтьли! Гэтый царъ Давидонъ собравъ увесь народъ, усё царство и подѣлавъ гэтыя петьли. А жана яму отвѣщаеть: ня слухай Соломона, руби яму голову, бы ёнъ своёй мудросьтю увыйдеть отъ насъ! Ёнъ узявъ, и послухавъ яго,—не рубивъ яму головы, а лѣпи повѣшу, каеть. А ў царыцы была дѣвушка—и тая говорыть на цара Давидона: руби доловъ яму голову, бы ёнъ увыйдеть отсюда своёй мудросьтю. А царъ Давидонъ послухавъ яго, ня зрублюеть яму головы. И ўвесь народъ собравъ къ шыбялницы. И прывяли цара Соломона. Ёнъ отвѣтивъ цару Давидону, царъ Соломонъ: я самъ сабѣ надѣну петьли на шыю и за сярэдину, и за ноги, и самъ сабѣ соскочу съ уступу, зъ ганки съ тэй, и повѣшусь. А тольки, царъ Давидонъ, позволь мнѣ поиграть у жулеичку тры разы! Ёнъ яму позволивъ: поиграй сабѣ перадъ сьмертю! Такъ ёнъ и зайгравъ у жулейку. Тольки Соломонъ зайгравъ,—такъ народъ ставъ драмать увесь. Якъ зайгравъ другій разъ, такъ народъ поклався. Якъ зайгравъ трэтьтій разъ—такъ смашно заснули, уси—и восько, и народъ, и царъ Давидонъ заснувъ, и жонка заснула, и дѣвка заснула, уси заснули. Якъ тольки заснули яны уси, то царово Соломоново восько *у* сей жа минутой наскочили туды. Тогды царъ Соломонъ отвѣщаеть свойму воську: рубитя гэто восько яго ўсё, тольки не чапать чорнаго народу! А тогды, якъ порубили гэто восько, яго ужэ восько обнялд,—тогды ёнъ цара Давидона будить, Соломонъ: «уставай, царъ Давидонъ! што ты сьпишъ?

пора мяне вѣшать!» Поляди̅ть царъ Давидонъ, ажъ яго воська ни днӧго̂ нема солдата, а ўсё наступило Соломоново. Тогды ёнъ и гово̂рыть жонцы, царъ Давидонъ, прошнувшысь: правду ты казала, што ёнъ своей мудросьтю увыйдеть. Тогды царъ Соломонъ цара Давидона, пятлю на шыю шовковую, а жонцы пянькӧвую, а дѣвцы лышную—и повѣсивъ ихъ усихъ троихъ. А тогды распорадився съ тымъ городомъ, што забравъ ёнъ царство другоя, и поставивъ начальство у тымъ городи своё—распораджатца. А самъ отправився къ батюшку, у свой дворъ, къ ро̂дному. *)

Ажъ сустрыкаеть яго Сусъ Хрыстосъ, цара Соломона. «А дѣ ты бывъ царъ Соломонъ?» —А я бывъ, повѣсивъ цара Давидона жъ жонкой и зъ дѣвкой—усихъ троихъ повѣсивъ! Спрашуеть Сусъ Хрыстосъ: «а куды жъ идешъ, прамудрый Соломонъ?»—Иду къ батьку!—«Ходи ты со мной, прамудрый Соломонъ!»—Сусъ Хрыстосъ на яго гово̂рить. Такъ ёнъ и пошовъ зь имъ.

Приходють яны къ пеклу. Сусъ Хрыстосъ якъ духнувъ своимъ духомъ, такъ уси дъябли поўтякали сь пекла. Ёнъ забравъ, Сусъ Хры-

---

*) *Въ дер. Городкѣ, забѣлышинской вол. климовиц. у.* эпизодъ этотъ передается такъ: «Стало быть, премудрый Соломонъ у отца росьтився.» Хочетъ отецъ его оженить, указываетъ невѣсту, но Соломонъ самъ избираетъ себѣ невѣсту, «у такомъ то царстьви у короля дочку.» Отецъ знаетъ, что у дѣвушки есть „полюбовникъ", и говоритъ Соломону: „Нѣ, мой сынъ,—ни за кусъ хвытаесься, ты тымъ кусымъ пыдависься!" —Пычаму такъ?—„А ты у тыя дѣвушки подъ ж. будишъ сядѣть!"—Ну, ето моё дѣло! Ожанився...» Черезъ недѣлю молодуха поѣхала къ роднымъ въ гости, да тамъ и осталась, у полюбовника. Спустя нѣкоторое время, Соломонъ ѣдетъ съ войскомъ за женою. Условившись съ войскомъ относительно сигналовъ, онъ оставляетъ его въ десяти верстахъ отъ города, а самъ ѣдетъ къ женѣ. Та пьетъ чай и принимаетъ его «до чесьти». На дворѣ показывается полюбовникъ. „Ай, идеть съ саноту хызяинъ етыго дому!" - Ну, дыкъ што?—«Дыкъ ёнъ ни залюбить, што ты тутъ!»—А йдѣ жъ мнѣ дѣтца?—«Пылизай у сундукъ!» Является хозяинъ. Она сидитъ на сундукѣ. «А што̂ бъ, мой милый, ты зъдѣлывъ, кабъ мой мушъ пріѣхывъ?»—Я бъ яго сійчасъ ну куски пурубивъ усяго! Она соскочила съ сундука и открыла. Тотъ выхватилъ саблю: полизай вонъ! А Соломонъ: «ахъ ты вумный, вяликій князь! ты имѣй руссужденія въ себѣ, што попався табѣ ў руки примудрый Соломонъ! Ты мяне ни руби, а подгонь високій кипажъ, ды вязи мяне на по̂ля, ды поставъ висильницу високую, ды сыбяри усё начальство, усѣ выйска, ды мяне повѣсь на висильницы,—дыкъ табѣ будеть пыхвала, што ты повѣсивъ примудраго Соломона!» Тотъ такъ и сдѣлалъ. Передъ смертью проситъ Соло-

стосъ, уси души и повёвъ съ пекла вонъ, а Соломона узявъ, замкнувъ у пекли одного. «Суся Хрысьтё Сыня Божый! што вы мяне покинули одного?» —А ты своей мудросьтю отъ гэтуль утячешъ, и упярōдъ за мяне будешъ у царствви нябесномъ! Прамудрый Соломонъ нашовъ тамъ топорокъ у пекли и надѣлавъ количковъ и зъдѣвъ одежу доловъ и разобравъ по нитоцкы, и навивъ шнуровъ. И царъ Соломонъ по пеклу давай планы разводить. Прысылаетъ анцыпаръ на двинатцать головъ—дъябла съ однэй головой: «а сходи у пекло, поляди, што тамъ дѣетца?» Прыхōдитъ дъяболъ—ажъ тольки одинъ Соломонъ. «А што ты тутъ робишъ, Соломонъ?» дъяболъ яго пытаетца.—«А буду разводить планы! Мнѣ Сусъ Хрыстосъ сказавъ, кабъ я поразводивъ планы тутъ. На правомъ боку субōръ будетъ цэрква, на лѣвомъ боку католицкій будетъ косьтёлъ, а посяродъ пекла будетъ Прысвятыя Матяры Бугуродицы стояньня!» Дакъ усё пекло Соломонъ и занявъ. Дъяболъ полятѣвъ къ анцыпару и кажытъ: занято жъ усё пекло, занявъ прамудрый Соломонъ: на правомъ боку суборъ будетъ цэрква, на лѣвомъ боку католицкій будетъ косьтёлъ, а посяродъ пекла будетъ Прысвятыя Матяры Бугуродицы стояньня! Зазываетъ ёнъ къ сабѣ, анцыпаръ на двинатцать головъ, къ сабѣ Соломона. «Што ты тамъ зьдѣлавъ у пекли?» —А поразводивъ планы, усё пекло занявъ!—«А чаго ты, каетъ, застався тамъ?» —А мяне Сусъ Хрыстосъ покинувъ! А ти вѣдаешъ, анцыпаръ,—я на яго дужа не спокоенъ! якъ ба мы, анцыпаръ,—ты тыкй мудрый, и я не плохей—якъ бы мы зьдѣлали, кабъ Суса Хрыста закували у зялѣзы? Отвѣщаетъ яму анцыпаръ на двинатцать головъ: «ты жъ-тки прамудрый Соломонъ: порай, якъ дѣлать!» —А вотъ якъ: двинатцать прутовъ зялѣза, и по дватцать чатыры пуды

монъ позволенія повеселиться и заигралъ на рожкѣ, подавая сигналъ своему войску. «А у тымъ царьстьви ни знаютъ, якъ у рожокъ играть. Уси и задивились». Потомъ Соломонъ предлагаетъ загадку, увидя, что его жена везетъ въ своемъ экипажѣ полюбовника къ мѣсту казни: «господа, рассудитя етый судъ: пусь лошыдь пиридокъ вязетъ,—а чаго чортъ усьлѣдъ задокъ няеетъ?» Тѣ не могутъ рѣшить. Идетъ Соломонъ къ нижней петлѣ. «Ти въ ето сило мнѣ лѣзьтъ?»—«Нѣ, лѣзь у верхнее». Снова игра на рожкѣ, «передъ смертю». Потомъ третья петля и третья игра на рожкѣ. Пыль отъ его войска закрываетъ небо. «Соломонъ, ты тамъ високо,—што ето за пыль?» — А ето ангелы летятъ пы мою душу! Окружило его войско цѣпью всѣхъ. Приказалъ Соломонъ внизу повѣсить жену, а надъ нею полюбовника: «я пыдъ тобою сядѣвъ, а ты повыси передъ полюбовникымъ!» Забралъ царство, поставилъ тамъ своихъ начальниковъ, а самъ поѣхалъ домой.

кабъ було у кажнымъ прути. И скувать зялёзы! Ну, дъяблы сычасъ гэты зялёзы кують и надѣлали ланцугй и шрубы, позакручивать зялёзы тыя. И у сьтянѣ покрутили дирки, дѣ дъябли жывуть, у тымъ муру. И сказавъ прамудрый Соломонъ: «ты, каеть, сйлянъ дужа,—на анцыпара—а Сусъ Хрыстосъ сильнѣй тябе. Окуйся ты упѐрадъ, анцыпаръ: коли ты не порвешъ, ты й ёнъ не порветь зялёза! Такъ ёнъ яго и окувавъ и позашрубливавъ крэпко, того анцыпара. „Ну, тяперъ, анцыпаръ, ирвайся крэпко! Коли не порвѐшъ, то и Сусъ Хрыстосъ не порветь!» Тогды ёнъ якъ трыпянувся, анцыпаръ тэй на двинатцать головъ, такъ зялёзы задѐржыли, и кинулась у яго кровъ и зъ вушъ, и зъ роту, и зъ носу, отусюль—у дъябла, што дужа теразъ силу ужэ ирванувъ. „Ну, тяперъ Сусъ Хрыстосъ ня 'торветца! Коли ты не порвавъ, то и Сусъ Хрыстосъ не порветь! Тогды отвѣщаеть дъяболъ Соломону: „отмыкай мяне!“ Тогды Соломонъ узявъ, своей рукой пераксьтйвъ яго во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, и сказавъ *алилуя*. Такъ ёнъ и увився у тымъ муры дъяболъ.

Тогды яго дъябли узяли и скиныли, прамудраго Соломона, доловъ съ пекла. И ёнъ помёръ - ударывся дужа объ зѐмлю и помёръ. И дѣтки яго, пастушки, найшли на поли, и узяли яго и поховали тыя дѣтки, прамудраго Соломона. И ёнъ ставъ у царстьви нябесномъ. А Сусъ Хрыстосъ пошовъ на небо на Ушэсьтя (Вознесеніе), на Тройцу, на Духа. И разговоръ съ Соломономъ мѣвъ. «А што, кажыть, Соломонъ: я табѣ казавъ, што будешъ упѐрадъ мяне у царстьви нябесномъ! Ажъ во, ты ужэ тутъ, а я посьли тябе прышовъ».

А перадъ концомъ сьвѣта, дъябли отгрызуть зялёзы тыя и анцыпара того выпустють, и ёнъ сойдеть доловъ на зѐмлю, и народнтца жъ жыдовки Масіяшъ, и яны будуть дѣйствовать обадвы на гэтымъ сьвѣти, будуть распораджатца. И ня будеть уроды перадъ концомъ сьвѣта. И яны будуть ѣзьдить и будуть змущать народъ: «натя вамъ золота и хлѣба, потпйсыйтеся подъ насъ!» И тэй анцыпаръ скажыть, што—я вашъ богъ! И крыкнеть анцыпаръ: облоки, спусьтйтесь! И ёнъ на 'блоки станеть и скажыть: я пойду на небо! И уройдеть ёнъ на повсвѣта на блокахъ, а Господь пошлеть ангала зь вяликимъ зь зялёзомъ и скажыть—ударыть анцыпару у груди зялѣзомъ, кабъ наскрозь пробивъ яго. Ёнъ полятйть доловъ назадъ. И кинеть Господь за имъ, за 'нцыпаромъ, сонца и мѣсицъ и дьвѣ часьти звѣздовъ. И загорытца земля и вода, и конецъ сьвѣту будеть.

С. Стовбцы, лисичинской вол. сънн. у. Отъ кр-на Прохора Григорьева, 54 л., неграм. Интересное дополненіе къ легендамъ, даннымъ въ IV выпускѣ «Бѣл. Сборника».

Въ д. *Усохской Будѣ, краснобудской вол. гомельск. уѣзда*, отъ крестьянина Кузьмы Сем. Морозова записанъ слѣдующій варіантъ:

„Бувъ царъ Давидъ; у царя Давида було семдесятъ семъ жонъ. И начинаетца ў яго сынъ прамудрый Соломонъ отъ первыя жонки. Тяперака, позычила одна сястра у другія—мужычка—горщокъ. Поставила яна позычаный горщокъ на прыпячку, курыца ўзлятѣла и разбила. Вона говора: оддай мой горщокъ!—А, моя сястрица: горщокъ разбитый, курыца разбила!—Ну, ты мнѣ заплати!—Вона кажа: за шо табѣ платить, дярмо? И удырыла яе тожъ пд вуху. Тая подняла крыкъ и пошла на судъ къ царыцы Давидиси: побила, каа, мяне за моё добрая! Сказала царыца: «якъ жа ты можашъ узыскавать за такоя дярмо, за горщокъ? Би яё пд ўху яще разъ!» А Соломонъ, значитпа, у пузи сѣдючи, говора: «што ты, блудная, за блуднаю тягнешъ! Ня можашъ распорадитца, а ще за яё добро яё бъешъ? Вона тогды говора: „погоди жъ ты, коли ты такій, што щё не родився, а уже блудной узываешъ!“

И когда Соломонъ родился, она завязала его въ пеленки и вбросила въ «провальля». Пробылъ онъ въ «провальли» двѣнадцать мѣсяцевъ, и выросъ такъ, какъ за двѣнадцать лѣтъ. Тогда явился онъ въ городъ. Царь Давидъ начинаетъ его «узнавать». Велѣлъ запречь карету серебряную и возить по своему царству: «хто ету карэту оцанўя, того бярытя до мене!» Ѣздили посланцы съ каретой двѣнадцать сутокъ, не могъ ее никто оцѣнить. Возвращаются въ городъ, «сидитъ» нищій, ѣстъ корку хлѣба и „шукая ў головѣ“.—„Што йто ты дѣлаешъ?“—А старъ(ръ) выкладаю, новъ(въ) накладаю, злого побиваю!—„Старыкъ, оцанй нашу карэту,—щд яна стдя?“—А якъ не подъяси, за яшнаю лўсту оддаси!—„Э, дўранъ ты старый!» И поѣхали къ царю.

„Нихто ня могъ оцанить карэту, тольки стàрапъ сказавъ, што якъ не подъяси, за яшнаю лусту оддаси!» Ёнъ кажа: було брати яго, ето прамудрый Соломонъ!... На другой день посылаетъ на базаръ разбитый горшокъ: «хто етый горщокъ залатая, того бярытя до мене!» Носили цѣлый день, никто не взялся. Вечеромъ является майстеръ: «я залатàю, тольки якъ жа налицо латку класть? Няситя къ цару, нехай вывярня горщокъ навыворотъ (на изнанку), тогды я залатàю!»

На третій день Давидъ посылаетъ искать, «хто ему ерусалимъ дострояя. Соломонъ собравъ одинàтцать такихъ, якъ самъ: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо: казавбы одна мать родила. Приходятъ яны къ цару и говдрать: царъ Давидъ! ми вамъ храмъ достроимъ! И стали строить. Якъ одна рука, строять. Давидъ питая: хто у васъ старшый?—Ми ўсѣ ровныя! Царъ и не разобравъ мижъ ихъ Соломона. Кончили яны суборъ, якъ чугунъ (котелъ), безъ верху, и просять ра-

щоту. «Що жъ у васъ верху нема?» — А коли намъ верхъ кончить, дакъ ты скоро помрэшъ! — „Ну, що жъ, братцы: дамъ вамъ ращотъ, побѣдайтя у мене!“ И завялѣвъ ложки здѣлать по аршыну: „якъ яны будуть обѣдать, я угадаю!“ Садились яны одинъ напротивъ другого, брали ложки за концы и одинъ одному давали ѣсть чаразъ столъ. Царь глядѣвъ—глядѣвъ, и не угадавъ. «Скажытя вы мнѣ, господа майстры: хто зъ васъ прамудрый Соломонъ?» — А вотъ я, отецъ мой, прамудрый Соломонъ! Енъ яго цаловавъ, миловавъ и узявъ къ сабѣ.“

Чрезъ нѣкоторое время царь насильно оженилъ Соломона и самъ умеръ. Соломонъ цѣлый годъ спалъ съ женою спина къ спинѣ Тогда она написала своему прежнему полюбовнику, чтобы онъ увезъ ее отъ Соломона,—она прикинется умершею,— а Соломона попросила поставить ее послѣ смерти на три дня въ церковь. Прикинулась она умершею, Соломонъ заковалъ ей руки желѣзнымъ обручомъ и поставилъ въ гробу въ церкви. Полюбовникъ ее укралъ оттуда.

Тогда „объяснилась на Соломона война: на востровахъ птицы зъ зялѣзными дюбками глытаять людей.» Онъ собралъ войско, вооружилъ его желѣзными цѣпами и «выбивъ тую птицу, тольки трэтьтяя часть осталась у пящеры, и сказавъ: трыжды будяшъ ты прòклята, коли полятишъ зъ етаго мѣста! И понадявàвъ кулй солòмянныя у шынели, и обставивъ пящеру кулями, и коло кулей поставлявъ зялѣзныя цапы. Тая птица якъ зирнè, да й опять назадъ у пящеру подаѐтца.»

Потомъ Соломонъ раздѣлилъ свое войско на три «роты». Первую одѣлъ въ черное платье съ рогами, вторую въ красную, какъ жаръ третью въ червоную, какъ кровь. Спряталъ ихъ подлѣ города полюбовника, а самъ пошелъ къ бывшей женѣ. Та, угостивши, прячетъ его въ’ стеклянный шкафъ. Приходитъ ея мужъ. „А що бъ ты зьдилавъ, коли бъ до мене прамудрый Соломонъ прышовъ?—А пошли бъ, погуляли, тогды бъ головỳ зьнявъ! — «А вонъ жа тутъ!» — А дѣ? — „У шкахви!“ — Давай яго сюды!.. Ну, пошли, погуляли.— „А я табѣ головỳ зрублю! — Дуракъ ты: якъ ты можашъ страннику ноччи голову рубить? Ты изьдѣлай двѣ шыбялницы — одну шовковую, другую пяньковую, и гукни свой черъ(рь), щобъ видѣли, якъ ты будешъ мене мучить!... Тотъ такъ и здѣлалъ. Предъ смертью проситъ Соломонъ позволенія «потрубить три разы у рожокъ, сь своей стороной попрощатца.» Ему позволили. Протрубилъ онъ разъ, является черная рота.—«Хто ето»?—Ето смерть моя! Протрубилъ другой, является красная рота.—«А ето хто?» — Ето кровъ(вь) моя! Протрубилъ въ третій разъ, явилась червоная рота. „А ето хто?“ — А ето нгелы, будуть мою душỳ брати!... Окружили войска черь и перебили. Жена повѣсилась въ пеньковой петлѣ, мужъ ея въ шелковой. Въ заключе-

ніе Соломонъ говоритъ: «будя трыжды разъ проклятъ, хто на твоей землѣ населитца...“

По варіанту, записанному въ *с. Самотѣевичахъ чериковскаго уѣзда*, Соломонъ былъ обмѣненъ матерью на сына прачки, родившагося одновременно.—По отвѣту, что изъ лѣса можно угля нажечь, отецъ узналъ, что выдаваемый за его сына есть сынъ прачки, а его сынъ отданъ прачкѣ. Тогда Соломонъ скрылся и являлся подъ видомъ сопливаго мальчишки и старца нищаго. Отецъ ищетъ его при помощи золотой кареты и длинныхъ ложекъ. Соломонъ уходитъ къ бабѣ ягѣ и тамъ сватаетъ ея дочку, которую раньше любилъ „чортъ“. Въ отмщеніе за это, чортъ указываетъ Соломона отцовскимъ посламъ. Но ихъ прогоняетъ теща его —баба-яга. Соломонъ „представляетъ разныя мудрости, утѣхи“. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ скрипку; но никакъ не могъ заиграть на ней. Старый чортъ научаетъ его музыкѣ, требуя отъ него за это душу. Соломонъ вкладываетъ въ скрипку кусокъ дерева и когда приходитъ срокъ расплаты, отдаетъ чорту этотъ кусокъ дерева, какъ душу скрипки.

Потомъ Соломонъ идетъ къ отцу и играетъ у него на свадьбѣ. Отъ его игры никто „не ўсѣдивъ и не ўлѐживъ, пустились у его скакать, и люди, и собаки, гуси и куры, и ўся тварь на землѣ». Отецъ нанимаетъ его стеречь свой садъ, и ночью идетъ провѣрять, хорошо ли онъ стережетъ садъ. Соломонъ уже не въ образѣ старца-нищаго, а въ обыкновенномъ видѣ. Происходитъ признаніе. Отецъ плачетъ отъ радости и передаетъ сыну царство. Соломонъ царствуетъ долго, «премудро разводя обиды каждому. И ўсѣ звѣри яго слухались.“

По варіанту *Казимирослободской вол. мстиславскаго у.*, Соломона, сына царя Давыда, берутъ подъ арестъ за дешевую оцѣнку золотой кареты, потомъ судятъ въ санотѣ. Здѣсь онъ доказываетъ, что пища и сонъ для человѣка дороже золота. Его освободили. Затѣмъ прибавленъ извѣстный эпизодъ о постройкѣ Давыдомъ дома съ чугунной крышей и продажѣ его старику за три брички воловыхъ золота. При этомъ Давыдъ, узнавъ въ старикѣ Господа, умолилъ его дать ему „ўглушокъ“ въ его домѣ. (Записаны мною.)

№52 Молодой Юнкеръ.

Былд на чисахъ десить солдатовъ и одинадцатый юнгыръ (г—g) изъ ими, начальникъ. И былд етымъ усѣмъ строгыя служба, такъ што вынисьти ни возможно. Потомъ яны собираютца убижать. Юнгыръ имъ говоритъ: будимъ служить: ти худо, ти добро, будимъ служить! Потомъ яя ўсдвисьтивъ ёнъ ихъ и усѣ разымъ пошли. И ёнъ зь ими. Ишли яны

лѣсымъ усё, такъ што яны сами заблудили. Пуща ета велика, имъ ня возможно было никуды выбитца на путь. Ни стало у ихъ пищи ужо ничого. Ишли значитца яны девить дней по лясу, тяперь ужо на десятый день бязь пищи яны жить ни могуть. Што яны придумали сабѣ? Придумали одного зь ихъ страбить повочириди, ды зготовить, бо нечиго ѣсьть. Одинъ изь ихъ дисьвитильно, юнгыръ етый говорить имъ: «такъ якъ вы щитаитя мяне большаго, дыкъ я совѣтую вамъ: пройдёмъ ящо день такъ,—можить быть Богъ дась!»—Ды мы то тябе и ня требуимъ, мы тябе и почитаимъ за старшого! мы возьмёмъ изъ насъ дисяти одного!— „То обождитя, ёнъ говорить: я узьлѣзу на дериво, пыляжу—ти ня видать дяревни!“ Ну, ёнъ узьлѣзъ на дериво, ничаго ня видивъ. Потомъ зьлѣзъ зъ дерива и сказавъ имъ, што видавъ дяревню; „дыкъ вотъ за мной путь дяржитя. Пройдёмъ ящо день, вотъ у дяревню привяду я васъ!“ Ёнъ ето обманувъ ихъ, штобъ никого ня губить,—ёнъ ничого ня видивъ. А потомъ яны послухыли яго: день ишли. И опять жа занялись: „мы ня скоро придёмъ, зугубить надо!“ Потомъ ёнъ: «погодитя, я ящо разъ узьлѣзу на дериво, поляжу! Самыя високыя выбравъ дериво и полѣзъ,—яны яго послухыли. Узьлѣзъ и видить што то такоя, ни зьвѣсно што: ли каминь, ли дяревня, ли горыдъ якей—ни зьвѣсно што, только видно далёко! Ёнъ зьлѣзъ зь дерива и говорить: «видать, братцы, постройки! Скоро придемъ!» А ёнъ самъ ни знавъ, што, али ёнъ говоривъ, штобъ яны ни губили. Яны яго послухыли. Потомъ пройшли другія сутки посьли етыго. Ето ужо одинадцать сутокъ. Усѣхъ одинадцать дней ишли усё пошти бязь пищи, только на первый день была пища, а то усё бязь пищи.

Потомъ увыйшли у горыдъ; етый горыдъ завалинъ камнями. И людей нима у етымъ горыди, только замѣтно, што горыдъ. У концы нашли яны одну старушку у вызьбусцы. Яны зайшли къ етый старуси, поздраствувались то, и распрашыють у яе: «што ето такоя зьдесь было?» —Ето, говорить, бывъ зьдесь горыдъ, и могучій бывъ горыдъ!—„Отчаво сычасъ вѣтъ? што и пупищиватца нейди?»—Ахъ, говорить: ето нячиста сила забравъ етый горыдъ, и оплинтавъ яго,—только я одна осталася. —„Ня можно ли у васъ, тётушка, пыкормитпа? мы одинадцать дней якъ ѣли, помираемъ голодной сьмертю? „То старуха ихъ дисьвитильно покормила, икая у яѐ тамъ здобычь, тую пищію покормила ихъ. Потомъ яны поблагодарили ей, потомъ спрашують у яе: „нѣтъ ли тутъ ящо кого живого? укажитя намъ!“ Ина указыить имъ: «ёсь, говорить, собстьвинно царськыя дочь: вотъ тамъ, говорить, на поли у стовби замурина!» То пошовъ къ ёй юнгыръ. Приходя къ стовбу и вызываить: «здрастви, ваша анпираторство вяликая!» Ина говорить: «а здраствитя! Госпыди! говорить: откуль васъ Богъ сюда ко мнѣ принёсъ»?—Мы, говорить, убижа-

ли съ такого то царства,—признаёмся, говорить, своимъ грѣхымъ!—„А, говорить: слава жъ Богу! я и сама оттуль, царя етыго дочь! Вы, говорить, при полный служби?» Говорить: при полный!—«Попрошу я васъ, єуслужытя мнѣ службу, што я васъ заставляю: поставтя на такихъ то вулицахъ трёхъ чиловѣкъ солдатовъ уси ўрозь - штобъ усю ночь прыстыяли, штобъ ничого никому ниговорили, якоя начальство ня будить ивлятца, штобъ ни твичали яму ничого, штобъ мовчали.»

Такъ ёнъ и зьдѣлывъ: пыставивъ ихъ на етыхъ вулицахъ и приказавъ строгую службу: «хто ни будить ивлятца вамъ зъ начальства, што ни будить спрашивать васъ, ни говорйтя ничого! мовчитя!» То такъ ёсь Сиради ночи ивляитца имъ полковникъ, съ котораго полка яны утяклй.· «Ахъ· говорить: ты, Ирмолаивъ, чаго ты убижавъ отъ мяне? Думувъ, я тябе ни найду? Нѣ! я тябе найду и въ водѣ!» Ёнъ разныя угрозы яму дѣлывъ, саблію голову яму отсикавъ,—но ёнъ ничого яму ня 'твичавъ, по приказанью свойго юнгыра. Потомъ и къ другому съ такыми самыми угрозыми. И етый ничаго ня 'твѣтивъ. Потомъ ёнъ къ третьтиму, тожа съ такыми самыми угрозыми. И тэй ничого яму ни 'твягивъ. Ну, питухи запѣли,—етаго ничаго ни стало. А етый бывъ нячистый духъ, идылъ, будто у розыйски за ими пусьтився. Етый нячистый духъ у концы вѣку укравъ у етыго царя дочь и ўнёсъ у свой горыдъ, заваливъ етый горыдъ, штобъ никагд нѐ было, штобъ, значитца, ива одна тольки была. Ина ни хотъла здаватца у ихъ у вѣру, дыкъ яны яе у стовбъ замурували. сказали ей: «здайся намъ, дыкъ ты освободисься!» Ну ина ни согласилыся; яны яе у стовбъ замурували и сказали: „покуль твоѐ выйска ня будуть зьдѣсь, потуль ты ни свободисься!“ Ну, а тяперь, якъ пришли яе выйска и суслужили ёй службу, дыкъ ина грудью стала вонъ.

Дыкъ ина призвала юнгыра, поблагодарила яму, што ёнъ приказавъ своимъ солдатамъ суслужыть службу. «Ну и тяперь, говорить: «отслужытя мнѣ другую службу, ужо строжэйшую: штобъ усю ночъ ни спать и што будить вамъ гыныралъ ивлятца, ничагд ни говорйтя!» Ну, ёнъ призвавъ солдатовъ, поставивъ ихъ по тыхъ вулицахъ, по которыхъ ина указала, и приказавъ имъ: «будить вамъ ивлятца начальникъ тожа строгій, тожа нашыго полка, и будить спрашивать: чаго вы утикали, зачимъ? будить вамъ сьсикать головы, ну вы ня страшытися етыму, ни твичайтя яму!» Усиради ночи явився имъ гыныралъ. „Вы, говорить, чаго убижали, мошэньники вы, такёя вы, чаго вамъ ни хватало, чаму вы мнѣ ни жалывались?» И много чаго... Яны мувчать, ничагд яму ни 'твичають. Потомъ ёнъ усихъ трёхъ едыкъ объѣхывъ, и ничаго яму нихто ня 'твѣтивъ. Потомъ запѣвъ пятухъ—и низьвѣсно идѣ дѣвся ихъ гыныралъ. Яны съ часовъ сышли. И ина ослобонилыся по колѣни.

Пошли яны къ старусцы тэй, увыйзбушку—ихъ тамъ квартера. Потомъ, утромъ, на третьтій день требуить царевна юнгыра опять: „ну, благодарю тябе, юнгыръ, за твоихъ дьвѣ службы, што ты заставивъ своихъ солдатывъ, суслужыли вѣрно! Тяперь суслужытя яищо третьтію строгую службу! Ужо тутъ нѣкотырымъ быть ужо нижывымъ! То ужо будить сюды самъ царь. И перваго у такихъ то вулицахъ пройдзѣть, и ўтарого пройдзѣть, а третьтиго зрубить! То вы возьмитя сцалѣшныя воды, указала имъ тоя мѣсто, тамъ у вулусцы у криницы, и етую водою помочитя рану тую, и яны ожывутца!“ Ну, такъ жа на третьтію ночъ юнгыръ поставивъ трёхъ солдатывъ на показанныхъ вулицахъ и приказавъ имъ строго: „ни говори ничого, хотя и самъ царь явитца, ну ни говори ничого!“ То й ивляитца дисьвитильно ноччу самъ царь исъ саблію. Первыму грозивъ, саблію махавъ, по имени называвъ, ну а ёнъ ничà ня твѣтивъ. Такъ і къ другому съ тыми самыми угрозами. Ну солдать, ничавò ни робѣвшы, исповнявъ службу по приказанію юнгыра. Къ третьтиму подънижжая ёнъ, ставъ угрозами: ты, говòрить, зачимъ сюды ушовъ? Ёнъ, ни тороплялся, ничòго яму ня твѣтивъ по приказанію юнгыра свойго. Ёнъ тоды зрубивъ яму гòлуву. Пропѣвъ пятухъ, яго ни стало, нязьвѣстно идѣ ёнъ и дѣвся. Открываитца у горыди шумъ, открываитца торговля, усё, и царевна тройкую по горыду прикатыитца. А етыя два чисовыхъ, жывыя солдаты, узяли жывой воды у тэй криницы и помочили яму, етыму убитыму, рану. И ставъ ёнъ жывой. То царевна ужо спросила ихъ усихъ къ сабѣ у палаты,—ина ужо у палатахъ стала. Тяперь ина ихъ наставила усихъ начальниками: который городничій, который становый, который слѣдыватилимъ, и усихъ поприздялйла начальствымъ у етымъ горыди, а юнгыра оставила такъ, ничимъ. Юнгыру говòрить: „ну вы, юнгыръ, суслужытя мнѣ цяперь самы службу, которую я вамъ укажу! Вы, говòрить, будьтя ля горыду на мосту чисовымъ и хто ня будить вамъ што давать, ни бяритя, будить говорить, спрашивать,—вы ничого ни твичайтя, покуль сама буду ѣхыть зъ горыду, значитца, къ свойму батьку!“ Ёнъ тады на мосьтикъ на етый, служыть тамъ. Тутъ хатка ля мосьтика. Тутъ капелія вядзѣтца, тамъ пляски, игры,—ну ёнъ ничаго ня слухыить. Стольки яму часовъ назначино былò, и царевны нѣту, а часы прохòдють. Нясѣть старичокъ кукшынъ зъ водою, а яму пить больно хòчитца, такъ што ёнъ ня можыть и вытирпить. И етый старичокъ говòрить на юнгыра: „возьми етыя воды хлибни, а то я бачу твоѐ уста ужо заросли!“ То ёнъ послухувъ яго, узявъ, глынувъ раза два, такъ и заснувъ сьмертнымъ сномъ. Ѣдить царевна на етыхъ порахъ якъ ёнъ заснувъ. Будила, будила яго, кричала, ничагò ёнъ ни увызнавъ, ни разбудила яго, воротилыся у горыдъ назадъ. Тольки якъ ина воро-

тилыся назадъ, ёнъ прочхнувся. И бѣгыитъ мальчикъ. Ёнъ спрашіитъ у стаго мальчика: „а што? тутъ бывъ хто нибудь коло мяне?" Говоритъ: была царскыя пролётка съ царевную!—Куда жъ ина ушла? спрашіитъ. —А, говоритъ: назадъ у горыдъ, васъ ни разбудила! Ёнъ узявъ, отправився къ ёй, пошовъ. „Ну, говоритъ ина: жалѣю тябе, юнгырь, ды останѣсься ты тутъ, бизъ усякаго посьлѣдства! Якъ вы ня сповнили мойго приказанія?" говоритъ. „Иди сто ужо на другую дорогу, иди ды стой, никому ничого ни говори! я буду тамъ ѣхыть"! Ёнъ опять ставъ на часы на мосьтику, опять служытъ. Много ужо часы проходютъ. Бяжытъ мальчикъ, нясетъ у корзинцы яблычки и говоритъ: „возьмитя, господинъ юнгыръ, яблычка, закуситя, а ето ничаво ни значитъ, што царевна тамъ говорила!" Ёнъ узявъ ето яблычко, закусивъ. Якъ закусивъ, такъ и заснувъ. Сычасъ ѣдитъ царевна. Много ина будила яго, ну ничого ня здѣлала, ни якъ ни разбудила. Вярнулыся опять у свой горыдъ. Ёнъ опять якъ ина уѣхала, ёнъ сычасъ прочхнувся. Тамъ мальчикъ коло яго бѣгыитъ, гуляитъ. Енъ спрашіитъ яго: бывъ хто тутъ ли мяне?— Была, говоритъ, царскыя пролётка съ царевную. Много тябе будила, и ты не прочхнувся, ина уѣхыла назадъ у горыдъ. Ёнъ опять заплакывъ изъ горисьти своей, опять пошовъ къ ей. Приходя къ ёй, ина на яго стала конешно сварится: „ахъ, говоритъ: жаль мнѣ тябе, юнгыръ, якъ отца свойго, што ты освободивъ мяне отъ усихъ наказаній моихъ! Ну, говоритъ: иди на етый самый мостъ, смотри, и служы строго часы, никуды ни гляди, ни сь кимъ ни говори, ни слухай капелій ни якыхъ, дыкъ я тябе возьму у своё царство, и ты будишъ моимъ другомъ. А коли, говоритъ, ни ссолужышъ правильнымъ, дыкъ останѣсься тутъ, и ня быть табѣ дома никогда!" Ну, ёнъ поплакавъ —поплакавъ, пошовъ на своё мѣсто. И думыитъ: „Господи! што ето такоя со мною?" А ето яго злэя духи искушаютъ, што ёнъ повредивъ ихъ. Ну, пошовъ ёнъ третьтій разъ, ставъ на службу. Ходивъ, ходивъ по стуму мосьтику, ужо проходютъ яго часы. Слышитъ ёнъ, у етый хатцы такая капелія, што ня можытъ растратца зь ёю. И приглашаютъ яго туды, у капелію у сту: „пожалуйтя, господинъ юнгыръ, ко мнѣ!" Выходитъ барышня и кажытъ: „тамъ у насъ, говоритъ, люди такѣя ожыдаютъ васъ! А царевна ящо, говоритъ, няскоро будитъ ѣхыть! Мы, говоритъ, знаимъ, чаго вы ожыдантя!" Ёнъ думувъ много, раздумувся, послухавъ етыя барышни, пошовъ у хатку: „дай, думыитъ, сходжу полюбопытствую: а можытъ, у самымъ дѣли царевна ня скоро будитъ ѣхыть!" И пошовъ. И потомъ выпивъ рюмку вина. Якъ вышывъ на мосьтикъ, такъ яго хмѣль обравъ, и ёнъ заснувъ на стымъ мосьтику третьтимъ разомъ. Пріѣжжаитъ опять по третьтыму разу царевна у своей пролётцы—карети. И опять будзитъ яго

стала. Много ина будила, однака ни разбудила. Узяла, повѣсила имянѣнныя часы ямỳ и положыла у карманъ яго кошалёкъ зъ золотымъ. Попрощалыся съ сьпящимъ, заплакыла и поѣхыла, значитца, ужо у своё царство,—ужо у горыдъ ни вярнулыся. Якъ ина уѣхыла отъ яго, ёнъ тамъ часы чиризъ три опрочнувся. Бѣгынтъ мальчикъ етый по мосьтику. Ёнъ спрашіитъ яго: „а што, говоритъ: бывъ ли мяне тутъ хто, ай нѣтъ?“—Была, говоритъ, собстьвинно царевна; будила васъ, дайжа плакыла, штобъ вы устали, вы ни проснулиси! Тады ёнъ спрашіитъ у мальчика: „а тяперь раскажытя мнѣ, куды ина ѣхыла?“—А уѣхыла, говоритъ мальчикъ, на мòря, кораблёмъ у свое царство поѣхыла! Ну, ёнъ тяперь плакатъ начинаитъ: „ну, я тяперь погибъ, ни поставила ина мяне ничимъ!“ Івляитца къ яму старичокъ: „послухай, говòритъ, молодый юнгыръ: чаго ты такъ скучаишъ?“—Да вотъ, говоритъ: якъ жа мнѣ ни скучать: мнѣ надо было ѣхыть съ царевную, а тяперь ина уѣхыла у своё царство, а мяне покинула.—„А вотъ што, говоритъ старичокъ ямỳ: иди на горыдъ и купи човинъ, то мы ихъ нагонимъ!“—Да, говоритъ: денихъ нѣтъ!·А старичокъ говоритъ: полядитя у кармани, у васъ ящо золотэя деньги есьтъ. Ёнъ полядѣвъ—дисьвитильно: у яго кошалёкъ зъ золотыми деньгами: денихъ много! Ёнъ узрадувався. Пошовъ на горыдъ купивъ човинъ, привёзъ къ беригу яго, къ морю. „Ну, говоритъ, дядюшка! я купивъ човинъ, купивъ и привёзъ.“ Старичокъ кажытъ на яго: да, вотъ тяперь и поѣдимъ! Ето жъ дѣитца дня три спусьтя якъ ина поѣхыла, покуль ёнъ справився. То старичокъ говòритъ: „ты ложыся ницъ у човинъ, штобъ табѣ ни было страшно, што конешно волны, а я погоню човинъ!“ То ёнъ легъ ницъ, старичокъ етый погнавъ човинъ. Проѣхыли яны нямного, старичокъ спрашіитъ у юнгыра: полядя, говòритъ: што дѣитца тяперь одзади и што и упиради! Ёнъ уставъ, обыкновенно, полядѣвъ: одзади ничого ни видать, а упирадѣ, будто муха колышитца по морю. А ето ёнъ увидивъ корабъ. Тады старичокъ говòритъ: ложысь узнова! Ёнъ опять лёгъ. Теризъ якихъ нибудь два—три часы, и ёнъ оявився у своёмъ царстви, яе опирадивъ. Выгрузився на беригъ уже у своёмъ царстви. Тутъ ёнъ рыспрыщався со старикомъ зъ етымъ, который у човни яго гнавъ. Тяперь ёнъ зайшовъ у царскый трахтиръ и спрашіитъ царскыга трахтирщика: „Ти ня можно мнѣ нанять у васъ квартѣру?“—Да, говоритъ: ни знаю: зьдѣсь царская хамилія часто прибываитъ. А правда, говоритъ, ёстъ у мяне тамъ бокòвычка вокномъ у садъ, то тамъ можно помясьтитца. Ёнъ заплативъ яму дòрого, и ёнъ яго пусьтивъ у тую боковучку. Потомъ ёнъ пошовъ у садъ царскый прыходитца, поглядѣть. Находитъ у царскымъ саду,—ляжытъ нижывой богатырь: у яго глазъ отъ глазу на цѣльный

аршинъ,—такей огромный. Приходить у трахтиръ и спрашiить трахтирщика: а што, говорить, ето у васъ, у царскымъ саду ляжыть за чиловѣкъ? такей огромный?"—А ето, говорить, богатырь ляжыть нижывой!— „А чаго жъ ёнъ, говорить, помёръ!" Говорить: ето нячистая сила двянадцать головъ поразила яго, и ў ето ўремя узила царевну отъ насъ! Етый юнгыръ говорить: „што жа вы яго ни схоронили до етыхъ поръ!"—А, говорить: ни знашовся нихто яго схоронить, што ёнъ такъ огроминъ! То юнгыръ дождавши вечира отправився на горыдъ, напявъ золотого масьтира, договоривъ яго вылить гробъ золотэй на етыга богатыря, труну. Етый вылинъ гробъ и зьдѣлыли пограбенiя у водну ночъ. Такъ имъ лёхко показалыся, якъ будто самый лёхкiй чиловѣкъ. И пошовъ юнгыръ у свой трахтиръ, схоронёмши, и приспокоився, знатца, лёгъ оддыхать спокойно. На другую ночъ подходить подъ вокно и гукаить трахтирщика ня зьвѣсно хто: вышлитя мнѣ виновнаго! Трахтирщикъ думувъ, думувъ: хто тутъ виновный! А потомъ уздумувъ на юнгыра: вѣрно, юнгыръ виновинъ! Ёнъ узявъ выславъ етыга юнгыра: иди, говорить: тябе гукаить ня зьвѣсно хто! Ёнъ 'дѣвся и вышывъ. „А, говорить: здрастьви, молодэй юнгыръ! благодарю тябе, што ты схоронивъ тѣло моё! Лижало яно у насъ довго, нихто во ўсимъ царетьви ни нашовся схоронить яго, окромѣ тябе! Ходи, говорить, за мной: одблагодарю и я тябе! Повёвъ яго у гору, у зёмлю, оддавъ яму своё копьё, оддавъ яму свою лошидь, давъ яму силу нибкнавенную, што яцо сильнѣй, якъ ёнъ самъ! Отправився юнгыръ на свою хвартеру. То у ето урремя опвляитца тая самыя царевна, выгрузилася на беригъ. Царь, видзивши, што ина ужо выгрузилася на беригъ, хлакъ выбросила вясёлый и послала виставого къ царю: што, говорить, ваша дочъ явилася якъ съ того сьвѣту: штобъ прислали карету подъ мяне! А ето пройшло три годы. А ёнъ шириѣхывъ тиразъ три часы ето ўсё—царь зъ радосьти съ своёю войскою самъ отправився на беригъ. И прiѣхала ина съ отцомъ у палаты своѐ. Такъ, якъ у вясёлымъ разсудки, пошли по саду прыгулятца. Дай зайтить у трахтеръ, идѣ етый самый юнгыръ. Спрашiить царевня у трахтирщика: нѣть ли у васъ чисовъ, посмотрѣть, который часъ, я своѐ забылась? Говорить: ёсь у мяне тутъ на квартеры чиловѣкъ, у яго ёсь чисы. Ина говорить: позовитя мнѣ яго сюда, штобъ мнѣ посмотрѣть! Трахтирщикъ вызвавъ яго. Выскакыить ёнъ исъ чисами: „и вотъ, говорить, смотрйтя!" У своихъ рукахъ дѐржыть. Ина посмотрѣла на чисы и узнала, што ето яе имянённыя часы, што ина оддала юнгыру. И думыить: откуль жа яны узялися? Спрашiить у трахтирщика: давно у васъ квартирантъ етый? Трахтирщикъ говорить: три годы прыжываить, у такомъ то чисьлѣ явився. Ина думыить: у етымъ году я оддала ихъ! Придумалыся ёй: нѣ, думаить

ни моё чисы. Потомъ вялѣла свойму батюшку узять етаго юнгыра на конюшню. Яго узяли на конюшню. Терязъ сколькя урemя зьмѣй етый, нячистая сила, пишытъ етому царю: оддай мнѣ дочку, узнова иду на тябе битца и забяру твоё усё царство! Думавъ етый царь: жалко дочки! И узявъ написавъ: идзи сабѣ, ни дамъ дочки! Потомъ ёнъ, етый зьмѣй, влятитца оттуль. Царь конешно силу выставляитъ, сабѣ думытъ: ничого ня будитъ! А етый сабѣ юнгыръ думытъ: погоди жъ, говоритъ: я жъ съ тобою тяперь буду дратца! Узявъ свою лошидь, копьё и сѣвъ на лошидь, отправився. И догоняитъ войску царскыю и опирадивъ яе, яго жа нихто ни узнавъ, хто ёнъ такей. И прiяжжая къ яму, къ зьмѣю. Начинаютъ дратца. Такъ ёнъ яму зъ разу зьнявъ яму шесь головъ. Зьмѣй говоритъ: стой, молодэй юнгыръ! Цари—короли бьютца, и то оддышку маютъ, а мы съ тобою ни маимъ! А ёнъ отвѣтивъ: ну, пущай сабѣ, оддохнёмъ! Давъ оддышку на четвирть чиса. Оддохнули, и давай узнова битца. Билися довго, ёнъ двѣ головы зьнявъ. Тады зьмѣй проситъ узновъ оддышки. „Нѣтъ, говоритъ: ни дамъ я тяперь табѣ оддышки!—Хотя жа пусьти мяне назадъ! Я съ тобою никада ня буду дратца!—„ Нѣ! я тябе, нячистая сила, ни пущу одного часу: тутъ ти мнѣ сьмертъ, ти табѣ сьмертъ!“ И началй опятъ битца. Ёнъ яму сырвавъ четыри головы, а зьмѣй яму икру вырвувъ. А царевна кровь платкомъ зывязала. Ну, ёнъ яго побивъ и спаливъ. Сѣвъ на лошидь и поѣхывъ. И стрикатъ войску царскыю. Говоритъ: „погублинъ ужо, нѣтъ яго! погублинъ и спалинъ!“ Потомъ поднявся на лошиди высоко и полятѣвъ. Прилятѣвъ, пусьтивъ свою лошидь куда ёнъ знавъ, самъ лёгъ на койку оддыхатъ. Такъ, якъ заснувъ богатырськимъ сномъ, спавъ троя сутокъ и ни прачинався. То пошла разъ царевна у конюшню чаго тамъ и спрашiитъ у старшыго кучира: „бывъ ли гдѣ твой младый юнгыръ?“—Нѣ, говоритъ: нiйгдѣ ня бывъ, а сьпитъ,—трэтiй день сьпитъ! То ина: „дай, говоритъ: надо 'глѣдитъ: живой ли ёнъ или нѣтъ? Што жъ у васъ нихто яго ня глѣдитъ?“ Ина 'глѣдила яго, узнала платокъ свой на позѣ; поглядѣла—на грудяхъ часы яе. Узбудитъ яго ни узбудили. Ина отправляитца у палату. Просила тца, штобъ такого юнгыра надо стрѣтитъ зъ музукую, хлѣбымъ-сольлю, потомъ што ёнъ набядивъ нагонитиля нашыго зьмѣя. А мы ни знали! Када ёнъ прачхнувся, то стрѣтили яго съ хлѣбымъ съ солью, съ музукую, узяли яго у палаты царскыя. Потомъ гуляли много у палати царскый. Тяперь царевна пожылала и выйти замужъ за яго, што ёнъ два разы яе помилувавъ. И признався ёнъ, што ина подарила яму чисы. И вышла ина зы яго замужъ. И бывъ пиръ якъ николй.

Бѣлынковичи, Климовичскаго уѣзда. Граница двухъ говоровъ. Произведенiе очевидно-заносное. Запис. въ моемъ присутствiи отъ мѣстнаго крестьянина г. Анискiевичемъ.

53. Три ночи на могилѣ отца.

Жывъ сабѣ такій купецъ, значитца, больный богатырь, и было у яго тры сыновьё—два сыны жанатыхъ и разумныхъ, а третьтій сынъ холостый и дурань. Ёнъ дурань, до вочань силянъ крэнко. Тяперъ прышлося гэтому батьку умирать. Ёнъ говорыть: нука, говорыть, сыны моѐ пралюбезныя! Я, каить, помираю, а вы станетёся. говорыть, у жытьтѣ! И, кажыть, прыходитя ко мнѣ на мѳгалку ночувать тры ночи: большаму, говорыть, на перву ночь, а сярэдьняму, говорыть, на другую ночь, а дурню, каить, на последнію ночь. И якъ будитя итп, кажитя: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Ну, тяперъ гэтыхъ жонки у голосъ, ня хочуть пускать—кажуть: проси якъ небудь дурня, ти ня пойдить ёнъ за тябе—на большаго, жонка ужэ. А дурань гэтый на печи ляжыть. Тяперъ ёнъ кажыть: „ахъ, братъ—сходи ты за мяне къ батьку на ночь, тытку, кажыть, сьмялѣйшый!—Гэ, кажыть: кабъ ты не дождавъ, кабъ я за тябе пшовъ на ночь! Прыдить моя ночь, тогды я й пойду! кажыть. „Братецъ, говорить, родный, сходи!“ Ёнъ тогды кажыть яму: „Нехай, кажыть, жонка пошыить торбу, у тры полы. кажыть, и дай, кажыть, дьвѣ булки хлѣба,—вы мнѣ ѣсьти не даетё—дакъ я пойду тогды!“ кажыть. Сычасъ гэто, пядовго думаючи, торбу яму пошыли, дьвѣ булки хлѣба уклали,—пошовъ ёнъ играючи. Ёнъ часто на жулейцы игравъ, гэтакъ игравъ, што нямможно и у свѣти сыйскать.

Прыходить на мѳгалку: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Такъ гэто и расчинилося. И устаетъ ёнъ зъ мяртвыхъ. „Ахъ, кажыть, сынокъ: што жъ ты, кажыть, прышовъ? Я жъ казавъ большаму прыходить!“—Гэ, кажыть: яны батьки свойго боятца, а я не боюсь, дакъ я, кажыть, прышовъ,—почали мяне просить! „Ну, кажыть, добро! Ну вотъ жа, кажыть, сынокъ: ёсь, кажыть, у зялёныхъ лугахъ, у стидёныхъ водахъ конникъ бурацъ, вѣшный кавурацъ. День, каить, буяить, ночь гуляить, а якъ крыкнишъ,—до добраго молотца прыбуваить! Ну, каить, тяперъ—вотъ ты, кажыть, крыкни, сьвисьни,—ёнъ до тябе прыбудить. Ты на ёмъ покрасуйся и пусьти яго у зялёныя луги, у стидёныя воды, говорыть. Ну, а тяперъ, кажыть, кажы за мной: батька зъ мяртвыми кладися, гробова дошка зачиняйся и жовтый пясокъ засыпайся!“ Ёнъ гэтакъ сказавъ, батька зъ мяртвыми лёгъ, гробова дошка зачинилась и жовтый пясокъ засыпався. Ёнъ отышовъ—якъ крыкнувъ богатырськимъ голосомъ, сьвиснувъ молодецкимъ посвистомъ—прыбыла до яго лошадь—збруя латна, скопъё булатно, конь богатырській. Ёнъ тяперъ у лѣво вухо улѣзъ, а у право вылязъ—обярнувся королевичъ такёй, што у сьвѣти не сыскать. Усьсѣвъ на яѐ и полятѣвъ у сьвѣтъ. Тры

ра̀зы пералятѣвъ, увесь сьвѣтъ облятѣвъ—до зямли тры разы дотккнувся тольки Тяперъ на гэто мѣсто на само прыѣхавъ, гдѣ усьсидавъ—у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такѐй ста̀рацъ, якъ и бывъ. И говорыть: „лошадь моя пралюбезная! иди, говорыть, у зялёныя луги, у стидёныя воды, день буяй и ночь гуляй, якъ крыкну, до добраго молойца̀ прыбувай!“ Пусьтивъ яго у чистая по̀ля, а самъ торбу на плечи и пошовъ домовъ. Прышовъ домовъ ды на печь; по̀ги на грады, а самъ на печи лёгъ, ды играить у жалѐйку. Вотъ ужэ браты кажуть: „Вотъ, нашаго дурня дъяблы ня узяли,—идѐть ужэ, у жалейку играить! Яго, кажыть, и не задавивъ тамъ нихто!“.

Ну, тяперъ другая ночь прышла ужо—сярэ̀дьняму ити. Ёнъ ихъ крэпко застрашувъ, што ужэ не пойду, кажыть, за другого. Яны якъ поко̀тютца изъ жонкой—-братъ тэй и жонка: братецъ, родный, сходи, кажыть, сходи! „Га, не пойду, каить: кабъ вы не дождали! сходитя сами сабѣ!“ каить. На томъ стали, што упросили тыкѐ яго. „Ну, каить: нехай жонка торбу у тры полы шыить и дьвѣ булки хлѣба дасьть,—ужэ пойду, што робить!“ Яны яму посьли батьки хлѣба не даютъ, дакъ ёнъ у ихъ ѣсьти спра̀шыить, кабъ ужэ дали. Сычасъ дала яму жонка торбу и дьвѣ булки хлѣба уклала. Такъ ёнъ и пошовъ.

Прыхо̀дить на мо̀галку: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Сычасъ рассыпався и пясокъ и дошка расчинилась и батька устаѐть. Што жъ ты, кажыть, сынокъ: чаму жъ сярэдьний сынъ не прышовъ?—Гэ! яны батьки свойго боятца, а я не боюсь, дакъ я пошовъ узнова!—„Ну вотъ жа, кажыть: ёсь, кажыть, узнова у зялёныхъ лугахъ, у стидёныхъ водахъ коникъ бу̀рацъ, вѣшный кавурацъ, пущѣйшый трошку того; то жъ нехай и той табѣ застаѐтца, коли яны мяне боятца! Ты, кажыть, на ѐй, што хочашъ, дакъ застанешъ. Ну, а тяперъ, сынокъ, кажы опять за мною: батька зъ мяртвыми кладися (и т. д.). А ты полюбуйся зъ ей и отправъ яѐ зновъ у по̀ля!“ Ёнъ гэто сказавъ, батька зъ мяртвыми лёгъ (и т. д.). А самъ и пошовъ.—Отыйшовсь—якъ сьвисьнить молодецкимъ посвистомъ, крыкнить богатырськимъ голосомъ—прыбыла до яго лошадь, збруя латна, скопьѐ булатно, конь богатырській. Ёнъ тяперъ у лѣво вухо улѣзъ, а у право вылязъ, обярнувся королевичъ такей, што у сьвѣти не сыскать. Усьсѣвъ на яѐ и полятѣвъ у сьвѣтъ. Тры разы пералятѣвъ, увесь сьвѣтъ облятѣвъ—до зямли тры разы доткнувся тольки. Тяперъ на это мѣсто на само прыѣхавъ, гдѣ усьсидавъ—у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такѐй ста̀рацъ, якъ и бывъ. И говорыть: „лошадь моя пралюбезная! иди, говорыть, у зялёныя луги, у стидзёныя воды, день буяй и ночь гуляй, якъ крыкну, до доб-

раго молойца прыбувай!“ Рызьзя своё надѣвъ, а лошадь пусьтивъ. Жалейку ў руки, торбу на плечи, и прышовъ домовъ. „Отъ, кажыть: ёнъ нигдѣ не пропадѣть!“ Самъ подъ грады, ноги на грады, и играить на печи у жалейку.

Ну, тяперъ, прыходить яго ночь ужо. „Отъ, тяперъ, кажыть, прыходить моя ночь! Я, кажыть, ня буду васъ просить, самъ пойду!“ Тяперъ уставъ съ печи, торбу на плечи, жалейку ў руки, и пошовъ на могилку играючи.

Прыходить—жовтый пясокъ рассыпся (и т. д.). Ну, гэнакъ усё: жовтый пясокъ рассыпався, гробова дошка отчинилась, батька зъ мяртвыхъ устаетъ. „Отъ, ты, кажыть, сынокъ, усё одинъ ходишъ! Ну, кажыть:—што мѣвъ имъ дать по коню, нехай табѣ уси тры кони. Ёсь, кажыть, у чистымъ поли, у зялёныхъ лугахъ, у сйидёлыхъ водахъ конь ще трохy пущѣйшый. Ты на ёмъ полюбуйся и отправъ зновъ у поля. Тяперъ, кажыть, прощай, сынокъ, на вѣкъ вѣчный! Имѣвъ ты тяперъ свого коня, што табѣ бывъ намиргованъ (г=g), дакъ тяперъ у тябе будить тройка коній ужэ!“ Ну, тяперъ ёнъ кажыть: жовтый пясокъ засыпайся (и т. д.). Батьку отправивъ, а самъ и пошовъ. Отышовсь отъ батьки, якъ крыкнить, якъ сьвисьнить богатырськимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—прыбыла до яго лошадь, Пущѣйшая ужэ далёко. Ёнъ у лѣво вухо ўлѣзъ (и т. д.). Поѣздивъ, полетавъ, полетавъ, прыѣхавъ на мѣсто на тоя на саме. У правая вухо ўлѣзъ (и т. д.). А самъ торбу на плечи, жалейку ў руки и пошовъ. Прыходить домовъ: „отъ, кажыть: нашъ дурань! нигдѣ не пропадѣть!“

Тяперъ дѣ-то, у якомъ чарстьви, у якомъ государсьви, скинулася царевна, объявилася и ўлѣзла на трэтьтій атажъ и сѣла на вокошку и такую объявку пусьтила: хто яе тамъ застанить и поцалуить, тому усё чарство останѐтца по сьмерти батьки, и яе мужамъ будить. Тяперъ, гэтакій пабликатъ пошовъ, кабъ кожанъ туды прыяжжавъ, и тамъ будить скакать и яе заставать гэто. И братомъ яго вѣляно, кабъ яны ѣхали на гято диво глядѣть. А ёнъ, дурань, просится у братовъ: ахъ, кажыть, браты вы моё родныя! возьмитя вы мяне съ собой, хай и я поляджу гэтаго дива!—Э, ты, кажыть: дуракъ ты, дуракъ!—куды ты поѣдишъ? хиба табѣ работы дома нема? Отъ, я табѣ работу, кажыть, дамъ, коли табѣ нѐчаго робить дома!—большый братъ кажыть гэтакъ. Пошовъ, узявъ два гарцы маку ды два гарцы пяску, ды ўкучу зьмяшавъ:—„вотъ, кажыть: покуль мы прыѣдимъ, кабъ ты гэто перабравъ, да кабъ чисто было,—гэтый особяно, а гэтый особяно!“ Ёнъ тогды ўзявъ, у торбу ўсыпавъ: хай табѣ вочи, кажыть, выбярыть! Што жъ робить—трэба выбирать! кажыть. У головы уклавъ да й лёгъ. Ляжыть сабѣ

макъ гэтый, сохнитъ подъ бокомъ на печи. Яны поѣхали, а ёнъ сплёвъ сабѣ коробку, пайки у два, у грыбы ходитъ: прынясётъ грыбовъ—тогды нявѣстки дадутъ ямў ѣсьти, а не прынясётъ, такъ не дадутъ.

Ну, тяперъ, знаитъ ёнъ тоя урэмя, што яны тамъ ужэ, позаѣхали, што тамъ ужэ диво гэто ёсь, можа повмѣсяца ждавъ ёнъ тамъ, ти кольки— тогды ёнъ злѣзъ съ печи, макъ гэтый съ пяскомъ у коробку уклавъ, жалейку ў руки, и пошовъ у лѣсъ, торбы побравшы своё. Прыходитъ ёнъ, гдѣ тамъ, на тэй на лугъ, гдѣ ямў слѣдуитъ ужэ—якъ крыкнитъ, сьвисьнитъ,—прыбылй до яго лошади уси тры: „а, кажытъ, лошади моё пралюбезныя! у такомъ то чарстьви, у такомъ то государстьви скипулася царевна, узлѣзла на трэтьтій атажъ и сѣла на вокошку и такую объявку пусьтила: хто яе тамъ заставитъ и поцалуитъ, тому усё чарство останётца по сьмерти батьки, и яе мужамъ будитъ. Ти немогли бъ мы, говорытъ, туды заѣхать и зъ ей повидатца?—Большый лошадь отвѣцаитъ: „што, говорытъ, будитъ урэмя, ды ни тяперъ, говорытъ. Ѣдь ты, говорытъ, на малой лошади тяперъ: ну зпимися ты за вярету! говорытъ. Ды, говорытъ, не витайтися зь ей. Такъ якъ будишъ лятѣть, такъ и полятп!" говорытъ. Ёнъ тогды у свойго лошадя у лѣво вухо улѣзъ, ў право вылязъ—обярнувся королевичъ такей, што у сьвѣти не сыскатъ:, чистъ, на имъ одежа, што у сьвѣти ня можно сыскать такѐя. Якъ пусьтивъ—тыя ѣхали можа мѣсяцъ, повтора мѣсяца—а ёнъ у тры часы ставъ тамъ. Якъ лятѣвъ, такъ коло яе ногъ, коло самыхъ, облятѣвъ!—Яны: лови! лови! А ёнъ якъ лятѣвъ, такъ и полятѣвъ—бывъ да й нема. Прилетаитъ на тоя мѣсто, якъ сьвиснувъ, якъ крыкнувъ,—прыскочили тыя лошади. Ёнъ у право вухо ўлѣзъ, у лѣво вылязъ,—якъ бывъ старацъ, такъ и ёсь. И большый лошадь уси порадки порадчитъ. Ёнъ тогды каитъ: лошадь моя пралюбезная! ёсь жа у мяне работа: два гарцы маку, и два гарцы зямли, да укучи! говорытъ. Якъ ба мы яѐ повыбрали?" каитъ. Тяперъ большый лошадь говорытъ: „ну, говорытъ: разьдирай на посьтилки своё торбы, говорытъ и сьтялй посьтилки на земли, высыпай, говорытъ, макъ гэтый на посьтилки!" Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у ноздри якъ дунули—и разлучили гэтый макъ—макъ особянно, пясокъ особянно. Прыноситъ домовъ, набравъ коробку грыбовъ тую, самъ на печь, макъ у головы. Нявѣстки отвѣцаютъ: ти выбравъ, кажытъ, ты макъ? Будитъ табѣ, кажытъ, отъ ихъ, якъ прыѣдутъ!—А хай вамъ вочи выбярытъ! Повыбравъ, кажытъ, и макъ, и грыбовъ во набравъ.

Отъ, тяперъ, прыяжжаютъ браты и кажутъ своимъ жонкамъ: Божа, Божа! што тамъ було! И подскакували, кажутъ, и ўсё. А одинъ царевичъ, кажытъ,— дакъ увесь у золоти: якъ скакнувъ, дакъ до ногъ доскочивъ! Лови, лови! дяржы, дяржы!—а ёнъ и поѣхавъ. Тутъ-тутъ поцаловатъ яе, да, говорытъ, и полятѣвъ!

Ну, тяперъ ина ня ўрымсьтить гэтаго, што ёнъ гэтакій. Оявила набликать, кабъ узновъ съ усяго чарства што до душы кожанъ ходяинъ бывъ. А сама на чатвёртомъ атажы ужэ сѣла на вокнѣ. Ну, тяперъ, зъѣздъ ставъ, ѣдуть уси—десятники выгоняють, зъѣздъ такеі, што Божа мой! Ну. ѣдуть гэтыя ужэ браты. „Возьмитя, кажыть, мяне съ собой. Хай я поляджу гэтаго дива!“—А дурань ты гэтакій такій! Куды ты, кажыть, посьпѣвъ? Табѣ, кажыть, работы нема дома! Оть я табѣ, кажыть, работу дамъ! Пошовъ, тры гарцы маку и тры гарцы зямли, и ўкучу зьмяшавъ: кабъ мнѣ, кажыть, перабраный бывъ, покуль я прыѣду! говорыть. Большый усё братъ гэтакъ. А самъ и поѣхавъ. Ёнъ тэй пясокъ сушыть на печи.

Тяперъ ёнъ вѣдаить, што близко ужэ урэмя тоя, ёсь ужэ тамъ сыборыща. Сычасъ злѣзаить съ печи, коробку на плечи, макъ у посьтилку, у коробку, и пошовъ у лѣсъ. Прыходить на тэй лугъ, якъ сьвпсьнить, якъ крыкнить,—прыбыли до яго лошади. „Ну, чаго жалаитя?“ Ды. говорить: ти ня ўрэмя намъ ѣхать? Большый конь отказуить: „успѣимъ, говорыть, ще! Тяперъ, говорыть, повышы іина ўзьлѣзла! И ѣдь ты, говорыть, на сярэдьнямъ, говорыть, кони! И тожъ, кажыть, близко коло яе, да не витайтися зь ей—успѣимъ витатца!“ Такъ сычасъ ёнъ лошадей тыхъ отправивъ у чистая поля, у зялёныя луги, у студзёныя воды, а самъ сярэдьняй лошади у лѣво вухо ўлѣзъ, у право вылязъ, и ставъ королевичъ такеі, што сыскать ня можно! Одѣяньня чисто, што и сказать ня можно. Сѣвъ и поѣхавъ. Тожъ ѣхали по мѣсяцу, по повтора мѣсяца, а ёнъ за повтора часа ставъ тамъ. Якъ лятѣвъ, поднявся коло яе, коло самыя ужэ коло половины—тутъ витатца бъ ужэ, да не витався,—и поѣхавъ прамо. Тутъ: лови-лови! лови-лови! А ёнъ и полятѣвъ! За повтора часа назадъ зьвярнувся. Ну, тутъ, тольки якъ—и распусьтили зновъ усихъ—якъ ёнъ полятѣвъ, тамъ зъ вокна ина соскочила, и распусьтили усихъ. А ёнъ прыскочивъ на своё мѣсто, якъ съвиснувъ, якъ крыкнувъ—прыскочили тыя лошади. Ёнъ у право вухо ўлѣзъ, у лѣво вылязъ,—якъ бывъ ошарпаный, такій и ставъ зновъ. Ёнъ тогды кажыть: лошади моѣ пралюбезныя! Ёсь жа у мяне работа: тры гарцы маку и тры гарцы пяску, да ўкучи. Ти не могли бъ мы макъ такъ разобрать? Тяперъ большый лошадь говорыть: „ну, говорыть: разьдирай на посьтилки своѣ торбы, говорыть, посьтяли посьтилки на зёмли, высыпай, говорыть, макъ гэтый на посьтилки!“ Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у ноздри якъ дунуть! туды-сюды, туды-сюды, туды-сюды, макъ тэй разобрали и пошли. Ёнъ макъ у коробку, ґрыбовъ набравъ, и прышовъ домовъ. Тры часы прэмэдливъ тольки. Прыносить грыбы гэтыя:

„натя, кажыть: хай вамъ Богъ не поможыть! День провёвъ, покуль макъ перабравъ, во грыбовъ назьбиравъ,—вы усё кажытя, што ничого ня роблю".

Прыяжжають яго браты. Почали жонкамъ раскazувать: „Божа мой, якія штуки тамъ были! якоя якъ, якъ летали, якъ што! Одинъ, кажыть, царевичъ подьнявся, тутъ-тутъ-тутъ поцалувать! да нѣ! Подьнявся, кажыть, и полятѣвъ подъ небеса!" А дурань кажыть: „охъ, кажыть: ти ня бывъ и я тамъ?"—Гэ! ты дурань! ти перабравъ ты макъ, кажыть! Отъ, я табѣ перабяру, кали ты не перабравъ!—„Э, кажыть: повыбравъ —хай табѣ вочи выбярыть! а я повыбравъ макъ и грыбовъ наносивъ!" кажыть.—Ну, тяперъ, тутъ нядовго ждучи, сычасъ трэтьтій паблнкать: кабъ узнова зьбиралися усѣ! А ина узьлѣзла на пятый тажъ на вокошко. Ну й имъ прыказъ гэтакій твёрдый, кабъ усѣ были,—до душы кабъ были, усѣ ходяины кабъ были, усякій кабъ пшовъ.

Просится ёнъ у ихъ: „братцы, кажыть: возьмитя вы мяне разъ! хуть я дива гэтаго поляджу!" Большый братъ кажыть: „агу! а вотъ я табѣ работы дамъ, коли табѣ работы нема!" Пошовъ, чатыры гарцы маку и чатыры гарцы пяску принесъ: „на, перабяры! а то, кажыть, печи усё пилнуешъ!" Ёнъ на посьтилку усыпавъ, да й подъ головы на печь, сушыть на печи.

Знаить ёнъ тоя урэмя, вѣдаить, што ёсь ужо тамъ сыбёрыцца. Сычасъ зьлѣзаить съ печи, коробку на плечи, макъ у посьтилку, у коробку, и пошовъ у лѣсъ. Прыходить на тэй лугъ, якъ сьвисьнить, якъ крыкнить,—прыбыли до яго лошади. „Ну, чаго жалаитя?"—Ды, говорыть: ти ня урэмя намъ ѣхать? Большая кажыть лошадь: урэмя, кажыть: мы тяперъ усё урэмямъ зьдѣлаимъ.—А ина узьлѣзла на пять атажовъ на вокно ды й сѣла. А ёнъ коробку подъ кустъ, а самъ у лѣво вухо улѣзъ, у право вылязъ. Якъ вылязъ, бывъ царевичъ— а то ужэ у сьвѣти нема лѣпшъ яго ужэ. У водинъ часъ прыѣхавъ туды. Якъ подьнявся и повитався зь ею и прыдёржывся. И яна яму пячатку прыклала: першаю у потылицы, другую на лобъ. Ёнъ и полятѣвъ. Тутъ: лови-лови! да й некого ловить—ёнъ бывъ, да нема! Ну, тяперъ, прилятѣвъ на мѣсто, у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такимъ паршывымъ, якъ и бывъ. Говорыть: лошади моё пралюбезныя! Ёсь жа, говорыть, у насъ работа: пять гарцовъ, говорыть, маку и пять гарцовъ пяску: трэба намъ яго перабрать. Тяперъ, большый лошадь говорыть: „ну, говорыть: разьдирай на посьтилки своё торбы, говорыть, посьтяли посьтилки на земли, высыпай, говорыть, макъ гэтый на посьтилки!" Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у поздры якъ дунуть! туды-сюды, туды-сюды, туды-сюды, макъ

тэй разобрали и пошли. Ёнъ ихъ отпусьтивъ: „лошади, говорыть, пралюбезныя! идитя у зялёныя луги, у стидзёныя воды!“ Узявъ коробку, пошовъ у лѣсъ, грыбовъ набравъ. И здавъ бабамъ грыбы гэты и макъ. А самъ ожыдаить братовъ, на печи лежучи, макъ у головы. Прыяжжають браты. Почали жонкамъ расказувать: „Божа мой! якія штуки тамъ были! якоя якъ, якъ летали, якъ што! Одинъ, кажыть, царевичъ поднявся, и повитався зь ею. И яна яму пячатку прыклала.“ А дурань кажыть: „охъ, кажыть: ти ня бывъ и я тамъ?“—Гэ! ты дурань! дѣ табѣ быть? ти перабравъ ты макъ, кажыть? Отъ, я табѣ перабяру, коли ты не перабравъ!—„Э, кажыть: повыбравъ—хай табѣ вочи выбярыть! а я повыбравъ макъ и грыбовъ наносивъ!“ кажыть. Гэто имъ диво, што якъ ёнъ выбравъ макъ гэтый. „Ну, дось сь тябе работы стало, видать!“

Ну, тяперъ гэта царевна пусьтила пабликатъ, кабъ икъ ёй явився гэтый жанихъ яѐ. Перво-на-перво зазвала съ папства, зъ большыхъ помѣщиковъ, вобыскъ пусьтила. Обглѣдила—нема яго. И розыскъ распусьтила назадъ гэтыхъ. Тяперъ шъ шляхтовъ; а посьли съ купцовъ, зъ мужуковъ, съ усякихъ-усякихъ,—шукала йна усихъ. Тяперъ зь нищихъ,—дѣ якій ня бывъ, ды кабъ собраныя были уси. Уси убогія пособиралиси,—якія бъ сабѣ нѐ было—дурнэя, якихъ—якихъ тольки, абыбъ тольки чаловѣкъ,—дакъ усихъ собирали. „Ну, кажыть, браты: тогды я просивъ, кабъ вы мяне узяли, а тяперъ я й безъ васъ пойду! Можа йна и ко мнѣ ти не признаитца!“ кажыть. Узявъ жалейку у руки, маршъ и пошовъ. Прыходить у чистая поля, у зялёныя луги, у стидзёныя воды,—якъ крыкнувъ, якъ сьвиснувъ богатырськимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—прыбыли до яго лошади уси тры. „Ахъ, лошади моѐ пралюбезныя! Собирають усихъ туды, и нищихъ, ти ня можно бъ и намъ туды достатца?“ А большый лошадь отвѣщаить: тяперъ табѣ трэба ѣхать на меньшамъ лошадю! И ты, говорыть, ня убирайся ниякъ. А меньшаму лошадю кажыть: ахъ, кажыть, братъ мой любезный: подвязи яго подъ такую и такую изобку—подъ лазеньку,—тамъ лазенька стояла не далеко отъ дворца, за вярсту—подвязи подъ лазеньку, и кинь тамъ! А яму говорыть: „а ты, говорыть, узьлѣзь на цапки, ноги на грады, и играй у жалейку! Тябе, говорыть, найдуть тамотьки“.

Ёнъ сѣвъ на коня и поѣхавъ, прыѣхавъ подъ лазеньку, увышовъ у яѐ, узьлѣзъ на цапки, лёгъ на цапки, ноги на грады, подъ столь. Играить у жалейку. А самъ коравый, паршывый—страшно глядѣть на яго! Сохрони Божа! Здаетца, ня можно бъ было пощитать яго за чаловѣка!

Ну, ина тяперъ усихъ гэтыхъ нищихъ пераглѣдила сама изъ дѣвкой. Нема яе (жениха). Тогды говорыть тамъ якій убогій, напрымѣръ, дѣвцы

расказуить: вотъ, кажыть: у лазьни тамъ играить нѣйкій, такъ у сьвѣти нема такія музыки, якъ тамъ у лазьни!" Дѣвка гэта отвѣчаить ей: што, говорыть, у лазьни—ляжыть на цапкахъ, играить у жалейку, у сьвѣти нячуть такея музыки, якъ ёнъ. Ина сама маршъ изь дѣвкой у лазьню у гэту. Отчинила,—гэтакъ играить прыгожа, што сохрони Божа! Ня можно утерпить, здаетца! Ухапила—залобицу яму подняла,—тутъ пячатка яе, и тутъ яе (показывается лобъ и затылокъ). *Сняла* яго оттуль, вядѣть за руку къ батьку ужо. Ёнъ зробився такимъ дурнымъ: не пойду! упирантца, ня йдѣть! А ина яго вядѣть—обшарпаный, ободраный—Божа! ратуй! ня можно на яго глядѣть. Батька узявъ плевать на яе! „Ну, кажыть, татулька: якъ сабѣ хочитя, а гэто, говорыть, мой".

Ну, тяперъ, у яго были, у гэтаго цара, ще дьвѣ дочки замужнихъ—да то былй за вишьшыхъ царыковъ потдаваны, напрымѣръ. Ну, узыскавъ ёнъ гэтыхъ царыковъ на весельля ужэ—гэта дочка жэнитца ужэ зъ гэстымъ. Тяперъ ёнъ пры старосьти лѣтъ. „И вотъ, говорыть, зятй мое пралюбезныя: ёсь у которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви сьвинка—золотая сьпинка, носомъ орэть, а ногамы боронуить, и ззаду хлѣбъ расьтѣть за ей—можно самому цару ѣсьти. Который, кажыть, застанить яе и прывядѣть гэту сьвинку, такъ тому, говорыть, усё чарство опишу!" Ну, тяперъ, гэты царыкй ободвы гэты: ну, што, говорыть: трэба ѣхать. Батьки трэба слухать! А Богъ вѣдаить, идѣ яна, у которомъ чарстьви тая сьвинка! Тяперъ и ина на яго—гэты зятй увобралися, узяли сабѣ воську, музыку—маршъ и поѣхали по сьвинку по гэту. А ина на яго: ну, штожъ, кажыть: ти ня зьѣздивъ ба ты, ти не доставъ ба?"—Што ты? кажыть. Борони Божа,—куды я поѣду? Нехай яны ѣдуть, прывязуть сьвинку! Выдумали што—сьвинку нѣйкую, идѣ яе возьмешъ? Я, кажыть, ни зашто не поѣду, борони Божа! Яна и заплакала.

Подождавшы такъ, съ повгода можа пропусьтивъ, тогды уздумавъ: „душка, кажыть, душка! Сходи ты, кажыть, къ батьку, водопойныя кобылки попроси, поѣду, кажыть, и я за сьвинкой!"—Дурань ты, кажыть, дурань! Тэя—ужо можа вязуть—а ты уздумавъ ѣхать!—„Нехай сабѣ, кажыть, вязуть. Сходи-тка ты, говорыть, къ батьку. А не дась, дакъ я пяшкомъ пойду!" Тяперъ, ина пошла къ батьку: „татулька, кажыть: просить мой дурань хоть водопойныя кобылки: хочить и ёнъ ѣхать!"—Э, кажыть, уздумавъ! Ну, ды сходи, кажыть, на стайню, нехай дадуть хурманы якого яму коня тамъ!—Прывяли яму якую тамъ кобылёшку. Ёнъ вышавъ съ покою, къ головѣ сѣвъ плячьми, а хвостъ у руки, ды ладоняй по заду, по заду! Бьё тую кобылёшку. И поѣхавъ. „Во, кажуть: дурань по дурному и ѣзьдить!" Выѣхавъ дѣ у олешникъ тамотька, соскэ-

чивъ зъ гэстаго коня, ухапивъ за хвостъ, якъ трахане̂ть,—косьти вытрасъ: „Сороки, вороны! говорытъ: вамъ свѣжая мясо, а табѣ, ку̂сьтя, вѣшная накрывка!“ А тогды якъ крыкнувъ богатырськимъ голосомъ, сьвиснувъ молодецкимъ посвистомъ,—прыбыли до яго лошади. „Ахъ, говорытъ, лошади моѐ пралюбезныя! У которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви ѐсь сьвинка, золотая сьвинка, носомъ орэтъ, но̂гамы боронуитъ, а ззаду хлѣбъ расьтѐтъ—можно самому цару ѣсьти! Ти ня можамъ мы, говорытъ, яѐ застатъ?“ Тяперъ лошадь большый отвѣчаитъ: „зачимъ, говорытъ, царъ нашъ наясьнѣйшый?—можамъ, говорытъ, застатъ. И ѣдь ты, говорытъ, па меньшай лошади! И давъ яму̂ лошадь, едвабный шнурокъ и кожаный бизунъ, и говорытъ на лошадя: ты дратуй яе ногамы, а ты сячи яѐ бизуномъ, покуль ина здастца вамъ!“ Тяперъ ѐнъ у лѣво вухо у̂лѣзъ, а у̂ право вылязъ, и зьдѣлався такимъ королевичамъ, што и сказатъ ня можно. Сѣвъ ня коня и полятѣвъ. И промнпувъ ѐнъ ихъ у повдороги щѐ.

Якъ прылятѣвъ, ажны гэта сьвинка посомъ орэтъ, погамы боронуитъ. Ёнъ напавъ на яе, якъ узявъ яѐ сѣчь, якъ узявъ яѐ сѣчь. Конь копыта̂мы, а ѐнъ бизуномъ. Сьвинка гэта: „ахъ, кажытъ, заморській чаловѣкъ: што ты зъ мяне хочаншъ? говорытъ: за што ты мяне ставъ такъ забиватъ?“ говорытъ—„Здайся, говорытъ, сьвинка, бо убъю тябе, ня пущу тябе живэя!“ Дотуль яе бивъ, покуль ина здалась. Тогды сѣвъ, па едвабный шнуръ зачапѝвъ и вядетъ яе. Сычасъ чуитъ ѐнъ, што яны гэто ѣдутъ ужо туды. Ёнъ зъ дороги у бокъ зьѣхавъ, у право вухо у̂лѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ паршывымъ такимъ, якъ и бывъ. Тяперъ ѐнъ, значитца, обярнуся такимъ самымъ, у лохмотьти у такомъ, якъ и бывъ—гэтый дурань, сьвинку гэту прывязавъ па едвабнымъ шнуру, сьвинка гэта своимъ порадкомъ узяла работатъ зямлю гэто: носомъ орэтъ, погамы боронуитъ, ззаду хлѣбъ расьтетъ и посьпиваитъ—самому цару можно ѣсь яго. А ѐнъ цинлушко расклавъ у гэтыхъ дубкахъ, ды у̂ жалейку играитъ, на боку лляжытъ. Ажны наѣхали гэтыя швагры яго и съ своимъ войськомъ и увидили гэто, у дубкахъ у гэтыхъ тяпло̂ горытъ. Тяперъ яны посылаютъ лакея: а йди, говорытъ, поляди,—што то за гонь горытъ тамъ, у дубкахъ у гэтыхъ? говорытъ: трубучку закуры и иди, и распытайся, хто тамъ такей гэто? Тяперъ гэтый лакей прыхо̂дитъ, и узнавъ яго. Сьвинка прывязана, а ѐнъ на боку̂ лляжытъ, у жалейку играитъ. Лакей гэтый прыхо̂дитъ къ имъ. „Што тамъ за гонь?“—Да, говорытъ, нашъ дурань вядетъ гэту сьвинку ужэ!—„Якъ можно бытъ?“ говорытъ. „Пойдемъ мы, говорытъ, полядимъ. Альбы мы, говорытъ, по чесьти якъ у яго выпросимъ, альбы мы яѐ отбяромъ у яго!“ Прыходютъ къ яму: „здрастьви, швагра!“—Здоровы, говорытъ. „Ти ты у̂жэ, говорытъ, сьвинку

вядешь?"—А вяду, кажыть. Я' дну сабѣ, кажыть, узявъ, а тамъ, кажыть, много сьвинокъ ходить ящо. Ѣдьтя и вы, возьмитё сабѣ!—,,Да нѣ, кажыть: што ты врёшъ, швагра: ина тамъ, говорыть, одна такая была! Ну што, говорыть, швагра: отдай намъ сьвинку!"—А нѣ, кажыть: вы сабѣ зьѣздитя, другую возьмитя сабѣ! а я гэту повяду къ батьку. Ти усё жъ, кажыть, вамъ: и я повяду къ батьку! Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ: што тутъ зьдѣлать? Просютъ не дай Богъ якъ: мы табѣ тоя дадимъ, мы табѣ тоя! Потымъ того говорыть: ,,ахъ, Богъ зъ вамы! говорыть. Коли отрэжытя мнѣ на нозѣ по палцу по мѣднымъ, дакъ возьмитя сабѣ!" Яны гэта думали, думали, узяли—што здумали—своё дохтора, своё усё—ничого! думають. Узяли, отрэзали по палцу ,,Ну, говорыть: бярытя, вядитя! Узяли, повяли сьвинку. А самъ ёнъ остався ли гнюшка ли того. Посядѣвъ, ти полежавъ ёнъ кольки тамъ,—отвяли яны отъ яго можыть вярету, можыть боли, тогды ёнъ якъ сьвисниті на лошадь, —прыскочила къ яму лошадь. Ёнъ у водпнъ часъ дома ставъ. Яны ѣхали повгода, а ёнъ за тры дни справився. Прыѣхавъ домовъ, лошадь пусьтивъ у зялёныя луги, у стидзёныя воды, а самъ пдѣть, у жалейку играить. ,,Вотъ, кажыть, дурань! коня, кажыть, нейди спратавъ, и идеть, и сьвинки не вядеть, и играить у жалейку!" Жонка пытаитца яго, говорыть: дѣ жъ ты бывъ, дѣ ты лошадь дѣвъ? говорыть—,,А што? кажыть: я ѣхавъ, ѣхавъ, лошадь упала, дакъ я и кинувъ яе; пропала, дакъ я и вярнувся. Ти мнѣ пяшкомъ итти?" Ожыдаеть ёнъ ужэ тыхъ. Жонка плачыть: отъ, кажыть, и хвалися мнѣ батьку тобою! Выпросила, кажыть, у батьки лошадь, и ты поѣхавъ, и лошадь пропала нейди! А тэя сьвинку прывядуть, и батька чарство имъ опишыть; а намъ нейди будить—хоть ты по кускохъ иди!" говорыть.—Ну, нехай сабѣ, и намъ нейди будить мѣсто! Отъ, тэя, прыводять яны мѣсяцы тиразъ два ужэ сьвинку. И такёя радосьти тамъ, Божа сохрани! Сяродъ дядинцу прывязали, перадъ покоямъ; сьвинка тая работаить своимъ порадкомъ. Ну, сычасъ радосьти такёя—тутъ гэто царъ справивъ вечарынку, напрымѣръ: зяти прывяли значитца сьвинку. И гэто, значитца, позьбиралися госьти, прочія короли, глядѣть сьвинку, што то такоя.

Ну, тяперъ, говорыть: ну што, зяти моё пралюбезныя! говорыть: ёсь у которомъ чарстьви, у которомъ государстьви, говорыть, кобылица зъ двянадцатьмы жарабцамы. Ина ходить и замуздана, закилзана, и подъ сядломъ. И 12 жарабцовъ ли яе! Коли тую, говорыть, кобылицу уловитя и прывидитё ко мнѣ—ваша чарство! Я тольки буду съ ковалка хлѣба у васъ сядѣть!" Яны то мулютца; сами съ собой говоруть: а што, кажыть: дурань, кажыть, и гэто достанить! отъ бяда! кажыть. Ну што, кажыть, дѣлать!—застанить, будемъ узновъ просить у яго—ти по

чесьти, говорыть, ти по сэрцу, а усё нѣякъ достанямъ у яго! Ну, сычасъ отправляютца яны зновъ. Побольшъ воська съ собой узяли. А гэто дужа далёко, нязвѣстно, у которомъ чарстьви. На цэлый годъ забираютца. Тогды жонка: што ты, кажыть, вѣдаишъ? Ти ня зьѣздивъ бы ты по кобылицу по гэту?"—Гэ! Божа сохрани! якъ мнѣ, кажыть, ѣхать? ти у мяне конь ёсь, ти у мяне воська? Куды мнѣ ѣхать? Тоя-сёя ночавъ. Ёнъ обождавъ того, посьли того мѣсяца повтора. „Душка, кажыть, душка! сходи къ батьку!" кажыть.—Чаго? „Попроси, кажыть, водопойныя кобылки! Зьѣжжу и я по кобылицу!"—Дурань ты, дурань! яны жъ нейди вядуть ужэ?—„А, вядуть! добро устрѣну на дорози, дакъ и я вярнуся, коли вядуть!" Тяперъ вна ня хочыть ити къ батьку. Натявся на тоя, што сходи! „Да мнѣ, кажыть, страмно за тябе, ходить дѣстовать: опять пропадеть кобыла!"—Ну, кажыть, сходи!—Прыходить: „татулечка! дай, кажыть, изновъ кобылу якую, хоть водопойную: хочыть ѣхать мой дурань по кобылицу!" Ну, ёнъ тольки пасьміявся зъ гэтаго. „А сходи, кажыть: хай дадуть яму якого тамъ коня! нехай, кажыть, попробуить ѣхать! Яицо, кажыть, зьвядеть, нейди здохнить, назадъ прыдить пяшкомъ! Сычасъ хурманомъ сказала, осядлали яму лошадь, и вядуть подъ ганокъ. Ёнъ гэто усьсѣвъ на голову плячми, а за хвостъ руками узявся, и лошадь гэту по заду руками! И поѣ-ѣ-ѣхавъ за вороты. „Отъ, кажыть, дурань! по дурному и ѣздить".

Ёнъ выѣхавъ у дубки, зъ гэстыя лошади соскочивъ. За хвостъ! косьти вытрасъ. „Сороки, вороны! вамъ свѣжая мясо! А табѣ, кусьтя, вѣшная покрывало!" А самъ якъ крыкнить богатырськимъ голосомъ! сьвиснить молодецкимъ посвистомъ. оявляютца къ яму лошади. „Лошади моѐ пралюбезныя! ёсь у которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви, кобылица зъ двенадцатьмы жарэбчиками. И замуздана, и закилзана, и подъ сядломъ. Ти не могомъ мы яе застать?"—Большый лошадь отвѣчанть яму, говорыть: „а съ чимъ жа ты, говорыть, по яе ѣдишъ? Гэта жъ кобылица наша родна матка! И насъ, говорыть, тры отлучана отъ яе, а девять жарабцовъ при ёй то! И говорыть:" вярнись ты, попроси у свойго,—жану свою попроси,—кабъ ина спросила у батьки дѣдовськаго бязьмена!" говорыть: А той бязьменъ пудовъ трыдцать!—ѣхать по кобылицу ужэ по тую. Вярнувсь ёнъ домовъ: „душка, кажыть, душка! сходи ты, кажыть, къ батьку, попроси дѣдовськаго бязьмена!" Гэтый царъ и засьміявся зъ гэстаго: што ёнъ, кажыть, кобылу забъеть тамъ тую дѣдовськимъ бязьменомъ. И ёнъ, дурань, яго не подѣйствуить. „А, говорыть: нехай прыдить возьмить, коли яму трэба дѣдовській бязьменъ! Сычасъ, дѣ то ёнъ тамъ ляжыть у клѣти, бязьменъ гэтый.—„А вотъ, говорыть: поди возьми, коли табѣ трэба! Ёнъ сычасъ пошовъ, добрый молодецъ,

ухапивъ на руку̑, и у̑зявъ зь имъ попиратца, замѣсто ляски. Тяперъ царъ гэтый отвищаитъ: „ну! ни у̑ комъ ты лошадей попрыбиравъ моихъ, ажны ты ничо̑го малецъ!“ Прыбывъ ёнъ къ своимъ лошадямъ. Лошадь большая отвищаитъ: „Ну, говорытъ: садись, говорытъ, ты на мяне, и смотры, говорытъ: якъ прыѣдимъ мы къ е̑й, къ кобылицы, дакъ ина давно, говорытъ, мяне видила, дакъ ина зъ радосьти, говорытъ, можытъ зьѣсьти насъ! Ина, кажытъ, и закилза̑на, и замузда̑на, говорытъ: уся зъ̑бруя при ей; хо̑дитъ трыдцатъ тры годы зь девятимы жарабцамы, а насъ тры отлу̑чана отъ яе. Дакъ ты, говорытъ: я якъ буду лятѣтъ, дакъ по̑плечъ стану изъ е̑й; ина станитъ шохатца со мной, а ты якъ небудь,— хватайся, говорытъ,— садись на яѐ! Якъ только ускочишъ на яе, такъ яѐ бязьменомъ и лупи межы вушъ! Дотуль яе лупи, покуль ина табѣ здастца. Ина, говорытъ, понясетъ тябе подъ небеса, а ты у̑сё лупи яѐ, покуль здастца. А я буду проситъ: матушка, здайся, а то, говорытъ, забъётъ тябе! . .

Ну, такъ и стало. Ёнъ якъ ускочивъ на яѐ—подняла̀ яго подъ небеса! А ёнъ яѐ хво̑щитъ. „Ахъ, гово̑рытъ, якій гэто усьсѣвъ на мяне!“ говорытъ. Трыдцатъ тры годы ѣжжу, нихто не садивсь на мяне. Якей гэто? А ёнъ про̑ситъ, лошадь гэтый: матушка, здайся, говорытъ, а то забъётъ. „Ну, говорытъ, стой, Иванъ Ивановичъ, ня би мяне!“ Яна ужэ яго назвала Иванъ Ивановичъ. „Ходила, говорытъ, по воли, а тяперъ буду подъ няволяй!“ Ёнъ тяперъ ѣдитъ на кобылицы на гэтой, а девитъ жарабцовъ идутъ услѣдъ за ими, а яго лошадь дисятая. Ѣдитъ ёнъ, ажны чуитъ—ѣдутъ гэто швагры̑ яго по кобылицу по гэту. Ёнъ свою лошадь пусьтивъ у чистыя луги̑—зялёныя тро̑вы зьяда̀тъ, а гэту кобылицу прывязавъ. Ажны сычасъ яны посылаютъ лакея,—увидили дымокъ: ёнъ расклавъ дымокъ и сядитъ ли кобылицы ля тыя. „Иди, говорытъ, поляди,—на лакея—ниприм̀ѣнно гэто дурань вядетъ кобылу ужэ!“ Лакей гэтый подхо̑дитъ: позвольтя, говорытъ, ни̑почку закуры̑тъ!—Изволь, говорытъ, покуръ! Узявъ тяпла̀ и пошовъ отъ яго. Прыхо̑дитъ. „А што?“ говорутъ?—Да што? говорытъ: вядѣтъ кобылицу и девитъ жарабцовъ ли кобылицы!—„А ли яе жъ было̑ дванадцать жарабцовъ?“—Нѣту! говорытъ: только 9, а 10-я кобылица! „Ну што, говорытъ, по̑йдемъ?“—„По̑йдемъ ужэ проситъ яго, на во̑што со̑йдимся?“ говорутъ. Прыходютъ къ яму. „Здрастуй, швагра!“—Здоровъ, швагры!—„Ти ты у̑жэ кобылу вядешъ?“ говорутъ.—А, каитъ: я сабѣ у̑зявъ! каитъ. Тамъ много ко̑ній е̑сь, каитъ,—ходютъ. Я сабѣ кобылу у̑зявъ, 9 жарабцовъ за е̑й идетъ!—„А ну, швагра, говорутъ: досъ табѣ сьміятца зъ насъ!“ Ёнъ имъ отвищаитъ: што жъ, говорытъ, за сьмѣхъ? При тый жа кобыли дванадцатъ жарабцовъ, а я тольки, каитъ, узявъ зъ девятьмы жарабцамы. Дакъ тая кобылица нейди тамъ ящо,

ваша!—„Ну, швагрочка! говоруть: хай тая тамъ будить, а ты намъ спусьти гэту!“ Ёнъ гэто думавъ, думавъ—просють дужа яго крэпко. „Ну, говорыть: отрэжу я по палцу на руцэ, по мѐдяномъ, дай бярытя сабѣ!“ Яны гэто обдумалися: „Ну што, говоруть: у насъ своѐ дохторы, своё зѐльля, усё своё,—сычасъ гэто услѣдъ загоитца! Што намъ гэто? каить. Отрэжамъ!“—Отрэзали по палцу. Ёнъ гэты палцы позьбиравъ и ў калиту. У калиту уложывъ, а имъ кобылу оддавъ. И повяли яны отъ яго. „Ну, каить, швагра: поѣдимъ разомъ!“—А я, говорыть, вамъ не товаришъ,—вы мяне оттуль ня водитя, и отгэтуль не поведетё!. Зяли отъ яго кобылу и повяли, гэту. Ёнъ часы два промэдливъ тамъ, посьли прызвавъ свого лошадя, ускочивъ на лошадя и прылятѣвъ домовъ: четьверо сутокъ ёнъ промэдливъ. Идеть, бязьменъ на плечахъ нясеть, у жалейку граить, и идеть сабѣ по двору по чарськимъ. Ина сустракаить яго: „дѣ жъ ты, каить, лошадя дѣвъ, дурань ты?“—А штожъ, говорыть:—ляску свою, говорыть, вёзъ и самъ усьсѣвъ, дакъ ина й пропала! говорыть. Вярнувсь я! Куды жъ я, говорыть, пяшкомъ пойду? Отъ такъ ина узнова у голосъ. А ёнъ сабѣ гэтакъ само на ложку, жалейку у руки, играсть сабѣ.—„Отъ, тольки, говорыть, ты на гэто!“

Тяперъ, теразъ мѣсяцъ прыводють тыя кобылу и девить жарабцовъ ли яе. Гэтакія радосьти, музыка тутъ идеть за гэтой кобылицай, граить тутъ! Зьѣздъ гэтакій смотрэть гэтыхъ лошадей, што прывяли! Богъ знаить, якая лошадь. Собралося протчихъ королёвъ!—И будить гэтый цар описавать чарство свое усё зятёмъ своимъ гэтымъ. „Ну што, говорыть, зяти? я бдумався! говорыть. Ёсь то, каить, у которомъ чарстьви, у которомъ государстьви, стоить, говорыть, левъ ля студьни—ли колодися попростому, прыбитый на 12 ланцуговъ. А яму постоянно, якъ день, такъ ночь, шэсь чаловѣкъ воду льлють съ студьни. А ёнъ пьеть услѣдъ якъ день, якъ ночь. И ўси съ своѐ ипэрыи болѐсьти сьтягуить и зъ народу, и съ скоту. Вочань крэпко тамъ здоровы и скотъ и народъ. Коли, говорыть, вы гэтаго лёва украдитя оттуль и прыведетё мнѣ, говорыть—усё ваша! говорыть,—усё чарство ваша!—И я, говорыть, буду на ласкавымъ хлѣби тогды ужэ сядѣть у васъ!“... Ну што жъ? Яны обдумались гэто:—покуль мы доѣдимъ, дакъ дуракъ ужэ будить вѐсьги. А мы, говоруть, якъ нѐбудь у яго выморочимъ! Такъ яны узгорачилися. Ну, говоруть, застанимъ! Якъ-якъ, а застанимъ, говоруть, и лева ужэ. Забрали воська побольшы съ собой и музыку, заиграли зъ двора, и поѣхали. Тяперъ жана къ яму говорыть: ахъ, дуракъ-дуракъ, што сь тябе будить? Тольки, говорыть, ляжышъ, говорыть, у жалейку граишъ! Отъ, яны прывядуть лёва, говорыть, и усё, каить, чарство застанѐтца имъ; а мы съ тобой по кускохъ пойдимъ!“—Ахъ, каить, душка, душка! ти по кускохъ люди ня ходють? А

ўсёжъ тыки хлѣбъ ядуть! каить. Ну, ина на гэтымъ и остановилась.

Тяперъ ёнъ, подождавшы мѣсяца поўтора, ти два тамъ, надѣитца, што яны ужэ подъижжають близко къ леву къ гэтому, и говорыть: „душка! сходитка къ батьку, попроси зновъ мнѣ кобылёшки водопойныя, попробўю зновъ ѣхать по лева.“—Я не пойду, каить, боли просить, и батьки нарушать! каить. Коли хочишъ, каить,—иди пяшкомъ!—„Ну, говорыть, прощай жа! А ўжожъ пойду, хоть пяшкомъ!“ Попрощався жъ жаной и пошовъ. Отыйшовсь ёнъ скольки тамытьки, тогды—идѣ яму там выпадалося, прызвавъ своихъ лошадей къ сабѣ, усихъ трохъ на раду. Бо̀льшый лошадь отвицаить, ды сярэдьняй лошади ужэ раить, якъ што дѣлать: ѣдьтя вы! говорыть. Якъ подъѣдитя близко подъ яго такъ, говорыть, нехай ёнъ у лѣво вухо улѣзить, а ў право вылѣзить. Обѐрнитца ёнъ, говорыть, осилкомъ и чиста дзѐжа на ёмъ купечацкая. Каить: коня оставъ у лугахъ, а самъ пѣшшу иди. Къ прыйдишъ ты къ гэтой студьни, къ леву къ гэтому, такъ ты сычасъ нанимайся у гэтаго цара одинъ спаивать гэтаго лева. И гэтый левъ знаить, объ чомъ ты прышовъ. И гэтый царъ тябе наймить; потому ёнъ наймить, што у яго 12 чаловѣкъ выхо̀дить у сутки толькп воду̀ лить,—дьвѣ перамѣны. А ты наймисься одинъ; дыкъ ёнъ табѣ дужа дорого будить у годъ платить. И потомъ того у ночы нара̀дисься зъ левомъ, якъ што дѣлать, левъ табѣ нара̀дить!. Ёнъ сычасъ и поѣхавъ. Лошадь пусьтивъ у поля, самъ прыхо̀дить къ студьни, къ леву къ гэтому. „Здрастьви, говорыть, рабяты!“—Здоровъ, здоровъ! говоруть.—Ну штожъ, говорыть, рабяты: што васъ шэсь чаловѣкъ наливаитя гэто воду̀ ўсё?—Да насъ, каить, дьвѣ перамѣны. И заўсёгды, говору̀ть,—усё дванадцать чаловѣкъ у сутки выходить.—А я жъ, говорыть,—объявитя, говоруть, свойму цару: я одинъ змовлюсь поить яго.—Да, говорыть: да ничо̀го ня зьдѣлаишъ одинъ!—Да, братъ, не ваша дѣло! говорыть: я одинъ соглашусь!. Тамъ сычасъ гэтый начальникъ пошовъ и объявивъ гэто цару̀. Гэтый царъ изъ милой охвотой:—што выхо̀дить работниковъ, а то одинъ! Зьнявъ зь яго пробу: выпробу̀емъ дьни два, тогды будимъ змову дѣлать! Ёнъ сычасъ и ўзявъ съ повдня, гэто дѣло дѣлать. Ильлѐ зъ гэстаго колодися воду̀. И левъ гэтый ня могъ сьпить воды тыя. Управляющій гэтый пошовъ къ цару и говорыть: ни ўправитца, каить, левъ пить, якъ ёнъ работаить! Такъ сычасъ остановилиси яны на ночъ. Остановилиси и зговорилиси зъ гэстымъ лѐвомъ. Говорыть: у моимъ чарстьви ловчэй будить, будить табѣ выгода лучча! Такъ гэтый левъ и здався. „А што жъ ты зробишъ? говорить: вить ты мяне ня торвѐшъ отгэтуль!“ Каить: „лѣзь ты у моё у лѣвая вухо, а ў правая вылѣзишъ,—обѐрнисься ты богатырськой мухой!“ И гэто дѣялося у двападцатымъ часу, у повночь. „И ля-

ти ты, каить, у покой!. Отчинють лакеи покой и, каить, тамъ подъ ложкомъ ляжыть дѣдовській, каить, молотъ. Ты, каить, гэтый молотъ ухапи и тахти яго, говорыть, сюды!. Тольки ни зачапись нигдѣ тамъ, якъ будишъ нѐсьти сюды!“ Ёнъ такъ и зьдѣлавъ. Сычасъ обярнувся мухой и ўлятѣвъ у покой. Такъ сычасъ царъ угадавъ: ахъ, каить: сычасъ нѐйди, каить, богатырська̀я муха зазьвинѣла, каить. А ёнъ сычасъ подъ лѐжакъ сѣвъ—муха гэта. Потомъ того, якъ ухапивъ ёнъ гэтый молотъ—лакеи покой отчинили: вячѐру давали. Якъ ухапивъ молотъ гэтый съ подъ ложка, якъ зачапився за што тамъ, за сухветъ—и завалився увесь палацъ гэтый, и побивъ усихъ тамъ. Принёсъ къ гэтотому къ леву, у право вухо ўлѣзъ, у лѣво вылязъ,—обярнувся молойцомъ, чистымъ такимъ, што... Ухапивъ, ланцуги потбивавъ, лошадь свою гукнувъ къ сабѣ, ускочивъ на лошадь и поѣхавъ у свою сторону. И лева повёвъ. Тяперъ ёнъ знаить тоя, што недалёко ѣдуть швагры яго ужэ по лева. Ёнъ тогды лошадь пусьтивъ у поля, типлушкѐ расклавъ, лева прывизавъ на ланцугу, а самъ на боку лёгъ, и граить у жалейку. Ѣдуть яго швагры, увидили гэтый дымъ. „А отъ, якразъ, кажуть, лева вядеть дуракъ нашъ!“ На лакея говоруть:„ иди, закуры трубку, говоруть, посмотры: нипрымѣнно ёнъ вядеть лева!“ Лакей гэтый прыхо̀дить: здрастьви, царевичъ, говорыть.—„Здоровъ, говорыть, здоровъ!“—Позвольтя, говорыть, типялушка ўзять, пипочку закурыть?—„А можно, говорыть: за гонь, говорыть, нихто грошый ни бярэть!. Ёнъ сычасъ тяперъ, прыходить лакей гэтый: вядеть, говорыть, дуракъ лева ўжэ! Ну, радить—радить: пойдимъ, каить, просить—моить, якъ выпросимъ? „Ну што, говоруть: здрастьви, швагра!“—Здоровы, говорыть, швагры, здоровы!—Ти ты ўжэ, говорыть, вядешъ лева!“—А я, каить, свойго ўзявъ! А тамъ говорыть, ёсь боли, и вамъ будить! говорыть.—„Ай, говоруть, швагра, швагра! Дось табѣ шутить коло насъ!“ Да ну—говорыть, якѐя шутки!—„Ну, швагра! оддай намъ и гэто ўжэ!“ —О, каить: усё вамъ, да вамъ! Нехай жа я хуть одну вешцъ прывязу къ батьку!—„Ну, што хочишъ, швагра, а намъ яго спусьти.“—А, каить —што зъ вами рѐбить?—коли на сьпини выражытя по полосѣ кожы отъ шыи до пятъ, на вяршокъ, дакъ, каить, возьмитя сабѣ?. Яны гэто думали—думали, думали—думали! „А! хай рэжыть!“ говоруть: своѐ дохтора, залѣчимъ якъ небудь! своё ўсё!“ Ёнъ узявъ—дали яму—узявъ и выдравъ по полосѣ у ободвыхъ. Скрутивъ у трубочку, уклавъ у калиту ў свою. Лева отчапивъ зъ ланцугомъ,—оддавъ имъ наруки—вядитя! каить. А самъ остався тамъ. Отвяли отъ яго лева гэтаго, моить, вярсты дьвѣ, ти тры, тогды лошадь прызвавъ, ускѐчивъ и поѣхавъ на лошади. Подъижжаить —зъ лошади, своё диянья надѣвъ—што отъ жаны отхо̀дивъ—идеть теразъ дворъ, у жалейку играить!—„О, каить: дурань ужэ идеть!—За

тры дни по лева сходивъ. И куды, каптъ, понинатца ужо, пяшкомъ ходить! Коня, каптъ, не далй яму! А жана плачитъ: отъ, каптъ, пустосмѣшникъ ты: тольки, каптъ, сьмяютца люди коло тябе! Ись твоёй, каптъ, работой.— Ну што, говорытъ: хай сьмяютца! ня усимъ жа, каптъ, плакать: кому трэба сьміятца, кому трэба плакать!—„А отъ жа, каптъ, отецъ имъ чарство попишытъ, а намъ и ня будитъ ничого!“—А хай, каптъ: усё жъ и на насъ успомнитъ!—коваложъ якей зямли дась!—„А, тольки, каптъ—ты на гэто, каптъ, и одбаешь!“—Отъ, сычасъ тутъ, иразъ мѣсяцъ вядутъ лева изъ музыкой. И тутъ радосьти такея, сустракаютъ ихъ тутъ. Божа! собралося тутъ народу, купцовъ тутъ, съ усихъ—лядѣть гэтаго дива, якей ёнъ, гэтый левъ, звѣръ.

И справивъ гэтый царъ баль. И трэба ужэ описавать своимъ зятёмъ чарство яго. По коньчаньни гэтый бали—описка ужэ. Тяперъ ёнъ, царъ, на дочку каптъ: „сходи ты по свойго дурня, каптъ—чаму ёнъ ня йдетъ?“ —А ёнъ икъ имъ ня йдетъ, ёнъ у своей комлати. Прыходитъ. „Ну, чаго ты? каптъ: ишовъ ба ты послухавъ рацоту, якъ тамъ, на якомъ ты сусованьни будишъ жыти?“ Пошовъ ёнъ, за печь залѣзъ, да й стоитъ за печчу. О, тяперъ па ихъ: ну, каптъ, зяти—собирайтися! говорытъ. „Отъ, говорытъ: я у васъ застаюсь на ласкавымъ хлѣби жыть, а вамъ здаю усё своё чарство!.“ А ёнъ откпцаптъ: а мнѣ што, татулька, будитъ?—„А табѣ? штожъ табѣ будитъ? Ничого табѣ ня будитъ?. За печчу не зароблятоть, каптъ. Хто трудитца на сьвѣти, каптъ, тэй тоя и мапть!“ Ёнъ тогды: а якея ихъ, говорытъ, татулька, труды? Поляди, каптъ, татулька: ти ёсь у ихъ на погахъ по пальцу за сьвинку? каптъ. Сычасъ сапоги доловъ зьдѣли, посмотрать—ажны у ихъ нима по пальцу. А ёнъ тогды съ калиты шавэль—шавэль! пальцы тыя вынивъ. „Во гэто, каптъ, одного палецъ, а гэто другого. Тяперъ, каптъ, тата: поляди у ихъ, за кобылицу: ти ёсь у ихъ на руцэ пальцы?“ Вынивъ тыя пальцы: „у гэто, говоритъ, одного палецъ, у гэто другого—за кобылу. Отъ, каптъ, татулька: поляди, ти ёсь у ихъ сьпйны каптъ, за лева, якъ яны лева застали!“ Тогды вынивъ гэтыя кружникй, скуру,—поприкладали къ ихъ сьпинамъ—ихъ скура! „А штожъ яны, каптъ, татулька: прывялй яны кобылицу. У яе жъ довжно бытъ дванадцатъ жарабцовъ, а яны прывяли тольки девитъ. А дѣжъ тры йщо? А тры, говорытъ, у мяне!“ Тогды, якъ вышавъ надворъ, якъ крыкнувъ, якъ сьвиснувъ—прыбылй до яго лошади уси тры. И спусьтивъ ёнъ укучу усихъ лошадей гэтыхъ. Гэтыя лошади—такея радосьти, што сышлися укучу уси—нюхаютца! И одные шерсьти, одного росту, одного лоску—усё. Тогды гэтый царъ, за ихъ гэты ухватки, за гэтаку боль, узявъ ихъ, на коньски хвосты попрывязавъ, и на ковалки разодравъ по чистому полю. А гэтому усё чарство свое понисавъ. И тяперъ ёнъ жыветъ тамъ. И казцы гэтой конецъ.

Обчугская вол. сѣнен. у. Отъ мѣстнаго крестьянина записано мною.

54. Поповъ парубокъ.

Жила себѣ удова, во такъ, якъ бы у насъ у Сопии. И бывъ у яе одинъ сынъ. Жили яны бѣдно, и ѣсть нечаго було. Отъ, ина говорить: иди, мой сынъ—ты ужо ў лѣтахъ—ти не заробишъ ты чаго нѣбудь на пропитаньня! Ну, ёнъ пошовъ къ дяку. А ў прежнее урѣмя были деньги дороги. Приходить къ дяку. «Здрастуй!»—Здрастуй! Што жъ ты пришовъ?—,,А я пришовъ, ти не наняли бъ мяне у работники?"—Ну, мнѣ нуженъ работникъ. А ти будешъ ты вѣрно служить?—,,Буду, батюшка, старатца съ усердіемъ!"—Ну, служи! И дамъ табѣ жалованья одну денежку у годъ!—,,Ну, добря, спасибо и за сто." И остався служить, на годъ ставъ. И такимъ самымъ манеромъ ёнъ прослуживъ годъ. Дякъ даётъ яму одну денежку. Ёнъ зайшовъ икъ колодесю, къ матери не заходя, и ўкинувъ яѐ у воду и каеть: коли я вѣрно служивъ, то моя деньга будеть навярху, а ня вѣрно, то затонеть. Ина и ўтопула. Прослуживъ ёнъ яще годъ уторэй ужу. Получивъ денежку и зновъ пошовъ къ етому самому къ колодесю и ўкинувъ яѐ у воду. ,,Коли я вѣрно служивъ, каеть, то моя денежка не затонеть!" Кинувъ, а яна и ўтонула. Остався ёнъ и на третій годъ. Пошовъ и съ той денежкой къ колодесю, и бросивъ и тую у воду: ,,коли жъ я невѣрно служивъ батюшку, то пусь моя и остальная тонеть деньга, а коли вѣрно, пусь уси три подннмутца наверхъ!" Яны и ўсплыли.

Ёнъ, получёмши етыя уси три денежки у руки, пошовъ по дороги покупать товару на еты три деньги. Устрѣтивъ тряпошника, первый яму бывъ по пути. «Здрастуй!»—Здоровъ!—Ти нема ў тябе на моѐ деньги товару?—Тэй открывъ свой ящикъ, скрыню, показавъ яму разныя ленты, стужки, крали, персьни. Ёнъ посмотрѣвъ и говорить: ето не по моей торговли! Ти нема такихъ вящей, кабъ ко мнѣ принадлежало—кабъ ко храму? Тэй открывъ яму ладунъ—ящичекъ.—,,Вотъ ето мнѣ, каеть, вещь нужная и ля Бога. говорить, угодная, если я буду ўгоденъ!" И купивъ за ўси три денежки у яго ладуну. Пошовъ у чистое поля по дорози и расклавъ огенёкъ на кургони, и ўсыпувъ етый ладунъ на гонь. Етый дымокъ пошовъ подъ небеса. И услышинъ бывъ голосъ нявидимый: што табѣ надо, человѣча? А ёнъ отозвався: жалаю, говорить двѣ дудучки, кабъ могли іграть, подъ ими могли горы и лѣса плясать, и што перядъ ими стоить! Ну, и видить, што надають двѣ дудучки перядъ имъ, незвѣстно кимъ зброшено ихъ. Ну, ёнъ публагодаривъ Бога за такую посланую вещь, яму желаемую, и пошовъ. Идеть дали и приходить къ своей матери. Тая дужа узрадовалась, што увидила яго у добрымъ здоровьи и стала распрашавать: ,,што жъ ты, сынокъ,

заслуживъ, сколькн пользы мы будемъ имѣть зь естаго, што ты три годы прослуживъ?“ Ёнъ говорить: мать моя дорогая, не принёсъ сичасъ пользы табѣ, а надѣюсь скоро мѣть отъ Бога пользы. „Ну, што жъ ты дѣлавъ?“—А такъ и такъ... (Всё разсказываетъ).

Ну, поживши малое уремя, говорить: мать моя дорогая! пойду опять къ етому самому свойму хозяину служить.—Богъ благословить тябе Ну ёнъ и отправився изновъ. Приходить къ батюшку и начавъ мѣть договоръ изъ имъ, у наймы пастуховъ изъ имъ. Батюшка дужа радъ бывъ етому дѣлу—яму пастухъ нужинъ бывъ. Договорилися яны, значитца, по заслузи заплата, а расчотъ у концы лѣта Ну, ёнъ нанявъ и договоривъ, и ёнъ погнавъ у поля скотину яго. Сѣвъ на кургонушикъ и заигравъ у еты двѣ дудучки своѐ. Якъ заигравъ, дыкъ скотъ ставъ тунцувать, а тоды и лѣса, и горушки, и усё. Тунцували, покуль съ силъ выбились. Едва ёнъ ихъ пригнавъ удвору. Вѣдомо, ня пивши, ня ѣвши. Увидила ето матушка и батюшка, стали яго бранить: якъ ето ты напасьтивъ скотъ, што и боки у ихъ пустэя? Ёнъ каеть: батюшка и матушка! пораньше уставайтя и присматрійтя за мной, куды я скотъ гоняю. А у ихъ бывъ садокъ, у етаго у дяка. И возьли тута агристу дужа много. Назаутриго, ёнъ скотъ не гнавши, забралисъ мальчики изъ дяревни ворувать етый агристъ. Батюшка и матушка побѣгли у садъ, кабъ ихъ зыхватить. Пастухъ ето зьмѣтивъ и сичасъ нычàвъ у дудучки играть, а батюшка зъ матушкой давай у вагрисьти тунцувать. Ёнъ играеть, а яны танцують. Потомъ яны стали яго просить—што, здѣлай милось, оставъ. Ёнъ имъ отвѣщаеть: я три годы вамъ прослуживъ, и што вы назначали, то я бравъ, а тяперь пожалуйтя, што я стану требувать—то я вамъ оставлю. Ну, яны, батюшка сказуть:—што жъ ты желаешь?—Ну 50 р. у годъ. Батюшка согласився яму деньги отдать, а дѣло пойдёмъ доходить судомъ—што я пободрався увесь. Заплативъ деньги, и пошли на судъ. Идуть. Идуть и сустрѣкають гончаровъ на дорози Возы ихъ были тижалы, а колявины глыбоки, ня хочеть нихто зъ дороги ворочать. Батюшка кричить: вярни зъ дороги! Гончары кричать: у батюшки возъ то не тижолъ, и вы люди духовныя, вы наша видитя. положенія—тижолыхъ возовъ! Батюшка видить, што яны люди бытцомъ то ня гордыя, злѣзъ зъ воза и пошовъ къ имъ любопыствовать. А возы стоять. Потомъ яны узглянули и говорють: што у васъ, батюшка якъ бытто вы пободраны уси?—А вотъ, такъ и такъ (Разказываеть имъ все.)—«Хтожъ васъ заставлявъ у вагрисьти тунцувать?“—Когда ёнъ зайграеть, то нельзя вытримать.—Ну и тэя стали просить: пожалуста, зайграй и намъ. Ёнъ зайгравъ, яны и пошли уси тунцувать. Тунцу-

вали до тыхъ поръ, што и горшки уси чисьтенько побили на куломѣсь, и яны скачуть, и горшки, и черяпки—и усё. Скакали, скакали—покуль съ силъ выбились—просють яго ужу, кабъ переставъ. Ёнъ кажеть: а дасьтё ну петёрички, дыкъ перестану. Яны кажуть: у насъ нема, мы горшки не продавали. Ну, нехай сабѣ—вы не бязъ грошій! Яны дали яму пятёрку, ёнъ и переставъ играть. Пошли и етыя съ своей обидой. Ѣдуть—дякъ изъ матушкой и гончары. Ну й потомъ сустрѣчають дехтярёвъ. Дякъ жа мовчить ужу зъ матушкой, ну а гончары говорють: якъ жа свою обиду не расказать. «Ну, здоровъ!»—Здоровъ! Куды вы? —А, такое и такое дѣло.... (Разсказывають, какъ они плясали). Да пойграй, говорить, пожалуста, и намъ! Ёнъ ставъ играть, а яны якъ пошли тунцувать! Дыкъ и побилося и поразливалося усё чисьтенько—и уси у дёготь поудѣлылися якъ черти. Ёнъ ставъ требувать деньги, а яны стали божитца и клястца, што нема грошій. Ёнъ ихъ отпусьтивъ. И пошли уси умѣсьти на судъ. Ну, яны ужу такъ условились, кабъ никому не говорить, затрудненій ня дѣлать начальству. И пришли у губерню. И просють, кабъ доложили губерни начальнику—што больше нельзя никому етого доложить. Доложили губерни начальнику. Тэй подозвавъ къ сабѣ и сказыеть: што ето за такое за чудо зъ васъ? И хто васъ, такихъ дурнявъ заставлявъ у такія дѣла поступать! Ёнъ, говорить, зъ дрючкомъ надъ вами не стоявъ! Ниякой яму покази за ето нѣту, и вы можетя отправлятца по мѣстамъ. И я вотъ сичасъ тожа попрошу сыграть. Ну, тыя отышли, а етый говорить: удовинъ сынъ! вы мяне не довжны просить, а я довжонъ вашего приказу слушать, вы наши начальники. Ну, тутъ ужу вызвавъ ёнъ жану свою, дочерей, усихъ дятей своихъ. Нуку, сыграй! Ёнъ началъ имъ играть, яны начали уси кучкую тунцувать. До того ужу, што кричить—перестань! А ёнъ кажеть: я за музукой упярёдъ и не слыхавъ. Ну, и наградивъ яго крѣпко: „довжно быть, ты у Бога бывъ достоинъ!" А тыи такъ и пошли домовъ, безъ усякаго усяго.

С. Сопно мстиславскаго уѣзда. Отъ кр. Ив. Васьковскаго, 27 л. и гр. Запис. мною...

55. Синяя свита.

Живъ бывъ царь волшебникъ. Ставъ ёнъ кличъ кликать, вызавать охотника, штонъ узявся схуватца отъ яго. И за того, хто схуваитца, обѣщавъ выдать свою дочку замушъ и половина чарства оддать. Нашовся такёй Синяя свита—налѣво сшита—Соломенный кувпакъ. Узявся ёнъ схуватца отъ царя, а коли не схуваитца, дыкъ яго на смерть довжны сказнить. На етымъ ёнъ и расписався. С. св. нал. сшита, Сол. кувпакъ пиридъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ

вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевитъ земель у тридевятое чарство. А ў етымъ чарстьви ёсь дужа большэй лухъ. На етымъ лугу расцыпався ёнъ на три цвяты. На другѣй день царь, уставши ранѣнько, умывшись билѣнько, посмотрѣвши у свои волшебныя книги, узнавъ усё и кажитъ: „Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Збѣхъ на большэй лухъ у тридесятомъ чарстьви и расцыпався на три цвяткй разноцвѣтныхъ.—Слуги мои вѣрныи, слуги мои добрыи, идитя вы у тридесятое чарство. Ёсь тамъ дужа большэй лухъ, а на имъ три цвяткй разноцвѣтныхъ. Вы ихъ оторвитя, у платокъ завярнитя и мнѣ приняситя! Слуги и пошли. Ишли яны ти довго, ти коротко, тольки нашли тыи цвяткй, у платокъ завярнули и къ царю принясли. Тады царь пытаитъ: „А што, Синяя свита, ти схувався ты отъ мине?“ Ставъ свита царя просйтъ, кабъ дозволивъ схуватца ящо расъ. Царь дозволивъ. Синяя свита, налѣво шита, Соломенный кувпакъ пиридъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевитъ земель у тридесятое чарство. У етомъ чарстьви ёсь такей мохъ, што сверху болото, а подниздмъ бяздонная вода. Зайшовъ ёнъ у мохъ, обярнувся рыбой вокунемъ, забрався на самое дно и сядйтъ тамъ. На вутро царь, уставши раненько, умывшись бѣленько, посмотрѣвши у волшебныя книги, кажитъ: „Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Збѣхъ за тридевитъ земель, у тридесятое чарство и схувався у болоти, обярнувшись рыбой вокунемъ!“ Велѣвъ царь своимъ слугамъ ититъ ў тридесятое чарство, вычисьтитъ болото и зловитъ вокуня. Слуги такъ и здѣлали; зрубили, вычисьтили тое болото такъ, што тольки одна буза осталась поверху; закинули яны сѣти, поймали окуня, завярнули у платокъ и къ царю принясли. „Ну, што, Синяя свита, ти схувався ты отъ мине?“ пытаитъ царь. Синяя свита, налѣво шита, Соломенный кувпакъ опять ставъ проситъ царя, кабъ дозволивъ ящо схуватца. Царь и ящо дозволивъ. Синяя свита пиридъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевитъ земель у тридесятое чарство, дѣ ёсь такей дубъ, што корни у зѐмли, а макушка ў неби. Узлѣзъ ёнъ на дубъ, обярнувся иголочкой ды подъ коринку, и сядйтъ. Прилетѣла на дубъ птица Нагай, узнала, што тутъ ёсь человѣкъ, и пытаитъ: хто тутъ ёсь?—Я, кажитъ

Свита.—„А зачимъ ты забрався сюды?“—„Ды вотъ, узявся я схуватца отъ царя волшебника, ды ниякъ не схуватца.“—„А хошь, я тябе схуваю?“ кажитъ птица. Свита ставъ ее просить. Нагай птица обярнула яго пяришкой; узяла къ сабѣ подъ крыло, снесла и положила сонному царю запазуху. Вутришкомъ царь уставъ, умывся, посмотрѣвъ по волшебнымъ книгамъ и говоритъ: „Пирйдо мной стоявъ добрымъ молодцомъ; по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ; подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ: по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ; збѣхъ у тридесятое чарство. Ёсь тамытька дубъ, што корни у земли, а макушка ў неби. Забрався ёнъ за яго кору и сядитъ, обярнувшись иголочкой.“ Приказавъ царь слугамъ, кабъ яны спилили дубъ, покололи яго на дровы и сожгли. Слуги такъ и здѣлали, а Синей свиты не нашли, объ чомъ царю и доложили. Вотъ царь вышивъ на крыльцо и зовѣтъ: «Синяя свита, налѣво шита, Соломенный кувпакъ, покажися!»—Нѣ, говоритъ Свита: збяри перши вяльможей и королей, тады покажуся.“ Царь думавъ, што ёнъ тутытька, дѣ либо ли яго: кружився, кружився воколо сябе, а Свита сядитъ сабѣ у яго запазухой. Вотъ царь собравъ вяльможей и енараловъ: вышивъ на крыльцо и опять зовѣтъ: «Синяя свита, налѣво шита, Соломенный кувпакъ, покажися!»—«Нѣ, боюсь—обманешъ: Снаряжайка дочку подъ винецъ, тады и я буду.» Царь велѣвъ заложитъ у карету шасьтёрку лошадей, посадивъ у ее королевну и вышивъ на крыльцо. Удрухъ вылетѣла пяріика и стала добрымъ молодцомъ. Сѣвъ ёнъ къ королевни ў карету, и поѣхали подъ винецъ. Повиньчались и сыграли свадьбу. Царь отписавъ яму половину чарства, а по смерти и ўсё.

Городокскій уъздъ витеб. губ. Запис. уч-ца Бѣшпевая.

56. Хведоръ Набилкинъ и суправдишные богатыри.

Живъ бывъ сабѣ у воколицы шляхтицъ. Тоды примѣромъ уздумавъ ёнъ сабѣ што—убяруся я богатырёмъ! Ну, справивъ сабѣ тамъ якѣй струменъ —праведную косу замѣсть меча, полотняный шатёръ справивъ, тое—сёе, узявъ кобылёнку, сядло справивъ тамъ якое, и поѣхавъ. Ѣхавъ —ѣхавъ, пріѣзжаетъ у городъ. Глянетъ—прибита таблица. Ёнъ сицасъ узявъ, вынивъ карандашъ и сицасъ объявляетъ чесь, што у такомъ то году, такого то мѣсица, такого то числа, ѣхавъ сильный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ—ззади не догонятъ и спереду не стрѣкатъ, а стрѣвши, на колѣнки статъ и шапку зьдѣтъ ды й проздравитъ! Послѣ етого ёнъ поѣхавъ дальше по своёмъ путю. Дальше наѣзжаетъ къ етой таблицы справядливый богатырь. Глянувъ на таблицу и думаетъ самъ сабѣ: што тутъ за такѣй явився сильникъ—ниякія чутки ня було объ яго, а тутъ

ёсь. И спереду не сустрѣкать, и ззади не догонять, а стрѣвши на колѣнки стать и шапку зьдѣтьды й проздравить! Ну, тутъ етый богатырь три версты кругу давъ и яго объѣхавъ и напярёдъ ставъ, ставъ на колѣнкахъ и шапку зьдѣвъ. Тоды говорить: здраемъ—жалаемъ, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ!. Дѣ, прикажетя мнѣ, говорить, ѣхать: ти ззади, ти наперёдъ?—Ѣдь ззади, дрень! Той и поѣхавъ ззади. Ну, проѣхали яны колькп тамъ, пріѣхали къ лугу. Етый жа силный богатырь якъ пріѣхавъ, соскочивъ зъ лошади, такъ и пусьтивъ на прогулку. Такъ ина и загримѣла. Ну, а Хведоръ Набилкинъ свою пусьтивъ на ровў на лугу. Етый жа богатырь расьпявъ свой шатёръ, а Хведоръ свой шатёрчикъ. Глянеть—глянеть—идѣ жъ яго лошадь? самъ тутъ, а лошади нѣту. А йна красуеть. Тоды, перепучувавши, богатырь ставъ истрить мечъ, а Хведоръ Набилкинъ—давай и ёнъ свою косу истрить. И тая жъ мечъ истритца тихонько, а коса звônить—дзынь объ камень! Тэй богатырь и думаеть, што ето такое, што яго мечъ звенить почище моей? Тоды простояли яны тамъ два дни, на третій день приходить къ яму богатырь и говорить: „силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ! просить васъ двѣ головы—цмокъ къ сабѣ на чесь—поборотца! Ну, етый што крупной силы побивъ, а мелкый, дыкъ и щоту нема.» Значитца, ёнъ получивъ повѣстку отъ змѣя. «Дыкъ ти сами поѣдетя, ти мнѣ прикажетя?»—Ать, говорить: ты, говорить, дрень: буду я руки гадить такими пусьтиками! Богатырь той вышавъ, сицасъ свиснувъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—яго лошадь сицасъ оявляетца къ яму. А яго коло яго хôдить. Тоды сѣвъ на лошадь и поѣхавъ къ тому цмоку. А тэй ждавъ, ждавъ—нѣту, дыкъ ёнъ ужу и самъ ѣдеть. И здѣлали стрѣчу. И цмокъ тэй спрашаеть у богатыря: што ты за такêй: ти ты, говорить, Хведоръ Набилкинъ, ли ты побивъ большія силы, што и щоту нема?—Я, говорить. Слухаеть яго ужу затѣву. Подьѣхавъ и говôрить: а ты што за такая птушка?—А вотъ, говорить, подьѣжжайка поближе! Ну, богатырь вынявъ свою мечъ съ подъ сѣдла, тоды цмокъ и спрашаваеть: ну што жъ, говорить: ти будемъ битца, ти мирптца?—Нѣ, говорить, нячистая сила, ни на то я, добрый молодецъ, ѣхавъ, кабъ миритца, а на то, кабъ битца! Тоды примѣромъ ёнъ подъѣхавъ поближе. „Э, нѣ, говорить: младъ ты!“—Ну, младъ—не младъ, а будеть ладъ! Якъ двигнувъ меччу, такъ двѣ головы доловъ. Тоды сичасъ—надо жъ яму на призпакъ привѣзьти голôвы, што ўбивъ. Ну, ёнъ усторнувъ на мечъ и вязеть одну головў на признакъ. Пріѣхавъ и спрашаваеть у яго, у Хведора Набилкина: гдѣ, говорить, прикажитя головў дѣть, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ? Отвицаеть ёнъ: брось у кусть! говорить

Тамъ, нямного думаючи, наѣжжаетъ яцо быгатырь на тую таблицу. Глянувъ ны яе и думаетъ: што такое ето оявилеся? откуль ето? Ну, ѣдетъ дальши, нападаетъ на ихъ. Сицасъ злѣзъ зъ лошади и пусьтивъ. Тая и полятѣла на крусуваньня. Нямного зпоровя, пусьтёмши лошадь, и подходитъ къ Хведору Набилкину: надожъ чесь отдать. Хведоръ Набилкинъ спрашаваетъ: хто ты такей?—Я, говоритъ, богатырь!—Ну, пожалуй зъ нами умѣсьти! Ну, тэй расьпявъ свой шатёръ и занучували. Назаутрего подходитъ етый богатырь и спрашаваетъ у яго: здраемъ—жалаемъ! Вотъ проситъ васъ къ сабѣ, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ, такей и такей поганый цмокъ съ 4-ми головами повоюватца? Ти сами поѣдетя, ти мнѣ прикажатя?—Ѣдь, дрень, ты! Етый сицасъ устаетъ, свиснувъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—лятитъ лошадь. Осѣдлавъ, и поѣхавъ къ етому поганому цмоку на чесь—побитца. Сицасъ пріѣжжаетъ къ дому къ яго, а ёнъ сицасъ узнавъ, што ето ѣдетъ силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ. Выходитъ къ яму пѣшомъ и спрашаетъ: што ты ёсь за силный могучій, што ты такъ почестно и поздно ко мнѣ оявляесься?—Я Хведоръ Набилкинъ! Я пріѣхавъ къ табѣ битца.—Ну пріѣхавъ, дыкъ давай битца! Стали битца—дыкъ ёнъ яго зьбивъ, змясивъ, головы потрубивъ, узявъ сторнувъ голову на мечъ повезъ на показъ. Пріѣжжаючи, лошадь сицасъ пусьтивъ и пытаетъ: силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ: гдѣ прикажетя дѣть голову?— Брось, дрень, говоритъ, у кустъ и ту!

На третій день приходитъ первый богатырь и говоритъ: силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ! проситъ васъ такей то зьмѣй, поганый цмокъ, зъ восьмя головами на чесь, пугулять, повоюватца. Мы удвохъ зьѣздили, а вамъ таперь ѣхать.—Ну, слушаю!—Тольки, говоритъ, я сьвисну свою лошадь, и вы сядьтя на мою богатырськую лошадь и ѣдьтя къ яму!—Ничого, говоритъ: подать мнѣ мою дрень! Яны сицасъ тутъ яму засидлали яго лошадь, ну ёнъ сѣвъ на лошадь и поѣхавъ. Ѣдетъ—ôтъ, якъ мужикъ пахатъ съ сохою—прытко дужа, хвабро. А тоды тэй цмокъ ждавъ—ждавъ богатыря Хведора Набилкина и не дождався. Не дождавшись богатыря, ѣдетъ къ яму самъ. И дѣлаютъ стрѣчу на дорози. Тоды ёнъ объявляетъ яму: ти ты силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ?. Тэй мовчавъ—мовчавъ. а тоды дай утекать отъ яго. Назадъ! И не попавъ на тую дорогу, ды на другую, на глухую. И уперся у болото. Дыкъ и ёнъ свойго коня утопивъ у болото, и цмокъ и коня утопивъ и самъ утопився—вѣдомо, ёнъ тяжкій. Тоды ёнъ вярнувся назадъ—а у яго тольки головы тырчать. Ухвативъ ёнъ яго мечъ и давай головы сѣчь. Замахнувъ разъ—двѣ головы сьтявъ;

другей—яищо двѣ сьтявъ—и такъ уси восемъ головъ сьтявъ. Тоды, узявши ету мечъ на плечи, кинувъ лошадь свою у болоти, бы ня вытягнеть, и пошовъ къ богатырямъ. Пришовши къ богатырямъ, кричить: эй! сицасъ отправтесь отъ у такое то и такое мѣсто. дѣ я боровсь, и приставтя мнѣ мою лошадь и голову на признакъ—я сьтявъ уси восемъ! Тыя думають: што йто ёсь, откуль ето оказія такая? Ну, поѣхали яны туды, найшли тое мѣсто и мизь сябе дѣлають, разговоръ: мы ѣзьдимъ по сьвѣту, силу оявляемъ, а ёнъ што такей за сильный, што не являвся и мѣеть такую силу? И убивъ яго у грязь и съ туловомъ, зъ лошадью, и головы посымавъ? И чимъ ёнъ тутъ посымавъ? Глядѣть ненавошто! Коса, ды й усё тутъ. Во сила! Тоды узяли стаго коня и понясьли подъ пахою. И принесши яму примѣръ, отъявляють: дѣ голову дѣть?—Брось дрень, говорить, у кустъ!

„Ну, тяперь, говорить, господинъ Хведоръ Набилкинъ, сильный могучій богатырь, пойдемъ къ царю на чесь. Ёсь у царя Винограда три дочки, и мы женимъ васъ и будемъ слухыть вашего приказу—што скажетя, то будемъ и дѣствувать?" Обчисьтили, обхолили яго, усё поприбрали хольно, браво, и говорють: сильный могучій богатырь: якъ вамъ не совѣстно на такей лошади ѣзьдить?—Пущай сабѣ, говорить: мяне познають и у етомъ! Яны спрашавають у яго: или намъ повѣстку дать, говорють, царю, ти такъ ѣхать?—Нѣ, говорить, надо повѣстку дать. Я сицасъ напишу! Сицасъ написавъ, што такого то числа, такого то мѣсица я буду къ вамъ у сваты, къ царю Винограду.—И пославъ одного богатыря съ повѣсткой. Тоды другей богатырь спрашаеть: когда жъ мы, говорить, поѣдемъ у сваты?—А якъ повѣрнеть, говорить, тэй! Ну, сицасъ пріѣжжаеть етый богатырь отъ царя Винограда и подаеть яму повѣстку: што прошу милысьти прибыть ко мнѣ и съ своими слугами! Нядовго думаючи, ёнъ вялить сицасъ богатырёмъ своимъ прибиратца ѣхать у сваты. Отжили на лугу дыстатошно.

Ну, яны собрались и поѣхали. Якъ свиснувъ одинъ богатырь молодецкимъ посвистомъ, дыкъ ажъ горницы уси заколотились. Ну, царь Виноградъ говорить: дочки моё, говорить: выходитя къ сильному могучему богатырю Хведору Набилкину, стрѣньтя, яго со усёю благороднесьтю! Дочки тыя собрались, стрѣтили яго и пувяли яго у горницы, и много пріудовольствія дали имъ усякаго. И дивютца што ёнъ—такей, а слуги яго такея. И большая говорить: я пойду, обручуся зъ имъ! А меньшая: нѣтъ, говорить, я обручусь! А малая говорить: а кому, говорить, отецъ, царь Виноградъ, позволить, тая зъ имъ будеть и жить! Ну, споровали—споровали, большая пожелала изь имъ обручитца. Ну, а малая и сяреднія пожелали изь яго прислугами. Тольки яны побыли у госьтёхъ

три дни, на чатьвёртый день обручилися уси три—Хведоръ Набилкинъ зъ больною, одинъ богатырь съ сярдней, а тэй другёй богатырь зъ малою.

Тольки яны стали жить у царя Винограда и почувъ цмокъ—Шутъ, што етакій у яго зять съ прислугами, и оявляеть царю Винограду,—што попробуемъ, говорить, битца—хто кого перемогёть! И присылаеть повѣстку къ яму, кабъ на такое и такое число на пляцъ собратца воинство дѣлать.—Царь Виноградъ призвавъ Хведора Набилкина и говорить: ну, што, мой зяць: якъ мы будемъ распоряджатца? Силы у насъ мало, у яго у три рѣди силы боли. якъ у насъ—ужу намъ ня жить, ёнъ насъ выгонить изъ дому!—А вотъ, батюшка, говорить, царь Виноградъ сколькн у васъ ёсь шавцовъ, кравцовъ, сторялёвъ и плотниковъ—прикажитя, кабъ уси були сюды на дворъ къ намъ съ своимъ струментомъ! Ну, тутъ сицасъ царь Виноградъ приказавъ усимъ оявитца. И собралися уси чисьтенько—плотникъ съ топоромъ, шавецъ съ шильлемъ, съ копыльлемъ, кравецъ зъ ножнями съ ыгол‑ками, бондарь зъ размѣромъ, съ затором. Сицасъ царь Виноградъ и патаеть: зять мой Хведоръ Набилкинъ: што ты будешь дѣлать зь етыми зь людями?—А будемъ дѣлать деревянныхъ людей! Выставлять будемъ на пляцъ, адѣ битца. Сицасъ, дождавши того урямя, што битца, усихъ чисто повыставляли: побшили ўсихъ, подѣли и повыставили, и муницу пристроили. Ну, появку дали цмоку—Шуту: выходи бой дѣлать! Ну, ёнъ вышовъ зь людями—сколькн у яго тамъ було—зьвѣстно, зь-нстари корольки были не большэя! Тольки, примѣромъ, етый цмокъ—Шутъ глянувъ у подзорную трубку, што люди уже стоять драку дѣлать—ёнъ говорить: старайтесь, говорить, ребяты, кабъ намъ побить войську царя Винограда! Сицасъ подходють къ пляцу, давай битца. давай стрѣлять. Бивъ—бивъ—отъ ихъ ни крику, ни зыку, ни виску, ничого нѣту—вѣдомо дерево—якъ ударють, дыкъ ёнъ бурдэль—и повалитца. И цмокъ—Шутъ повыпаливъ уси запасы, и не ўбили никого. Ну, поѣдемъ, каеть, на рукопашь! Тоды пришли на рукопашь, ажны дерево. А яны стоять на тлѣти, кабъ на ихъ стрѣлъ ня йшовъ. Ну, тоды видить тое, што запасъ у ихъ вышовъ, Хведоръ Набилкинъ говорить: „ну, принятца, говорить, братцы, у щирую правду!“ Ну, тымъ тн довго—сицасъ силу тую побили, потусували и цмока—Шута у полонъ забрали і къ царю Винограду приставили налишно. Тоды царь Виноградъ говорить: ну, якъ мы будемъ, говорить дялить?—А Хведоръ Набилкинъ говорить: я, говорить, останусь у твоёмъ доми, а моѐ слуги пойдуть у царство у Шутово!—Нѣ, говорить: пущай твоѐ слуги у моёмъ доми, а ты отправляйся у Шутово царство. (Познавъ.) Тоды ёнъ поѣхавъ у тое царство и ставъ тамъ жить. И жана у яго патаетца: хто ты такѐй ёсь, и зачимъ у тя-

бе не такая сила, якъ у тыхъ прислугъ твоихъ?—А я, говорить, такей, што ня силой воюю, а розумомъ.

Записано мною въ д. Захсдаяъ рудженской вол. клим. у. Отъ кр. Степана Павлова, 80 л. неграмотнаго.

57. Сынъ продадёный.

Бывъ мужъ жъ жаною. Помѣли яны четьверо дятей. Померъ батька, померла матка, засталисъ дѣтки одны. Ну, яны коло людей кое якъ повыросли. Можеть, сынъ бывъ большій. Ставъ ёнъ у людей пытать: ти ня можно бъ мнѣ жанитца? И подстроили яму люди, што можно жанитца. Ёнъ посватався и жанився. Тяперь спрашиваеть у жаны: «жана моя милая, жана моя любая! примимъ мы зятя къ большай сястрѣ, видь мнѣ больши помочи будеть!" Тольки жъ яны такъ зрядилися, ѣдуть сваты къ тей большой. Тяперь ёнъ узнова жъ жаною говорить: мѣли бъ мы зятя принять, а тяперь сваты хорошіе: оддадимъ мы яѐ, а можа примимъ къ сярeдней. Оддали жъ яны яе, вясельля згуляли. Тольки пріѣхали зъ вясельля, ѣдуть другіе сваты къ сярeдней. Вотъ ёнъ опять жъ жаною говорить: «имѣли мы принять къ ёй зятя, ды оддадимъ и ету: тѐ были сваты хорошіе, а еты еще луччи. А можа къ меньшай примемъ!» Оддали жъ яны и ету, вясельля згуляли. Покуль зъ вясельля пріѣхали, ѣдуть третьтіе сваты. Тѐ были хорошіе, а еты еще луччіе. Тяперь ёнъ узнова жъ жаною говорить: «имѣлись зятя принять, ды то были сваты хорошіе, а еты еще луччіе: оддадимъ и ету!» И оддали. Живуть яны тоды нядѣлю, другую и третьтію самъ-другъ жъ жаною, пооддававши. Тяперь ёнъ говорить: «жана моя милая, жана моя любая! Съѣжжу я къ сёстрамъ у госьти: добро, што за добрыхъ оддали, а икая имъ жисьть, задобросьть, отьѣдаю!» Запрёгъ лошадь и поѣхавъ. Заѣхавъ къ большай сястрѣ. Дала ина яму чесьти, такія хорошія. Гуляеть ёнъ сутки, гуляеть другія, гуляеть и третьтія. Здалося яму троя сутокъ прогулявъ, ажъ прогулявъ три годы. Тяперь выправляеть яго сестра удвору: «ѣдь, мой брахнинька, ѣдь, мой родной, удвору!» Даеть яму чресло денегъ удвору, а ёнъ ёй говорить: «ахъ, моя сястрица родная, штожъ я тябе, большай сястрицы, довѣдався, хотѣлось бы довѣдатца сярeдней сястрицы!»—Ну, брахнинька мой, куды сабѣ хочешъ, поѣдешъ, тольки я тябе выправляю! Тяперь ёнъ запрёгъ лошадь, попрощався съ етою сестрою и поѣхавъ. Заѣхавъ къ сярeдней сястрѣ. Тамъ была чесь хорошая, а тутъ еще луччая. Гуляеть ёнъ сутки, гуляеть ёнъ другія, гуляеть и третьти. Здалось яму троя сутокъ, ажъ прошло три годы. Выправляеть яго сястра удвору и даеть яму чресло денегъ. „Ѣдь, мой брахнинька, удвору!"—Ахъ, моя сястрица: што я васъ двухъ сясьтёръ

довѣдався, хотѣлось бы мнѣ довѣдатца третьтей сястры.—„Ну, мой брахнинька, ѣдь куды хочешъ, тольки я тябе выправляю!“ Вотъ ёнъ пошовъ, лошадь запрёгъ, съ сестрою попрощався и поѣхавъ. Заѣхавъ жа ёнъ къ третьтей сястрѣ. Тамъ была чесь хорошая, а тутъ еще луччая. Гуляетъ ёнъ сутки, гуляетъ ёнъ другія, гуляетъ и третьти. Здалось яму троя сутокъ, ажъ прошло три годы. Тяперь выправляетъ яго сестра удвору и даетъ яму на госьтинецъ чересло денегъ. Пошовъ ёнъ, запрёгъ лошадь, подъѣхавъ подъ крылцо, простився зь ёю, поцаловався, и говоритъ ина яму: „будетъ табѣ, брахнинька, на дорози три шинки, не заѣжжай ни въ воднинъ шинкъ, а ежали тольки заѣдешъ, потеряешъ чересло денегъ!“ Поѣхавъ ёнъ. Ѣдетъ и видитъ наперади шинкъ. И думаетъ: чаго мнѣ заѣжжать? вѣдь у мяне на возу много питенья и ѣденья. Вотъ выбѣгаетъ изъ шинку шинкарь и кричитъ: „эй, добрый человѣча! Зачимъ ты насъ миновавъ? ти табѣ жаль той копейки, што бъ ты намъ её давъ? Мы бъ ёю покормилися. Ты проѣхавъ, другій объѣдетъ, а третьтій обойдетъ,—съ чаго жъ намъ житъ?“—Мусивъ ёнъ заѣхать. Выпивъ и закусивъ. Узновъ сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, цапъ—у кармани нема денегъ чересла. Ну, того уже не вернишъ, што потерявъ, поѣхавъ и думая: „ну, тенерь у другій шинокъ ни за што не поѣду!“ Пріѣжжая къ другому шинку и не взиряетъ на яго. Выбѣгая шинкарка, догоняя яго: „эй, человѣча добрый! што ты насъ обижаешъ, ти тябе бъ ета копейка добила, што бъ ты выпивъ, зьѣвъ? Вы пашитя, сѣетя, а мы зь етаго хочемъ прокормитца. Ты проѣхавъ, другій объѣдя, а третьтій обойдя!“ Мусивъ ёнъ вярнутца, заѣхавъ. Выпивъ, закусивъ, сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, цапъ у карманъ—другого чересла нема денегъ. Ну, такъ ёнъ и думая: „потерявъ два чересла денегъ, а съ третьтимъ вернусь удвору. У етый третьтій шинкъ ни за што не поѣду“. Ѣдетъ ёнъ къ шинку, не взиряетъ на яго, объѣжжаетъ. Выбѣгаетъ тожа шинкарская дочь, догоняетъ его и кричитъ: „эхъ, человѣча добрый! Зачимъ ты насъ обижаешъ? ти тябе бъ тая копейка убила, што бъ ты выпивъ, зьѣвъ? мы зь етаго живёмъ, кормимся. Ты объѣхавъ, другій объѣдя, третьтій обойдетъ,—съ чаго намъ житъ?“—Мусивъ ёнъ зайти. Выпивъ, закусивъ, сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало ѣхавъ, цапъ за карманъ—нема ни воднаго чересла денегъ. Пошкрабавъ, пошкрабавъ головку,—што потерявъ, того не вернишъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, захотѣлось яму пить. И тожъ нійдѣ воды нема, ни рѣки, ни возира, ни колодижа, нійдѣ ничого нема. Ѣдетъ ёнъ, и видитъ въ сторонѣ буцомъ криница. Пріѣхавъ, туды, такъ и ёсь—криница и трава хорошая. „Выпрягу коня, воды напъюся, конь оддыша и травы поѣсь!“ Лёгъ ёнъ оддыхать и заснувъ

Видить ёнъ во снѣ: приходить къ яму Бязсмертный Кащъ и говоря: „Што ты вѣдаешъ, добрый человѣча: оддай ты мнѣ тоя, што ты у дворѣ не вѣдаешъ, дыкъ я табѣ оддамъ три чересла денегъ.“ Думавъ ёнъ, думавъ: што я ў дворѣ ня вѣдаю? одна жана осталась! Такъ ёнъ во снѣ и отказывая: „а ўжожъ нехай сабѣ табѣ тоя, што ў дворѣ ня вѣдаю!“ Ёнъ яму сонному уклавъ три чреслы денегъ и писямцо. Проснувшись, ёнъ цапъ за карманы—и видить, што деньги опять при ёмъ, и говорить: слава Богу, што деньги вярнулись! Съ радосьтю запрёгъ коня, сѣвъ и поѣхавъ.

Пріѣжжаеть къ своёй жанѣ, и не знавъ того, што жану оставивъ беременную, и родився ў яго сынъ, и за девить лѣтъ наўчився грамоти. Яму усё казалось, што ёнъ пробывъ девить сутокъ. Подъѣжжая къ двору, яго ўстрѣчая яго сынъ и говоря: „здрастви, отецъ!“ Тоды ёнъ кусь сябе за губу, подумавъ: „вотъ кого я оддавъ, чаго не вѣдавъ!“— Узъѣхавши ў дворъ, сынъ отпрёгъ лошадь, прибравъ яго хорошенько и ўбѣгаеть у хату. Говорить яму отецъ: „вытопи ты мнѣ баню!“—Хорошо, батюшка, вытоплю! Приготовивши ўсё, говорить отцу: усё ўже готово, ступай у баню! Ёнъ пошовъ, а сынъ говорить матцы: „посмотрю я у батюшкины карманы, ти не привёзъ ёнъ мнѣ якого госьтинца?“—Поляди, мой сынокъ! Ёнъ полядѣвъ. Цапъ—три чересла нашовъ денегъ. Такъ ёнъ обрадовався стому: будеть, матушка, на нашъ вѣкъ! И нашовъ сто писямцо. „Нѣ, матушка: не радуйся стыми деньгами и пріѣздомъ батюшки: або оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кащею, яму на ўслугу.“ Такъ и заплакавъ ёнъ, заплакала мать. Приходить отецъ зъ бани, а яны плачуть. „Чаго вы, чаго вы?“—Што жъ ты не бачивши, ня видивши сына, оддавъ Бязсмертному Кащею яму на ўслугу?“ Ну, нямного побывши, выбираетца етый сынъ, прощаетца зъ маткою, зъ батькою и говорить: я пойду, только не пойду яму служить, а по волному свѣту ходить. И пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ти много—мало пройшовъ, стоить хатка при дорози. Ёнъ уходить у тую хатку, тамъ сидить дѣвка, шіить, вышиваить. „Здрастви, дѣвка!“ — Здрастви, Иванъ Ивановичъ, сильный, могучій богатырь. Куды Богъ нясеть?—„Не спрашивай, дѣвка, а дайка лучче мнѣ цебирь пива и брюсъ мыла, помытца, побѣлитца и пообѣдать“. Ина сичасъ узила, цебирь пива поставила и брюсъ мыла положила. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся, побѣлився, сѣвъ за столъ. Ина ўзила, кувалокъ хлѣба отрѣзала и кувалокъ сыру. Ёнъ сѣвъ и пообѣдавъ. „Вотъ тяперь, говорить, дѣвка, пытайся ў мяне, куды мяне Богъ нясе? Оддавъ мяне батька Бязсмертному Кащею, только я яму не пойду служить, а пойду по волному свѣту ходить“.—Ну, лягжъ ты, поддышъ не-

множко, а я выйду на крыльцо, посмотрю, ти увойдёшъ, ти не увойдёшъ отъ Бязсмертнаго Кацея! Крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ посвистомъ. Лятитъ къ ёй пташтва, што ёсь на свѣти, усн слетѣли. Теперь ина будить: „устань, Иванъ Ивановичъ, сильный, могучій богатырь, посмотри, што у мяне на дворѣ дѣетца! Ёнъ спрашиваетъ у пташтва: „ти не бачили, ти ня видили, айдѣ Бязсмертный Кацъ прибываетъ?“ Пташтва отказывая: „Мы увесь свѣтъ злётаваемъ,—Бязсмертнаго Каца нигдѣ не видали!“ Тоды ёнъ зъ дѣвкою попрощався и дальшы пошовъ. Такъ ёнъ узрадовався, што пташтва яму сказали, што яго быцъ у свѣти нема. Пошовъ дальшъ.

Ишовъ, ишовъ, ти много, ти мало пройшовъ, опять стоитъ хатка при дорози. Тамъ сидитъ дѣвка, шіитъ, вышиваитъ. Ёнъ уходить у хату: „здрастви, дѣвка-дѣвица!“—Ина отказываетъ: здраствп, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ! Куды Богъ нясетъ?—„Не спрашивайся, дѣвка, куды Богъ нясё, а дайка мнѣ цебирь пива, да брюсокъ мыла, мнѣ помытца, побѣлитца и пообѣдать немножко!“ Ина узила, цебирь пива поставила, брюсокъ мыла положила. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся, подбѣлився. Ина узяла, кувалокъ хлѣба отрѣзала, кусокъ сыру положила. Ёнъ сѣвъ за столъ, пообѣдавъ. Тяпер я табѣ скажу путь-дорогу. Оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кацею на услугу, а тольки я яму не пойду служить, а пойду по волному свѣту ходить.—Ляжь, поддышъ немножко, а я выйду посмотрю: выйдешъ, аль не выйдешъ отъ Бязсмертнаго Кащея. Вышла на крыльцо, крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ подсвистомъ. Идѣть къ ёй усё звѣрьё, што ни ёсь на свѣти. Тольки одныхъ львовъ не было. Ина будитъ яго: „устань, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ, посмотри, што у мяне на дворѣ дѣетца?“ Ёнъ уставъ и зирнувъ у вокно,—такъ и спужався, што тамъ дичь такая. „А ты не пужайся, а свойго пытайся“. Тяперь ёнъ говорить: вы по свѣту ходитя; ти не бачили, ти ня видили, айдѣ Бязсмертный Кащъ прибываетъ? Звѣрьё отказываетъ: мы увесь свѣтъ сыходимъ, а Бязсмертнаго Каща нигдѣ не видали! Такъ ёнъ узрадовався, што быцъ яго у свѣти нема. Тяперь ёнъ съ стою дѣвкою попрощався и дальшы пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ишовъ сутки, ишовъ другія,—стоитъ хатка при дорози. Тамъ сядитъ дѣвка, шіитъ, вышиваитъ. „Здраствн, дѣвка-дѣвица!“ —Здраствн, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ! Куды Богъ нясетъ? —Не спрашивайся, дѣвка, куды Богъ нясетъ, а дайка мнѣ цебирь пива и брюсъ мыла, мнѣ помытца, побѣлитца и пообѣдать немножко. Ина узила, цебирь пива поставила, брюсокъ мыла положила и кувалокъ хлѣба отрѣзала и кусокъ сыру подала. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся,

побѣлився, сѣвъ за столъ, пообѣдавъ. „Вотъ тяперь пытайся у мяне путь-дороги! Оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кащу на услугу, ну тольки я не пойду яму служить, а пойду по волному свѣту ходить!“— Ляжъ поддыпнъ немножко, а я выйду, посмотрю—увойдѣшъ, аль не увойдѣшъ ты отъ Бязсмертнаго Кащa? Ина вышла на крыльцо, крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ подсвистомъ. Идуть къ ёй уси львы, што ёсь на свѣти уси сошли. Тяперь ина будить яго: „устань, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ, посмотри, што у мяне дѣтца на дворѣ?“ Ёнъ уставъ, посмотрѣвъ въ окошко, такъ и спужався. Дѣвка отвѣцаетъ: „ты не пужайся, а у мяне пытайся!“ Тожъ ина зирнула въ окошко и видить, што трёхъ львовъ нема. Ина вышла на крыльцо, якъ свиснула, такъ листъ отпавъ. И идуть тыя три львы. Ина спрашиить: „идѣ вы ходитя, идѣ забарилися? За вами давно харчуемся?“ —Мы видь былй у работи.—„У якой жа вы были работи?“—Мы чисьтили моря Бязсмертному Кащу—яго дочкамъ купатца! Такъ ёнъ спужався. А ина кажить: „ты не пужайся, а у мяне пытайся. На табѣ клубочекъ, иди жъ ты съ етымъ клубочкомъ туды и туды, будя такоя и такоя мѣсто, дыкъ ты тамъ сядь и сиди. И будеть лятѣть одинадцать голубокъ, сядуть яны коло моря, разбярутца—и стануть дѣвки злишныя, што разлюбоватца ими. Ну штобъ яны тябе ня видили. Пойдуть яны мытца—бѣлитца, помыютца—побѣлютца, выйдуть вонъ, узновъ поодяютца и полетять. А будеть летѣть одна и тая сядя коло моря, разбярётца и ина. То дѣвки излишныя, а ета еще излишнѣй. Пойдеть жа ина мытца—бѣлитца, а ты тымъ уремямъ украдься якъ-нибудь, да украдь яе одѣяньня. Тяперь ина выйдеть вонъ, хвйтитца—одѣяньня нема. Ина тамъ туды—сюды, глядь—глядь на уси стороны—нема одѣяньня. Дыкъ ина прйдеть къ табѣ и скажить: ты мой мужъ, а я твоя жана, оддай мнѣ моё одѣяньня! Ты ёй одѣяньня оддасй. Тяперь ина одѣнетца, порхъ и полятить, а ты етымъ клубкомъ швырни, коло палца обвярни концомъ ниточки, клубочекъ зачепитца за яе, ты кончикомъ шморьгни и притянишъ яе къ сабѣ.“ Вотъ ёнъ, попрощавшись, и пошовъ по тыхъ примѣтахъ, якъ ина яму сказала. И нашовъ тоя мѣсто, идѣ яму сѣсть. Ёнъ сѣвъ й сидить. И видить—лятить одинадцать голубокъ, сѣли коло моря, сѣли, разобралися, пошли мытца—бѣлитца—дѣвки злишныя! Помылися—побѣлилися, вышли вонъ. Надѣлися и полятѣли. Видить ёнъ—лятить ще одна голубка. И тая сѣла на тоя мѣсто, разобралася, и стала дѣвка злишная: то былй пригожія, а ета ще луччая. Пошла ина мытца—бѣлитца, а ёнъ повзкомъ къ одѣжи. Якъ повзти, такъ повзти, и заволокъ къ сабѣ то одѣяньня, идѣ сидѣвъ. Ина вышла изъ воды, глядь—глядь—идѣ моё одѣяньня? Во уси стороны разглѣдила

—нема одѣяньня. Ина тутъ стала спрашивать: „хто тутъ ёсь, хто зъ мяне сосмѣявся? Чимъ ёнъ жалая, тымъ и будя, тольки оддай моё дѣяньня!"—А ёнъ усё мовчитъ. „Ежали старый, будя мой батюшка родный, ежали сярёдній—будя мой дядюшка родный; ежали холостый, будя мой мужъ вѣрный. Тольки оддайтя моё одѣяньня!"—Ёнъ тяперь отвѣсьтйвъ. Ина приходитъ къ яму и говорить: „ты мой мужъ, я твоя жана, оддай моё одѣяньня!" Ну, ёнъ и оддавъ ёй одѣяньня. Ина одѣлась, пырхъ и полятѣла. А ёнъ етымъ клубочкомъ, коло пальца ниточкою завяртѣвши, за ею шибень! и швырнувъ. Клубочекъ яё и зачапивъ. Ёнъ клубочекъ сморыгъ къ сабѣ и притягнувъ къ сабѣ яе. Ну, ина говорить: „я хитра, а ты еще хитрѣй!" Присягнули яны одинъ другому: што будя, то будя, уже не разлучатца одинъ зъ другимъ; будя добро, обоимъ будя добро, будя худо, будя обоимъ худо. „Ты къ нашаму батюшку идешъ, садись на мяне!" Ёнъ сѣвъ на яе и ина потащила яго. Прилетаютъ къ батюшкину двору. Иди жъ ты, говоря, къ мойму батюшку. Ёнъ на тябе закричитъ: идѣ ты забавився—забарився, давно надо было бытъ! А ты отказывайся, што дорога велика, обножився. Тяперь ёнъ скажитъ: „ничаго"—и будя тябе посылать на станцыю. Ты на тую станцыю ня йди. Пошлётъ ёнъ на другую, ты й на тую станцыю ня йди. Пошлётъ ёнъ и на третьтію, и на четьвёртую, и дальшы, и дальшы. И пошлётъ ажъ на двѣнадцатаю. Вотъ на тую ты иди,—то моя станцыя будя. Тяперь жа ты пойдешъ на мою станцыю, ёнъ пришлё табѣ харчи. Ты первыя харчи не ѣжъ, ёнъ пришлё табѣ другую харчу, ты и той не ѣжъ, и будетъ присылать до двѣнадцати. Ты и одинадцать не ѣжъ, а двѣнадцатаю можно съѣсть: то харча будетъ моя. Ну, такъ и вышло. Пошовъ ёнъ на двѣнадцатаю станцыю, зьѣвъ двѣнадцатаю харчу.

Прилетаетъ туды къ яму полюбовница яго и говорить: „сходи ты къ батюшку, можа ёнъ загадая што здѣлать табѣ?" Ёнъ пошовъ туды, а Кащъ говоря: завтря рано приходи ко мнѣ! Ёнъ переночевавъ и назавтря пошовъ къ яму. Пошовъ къ яму, а ёнъ сидитъ за столомъ и спрашіитъ: „што ты ко мнѣ ходишъ?" А ёнъ говоря: што ты, батюшка, велѣвъ мнѣ повутру приходитъ.—„А вотъ, штобъ ты за сеёношнаю ночь здѣлавъ цэркву, штобъ повутру звоны зазвонили, свѣчи запалились и обѣдня заслужилась!"

Прилетаетъ къ яму яго полюбовница, спрашіитъ у яго: што табѣ батюшка казавъ?—А што жъ ёнъ казавъ? Казавъ, штобъ я за сеёношнаю ночь построивъ цэркву, штобъ повутру звоны зазвонились, свѣчи запалились и обѣдня заслужилась!—Ну, ложись спать: ето усё будя здѣлано! Переночевавъ жа ёнъ, а цэрква уже готова. Посылаетъ ина яго узнова къ батюшку,—можетъ ёнъ загадаетъ табѣ дѣлать што нибудь?

Ёнъ пошовъ къ яму, а ёнъ сиди̂ть за столомъ и спрашîить: што ты ходишъ ко мнѣ?—А што жъ я хожу: ти гулять жа? можа што загадаетя, што дѣлать?—Да, хорошо. А цэркву ты здѣлавъ?—Здѣлавъ!—Охъ, не самъ ты сто здѣлавъ: которая, да которая дочка моя показавала табѣ!—Нѣ, говдря, нихто мнѣ не помогавъ, нихто не показававъ. „Ну, кабъ ты за сеѐношнаю ночь выкопавъ мнѣ канаву отъ своёй станцыи до моёй, семъ сажаней ширины и три сажни глыбины, и кабъ по ёй вода пошла, и здѣлавъ лотку и вясло, и кабъ ты прiѣхавъ по стой канави ко мнѣ!" Приходи̂ть ёнъ на свою станцыю, прилетаеть къ яму яго полюбовница, спрашîить у яго: што табѣ мой батюшка казавъ?—„А штожъ ёнъ казавъ? кабъ я за сеѐношнаю ночь отъ своёй станцыи до яго выкопавъ канаву, семъ сажаней ширины, а три сажни глыбины, и кабъ здѣлавъ лотку и вясло, штобъ по канави вода пошла, кабъ я завтря ураньни по стой канави у новой лотки прiѣхавъ къ яму!" А ина яму говдря: ложись спать, усё буде здѣлано!—Ну. переночевавъ, назавтря садитца у лотку, ина яму говдря: не грябися жъ весломъ, а грябися рубомъ, або мой батюшка скинетца щукою и проглынѐ тябе, а ты яму языкъ прирѣжъ, вотъ ты и проѣдешъ! Ну, ёнъ сѣвъ у лотку и поѣхавъ. Ажъ такъ и стало. Прiѣхавши на берегъ, усьтягнувъ ёнъ на берегъ лотку и пошовъ у станцыю. А батюшка яе бывъ у водѣ и уже за столомъ сиди̂ть. Спрашиваетца ёнъ у яго: „што ты ко мнѣ ходишъ?"—Што жъ я хожу? Батюшка жъ вялѣвъ мнѣ по новой канави у новой лотки прiѣхать къ яму!—„Охъ, не самъ ты сто дѣлаешь—которая, да которая дочка помогая табѣ!"—Нихто мнѣ не помогая, нихто мнѣ не пособляя! —„Ну, иди на станцыю, увечару ко мнѣ приходи!"—Ёнъ пошовъ на станцыю. Што ёнъ тамъ дѣлавъ, ти лежавъ, ти нѣ, а увечару къ яму пошовъ. Ёнъ тожъ сиди̂ть за столомъ и спрашîить: „што ты ходишъ ко мнѣ? Приходь завтря повутру: ежали ты узнаешъ мою большаю дочь, а свою невѣсту, я тябе буду жани̂ть, а не узнаешъ, я тябе страчу!"

Прилетая яго полюбовница къ яму. „Што табѣ батюшка казавъ?" —Што жъ ёнъ казавъ? Сказавъ: ежали я угадаю его большаю дочь, будя жанить на ёй, а не угадаю—стратя."—А йна кажить яму: „завтря ураньни батюшка призовѐть насъ усихъ къ сабѣ, здѣлаеть голубками и посыпи̂ть намъ ѣсь. А кабъ ты знавъ мяне, то я усихъ буду клювать и перепархувать зь мѣста на мѣсто. То й лови мяне!" Вотъ ёнъ уставъ повутру и пошовъ къ яму. Ёнъ сиди̂ть за столомъ и спрашîить: „Што ты ко мнѣ ходишъ?"—А што жъ я хожу? Мнѣ батюшка прикажыть угадавать своёй дочкй, а моёй нявѣсты! Ёнъ кажить: „да, ступай на тую и тую станцыю, будешъ угадавать." Покуль ёнъ порогъ переступивъ одинъ—другiй, а яны уже тамъ, и кормютца. „Ну, угадавай,

мижъ етыхъ!“ Одна похажіть и поклёвуваніть. Вотъ ёнъ и ўхапивъ яе. „Ина ваша дочь, а моя невѣста!“—„Ну, угадавъ сягодни, угадай и завтря. Увечару ко мнѣ приходи, а тяперь иди на станцыю!“—Ёнъ вечера дождавъ, а ўвечарў опять къ яму пошовъ. Ёнъ сидить за столомъ и спрашиваетца у яго: што ты ко мнѣ ходишъ? — „Што жъ я, батюшка, хожу? Увечару мнѣ батюшка вялѣвъ приходить!“ —Завтря ўраньни приходи ко мнѣ: ежали узнаешъ мою старшаю дочь, жанить буду, а не ўзнаешъ, я тябе страчу! Прилетаеть къ яму яго полюбовница: „ну, што табѣ мой батюшка казавъ?“—А сказавъ: завтря ўраньни приходи ко мнѣ; ежали узнаешъ мою большаю дочь, жанить буду, а не ўзнаешъ, я тябе страчу!“—„Вотъ, завтря якъ ты пойдешъ, увидишъ насъ двѣнадцать у батюшки, сидѣвши за столомъ. Будемъ мы дѣвками—красавицами, якъ одна, излишными, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, лицо ў лицо, и трудно будеть табѣ узнать мяне. Якъ можно гляди на мяне: у мяне сядить муха на воко, дыкъ я буду вельми махать хвартухомъ, отгонять яе.“ Ну, тяперь ёнъ переночувавъ, назавтря идеть къ отцу, а ёнъ сидить за столомъ и спрашіить: „чаго ты ко мнѣ ходишъ?“—А што жъ я хожу? мнѣ жъ батюшка вялѣвъ угадать своёй большай дочки, а моёй невѣсты.—„Да, ступай на тую и на тую станцыю, тамъ будешъ угадавать!“ Покуль ёнъ порогъ—другій переступивъ, а тамъ уже дѣвки сидять за столомъ, такія излишныя, и голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, лицо ў лицо, сидять и пѣсьни пяють. Вотъ ёнъ похаживаеть коло стола и жджеть, поглядая, которая маханеть хвартухомъ. А отецъ, стоя ззади—скорѣй! кричить. „Ну, ўгадавай!“ Вотъ ина махануда хвартухомъ, а ёнъ цапъ за яе: „вотъ ваша дочь старшая, а моя невѣста!“—Ну, угадавъ сягодни, угадаешъ и завтря. Ступай на станцыю, а ўвечарў ко мнѣ приходь! День днювавъ, и ўвечару къ яму пошовъ. Приходя къ яму, а ёнъ сидить за столомъ. „Што ты ко мнѣ ходишъ?“—А што жъ я хожу? мнѣ батюшка вялѣвъ увечару приходить. „Да, завтря повутру ежали ты угадаешъ мою большаю дочь, а свою невѣсту—жанить буду, а не ўгадаешъ—тябе страчу!“ Приставтъ къ яму яго полюбовница и спрашіить: „што мой батюшка табѣ казавъ?“—Што жъ ёнъ мнѣ казавъ? Казавъ—завтря повутру приходи ко мнѣ, ежали ты угадаешъ мою старшаю дочь, а свою невѣсту, жанить буду, а не ўгадаешъ, я тябе страчу!—„Ну, вотъ жа мы пойдемъ завтря къ яму, поставить ёнъ одинадцать молодицъ, а мяне тамъ не будя. И скажа: угадавай мижъ етыхъ! А ты скажи яму: „нѣ, батюшка, мижъ етыхъ нема вашай большай дочки, а моёй невѣсты. Ёнъ скажа: якъ нема мижъ етыхъ? у мяне большы нема! А ты и ў другій разъ скажи, што нема тутъ вашай большай дочки, а моёй невѣсты. Ёнъ скажа: до-

сюль жа ты угадававъ, ну и живъ со мною, а тяперь не угадавъ, ну й голову табѣ съ плечъ!. А ты скажи яму: смерть мнѣ, дыкъ смерть, а пусьти мяне, батюшка, перядъ смертю по твоихъ покояхъ покрасуватца. А ёнъ скажа: а й правда: скольки живѐ со мною, а моихъ покоевъ ще ниразу не видавъ, — хай покрасуетца перядъ смертю. Вотъ я въ одномъ такомъ то и такомъ покою буду сидѣть у запечку вельми поганою старухою, такъ што табѣ гадко будеть на мяне глядѣть, покой етый будеть запёртый и тябе не пусьтють туды. Дыкъ я кашляну, а ты спроси: хто жъ ето еще тамъ сидить ды кашляеть? Яны табѣ скажуть: тамъ у насъ сидить старая — престарая старуха, кашляеть. А ты скажи: треба поглядѣть. Ну, яны тябе и пустють: „идѣ ёнъ, увидивши злишныхъ красавицъ, узглянить на яе!“ Вотъ, ты якъ увойдешъ, дыкъ ня гребуй, а пойди ко мнѣ и сморьгни мяне за праваю руку и скажи: „што жъ вы брешитя! ето жъ ваша большая дочь, а моя нявѣста!“ Дыкъ была я злишная красавица, а то еще позлишнѣю.“ Ну, такъ усё и вышло. Нечего Кащу дѣлать, надо яго жанить зь ёю! Сійчасъ заручины згуляли, повялй у цэркву и звинчали, гучное вясельля было.

Жили жъ яны тамъ зъ недѣлю ти зь двѣ, любовалися собою. Тяперь ина говорить яму: „Мужъ мой милый, мужъ мой любый! сходи къ мойму батюшку и спроси ў яго, ти ни загадаеть табѣ што — нибудь здѣлать?“ Ёнъ пошовъ къ яму, а ёнъ сидить за столомъ и спрашиить: што табѣ треба, чаго ты ко мнѣ ходишъ?—А што жъ я хожу, батюшка? ти гулять жа мнѣ? Можа што загадаетя дѣлать?—Да, гулянаго хлѣба нѣту, треба што робить! Вотъ што! ёсь у мяне жеребецъ нѐукъ: штобъ ты мнѣ яго поўчивъ! Приходить ёнъ къ жанѣ. „Ну, што табѣ мой батюшка казавъ?“—Ничого худого не казавъ, а тольки сказавъ, што у яго жеребецъ—неукъ, дакъ кабъ яго поўчивъ.—Мужъ мой милый, мужъ мой вѣрный! якъ ты ничого не знаешъ худого, то ты думаешъ, и мой батюшка ничого худого не сказавъ. Жеребецъ жа етый и ёсь мой батюшка; ёнъ имъ скинитца, и якъ ты прийдешъ къ яму, дыкъ ёнъ и проглынеть тябе. Побѣгла ина скорѣй у городъ и купила двѣнадцать пудовъ зилѣза и скувала яму булаву у двѣнадцать пудовъ и говорить: на, попробуй; ежели ета булава будеть табѣ лёгка, живы будемъ, а тяжка—пропали мы! Ёнъ узявъ яе на мѐзинецъ и мотаеть ёю, якъ соломинкою. „Ну, завтря ты пойдешъ къ яму, булаву ету сховай подъ праваю полу, а лѣвою рукою отчиняй ворота; якъ ты тольки отчинишъ, такъ ёнъ раскрывши ротъ къ табѣ, а ты яму булавою тряпляй мижъ ушми ударить; дыкъ ёнъ на колѣнки упадеть, а ты хватайся садитца на яго и поѣжжай. Якъ жа ёнъ тоя прочухая, што

ты яго тяпнувъ, дыкъ будя старятца подъ ноги тябе подбить. Ну, дыкъ ты узновъ яго помижъ вушъ тяпни. Будя тябе ёнъ носить—носить, а дылй начнѐ скидать тябе, кабъ ногами прытоптать, ну, ты узновъ яго тяпни помижъ вушъ!" Ну, назавтряго пошовъ ёнъ къ Кащу. Тэй и понёсъ яго.—Носивъ—носивъ, и увёзъ у такую багну, што одны вушки тырчать. Думавъ ёнъ, думавъ, што тутъ дѣлать? Багна вельми вяликая, вытащить яго ниякимъ родомъ нельзя. Вотъ ёнъ узявъ, одно воко выколовъ и одно вухо отрѣзавъ, штобъ было што несьти батюшку на примѣту, што жеребецъ затопився.

Приходить ёнъ къ жанѣ, переночевавъ зь ёю, усё хорошо, якъ слѣдуеть. Навутро жана говорить: сходи къ моиму батюшку, можа ёнъ загадаеть што дѣлать? Ёнъ и пошовъ. Приходя къ яму, а ёнъ сидить за столомъ и спрашіить: „што ты ко мнѣ ходишъ? А жеребца выучивъ?"—Што жъ, батюшка, учивъ—учивъ, да ёнъ якъ увёзъ мяне у такую багну, што ниякъ нельзя было яго вытянуть,—одны вушки тырчать! —„Ну, надо было табѣ якую признаку узять, а то я не повѣрю. Можа ты продавъ яго?"—„Нѣ, батюшка, я узявъ!" И вынимая яму воко. Ёнъ приложивъ къ сабѣ, яно и зраслось; вынувъ вухо — и тоя зраслось. „Ну, ступай на станцыю, а увечару ко мнѣ приходь!"—Вотъ, увечару ёнъ собираетца ити, а жана яму говорить: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! на табѣ булку хлѣба и кусокъ сала. Досюль табѣ ворòты были отчинены, а тяперь будуть зачинены. Дыкъ ты прийди къ ворòтамъ и скажи: „милыя моѐ ворòты, успусьтитя мяне на дворъ." И у петники имъ сала кидѐль! Ворòты и отчинютца. Узойдешъ жа ты на дворъ, кинутца къ табѣ собаки: яны тябе разорвуть. А ты имъ булку хлѣба кидѐль. Покуль яны яѐ зьѣдять, а ты утячешъ. Або мой батюшка усё ето будеть самъ, и воротами и собаками!" Ну, такъ усё и было. Приходить ёнъ у комнату, а батюшка уже сидить за столомъ. „Чаго ты ко мнѣ ходишъ?"—А што мнѣ батюшка вялѣвъ увѐчари приходить.—„Завтря повутру приходитя ко мнѣ удвохъ жъ жаною!" Приходить ёнъ къ жанѣ. „Ну, што табѣ мой батюшка казавъ?"—А казавъ, кабъ мы завтря удвохъ пришли къ яму. — „Мужъ мой милый, мужъ мой любый! якъ ты одинъ ходивъ, то мы были обоя живы, а якъ пойдемъ удвохъ, то помирать намъ! Давай лучче утячòмъ къ твойму отцу!"

Вотъ, яны сичасъ выбралиси, поклала ина своѐ рукавички на столъ и дала имъ своё ймя, и пошли науходъ, а двери замкнули. Кащей ждавъ, ждавъ, не дождався, и посылая за ими: чаго яны ня йдуть? Пришовъ посолъ къ дверямъ: брязь-брязь по замку: „эй, сичасъ идитя, батюшка приказуя!" Рукавички отказують: сичасъ идёмъ! Кащъ пытая у посла: чаму яны ня йдуть? Ёнъ отказуя: „сичасъ, говорили,

прйдемъ!“ Ёнъ ждавъ, ждавъ, не дождався, опя̄ть посылая пословъ за ими. „Ай, скорѣ̄й приходйтя, такъ батюшка приказуя!“—„Вотъ, сичасъ идёмъ!“ отвичають рукавички. Ну, посолъ и пошовъ назадъ. „Што яны? зачимъ ня йдуть?“—Сичасъ, кажуть, идуть! Ёнъ ждавъ, ждавъ: „нѣ, видно яны ня прйдуть, а треба самому йти!“ Приходя ёнъ къ дверямъ, такъ тряхъ ногою ў ихъ! Яны расчинились, ажъ тамъ яе рукавички. „А, вотъ ето хто мнѣ говорилъ! Яны пошли наўходъ. Ступайтя ўздогонъ!“ А тыя уже отъѣхали далёко. Тоды ина говоря: „мужъ мой любый! приложись къ зямлѣ, послухай: ти не шумить дуброва, ти не стогня дорога, ти нема за нами погони?“ Ёнъ прилёгъ, послухавъ, ажъ шумить дуброва, стогня дорога, гоня за ими погоня. Вотъ ина здѣлалась цэрковкой, а яго здѣлала попомъ. Гоня погоня и ўбигая у цэркву. Спрашуя ў попа: ти ня видивъ ты, ти не заходили люди сюды помолитца? А ёнъ отказуя: „я тутъ вѣкъ живу, вѣкъ попомъ служу: никого не бачивъ, никого ня видивъ. Ета дорога ни заходная, ни заѣжжая!“ Етая погоня воротилась назадъ, а яны опять скинулись людями и дальшы пошли. А Кащей спрашуя у посла: „а што, бачили кого?“—Нѣ, никого не бачили, никого ня видили, тольки при дорози стояла цэрква и ў ей попъ обѣдню служивъ. И мы ў яго пыталиси—ти не заходили сюды хто помолитца Богу, дыкъ ёнъ сказавъ, што ето дорога ни заходжая, ни заѣжжая, я вѣкъ живу, вѣкъ обѣдню служу, и никого ня виджу!—„Ну, ето жъ яны самыя и ёсь! Надо было ихъ забрать! Ступайтя опять наўздогонъ!“ Опять яны пошли. А ина говоря: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! приляжъ, послухай, ти не будя шумѣть дуброва, ти не будя стогнать дорога, ти не гоня за нами погоня?“ Ёнъ послухавъ: „жана моя милая, жана моя любая: шумить дуброва, стогня дорога, гоня за нами погоня!“ Тяперь ина здѣлалась пшаницую, а яго здѣлала сторожамъ, згонять зь яе верябьёвъ. Прибѣгая погоня къ пшаницы, спрашуя у сторожа, ти не бачивъ ёнъ кого, ти ня видивъ?—„Нѣ, говоря: я тутъ съ самой вясны, и никого не бачивъ и ня видивъ: ета дорога ни заходжая, не забѣглая!“ Погоня вярнулась назадъ, а йны узновъ скинулиси людьми и дальшы пошли. Кащей спрашуя пословъ: „ну, кого вы видили?“—Никого ня видили; тольки при дорози стояла пшаница и сторожъ. Ёнъ намъ сказавъ, што никого не бачивъ, никого ня видивъ, отъ самыя вясны!—„То жъ яны самыя и были, надо было и брать ихъ! Видно вы не догонитя, надо самому йти!“ Пошовъ самъ. А жана говоря: мужъ мой милый, мужъ мой любый! послухай еще, ти не будя шумѣть дуброва, ти не будя стогнать дорога, ти не будя за нами погоня? Ёнъ послухавъ: шумить дуброва, стогнеть дорога, гоня за ними погоня! Приходють яны къ морю, и скинулась ина вуткую, а яго здѣлала сѣлязнемъ. Увидивъ ето

Кащъ и сичасъ зъ ружжа ў ихъ! А самъ и вярнувся назадъ. Яны тоды скинулись людьми и пошли.

Ишли—ишли, подходють подъ тую дяревню, игдѣ яго отецъ и мать. Подходють яны, а ў концы села стоить крыница, а коло крыницы древо яворь. Тяперь ина и говбря: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! иди ты одинъ у дворъ, а я буду коло крыницы; мнѣ неладно итти съ тобою, нихто не повѣря, што я твоя жана. Иди и смотри: твой батька богатъ, собяре увесь свой родъ, и будуть тябе часьтить. И ў тябе три сястры; отъ усихъ ты гостинцы принимай, а отъ самой меньшай не принимай, а якъ примешъ, то мяне забудешъ!“ Вотъ ина узлѣзла на яворь и сидить, а ёнъ пошовъ къ своимъ батькамъ. Тыя дужо обрадовались и на радосьти попасытили мёду, наварили пива и созвали увесь свой родъ. Пьють яны, ядуть и яго тряхтують. Гуляють сутки, гуляють другія, гуляють и третьтія. И ўсё ёнъ берёгся тыя меньшыя сястры; ина стала плакать, ну, тутъ и батьки стали яму говорить, кабъ ёнъ што нѣбудь узявъ отъ яе. Вотъ ёнъ и принявъ отъ яе ти стаканъ ти ложку. Якъ принявъ, такъ и забывся, што ў яго была жана. Прошовъ день—другій,—ёнъ такъ и ня вѣдая. Батька говбря: „надо бъ тябе, мой сынъ, жанить! Поѣдемъ къ такой и такой, богатой!“ И поѣхали. Высватали и заручины згуляли. Ну, и ўже къ вянцу. А ў батьки была челядка. И пошла ина на крыницу по воду. Пришла ина по воду, и такъ яе освятило, што ина излишна стала. И говбря сама сабѣ: „якъ я излишна стала!“ А ёй нѣхто говбря: „ты излишна, а я ще излишнѣй!“ Тая глядь, а ина знакомкою стала, да такою излишною,—на явори стоить. „Ахъ, сястрица, што ты сюды узлѣзла? злѣзь, ды ходи къ намъ, у насъ сягодьни вясельля, погуляемъ!“—Ну, добря! злѣзла ина, узяли воды и пошли, и разговариваютъ, што уволю погуляемъ. Пріѣхали зъ вѣнца, зайграла музыка, собрáлось много госьтей, стали каравай качать. А тая говбря челядцы: „я сяду у запечекъ, а ты мнѣ дай крошачку тѣста, а якъ будешъ сажать у печь, то ты й мою крошку усади!“ Ина узила и ўсадила. Погулявши, вынули каравай. И той увесь вышавъ нехорошій, сгорѣвшій, никуды не гожій—узяли да й укинули яго ў помыйницу. А съ той крошачки вышавъ такій излишный каравай, што яго на столъ положили. Довго ина заедно съ етою челядкою гуляла, покуль не стали каравай дялить. Тольки поставили молодыхъ у конецъ стола, а первая жана яго скинулась голубкою и скокъ на вокно. И пирожокъ съ хлѣба тожа скинувся голубкою и скокъ къ ёй на вокно. Сидять у пары и говорють: „слухайтя, люди—міряне, нашей проповѣди! Ти вѣдаешъ ты якъ табѣ приказывали сходить къ мойму батюшку дѣлать што-нибудь? —„Вѣдаю!“—Ти вѣдаешъ жа, мой милый, якъ ёнъ заставивъ тябе стро-

пть цэркву, канаву копать и жеребца ўчить?—„Усё я сто вѣдаю!“—Ти вѣдаешъ жа ты, мой милый, якъ мы ўтекали, якъ я была цэрковкой, пшеничкой и вуточкой?—„Вѣдаю!“—А ти вѣдаешь, якъ мы пришли къ крыницы, и я приказала табѣ ничого не брать отъ меньшай сястры? Такъ ёнъ зiрь, а на столѣ ляжать яѐ письмо. Тутъ ёнъ и закричавъ: „стойтя, сто не моё вясельля!“ Уси ўторопѣли, спужалися. „Чiя жъ сто свадьба?“—Да я жъ жанать!—„Гдѣ жъ твоя жана?“ А ёна сичасъ здѣлалась такою излишнюю, сморьгнула тую яго нявѣсту, сама стала и поцаловалась зъ имъ. Тыя уси стали кричать на яго, а ёнъ говоря: „посмотрите-ка на каравай и на яѐ письмо! Ена моя жана перзая.“ Ну, и стали свадьбу гулять.

И я тамъ на свадьби бывъ, мёдъ—вино пивъ, у ротъ не попало, хоть по бородѣ тякло.

Чериков. у. Записала учительница Горбикъ.

УКАЗАТЕЛЬ

мѣстностей, въ которыхъ записаны сказки настоящаго выпуска.

Могилевская губернія.

Бохотская вол.—№ 29.
Казимирослободская вол.—№ 51, вар. III.
с. Соино—№ 54.
Оршанскій: м. Старый Толочинъ—№ 32.
с. Высокое—№ 36.
Рогачевскій: с. Старая Рудня—№ 25.
с. Кошелево—№ 35.
д. Покать—№ 37.
Сѣнненскій: д. Петраши, высокогор. в.—№№ 13, 27.
с. Мошканы—№ 15.
д. Чудьки, рясн. в.—№ 27, вар. I.
Ряснянская вол.—№ 44.
м. Обчуга—№№ 49, 53.
с. Стовбцы, лисич. в.—№ 51.
Чаусскій с. Радомль—№ 1.
д. Черпавцы, радом. в.—№ 31.
д. Попова Слобода, радом. в.—№ 45.
д. Корчеватка, рясн. в.—№ 47.
м. Горы—№ 48.
Чериковскій: д. Плещино, малят. в.—№ 4.
с. Новая Ельня—№ 12, 57.
м. Малятичи—№ 21.
д. Киселевка, самот. в.—№ 26.
с. Самотеевичи—№ 51. вар. II.
м. Студенецъ—№ 33.
с. Палужь—№ 39.
д. Будино, братьков. в.—№ 43.
Чериковскій уѣздъ—№ 57.

Витебская губернія.

Витебскій уѣздъ: д. Обухово, селют. в.—№ 23.
Городокскій: д. Волотовки, козьян. в.—№ 17.
Вировлянская вол.—№ 18.
Козьянская вол.—№№ 30, 34.
Горковская вол.—№ 54.
Городокскій уѣздъ—№ 9, варіантъ.

УКАЗАТЕЛЬ

лицъ, записывавшихъ сказки для настоящаго выпуска.

Мною записаны: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 и вар. 1, 2, 3, 4, 53, 54, 56.

Нар. учит. Будиецкій—№ 10.
— — Барановскій—№ 17, 18.
— — Анкіевичъ—№ 20, 27 вар. I, 40, 44, 52.
— — Попретинскій—№ 23.
— — Тихоновичъ—№ 27, вар. II.
— — Васильевъ—№ 30, 34.
Нар. уч-ца Горбикъ—№ 57.
— — Бѣлинская—№ 9 вар. и 55.

Указатель предметный.